

НАПОДОБИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ МУДРОСТИ

Составитель и редактор:
Тинатин Барамидзе

НАПОДОБИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ МУДРОСТИ

**ТБИЛИСИ
2022**

Составитель и редактор: Тинатин Барамидзе

дизайн и вёрстка: Георгий Багратиони

компьютерные и операторские работы: Ламара Гоголаури

© Тинатин Барамидзе, 2022

Издательство “Некери”, 2022

ISBN 978-9941-501-13-5

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА И РЕДАКТОРА

КНИГИ – ЛУЧШИЕ ТОВАРИЩИ СТАРОСТИ,
В ТО ЖЕ ВРЕМЯ – ЛУЧШИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ЮНОСТИ.

СЭМЮЭЛ СМАЙЛС

Пересматривая старые рукописи, каждый раз привлекали наше внимание разноцветные общие тетради, которые красовались на полочках и как бы напрашивались на пересмотр, обобщение и обнародование.

Что представляют собой эти тетради и почему они нам так дороги?

В течение нескольких десятилетий, из прочитанных нами произведений, так называемые интересные для нас места, как правило, подчеркивались, а затем заносились в эти тетради. Таким образом, на сегодняшний день, насчитывается около пятидесяти таких тетрадей.

Что представляют собой эти выдержки? В большинстве случаев это отдельные фразы или целые отрывки, отличающиеся остроумием, глубиной мысли, новизной, и которые могли бы обогатить разговорную речь и кругозор читателя.

В других случаях наше внимание сосредотачивалось на главных героях произведений, как положительных, так и отрицательных, их характере и поступках, и на всем том, что может послужить примером – как жить, как преодолевать препятствия, как одерживать победу над собой и т.д.

Иной раз мы ограничивались кратким содержанием прочитанного. В другой раз содержание приводилось обширно.

А книги научно-познавательного значения, отличающиеся глубиной, новизной и в меру юмором, приводятся в изначальном виде, как говорится, от корки до корки.

Наличие среди рукописей в изобилии афоризмов, фраз, народных поговорок, высказываний выдающихся людей навело на мысль: а не посвятить ли им отдельную главу с соответствующим названием?!

Тут же родилась идея, а не расставить ли по главам и весь наш материал, учитывая тему и жанр произведений?!

Мы так и поступили. Используя в литературе уже существующие рубрики, такие, как «Книги из «Золотого фонда», «Жизнь замечательных людей» и т.д., добавив соответствующие собственные названия, получили 7 глав, которые схематически выглядят следующим образом:

ГЛАВА I. КНИГИ ИЗ «ЗОЛОТОГО ФОНДА»

ГЛАВА II. ИЗ ЦИКЛА – ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ГЛАВА III. КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ И РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА IV. ОТ ПСИХОЛОГИИ И ТЕОЛОГИИ ДО ПОТУСТОРОННЕЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА V. ОСТАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЛАВА VI. АКУПункТУРА

ГЛАВА VII. АФОРИЗМЫ И ФРАЗЫ

При пересмотре нашего материала нами было обнаружено, что некоторые фразы и отрывки, которые в прошлом казались интересными, в настоящее время воспринимаются как избитые и банальные. Это и понятно, ведь со временем соответственно меняются наши нравы и взгляды. Поэтому указанные выдержки мы не стали изымать, а оставили в изначальном виде.

Рассматриваемые произведения, главным образом, принадлежат современным авторам, как отечественным, так и зарубежным, как из периодической литературы, так и из других изданий.

Что касается классиков и их шедевров, на наш взгляд, им уделено достаточное внимание, но все же читателю может показаться, что они представлены недостаточно. В этом отношении они могут быть и правы... Этот факт легко объясним: любители книг хорошо знакомы с классическими произведениями и даже имеют их в домашней библиотеке. Соответственно, имеют возможность читать и перечитывать. Они остаются в их памяти, т.е. в подсознании на всю жизнь.

Ещё об одной детали: в единичных случаях читатель может встретить отсутствие года издания и литературного источника. Это не опечатка, а упущение автора, за что мы приносим свои извинения.

«DO UT DOES» («ДАЮ, ЧТОБЫ ДАТЬ») – это Коротенькая, но ёмкая по смыслу латинская поговорка гласит о том, что всё, что нам дается или воздается, следует отдавать, или делиться с ближними.

Итак, дорогой читатель, всё, что изложено в предлежащей книге, т.е. дано нам, считаем своим святым долгом передать или поделиться с Вами.

В случае если у читателя, ознакомившегося с нашим скромным трудом, возникнут какие-либо вопросы или замечания, автор примет их с благодарностью.

Если читатель, ознакомившись с нашей книгой, извлечёт для себя какую-либо пользу, или возникнет желание перечитать её, мы сочтем, что наша книга относится к состоявшимся.

Пользуюсь случаем выразить благодарность тем, кто принимал участие в деле издания этой книги:

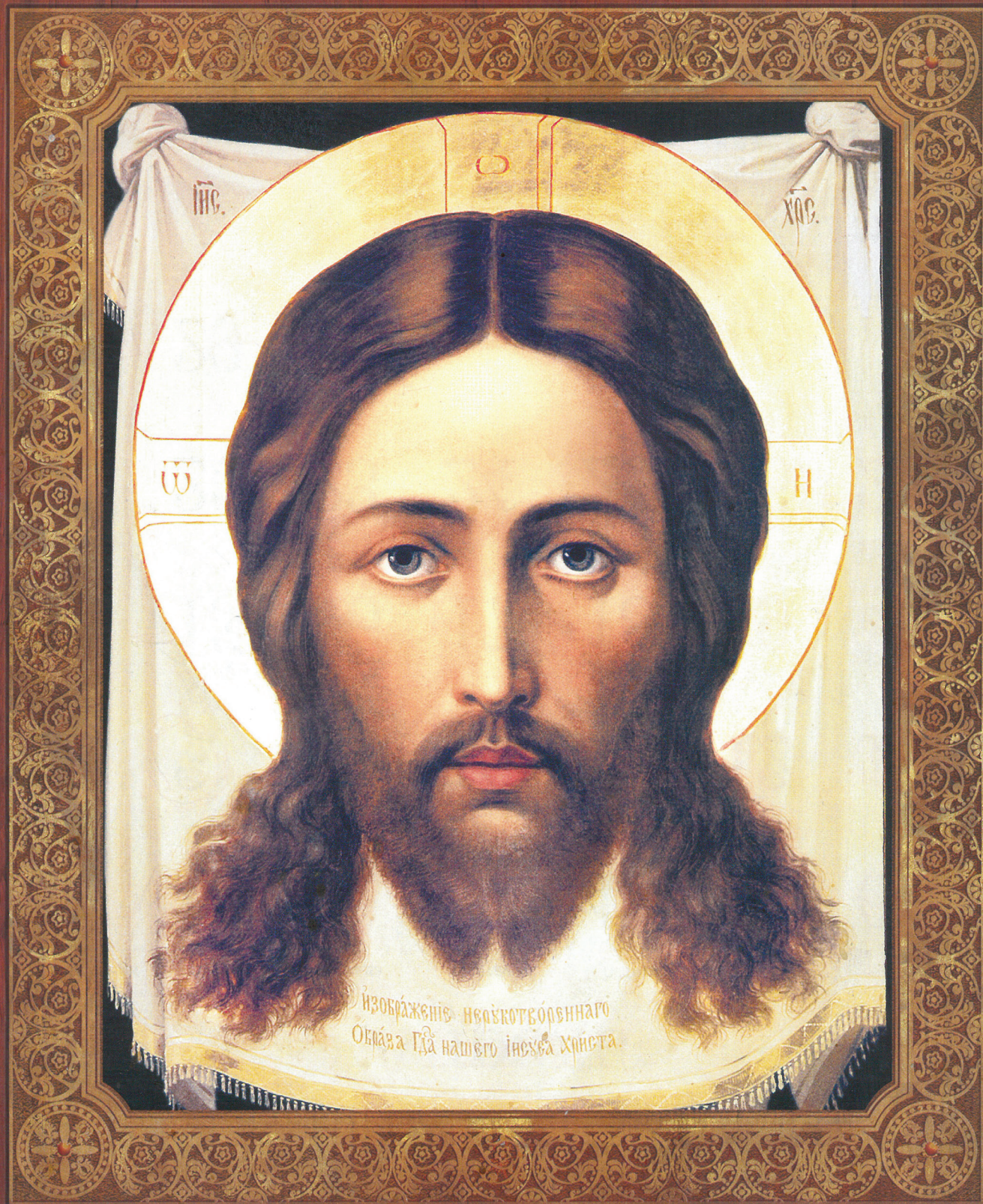
Безграничная благодарность компании «Магтикком» за деловое вмешательство.

А также, Г-н Георгий Багратиони, за изысканный дизайн и вёрстку;

Г-а Ламара Гоголаури, за профессиональное выполнение компьютерных и операторских работ.

С почтением, ТИНАТИН БАРАМИДЗЕ

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
помилуй нас, грешных!

*БИБЛИЯ – ЭТО СВЯЩЕННАЯ И НАИБОЛЕЕ
ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ ИЗ ВСЕХ КНИГ,
ЭТО ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА МОЛОДОСТИ,
ПУТЕВОДИТЕЛЬНИЦА ЗРЕЛОСТИ И
УТЕШИТЕЛЬНИЦА СТАРОСТИ*

С. СМАЙЛС

ИЗ НОВОГО ЗАВЕТА ОТЦА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

— Не искушай Господа Бога твоего.

— И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки.

— Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые;

— Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Итак по плодам их узнаете их.

— Дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя (когда женщина с того часа стала здорова).

— Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте: даром получили, даром давайте (обращение Христа к апостолам).

— Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.

— Не вы будете говорить, а Дух Отца вашего будет говорить в вас.

— И будете ненавидимы всеми за имя Моё; претерпевший же до конца спасется.

— И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне.

— Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка;

— Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит.

— Всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам;

— Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда;

Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься.

— Ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет;

— Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат и не понимают; И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит; «слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите; Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их.

— Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ХРИСТИАНСТВА

Текст по синодальному переводу Библии (Исх. 20:2—17)

- 1. Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.**
- 2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им.**
- 3. Не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно.**
- 4. Помни день субботний, чтобы святить его; Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему.**
- 5. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле.**
- 6. Не убивай.**
- 7. Не прелюбодействуй.**
- 8. Не кради.**

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

— Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение свое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною;

— Истинно говорю вам, что богатому трудно войти в Царство (Небесное), Божие.

— Один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам. И сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребренников.

Иисус сказал Петру: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня.

Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите его.

Связавши Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю.

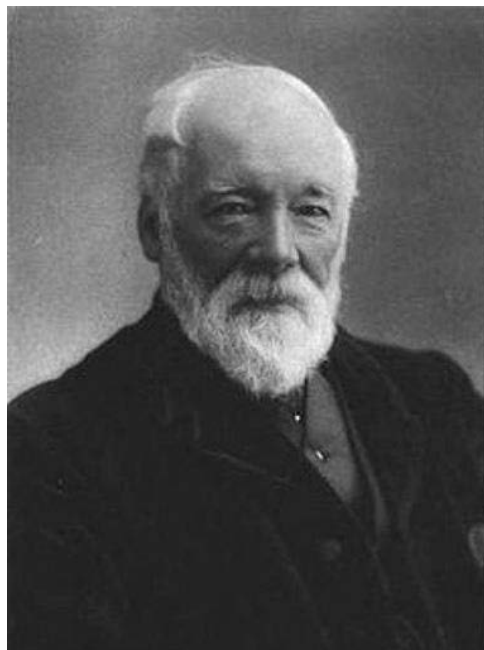
Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам. Согрешил я, предав Кровь невинную. Они сказали ему: что нам до того? Смотри сам. И бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился. Первосвященники сказали: не позволительно положить их в сокровищницу церковную, потому, что это цена крови. И купили на них землю горшечника, для погребения странников.

На праздниках Пасхи правитель имел обычай отпускать народу одного узника, которого хотели. Был тогда у них известный узник называемый Варавва. И когда они собрались, сказал им Пилат: кого хотите, чтоб я отпустил вам: Варавву, или Иисуса. Ибо знал, что предали Его из зависти. И первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить. Правитель сказал: Какое же зло сделал Он? Они еще сильнее кричали: «да будет распят». Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню. И был он там 40 дней, искушаемый сатаною и был со зверями: и Ангелы служили Ему.

ГЛАВА I. (1-4) КНИГИ ИЗ «ЗОЛОТОГО ФОНДА»

1. С. СМАЙЛС* — ХАРАКТЕР. УМ И ЭНЕРГИЯ (ЖИЗНЬ И ТРУД), в двух томах, Издание Губинского, 1897 г., СПб.

ХАРАКТЕР

Глава I. Влияние характера

Люди истинно превосходные во всех положениях жизни - люди трудолюбивые, правдивые, высоко-нравственные и строго честные – вызывают невольное уважение всех и каждого. Вера в таких людей, доверие к ним и желание подражать им очень естественны. Ими поддерживается всё хорошее и доброе в мире, а если бы их не было, то не стоило бы жить.

Если гений всегда вызывает удивление, зато характер, большею частью, приобретает уважение. Первое есть дело мозга, второе – сердца, а в общем ходе жизнью управляет сердце. Гениальные люди действуют на разум, люди с характером – на совесть, и люди перед первыми благоговеют, но за вторыми идут.

Мы всегда можем лучше понять и оценить настоящий характер человека, зная, как он вел себя с людьми, близкими к нему, и как он вел себя в простых, мелких делах домашней жизни, чем если бы мы стали изучать его общественную деятельность, как оратора, автора или государственного человека.

Есть много людей, о которых можно сказать, что у них нет ничего в свете, кроме характера, и, тем не менее, эти люди сознают себя такими же сильными, как любой венценосец.

Умственное развитие не составляет необходимой принадлежности чистоты или высоты характера. В Новом Завете встречаются постоянно обращения к сердцу человека и к его духу, а упоминания об уме – очень редко. «Горсть добрых дел, говорит Герберт – стоит четверика учености. Это не значит, чтобы ученостью следовало пренебрегать, но она должна быть соединена с добротой.

Умственные способности иногда соединяются с самою низкою нравственностью, с подлым раболепством перед людьми высокопоставленными, с высокомерием в обращении с низшими.

Человек может достигнуть высшей степени совершенства в искусствах, литературе и науке, а между тем, по честности, добродетели, правдивости и сознанию долга, его следует поставить ниже многих бедных и безграмотных крестьян.

Богатство и того меньше составляет какое-нибудь необходимое условие твердого характера. Напротив, оно гораздо чаще бывает причиною его развращения и унижения. Богатство и разврат, роскошь и пороки очень тесно связаны между собою. Богатство в руках людей слабых, лишенных самообладания, с дурно направленными страстями – искушение, ловушка и даже источник бесконечных зол, как для них самих, так и для других.

* Сэмюэл Смайлс (1812-1904) – английский врач-хирург, философ, автор нравственно-философских произведений.

Одна из наиболее светлых и благородных личностей, какую когда-нибудь случилось встретить, была личность работника в одном из северных графств. Обладая не более как элементарными сведениями несложного образования, полученного в простой приходской школе, он, тем не менее, был очень умен и рассудителен. Его библиотека состояла из Библии, «Флавелля» и «Бостона» - книг, о которых, за исключением первой, вероятно, очень немногие из числа читающих что-нибудь слышали. Покончив со своею скромною жизнью труда и молитвы, он оставил по себе память человека практически умного, искренне доброго и всегда готового принять участие в каждом добром деле. Такой чести могли бы позавидовать многие из числа более богатых и высокопоставленных людей.

Характер составляет неотъемлемую собственность человека. Это его лучшее богатство. Он приобретает человеку всеобщую благосклонность и уважение людей. Люди, у которых есть характер – хотя они, быть может, и не обогатятся земными благами – найдут себе вознаграждение в честно приобретенном уважении и вполне заслуженной доброй славе. Справедливость требует, чтобы добрые качества ценились, чтобы трудолюбие, добродетель и доброта стояли выше всего и чтобы настоящие лучшие люди были первыми.

Он (отец) наказал мне вести себя с достоинством, если бы даже у меня никогда и гроша не было; потому что без честной мужественной души никто и пинка не заслуживает.

«Ни один человек не обязан быть богатым, великим или ученым, но честным человеком обязан быть каждый» - Рудиард.

Человек без принципов похож на корабль, у которого нет руля и компаса. Он меняет свое направление с каждою переменою ветра.

— Я богаче тебя, – отвечал Эпикмет. Я не забочусь о том, что думает обо мне Цезарь, я никому не лъщу – вот мои богатства, которые заменяют мне твои золотые и серебряные сосуды. У тебя сосуды серебряные, но побуждения, правила и стремления – глиняные. Тебе кажутся малыми твои владения, мне мои кажутся великими. Твое желание ненасыσιμο, мое удовлетворено.

Добросовестность и правдивость более всякого другого вызывает уважение и приобретает доверие других. Правдивость лежит в основе всякого превосходства. Она проявляется в поступках, проглядывается в каждом слове, в каждом действии, она внушает доверие и люди могут положиться на нее. Человек еще не лишен значения в свете, если известно, что на него можно положиться, что если он скажет, что сделает, то в самом деле может это сделать и непременно сделает. Такая вера в него дает ему право на общее уважение всех и каждого.

В делах житейских имеет значение не столько ум, сколько характер, не столько мозг, сколько сердце, не столько даровитость, сколько самообладание, терпение и дисциплина, установленная рассудком.

Здравый смысл, наученный опытом и внушаемый добротою сердечною, в конце концов – та же мудрость. Действительно, доброта до известной степени неразлучна с умом, высшим умом – это соединение житейского с духовным – «Сродство ума и доброты проявляется во многом» - говорит Тейлор; что они неразлучно идут рука об руку, можно заключить не только из того, что ум делает человека добрым, но еще и из того, что доброта делает его умным».

— Его добродетели служили ему средствами к приобретению власти. Вся тайна такого влияния заключается в том, что цели таких людей всегда чистые и благородные, действуют на других с убеждающею силою.

О Шеридане говорили, что если бы он обладал твердым характером, на который люди могли бы полагаться, то он мог бы управлять миром. За недостатком характера, блестящие дарования его оказали сравнительно очень мало пользы. Он ослеплял и забавлял, но как в частной, так и в общественной своей жизни, был лишен всякого влияния и веса.

— По происхождению, связям и воспитанию вы, конечно, стоите выше меня, но что касается характера и поведения, то в этом превосходство остается за мною.

Он имел слабость, которая составляла очень серьезный недостаток, он не обладал умением сдерживать себя. В нем талант часто приносился в жертву раздражительности.

Характер вырабатывается при разных мелких обстоятельствах. Не проходит дня без того, чтобы человек не научился чему-нибудь, будь это в хорошую или дурную сторону. Нет того действия, как бы ничтожно оно ни было, которое не влекло бы за собою последствий, как нет волоска, как бы мал он ни был, который не отбрасывал бы тени.

Никогда не следует поддаваться мелочам, иначе эти мелочи, как бы человек их не презирал, на деле будут управлять им.

Человек – не создание обстоятельств, скорее он сам их создает.

«Никто не может сделать мне столько вреда, сколько я сам, - сказал святой Бернар, - и зло, которое я поддерживаю, вечно со мною, и если я действительно страдаю, по своей же собственной вине».

Гранитная глыба, ставшая препятствием на дороге слабого, послужила ступенью для возвышения сильного (Жизнь Гете).

Каждый человек не только имеет право, но и обязан стремиться к достижению характера высшего закала. Он должен стараться сделаться самым богатым не материальными средствами, но духом, быть высокопоставленным не по общественному своему положению, но по строгой честности, быть не самым умственно развитым человеком, но самым добродетельным, не самым сильным и влиятельным, но самым правдивым и честным.

В Уэллингтонском колледже решили премию присуждать не самому умному, не самому начитанному, прилежному или рассудительному мальчику, но мальчику, отличающемуся наибольшим благородством характера, подающему наибольшие надежды сделаться человеком с великою душою и высокими побуждениями.

Человек, обладающий характером, обдуманно выбирает свой путь и твердо идет по нему. Для него долг выше людского мнения, а спокойствие совести выше похвалы всего мира. Уважая личность других, он в то же время охраняет свою собственную личность и независимость.

«Если человек не может стать выше самого себя, какое ничтожество человек» (Даниэль).

Когда все элементы характера приведены в действие определенною волею под влиянием высокой цели и человек вступает на путь долга и мужественно остается на нем, хотя бы это стоило ему потери мирских интересов, то о таком человеке можно сказать, что он приближается к высшей степени своего бытия. Он проявляет характер с его самой смелой стороны и олицетворяет высшую идею мужества. Дела такого человека повторяются в жизни и действиях других. Самыя слова его живут и обращаются в действия. Так, каждое слово Лютера проносилось по Германии как трубный звук. «Его слова равнялись битвам», как выразился о нем Рихтер. Жизнь Лютера перешла в жизнь его отечества и до сих пор живет в характере современной Германии.

С другой стороны, энергия, без частности и не воодушевляемая добродетелью, может представлять собою только олицетворение начала зла.

Для идеала нравственного совершенства нет более опасного врага, как идеал высшей силы и самой энергичной жизни. Прибавьте к этому надлежащую примесь гордости, честолюбия и эгоизма и вы получите совершенный идеал дьявола. В числе людей этого закала мы встречаем величайших бичей и опустошителей мира, тех избранных негодяев, которым Провидение, в своих неиспытываемых целях допускает выполнения их призвания – к разрушению.

В их числе был Наполеон, человек громадной энергии, но лишенный принципов. Он был самого низшего мнения о людях. Люди свиньи, говорил он – которых кормят золотом. Я кидаю им золото и веду их, куда мне угодно.

Справедливость – необходимое условие для управления, как семьей, так и целым народом. Быть честным во всем, на словах и на деле, быть великодушным и снисходительным к своим врагам, к людям более слабого характера, чем мы.

Своим постоянно ровным сочувствием и добродушием Фокс (государственный человек) приобрел себе любовь и преданность людей.

Без уважения не может существовать ни веры, ни доверия, ни упования на Бога и еще менее на человека, ни общественного спокойствия, ни прогресса. Уважение та же религия, связывающая людей между собою и всех с Богом.

Человек с благородною душою действует во имя любви, но не из-за желанья приобрести любовь; он любит славу, гнушается позором, он повинуется и управляет с одинаковой охотой, потому что и то, и другое основано на уважении. В обществе он является солнцем, сияние которого дает людским шагам возможность правильного движения. Он друг людей благоразумных, пример для людей посредственных и враг порочных. Старость проявляется в нем не столько в признаках телесной слабости, сколько в укреплении душевных сил.

Энергия воли – самобытная сила, основа всякого великого характера. Там где она есть, там есть и жизнь, а где нет её – там слабость, беспомощность и уныние.

«Сильный человек и водопад – сами прокладывают себе дорогу» – гласит пословица.

Энергичный человек с благородною душою не только найдет дорогу для себя, но поведет за собою и других. Каждое его действие есть выражение его внутреннего я; в каждом действии проявляется сила, независимость, доверие к себе. А потому вызывает общее уважение, удивление и почтение. Такая неустранимость характера составляла характеристическую черту Лютера, Кромвеля, Вашингтона, Питта, Уэллингтона и вообще всех великих людей, стоявших во главе какого-нибудь движения.

Сила воли не только борется со старческими недугами, сколько отталкивает их и держит на расстоянии от себя.

Хорошее качество – неспособность долго гневаться и предаваться какому-нибудь злобному чувству. Это одно из высоких дарований.

В каждом энергичном поступке есть что-то заразительное. Мужественные люди вдохновляют слабых и побуждают их следовать своему примеру (они как бы наэлектризованы).

«Нам нужно ваше имя (письмо к Вашингтону), если вы позволите упомянуть его, оно во многих отношениях будет действеннее армии». Таково было уважение соотечественников к благородному характеру и высоким способностям их великого президента.

В некоторых случаях личный характер имеет какое-то чарующее влияние, словно люди известного закала являются орудиями какой-то сверхъестественной силы.

Дуглас убит, но его имя выиграло сражение. «Человек вполне преданный человечеству» – о Цезаре.

Люди, идущие вперед по лучшему и благороднейшему направлению, являются настоящими маяками в деле человеческого прогресса. Подобно поставленным на возвышениях огням, они освещают окружающую их нравственную атмосферу, и свет их гения долго продолжает освещать целый ряд последующих поколений.

Определение Карлэйля – всеобщая история, в сущности, есть не что иное, как история великих людей.

Вашингтон оставил о себе своей стране, как одно из величайших сокровищ, пример безпорочной жизни, великого, честного, чистого и благородного характера – бессмертный

образец своим соотечественникам для образования их характера. Но Вашингтон, как и многие другие великие вожди, был велик не столько своим интеллектуальным развитием, искусством и гением, сколько своей испытанной честностью, правдивостью, правосудием и непоколебимым сознанием долга – словом, неподдельным благородством характера.

Имена и память великих людей – приданое нации. Ни двовство, ни разорение, ни опустошение, даже не рабство, ничто не в силах лишить её этого наследия. При каждом ускорении пульса народной жизни – умершие герои встают в памяти людей и кажутся им величавыми зрителями, их присутствие выражает одобрение. Чувствуя на себе взгляд таких знаменитых свидетелей, ни одна страна не погибнет. Такие люди – соль земли, как при жизни, так и после смерти, пример их живет в стране и является постоянным поощрением и ободрением для тех, кто имеет мужество принять его за образец.

Я хочу вам показать, сказал Вальтер Скотт, несколько превосходных образцов нашего простого шотландского люда. Нельзя познакомиться с характером народа, изучая только его образованных представителей, тонких джентльменов и леди. Этим вы можете встретить повсюду и всюду они одни и те же».

Правительство, в сущности, бывает обыкновенно не лучше народа, которым управляет. Где масса нравственно здорова, добросовестна, там нация управляется честно и с достоинством. Но там, где люди порочны, себялюбивы, бесчестны, где их не связывает ни правда, ни закон, там правление неизбежно находится в руках негодяев и людей неспособных.

Политическая нравственность никогда не будет иметь прочного существования, если в основе ее лежит безнравственность отдельных лиц. Даже свободу, в руках развращенного народа, придется признать за вред, а свободу печати – не более как за безпрепятственное распространение своевольтства и поношения нравственности.

– Бедствие Франции заключается в том, что прошлого ее нельзя ни любить, ни уважать, оно не вяжется ни с ее будущим, ни с ее настоящим. Зло бесконечно и вина лежит на тех, кто обратил прошлое во что-то мертвое, из которого нельзя было извлечь никаких здоровых жизненных сил.

Подобно людям, нации очищаются и укрепляются испытаниями.

Величие народа не обуславливается его многочисленностью, хотя это последнее нередко принимается за величие. Нация может быть очень великой по своей территории, народонаселению и, тем не менее, не обладать настоящим величием. Израильтяне были народом далеко не многочисленным, однако же, как широка была жизнь, ими развитая, как могущественно их влияние на судьбы человечества. Греция была вовсе не обширна. Афины были менее населены, чем Нью-Йорк, однако, как высоко то положение, которое они занимают в искусстве, литературе, философии, и т.д.

Падение Рима приписывают общему развращению нравов его граждан, их всепоглощающей любви к удовольствиям и праздности. Труд в Риме, под конец, считался приличным только для рабов. Римские граждане перестали гордиться высокими добродетелями своих великих предков, и империя пала, утратив права на жизнь. Итак, нации, предающиеся лени и, как говорит Бертен, «охотнее теряющие фунт крови в сражении, чем каплю пота в труде» - необходимо должны умереть и уступить свое место нации более энергичной и трудолюбивой.

Величие страны обуславливается не объемом территории, но характером народа. Энергия, трезвость и трудолюбие голландцев – вот настоящие причины, почему вашему величеству стоило так много труда победить их.

Народ может казаться высокообразованным и, тем не менее, быть готовым распаться на части при первом прикосновении несчастья. Без честности характера его отдельных лиц, народ не может обладать настоящею силою, крепкой связью и прочным здоровьем. Он

может быть богатым, просвещенным и утонченно изящным, но при всем этом стоять на краю гибели. Нация, состоящая из людей, которые живут только для себя и не имеют других целей, кроме своего личного удовольствия, из людей, для которых их собственное ничтожное «я» составляет всё, такая нация приговорена к смерти и падение ее неминуемо.

Народ, переставший питать уважение к честности, правдивости, правосудию и неподкупности, не имеет права на жизнь. Если в какой-нибудь стране богатство до такой степени развратит дух, до того наполнит тщеславием народ, что честь, порядок, повиновение, добродетели и преданность очевидно отойдут в прошедшее, тогда вся надежда честных людей будет состоять в том, чтобы собравшись и взяв друг друга за руки, заняться восстановлением и возвышением личного характера, так как только им одним нация может быть спасена, если же характер действительно уже погиб безвозвратно, тогда не осталось ничего, достойного спасения.

Глава II. Влияние семьи

— Манеры делают человека; ум делает человека; семья создает человека.

— При первой улыбке, мелькнувшей на лице ребенка, вам представился случай начать воспитание ребенка.

— Фиговое дерево, глядя на другое, становится плодоносным – говорят арабы. Так и дети! Их первый и главный учитель – пример. Детство показывает, каков будет человек, так же как утро возвещает, каков будет день».

— Одна хорошая мать – говорит Герберт – стоит сотни школьных учителей. В доме она служит и магнитом для всех сердец, и полярною звездой для всех глаз. Подражание ей бывает постоянное – такое, которое Бэкон называет «целым миром наставлений», он также составляет поучение, только в виде действия, это – обучение без слов, нередко поясняющее более, чем может научить язык. Ввиду дурного примера, самые лучшие наставления имеют очень мало значения. Следуют примеру, а не наставлениям.

Самые лучшие и мудрые люди признаются, что для них величайшая радость и счастье – сидеть «среди детских головок» в неприкосновенном домашнем кружке.

Наполеон Бонапарт говорил: «Будущие хорошие или худые поступки ребенка зависят всецело от матери».

Сам он приписывал свое возвышение в жизни, в значительной мере, воспитанию своей воли, энергии и самонаблюдения, дома матерью. Никто не имел над ним власти, кроме его матери, которая умела путем нежности, соединенной со строгостью и справедливостью, внушить сыну любовь, уважение и повиновение к себе; хозяйева (конторы), прежде чем нанять на работу, всегда спрашивались о характере его матери. Если этот последний удовлетворялся, то существовала достаточная уверенность, что эти дети будут вести себя хорошо. На характер отца не обращают вовсе никакого внимания.

Наибольшая часть влияния женщин на образование характера ребенка остается неизвестной. Самые крупные триумфы женщин в этом отношении редко бывают известны.

Мы реже слышим о великих женщинах, чем о великих людях из мужчин. По большей части приходится слышать только о добрых женщинах, между тем нельзя не сказать, что направляя к добру характеры будущих мужчин и женщин, они совершают сравнительно более великое дело, чем, например, если бы написали какую-нибудь знаменитую картину, сочиняли великие книги или создавали блестящие оперы. Женщины сделали нечто гораздо большее и лучшее, чем все это: на их коленях воспитались самые честные и добродетельные мужчины и женщины – самый лучший продукт на свете.

Мать Кромвеля – женщина с редкой силой и настойчивостью характера, она обладала способностью помогать сама себе, когда помощи со стороны не было, была всегда готова

встретить самую суровую требования судьбы, хотя сила и энергия ее духа равнялись ее крепости и терпению, заботой этой женщины была безопасность ее сына в его величественной, но скользкой обстановке.

Людям, которые были мало знакомы с нею, энергия ее приемов казалась даже несколько эксцентричной.

Самоотвержение – вот девиз мудреца, это качество, пример которого показал сам Иисус Христос.

Но матеря могут иметь и дурное влияние на своего сына. Так, отличительные черты характера лорда Байрона – его мрачные порывы, презрение к сдержанности, горечь его ненависти, его беспричинный гнев – все эти недостатки в немалой степени объясняются враждебным влиянием, которое имела на него с самого дня его рождения, капризная, вспыльчивая и упрямая мать. Она даже укоряла сына за его физический недостаток, в возникавших между ними горячих ссорах ей нередко случалось схватывать кочергу или щипцы и кидать их вслед за сыном, который спешил от нее убежать. Итак, писал Байрон – так как я не был научен в молодости смирить мое сердце, источники моей жизни были отравлены.

В отношении управления семьей требуется метод, аккуратность, трудолюбие, экономия, умение организовать порядок, сноровка, способность и умение сводить концы с концами, вот почему женщинам, желающим с успехом вести домашние дела, так же необходимо упражнение в привычке к занятиям, как и мужчинам, занимающимся делами торговли, промышленности или мануфактурой.

Выучите ребенка основательно арифметике и вы сделаете из него человека, потому что арифметика приучает его к аккуратности, точности, соразмерности и отношениям.

Женщина, не знающая своего дела, т.е. не умеющая управлять хозяйством сообразно с самыми простыми правилами арифметики, способна из простого невежества совершать безумства, которые могут оказаться в высшей степени вредными для ее семейного спокойствия и благосостояния.

Дары никогда не даются без цели. Творец может быть щедр в своих дарах, но он никогда не бывает расточителен.

Где женщина оторвана от семьи и дома, для какого-нибудь другого дела, там результаты всегда были пагубны для общества.

Бентам сказал, что мужчина, если бы даже захотел – не сможет отнять власти у женщины, потому что она управляет миром с «властью деспота», хотя власть, посредством которой она управляет, есть любовь.

Глава III. Товарищество и пример

«Что касается до меня, то я буду очень рад научиться у хороших людей» - Шекспир.

— Скажи, кем ты любишься, и я скажу, кто ты таков.

Любимая поговорка Бёрка – «Помнить, находить – стоять твердо».

Приобретение и утверждение за собою такой силы ума, которая могла бы вступить в состязание с владычеством привычки, может почитаться одним из важнейших результатов нравственной дисциплины.

Люди познаются по тому обществу, в котором они вращаются. Естественно, что человек трезвый не станет дружить с пьяным, изящный – с грубым, порядочный – с безпорядочным. Товарищество с людьми развратными служит доказательством низкого вкуса и порочных наклонностей, посещение их общества неизбежно ведет к унижению характера. «Разговор с такими людьми – говорил Сенека, - очень вреден, потому что если он и не приносит немедленно вреда, то оставляет вредные семена в уме и мысли, им порожденные, не оставляют нас и тогда, когда мы отошли от собеседника. Есть люди, знакомство с которыми

немедленно рождает в нас любовь, уважение и удивление к ним. Другие, напротив, с первого же знакомства внушают отвращение, презрение (значение которых не что иное, как глупость).

Живя с людьми возвышенного и благородного характера, вы почувствуете себя возвышенными и освещенными их светом.

— Живите с волками – и вы научитесь выть по-волчьи.

Ничто так сильно не сказывается на перемену в характере детей, как выбор его друзей.

Собственный пример доктора Арнольда, как пример всякого великого воспитателя, имел свойство оживлять и вдохновлять.

С другой стороны человек с дурным характером, лишенный энергии, бессознательно понижает своих товарищей и до некоторой степени лишает их достоинства.

Рёскин говорит: «Дела, порожденные злом, в свою очередь порождают зло, а то, что порождено честью и мужеством, научает нас мужеству и чести».

Сэру Эдварсу: «Я (Дели) был бы лучшим человеком, если бы продолжал жить с Вами или если бы наши тяжелые общественные дела позволили бы мне чаще с Вами видаться».

Есть люди, присутствие которых пополняет нашу нравственную атмосферу духовным озоном, освежающим и подкрепляющим наши силы, в сношениях с ними мы чувствуем себя легко, словно вдыхаем горный воздух или купаемся в сиянии благотворных солнечных лучей (о Сиднее).

— Ум и понимание его пробуждали в его сердце (Брук) желание сделать себя и других добрыми и великими, но не только на словах или по воззрениям, а на деле и в жизни.

— Шатобриан видел Вашингтона всего только один раз, но вид его вдохновил его на всю жизнь. Я чувствовал себя счастливым, говорил он (Шатобриан), от сознания, что взгляд его хотя на минуту покоился на мне. Этот взгляд оживил и согрел меня на всю мою жизнь. Есть какая-то сила даже во взгляде великого человека.

Газлини при виде портрета прекрасной женщины, сказал, что некрасивый поступок кажется невозможным в присутствии этого изображения.

Отрадно смотреть на мужественное, честное лицо.

Даже висящий в комнате портрет благородного и доброго человека составляет для нас в некотором роде общество.

Труды его возбуждают удивление (Тиндал о Фарадее), но сближение с ним возвышает душу и согревает её, «он сильный человек, но в характере Фарадея она является в соединении со скромностью, нежностью и привлекательностью».

Ревностный, энергичный человек бессознательно увлекает за собой других. Пример его заразителен и невольно вызывает подражание.

Великие умы широко распространяют свое могущество, они не только пользуются своею силой, но сообщают ее другим. Так, Данте воскресил и увлек за собою многие умы (Петрарка, Боккачио, Тасс и др.). От него Мильтон научился терпеливо переносить ужаление злословия и тяжесть годов бедствия. Байрон, думая о Данте, почувствовал желание настроить свою арфу для более высоких мелодий, чем те, на которые покушался до сих пор.

Ариосто и Тициан обоюдно вдохновляли друг друга, слава одного увеличивалась славой другого.

«Скажи, кому ты удивляешься и я скажу тебе, кто ты таков» (Сент-Бёв). Благоговейте ли Вы перед людьми честными и мужественными, правдивыми, вы сами натура чистая, правдивая и мужественная.

Одна из привлекательнейших черт принца Альберта была его всегдашняя готовность выразить свой великодушный восторг при каждой прекрасной поступке других, касалось это как малых, так и великих.

Никакое качество не приобретает человеку более друзей, как искреннее восхищение качествами ближнего. Оно указывает на великодушное расположение, чистосердечность, радушие и добросердечное признание достоинств.

Напротив того, малые и невеликодушные умы не могут чистосердечно удивляться. Их величайшее несчастье состоит в том, что они не могут признавать – и еще менее почитать – великих людей и великия дела.

Удивление ничтожных людей так же ничтожно, как и они сами. Для жабы высший идеал красоты – ея жабья красота.

Хотя Рошфуко и говорит: где-то в своих «Мыслях», что несчастье даже наших лучших друзей возбуждает в нас что-то похожее на радость, тем не менее, только очень узкие и в высшей степени низкие натуры находят удовольствие при виде неудач ближнего и чувствуют досаду, видя его успех.

Бывают люди, которые, на собственное свое горе, устроены так, что у них не хватает сердца быть великодушными. Самые неприятные люди те, которые ко всем и ко всему относятся с презрением и насмешкою. Люди такого разряда очень часто видят в успехах других, даже в успехах доброго дела, нечто похожее на личную для себя обиду. Они не могут равнодушно выслушивать похвалы другому, в особенности, если этот другой одного с ним звания. Они охотно прощают человеку его неудачи, но никогда не простят ему его умения исполнить какое нибудь дело лучше, чем они.

Недовольный критик, размышляя о своем сопернике, говорит: «если Небо благословило его такими дарами, разве я не имею причины ненавидеть его?»

Великие люди возбуждали удивление и уважение королей, как и императоров. Так, Франческо Медичи никогда не говорил с Микель-Анджело иначе, как непокрытой головой, а папа Юлий III сажал его возле себя, Карл V уступал дорогу Тициану, однажды, когда кисть упала из рук великого художника, Карл наклонился и подавая ее Тициану сказал: Вы достойны, чтобы вам служил император.

Франциск I посещал Леонардо-да-Винчи, когда тот умирал, Папа Лев X – Рафаэля на смертном одре.

Все великие композиторы отличались необыкновенной способностью признавать величие и талант друг друга. Гайдн – благоговел перед Порпорою. Он же перед Генделем, говоря о нем «Он всем нам отец». Моцарт признавал талант Генделя, говоря о нем: «Когда Гендель захочет – он поражает как громовая стрела». Бетховен приветствовал его «монархом в царстве музыки». Когда Бетховен умирал, один из его друзей прислал ему в подарок сочинения Генделя в 40 томах. Потухшие глаза Бетховена оживились и он воскликнул: «Вот, вот, где истина!». Гайдн признавал гений великих, а также молодых современников своих – Моцарта и Бетховена. Люди посредственные завидуют товарищам по делу, но истинно великие люди любят друг друга. Моцарт великодушно признавал достоинство Гайдна. Моцарт, услышав первый раз Бетховена – предсказал ему быть великим композитором.

Констебль всегда считал эпохою в своей карьере ту минуту, когда он в первый раз увидел картину Клода «Агарь». Удивление Дж. Бьюмонта к этой картине было так велико, что отправляясь путешествовать он всегда брал эту картину с собою в карету.

Великие люди никогда вполне для нас не умирают, что слова их будут часто приводиться, что на их пример будут часто ссылаться и часто их приводить, что и самая их выражения будут встречаться в наших прениях и рассуждениях.

Эти великие люди все еще говорят нам из глубины своих могил и манят нас на тот путь, по которому шли сами. Пример их вечно с нами, чтобы руководить нами, влиять на нас и направлять нас, потому что благородство характера есть вечное наследство, передаваемое из поколения в поколение и постоянно способствующее воспроизведению себя подобного .

— Жить после своей смерти в сердцах тех, кого мы покидаем – не значит умереть.

Мудрый есть наставник сотни веков, глупый становится умным, колеблющийся – решительным – китайская поговорка.

— Велик лишь тот, кому выпала на долю славная привилегия завещать такой урок и пример тем, кто за ним последует.

Глава IV. Труд

— Вставай и трудись, и будет Господь с тобою.

— Господство приобретается трудом.

— Все хорошее и высокое в человеке приобретается трудом.

— Не труд, а праздность – проклятие человека.

— Они, по-видимому, вовсе не сознавали, что нет ничего унижительнее жизни праздной и проведенной в увеселениях и ничего величественнее трудовой жизни – Александр Македонский о персидцах, после их покорения.

Последний лозунг императора Септимий Севера – «laboremus» – «мы должны работать» – ничто так сильно не способствовало поддержанию власти и распространению авторитета римских полководцев, как их постоянное и неутомимое трудолюбие.

Леность одинаково унижительна как в отдельных лицах, так и целых нациях. Леность никогда ничего не совершала и никогда ничего не совершит в мире. Леность никогда не всходила на высокую крутизну и никогда не преодолевала тех затруднений, которых могла избежать.

Праздность всегда сопровождается и всегда будет сопровождаться неудачей. Это бремя, помеха и вред, люди ей преданные – люди бесполезные, вечно жалующиеся, печальные и несчастные.

Бертен в своей книге – «Анатомия меланхолии», говорит о причинах меланхолии, как о происходящих, главным образом, от праздности. Праздность – говорит он – пагубна как для души, так и для тела, она главный источник всякого зла, мать всех пороков, один из семи смертных грехов, упование и излюбленное местопребывание дьявола...

Нравственная лень несравненно хуже физической: ум, пребывающий в бездействии, та же болезнь, нравственная болезнь, язва и яд.

Пока человек пребывает в праздном состоянии, никогда не будет доволен, никогда не будет здоров ни телом, ни душой. Постоянно больные, грустные, плачущие, ненавидящие, подозрительные, усталые, не довольные ни светом, ни людьми, они желают себе смерти или другого исхода.

— Поэтому: не поддавайся страсти к уединению и праздности. Избегай уединения и праздности.

Человека истощает бездействие, а не деятельность, которой обуславливается жизнь, здоровье и удовольствие. Дух временно утомляется, изнемогает от занятия, но праздность губит его совершенно, вот почему занятие одно из лучших лечебных средств.

Желание обладать чем-нибудь, не обременяя себя трудом для приобретения, есть признак слабости. Получить то, что стоит приобретения за соответствующую плату, есть важнейший секрет практической силы.

Труд должен предшествовать отдыху и следовать за ним. В досуге и отдыхе, которым не предшествовал труд, нельзя находить удовольствие.

Жизнь должна казаться равно противной как богатому, так и бедному лентяю, у которого нет работы или который, имея ее, не хочет её делать.

Вы не можете уйти от забот и труда – они удел всего человечества.

Где исключены высокие интересы, там мелкие обращаются в крупные.

Кто не трудится, тот не может вкушать вознаграждения за труд. Мы спим крепко, говорил Вальтер Скотт – и дни наши текут мирно и счастливо, если они заняты. Некоторое ощущение усталости всегда необходимо для полного наслаждения досугом, даже если он заработан занятием и освящен исполнением долга.

Жизнь человеческая должна измеряться количеством сделанного и прочувственного им в течение своей жизни. Чем более полезного совершает человек, чем более он думает и чувствует, тем полнее его жизнь. Праздный, а следовательно бесполезный человек, как бы долго не тянулась его жизнь, не живет, а только прозябает.

«Тот, кто не хочет трудиться – сказал апостол Павел – не будет и есть».

Даже самая простая ломовая работа лучше праздности.

«Труд, занятие и полезное упражнение – одни из величайших секретов для приобретения счастья» (французский живописец Грёз).

Вальтер Скотт был одним из самых неутомимых и трудолюбивых людей, редкий пример соединения неутомимой энергии со спокойным самообладанием духа и вообще сдержанностью, чаще встречающимся между великими государями и полководцами, чем между гениальными писателями. Он ревностно старался внушить детям важность труда, как средство быть полезными и счастливыми членами общества.

Поговоркой Вальтера Скотта была – «никогда не оставаться в бездействии», или «всегда за работой»; «жизнь без знания есть смерть».

Привычка заниматься приучает к методу. Она заставляет человека быть бережливым относительно времени и распределять её с разумной предусмотрительностью.

Хорошее управление хозяйством подразумевает трудолюбие, метод, нравственную дисциплину, предусмотрительность, благоразумие, практические способности, понимание характеров и силу организации – качества, которые необходимы для успешного ведения каких бы то ни было дел.

Чрезвычайно ограничено то воззрение, на основании которого работа считается только средством добывать пропитание. Работа отдельного человека есть часть работы человечества – та доля, которою отдельное лицо участвует в великой деятельности, делающей возможным существование.

Практические способности имеют преимущество над интеллектуальными, а нрав и привычки – над талантами.

Для Вальтера Скотта характерно было уважение к способным деловым людям. Он всегда говорил, что литературная известность человека, как бы велика она ни была, не дает ему права стать на ряду с известными в других высших отраслях практической жизни, менее же всего с первостепенными полководцами.

Вашингтон с детства усердно воспитывал себя в привычках прилежания, труда и методической работы; еще 13 лет он охотно занимался списыванием таких скучных вещей, как, например, разные формы деловых документов, и все они списаны чрезвычайно тщательно. Эта привычка, так рано приобретенная, в значительной степени послужила основанием тех изумительных деловых качеств, которые впоследствии он так удачно приложил к делам правления.

Люди, с успехом ведущие какое нибудь значительное деловое занятие, приобретают этим право на уважение и, быть может, на уважение не менее глубокое, чем какое воздается артисту, художнику, автору книги или полководцу, выигравшему сражение.

Ничто великое и прочное не было импровизировано. Только благородным терпением и благородным трудом создавались лучшие произведения гениев.

Силою обладают только люди трудолюбивые и деятельные, ленивые же всегда бывают бессильны. Миром управляют люди старательные и постоянно трудящиеся. Ни один из великих государственных людей не был человеком праздным.

«Власть королей приобретается трудом», сказал Людовик XIV.

«Быть всегда заваленным работою очень полезно для здоровья» - Пальмерстон.

Гениальный человек не может написать ничего путного о делах человеческих, если так или иначе, не находится в соприкосновении с серьезными вопросами повседневной жизни.

Первые итальянские литераторы занимались, кроме литературы, еще и другими делами; они были людьми деловыми – государственными деятелями, дипломатами, судьями и т.д. Виллани, автор истории Флоренции, был негодичант. Данте, Петрарка и Боккачио – занимали более или менее важные должности при посольстве; Галилей, Гальвани и Фарини были медиками и т.д.

Множество выдающихся поэтов и писателей занимали должности, не имеющие ничего общего с литературой. Вспомним имена Державина, Дмитриева, Ломоносова, Хмельницкого, Давыдова, Лермонтова и мн. др.

Способности спекулятивные обуславливаются энергичным мышлением; способности практические - энергичной деятельностью.

Трудолюбивый человек не замедлит найти занятия для своих досугов, и кроме того, он умеет создать себе свободное время, чего не умеет сделать ленивый человек. «Не имеет досуга тот, кто не пользуется им».

Многие из числа государственных деятелей наполняли свои досуги или искали себе утешение, когда покидали свою официальную должность, составляя труды, которые стоят на ряду с лучшими произведениями литературы. Так, «Комментарии» Цезаря до сих пор считается классическим произведением.

Не труд вреден, а вредно излишество в труде; не столько вреден труд тяжелый, сколько однообразный, скучный, безнадежный. Работать с надеждою на успех очень здорово; найти себе полезное, полное надежд в будущем занятие, одно из лучших средств быть счастливым.

Праздная жизнь, выражающаяся только в еде, питье и снание, гораздо вреднее умственной работы.

Непосильный умственный труд требует лишнего напряжения и губителен, как всякое излишество.

Глава V. Мужество

«Мы познаем людей по тому, чем они являются в затруднительных и опасных положениях» - Даниэль.

«Если выбрав благородный подвиг, ты сумеешь идти по пути к его исполнению, не колеблясь и не отступая ни перед какими препятствиями, хотя бы даже твое сердце в борьбе обливалось кровью – не унывай. Твой час настанет – ты победишь и достигнешь цели» - Макэй.

В мужестве, проявляющемся в молчаливых усилиях и стараниях, отважно переносящем всякие страдания ради долга и правды, гораздо более героизма, чем в подвигах физической храбрости, которые вознаграждаются почестями, титулами или лавром.

Каждый шаг вперед в истории человечества совершался в виду препятствий и затруднений и был совершен людьми доблестными и неустрашимыми, вождями мысли, великими изобретателями, великими патриотами и великими тружениками на всех путях жизни.

Нет той великой истины, нет того учения, которым бы не приходилось борьбою пробивать себе дорогу, подвергаясь поношению, клевете и гонениям.

В Афинах Сократ, на 72-м году жизни был присужден выпить отраву, потому что его высокое учение было противно предрассудкам и духу партии того времени. Нравственное мужество помогло ему. Умирая, он излагал свое учение о бессмертии души. Его последние слова, обращенные к судьям, были: «Теперь настало время отправляться, мне умирать, а вам жить, но кому из нас достался лучший удел – этого никто не знает, кроме Бога».

Бруно, Галилей, Везалий (изучавший строение человеческого тела) были казнены в годы инквизиции. Даже чистый и простодушный Ньютон, о котором епископ Бернет сказал, что это была самая чистая душа в мире – Ньютон, настоящий ребенок, по своей душевной чистоте, был обвинен в уничтожении Божества своим великолепным открытием закона тяготения. Подобное же обвинение было произнесено и против Франклина за его объяснение молнии и за изобретение громоотвода.

Спиноза за свои философские воззрения, считавшиеся противными религии, был отлучен от общины евреев, к которой принадлежал. По той же причине, но позднее сделано было покушение на его жизнь. Спиноза до конца сохранил свое мужество и самоуверенность и умер забытым и бедным.

Когда Гарвей обнаружил свою теорию кровообращения, его практика значительно уменьшилась, а медики объявили его безумным.

«Немногое хорошее, что мне удалось сделать в мою жизнь – говорит Дж. Гентер, совершенно было с величайшими затруднениями и было встречено сильной оппозицией».

«Мир – по словам Платона – есть божье послание».

Томас Мур, предпочитая казнь измене своей совести, добровольно взошел на эшафот.

Как у всех неподдельно мужественных людей, сила его, казалось, росла пропорционально тем затруднениям, которые предстояло ему встретить на своем пути – о Лютере. Честного и мужественного человека пугает не столько смерть, сколько позор.

«Лучше 10 тысяч смертей, чем осквернение моей совести, чистоту и непорочность которой я ценю выше всего в мире» - Дж. Эллиот.

Тот, кто не боится смерти – ничего не боится. Есть пора для жизни, и есть пора для смерти. Хорошая и благородная смерть лучше и несравненно предпочтительнее плохой жизни. Самая долгая жизнь не всегда бывает самая лучшая и полезная.

Человек слабого характера, не приученный к дисциплине, становится рабом всякого искушения. Он не в силах противостоять соблазну, но поддается ему, и если знакомые и друзья такого человека люди дурные, то их дурные примеры тем легче вовлекут его в пороки.

Воля, которая составляет сосредоточение всех сил характера, должна быть воспитана в привычках и решимости, иначе она никогда не будет обладать способностью противиться злу и делать добро.

Человек должен воспитывать себя в привычке полагаться на свои собственные силы, а в минуты затруднения должен надеяться только на свое собственное мужество.

Много есть хороших и благих намерений, которые так и остаются намерениями и дальше слов не идут – и все это благодаря недостатку некоторого небольшого количества мужественной решимости. Красноречие в поступках несравненно лучше красноречия на словах, потому что в жизни и в делах расторопность приносит более пользы, чем толки. Исполнение своего дела – вот лучший ответ на всё.

В важных делах нерешимость является для людей слабых вернейшим и надежнейшим доводом в пользу бездействия, как бы с другой стороны ясна ни была безотлагательная необходимость привести дело в исполнение.

Немногим достаёт мужества думать не так, как думает их секта, действовать не так, как действует их партия и выйти на вольный воздух личной мысли и личного образа действий.

Прежде льстец не дерзал говорить правды людям высокопоставленным, но в наши дни лезть преимущественно проявляется в нежелании говорить правду низшим.

Расположение людей, лишенных всякого образования, людей низкого происхождения и звания важнее, так как в настоящее время голос этих последних бывает голосом большинства. Люди такого разряда скорее готовы сделаться безнравственными и несправедливыми, чем лишиться популярности. Для них унижаться, кланяться и льстить легче, чем выказывать мужество, решимость и великодушие.

Чтобы плыть против течения, необходимо обладать мужеством и силою, между тем, как плыть по течению сможет любая сонная рыба.

Главная опасность нашего времени состоит в том, что немногие смеют быть эксцентричными.

— Не сгибая спины, не приобретешь почестей», говорит пословица. Но спина человека, гонящегося за популярностью, хрящевая, и для такого человека кланяться и изгибаться в каком бы то ни было направлении, лишь бы только заслужить одобрение и рукоплескания масс, не составит никакого труда.

Люди испытанного мужества и честности не остановятся сказать правду, даже если бы эта правда не пользовалась популярностью.

Популярность, в её невысоком и наиболее обыкновенном смысле не стоит приобретения. Исполняйте насколько возможно лучше свой долг, заслужите одобрение вашей собственной совести и популярность в её лучшем и высшем смысле, явится сама собою».

Человек, пользующийся большою популярностью, не может быть способным на что бы то ни было путное.

Библейское проклятие подтверждает это: «Горе вам, если люди будут хорошо говорить о вас, потому что так делали их отцы в отношении ложных пророков».

Тот, кто не дерзает иметь своего суждения – трус, тот, кто не хочет иметь – лентяй, и, наконец, тот, кто не способен его иметь – дурак.

Очень много даровитых людей оказываются несостоятельными и тем обманывают ожидания своих близких и друзей. Они выступают на поле деятельности, но на каждом шагу мужество изменяет им. Им недостаёт решимости, смелости и устойчивости. Они рассчитывают опасности, взвешивают случайности, пока, наконец, удобный случай действовать пройдет и, быть может, пройдет навсегда.

«Я охотнее соглашусь сам пострадать, говоря правду, чем правда пострадает от моего молчания» - Джон Пим.

Существуют известные состояния общества и положения дел, при которых человек обязан высказаться откровенно и являться противником в тех случаях, когда согласие – не только слабость, но и преступление.

Правдивые люди во все времена являются представителями нравственной силы человечества. Вдохновляемые добродетелью, поддерживаемые мужеством, они были опорой прогресса и всех социальных возрождений. Все великие реформаторы и мученики были людьми борьбы, враги неправды и пороков.

Только сильные и мужественные люди ведут вперед мир, указывают ему путь и им управляют. Слабый и робкий не оставляет по себе следов, между тем как жизнь одного частного и энергичного человека образует как бы полосу света. Пример его долго живет, на него ссылаются и его мужество служит вдохновением целого ряда последующих поколений.

Энергия, основа которой – воля, порождает и порождала во все времена чудеса энтузиазма. Вера в себя побуждает веру в других. Когда Цезарь был на море и буря начала свирепствовать, капитан корабля от страха упал духом. «Чего боишься – сказал ему великий полководец: твой корабль везет Цезаря». Мужество храброго человека заразительно и увлекает за собою других. Его сильная натура заставляет молчать натуры более слабые.

Люди, оказавшие наиболее сильное влияние на мир, были не столько людьми гениальными, сколько людьми твердых убеждений и устойчивого постоянства в труде, вдохновляемые энергией и непоколебимой решимостью.

Полагаться на помощь других – приносит, сравнительно, очень мало пользы.

«Я начинаю понимать, сказал Микель-Анджело, что надежды на людей, большей частью, оказываются пустыми призраками и что самый верный и лучший путь к достижению значения и веса – это вера в себя и надежда на себя».

Мужественный человек великодушен и поступает благородно. Он не станет ни пользоваться невыгодным положением, даже врага, ни бить лежачего или человека, который не в силах защищаться.

«Великодушный человек, - сказал Аристотель, – будет поступать с умеренностью, как в счастье, так и в несчастье. Он будет знать, что его унижит и что возвысит. Его не приведет в восторг успех и не огорчит неудача. Он не станет ни избегать, ни искать опасности, потому что он немногими вещами дорожит.

Он молчалив и не особенно боек в разговорах, но выражает свое мнение открыто и смело, когда представляется на это надобность. Он способен восхищаться, так как ничто не возбуждает его зависти. Он не обращает внимания на оскорбления. Он не плачет и не кричит о пустяках и ни у кого не просит помощи».

Обладание мужеством и терпением является не только источником полезности в жизни, но ими обуславливается и счастье в жизни. Обладать же натурой робкой и, что того хуже, трусливой – одно из величайших бедствий.

Нет ничего привлекательного в робости, ничего милого – в страхе. Всякое убожество, будь оно физическое, или умственное, безобразно и менее всего возбуждает участие. Мужество полно достоинства и прелести, между тем как трусость в какой бы форме она не проявлялась, низка и всегда внушает отвращение.

Но с мужеством совместимы величайшая кротость и мягкосердечие.

Бодрость духа и кротость сердца – это настоящие женские добродетели. Неприятности ожидают каждого из нас. Но на судьбу, что бы она нам ни дала, горе ли или счастье, мы должны смотреть одинаково и в обоих случаях сохранять свое достоинство. Мы не должны унывать и падать духом, иначе мы только ухудшим свое собственное положение и положение тех, которых мы любим. Борьба и непрерывно переходить от одного столкновения к другому – вот настоящий удел жизни.

— О женщины! Несправедливо зовут вас робкими. Вы делаетесь неустрашимыми, когда в вас заговорит голос сердца.

Глава VI. Самообладание

— Только научась управлять самим собою, человек приобретает настоящую свободу - Пертс.

— Все хорошее и доброе в мире большею частью проявляется только после строгой и постоянной выдержки и долгого терпения – Гельпс.

— Самообладание – тоже мужество, но только в другой форме. На него можно смотреть, почти как на основное свойство характера. В силу этого качества, Шекспир определяет

человека, называя его существом «предвидящим и оглядывающимся». Оно составляет главное различие между человеком и бессловесным животным. Без самообладания немислимо ни достоинство, ни настоящая сила.

Человеку стоит только дать волю своим страстям и влечениям – и с этой минуты он утрачивает свою нравственную свободу. Он делается навсегда рабом своих господствующих желаний и лишается сил бороться с течением жизни.

Чтобы быть нравственно свободным – стоять выше бессловесного животного – человек должен обладать силою противостоять инстинктивным побуждениям, а такая сила приобретается только упражнением в самообладании. В этой-то силе и заключается настоящее различие, существующее между жизнью нравственною и жизнью животною.

В Библии воздается хвала не просто сильному человеку, берущему города, но более сильному – тому, который умеет управлять самим собою. Этим более сильным человеком является тот, кто постоянно наблюдает и контролирует свои мысли, слова и поступки, подчиняя их строгой дисциплине. При неослабленном упражнении в самообладании, целомудрие, как душевное, так и умственное, обращается в привычку, а характер воспитывается в непорочности, любви к добродетели и умеренности.

Человек необходимо должен повиноваться приказаниям внутреннего руководителя – совести, иначе он будет не более как рабом своих наклонностей, игрушкой своих собственных чувств и увлечений.

«В преобладании власти над самим собою – заключается одно из совершенств идеала человека. Не действовать по увлечению, но уметь сдерживать себя, сохранять равновесие – вот цель, которой стремится достичь воспитание, по меньшей мере, нравственное» - Герберт Спенсер.

Наилучше регулируемая семья – та, в которой дисциплина наиболее совершенна и, в то же время, наименее чувствительна.

Наибольший процент душевно больных в Англии почти всегда состоял из людей, которые были единственными детьми у своих родителей, а потому в детстве редко встречали противоречие свои желаниям и которые почти никогда не подчинялись дисциплине. Напротив, люди, выросшие в многочисленной семье и приученные к самонаблюдению и самоисправлению, несравненно реже делаются жертвами умственного расстройства.

Хорошее и дурное расположение во многом зависит от воли человека. Действительно, мы можем воспитать себя или в привычке быть терпеливыми и довольными, или в привычке вечно брюзжать и быть недовольными. Мы можем приучить себя преувеличивать мелкия бедствия и умалять великое счастье. Мы даже можем сделаться жертвами ничтожных дрязг, упавая духом перед ними.

«Привычка смотреть на какое бы то ни было событие с его лучшей стороны гораздо более ценна, чем тысяча фунтов годового дохода» – Джонсон.

Истинно верующий человек обязан быть умеренным и неусыпно стараться избегать зла и делать добро, быть добрым, покорным до конца, устоять в несчастьи и не терять твердости. И когда наступит пора, он соберет богатую жатву, если только не упадет духом. Успех в значительной степени обуславливается как правильностью и постоянством в расположении духа, так и тщательным самоисправлением. И то и другое дает человеку власть не только над собою, но и над другими. Терпимость и самообладание сглаживают дорогу жизни и открывают человеку многие пути, которые, если он не обладает этими качествами, остаются для него недоступными.

Во всех тех случаях, в которых сила воли может управлять мыслями, она должна стараться дать им веселое направление. Старайтесь отыскать в вещах их хорошую, лучшую сторону.

Человеку, лишенному самообладания, будет недоставать терпения, также, у него не хватит сил ни для управления самим собою, ни для управления другими.

Когда, в присутствии Питта, разговор коснулся вопроса, какое качество наиболее необходимо для первого министра, один из собеседников назвал – красноречие, другой – знание, третий – труженичество. Нет, заметил Питт, самое необходимое качество для такого лица – это терпение». А терпение, значит самообладание, качество, которое сам Питт развил в себе до совершенства.

Великий Тэмпден был добродушен и неустрашим, при этом кроток и безукоризнен в обращении. Сердце его было преисполнено любви ко всему человечеству. Вообще он не любил много разговаривать, но каждое его слово имело вес, так как оно говорилось человеком, характер которого был безупречен. «Никто более его не имел власти над собой. Он был очень воздержан в пище и умел в совершенстве владеть всеми своими страстями и чувствами, а потому пользовался огромной властью над другими людьми.

Мудрый человек обратит себе на пользу самим им причиненные себе страдания и будет впредь стараться избегать их, но бывают и такие люди, на которых опытность не производит влияния, способствующего их улучшению, а, напротив, делает их с годами все более и более озлобленными, порочными и узкими в своих воззрениях.

Большая опытность охлаждает горячий нрав, а постоянное наблюдение над собою со временем окончательно уничтожает этот недостаток.

Профессор Тиндель о Фарадее: «Человек с характером строгим, оригинальным и даже вспыльчивым, но в то же время крайне нежный и чувствительный. Под его мягкостью и нежностью – скрывалось пламя вулкана. Он был человек нервный и вспыльчивый, но сумел с помощью высокого самовоспитания обратить этот огонь в центральное пламя, в двигающую силу жизни, а не дать ему расточиться в бесполезных страстях.

Люди обязаны не только нести жизнь, но и нести ее без ропота. Темперамент должен быть подчинен рассудку, а маленьких бесенят – дурного расположения, каприза и насмешки – надо решительно не допускать близко; если они раз посетят человека, то способны и еще раз возвратиться и, наконец, поселиться в нем навсегда.

Для личного счастья необходимо наблюдать за словами не менее, чем за поступками, потому что иные слова бывают сильнее ударов, и люди могут словами зарезать без ножа. Да хранит Вас Бог от разрушительной силы слов. Есть слова, которые разлучают людей вернее острого меча, есть слова, наносящие такие раны сердцу, которые не заживают на всю жизнь.

Умение сдерживать свой язык не менее других качеств свидетельствует о силе характера.

«Язык мудрого, сказал Соломон – в сердце, сердце глупца – на языке».

— Слова не стрела, а хуже стрелы.

— Какое-нибудь слово – сказанное так, а не иначе, часто решало судьбу дружеских отношений, а быть может и судьбу государств.

— Тот, кто не умеет держать своего мнения при себе, не в состоянии совершить что-нибудь значительное или великое - Карлеиль.

Никто не слышал от него ни одного необдуманного или надменного слова» - о Вильгельме Молчаливом.

Вашингтон был олицетворением обдуманности в употреблении слова, он никогда не пользовался своим превосходством над противником и не искал приобрести скоропроходящее торжество в прениях.

Одобрение и поддержка общественного мнения, в большинстве случаев, на стороне того, кто умеет вовремя и как следует молчать.

«Молчи – сказал Пифагор, или же говори что нибудь, что было бы лучше молчания».

«Говори вовремя, сказал Герберт, или храни б л а г о р а з у м н о е молчание».

«После слова – молчание – величайшая в мире сила. Тем не менее, как могущественно бывает сказанное во-время слово».

«Золотой язык – в устах блаженных» - валлийская пословица.

Де Леон (великий испанский поэт, по распоряжению инквизиции несколько лет был в заключении); на первую его лекцию собралась громадная толпа, чтобы услышать подробности о его долгом пребывании в заключении – но он был слишком умен и благороден, чтобы позволить себе отвечать на обвинения обвинениями.

Конечно, бывают случаи, когда негодование не только имеет свое оправдание, но даже необходимо. Мы обязаны выразить свое негодование ввиду неправды, эгоизма и жестокости. Человеку с высокими чувствами естественно вспылить благородным негодованием при виде низости и подлости, даже и в таких случаях, когда на нем не лежит обязанность высказывать свое мнение.

«Я не желаю иметь никакого дела с человеком, которого ничто не может привести в негодование – Пертс. Без сомнения, мне нередко случалось раскаиваться, зачем говорил, но не менее часто раскаивался я в том, что хранил молчание».

Тем не менее мы должны остерегаться нетерпеливого выражения гнева и презрения.

Лучшее средство против расположения к нетерпимости – это увеличение мудрости и расширение житейского опыта. Люди образованные и опытные бывают самые терпеливые и терпимые, а люди невежественные и ограниченные, напротив, самые неумолимые и нетерпимые. Чем богаче запас практической мудрости у людей, одаренных широкой и великодушной натурой, тем более снисхождения оказывают такие люди к недостаткам других, потому что они знают, как велика сила обстоятельств, как ограничена у людей слабых и лишенных твердых принципов способность противиться искушению и заблуждениям.

«Я не знаю такого, сделанного кем нибудь проступка, говорил Гёте – которого я сам не мог бы сделать».

Жизнь вообще в значительной степени бывает тем, чем мы сами её делаем. Веселый человек создает себе веселый мир, мрачный – мрачный. В настроении людей, окружающих нас, мы часто видим только отражение собственного.

Некоторые чересчур склонны отыскивать во всем дурную сторону и, судя других, выводят самые неблагоприятные для себя заключения, но в большинстве случаев, оказывается, что отсутствие снисходительности к нам в других – есть только отражение нашей собственной строгой взыскательности, нашего недостатка в благонаравии.

«Злость исходящая из наших уст – часто западает в наше сердце» – Герберт.

— Лучше быть несколько тупым в тех случаях, когда в словах, по-видимому, проглядывает колкость, и, напротив, очень понятливым, когда в них чувствуется желание выразить доброе чувство. Истина, в конце концов, всегда обнаружится.

Лучше закрывать глаза на выражение вражды и быстро замечать доброжелательство. Мы находим гораздо более счастья для себя, следуя по пути, ведущему к мирным отношениям.

— Умеренность, кротость, немного благосклонности к другим и очень много недоверия к самому себе – все это вовсе не качества бездарности, а высокие и благородные

добродетели, которые облагораживают нашу природу в такой же мере, в какой способствуют приобретению спокойствия и состояния.

Ничего не может быть недостойнее человека высокой души, как всю жизнь проводить в ссорах и тяжбах, брюзжа и споря со всеми. Мы должны жить мирно с существами, нам подобными, если не ради их, то в значительной степени ради нас самих.

— Искание неблагородного наслаждения есть унижение истинного счастья. Оно подрывает нравственность, разрушает энергию и уничтожает крепость отдельных лиц и народов.

«Должники – лгуны».

Беспокойное желание иметь то, чего у нас нет, и быть тем, чем мы быть не можем, есть корень всякой безнравственности.

Сократ, увидев огромное количество богатств, украшений, драгоценностей, торжественно возимых через Афины, сказал: «Теперь я вижу, как много есть вещей, которых я не желаю иметь. Я могу простить все, исключая корыстолюбия».

— Даже самые стесненные обстоятельства не исключают возможности сохранить достоинство.

Люди придают слишком много значения потере состояния. Из великих бедствий жизни это одно из самых меньших и должно считаться одним из самых легко переносимых.

— Я никогда не пытался поколебать чью бы то ни было веру, не развратил чьих бы то ни было принципов и ничего не писал такого, что на моем смертном одре желал бы вычеркнуть. Его наставление зятю – «будь добродетелен, будь религиозен, будь хорошим человеком. Ничто другое не успокоит тебя и не облегчит твоих последних минут». – Вальтер Скотт.

Глава VII. Долг и правдивость

— Его «нет» было неизменное «нет», его «да» было – «да», то и другое имели одинаковую силу. Он давал свое согласие с заботливо осмотрительностью, мысли и слова его были ясно определены. Слово его было законом и печатью.

Твердое сознание долга – венец характера. Лишенный сознания долга, человек спотыкается и падает при первом дуновении несчастья или искушения, между тем как вдохновляемый им самый слабый становится крепким и полным мужества.

«Человек, обладающий некоторым достоинством в характере, должен побеждать честно, а не употреблять никаких недостойных средств, даже для спасения своей жизни».

«Не забывай долга чести, исполнение которого ставит тебя выше счастья и выше венценосцев, только этим, а не блеском титулов приобретается слава – та слава, которая составит твоё счастье и гордость».

Жить – значит действовать с энергиею. Жизнь – борьба, в которой надо драться храбро. Вдохновляемый благородною и честною решимостью, человек обязан не покидать своего поста и, если нужно, умереть на нем.

Сила воли, данная нам Богом, - велика ли она или мала – есть дар божественный и мы не должны, с одной стороны, губить ее бездействием, ни с другой, унижать, употребляя её на достижение недостойных целей.

«Истинное величие человека не состоит в искании удовольствия, славы или повышения, но в том, чтобы исполнять свой долг».

Если воля остается бездейательною, то верх берут низшие влияния эгоизма и страсти и, таким образом, человеку приходится отказаться от своего человеческого достоинства,

отречься от своей личности, унижить свой характер и обратиться в покорного раба своих страстей.

Доблестный человек тот, кто с помощью воли воспитал себя так, что приобрел привычку к добродетели, а дурной человек тот, кто, оставив в бездействии свою волю и разнуздав свои желания и страсти, приобрел привычку порока, которая оковывает его железными цепями.

Только действием собственной воли человек приобретает твердость принципов. Только собственными усилиями он может стоять прямо, а чужая помощь не может его поддержать.

Мы не выбираем себе ролей в жизни, и они от нас несколько не зависят. Наш долг ограничивается их хорошим исполнением. Раб может быть так же свободен, как консул, а свобода есть высшее благо. Людям нужно внушить, что счастье не там, где они его ищут в своей слепоте и ничтожестве. Мирон и Офелий не были счастливы в богатстве, Крез не был счастлив во власти, так же как Нерон, Сарданапал и Агамемнон вздыхали, плакали, рвали на себе волосы и были рабами обстоятельств и игрушкой призраков. Счастье в нас самих, в истинной свободе, в отсутствии низкого страха или в победе над ним, в полном самообладании, жить мирно, в довольстве и вести невозмутимую жизнь даже в бедности, изгнании», – Эпиктет.

Двигающей силой Вашингтона было сознание долга. Оно придавало ему твердость и энергию. Вашингтон исполнял свой долг во что бы то ни стало, с непоколебимой энергией. Он ничего не делал для эффекта и никогда не думал о славе или известности, а только сознавал, что надо делать как лучше.

Вашингтон всю свою жизнь – сначала как главнокомандующий, затем как президент – шел прямо, не уклоняясь с пути долга, шел к своей цели.

«В мире найдется очень мало или даже ничего, из-за чего стоило бы жить, но все мы можем не сбиваться с прямого пути и исполнять наш долг». - Уэллингтон.

Мудрый человек не может выбрать себе лучшего девиза, чем слова: «я служу» и еще: «те, которые стоят и ждут, тоже служат».

«Англия ждет от каждого человека исполнения его долга» - мнение Нельсона о долге – перед началом сражения при Трафальгаре. А его последними словами были: «Я исполнил свой долг и воздаю за это хвалу Богу».

«Старайтесь, насколько позволяют Вам Ваши способности, наилучшим образом исполнять Ваш долг».

Строгое и неутомимое исполнение вашего долга, почтительное и радушное обращение не только с вашими начальниками, но и со всяким, обеспечит вам их уважение, и награда непременно последует, но если бы даже она и не явилась, то и в таком случае, я убежден, вы слишком благоразумны, чтобы позволить обманутой надежде огорчить вас. Тщательно избегайте выказывать, каким бы то ни было образом, ваше неудовольствие или досаду. Это огорчит ваших друзей, послужит торжеством для ваших соперников и ни в каком случае не может вести к хорошим последствиям.

Не будьте строгим наблюдателем, но являйте постоянную готовность на всё, и ваше начальство, если оно не относится к чересчур невнимательным, не допустит, чтобы другие сваливали на вас больше обязанностей, чем следует.

Когда сознание долга исчезает или заглушается, уступая место жажде удовольствия, или себялюбивого увлечения или славы – тогда горе той нации, потому что её распад близок.

Отыскивая и определяя настоящие причины последнего изнеможения Франции (1870 г. война), как нации, все разумные наблюдатели приходят к тому, что главной причиной ее

бедствия было полнейшее отсутствие в ней сознания долга, а также отсутствие правдивости и прямоты как в людях, так и вождях французского народа.

«Ни семья, ни нация не могут быть управляемы ложью».

Из всех низких пороков ложь, вероятно, самый низкий.

«Хвала человеку, чьи доспехи – честность мысли, а простая истина – величайшее искусство».

Ложь проникает во все слои общества. Иногда она принимает форму двусмысленности или нравственной изворотливости – факты представляются в ложном свете, чем вуалируется настоящее их значение – род лганья, прозванный одним французом «хождением вокруг истины».

Бывают люди до того бесчестные и узкие в своих взглядах, что они даже гордятся своим иезуитским искусством, подобно змее, извиваться и уклоняться от правды, употребляя всевозможные нравственные увертки, с целью скрыть свое настоящее мнение и избежать последствий, могущих произойти, если они будут смело и открыто высказаны. Системы и учреждения, в основе которых лежит подобная изворотливость, необходимо должны оказаться ложными и непрочными «в какой бы изящный наряд не облегалась ложь – она никогда не внушает доверия». - Герберт.

Люди, думающие обмануть других, большей частью обманывают только себя, обладая в высшей степени неискренностью, они никаким образом не могут внушить к себе доверия и, в конце концов, неизменно оказываются людьми несостоятельными, если не просто-напросто обманщиками.

Другие бывают неправдивы в своих претензиях и в приписании себе достоинств, которыми в действительности вовсе не обладают. Человек же правдивый, напротив, бывает скромнен и не выставляет напоказ ни себя, ни своих действий.

О Фарадее – «Всякого рода претензии в жизни и науке ему были ненавистны».

Правдивость это нравственная прозрачность и следует ее ценить выше всех других качеств. Ложь – это нравственное преступление.

При воспитании детей, сказанное им надо принимать с доверием! «Если вы говорите, что это так, этого достаточно; само собою разумеется, я вам верю на слово». Этим доверием можно развить правдивость.

«Жизнь никому так не мила – сказал он – как тем, которые потеряли всякий страх перед смертью».

После 2-3 недель отдыха и небольшой перемены воздуха он возвращался к своей работе, говоря – «Вода снова поднялась в колодце» - Уильстон.

«Умереть работая» – вот удел, которого он более всего себе желал – дух его был тверд.

Правда, я никогда не желал получать незаслуженной похвалы, но я бывал чересчур быстр в заключении, что действительно её стою. Теперь же слово долг кажется мне величайшим словом в мире и занимает главное место во всех моих поступках.

«Ты был образцом мужества, надежды и веры. Мы удивлялись тебе живому и завидуем твоей смерти. Ты был так кроток и почтителен, обладал такую решимостью воли, так смело умел переносить всё до конца, а при всем этом был всегда так тих и спокоен» – слова, обращенные к Джону Рейду.

Глава VIII. Нрав

«Даже сама сила не имеет и наполовину того могущества, которым обладает кротость».
– Лей Гент.

Для успеха в жизни кротость нрава – условие не менее необходимое, чем таланты.

Счастье человека обуславливается, главным образом, ровностью расположения его духа, его терпением и выносливостью, добротой и заботливостью о благосостоянии близких.

Слова Платона, что стараясь о счастье других, мы находим свое собственное, могут быть поистине признаны вполне справедливыми.

Бывают счастливо организованные натуры, которые во всем и всегда умеют отыскать хорошую сторону. Нет того бедствия, из которого они не извлекли бы утешительной и успокоительной мысли.

Такие счастливые натуры поистине достойны зависти. В глазах их светится какой-то луч удовольствия, веселья, луч какой-то религиозной радости, нравственной чистоты – как хотите, назовите. Душа их полна солнечного сияния и золотит своим собственным отблеском всё, на что взирает. Если им дано нести бремя, они несут его бодро, без ропота, без тоски, не тратя своих сил на бесполезные жалобы и плач, мужественно борясь, они идут вперед, срывая мимоходом те цветы, которые случайно попадают на их дороге.

Нельзя сказать, что люди, о которых мы говорим, слабы и нерассудительны. Напротив, самые широкие и многообещающие натуры обыкновенно бывают также самыми добрыми, самыми любящими, самыми доверчивыми и самыми сильными надеждою и упованием.

Еще раз о таких натурах: в минуты бедствия она прозревает будущее благо, в болезнях узнает усилие природы восстановить здоровье, в испытаниях находит исправление и дисциплину, в горе и страданиях почерпает мужество, познание и более совершенную практическую мудрость.

Когда Джереми Тэйлор лишился всего, он сказал – «они оставили мне солнце и луну, любящую жену, много сочувствующих мне друзей; я могу по-прежнему говорить, и если только сам не захочу, они не в силах отнять у меня моего веселого настроения, мою бодрость духа и чистоту моей совести. (У Тейлора ростовщики отняли всё).

Мы можем жизнь превратить наихудшей и наилучшей. От нас самих зависит обратить её в источник радости или горя. Жизнь всегда представляет две стороны и в нашей воле смотреть на хорошую или на мрачную. При выборе того или другого, нами должна руководить сила воли и помогать нам выработать в себе привычку быть счастливыми, или наоборот.

Бодрое и веселое расположение духа – не только богатый источник жизненного наслаждения, но, в то же время, и сильная охрана характера.

Как преодолевать искушения? – «Веселое расположение духа – первое условие, оно и второе, оно и третье».

«Самое действительное лекарство – сказал доктор Маршалль Талль – это веселое расположение духа».

Царь Соломон тоже сказал: «Веселое сердце приносит пользу подобно лекарству». «Веселость и мужество – невинная веселость и разумное, почтенное мужество – лучшие лекарства для всех возрастов против мрачных мыслей. Люди с веселым нравом – воспитали себя в привычке к выносливости, в привычке не раздражаться по пустякам, терпеливо выслушивать тяжелые и несправедливые замечания, обращенные против них и при этом не поддаваться ненужному чувству недовольства и избегать утомительных, мелочных и тревожных забот.

Доктор Джонсон при всех своих тяжелых испытаниях – в страданиях, в ожесточенной борьбе с нуждою – всегда сохранял мужество и врожденную ему веселость и бодрость духа. Он мужественно старался извлечь из жизни её лучшее и быть довольным этим.

«Дайте мне услышать честный смех», говорил часто Вальтер Скотт, который и сам всегда смеялся от души. Он для каждого находил доброе слово. Добродушие его

заразительно действовало на всех окружающих и быстро развеивало страх и смущение, внушаемые его великим именем.

Вальтер Скотт встречал веселою шуткой или добрым словом, мог стоять и болтать и смеяться, не хуже любой старой бабы – и это делал человек, обладающий страшно обширными знаниями.

«Он приходит и всем нам жмет руку, словно один из наших».

«Терпение, мужество и покорность перед волею Всевышнего ни разу не покидали Адансона» (французский ботаник).

Примеров весело трудящихся великих людей можно найти очень много. Все широкие натуры бодры, веселы и преисполнены надежд. Самый пример их заразителен, он ободряет и располагает к весёлости всех тех, на кого простирается его влияние.

Мы часто встречаем старых молодых людей и молодых стариков, из которых некоторые, несмотря на свои преклонные годы, бодры и веселы, как юноши, другие же, напротив, даже в отрочестве печальны и угрюмы, как озабоченные и упавшие духом старики.

Весёлость – признак великодушной, благосклонной и задушевной натуры и никогда не может быть характерной чертой хлыщей. Гёте имел обыкновение восклицать, говоря о людях надменных и никогда не увлекающихся: «О, если бы у них только хватило сердца совершить какую-нибудь глупость». Он говорил это, предполагая в них полнейшее отсутствие искренности и задушевности, и обыкновенно отворачивался от подобных людей.

Любовь, надежда и терпение – настоящие источники весёлости. Любовь пробуждает любовь и порождает любящую доброту. Любовь поддерживает в человеке снисходительное и благосклонное мнение о ближних. Любовь полна сострадания, кротости и правдивости. Она знаток добра и всегда старается видеть только лучшую сторону вещей. Лицо её постоянно обращено к счастью. Она видит «величие даже в мельчайшей былинке и сиянии солнца на цветах». Она поощряет хорошие намерения и разливает вокруг себя радостную атмосферу. Она источник благодати для тех, кто ею обладает, и расцветает роскошным счастьем в груди тех, на которых обращена.

Бентам говорит, что следует принять за общее правило, что человек увеличивает сумму своего собственного счастья пропорционально тому количеству счастья, которое доставляет другим. Его доброта вызывает доброту и в других, а счастье его увеличивается сознанием своей собственной благотворительности. Сказать слово – стоит небольшого труда, чем сказать недоброе. Добрые слова порождают добрые поступки, не только со стороны тех, кто их употребляет, так бывает в силу закона сцепления.

Доброе и дружеское поведение может иногда встретить неблагодарность и быть отплачено поведением недостойным, но отсутствие признательности со стороны получателя не может уничтожить самоодобрения, которое служит наградой дающему. Нам так немного стоит бросать вокруг себя семена приветливости и благосклонности. Некоторые из них неизбежно упадут на добрую почву и разрастутся в добрые дела. Итак, всякое доброе дело непременно получает награду, а иногда даже и двойную.

На вопрос «За что это вас все так любят? – она ответила: «Я думаю, за то, что я сама всех так много люблю». Этот рассказ применим обширно. Человеческое счастье много зависит от пропорциональности числа тех, которых мы любим, к числу тех, которые нас любят.

Самый величайший успех мало способствует нашему счастью, если не соединяется с чувством благосклонности к каждому человеку.

Французская пословица: людей ловят кротостью. Английская более грубая – «Ос больше наловишь мёдом, чем уксусом».

Благосклонно расположенные люди составляют деятельную часть рода человеческого, тогда как эгоисты, скептики, люди любящие только самих себя, составляют праздную.

Худшие работники бывают, обыкновенно, самые ревностные охотники до «стачек», так и наименее трудолюбивые члены общества первые готовы жаловаться. Худшее из всех колес то, которое скрипит.

Некоторые люди в столь сильной степени поддерживают себя в состоянии постоянного недовольства, что такое чувство, наконец, обращается в болезнь. Недовольному и уныло настроенному человеку представляется, что всё делается не так, как следует, и что всё в мире лишено разумного порядка. Для них плохое здоровье – есть наслаждение. Они смотрят на тело, как на некоторого рода имущество. Может быть, что для них это источник сильно желаемого сочувствия, без которого они, может статься, уразумели бы свое сравнительно небольшое значение в мире.

Мы должны быть против чувства мелкой досады, потому что, поощряя его, мы очень легко поддаемся врожденной склонности превращать маленькие неприятности в большие. Можно поистине сказать, что главный источник мучений в мире не настоящие, но воображаемые бедствия – мелкая досада и пустые огорчения. Ввиду великого, истинного горя – мелкие неприятности исчезают, но мы бываем чересчур склонны слагать в наши сердца какое-нибудь излюбленное нами мелкое горе и лелеять его там. В большинстве случаев такое горе – плод нашего собственного воображения.

Неспокойный, тревожный и ничем не довольный нрав, всегда готовый идти навстречу заботам и печалям, губителен, как для личного счастья, так и для спокойствия окружающих. Как часто нам случается видеть людей, которые словно одеты в жесткую щетину, так что боишься подойти к ним из опасности быть уколотым. Сумма бедствий, производимых в обществе благодаря отсутствию контроля в некоторых случаях, положительно ужасна. Таким образом удовольствия жизни отравляются и сама жизнь уподобляется прогулке босиком по дороге, поросшей шипами и колючками.

Следует не забывать, что главный секрет для сохранения комфорта заключается в умении не позволять пустякам тревожить нас, а также в благоразумии не пренебрегать маленькими удовольствиями.

«Смирение, терпение, кротость, добродушие, облегчение близкому его бременю, снисходительность, мягкосердечие, веселость, приветливость, сострадание, прощение обид, простота, чистосердечие – добродетели. Они подобно скромной фиалке любят тень, как и она, питаются росой и хотя, как и она не блещут пышною красотою, но далеко распространяют сладкое благоухание».

Если вы хотите впасть в крайность, то избирайте крайность кротости. Дух человеческий так создан, что он противится строгости и уступает мягкости. Кроткое слово усмиряет гнев, как вода усмиряет свирепость пожара; благосклонностью можно сделать всякую почву плодородной. Сказать истину приветливо – сыпать розами в лицо. Можем ли мы сопротивляться врагу, оружие которого – жемчуг и бриллианты?

«Иди вперед с надеждою и доверием» - Перет – «Мы должны стоять твердо, что бы ни случилось, а для того должны весело покоряться разнообразным влияниям пестрой жизни».

«Кто хочет чувствовать себя удовлетворенным – тот должен быть терпеливым – Герберт. О веселом и терпеливом короле Альфреде говорили: «счастье сопровождает его, как Божий дар».

«Терпение всё побеждает» - говорил Мэльборо.

«Обширнейшее из владений – надежда».

«Если бы не было надежды, сказал Байрон – где бы было будущее?».

Глава IX. Манеры и изящество

«Изящество в обращении лучше изящества форм; оно доставляет более наслаждения, чем картины и статуи; это самое изящное из всех изящных искусств» – Эмерсон.

«Сама добродетель оскорбляет – говорит Мидлтон, – если она сочетается с отталкивающими манерами».

«Вежливость нередко имеет большее влияние в управлении людьми, чем все другая, гораздо более глубокие и существенные качества». Изящество и приветливость в обращении являются одним из лучших помощников на пути науки к успеху, и многим случалось не достигать его, благодаря отсутствию хороших манер.

Более важно в воспитателе обладание добрым нравом и хорошими манерами, чем глубокие знания науки.

Грубость и суровость всюду затворяют перед собой двери и отталкивают сердца. Приветливость и приличное обхождение имеют силу таинственных слов.

«Манеры делают человека».

Он (Гутчинсон) никогда не обращался презрительно с людьми, даже наиболее низкопоставленными и никогда не льстил высокопоставленным, он был дружески приветлив с самыми бедными и часто находил время беседовать с простыми солдатами, но, в то же время, умел так хорошо поставить себя с ними, что такое обращение не роняло его в их глазах, а, напротив, приобретало ему их уважение и привязанность.

Манеры до некоторой степени указывают на характер человека. Оне служат внешней оболочкой его внутренней природы; оне обличают его вкусы, его чувства, его душевное настроение, а также и то общество, в котором он привык вращаться. Существует условная вежливость, которая, сравнительно, имеет очень небольшое значение, но природная вежливость - плод природных дарований.

Любезность представляется условием почти не менее важным, чем талант и образование. Сочувствие есть тот золотой ключик, которым отмыкается сердце человека, на него можно поистине смотреть, как на венец человеческих качеств.

Правила искусственной вежливости приносят мало пользы. Часто то, что называют этикетом, служит не более, как для прикрытия невежливости и отсутствия правдивости. Этикет по большей части заключается в позировании и вообще легко распознается, он только заменяет хорошие манеры.

«Хорошие манеры – изящество в обхождении. Очень хорошо было сказано, что «изящные формы лучше красивого лица, а изящное общение лучше изящных форм. Оно доставляет более высокое удовольствие, чем картины и статуи, и есть самое изящное из изящных искусств».

Настоящая и лучшая вежливость основана на искренности. Она должна быть внушаема сердцем, иначе не будет производить прочного впечатления, так как никакая сумма учтивостей не в состоянии заменить правдивость. Сквозь вежливость должен проглядывать настоящий характер человека, но освобожденный от своих угловатостей и резкостей.

Настоящая вежливость полна добродушия. Она проявляется в готовности способствовать счастью ближнего и в заботливом старании избегать всего того, что могло бы его огорчить.

«Неблагодарность или пренебрежение выражением благодарности за сказанное благодеяние подлежит наказанию».

Человек должен уважать личность другого, если хочет, чтобы его уважали. Он обязан относиться с должным уважением к чужим взглядам и мнениям, даже если эти взгляды и мнения расходились с его собственным. Хорошо воспитанные люди приветливы. Они просто

терпеливы, снисходительны и озарены искусством воздерживаться от резких суждений. Резкие суждения о других почти неизменно вызывают резкие суждения о нас самих».

Тем не менее, невежливый и увлекающийся человек охотнее согласится потерять друга, чем упустить свою шутку. Поистине можно назвать очень безрассудным того человека, который покупает себе ненависть ближнего ценой минутного удовольствия – злоба и злонравие самая дорогая роскошь в жизни. Человек не имеет права говорить другому грубости, как не имеет права сшибать его с ног.

Разумно вежливый человек не делает вида, будто он лучше, умнее и богаче своего соседа, а также и не смотрит свысока на людей, не имеющих одинаковых с ним преимуществ. Он скромн, не претенциозен и естественен во всем, что делает и говорит. Настоящий его характер проявляется скорее в исполнении дела, чем в хвастовстве, скорее в поступках, чем в словах.

Отсутствие уважения к чувствам других обыкновенно порождается себялюбием и, постоянно развиваясь, превращается в жестокость и грубость. Оно может происходить не только от злонамеренности, сколько от недостатка сочувствия и деликатности, от недостатка внимательности и чуткости.

Не обладая некоторою сдержанностью, человек в обществе может оказаться почти нестерпимым. Сношения с таким человеком никому не могут доставить удовольствия; он является источником постоянных неприятностей для тех, которые его окружают. Благодаря отсутствию самообладания, многие всю жизнь свою проводят в борьбе с созданными ими же самими затруднениями и вследствие строптивой непокорности, лишают самих себя возможности успеха, между тем как другие, быть может, даже менее даровитые люди, пролагают себе дорогу и приобретают успех простым терпением, ровностью и спокойствием характера и самообладанием.

Добрый нрав – условие не менее важное для приобретения успеха в жизни, чем таланты. Счастье человека, главным образом, обуславливается его темпераментом и в особенности же его расположением к веселости – его услужливостью, приветливостью в обхождении, словом мелкими подробностями хорошего поведения, на которые, как на мелкую монету, является постоянный спрос в житейских отношениях.

Люди могут выказывать свое неуважение к другим разными неучтивыми способами, например: небрежностью в одежде, отсутствием опрятности. Человек неряшливый и неопрятный, внушая к себе физическое отвращение, тем самым проявляет свое пренебрежение к чувствам и вкусам других, следовательно, тоже груб и невежлив, только в другой форме.

«Ничто в столь сильной степени не препятствует нам быть естественным, как желание казаться таким» - Рошфуко.

Человек откровенный и приветливый умеет сделать, чтобы всем окружающим его было ловко и уютно. Он согревает и оживляет их своим присутствием и располагает в свою пользу все сердца. Таким образом, манеры, как и характер, получают значение настоящей движущей силы».

«Вежливость дает много, и ровно ничего не стоит. Такт – это врожденная чуткость всего приличного – лучше знания и талантов помогает человеку вести себя с достоинством в затруднительных обстоятельствах. Талант – сила, такт – ловкость. Талант – вес, такт – скорость. Талант знает, что делает, такт учит, как делать. Талант делает человека достойным уважения, такт приобретает ему уважение. Талант – капитал, такт – чистые деньги.

Подобно тому, как под грубую оболочку скрывается самый сладкий плод, так и грубая внешность очень часто скрывает добрую и полную горячего сочувствия душу. Суровый

человек может подчас казаться невежливым и даже грубым, но тем не менее, обладать добрым, честным и кротким сердцем.

Товарищи называли Джонсона «Большою Медведицею».

Если резкость манер и привычка спорить и противоречить всему, отталкивают и охлаждают, то противоположная привычка – со всем соглашаться, сочувствовать каждому высказанному замечанию или выраженному чувству – почти так же неприятна. Она недостойна человека и в ней чувствуется бесчестность.

К тому же многих считают жестокими, сосредоточенными и гордыми, тогда как они, в сущности, только застенчивы.

Строгий, неуклюжий или, как выражаются французы, опутанный англичанин, без сомнения, человек, первая встреча с которым не совсем приятна. Он робок и наводит робость на других. Он чопорен не от гордости, но вследствие своей застенчивости.

Застенчивые люди, при встрече друг с другом, имеют вид ледяных сосулек. В обществе они тщательно сторонятся и отворачиваются друг от друга. Такая необщительность есть не что иное, как застенчивость, которая составляет национальную характеристическую черту англичанина.

Исаак Ньютон, по всей вероятности, был один из самых застенчивых людей своего века. Он долго держал в тайне некоторые из своих величайших открытий, страшась той известности, которую могло ему дать их обнародование. Его открытие теоремы двучленной величины и ее важнейшее применение, как и еще более важное открытие закона тяготения, в продолжение нескольких лет оставались не опубликованными. О теории коловратного обращения луны вокруг земли он запретил упоминать свое имя в связи с этим открытием в «Астрономических трудах», отмечая, что это, пожалуй, может послужить увеличению его известности, - обстоятельство, от которого он старался уклониться.

Шекспир – кроме своей застенчивости, которая, как и застенчивость Байрона, еще усиливалась вследствие хромоты – был одарен в крайне скудной степени даром надежды. Многие из сонетов Шекспира проникнуты духом отчаяния и безнадежности. Он оплакивает свою хромоту, старается оправдать себя в том, что исполняет профессию актера, выражает свои опасения относительно веры в себя и своей безнадежной привязанности, предвидеть мрачную «участь могилы» и изучает свой глубокопатетический крик, «моля о безмятежной смерти»....

Врожденная застенчивость, если она сильна, нелегко побеждается. Кто бы поверил, что покойный актер Чарльз Мэтью, каждый вечер игравший перед многочисленною публикой, был по природе один из самых застенчивых людей.

Вашингтон, который был по происхождению англичанин, был англичанином и по своей застенчивости. «Несколько чопорный, несколько церемонный в своих манерах и не чувствующий себя особенно легко в присутствии чужих. У него вид сельского джентльмена, не привыкшего бывать в обществе; он вполне вежлив, но не выражается легко в своих речах и разговорах и не грациозен в своих движениях».

При встрече двух застенчивых людей: каждый из них счел другого жестоким и сосредоточенным и они расстались прежде, чем дружеский разговор успел в каждом из них победить его застенчивость. В таких случаях следует припомнить девиз – чтобы полюбить, надо несколько подождать.

Застенчивые люди и племена непривлекательны и не общительны, потому что сравнительно с другими они более избегают общества. Они не обладают тем изяществом манер, которое приобретается характеризующим общительные народы общением, так как они склонны избегать общества, чем искать его. Они застенчивы в присутствии чужих и даже среди своей семьи.

Англичане – всё, что они делают, делают основательно и добросовестно, но без всякой грации.

Что касается французов и итальянцев, они всё проделывают со свойственными для них грацией, вежливостью и шиком, сами они одеты изящно и даже щеголевато.

Ведь не вкус и не искусство, но ум, душа и сердце делают человека истинно великим.

Честное мужество стоит больше, чем всевозможная сумма изящества. Непорочность лучше элегантности, а чистота душевная, умственная и телесная – выше всяких изящных искусств.

Выше искусства, выше богатства, власти, ума, гения – это безупречность и совершенство характера.

Глава X. Общество книг

Нам бы следовало всегда стараться жить в наилучшем обществе как книг, так и людей.

Хорошая книга может стоять в числе лучших друзей человека. Она сегодня та же самая, что была вчера, и никогда не изменится.

Книга – самый терпеливый, выносливый и веселый товарищ. Она не отвернется от нас в минуты бедствия или невзгоды. Она всегда встречает нас с одинаковой приветливостью, забавляет и поучает нас в молодости, утешает и ободряет в преклонных годах.

Старая поговорка – «любите меня – любите и собаку мою». Гораздо мудрее: «если любите меня – любите и книгу, которую я люблю».

«Тот никогда не бывает один, - говорит Сидней – кого сопровождают благородные мысли».

«Ему удалось, как всегда удается людям, желающим искренне и сильно».

«Время сделало только то, что отделило и отвеяло дурные произведения, потому что в литературе долго жить может только то, что действительно хорошо».

Доброе и великое не умирает. Заключение в книгах дух его вечно живет. Книга есть живой голос: это разум, говорящий другому разуму.

Правило лорда Бульвера-Литтона таково: из произведений научных читайте преимущественно новейшие книги, из литературных – старейшие.

«Умершие, но скиптроносные государи, которые до сих пор из своих могил управляют нашими умами».

Жизнеописания великих и добродетельных людей особенно полезны. Они производят влияние на наши сердца, оживляют нас надеждой и ставят перед нашими глазами великие образцы. Влияние людей, свято исполнявших, в продолжение всей жизни, свой долг под вдохновением высокого духа, никогда не исчезнет вполне.

«Гёте сказал, что нет той посредственности, от которой мудрый человек не мог бы чемунибудь научиться. Сэр Вальтер Скотт, даже путешествуя в дилижансе, собирал сведения и открывал то одну, то другую новую черту характера в своих спутниках».

Честно и талантливо описанная жизнь имеет вдохновляющее действие на читателей. Она ободряет наш дух, оживляет наши надежды, дает нам новые силы, увеличивает наше мужество и усиливает веру – веру в других и в самих себя. Она вызывает в нас стремление, побуждает нас к деятельности и пробуждает в нас желание сделаться соучастниками трудов людей, жизнь которых нам изображает. Читая жизнеописание таких людей, значит жить с образцовыми людьми и вращаться в избранном обществе.

Библия – эта священная и наиболее величественная из всех книг, эта воспитательница молодости, путеводительница зрелости и утешительница старости. Блаженство, даруемое

Библией, часто кажется происходящим от чего-то более существенного, чем слово. Она часть народной души и якорь народного спасения.

Бог является всюду и все твари подчиняются Его велениям, праведныя – исполняя Его закон, неправедные – подвергаясь наказанию.

Из числа великих писателей времен прошедших двое имели, вероятно, наиболее влияния на образование характера людей: то были Плутарх и Монтань: первый тем, что представил героические примеры для подражания, второй – тем, что обсуждал вечные вопросы, которыми ум человеческий был всегда наиболее глубоко заинтересован. Творения обоих, большею частью, облечены в биографическую форму, изображая характеры и случаи, касающиеся родных людей.

Жизнеописания Плутарха, хотя написаны около 1800 лет назад, до сих пор, подобно «Илиаде» Гомера, считаются величайшими творениями. Они были главным авторитетом Шекспира в его великих драмах из классической жизни.

В Альфиери страсть к литературе была пробуждена чтением Плутарха – «Я читал – говорил он: жизнеописания Тимолеона, Цезаря, Брута, Пелопида более 6 раз с криками, слезами и такими восторгами, что я был почти безумным. Каждый раз, когда я встречал какую нибудь великую черту в этих великих людях, мною овладевало такое сильное волнение, что я не мог усидеть спокойно.

Как это удалось Плутарху? Первая причина та, что предмет его труда – великие люди, занимавшие видное место в истории мира; притом он обладал взглядом, способным заметить наиболее выдающиеся события и обстоятельства их жизни, и пером, способным это описать. У него, кроме того, была способность изображать личные характеры своих героев, только начало личности может придать прелесть и интерес всякой биографии. Самая привлекательная сторона великих людей заключается не в том, что они сделали, сколько в том, кем они были, обуславливается не умственной их силой, а их личной привлекательностью. Есть люди, жизнь которых красноречивей их речей и личный характер которых гораздо выше их дел. Произведения Плутарха самые популярные после Библии.

Биографии Плутарха отличаются чрезвычайной соразмерностью частей и сжатостью, они до того благоразумны в своем объеме, что жизнеописания Цезаря и Александра могут быть прочтены в полчаса.

Плутарх желал, чтобы хвалили его рассудительность, чем удивлялись громадности его знаний. Он предпочитает оставлять нас полными желания читать еще и не быть пресыщенными от прочитанного. Он понимал, что человек бывает способен сказать чересчур много даже по поводу самых неинтересных предметов. Как люди худощавые и бедные телом часто скрывают свою худобу под толщиной одежды, так и писатели, обладающие не более как скудным запасом материала, стараются восполнить этот недостаток избытком слов.

Плутарх обладал умением метко улавливать и верно изображать самые тонкие черты характера и мельчайшие особенности в поведении своих героев; он сообщает самые простые подробности, так, например, от него мы узнаем, что Александр Македонский имел привычку держать голову склоненной на одну сторону, что Алкивиад был щеголь и шепелявил, а это чрезвычайно шло к нему, придавая особенную прелесть и убедительность его речам; что у Катона были рыжие волосы и серые глаза, что сам он был ростовщик и скряга, что Цезарь был лыс и любил яркая платья, что Цицерон страдал судорогами в носу. Эти мелкие подробности характера – способствуют тому, что мы видим перед собой лицо живое, каким оно было в действительности. Главная заслуга Плутарха именно и заключается в той внимательности, с которою он относится к мелочам, не позволяя им, однако, брать ненужного перевеса и не пренебрегая явлениями более важными. В иных случаях он говорит нам, какое было излюбленное изречение его героя, а в любимых

изречениях очень часто сказывается душа человека. Что касается слабостей, от них не изъяты даже величайшие люди. Каждый из них имел и имеет свои недостатки, свою слабость, свою дурь. В этих погрешностях сказывается присущее человеческой природе несовершенство. Издали мы можем благоговеть перед великим человеком, считая его полубогом, но подойдя к нему ближе, мы видим, что он такой же непогрешимый человек, как и мы, а потому наш брат.

Даже самые знаменитые подвиги – говорит Плутарх – не всегда дают нам ясное определение и не всегда ясно указывают нам, какими именно пороками или добродетелями обладал человек. Иногда случается, что несравненно менее важные дела – какое-нибудь выражение или даже простая шутка дают нам гораздо более полное понимание характера великих людей и их наклонностей, чем это могут сделать величайшие сражения или гениальнейшие распоряжения на поле битвы или при осаде городов.

Обстоятельства, самые мелкие и даже ничтожные, могут иногда очень многое значить, как в биографии отдельного лица, так и в истории всего человечества: ими часто обуславливаются самые важные результаты.

Вальтер Скотт, Талейран, Байрон были колченогими.

Безобразие ноги Байрона заставило его обратить все свои силы на развитие в себе умственной стороны, возбудило его рвение и приучило полагаться на свои собственные средства.

«У кого – писал Байрон – в наружности есть что-нибудь такое, что порождает презрение, в том живет вечное желание освободить себя от этого презрения; вот почему все безобразные люди крайне смелы».

Как в портрете, так и биографии должны быть свет и тень.

«Если бы у лучшего из людей на лбу были написаны его ошибки, то он глубже нахлобучивал бы свою шапку» – гласит шотландская поговорка.

«Нет человека – говорит Вольтер – в ком не было бы чего-нибудь ненавистного, в ком не сидел бы дикий зверь».

«Немногие из живущих с человеком умеют наблюдать за ним» (Джонсон).

Люди века Шекспира не сознавали его величия, он с успехом управлял театром, в цвете лет он удалился в родной городок, где и кончил свою жизнь и был погребен на сельском кладбище.

О жизни Гомера ничего не известно, о Рафаэле – сравнительно мало. У нас нет биографии Плутарха, который так хорошо описал жизнь других. О Платоне, одном из великих отцов нравственной философии не имеем никаких сведений.

Любимой книгой Гёте было сочинение Спинозы «Этика», в котором он почерпнул мир и утешение, каких не мог найти ни в каком другом сочинении.

Две книги, наиболее сильно повлиявшие на Джона Уэслея, были «Подражание Христу» и «Жизнь и смерть праведников» Джереми Тэйлора.

«Остерегайтесь и не допускайте, чтобы книги вполне поглощали вас – говорил Уэслей – унция любви стоит больше, чем целый фунт знаний».

«К жизни Уэслея часто прибегал Соути – к этому произведению я прибегал каждый раз, когда нездоровье или упадок духа заставляли меня живее чувствовать потребность в старом друге, общество которого никогда не могло бы меня утомить. Как часто вкушал я часы полного самозабвения, которым обязан этой книге».

«Книги доставляют немалую часть истинного счастья» - Фридрих.

Любимой книгой фельдмаршала Блюхера была Клопштокова «Мессиада», а Наполеона – поэмы Оссиана и «Страдания Вертера».

Перелистывайте поэта Ахиллова, пожирайте Оссиана. Вот поэмы, которые возвышают душу и придают человеку колоссальное величие.

«Необыкновенное расположение артиллерии, следствием которого была победа, внушено было Наполеону, как он говорил, воспоминанием о четырех строчках Мильтона. Эти строчки находятся в 6 книге и изображают хитрость сатаны в его войне с небом.

На Гёте имело очень сильное влияние чтение Гольдомитова – «Уэкфильдский священник». Этой книге он приписывал лучшее, что было в его воспоминании.

Лучшие книги очищают, возвышают и поддерживают, они расширяют и освобождают ум, они охраняют его от пошлой светскости, они ведут к приобретению великодушной веселости и ровности характера, они образуют ум, придают ему форму и облагораживают его.

Книги первая необходимость в жизни, а одежда – роскошь, говорил Эразм.

«Никогда не могу, - говорил Эразм, читать рассуждения Цицерона «О старости», «О дружбе», «или «Тускуланские прения» без того, чтобы с жаром не прижать их к своим губам и не почувствовать благоговение к этому человеку».

Мысль возникает от мысли, как пламя зажигается от пламени.

Глава XI. Влияние брака

«Доброта в женщине, а не красивая внешность, заслуживает мою любовь» – Шекспир.

— Кто сможет найти добродетельную женщину? Ценность её превышает ценность рубинов. Мужа её знают в городе, он сидит на ряду с старейшими страны. Сила и почет - её покровы, радость ожидает её впереди. Речь её полна мудрости, в словах её звучит могущество доброты. Она заботливо соблюдает интересы своего мужа и недаром есть хлеб. Дети её растут и называют её благословенною, то же делает и муж её, восхваляя её.

— Мужчина сильнее и обладает более развитыми и крепкими мускулами; натура женщины физически слабее, впечатлительнее и нервнее. Первый стоит выше по силе ума, вторая – по качествам души, и если жизнью управляет голова, то влияние производит сердце.

Бессердечный мужчина так же бесполезен в цивилизованном обществе, как и необразованная и невежественная женщина.

Мужчина, если в нем отсутствуют сочувствие и уважение к другим, представляет собою жалкое, скудное, гнусное и себялюбивое существо.

«Так хороша, что никуда не годится» – итальянская поговорка.

Чтобы поддержать общество в строго нравственном состоянии, мужчины, как и женщины, должны быть непорочны и добродетельны; тем и другим равно необходимо тщательно избегать всего, что может заразить сердце, характер и совесть – избегать как яда, который раз принятый, никогда не может быть вполне удален из организма, но, продолжая действовать, нравственно отравляет, в большей или меньшей степени, счастье всей последующей жизни.

Благодаря любви, мир вечно сохраняет свою юность и свежесть. Это нескончаемая мелодия человечества. Любовь льет лучезарный свет на молодость и окружает кротким сиянием старость. Любовь, порожденная уважением и благоговением, имеет очищающее и возвышающее влияние на характер. Истинная любовь до некоторой степени возвышает и умственный уровень. «Всякая любовь умудряет».

В высоких душах и чувства высокие. Любовь часто даже способствует проявлению качеств, которые до тех пор оставались усыпленными и недоразвитыми.

«Человек, которому было дано любить её (леди Елизавета Гэстингстон), получил роскошное образование».

Женщина не может назваться женщиной, пока она не узнает, что такое любовь.

«Прочная любовь – говорит Фихте – не может существовать без уважения; во всяком другом случае любовь влечет за собой сожаление и не достойна души благородного человека».

Если любовь не составляет преобладающего начала в семье, семейная жизнь может оказаться самым невыносимым игром.

«Ни брани, ни сердитых слов, там никогда не слышать; ни один из её членов не оставался праздным; каждый исполнял свои обязанности расторопно и не без некоторой умеренной весёлости. (Эразм о семье Томаса Мора).

«Все заботы покидают меня, лишь только я возвращаюсь домой» - Эдмунд Бёрк.

Лютер о своей жене – «Я не променял бы моей бедности с нею на все богатства Креза без неё».

Он же о браке: «Высшее благо, которое Бог может дать человеку, есть обладание доброй и благочестивой женой, с которой можно жить в мире и спокойствии и которой можно доверить всё, чем мы владеем, даже нашу жизнь и благосостояние».

«Человек никогда не раскаивается в том, что он встал рано или женился в молодости».

Мужчина не желает находить в своей жене мужественную женщину, точно так же как женщина не желает видеть в своем муже женственного мужчину.

Женщина поддерживает нас своим сочувствием, а не своими познаниями.

Женщина, в которой преобладает ум – говорит Оливер Уэнделл Гольмс (Уэнделл Холмс) – никогда нам не нравится так, как женщина, в которой преобладает сердце.

Между характерами может не быть сходства, но в понятиях и чувствах необходимо должна существовать гармония – сочетание двух разумных душ и двух любящих сердец.

«Блестящие дарования чересчур шумны для очага утомленного человека, а страстность – помеха».

В брачную жизнь следует внести свою доли бодрости, доброты, терпимости и простого здравого смысла.

Золотое правило брачной жизни – «терпи и переноси».

«Брак, подобно правительству, есть целый ряд сделок. Надо уметь брать и давать, обуздываться и сдерживаться, выносить и быть терпеливым. Можно не быть слепым к недостаткам, но их надо, по меньшей мере, переносить с добродушным терпением».

«Соединенный с самообладанием, добрый нрав порождает терпение – терпение переносить без жалобы, слушать не отвечая и не раздражаясь, а просто выжидать, пока пройдет сердитая вспышка». «Кроткий ответ укрощает гнев» - в брачной жизни.

«Красота, которая нам нравилась вчера, сегодня может казаться нам очень обыкновенной, между тем как доброта, сияющая даже в самых простых чертах, никогда не может утратить своей прелести».

Приступи с величайшей осторожностью к выбору жены, потому что этот выбор – источник всякого будущего блага или бедствия.

«Берите себе в жены дочь доброй матери».

«Чем больше я вращаюсь в этом мире, тем более прихожу к убеждению, что только семейное счастье чегонибудь стоит».

«Она не создана для того, чтобы возбуждать восхищение во всех и в каждом, а для того, чтобы составить счастье одного».

В любви своей он был так постоянен, что когда время унесло её молодость и красоту, он сделался с ней еще более ласковым.

«Я безропотно преклоняюсь перед этим ударом, как ниспосланным мне нашим Всевышним отцом, который всё содержит в своей власти и всем управляет».

Глава XII. Школа жизни

«Кресты превращаются в якоря; неси свой крест, как следует его нести, и этот крест тоже будет для тебя якорем». - Донн.

«Надо стать лицом к лицу с трудными житейскими делами, чтобы характер мог получить тот колорит правдивости, который никогда не приобретается одним чтением или учением, но только соприкосновением с грубыми инстинктами обыкновенных мужчин и женщин».

Чтобы стоить чегонибудь, характер должен быть способным стоять твердо – опираясь на одного себя – в мире повседневных трудов, искушений и испытаний и должен уметь переносить все дрязги действительной жизни.

Только при свободном сообщении со светом и людьми человек может сделать правильную оценку своих личных способностей. Без такой опытности человек быстро становится высокомерным, напыщенным и надменным и во всяком случае, остается невеждою относительно того, что касается его лично, несмотря на то, что его собственная особа была единственным обществом, которым он наслаждался.

«Нельзя оспаривать той истины, что человек, знающий настоящую цену своим способностям, никогда не будет играть глупой роли, между тем как с человеком, не знающим себе цены, это всегда случается. – Свифт.

Многие скорее готовы делать оценку способностей ближнего, чем своих собственных. «Приведите его ко мне, сказал какой-то доктор Троншон из Женевы, говоря о Руссо: приведите его, чтобы я мог посмотреть, есть ли в нем чтонибудь».

«Вы только знаете, что вы можете сделать, но пока вы не узнаете, чего вы не можете, до тех пор вы не совершите ничего замечательного и не узнаете внутреннего мира».

Кто хочет пользоваться опытом, тот никогда не сочтет испрошение совета унижением собственного достоинства. Кто считает себя настолько умным, что ничему не может научиться от других, тому никогда не удастся сделать чтонибудь хорошее или великое. Ум и сердце наши должны быть всегда открыты, и мы не должны стыдиться учиться с помощью тех, кто умнее и опытнее нас.

Что мы называем здравым смыслом, есть по большей части, не что иное, как результат ежедневного опыта, усовершенствованный разумом. Для приобретения его не нужно больших способностей, а нужны только терпение, аккуратность и прилежание.

Женщины выказывают иногда более здравого смысла, чем мужчины. У них меньше претензий и они судят проще, на основании того непосредственного впечатления, которое вещи производят на их ум. Их инстинктивное понимание острее, их соображение быстрее, их чувство живее и вообще, их склад ума более настроен к пониманию ближайших практических целей. Отсюда происходит тот большой такт, который они выказывают в управлении другими.

Владеть благоразумием гораздо важнее, чем знанием.

«Время и я – мы победим хотя кого» – были любимой поговоркой кардинала Мазарини.

Время называли утешителем и украшателем, оно же является и учителем. Оно – пища опытности и почва, на которой произрастает мудрость. Время может быть другом или врагом юности.

По мере накопления годов, мы узнаём постепенно, что земная жизнь полна не одной только радости, но и горя. Подвигаясь в жизни, мы видим открывающиеся перед нами мрачные картины труда, затруднений, а быть может и несчастий и неудач. Счастливы те, которые сумели пройти через испытания, сохранив твердость и чистоту души, те, которые встречали удары судьбы с бодростью и не согнулись под тяжестью самого тяжелого бремени.

Время в своем течении, как бы ни была юношеская пылкость, постепенно охлаждает её, умеряя и укрощая её путем опытности. Но все-таки она здоровый и многообещающий признак характера. Её следует поддерживать, давая ей правильное направление, но не глумиться над нею и не подавлять её. Она признак сильной и несебялюбивой природы,

точно так же как эгоизм всегда бывает признаком узкой и самолюбивой, а начинать жизнь с эгоизма и самомнения губительно для всякого дальнейшего расширения и совершенствования характера.

Если время посева было неблагоприятно, то нельзя ждать ни обильного цветами лета, ни богатой плодами осени.

Мужественного человека не смущает неудача, он продолжает делать опыты, пока не достигнет успеха.

Видя успех, которого человек достиг, мы иногда забываем его труды, опасности и страдания, которыми достигается успех. Ну, так помните же, что в меня стреляли более тысячи раз и притом на более близком расстоянии, прежде чем я достиг того положения, в котором вы меня теперь видите» - Маршал Лефер.

Школа затруднения – одна из самых лучших, которую проходит человек. Обыкновенно она пробуждает и образует характер, она часто вызывает такие силы к действию, которые без того оставались бы в состоянии недеятельности. Герои нередко вызываются неожиданными бедствиями. Гений в известных случаях, чтобы вызвать в нем божественную искру, тоже требует сильного толчка неожиданного несчастья. Есть характеры, которые цветут и приносят плод только посреди испытаний, и которые вянут и погибают в атмосфере довольства и спокойствия.

Борьба есть условие победы.

Затруднения, несчастья и страдания – не только зло, но часто лучший источник силы, дисциплины и добродетели.

«Кто боролся – говорит Карлэйль – хотя бы только с бедностью и тяжелым трудом, тот будет крепче и опытнее того, кто оставался дома, вдали от битвы или скрывался в обозе, или беспечно довольствовался готовым».

«Богатство гораздо более давит умственную деятельность».

«Я могу сказать бедности – милости просим! Только пусть не приходит в позднюю пору жизни. Затруднение – говорит Мишле – великое возбуждательное средство».

Один великий музыкант сказал раз о талантливой, но безстрастной певице: «Она поет хорошо, но ей чего-то недостает, а в этом чём-то заключается всё. Если бы я был холостой, я стал бы за нею ухаживать, женился бы на ней, мучил бы её, разбил бы ей сердце – и через шесть месяцев она была бы величайшей певицей в Европе».

Боже избави – помочи бедности Сервантеса, «ведь нужда заставляет его писать. Его бедность обогащает мир».

«В сильных и здоровых натурах энергия поддерживается не столько успехами, сколько неудачами».

«Я не родился законодателем (писал Бёрк) и меня с пеленок не воспитывали для этой деятельности. Возвышаюсь в несчастьи – вот девиз для такого человека, как вы. Для иных, чтобы выказать всю силу своего характера и гения, требуется только встретить на своем пути какое-нибудь большое затруднение и это затруднение, как скоро они его преодолели, превращается в одну из величайших побудительных причин их дальнейшего преуспевания».

Очень ошибочно думать, что люди приобретают успех посредством успеха; напротив, они гораздо чаще достигают успеха, благодаря неудачам.

Неудачи побуждают людей благородных приложить большую осмотрительность, большой такт и самообладание, как средства, могущие доставить им в будущем большой успех.

Путем непоколебимого терпения и стойкости Трегэм, как и Дизраели, добился того, что сделался одним из самых красноречивых и влиятельных ораторов парламента.

Стремление к умственному совершенству развивается лучше всего в уединении. Душа, беседуя сама с собою в одиночестве, приобретает часто необыкновенную сильную энергию. Одиночество может послужить человеку в пользу или во вред, смотря по тому, каким он обладает характером, какое получил воспитание и каков его природный темперамент. Человеку, обладающему великодушной и широкой натурой, одиночество может принести пользу; оно способствует увеличению чистоты сердца, между тем как в мелкой натуре оно послужит только увеличению жестокости и без того жестокого сердца. Если одиночество часто может поддерживать великий и сильный ум, то оно же всегда является мучением мелкого.

Лютер проводил свое время заключения в Вартбургском замке, переводя Библию и сочиняя свои знаменитые трактаты, которыми наводнил всю Германию.

«Без креста нет и венца». О некоторых великих людях можно сказать, что жизнь их началась со времени их смерти.

Мильтон говорил: «Кто может больше перенести, тот может больше совершить».

Дела многих величайших людей, внушенные им долгом, были исполнены посреди страданий, испытаний и затруднений. Они плыли против течения, достигли берега утомленные, вышли на берег и умерли. Но смерть бессильна над такими людьми, священная память переживает их.

Для всех нас – сказал Гёте – жизнь есть страдание. Живых должно занимать не то, в чем они потерпели неудачу, не то, что они перенесли, но то, что они сделали.

Не удобства и не легкость жизни испытывают люди и вызывают то, что в них есть хорошего, но затруднения и страдания.

«Испытания нередко открывают добродетели и вызывают на свет скрытые качества.

Полного счастья нельзя искать в этом мире. Да если бы и можно было его достигнуть, оно принесло бы сравнительно мало пользы. Самое вредное из всех учений есть учение о внешнем благе и комфорте, затруднения и даже неудачи гораздо лучше воспитывают людей.

Слишком большое благосостояние вредит нравственности человека и ведет к поступкам, которые оканчиваются страданиями, или вызывают зависть, клевету и недоброжелательство других.

Неудачи исправляют характер и укрепляют природу. Горе какую-то таинственную связь соединено с радостью.

Джон Бунион сказал: «Если бы это было законно, то он даже стал бы молить послать ему великое горе, ради большого усовершенствования.

«Смотря в лицо бога, мы не чувствуем его руки».

Нет сомнения, что горе, как и радость, посылается провидением и что первое, более последнего, имеет влияние на образование характера. Оно очищает природу человека, учит терпению и покорности и вызывает самые глубокие и возвышенные мысли.

Описывая христианскую жизнь, апостол Равел говорит: «Яко наказуемы, а не мерщвяемы; яко скорбящее, присно же радующееся»; яко нищи, а многи богатящее; яко ничтоже имуще, а вся содержаще».

Если бы не страдания, то у многих лучшая сторона их человеческой природы спала бы непробудным сном.

«Что знает тот – сказал один мудрец – кто не прошел через страдания?».

Смотрите на печальные обстоятельства и на огорчения, как на школу добродетели. Они укрощают человека, приучая его к воздержанию и умеренности, они карают легкомыслие и кладут предел смелости греха. – Тэйлор.

«Нет человека более жалкого, чем тот, которому не дано было испытать несчастья. Его хорошие и дурные стороны остаются не испытанными».

Едва ли найдется человек, которого бы жизнь сопровождалась большими успехами, чем жизнь Гёте, обладавшего великолепным здоровьем, почестями, силою и полным достатком материальных средств, а между тем, он признается, что в течение всей своей жизни он и пяти недель не вкушал истинных радостей.

«Погоня за счастьем, погоня за призраком».

Жизнь, постоянно освещенная солнечным светом и лишенная всякой тени, полная счастья, без малейшей примеси горя, преисполненная удовольствий, но не знающая огорчений, перестала бы быть жизнью, по меньшей мере жизнью человека.

Благоразумный человек не будет требовать слишком многого от людей, его окружающих. Если мы желаем жить в мире с ближними, мы должны быть терпеливы и выносливы. Даже самые лучшие люди имеют свои слабости, к которым следует относиться не только терпеливо, но иногда даже с сочувствием и состраданием. Кто из нас может похвалиться совершенством? У кого нет своей ахилловой пяты? Кто не нуждается в терпимости или прощении?

Слова: «О, Господи, помоги мне сохранить мою невинность и дай величие другим», написанные несчастной королевой, должны бы были быть молитвою всех и каждого.

Каждый человек создает себе свой собственный мирок. Человек весёлый и добрый создает его приятным; недовольный, напротив, - печальным. Слова: «мой дух – для меня целое царство» применяются одинаково как к простолюдину, так и к венценосцам. Один может быть в сердце монархом, другой – рабом. Жизнь есть, по большей части, отражение нашей собственной личности. Наш дух придает истинный характер всем положениям, всем состояниям, высоким и низким. Для доброго мир хорош, для дурного он дурен. Если наш взгляд на жизнь возвышен, если мы смотрим на неё как на поприще полезных усилий, высокого образа действий и мыслей, деятельность на пользу других и свою собственную, то жизнь будет приятна, полна надежды и благословений, если же будем смотреть на жизнь, как на средство для удовлетворения нашего самолюбия, для доставления нам удовольствия и нашего возвышения, то жизнь будет полна забот, беспокойств и разочарований.

Жизнь так полна тайн, которые мы видим «яко зеркалом в гадании».

Каждый из нас обязан исполнить свой долг в той сфере, в которой он поставлен. Только в исполнении долга есть истина. В неисполнении долга нет высокой деятельности. Долг есть конечная цель жизни в её высшем смысле. Самое чистое удовольствие есть то, которое порождается сознанием исполнения долга, оно одно из всех дает полное удовлетворение и менее других сопровождается сожалением и разочарованием.

Сознание исполненного долга - музыка среди полуночи» - Дж. Герберт.

УМ И ЭНЕРГИЯ (ЖИЗНЬ И ТРУД)

Глава I. Люди и благородные люди

Бывают врожденное благородство и врожденная вежливость, состоящие в великодушии и душевных достоинствах, и это можно встретить в самых низших общественных слоях.

Предупредительность в обращении, пожалуй, есть самая тонкая черта благородного характера.

«Благородство приемов лучше красоты формы – Эмерсон – оно доставляет высшее наслаждение, чем статуи и картины».

Кэнси был джентльменом во всем, что говорил и делал. Он очень ценил услуги, какия ему оказывали другие, и был вежлив даже с людьми самого низшего общественного положения».

Если вам предстоит очень много дела, всегда начинайте с самого неприятного.

Вежливость можно назвать панцирем, прикрывающим острые углы нашего характера и не позволяющим им причинять боль другим.

Человек самого низкого происхождения может занять самое высокое положение и, наоборот, высокородженный, от безчестной и дурной жизни, может опуститься до самого низменного уровня. Первый поднимается силою соревнования и добродетели, а второй понижается от небрежности и порочности».

«Веселость есть красота ума и, подобно телесной красоте, почти всех покоряет себе. Она отличается от последней только тем, что никогда не стареется, так как ничего не может быть прекраснее веселого старческого лица».

Веселость необходима и во многих отношениях она бывает источником успеха. Но дух мы должны поддерживать в состоянии упругости для того, чтобы преодолевать трудности, встречающиеся в жизни. Веселость означает довольный собою ум, чистое сердце и добрый, любящий характер. Она показывает также скромность и милосердие, великодушную оценку других и скромное мнение о самом себе.

Добро совершается не великими подвигами, а постоянно. Вежливостью и вниманием, добрым отношением и дружескими качествами.

«Если б меня спросили, какой главный недостаток английского общества, препятствующий слиянию сословий, я ответил бы одним словом – это недостаток симпатий» - судья Тэльфорд.

Благородный человек должен быть и справедлив, и тверд. Он прощает или чувствует обиду, но никогда не мстит за неё: в этом отношении он всегда готов подражать Сократу. Некто сказал мудрецу: «пусть я умру, если не отомщу тебе», на что тот ему ответил – «пусть я умру, если из тебя не сделаю друга».

Глава II. Великие люди – великие работники

— Не работая, мы не имеем права на общественное уважение и почет. Труд есть лучший воспитатель, заставляя человека приходить в соприкосновение с другими и с действительной жизнью.

Биография самых достойных людей показывает, что они упорно держались своего пути, неустанно трудились над своими исследованиями и с истинным героизмом преследовали намеченные ими цели.

Величайшие из людей поднимались до выдающегося положения путем неутомимой деятельности и терпеливой работы. Каким бы врожденным талантом они не обладали, какой бы живостью способностей они не отличались, они не могли избежать тяжести упорного труда. Труд нельзя назвать тяжестью: соединённые с надеждою, он служит источником удовольствия.

«Всего труднее – говорит блаженный Августин, - вовсе не трудиться».

Ленивые, не работающие люди теряют даже способность к удовольствию. Их жизнь есть вечный праздник, и в ней недостает промежутков досуга для восстановления сил. Лежебоки никогда ничего не делали на этом свете; события скользят мимо них и оставляют их дремлющими и беспомощными.

«Лень – говорит Джереми Тэйлор - равносильна погребению заживо: ленивый человек так же бесполезен для целей божества и человечества, как если бы он был мертвым и вполне безучастным к переменам и требованиям жизни».

Человек, не исполняющий никакой работы, считая это слишком низким для себя, достоин сожаления и презрения.

Аристотель утверждал, что «счастье есть известного рода энергия, и что счастье и здоровье не совместимы с ленью».

Мы должны дорожить временем, наблюдать за ним и быть точными по отношению к себе и к другим.

На замечание опоздавшего дворянина «Лучше поздно, чем никогда», король Георг III ответил: «Нет, лучше никогда, чем поздно».

«Слишком поздно – величайшее проклятие нашей жизни, слишком поздно для исполнения необходимого, слишком поздно для любви, слишком поздно для уважения и почета, слишком поздно для изменения жизни, для успеха и т.д.».

Кетле говорит: «Человек, всегда стремящийся к одной и той же цели, кончает тем, что приобретает громадную нравственную силу».

Виктор Гюго говорит: «Упрямы достигают величия. Смелые способны только на один порыв, мужественные обладают лишь темпераментом, отважные – лишь доблестью, упорствующие в истине обладают величием. Почти весь секрет великих людей дум заключается в этом слове – упорство».

«Гений великих людей заключается в их высшем терпении».

«Ни одного дня не должно проходить без штриха» - было правилом Апеллеса.

Постоянное и внимательное наблюдение было обычаем Ньютона.

Терпеливый и внимательный наблюдатель, проверяющий свои наблюдения тщательным исследованием, становится открывателем и изобретателем.

Ньютон высказывал, что он превосходит других людей лишь одной способностью – постоянно сосредоточивать мысли на известной проблеме, непрерывно думать о ней и проверять её новыми и новыми исследованиями, пока не получится её решение.

«Упорство есть энергия, обратившаяся и в привычку и упорство в труде, разумно и непрерывно применяемое, - создает гениев.

Успех в устранении препятствий сводится к закону механики – величайшему напряжению силы, сосредоточивающемуся, по желанию, в данной точке. Если наша природная сила уступает силе какого-либо другого, вы можете сравняться с ним, упражняя её дольше и сосредоточивая больше, чем он.

Ручейка, выходящая из скалистой горы, соединяясь с другими потоками, становится сначала небольшой речкой, потом бурной рекой и, наконец, частью бездонного океана, только силою того, что она непрерывно и упорно стремится вперед».

«Несчастья могут служить ступенью для гения и источником обогащения для способного человека, а для человека слабого – причиною гибели».

Всё зависит от нашей воли и силы нашего желания. При напряжении воли, в способах действия не может быть недостатка.

Жизнь никогда не остается в положении застоя: всё в человечестве идет назад, если не идет вперед. Там, где являются препятствия, мы должны пройти через них, как бы это ни было трудно.

Девизом сэра Филиппа Сиднея было прекрасное выражение: «Я найду дорогу или проложу её».

Многие обязаны своим благополучием какой-либо неудаче, под влиянием которой им приходилось работать и в борьбе с нею развивались их лучшие качества. Сила или слабость характера обнаруживается всего вернее, когда во внешних условиях происходит внезапная перемена, чаще тяжелого свойства, при которой человек вынужден искать помощи в самом себе и иногда выказывает неожиданные качества характера, ведущая к отличию и возвышению.

Даже самая усиленная вражда может принести величайшую пользу, возбуждая к деятельности внутреннюю силу, упорство и энергию характера. Таким образом, наш враг неудача становится нашим помощником. Одних порывов, без упорства, никогда не бывает достаточно.

Излишняя бережливость не ведет к счастью или к возвышенности характера; напротив, она суживает и понижает его. Богатство портит нравственность и ожесточает сердце, бедность сокрушает ум и смелость человека.

«Пусть мудрый старается преследовать то или другое желание, тот, кого что-либо не занимает по преимуществу, находит всё безвкусным и скучным» – говорит Бэкон.

Мы должны делать какое-либо дело особенно хорошо, а в других искать развлечения и разнообразия нашей деятельности. Это вернейший способ для пользования досугом и для сохранения цвета и прелести жизни.

Ужение рыбы, это упражнение в нравственной дисциплине, требующее терпения, выносливости и самообладания – Дэви.

Рецепты многих кушаний, получивших известность, говорят, были придуманы Россини (салаты, трюфели и пр.).

Кребильтон – «привязанность к кошкам и собакам заставляла добывать людскую неблагодарность».

Ни одна фраза так не оскорбляет, как та, которую приходится слышать очень часто - что не знают, как провести время.

Трудолюбие позволяет заключать о великодушном и разумном душевном строе.

Бездеятельность и лень могут быть названы самыми низменными свойствами человека. Ленивый человек не только бесполезен, он составляет тяжесть для общества, так как потребляет, ничего не производя.

Если человек считает лень своей привилегией, то это поведет только к его несчастью; именно, если он не приносит никакой пользы и не исполняет никакой службы богу и людям, у него не может быть права быть счастливым.

— Умственные работники – они главные люди общества, так как не деньги и не положение, а ум и доброта поднимают человека на высший уровень и составляют двигательную силу человечества.

— Феодота хвалилась перед Сократом, что она может привлечь от него к себе всех его учеников: «Это возможно, ответил мудрец, так как ты ведешь их вниз по легкому спуску, тогда как я заставляю их подниматься к вершине добродетели, что очень трудно и многим незнакомо».

«День несоразмерно длинен для того, кто не умеет ценить его и пользоваться им» - Гёте.

У Микель- Анджело была неудержимая страсть к работе.

Леонардо-да-Винчи был также трудолюбив и вынослив. Он был в одно и то же время – живописец, скульптор, химик, механик, писатель, архитектор, инженер, человек самого обширного ума и, может быть, самый универсальный гений из всех известных миру.

Вольтер объяснил, что он не написал ни одного произведения, которое удовлетворяло бы его. В процессе перенесения мысли на бумагу, по-видимому, ускользает самая тонкая часть ее.

Существует старинное сказание о короле и королеве, у которых родился прекрасный сын. 12 волшебниц пришли на его крестины, каждая с подарком. Благородная наружность, мудрость, сила, красота – всё было дано ему, так что никто из смертных не мог с ним сравниться. Тогда пришла 13-ая фея с даром недовольства, но рассерженный отец не принял её. Мальчик рос, будучи чудом совершенства, но, довольный обладанием своих удивительных качеств, он не заботился о том, чтобы применить их к добру или злу. В нем не было никакой энергии: добродушный и спокойный, он давал жизни скользить мимо него и ничего не делать. Под конец король понял, что отвергнутый дар должен был увенчать все остальное.

«Жить значит – бодрствовать».

Одни работают, ради того, чтобы быть чем-нибудь заняты, другие ради удовольствия, иные для денег, некоторые для славы, но есть и такие, для которых труд – необходимая потребность: без работы, без занятий существование для них невыносимо.

Лютер - немецкий писатель – никогда не был без дела: на досуге занимался музыкой, токарным делом, был часовым мастером,

Труд, энергия и решительность были обычными условиями его жизни. Ничто не могло остановить его, когда он ясно видел путь своего долга.

До 25 лет Лютер напечатал весьма немного, но с этой поры своей жизни он становится не только самым плодовитым, но и самым популярным писателем в Германии. Его первое напечатанное произведение имело характерное заглавие – «Решения», выразившее энергичную решимость человека, жизнь которого была в действительности долгой борьбой с затруднениями и опасностями. Энергией своего слога и пылкостью своих убеждений он всех заставлял склоняться перед ним.

Жажда работы Лютера доходила до чрезвычайной силы. За 3 года он написал и напечатал 446 сочинений, ко многим из которых были приложены гравюры, сделанные по его рисункам. Можно сказать, что умственная печать легла на всё его поколение и на всю его нацию. Особенное внимание он посвящал делу народного образования. То, чем стала Германия, в значительной степени должно быть приписано его проницательности и личному влиянию.

«Робинзон Крузо» Дефо – не сразу нашел признание, в настоящее время это произведение обещает долговечность.

Робертсон (эдинбургский ученый) с ранней молодости взял себе девизом - жизнь без литературы есть смерть.

Сэр Джон Синклер был неутомимый труженик.

Литтре – сперва занимался медициной, потом журнальной работой и, наконец, лексикологией. 62-х лет он принялся за великий труд – «Словарь французского языка», который сделал один, без посторонней помощи, то, для чего в предшествующем поколении понадобилось соединенное знание и трудолюбие членов всей французской Академии. Это не только словарь, но и история каждого слова, с его номенклатурой, значением, произношением, этимологией, определениями и синонимами, вместе с стилистическими примерами, взятыми из знаменитых писателей. Подобный труд никогда не был выполняем одним человеком и в такое короткое время (14 лет).

Однажды, когда Гёте был почтён посещением коронованной особы, он исчез на несколько минут среди интересного разговора и отправился в другую комнату, чтобы записать только что явившуюся у него мысль для «Фауста».

Попе не пропускал ни одной новой мысли, если даже она приходила ему ночью: он вставал, зажигал свечку и записывал её.

Эразм написал свою «Похвалу глупости» в семь дней, но она вместила в себе результаты его умственной работы в течение целой жизни. Быстрота самой письменной работы, после должной энергии в подготовке, есть, без сомнения, самый верный метод.

Удачный оборот мысли приходит часто лишь после долгого размышления и помогает ей овладеть умом и памятью людей и жить века.

Дюма-отец был одним из самых быстро работающих писателей нашего времени. Он написал первые 4 части «Монте-Кристо» в 16 дней.

— Музыка – есть искусство пророков, это единственное искусство, которое наравне с теологией, может успокаивать волнения души и обращать дьявола в бегство.

Великие композиторы по большей части были неутомимыми работниками. Гайдн кроме 6 ораторий, из которых 2 были «Сотворения мира» и «Времена года», написал 106 симфоний, 200 концертов, 83 скрипичных квартета, 60 фортепианных сонат, 15 месс, 14 опер, 62 – кантонеты.

Гендель работал постоянно и скоро, даже и тогда, когда силы его были ослаблены параличем («Мессия», «Израиль в Египте», «Саула», «Израиль», «Ода Драндена», «Юпитер в Аргосе»).

Моцарт работал еще быстрее. Его «Свадьба Фигаро» была написана в месяц, «Дон Жуан» был написан в 6 недель. Увертюра не была еще начата накануне I-го представления. Он приступил к ней около полуночи, и к утру она была готова. «Волшебная флейта» была также написана с чрезвычайной быстротой, хотя его здоровье начинало слабеть, вследствие неправильной жизни и избытка работы. Затем он написал «Милосердие Тита». Последним произведением его был «Requiem», который он писал на смертном одре, работая над ним до последнего вздоха.

Самые грациозные произведения Вебера были задуманы и созданы среди постоянных мелочных забот, а самые могучие идеи «Оберона», подобно «Ламмермурской невесты» В. Скотта, явились на свет в то время, когда автор был обессилен горем и страданиями. В этих случаях его дух торжествовал над телом и сопротивлялся всем бедствиям и мучениям, которые обрушивались на него.

Глава III. Великие юноши

Воспитание начинается и оканчивается вместе с жизнью.

Проявление воли, выражение вкуса, даже энергичный взгляд иногда приподнимают угол завесы, скрывающей молодую душу и позволяют на минуту взглянуть на будущее человека.

Слишком раннее развитие часто сказывается болезненным явлением – возбужденностью тонкой нервной организации или переутомлением крайне нежного мозга.

Родные и учителя нередко забывают, что для ребенка настоящее дело, прежде всего – расти, что мозг, в раннем возрасте нельзя обременять работой без серьезного вреда для физического здоровья, что тело – мышцы, легкая и желудок – должны сначала окрепнуть в здоровом состоянии и что мозг созревает позднее всех других органов. Действительно, в раннюю пору жизни, пищеварение важнее мышления, физическое упражнение необходимо и для умственного развития и д и с ц и п л и н а – важнее знания.

Преждевременно развившиеся дети, цветут для того, чтобы отцвести, и проходят свой маленький жизненный путь в несколько коротких лет. Напряжение их нервной системы превосходит то, что может вынести их физическая организация и они погибают так же быстро, как быстро начинают жить. Дети в настоящее время слишком заняты чтением, письмом и пересказом уроков. Мозг работает слишком много, а тело слишком мало.

Отсюда происходят головные боли, тревожность, раздражительность и часто общее расслабление и болезненность.

Гендель и Россини дожили до старости, Шуберт умер 31 года, Моцарт – 36, Персель – 37, Мендельсон – 38, Вебер – 40. Как будто эти великие музыканты были сожжены своим собственным огнем.

В. Скотт не был мальчиком раннего развития. Учитель греческого языка в школе считал его тупицей.

Паскаль – один из возвышеннейших умов всего мира. С 14 лет посещал научные семинары, в 16 лет написал трактат «О конических сечениях». Декарт выразил удивление, узнав о юных годах автора. В 19 лет Паскаль изобрел числительную машину. 25-летняя научная жизнь Паскаля завершилась вместе с его жизнью - в 39-летнем возрасте.

Джеймс Уатт в 30 лет изобрел паровую машину.

Александр Македонский умер в 31 год.

Генрих Наваррский: «Вы правы, он великий полководец (герцог Майеннский), но я всегда бываю на 5 часов впереди его». Генрих вставал на 5 часов раньше герцога. Он был один из тех людей, которые не теряют ни одной минуты, стараясь извлечь из нея возможную пользу.

Карл XII вступил на престол в 15 лет.

Наполеон был велик, пока продолжалась его молодость. После военных успехов, продолжавшихся 23 года, Наполеон потерпел полное поражение в сражении при Ватерлоо, на 46 году. В то время годы и полнота уже мешали ему.

Ньютон открыл закон тяготения в 25 лет и не издал ни одного сочинения после 44.

Глава IV. Великие старцы

«Всё приходит для того, кто умеет ждать».

«Он был растением, расцветшим поздно, в нем не было ничего замечательного, пока он был молод.

С возрастом мозг, подобно телу, засыхает и твердеет. Человек перестает уже видеть наиболее светлую сторону вещей и не так легко переносит невзгоды.

«Свойство старости – делать острее шипы и бледнее цветы жизни».

Оноре Бальзак в школе оказался ленивым и непослушным.

Незаконные сыновья – Эразм Роттердамский, Леонардо-да-Винчи, Исак Лерон, Даламбер.

«Люди всегда будут такими, говорил Руссо, какими делают их женщины; если вы хотите, чтобы были великие и добродетельные люди, внушите женщинам – что такое величие и добродетель».

Никто не имел над Наполеоном влияния, кроме его матери, которая находила средства соединением нежности, строгости и справедливости заставить его любить, уважать и слушаться себя. Но величие характера зависит от самого себя, из многочисленной семьи Наполеона он один достиг величия.

Чарльз Дарвин никогда не мог работать более 3 часов в день. Даже разговор утомлял его. Он отмечал: разговор становится слишком возбуждающим! Вы должны позволить мне удалиться.

Утомление мозга портит здоровье. Гален говорил: «Если нервная система работает слишком много, весь остальной организм уклоняется от правильного пути, симметрия органов нарушается, настоящая гармония и равновесие исчезают и различные отправления нашего тела утрачивают свою правильность. Тогда и желудок теряет свою энергию».

«Без этой проклятой желчи, говорил Наполеон, мы не выигрывали бы больших сражений».

Желудок называют «отцом всей семьи». Если этот отец не питается и не отдыхает как следует, он становится беспокоен, тревожен и, наконец, окончательно возмущается.

Сидней Смит так отзывался о дурном пищеварении: Старинная дружеская связь расстраивается иногда от дурного сыра! Неприятные физические ощущения вызывают соответствующие душевные чувства и целая плачевная картина будущего заключается в куске неудобоваримой и не подходящей пищи».

Д-р Джонсон говорил: «Каждый человек бывает дурным, когда он болен».

«Какое несообразное животное человек – Говорил Попе – как неустойчива лучшая часть его – душа, и как изменчива даже его телесная оболочка. Спокойствие первой потрясается всем, что она узнает; темперамент второй подвергается влиянию каждого дуновения ветра. Весь человек могущественная непоследовательность».

Один французский врач говорил: «Скажите мне, каково у вас пищеварение, и я скажу Вам, как вы мыслите».

«У меня такая нервная организация – говорил Бетховен, что малейшее обстоятельство может изменить радостное настроение в печальное».

Все лучшие произведения Байрона и Шелли написаны ими в состоянии временного умственного расстройства. Байрон называл поэзию «выражением возбужденной страсти».

Жизнь должна измеряться не количеством годов, но суммой ощущений человека. Чем больше он чувствует, тем более он получает от жизни и тем усиленнее живет. Все дело в том, сколько человек чувствовал, испытал и сделал. Некоторые блестящие молодые поэты, погибшие от истощения сил, еще не дожив до сорока лет, на самом деле сделали более многих, проживших до 80.

Как говорил Шелли: «добрые умирают раньше, а те, сердца которых сухи, как летняя пыль, сгорают медленно до самого основания».

Свифт утверждал даже, что великий человек не может дожить до глубокой старости. Когда ему говорили о каком нибудь добром или достойном старике, он возражал: «если бы его голова или сердце чего нибудь стоили, он давно бы уже умер от истощения сил». Чем быстрее горение, тем скорее оно превращается в пепел (Байрон – 37, Шиллер – 46, Шекспир – 52).

Люди, истощившие свои силы работой, удовольствиями, излишествами, умирают рано.

Другие при обладании могучими умственными силами, относились заботливо к физическим упражнениям, такие люди доживали до преклонного возраста – избранники природы.

— Вред излишней чувствительности увеличивается сидячею жизнью.

— При, о сон, крепкий узел мира, бальзам горести, богатство бедняка, освобождение узника.

— Постоянное лишение сна было одною из пыток инквизиции, и она всегда приводила к желаемому результату. Мозг ослабевает при постоянной и изнурительной работе, в особенности в ночное время.

«Вы посмеётесь от всего сердца и это будет вам полезнее всяких лекарств – сходите посмотреть на Гримальди» – увы, ответил больной – я сам Гримальди.

Мольер, блещущий веселостью в своих произведениях, был жертвой ипохондрии, так же как Байрон, Бетховен и др. Таковы терновые венцы, обвивающие головы властителей мысли.

— Всё зло исходит от головы.

— Лучше пусть мозг остается недостаточно деятельным в ранней молодости, чем слишком утомленным в ущерб здоровью, которое уже вернуть нельзя.

Глава V. Родословная таланта и гения

— Слово гений с трудом поддается определению. Быть может, это крайнее усиление таланта, или величайшая энергия воображения, но вероятно, это – нечто еще более того. Гений одушевляет неодушевленное. Первый импульс гения – есть создание того, что никогда не существовало до тех пор. Гениальность – это «способность воспламеняться собственным огнем», «это высшее развитие разума в человеке». О гении Мольера говорили, что это «необыкновенно обострившийся здравый смысл».

Обыкновенные люди – подражатели, гениальные люди – творцы. Гений начинается там, где оканчиваются правила. Терпение и труд ищут дороги, гений её находит.

По учению Авиценны, всё повинуется человеческой душе, возвысившейся до экстаза. При сосредоточенном внимании, умственные способности приобретают необычную силу, подобно тому, как лучи, падая на вогнутое зеркало, собираются в одну точку. Сила человеческого ума пропорциональна силе его концентрации. А концентрация или сосредоточение означает экзальтацию, экстаз, вдохновение. Это именно то, что главным образом определяет различие между людьми и достигаемыми ими результатами в поэзии, красноречии, науке, изобретениях или искусстве. Это – поворотная точка гения, та, которую открыл Архимед, когда бежал полуодетый, по улицам Сиракуз, во время осады и кричал: «я нашел!». Ньютон совершил свое великое открытие вследствие того, что «всегда думал о нем», т.е. вследствие усиленной способности сосредоточения ума на предмете своих изысканий.

Большинство великих людей одолевали препятствия, которые с первого взгляда, казалось, являлись для них непобедимой преградой к достижению известности. Так, Ганс Закс поднялся выше своего сапожного мастерства, Джон Стоу – портнянского, Аркрайт – парикмахерского, Глод Лоррен – пирожного, Мольер – обойного, Китс – москательного.

Люди, обладавшие величайшим гением, часто этого не сознавали. Гений обнаруживается последовательными попытками, а иногда и последовательными неудачами. Неудачи в астрологии привели Ньютона к изучению физики и астрономии, доставившему ему величайшую славу. Однако Ньютон, так же как и Шекспир, был совершенно равнодушен к славе.

Хотя гений иногда сам заключает в себе закон, но часто он достигает своей цели при помощи труда, торжествующего над всеми препятствиями. Самая способность к определенному и усиленному труду есть одно из свойств гения.

Различие между людьми заключается не столько в их самостоятельной даровитости, сколько в постоянном и упорном труде. Должна быть искра творческой способности: иначе работа сама по себе не принесет видных результатов. Гениальные люди не только трудолюбивы и упорны, они энтузиасты; в области открытий или изобретения нельзя ни к чему придти без энтузиазма. Гениальный человек обычно опережает свой век. Современники не только его не признают: они часто осмеивают и притесняют его.

Терпение нельзя считать только пассивным качеством: оно может быть деятельным, представляя собой сосредоточенную силу. Великие государственные люди, по большей части, отличались терпеливостью и упорством.

Глава VII. Здоровье.

Сократ один из мудрейших людей. Он не писал книг, а только беседовал с друзьями и учениками во время прогулок, ради разнообразия всего отдыха, ездил верхом на деревянной лошади, или играл на лире, это сообщало известное настроение его уму. Платон, подобно своему учителю, «был большим поклонником различного рода развлечений. Аристотель, в IV книге «Этики», высказывает мнение, что игра и развлечение столь же необходимо для здоровой жизни, как покой и подкрепление сил.

«Так же, как нельзя держать лук все время натянутым (тогда он потерял бы свою силу), также и разум скоро утратил бы свою силу, если бы я не давал ему отдыха».

Бездействие не всегда можно назвать ленью.

Даческо, великий канцлер Франции, говорил, что он отдыхает только при перемене занятий.

Сажать растения, есть одно из величайших удовольствий преклонного возраста.

Кардинал Ришелье был также охотником до прыганья, один посетитель застал его в состязании с его слугой, кому удастся прыгнуть до высшей точки, отмеченной на стене.

«Когда мы стараемся и наши душевные силы идут к упадку, нас освежает, если мы окружены множеством живых существ и часто находимся с ними».

У Байрона любовь к животным доходила до мании. Обстановка лорда Байрона заключала в себе, кроме слуг, 10 лошадей, 8 – собак, 3 – обезьяны, 5 кошек, орла, ворона и сокола, и всё это, за исключением лошадей, расхаживает по дому, который от времени до времени, оглашается их непримиримыми ссорами, как будто они его настоящие хозяева.

Находить удовольствие в обществе детей. Дихтер говорил – нельзя доверять человеку, который не любит детского общества.

Цицерон, придав своим речам окончательную отделку, призывал детей и играл с ними.

И Наполеон, и Веллингтон чрезвычайно любили детей. Наполеон брал на руки своего сына, когда он был еще маленьким ребенком, и, становясь перед зеркалом, делал самые смешные гримасы. За завтраком он сажал его на колени, обмакивал пальцы в соус и обмазывал ему лицо, воспитательница выражала неудовольствие, император смеялся.

Не следует пренебрегать мелкими удовольствиями. У человека всегда должна быть какая-либо цель, достижение которой было бы ему по силам и к преследованию которой он мог бы с удовольствием возвращаться в минуты отдыха.

Дни приходят и уходят для нас гораздо веселее, если все наше время занято. Когда выпадают свободные минуты, весьма приятно наполнять их каким-нибудь занятием по нашему собственному выбору.

Чарльз Уитстон разработал идею электрического телефона. Он сперва был мастером и продавцом музыкальных инструментов и ради своего усовершенствования занимался учением о звуке.

Ньепс, будучи лейтенантом, в свободные минуты занимался химией, пришел к открытию фотографии. Это пример к тому, что даже самое неблагоприятное положение не может помешать усовершенствованию себя в каком-либо любимом занятии в свободные минуты.

Доктор Геден, имея большую хирургическую практику, пристрастился к гравировальному искусству, забава сделалась для него выгодным делом. Его гравюры отличаются силой и изяществом.

Знаменитый Гельмгольц обратился к научным занятиям благодаря тифозной горячке. Болезнь помогла ему приобрести микроскоп, к чему пришел Гельмгольц своим микроскопом, известно в научных летописях.

Человек виноват сам, если его ум, от недостатка упражнения, под старость теряет свою подвижность.

«Счастлив тот человек, у кого есть конек, у которого было несколько «коньков».

«У всякого есть свой конек, говорил Уильям Геттон, и если ездить на нем благоразумно, в нем не может быть ничего дурного».

«Тот может быть назван разумным человеком, кто умеет доставить себе недорогое удовольствие, не мешая своим деловым занятиям».

«Страсть к какому-либо занятию поддерживает хорошее расположение духа и здоровое состояние тела и является неизменным товарищем в преклонном возрасте».

Умеренность – «золотая середина» - делает жизнь приятнее и ведет к ее продолжительности.

Избыток пищи действует разрушительнее недостатка её.

«Ни один человек, любящий свое горло и свой желудок, говорил Скаррон – не произвел ничего истинно прекрасного».

Умеренность была одной из главных добродетелей Платона. Сократ также отличался воздержанностью в пище. Цицерон и Плутарх оба высказывались в пользу умеренной жизни

и растительной пищи. Юлий Цезарь был в юности очень слабой и нежной организации, но умеренная жизнь и усиленные физические упражнения укрепили его здоровье и сделали его способным к перенесению величайших трудов и крайнего утомления.

«Наблюдайте за вашим телом, говорил Декарт, если вы хотите, чтобы Ваш ум работал правильно».

«Без веселости чего стоит философия?»

Сидней Смит писал в письме другу: «Если вы желаете, чтобы быть счастливым в V акте вашей жизни, вы должны есть и пить почти вдвое менее того, что могли бы съесть и выпить. Микель-Анджело сохранил способность к работе величайшей воздержанностью и строгим порядком жизни. Ему нужно было только небольшое количество хлеба и вина в течение всего дня.

Бюффон отличался трезвостью и умеренностью, строго соблюдал время своей еды. За обедом предпочитал рыбу, за которой следовал обильный десерт из фруктов.

«Привычка есть вторая природа», нет - «привычка в десять раз сильнее природы».

— «Жизнь бывает настоящею жизнью только при обладании здоровьем».

Излишнее учение неразумно для мальчиков и еще более для девочек. Переутомление обратилось, к несчастью, в одну из язв нашего времени, особенно в городах. Работа в коммерческих делах, в научной, юридической, политической и литературной деятельности доходит до ужасающего напряжения, и жизненная тяжесть и утомление становятся чрезвычайными. Усиленное возбуждение особенно тяжело отражается на самой нежной части нашего организма. Природа ведет борьбу против разрушения посредством тканей нашего тела. Эти последние истощаются физической и умственной работой и восстанавливаются пищей, сном и отдыхом. Но ослабленное пищеварение часто бывает не в силах вознаградить потерю. Истощенный организм может только искусственно возбуждаться наркотическими средствами: настоящею же пользоу ему приносит лишь отдых и физическое упражнение, дающие тонким мозговым клеточкам и нежным тканям пищеварительных органов возможность восстановить свою здоровую деятельность.

Работа ума, если она не доходит до крайнего утомления, без сомнения, так же приятна, как и упражнение нашего тела; но за этим удовольствием должен следовать период покоя. Человек привязан к жизни; инстинкт заставляет его любить её, пока удовольствие сопровождает здоровую деятельность ума и тела, «Что ты думаешь, спрашивал Сократ у Аристотеля, об этой постоянной привязанности к жизни, об этой болезни уничтожения, какая владеет нами с той минуты, как мы начинаем сознавать наше существование?» – «Я думаю, ответил тот, что это походит на старание великого и мудрого художника сохранить свое творение».

Древние греки, среди многих разумных воззрений, относились к своему телу с величайшим уважением, как к жилищу души. Они столько же заботились о поддержании физических сил, сколько и умственных.

Любимым занятием знаменитого композитора Верди на 73 году было прозаическое занятие сельским хозяйством. Хлебные посевы и скот были так же близки и известны ему, как контрапункт и генерал-бас.

Альфьери и Байрон были страстными любителями верховой езды; они любили продолжительную и бешеную езду.

Глава IX. Одинокие и женатые

Большинство людей, следуя естественным наклонностям, вступают в брак, а другие, следуя учению св. апостола Павла, остаются безбрачными! Первые, по словам апостола, поступают «хорошо», а вторые «лучше».

Многие из гениальных людей оставались одинокими, потому что страсть к знанию поглощала все их другие страсти. Ньютон никогда не знал любви, даже любви к славе. Говорят, однажды он задумывал жениться и начал курить, но в рассеянности, раз схватил палец молодой девушки и стал чистить им трубку, разумеется, сватовство тотчас же было прервано. Возможно, что крайняя застенчивость Ньютона, поддерживаемая его уединенной и созерцательной жизнью, заграждала для него доступ в общество женщин, потребности в котором он по-видимому, никогда не ощущал.

Адам Смит жил и умер холостым.

К числу других знаменитых людей, остававшихся холостяками, принадлежали Декарт, Спиноза, Кант, Дальтон и др.; из художников – Леонардо-да-Винчи, Рафаэль и Микель-Анджело. Последний говорил о своем искусстве: «Живопись ревнива и не терпит соперниц. Она заменяет мне жену и доставляет достаточно домашних забот; моими детьми будут мои произведения».

К числу музыкантов, оставшихся холостяками: Гендель, Бетховен, Россини, Мендельсон. Сердце Генделя было совершенно поглощено его искусством, но Бетховен при всей своей любви к искусству, томился всю жизнь жадной женской привязанности, которой никогда не находил. В молодые годы он был очарован прелестями девицы Говрат, но она изменила ему, вышла замуж за австрийского офицера. Потом его сердце открывалось еще не один раз. Как он говорил, у него было «слабое сердце, которое никогда не могло пленить красивой девушки». Позже он влюбился в прекрасную девушку, которая по своему общественному положению стояла выше его. Он посвятил ей сонату С, в которой описывал на языке музыки безнадежность и восторженность своей любви. Эта молодая особа Джулия Гвиччарди вскоре после того вышла замуж, к неопишуемому отчаянию Бетховена, и с того времени он отказался от всякой привязанности, кроме музыки.

Одинокие женщины бывают лучшими утешительницами, лучшими помощниками, лучшими воспитательницами, лучшими друзьями.

Как много мы можем научиться от бедных – их достоинству в перенесении страданий, их мужеству в отношении к тягостям жизни.

Сколько тысяч из непобедимого легиона одиноких женщин готовы работать до истощения сил, довольствуясь черствой коркой или щепоткой чая, скорее, чем потерять сколько-нибудь уважение к самим себе или допустить, чтобы малейшее подозрение запятнали их безукоризненную репутацию.

Браки предопределяются свыше.

Счастливое супружество может быть только между слепой женою и глухим мужем – Монтен.

Он женился, чтобы сделать удовольствие своему отцу и следуя «обыкновенному обычаю жизни».

Красота не имеет существенного значения для супружеского счастья. Если душа не сияет в чертах лица, самое красивое лицо перестает доставлять удовольствие. После года супружеской жизни немногие мужья бывают высокого мнения о личной привлекательности своих жен. По истечении этого срока, наибольшую привлекательность получают ум и сердце. Добродетельная и добросердечная женщина после 20-ти и более лет брачной жизни может более очаровывать своего мужа, чем это удавалось ей при полном обладании своими прелестями. Быть может, тот человек поступает всего разумнее, который избирает для себя женщину, какую хотел бы иметь своим искренним другом.

«Право повелевать принадлежит им», - говорил Аристотель о представительных людях с красивым видом».

Красивая женщина может привлекать сердца своею внешностью, но если она не может удержать их привлекательностью сердца и ума, на неё смотрят, как на нечто пустое и бессодержательное.

Красота не имеет существенного значения, впечатление наружности и формы пропадает в обычной рутине домашней жизни, но доброта, любезность и веселость представляют собою узы, связующия семьи и общество.

Духовная сущность красоты заключается в выражении.

Обыкновенный тип красоты состоит в молодости и здоровьи, высший – в прелести и приятности выражения.

В выдающейся красоте всегда бывает какая-нибудь странность пропорций» - Бэкон. Выражение имеет больше значения, чем красота.

Самые гениальные люди имеют свои мрачные стороны, и именно с этими сторонами женам всего более приходится иметь дело. Свет видит ум и высокие качества великого человека, но почти ничего не знает о его характере и слабостях. А жена видит в нем человека и только человека – не философа, не государственного деятеля, не художника, не писателя.

Бедная м-м Шеффер заблуждалась: она требовала, чтобы ея муж не только любил её более всего другого, но чтобы он ничего и никого не любил, кроме нея.

«Вследствие сравнения великое становится малым».

Подобно птицам весною, их песни вдохновляются желанием – если бы желание было исполнено, они бы умолкли. Байрон говорит о Петрарке:

«Думаете ли вы, что если бы Лаура была женою Петрарки, он писал бы ей сонеты всю свою жизнь?».

Коупер писал о своей жене: «Эта женщина послана мне небом и всякий раз, когда я её вижу, я становлюсь лучше от ея общества».

«Это был союз сердец, без всякой страсти».

«Любовь, подобно оспе, особенно сильна и опасна в позднюю пору жизни» - Рабютен.

В браке почти все дело сводится к симпатии между супругами. В браке должно быть твердое управление собою, чувство ответственности, взаимная терпимость к ошибкам друг друга, соединенное желание делать все как можно лучше.

Люди, не находящие симпатии в своей семье, ищут ее помимо нея.

Счастливые супруги молчаливы, а несчастные шумны и иногда мстительны.

О супружестве можно сказать то же, что о проточной воде: мелкая вода журчит, а глубокая безмолвна».

Провидения, видимо, оправдываются в браках, руководимых его рукою, не всегда дающею простор быстрому, хлеб – мудрому и добрую жену – доброму человеку.

— Бальзаку была отведена комната, которую Ганские (княгиня и князь) только что очистили. Он был весьма удивлен неожиданным появлением княгини, которая вернулась за книгою, оставленной ею у окна, на том месте, где сидел Бальзак. Эта книга была «Сочинений Бальзака», карманная, которая всюду сопровождала её. В течение 15 лет, между княгиней и Бальзаком велась переписка литературного характера. Наконец от неё пришло письмо более личного содержания. Оно извещало о смерти мужа и ея готовности вознаградить этого человека за его щедрость, найдя для него достойного преемника в лице Бальзака. Восхищенный писатель не стал дожидаться второго приглашения от княгини. Он тотчас же поехал к ней, и сочетались браком.

— Супружеское счастье, которое ни разу не омрачалось ни одной ссорой, напоминает путешествие по равнине, ничем не оживленной, и кажется утомительнее, чем дорога по волнистой местности.

— В современном обществе можно встретить женщин, к которым вполне применимы слова св. Павла о женщинах ленивых, ходящих из дома в дом и говорящих то, что им говорить не следует: это жалкие порождения ложной цивилизации. Они не способны к любви и, еще менее, к дружбе. В них все исполнено фальши, начиная от румян на щеках и кончая лживыми словами, какия они говорят. У светской женщины нет дома, а есть только обстановка, у нее – не семья, а только дети, и муж для неё – не товарищ, не друг и не любимый человек.

Можно ли удивляться тому, что многие боятся брака и предпочитают клуб домашнему очагу?

— Мудрое правило: надо не загадывать далеко, надеяться на лучшее и полагаться на Бога.

— Счастливое супружество, подобно хорошему вину, совершенствуется с годами.

— Ничто так не развивает симпатии, как горе. «Встряхивающий дерево печали часто сеет семена радости».

Глава X. Закат жизни. Последние мысли великих людей

«Ум совершенствуется, пока тело стареется».

Он обладал любовью мудрости и мудростью любви. Он смотрел на жизнь и на человека с самой отрадной точки зрения. Он был слишком восторженным оптимистом, так как не замечал некоторых печальных и ужасных сторон жизни».

Один французский моралист объяснял, что юность видит рай в зрелом возрасте, а старость видит рай в молодых годах.

Цицерон говорил, что надо уметь сопротивляться старости. Что собственная жизнь показывает замечательный пример прекрасно проведенной жизни, полной классического изящества и утонченности, что как нельзя лучше выражено в его словах: “*Quiete, et pure, et elegantior actae aetatis, - placida ac lenis senectus*”.

Когда я стареюсь, похожу на одиноко растущее дерево, лишённое молодых деревьев, которые росли бы около меня, развлекали и защищали меня (одиночество).

Сидней Смит – один из веселых людей, в 75 лет писал: «Вообще я счастливый человек: я нашел этот мир весьма занимательным и благодарю бога за назначенную мне долю».

До самого конца он подшучивал над своими страданиями.

Средство для мирной и счастливой старости: «не долгие, но веселые обеды, музыка и спокойная совесть» и еще «цветы и музыка».

Чарльз Лемб, напротив, был совершенно чужд музыке: он говорил, что знает только два мотива: один – английский национальный гимн, а другой – всё остальное.

«По мере того, как я стареюсь, я чувствую себя все более и более воспламененным желанием превзойти себя и достигнуть высшего совершенства» - Никола Пуссен.

В том же роде Генсборо: «Я только что начинаю нечто делать, и моя жизнь уже уходит.

В последние годы своей жизни Сервантес находился в заключении в Мадридской тюрьме и там написал «Дон-Кихота». К самому концу жизни он был крайне беден и у него даже не было бумаги, прибегал к обрезкам кожи, чтобы записывать свои мысли.

«Только тот умеет побеждать, кто умеет быть великодушным».

Гоголь говорил перед самою кончиной: «Ах, если б люди знали, как отрадно умирать, если не боялись бы смерти».

«Смерть открывает также дверь для доброй славы и уничтожает зависть».

Иною была смерть Леонардо-да-Винчи. Он вступил на службу к Франциску I, королю Франции и имел помещение в его дворце. Однажды, когда Франциск посетил Леонардо-да-Винчи, с последним сделался жестокий припадок сердечной болезни, и живописец умер на руках короля.

Архимед был убит простым воином при взятии Сиракуз. Он чертил геометрические фигуры на песке и так увлекся задачей, что забыл об угрожавшей ему смертельной опасности.

«Первая ступень в философии есть сомнение», – Дидро – последнее замечание.

Моцарт умер, держа перед собой партитуру Реквиема.

Последние часы Россини были посвящены сочинению «Торжественной Мессы», которая была исполнена на его похоронах.

Гукер на смертном одре выражал радость оттого, что ему предстоит войти в «мир порядка».

Сон после труда, пристань после бурного моря, отдых после войны, смерть после жизни – доставляют большую отраду – Спенсер.

Когда палач сказал Вальтеру Ралею, чтобы он положил голову на плаху по направлению к востоку, тот ответил: «не всё ли равно, как лежит голова, было бы сердце в порядке».

Сократ говорил «о бессмертии души».

Нельсон сказал, умирая, – «Благодарю бога за то, что мог исполнить мой долг».

2. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ГАСТОНА БУАЧИДЗЕ

ОБ ОДНОМ ИНТЕРВЬЮ*

Все было осенено именем Пиросмани.

На международную конференцию «Пиросмани и грузинская культура» в Тбилиси съехались самые именитые специалисты из многих стран мира. Не буду скрывать, с особым волнением ожидали приезда из Франции знаменитого тбилисца профессора Гастона Буачидзе, чье имя хранит благодарная память не одного поколения студентов-филологов тбилисских вузов.

— Гастон Буачидзе - писатель, переводчик, филолог, искусствовед; родился 21 октября 1935 года в Тбилиси, мать – француженка, отец – грузин. Трехязычный писатель: французский, грузинский, русский. Член Литературной академии Бретани и Атлантической Луары; Иностранний член Национальной Академии наук Грузии (с 2010 года).

Почетный гражданин г. Тбилиси (25 октября 2010 г.). Гражданин Франции с 1991 года, гражданин Грузии с 7 июня 2012 года.

Школу и Университет окончил во Львове (Украина, 1958). Профессор французской литературы в Тбилисском (1960-1990) и Нантском (1991-2001) университетах. 1981-1990 - Зав. кафедрой французской филологии ТГУ.

Диссертации, защищенные в области французской литературы и сравнительного литературоведения: кандидатская (1965, ТГУ), докторская (1990, ТГУ), докторская (1995, Париж, Сорбонна). Около 100 статей, исследований, эссе, новелл, опубликованных в Советском Союзе, во Франции, Бельгии, Германии, Италии, Люксембурге, Испании.

— Гастон Сергеевич на конференцию прибыл с супругой – литератором и художником Светланой Сабуцкой.

На конференции Г. Буачидзе, автор знаменитой книги «Пиросмани, или Прогулка Оленя», выступил с докладом-эссе «Заздравный тост с рыбой», посвященным трем картинам великого самоучки – «Рыбак в красной рубахе», «Ишачий мост», «Кутеж трех князей». С. Сабуцкая-Буачидзе презентовала свою книгу – повесть-феерию «Странствие в пространстве Пиросмани».

Это очень красивая пара. Стильный, изысканный, остроумный и ироничный Гастон Сергеевич и открытая, очаровательная, по-настоящему светлая (вот уж действительно – имя соответствует натуре) Светлана Ивановна. Они давно живут в Нанте, в университете которого профессор Буачидзе преподавал много лет, и связаны друг с другом не только долгой счастливой любовью, творческим взаимопониманием и душевной дружбой, но и привязанностью к творчеству любимого художника.

— Конференция послужила счастливым поводом для вашего приезда в Тбилиси?

Г.Буачидзе. Почти каждый год нас приглашают на разные конференции, симпозиумы.

С.Сабуцкая. Для нас это очень дорогое путешествие в прямом и переносном смысле. В Тбилиси у нас друзья, с этим городом связаны лучшие воспоминания нашей молодости.

Г.Б. Как говорил Брежнев, экономика должна быть экономной.

* Н. Шадури – Все начиналось с Пиросмани, «Русский клуб», № 4, 2014 г., Тбилиси.

С.С. К сожалению, это так. Гастон окончил свою профессорскую карьеру в Нантском университете, но количество проработанных лет было недостаточным для получения полноценной университетской пенсии.

— *Я не слышалась? Гастон Сергеевич – вы пенсионер? Может ли такое быть?*

Г.Б. (смеется). Я продолжаю работать. Избран в Литературную академию Бретани и Атлантической Луары. Продолжаю свою литературную деятельность. Не преподаю, но пишу. Оба мы с супругой пишем, сочиняем. Вы знаете книгу «Прогулка Оленя»?

— *А как же!*

Г.Б. Я покажу вам свою надпись на этой книге. Этот экземпляр был подписан, когда книга вышла из печати.

— *Позвольте прочесть это вслух: «Светлане – чуткому камертону, по которому сверялся дух этих и многих других строк. Их могло и не быть. 20 сентября, 1981 год».*

С.С. История этой книги очень интересна. О Пиросмани я впервые услышала благодаря Паустовскому, которого обожала. Мы много говорили о Пиросмани, Гастон им очень увлекся и начал писать. Мне-то казалось, что я о Пиросмани знаю все – такая замечательная самоуверенность в 20 лет.

Г.Б. Светлана – всезнайка.

С.С. Нет, не в этом дело. У меня свои путь, опыт, восприятие... Но когда я читала книгу Гастона, мне открылся невиданный, совершенно уникальный мир. Это поэзия в прозе. По сей день эта книга у меня лежит на тумбочке, и я ее перечитываю.

— *Очень многие говорят, что для них это настольная книга. Как стихи.*

С.С. Именно как стихи! Вы знаете, Гастон не может говорить о том, что написал.

Г.Б. Таким же был Лев Николаевич – он не мог говорить о своем творчестве. Один из его собеседников записал после встречи с Толстым – если бы я не знал, что этот человек написал «Войну и мир», мне бы показалось, что он не читал этой книги.

— *Чем это объяснить?*

С.С. Есть творцы, рефлексирующие по поводу ими написанного. У Гастона не остается времени рефлексировать. Настолько сам творческий процесс богатый, неожиданный, необыкновенный. Я всему поражаюсь, когда читала «Прогулку Оленя» и рассказывала ему о его книге. К счастью, мы получили письмо от Александра Каменского – очень известного московского искусствоведа. Представьте, что это единственная рецензия на книгу, написанная с невиданной щедростью души и истинным профессиональным восторгом. Так что я была первым рецензентом, а Каменский – вторым.

Из книги С.Сабуцкой «Странствие в пространстве Пиросмани»: «Книга «Пиросмани, или Прогулка Оленя» - результат удивительной встречи художника и писателя, состоявшейся в Тбилиси (на бывшей улице Павлова, а ныне – Казбеги), где и была написана книга, вышедшая в 1981 году. Фантастическая история появления книги и ее судьба остаются по сей день со многими вопросительными знаками. Книга была принята на русском языке Отаром Эгадзе в издательстве «Хеловнеба», и первоначальный тираж ее предполагался пять тысяч экземпляров. Но потом произошло нечто неожиданное – по-видимому, вмешался сам Пиросмани... В один из дней в нашем доме раздался телефонный звонок, и О.Эгадзе сообщил, что книга выйдет тиражом десять тысяч экземпляров... А спустя некоторое время – снова звонок издателя с невероятной новостью, можно сказать – фантастической. Книга выйдет тиражом сто тысяч экземпляров. «Вы же не возражаете?» - спросил издатель ошеломленного известием автора. Почему и как Отар Эгадзе принял такое решение, осталось загадкой по сей день и, хотя Пиросмани этого достоин, произошло нечто неслыханное для книги по искусству. Вышедшая огромным тиражом недорогая книга о Пиросмани разошлась далеко за пределами Грузии, ее увозили в разные стороны Союза, позже по ней ставили спектакли в каких-то городах огромной страны и даже в Израиле.

Книга не состарилась, у нее по-прежнему есть читатель. Судьба книги тем более удивительна, что она выдержала все испытания и выжила при явном несовершенстве черно-белых репродукций, по которым догадаться о лучезарности картин художника практически невозможно».

— *Наверное, количество рецензий не имеет значения, ведь, не сомневаюсь, вы получаете столько откликов от благодарных читателей.*

Г.Б. Это так. И сейчас, на этой конференции, молодые люди говорили, что именно благодаря моей книге они заинтересовались Пиросмани.

— *А как вы пришли к теме Пиросмани?*

Г.Б. Мы со Светланой были в музее, и тут произошел, как говорят французы, *coup de foudre* – удар молнии. Мы были заморожены.

— *А вы не предполагали писать до того?*

Г.Б. Нет. Я окончил университет во Львове, приехал в Тбилиси, и тут случилось такое завораживающее открытие. И потом я месяцами ходил в музей, смотрел все картины Пиросмани, даже в запасниках. Недавно книгой заинтересовался парижский издатель. Книга должна появиться на французском языке в нынешнем году – это мой тридцатилетний проект трилогии о трех грузинских художниках – Пиросмани, Какабадзе, Гудиашвили. Два вторых тома не опубликованы, но тексты уже готовы, частично публиковались в прессе и на русском, и на грузинском языках. Сейчас все будет объединено, и трилогия будет называться «Тост с рыбой».

— *Вы в свое время организовали выставку картин Пиросмани в Нанте?*

Г.Б. Да.

С.С. Я описала это в своей книге.

Из книги С.Сабуцкой «Странствие в пространстве Пиросмани»: «Выставка грузинского художника Нико Пиросмани в 1999 году в Музее изобразительных искусств Нанта была приурочена к празднованию двадцатилетия городов-побратимов Нант-Тбилиси (по-французски – городов-близнецов). Открытие праздника было доверено картинам Пиросмани. Следует отметить, что выставка Пиросмани в Нанте – это одна из прогулок Оленя, которого теперь приглашают и ждут в разных странах. После выставки Пиросмани в Лувре в 1969 году – события поистине невероятного! - ничего необычного на этот раз для Пиросмани и для Европы двадцатого века не произошло. Дорогостоящий обмен культурными ценностями между странами стал, к счастью, обычным явлением. Тем не менее, достойны удивления судьба художника и проделанный им путь – превращение бездомного художника-духанщика, примитивиста, самоучки в авангардиста и модерниста европейской живописи, к услугам которого открылись все лучшие музеи мира. Ну, мог ли художник об этом мечтать? Оказывается, тайно мечтал («меня и во Франции знают»), и мечта его сбылась».

— *Гастон Сергеевич, вы всегда были для тбилисских студентов личностью иноземной, сказочной. И зовут Гастон, и француз наполовину, и французский язык - родной. Ну не советский человек! Но ведь в вас соединены несколько культур. Каждый язык – это вселенная. А у вас их три.*

Г.Б. Я трехязычный писатель. Это судьба, которая мне улыбнулась. Я очень благодарен этому совпадению – с родителями говорил по-французски. Отец учился во Франции и блестяще знал язык. Мама плохо говорила по-русски и по-грузински. Родственники говорили только по-грузински. Отец был инженер-электрик, у него менялись места служб, мы переезжали из города в город. В школу я пошел в Ереване. Там запомнил три фразы, которыми до сих пор поражаю французских армян, которые не говорят по-армянски. Я их спрашиваю: хайерен хосумес, то есть, говоришь ли ты по-армянски? И сам же, поскольку они молчат, отвечаю: чем хосумем – не говорю. И третья фраза: никич, никич,

асканумем, то есть, немножко понимаю. И они, пораженные, думают, что я великолепный знаток армянского языка.

С.С. Между прочим, в Италии Гастон говорит по-итальянски, в Испании – по-испански, в Польше – по-польски.

Г.Б. Польский язык у меня в рабочем состоянии. По-итальянски и по-испански я свободно читаю. Так вот, в школу я поступил в Ереване, и это была русская школа.

— *Русский язык для вас был в новинку?*

Г.Б. Я начал с нуля. Один комический эпизод я вам расскажу. Во втором классе на уроке нам показывают изображение верблюда. Учительница спрашивает – что это за животное? И никто не мог найти ему определения, а я сказал, что это дромадер. Весь класс расхохотался, а учительница их успокоила и сказала, что это правильный ответ, так говорят по-французски.

— *На каком языке вы в основном пишете?*

Г.Б. Сейчас я все больше пишу по-французски. Когда пишу по-грузински, меня ведут грузинские слова, когда по-русски – русские. Но эти три языка – три разных видения мира. У меня есть замысел, над которым сейчас работаю, - я его назвал «La Comedie de lettres». Существуют две комедии – «Божественная» Данте Алигьери и «Человеческая комедия» Оноре де Бальзака. А у меня третья комедия. По-французски lettres – это одновременно и буквы, и литература. Ведущий персонаж моей комедии исследует, как люди видят мир через разные языки. И его зовут Адам Летре. Это означает «читающий, просвещенный». Герой намеревается проследить за всеми языками мира. Он хочет, чтобы все люди во всех странах несмотря или благодаря тому, что они видят мир по-разному, были едины, жили в мире. В этом и есть богатство мира.

— *Вы вспомнили о своей семье. Как вам кажется, что играет самую важную роль в процессе становления личности?*

Г.Б. Я бы сказал – гены.

С.С. Я бы сказала, гены и среда. Для меня, например, очень большое значение в жизни имела моя мама – умный, открытый, гостеприимный человек. В Грузии я словно бы попала в свою среду. Хотя и во Франции я себя очень хорошо чувствую.

Г.Б. Я тоже скажу два слова о моей маме. Одна из моих больших работ – перевод Руставели. (Г.Буачидзе впервые в истории перевел с грузинского на французский «Витязя в тигровой шкуре» рифмованными стихами – Н.Ш.). Насколько мне известно, это единственный перевод с соблюдением всей богатой неповторяющейся рифмовки оригинала. На последней странице сказано: «Переводчик посвящает свой труд своей матери, Франции и Грузии». Это мои три путеводные звезды, которые так и ведут меня всю мою жизнь.

— *А как вы воспитывали ваших детей? Метод есть?*

С.С. Нет. Я думаю, что нет воспитателя, а есть воспитуемый. Нет воспитания, а есть восприятие. В свое время я очень много читала о том, как надо воспитывать. Но ведь дети всегда поступают наоборот. И я не знаю – что и как передается от родителей детям. Нас у мамы было пять сестер. И мы все разные, хотя выросли в общей открытой и очень гостеприимной атмосфере, которую создавала моя мама. Просто окружающая среда либо входит, либо нет. Кто-то накапливает все плохое, а кто-то берет все хорошее, а от плохого отмахивается.

— *Чем они занимаются?*

С.С. Сын занимается информатикой, кроме того интересуется философией. Дочь окончила музыкальную школу, рисует. Работает переводчиком.

Г.Б. Написала диссертацию о Пастернаке и французской литературе.

— *Что у вас сейчас лежит на ваших рабочих столах?*

Г.Б. Моя трилогия. Ее надо довести до конца. А потом заняться сериалом для ежегодного сборника произведений членов нашей Литературной академии «Cahier de l'Academie». Для меня моя «La comedie de lettres» - своего рода сериал. Несколько фрагментов опубликовано. Есть фрагменты написанные, но не опубликованные. Один, например, посвящен Виктору Гюго. В свое время Гюго составил свой латинский алфавит и его интерпретировал. Для него буква A – это два друга, которые встречаются, буква Z – это гроза. У меня пишется словарь. Есть dictionnaire raisonne – толковый словарь. Я составляю dictionnaire deraisonne – бестолковый словарь. В нем собраны примеры из разных литератур – французской, русской, грузинской, которые по-разному объясняют мир. У меня написана «Трехязычная Лолита». Как известно, автор свою «Лолиту» написал по-русски, сам перевел на английский, сам проследил и исправил французский перевод. Самое удивительное, что когда Набоков переводит свой текст с русского на английский, он пишет совсем другое. Если бы такое сделал переводчик, его бы строго осудили. Я пишу о Ронсаре. По-французски книга о нем могла бы называться «Les vers du vert», то есть зеленый цвет стиха. Зеленый – наиболее часто встречающийся цвет в поэзии Ронсара.

— *Вы пишете, извините, не в стол?*

Г.Б. Конечно, нет. Только для публикаций. И надеюсь, что это будет издано.

— *Светлана Ивановна, а над чем работаете вы?*

С.С. Даже не знаю, говорить ли... Я погрузилась в 12 век. И хочу соединить 12 век с 21-м. Художественным образом.

Г.Б. То, что пишет Светлана – это фееричные тексты. У нее оригинальный подход. Она создала новый литературный жанр.

С.С. Я вам скажу, как я это вижу. Я люблю думать и задавать вопросы, и не всегда на все можно ответить сразу. Самое главное – это задать вопрос. А ответ где-то тебя уже ждет, чтоб вернуться эхом. Количество вопросов в моих книгах – это призыв к сотрудничеству с читателем. Многие вопросы я оставляю открытыми. Как зажечь свет в душе? Как перенести свет на картину? Как унести это с собой?

— *Как у Высоцкого, «а мы все ставим каверзный ответ и не находим нужного вопроса».*

Г.Б. Это просто замечательно!

С.С. Мне французы помогли понять то, что я делаю. Они сравнивали меня с Леви-Строссом, другими культурологами. Пожалуй, мой жанр – скорее из области магического реализма. Мой мир – живой. И я – часть его живой природы. Не я пишу, а моя жизнь пишет. Понимаете? Если бы мне кто-то сказал, что я, после книги Гастона, напишу что-то абсолютно новое, непохожее, другое про Пиросмани, я бы никогда не поверила. Я думала – ну, как можно браться за эту тему после «Прогулки Оленя»? Понимаете, книга Гастона буквально перевернула жизни многих людей. Они открыли заново и Пиросмани, и многое в искусстве... Моя феерия «Супра, или Скатерть-повелительница» - это размышление. Позже я действительно прочитала у Леви-Стросса, что сами носители культуры не могут ее расшифровать. Я писала, чтобы рассказать о грузинской культуре, так как я вне ее – я Сабуцкая-Буачидзе и живу во Франции. Серьезный философский разговор и поэтическая беседа, ирония и юмор – все перемешалось. И оказалось, что грузины многое узнали из моей «Супры», как они мне признавались.

— *Вы говорите, что сами от себя не ожидали того, что будете писать. Как вам кажется, человек меняется в течение жизни или остается таким, какой есть?*

С.С. Столько лет воспитываю Гастона – так и не изменился!

Г.Б. Остался подростком.

— *А приоритеты, ценности жизни меняются? Было что-то, что казалось очень важным, а сейчас важно совсем другое?*

С.С. Это интересный вопрос.

Г.Б. В моем случае – на протяжении многих лет мои приоритеты только подтверждаются. Для меня высшими ценностями всегда были свобода человека, свобода выбора.

— *В советское-то время...*

Г.Б. Я вам расскажу один эпизод. В то время вышел грузинский перевод Рабле. Не я переводил. Но я написал предисловие. И там я ссылаюсь на известную фразу Рабле «fais ce que voudras» - «делай, что хочешь». Вы знаете, что в Советском Союзе книга не появлялась до тех пор, пока ее не прочитала бы цензура. И цензор издательства приглашает меня и вопрошает: - Как вы смеете такое писать?! А я ответил: - Это не мои слова, а Франсуа Рабле.

С.С. Рабле подразумевал «не делай зла».

Г.Б. А продолжение этой фразы принадлежит Жан-Жаку Руссо – «делаю все, что хочу, при условии, что не приношу вреда другому».

— *Но как можно было в советское время оставаться свободным?*

С.С. Это внутренняя свобода. Для меня очень интересным и значительным человеком в Грузии был Мераб Мамардашвили. Он дает определение именно внутренней свободы человека, которая и есть стержень всей жизни. Есть люди-флюгеры. А есть люди с достоинством, которое не позволяет лгать.

Г.Б. Мы оба оставались беспартийными. И это тоже был выбор, и нелегкий.

С.С. Мы не были ни революционерами, ни диссидентами. Мы много работали. Все казалось незыблемым.

Г.Б. А я знал, что Советский Союз распадется. В 1985 году я в кругу друзей сказал – настанет день, когда Советского Союза больше не будет, и Литва, Латвия и Эстония выйдут из СССР. Все расхохотались и сказали мне – этого никогда не будет, сразу видно, что ты не политик. А я верил, что так произойдет. И еще один эпизод. Как-то в Тбилиси приехала французская делегация, и я, молодой преподаватель, служил им переводчиком. И вот французам представляют грузинских коллег и про каждого говорят – член партии, член партии... Я перевожу. И в какой-то момент один француз поворачивается ко мне и удивленно спрашивает – но в какой партии? Этого забыть я не могу.

— *Живя во Франции, вы почувствовали, что живете в свободной демократической стране? В чем это проявляется?*

С.С. и **Г.Б.** (одновременно) Во всем.

Г.Б. Это совершенно другой менталитет. Во Франции нет страха. Люди свободно делятся своими взглядами. Есть один человек, которого я лично не встречал, - Александр Пушкин. И я всю свою жизнь переживаю за него, потому что он, будучи первым поэтом России, оказался невыездным. Такого понятия в Европе никогда не существовало. Я не знаю ни одного французского писателя, который хотел бы покинуть Францию, и ему бы не разрешили.

— *Для французов тот является французом, кто имеет французское гражданство. Наверное, это и есть подлинная толерантность?*

С.С. Современный историк Макс Галло пишет, что французы прежде всего гордятся своей республикой, многообразием народностей, которые объединились по духу законов. Француз – это тот, кто француз по менталитету. И это очень правильно. Близость по духу – самая верная. Близкие по духу люди могут быть ближе, чем кровные родственники. Хотя сейчас время миграции, и в Европе просто нашествие эмигрантов – приезжает огромное количество людей, которых надо обустроить. Это вопрос, не решенный пока ни в одной стране.

Г.Б. А у меня художественный ответ на ваш вопрос. Кто самый представительный французский поэт 20 века? Аполлинер. Но он не был французом. Француз даже не сможет произнести его настоящую фамилию – Костровицкий! Кроме того, Аполлинер родился не во Франции, а в Италии, и до 10 лет не знал французского языка. Говорил по-итальянски и немного по-польски. И именно он стал не просто французским поэтом, а Поэтом Франции. Много других примеров: Ронсар был венгерского происхождения, Золя – итальянского. Но это не имеет никакого значения. Они французы.

— *А что для вас родина?*

Г.Б. Когда мне говорят, что я наполовину грузин, наполовину француз, я отвечаю – я на сто процентов грузин и на сто процентов француз. Я впервые увидел Францию, когда мне было тридцать лет, но она всегда была частью меня самого.

С.С. Моя родина – Украина, в Грузии я жила, во Франции живу. Однажды в Нанте в кругу друзей-поляков один из них запел украинскую песню, и это до глубины души взволновало меня. Так же меня волнует грузинское пение. Наверное, то, что мы любим, то и родина.

— *Какие изменения вы замечаете в Грузии?*

С.С. Грузия очень изменилась. В лучшую сторону. После 1991 года мы не были здесь много лет, и все изменения стали особенно заметны. Грузия – жемчужина, прекрасная страна по климату, по пейзажам. Колыбель христианства. Яркая, как картины Пиросмани. Каждый побывавший здесь увозит с собой желание вернуться.

Г.Б. Как-то раз я спросил своего французского коллегу, побывавшего в Грузии, о его впечатлениях. Он ответил: «У меня единственное желание – вернуться туда». Я бы подчеркнул еще одну вещь. На протяжении веков европейские страны воевали между собой, уничтожали друг друга. А в 21 веке, я думаю, самое замечательное пространство – это Евросоюз, потому что на этом пространстве войны прекратились. Я думаю, что у Грузии – естественное состояние европейской страны. И я желаю Грузии жить так, как живут страны Евросоюза.

Публикации Г. С. Буачидзе:

На грузинском языке: «От Монмартра до Мтацминды» (1972), «Грани» I (1983), «Грани» II (1986).

На русском: "Ретиф де ла Бретонн в России" (1972); трилогия «Тост с рыбой»: I – «Пиросмани или Прогулка с Оленем» (Тбилиси, изд-во «Хеловнеба», 1981, тираж 100 000 экз.), на французском языке (Нант, 2019). Фрагменты двух остальных томов: «Давид Какабадзе или имеретинские квадраты» (на грузинском, 1975), «Ладо Гудиашвили или видение фрески» (1977); "Жизнь Мари Броссе" (1983; на французском, 1996), «Аполлинер и пути развития французской поэзии» (1989).

На французском: «Тайные рождения (Рембо и иконы слов)» (Нант, 1991), «Апельсин, золото ангелов (поэзия Аполлинера)» (Нант, 1992), «Вклад для истории франко-грузинских литературных взаимоотношений» (Париж, Университет Сорбонны, 1995), «Розы для Маргариты» (Нант, 1999; на грузинском, Тбилиси, 2008, 2011); Трилогия «След за следом»: «Путешествие маркиза де Кюстина в России», «Приключения Александра Дюма в России и на Кавказе», «Возвращение Андре Жида в Советский Союз» (Париж, 2004-2005).

Переводы с французского на грузинский: Жюль Верн, «Путешествие к центру земли» («Накадули», Тбилиси, 1973), Жан-Поль Сартр, «Слова» (совместно с Котэ Джавришвили, первое издание (уничтожено советской цензурой), «Мерани», Тбилиси, 1974; 2-е издание, «Интеллект», Тбилиси, 2011), Альбер Камю, «Чума» (совместно с Котэ Джавришвили и Нестан Иорданишвили, Агора, Тбилиси, 2012).

Переводы с грузинского на французский: «Грузинская проза от сотворения мира до наших дней» (Париж, 1998); из запланированного 12-томного издания «Грузинской

литературы»: «Народные сказки» (Париж, 1988), Мосе Хонели, «Амиран-Дареджаниани» (Париж, 1990), Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре» (поэтический перевод, в котором сохранены метрика и богатая рифма оригинала, с иллюстрациями Русудан Петвиашвили) (Париж и Москва, 1989), Сулхан-Саба Орбелиани, «Мудрость простоты» (Тбилиси, 1978, Париж, 1984), Важа Пшавела, «Змееед» и другие поэмы» (Париж, 1989), «Рассказ олененка» (Париж, 1998, 2011), Илья Чавчавадзе «Стихи и проза» (Нант, 2009), Галактион Табидзе «Я и ночь» (сборник стихов, Нант, 1998); Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхиа» (Лозанна и Париж, 2012); Акаки Церетели, «Сулико» (сборник стихов, Тбилиси, изд-во ТГУ), 2015, заголовки стихов на грузинском и французском).

Фрагменты из произведений грузинских писателей, начиная со средних веков по сегодняшний день включены в 15-томное издание «Европейской литературной сокровищницы» (Брюссель, 1993–2002).

В 2007 году был издан и разослан во все университетские библиотеки коллективный труд «Европейская литература. Учебник по истории европейской литературы» (860 стр.), Брюссель, изд-во Де Бок. Грузинская литература представлена писателем Чабуа Амирэджиби (стр. 813-814).

3. НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА СВЕТЛАНЫ САБУЦКОЙ-БУАЧИДЗЕ:

а) СУПРА ИЛИ СКАТЕРТЬ-ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА,

Издательство Бакура Сулакаури, 2012 г., Тбилиси

Вначале была пища, затем она стала едой, позже появился стол, и только потом уже – скатерть, на которую ставили еду как угощение.

У каждой страны – своя еда, своё вкусовое разнообразие, свой ритуал гостеприимства.

На протяжении столетий в Грузии создавался ритуал угощения, не только дошедший до нашего времени, но и сохранивший языческую свежесть предков с их закодированной мудростью бытия.

Любопытно, кто и как повседневно управлял этим ритуалом?

Люди или предметы ими созданные?

Вопрос вполне закономерный, потому что с незапамятных времен (никто не скажет точно, когда это случилось) стало очевидным, что созданные людьми предметы, особенно ритуальные, скажем, обыкновенная скатерть, начинают жить самостоятельной жизнью.

Они становятся взыскательными, требовательными, властными, у них появляются почти тиранические повадки. Они диктуют, что и как следует делать. Так надо. Вот так! По-другому нельзя...

И люди, как ни странно, не спорят с ними, начиная священнодействие – убранство стола, не сопротивляются, а весело, беззаботно или озабоченно – в зависимости от ситуации – повинуются, не беспокоясь об успехе, зная заранее, что СКАТЕРТЬ себя в обиду не даст.

Речь ведь пойдет о ней, о скатерти, самом прозаичном, на наш взгляд, предмете.

Если вы так думаете о грузинской скатерти, то глубоко ошибаетесь. Чтобы в этом убедиться, вам рекомендуется перевести слово СКАТЕРТЬ на грузинский язык и увидеть, как оно у вас на глазах тут же преобразуется, приобретая совершенно новое качество, присущее сказочной скатерти-самобранке, то есть, снова становится обладателем сверхъестественных свойств.

Скатерть – по-грузински СУПРА, и звучит это короткое слово, как заклинание и повеление, торжественно и даже грозно; с ним не шутят – ему повинуются.

В Грузии это известно всем, ибо давным-давно слово стало загадочным, даже волшебным, преобразенным изнутри, наполненным тайных смыслов – отсюда известное гостеприимство.

В отличие от скатерти-самобранки, которая появляется вдруг сама по себе как заветная мечта путника поесть и попить, Супра – сотворение чуда – создается организованно и осмысленно на глазах пораженного и очарованного путника, ибо она – дело рук человеческих и его доброй воли.

По-грузински Супра – обыкновенная скатерть, а в более широком смысле – это застолье, т.е. сидение за столом, покрытом скатертью и уставленном всевозможными яствами. А яств на скатерти должно быть видимо-невидимо, чтобы глаза разбегались и не знали, с чего начинать, чтобы и скатерть не была видна, ведь она – не виновница торжества, а всего лишь – повелительница, можно и не высовываться.

Безмолвие и скромность скатерти говорят сами за себя, её достоинства непререкаемы.

Как и все столы мира, грузинский стол рассчитан на хороший аппетит? Не только... Станный вопрос для Супры.

Еда на столе – это изобилие и щедрость в их первоизданном виде, а сидение за столом – ритуал многовековой культуры.

Избирается тамада - полновластный хозяин застолья, его организатор, ведущий, управляющий, назовите его как хотите, от этого суть дела не меняется, одним словом, - режиссёр театрализованной постановки под будничным для живущих названием - "Дело житейское".

Тамада - назначенный или избранный хозяин застолья - серьёзно и с большой ответственностью относится к своим обязанностям (иногда тамадой может быть и хозяин дома, совмещая таким образом два статуса).

Как уже сказано, не грех и повторить, что еда на столе - это спектакль изобилия и щедрости, полноты бытия.

На столе должно быть ВСЁ.

Непонятно? Абсолютно всё, что может себе позволить кошелек и предложить сезон: овощи, мясо, рыба, фрукты, сладости, разумеется, не всё сразу, а постепенно. За столом не торопятся – всему своё *время*, по восходящей, своеобразное *crescendo*.

Стол, покрытый скатертью, заполняется изысканной, украшенной зеленью и зёрнами граната едой и превращается в Супру.

Священнодействие начинается! Занавес поднимается, и перед изумлённым взглядом путешественника (все мы - путешественники в каком-то смысле) предстаёт накрытый до приёма гостей и для их приёма стол.

Салаты из нарезанных овощей, приправленные пряной зеленью, которая произрастает в Грузии круглый год, - бессменное блюдо на столе, объединяющее все сезоны. Помимо этого стол украшается целыми овощами: огурцами, помидорами, редиской, сверкающими свежестью и красками, пучками съедобных, целебных и благоухающих "трав" - тархуна, цицматы, петрушки.

Нетронутые овощи - натюрморт и одновременно своеобразный запас - на всякий случай. Хотите ешьте, хотите любуйтесь! Всегда находятся любители и того и другого.

Маленьких тарелок на столе, как звёзд на небе, а в них - чего только нет!

В первую очередь, - разнообразие пхали из жареных и варёных овощей: баклажана, шпината, зелёной фасоли, свеклы, капусты, моркови, словом - всех овощей. Породнившись с орехами, то есть, соединившись с неповторимым ореховым соусом (молотые орехи, заправленные соответствующими пряностями и зеленью), овощи преображаются и превращаются в кулинарные деликатесы с неповторимым вкусом. Сколько бы вы ни пробовали, их вкус не повторяется. (Ну, примерно, то же самое, как нельзя дважды ступить в одну и ту же воду).

Пхали - это импровизации, вариации на одну и ту же тему, маленькие шедевры грузинской кухни, покоряющие всех, кто их пробует. Их едят с лепёшками из кукурузной муки - мчады. Сочетание бесподобное!

Рядом с пхали - сыры: сулгуни, имеритинский, гуда, нарезанные красивыми ломтиками, разложенные на тарелке так, чтобы каждый без труда мог выбрать по собственному вкусу.

А кто в Грузии не любит сыр, если он тоже неповторимый?

Кто откажется от него? (Если не есть, то хотя бы попробовать).

Затем на столе обязательно должна быть рыба – цоцхали, грузинский деликатес, или форель - жареная или варёная - или какая-нибудь другая рыба, например, сом, залитый соусом киндзмари.

Холодные мясные блюда представлены кучмачи, измельченной печенью с соответствующими ей приправами, отварной курицей под ореховым соусом – бужи или сациви, знаменитым грузинским поросёнком со сливовым соусом - ткемали, тоже неповторимым (сколько хозяек - столько же и вкусового разнообразия).

Всего не перечислить, и это уже на столе ждёт застигнутого врасплох гостя. Стол до его прихода был заполнен невидимыми кудесниками по распоряжению Супры - требовательной хозяйки и распорядительницы, скрытой от глаз несметным количеством тарелок и потому невидимой неискушённому взгляду.

На этом внешнее сходство со скатертью-самобранкой кончается.

Где хозяин - тамада, там хозяйка - Супра.

У Супры нет и не может быть соперниц, поэтому хозяйка дома за столом не сидит, она только изредка появляется, и тут же исчезает, чтобы беспрекословно выполнять повеление всезнающей Супры.

Сказочный стол начинает работать.

Приносят горячие хачапури - лепёшки с сыром. Они покоряют всех, кто их пробует, на всю жизнь (по собственному опыту знаю). Можно сказать, что с их появлением начинается магия грузинского стола, проявление его могущества и слабости (в смысле - трудно устоять).

Одним словом, Супра начинается!

Приносятся разнообразные яства, уносятся только пустые тарелки, и опять несут и несут.

И так становится интересно, что могут возникнуть незатейливые, праздные, и, возможно, даже неуместные вопросы.

А чего же на столе нет?

Неужели всё?!

Что же ещё можно принести, ничего не убирая со стола?

Неужели это всего лишь ловкость рук накрывающих стол кудесников и одновременно телохранителей Супры?

Почему на столе не должно быть просветов?

Неужели, чтобы скрыть с глаз Скатерть-повелительницу, сделать её невидимой и неязвимой?

Или просто, по-житейски, не уносят, чтобы никто не пожалел, что не успел чего-нибудь попробовать, распробовать из того, что стоит на столе?

Пустые тарелки тут же снова наполняются, чтобы изобилие было явным и очевидным?

Чтобы всё оставалось нетронутым для прихода новых гостей, потому что нужно создать полную иллюзию, что именно их и ждали?

Ведь каждый гость - это продолжение праздника, его непрерывность.

А, может быть, стол заполнили, чтобы остановить время, чтобы никто никуда не вздумал торопиться и попытался прожить отпущенное ему за столом время в другом измерении?

Много вопросов может возникнуть у гостя издалека, а тем временем кудесники начинают приносить "горячее": мясные соусы, зажаренную в духовке индюшку с айвой, затем отварную говядину, хашламу, посыпанную зеленью петрушки, или отваренную целиком лопатку - бечи, потом шашлык, хинкали, затем фрукты, сладости. Уф!

Сколько можно съесть? Можно ли всё съесть? Нужно ли всё съесть?

Это вопросы - рациональные.

Грузинский стол - грузинская Супра - такими вопросами не задаётся. У неё свои законы, правила игры и свои интересы.

Праздник - это святое! Еда и питьё - неотъемлемые составляющие праздника, поэтому и еды, и питья должно быть много, чтобы хватило на всех и всем.

Что значит на всех? Сколько их?

Могут быть сотни приглашённых, если это свадьба, или поминки.

Но кто считает? Вам никто не скажет точно сколько! Это не принято, и бесполезно спрашивать, всех не сосчитаешь!

На праздник приглашены ВСЕ.

Стол грузинский подобен поезду, в который пассажиры входят, усаживаются, выходят, уступают место, едут стоя. Гостей может быть больше, чем мест за столом, они могут расположиться где-то поблизости, беседуя друг с другом на почтительном расстоянии от праздничного стола, заставленного яствами. Постепенно, и не торопясь, они занимают освободившиеся места. Им меняют тут же столовые приборы, и Супра принимает каждого нового гостя, как первого, как единственно желанного.

Но всё же гости делятся на почётных, приглашённых по случаю, ещё никогда не сидевших за грузинским столом, ради которых, возможно, и затеяно застолье. Им-то надо угодить, их-то надо удивить, побаловать и позабавить хорошо слаженным и отрепетированным житейским спектаклем.

Среди гостей близкие друзья семьи, так называемая свита хозяина, создающая атмосферу праздника, затем - родственники, помогающие и участвующие в священнодействии.

В Грузии принято, чтобы близкие помогали в приготовлении пищи и убранстве стола. Всё делается умело, слаженно, с любовью.

Приглашённые, если они приезжие, не посвящены в тонкости церемонии, не знают, что их ждёт ритуал, пришедший из далёких времён, проверенный веками, ритуал, хорошо и надёжно устроившийся и прижившийся в каждом грузинском доме для повседневного благословения вечности и щедрости бытия.

А иначе как их удержать - вечность и бытие?

Так было, так должно быть, так будет всегда. Всё должно быть забыто за столом, кроме хорошего тона и ритуальных правил, испытанных временем. А правила стола - незыблемые: все должны быть накормлены, замечены, обласканы, пригреты, каждому гостю поклон в виде персонального тоста, благодарность за присутствие, за радость лицезреть его: "Позвольте нам полюбоваться вами!" "Позвольте поухаживать за вами". Старомодно? Смешно? Странно?

Да, странно...

Как до сих пор удалось сохранить грузинскому языку такие трогательные выражения, требующие соответствующей манеры поведения?

Как не покинули грузинский язык эти выражения, столь ласкающие слух гостя издалека?

Как они сумели выжить, пройдя через столь суровые века, сохраняя радость на земле?

Откуда берётся эта застольная радость - никто не знает, но известно, что она заполняет бокалы животворной влагой под незатейливым - пока что - названием грузинское вино, которое разливается, сопровождаемое вереницей слов, обладающих гипнотическим даром внушения уже не одно тысячелетие, слов столь неожиданных, сколь и лестных, что не знаешь, чему дивиться - первому или второму, тем более, что вино пьётся медленно, долго, его не измеряют бутылками, им наполняют сосуды, из которых затем щедро разливают в бокалы. Вино никогда не кончается, во всяком случае, гостю кажется, что оно льётся из рога изобилия.

Вместе с вином и отменной едой гостя награждают добрыми словами, и гость, незнакомый с древними обычаями грузинского стола, начинает верить в свою исключительность, избранность, в которую перестал давно верить при других обстоятельствах, но за грузинским столом ему напомнили об этом, и гостю тепло на сердце, светло на душе.

Непроизвольно благодарность начинает переполнять его существо, не верящее в то, что ТАКОЕ возможно, что это не во сне, что это при жизни ему воздают почести, которых он, конечно же, заслуживает.

Гость счастлив, вокруг него витают невидимые частицы этого сложного и одновременно простого состояния, когда хочется жить, когда верится, что всё хорошее сбудется, что любовь уже заполонила весь мир и на его долю тоже достанется, как поётся в песне Булата Окуджавы:

"Дай же ты всем понемногу, и не забудь про меня".

Сначала всем, а потом мне. И вот, досталось!

А тем временем застолье продолжается. Опытный тамада, ведущий стол, создаёт особое настроение, особую атмосферу, и, оказывается (это становится совершенно очевидным для всех), что за столом присутствуют избранные, лучшие на этом свете, их много (стало быть, добро уже победило зло), и всем собравшимся предлагается тост за Грузию.

Тост произносится со всеми возможными и невозможными интонациями: проникновенно-нежными, с пафосом и патетикой, с гордостью и любовью, и последняя побеждает.

Может быть, в этом заслуга Супры и поэтому она застенчиво спряталась?

Кто не переживал совершенно необыкновенного и неправдоподобного состояния за грузинским столом?

Когда кажется, что еда по собственной воле уходит на второй план, как бы незаметно уплывает в никуда, ибо не ею занято застолье.

Супра объединила сидящих за столом, и это – главное...

Она не обиделась на тех, кто не притронулся к еде, а только любовался ею, а таких немало. (Кстати, нечто подобное в последнее время рекомендуется диетологами во всём мире).

А между тем Супра продолжается...

Круг застолья постепенно расширяется: вспоминаются отсутствующие, те, которые могли бы быть, но их нет сегодня, поминаются ушедшие навсегда, но их помнят, и они за столом сегодня и всегда.

Эти невидимые гости раздвигают стены дома, увеличивают размеры стола, пространство. Жизнь приобретает временную протяженность, весомость, значительность. Ничто и никто не уходит, время повисает над сидящими за столом прозрачным куполом, сквозь который (о, чудо!) просматривается ушедшее время, которое так же бережно приглашало к застолью всех видимых и невидимых, чтобы донести до нас то, что ему удалось сберечь.

Этот особый дар грузинской земли объединить за столом всё лучшее, что предлагает жизнь во всех странах и во все времена, не везде приживается, почва не всегда бывает благоприятной для внимания, любви, дружбы, щедрости: в теплицах эти диковинные плоды не выживают, им нужно много солнца, воздуха, вина, улыбок, им нужен умелый поводырь,

им нужно место, где мифы не только рождаются и умирают, но и выживают, бережно охраняемые.

Супра поддерживает жизнь мифов о вечной дружбе, о библейской любви, которая одна только и может спасти жизнь на земле.

И, действительно, спасает! И разве это не очевидно уже всем в наше несколько погрузневшее время?

«Не оскудеет рука дающего!» - гласит вечная мудрость.

Всё отдают гостю, и всё возвращается в Грузию в виде легенды.

Отдают время, готовя пиры, а оно возвращается запечатленными в памяти гостей воспоминаниями о благодати, радости и любви.

Тратят деньги, готовя угощение, а они удваиваются в рассказах удивленных свидетелей о грузинских пирах, ну, точь-в-точь, как в рассказах рыбаков о пойманной рыбе.

Отдают силы Супре, а они умножаются от веселья и радости гостей, пораженных желанием угодить, порадовать.

Неужели такое бывает? Где? В какой стране?

За горами, за долами в маленькой солнечной и гостеприимной Грузии, где испокон веков и по сей день обитают бессмертные мифы.

Жить в мифе о любви и дружбе и поддерживать его живучесть, понимая важность его присутствия в мире, - вот что объединяет людей вокруг грузинского стола.

И гостю ничего не остается, как присоединиться к живучести мифа и участвовать в его очередном возрождении, и, главное, нужно проверить самому, чтобы поверить у убедиться в том, что миф создан для спасения живых душ, призванных благословлять жизнь.

Многие лета! Мравалжамиер!

Вы слышите пение?

Супра сопровождается совершенно божественным пением, что придает ей сходство с литургией во славу бытия, которого, к сожалению, может и не быть, если не охраняются его основы.

Полифония или многоголосие прижилось в Грузии из-за своеобразия рельефа, благодаря живущему в горах Эху, которое охотно отвечает всем, желающим общения. Позволительно ведь предположить и такое?

- Ау! Ау!

Невидимое Эхо отозвалось, как бы подсказывая людям петь вместе, чутко отзываясь на каждый голос.

Начинает один, к нему трепетно присоединяется второй, вступают постепенно всё новые голоса, которые соединяются в единый могучий горный поток, смывающий суету сует, очищающий душу для противостояния небытию и утверждения вечности, которые вместе с Эхом замороженно и несколько настороженно прислушиваются к созданному ими пению, сверяя незыблемость гармонии, а проще говоря – согласия.

Звучит гимн долголетия «Мравалжамиер». В грузинском многоголосии царит удивительное согласие многих голосов, в нём чувствуются, слышатся и любовь к самой гармонии, и любовь к создателям этой гармонии; для этого достаточно посмотреть на просветлённые лица поющих.

Многоголосие передаётся из поколения в поколение "на слух". И нужно хорошо прислушиваться поющим друг к другу, а в Грузии поют все, чтобы голос вписался и не нарушил столь хрупкую, но живучую и здравствующую по сей день гармонию.

Супра, умиротворяя всех, предлагает тост во славу Согласия.

У всего на свете имеется лицо и изнанка. Даже у бессмертного мифа, как это ни парадоксально.

Изнанкой застолья, его реальными врагами являются побочные эффекты или явления, как от любого лекарства, предписанного для излечения больного.

Всем известны сопутствующие пирам излишества: расточительность, объедание, алкоголизм и прочее.

Кто не слышал об этом многократно?

Упомянув о "побочных явлениях", хочется пройти мимо, оставив их на совести тех, кто ещё не понял, что сказка разрушается людьми, но и создаётся ими же.

Ну, а кого больше?

Наверняка тех, кто поддерживает жизнь сказки, присутствует и участвует в ней, и я счастлива, что оказалась среди них.

Так мне кажется...

Сказочный подарок Супры.

Живя в Грузии долгие годы, мне довелось ближе познакомиться с Супрой и на себе испытать её могущество.

Теперь, спустя десятилетия, я понимаю, что Супра, помогающая всем в трудные и радостные мгновения жизни, возможно, знала, что когда-то волею судьбы я выйду за пределы её влияния, и решила преподнести мне совершенно сказочный подарок.

Оказывается, не только себя, но и других она в обиду не даёт, и я смогла в этом убедиться.

Событие оставило глубокий след в моей памяти.

Предполагалось, что свадьба дочери состоится дома, а это было связано с решением многих вопросов, на которые следует ответить до того, как Супра-повелительница займёт своё почётное место и скроется с глаз.

И главный из вопросов - составление меню.

Я шла по проторенной дороге, надеясь, что она меня выведет, как выводила всех до меня, рассчитывая, как всегда, на собственные силы.

Находясь под влиянием Супры, я не сомневалась в том, что на столе должно быть "всё", а за окном стояло тбилиское лето, жаркое и беспощадное. Как быть?

И мной овладел неминуемый стресс.

Вдруг к нам с визитом приходят неожиданные гости, приветливые, доброжелательные, улыбающиеся Пакуна, Дареджан и Гиви - известные кудесники Супры и наши не самые ближайшие родственники.

(Боюсь, что так в Грузии не говорят).

Со всей деликатностью они поинтересовались, чем я собираюсь заполнить свадебный стол, задавая при этом наводящие вопросы.

Разумеется, это был своеобразный экзамен, усвоила ли я необходимые знания за долгие годы жизни в Грузии, так я понимала их вопросы.

Ученицей я оказалась, по-видимому, не из худших, и, не подозревая ни о чём, стала перечислять желаемое мной и достойное Супры, о могуществе которой я тогда не особенно задумывалась, всё было некогда.

Пакуна, Дареджан и Гиви согласно и одобрительно кивали головой, и я была рада, что экзамен сдаю успешно.

Я получила высшую оценку и подарок от Супры, о котором и мечтать не могла. Внимательно выслушав меня, они сказали, чтобы я не беспокоилась, что они сами принесут за час до прихода гостей пхали, рыбу и много чего, что я, от растерянности тогда и за давностью лет, уже не помню.

Вот так надо! По-другому нельзя, - велела Супра-повелительница, желая снять мой стресс присланными ею кудесниками в лице Пакуны, Дареджан и Гиви.

Было это или не было? Было... как в сказке.

Пакуна и Гиви пели на свадьбе замечательными голосами. Их пение я слышу, как далёкое Эхо из Грузии, оно звучит по сей день в моей душе, наполненной растущей с годами благодарностью.

Быть или не быть?

Как быть Супре в поединке со временем, которое вроде бы не имеет плохого намерения, но, тем не менее, медленными колёсами перемалывает, перетирает и стирает на своём пути всё, созданное случайно, по недоразумению или на всякий случай?

Увы, что греха таить, и времена иногда ошибаются.

Как Супре устоять? Вернее, как ей, оставаться невидимой под несметным количеством тарелок, продолжать властвовать над сердцами и умами?

А кому это надо? - вопрос вечный и вполне современный.

И надо ли властвовать, вообще?

Не устарела ли Супра, как многое на этой вечной, как казалось когда-то, земле? Не превратилась ли она в предмет, лишённый смысла?

И, наконец, не постарела ли она, рискнув окончательно и бесповоротно (хоть риск и благородное дело) покинуть ряд предметов неодушевлённых и, незаметно для себя самой и окружающих, в естественном процессе метаморфозы смело войти в ряд предметов одушевлённых и одухотворённых, терзаемых вечными вопросами о смысле бытия?

Супра вопрошает и правильно делает, она прекрасно знает, что не на все вопросы имеются однозначные ответы "да" или "нет". Например:

Уместно ли, целесообразно ли в наше слишком уж стремительное, быстротечное, буквально, ускользающее от всех время, сойдя с самолёта, садиться в телегу и медленно, оглядываясь по сторонам, двигаться куда-то назад?

Куда?

В то время, когда нас ещё не было, но жили-были другие люди, которые, как и мы с вами, встречали и провожали восходы и закаты, безмолвно любовались ими, вздыхая и улыбаясь или безучастно созерцая игру света и мрака.

Но только никуда они не торопились, скорость лошади им была известна, и никакой конкуренции не предвиделось.

Супра ведь пришла к нам из другой жизни, ушедшей безвозвратно, но неумолимо присутствующей сегодня, потому что Супра - кусочек той жизни, ну, как кости мамонта, сохранившиеся в вечной мерзлоте тундры, которые интересны своими доисторическими размерами, несущими в себе информацию с "того света". Супра интересна и как сохранившиеся реликтовые рощи хвойных деревьев на морских берегах Грузии. Выжили ведь!

Вот и Супра жива, она - оттуда, издалека, и, как это ни покажется странным, она всё ещё здесь в целостности и сохранности.

Когда-то у людей было две жизни: за столом и в дороге, одинаково располагающие к раздумьям и размышлениям.

Времени тогда у всех было предостаточно и для одного, и для другого, скорее всего, оно съедалось во время долгих застолий и переваривалось в раздумьях после них в длинной дороге.

Ведь таково основное, как нам кажется, предназначение человека? Мы едим, чтобы жить и думать, а не наоборот?

Ну, а теперь? Из двух жизней осталась одна, и та в спешке, сократившаяся или обесценившаяся наполовину из-за скорости.

Сел в машину, железный конь быстро и без усталости доставит, куда надо, но зато подумать некогда, а Супре необходимо, чтобы хотя бы периодически задумывались.

Думать необходимо обо всех, обо всём, о ней и с нею - раз уж она за свою долгую жизнь обрела душу, а вместе с нею способность передавать свои мысли по хорошо проверенным каналам.

Неужели возможно обрести душу? - спросите вы.

Точно так же, как и потерять её...

Ну, а уж если у Супры появилось дыхание, и к тому же вместе с ним вселился страх, чтобы оно не остановилось? Разве это ни о чём не говорит? Разве это не очевидные признаки одушевлённости?

(Иногда позволительно отвечать вопросами на вопрос?)

Итак, немного подумаем...

Супра - философское понятие, она была задумана как "вещь в себе" ещё тогда, когда неосознанно ВСЕ были философами, просто обязаны были думать, наблюдая непознанные и необъяснимые явления природы. Другого выхода не было... Думали, не зная ещё, что ЭТО - привилегия, к тому же - самая большая; думали "на ходу" (в дороге) и "по ходу" приготовления пищи.

В былые времена (что греха таить, и сейчас тоже) приготовление ритуального стола - это был огромный труд души и тела. Люди приходили, чтобы помогать, смотреть, советовать, пробовать то, что готовилось "своими руками", отвечая за качество и вкус приготовленного.

Супра вынашивалась, как замысел.

Это было своеобразное необъявленное состязание, негласный конкурс на лучшую Супру. Конкурсов красавиц тогда не было, вот её и украшали, как красивую женщину, чтобы подчеркнуть все её совершенства.

Но так как о еде особенно не принято было говорить, то слова у знатоков и посвящённых подменяются намёками, вздохами, восклицаниями, блеском глаз.

Все знали (и знают), сколько жертвоприношений она требует, но никто в этом не признавался (и не признаётся) - не принято предавать Повелительницу.

Все сомнения, терзания, неудачи погребены навеки и забыты в тот же миг, когда всемогущая Супра заняла своё почётное место и притихла под тяжестью выставленных яств, вдыхая их умиротворяющий аромат.

Требовательность Супры, естественно, вытекает от количества часов, потраченных на приготовление еды.

Но кто считает!?! - скажете вы.

Долго-долго не считали (или делали вид, что не считают?), потому что преобладало слово "надо" и соблюдение неписаных правил необъявленного конкурса, которые следовало выполнять беспрекословно.

Но, оказывается, пришли другие времена, когда появилось множество миниатюрных вычислительных приспособлений (калькуляторов), считать стало занятием престижным, необременительным и даже приятным, игра с кнопками.

Вопрос: когда лучше начинать считать, до или после Супры?

Необходимо и до, и после, потому что ничто не сходится.

Для начала. Не сходится количество еды на столе и людей за столом.

Неужели современные и такие совершенные вычислительные машины могут ошибиться?

А если могут, то сознательно или бессознательно ошибаются и в чью пользу? Тут уж без Шерлока Холмса не обойтись.

Не сходится также быстрота передвижения и время сидения за столом.

А как же разлука с очередным телевизионным сериалом? А как быть с билетом в театр или на концерт?

Хочется думать, что раньше никто никуда не торопился, время Супры заменяло спектакль, сериал, музыкальную программу.

Теперь же отовсюду только и слышно, что времени стало меньше. А время - не глухое, как думают некоторые, оно услышало жалобы и стало неумолимо вторгаться во владения Супры и оттеснять её, неизменно требовательную и к тому же самоуверенную, как могут сказать некоторые.

Как же быть Супре? Быть или не быть?

Следует заметить, что вопросы, в основном, задают сомневающиеся и мыслящие души...

Что же должно сойтись обязательно, чтобы быть?

Ответ на редкость простой...

Заряд энергии, оставшийся от встречи за столом, должен превзойти или хотя бы соответствовать количеству времени и усилиям, потраченным на приготовление Супры, Закон сохранения энергии наукой пока что не отменялся.

Это только на первый взгляд кажется, что Супра совершенно независима и ни в чём не нуждается. На самом деле, ей необходимо каждый раз заряжаться энергией, чтобы продержаться до следующей встречи со всеми собравшимися вокруг стола.

А как же иначе? Именно от общения с ними, от радости видеть их или от разделённой с ними печали невидимые глазу батарейки Супры наполняются человеческой энергией, которая и позволяет ей как воздушному шару подниматься и парить над людьми, чтобы в нужный момент и в нужном месте снова приземлиться.

Как вы думаете, после этого уместен ли вопрос есть ли у неё душа?

Требуются ли ещё доказательства?

Парение, сомнение, дыхание, вздохи, страх - это что?

Мнение, что душа имеется у всего на свете - не такое и спорное, с ним имеет смысл согласиться. Это явление замечено не нами и давно.

Душа, как таковая, по-видимому, вездесуща и не является привилегией человека, который, имея склонность к самомнению, может в любую минуту своей жизни возгордиться и возомнить себя неоправданно венцом творения, поэтому стоит присмотреться к предметам и понаблюдать, в чём секрет их долголетия.

Конечно же, за ним скрывается наличие души, присутствие которой и предохраняет предметы от исчезновения.

У предметов, как ни странно, душа стабильнее, чем у некоторых людей. Вселившись в предмет, она успокаивается, остаётся неизменной и доброжелательной довольно длительное время, чего стоит пожелать и людям, постепенно обретающим душу.

(Но в данную минуту речь идёт о Супре как о предмете одушевлённом).

Супру не волнует, что грузинская кухня требует титанического труда при предварительной обработке и приготовлении еды (одной зелени сколько надо перемыть!); её это не касается, она, с её аристократическими замашками, выше всех расчетов,

подсчётов, она - само вдохновение, взмах кисти художника с его непредсказуемостью и требовательностью к себе. Супра должна удивлять, пленять, покорять, как художественное полотно, она должна уподобляться существу одухотворённому, в которое она на самом деле превращается на время священнодействия - ритуального служения: на неё смотрят, заглядываются, изучают пытливым взглядом, даже пробовать необязательно, достаточно одного беглого взгляда, чтобы сказать в шутку "Стол хороший, но рыбы нет".

Вот почему на столе должно быть Всё.

Ходят слухи, что приглашённые гости перед встречей с Супрой специально закусывают дома, чтобы за столом вести себя достойно, ибо необходимо устоять, устранившись от её соблазнов, сохраняя собственное достоинство. Мы ведь не бедные, мы не есть пришли, а послушать и посмотреть. Вот откуда у всех появились аристократические замашки!

Ты что у врагов? - спрашивают по-дружески у тех, кто с отменным аппетитом, не подозревая ловушки, начинает разрушать гармонию стола. Сразу виден новичок и непосвящённый!

Демонстрированное безразличие - это всего лишь выработанная веками защитная реакция организма и правило хорошего тона.

Ешьте на здоровье, на всех хватит, но... Каждый должен знать свою меру.

Чем не наглядный урок воспитания доброй воли?

Приходили и уходили времена, непохожие друг на друга, менялись сезоны, посуда, одежда, а Супра, удивительным образом неуязвимая и неподвластная модным веяниям, оставалась востребованной.

Ибо она устраивала всех, она была для всех, она угождала всем, не переставая удивлять.

Без неё наступала неприятная неподвижность и тишина, с которой неизвестно, что и делать, как жить дальше.

И друзей созову, на любовь своё сердце настрою,

А иначе, зачем на земле этой вечной живу? - слова из песни Булата Окуджавы, взявшего Супру с собой в путешествие по жизни.

Кстати, многие это делают, уезжая из Грузии. В душе для Супры и Любви всегда находится место...

Разве жизнь не праздник, на который приглашены Все? '

ЧТО?!

Ну, хорошо, если и вы сами так думаете, ещё лучше, конечно, если вы в этом уверены...

А если нет? Если вы не согласны или в чём-то сомневаетесь?

Ведь праздник на земле - это радость и грусть, чередующиеся и сменяющие друг друга, как день и ночь. И обе дамы - Радость и Грусть - неотступно сопровождают Любовью, которая и побуждает Супру к действию, вопреки всем невзгодам и недругам..

- ???

Да, периодически появляются недружелюбно настроенные к Супре и глубоко презирующие её ночи, желающие её уничтожения.

Спросите, для чего?

Да они и сами толком не знают, у них потребность такая - истреблять, уничтожать, не особенно задумываясь о последствиях.

А ведь на земле всему своё время, и если Супра, протопав, проскакав, проехав извилистый путь, а теперь ещё взлетев и летая, всё ещё здесь и продолжает здравствовать и приветствовать по-прежнему гостей, значит, не пришло ей время уходить. Не стоит брать грех на душу...

Всегда лучше прислушиваться к здравому смыслу, который растворён в воздухе вокруг нас, к сожалению, не в слишком сильных дозах. Можно и не уловить.

Истребление иногда начинается с малого, совсем незаметного и на первый взгляд доброжелательного слова "вредно".

"Вредно много пить, вредно много есть".

Кто против этого возражает? Никто.

К тому же имеется выход и очень простой!

Следует убрать назойливое наречие "много", одно лишь слово, которое мешает, и всё стане на своё место, потому что "вредно пить и есть" вообще, лишено всякого смысла, хотя уже можно услышать и такое.

Что же происходит?

Сидя за столом, избегая слова "вредно", вместо восторга "недруги" начинают открыто подсчитывать количество калорий, отдавая дань модным веяниям, а Супра этого не любит.

Она - не повседневность, в которой следует подсчитывать, а спектакль, созданный жизнью и временем, и присутствие когда-то несуществующих калорий в ней не предусмотрено, нежелательно и неуместно (пища добывалась в поте лица и калории были весьма уважаемы в силу их необходимости).

"Много" - относится не к Супре, а к сидящим вокруг стола. У них разные возможности "удивлять и удивляться", "усмирять и усмиряться", и несоизмеримая продолжительность жизни.

Не стоит затевать с Супрой игру - "кто кого". Не для этого она здесь, потому и вопросы возникают.

Откуда появились эти калории?

Как им удавалось так долго скрываться от зорких людских глаз?

Кто разрешил им вторгнуться во владения Супры?

Супра - разрыв с повседневностью, приглашение на праздник. Она органически не переносит скучных, постных, неодоухотворённых лиц, предпочитая выражение - радости-грусти, хорошо при этом понимая, что мы не выбираем ни одного, ни другого.

Разве приглашенные не собрались на праздник?

Разве праздник - это не самая умная игра для взрослых и детей, придуманная, чтобы радоваться или печалиться вместе?

Радуйтесь! Разве праздник не для вас?

Супра продолжает размышлять ...

Разве она - не исполнительница всех желаний, оставаясь, тем не менее, повелительницей праздника, который кончается, как всякий праздник, в обозримом будущем?

Только тот господин, кто и слуга одновременно, и Супре это известно.

Чему же служит Супра?

Собирая вокруг себя Всех, как любящая мать собирает своих детей вокруг обеденного стола, сколько бы их ни было, Супра служит, прежде всего, воссоединению времён, прошлого и настоящего, заглядывая в будущее.

Трудно себе такое представить? Немыслимо даже?...

Что можно усмотреть в беспредельности, в бесконечности, тем более сидя за столом, где у времени другое измерение?

В обезличенном и странном слове "всех" можно ничего не увидеть, только раствориться, чтобы почувствовать и прозреть, *"словесный сор из сердца вытрясть и жить, не засоряясь впредь. Всё это - небольшая хитрость"*, - слова, в которых посвистывает ветер издалека, известны Супре.

Супра сплетает времена, как искусная мастерица - кружева. Она даёт возможность представить себе другое время и себя в нём.

Себя в другом веке и всегда?

Путешествие во времени? - спросите вы.

Полёт фантазии? Воспитание чувств к традиции?

Разве не об этом думает Супра, собирающая всех с такой самоотдачей и щедростью?

И об этом думает, и о другом.

Выживание - это процесс непрерывный, дыхание не должно, не имеет права останавливаться ни на минуту.

Кому передать эстафету на перекрёстке веков и культур?

В какую сторону податься?

Супра думает... и непременно придумает что-нибудь, не сомневайтесь!

Переселение народов - непредсказуемое и загадочное явление. По разным причинам, в разные времена люди, движимые инстинктом самосохранения, срываются с обжитых мест.

Причём здесь Супра? - спросите вы.

Она была свидетелем многих переселений, и сама переселялась: из дома в дом, из века в век, переселялась в другие страны, куда её брали с собой все отъезжающие, ну, не всю, конечно, а по кусочку.

Сейчас Супра переселяется на постоянное местожительство в своей стране в рестораны, туда, где её давно ждут, наполняясь при этом как будто бы новым, но известным ей испокон веков смыслом.

Как всегда, она спасена кудесниками, кочующими вслед за ней во все времена: где она - там они, где они - там она, и кто за кем следует - неизвестно. Долго ведь не знали: Солнце вращается вокруг земли или Земля вокруг солнца? Это, примерно, то же самое. Теперь хоть и знают все, но всё равно остались неразрешённые вопросы.

Всезнающая и хитроумная Супра приспособилась. Теперь, став действующим лицом процесса глобализации, она восстанавливает не только связь между временами, но и силы.

Какие силы?

Не замечали?

Ресторан - французское слово, известное всем - это место, где можно поесть.

И всё? Неужели всё так просто?

Отнюдь нет. Само слово "ресторан" французы произносят всегда с большим уважением, ибо в нём и за ним скрывается не сама еда, как таковая, а идея еды как главного компонента жизни. Поэтому слово "ресторан" каждый раз бессознательно наполняется подлинным смыслом, который скрывается в нём - "восстановление", "реставрация", ни много, ни мало.

Очень серьёзные слова, отсюда и ресторан, куда переселяется Супра, тоже вполне серьёзное слово.

Восстановление сил? После еды? Каких же это сил?

Неужели не замечали?

Реставрация?

Но ведь это касается картин, книг, чего-то старого, что пострадало от долгого служения? Мало ли что мы хотим восстановить, реставрировать?

Ну, а если это касается Супры, старого, как мир, явления, но обновляющегося и приспособляющегося к новым обстоятельствам с завидным постоянством?

Новые обстоятельства - это повсеместное возникновение ресторанов, они повсюду, но особенно их много по дороге во Мцхету, по дороге, ведущей к храму Светицховели.

Случайное совпадение?

Открытие каждого нового ресторана - это восстановление Супры в её правах и значимости.

Супра в ресторане, или рестораны для Супры?

Конечно, рестораны для Супры, тут двух мнений не может быть.

Главное, знать, какими она хочет видеть свои владения, а об этом она нашептала своим кудесникам и стражам, от них у неё секретов нет, главное, быть как можно более убедительной.

Супра является неотъемлемой частью величественной природы Грузии. По её замыслу, и рестораны должны соответствовать ей.

А как же иначе? Получится дисгармония: большие столы в маленьких ресторанах "не смотрятся", им тесно, жарко, душно.

Раскинувшиеся под открытым небом, очерченные линией горизонта, новые рестораны - это храмы Супры, - это заполненные воздухом и светом дворцы для Повелительницы, она их достойна, это - её империя, кстати, такие рестораны можно сравнить только с римскими банями, которые восстанавливали силы физические и духовные.

Чтобы угодить, Супре повинуется лето, приходящее весной и не желающее уходить осенью, к её услугам пейзаж, которым можно бесплатно любоваться, - живая декорация, произвольно меняющаяся от восхода до заката. Не только же поесть пришли...

Созданная природой картина, ставшая частью ресторана, завораживает своей красотой, которая, в свою очередь, становится неотъемлемой частью красоты Супры.

Горы, реки, древние храмы и крепости, уцелевшие в противостоянии с невзгодами, принимают участие в священнодействии, и Супра вписывается, как нечто само собой разумеющееся, в вечность, частью которой она является.

Горы, реки, древние храмы принадлежат ей, она давно знала об этом, только помалкивала "Кто знает - не говорит", - гласит китайская мудрость.

Супра взыскательна и к интерьерам ресторанов. Почти в каждом из них - настенные росписи, живопись, присутствие старых предметов, вышедших из употребления, чтобы ненавязчиво напоминать о времени и возрасте, которые украшают Супру - естественную и непреходящую декорацию современной жизни.

В ресторанах принято объединять столы, которые превращаются в путь, такие они длинные.

Вокруг столов сидят улыбающиеся люди, приветствующие гостей из дальних стран и друг друга; стол заполнен яствами, и кажется, что праздник на земле восторжествовал, победил темные силы зла, и отныне – всё будет хорошо.

Мравалжамиер!

Есть или не есть?

Странный вопрос! Похож на оборотня!

Под пристальным взглядом из-за умных глаголов, устраивающих головоломку, он как бы раздваивается.

Есть (быть) – существовать, и есть – насыщаться, а, между тем, глаголы естественно и самым тесным образом взаимосвязаны.

Есть или не есть? Почти невыносимый и непроизносимый вопрос!

Подгоняемый попутным ветром, он носится в воздухе по всему миру, проносится и там, где есть, что есть, и там, где пусто. Он заглядывает во все уголки и закоулки, недоумевает и приходит в бешенство от собственного бессилия найти хоть какой-нибудь удобоваримый ответ.

Гонимый ветром в разные страны, не до конца понятый вопрос оседает попеременно в какой-нибудь из стран, где к нему прислушиваются, хоть и несколько настороженно, но, тем не менее, всегда с нескрываемым интересом, извлекая иногда, в зависимости от принятого решения "есть или не есть", вполне ощутимую выгоду.

Временами вопрос, засыпанный пылью засухи, под слоем которой он неминуемо засыхает и превращается в прах, надолго погружается в забвение. Остаётся только его первая половина, никакого "или" и в помине нет.

Иногда же под проливным дождём искрящихся "благотворных" мыслей он снова расцветает пышным цветом, и, как подобает в таких случаях, занимается в отпущенное ему время самолюбованием, а потом, как и положено, засыхает на корню до следующего цветения.

И всё начинается сначала, и всё идёт своим чередом... Или-или... Или-или?
Есть или не есть? Что есть? Где есть? Как есть? Стоит ли?
Снова раздвоение...

То дождь, то пыль, попеременно сменяя друг друга, закалили вопрос, вымуштровали его, но никогда не смогли уничтожить полностью, чтобы и не возникал!

Но именно с тех давних пор так и повелось, человеческие особи, поднявшиеся на философский уровень, разделились на две ярко выраженные половины. На тех, кто живёт, чтобы есть, не особенно заботясь о впечатлении, которое они производят; и тех, кто ест, чтобы жить, сопровождаемых и терзаемых к тому же дополнительными вопросами о смысле бытия.

Так и живут столетия подряд, периодически задумываясь и вопрошая, в надежде в один прекрасный день приблизиться к пониманию того, *"что человек, когда его заветные желания - еда и сон?"*.

Ответ известен: *"Животное, и всё"*.
Но загадка остаётся.

А если нет еды и сна? (Вопрос закономерный?)
Продолжает ли человек оставаться человеком?
Или, может быть, сразу перевоплощается в ангела?

Итак, "Есть или не есть?"

Вопрос по-прежнему остаётся острым и разящим, открытым по сей день, ибо не перевелись, как это ни странно, поклонники и последователи ни одного, ни другого. Как быть?

Можно успокоить себя только тем, что вопрос этот вечен, не сегодня он возник и не завтра исчезнет, ибо пресыщенность и голод, как это ни странно, - понятия не только, а иногда и не столько физиологического свойства, сколько психологического.

Свидетельство тому - прозрение и признание гениального Франсуа Вийона. Поэт выразил состояние ненасыщения и неутолённости жажды – парадокс нашего существования: *От жажды умираю у ручья*.

У томимых духовной жаждою ручей - не вода, а земля превращается в мрачную пустыню.

Кто ответит, чем утоляются духовная жажда и голод?

Можно задать и встречный вопрос.

А во что превращается уставленный яствам! стол в процессе сублимации?

Sublimation - сублимация, вообще-то, - процесс химической обработки и очищение чего-то. В частности, если речь идёт о человеческих инстинктах - это процесс их облагораживания, очищения от материального. Учитывая неограниченные возможности нашего организма - само совершенной химической лаборатории – этот процесс происходит постоянно.

Человеку свойственно совершать невероятно сложные мыслительные операции для понимания всего происходящего вокруг него. В особенности ему нравится творческий процесс преобразования самого себя, украшения и наполнения высоким смыслом явлений реальной действительности: обожествлять их, возвышать и самому при этом возвышаться.

Спрашивается, зачем ему это надо?

Стол есть стол, еда - это еда. И вдруг (представляете себе?) стол - это не стол, а еда не еда. Уместен ли, вообще, в данном случае вопрос "Есть или не есть", который опять начинает раздваиваться?

Этот замысловатый процесс вам лично ни о чем не напоминает?

Например, когда мы защищаем что-то или оправдываем, доказываем что-либо или не совсем понимаем, что же происходит на самом деле, - процесс сублимации тут как тут, невидимый и неподконтрольный.

Кому-то он нужен, кому-то - нет, на том и мир держится.

Кто-то довольствуется малым, а кому-то всегда всего мало.

И тут возникает вопрос.

Полнота бытия - это заполненный стол и; душа, преисполненная благодарности и благодати?

Конечно, лучше всего, если одновременно одно, и другое — без "или"... Благодарить — э' благо дарить, а благодать — это благо дать.

Кому? Когда? Как?

Если есть, что дать, то найдётся и кому, сто; только оглянуться по сторонам и задуматься...

Есть или не есть?

Не странно ли, что такое короткое и незначительное слово, как "или" должно вмешиваться в нашу жизнь и повелевать?

Вы не находите, что разделительный союз "или-или" - слишком категоричен, назойлив, требователен, наконец, жесток, а в данном случае — "есть или не есть" — не совсем оправдан и понятен? Существует же незаметное и объединяющее "и"? Этот союз даже можно удвоить: "и", "и", тогда он становится совсем добрым, кротким и терпимым.

Разве так плохо: "и есть, и не есть"?

Очевидно, именно в результате сомнений и раздумий по этому поводу в жизни людей, как мне кажется, произошло немаловажное событие – рождение застолья и, в частности, Супры – доброжелательницы, повелительницы, распорядительницы.

О её рождении позаботились мудрые и благожелательные люди, жившие в разные эпохи и в разных странах - земля ведь всегда была маленькой (даже если не сразу догадывались об этом) и всегда вертелась по кругу.

Хоть и не доказано, но хорошо известно, мысли передаются на расстоянии, совершенно свободно перемещаясь в безграничном пространстве.

К счастью, ничто им не может помешать сойтись в том непредсказуемом месте, где все мысли встречаются (по той простой причине, что никак не могут разминуться). И не только сойтись, но и мгновенно понять друг друга.

Неважно, кто к кому приходил в гости, кто к кому приглядывался и прислушивался, кто, где и когда услышал и сказал, но факт, что столкновение на протяжении многих сотен лет самых непредсказуемых мыслей и сопровождающих их раздумий привело к нам неувядающую красавицу Супру.

Она - естественна, как дыхание, она - спектакль, в котором каждый из нас принимает участие в отведённой ему роли: гостя, хозяина, создателя-кудесника, зрителя-гурмана или замороженного созерцателя (не хлебом же единым жив человек!). Динамика спектакля такова, что все остаются при деле, на своих местах, словом, - полная занятость населения.

Роли участников постоянно меняются, только Супра остаётся лёгкой на подъём, неизменно расположенной к угощению. Трудно поверить, но она переступила порог 21-го века нашей эры и ей даже не понадобилось прибегать к косметическим хитростям!

Надо же! Какая выносливость! Какая стойкость! Какая уверенность в себе!

Помимо Супры не стареет только содружество поэтов, которому непостижимым образом удаётся сохранять на века завидную молодость и бодрость духа.

Кто кому покровительствует на протяжении столетий: Супра поэтам или поэты - Супре? Вопрос может показаться спорным, как если бы спросить: вино для чаши или чаша для вина?

Но факт, что жизнеутверждающие и бесхитростные, следовательно, неувядающие поэтические тосты сопровождают и украшают Супру (застолье) и востребованы по сей день.

От повторения одних и тех же слов в разных странах и на разных языках, понятных каждому при переводе, но доступных и без переводчика, рождаются общечеловеческие ценности, объединяющие людей, откуда бы они не пришли.

Дружба - это улыбка и протянутая рука.

Мир – это смех детей и очаровывающее пение птиц.

Доверие и щедрость - открытая дверь дома и накрытый стол, приглашающий к застолью, за которым вереница поклонников поэтов на разных языках из века в век произносит их тосты.

Всего на несколько мгновений можно к ним присоединиться. Вот Роберт Бернс:

За дружбу старую! За старую любовь!

За счастье прежних дней!

Старую - значит долговечную, проверенную и испытанную временем.

Кто из нас не поднимал такой тост?

Почему прежних? - задумаемся, неминуемо взгрустнув. (Знакомое всем нам состояние).

Осознание счастья, к сожалению, часто опаздывает, об этом нам напоминают поэты, у которых неопровержимый, потому что поэтический, опыт жизни. *Что имеем, не храним. Потерявши – плачем*, - отзывается эхом Пушкин.

Счастье прежних дней - своеобразное чувство запоздалой благодарности?

Теперь вы верите, что поэты мысленно общаются, и, как перезвон колоколов, издали к нам доносится переключка их голосов и поэтические напутствия, советы и забота — трогательная и такая необременительная. Прислушайтесь...

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!*

*В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло;
Всё мновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.*

Выделим одну строку, всееляющую надежду: "День веселья, верь, настанет".
Хочется верить, что Супра когда-то слышала эти слова.

"Имеющий уши да слышит", а у Супры - особый слух. Кроме обыкновенных ушей, она обладает даром, который скрыт в слове "гулискури", что значит - внимание, а дословно - "ухо сердца", по-другому, "и у сердца имеются уши".

"Заздравный тост" Роберта Бернса услышанный "гулискури" или "ухом сердца" приближает нас к грузинской Супре.

Траектория полёта Шотландия - Грузия. Приземляемся:
*У которых есть, что есть, те подчас
не могут есть.
А другие могут есть, да сидят без хлеба.
А у нас здесь есть, что есть, и при этом есть,
чем есть.
Значит, нам благодарить остаётся небо.*

В коротком стихотворении - три ситуации. Первая - именно о тех, кто спрашивает: "Есть или не есть? - о людях, сытых или разочарованных. Кто знает?

Вторая ситуация не нуждается в излишних комментариях. Бедность и голод пока что на земле не изжиты.

А последние две строки имеют прямое отношение к Супре, хотя писались в отдалённой от Грузии Шотландии, где, оказывается, как и во всём мире, произносят заздравные тосты и благодарят небо.

За каким столом не поднимают тост за дружбу, за мир, за то, чтобы люди на всей земле стали бы братьями?

Планета Земля стала прозрачной, просматриваемой и доступной со всех сторон, но не стала более понятной. Вечная мечта о братстве жива по сей день, но всё ещё не осуществилась.

Кто же этому противится?

Во всяком случае, явно не те, кто собрались за одним столом и настроили своё *сердце на любовь*, чтобы почтить вниманием друг друга, заглянуть в глаза друг другу (никогда не мешает), послушать старые и произнести новые тосты-пожелания.

В заздравном тосте Бернса интересно напоминание о том, чтобы присутствующие за столом не забыли поблагодарить небо.

Благодарность небу - это обязательная совместная молитва сидящих за столом, на котором есть, что есть, в каком бы уголке земли они ни находились. Напоминание было давным-давно услышано Супрой, улавливающей малейшие колебания мироздания - в особенности звуковые - и корректирующей их по-своему.

Благодарность словом, жестом, взглядом?

В Грузии за столом, заставленным яствами (Есть или не есть?), благодарность небу возносится многоголосым пением "Мравалжамиер" - гимна долголетия, превращающим застолье в литургию.

Перед нами - явление сублимации в чистом виде.

Мало что вызывает такое удивление - особенно у путешественников - как еда-угощение, новизна вкусов и сопровождающие их открытия.

Мы находим себя в ананасе, банане, киви, авокадо, которые как вестники вкусовых знакомств распространились по всему миру.

Сколько выдумки, изобретательности, фантазии вкладывают народы в создание национальной кухни, как долго происходит её становление, как медленно отстаиваются и оседают особенности её вкусового своеобразия и разнообразия, как бережно передаются они из поколения в поколение!

У грузинской кухни, благодаря использованию ароматных и целебных трав с их яркими вкусовыми акцентами, появился свой вклад в мировую сокровищницу вкусов.

Травы, произрастающие на грузинской земле, снабжая всевозможными витаминами, оздоравливают, успокаивают, заботясь о долгожителях. Круглый год - и зимой, и летом - немислимо представить себе самое простое блюдо, приготовленное без свежей "зелени" или сухой приправы, придающей "грузинский" оттенок любой самой простой еде.

В каждой национальной кухне наступает интересный момент - это возможность вариаций, импровизаций, которые уже не удержать в одной стране, они начинают триумфальное шествие по миру, видоизменяясь, приспосабливаясь к обстоятельствам, но, не теряя тем не менее собственного лица. Примеров тому множество: пицца, плов, блины, шашлыки, хачапури...

Неужели всё, что создаётся в разных странах, чем с гордостью, как самым дорогим сердцу, угощают гостей - это для того, чтобы не есть?

Ради Бога, не будем искать ответа... будем считать, что ответ смутился, растерялся или просто где-то затерялся *"над пропастью во ржи"*.

Но главное в любой кухне всё же - одно: еда не должна кончаться никогда, ибо с исчезновением еды прекращается сама жизнь. Об этом известно всем.

Стоит ли после этого задаваться вопросом "есть или не есть?"

Еда не должна кончаться никогда и нигде, и Супра - наглядный пример и забота о сохранении этого незыблемого закона жизни.

Когда еда кончается, начинают снова готовить, восстанавливать съеденное, чтобы побаловать гостей, и, разумеется, угодить Супре - создательнице свода основных законов бытия при обязательном соблюдении незыблемого правила: "мы едим, чтобы жить и мыслить, а не живём, чтобы есть".

Не мы для еды, а еда для нас - так решила Супра раз и навсегда.

Не думайте о еде сейчас, в это привилегированное для вас мгновение, всё перед вами, думайте о другом, о еде и вине позаботилась Супра. Есть то, что есть. Есть, то что есть.

Повседневные вопросы где? когда? как? Супры не касаются. Она готова быть востребованной везде, в любое время года и дня. Она мобильна и на удивление неприхотлива, несмотря на всю свою взыскательность. Благодаря этому свойству она жива по сей день.

Супры не касается такой странный вопрос, как "есть или не есть?", несколько напоминающий раскачивание на качелях "или-или".

Он может возникнуть у людей пресытившихся, имеющих возможность поразвлечься вопросом, как кошка с мышкой, до поры до времени.

Вопрос, ежедневно возникающий у каждого из нас, настолько банален, что о нём и не думают, пока он, не мудрствуя лукаво, с присущей ему естественностью не слетает с наших уст: Есть ли что-нибудь поесть? Что мы будем есть?

Его-то услышала Супра.

Вопрос "есть или не есть?" возникает и у человека разочарованного, утратившего не только желания, но и инстинкты. Отказываясь от еды, ответ доводят до логического конца. Спасать таких людей трудно, практически невозможно, потому что они идут в сторону, противоположную не только здравому смыслу, но и "рассудку вопреки," как поётся в старинных романсах. В таком случае, любые слова - бессильны. Близость конца облегчает непонимание, вызывая сострадание окружающих.

Взгляд современного человека уже привык к мельканию на подиуме скелетов, лишённых плоти. Они бывают совершенными по форме, их естественная округлость, угловатость, удлинённость, задрапированная в фантастические ткани, представляет собой абстрактное полотно, в котором по некоторым признакам с трудом можно угадать юное существо женского пола. Отрешённый взгляд, устремлённый "в никуда", устраняет встречу с ним и тем более неуместный вопрос: Сколько времени можно не есть?

Искусство всегда требовало жертв, и с этим уже смирились.

Вопрос "Есть или не есть?" возникает и у дисциплинированных людей перед изобилием накрытого стола, ибо перед ними - выбор, свобода выбора (кстати, приём, применяемый ко всем обстоятельствам жизни). А Супра для каждого, сидящего за столом, - это реальный выбор.

Выбирать из многого - самое трудное занятие на земле, но самое, кстати, интересное для познания самого себя, особенно, когда человек преисполнен чувства ответственности и собственного достоинства (без насмешки над собой и себе подобными).

Свобода выбора, доставшаяся в дар от древних богов, которым в своё время было доподлинно известно, как нелегко быть свободными, ко многому обязывает.

Не мешает напомнить, что Грузия (Сакартвело), грузины (картвелы) происходят от древнего мифического бога Картлоса, которого они чтят и помнят по сей день.

Красивая легенда? А может и быть?

Выбирать - сознательно лишать себя чего-то за столом, где есть всё - это тренировка воли и ума, предписанная Супрой.

Для слишком смелых и самоуверенных существует ещё неписанное правило: в поединок с Супрой вступать не стоит, даже если кому-нибудь очень этого хочется, терять голову из-за неё тоже не имеет смысла, хотя у многих неподготовленных ко встрече с ней может закружиться голова.

Раз о ней снова заговорили, как о женщине, то и взаимоотношение с ней должно быть такое же. Ну, скажем, скорее, обходительное.

Супра - само совершенство! Она мудрее каждого из нас в отдельности взятого, вы же понимаете - у неё многовековой коллективный опыт.

Исходя из этого становится понятным, почему у Супры столько подделок, имитаций, столько подражателей, которые во что бы то ни стало хотят быть похожими на неё.

У неё и противников много. Не верите?

Это - все те, кто ошибочно приписывает Супре свойственные каждому из нас недостатки.

Надо же! На её выносливые плечи навешиваются всевозможные упрёки и обвинения, чтобы обелить и оправдать себя и тех, кто превратился в её рабов.

Многое и многих повидала она на своём веку, но не порабощение и рабов уважает, а свободный выбор: "Делай, что хочешь!"

Эта многогранная, отчеканенная фраза Франсуа Рабле не предлагает и даже не подразумевает ничего ни недозволенного, ни запретного.

Каждый, конечно, волен понимать её по-своему. Мне однажды пришлось услышать, что в ней воплощена "формула лени".

По всей видимости, Рабле в этой фразе подразумевал деяние, а не лень, которая находится по ту сторону баррикад. Делай, что хочешь, но только хорошее, делай, что хочешь, но только не во вред себе и другим.

В какой-то степени это касается всех гостей Супры.

Мысль простая, прозрачная, и универсальная. Она парит над каждой Супрой.

А Мысль, воспарившая над Супрой, согласитесь, - всё же большое достижение!

По-другому можно сказать "Ешь и пей, что хочешь". Выбирай!

Кого-то это дисциплинирует, кого-то забавляет, кого-то раздражает, кто-то в отчаянии, но многие этому уже научились. Так что Супра на правильном пути.

Ну, что сказать?

Каждому своё, на то и дарованная Супрой свобода, чтобы ею распорядиться, а если не ею, то хотя бы своими эмоциями по поводу "Есть или не есть?"

После небезрезультатных и длительных опытов, выверенных временем, Супра отказывается брать на себя ответственность за все прегрешения, она давно в какой-то из своих жизней встретила на перекрёстке веков с Рабле, услышала его девиз: "Делай, что хочешь", который она смогла оценить по достоинству и, естественно, решила воспользоваться и его напутствием.

Вам нужны ещё доказательства?

Вопрос "Есть или не есть?" при близком знакомстве с Супрой становится неуместным, потому что вас за столом никто не заставляет ни есть, ни пить. Ну, правда, никто. Приносят угощение, ставят его на стол, у вас есть время присмотреться к нему, не торопясь попробовать, в ожидании следующего блюда, которое появится через определённый промежуток времени. Есть или не есть - решаете вы сами.

Многие из сидящих за столом, понимая это, защищают Супру от излишних и несправедливых нападок тех, кто никак не может решиться ответить самому себе на вечные вопросы: "Быть или не быть?" и "Есть или не есть?".

Обратите, пожалуйста, внимание на то, что, не спросив нашего разрешения, вопросы сблизилась сами. Кто бы мог подумать?!

А, может быть, Супра приобщает к истории?

Возможно, с неё и начинается история каждого из нас, если мы находимся среди тех, кто оказался, волею судьбы, занесённым в Грузию на день, на неделю, на всю жизнь?

Мне случалось встречать таких людей и слышать их восхищение перед грузинским гостеприимством. Сама я ведь тоже отношусь к их числу.

На моих глазах неоднократно происходило рождение маленьких мифов.

А миф – не что иное, как запечатлённый в памяти момент из жизни, самым тщательным образом выгравированный ею, как ювелирное изделие, - "бижу", которое затем преподносится с удовольствием, с нескрываемым удивлением и сопровождающей его радостью.

К сожалению, удивление покидает многих из нас, покидает, не спросясь, не простившись с нами, безжалостно и бесповоротно в самые непредвиденные моменты нашей жизни, незаметно унося с собой и радость. А без них (удивления и радости) мы уже не дети Господа, не сотворцы Вселенной, а потребители, которых ничем не удивишь и которым всегда всего мало...

Каждому из нас бывает однажды двадцать лет, когда история нашей жизни впереди, а мы сами находимся как бы вне исторического процесса.

Представьте себе, что именно в этом возрасте волею судьбы вы оказываетесь в стране мифов о Золотом руне, об Амирани (Прометее), созданных еще до нашей эры. То есть, вы находитесь в стране, которая существует так давно, что и представить себе трудно, потому что в этом возрасте собственная жизнь кажется вечностью, а вечность, существовавшая до нас - нечто нереальное, просто страницы учебника истории, которые перелистываются без особого волнения.

Для того, чтобы стало интересно и разволноваться, необходимо переселиться в один из мифов, войти в его реальность. И тогда начинается история вашей собственной жизни.

Тёплый воздух, охватывающий вас, как дружеские объятия, с первой минуты приземления на грузинскую землю, творит чудеса.

Он вас обезоруживает и покоряет на всю оставшуюся жизнь, если вы когда-нибудь испытывали холод.

А кому из нас не было холодно, хотя бы один раз в жизни?

Разогретый солнцем воздух подхватывает вас, обволакивает, и вы оказываетесь в состоянии, когда чувствуешь себя хорошо, не зная почему, без излишнего анализа, иногда приводящего к плачевному результату.

И, главное, - ничего сверхъестественного в этом нет! По всем законам - тёплый воздух легче холодного. Вот вы и парите вместе с ним, поднимаетесь в согласии со всеми законами физики.

Вы оказываетесь не столько пленником тепла, сколько должником его, ибо, оказавшись в утробном состоянии защищённости неродившегося существа, вы вынуждены, обязаны заново родиться; другого выхода у вас нет.

Приземлившись в Тбилиси, я растворилась в тёплом воздухе, исчезла, как мне казалось, навсегда от неожиданности, от удовольствия, что такое возможно.

И потом, где бы я ни была, всю жизнь меня сопровождало это незабываемое ощущение ВОЗВРАЩЕНИЯ - предчувствие тепла и затем - встреча с ним под однообразное и умиротворяющее пение цикад.

Так что перемещение в пространстве благотворно для формирования души. А чередование тепла и холода закаляет не только тело, но и душу.

Трудность постижения начала пути необъяснима, но всё приходит с годами.

Живите долго!

Супра не обязательно должна быть многочисленной, и для неё всё-таки самое главное — не еда, а предмет разговора, начало приобщения «непосвященных» к тайнам бытия и его непредсказуемости.

Растворившись в тёплом воздухе, я, например, не предполагала, что одновременно стала невесткой самой Грузии! Я и не подозревала, что с этой минуты началась история моей жизни, её грузинские страницы.

Как сейчас помню стол, накрытый под тенью дерева, где собрались грузинские родственники и их друзья - музыканты симфонического оркестра Тбилисского оперного театра - и где меня нарекли невесткой Грузии. Такая честь наполнила меня совершенно новыми, доселе не испытанными ощущениями.

Мне рассказали за столом, что в Грузии любят Украину, что Грузия и Украина давно породнились, обменявшись поэтами. Судьба Леси Украинки завершилась в Сурами, где она целебным воздухом поддерживала своё хрупкое здоровье, а Давид Гурамишвили волею судьбы оказался в Миргороде, на Украине, где он жил и там же похоронен.

В Грузии поэт - значительное и серьёзное слово.

Поэту можно доверить свою судьбу, и, как я поняла чуть позже, в Грузии так и поступили - навсегда доверились Руставели.

Вот вам и начало истории: всё взаимосвязано, сопоставимо, осознано, проникнуто добрыми чувствами, история для меня стала чем-то живым и понятным.

За столом обо мне говорили - это "наша невестка". Главное слово "наша", столь неожиданное для меня, обладало многими смыслами: меня присоединили, удочерили, я не должна чувствовать себя одинокой, чужой, разобщённой со своими близкими.

Кому из приезжих не знакомо это состояние пригретости? И в этом заслуга Супры.

Много у неё заслуг, но не всё так просто, и не всегда безоблачно небо над Супрой. Серые тучи, чёрные гроззовые облака периодически сменяют безоблачность, скрывая от нас глубину голубизны.

Стол, накрытый всевозможными яствами, сопровождаемыми к тому же щедрыми словами и чарующим пением, способен вызывать не только восторг но и чёрную зависть у тех, кто не умеет или не хочет, по какой-либо причине радоваться за других и с другими, благодарить их (благо дарить), считая, что все обязаны им угождать, прислуживать. Иногда слышится завистливый шёпот. "Вот, как они едят! У, какие грузины богатые!".

Недоумевают те, кто не знает, что гостям отдаётся всё лучшее, иногда тратят последнее, а иногда и в долг берут. Так велела Супра.

Известно, что подкармливать миф сложнее, чем накормить человека.

Пища духовная и пища земная здесь встречаются и вступают в противоречивый и нескончаемый спор: *"Что человек, когда его заветные желанья еда и сон?"* "Есть или не есть?"

Лучше бы спросили, откуда богатство?

Слова из песни *"Мои года - моё богатство"* в каком-то смысле являются буквальным ответом на этот вопрос.

Земля лозы и солнца - Грузия - древняя страна. Её года и есть её богатство. Многие лета!

В двенадцатом веке для немногих и еле слышно прозвучали слова Руставели: "Что отдашь, то своё, что оставишь - потеряно".

Услышав или прочитав эти слова грузинского поэта, поневоле задумаешься и всю оставшуюся жизнь постигаешь их мудрость, которая потом передаётся по наследству детям, внукам, правнукам. Это и называется традицией.

Все знают, что судьба слов непредсказуема.

Мало ли что они прозвучали?

Мало ли разных слов прозвучало на земле?

А сколько лет они шли, чтобы быть услышанными всеми?

В те далёкие времена поэт не мог предположить, что эти слова войдут в каждый грузинский дом.

Слова были не только услышаны, осмыслены, они были приняты навсегда, как напутствие к действию и наглядный пример того, как глубокая мысль и осознание её могут сделать человека богатым и счастливым.

"Хорошо, когда такая мудрость - одна на всех, без исключения, а свойство самой мудрости в том, что её удивительным образом хватает всем. Каждый берёт, сколько хочет, сколько может, как велела Супра-повелительница.

Удивление перед мудростью вполне естественно, потому что и глупость тоже может быть одна на всех.

А путь между глупостью и мудростью - это путь, который суждено проходить в одиночку.

Каждого из гостей Супра поражает по-своему: пробуждает в нём что-то забытое, открывает что-то новое.

Она задаёт вопросы, на которые всю жизнь пытаешься потом ответить... Например, в чём же основной секрет Супры?

Догадались?

Главное и недостижимое желание людей – это бессмертие, неуничтожение, нетленность.

Нет, я - живая, я буду жить вечно, в моём сердце есть то, что не умирает, - писала Леся Украинка.

Нет, весь я не умру! Душа в заветной лире мой прах переживёт и тленья избежит, - слова Пушкина.

Нет небытию... Это естественный для человека протест против него. Каждый стремится создать свой эликсир вечной молодости, свой вечный двигатель, у каждого он свой, пусть совсем маленький и вовсе никакой не двигатель.

У моей мамы - это были пироги с маком. Не смейтесь только, пожалуйста.

К приезду детей и внуков она пекла это любимое всеми лакомство в несметном количестве, и всем казалось, что пироги никогда не кончались, сколько бы их ни ели, так их было много. Кстати, детей тоже было много...

Такое возможно только в сказке, и для меня это явление осталось самым непостижимым и приятным воспоминанием моей молодости.

Своими пирогами она, сама того не зная, приобщилась к основному закону бытия, присущего Супре: ничто не должно кончаться.

Так оно и было в отпущенное нам время. Вопреки всем законам физики и биологии, вступал в силу божественный закон о безмерности жизни и бессмертии, но именно так создаются мифы, украшающие нашу жизнь и дарующие ей измерение бесконечности.

Мифы живут долго.

Рождаются они с трудом, зато потом живут припеваючи, им ничто не вредит: ни злословие, ни борьба с дурным наследием и пережитками прошлого, ни насмешки, их не волнуют угрызания совести, они просто стали бессмертными, а дальше им некуда идти.

Сколько маленьких и больших мифов создано на грузинской земле!

Сколько их укатило на колёсах, взлетело в воздух с путешественниками, чтобы приземлиться в непредсказуемых местах и расширить свою виртуальную территорию обитания. Мифы это любят!

А все остальные любят изучать мифы, сверять их с действительностью и приспособлять к новым обстоятельствам. А вдруг приживутся!

И всё - благодаря Супре.

Так называется грузинское застолье, которое включает в себя определённые требования: изобилие и разнообразие, вкусовые качества, красоту, помимо этого сопровождается щедростью, обходительностью, любезностью и, что греха таить, необходимым при этом чувством собственного достоинства.

Интересные наблюдения: Супра - стол, накрытый в деревне или столице - мало чем отличаются между собой: хачапури, мчады, сыр, зелень, салат, пхали, жареный цыплёнок или курица, шашлык, хинкали - вся эта роскошь - дежурные блюда, без которых немислим ни один грузинский стол, когда он встречает гостей.

Присутствие необходимых для Супры элементов, где бы она ни была, даже на лоне природы, удивительным образом объединяет город и деревню в одно целое, в то, что называется страной с её древними традициями гостеприимства.

"Гость послан Богом", - так поётся в одной из грузинских песен.

Гость - это повод для застолья?

Как во всех странах - это начало ритуала гостеприимства.

Но есть одна маленькая особенность грузинского гостя, которая часто скрывается в неожиданности и непредсказуемости его появления и в том, что хороший хозяин должен быть всегда наготове и суметь принять гостя, как в былые безмагазинные времена, когда закрома были полные, чтобы угодить Супре и гостю.

Неожиданное появление грузинского гостя в доме напоминает импровизацию. Он избалован тем, что ему всегда рады, что его всегда ждут, ему даже не может присниться, что "нежданный гость - хуже татарина".

В этом кроется какая-то тайна, интрига, в которую можно попытаться при желании проникнуть.

Ни много - ни мало, секрет скрывается в самом слове "жизнь", таком ёмком, что заставляет задумываться над ним, на каких бы языках оно ни звучало.

В грузинском языке для слова "жизнь" имеется несколько интересных определений.

Сицоцхле - жизнь биологическая, пребывание на земле.

Цховреба - это жизнь деловая, каждодневная жизнедеятельность, одним словом, повседневность.

Арсебоба — существование, или жизнь достойная сожаления.

Но есть в языке ещё одна жизнь, которую необходимо прожить каждому. Называется она - *Цутисопели*, что значит - "мироздание на миг". Это философское осознание жизни как кратковременного пребывания на земле.

В сложном слове "цутисопели" навязчиво слышатся два слова "минута" и "деревня" (кстати, их слышат все), из них можно составить дословное и интересное словосочетание - "деревня на миг". По всей видимости, это и идиллическая деревня-кормилица, и фантастическая деревня, где можно отдохнуть от забот и трудов, где обосновались все лучшие намерения для собравшихся здесь людей (ради них они и пришли сюда).

А если совсем без фантастики и философии (если кто-то их не любит) - это прекрасный момент, которым нужно воспользоваться для добрых дел, праздника, встреч, радостей, которые так быстротечны.

Помните, *День веселья, верь, настанет?* Цутисопели - это значит, на самом деле, - не упустить мгновение, остановить его.

Супра, видимо, и с Гёте пообщалась и узнала о его непреодолимом желании остановить "прекрасное мгновение".

Гётевское "прекрасное мгновение", оказывается, научились останавливать в Грузии в той из жизней, которая называется "цутисопели".

Как научились этому искусству? Долго рассказывать.

Кто-то когда-то расскажет или напишет научное исследование с соответствующими датами, доказательствами или опровержениями.

О мгновении, прошедшем в "деревне на миг", задумываются, его берегут, о нём оставляют воспоминание люди, любящие жизнь.

Подлинная Супра (а что, бывает неподлинная?) из жизни-цутисопели .

В ней человек щедр и добр, он священнодействует, созывает друзей и даже, как маг и волшебник, останавливает мгновение, которое потом живёт долго-долго, иногда превращаясь в миф. Каждое мгновение - неделимо, неотделимо и неотъемлемо от нас всех, пребывающих в радости и в печали.

Есть или не есть? Странный вопрос для Супры... Не правда ли?

"Ешьте на здоровье!"

А где же вино?

Никто о нём не забывал ни на минуту.

Сопровождающее и неотделимое от Супры Вино подразумевалось с начала повествования и присутствовало на столе, как нечто само собой разумеющееся.

Какая же Супра обходится без вина?

Но речь ведь идёт о другом: о появлении Вина как действующего лица застолья, об ожидании его встречи с Супрой, скатертью-повелительницей, обладательницей всех мыслимых и немыслимых совершенств.

А где же Вино? - недоумеваете вы. - Разве не оно - самое главное в застолье?

Ведь с первого взгляда может почудиться и такое, а это уже совсем другой разговор.

Где же вино?

Праздничный стол, как полагается в Грузии, заставлен прозрачными и довольно вместительными кувшинами или прозрачными графинами, заполненными белым кахетинским вином, которое, как и еда, никогда не кончается.

Скажем лучше так: вино не должно кончаться - это закон.

Иллюзия неиссякаемости вина и его власти над столом - полная.

При виде заполненных кувшинов, свидетельствующих об абсолютной власти вина, она произвольно овладевает сознанием зрителей и участников священнодействия. Что греха таить: так думают многие...

На самом деле, всё, конечно, зависит от точки зрения на стол, то есть, под каким углом его осматривают.

Выбор точки зрения надёжно скрыт внутри каждого из нас, механизм реагирует на внешние раздражители мгновенно и, главное, совершенно произвольно, независимо и самостоятельно. В конце концов, - это сугубо личная точка зрения.

Глаз запечатлевает картину внешнего мира в общем, по частям, и в деталях. Кто-то видит, в первую очередь, заполненные вином кувшины, кто-то - снедью заставленный стол, кто-то ищет приветливым взглядом знакомые лица, что совершенно естественно. Каждому - своё.

А кто-то в то же самое время, объединяя все данные, погружается в атмосферу красоты и благодати, по неизвестным пока причинам отбивающих аппетит. Можно сказать, происходит очищение духовного от материального - ещё один пример сублимации.

Всё есть. Чего же ещё желать?

Еда и питьё в данном случае теряют свои материальные качества, приобретая свойства эстетические, символические. На наших глазах происходит перемещение стола в пространство, как бы теперь сказали - виртуальное, где он превращается... в благодать.

Что это значит?

Процесс превращения - естественный и неизбежный - сопровождает нас на протяжении всей нашей жизни. В постоянном круговороте всё неизбежно превращается во что-то, хотим мы того или нет. Духовное может превратиться в материальное и, наоборот, материальное - в духовное.

Супра - именно этот случай.

Представьте себе, что, не покидая земли - что само по себе уже немаловажно - можно отправиться в маленькое, но удивительное путешествие, переселяющее в то единственное пространство, где давно найдено и зарезервировано место для подлинной и единственной Супры.

Место это находится *"за горами, за долами, за широкими морями..."* - в Цутисопели (мироздании на миг). Именно здесь и только здесь жизнь приобретает другое измерение, которое можно назвать поэтически-философским, где все присутствующие по мановению волшебной палочки невидимого дирижёра и в такт равномерно и бесстрастно тикающих часов превращаются в поэтов и философов.

И это ещё не всё!

Здесь же: столы - *не в сказке сказать, ни пером описать*, а божественное пение умиротворяющим потоком из глубины души поющих переливается прямо в души собравшихся, и, самое главное, за столом господствуют поэтические критерии измерения времени, вроде, *я вечность дам тебе на миг*, то есть, у всех на глазах миг превращается в вечность, в которой жизнь не должна прекращаться никогда, потому что в ней уже господствуют благодать, единокордшие и согласие избранных и самых достойных.

Не верите?

Разве каждый из сидящих за столом не относит себя к их числу?

Разве не ради избранных и самых достойных постаралась Супра, объединив еду и питьё в одно целое?

Разве не ради такого мгновения стоит долго жить на белом свете?

Но где же вино? Разве не о нём пойдёт речь?

Что же первично в Супре?

В какой Супре? Речь ведь идёт о той - единственной, а их, на самом деле, много...

Нет дыма без огня - неопровержимая истина?

Ну, ладно, пусть одна из немногих, но неопровержимых.

Огонь - первичный элемент, дым - вторичное явление, но они неразрывно связаны, как еда и питьё.

Обратите внимание, с какой естественной галантностью слова в словосочетании уступили первенство одно другому. Еда и питьё.

Конечно, можно выразиться и по-другому, меняя порядок слов, никто не воспрепятствует, - питьё и еда, но это уже будут сознательно нарушенные смысловые акценты, которые, при всём разнообразии жизненных обстоятельств, иногда могут быть предпочтительнее.

Не будем всё-таки забывать, что за окном первое десятилетие 21-го века.

А сколько сознательных и осознанных веков было до нас?

Так, где же вино?

Не стоит торопиться...

Материальное восприятие помогает постичь сущность явления. Это касается и вина, занявшего прочное место не только в реальной жизни, но и особое - в сознании каждого из нас.

В реальной жизни - это алкогольный напиток белого, красного, розового цвета, изготовленный из винограда, сопровождающий праздничную, ритуальную или повседневную еду.

Стоп!

Единомышленники и несогласные переглянулись.

Или еда сопровождает вино?

Кто же кого сопровождает, в конце концов?

Нужно пить и есть одновременно?

Или есть и не пить?

Или пить и не есть?

А что такое пить? Какое из двух вин? Почему только двух?

Как пить, наконец? Ведь всякое бывает...

Следует ли отвечать на все вопросы? Можно ли найти ответ на всё?

В Грузии по цвету два вина - белое и чёрное.

Чёрное вино? Красное вино называют в Грузии чёрным (шави).

Таким его оставила память предков.

Когда-то очень давно (история виноградной лозы уводит нас на тысячелетия назад) вино было густым и тёмным; чтобы пить, его разбавляли водой, как лекарство, каким оно и являлось. Несмотря на дальнейшие технологические ухищрения и изменённый цвет, название "чёрное" вино по контрасту с "белым" в грузинском языке осталось неизменным - "на лад старинный", чтобы горы не слишком удивлялись быстро текущим переменам.

Чёрный цвет вина никому не мешает. В Грузии чёрный цвет пользуется глубоким уважением - это цвет печали, которую принято разделять с близкими людьми, как и чашу с вином. Чёрные южные ночи известны своей красотой, воспетой поэтами. К тому же даже днём, как звёзды в ночи, сверкают прекрасные чёрные глаза.

"Чёрное" вино естественно вписывается в грузинский пейзаж.

"Чёрное" и "белое" - это деление по цвету, а, на самом деле, в зависимости от местности, где собирают виноград - Кахетия, Имеретия, Рача, - вин много: сухих, полусладких и сладких, с благозвучными и знакомыми многим названиями даже за пределами Грузии: цинандали, твиши, киндзмараули, саперави, мукузани, хванчкара,- это далеко не полный перечень известных вин.

Когда-то Пушкин, путешествуя по Грузии, отметил, что "грузинское вино" - "лучше бургундского". Мне кажется, его оценка достойна доверия, в его искренности и в "поэтическом" понимании сущности предмета вряд ли имеет смысл сомневаться.

Вопросы о вине не так просты, как кажутся. Постигать их можно по мере того, как оно само будет приоткрывать свои секреты, а секретов у него - тьма-тьмушая (может потому и цвет чёрный?), и каждый из пьющих владеет дополнительным секретом, выбирая между цветом, вкусом и количеством.

Во всяком случае, не сомневайтесь в том, что секретов у вина гораздо больше, чем тарелок на столе. Не ждите сиюминутных ответов на поставленные вопросы ни от кого, потому что отвечать на них будет каждый в отдельности.

Ибо все приглашаются в избранный круг той единственной Супры, приобщившей нас к цутисопели, открывшей горизонты с восходами и закатами и с неизмеримостью и непостижимостью их красоты; Супры, навевшей радость и грусть, развеявшей грусть и радость, засеявшей неизмеримое поле нашей жизни добром, чтобы семян хватило на всех, нуждающихся в них. Супры, которую можно осмелиться назвать созидательницей.

Эта Супра пришла к нам из жизни "Цутисопели" и называется "мгновением", которое не приговаривает к смерти, а одаривает жизнью, которую следует беречь, как зеницу ока, ибо она у нас - единственная.

Беречь и защищать жизнь с чашей вина, произнося тосты во славу Бога, благополучия, любви, мира и дружбы в Грузии считается естественным, само собой разумеющимся.

Всё это напоминает не забытую по сей день древнюю магию слов: добрые пожелания должны исполниться от их повторения.

Вот, видите, вино, наконец, заняло своё почётное и незаменимое место.

Что же главнее в Супре? Еда? Вино?

Вопросам нравится оказываться рядом, они - неразлучны!

Еда сопровождается вином, и, глядя на Супру, можно подумать, что это ради вина столько еды.

Сомнение закономерно, и его необходимо развеять, как надоедливый дым от костра. Мы приблизились, наконец, к ответу, который должен хотя бы показаться убедительным и неопровержимым, если такое, вообще, возможно.

Много еды, значит, должно быть много вина, как это было у богов в незапамятные времена (помните?). Несоответствие нарушило бы закон равновесия и необходимости соблюдения пропорций (как в архитектуре, живописи), которые должны неукоснительно соблюдаться, чтобы не было "перегибов" ни в одну, ни в другую сторону. Никакого противоречия для Супры здесь нет. Так положено. Так поступали древние боги.

Ну и что, что так поступали боги? - спросят некоторые из любителей перемен и новизны, вмешиваясь в дела давно минувших дней. - А где модернизация?

Может быть, для некоторых и нет ничего особенного и интересного в памяти предков, но Супра не желает предавать древность и богов, когда-то обитавших на её земле.

Пусть себе живут, раз им здесь так нравится! Вполне логично, не правда ли?

Вот в средневековых английских замках сохранились, например, привидения, и ничего, даже с ними уживаются, ходят к ним на свидание со сверхчувствительными камерами, надеясь их запечатлеть, как вещественное доказательство. И, представьте себе, некоторым удаётся!

А Супре и доказывать ничего не надо. Она здесь!

Много еды - много вина. Словосочетания, по желанию, без смыслового ущерба можно легко переставлять местами. "От перестановки цифр сумма не меняется," - это известно всем и бесспорно.

Кстати, пьют не только вино, но и сладкие фруктовые воды (кизилковую, лимонную, тархунную, мятную...), к которым издавна в Грузии большая слабость, поэтому стол, обычно, уставлен графинами или кувшинами с вином и бутылками с фруктовыми водами. Пьют и одно, и другое, но речь идёт всё же о вине.

В странах, где поселяются мифы, действия людей несколько гиперболизируются, на этом настаивает неумолимая и несговорчивая логика мифов.

(Ещё одна логика? Не хватает женской?).

Требовательность мифов - несоразмерна с человеческими возможностям - это понятно, но уподобляться богам, подражать им в "деревне на миг" - Цутисопели - никто не запрещает, скорее всего, такой дерзкий вызов вполне поощряется участниками и одновременно зрителями застолья и доставляет им огромное удовольствие.

И это - особенное удовольствие, потому что двойное: сопричастности к мифам и, как бы сказали теперь, - "сотрудничества" с ними.

В мифах вино льётся из рога изобилия, так его пили боги, которые во все времена служили и продолжают служить простым смертным примером для подражания. Поэтому по сей день символически, чтобы никто не забыл, "как это было у них", в Грузии за праздничным столом все присутствующие уподобляются богам ушедших веков и, воскрешая их обычаи, часто пользуются рогом вместо рюмки, предлагая гостю уникальный случай в его жизни - приобщение к мифам.

Хорошая игра? Ведь не на экране компьютера, а наяву!

Для наглядности священнодействия вино льётся из кувшина - символического рога изобилия - в настоящий рог, используемый вместо рюмки или стакана, который следует выпить до дна, так как поставить его на стол невозможно. Вместительность рогов не уточняется: от маленьких рогов - молодых, до огромных размеров (гости ведь тоже разные бывают).

Можно подумать, что роги подбираются на глаз, "по размеру" гостя, желающего вступить в игру.

Это коронный номер Супры.

В Грузии в каждом доме можно встретить простые и тщательно обработанные роги разных размеров. Они - дань уважения прошлому - могут быть украшены медью, серебром с орнаментом, и каждый из них ждёт своего часа, чтобы позабавить добрыми старыми традициями и оставить о них свежие неувядающие воспоминания.

Рюмки присутствующих за столом, по велению Супры, должны быть постоянно доверху заполнены вином, ни в коем случае не наполовину. Столько раз, сколько рюмка допивается, она наполняется щедрой рукой, а долг мужской чести её опустошать. Это было когда-то и остаётся по сей день незыблемым правилом. Именно оно и приводит многих в неопишуемый восторг.

Женщины в такие опасные игры, обычно, не играют, соблюдая равновесие грузинского стола.

В наше время - время частых путешествий и встреч - случаются забавные эпизоды нестыковки культур, именно они приоткрывают секреты Супры, вернее, винопития.

Во Франции, например, не принято оставлять вино в рюмке по многим причинам и первая из них - самая простая. Перед тем, как налить вино, вас спрашивают, и вы сами можете решить, сколько налить или, вообще, не наливать. Ограничение исходит от самого человека. Таким образом, позволительно, чтобы вино в рюмке плескалось только где-то на дне, чисто символически. Но по замыслу французских знатоков именно в таком количестве вино начинает благоухать и, если им верить, превращается в букет ароматов, которыми можно наслаждаться, вдыхая их (даже пить не обязательно).

За грузинским столом всё решает Супра: при необходимой полноте чувств во время произнесения тоста бокалы с вином тоже должны быть всегда безупречно полные, как и тарелки с едой на столе ни в коем случае не должны быть пустые. Это незыблемое правило.

Что же делать? Неужели положение совершенно безвыходное и вы обречены? Оказывается, нет, не волнуйтесь.

Вот маленькая забавная история, которая приоткрывает один из секретов Супры.

Одна дама за грузинским столом - француженка - отпив из рюмки глоток вина, попросила не наливать ей больше, а ей всё же доливали. Она постепенно пила вино, ей снова доливали, чтобы рюмка была полная. Наконец, она не выдержала и спросила: "Почему мне наливают? Я же прошу не наливать».

Тогда тамада ответил: «Если она не хочет, чтоб наливали, то почему пьёт?" С железной логикой тамады трудно спорить, её можно и нужно понять, тем более, что в ней - разгадка секрета.

Если вы на самом деле не хотите пить, а перед вами полный бокал вина, вы можете им любоваться, сколько пожелаете, не притрагиваясь. Тост вы произносите с полным бокалом у всех на виду, как это предписала Супра, никто вам не может налить, ну, просто некуда, а тамада деликатно может сделать вид, что ничего не заметил, тем более, если стол большой и тамада от вас далеко. Как видите, вино в вашей власти, а не вы во власти вина.

Может быть, вы именно из тех, кто пришёл послушать и посмотреть?

Супра их тоже любит. Без зрителей и спектаклей не бывает.

Какой же спектакль без зрителей!

Застольное винопитие - процесс замысловатый. Код грузинского стола не позволяет пить вино, пока тамадой не произнесен первый тост, самый значительный, объединяющий всех.

После этого все мужчины встают и (не спрашивайте только, где женщины, они - здесь, сидят и любят происходящим), со значительным видом поддерживая произнесённый тост, с полным осознанием торжественности момента опрокидывают рюмку с вином, чтобы выпить её сразу, на одном дыхании или не переводя дыхания, можно даже сказать, затаив дыхание: ни тебе ни запаха, ни вкуса.

Немного похоже на то, как принимают обязательное, но неприятное лекарство.

Этот интересный жест стирает различия между пьющими. Непонятно, кто из них любитель выпить, а кто пьёт в первый раз - за компанию, чтобы поддержать ритуал.

Все присутствующие независимо от возраста - новоиспечённые и многоопытные - улавливают этот жест как рекомендацию к действию: пить не рассуждая, не пробуя (чтобы не передумать?), ибо так положено.

К тому же у каждого должна проявиться сверхъестественная способность: вино из рюмки должно исчезнуть во мгновение ока, быстрота движения и исчезновения жидкости поражает. Было вино - и нет его.

Очевидно, пить так подсказывает нехитрый опыт: кто не любит вина, ему выгодно, что никто этого не заметит, а кто его любит - выгодно вдвойне.

Так выглядит за грузинским столом мужская солидарность, все должны быть равными как боги, хочется им того или нет. Это игра на уровне подсознания, закодированная в каждом, кто родился в стране виноградной лозы.

Вероятно, такой жест и делает всех равными, скрывая недостатки и достоинства присутствующих, желающих хотя бы мысленно уподобиться древним богам (а проверить достижение желаемого пока не удаётся).

Пустые рюмки тут же наполняются, и, после заново наполненных бокалов или рюмок, возникает пауза, которая, не торопясь, заполняется, красноречием тамады, произносящего следующий тост.

Тамаду необходимо слушать (и слушают) с внимательным и заинтересованным видом (он имеет право говорить и прозой, и стихами); полный бокал перед вами, нет никакой суеты и спешки, они попросту неуместны за грузинским столом, белое вино ведь льётся из рога изобилия - это основной закон стола - все яства перед вами, времени впереди много, ибо подлинная Супра посещает "мир на миг" или Цутисопели и живёт там отведенное ей время, как и всё на белом свете.

Может быть, потому и вино белое в кувшинах?

Во всяком случае красное (чёрное) вино в Грузии рекомендуется пить умеренно, оно считается "тяжёлым", поэтому там, где большое застолье, опыт подсказывает пить белое, более лёгкое вино. Так говорят знатоки. Можно поверить на слово, можно попытаться проверить.

Красное вино в небольшом количестве предлагается дамам.

В разных странах - разные точки зрения и, следовательно, рекомендации по употреблению вин.

Во Франции, в основном, вина подбираются к еде, и это неоспоримо.

Белые вина лучше сочетаются с рыбой, красные - с мясом и сырами, есть красные нейтральные вина, которые подходят и к рыбе, и к мясу, при этом учитываются всевозможные оттенки вкусовых сочетаний и возможность раскошелиться на бутылку вина, ибо, как известно, пределы ценам не поставлены.

Молодые хозяйки во Франции сначала составляют меню, а потом идут в винный магазин за советом и рекомендациями, какие вина "соответствуют" вкусовым особенностям меню.

Для непосвящённых в тонкости французской кулинарии смириться с подобной дискриминацией вина не хватает ни сил, ни здравого смысла.

Для них вино - священо само по себе, оно несопоставимо ни с чем, для вина оскорбительно служить только вкусовой приправой к еде, какой бы она ни была.

Но, тем не менее, ничего не поделаешь, если точки зрения не сходятся, они могут спокойно разойтись, как в море корабли, и можно согласиться с тем, что тщательный поиск и отбор вин во Франции даром не пропал и дал свои результаты.

Супре вино необходимо не как вкусовое сопровождение, а для красноречия, ибо на самом деле за столом затевается необъявленное состязание в красноречии сильных и слабых духом, умных и не очень, умелых и неумелых, смелых и неуверенных в себе, красноречивых и не обладающих особым даром слова, все они находятся под покровительством Супры и одновременно под её защитой, поэтому вино пить можно только

всем вместе - это объединяющее начало, придающее храбрость и желание высказаться, а еда - полная свобода – что, кому и как нравится.

За большим столом у тамады имеются назначенные им среди гостей заместители или помощники, которые, соревнуясь в красноречии, дополняют его тост, но не только. По совместительству им положено поддерживать и тишину за большим столом, чтобы тост тамады был услышан всеми собравшимися (трудно ведь молчать долго, сами понимаете).

Тамада может также предложить кому-нибудь из гостей (так бросается игральная кость) развить произнесённый им тост, чтобы добавить к нему интересную мысль. Для этого тамаде следует, обращаясь к одному из гостей, произнести магическое слово "Алаверды", что в буквальном смысле значит "Господь с тобой", а по-другому - "Бог в помощь", а проще - желаю удачи, не бойся, говори, выскажись, прояви себя.

И все присутствующие должны быть к этому готовы, вот почему так необходимо внимательно слушать тамаду.

Вот тут-то вы начинаете понимать, что каждый из пьющих за столом вино ждёт этого часа, это его выход на сцену.

Никто не знает, в какой момент это произойдёт, поэтому голову от вина терять не следует, чтобы не опозориться перед людьми, которые ждут ответного красноречия (многие ведь посмотреть и послушать пришли!). Могущественное слово "алаверды" (Господь с тобой!) ставит невидимую преграду перед количеством выпиваемого вина и тем самым его превращением в жидкость, отравляющую тело.

И это тоже - один из секретов Супры и её славная победа над всесильным вином.

Вино может быть божественным напитком и, как оборотень, стать ядом, отравляющим душу и тело, если им безрассудно наполнять желудок. Кто этого не знает?!

Это превращение иногда происходит у всех на глазах, но оно имеет место в супре с маленькой буквы, которая перестаёт быть действующим лицом истории и становится заурядным, незначительным явлением серой действительности, в которой редко зажигаются яркие огни, где всё должно пребывать в полумраке, не названным, не высказанным или попросту недосказанным.

В подобных ситуациях обескураженные слова теряют смысл и свою изначальную созидательную силу внушения в могущество "Алаверды" (в грузинском языке заглавных букв не найти, здесь - из уважения к слову).

В связи с вином уместно обратить внимание на тамаду и на его роль несколько с другой стороны.

Тамада - лицо значительное, уважаемое, не случайное. Важны его темперамент, репутация, убеждения, ум, физическая выносливость и опыт.

Тамада, как известно, - распорядитель, обладающий особыми правами и полномочиями "казнить и миловать", а в "цутисопели" он ещё и вершитель судеб, который может поразить воображение на всю оставшуюся жизнь, повлиять на неё, став хорошим или дурным примером.

Взоры стола обращены к нему, ни один его жест не остаётся незамеченным. Важно, как он относится к вину, как он его пьёт, во что он его превращает (снова превращение?), оказавшись "на миг" в роли повелителя.

Чего только не говорят о вине!

Вино - радость и тревога, вино - подъём и падение, вино - правда и обман. Истина в вине? Стоит ли её искать на дне одной рюмки или многих? Всё равно не находят, и всем это уже давно известно.

Голова может кружиться от внимания, от успехов, от нежных слов, от любви и, в конце концов, от вальса. Кто с этим не согласен?

А во что можно превратить вино? Или во что оно может превратиться?

В безалкогольный напиток, например. (Учтите, не разбавляя его водой). Не верите?

Миролюбивый тамада пьёт вино, но не забывает целебную силу слова, и вино у него - это только повод "поговорить": высказаться, зарядить хорошей энергией, а точнее, - приправа к красноречию, а соусов на столе и так хватает.

Маг и волшебник, владеющий искусством метаморфозы, - тамада - превращает вино в красноречие. Подменяя вино красноречием, он знает при этом, что и от одного, и от другого кружится голова.

На ваших глазах происходит маленькое чудо - перевоплощение вина в безалкогольный напиток богов - нектар.

Тамада - слово собирательное, одного тамады не бывает, их много, они все разные, их ровно столько, сколько застолий, которые были когда-то, есть и будут, словом, *не счесть алмазов*.

При всём желании и к сожалению, представить всех с их искусством ведения стола и ораторскими способностями не удастся, для этого надо было бы прожить много жизней и иметь другой опыт.

Испытание временем выдержал миролюбивый и вдохновенный тамада, ну, тот, который маг и волшебник (и вы такого встречали не раз). Именно он оказался вне конкуренции, выдержал все испытания временем, сопровождая Супру через века.

Антипод или полная противоположность миролюбивому тамаде тоже хорошо известен - это гамада воинственный, который, скажем сразу, может стать стихийным бедствием, хоть сам он, наверное, о себе так не думает. Ему некогда.. Он торопится выступить со своей спортивной программой.

Как же он выглядит?

Вначале, как и все, перед стартом в забеге на длинную дистанцию. Цель его - победить всех, кого удастся.

Неужели всех? - спросите вы, недоумевая.

Ну, не всех, конечно, а тех, кто особенно страстно, по непонятной пока причине, желает оказаться среди побеждённых.

Быть побеждённым вином иногда рассматривается как победа в игре "кто больше выпьет?"...

Повиновение тамаде в такой игре для многих - это огромное удовольствие, ибо пьющий вино, находясь во власти тамады, - неподсуден, его отказ от своей воли - оправдан, что и требуется в данный момент.

Неужели опять сублимация? А если ещё и вино вкусное... то она точно необходима.

Тамада в таком застолье, поглощая вино, демонстрирует профессионализм жестов, безразмерность желудка и его завидную выносливость. Выпитое вино, придавая силы и уверенности, превращает его на глазах у всех в диктатора, а само вино становится оружием казни. "Наливать" и "допивать" - жестокое и беспощадное соревнование.

С высоты полёта тамада зорким взглядом осматривает все рюмки, не осталось ли недопитого вина, заглядывает в глаза, чтобы убедить себя и других, что он на правильном пути,

чтобы успеть, пользуясь своей временной властью, утвердить власть вина и заставить всех покориться ему.

Устремляя властный взгляд в сторону тех, кто предстаёт скорее созерцателем, чем потребителем вина, кто не поспекает за всеми (если случается, что такая птица залетит за его стол), он может оштрафовать лишним бокалом вина, но это уже будет не бокал, а сосуд, в который можно налить много вина: это может быть ваза, огромный рог, который следует непременно допить на одном дыхании, бросив в конце победоносный взгляд на тамаду. Так полагается... но не все могут.

Что греха таить, многие опытные кутилы прибегают в таких случаях к разным хитростям, о которых позже с нескрываемым удовольствием рассказывают и пишут, как ловкость рук им помогла сохранить голову на плечах.

Тамада, как и все люди, может придерживаться либо консервативных взглядов, либо прогрессивных. Для одного время застыло, а для другого - движется, конечно, с приемлемой для него быстротой.

А в Супре самое главное - остановить не время (это ещё никому не удалось) а мгновение, маленькую, но такую чувствительную частицу времени, которая может стать "вообще" независимой от него и начинает жить вечно (то есть, пока мы ходим по земле, а это уже немало)

И может случиться, что это прекрасное мгновение будет передаваться кому-то из рук в руки, как передают в игре мяч. Оно, хоть и невидимое, но переходит весьма охотно и приживается, и продолжает жить, дойдя до нас, но уже в виде феерии. (Какая разница, в каком виде оно доходит?).

Время ведь тоже не желает исчезать совсем бесследно, оно не столь равнодушно и бессердечно, как о нём думают, его сердце стучит в груди каждого из нас, поэтому нити от его прекрасных мгновений, протянутые через века - самые прочные и надёжные.

А вы думаете, почему Супра оказалась здесь и сейчас?

Подлинная Супра оставляет свободу выбора "есть или не есть," "пить или не пить", и в этом её отличие от других застолий, где вино - первично.

Соперничества между разными Супрами, как между оппозиционными политическими партиями, не бывает.

Каждая свою программу считает самой правильной и необходимой, каждому воздаётся по своей Супре.

У Монтеня есть высказывание: *счастлив тот, кто видел хотя бы тень истинного друга*. То же самое можно сказать и о Супре. Счастлив тот, кто был приобщен к истинной Супре, где собираются друзья, которым есть что сказать и пожелать друг другу, прежде чем пригубить стакан с вином.

Вы заметили, наверное, что во время повествования рюмки сменились бокалами, затем стаканами, рогом, вместительными вазами (для самых выносливых)?

Эта смена декорации нарушает однообразие застолья, являясь одним из приёмов Супры.

Игра остаётся игрой, а в подлинной Супре существует негласный уговор - никого не пригубить ни есть, ни пить, желающих вступить в игру и так всегда хватает.

Опять вопрос.

А, может, и еда, и питьё, вообще, созданы чтобы только их пробовать?

Всего не съешь и не выпьешь! И за столом, возможно, главное, чтобы было что сказать и пожелать в тостах друг другу?

Тосты бывают ритуальные, соответствующие ситуации, по поводу которой собралось застолье (свадьба, рождение, крестины, смерть), тосты бывают и на свободную тему по поводу событий текущей жизни с поэтическим, философским, мистическим подтекстом. Они, как и всякое творчество, вызывают незабываемое волнение.

Мне запомнился один тост, неожиданный в обстоятельствах, в которых он был произнесён:

За того, кто первым уйдёт от нас, - со всей многозначительностью в голосе произнёс тамада.

Когда вы молоды, полны сил, подобный тост наполняет душу вполне понятным смятением, трудно представить себе, что кто-то вдруг, как это и случается, покинет "цутисопели".

Быстрая встреча перекрёстных вопрошающих взглядов: Который из нас?

Не смея догадываться, загадывать, каждый из нас молча выпил глоток вина.

Я помню тот стол... А за кого был тогда произнесён тост - узнали позже.

Такой тост вполне естественный, он вписывается в "пейзаж" Супры, потому что время и вино взаимосвязаны.

Времени пока что пределы не поставлены, все мы находимся в его власти, пребывая в его ограниченном и очерченном специально для нас пространстве.

Время же продолжает жить во всём, им созданном: с виноградной лозой оно неразлучно тысячелетия, заботливо заряжая её солнечной энергией тепла и света, передающейся позже по назначению.

Поэтому стоит научиться пробовать вино и воздавать ему должное, тем более, когда оно хранится десятилетия и больше.

Достаточно представить себе удивительный поединок времени и вина.

Заполненная молодым и жизнерадостным вином бутылка остаётся наедине со временем и между ними начинается никем по сей день не услышанный и не подслушанный диалог, судя по всему, - дружеский.

Вино и время ни в коем случае не должны между собой повздорить, время всё-таки старше вина, ему известны все дороги, и оно хорошо знает, куда ведёт каждая из них.

Куда же идут отныне неразлучные в бутылке вино и время?

Время ведёт молодую жидкость к совершенству, заботливо устраняя всё лишнее, быстротечное, ненужное.

А куда ему ещё вести? Неужели вы сомневались в его добрых намерениях?

Время создаёт своё творение в глубокой тайне, оставшись наедине в закрытом пространстве с самоуверенным и самонадеянным напитком, исходные данные которого оно обрабатывает безошибочно по программе "быть или не быть вину". Поэтому, открывая ТАКУЮ бутылку, осторожно принохиваются, затем пробуют, и только потом торжествуют победу вина, которое выстояло перед всеми уловками времени, склоняют голову перед терпением и добросовестностью времени и людей, помогающих ему.

Разве удивительно, что пробуя такое вино, непроизвольно и с умилением вспоминают: "А что же происходило в таком-то году?" Сколько же мне тогда было лет? И кто же хранил его столько лет?!

Такие вопросы я однажды задала себе, когда пробовала полувековое вино.

В конце концов, рано или поздно в жизни вина неизбежно наступает прекрасный момент, долгожданный и заслуженный, когда его хотят не только пить, но и хранить как сокровище:

сначала несколько лет, потом несколько десятилетий; за это время вино отстаивается, его аромат облагораживается, вкус его меняется - старение идёт ему только на пользу.

Происходит процесс таинственный, мало предсказуемый - не все вина созданы для старения, не все умеют сохранить себя по многим причинам. Количество солнечных часов сопрягается с мягким и щадящим душем, необходимым, чтобы смывать пыль, и чтобы каждая виноградина сверкала в солнечных лучах, получая свою долю света и нужного ей тепла, которые придают вину необходимый запас энергии для достойного старения.

Виноград - один из загадочных капризов природы.

Каких только запахов нет у вина! Запахи всех ягод, фруктов, овощей, пряностей и специй, к которым присоединяется запах земли, камней, солнца - затем всё смешивается; и времени предстоит выбрать ведущие запахи, чтобы превратить их, как композитор, пишущий симфонию, в музыкальные темы, каждая из которых ждёт своего часа, а время в качестве дирижёра подсказывает на много лет вперёд, когда и как прозвучит каждая музыкальная тема.

Времени, поселившемуся в вине, воздают должное. Вино, живущее в согласии со временем, поднимается в цене, становится символом времени, которому, по правде говоря, нет цены.

Время поселилось в вине навсегда, они стали неразлучными, и поэтому старое вино пьют медленно, по каплям, как если бы вкушали само время, лишь бы оно не кончалось.

У вина появляется год рождения, чем больше лет ему, тем больше почестей. Вина всё меньше, а оно всё дорожает. Вино становится в таком случае не только символом времени, но также символом богатства и мудрости: его пробуют глотками и самые осведомленные, любознательные и посвященные непроизвольно или вполне осознанно задумываются над тем, что время оставило себе, а что, переделывая по-своему усмотрению, отдало нам? Вечный ребус для знатоков и любителей.

Старые вина по ВКУСУ мало напоминают молодые, они разговаривают на другом языке, доступном и понятном тем, кто ценит время, его метаморфозы, стало быть, жизнь.

Можно добавить, что старые вина - это пейзажи, аккорды, симфонии.

О них так и говорят профессионалы и приобщившиеся к ним любители открытий. Стоит научиться пробовать вино!

А где же вино? Неужели исчезло?

А напоследок я скажу...

Это было давно. Однажды в Париже накануне Рождества импровизированно я оказалась в одном доме в качестве "гостя издалека".

Хозяин дома принёс из погребка бутылку шампанского, которую время превратило в живописное полотно; бутылка была покрыта толстым слоем пыли, укутана паутиной (мне впервые в жизни довелось увидеть нечто подобное!); хозяин держал её в руках осторожно, бережно, он угощал не просто благородным напитком, он приобщал гостей ко времени, которое расписалось на бутылке и, естественно, преобразило её содержимое. Присутствие такой бутылки само по себе - незабываемое событие и праздник, вино заняло своё почётное место.

Вопросы к гостеприимству, к угощению (что и как едят и пьют) не сходят со сцены, вызывая естественный интерес у всех от мала до велика.

Супре известно давным-давно, что охрана застолья - это охрана жизни и её качества.

Остаётся только пожелать Супре отменного долголетия.

Благодаря телевидению стало возможным устроить виртуальное застолье, пригласив ВСЕХ желающих присоединиться и мысленно покутить на виртуальном пиру.

Депутаты одной из провинций Франции - Бретани, собравшись за круглым столом для дегустации и обсуждения качества вин и продуктов, производящихся в регионе (деловая и приятная встреча), устроили телевизионное профессиональное застолье, предлагающее зрителям всё... для застолий.

Представьте себе покрытый белой скатертью круглый стол, на котором пустые белые тарелки. Посередине стола - обилие бутылок и сырой снеди, сверкающей всеми цветами радуги: овощи, фрукты, рыба, мясо. Стол ломится от припасов: королевские лангусты, искрящиеся сардины, устрицы, рыба, свинина в окружении всевозможных овощей.

Представлена снедь на белоснежной скатерти в виде живописного натюрморта, и всё это через несколько минут можно будет дегустировать, высказывая своё мнение.

Депутаты... они же, одновременно знаменитые повара в белоснежных куртках, надетых на костюм, при галстуках, тут же на глазах у зрителей в считанные минуты готовят угощение, демонстрируя свое искусство, тут же его пробуют, отмечая вкусовые достоинства, предлагая зрителям воспользоваться их рекомендациями, рецептами.

Пока беседуют о дарах региона (что производят, где купить, как приготовить) - всё, что представлено на столе, дегустируется с большим знанием дела.

Люди едят и говорят о ... еде.

Таким нехитрым образом преподносится наглядный урок жизни и труда, который вкладывается в неё.

Так выглядит во Франции деловое застолье для ВСЕХ - виртуальное угощение весомыми, доступными и убедительными реалиями.

Спасибо, что вы были за нашим столом, - завершил программу ведущий застолья,- Приятного аппетита.

Всё - дело рук человеческих и доброй воли, свидетельствует Супра, а вместе с ней все застолья мира.

Намцецоба

Закономерность любого застолья как составной части жизни можно выразить в нескольких словах: всему, где есть начало, приходит конец, и опровергнуть эту закономерность не так-то просто.

Зачем опровергать? Это было бы равносильно открытию нового закона физики, - скажут некоторые.

Не лучше ли собственными глазами увидеть, как в каждой закономерности скрывается ещё одна или несколько закономерностей?

Известное краткое изречение *нельзя объять необъятное* только на первый взгляд кажется убедительным.

Думаю, (со мной многие согласятся) оно давно опровергнуто Супрой.

Грузинское застолье, замысловатое, уходящее своими корнями в далёкое прошлое, то и делает, что прячет в себе (конечно, до поры до времени) непредвиденные и непредсказуемые ситуации, которые предстают перед нами в виде занимательных эпизодов, расширяющих наш кругозор.

Первый эпизод так и называется:

Для Супры нет ничего невозможного.

Например, конец превратить в начало или даже в бесконечность.

Не знаю, насколько это выглядит правдоподобно, но у Супры - это так.

Конец - это что-то окончательное, необратимое, без возвращения. В конце фильма, например, на экране пишется одно слово "конец", зрители встают и уходят из зала. Продолжения нет и не будет (разумеется, если нет второй серии).

Конец грузинского застолья - менее определённый, он - не-оче-виден: в нём как бы уже заложено начало нового застолья. По всему чувствуется, что продолжение - неминуемо.

Об этом говорят, в первую очередь, удивлённые взгляды гостей, приглашённых издалека. Они покидают стол, который ломится от еды.

Что станет с едой? - спрашивают новички, незнакомые с грузинской традицией, а самые рачительные из них не скрывают удивления и даже несколько озабочены. Приходится их успокаивать.

Конечно, можно понять тех, кто предполагает или уверен, что заставленный яствами стол понемногу опустеет в соответствии с количеством собравшихся вокруг него гостей с пусть даже умеренным аппетитом.

Кто думает подобным образом во время грузинского застолья, глубоко ошибается, ибо закономерность подобного размышления нарушается у всех на глазах. Ошеломлённые гости в недоумении покидают заполненный едой стол, на котором еды даже больше, чем было вначале.

Что же это такое? - спрашивают непосвящённые.

Вот-вот. Чем не детективная история или, скажем, расследование с непредсказуемым концом?

Приключенческий роман читается один раз, он ограничен историей одного или нескольких персонажей, а вокруг Супры в историческом разрезе времени побывало огромное количество людей, и интрига по-прежнему сохраняется! Вопросы, вопросы, вопросы...

Что, обычно, остаётся после еды? Пустые тарелки? Остатки еды? Ошмётки?

Язык не повинуется, чтобы сказать, что в Грузии гости покидают стол с остатками еды. Перед ними стол - заполненный едой. Что это?

Неужели недоразумение, свидетелями которого являются все присутствующие?

Эпизод второй начинается с вполне естественных и уместных вопросов, на которые гости издалека не находят ответа:

"Что делать с едой? Для кого это всё?"

Странные вопросы для Супры...

Начало застолья - душевный подъём перед взятыми на себя обязательствами. Оживление, связанное с ожиданием гостей, необходимые при этом сосредоточенность, изобретательность, выносливость - все это неминуемо в конце сменяется естественным спадом. Хорошо, когда усталость согрета положительными эмоциями, которые, к счастью, всегда обеспечиваются Супрой, ибо тщательно в ней запрограммированы.

Что в психологическом плане остаётся после еды?

Послевкусие? Удовольствие? Усталость? Угрызения совести от съеденного и выпитого?

Но все эти вопросы - человеческого измерения!

У Супры - измерения вселенского размаха.

Вдруг, на глазах у всех, обнаруживается, что грузинское застолье не знает слова "конец", а только "начало", "длительность" и "продолжение".

Налицо явное нарушение незыблемых правил.

Куда и почему пропало слово "конец"? - это эпизод третий.

Как в каждом расследовании, срочно необходимы неопровержимые доказательства, и они не заставляют себя долго ждать, так как после Супры на сцене появляется новый персонаж, до поры до времени скрывавшийся за кулисами в ожидании своего часа; это - новое застолье под скромным названием "Намцецоба".

Не следует удивляться "очевидному - невероятному"!

Это ритуал, хорошо продуманный ушедшими поколениями, в памяти которых отпечатывались, как это обычно бывает, и плохие, и хорошие времена.

Но так уж случилось, что память о хорошем, несмотря на все трудности бытия, оказалась дорожкой глубоко протоптанной.

Ну, не стирается она в грузинской традиции, все по ней идут и идут, даруя радость гостю, который, приезжая в Грузию, совершает невиданное путешествие во времени, со всеми мыслимыми и немыслимыми ощущениями.

Само слово "Намцецоба" согрето нежностью, оно предстаёт перед нами, как игра воображения, предлагая другую реальность, ибо это уже - "день второй".

В переводе с грузинского слово намцецоба - это крошки, остатки (разумеется, по сравнению с тем, что было вчера, когда угощала Супра).

Но если вы думаете, что под "крошками" подразумевается нечто маленькое, неприятельное, незначительное по сравнению с тем, что было накануне, то вы ошибаетесь. Часто Намцецоба и Супра, как сёстры-близнецы.

Секрет в том, что Намцецоба, прячась до поры до времени в лоне Супры, запрограммирована ею накануне, только никто, кроме знатоков, не подозревает об этом; вот почему вопросы со стороны гостей издалека, что делать с едой, которая остаётся после Супры, - праздные в буквальном смысле, потому что продолжение застолья-праздника - неминуемо.

Утром, днём или вечером праздник продолжается.

Намцецоба (обратим внимание) - это крошки или остатки. А крошки, обычно, к людям не имеют никакого отношения, их с лёгкостью выбрасывают птицам. Таким образом, Намцецоба, по всей видимости, подразумевается и воспринимается, как облегчённый вариант бытия.

День второй - птичий день.

Все сделано, все есть, живите (сегодня), как птицы небесные.

Кое-какие остатки еды, действительно, всегда остаются даже после самого рационального застолья во всех странах. Существует масса рецептов, предлагающих, что с ними делать, чтобы еда не пропала.

Намцецоба - нечто другое, в ней присутствует ярко выраженное нежелание сразу, вот так, покидать "краткий миг" - Цутисопели. Супре необходимо продлить "мгновение", поэтому появление Намцецобы - совершенно естественно, особенно перед удивлёнными гостями, которые на второй день с самого утра вдруг могут увидеть перед собой накрытый по всем правилам праздничный стол.

Чего только там нет, особенно для непривычного взгляда!

Для тех, кто по утрам пьёт кофе или чай с чем-нибудь, а им предлагают с самого утра угощение с вином или даже с чачей - это невообразимо.

Но гости, удивляясь, тем не менее, с удовольствием подчиняются неслыханной тирании грузинского стола (раз уж так положено, зачем сопротивляться?).

Что едят грузины утром? - спрашивают гости-издалека, думая, очевидно, что это каждодневный завтрак в Грузии.

Маленькое недоразумение тоже может стать одним из эпизодов повествования.

Течение жизни с гостями и без гостей в Грузии проходит по разным тропам. Гость посылается Богом - это непререкаемо, он - подарок и испытание (в том смысле, что необходимо проверить, не забыта ли радость на земле; не разучились ли люди радоваться?), и ритм жизни, естественно, нарушается в угоду гостю.

Намцецоба при этом просто необходима, незаменима и неоценима.

Зачем обижать Намцецобу (остатки еды) и гостей, присутствующих при этом? А сколько соседей вокруг!

Стол просто заново накрывается, еда разогревается, подогревается, и всё идёт своим чередом - праздник жизни продолжается.

Возможно, застолье под названием Намцецоба протекает менее торжественно, но следует оно по всем правилам, со всей строгостью основного закона жизни: уважения к гостям, ради которых готовилось, и уважения к еде. Всё должно быть съедено, а едоки найдутся. Делить еду с ближним - это святое. Пить и есть - это прославлять "Цутисопели" - краткий миг.

Может быть, своим долголетием (выживанием в трудные годы) Грузия обязана щедрому угощению ВСЕХ?

Вопрос далеко не праздный...

Эпизод третий или временной и не только, поэтому наиболее трудный.

Как долго? Сколько времени можно праздновать? Сколько раз можно погружаться в "жизнь на мгновение" - "Цутисопели"?

Ответ на этот раз, как ни странно, совсем прост.

Только по расписанию, в порядке, установленном самой Вечностью, где, чередуясь, сменяют друг друга, как день и ночь, свадьбы и рождения, смерть и поминки, пиры в праздничные дни. И, согласитесь, всё это ни в коей мере ни от кого не зависит.

Помимо этого есть много других поводов: банкеты (по случаю юбилеев), пирушки (встречи с друзьями) новоселья, пикники.

Как вести себя в такие дни, Супре известно.

Всесильная повелительница Супра на второй день временно передает бразды правления Намцецобе. Как сказали бы теперь - семейное предприятие.

Намцецоба, как и Супра, обладает ярко выраженной индивидуальностью со всеми вытекающими забавными приключениями, порождающими неожиданные вопросы.

А, может быть, краткий миг - "Цутисопели" способен расширяться и пленять до такой степени, что незаметно присоединяет к себе Вечность (ну, разумеется, не всю, но довольно внушительную её часть)?

То, что миг является самой маленькой частицей Вечности, всем известно, а вот как Она (Вечность) относится к Нему (мигу) не всегда понятно. Наладить взаимопонимание никогда не бывает излишним.

Многим, наверное, хотелось бы знать, чем можно покорить Вечность?

(Если удастся познакомиться с ней поближе, всё станет ясно само собой, не сомневайтесь).

Детективный сюжет или расследование интересны длительностью и ожиданием, а Вечность, которая никуда не торопится, знакома с ними давно и идёт в ногу.

Нас тоже никто не торопит. Задумаемся.

Чем могла бы плениться Вечность?

Самым простым на свете или тем, что, только на первый взгляд, кажется простым.

Супра и её сестра - Намцецоба - кормилицы. Да ещё какие!

Но они об этом прямо не говорят, скрывая свои добрые намерения.

Не принято в Грузии еду называть едой, а говорят иносказательно: Скатерть и Крошки.

Еда - это слово на каждый день (сачмели - еда, садили - обед). Еда - это для узкого семейного круга.

А дальше еда скрывается в словах - Супра (скатерть) и Намцецоба (крошки). Она подразумевается, но не названа, как таковая, ибо закамуфлирована и представлена как угощение - кушанье для гостя, как пища не земная, а небесная.

Вот почему её должно быть много, чтобы хватило на день второй, чтобы хватило всем и надолго.

Теперь понятно, почему Намцецоба - "день второй" - это "крошки" для "перелётных птиц" - гостей, встречающих и сопровождающих их?

У перелётных птиц - долгая и трудная дорога, не мешает и отдохнуть. Еда же одновременно доставляет удовольствие и успокаивает (два важных и неопровержимых фактора).

Накормить всех голодных - самая прекрасная утопическая мечта человечества... К тому же – занятие это мирное.

Супре и Намцецобе необходимо накормить всех и даже больше, не говоря об этом, не настаивая на слове "еда", накормить, но только так, чтобы никто не догадался, что его кормят.

Это - интересная игра, испытанная временем. Лёгкость, выдумка, виртуозность исполнения превращают Супру и Намцецобу в произведения искусства, вызывающие восхищение.

"Искусство стола" - разнообразное во всех странах - приоткрывает психологию представляющего его народа!

Удовольствие, радость, хорошее настроение гости увозят с собой, но значительная часть "этого добра" остается в Грузии. Это "золото" оседает в виде неразменной монеты под названием "дружелюбие" и "гостеприимство".

В интриге Супра-Намцецоба представлены скромность и достоинство гостей и хозяина застолья, которые можно выразить простыми словами: "Мы не кормим, мы угощаем всем, чем богаты. Вот дары нашей земли и искусство их преобразовать. Мы хотим вас порадовать и порадоваться вместе с вами.

Радуйтесь и вы с нами!"

А как по-другому обезоружить гостя, если распоряжаются и повелевают приветливые Супра и Намцецоба?

Супра - эластичное, многоэтажное слово, не слово даже, а настоящая пирамида, состоящая из стола, скатерти, хозяев, их гостей, обслуживающего персонала; не будем,

между прочим, забывать о еде, представленной на столе всевозможными кушаньями и о дне втором - Намцецобе,

Эпизод четвёртый: интрига продолжается.

Ритуальный стол и повседневность, уступая место друг другу, находятся порой в сложных взаимоотношениях. Соперничать они не только не хотят, но и не могут, предпочитая чередование и порядок, установленный самим Временем: праздники, свадьбы, рождения, поминки - всё это не зависит ни от кого: колесо жизни идёт своей дорогой.

Не следует забывать, что ко всему выше перечисленному присоединяется ещё Эхо - зов предков или традиция, от которой никуда не уйти. Что же делать?

Грузия смиренно повинуется ритуалам, в которых повелевает Супра.

А где же повседневность?

Уместно спросить, как ей живётся, как она себя чувствует рядом со Скатертью - повелительницей и Намцецобой?

Таблетки и диеты, решающие за нас, что и сколько можно съесть, регулирующие нашу жизнедеятельность и здоровье, к сожалению, или к счастью, не оправдали себя и остаются занятием для будущего.

Человек не в состоянии переждать каждый день, у него есть естественные защитные механизмы, пища переваривается, усваивается, процесс хоть и невидимый, но заставляющий прислушиваться к себе, по значимости он важный и иногда утомительный, так называемая проза жизни, скрытая от посторонних глаз.

Поэтому стоит присмотреться, как будни и праздники взаимодействуют между собой, как они взаимосвязаны в сложных процессах социальных обязательств, психики, физиологии и так далее.

Количество еды на столе связано с историей жизни страны, взглядов на мир, с мыслями и характером отдельного человека - его личным выбором, а Грузия - это разнообразие наречий, кушаний, но с незыблемыми законами доброжелательности и гостеприимства.

Каждодневная еда отличается от праздничной презентацией и составными элементами.

Без Повелительницы в Грузии едят просто и скромно, как и во всём мире. У еды - назначение поддерживать жизнь, и никакой другой тайны не скрывается, как и во всём мире.

Обычное распределение каждодневных приёмов пищи бывает нарушено непредсказуемым вторжением Супры или Намцецобы.

Для равновесия в повседневной жизни обычно сохраняются крошечные порции, поистине можно сказать - здесь господствует Намцецоба.

Пятый эпизод о том, как вписываются в повседневность Супра и Намцецоба, как они приживаются в ней.

Можно ли замаскировать грех чревоугодия, представив его щедростью?

Необходимо найти выход из безвыходного положения - нестыковки слов и понятий.

Если приготовлено не для себя, а для другого, то это уже называют не чревоугодием, а щедростью, которая всегда - измерение неизмеримого, ибо сама щедрость - безгранична и неизмерима; её источники так глубоки, что трудно разглядеть дно.

Ну, а если все-таки, несмотря на все доводы, хочется измерить неизмеримое? Утверждают же Поэты, что *и невозможное - возможно, когда...*

В таком случае в Грузии для измерения щедрости посылается гость - подарок от Бога (так гостя и называют).

Всем известно, что за подарки следует благодарить.

Тут же возникает естественный, как дыхание, новый вопрос.

Неужели возможно преподнести подарок Богу?!

Вопрос, судите сами, не из лёгких по многим причинам, которые мы не будем уточнять, помня о том, что нельзя объять необъятное.

Нам помогут учёные, которым сравнительно недавно удалось обнаружить у человека ген щедрости. Ген, по всей видимости, прижился в Грузии давно и надолго. К нему и вопрос.

Делает ли щедрость, то есть наличие этого гена, человека счастливым или счастливее? Кто знает?

Или, скорее, ген создан природой, чтобы осчастливить других?

Также трудно сказать, где кончается щедрость, а где начинается расточительность (две стороны одной медали), за которой, как известно, ловко прячется отсутствие чувства меры.

Что такое чувство меры, если измерения у всех народов - разные, начиная от стоимости денег, их наличия, желания их потратить и, что греха таить, потрудиться на благо ближнего? Есть о чём подумать...

Одно можно сказать с уверенностью: щедрый грузинский стол навсегда остаётся в памяти всех гостей, побывавших в этой стране.

Размер тарелок, порций хлеба с XI века всё время увеличивался. Это было подтверждено сравнением исследователями произведений искусства разных веков - ритуальных ужинов на картинах разных художников.

Вряд ли художникам, писавшим картины на тему "Тайной вечери" приходило в голову, что спустя много столетий размеры тарелок и количество еды на них когда-то будут сравнивать.

А что же ещё делать, если не сравнивать?

Всё познаётся в сравнении, и наблюдение над несоизмеримостью приносит тоже свои плоды.

На грузинском столе большое разнообразие приготовленных блюд, а перед гостями - маленькие тарелки (средневековые?), на которые можно положить совсем немного еды. Тарелочки часто меняются. К тому же даже если вы не успели доесть и на тарелке что-то осталось, её быстро уносят, и тут же вам ставят чистую.

Если же вы отпить глоток из рюмки, то вам тут же доливают, чтобы рюмка была всегда полная. Этот жест - такой естественный - довольно таинственен. Закодирован? С какой целью?

Чтобы гость перестал считать и не знал, сколько он съел и выпил?

А, может быть, чтобы он забыл за столом о еде и питье?

Создаётся впечатление, что должен наступить особенный момент, когда тарелки пустые, а бокалы полные (никто не ест и вина не наливает); и наступает, в конце концов, момент полноты бытия - сеанс коллективной психотерапии, как сказали бы теперь, - наглядный и убедительный.

Некое высокомерное отношение к бренному миру воцаряется за столом во время большого и организованного пира (в смысле, воспарив, смотришь на землю свысока).

Повергнутые правилами хорошего тона усмирённые соблазны приучены равнодушно взирать на стол, словно и нет соблазнов на этой земле. Внимание переключается на размышление об увиденном и услышанном, на разглядывание лиц, запоминание их.

В Грузии принято знать, кто есть кто, приятно видеть дружеские лица, а недоброжелателей, если таковые имеются, обезоруживать красотой, добрым словом и вкусной едой.

Так, оказывается, когда-то начиналась эпоха Возрождения, но это было так давно, что понемногу позабылось всеми.

Согласитесь, - редкое мгновение, редкая ситуация, когда люди перестают спешить, суетиться, всё время считать и рассчитывать что-то, когда их оставляют все тревоги и, хочется сказать словами поэта "и счастье я могу постигнуть на земле, и в небесах я вижу Бога".

Не это ли благодарность Богу?

Как видим, равновесие между заполненным до отказа столом и маленькими тарелками деликатно и ненавязчиво напоминает о том, что каждый должен знать свою меру.

Изречение "нельзя объять необъятное" в данном случае следует понимать в буквальном смысле.

Путешественник по современной Грузии, пожелавший представиться под псевдонимом Скиталец, решил поделиться в интернете своими впечатлениями и наблюдениями:

"Грузия вообще крайне интересна с гастрономической точки зрения. В частных домах ограничения в пище нет. Тебе приносят еду - ты её съедаешь. Хозяева видят это и приносят ещё. Ты, чтобы их уважить, съедаешь и это. Думая, что ты такой голодный, тебе приносят ещё. И только, если ты останавливаешься, останавливается и поднос блюд. А потом тебе ещё и заворачивают ланч-бокс в дорогу, чтобы ты, не дай Бог, не проголодался".

После такого гостеприимства человеку мысленно хочется произносить всевозможные тосты, благословляющие жизнь, - признаётся путешественник (и спасибо ему за это признание).

Например, как выразился Скиталец: "За Горы и их красоту!".

А я бы еще добавила: За гостеприимство! За людей, сохранивших и охраняющих эту традицию!

Мравалжамиер! Многие лета!

ЭПИЛОГ

Возникает последний вопрос, на этот раз о женщине, которая написала книгу о Скатерти-повелительнице, осмелившись заговорить о самом важном, что ей открылось в жизни.

Что это? Феерия, сказка, правда, вымысел, выдумка, фантазия, поэзия?

Откуда она всё узнала о Супре? – спрашивают некоторые.

Ну, во-первых, не всё. И для других знания остались, их так много, что на всех хватит, как еды за грузинским столом.

А то, что она узнала, можно сказать пришло из первых рук, от самой Супры, ибо женщина, как многие, принадлежала к обслуживающему персоналу Повелительницы и прислушивалась к ней, а потом, в один из дней, они заговорили на одном языке, и Супра разоткровенничалась.

Кроме того, живет в горах Грузии невидимое, но отзывчивое и разговорчивое Эхо, оно часто посещало женщину, а приходя к ней на свидание, напоминало о том, что Эхо – одно из чудес природы – важная составляющая часть жизни.

Прислушивайтесь к нему...

ЭХО И СКОВОРОДКА

«Земную жизнь пройдя до середины, я очутился в сумрачном лесу» - так начинается «Божественная комедия» Данте.

Вот это, да! Почему он так долго собирался на прогулку?

Пришел в лес погулять? За грибами? Подышать свежим воздухом?

Ничего подобного!

Главное – понять, что у Данте лес – это не лес, а жизнь со всеми её непонятными головоломками, возможностью заблудиться в ней, как в лесу, или застрять надолго в чаще сумрачного леса, где можно встретить диких недрессированных хищников.

Прошли века, но вопрос о том, как выйти из леса целым и невредимым (раз уж ты в нем очутился), остается открытым по сей день.

Как и каждый из нас, Данте в этом лесу – одинок, но не совсем один. У него есть провожатый – Вергилий. Сам Данте знает, куда он идет. Его заветная мечта – встретить в раю свою возлюбленную – Беатриче, Ну, одним словом, - мечта...

Лес – жизнь, Беатриче – мечта. Она – в раю. А до рая еще идти надо.

Всё – иносказание, всё в этой жизни зашифровано. Почему?

Ну, не могут, а скорее всего не хотят люди испокон веков говорить прямо, чтобы сразу стало понятно. И напрасны тут все старания быть понятым или опасения остаться непонятым: у каждого своё понимание, которое его вполне устраивает.

Долгий жизненный опыт подсказывает, что нет предела упрямству первооткрывателей. Противостоять упрямству не может никакая сила.

Но тут же возникает главный вопрос.

Возможно, вся наша жизнь – это только иносказание и упрямство?

Упрямство в том, чтобы понять или не понять иносказание, услышать его или не услышать, захотеть или не захотеть его расшифровать? И Супра – подтверждение сказанному.

Что вы этим хотите сказать? – спросят сбитые с толку любознательные люди.

Только то, что под конец жизни по дороге в рай просто необходимо выйти из темного леса на поляну, освещенную светом души, не оставив для себя непонятого, а то уже при жизни можно попасть в ад и, сбившись с пути, так никогда и не дойти до рая.

Своеобразное, не всегда понятное и оправданное упрямство ведет нас за руку по этому пути, как провинившихся детей, но ничего не поделаешь...

Для начала – маленькое открытие, что сковородка (предмет домашнего обихода) – не сковородка.

- А что?

- Тоже иносказание...

- Символ чего-то? Код? Пароль?

Я думаю – всё вместе, особенно, если в одной жизни иногда находится место для нескольких жизней – в лесу, вне леса, в любом непредсказуемом месте, ну, скажем, на поляне или в закрытом помещении рядом со сковородкой.

Такое случается со многими, не помышлявшими о буддистской щедрости бытия, дарующей жизнь в каком угодно виде, лишь бы она продолжалась.

Представьте, что вы получаете письмо, где черным по белому написано, что в нашем любимом городе вас ждут – не дождутся... Сковородка и Эхо.

- Сковородка и Эхо?

Любой самый доверчивый человек почувствует себя несколько растерянным.

- От меня что-то скрывают – подумает он. – Это пароль?

- Причем здесь Сковородка и Эхо?

Кто мог себе представить, что два несоединенных слова ни по смыслу, ни по психологической нагрузке, ни по стилистической окраске окажутся рядом?

У каждого из слов – свои, такие разные и несопоставимые занятия.

Ответ прост: волею судьбы, эти два слова, связанные невидимыми нитями, могут быть запущены в пространство и стать естественными спутниками Супры.

Трудно поверить?

Оказывается, всё возможно, если вы превращаетесь в Эхо, которое откликается на все голоса далёкой жизни.

Что же ему делать еще, если не откликаться?

ЭХО – очень разговорчивое. Без этого занятия оно может оглохнуть, а затем и заглохнуть в глухом лесу, из которого не выйти, если голоса не подаёшь: Ау!

Когда-то очень давно, непроизвольно и непреднамеренно, я связала свою жизнь со сковородкой, сама того не зная, что обычные слова и предметы скрывают в себе до поры до времени много тайн, которые позже, когда-нибудь потом, приоткрываются только посвящённым – членам Ордена Сковородок.

Сковородка – как известно всем – предмет домашнего обихода для приготовления пищи. Для многих – проза жизни, как и сама жизнь.

А если сковородка – не только сковородка?

Тогда что?

Разве она – не символ семейного очага, гостеприимства, вкусной еды, запаха жаренного мяса?

А если мы скажем так: большая тяжёлая чугунная сковородка. То мы видим уже *портрет в интерьере*, другими словами – важную персону, без которой и жить невозможно, которая в один из дней вынужденной разлуки с ней превращается из заурядной сковородки в «Сковородку моей мечты».

А что ещё может скрывать Сковородка?

Хорошую тему для разговора, непредсказуемую, нескончаемую и полезную. Например, англичане предпочитают разговаривать о погоде, которая всегда достойна удивления! То холодно, то жарко, то непредсказуемый дождь...

Какой простор для развития утонченных чувств, наблюдательности, взаимопонимания! И к тому же тонкость наблюдений свидетельствует о тонкости мироощущения собеседников.

Осторожно...

Оказывается, всё на белом свете стало предсказуемым, даже погода.

Всё, кроме хорошего настроения, которое легко испортить во мгновение ока, и ни погода, ни сковородка не смогут помочь.

Сковородка и погода представляют неисчерпаемые возможности для разговора, но могут стать предметом раздора; существует же яблоко раздора, а сковородка – предмет

посолидной, она хочет, чтобы с ней считались, прислушивались к её советам, хотя, на первый взгляд, и не скажешь.

У сковородки отстоявшийся веками сложный и требовательный характер. Она оправдываться не умеет, не для этого она создана, а для того, чтобы жарилось, а не горело, тушилось, подрумянивалось, согревалось.

Советы её, обычно, бывают просты и понятны с первого слова; сковородке невдомек только, почему их игнорируют.

Высокая температура тела сковородки говорит о её готовности выполнять свои обязанности, не накаляя при этом атмосферу. Сковородка всегда готова к услугам Супры.

Разговоры вокруг сковородки ни в коем случае не должны накаляться выше её собственной температуры, согласно которой пирожки с мясом жарятся, как сто лет тому назад.

Это незыблемое правило рекомендуется соблюдать для продолжения беседы вокруг круглой, разогретой по всем правилам сковородки (об этом можно узнать по мирному урчанию самой сковородки, выражающей удовольствие, что ей незачем и некуда спешить).

Смышлёная Сковородка каждому из нас задаёт столько же вопросов, сколько их хотели бы задавать и задают дети в начале жизненного пути.

И ровно столько же вопросов остается в конце жизни.

Где, если не рядом со Сковородкой должны умиrotворяться сердца?

Есть ли еще на земле более спокойное место?

**б) СТРАНСТВИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ПИРОСМАНИ, «Универсал», 2013 г.,
Тбилиси**

Феерия

”В то время я гостила на земле”...

Анна Ахматова

Пролог

Договоримся сразу, что жизнь, подобно живописному полотну, может быть многоцветной, иметь свой колорит и даже может быть окрашена цветами легенды.

Предисловие Гастона Буачидзе к каталогу выставки Нико Пиросмани, состоявшейся в марте-июне 1999-го года в Нанте, так и называется — “Жизнь в цветах легенды”.

Три девятки (интересная конфигурация цифр) незамедлительно обещают превратиться в нули и торжественно объявить о конце двадцатого и начале двадцать первого века, с которого начинается отсчёт третьего тысячелетия нашей эры.

Ни много, ни мало!

Конечно, позволительно сказать — “наступит двадцать первый век”, и всё будет правильно, но если при этом не упомянуть о том, что наступает новое “его величество - тысячелетие”, то возникает некоторая неловкость. Может показаться, что мы живём вне времени, неуважительно к нему относимся, и тысячелетие, незамеченное, неназванное, как бы незаконно пытается проскользнуть в наше сознание и наши будни, свидетелями которых мы являемся.

Наступление нового тысячелетия, этой громады времени, наполняет волнением души тех, кому случайно удалось встретиться с этой великолепной величественной неразменной датой. Время как бы останавливается ровно настолько, чтобы решительно отмежеваться от

предыдущего тысячелетия, проведя жирную чёрточку под новой датой — “первый век третьего тысячелетия”.

Мы не привыкли в повседневной жизни подобным образом величать время.

Это исторический отсчёт времени, и никто из нас не знает, что оставит себе и после себя новое тысячелетие, состоящее из десяти ступеней, по которым, переходя из века в век, поднимаются (или спускаются?) на земном шаре миллиарды людей.

В обыденной жизни - другие измерения...

“Жизнь прожить — не поле перейти” многозначительно напоминает пословица.

Странное состояние овладевает людьми, переходящими из одного века в другой, когда одновременно происходит торжественный момент смены тысячелетий.

Тысячелетия, века и секунды произвольно выпадают из нашего мироощущения — явно мешает несоответствие величин.

Крошечная точка в пространстве времени — секунда и величаяя река времени — Век - несоизмеримы. Иерархия величин такова, что только век вливается в вечность, а секунды, отсчитывающие века, слишком маленькие, чтобы на них обращать внимание.

По правде говоря, никто не обращает, вот они и теряются, как копейки.

Секунда, как ультразвук, который никто не слышит.

Но, как бы к секундам не относиться, что бы о них не говорить, они существуют и, обладая определённым весом, имеют непреодолимую склонность укрупняться в минуты, часы, годы, века, тысячелетия. Тому имеется множество свидетелей: как кому повезёт.

Происходящие в жизни события накапливаются вместе с секундами, оседают в глубине души, превращаясь в более или менее яркие воспоминания; некоторые из них остаются живыми и просят выпустить на волю.

По-видимому, их поторапливает смена тысячелетий...

“Три девятки” надолго покинули календарь, но навсегда остался, перейдя в двадцать первый век, феномен Пиросмани.

Пиросмани прожил на земле сравнительно недолгую жизнь, вписался в девятнадцатый век, в двадцатом, покинув его навсегда, стал долгожителем: его никак не смогли забыть, связь между ним и людьми не прервалась, они несли ему невысказанную любовь.

Живопись Пиросмани помолодела, о нём думают люди, которых он никогда не видел и не мог предполагать о их существовании, на свидание к нему приезжают из самых дальних стран, чтобы только взглянуть, только бы увидеть сотворённое им мироздание.

Счастливый человек Пиросмани!

Неужели это правда, что Пиросмани — самый счастливый, самый богатый, самый щедрый? Кто, зная жизнь художника, поверит в это?

Но разве не в этом феномен Пиросмани?

Разве не он осчастливил на земле многих людей, подарив им мгновения (минуты, часы, годы) нового измерения жизни, наполнив их души непонятным чувством уверенности, которой так всем не хватает?

Теперь-то с уверенностью можно повторить, что Пиросмани — счастливый человек.

* * *

Воспоминания — уводящая назад дорога, иногда довольна длинная, с неминуемыми остановками в виде сказочных вопросов “было-не-было?”.

Вопросы, сами по себе, - необременительны и просты, в ответах на них укладывается вся жизнь, которую каждый из нас не только вправе, но и может, как кусок белого полотна, окрасить в желаемый цвет.

Но жизнь, как и полотно, сначала отбеливают, а потом уже можно красить в любой из цветов радуги, и в этом непростом процессе окрашивания материала могут помочь художники.

Выбор художника за каждым из нас (во всяком случае, так нам кажется).

Хотя, как это ни парадоксально, можно предположить, что в жизни происходит нечто совершенно противоположное: не мы выбираем художника, а он нас, и мы этого не подозреваем.

Так кто кого выбирает?

* * *

То, что жизнь — разноцветная, мы начинаем понимать довольно поздно.

В раннем возрасте разноцветными бывают карандаши, одежда, цветы, радуга на небе.

Разноцветная, серая или монотонная жизнь - понятия более поздние, когда каждому из нас она видится в своём свете и цвете.

В какой-то степени, мы все — художники своей жизни, и никуда от этого не денешься, потому что краски - всегда под рукой, а освещение меняется не только с утра до вечера и с вечера до утра, но продолжает меняться и в зависимости от эпохи (от лучины до неоновых ламп) и от возраста, когда зрение, постепенно приспосабливаясь к освещению, способно различать не только цвета и оттенки жизни, но и, при желании, может погрузить всю жизнь в серый или чёрный цвет.

Особенно преуспевают в восприятии жизни “в цвете” живописцы.

Нигде мы не видим такой яркой жизни, с одной стороны, и такой мрачной, с другой, как на картинах художников.

Особое зрение и дарование им подсказывают, что нельзя увидеть всю жизнь сразу и целиком, поэтому они преподносят её нам постепенно, распределяя по частям или предлагая по кусочку – картинами, как если бы это было лакомство, которое не всегда легко переваривается.

Наверное, они правы, потому что в результате их выставок-представлений часто разгораются споры и протесты по поводу многоцветия или несовместимости цветов.

Что греха таить, жизнь многих зрителей бывает окрашена в один цвет, предположим, серый – спокойный и уравновешенный, или – чёрный, обычно прячущий в себе одну из многочисленных тайн жизни (ну, хотя бы – недоумение перед разнообразием цветов).

Видеть более яркие цвета в таких случаях бывает нежелательно или не в состоянии – глаза закрываются сами собой ради спокойной или от беспросветной жизни.

Так кто кого выбирает, когда неожиданно говорит: «Мой художник»?

Мой? Почему мой? Кто разрешил присвоить? Позволительно ли, вообще, сказать так?

Позволительно и очень рекомендуется.

А другие любящие не обидятся, не почувствуют себя обделенными?

Пусть все скажут «мой» преподнеся ему в подарок корзину, заполненную преданностью и любовью, если такое, в принципе, возможно. (Не о фруктах же, в конце концов, идет речь!).

Главное, быть убедительным, и единственное условие – корзина должна быть переполнена диковинными фруктами с фантастического дерева, именуемого любовью. Чего-чего, а уважения и любви на этом свете никогда не бывает слишком много, никто еще не пожаловался на их избыток, и подтверждение тому известное изречение, что, возможно, «нет любви, а есть одни только доказательства».

Не ради ли них сохраняются наши воспоминания?

Восхищение

Можно ли присвоить художника? Станный вопрос.

Что значит — присвоить? - спросите вы.

Имеется в виду не присвоение в буквальном смысле - положить в карман или сумочку и унести с собой. Речь не идёт о покупке картины.

Словосочетание “присвоить художника” может показаться не совсем подходящим, потому что в данном случае речь идёт не о похищении, а только о восхищении.

Восхищение - непредсказуемо, мы никогда не знаем, где, когда и по какому поводу оно возникнет. К нему трудно быть готовым, оно, как смех, захватывает внезапно и овладевает нами мгновенно. но, в отличие от смеха, восхищение не покидает нас в одночасье, а присваивается нами, превращаясь в нашу собственность.

Собственность - это уже серьёзно, мы распоряжаемся ею по своему разумению, чаще всего храним.

Слышите слово «хищение» в слове вос-хищение?

Так вот, похищенное нами восхищение (пока что грех - ненаказуемый) поселяется в какой-то нише нашего существа, наделяя владельца этой эфемерной собственности защитной реакцией самосохранения, а, вернее, сохранения самого восхищения, ибо, утратив дар восхищения, мы теряем много подарков, подношений и связанных с ними радостей, которые нам преподносит не кто-то, а именно Она – разноцветная жизнь.

Восхищение, ставшее нашей собственностью, приручается, не сопротивляясь, легко и со временем отказывается нас покидать, а нам кажется, что мы распоряжаемся им по собственному желанию.

Нам кажется? А на самом деле?

Всё гораздо сложнее, потому что у всего есть своя противоположность. К сожалению, восхищение при всей своей эфемерности не всегда “приватизируется”, как оно того желало бы. Восторг (синоним восхищения) может мгновенно исчезнуть, отторгнутый и тут же поглощённый невидимой силой - “чёрной завистью” - таинственной “чёрной дырой”, в которой в космосе исчезают звёзды и планеты, а на земле - все добрые намерения.

Вселенское явление “отторжения и поглощения” можно себе представить наглядно. От слова “вос-хищение” неумолимо отсекается навсегда его первая половина и остается недвусмысленная вторая половина - “хищение”, способное превратить бескорыстный Восторг в злонамеренную Зависть, которая, как не расцветший цветок постепенно засыхает и леденеет, превращаясь в обоюдоострые иглы.

Оборотная сторона восхищения - зависть - ни что иное, как невысказанный, спрятанный от других и от себя восторг, превращающийся в залежи и груды замороженных хищений, сметающих со своего пути, как снежные лавины, все добрые намерения, больно покалывающие самого завистника, часто не достигающие предмета зависти.

Оба персонажа, Восторг и Зависть, не сходят со сцены бытия и остаются бессмертными действующими лицами человеческой комедии. Что же победит?

Неужели Восторг бессилён?

Что произойдёт, если давно поселившееся в душе восхищение, превратившееся в долгожителя, выпустить на волю?

Смена тысячелетий повелевает его высказать, потому что восхищение, восторг, очарование, согласитесь, - слова совершенно воздушные, какие-то нездешние, светящиеся и иногда освещающие дорогу жизни.

Угодить художнику, которому при жизни досталось так мало внимания и любви - занятие не из лёгких, но можно постараться обрести его доверие, пригласив на праздник, устроенный в его честь.

Лучший праздник для художника - это выставка в большом городе, в котором он никогда не бывал, и где, зримо присутствуя в каждой из своих картин, он как бы оживает под взглядами незнакомого поколения и вместе с ним открывает заново свои творения. (Известно, как часто художник “не ведаёт, что творит”).

Нечто подобное происходит со всеми гениями. Поколения приходят и уходят, а гении, даруя восхищение, остаются.

Несколько встреч с Пиросмани

У всего есть начало.

Первая встреча с Пиросмани произошла в Тбилиси в прошлом веке в неосмотрительном, безмятежном, восприимчивом студенческом возрасте, в 1959 году.

В маленьком темноватом зале Государственного музея изобразительных искусств висели картины, от которых было светло. Издали каждая из картин была похожа на мерцающий в полумраке драгоценный камень.

Поразительный и незабываемый эффект от живописи, совершенно непонятный по молодости лет, зажег в душе ответное сияние.

Картины Пиросмани излучали свет – для меня это было совершенно очевидно.

Возможно ли на самом деле такое или мне показалось?

Понадобилось много лет, чтобы утвердительно ответить на этот вопрос: «Нет, не показалось!».

Свет в картинах давным-давно зажгли славившиеся своим искусством итальянские художники, к ним из разных стран приезжали любознательные собратья по кисти, чтобы изучать “школу света”.

Приручить свет - занятие не из лёгких, можно сказать - немыслимое и удаётся немногим.

Пиросмани никуда не ездил, нигде не учился. он самостоятельно зажжёт немеркнущий свет на своих полотнах, который не только не погас до наших дней, но разгорелся ярче и очевиднее.

Странный источник света...

Не почудилось мне при первой встрече, что животные, смотревшие с картин человеческим взглядом, внимательно и грустно, погружали зрителя в мир добрых сказок. Казалось, что всё на свете им известно и достаточно только открыть “рот” (если бы такое могло случиться), они бы с участием заговорили о чём-то важном, о чём люди предпочитают молчать и о чём молчал сам художник, доверяясь только своей кисти, предчувствуя, что в один из дней она обязательно заговорит и сама расскажет интересные истории.

Заселяя свою живописную планету столь выразительными портретами животных, не избрал ли их Пиросмани своими лучшими друзьями? («Друзья моего сердца», - скажет о них позже художник).

Не предлагают ли они безмолвно всем, кто на них смотрит, верную дружбу, которая всегда начинается с желания понять, то есть, с вопроса?

Разве не странно, что трогательные семейные сцены, озарённые неизвестно откуда льющим светом, - медведица с медвежатами, свинья с поросятами, курица с цыплятами – остаются надолго в душе без нашего ведома, благодаря поселившемуся в нас восторгу, который легко помещается в компактной, пополнявшейся на протяжении всей жизни упаковке под названием «загадки памяти»?

А загадки для того и существуют, чтобы их разгадывать.

«Пиросмани или Прогулка Оленя».

Десять лет спустя после знакомства с картинами Пиросмани произошло невероятное событие (не могу сказать – фантастическое, потому что всё происходило в реальной жизни). Мне показалось, что на какое-то время Пиросмани с его картинами переселился к нам домой, чтобы побеседовать по душам.

Надо же, в конце концов, когда-нибудь высказаться тому, кто при жизни не любил разговаривать, но, условно говоря, зашифровал свои мысли на полотне?

Полная иллюзия происходящего совпала со временем написания книги Гастона Буачидзе «Пиросмани или Прогулка Оленя».

Став провожатым, Олень прогуливался по городу между нашим домом и запасниками музея изобразительных искусств, где хранились картины Пиросмани и куда Г. Б. ходил для общения с ними, задумав написать «Повесть о грузинской живописи» - трилогию о Пиросмани, Гудиашвили и Какабадзе.

Первой из них была книга о Пиросмани.

Автор бесстрашно приступил к осуществлению своего замысла, доверяя диктофону услышанное среди картин, а, на самом деле, по секрету «рассказанное кистью» (подзаголовок книги), которая не скупилась на откровения.

Затем «услышанное» перепечатывалось дома сотнями страниц на пишущей машинке, чтобы можно было «увидеть», что же поведала кисть самого Пиросмани, раз уж она решилась заговорить.

Из её рассказов я узнала много интересного, мало того, была поражена изощрённостью, затейливостью кисти, такой неприхотливой на первый взгляд, но неожиданно многоречивой, охотно открывающей несметные секреты.

Под диктовку кисти художника появлялись страницы, которые затем объединились и стали книгой «Пиросмани или Прогулка Оленя». Провожатым автора среди картин был никто иной, как неутомимый Олень, который был в восторге от того, что его пригласили на прогулку, доверились его взгляду и дали возможность высказаться.

Это как если бы заполненный сокровищами ларец вдруг открылся волшебным ключиком, сумевшим объединить вместе три Поэзии – «поэзию жизни», «поэзию взгляда» и «поэзию слова», чтобы поведать о Пиросмани и тайнах его творческой души.

Книга писалась именно в таком ключе.

Для меня же всё сбылось, как в сказке: животные заговорили, рассказывая удивительные истории о своей жизни.

Заговорили не только они, но и все остальные персонажи картин, которые, повествуя о себе, приоткрывали секреты бытия, пребывающие терпеливо в ожидании часа, когда на них обратят внимание.

Всеми своё время, как говорят...

Не знаю, как после этого можно осмелиться утверждать, что картины - немые и безмолвные? Не они ли окликают нас в музеях, останавливая на ходу?

Книга «Пиросмани или Прогулка Оленя» - результат удивительной встречи художника и писателя, состоявшейся в Тбилиси (на бывшей улице Павлова, а ныне Казбеги), где и была написана книга, вышедшая в 1981 году в издательстве «Хеловнеба».

* * *

Фантастическая история появления книги и её судьба остаются по сей день со многими вопросительными знаками. На этот раз фантастика, на самом деле, стала действующим лицом «обыкновенной жизни», как её иногда называют,

Книга была принята на русском языке Отаром Эгадзе в издательстве «Хеловнеба», и первоначальный тираж её предполагался пять тысяч экземпляров.

Но затем произошло нечто неожиданное - по-видимому, вмешался сам Пиросмани, пришло его «время пожинать», как обещано.

В один из дней в нашем доме раздался телефонный звонок, и О. Эгадзе сообщил, что книга выйдет тиражом десять тысяч экземпляров, (что для книг по искусству было совсем неплохо).

А спустя некоторое время - снова звонок издателя с невероятной новостью, можно сказать, - фантастической. Книга выйдет тиражом сто тысяч экземпляров.

“Вы же не возражаете?” - спросил издатель ошеломлённого известием автора.

Почему и как Отар Эгадзе принял такое решение, осталось загадкой по сей день и, хотя Пиросмани этого достоин, произошло нечто неслыханное для книги по искусству.

Объяснения по этому поводу не было.

Конечно, можно предположить, что у издательства были долги, появился хороший товар и так далее, но не всё из случившегося укладывается в трезвый и рациональный расчет.

Спустя много лет можно позволить себе и помечтать...

Возможно, что издатель задумал подарить книгу о Пиросмани всему бывшему Союзу? Лучшего подарка - не придумать!

Вышедшая огромным тиражом недорогая книга о Пиросмани разошлась далеко за пределами Грузии, её увозили в разные стороны Союза, позже по ней ставили спектакли в каких-то городах огромной страны и даже в Израиле.

Об этом я узнала значительно позже, когда приобщилась к интернету, где книга продолжает жить интенсивной жизнью по сегодняшний день. Издательское чутьё не обмануло О. Эгадзе. Книга не состарилась, у неё по-прежнему есть читатель, и спустя тридцать лет после выхода её предлагают в антикварных магазинах на территории бывшего Союза по довольно высокой цене, иногда даже в твёрдой обложке, хотя книга была издана в мягком переплёте, предлагают электронную версию, словом, книга востребована.

Судьба книги тем более удивительна, что она выдержала все испытания и выжила при явном несовершенстве чёрно-белых репродукций, по которым догадаться о лучезарности картин художника практически невозможно.

Ответ, наверное, в том, что при чтении «Прогулки Оленя» открываются многие из секретов живописи Пиросмани, и возникает желание рассмотреть картины внимательнее, чтобы зарядиться энергией содружества художника и писателя и вместе с ними пройти по нехоженым тропам, по-новому увидеть художника, стать первооткрывателями давно знакомых картин, каждая из которых вдруг становится понятнее и потому дороже, занимая особое место в системе устоявшихся ценностей.

Вскоре после выхода книги автору из Москвы пришло письмо с удивительным по щедрости отзывом-рецензией от Александра Каменского – известного искусствоведа, с которым автор не был знаком.

А. Каменский высоко оценил оригинальную книгу, отметив поэтический взгляд автора.

Открытость и щедрость души, глубокие знания не позволили ему заморозить профессиональный восторг и превратить его в безликость молчания.

Приведу высказывание А. Каменского о книге: «Автор с увлечением погружается в мир картин Пиросмани и умным, тонким взглядом улавливает такие качества и оттенки искусства мастера (и его взаимоотношений с окружающей повседневностью), какие могут быть просто недоступны искусствоведам именно из-за их профессиональной односторонности и скованности, органического недостатка живого и сердечного ощущения жизни».

Его рецензия-отзыв была напечатана в своё время в журнале «Литературная Грузия».

В один из приездов в Тбилиси А. Каменский пришел к нам на ул. Павлова, чтобы познакомиться и побеседовать с автором заинтересовавшей его книги и подарил нам вышедший в Ленинграде новый альбом Пиросмани со своим предисловием на английском языке.

Часть первая

Нант

Выставка грузинского художника Нико Пиросмани в 1999 году в Музее изобразительных искусств Нанта была приурочена празднованию двадцатилетия городов-побратимов Нант-Тбилиси (по-французски — городов-близнецов), словом, породнившихся городов, что, само по себе, уже звучит как музыка.

Открытие праздника было доверено картинам Пиросмани. Это был щедрый подарок жителям Нанта и всей Бретани от Мери, Музея изобразительных искусств при поддержке Министерства культуры департамента региона

* * *

В быстро движущейся точке, которая называется настоящим, единственным времени, где нам дана власть открывать смысл происходящего, произошла встреча далёкого прошлого с незнакомым мне когда-то будущим (1959-1999), и, возможно, - одно из самых поразительных событий моей жизни - новая и совершенно невероятная (сорок лет спустя) встреча с картинами Пиросмани.

Когда жизнь можно считать не днями, месяцами и годами, а десятилетиями, понимаешь, что это - огромная привилегия и щедрость возраста, позволившего такую расточительность.

Десятилетий, преобразующих незаметно наши впечатления, неизбежно меняющих восприятие мира, могло и не быть.

Рождённые для постоянства мы всей душой противимся переменам, пытаюсь сохранить данное нам вначале. Почтенный возраст, как о нём говорят, позволяет взглянуть по-новому или сознательно отказаться увидеть, что бы то ни было.

Со времени первой встречи с картинами Пиросмани много воды утекло, мне посчастливилось увидеть в музеях кумиров многих стран и народов (все они - такие разные и прекрасные), поэтому предстоящая выставка произведений Пиросмани в Нанте поневоле навеяла волнующие вопросы.

Не разочарует ли меня то, что я так долго не видела?

По-видимому, сомнениями повелевает само время. В виде вопросов сомнения находят дорогу в наши души, чтобы медленно приобщить к тайнам, сопровождающим нас всю жизнь.

Например, какое время вселяется в человека при рождении? Другими словами, в каком времени пребывает на земле каждый из живущих – в настоящем, прошлом, будущем? По-разному ведь бывает...

«Три времени», переплетаясь, взявшись за руки, как неразлучные подружки, повсечасно задают самые неожиданные вопросы, отправляя нас в поисках ответов в странствие. В каком бы времени мы не жили, «три времени» соседствуют, и каждое отсчитывает нам свою долю, а вот будущее для многих иногда не наступает или, как говорят в гадании, - не сбывается.

Кто скажет, Времена уходят, а мы остаёмся или Времена остаются, а мы уходим?

Станный вопрос... Стоит задуматься. Скорее, - последнее?

А как же быть с Пиросмани?

Неужели он жил вне времени, «выписавшись из широт»? Очень похоже.

Вот за Временем, сеющим наугад вопросы в безбрежном пространстве, и ответ. Пусть не ускоряя своего шага, невинно, совсем по-детски отстукивая “тик-так”, Время поможет найти ответы на вызвавшие сомнение вопросы, отвечая на которые, мы, как известно, приобретаем или теряем что-то - такова неумолимая сила вопросов и Времени?

Вот самый простой вопрос. Разве можно всё узнать один раз и навсегда?

Разве можно отрицать, что, со временем, многое, подвластное Времени, выходит из моды?

Не покажется ли вдруг художник “демоде”, устаревшим, ну, скажем, постаревшим вместе со всеми вокруг него. Ведь это - обычное явление.

Имеются в виду музейные картины - обладательницы всех достоинств, но, тем не менее, постепенно перестающие волновать.

Неужели волнение так необходимо? Разве без него не обойтись?

Волнение каким-то образом или почему-то неразрывно связано с дыханием, а дыхание и тепло - явные признаки жизни, к которым инстинктивно или вполне сознательно не прекращаются потоки посетителей музеев.

Но довольно часто случается, что дыхание, заполнявшее когда-то картины, останавливается, и картины, ускользнув от строгих судей, не желают по каким-либо причинам переселяться в другую эпоху (и без неё им хорошо). Картины успокаиваются, застывают, обретая заслуженный отдых, оставаясь прекрасным свидетельством «своего» времени, ставшего прошедшим!

Мимо них проходят, спокойно вглядываясь со всей данью уважения, но направляясь, тем не менее, к полотнам, которые не перестают волновать. Загадочный феномен!

Мода, что бы о ней не говорили и как бы к ней не относились, - довольно жёсткая и беспощадная дама. Победить её нельзя, можно только стать выше и недостижимее, тогда она смиренно начинает присматриваться к непонятному явлению, издали любясь проделками времени, над которым она, оказывается, не властна. Ибо мода приходит с шумом, и уходит, унося с собой споры, восторги, негодование, чтобы снова затеять всё сначала. На то она и мода!

Кстати, если задуматься, она для того и существует, чтобы выходить из неё или вовсе не замечать, даже в тех случаях, когда она непрерывно носится в воздухе со своими деловыми предложениями. Это именно то, что произошло с Пиросмани. Он был вне моды, и, сам того не зная, стал законодателем, но не моды, а свободы, уникальности, неподражаемости!

Художник наполнил смыслом уплывающие от нас дни, растворив в воздухе своих картин послегрозовую дозу озона, позволяющую глубоко и уверенно дышать, как бы ненавязчиво нам внушая, что жизнь - прекрасна, несмотря на контрасты или именно благодаря им.

* * *

Трудно было представить, что, спустя сорок лет после первой встречи с картинами Пиросмани в Тбилиси, Олень отправится от берегов Куры к берегам Луары, где в Музее изобразительных искусств Нанта его будет ждать огромный зал.

Следует отметить, что выставка Пиросмани в Нанте — это одна из прогулок Оленя, которого теперь приглашают и ждут в разных странах.

"После выставки Пиросмани в Лувре в 1969 году - события поистине невероятного! - ничего чрезвычайного на этот раз для Пиросмани и для Европы двадцатого века не произошло. Дорогостоящий обмен культурными ценностями между странами, к счастью, стал обычным явлением.

Тем не менее, достойны удивления судьба художника и проделанный им путь — превращение бездомного художника-духанщика, примитивиста, самоучки в авангардиста и модерниста европейской живописи, к услугам которого открылись все лучшие музеи мира.

Неужели ничего фантастического в этом нет?

Ну, мог ли художник об этом мечтать?

Оказывается, тайно мечтал («меня и во Франции знают»), и мечта его сбылась.

И, как ни странно, к мечтателям по-прежнему продолжают относиться снисходительно и недоверчиво, не интересуясь происхождением прекрасной и, на первый взгляд, эфемерной «дамы-невидимки» с обещающим именем – Мечта.

Разве Мечта, проникающая неизвестно каким путем в души мечтателей, где ей уготовано невидимое миру пристанище, не могущественная «дама-невидимка», влияющая на весь ход жизни и судьбы создающих мечтателей, в частности, - Пиросмани?

Кто наберётся смелости упрекнуть Мечту в том, что на вечной земле в главной из сказок, название которой «жизнь». она не помогает сказочному созиданию - немыслимому и удивительному превращению мрака жизни в свет души?

Формула алхимии превращений тщательно скрывается все той же влиятельной дамой-невидимкой, но все секреты неожиданных и непредсказуемых метаморфоз раскрываются при условии, если взглянуть на них, как на сказочное явление.

Может ли мрак жизни превратиться в свет души?

В какой из сказок, если не в самой главной, испокон веков называемой таким знакомым и коротким словом - «жизнь»?

Именно в этой сказке из века в век появляются люди, которым остро недостаёт света (реального, метафизического?). Они начинают его высекать из кремня, поддерживая огонь в пещерах и распространяя его, затем не перестают охотиться за ним во все последующие века, вплоть до наших дней, видоизменяя источники света и тепла, хотя, как мы все хорошо понимаем, главным источником был и остаётся один – неугасимый свет души, зажженный, чтобы побеждать мрак.

Возможно, мрак для того только и существует чтобы быть побежденным и превращенным в свет? Интересное занятие?

На этой ниве безработица никому не угрожает.

Этот волнующий, неопровержимый закон бытия распространяется и на создание произведений искусства, о чём свидетельствует Пиросмани и его творчество.

Чтобы в этом убедиться, достаточно проникнуть в сказочное пространство его жизни и творчества, иначе говоря, непредсказуемую и невероятную атмосферу жизни художника Пиросмани.

Стоп! Если вокруг человека имеется атмосфера, то он, сам того не зная, превращается в планету, заселенную по его образу и подобию и превращение человека в планету со всей очевидностью произошло на наших глазах...

Обитаемая планета – «Пиросмани» - вышла на собственную, уготованную только ей орбиту, и это – естественный и единственный выход для планеты.

Выставка Пиросмани в Нанте

Накануне выставки весь город был украшен репродукциями картин художника – афишами огромных размеров, создающими сюрреалистическую атмосферу.

Вряд ли Пиросмани или кто-либо из окружающих его людей мог себе представить подобное зрелище, что в последний год 20-го века на улицах французского города повсюду будут плакаты с его ортачальскими красотками.

Кто это? Откуда?

Неизбежное расставание с двадцатым веком для Пиросмани совпало со сменой тысячелетий. В новое тысячелетие он входил в качестве сказочного победителя, разрушившего все преграды между собой и миром.

Нант – родной город Жюль Верна, самого знаменитого фантаста на планете (это не преувеличение – существует неумолимая статистика) – гордится ещё своей репутацией быть городом сюрреализма. Именно в Нанте Андре Бретон написал манифест сюрреалистов - нового направления в искусстве.

Так уж заведено, что время от времени в искусстве появляются регулировщики, указывающие направление, в какую сторону следует двигаться, чтобы не сбиться с “большой дороги”.

Пиросмани к сюрреализму не имеет никакого отношения, но косвенно его судьба художника-духанщика на фоне исторических событий превосходит все реалистические представления-предсказания и вписывается в сюрреалистический пейзаж Нанта, неповторимое своеобразие которому придают разноцветные кусты и деревья камелий, цветущие в садах и парках зимой и весной так долго, обильно и уверенно, будто цветы — бессмертны.

Камелии - пришельцы с востока - были завезены по Луаре, соединяющей Нант с океаном, из Китая в начале девятнадцатого века. В ту пору город был крупным портом.

Благодаря приветливому климату и гостеприимному уходу новых хозяев, восточные красавицы прекрасно прижились на крайнем западе и подарили Нанту дополнительное название – «город камелий».

Путешественницы растут медленно, живут долго, поэтому тщательно охраняются городом, что требует умения, приспособлений и затрат энергии – красота этого достойна.

Когда разрушают старые дома, камелии, украшавшие их долгие годы, не уничтожают, а бережно перевозят в парки. Там они собираются в виде аллей или островков-питомников, создавая «нездешней красотой» особое настроение, продолжая радовать прохожих разнообразием цветения...

В один из дней плотные лепестки камелий дружно осыпаются, покрывая землю неправдоподобно живым красным, белым или розовым ковром.

В девятнадцатом веке изысканные элегантные цветы из Нанта поставлялись в Париж для украшения женских нарядов и дамой, обессмертившей их, стала «Дама с камелиями» Александра Дюма-сына.

Удивительные совпадения (фантастика, сюрреализм и камелии) навлекли на город обязательство: стать местом, где не только могут происходить, но и происходят неожиданные и неправдоподобные (особенно для некоторых) события, выходящие за пределы реальности.

Выставка Пиросмани – подтверждение сказанному.

Красочные плакаты-картины Пиросмани привнесли в город дыхание другой эпохи, страны, другой жизни и другого видения мира.

Если бы Пиросмани мог представить себе, какой путь проделали его картины, пролетев над всей Европой, чтобы заполнить зал Нантского музея изобразительных искусств, если бы он мог пройтись по улицам Нанта, украшенного его «Ортачальскими красотками» с их неизъяснимой грацией, он бы подтвердил, что Нант – действительно сюрреалистический город.

* * *

Выставка в Нанте была представлена, как путешествие в сказочную страну, где когда-то «жил-был художник один», которому удалось превратить свою жизнь в удивительную сказку, которая никогда не кончается. Оказывается, такое превращение возможно при одном условии, если у художника доброе, всепрощающее сердце.

Трудно поверить, что превращение может быть столь всемогущим, но, при желании, в этом имеет смысл убедиться, посетив в один прекрасный день его выставку, где бы она ни была...

Зал Нантского музея был разделен светло-оранжевыми, как лучи утреннего солнца, перегородками, на которых каждая картина была представлена и воспринималась как единственная, но создавалось впечатление, что все картины, находившиеся чуть дальше или сбоку, по-соседски переглядывались и перекликались между собой.

Посетителям казалось, что они находятся в окружении картин, как в хороводе, что все картины, оставаясь в поле зрения, сопровождают их, выполняя обязанности гида (что само по себе уже создавало праздничное настроение).

Так бродят по разным улицам незнакомого города, чувствуя себя приглашенными на карнавал «давно забытых лет».

Чем не сказка?

Выставка была представлена как своеобразный спектакль о сказочной жизни, промелькнувшей перед глазами художника, успевшего перехватить её на лету, как птицы в полете ловят свою пищу.

Впечатление

К счастью, существуют художники (к ним принадлежит Нико Пиросмани), которым удаётся оставлять на полотне не столько предметы реальной жизни, сколько неуловимые никем, кроме них, Впечатления – мимолётные, но, оказывается, бессмертные.

(Впечатления – разновидность духовной пищи, которой одни не могут насытиться, а другие – проглотить).

Впечатления в живописи – это неповторимый выбор художником пейзажа и предмета (их контур, облик), цветовые пятна природы и одежды персонажей, которые окрашены растворённым в пространстве картины невидимым и неназванным ещё «цветом», помогающим каким-то образом выразить отношение художника к изображенному на полотне: хорошо-плохо, нравится ему или нет, потому что без этого он обойтись не может.

Превращённый в планету с животворной атмосферой, которую ему суждено заселить по своему образу и подобию, художник начинает распоряжаться красками – строительным материалом – по своему разумению.

Завидная смелость позволяет ему «судить и миловать». Он хозяин мироздания, поэтому задействована вся его нервная система – никакой индифферентности: во всём – постоянное присутствие самого Пиросмани, его личной ответственности за происходящее на земле (в данном случае, на полотне).

Именно отсюда – насыщенность и интенсивность его картин, какая-то детская уверенность и непоколебимость в том, что только ТАК можно видеть окружающий мир с его волнующей и неистребимой красотой, которую многие просто не замечают или, что, конечно, хуже – не хотят замечать.

* * *

Впечатления, обладающие динамизмом, непостоянством, подвижностью, пролетающие мимо с невероятной быстротой, - интересное состояние впечатлительного человека.

Несмотря на мимолётность и неуловимость, впечатление где-нибудь обязательно должно отпечататься – пусть даже на скале в пещере до нашей эры, потому что таково его назначение, в противном случае оно перестаёт быть впечатлением, теряя смысл собственного имени.

Фотоаппаратов долго не было, а впечатлительные люди, улавливающие мимолётность в виде звукового или визуального изображения, существовали во все эпохи, оставляя последующим поколениям отпечатки собственных впечатлений, отсюда – живопись, музыка и, по-видимому, всё остальное.

Впечатлений так много, что не все они бывают сразу заметны, особенно для посторонних взглядов – каждому своих хватает. Некоторые из впечатлений – особенно посторонние – могут ускользать от современников, наверное, по той простой причине, что впечатлительность среди людей распределена неравномерно или же, согласитесь, не всегда чужие впечатления совпадают с нашими собственными и поддаются мгновенной классификации, без которой людям с некоторых пор трудно обойтись. («Что такое хорошо и что такое плохо?»).

Человеку свойственно заглядывать далеко вперёд, но оглядываться, чтобы не разминуться с некоторыми впечатлениями, промелькнувшими в его жизни, тоже не помешает.

Вот, скажем, перед нами чьё-то впечатление. А что потом? К чему оно нам?

Какова его дальнейшая судьба?

Особенно интересно задуматься над судьбами (или приключениями?) тех Впечатлений, которые постоянно попадают в предсказуемые ситуации.

Сначала Впечатления предстают в виде невиданных пришельцев – «ни в сказке сказать, ни пером описать», примерно, как если бы вдруг перед нами появились инопланетяне. Пока к ним присматриваются, обдумывают их появление и, как полагается в таких случаях, приспособляются к ним, самые яркие из Впечатлений спустя некоторое время на глазах у всех, как ни в чём не бывало, превращаются в фантомы, наиболее живучую часть «населения».

При чём здесь фантомы? – уместно спросить.

Впечатления, как ни странно, приобретают основное свойство, сопровождающее фантомов, - неуверенность тех, кто на них смотрит. Одни их видят, другие – нет, точь-в-точь, как это происходит с яркими произведениями искусства. При этом столкновение доказательств и опровержений (само их существование) лучше всего способствует реанимации чего бы то ни было, в том числе и Впечатлений-фантомов.

Пребывая до поры до времени невидимыми, то появляясь, то исчезая, они становятся всё более неуязвимыми, так как, приспособиваясь к каждой эпохе, обречены на выживание.

Ускользя от невоспринимающих их, Впечатления утверждаются в качестве вещественных доказательств собственной уникальности и, главное, её необходимости в разнообразии мира.

Поэтому, однажды появившись на свет, некоторые из Впечатлений не исчезают, живут вечно, потому что наполнены воздухом эпохи и дыханием создавшего их автора, а с воздухом сражаться, как с ветряными мельницами, бесполезно.

Таким простым и естественным путем Впечатления, как и фантомы, преодолевают все недоразумения, а вместе с ними расстояние и время, которые для них перестают существовать.

Живопись Пиросмани и больших художников, к которым он присоединился – это волнующее явление, неправдоподобное, необъяснимое, как фантомы.

Сколько бы о его живописи не говорили, одни её видят, а другие - нет, точь-в-точь как и «подлинных» фантомов (одни их видят и верят, а другие и не видят, и не верят).

* * *

Впечатление (по-французски – *impression*) существовали на земле во все времена, продолжают существовать у всех народов по сей день, но отношение к ним повсюду разное.

Впечатлениям иногда доверяют, иногда их проверяют и сверяют (мало ли что может показаться!). Случается и так, что целые эпохи могут закрывать на них глаза, лишая должного внимания, словом, судьбы Впечатлений – самые непредсказуемые.

В конце 19-го века в «рациональной» Европе «впечатление» вдруг было замечено, на него обратили особое внимание, с ним стали считаться, ему предоставили возможность «запечатлеться» и, в результате, возникло новое направление в европейской (французской) живописи – импрессионизм. Представители его полностью восстановили в правах преходящие и непостоянные Впечатления как достойные внимания и того, чтобы быть запечатлёнными. Впечатления обрели свободу.

Охота на Впечатления – приятна и эфемерна, как ловля бабочек, к тому же она оказалась захватывающе интересной и принесла невиданный улов.

Результат оказался впечатляющим – импрессионизм покорила любителей живописи полной свободой впечатлений и непредсказуемостью творчества.

Впечатления были узаконены, постепенно с ними смирились, как с ярким явлением в искусстве, а из жизни они и так никуда не собирались и не собираются уходить.

А какое отношение импрессионизм имеет к Пиросмани?

Впечатления носятся в воздухе испокон веков, за ними охотятся по всему миру, но они везде – разные, в Кахетии – один, в Японии, где они узаконены самой жизнью, – другие. А французский импрессионизм – это взгляд на восток и новая эпоха в искусстве: игра воображения, разнообразие впечатлений и возможностей их реализовать – новая ступень свободы, например, писать маслом, как пастелью.

Но главная особенность Впечатления (импрессионизма) – это попытка обессмертить мгновение, остановив его, что является составной частью спортивной игры под названием «борьба с небытием».

Кстати, это то, что сделал по-своему Пиросмани, сделал независимо от всех, оставив нам свои Впечатления.

После всего сказанного можно предположить существование тайного общества «Впечатлений разных стран», которые где-то (в какой-то точке?) неизбежно встречаются, им есть о чем поговорить.

Настроение

ВПЕЧАТЛЕНИЕ в самом начале – это нечто нематериальное, у него нет ни головы, ни фигуры, ни цвета, а только – настроение.

А НАСТРОЕНИЕ – это уже из области вопросительных знаков.

Вот хотя бы один из них.

Как объяснить, что настроение художника, смешавшись с красками, переселяется в картину и остаётся в ней навсегда, не иссякая под взглядами ищущих зрителей?

Более того, оно самостоятельно начинает кочевой образ жизни, то есть, переселяется с картин в чувствительные души, обосновывается там, а затем вместе с ними отправляется в путешествие по миру в непредсказуемом направлении.

А если настроение праздничное, оно охотно уместается в любой упаковке, и его можно уносить или увозить с собой в неограниченном количестве. Бери, сколько хочешь!

Таким незатейливым образом Впечатление и Настроение Пиросмани увозили с собой все, увидевшие его яркие картины, особенно художники и поэты. Увозили ликование, ще-

дрость, благородство, доброту, которые как из рога изобилия орошали опустошённые души, возрождая милосердие и сердечность.

О настроении мы привыкли говорить однозначными словами: хорошее, плохое, мрачное, весёлое, радостное... Настроение же художника - понятие более сложное.

Это настроенный многострунный инструмент, но не для исполнения музыки, а для передачи музыкального настроения (мажорного, минорного?) всем, кто к нему прикасается, в данном случае, кто на него смотрит.

Взгляд ведь тоже прикосновение, от которого можно улыбнуться, обрадоваться, загрустить, испугаться или даже заплакать...

Настроение - один из языков искусства, которым овладел Пиросмани.

* * *

Потребность самовыражения - общения с окружающим миром, желание запечатлеть промелькнувшую перед ним жизнь у Пиросмани огромны, хотя в повседневности он был немногословен, чаще всего - молчалив, наверное, чтобы не расставаться со своими Впечатлениями, не растерять сопровождающие их мысли и чувства, но, главное, — успеть заселить неограниченное пространство картин - его единственного пристанища на земле, где он господин-повелитель и слуга-исполнитель в одном лице.

Никто из окружающих не догадывался, что в безмолвном, замкнутом и незаметном человеке поселился волшебник, повелевающий ему созидать и сеять добро. Над ним открыто смеялись, не веря, когда он рассказывал, что его кисть САМА рисует.

Как поверить в такое, как понять?

Вот и отсеяли его как неплодородное зернышко к тем представителям рода человеческого, которых величают “не от мира сего”, “семь пятниц на неделю”, “прибитый градом” и т. д. Что с них возьмёшь, если они “не от мира сего”?

Пиросмани - не первый и не единственный случай, поэтому любопытно узнать, сколько же миров на земле и как их примирить между собой?

Способ примирения, тем не менее, существует - это оставленные полотна, исписанные текстом или нотами страницы, которые постепенно приручают и примиряют прозревших с неизбежным торжеством новоявленной красоты. Иногда для примирения требуется много времени, но, как всем известно, Время не умеет торопиться. Следуя непостижимыми нам путями, оно слишком многое уничтожает, оставляя делающим возможность додумываться о том, что же исчезло, но, к счастью, оно что-то преподносит нам в целостности и сохранности. Всему своё время...

* * *

Значительная часть творчества Пиросмани, к сожалению, почти не дошедшая до нас, - это декоративное многометровое панно или живописный эпос. Изобретенное художником панно пользовалось успехом у духанщиков, оно занимало всю стену, чтобы скрыть её изъяны (что требовалось во все времена).

Дар Пиросмани превратил панно, на котором он мог приютить множество разных картин, в спектакль или живописное представление событий и сцен из жизни на все вкусы посетителей духанов (например, “Кахетинский эпос”).

Выполняя желание заказчиков, художник неизменно (и неизбежно) присоединял к ним свои собственные Впечатления, которые продолжают разговаривать с нами на живописном языке по сегодняшний день. Они передают последующим поколениям ценную информацию о жизни на земле и, что самое главное, об отношении к ней художника, который, тоскуя и грустя, умудрялся дарить людям радость, и, ободряемый невидимым волшебником, продолжал любоваться жизнью и создавать своё мироздание.

Жизнь - это чудо, она должна длиться всегда, потому что Он её любит. Любит небо, землю, животных, людей, их повседневный труд и праздники, любит всё то, что называют банально - круговоротом жизни, а на его картинах – это праздник и священнодействие.

Эпос прославляет праздники и трудовые будни, не скрывает преступлений, которые, хотя и существуют, но не вписываются, по мнению Пиросмани, в земную красоту и благодать и, естественно, должны быть когда-то наказаны.

Лишённый всех благ жизни художник особенно остро чувствовал красоту и благодать и, как мог, всеми силами своей души охранял их присутствие на своих картинах, надеясь, что когда-нибудь с картин они перекочат на грешную землю.

Посмотрите, как она прекрасна! - говорят его картины.

Жанр - панно-эпос - подсказан художнику, по всей видимости, фресками, но освоен им по-своему. От фресок на панно - торжественность и значительность жизни с её священнодействиями, от самой жизни - многообразие самых неожиданных Впечатлений.

Панно находили себе уют в подвальных помещениях - духанах, где всегда было полутемно и в летние дни приятная прохлада освежала усталых посетителей этих заведений. Украшая духаны, живописные эпосы превращали их в некое подобие подземных храмов для бедного рабочего люда. Мажорный аккорд, явственно звучащий в воздухе полотен, менял атмосферу подвального существования во все сезоны - люди видели небо, плывущие облака, горизонт, за которым продолжалась жизнь.

Пиросмани, заполнив своими картинами и панно множество духанов, превратил их в выставочные галереи и очень этим дорожил и радовался, как ребёнок, который со сказочной шапкой-невидимкой на голове затеял со взрослыми интересную игру в прятки.

Картины были повсюду, а их не видели, (или не хотели видеть?), не замечали (или не хотели заметить?) А если не хотели видеть, то почему?

Много вопросов возникает к прошедшему времени, особенно, когда и настоящее просит ответа на вопросы из категории вечных.

К ним относится и вопрос о языке искусства.

Если возникновение на земле всех языков как средства общения является предметом изучения лингвистов, языковедов, культурологов, которым удаётся приоткрывать, если не секреты общения, то хотя бы структуры языков, их происхождение, влияние друг на друга и так далее, то язык искусства – совсем загадочный.

Откуда он — никто не знает, но, главное, он — общепонятен, доступен многим и способен объединять людей надежнее всех остальных языков.

Языку искусства не требуется переводчик.

В Нантском музее в дни выставки звучали грузинский и французский языки, и к ним присоединился язык живописи Пиросмани, который, приблизившись к двадцать первому веку, утратил свой младенческий лепет, помолодел и заговорил, наконец, на языке, понятном каждому зрителю без переводчика.

Большой художник создаёт свой язык, на котором он разговаривает с последующими поколениями, а нам, где бы мы не родились, предстоит окунуться в нём, как в роднике с живой водой, а после омовения или просветления постараться проникнуть в атмосферу этого языка, то есть, стать естественными спутниками планеты Пиросмани, чтобы расшифровать написанный для нас эпос-послание.

Во времена интернета позволительно на одно мгновение представить себе, как все поклонники Пиросмани собрались бы на виртуальный форум, где сейчас больше всего места. Это было бы своеобразное “сообщество любящих”, ибо в наше время нельзя любить только

Пиросмани, он теперь не одинок и давно примкнул к лебединой стае мировых имён, любовь к которым должна спасти мир, как утверждают провидцы.

Хочется им верить, хочется верить, что красота спасет мир...

Случается, что «простое» на первый взгляд оказывается, на самом деле, «сложным», потому что «сложное» часто предстает в чрезвычайно простом, незамысловатом виде, как лёгкое дыхание ветра в ясный солнечный день, нечто совершенно естественное, на что никто не обратит внимания.

Каждому из живущих на земле трудно поверить в то, что на их пути встретился гений, опередивший свою эпоху. Каждый представляет его по своему разумению, а вернее, не представляет никак, потому что гений – непредставим, всегда непредсказуемо новый, как сама «красота», которая может предстать в неузнаваемом виде, например, «такого мы еще не видели» или «что же это за безобразие?».

Но имеет смысл распахнуть глаза и душу, проникнуть в головоломки, предложенные законами не застывающей, бесконечно обновляющейся красоты, удивляющей современников, и встретиться с чудом.

А чудо – это что?

Чудо – это диво-дивное, то есть, просто-напросто – Удивление, с которого в жизни всё и начинается.

Удивление

Восприимчивому взгляду Пиросмани свойственно прежде всего безмолвное УДИВЛЕНИЕ перед собственной жизнью и судьбой, перед красотой мира и невозможностью её передать и высказать.

Но почему не попытаться найти пристанище своему Удивлению на полотне, если так велико желание?

Что художник и сделал. Его персонажи, удивлённые каждый по-своему, преподносят нам в качестве подарка своё удивление, родившееся от Удивления художника, не желающего взростеть.

* * *

Обнаружив вокруг себя красочный мир и пытаясь навести в нём порядок, чтобы никогда не страдать, Пиросмани решил переписать его на свой лад - в красках, подходя к ним с особыми мерками, известными и понятными только ему, мерками настолько эфемерными, что, казалось, места им на земле не осталось.

Например, одно из его измерений - его детское удивление по поводу того, что порядок, добро, любование в повседневной жизни повсечасно поглощаются безразличием, злобой и хаосом (смерть, не спрашивая, уносит самых близких, столь необходимых для его жизни людей).

“Я понимаю хорошо: богатые-бедные, белое-чёрное... Всё в жизни имеет две стороны: добро и зло. Вот белая корова – это символ нежности, спокойствия и любви, она даёт молоко, мясо, шкуру. Белый цвет - это цвет любви... Чёрный бык - он дерется, орёт - это война...”

Когда я пишу погибших ортачальских красавиц, я их помещаю на чёрном фоне чёрной жизни, но и у них есть любовь к жизни – это цветы, помещённые вокруг их фигур, и птички у плеча. Я пишу их в белых простынях, я их жалею, белым цветом я прощаю их грех”, - говорит Пиросмани. Всё странно в его словах.

Обратим внимание, что у Пиросмани непримиримые между собой цвета “чёрный-белый” вдруг предстали перед нами в новом качестве, найдя невинный способ примирения в виде птиц и цветов. Здорово!

Ну, что сказать? Это же немыслимая, но во все времена желаемая встреча мудрости, красоты и доброго взгляда одновременно. Такая встреча, к сожалению, - явление не частое, но она состоялась в творчестве Пиросмани.

После знакомства с Пиросмани для записей бесед с ним Илья Зданевич завёл "чёрную" тетрадь, благодаря которой много лет спустя мы слышим спокойный, рассудительный и взвешенный голос художника-философа, воспринимавшего жизнь со всеми её сложностями - жестокостью, несправедливостью, неблагополучием - и пытавшегося как-то уравновесить её присутствием в ней завораживающей красоты.

Мы слышим голос человека в тот момент его жизни, когда, наконец, кто-то начал к нему прислушиваться.

Кстати, следует уточнить, что у Пиросмани было два голоса и две интонации. Один голос — спокойный и взвешенный — это голос творца. Второй голос был неровный, взрывной, эмоциональный из неудавшейся обыденной жизни, которую он покинул, навсегда переселившись в мир творческих грёз.

У Пиросмани не только голос, но и мир вокруг него - контрастный, и отношение ко всему у него личное, пристрастное, он не просто рисует, он присутствует в каждой картине, создавая её по своему образу и подобию, вкладывая в неё непорочность своей души и сердца. А как ему это удаётся, хотелось бы спросить, но нет ответа.

Вот почему "у него получилось" сделать больше, чем он мог себе представить.

Удивление художника перед жизнью — это возникающие вопросы и одновременно блаженство постижения ответов на них в тот момент, когда в руках у него появилась кисть.

Ладо Гудиашвили оставил интересное наблюдение, что "у животных на картинах Пиросмани - взгляд самого художника".

Что же это за взгляд? Добрый, вопрошающий, задумчивый, внимательный и одновременно пронзительный, острый и пронзительный взгляд затравленного зверя, который, тоскуя и грустя, хотел рассказать нам о чём-то сокровенном, о чём теперь мы должны догадаться сами.

Удивление персонажей Пиросмани, передающееся зрителю, — это состояние его обособленности, незащитности, которые он чувствовал всем своим существом, и в то же время - это состояние своеобразной защищённости от всего, кроме судьбы, которой он не бросил вызов, а, доверившись (или смирившись с ней?), стал в её руках послушным инструментом, на котором зазвучала удивительная музыка.

Судьба распорядилась неповторимой гаммой звучания цветовых аккордов так, как ей было угодно.

Отрешённый от мирских соблазнов Пиросмани-художник предстал перед нами открытым и закрытым одновременно, в чём и состоит тайна его творчества.

* * *

Очевидцы оставили описание момента созидания, когда художник садился перед незаписанным ещё полотном (клеёнкой, картоном) и, мысленно обособляясь от окружающих, начинал сеанс магии.

А как по-другому можно назвать созданное Пиросмани?

Как бы ни стараться описать момент создания картины, он остаётся скрытым от посторонних глаз и довольно таинственным. (Конечно, можно попытаться его описать, но понять - вряд ли получится).

И. Зданевич, наблюдавший буквально с самого начала и до конца завораживающий процесс создания портрета "Актриса Маргарита", оставил ценные записи.

“Белый цвет Нико почитал цветом любви, доброты, символом душевной чистоты”, “белая Маргарита ожила на чёрном фоне”. “Быстро написанное в лёгкой и непринуждённой технике полотно — один из лучших портретов Пиросманашвили”.

Снова слова, заставляющие задуматься - “белая Маргарита ожила на чёрном фоне”.

Что значит “ожила”, каким образом она “ожила”? Воскресла из мёртвых или обрела бессмертие, став персонажем Пиросмани?

Если учесть, что Пиросмани к моменту встречи со студентами из ученика в собственной школе стал уверенным в себе мастером (имеется в виду, что он разработал найденные им приёмы и довёл их до совершенства), то станет понятно, что времени на раздумье он не терял, а сразу приступал к работе, распоряжаясь на удивление уверенно чёткими и лёгкими штрихами послушной ему кисти.

Думает ли художник во время работы о том, чтобы его картины были понятны каждому? И думал ли, в частности, об этом Пиросмани? Сомневаюсь.

Художник делает то, что у него получается, а получается у него то, что в нём запрограммировано. Когда, как, кем?

Творчество – это приключение со многими неизвестными ситуациями в пути и, как бы его не описывать, тайна становится всё очевиднее и неразрешимее.

«Чёрная тетрадь» И. Зданевича – первоисточник ценных наблюдений, на которых хочется обратить внимание.

«Обдумав композицию картины, её внутренний стержень и мысленно расставив на плоскости фигуры, Нико куском угля или карандашом чертил схему будущей картины. Когда ему всё становилось ясно, он приступал к выполнению картины, нанося легкими мазками контуры фигур, предметов. Пиросманишвили точно размещал на плоскости фигуры, угадывая форму очертания пейзажа и т.д. Он компоновал картину так, чтобы она смотрелась легко. Примером может служить «Кахетинский эпос».

И еще:

«Несколькими мазками Нико умел передать объемность. Рисунок Нико тесно связан с формой предметов, формой плоскостной, несколько условной».

Описание Зданевича – точное, но тем не менее не стало понятнее. Все художники садятся или стоят перед холстом, все берут в руки кисть, все окидывают взглядом пространство полотна, а дальше – объяснить уже невозможно, можно только констатировать, что вот – «у него получилось». Но главное, всё же увидеть, что «получилось»!

Часть вторая

Открытие Пиросмани

Молодые студенты Михаил Ле Дантю и братья Илья и Кирил Зданевичи, наконец, “увидели” и, как колокола, звонко и громко, восторженно и радостно с надеждой возвестили о присутствии в городе гения. Они были счастливы - их можно понять.

Но так совпало, что именно с этого момента (1912г.) начинается последний и самый трудный период жизни и творчества Пиросмани, чей силуэт, став представителем брэнного мира, неожиданно для окружающих обрёл смертную плоть, с которой, наконец, можно сражаться.

Но так как “плоти”, по сути дела, не было, то вокруг “имени” Пиросмани после того, как его “открыли”, началась “ожесточённая борьба”, длившаяся все последние шесть лет его жизни, что и стало для него самым тяжёлым испытанием.

Своей непохожестью ни на кого Пиросмани вызвал “благородное возмущение” “благородного сообщества”.

При попытке проникнуть в загадку жизни и творчества гения, обогащающего палитру видимого, возможного и невозможного, призванного будоражить, возмущать, удивлять, начали возникать “благожелательные баталии”, к которым художник не был готов. Борьба “вокруг имени” метко попадала в живую, беззащитную “мишень”.

Летописи или дневники, в виде “чёрных тетрадей”, оказывается, никогда не стареют.

Илья Зданевич, защищая художника, оставил несколько проникновенных и доброжелательных записей об особенностях неповторимой творческой манеры Пиросмани.

“Палитра художника состоит из немногих основных красок, он предпочитает несколько цветов на картине, не перегружая и не создавая пестроту цветов. С большим мастерством Нико варьирует немногие краски на холсте - то они гармоничны, то их сочетание контрастно.”

“Художник не допускает случайных мазков и цветовых решений; Нико собран и строг в своём колорите.”

“Изредка художник пользуется тенью как средством выразит форму предмета”.

“Фактура картин: дрова, шерсть барашка, щетина кабана — это его манера письма индивидуальная и неповторимая” (“Продавец дров”).

“Нико не изучал законы перспективы, он заменял их чувством ритма в расположении предметов на картине, и это сделало его перспективу и рисунок убедительными”.

“Художник писал свои полотна приёмом технически трудным и редким. Едва дотрагиваясь кистью до клеёнки (обычный материал, на котором работал Нико) легко набрасывал контур изображаемого. Затем светлыми красками - белыми, розовыми, голубыми и т. д. - он писал светлые места на картине: лица, руки, реку, луну, облака и т. д. То место, где был положен мазок кистью, вторично не закрашивалось”.

* * *

Множество дорог в искусстве ведут к непредсказуемому результату.

Как всё происходит внешне - можно описать, но объяснить, почему художник поступает так, а не иначе - практически невозможно, особенно, если нет “учителя”, на которого, обычно, ссылаются.

Ученики больших художников стараются быть максимально похожими на своего учителя-мастера - это называется “школа”, в которой можно на всю жизнь остаться учеником.

Недавние события - выставка неизвестной “Джоконды” в Лондоне - преподнесли наглядный урок.

Школа Леонардо да Винчи - это не только состав красок, приёмы художника - это проникновение в душу и в смысл загадочной улыбки, блуждающей на лицах персонажей Леонардо.

Не так давно обнаружили новую “Джоконду” одного из учеников Леонардо да Винчи. Сенсационная выставка картины в Лондоне наделала много шума. Которая из двух лучше?

Некоторым посетителям “Новая” Джоконда понравилась больше, чем самое известное произведение ищущего мастера, ставшее символом живописи, но несмотря на это талантливый ученик, который хотел превзойти своего учителя, так и остался одним из учеников Леонардо.

У Пиросмани не было учителя, он учился у самого себя, но, так получилось, что у него есть школа добровольных учеников, глядя на картины которых обычно говорят “работает под Пиросмани”.

Обратимся снова к наблюдению И.Зданевича, которое достойно особого внимания: “Картины Пиросмани писались, как правило, единым дыханием”.

Действительно, они написаны “на едином дыхании” или “не переводя дыхания”.

Дыхание в данном случае - единица измерения времени, быстроты или скорости в работе, но не только. Дыхание также признак и наличие жизни и Удивления.

В обычных жизненных ситуациях при удивлении глаза округляются, расширяются (увеличиваются), меняя выражение лица, а дыхание на мгновение останавливается. Поражённые удивлением люди останавливаются на ходу, начиная при этом о чём-то думать, как многие персонажи Пиросмани, как и сам художник, желающий их запечатлеть, чтобы породниться с ними, присоединив к их удивлению своё собственное. А удивляться было чему.

Молодые студенты, “открывшие” или просто-напросто “увидевшие” картины Нико Пиросмани, буквально остановились на ходу (остолбенели), как персонажи художника. Они имели представление о ценности в жизни прерванного дыхания, его роли в творчестве, причастности его к смерти и бессмертию. Счастливый дар удивление!

* * *

Осознание того, что происходит в момент творчества, отодвигается у художника на второй план, а на первый, как самое главное, как инструмент познания и двигатель самого творчества, выступает незаменимое УДИВЛЕНИЕ и желание оставить его на картине. Удивление обладает завидными чудотворными свойствами увеличивать интересующие (удивившие) предметы и уменьшать менее интересные.

Естественный отбор материала происходит при помощи никому невидимого “бинокля”, расположившегося между художником и окружающим его миром. Именно чудесный “бинокль” помогает поместить на полотне предметы, сколько бы их не было по мере их значимости.

Запечатлевая достойные кисти предметы, желая обратить на них особое внимание и представить значительными, художник нарушает пропорции и укрупняет их. Соответственно, другие - необязательные для него - тут же уменьшаются, тем самым подчёркивая разницу от произведённого ими Впечатления.

Всем знакомы неоднократно повторяемые в разговоре словосочетания - “большое впечатление” или “никакого впечатления”.

Сказать большой-маленький - легко, а как воплотить сказанное на полотне?

Неумолимый закон пропорций изучают, измеряя реальными и банальными сантиметрами. Гармония соответствий подлинного произведения искусства требует этого. Но соответствия и гармония — не статичны, они, как сама жизнь, наполнены движением и дыханием, без которых ни в жизни, ни в творчестве не обойтись, потому что полотно - сравнительно небольших и обозримых размеров (и к тому же оно - не безразмерно), а жизнь и её явления — безмерны.

Поэтому для постижения некоторых явлений или феноменов в искусстве понадобится применить новые технологии и в нашем скоростном, фантастическом веке переключить скорость на вполне приемлемую, то есть, вернуться в сказочное измерение этих явлений.

Не зря нам постоянно напоминают, что новое - это хорошо забытое старое. Сказки пока из моды не выходили и, судя по всему, не собираются выходить,

Представим себе, что в момент творчества происходит чудо, как в сказке.

Между миром и творцом возникает воображаемое (волшебное?) увеличительное стекло, помогающее ему справиться с соответствием пропорций - довольно сложной задачей, которую вполне сознательно выполняет, преследуя определённые цели, монументальное искусство.

Оно, как правило, заказывается кем-то за большие деньги в эпохи, когда монументальность считается одним из основных качеств искусства, крайне необходимых для утверждения власти и для удивления всех её мощью.

Но это - другое удивление. Оно не радуется, а, чаще подавляет громоздкостью и тяжестью. К Пиросмани оно не имеет никакого отношения (увеличенное — ещё не значит величественное).

Говоря об естественности изменения пропорций на картинах Пиросмани, не следует забывать немаловажное обстоятельство: перед нами не камерная живопись, которую рассматривают вблизи. Пиросмани писал картины, вывески, расписывал стены, украшая город, а не свой дом или мастерскую, которых у него никогда не было.

Всё это должно было смотреться издали даже при тусклом свете фонарей и ламп начала двадцатого века; живопись вынуждена была говорить о себе сама, ведь о ней все молчали довольно долго.

Удивление Пиросмани - это его открытость миру и ненасытность познания, и, конечно, главное - не размер персонажей и полотна, а дух, заселяющий его пространство,

Укрупняя или увеличивая фигуры животных и людей, не навязывая при этом своего удивления, художник одаривает их восхищённым взглядом, придаёт странным пришельцам величественную статью, облагораживает их и выставляет на всеобщее обозрение, чтобы ими любоваться. Чувство меры у Пиросмани - удивительное и непостижимое!

Примерно, как врождённое благородство - редкое качество человека, так Величественность - редкое свойство живописных персонажей. Её можно "уловить", отдалившись на некоторое расстояние от картин. В данном случае повелевают сами картины, отводя нас чуть подалее и помогая тем самым увидеть и почувствовать главное.

Многие, наверное, обратили внимание на эту естественную реакцию в музее: картины то приближают к себе, то отдаляют от себя.

На картинах Пиросмани не официальная и холодная монументальность, а возвеличивание красоты жизни, и его творчество — это музыкальная симфония, гимн жизни, торжественная литургия бытия со всеми его загадками.

Животные и люди Пиросмани - страшные великаны, чтобы пугать, а значительные и красивые, чтобы ими любоваться и тихо-чинно радоваться вместе с ними красоте и разнообразию мира, такого несовершенного и такого завораживающего.

Это редчайшее свойство художника зал Нантского музея позволило увидеть в новом свете (в прямом и переносном смысле этих слов) - издали и много лет спустя после первой встречи.

По воспоминаниям современников, Пиросмани был нетороплив, обладал врождённым даром самоуважения... поражая всех чувством собственного достоинства, никогда не унижался и не просил денег, когда ему "забывали" заплатить за проделанную работу.

Может быть, самоуважение и независимый дух художника поселились в его картинах? А где же им было жить, если не на избранной им жилплощади?

Но при слове "независимость" и Пиросмани возникает некоторая неловкость.

Пиросмани - одинокий и беззащитный, конечно же, был зависим от обстоятельств жизни, от своих заказчиков, которые были вправе, могли и смели бесцеремонно требовать и требовали за свои деньги выполнения всех своих желаний, прихотей, капризов. Надо же было им себя показать! Они, обычно, оплачивали краски, кисти, холст или клеёнку - материал для "маляра", как его называли. Художник был к их услугам, в их власти. Так казалось всем.

В грубой реальности, очевидно, так оно и было. Духанщикам был необходим ремонт, а "маляру" необходимо было рисовать. И хотя духанщики активно вмешивались в его работу, это не помешало Пиросмани достойно с ними сотрудничать, сохраняя необходимую дистан-

цию и недоступное им достоинство художника, которое никто из них не мог ни понять, ни принять, но все с нескрываемым удивлением признавали.

Может быть, и заплатили бы за работу, но он не просил, они явно и с интересом ждали, когда же попросит, но нет, никто из тех, кто не заплатил, так и не дождался, а в будущем был ещё щедро вознаграждён нищим скитальцем.

Видимость их власти была временной, условной, как и всё на белом свете, потому что Пиросмани был для них (и не только для них) человеком из другого, непонятного им мира. Они не понимали, что не было у него сил на сопротивление, он сохранял их для творчества.

Ему казалось (и он признавался в этом), что заказчики “иногда” портили его картины, настаивая нарисовать, например, зайца, где его не должно бы быть!

Мало ли что приходит в голову заказчиков?

Их, к счастью, было много. Они были амбициозны и требовательны, часто хитры и корыстны, встречались среди них и люди искренне жалеющие Пиросмани – безответного и исполнительного. Слова лишнего от него никто не слышал – “заяц – так заяц”.

Секрет в том, что запечатлеть того же зайца художнику доставляло только удовольствие, лишний мазок для него – продление его собственной жизни, которую он постигал, рисуя её.

Творчество Пиросмани в какой-то степени связано с “коллективным мышлением” – к нему поступало извне множеством идей, которые, возможно, и не возникли бы у него самого. Он выступал как бы в роли импровизатора, играющего музыку на заказанную ему тему на безошибочном в его руках инструменте, привнося в исполнение (в картины) свои тайные - невысказанные и невыполнимые желания.

Кто из заказчиков мог догадаться об этом? Никто.

Как поверить, что нечто подобное существует?

Долго об этом феномене Пиросмани никто не догадывался.

Заказчики, к счастью, говорили “что” следует изобразить, а не “как”.

“Заяц” воплощался его свободной кистью, к которой ни у кого не было претензий, и под его рукой превращался в “зайца Пиросмани”, заказы расширяли круг видимого мира и его представителей (кто хотел видеть море и корабли, кто горы, кто войну, кто охоту), и, спустя много лет, заказчиков забывали, а маленький и беззащитный “заяц,” как и все его животные, как и всё, к чему прикасалась рука мастера, начинало жить собственной жизнью.

А это значит, что акт рождения – самый таинственный в искусстве и жизни – состоялся.

* * *

Выставка Пиросмани в Нанте предстала как зрелище грандиозное и величественное, как гимн радости жизни, труду, материнству, красоте окружающего нас столь хрупкого мира, в котором добро, по тайному замыслу художника, когда-нибудь станет всесильным.

Интересно, что его картины не были ни утопией, ни вымыслом, ни преувеличением или фантастическими зарисовками. Это были сцены реальной жизни, согретые внутренним и малоизвестным источником тепла и света. Откуда он?

Трудно было поверить собственным глазам.

И это - примитивный художник?

До Пиросмани следовало дорасти, то есть непременно прибавить несколько десятилетий к студенческому возрасту, (“нет худа без добра” - говорят в таких случаях).

Наивный или Всезнающий?

Пиросмани вошёл в мир искусства с определением – “примитивный художник”. Так принято называть самоучек.

Ничего неправдоподобного и странного в этом нет. Все мы рождаемся на свет крошечными и беспомощными комочками, постепенно и почти незаметно для нас превращаясь во взрослых и независимых людей, что именно и произошло с Пиросмани и его живописью.

Понадобилось немало лет, чтобы недоразумение постепенно развеялось. Картины художника давно завораживают профессионалов и тех, кто собирается ими стать. Они присматриваются к его картинам с пристальным вниманием, учатся у него, в смысле, что-то берут себе (конечно, от большой любви).

Пиросмани когда-то и думать бы не посмел, и представить бы себе не мог, что он станет сокровищницей грузинской живописи и что художники многих поколений, очарованные кажущейся наивностью и простотой его творений, как чистую воду из глубокого колодца, будут черпать его “впечатления”.

И ещё долго не один художник будет уносить с собой к себе на полотно “кусочек” Пиросмани.

У Пиросмани не убудет!

“Школа” Пиросмани – чудодейственна, влияние Пиросмани сказалось на многих известных художниках не только в Грузии, но и за её пределами. Для того чтобы стать его “учеником”, достаточно было только “увидеть” его произведения, смывающие, как струи чистой воды, всё наносное. Именно с этого и начинаются все подлинные влияния.

Приезжающие в Тбилиси в то далёкое время, когда он жил в этом городе, не могли не заметить загадочные картины, оставляющие неизгладимое Впечатление яркостью, самобытностью и непоколебимой устойчивостью изображённого, как бы дающего понять, что всё сделанное - генетически ценно и непреходяще.

Его творчество - бесценный подарок Грузии, её узнаваемости в мире, потому что Пиросмани - единственный.

Сейчас появилось модное понятие - логос, и, не ведая, не гадая, Пиросмани стал логосом Грузии.

Не стоит недоумевать, возмущаться по этому поводу, а, скорее, радоваться, заранее смирившись с тем, что все мы рождаемся единственными в своём роде, но только некоторые из нас – неповторимы.

В биографии Пиросмани, возможно, самое интересное, что он стал воплощением идеи русского авангардизма.

Перед нами – наглядный пример того, каким образом воздушные “идеи”, лишённые плоти, одеяний, цвета, запаха, оживают, находя себе пристанище на земле. Пути идей, как и людей. – исповедимы.

Идея рождается бестелесной и безжизненной, и кто-то должен “вдохнуть” в неё жизнь, (ну, как бы надуть воздушный шар, который без воздуха никогда не шар). Таким “воздухом” для “идей” авангардистов, вещественным доказательством того, что их “идея” – живая, стали увиденные приезжими студентами картины Пиросмани.

Благодаря стараниям Ле Дантю и Зданевичей Пиросмани был впервые выставлен в Москве (1913) одновременно с Ларионовым, Н. Гончаровой и другими художниками среди детских рисунков, в которых, по мнению организаторов выставки, воплощалась полная свобода и независимость самовыражения, столь необходимые художнику.

Парадокс, что Пиросмани - великовозрастное дитя, измученное всеми возможными и немислимыми неурядицами жизни, стал воплощением этой свободы.

Откуда же взялась его свобода? И что такое на самом деле свобода?

Неужели это - обречённость (или покорность судьбе?) и приношение себя в жертву негаснущему никогда костру желаний?

Или, наоборот,- это самый жестокий выбор, отказ от всего лишнего, что могло бы помешать единственному желанию?

Жизнь Пиросмани - свидетельство этому.

Правда, что он нигде не учился, чтобы стать художником, и, с точки зрения профессионалов, - это невосполнимый недостаток личности, которую, при желании, можно наградить словами, несущими в себе отрицательный оттенок и снисходительное отношение к художнику - ограниченный, несведущий, неуч.

Что с него возьмешь? Надо же человеку чем-то заниматься — вот пусть и рисует, если так хочется! Он зарабатывает себе на кусок хлеба, делает, что может, главное, - приобрёл ремесло - расписывает стены, оформляет вывески, рисует свои “карточки” (так называли в своё время картины Пиросмани), берёт за работу недорого, человек - полезный, исполнительный и при всём этом - нетребовательный и немногословный.

В таком качестве Пиросмани пребывал долгие годы.

Более доброжелательное слово, применяемое к художникам без образования - наивный, что значит детский, неискушённый, симпатичный, несмотря на то, что не хватает широты взгляда, знаний, должного умения, мастерства, как иногда кажется.

Наивному художнику творчество прощается как детская шалость.

Можно ли применить эти слова “примитивный” и “наивный” к Пиросмани?

И да, и нет.

Образование и талант - разные понятия, ни одно из них не разменивается, которое из двух выбирать - никому не дано.

“Что есть, то есть”, “чему быть, того не миновать”, так, наверное, подумал Пиросмани.

А, может быть, и думать не успевал, так ему хотелось рисовать?

(Ведь тайна желаний ещё никем не разгадана).

Наивные, примитивные художники, может быть, и хотели бы учиться, но не так сложилась их жизнь. Они - самоучки, школой живописи стала для них жизнь, они учились без учителя везде и всегда, утром и вечером, где бы они не были: в поле, в горах, в церкви, на праздниках.

Наблюдательный взгляд художника никогда не отдыхает и, как охотник, подстерегающий дичь, подмечает детали жизни и коллекционирует Впечатления, приручая облака, пейзажи, людей, животных, создавая свою игру света и тени, добра и зла.

Секрет Пиросмани, очевидно, в том, что он относится к числу тех немногих избранных, кто был художником раньше, чем взял в руки кисть, всё в его судьбе служит доказательством этому.

Он сам избрал свой путь. Сам открыл свою школу, в которой был учителем и самозабвенным учеником, переходящим из класса в класс, и со временем из примитивных художников, каким его долгие годы считали, присоединился к авангардистам, затем модернистам, то есть, примкнул к современным художникам, а если быть точнее, то не современным, а вневременным. Есть редкая категория художников, которых с распростёртыми объятиями принимает каждая эпоха.

Современники почему-то часто ошибаются по отношению к людям, которые не вписываются в привычный и знакомый калейдоскоп впечатлений, соответствующий их вкусу.

Слова “модернист” и “авангардист” часто воспринимаются современниками как бранные, что-то вроде выскочки или даже хулигана, устраивающих периодически скандалы.

Авангард в армии - это впереди идущий отряд, настраивающий боевой дух армии, но подвергающийся самому большому риску. Почти как штрафной батальон?

Слово с воинственным “привкусом” авангардист — неудобоваримое в искусстве, оно настраивает боевой дух консерваторов, противников всего нового.

В слове “модернист” скрывается что-то временное и преходящее. Обычно, так и бывает, не все модернисты задерживаются надолго. Репутации слова явно мешает корневая связь с “модой”, с которой, независимо от возраста, многие не в ладах, отстаивая с ворчанием свои, как им кажется, незыблемые вкусы, а чаще, - прячущиеся за ними интересы.

К счастью, Пиросмани себя никак не именовал, он и не знал, что находится в штрафном батальоне, на передовой линии до той самой минуты, пока в тбилисской газете о нём не появилась хвалебная статья и не начались ожесточённые схватки “вокруг его имени”.

Время, вникающее в смысл непонятных слов, расставляет всё на свои места и снисходительно и милостиво прощает современникам их заблуждения.

Словесную неразбериху (“кто есть кто”) помогает утихомирить умиротворяющее и знакомое слово - “примитивный”, в котором нет ничего оскорбительного для творца. Производное от “prima”, что значит начало отсчёта - “первый”, оно, скорее, - похвала, признание, при условии, если художник остаётся и первым, и единственным.

Наречённые словами “примитивист”, “модернист”, “авангардист” прокладывают себе дорогу с трудом и некоторые из них, когда время уносит “в никуда” современников, остаются, и вдруг оказывается, что они - именно то, что всегда впереди, то есть, - само Вдохновение, посланное на землю Дыхание, непостижимое веками, чтобы жизнь продолжалась.

У Времени есть из чего выбирать. Как опытная хозяйка оно хорошо разбирается в свежести Вдохновения примитивистов, модернистов, авангардистов.

К словам “примитивный”, “наивный” присоединяется ещё одно, достойное уважения слово – “самоучки”, раскрывающее смысл самого бытия, а именно: ничто само собой не делается, следует учиться и постигать тайны искусства самому и всю жизнь. Художникам, переполненным удивлением, яркостью цветов и света, красочностью бытия, больше всего на свете хотелось бы каким-то образом запечатлеть Мгновение и вместе с ним оставить свидетельство своего пребывания на земле.

А, может быть, поделиться радостью открытий или открытием Радости, чтобы подарить её тем, кому она нужна? Как жить без радости?

* * *

Среди примитивных, наивных, авангардистских, модернистских картин встречается ещё редкая категория загадочных картин с уникальным видением мира и неистребимым желанием донести до потомков сказку под коротким названием “жизнь”, которая, к сожалению, часто бывает сурова к их создателям, не балуя вниманием, пониманием и заботой.

А что значит загадочные картины? Почему они загадочные?

Ответ на редкость прост. От них трудно отвести взгляд.

Кто нам сказал: “смотри, смотри!”, кто приковал наш взгляд, мы не знаем и, оглядываясь вокруг себя, никого не видим, в том-то и загадка.

Что же это? - допытываются любознательные люди, неистребимые на земле, пока на ней живёт Удивление, побуждающее вопрошать.

Неужели, набравшись смелости, картины сами окликнули нас? На каком языке? Неужели на языке всепобеждающей любви?

Отгадка, возможно, в том, что художник, “не мудрствуя лукаво”, оставил на картинах самое ценное, что есть на земле - своё личное отношение к миру, свидетельство своего пребывания на земле, которое как “вещество” иногда не растворяется веками.

Мир Пиросмани, а проще говоря, мир любви, который присутствует в каждой картине, созданной “по его меркам”, интересен со всех точек зрения. Это его собственный мир, доселе невиданный и неповторимый, яркий и убедительный, завораживающий, обезоруживающий кажущейся наивностью и одновременно захватывающий масштабностью и грандиозностью.

Откуда он?

На первый взгляд - он прост, а на самом деле - такой непостижимый, недостижимый и сложный, потому что из века в век и по сей день люди продолжают вопрошать: “А что такое любовь?” (Если бы знали, не спрашивали).

Может быть, это просто необходимая приправа ко всему, чем занимается человек и без этой приправы всё на свете теряет вкус? Приправа к живописи, музыке, пирогу и не только.

Обладатель Тайного Знания

“Мир любви” Пиросмани (с точки зрения внешних живописных признаков) невозможно похитить, не будучи замеченным. Все его узнают, где бы и у кого бы он не оказался.

Но только внешнего сходства недостаточно, потому что появляется этот мир благодаря удивлённому взгляду художника, а это возможно при одном условии, если человек родился художником. Ну, как слон рождается слонем, жираф - жирафом, каждому своё рождение.

Слон замечен сразу, его не перепутаешь с кроликом. Жирафа тоже.

А художник? Как узнать его?

Наверное, это тот, который рисует наяву и во сне ещё до того, как взял кисть в руки, долго не понимая, что он - приговорённый. Делать ничего другого он не может, просто не в состоянии: дышать и рисовать для него - одно и то же.

Как известно, денег за дыхание ещё никто никогда не платил, бедность, как тень в солнечный день, плетётся вслед за ним, вызывая насмешки и презрение преуспевающих.

Непостижимым образом мир «приговоренных» до поры до времени недоступен. Посторонним вход запрещен.

Незамеченные, непонятые, ни на кого не похожие – такие художники существовали во все времена.

Почему Они, а не Он? Разве их так много? Разве речь не идет о Пиросмани?

Конечно, о нём и о больших художниках, избранных Временем, к которым отныне принадлежит Пиросмани, проделавший огромный путь, перейдя из разряда примитивных художников в модернисты, то есть, он не остался в девятнадцатом веке, как застывшая капля, а присоединился к современности, которая оценила его и приняла в лебединую стаю избранных художников, где все – первые и единственные.

Покинув свое время, Пиросмани – обладатель тайного знания, как превратить реалии жизни в художественное полотно, называемое произведением искусства, продолжает жить, удивлять, радовать и вдохновлять.

Обладатель тайного знания? А что это?

Разве не странно, а скорее, не удивительно, с какой лёгкостью «примитивный» художник преодолевает преграды, лежащие на грани между реальной жизнью и зоной по ту сторону зеркала, которая называется искусством?

Во все времена на эту тему писались научные трактаты. Вопрос не успевает остывать, вечный и спорный он остается в программе каждого дня всех эпох.

Поэтому на него лучше всего поможет ответить сказка «Жил-был художник один», состоящая на самом деле из многих сказок.

Часть третья

Очарованные Странники

Есть на земле странная порода людей. Откуда они пришли, вроде бы всем известно, а вот куда идут - никто не знает и знать не желает.

Создаётся впечатление, что они следуют за путеводной звездой, которую кроме них никто не видит - мешают врождённые недостатки зрения.

И, вообще-то, как поверить, что “звезда” существует?

Естественно, возникают вполне резонные вопросы.

Каким образом этим странным людям известны звёздные пути?

А откуда эти пути известны птицам?

Тогда, ещё вопрос:

Может быть, странная порода людей - это инопланетяне, оказавшиеся среди нас? Инопланетяне - слово, само по себе внушающее надежду, что земляне не одиноки во Вселенной. Но, с другой стороны, как объяснить одиночество на земле?

Неужели все одинокие на земле - это инопланетяне, испытывающие желание пожить среди обыкновенных людей, чтобы отогреться рядом с ними от космического холода?

Много ли согрехшихся вы встретили на своём пути?

Можно пофантазировать на тему об инопланетянах, но вернёмся на Землю, кстати, - самую фантастическую планету, на которой обитает удивительная порода людей, принадлежащих к одному и тому же роду-племени, в какой бы стране они не жили. Странную породу людей можно назвать “очарованными странниками”.

Чем они очарованы и почему? - спросят некоторые, начисто лишённые очарования, не верящие в него и не желающие признавать его существование, в каком бы виде оно не предстало перед ними. По-своему, они правы.

Кто знает, откуда приходит очарование и кто его раздаёт очарованным странникам? Быть может, “очарованные странники”, на самом деле, — это разочарованные люди, которые в очаровании, всегда милосердном, принимающем всех с открытыми объятиями, находят себе приют на земле?

Доподлинно известно только одно, что волею судьбы очарованные странники разбросаны по всему миру, бродят поодиночке, но так уж им предписано, что рано или поздно все они должны встретиться в положенное им время, чтобы больше никогда не расставаться друг с другом.

Очарованных странников остановить не может ни голод, ни холод (судя по всему, закалённые холодом они - нечувствительны к колебаниям температуры).

Странные люди... так кажется всем без исключения, кто их видит.

Но, может быть, очарованные странники — это люди, которые заблудились во времени? Время не лес, но случается и такое.

Судя по всему, они появляются на свет слишком рано, как преждевременные дети. Они - здесь, но их время ещё не пришло (ну, нечаянно разминулись...), а когда придёт, никто не скажет, даже научные фантасты не решатся ответить, потому что речь, разумеется, идёт о странных людях, опережающих своё время, а затем вписывающихся в него “на все времена”.

В природе подобные явления, когда фруктовые деревья, обманутые тёплыми днями, зацветают слишком рано, забыв о чётком расписании календаря, известны под названием “аномалия”.

Раннее цветение фруктовых деревьев, обычно, кончается печально, но людям с другим измерением времени, неизвестном на земле, бывает уготована иная судьба, потому что Время, не спеша, само начинает идти им навстречу.

“Жил-был художник один...”

Название грузинской деревни Мирзаани в Кахетии как будто заикается от радостного удивления, что в ней во второй половине девятнадцатого века, в бедной крестьянской семье родился Нико Пиросмани (Пиросманашвили) (1862-1918).

Всего несколько относительно точных дат его жизни можно найти в энциклопедии, но они не имеют принципиального значения (даты и факты всё ещё уточняются), потому что перед нами странная жизнь, не вписывающаяся в календарь, состоящая из догадок и загадок: раннее сиротство, одиночество, незащищённость, неприспособленность, ранимость, незлобивость, отсутствие какого бы то ни было имущества и даже крова над головой.

Разве можно найти ответ, почему на его долю выпало столько потерь?

С восьмилетнего возраста — круглое сиротство и незащищённость. На глазах у ребёнка - полное разорение семейного гнезда: неожиданная смерть отца, матери, старшего брата, затем смерть старшей сестры - единственной опоры и надежды.

Но свет не без добрых людей - ребёнок выжил, хотя вся его оставшаяся жизнь - это неизбывное одиночество в ожидании очередного удара судьбы, несмотря на то, что, по свидетельству современников, он был красив и добр, взгляд его был грустным, но светлым и доброжелательным... Таким он был в молодости.

Известны только две фотографии, одна, сделанная в молодости: в белой сорочке, с бабочкой, а другая - самая известная - за два года до его исчезновения. (После собрания в Союзе художников художник Д. Шеварднадзе догадался повести его к фотографу).

Молодость и старость не задумываются о встрече и часто не узнают друг друга.

Для сравнения - два словесных портрета Пиросмани.

Вот портрет глазами женщины, помогающей по работе в молочной лавке.

"Какой красивый был мужчина! Здоровый. Стройный, как морской тростник... Даже женщина не бывает такой красивой, каким я его помню в молодости. Разрез губ, осанка, шея и уши, лицо у него были великолепны... До открытия лавки он носил черкеску. После - одевался на русский лад. Какой это был красивый парень!"

Спустя много лет Илья Зданевич описал первую встречу с художником: "У белой стены стоял художник в рваном чёрном пиджаке и мягкой фетровой шляпе, высокого роста, спокойный и независимый, но с некоторой затаённой горечью в обращении. Он писал кистью стенную надпись "Молочная", повернулся, с большим достоинством поклонился и продолжал работать, изредка репликами поддерживая разговор."

Молодой человек внимательно разглядывал лицо пятидесятилетнего Пиросмани:

"Большие чёрные глаза смотрели спокойно и серьёзно. Облик художника был примечателен: бледное лицо, обрамлённое небольшой тёмной бородкой и усами, дышало добротой и духовной чистотой человека искусства, оно напоминало лицо с фресок Грузии. Его скромность и отрешённость от суетной жизни, в которой ему уготовила место судьба, были поразительны".

Пиросмани при более близком знакомстве со студентом проникся доверием к молодому человеку (и он не ошибся!), Наконец, перед ним появился кто-то, кто мог и хотел его понять.

"Меня всегда удивляли черты характера Нико, его самообладание, застенчивость и чистота духовного мира. Он избегал шумных компаний в духанах, где ему приходилось жить. Гордость Нико вошла в поговорку, он не терпел соблезнований и решительно отказывался от "благотворительности" друзей".

Внешний облик в молодости и психологический портрет внутреннего мира пожилого человека и зрелого художника дополняют и не противоречат друг другу. От бродячей жизни исчезла красота молодости, но осталась чистота внутреннего мира, выделявшая его из окружающей среды и принимавшая участие в создании дошедших до нас картин.

Появившиеся с возрастом настороженность и недоверчивость (следствие пережитых потерь) оставили Пиросмани на всю жизнь беспокойное ожидание очередного удара судьбы. Он остро чувствовал враждебность мира: страх, неуверенность и незащищенность поселились в нём на всю оставшуюся жизнь. Бесстрашным и доверчивым он был только перед полотном.

Встречая людей, пытаясь заглянуть им в душу, он задавал всем один и тот же на протяжении всей жизни сказочный вопрос: “Вы пришли ко мне как друг или как враг?”

Кто друг? Кто враг? Какие у него были измерения?

Попробуйте ответить на такой наивный (или детский?) вопрос. Может, у кого-то получится...

Оставшись один на один со своей беспощадной судьбой, не озлобляясь от отчаяния, он избрал одиночество. Его слова – “один родился и один умру” – звучат не как неизбежность и обреченность, а как волевое решение и выбор избранного им пути – смиренное служение “ремеслу” (так называли окружающие его занятие живописью).

Многочисленные посторонние наблюдатели считали его неисправимым чудачком, “беднее всех на свете”, и всё только потому, что занимается он “делом”, не приносящим доходов.

“Все смеются над его уродливыми “карточками,” – чистосердечно признавались Зданевичу неискушённые в искусстве посетители духана, так же думали многие из современников Пиросмани.

Было бы совсем худо, если бы у Пиросмани не было среди них почитателей, обладающих интуицией, теми струнами, на которых могла зазвучать незнакомая музыка. К счастью, они были многочисленны, количество проделанной художником работы свидетельствует о его востребованности.

Не всякое “дело” – деяние – это правда, но в беспросветной жизни Пиросмани поражает, прежде всего, фантастическое превращение “дела” в “деяние”, с которого начинается бытие.

Но этого ни предвидеть, ни представить никто из окружающих (за редким исключением) не мог, ибо таковы проделки Времени, которое умеет преподносить приятные сюрпризы, нарушая однообразие и скуку самоуверенности.

Будучи беднее всех на свете, Пиросмани стал для современников воплощением одиночества и неприкаянности. Сейчас о нём бы сказали - БОМЖ - человек без определённого места жительства. Сохранились адреса подвалов, куда после дня бродяжничества и работы он приходил ночевать. Адрес подвала (ул. Молоканская 29), оставленный И. Зданевичем в опубликованной статье - это крик о помощи.

Подвалы разные бывают. Те, в которых ютился Пиросмани, были похожи на нору затравленного зверя, или на обитель святого, взвалившего на себя все грехи человечества и искупающего их непомерную вину.

“Только теперь я знаю, что такое жизнь”, – написал Зданевич после встречи с Пиросмани.

Ладо Гудиашвили оставил адрес подвала - ул. Потийская, 35, – где произошла встреча и личный контакт Ладо Гудиашвили и Давида Какабадзе с Пиросмани.

В обстановке, где “тусклый свет едва пробивается сквозь грязь и паутину захламленных окон, где мало воздуха”, “в чулане среди винных бочек он видел небо”. Странное видение...

Каморка под лестницей с маленькой дверью без окна, куда обычно ставят веники и вёдра для уборки и забрасывают ненужные предметы в подъезде невысокого, небогатого дома, недалеко от вокзала, где он нашёл себе пристанище в последние годы, - немного из свидетельств его одинокой жизни. Заглянув в каморку, трудно себе представить, что здесь можно было ночевать, дышать, продолжая оставаться “очарованным” странником.

Для современного человека, избалованного комфортом, было бы интересно составить путеводитель по Тбилиси (можно пешком) с остановками у подвалов, где он ночевал, украсив эти места плакатами или репродукциями своих картин.

Своеобразная дорожная карта скитаний художника по городу - “Маршрут Пиросмани” - хорошая школа жизни.

Французскими литературоведами в мельчайших подробностях изучен маршрут Жан Жака Руссо, который в своё время прошёл пешком из Женевы в Париж. Отмечены все остановки, трактиры, где он перекусывал и ночевал и где по сей день интересующимся жизнью Руссо предлагают обед, составленный из его явно незамысловатого меню. Живой учебник истории.

Что может быть лучше?

* * *

Статья Ильи Зданевича, появившаяся в газете в 1912 году, возвестила о необыкновенном художнике и одновременно о его бедственном положении.

Признание Пиросмани носилось в воздухе. Известность, возникшая после встречи с молодыми людьми (статья в газете, выставка картин в Москве (1913 год), затем встреча с художниками города и их денежная помощь, выставка картин в доме у Зданевича), не принесли никакого изменения в жизни художника, сделав его более ранимым и уязвимым.

Энтузиазм молодых людей разбудил в нём реальную надежду обрести светлую комнату, нарисовать за один месяц пятнадцать новых, “самых прекрасных картин “ и устроить выставку опять-таки с надеждой вытащить свои картины из тёмных подвалов на “белый свет”. Но светлая комната так и осталась его неосуществимой мечтой.

Однодневная выставка, устроенная Зданевичем в 1916 году (к этому времени братья Зданевичи приобрели около шестидесяти картин) привлекла тбилисскую публику. Лучшие картины Пиросмани предстали перед зрителем и вызвали естественное столкновение различных взглядов. Непримируемость взглядов, разногласие - серьёзное препятствие для взаимопонимания и признания, но именно с этого оно начинается.

Оказывается, многие видели картины Пиросмани, но считали ниже своего достоинства снисходить к “искусству неучей”. (Снобизм взглядов - переходит из эпохи в эпоху спокойным и, главное, невозмутимым шагом).

Но тем не менее в 16-ом году последовало приглашение “неуча” в Союз художников, где Пиросмани сидел, не скрывая Удивления, глазам своим не веря, что вот, наконец, он находится среди своих собратьев, как он называл художников.

Неужели это правда? Неужели достоин? ОН не верил самому себе!

Но для вечности остались свидетельства присутствующих - записанные и зарисованные наброски словесных и карандашных портретов этого события в жизни Пиросмани и, конечно, всех присутствующих.

Вслед за этим последовала денежная помощь в размере 200 руб., собранная художниками города. Пиросмани с трудом отыскивали, чтобы вручить эти деньги.

Снова удивление и сомнение. Друзья или враги? Миссия была выполнена Ладом Гудиашвили, который оставил ценные воспоминания о художнике.

По тем временам - это была большая сумма, которая могла позволить ему снять на несколько месяцев комнату, о которой он мечтал, но вряд ли Пиросмани был в состоянии распорядиться предоставленной помощью. Таких денег у него никогда не было, карманы, наверное, были дырявые и пустые, и хранить деньги ему было негде.

Работы в городе тоже поубавилось, он был свободен проводить время за столиками пивных, где его видели всё чаще в “хороших” компаниях, которые он раньше избегал.

Знаете ли вы, что вы - большой художник?- спросил Ле Дантю у Пиросмани при первой же встрече? Вопрос, согласитесь, способный вселить радость и надежду, вопрос - по молодости прощительный, но не по молодости зрелый.

Знал ли Пиросмани? Позволено ли знать такое? А если знал?

Не может быть ответа на такой смелый, щедрый, провокационный, окрашенный радостью первооткрывателя вопрос. (Только Время расставляет всё на свои места).

Измученный жизнью художник отвечал сдержанно, со свойственной ему благодарностью и, возможно, со вспыхнувшей в душе Надеждой.

Энергия молодых людей, их нескрываемый интерес к нему и восторг разрушили преграды, выстроенные между им и миром, и он разговорился.

Нарушив безмолвие, он стал рассказывать о себе, возможно, впервые в жизни почувствовав реальную значительность и смысл собственного существования.

К этому времени духаны были заполнены его картинами и панно, у него были почитатели, собиравшие его картины и ценившие их на “вес золота” (Татищев), а сам он оставался бездомным бродягой.

Первые ценители Пиросмани, собиравшие его полотна, достойны уважения. Они не ошиблись, и когда покупателей стало много, пришло их время - они охотно продавали картины, доставшиеся за гроши, хорошо заработав на них.

Пиросмани щедро отблагодарил всех за поддержку, не оставшись в долгу ни перед кем.

Трудности последних (знаменитых) лет жизни оказались чрезмерными. Война 14-го и изданный “сухой” закон, запрещающий рекламировать алкогольные напитки, уменьшили количество заказов на вывески. Многие духаны закрылись, что больно ударило по налаженному образу жизни художника. Какой тяжёлой жизнь ни была, теперь она стала для него невыносимой.

Вскоре после хвалебной статьи кто-то из “доброжелателей” опубликовал в газете карикатуру на художника, предлагая ему научиться рисовать, что, естественно, поразило его до глубины души; он не мог себе представить, кому понадобилось оскорблять беззащитного, безответного человека, стоящего уже на грани жизни.

На этот раз он столкнулся с мелким человеческим злом, а сил для сопротивления у него никогда не было.

“Они надо мной смеются? - спросил поражённый до глубины души Пиросмани тех, кто “преподнёс” ему газету.

Художник перенёс в жизни все возможные беды, а вот тяжести позора и предательства перенести не смог. Тяжесть оказалась неподъёмной, и он надломился окончательно: не мог придти в себя от недоумения, кому, чем и почему он мог помешать...

Не правда ли, какие простые вопросы?

Согласитесь, карикатура была не только неуместна, но и мало похожа на шутку, особенно для тех, кому в жизни не до смеха. Скорее всего, - это был злобный выпад.

(Карикатурист ведь был художником, и об этом забывать нельзя).

Сальери, ставший именем нарицательным, по всей видимости, был большой ценитель искусства, и с тех давних пор бьёт в цель без промаха.

Времена приходят и уходят, а Сальери остаются.

Совсем недавно, в 21-ом веке, кому-то в голову пришла интересная идея или затея (можно назвать как угодно) - устроить повторный суд над Сократом, который ещё до нашей эры затеял забавную игру со своими современниками, предлагая им занятные упражнения для поисков неопровержимости логических доказательств, но, главное, их целесообразности в жизни.

Сократ поплатился за своё свободомыслие и был приговорён к изысканной смерти, ему полагалось самому выпить чашу с ядом, что он и осуществил.

Затеянный спустя более двух тысяч лет виртуальный суд внушительным большинством голосов оправдал Сократа, но результат голосования - неоднозначен и весьма поучителен со многих точек зрения. Кое-кому Сократ продолжает мешать и в наши дни, и, представьте себе, их довольно много.

Из восьмисот человек, участвующих в голосовании, более двухсот не пожелало его оправдывать, считая виновным в вольнодумстве.

А разве художник-самоучка не вольнодумец?

* * *

Станный был человек, все так думали и говорили о Пиросмани.

Станный - буквально значит - не такой, как все, резко отличающийся от окружающих его людей, хотя внешне он был как все и даже лучше многих.

Речь идёт о психологических особенностях его поведения с окружающими людьми, которым не было надобности его видеть и понимать, а он, оказывается, и видел, и понимал, потому-то и спрашивал кратко, обезоруживая всех незамысловатым вопросом: “друг или враг?”.

Окружающие видели в нём жалкого кролика, а перед ними на самом деле был волшебник со своими, как теперь бы сказали, реальными и виртуальными владениями, в которые до поры до времени доступ для многих был закрыт.

Рядом с ним каждому казалось, что он выше, умнее, сильнее, как в общении с “неразумными детьми”, когда есть ещё надежда, что они повзрослеют и поумнеют.

Недоразумение и непонимание происходило, вероятно, от несоответствия между ограниченностью материального мира с его застывшими критериями и оценками и беспредельностью владений художника.

Вот почему он держался несколько высокомерно для своего бродячего положения – не любил соблезнований, отказывался от помощи. Кстати, чтобы вручить вторую денежную помощь от художников города, его долго искали, но не нашли.

В реальной повседневной жизни Пиросмани плакал и отчаивался, как дети, радовался и сердился тоже, как ребёнок - искренне и с полной самоотдачей, и с такой же самоотдачей, превращаясь в волшебника, он работал над своими картинами.

Интересно, что, будучи абсолютно неусидчивым и невыносимо беспокойным за обычным столом (как вспоминают очевидцы), он прилежно и неутомимо работал над картинами, не желая ни на что другое тратить время. Поразительно, что постоянно дрожащие руки не подводили его в тот момент, когда он создавал поющие линии.

“Мой талант устал ждать,”- сказал он опоздавшему на сеанс И. Зданевичу.

Чего стоит одна эта уникальная фраза, преисполненная самоуважения, искренности, открытости с теми, кто его поймёт.

“Странный “ - слово многогранное, из одного гнезда со словом странник, а странник странствует по какой-нибудь стране, проходит мимо всех стороной, не потому ли, что сторонится? Не странно ли, почему?

Странные люди – странники...

Они вызывают удивление у всех остальных – обыкновенных людей, которым никто не удивляется и которые сами предпочитают не удивляться, потому что среди них принято думать, что ничего удивительного в этом мире нет, а удивляются только «недалекие» люди.

Так всегда называют не очень умных и дальновидных людей, которые, далеко не заглядывая, живут в мире странных грёз, следуя за путеводной звездой, которую никто из окружающих людей рассмотреть не может, а на земле принято считать, что лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Толковать, что лучше, можно по-разному.

Легко ли понять людей, живущих под открытым небом, как птицы небесные, которые, отправляясь в дальний путь, ориентируются по звездам или прислушиваются к магнитным волнам?

Решайте сами.

* * *

Живется странникам нелегко, хотя живут они налегке – ничего-то у них нет, кроме Времени, чьё дыхание каждую секунду они чувствуют у себя за спиной и которое на доступном им языке (наименее изученном, хотя он существует испокон веков) о чём-то рассказывает.

А если Время начинает разговаривать, уговаривать, заговаривать, то об этом обязательно узнают когда-нибудь потом, с небольшим опозданием, как принято у людей.

Кстати, опоздание – подножка времени – естественное и простительное состояние очарованных странников, спешить им некуда и незачем, их время неизмеримо доступными приборами и замечает все следы, оставляя неизгладимые.

“Жил- был художник один...”

Кто же это? Ошибиться невозможно, но всё-таки, если вы ничего не слышали о нём, то знайте - это тот, о ком уже давно слагают стихи и песни поют и с кем произошла, как в сказке Христиана Андерсена, удивительная и совершенно необыкновенная история - превращение Гадкого утёнка в прекрасного Лебедя.

Неужели и в жизни случаются подобные превращения?

Кто ими занимается?

Когда речь заходит о волшебстве, возникает много праздных вопросов, потому что испокон веков люди любят слушать сказки о чудесах и волшебниках, но отказываются их видеть и признавать, когда они оказываются рядом.

Где же обитать волшебникам, если не на земле и не в нашей с вами жизни?

Неужели кому-то удалось посетить другую планету, где в них никто не нуждается?

На всякий случай для тех, кто категорически не верит в волшебников. Достаточно заменить это сказочное слово, давным-давно вошедшее в обиход, рациональным словом “феномен”, что значит - исключение из общего правила, явление из ряда вон выходящее, не подлежащее классификации, но нуждающееся в изучении, и мгновенно кому-то может показаться, что для тайны места нет, и на душе как будто станет спокойнее.

Перед явлением “феномен” люди просто разводят руками, не знают, что с ним делать, как если бы в доме появилась лишняя вещь, поставить её некуда, что делать с ней, не знает никто, и первое, что приходит в голову - это не замечать само явление.

Явление непонятое или непонятное? Одновременно и одно, и другое.

На земле прижилось неписаное правило - чего не сказано, того нет.

А на самом деле, оказывается, что это - "как будто бы нет" - игра такая для взрослых и детей: "да" и "нет" не говорить, "чёрное" и "белое" не называть и т. д.

Но для восстановления равновесия мира правила "игры" всё же нарушаются. Заговорили студенты о Пиросмани, и он появился.

Перед нами неопровержимое доказательство, что «молчание» - не всегда «золото».

Говорите, пожалуйста, и всё появится «по щучьему велению», как в сказке.

«Гадкий Утёнок»

То, что птицы разные бывают, всем известно.

Но видят ли они друг друга? Об этом и сказка Андерсена «Гадкий утёнок». Очень красивая сказка, особенно конец. Слушайте...

Утки, сами по себе, - незаметные маленькие водоплавающие птицы. При виде уток никому не хочется воскликнуть даже два слова: «Посмотрите, посмотрите!», не говоря о том, чтобы их разглядывать и смотреть на них часами, не отрывая глаз.

Лебеди – тоже водоплавающие, но им явно не повезло. От них невозможно отвести глаз.

Какая стать и плавность! Какая белизна! Какая отрешенность от суеты утиной.

Когда обе птицы оказываются рядом, разница особенно заметна.

Поэтому утки, если сказать правду, лебедей просто не замечают, не их это дело любоваться белизной их оперения, величием лебединого скольжения по зеркальной плоскости воды.

Зато лебеди очень чувствительны к утиному пренебрежению, к их незнанию или непониманию, что лебеди, увы, тоже существуют.

Об этом и сказка.

Не надо только попрекать уток за близорукость, потому что рук у них нет, а крылышки маленькие, крепкие, именно такие, чтобы выжить, а для этого, как известно, не следует особенно выделяться. В природе закон сохранения, спасая виды от гибели, работает безошибочно. На уток охотятся, их едят, а их всё равно много.

А лебеди - несъедобны. Что с них возьмёшь? Пользы ведь никакой нет.

Неужели только любоваться?

Но любоваться - ещё надо уметь, научиться же этому искусству трудно, хотя иногда предоставляются все возможности в виде маленьких недоразумений, случайностей и даже аномалий, происходящих в жизни, в которой, как в сказках, тоже всякое случается...

Каким образом к уткам попало лебединое яйцо - неизвестно. Если это не тайна, то естественнее предположить, что произошло не маленькое, а большое недоразумение.

А, может быть, это было испытание свыше, посланное и для яйца, и для уток?

Яйцо - большое, неудобное, для уток - явно не по росту, но они справились с непонятным явлением, обращаясь с яйцом, как со своим собственным, и в положенный срок, как и полагается, из яйца вместо утёнка вылупилось нечто огромное, неуклюжее, несуразное, непослушное, совсем непохожее на грациозных утят, хорошо сбалансированных, которые сразу же ведут себя, "как утка в воде".

Утки - в отчаянии, не знают, что делать с "гадким утёнком", учат его хорошему тону, но научить ничему не могут: он и плавает медленно, и крылья у него слишком длинные и широкие, как взмахнёт ими - всем мешает.

А бедный лебедёнок (вы догадались, что это был он) не знает, куда ему от стыда деться, всё - не то, всё у него не так, как полагается. Явно запоздалое развитие.

Так среди уток, не в своей тарелке, как говорят среди людей, жил некоторое время затюканный утками маленький лебедь. Нелёгкая была жизнь!

Но однажды или, как говорят, в один прекрасный день на водоём, где среди уток жил уже успевший подрасти лебедь, опустилась стая перелётных птиц невиданной красоты. Таких великолепных и ослепительных маленький лебедь никогда не видел, и от восторга он забыл о стыде, забыл, что не надо высовываться, чтобы не клюнули, и неожиданно для самого себя плавно выплыл к ним навстречу, потупив лебединый взор.

Будь что будет!

Белоснежные птицы, щедрые и великодушные, не скрывая восторга, ахнули. Оценив его красоту, для измерения которой у них были все принадлежности и приборы, дарованные им природой, они сразу узнали в нем своего собрата.

А затем, как обычно происходит в сказке с хорошим концом, прилетевшие птицы, склонив в грациозном поклоне лебединые шеи, пригласили «гадкого утенка» в свою лебединую стаю, как желанного и долгожданного, единогласно избрав его самым прекрасным лебедем.

Взмахнув в знак согласия белоснежным облаком крыльев, они взлетели, чтобы продолжить свой непредсказуемый путь, навсегда уводя с собой «гадкого утенка».

А утки?

Заметили ли они исчезновение лебедя? Затосковали ли о нем?

Много вопросов возникает, потому что подобное случается не только среди птиц. Вечные вопросы о том, что важнее - «чаша» или «вино»? Лебеди или утки?

Но в жизни чаще всего людям не хватает то «чаши», то «вина».

Но об этом – в продолжении всё той же невыдуманной сказки.

Жил – Был Художник Один...

– это продолжение

И был он волшебником, но об этом никто не знал, даже не догадывался, потому что был он одинок и беден, не было у него ни хором, ни прислуги, ни вещей, ни-че-го, кроме маленького чемоданчика, в котором хранилось всё его “добро”, а вернее, - сокровище, состоящее из красок и кистей, которые в его руках умели преобразовать серые будни в праздник жизни.

Много это или мало для волшебника?

Ответ зависит от вашей личной точки зрения на волшебство, а также на разделение дней нашей жизни на праздники и серые будни.

Но откуда в обыденной жизни берутся волшебники? - вправе спросить взрослые и дети. Об этом мы узнаем позже, а для спокойствия можно заменить воздушное слово “волшебник” научным словом - “феномен”, и от волшебства не останется следа.

Но так как всё происходило очень давно, не будем лишать себя удовольствия погрузиться в самую удивительную сказку под названием “жизнь”. Тем более не будем лишать язык воздушных слов, которые могут ещё когда-нибудь пригодиться или даже понадобиться кому-то, особенно в наш непредсказуемо фантастический век.

Пусть художник остаётся художником-волшебником, рождённым, чтобы преобразовать будни в праздник жизни - извечную мечту человечества, где добро торжествует, а зло наказано, как оно того заслуживает.

А зачем преобразовать серые будни?- спросят некоторые из предосторожности. - Пусть будет так, как есть, и пусть будет то, что видит каждый из нас. Не надо ничего преобразовать. Волшебников в жизни не так много, особенно добрых.

Осторожность следует умеренно дозировать.

Пусть будет так? Как?

Если хорошенько задуматься, два противоположных мнения, встретившись в один из дней, наверное, никогда не сойдутся, но и разойтись не смогут. Они соседствуют друг с другом для контраста, как “да” и “нет”, как “чёрное” и “белое”.

Что делать?

На всякий случай задать ещё один вопрос.

А вдруг у кого-то из тех, кто не хочет расставаться с серыми буднями, в сердце застрял осколок кривого зеркала, разбитого злым колдуном на мелкие кусочки тысячи лет тому назад для того, чтобы некоторые из нас всё видели вкривь и вкось (трудно излечимый изъян зрения, обнаруженный не офтальмологами, а великим сказочником Христианом Андерсеном)?

Сказки не стареют, а переходят из одной эпохи в другую, не испытывая неловкости из-за того, что детский возраст - явление непостоянное, преходящее.

Тем более, что и взрослым, и детям трудно объяснить, что значит “вкривь и вкось”. Несовершенство линий? (Каких линий?) Ограниченность взгляда? (Какого взгляда?).

Много вопросов можно задать по этому поводу, но доподлинно известно, что те, у кого застрял в сердце осколок от разбитого злым колдуном зеркала, даже плакать не умеют, не то, что радоваться, настолько у них холодное, корыстное, нелюбящее сердце. Мир в осколках кривого зеркала злого колдуна - это ломаные линии и насмешливые гримасы неумолимого времени. Мироздание в нём исчезло.

Что же делать?

В доброй сказке Андерсена рекомендуется заплакать горячими слезами и плакать до тех пор, пока холодное сердце не растает и потоки горячих слёз не унесут злополучный осколок.

Но существуют, оказывается, сердца, недоступные для осколков злых колдунов.

Осколки зеркала злого колдуна, оставляя на сердце раны, тут же смываются кровью сердца, не позволяющего злополучным осколкам поселиться в нём.

В жизни Пиросмани пролил так много горячих слёз, что в его израненном сердце не осталось радости. Потом из его сердца ушла горечь, и не осталось в израненном сердце, орошённом слезами, ничего, что могло бы его омрачить, потому что в нём появились светлые видения, которые просились на полотно.

Что за причуда? Откуда пришли светлые видения?

А сам свет откуда?

На эти вопросы не ждите ответов.

Главное – это доказательство, а «светлые видения» перед вами, как только вы оказываетесь в зале музея перед картинами Пиросмани.

Покинув подвалы, они заняли светлые просторные залы, куда с разных стран приезжают очарованные странники для встреч с ними, чтобы только взглянуть на них и увезти с собой «Впечатление» и «Настроение» Пиросмани в другие страны.

Поэтому на некоторое время можно договориться: пусть будет так, как видел художник с добрым сердцем – Нико Пиросмани, и пусть будет то, что оставил его добрый взгляд, замороженный сверкающей радугой.

У нас нет другого выхода, потому что художник-волшебник щедро одарил и наградил нас всех неизвестно за что, оставив запечатлённые на плоскости видения под коротким названием «жизнь», которым нет цены, и мы все – его должники.

Поэтому, переселившись в очередную сказку, продолжим повествование о приключениях художника-волшебника и о том, как возник чёрный цвет.

Как? Неужели его не было? – воскликнут некоторые.

Это произошло в незапамятные времена, так давно, что не мудрено и забыть...

Радуга

Радуга, как всем известно, испокон веков обосновалась на небе и живёт себе там, то появляясь, то исчезая, как гостя редкая, но желанная, хорошо знающая себе цену. На неё глядя, на земле люди радуются.

Как-никак - небесное зрелище!

Возникает радуга при благоприятных обстоятельствах, как бы “вдруг”, раскинувшись во всю ширь неба яркой дугой, чтобы все ахнули - так её лучше видно, и ей самой привольно и легко. Чистая радость!

Любуйтесь!

Появление Радуги всегда настолько радостно, что её так и назвали - дугой радости, хотя словосочетание немного странное... Дуга есть дуга, а радость - это радость.

Позже люди одумались и из двух несочетаемых слов (как можно сгибать радость в дугу?) появилось одно, короткое и звонкое - “ра-дуга”.

Поработал мастер: переставил слова местами по степени их важности, убрал всё лишнее, пряча драгоценное слово “радость”, чтобы его не сгибали в дугу, и получилось одно поющее слово - ра-дуга, вошедшее в обиход повседневной жизни, что на самом деле значит - радостная дуга.

Что правда, то правда, у Радуги всегда хорошее настроение, и она несёт его всем, сверкая “цветами радуги”, чтобы внизу, на земле, не забыли, как их много - выбирай любой.

И каждый, из тех, кто поднимает голову, действительно, присматривается и, если хочет, выбирает.

Радуге нравится небесный порядок цветов, как красиво все они смотрятся с плавными переходами одного цвета в другой, называемыми оттенками, как нежно относятся друг к другу, оказавшись на высоте, откуда они видны всем.

Кто из нас в детстве не слышал код Радуги: Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан? (Это значит: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый).

Словом, живой учебник гармонии - наглядное пособие, для тех, кто не верит в неё.

Вольготно чувствовала себя Радуга на небе, но взглянуть на себя ей было не дано. На небе не было ни одного зеркала, в котором она могла бы полюбоваться собой, чтобы убедиться в своей неотразимой красоте.

И вот однажды ей захотелось спуститься на землю, чтобы поближе взглянуть на неё, прогуляться (попутешествовать кому не хочется?), и, что греха таить, ей не терпелось узнать, почему люди так радуются, на неё глядя?

Для этого ей надо было покинуть небо, на котором она надеялась оставить след или отблеск, чтобы найти обратный путь.

Желание её было так велико, что она отправилась вниз без предосторожностей, позабыв об опасностях, которые могли подстергать её в пути.

И тут всё началось. Неожиданности ждали её на каждом шагу, на каждом повороте.

Путь к земле оказался долгим и непредсказуемым. Чем ниже она спускалась, чем дальше уходила от солнечных лучей, тем темнее становилось вокруг...

Радуга не успела заметить, когда и где у неё вдруг исчезли один за другим все оттенки. Она почувствовала себя неуверенно, потому что перестала узнавать цвета. Потеряв оттенки, они вдруг обеднели, и такие мирные на небе, вдруг стали колючими, сварливыми, неуступчивыми. Между ними возник сначала спор, какой цвет самый главный, а потом разразилась настоящая ссора.

Расстроенная Радуга спускалась всё быстрее и ниже, земля была совсем близко, но никто её не встречал возгласами восхищения, как это было всегда, когда она занимала своё почётное место на небе.

Она была совсем близко от земли, когда вдруг произошло нечто непредвиденное и невероятное. Солнце скрылось, стало совсем темно, цвета перемешались во время ссоры, потеряли друг друга и... вдруг исчезли, превратившись в один чёрный цвет, которого Радуга никогда не видела, потому что никогда по ночам не прогуливалась (в этом она была уверена).

Погрузившись во мрак чёрного цвета, в котором, сражаясь друг с другом, погибли все цвета, обесцветившаяся Радуга погасла.

Она не на шутку испугалась, что навсегда останется на земле, где её никто не увидит и где она, лишившись многоцветия и радости, не сможет никого больше порадовать.

Обратный путь наверх показался ей невыносимо трудным. В темноте ночи Радуге нечего было делать, поэтому она благоразумно свернулась в шар, и, возможно, затерялась бы среди всех земных шаров и шариков, если бы не наступило утро.

“Утро вечера мудренее,” - так обещано во всех сказках, так что всегда дожидайтесь утра.

С восходом солнца произошло каждодневное чудо.

Радуга не знала, что для тех, кто на рассвете ходит с опущенной головой, солнце зажигает каждую каплю росы по её образу и подобию. На небе ведь не было ни росы, ни зеркал, но доносились всплески непонятной земной радости, с которой ей хотелось встретиться и, когда несметное количество капель засверкало “цветами радуги”, ей тоже стало легко и весело.

Увидев себя в капле, как в зеркале, которого ей так не хватало, когда она смотрела на землю свысока, Радуга успокоилась. Не зря она проделала опасный путь - желание её сбылось.

Но капли росы - наместники радуги на земле - смотрели на неё удивлённо, не узнавая её.

Радуга вспомнила о своём путешествии, о том, что она потеряла все цвета и свой облик - шар есть шар, а не ра-дуга.

Как проделать обратный путь, чтобы капли её узнали? Как примирить поссорившиеся цвета?

Ей оставалось одно - снова надеяться на чудо, как и положено в сказке.

Взошедшее солнце занялось каждодневной работой, осветило все углы и закоулки, незаметно (по мановению руки) превратило свернувшийся от неуверенности и страха шар в радостную дугу, и, вернув ей сверкающие цвета, указало дорогу на небо. Потому что небо без радуги, какое же это небо?

Благоразумное Солнце не забыло позаботиться о том, чтобы оставить чёрный цвет на земле, для начала окрасив им вездесущую тень.

С тех давних пор чёрный, отделившись от всех остальных цветов, стал весьма почитаемым цветом, но только - самым таинственным и загадочным из всех цветов.

Каким-то образом все узнали и навсегда запомнили о неудавшемся путешествии Радуги и о сражении цветов друг с другом, которое, к сожалению, с тех давних пор и по сей день на земле так и не прекратилось, поэтому чёрный стал цветом небытия, траура и грусти.

Но память разная бывает. Многие не смогли или не захотели забыть, как великолепно солнце вернуло радугу небу, поэтому чёрный стал также цветом высокого торжества, без которого на земле не обойтись никак.

Проделки Волшебника

После приключений любопытной Радуги, о которых многие предпочли забыть, считая их сумасбродством, на земле неизвестно откуда стали появляться волшебники, желающие вернуть все цвета, исчезнувшие в чёрном. Согласитесь, обратный процесс – занятие не из лёгких, даже для волшебников. Поединок ведь неравный.

Но речь пойдет именно об одном из волшебников, кто бросил вызов всемогущему небытию, посмеявшегося вторгнуться в его жизнь и опустошить её, не оставив ни одного яркого цвета, то есть, - ни капли радости. А без радости как жить? Как вернуть её себе и людям?

Для начала Волшебник пожелал вернуть на землю все цвета, исчезнувшие в чёрном, но, чтобы никто не догадался о его добрых намерениях, он выбрал окольный путь и, запутав все следы, решил предстать перед людьми в виде бродячего художника, на которого никто не обратил бы серьёзного внимания и не помешал бы ему выполнить задуманное.

Поверьте, он был настоящий волшебник!

Возвращение цветов, как вы понимаете, было заранее согласовано с Радугой; к счастью, некоторым художникам, особенно волшебникам, удаётся наладить с ней добрые отношения.

Высокое положение Радуги, её неоспоримое мнение и превосходство сыграло свою роль - примирение цветов должно состояться!

Извлечение цветов из небытия, как и восхождение Радуги на небо - явления из области забытого чуда. Позже в поисках чудес возникла загадочная наука - алхимия цвета, научные поиски которой успешно продолжаются до наших дней.

Но бродячий художник (он же и волшебник) не пошёл путём научных поисков, он очень торопился прояснить ситуацию, возникшую по недоразумению.

Не вникая в научные открытия, он затеял интересную игру, которая называлась “Один против всех или все против одного???” (Имеются в виду не люди, а цвета).

Примирение между землёй и небом (чёрным и цветами Радуги) как-никак должно состояться. Все только этого и ждут.

Явная несправедливость утвердившегося между цветами неравенства требовала вмешательства (все — небесные и только чёрный — земной), и затеянная игра (не воевать же с ними!) могла ответить на вопрос с тремя вопросительными знаками.

Какой цвет какому мешает???

С тех пор, как Радуга побывала на земле и оставила поссорившиеся цвета, создалась странная ситуация: люди стали носить чёрные одеяния, но не расцвёл ни один чёрный цветок. В живописи чёрный не допускался ко всем остальным цветам и воспринимался как персона non-grata. Из создавшегося положения необходимо было найти выход.

Чтобы примирить цвета между собой, художник - волшебник устроил мирное состязание чёрного со всеми остальными цветами.

Так у него возникла гениальная идея чёрной клеёнки, не записывая которую, а только очерчивая её своей волшебной кистью, чтобы не губить земной чёрный цвет, он вводил его в пространство создаваемого им предмета, своим замысловатым приемом полностью обезоруживая «чёрный».

Такого успеха у чёрного цвета еще никогда не было. Окаймлённый любым цветом он превращался, если вы обратите внимание на картины, во что угодно: одежду, усы и брови, цыплят и даже в небо, по которому, как ни в чем не бывало плывут белые облака, как будто оно синее или голубое.

И, представьте себе, - «никто не проиграл». (В играх это называется «ничья»).

В соревнованиях красок восторжествовала победа.

Примирение между цветами не только состоялось, но чёрный, чтобы окончательно примириться с остальными цветами (следует отдать должное его благоразумию) и смириться с тем, что он отныне – один из многих (ну, может быть, самый галантный и элегантный из цветов), в знак своего законного присутствия зажег в картинах художника магический свет.

А чтобы остальные цвета предстали чистыми, поющими и радостными, чёрный цвет незаметно ушел на задний план картин, уступив место всем остальным цветам, даруя им свое магическое сияние.

Представительница земного чёрного цвета – клеёнка, которую Пиросмани использовал для своей игры, вошла в историю живописи как наглядное пособие того, что для примирения все средства хороши.

У волшебника было доброе и незлобивое сердце, его игра с тех пор понравилась, если не всем, то многим художникам, а небытие, побежденное смелостью волшебника, сложило оружие, устранившись навсегда с его пути.

Часть четвёртая

Время

Бесстрастное и, как нам кажется, равнодушное время, на самом деле, доброжелательно к добрым волшебникам и готовит им щедрые подношения, исполняя их самые тайные помыслы и желания, которые могли им однажды присниться.

Кто знает, не само ли Время посылает им немыслимые и непонятные сны?

Судя по всему, Время не забывает своих обещаний.

Все картины художника, собранные заботливой рукой, выставлены в прекрасном светлом зале, освещаются откуда-то сверху льющим светом, а после захода солнца лёгким щелчком зажигается “новый” свет и горит долго, не мешая вечерним посетителям музея любоваться картинами.

Не выставка ли это в Нантском музее?

Пусть не сразу, а когда-нибудь потом, сколько бы времени не прошло, сны, навеянные Временем, сбываются по его же велению, когда оно неторопливо, но уверенно перелистывает страницы столетий.

Художник родился в девятнадцатом веке, умер в двадцатом, за окном двадцать первый век, его имя в Грузии известно каждому (и не только художнику).

О нём пишут книги, стихи, песни поют, защищают научные труды. В родном городе и в разных странах мира устраиваются его выставки. Находчивые соотечественники в Грузии и за её пределами именуют рестораны, обещающие “пир”, его красивой фамилией - Пиросмани, которую, при желании или незнании, можно принять за итальянскую. (Модильяни, Матростяни...).

Судьба художника оказалась непредсказуемой своими превращениями.

Сейчас уже трудно выяснить, как всё произошло: то ли волшебник стал художником, то ли художник превратился в волшебника, но во всех случаях без волшебства не обошлось, тому много доказательств.

Его картины были подняты из темноты подвалов на свет божий, которого они были лишены довольно длительное время.

Казалось бы, картинам предстоит пройти через серьёзные испытания, встретившись с всемогущим соперником - светом дня (солнечным светом).

Неравный поединок? Судя по всему, да. И вот почему...

“В картинах Пиросмани отсутствует солнечный свет, блики, лучи солнца, они заменены ровным светом одной силы.”

В наблюдении И. Зданевича появились загадочные слова - “ровным светом одной силы”. Что же это?

Спустя много лет свет картин Пиросмани не померк перед дневным светом, не устыдился его... более того - продолжает сиять.

Не свет ли это его души?

Вот бы расширились от удивления глаза у современников Пиросмани, узнай они, что перед ними в жалком силуэте художника мелькает мировая знаменитость, и всё это - проделки Времени, исполнение его скрытых замыслов, которые в один из дней становятся непрекаемыми и явными для всех.

* * *

Не так давно о художнике запели новую песню, но, конечно, не о том, как он живописал, а том, как подарил любимой женщине миллион алых роз.

(Даже если учесть масштабы поэтического преувеличения, подарок, очевидно, был довольно щедрый).

Имя художника в песне не упоминается, но все знают, что это - грузинский художник Пиросмани, беднейший человек в городе, пожелавший подарить в день рождения актрисе Маргарите, обладательнице странного “двойного” голоса, поразившего его воображение, много цветов. В своё время говорили, что это была одна повозка (или несколько), наполненных белыми цветами.

“Белым цветом - прощаю,” - величественно произносит позже волшебник, совершивший магический жест на понятном ему языке цветов и красок.

Белые цветы, войдя с художником в легенду, а затем в песню, превратились в миллион иных роз. Всё во что-нибудь превращается...

Вся жизнь Пиросмани стала легендой, настолько она неправдоподобна.

Были розы, или их не было? Алые или белые, если быть точными?

Была ли сама Маргарита?

Была. Она осталась на картине художника с букетом белых цветов и, войдя в легенду, продолжает в ней жить, служа украшением его одинокой жизни.

Было не было? Такой вопрос обычно задают в грузинской сказке...

Было! – свидетельствуют оставленные им картины.

Как писалась картина «Актриса Маргарита»?

«Без всяких помарок или ошибок», - пишет Илья Зданевич. – «Белая Маргарита ожила на чёрном фоне».

«Ожила» - интересный глагол для живописи, не правда ли? Что значит «ожила»?.

Обрела вторую жизнь и дыхание? Спасена волшебником: Воскресла из небытия, поглощающего всех подряд?

Баядзе – один из первых собирателей картин Пиросмани – сказал о нём: «Я в этих картинах вижу такую сердечную доброту, что считаю их иконами».

Были, оказывается, у художника при жизни почитатели, понимающие, что имеют дело с волшебником, не рисующим «карточки», а сеющим «сердечную доброту».

С Чего Же Всё Началось?

Как и всё на свете, всё начинается с желания.

Ему очень захотелось рисовать, но осуществить желание не удалось - денег на карандаши и бумагу не было.

После внезапной смерти старшей сестры Нико вернулся в деревню в пустой родительский дом со своей младшей сестрой - ему было четырнадцать лет - и стал работать пастухом. Желание читать книги было так велико, что он сам, без посторонней помощи, не мешая телятам мирно пастись, одолел грамоту.

Подгоняемый желанием рисовать, он переехал в Тбилиси, где довольно долго ничего не ладилось в его жизни, о которой сохранились самые скудные сведения. Приглядывался, как рисуют бродячие художники, хотел работать в артели, но всюду его преследовали неудачи.

Только в 29 лет он пошёл зарабатывать на хлеб насущный тяжёлой службой на железной дороге, но желание рисовать не уснуло вечным сном, а притаилось где-то в ожидании своего часа.

Неужели если бы Пиросмани не заболел, три года тяжело работая на железной дороге, если бы потом не решил открыть своё "дело" - молочную лавку, чтобы быть, как все люди, его желание рисовать не воскресло бы, и он никогда не стал бы художником?

Наводящие вопросы из предположений с довольно назойливой частицей "бы" вряд ли смогут открыть тайну жизни Пиросмани, но, возможно, хоть немного приоткроют в неё дверь.

Во всех случаях, как и перед запуском ракеты в космос, в жизни Пиросмани тоже существует точка отсчёта, и, открывая молочную лавку, он не мог предвидеть, что вступил в самый интересный период своей жизни. Ему было уже за тридцать.

Случайность, совпадение, закономерность созревания плода?

* * *

Те, кто не знают, вправе спросить: "А при чём здесь молочная лавка?"

Интересно же узнать, из чего что получается...

Дело в том, что в молочную лавку, которую Пиросмани решил открыть после изнурительной работы на железной дороге, он вложил все свои сэкономленные (больничные? подаренные? - по-разному рассказывают) небольшие деньги (около сорока руб.) и, наконец, впервые в жизни почувствовал себя хозяином положения.

Когда скромное "дело" - небольшой прилавок в Верийском квартале - пошло хорошо, он снял помещение, нанял себе помощника, а сам вдруг размечтался, как лучше обустроить и оформить молочную лавку, чтобы люди знали, куда заходят.

Для этого необходимо было нарисовать выразительную корову на белой стене дома, может быть, даже две - "белую" и "чёрную" и непременно повесить вывеску-зазывалу.

Всё это он должен был сделать САМ (ведь он теперь - хозяин).

Выполнил хозяин задуманное, как смог, но при этом ощутил такой восторг от соприкосновения с красками и кистью, что больше никогда с ними не расставался.

Желание рисовать оживило и стало расправлять крылышки, а крылья, помогающие взлететь, - это естественный способ передвижения в воздухе.

К великому удивлению своего помощника и его жены - очевидцев его первых шагов в живописи - он забыл обо всём на свете и, сидя в магазине по целым дням, срисовывал с открыток и фотографий всё подряд, даже голых женщин, что приводило в конфуз неподготовленных зрителей.

Странное занятие для владельца молочного магазина, не правда ли?

Представьте себе взрослого человека, находящегося в молочной лавке, который не занимается "своим делом", целый день рисует, затем вдруг просит принести ему охапку свежей травы, на которую ложится отдыхать, вдыхая знакомый с детства аромат.

Странное поведение для взрослого человека со стороны посторонних наблюдателей, ничего не скажешь.

Но, с другой стороны, подумайте, какое блаженство!

Он ощутил его впервые в жизни после раннего сиротства, неуверенности, беспросветного труда, одиночества.

Он начал дышать полной грудью! Он прислушивался к своему дыханию, и, судя по всему, перестал замечать, что он - один; у него теперь были краски и кисти, запах трав и дыхание, заполнившие всю его жизнь.

Конечно, магазин долго не продержался, Пиросмани полностью разорился (говорят, что косвенной причиной тому была его несчастная любовь к французской певице), а, может быть, и его доброта, которой умеют злоупотреблять люди, кто знает...

После разорения молочной лавки у него остались купленные кисти и краски, дыхание и устойчивый аромат трав.

Отныне ему было известно, чем он будет заниматься в оставшееся время своей жизни - он станет художником. Таково было его желание, с которого в жизни всё начинается и хозяином которого, навсегда утратив молочную лавку, он теперь стал.

Остаётся осуществить задуманное.

И вот, чтобы не затеряться в большом городе, чтобы его узнавали издали, он САМ себя оформил, как когда-то свою молочную лавку. Для этого он сменил национальное одеяние (черкеску) на европейский костюм - фетровую шляпу и пиджак!

Пиросмани создал себе "силуэт" художника, который был бы замечен издали тем, кому он понадобится. По его мнению, именно так должен выглядеть уважающий себя художник, в ранг которых он себя ввёл...

В таком виде его запомнили и знали, в таком виде он представлялся зрителю на своих картинах, занимая там воображаемое место среди кутил, среди которых он, наверное, хотел бы находиться, но так уж сложилась его жизнь, что кормили и поили его после проделанной им работы всегда "где-то" и в одиночку.

О пиршестве на лоне природы ему оставалось только мечтать, доверяя свои грёзы краскам.

Не следует думать, что его костюм и шляпа всегда были в безукоризненном порядке: пиджак был мятый, брюки в пятнах краски, как и следовало ожидать у всякого бездомного человека. Но созданный им виртуальный образ художника - "силуэт" - прочно вошёл в обиход, и Пиросмани сохранил его до конца дней.

Как видите, он был талантливым менеджером, как теперь бы сказали.

Позже он подарил сестре в деревне родительский дом, отказался от материальной зависимости и стал благородным бродягой, а лучше сказать - странником в собственном городе.

Предлагая свои услуги и приводя в исполнение свой замысел, начинающий художник бродил по городу с чемоданчиком с краскам и. Он начал рисовать вывески, красить и разрисовывать стены, стёкла, писать свои незамысловатые картины (опыт рисования в молочной лавке ему пригодился), зарабатывая на кисти и краски, необходимые, чтобы свободно дышать без охапки душистой травы, которую теперь некому и некуда было приносить.

Создавая пейзажи родной Кахетии, он научился заполнять их запахом трав, иначе говоря, он продолжает осваивать приёмы мастерства волшебников, то есть, из ничего создавать что-то.

Пиросмани известен как бездомный художник, хотя это словосочетание трудно представимо. Для картин нужны крыша и стены дома, как для поющей птицы не столько дерево, сколько ветка, на которой она бы запела.

Если сравнивать Пиросмани с птицей (что, конечно, не обязательно), то, наверное, с кукушкой - своеобразной, единственной в своём роде птицей, подбрасывающей свои яйца в чужие гнёзда. Но в отличие от кукушки, он не разорял чужие гнёзда, никого не обижал, он пристраивал картины заботливо, как своих детей, которых у него не было.

Хранить картины бездомному человеку было негде, он или выполнял заказ, или их просто дарил заказчикам за предложенную работу, чтобы они находились под крышей, (какая разница, какого дома, если не судьба иметь собственный!).

Таким образом, выполняя заказы и даря, он заполнил в городе огромное количество интерьеров и экстерьеров, что, само по себе, свидетельствовало об успехе и востребованности его ремесла, которое он превратил в профессию, перейдя в разряд профессиональных художников так незаметно, что никто из окружающих даже не подозревал об этом.

Когда он рисовал на виду у всех (где же ещё мог рисовать бездомный художник?), лучшей похвалой был восторг в глазах незадачливых зрителей, которые часто ему мешали, нарушая интимность самого процесса созидания. Активное участие зрителей во время его сеансов рисования сравнимо с современными спортивными играми, бурно обсуждаемыми. Каждому хотелось сказать своё слово. Часто художник терял терпение, но, согласитесь, ситуация была исключительной.

“Великие произведения - дети тишины и одиночества”?

Создавая картины, где угодно, не соблюдая никаких правил, нарушая все закономерности, Пиросмани опроверг и эту, казалось бы неопровержимую закономерность.

Уединение он носил в себе постоянно, а тишина - понятие относительное. (Существует яркое воспоминание о Данте, который, работая на шумной площади Флоренции, не заметил в городе карнавала).

* * *

К вывескам и картинам Пиросмани, ставшими в своё время неотъемлемой частью городского пейзажа, настолько привыкли, что никто из окружающих до поры до времени не обращал на них должного внимания. Ну, словно и не было ни его, ни его картин. Художник, действительно, оставался “силуэтом”, периодически кому-то необходимым.

Не видели? Не умели говорить или не принято было говорить? - неизвестно.

Но хорошо известно другое: то, о чем не сказано, - просто не существует, ибо такова могущественная сила слова.

А что сказать? Все его знали и по-своему жалели - бедного, безответного, одинокого. Он жил для заказов и ради заказов, часто не получая денег, и, что греха таить, нередко был обманут заказчиками, которые расплачивались едой и стаканом вина. Гордость не

позволяла ему напоминать о невыплаченных деньгах. Чувство собственного достоинства, сдержанность, степенность, независимость, немногословность вызывали удивление и уважение у одних и насмешки у других, ироническая кличка “граф” естественно приросла к художнику.

У него были почитатели, благодетели, покровители, предлагающие помощь, но он решительно отказывался от всех предложений, сковывающих его свободу, и сторонился всех. Успех, судя по количеству заказов, у Пиросмани был, и этого отрицать нельзя. Интересно, что выполняя малярные работы, он произносил вполне философскую фразу - “без низшего, не бывает высокого”. Он добросовестно красил и подкрашивал фонари и вывески, вместо ремонта расписывал стены пейзажами, расширяющими интерьер, рисовал необходимые для города вывески, выполняющие функцию “засывалы” для духанов, забегаловок, винных погребов, пивных заведений, торговых лавок, словом, работы хватало.

Художник был безотказным, работал за гроши, и заказчики были довольны, в основном, оплачивая необходимые кисти и краски.

Даже спустя годы после его смерти духанщики, с тоской глядя на повреждённые стены, вздыхали и сожалели о Нико, который “недорого бы взял и хорошо сделал”.

“ТАК всегда не будет”, - гласит мудрое изречение, смысл которого часто растворяется в суете и неудержимости жизненного потока.

Всё изменилось, духаны исчезли, войдя фантомами в легенду жизни Пиросмани. Впечатлительные очевидцы оставили ценные свидетельства приобщения к чуду творчества, хотя, интересно отметить, что на земле и по сегодняшний день продолжается обнадёживающее противостояние между добром и злом, равнодушием и восторгом.

Что сильнее? Что победит?

Все вовлечены в ожидание ответов на эти вечные вопросы.

Не задумывался ли об этом и сам Пиросмани в терпеливом ожидании часа, который настал в тот знаменательный для земли день 1912 года, когда, наконец, победил восторг - молодые студенты “вдруг обнаружили” картины Пиросмани.

Первооткрывателями Пиросмани оказались Мишель Ле Дантю и братья Зданевичи – художник Кирил и поэт Илья, приехавшие из Санкт-Петербурга на каникулы в Тбилиси, родной город Зданевичей.

Возникает закономерный вопрос. Студенты обнаружили Пиросмани “вдруг” или не совсем “вдруг”?

Оказывается, не совсем вдруг. Они искали в живописи (это носилось в воздухе эпохи новые формы самовыражения, хотели найти образцы этих форм и внезапно, поражённые, увидели то, что искали.

“Вдруг” – часто оказывается результатом долгих и настойчивых поисков. Как правило, находят то, что ищут.

Открытие Пиросмани превзошло все ожидания молодых людей.

Что же они увидели?

Самое простое, что можно было увидеть - вывеску духана:

“Трактирное заведение “Варяг” с подачей крепких напитков и первоклассной кухней, имеются хаши”.

Вот как Илья Зданевич описал вывеску:

“Крейсер, именем которого названо заведение, был изображён стремительно скользящим по морю, дымящим своими трубами, с развевающимися на мачтах

андреевскими флагами. Из стволов орудий вырывалось пламя, и круглые клубы дыма улетали к небу, а бурные волны бились о раму вывески”.

Не показалось ли вам, что вы в кино?

Описание увиденного - поразительно и способно удивить динамичностью современного читателя - перед нами не вывеска, а кадры из фильма, где всё в движении.

Пиросмани в своей вывеске достиг немыслимого.

Каким образом художник смог передать движение?

Пораженные увиденным молодые люди спустились в подвал, где их встретил дивной красоты жираф и другие картины, увидев которые, они по-настоящему разволновались, и, не скрывая восторга, заговорили о художнике с посетителями духана.

* * *

К этому времени улицы Тбилиси стали выставочной галереей волшебника и приобрели незабываемый колорит сказочного города.

Наверное, никому из художников ни в одну из эпох не удавалось устроить декорацию подобного масштаба.

Превративший себя в “силуэт, а свои картины в “фантомы”, которых “никто не замечал”, Пиросмани бесшумно, “по мановению руки”, как полагается волшебникам, заполнял картинами город, никого не спрашивая, никому, до поры до времени, не мешая.

Картины и вывески Пиросмани можно было увидеть на Привокзальной площади, в Дидубе, Авлабаре, Майдане, на Песках, в Ортачала, в Сабуртало, их было много, и всем казалось, что это – навсегда.

Теперь, когда мы видим в музее всего лишь десятую часть из созданного (так предполагают исследователи Пиросмани), можно себе представить, как выглядели кварталы города, украшенные его вывесками-натюрмортами, и подвалы духанов, заполненные картинами и панно.

Разве это не равносильно тому, что побывать в сказочном городе?

Прохожие не подозревали о том, что им можно было позавидовать, они были очарованными зрителями, которых, естественно, никто не спрашивал, что они думают о Пиросмани.

Кстати, никому в голову не приходило ни думать, ни тем более спрашивать о нём. Художник был очевидным и неотъемлемым от повседневной жизни явлением.

Оставаясь невидимым, неназванным, бестелесным, Пиросмани был как бы явлением природы, над которым особенно никто не задумывается.

Кто думает о Радуге на второй день после дождя, оросившего землю?

Так продолжалось до встречи петербургских студентов с его живописью, с которой было снято скрывающее её невидимое покрывало. Со всем задором молодости они заговорили, стараясь привлечь внимание тбилисского общества к художнику.

Студенты обнаружили явление, феномен, но не природы, а искусства, мимо которого, не замечая, проходило много людей.

Тут же выяснилось, что его видели многие, не думая о нём и о том, что он - волшебник, обходивший каждый день свои владения, внимательно следя, чтобы вывески, написанные на жести, не испортились от ветра, солнца и дождя, а если было нужно, лечил их с удовольствием, подкрашивая или заменяя новыми.

Когда солнце и дождь доводили своё дело до конца, вывески выбрасывали (так погибло множество его произведений), иногда кто-то их подбирал, хранил, не зная зачем...

Обычное течение жизни, когда не ждёшь встречи с волшебством.

Картины (портреты, пейзажи, добрые и злые звери, сцены из сельской и городской жизни) Пиросмани писал на холсте, на жести, картоне и на чёрной клеёнке.

Декорация города была создана подлинным волшебником, но никто не догадывался, что волшебник может быть таким незаметным, неприхотливым, что он ходит по улицам пешком, перетаскивая за собой чемодан, в котором хранилось всё его добро - краски и кисти.

Украшая интерьеры питейных заведений, он сам развешивал картины там, где они хорошо смотрелись, и где, спустившись в подвал духана, их увидели студенты.

Посетители духана были чрезвычайно удивлены, что кто-то ещё может не знать Нико-“маляра”, который ничего не хочет делать, только рисовать свои “карточки”. Надо же!

Где же молодые люди были до сих пор, что не видели Нико? Как можно было не видеть его?

“Неприбыльное это дело”, - сожалели люди, знавшие Нико, одновременно осуждающие его образ жизни - нищету, неприспособленность.

Духанщик был польщён тем, что, наконец, благородная публика заинтересовалась его духаном и Нико. Можно и поговорить. Давно пора.

“Найдите его, он очень обрадуется вам”, - посоветовал духанщик и не ошибся.

Стало ли больше радости у Пиросмани? Осталось ли в его одинокой душе место для такой мимолётной птицы, как радость?

Давно ему стало известно, что не стоит ей слишком доверять и тем более вверяться, но в душе его после встречи со студентами немного потеплело.

* * *

Знакомство с Пиросмани и его картинами стало не просто событием в жизни молодых людей, но смыслом всей их дальнейшей жизни и, возможно, самым большим свершением.

Молодые люди обнаружили только то, что было на виду у всех.

Таким образом, не требуется доказательств, что доброжелательный взгляд “со стороны” просто необходим, ибо он обладает спасительными свойствами.

Восторженные, влюблённые в Пиросмани “с первого взгляда” студенты разбудили “сонное царство вокруг его имени, начали составлять опись картин, собирать картины по всей Грузии, вложив много энергии и любви для спасения наследия художника ещё при жизни Пиросмани. К ним присоединились многие из “открывших” Пиросмани и искренне полюбивших его.

Но это уже приключенческие повести каждого собирателя и спасителя картин Пиросмани.

Последние шесть лет жизни художника отмечены значительными историческими событиями, помешавшими ему живописать. Война 14-го года, введение “сухого закона” и запрещение рекламы для питейных заведений отрицательно сказалась на его творческой судьбе. Необходимость в его вывесках отпала.

Мятежный предреволюционный год, затем революция 1917 года - нелёгкое время для бездомного одинокого человека.

Как всё кончилось?

Пиросмани внезапно и бесследно исчез. Это произошло в начале мая 1918 года.

Три дня его никто не видел, обнаружили стонущего на полу в подвале, вызвали карету скорой помощи. Свидетель последнего дня отправил тяжелобольного Пиросмани в больницу. Никто даже не смог узнать, в какую. Его увезли - безымянного, неизвестного,

бессловесного, одинокого, и след его затерялся навсегда. Исполнилась его воля и горькая доля: "Один - родился и один - умру". "Мои друзья меня похоронят", - так он надеялся...

Его увезли... Куда? Когда он умер? Где похоронили? На эти вопросы ответов нет и уже не будет, хотя многие старались узнать, и было предпринято много попыток.

Он исчез, как силуэт, как фантом, как исчезают в цирке фокусники, а в сказках - волшебники, появляющиеся неизвестно откуда и так же таинственно исчезающие.

Трудно даже назвать его бесследное исчезновение смертью. Смерть — это потеря, горе, слёзы, это ритуал поминания у оставшихся в живых.

Его никто не оплакал, его никто не поминал.

Перед нами опять феномен, но не из человеческой жизни, а из жизни природы - сезоны уходят, чтобы вернуться снова.

Он растаял как снег, он высох как дождь, он затих, как уставший ветер, он закатился как солнце, чтобы всходить каждое утро.

Знал ли он, что он большой художник? Знал ли он, что его конец станет началом его признания и бессмертия?

Его жизнь продолжается в цветах легенды.

После его исчезновения все газеты Тбилиси вдруг откликнулись по поводу исчезновения его имматериального тела, покинувшего пространство города, где остались картины – свидетельство его пребывания на земле.

Странная, неопишуемая жизнь. Кроме заказов, никто, нигде и никогда его не ждал. Найти его было нелегко, ни перед кем он не отчитывался, и никто не знал, где он находится. Всегда он был «где-то там», его можно было встретить только случайно.

По правде говоря, долго еще никто и не искал, а если искали, то не часто. «Силуэт» сам напоминал о себе, таинственно появляясь откуда-то и так же таинственно куда-то исчезаая.

Как жил Пиросмани незаметно, так и умер. Он исчез, вместо праха и могилы оставив Грузии созданные им картины и вместе с ними свою любовь к небу над Грузией и ко всему живому на земле. Его любовь к Грузии прижилась, как загадочный цветок, наполняющий душу смятением и ответной любовью.

Созданное его духом мироздание стало всеобщим достоянием.

* * *

После революции городской пейзаж поспешно и успешно начал меняться, стирая память об ушедших временах. Расписанные им стены при последующих ремонтах были перекрашены и безвозвратно погибло много его не оценённых шедевров.

Выжившие чудом картины – перед нами. Присмотримся к ним внимательно.

Дар

Дар, талант, призвание, гений - по-разному говорят. Что это?

Подарок небес, как его называют, приказание свыше или наказание в виде тяжёлой ноши, от которой невозможно избавиться? Наверное, всё одновременно.

Что скрывается за этой видимой близостью слов - "дар" и "удар" ?

На долю Пиросмани выпали все возможные удары судьбы, под которыми его дар не сломился, владелец дара защитил его своей жизнью.

Мастерской у Пиросмани никогда не было, рисовал он на виду у всех, ни от кого не прячась, не мудрствуя лукаво, так же естественно, как дышал; рисовал с натуры, с фото и открыток, даже со спичечных коробочек, вселяя душу во всё, к чему прикасался.

Вне всякого сомнения, непосвящённые смотрели на него, как на фокусника, и были в восторге от сходства с натурой, которая часто позировала тут же. Сходство особенно пользуется успехом у зрителей.

Рисовал он быстро, его кисть сама знала, что делает (художник ни от кого не скрывал сверхъестественных возможностей кисти, но ему не верили) - оставалось только повиноваться ей. Редкий дар!

Ну, чем не волшебник?

Станный волшебник, если задуматься... Рисовал он, чтобы никому не мешать, всегда где-то в неподходящем месте, без света, воздуха, тепла, при этом, скрывая от всех, что мечтает и светлой комнате, где ему никто бы "не мешал" и где бы он мог создать много прекрасных работ... всего за один месяц.

Светлой комнаты волшебник так и не дождался, но "нет ничего тайного, что не стало бы явным". Тайную мечту о светлой комнате он открыл Илье Зданевичу, а вслед за признанием Пиросмани нам предстоит задуматься над одной из загадок мироздания.

Оказывается, волшебники - обладатели Дара - мечтают о самом простом, на что все остальные смертные, живя в светлой комнате, но жалуясь и хныча, даже не обращают внимания.

Может быть, Пиросмани, сам того не ведая, преподавал нам урок?

Позволяя себе мечтать о светлой комнате, не стоит дожидаться её слишком долго? "Потому что жизнь не ждёт"...

Картины Пиросмани, собранные в музеях Грузии благодаря стараниям многих людей, были разбросаны когда-то в разных кварталах большого города (в духанах, пивных), где их никто не ждал, но куда каждый день приходил рабочий люд, уносивший с собой от встречи с ними неосознанную радость открытия. Произведения искусства воздействуют на зрителей, даже если они не подозревают об этом - свидетельствуют современные учёные.

Представьте себе, как неподготовленный для восприятия живописи, безразличный или озабоченный посетитель духана встречался с задумчивым или вопрошающим взглядом животных на картинах, смотревших на мир умными понимающими глазами самого художника, как бы приглашая всех к разговору. Не ради этой встречи посетитель пришёл сюда, но почему бы не задуматься и не поговорить с ними, хотя бы одно неосознанное мгновение?

Пиросмани любил поэзию Важа Пшавела (говорят, что он даже встречался с ним) и относился к природе с мистической чувствительностью, которая передавалась без слов.

Как глубоко и спокойно начинали дышать случайные посетители духанов, разглядывая панорамы пейзажей, на которых происходит "священнодействие" жизни с её буднями и праздниками.

Каждый видел их по-своему, о чём-то думая, что-то вспоминая, наверное, не веря самому себе и своему удивлению - маленькой радости в будничной жизни.

Но мало кто видел картины так, как их видел сам художник, знавший им цену и, как дети, живя предчувствием чуда.

Предчувствие чуда - долгое ожидание без надежды, ничего рационального в нём нет, тем не менее, - это хорошее состояние, помогающее переносить тяготы жизни, принесло ему встречу с молодыми художниками.

И какое нам дело, если кто-нибудь не верит в чудо или не замечает его?

Ни первое, ни второе не значит, что его нет или что его не бывает.

Станные люди — странники... Не правда ли?

Пиросмани долго жил незамеченным, непонятым как художник, жил мастеровым, выполняющим своё дело, что само по себе - неплохо.

Но чудо в его жизни всё-таки произошло ещё до встречи со студентами, когда художник сумел открыть потайную дверь и проник в мир, где господствуют законы красоты.

Законы красоты? Они - разные у всех народов, разные во все времена, - засомневается кто-то, и будет прав. Тем не менее, не подвергая сомнению право проникать в невидимый мир и постигать законы красоты, следует признать, что красоте удаётся довольно долго скрываться от поверхностного взгляда. Не всем ищущим она открывается сразу.

Как войти в мир красоты? Как, наконец, увидеть "невидимое" и постичь его?

Странные, но вечные вопросы, на которые каждая эпоха пытается ответить по-разному, иногда предавая красоту, преследуя её или выбрасывая на помойку.

В "невиданный" мир дверь бывает наглухо закрыта, проникновение в него доступно и возможно, но необходимо преодолеть некоторые препятствия в виде предрассудков, среди которых - главный, что всему можно научиться и что всё должно быть понятно сразу.

Тайна больших художников остаётся тайной долгие годы, потому что Она - не одна, а состоит из множества тайн. Представьте себе...

Вы входите в одну дверь, а перед вами - анфилада комнат, которые надо пройти в одиночку, и к каждой из дверей следует подобрать отдельный ключ, а связка ключей то ли случайно, то ли преднамеренно бывает неполной.

Слово "ключ" тонкой ниточкой привязано к другому слову - приключение.

Творчество - это приключение всей жизни, долгий путь поисков и открытий, и одного золотого ключика, распахивающего все двери, не бывает.

Необходимо родиться с какой-то суммой знаний, которые достаются даром (преподносятся бесплатно) и поэтому называются ДАР, которому свойственно развиваться, расти за счёт удивления и любознательности перед творчеством.

Неужели совсем бесплатно, совсем-совсем даром? – беспокойные вопросы сами приходят в голову.

Никогда в это не верьте. За «дар» расплачиваются всей жизнью, и тому – множество примеров.

«Только теперь я знаю, что такое жизнь», - сказал Илья Зданевич после встречи с Пиросмани.

Случайно ли Пиросмани обратил внимание на свой дар, знал ли, что он относится к числу самородков?

Неисповедимы пути самородков – «драгоценных камней», которые обнаруживаются «вдруг» к великой радости ищущих.

Дыхание

Сначала зрители видят, что изображено на картине, и только потом – самые дотошные из них – приглядываются к тому, как это сделано.

Часто «как сделано» не интересует обыкновенного зрителя, он довольствуется первым впечатлением. Зато профессионалы изучают увиденное скрупулёзно, желая проникнуть в секрет явившейся красоты.

КАК художник написал картину, собственно, является самым интересным, потому что непонятно, откуда пришло его знание, что именно ТАК можно сделать. И что, вообще, значит – сделать «так»?

Почему именно у него ЭТО получилось? Что значит «получилось»?

И последний вопрос, самый главный, который интересует всех без исключения.

Кто решает, что кто-то из художников, именно ОН, - из лебединой стаи?

Кто имеет право решать, и кто берет на себя это право?

Чтобы ответить на последний и самый сложный вопрос, уместнее спросить: Не Кто решает, а **Что?**

И ответ (на мой взгляд, самый убедительный) преподносит наше собственное дыхание, которое останавливается всего лишь на секунду при встрече с дыханием художника и говорит нам: «Смотри!».

И мы, замороженные, смиренно повинемся...

Чему? Дыханию?!

Да, дыханию. А что для нас важнее дыхания?

Лёгким дуновением оно способно снять пелену с наших глаз, и мы вдруг начинаем видеть

Что?

Прежде всего СВЕТ, льющийся с картин, освещающий их изнутри так ярко, что непроизвольно оглядываешься.

Может, где-то горит особенная лампочка?

Нет, этот свет излучают сами картины.

Тайна больших художников скрывается в умении “зажечь” в картинах немеркнувший свет, который живёт сам по себе, не соревнуется с солнечным и никогда не гаснет, даже в сумерках.

Откуда он?

Представьте, вокруг художника царили мрак и темнота - мрак жизни и темнота улиц и помещений начала двадцатого века. И вечера на юге длинные и тёмные.

Возможно, свет в картинах Пиросмани появился как естественная реакция на окружающую темноту и беспросветность его жизни?

В темноте ему было необходимо зажечь в картинах свет, чтобы, изнутри излучая его, они освещались самостоятельно, как независимое мироздание.

Ведь именно таким должно быть подлинное произведение искусства, - подсказала интуиция художнику.

Вот он и заселил свои картины волшебным немеркнувшим светом, которого так ему не хватало. Да разве только ему?

А теперь подумайте, откуда было взяться свету?

Зрение с возрастом слабеет, в подвалах темно, а его картины сверкают, хотя Пиросмани по понятиям прошедшего времени не был молод, когда впервые взял кисть в руки.

Можно ли предположить, что перед нашими глазами на картинах свет души самого Пиросмани?

Не подразумевал ли Гёте изобретателей света, подобных Пиросмани, когда сказал: “Пусть сгустился мрак вокруг меня, но свет в душе моей ведь не погас!».

Как зажечь свет в душе? Как его перенести из души на картину?

Надёжнее ответить на эти вопросы тоже словами Гёте: “Теория мертва, но зеленеет жизни древо”.

И доказательство сказанному - творчество Пиросмани.

“Мне очень хотелось сделать ЭТО, и у меня получилось!” - говорил иногда Пиросмани о своих картинах. Эти слова, записанные дословно, — поразительны, потому что они служат доказательством того, что победило его Желание, с которого всё и началось.

Сказано - сделано. У волшебников так полагается.

Да будет свет! - сказал волшебник. И свет возник из небытия.

К свету в картинах Пиросмани много вопросов. Все специалисты знают и уверены, что это - не солнечный свет. Откуда ему было взяться в подвалах среди винных бочек и ящиков?

Присутствие луны на картине тоже не объясняет её стабильное освещение.

Откуда свет? Может быть, уникальное изобретение Пиросмани заключается в том, что побеждённый им мрак излучает загадочный и необъяснимый свет?

Свет - это материальная частица или нет? (В смысле, его нельзя взять в руки, потрогать, но это неважно). Важно, что скорость света самая большая, он, не спрашивая разрешения, мгновенно проникает в нас и остаётся в ожидании следующей встречи с художником, даже если мы не понимаем по молодости лет или по неведению, что же произошло с нами на самом деле.

Встреча с картинами Пиросмани, где бы она не произошла, - событие особенное. Его картины мало похожи на то, чем заполнены музеи; что каждый из нас видел до сих пор и, тем более, что нас окружает за пределами зала. Их не забывают и узнают, сколько бы времени не прошло со дня первой встречи. Его картины - это история и современность, хлынувшие на нас единым потоком

Кто эти люди? Кто их знает и помнит? Почему они попали в музей? Почему на них следует смотреть? - много вопросов возникает в музее.

Думая о запечатлённой стране, щедро заселённой художником, - живой, яркой, праздничной - зрители на некоторое мгновение несправедливо забывают о творце, сумевшем незаметно ускользнуть от всех.

Такое психологическое состояние встречается крайне редко.

Что мы видим, когда смотрим на картину? Что значит, вообще, видеть?

Мы что слепые?!- возмутятся некоторые.

И да, и нет, - если такой ответ способен успокоить посетителей музея.

Большинство из нас, к счастью, - зрячие, но прозреваем мы до конца жизни, хотя многие люди, не подозревающие об этом, не прозревают никогда.

Упрямство? Самоуверенность? Ограниченность? Душевная слабость или отсутствие желания прозреть?

Выбирайте любой вопрос, отвечайте на него, добавляйте ещё вопросы, они бесконечны. Вкусы у людей разные и часто не совпадают: одному что-то нравится, а другому нет, и ничего не поделаешь - всем не угодишь.

Но можно постараться быть верным самому себе, и это именно то, что делал Пиросмани.

Так что значит видеть мир вокруг себя?

Одного зрения, к сожалению, не хватает, почему-то необходимо ещё прозрение - особый вид зрения.

Несмотря на явное присутствие видимого слова "зрение", в процессе прозрения участвуют не только глаза, но все органы наших чувств, особенно важно наличие внутреннего зрения. Пиросмани об этом сказал так: "Чтобы видеть, нужно иметь глаза, не затуманенные предрассудками, и ещё кое-что — вы меня понимаете?"

Речь в данном случае идёт уже не о зрении художника, а о его видении мира: избирательном и уникальном, прихотливом и непредсказуемом. Он видит "кое-что" из того, чего не видят другие, на то он и художник, чтобы удивить нас.

В слове “удивление” есть слово “диво”, что значит “чудо”.

А чудо на земле - это что?

Возможно, это ответы на вопросы? Вернее, попытка ответить на них?

Например, вот вопросы:

Каким образом запечатлённое на картине продолжает жить интенсивной жизнью, наполняя зрителя радостью спустя столетия после исчезновения художника?

Что связывает Вещи и людей, их создавших?

Каким образом вещь (имеется в виду картина) сохраняет достоинство творца?

Давно известно, что вещи - долговечнее людей. Они продолжают жизнь, в которой господствуют новые правила игры: вещи становятся источниками информации и начинают не просто говорить, а рассказывать сказки о прошедшем времени, когда нас ещё не было, но всегда было то, что никогда не умирает, и называется оно – Вдох-но-вением.

Слышите слово “вдох”? Это всего лишь половинка нашего дыхания, а вторая - называется “выдох”.

Вдох-но-вение — это удивительное мгнов-вение, когда волшебный взгляд художника поймал заполненное волнением вдох-мгновение, заточил его в маленькое пространство полотна, в котором остановленное мгновение начинает новую жизнь, оно начинает дышать. Поэтому нам необходимо при встрече с ним на секунду затаить собственное дыхание, чтобы поверить, что такое возможно, что нечто подобное существует, и мы - свидетели чуда.

Почему кто-то видит то, чего не видят другие?

Так уж устроен мир, и с этим следует смириться тем, кто не видит сейчас, сию минуту. Зрение появится когда-нибудь, главное, никогда не следует выступать в роли ценителей “нового платья короля”, когда он на самом деле голый.

Можно ослепнуть навсегда, что крайне нежелательно.

Почему должно пройти так много времени, чтобы все увидели то, что “видел” художник? Почему так медленно приходит признание творений?

Вечность не торопится, потому что жизнь подлинного творения - бесконечна.

Вы можете себе представить Вечность легкомысленной дамой на роликах, обгоняющей прохожих на тротуаре?

Намного легче себе представить в цирке кролика на роликах.

Вечность медленно скользит, пробираясь сквозь толпу, уступая дорогу непосвящённым, ускользая от их непонимающего взгляда, чтобы не особенно беспокоить их благополучие своим присутствием.

Всему своё время...

Что бы ни говорили люди, последнее слово принадлежит Времени, которое, издали наблюдая за художником, приближается к нему медленно со своей безвременной точкой зрения, просеивая свои наблюдения через странное-странное сито (многослойное что ли?), пытаясь не пропустить ничего случайного.

Пока художник дышит, пусть рисует, ну, а потом, когда он перестанет дышать, Время распорядится его дыханием.

Так думают, вообще, и люди, им некогда, они бегут наперегонки, не оглядываясь, чтобы не увидеть насмешливые гримасы Времени, у которого другие измерения живущих под солнцем и неизблемое правило - “всему - своё Время”.

Земное измерение “что посеешь, то пожнёшь”, не всегда оправдывается, бывают и ураганы, и ливни, смывающие посеянное.

В жизни Пиросмани были и ливни и морозы, уничтожающие его урожай, но он невозмутимо продолжал своё “дело”. Главное, не отчаиваться и не огорчать Время!

Жизнь – увлекательный спектакль.

Художники по-разному видят мир: в красках, в линиях, пятнах, квадратах, но не каждый художник способен создать красочный мир, или мир красок, где краски живут по своим законам и правилам, которые, при всех земных знаниях, могут быть настолько непредсказуемы, неуловимы. что часто повергают в недоумение или отчаяние и художника, и зрителя.

Краски можно долго изучать, экспериментировать, но они редко бывают послушны художнику, и часто полотно превращается в поле сражения, на котором цвета, поссорившись между собой, уничтожают друг друга.

Художникам иногда нравится устраивать сознательные бунты. Зритель при этом чувствует себя неудобно, испытывая неловкость, как на семейном скандале.

Цвета бывают холодные и тёплые, они могут кричать, ласкать наш взгляд, умиротворять душу, заставляя думать, их власть над нами, хотя мы и не подозреваем об этом, - велика: ведь на небе по-прежнему сверкает недосыгаемая божественная палитра - Радуга.

На картинах Пиросмани мы видим красочный мир, не в смысле яркий, а в буквальном смысле - созданный из красок, живущий красочной жизнью, у которой свои законы.

Например, существует живой настоящий олень - очень красивый, но, к сожалению, смертный - и Олень Пиросмани, ставший бессмертным.

Это особенный Олень - созданный кистью и красками, с ним можно отправиться на прогулку в мир живописи, и кисть художника расскажет о нём невероятные истории с достоверностью свидетеля и участника в книге Гастона Буачидзе "Прогулка оленя", где слово поэта и кисть художника встретились, чтобы не расставаться.

"На ослепительной голубизне неба вырисовывается ступающий по густой росистой траве Олень. Зрелище величественное и упоительное.

Глиняную застылость игрушки Олень сменил на прозрачный слой краски и, словно в забыты, скользит в благоуханном мире цветов. Олень несёт всем радостное удивление. И для того, кому он привидится, меняется вкус вина и отбеливается белизна молока...

Пройдя Алазанскую долину и заснеженную Сибирь, услышав гул моря и звон колоколов, Олень переведёт дух возле куста прекрасных роз. И тогда его увидят люди давно родившиеся, но впервые увидевшие его, и те, которые родятся.

Хотя бы ненадолго их взгляд станет добрее при встрече с Оленем".

Увидеть перед собой написанную маслом картину могут все, и возникает вопрос. Зачем описывать? И так всё ясно.

Ну, скажем, никогда не бывает всё ясно, бывает, к сожалению, и пасмурно, и темно.

С другой стороны, как узнать об Олене мечтателям, разбросанным по всей земле, живущим далеко? Некоторые из них непременно размечтаются встретиться с Оленем, если поверят и захотят на себе проверить, как, глядя в глаза Оленя, "меняется вкус вина и отбеливается белизна молока".

В искусстве и жизни (что делает их неотделимыми друг от друга) существует понятие невысказанности, недоговоренности, амбивалентности трактовки. Поэзия жизни, в которую трудно поверить и тем более убедить кого бы то ни было, что она существует, заговорила словами, чтобы Олень продолжал прогулку по всему миру, открытому, щедрому, не скрывая своего доверчивого взгляда.

Поэзия присутствует в любом творчестве, она многолика, непредсказуема и неоценима или лучше сказать – бесценна, потому что сохраняет духовную субстанцию жизни, её смысл, ускользающий от упорно ищущих прагматично настроенных людей.

Есть ли смысл в утреннем тумане, легком и прозрачном, мгновенном, как и само призрачное слово – «ту-ман»?

Все детали картин Пиросмани, символика их присутствия – это неотъемлемая часть жизни, запрограммированной на длительность, выживание пусть даже среди хаоса, шума, баталий каждодневной несурезицы.

Пиросмани – художник-поэт?

Не потому ли его кисть разговорилась, раскрывая тайны творчества и жизни?

Свидетельств о его жизни немного, но известно, что он любил поэзию, особенно Важа Пшавела, и сам пытался писать стихи в тетради, которую всегда носил с собой.

Всё затерялось, кроме его дыхания.

Дыхание Времени

Нет ничего вечного на земле, твердят нам некоторые, уверенные в собственной правоте.

Как нет? А дыхание?

Какое?

Не наше, а невидимое дыхание Времени, навевающее прекрасные сны очарованным странникам.

Дыхание Времени напоминает, что мы живём в необъятном пространстве, где места много, обычно, хватает всем, но очарованным странникам с замедленной реакцией оно остаётся только на обочине дороги, потому что они не умеют толпиться и толкаться, а умеют только дышать.

Дышать - это много или мало?

Наверное, ни много, ни мало, а это - всё...

Главное - присоединить своё собственное дыхание к Дыханию Времени, но для этого необходимо знать, что Дыхание Времени существует, а это уже из области большого знания, которое приносит ТО, чем мы сами начинаем дышать.

То, чем мы дышим, и есть самое главное в нашей жизни.

Особенно это заметно, когда собственное дыхание останавливается (факт, что останавливается), но остаётся Дыхание времени, и ТО, что оно вдохнуло в нас.

И тогда ТО, что создано дыханием, начинает жить самостоятельно, как бы само по себе, пусть иногда сиротливо, скромно, незаметно, где-то на обочине, но выход на большую дорогу был запрограммирован дыханием художника, заполнившим его картины Воздухом времени.

Чтобы картина задышала, ей необходим воздух и пространство. Воздуха в закрытых помещениях, особенно в подвалах, не хватает.

Вглядитесь, какая неизмеримая глубина и пространство на картинах Пиросмани, как легко дышится, когда смотришь на них.

«Нико не изучал законы перспективы, он заменял их чувством ритма в расположении предметов на картине, и это сделало его перспективу и рисунок убедительными».

А теперь представьте себе: художник берёт кусок картона, или клеёнки (чёрной), и перед ним, как в сказке, открывается новое пространство, которое ему следует завоевать и покорить кистью (тем более, что он не изучал законы перспективы).

Творчество - это поединок с небытием.

Пространство небытия, побеждённое художником, заселяется им по собственному желанию.

Воинственные слова “поединок”, “победа” не имеют ничего общего с войной и жертвами. В искусстве существует только сопротивление материала.

Плоскость есть плоскость, а художнику необходимо поселить предметы “по ту сторону” полотна, сделать их объёмными при помощи одной живой линии, очертив ею кусочек чёрной клеёнки. Затем, чтобы облагородить чёрный цвет, следует вписать его в предмет, неотделимой частью которого он теперь является.

Затем необходимо создать иллюзию глубины или пространства и простора по ту сторону плоскости, которых не было, и...остаётся малость - заполнить всё это живым воздухом, чтобы заселить людьми и животными.

Художнику известно с самого начала, с первой минуты прикосновения кисти к полотну, что безвоздушные пространства существуют где-то за чертой жизни.

Пиросмани справился с этой сложной живописной задачей великолепно, не изучая законов перспективы, а следуя только желанию, чтобы всем дышалось легко.

Разве Пространство и Воздух не для того, чтобы дышать?

Его картины заполнены не просто воздухом, а чистым звенящим воздухом, которым хочется дышать, как ему самому хотелось дышать запасом трав Кахетии.

Обратите внимание, как воздух его картин наполняет зал, и зритель, сам того не замечая, начинает дышать полной грудью.

Неужели, чтобы вдохнуть неувловимый запах трав, который вдыхал сам художник?

* * *

Дыхание, воздух, вдох, выдох - совсем не живописные термины, а обычные слова для биологов, врачей. Какое отношение имеют они к картинам?

Давным-давно замечено, что то, что создано дыханием - долговечно. И не удивительно, что именно им (созданным дыханием) начинает заниматься само Время, от которого не уйти, не спрятаться, его не подкупить, не заговорить, оно неумолимо делает свой выбор - сохраняет дыхание тех, кто жил с ним в согласии.

Дыхание - как явление - в картинах встречается крайне редко. Скажем прямо: непонятно, каким цветом следует запечатлеть бесцветный воздух чтобы им надышаться?

Кто нам может сказать, какие цвета предпочитает дыхание?

Наверное, всё-таки - все цвета радуги, из которых каждый выбирает свой цвет.

Картины Пиросмани - ДЫХАНИЕ и ВЗМАХ КИСТИ.

А где же руки - спросите вы?

Лучшая похвала творению - назвать его нерукотворным. Руки в таком случае не то чтобы не были нужны, они просто послушны дыханию.

К такому состоянию стремятся многие художники, но научиться ему, как всем известно, не просто, и в этом ещё одна из тайн живописи Пиросмани.

В японской и китайской живописи существует правило, что без свободы дыхания и дыхания свободы, вообще, ничего не получается. Ученики восточных художественных школ под руководством учителей годами освобождают ЖЕСТ - взмах руки, чтобы он стал послушным дыханию и Времени.

Цель учения заключается в том, чтобы сделанный «a la prima»- Жест, следующий и все последующие были неповторимыми (исправить их нельзя), потому что время, согласованное с дыханием, уже ушло.

В жестах художника, живых, как струя воды, заключена вся важность мгновения и его нерастратенная энергия.

И только тогда Мгновение, понимающее, что оно прекрасно, останавливается.

"Ты прекрасно, остановись!" - шепнуло ему Время, и послушное Времени мгновение навсегда остаётся на полотне, передавая радость созидания всем тем, кто когда-нибудь обратит на него усталый или равнодушный взгляд, и, может случиться, что трудно выразимая словами энергия творца - энергия радости созидания - переключается с картины в душу зрителя и поселится в ней.

Такое случается, поверьте. Это называется двойным открытием. Художник открывает новый мир, а вслед за ним открываем его мы, становясь заговорщиками или, если хотите, - сотворцами.

Может быть, именно в подобные минуты наступает момент прозрения?

* * *

Чего нет на картинах Пиросмани, так это - "суеты-сует".

В них всё чинно, благородно и благоразумно, вдумчиво и задумчиво, можно подумать, что осмысленное бытие, проплывающее мимо нас в океане Времени, вдруг остановилось, чтобы позировать Пиросмани для того, чтобы у нас появилась возможность созерцать мироздание, о котором никто не задумывается, как не задумываются о неостановимых секундах, оседающих в веках.

Век — это много, а секунда? Кто считает!

Картины Пиросмани поражают разнообразием грузинских застолий, пиршеств, пикников на лоне природы.

У Пиросмани праздники - не безделье, а хорошо организованный ритуал, торжественное священнодействие, возможность посидеть и подумать, почти религиозная медитация.

Состояние пирующих может вызвать изумление. Они - неподвижны, серьёзны, даже печальны. Не зря поэты заметили, что "и печали сопутствует радость".

Почти все застолья Пиросмани (за редкими исключениями) вынесены за пределы интерьеров - это зрелище для всех. Собравшиеся расположены, обычно, на фоне неба и плывущих куда-то облаков, которым никто не запрещает с высоты рассматривать землю и любоваться ею, а пирующим, на них глядя, думать о преходящем.

Небо совсем близко от пирующих, наверное, присутствие гор позволяет такую игру воображения, но интересно спросить, кто поднимает пирующих к небу? Художник или само небо, подглядывая, спускается к ним?

В любом случае, небо - участник пиршества, оно приглашено на пир, часто оно не отделено даже пинией горизонта, и, кажется, что люди сидят не под облаками, а на облаках.

Пребывая на земле, доверяясь щедрости неба, пирующие уплывают вместе с облаками, догадываясь, что только небо не считает секунд.

Может тем оно и нравится пирующим и Пиросмани?

Никакого беспорядка на столе не предвидится, художника интересует начало, повод и смысл происходящего и, судя по торжественности собравшихся, он знает, что первое слово, произнесённое за столом, будет во славу жизни - "Мравалжамиер" (многие лета).

"Да здравствует хлебосольный человек!", которому воздаёт хвалу Пиросмани.

Упомяну две поразительные картины, в которых Пиросмани удалось передать Движение, так взволновавшее студентов на вывеске духана "Варяг".

Шествие "семейства" на картине "Свинья с поросятами" напоминает - ни много, ни мало - мультфильм. Ножки маленьких поросят весело мельтешат перед нашими глазами, и кажется, что мы слышим постукивание их копыт как музыкальный аккомпанемент движения, и это невероятно.

И ещё позволю себе полюбоваться картиной “Женщина с двумя детьми”.

Перед нашими глазами (представьте себе сколько лет!) молодая женщина с двумя детьми” неспешной походкой продолжает своё шествие, в которое её отправил художник, очарованный её заботливой материнской нежностью, которой ему так не доставало. Вы почувствуете, как её юбка колышется во время ходьбы от ветра, привнесённого в картину неизвестно каким приёмом, чтобы женщина со своими детьми шла и шла, охраняемая очарованным взглядом художника-сироты, желающего женщине и её детям долголетия и счастья.

* * *

Пиросмани, хотя он старался быть похожим на остальных людей, занятых поисками хлеба насущного, был обладателем Дара, который помешал ему стать, как все,

У него не было ни дома, ни семьи, о себе он не заботился, не умея этого делать в силу своеобразия характера и особенности зрения, улавливающего жизнь в деталях, из которых он создавал новую, не похожую на ту, которую он видел, а только напоминающую её. И, как это ни странно, созданная им жизнь была ярче, ослепительнее и, по непонятным причинам, - более убедительной, чем та, которая его окружала.

Только вопросы.

Откуда художнику было взять свет, чтобы картины смотрелись, если вокруг было царство темноты?

Как создать новое пространство и наполнить его воздухом с запахом полевых трав?

Как быть художнику, понимающему или предчувствующему, что он живёт на таинственном острове в океане, который называется Вселенная?

Как придать значительность и торжественность жизни на этом острове, перенеся её на сравнительно ничтожное пространство картины?

Задавать вопросы проще, чем на них отвечать.

Пиросмани, наверное, сказал бы “не знаю”, вопросы слишком сложные.

Гении своих тайн не открывают, это мы стараемся проникнуть в их мир, свободный и неисчерпаемый ...

* * *

Первая встреча с картинами Пиросмани связана с воспоминаниями пустынного зала, и вдруг в 2009-м году, десять лет спустя после выставки в Нанте, я оказалась в числе паломников. Поток машин, огромных автобусов, заполненных иностранными туристами, автобусы со студентами и школьниками ехали в Кахетия, в Сигнаги, смотреть Пиросмани в новом музее, где были выставлены рядом с его шедеврами малоизвестные ранние работы.

Такого движения в сторону Пиросмани я никогда не видела.

Музей в Сигнаги предоставил картинам яркий свет, и они засверкали, как жемчужины, особенно парила в воздухе и излучала мистический свет картина “Пасхальный ягнёнок”. От неё невозможно было отвести глаз.

Совсем близко от Сигнаги находится деревня Мирзаани, где можно увидеть дом, в котором Пиросмани намеревался провести свою жизнь, но потом навсегда расстался с ним. Это единственное подлинное место, где, затаив собственное дыхание, можно пройти по следам Пиросмани, хотя время, заматая все следы, оставляет только дыхание.

И вот наступает важный момент моего повествования - совсем недавняя (2011 год) встреча с Пиросмани в Голубой галерее в центре Тбилиси на проспекте Руставели и моё последнее открытие, которое, очевидно, и побудило описать все предыдущие встречи.

Просторная, светлая галерея предоставила картинам Пиросмани огромный зал во временное пользование. (Кто бы мог себе когда-то такое представить!).

В торжественном престижном зале с высокими потолками было собрано большое количество его полотен, глаза разбегались от желания всё рассмотреть. Но вдруг, продолжая любоваться картинами, вы начинаете чувствовать неожиданную неловкость, вас смущает какое-то несоответствие.

В чём дело? Что могло произойти?

Непонятное состояние постепенно проясняется, и вы начинаете понимать, что Пиросмани в этом зале тесно.

Именно огромные залы выявляют особенности его творчества - грандиозность и величественность.

Чем больше зал, тем больше места требуется его картинам, чтобы они смотрелись.

В этом просторном зале стало очевидно, что Пиросмани - не одна планета, вокруг которой имеется атмосфера, а мироздание в виде расширяющейся вселенной.

Но если всё-таки перейти на земной язык, без астрономических терминов, было бы хорошо, если бы будущий музей, учитывая свойства живописи Пиросмани, ему соответствовал.

Главное, чтобы удивление перед творчеством и жизнью с её метаморфозами не прекращалось, как и не прекращался бы поток зрителей, уносящих с собой в разные уголки мира добро и свет, льющиеся с картин Пиросмани, как из рога изобилия. Жизнь — это сказка, увиденная однажды наяву, в грёзах или во сне, и Пиросмани - один из великих сказочников.

* * *

Упомянутые в тексте даты: 1959, 1969, 1999, 2011 выстроились неожиданно интересно, непонятным образом господствует “девятка”, я её не выбирала, не подтасовывала, как это происходит в карточной игре или фокусах.

Что преподнесет следующая девятка, которая должна появиться в 2019 году?

Неужели открытие нового музея Пиросмани?

Я приветствую всех, кто будет на его открытии.

Нант, Январь, 2013

Приложение

«Странствие в пространстве Пиросмани», мне показалось, было бы неполным, если не привести несколько глав, посвященных Пиросмани из книги «Ладо Гудиашвили или Грёза Фрески» Гастона Буачидзе (разумеется, с позволения и одобрения автора), отрывки из которой были напечатаны когда-то в журнале «Литературная Грузия».

Встреча Гудиашвили с Пиросмани – незабываемое событие, к которому Ладо неоднократно возвращался на протяжении всей жизни. Он оставил воспоминания о художнике и навеянные ими рисунки и портреты маслом. Работы Гудиашвили представлены в хронологическом порядке и позволяют увидеть, как менялся его взгляд и отношение к столь странному персонажу на его жизненном пути.

“Поминальный тост Пиросмани”, карандаш, бумага, 1942 г.

Есть у Гудиашвили вещи странные, рационально необъяснимые. К ним относится рисунок “Поминальный тост”.

Кинто с перекинутым через плечо ремнём от шарманки стал на самый край могильной плиты. Под тяжестью тела другой конец плиты приподнялся. Этим воспользовался олененок, прошмыгнувший под неё, присевший на сырую землю и подставивший спину под пропитанный могильным холодом камень. Верный олень Пиросмани и здесь хочет хоть немного отогреть его. Острая мордочка его грустно потуплена, спина и его только ещё

разрастающиеся рога - напряжены, точёные ноги, созданные для гарцевания, натянуты как струны.

Столько преданности и признательности в оленёнке, решившем взвалить на себя непосильное бремя атланта, что жаль, что его не упоминает от руки неустойчивыми линиями выведенная на камне надпись:

“В 1918 г. Скончался художник Никала Пиросманишвили в знак братства камнем оценили меня мои друзья Читающий это помяни меня”.

В надписи продолжает жить Никала: и в её подпрыгивающих буквах, от которых рябит в глазах, и в свободном переходе от третьего лица к первому и второму, и в отсутствии пунктуации, и в незлобивой иронии, где над горечью возвышается братство.

Пусть клюёт ноги покойника подлый ворон, зато не забыл в срок принести к его изголовью дань дружбы кинто, отложивший на время и пиры, и заботы, и праздники, чтобы сердце на минуту сжалось от щемящей песни по одинокой могиле. Оттого и виноватая улыбка, опущенные веки, расстёгнутый ворот и застывшее на устах: Вай ме! Горе мне!

Оттого и жалобные звуки шарманки, скрестившие на груди руки соседи-покойники, пучки травы, торчащие как клочья вырванных волос, обломанный крест поблизости и почтивший память художника голубок на краю охрипшего музыкального ящика.

Оттого рука кинто, вместо того, чтобы лихо выхватить из-за пояса платок для кинтаури, тягуче, будто растягивает незажившую рану на лопатке, тянется вверх.

Вино из чаши льётся на землю, утоляя её жажду - в память о художнике Никала.

Облака в небе замедляют свой бег, словно притихшая стая журавлей.

Но нет разъеденной плиты, неотёсанного булыжника, которые карандаш художника изобразил на рисунке. Нет, потому что неизвестна могила Пиросмани...

В пасмурный день, заслышав звук шарманки и льющегося вина, облака в небе замедляют свой бег, словно притихшая стая журавлей.

На кутеже цвета в подвале

"Я и Пиросмани", масло. 1949 год

Молодой Ладо Гудиашвили в костюме и при бабочке сошёл в подвал к Пиросмани. Гость сидит на табурете. Хозяин стоит перед ним, почти вплотную. Подвальная каморка давит косым изгибом свода.

Пиросмани показывает написанное им. На полу стоят Мальчик в шляпе и Олень. Ладо рассматривает Царицу Тамару. Пиросмани подкарауливает, какое впечатление произведёт его живопись.

За спиной у гостя - обшарпанная стена с повешенным мольбертом, на полу - ведёрко с кистями. Опрокинутая бутылка в углу и закрепленная на стене наклонившаяся керосиновая лампа — шаткие знаки почёта для повелительницы, поставленной то ли на кирпичную печь, то ли на опрокинутый деревянный ящик.

Отпрянувшее лицо и вытянутая в восторженном изгибе рука не скрывают добрых чувств зрителя. От благоговейного изумления красной тесьмой загорелся изнутри край рукава.

На сером сюртуке хозяина - щемящие зелёные и жёлто-коричневые разводы, штаны - мутно-серые, сорочка - не первой белизны. Лицо исстрадавшегося старика следит за молодым задором посетителя. Усы и борода с чахлыми побегам подземелья соскальзывают на чахлые щёки с резко выступающими скулами, волосы зачёсаны набок, из-под пробора выглядывает лысина. Набухшие веки и мешки под глазами плата за самоотверженный труд, лишения и излишества.

Но в мрачной безысходности Пиросмани сохранил гордость и независимость, непомерную дерзновенность самоутверждения. С покровительственным мужеством легла

натруженная рука мастера на край изображения солнцеликой Тамары. Волею его десницы, на мгновение - не самодержец она, а ребёнок. Произведение - плод вдохновения, по добротности не уступает изделию честного столяра или плотника.

В унылую серость стен и удушливость мрака вселил художник свою неизбывную молодость и удивление детского взгляда. Оттого-то и дети вокруг: ребёнок—Мальчик в шляпе, дитя - Олень, пухленькая девочка - царственная Тамара. А Пиросмани — светозарный и счастливый многодетный отец, будто пририсованный к его картине “Миллионер бездетный и бедная с детьми”.

Вот почему молодой просвещённый гость не чувствует себя в стеснительном состоянии посетителя, пришедшего к бедняку, - его принимает щедрый хлебосольный хозяин на кутеже света в подвале.

“Портрет Нико Пиросмани”, масло, 1964

Сквозь почтительный лаконизм письма отчётливо просматривается стремление Ладо Гудиашвили к встрече откровенной и достоверной, смиренным свидетельством чему служит и написанное вопреки его принципами ухо портретируемого.

На Пиросмани тёмно-коричневая европейского покроя шляпа, на плечи накинут такого же цвета пиджак, воротник единой гладью расстилающейся белой сорочки наглухо застёгнут и завязан коричневым галстуком бабочкой.

Итак, шляпа, волосы, брови, двумя пышными крыльями ниспадающие усы, борода клином и тонкое ответвление её, окаймляющее челюсть до уха, пиджак, бабочка и даже контур воротника сорочки - всё решено в коричневой гамме, преимущественно тёмно насыщенной, но с выходами к более светлой тональности, как, например, в передаче волос.

Включая светло-коричневые блики на лице и шее Пиросмани, розовато-коричневую тень, залившую его ухо, единый цветовой аккорд с отголосками сообщает облику художника древесный оттенок, а точнее - перекликается с древесной корой. Начало вольное и естественное, расцветшее и утверждающееся во взаимодействии с тёплым ветерком и иглами ливня, с солнечным лучом и бархатом ночи.

Тёмно-голубой воздух с незначительным просветом за шеей, согласно имманентным своим свойствам, свидетельствует одновременно и о мечте, в которой жил художник, и о холоде, постоянно прописанных в подлестничных стенах, и близоруком безразличии людей к его живописи. Накинутый на плечи пиджак из древесной коры предохраняет от высыхания соки безнадёжно жизнелюбивого творчества. Высокая тонкая шея с вздувшейся жилкой и покатые плечи говорят о всепрощающей мягкости и беззащитности. А в каштановых глазах на светло-голубых с белыми вспышками белках запечатлелось безотчётное и безраздельное любование мириадами душ цвета. Глаза-каштаны ладят с корой каштанового дерева и с голубизной в постоянстве мечты неба.

Извилистый росчерк бровей и ресниц, непроницаемые для взгляда каскады усов подтверждают, что их обладатель довольствуется в жизни малым и жадно берёт на своём пути всё. Весь его облик, аккуратная и заранее продуманная, пусть и небогатая одежда, гладко выбритое лицо и приглаженные усы, не скрывают, что в этот день Пиросмани вышел к людям с открытой душой, в том состоянии братания с ними, в котором он исповедовался пришедшему к нему юноше Ладо. Развёрнутое щедрое живописное пространство рубахи, где на тепло-серой основе оспаривают друг у друга оживлённое ликование блики розовые и зелёные - ненавязчивый и негромкий призыв к этому..

По всему видно, что в этот день Пиросмани позволил себе небольшую толику кокетства и тщеславия, и он хочет нравиться людям. Но в своём одиночестве и стеснительности, в детской робости всепрятия перед чванливой пустотой, единственное, чем он осмелился выделить для рассеянного прохожего, чьи мысли заняты хлебом насущным или балом имущих, свой тихий призыв, - то, что он подвесил под бабочкой (нет, не вместо неё) две

спаренные, мгновенно залившись краской вишни. Ведь они такие доступные каждому, как и радость всего сущего, которую он предлагает разделить с каждым встречным!

Но мы-то ведь знаем, что на прогулку Пиросмани вышел не один и что за ним длинной и чувствующей себя в безопасности вереницей потянулись косули и медвежата, поросята и волк, ослик и барашек и даже огнедышащий лев - весь этот созданный им с окрестных склонов и дальней пустыни новорождённый и потягивающийся от удовольствия зверинец.

Нант, 2013

в) СЛЁЗЫ РУСТАВЕЛИ, «Русский клуб», №11, 2016 г., Тбилиси

Плачущий человек подобен ливню или тихому дождю. Светлые ручьи слез, прокладывая дорогу к чувствительным сердцам, понятнее слов, они смывают преграды между миром и собой, и в них нуждается суровая жизнь, состоящая из битв и страданий, но исполненная благих намерений когда-нибудь очеловечиться.

Это явление природы столетиями изучается учеными, мыслителями и воспевается поэтами.

Чтобы пролился дождь, необходимо перемещение атмосферного давления, смена тепла и холода, превращение горячего пара в прохладный дождь.

Человеческие слезы – это безмолвный упрек в несовершенстве мира, невысказанный крик о помощи и, как это ни странно, проявление радости и восторга в предчувствии нелегкой победы.

Поэт-рыцарь взывает к милости в виде сочувствия и приобщения к страданию другого, потому что не умирает в душе поэта желание разделить неразделимое, высказать невысказанное, что и является отзвуком плывущего острова Поэзии, ищущего гармонию.

Не появилось ли музыкальное созвучие (многоголосие) в эпоху, когда пролилась странная слеза, не с этого ли момента люди начали очеловечиваться?

Пролившиеся поэтические слезы растворяются не в крови, а во времени и в воздухе, они проникают в души чувствительных и рациональных читателей, взывая и к уму, и к сердцу, то есть к согласию между ними, к рождению гармонии.

О чем рассказывают слезы Таризла? Бесцветная жидкость повествует о тоске и отчаянии, заполнивших сердце. Но разве любовь – это только тоска и грусть? Значит ли это, что чем больше слез, тем больше любви? Наверное, правильнее сказать, чем больше любви, тем больше благородных слез, оплакивающих непредсказуемое будущее влюбленных. Слезы, рождающиеся в тайне, трансформируются во что-то тайное, скажем, в Надежду, которую все согласны приютить в душе навсегда. Вот почему поэма кончается свадебными пирами и всеобщим торжеством, вселяющими читателям оптимизм и Надежду.

Надежда – дама-невидимка довольна непредсказуемая, она может и упорхнуть в неизвестном направлении.

Когда совсем плохо, слез нет, они застывают, как сгустки смолы на дереве, сворачиваются, как прокисшее молоко.

Если читатель способен пролить непредсказуемые «слезы Руставели», то и Надежда станет более покладистой и обязательно вернется.

В конце концов, что же такое слезы? Это, прежде всего, - непредсказуемый знак доверия и открытости, зеленый дорожный цвет безопасности. Но и к таким слезам относятся по-разному: кого-то они удивляют, кого-то смущают, есть и такие, кого они раздражают.

Новый отсчет времени начинается с нового видения слез.

Остановимся на тех читателях (их немало), кого они волновали и продолжают волновать, выстраивая генетическую цепь поколений, желающих помочь осушить слезы Таризэла, который, плача, возможно, предвидел не только свою судьбу, но и будущую судьбу Ромео и Джульетты, отчетливо понимая, что дорога жизни на каждом повороте готовит неожиданные сюрпризы. Вот не поверите, какие. Слезам, оказывается, можно тоже позавидовать, если их начинают сравнивать с перлами, сформированными водой и отблесками заглядывающего иногда на глубину солнечного света, щедро распространяющего свою палитру, пусть даже разбавленную, размытую, но прекрасную и небесно-недосягаемую. Таковы слезы Таризэла.

Плачут либо сами, пряча собственные «перлы» в тишине, либо как поэты, приглашая всех к собственному плачу, как к столу с изысканными яствами, с уверенностью в том, что отведать их не помешают каждому. Поэты, надеясь, что дорога слез будет протоптана многими читателями, позволяют себе плакать навзрыд, не пряча своих слез, как небо, с которого они обозревают землю на своем плывущем острове. Став небом и оплавав его слезами, поэты приглашают людей и небо свидетельствовать, что плач со слезами, который проникает в почву, оставляет глубокий след не только ней, но и в сердцах многих поколений, поверивших, что счастливая любовь и взаимопонимание (дружба) возможны.

Слезы – это язык потерь и скорби, надежды и счастья, язык, способный объединить всех. Каков процент скорби, надежды, счастья в плаче, предстоит еще подсчитать на электронных весах, затем оценить взвешенное по шкале ценностей, а шкала, как градусник, скачет вверх-вниз в зависимости температуры слез. Нелегкая эта работа... Как измерить неизмеримое? Как понять невысказанное?

Поэтический язык – эзопов язык сотворчества, язык заговорщиков, язык самой природы, которую поэты призывают в свидетели. Каким образом? Например, Роза, которой посвящено столько стихов, с точки зрения высокой красоты, доставшейся на ее долю, – цветок цветов. Роза – прекрасный цветок и одновременно – явление природы. У поэтов роза – одушевленный предмет, служащий измерением восприятия неподвластной слову красоты. Взгляните на розу! Что можно еще сказать о ней, чего не сказано в поэзии всех времен и народов? Поэзия отсылает к розе, слезам, рыданиям, как к явлениям природы, к которым современный человек стал равнодушным и безучастным, изолированный и отгороженный прочными стенами добротных домов. Розы, произрастающие за высокими стенами, недосягаемые для взгляда и заставляющие мечтать, и розы, мельтешащие перед глазами, которые можно купить в магазине, – это разные розы. Роза, которая продается на каждом шагу, перестала быть царицей, и как бы она ни была красива, она перестала разговаривать с нами о вечности на языке поэтов. Но безгласные Розы, окружающие нас в огромном количестве, свидетельствуют и напоминают о розе, вдохновившей Руставели и заставившей его творить. Язык розы воскресает у Руставели как символ жизни и красоты.

Цветы, камни – самоцветы и драгоценные камни – вызывают к нам, как слезы героев поэмы, повергая современного читателя в загадочный мир поэтической души, которую пощадило время, потому что ни розы, ни камни не ушли из нашей жизни, они просто перестали разговаривать с нами на языке вечности, которая создала их с единственной целью – облагородить человеческую речь, обогатив её дарами природы, продолжающими присутствовать среди нас и взывать к нам теми же розами, камнями, слезами...

Оправдали ли слезы Руставели его намерение и замысел поэта наградить каждого живущего еще одним языком – языком природы, который не должен оставаться непонятным, если вдруг кому-то придет в голову поменять язык общения. Сколько бы языков не знал человек, язык природы объединяет сильнее всего. Есть страны, где розы не растут, потому что не успевают насладиться солнцем или влагой. В таком случае поэма написана и для

них, так как воображаемые цветы – всегда самые яркие. А живая роза покорит каждого, кто захочет ее увидеть и вдохнуть ее аромат.

Язык поэзии – это язык самой Вечности и ее загадок.

Слезы – ручей, поток, река, водопад, море, океан. Как добраться до суши?

Слезы – это пробуждение души, «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь». Все оттенки человеческих переживаний не обходятся без них.

Поэма о Любви? Или поэма о безумии любви? Где кончается одно и начинается другое? Процесс познания и размышления продолжается, но не повернул ли он в обратную сторону? Не является ли поэма XII века неким барометром века нынешнего и последующих?

Руставели волнуют не только любовные приключения, но и судьбы народов. Могут ли народы понять друг друга и на каком языке?

В поэме этот язык очевиден и понятен всем – это язык взаимопомощи и взаимопонимания.

Благодаря Руставели путешествие в прошлое возвращает читателя в свой собственный век просвещенным и обогащенным обнадеживающими впечатлениями. Руставели беседует с читателем на высшем уровне в эпоху, когда многие не умели читать. Ах, как мало было читающих и как много было благодарных слушателей! Каким загадочным представлялся исписанный лист или льющиеся строки поэмы, заученные наизусть безумцами-миджнурами, передающими пламя любви Руставели из века в век, сохраняя и поддерживая костры желаний, из которых единственное и самое сильное желание – это рассказать о своей душе, в существование которой то верят, то не верят.

Если душе суждено выжить, слезы радости и торжества будут услышаны.

Жизнь – постоянное поле сражения.

Льющиеся слезы Руставели – это сострадание, сочувствие и надежда, что их можно осушить доброжелательными дружескими отношениями, где «моя боль – это твоя боль», «мое горе – это твое горе» или «твоя боль – это моя боль», «мое горе – это твое горе». Это идеализм? Не потому ли плачущие всех веков уединялись, предчувствуя, что придет время и от плачущих будут устраняться, говоря «это твоя проблема»? Действительно, неплохо и на себя надеяться и, как Тариэл, вступить в поединок с самим собой.

Испытания начинаются с момента этой встречи.

Когда душа начинает разговаривать с поэтом он, ошеломленный, повествует ее историю, видя себя и Тариэлом, и Автандилом, которым так недостает друг друга, но узнают они об этом только при встрече, рассказывая о себе и сопоставляя события своей жизни.

Странное ощущение испытывает современный читатель, отправившийся благодаря поэме туда, где его никогда не было, но жили другие люди, с которыми хочется познакомиться. Читатель поражен, что оказался не только среди драгоценных камней, самоцветов, дивных растений – кипарисов и алоэ и цветов роз, фиалок, лилий, шафрана, но среди образованных людей, праздников, охоты и битв. Можно подумать, что поэт считает язык камней и цветов более надежным и понятным для последующих эпох. Читатель – странник во времени – от избытка благоухающих цветов, сверкающих камней, жестокости, безрассудства, благородства и слез погружается в атмосферу жизни, которая, хоть и была реальной, но явилась к нам изысканным плодом с невидимого дерева, произрастающего на острове Поэзии, где перебираются драгоценности так называемого бытия, то есть создается шкала ценностей, которая стремится к тому, чтобы стать осознанной последующими поколениями, помнящими о хрупкости жизни.

Наверное, осознанием хрупкости жизни и вырабатываются генетические коды стран и народов, и Слезы Руставели пролиты не напрасно.

Камни – долговечнее людей, цветы, следуя зову сезонов, расцветают в предназначенный срок, камни и цветы могут стать посредниками между людьми, разговаривая о жизни и смерти, радости и печали, любви и ненависти на понятном поэтам языке.

P.S. А теперь представьте гармоничное пение «Мравалжамиер» - гимна жизни и долголетия, который звучит во славу плывущего в небесах острова, омываемого земными слезами.

4. КИТА БУАЧИДЗЕ* — ТАКОЕ ДЛИННОЕ, ДЛИННОЕ ПИСЬМО ВИКТОРУ АСТАФЬЕВУ И ДРУГИЕ ПОСЛАНИЯ С КАРТИНКАМИ В ЧЕРНО-БЕЛОМ ЦВЕТЕ, «Ганатлеба», 1989 г., Тбилиси

*Американское гостеприимство
беспредельно идалеко оставляет позади все
возможное в этом роде, включая
гостеприимство сибирское или грузинское.*

И. Ильф, Е. Петров.
«Одноэтажная Америка».

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Виктор Петрович!

Ровно полвека назад по приглашению Союза писателей приехал в Страну Советов знаменитый в то время французский писатель Андре Жид, автор романа «Фальшивомонетки».

Приехал он в сопровождении молодых писателей, и все они, что и говорить, были встречены у нас сначала с истинно сибирским, а потом и грузинским гостеприимством.

В Москве высокого гостя и его спутников возили на машине М-1 по фабрикам и заводам, только что построенным или еще находившимся в лесах новостроек.

В отличие от Романа Роллана, прибывшего в столицу уже больным человеком и, наверно, поэтому редко покидавшего дом и дачу Максима Горького, Андре Жид сравнительно скоро, уже через день-два, изъявил твердое желание без какого-либо сопровождения с нашей стороны ознакомиться с Москвой, без гида походить по ее улицам и закоулкам...

И вот однажды, во время такой пешей прогулки, в компании своих французских друзей он вдруг услышал урчание в собственном животе, и во избежание той неприятности в брюках, какая порою случается на фронте с новобранцами под градом пуль, ему до жути захотелось воспользоваться, говоря простым русским языком, нужником, а если возвышенным французско-нижегородским – туалетом, но...

Хотя находился он в те тревожные минуты почти в самом центре города, – ни нужника тебе, ни туалета! А катастрофа, о, это, явно чувствовал 67-летний старик, надвигалась, как лавина...

К счастью, какая-то древняя старуха, проходившая мимо, услышав французскую речь, пришла на помощь: она, словно княгиня Марья Васильевна из «Хаджи-Мурата», на превосходном французском языке объяснила им, что стесняться нечего – все мы люди, а такое крайне нужное и, стало быть, высокоуважаемое заведение находится в районе Арбата, в начале Гоголевского бульвара...

И вот, наконец, как-то добравшись до этого заветного уголка, многострадальный мусье (месье, мсье?) Андре с дрожащими коленками направился к кабине, но... Право, не знаю, как назвать, заведующим, директором-распорядителем или просто служителем, – преградил ему дорогу человек в косоворотке с рулоном квитанций, потребовав за пользование

* Кита Буачидзе (1914-2000) – популярный грузинский писатель-публицист, драматург. Его произведения признаны бестселлерами. Один из них предлагаем вниманию читателя.

плату в 20 копеек (по нынешнему курсу 2 копейки)! Но у Жида, как назло, советской монеты не оказалось, и он протянул чуть ли не золотой франк, лишь бы поскорее впустили, как ему тогда казалось, в этот запретный рай...

И когда он вышел на улицу всесторонне облегченный и в смысле желудка, и в смысле кармана, свободно и глубоко вдохнул тогда еще чистейший московский воздух (в то время машин было мало!), на его тонких, выразительных французских губах словно заиграла какая-то оптимистическая песенка из фильма «Под крышами Парижа», которую наши мастера по дубляжу, вероятно, подогнали бы под слова Лебедева – Кумача из кинокомедии «Веселые ребята»: Как хорошо на свете жить!..

Между прочим, маститый французский мэтр тут же узнал от поджидавших его молодых коллег, что «там» плату берут только за большую нужду, а за малую же – бесплатно... Да!

Из Москвы Андре Жид отправился в Грузию, в Тбилиси...

Кстати, через год – в Варфоломеевский год! – одного его тамошнего собеседника, лучшего грузинского романиста Михаила Джавахишвили, расстреляли как врага народа, прибегнув к неотразимой, железной логике: мы-то, мол, приставили тебя к этому империалисту-иностранцу как знающего французский язык, и если ты на самом деле наш, советский человек, почему же выполнил наше поручение?

(Поневоле, наверно, подумаете, что в конце этой фразы у машинистки выпало отрицание «не»... Нет, не выпало!).

Через некоторое время из Тбилиси французский гость выехал для основательного отдыха в Синоп, близ Сухуми, и там его обхаживали, ну, если не как царя Николая Александровича, то, по крайней мере, на уровне великого князя Николая Николаевича, главнокомандующего войсками Кавказского фронта в 1-ю мировую войну.

Когда Жид и его спутники впервые сели за обеденный стол, как это позже стало известно всему цивилизованному миру, мусье Андре, оглядев искусно, прямо артистически расставленные яства, воскликнул:

– Мон дье! Какая культура! Это надо сперва сфотографировать, как натюрморт, а потом приступить к трапезе.

Ему, привыкшему к знаменитой французской кухне, тончайшему гурману, необыкновенно понравились цыплята в чесночном соусе, форель в ореховых листьях, курица, варенная в соке незрелого винограда, баклажаны с толчеными орехами, свежий, молодой имеретинский сыр с мятой, поджаренный молочный сулгуни (французы, как и некоторые другие народы Запада, оказывается, едят сыр после обеда как деликатес), а что касается сациви, то будущий лауреат Нобелевской премии тут же записал рецепт его приготовления.

- А нельзя ли приготовить сациви из петуха? – поинтересовался достойный потомок Александра Дюма, великого романиста и великого кулинара.

- О, нет, мусье! – лаконично, но по-французски изысканно вежливо объяснили ему.

Я имею в виду галльского петуха!

Да откуда б ни был этот петух, мусье, пусть даже из нашего городка Гали. Сациви, представьте, даже из курицы не получается... Нет, получается, но все же не тот, не тот... Это вроде кожезаменителя. Настоящий сациви готовят только из индейки, только и только из индейки, мусье! Иэти хачапури, которые Вам так понравились, никак не приготовить ни из швейцарского сыра, и ни из Вашего знаменитого рокфора, – только и только из нашего малоизвестного имеретинского сыра, мусье!

(Мини-справка: до войны и в первые годы после войны именно такие хачапури и сациви готовили в московском ресторане «Арагви», и в те времена перед его дверьми, в особенности по вечерам, выстраивались длиннющие очереди не только «простых» москвичей, но и дипломатов самого высокого ранга, включая их дуайена, посла шведского

королевства. А потом, когда в этом «подземелье» перестали «орудовать» грузины (вернее, их заставили «перестать»), «Арагви быстро превратился в «Лже-арагви», словно после сильнейшей засухи совсем обмелел (Арагви – река в Грузии), в сём положении находится и сейчас.

Между прочим, там же, на месте, пекут грузинский «шоти-пури». Пекут в торне – большой яме, обмазанной глиной, на дне которой горят дрова; пекарь, как акробат, должен до пояса нагнуться в это пекло, чтобы на его раскаленные стенки сперва прилепить тесто круглой или рогообразной формы, а через некоторое время таким же акробатическим приемом достать выпеченный хлеб... И так весь день, и весь месяц, за...90 рублей (с вычетами!). Да еще будучи вдали от родины, от своей семьи, близких и родных... И все же, раз ты советский человек, будь честен и не орудуй!..

К слову сказать, с тех времен национальный грузинский хлеб так полюбился многим, что в Москве недавно открыли специальный магазин, где, правда, не в торне, а в механических печах пекут «шоти-пури» (вкус, о, не совсем тот!), но почему-то, называют его «кавказским лавашом», хотя он нисколько не походит ни на один лаваш народов Кавказа.

Но бывает и наоборот, иногда, но все же бывает!

Может быть, это и не совсем к месту, но поневоле как-то всплывает в памяти такое: когда народного артиста СССР И. М. Туманишвили назначали главным режиссером Большого театра, его назначили как Туманова, а когда освобождали, освободили как Туманишвили, в похвалу которому вполне достаточно вспомнить только то, что сотворенный им финал московской Олимпиады заставил сто тысяч зрителей в Лужниках и многие миллионы телезрителей прослезиться, прослезиться в «наш жестокий, бесчувственный век»!..

Кстати, и такому человеку, красавцу и телом и душой, любимцу всей театральной Москвы, при тогдашнем секретаре Московского городского комитета партии Гришине не нашлось места на Новодевичьем кладбище... Поневоле хочется горестно воскликнуть: «Эх, брат, служи прежде всего своему народу!..».

Прошу прощения, ибо вместо мини-справки у меня скорее получилась макси...).

* * *

История умалчивает, пробовал ли Андре Жид, по приезде в Париж, приготовить сациви, но истории досконально известно, что не только он, но и до него другой французский писатель, румын по национальности, Панаит Истрати, прозванный балканским Горьким, приехав домой, облил нашу Советскую Родину грязью и помоями, хотя в бытность свою у нас не сэкономил хвалебных слов...

– Что за полудикая страна, – возмущался Андре Жид в одном своем памфлете, – и что за город Москва, где всего-навсего одна-единственная уборная, да к тому же ею можно пользоваться только за плату. Что ж, у кого денег не окажется, должен... прямо на улице...

Нет, нет! Не буду дальше натурально переводить его слов с языка Мольера и Вольтера, скажу только, что эта сугубо санитарная история чуть не превратилась в остро политическую: Сталин сильно разозлился, но разозлился без бурно выраженных эмоций, как это вообще было ему присуще, на недавнего нашего гостя, теперь уже не столь знаменитого и не такого уж талантливого, обругавшего самый лучший в мире общественный строй – советский!..

Как же не обратить внимание в новой Москве на величественный и чистенький «Шарикоподшипник», а заметить отсутствие каких-то нечистых уборных...

И, по указанию вождя, в «Правде» появился целый подвал – «Смех и слезы Андре Жида», где, между прочим, не так уж завуалированно намекали на одну постыдную страсть этого француза.

(Доказательство? Пожалуйста: во всей его свите не было ни одной писательницы, ни молодой, ни молодящейся!).

Только вот из этой статьи невозможно было узнать, вел ли аморальную жизнь мусье Андре и до нашего приглашения, то есть приехал к нам уже вполне оформленным извращенцем или он впервые предался разврату, возвращаясь на родину в скором поезде Москва-Париж...

В отличие от императора Веспасиана, который, как известно, первым ввел в истории человечества плату за пользование общественными уборными («Деньги не пахнут»), антиимператор Сталин после этого инцидента на всю Европу, сразу же отменил всякую плату за... мм...

И как раз с того времени в столице нашей Родины начали интенсивно строить туалеты то там, то сям, даже с указателями по-английски, что, где, куда... Нельзя не отметить, что некоторые из них, ну, например, тот, что в конце Тверского бульвара, за памятником Тимирязеву, по своему великолепию, простору и кладке кафеля вряд ли уступит (правда, мною никогда еще не виденным) станциям парижского метро!

* * *

Да, Виктор Петрович, именно этот «печальный детектив» всплыл неволью в моей памяти, когда я прочитал в «Нашем современнике» (№5, 1986г.) «Ловлю пескарей в Грузии», произведение почему-то названное Вами рассказом (что ж, и Гоголь назвал «Мертвые души» поэмой, а Чехов свои драмы – комедиями).

Вы, конечно, уже знаете, что рассказ Ваш вызвал у читающей публики – только у ее грузинской части, разумеется, – бурю негодования. Некоторые, по-моему, чересчур ретивые горе-ура-патриоты, как мне передали, даже звонили за три тысячи километров в редакцию, мол, как такой поклеп на Грузию, пасквиль, напраслина могли появиться на страницах советского журнала...

Лично я – если и не писатель в старом, добром понимании этого звания, во всяком случае, полноправный член Союза писателей, аккуратно получающий пенсию за членство в нем и за членство, ни гроша не платящий по возрасту, – ничего предосудительного не вижу в том, что «Пескарей» взяли и опубликовали.

Даже наоборот! Почему же? Да потому, что...

Я, кажется, мог бы выразить свою мысль и своими же словами, но боюсь, как бы с моим корявым русским языком не споткнуться даже на ровном месте и не ляпнуть что-то невразумительное, поэтому ради страховки прибегну к помощи одного московского печатного органа:

«Процесс нынешнего духовного освежения атмосферы нашего общества как раз предполагает, чтобы каждый гражданин своего отечества, невзирая на лица, прямо говорил о том, что мешает нам идти в будущее».

И как можно после этого запретить Вам – гражданину нашего отечества, да еще какому гражданину! – знаменитому русскому писателю, вместе с Валентином Распутиным, с Василием Беловым, с Юрием Бондаревым, с Сергеем Залыгиным, с Федором Абрамовым (Федор Александрович в моем сердце по-прежнему жив, тем паче в Вашем, нет сомнения, трижды жив), продолжателями прекрасных гуманистических традиций великих русских писателей девятнадцатого века, – **в ы с к а з а т ь с я н а п р я м и к ? !**

...И надо полагать, что рассказ «Ловля пескарей в Грузии» написан Вами именно с той целью, чтобы мы все продвинулись, да еще как можно быстрее, в еще более светлое будущее, а это, разумеется, невозможно без правдивого, прямого и разящего слова, и ради

этой великой цели, ради блага всего нашего Отечества нельзя считаться, конечно, ни с чем прогнанным, нельзя щадить даже целую (впрочем маленькую) республику, если она, разумеется, опасно болеет, да ещё болеет инфекционной болезнью – ведь она может заразить другие здоровые республики!..

Примерно три года назад в «Известиях» была напечатана Ваша прелестная... Не знаю, как назвать точнее, то ли заметка, то ли статейка. В ней говорилось о том, как мы, современные грузины, утратили красивейшую традицию давать в приданное нашу великую национальную поэму «Витязь в тигровой шкуре». Нынче вместо нее у дочерей и сыновей Грузии глаза разбегаются и останавливаются то на «Волге», то на «Жигулях», а кое у кого даже на западногерманском «Мерседесе» и японской «Тойете».

К моему великому сожалению, все это сущая правда. Между прочим, Вы об этом и в «Пескарях» пишете. Примечательно то, что Вы в обоих случаях высказываете, как мне показалось, свое уважение нашему божееству Руставели...

Почетный член Академии наук СССР, американец Томас Алва Эдисон, вовсе не философ, а изобретатель, еще сто лет назад сказал:

«Величайшая задача цивилизации – научить человека мыслить».

Если не ошибаюсь, наш брат и тогда и без особой цивилизации умел мыслить, но потом... потом... постепенно... постепенно... на протяжении многих десятилетий нас отучили... мм... Право, не знаю, как помягче выразиться, чтобы не вышло что-то не так...

Да, мы в течение многих, многих лет постепенно отвыкли от искренности, от прямоты: думаем одно (правда в себе!), а говорим и пишем другое (неправда вне себя!), но сейчас мне очень хочется верить Вам, что вы и в душе искренне расположены к Руставели. Если это так, то тогда мой и Ваш Руставели говорит в «Витязе»:

Что содержится в кувшине, то и льется из него.

Так что нельзя корить Вас за то, что Вы «вылили» то, что так долго переполняло Ваше сердце, и попрекать «Наш современник» за то, что «перелил» это «вылитое» на свои страницы.

С моей, быть может, наивной точки зрения, ничего криминального в этом нет, тем более теперь, в наши дни, когда нас так убеждают, что наступила долгожданная эра искренности, эра чистосердечности, эра безбоязненно говорить правду и только правду!..

(Вот склероз проклятый: уже не помню, кто это сказал, или где это я вычитал: «Блажен, кто верует...»).

Хочу особо отметить, что это мое письмо отчасти, так сказать, рикошетом адресовано и Распутину Валентину Григорьевичу... Да только отчасти и рикошетом, ибо я своими ушами не слышал его слов, произнесенных с трибуны только что закончившегося съезда писателей, не слышал непосредственно, лично, его неутешительного (конечно, только для грузин!) диагноза-приговора о болезни Грузии. (Кстати, так до кемалистской революции отзывались об Османской империи: «Большой человек Европы!»).

Кажется, даже в Шемякином суде, прежде чем вынести смертный приговор, обвиняемому давали возможность, пусть коротко, но сказать что-либо в свое оправдание...

Приведу еще более веский пример: знаменитого испанского художника Эль Греко инквизиторы (и н к в и з и т о р ы!) три раза вызывали в суд для установления истины.

Времена инквизиции, сами знаете, давно уже миновали, и все мы давненько живем в радостное время, ведь Сталин еще полстолетия тому назад сказал: «Жить стало веселее, товарищи!».

Так что, Виктор Петрович, старший наш брат, будьте добры выслушать косноязычную речь Вашего по возрасту старшего, а по национальности младшего брата, к тому же так тяжело больного, что и такой проницательный лекарь, как Валентин Распутин, не считает возможным даже лекарства прописать.

(Не потому ли Важа Пшавела, наш большой поэт, еще в начале века завещал нам: «Не надейтесь на других, сами лечите себя...».)

Ловить «пескарей» в Грузии, конечно, можно и нужно, даже крайне необходимо, к тому же и не только «рыбешек» можно выловить в наших мутных водах, но, к великому нашему огорчению, и более крупных «рыб», даже «рыбищ»...

Дело только в том, каким неводом, какой сетью ловят их и кто ловит, – член Союза охотников и рыболовов или просто браконьер с холодным лбом, которому наплевать и на экологию, и на космогонию, лишь бы ему было привольно...

Я не хочу сказать, что Ваш рассказ о Грузии написан с позиции ненависти, но то, что он написан с позиции нелюбви, с позиции неприязни, в этом нетрудно убедиться, с этой целью и не надо долго в нем копаться.

И нам, грузинам, это, конечно, обидно. Ведь рассказ написал известный, авторитетный современный русский писатель. (Как видите, я опускаю слово «советский», чтобы оно не прозвучало политически обвинительно и как дешевая демагогия).

Ну, а все-таки, что Вас так разозлило, Виктор Петрович? Вы же крупный художник, а не тот недалекий обыватель Иван Прокофьич, у которого один нахальный «джигит» – грузин отбил красавицу жену, и он после этого на всю жизнь возненавидел всю грузинскую нацию!..

У меня был брат, постарше меня, писатель-критик, настолько талантливый (без хвастовства!), что его, 26-летнего парня, Фадеев, Авербах, Ермилов легко заметили и перевели работать в Москву вторым секретарем Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей...

После ликвидации РАПП-а в апреле 1932 года его все же оставили в Москве, так сказать, полпредом грузинской литературы, но на этот «пост», оказывается, исподтишка зарился Аршалуис Аршаруни, армянин, не знающий ни грузинского языка, ни грузинской литературы... И когда наступил Варфоломеевский год, он немедля состряпал донос-статью «Оруженосец Авербаха» для «Литературной газеты», и... моего брата так называемое Особое совещание, председателем которого был Татузов, тоже армянин, без особых совещаний пустило... «в расход!»

После смерти Сталина этих «врагов народа», и Л. Авербаха, и его «оруженосца» Б. Буачидзе, реабилитировали, а «друг народа» «Марат» Аршаруни, кажется, и поныне жив... Во всяком случае, знаю, что ему, как честнейшему коммунисту-литератору, отмечали юбилеи и в связи с 60-летием, и 70-летием, и 80-летием!

Эту печальную историю только потому и рассказываю, что я, в отличие от «Ивана Прокофьича», хотя и знал, что моего брата погубили армяне – Аршаруни и Татузов, но на этом основании не стал ненавидеть весь армянский народ... Ведь в те годы многие и его прекрасные сыны тоже пострадали, в том числе и высокоталантливый Егише Чаренц, близкий друг моего брата, чью повесть «Воспоминание об эриванском исправдоме» в русском переводе именно мой брат напечатал в «своем» журнале «На рубеже Востока».

* * *

В Вашем же рассказе можно обнаружить, что вся эта «пескарская история» произошла лет двадцать назад, а вот некоторые наши «старожилы» утверждают, видимо, со слов самого «Отара», даже на несколько лет раньше: в 1962 году.

И неужели Вы, Виктор Петрович, мужественный и суровый сибиряк (пользуюсь Вашими же словами, но без кавычек) целых четверть века носили камень...

Нет, не за пазухой, а в самом сердце, что, конечно, гораздо тяжелее и весьма опасно для здоровья, ведь он, этот камень, нет сомнения, подтачивал Ваше сердце, которое так нужно всем нам – почитателям Вашего таланта. И все это из-за чего?

Да только потому, что Вас в Гагра, в Доме творчества (название-то, вообще, архиглупое: за редким исключением никто там ничего не творит, да и в других подобных Домах тоже), его директор, самодур и неуч, ни бельмеса не понимающий в иерархии современной русской прозы, поместил Вас в комнате № 13, против туалета. (Жаль, что не уточняете – женского или мужского, впрочем... французская парфюмерная фирма «Кристиан Диор» в их запахах существенного различия не находит).

Но стоило ли Вам из-за этого так обижаться? Правда, это всецело зависит от характера, а он у Вас, наверно, неотходчивый, и это, думаю, с рождения, а не потому, что у Вас было тяжелое детство, росли в детдоме, где, видимо, не на должном уровне велась идейно-воспитательная работа: ведь у нас уверены, что именно такая работа формирует советский характер.

А вот моя мама, мать девятерых детей, читающая по слогам, а писать и вовсе не умеющая, исходя из своей «воспитательной практики» и всецело полагаясь на природу, говорила: чем больше детей в семье, тем лучше; одни получаются хорошими, а другие похуже...

Если я правильно воспринимаю Ваш юмор, то, думается, в Ваших произведениях рассыпаны блески сарказма и сатиры, и как жаль, что такой автор, как Вы, не отнесся к комнате № 13 с юмором, пусть даже печальным.

К тому же, поскольку я знаю, а знаю я это достаточно хорошо, ибо в разных Домах творчества и я не раз «творил», тот директор, олух царя небесного, по своей злой воле все-таки не смог бы поместить Вас там, где его нищенской душе было угодно: в путевке всегда значатся номера комнат, а выдает их только Литфонд, который прекрасно знает, где какая комната расположена, с видом на туалет или на море... Кстати, в том корпусе, который Вы описываете, «с видом на железнодорожное полотно», членов Союза писателей, как правило, не поселяют...

Ну, если и поселили...

Один профсоюзный работник довольно высокого ранга, чьи подчиненные даже в пионерских лагерях крадут у детей и манну небесную, и хлеб насущный, «просветил» меня однажды, что это он должен жить хорошо, а я, писатель, если и живу плохо и от этого страдаю, то это вовсе и неплохо, ибо писатели, мол, и из страданий извлекают для себя пользу, и в этом, черт побери, есть, кажется, свой резон.

Если судьба собирается выковать из тебя именно писателя и на старте жизни приходится тебе страдать, это со временем, возможно, и впрямь даст ощутимые литературные плоды, но если ты, начиная со старта и на финише без конца мучаешься, такой жизненный опыт вряд ли на том свете пригодится...

В то время, к которому относятся Ваши «гагринские страдания», Вам было далеко, очень-очень далеко до пенсионного возраста, Вы еще не были так знамениты, «Царь-рыбу», наверно, лишь вынашивали, и если Вас...

Однажды Лев Толстой, уже старый, устав от длительной пешей прогулки, присел на скамейку какого-то полустанка и сразу услышал из окна станционного здания грубый окрик женщины:

Эй ты, старикашка, вставай и убирайся, это сквер начальника станции!

Толстой безмолвно встал и... убрался. (Надо полагать, что управительница «железнодорожных владений», если даже и читала Толстого, могла его в лицо не узнать и принять его за какого-нибудь крестьянина-отходника: весь девятнадцатый век – век бороды, но только не для артистов – никто из них бороду не носил, и, между прочим, по этой примете их легко узнавали и на улице, и в бане).

Дело не в том, что все это произошло с Толстым на его родине, среди своих, в широком понимании, земляков, но если бы подобная история случилась с ним, допустим, в Грузии, вряд ли можно предположить, что Лев Николаевич этим так бы оскорбился, что оборвал знакомство со своим ровесным почитателем Накашидзе и положил бы конец своей дружбе с военным историком Эсадзе, ибо Толстой не был...

Да не будем уточнять, кем он был и кем он не был, это, наверно, даже тому директору-медведю известно, который так непочтительно отнёсся к Вам, в результате чего на свет появился ныне мною рассматриваемый Ваш рассказ, который, кстати, если и в самом деле рассказ, как художественное произведение вряд ли чего-нибудь прибавит к славе автора «Царь-рыбы», «Последнего поклона», «Печального детектива»...

При чтении «Ловли пескарей» прежде всего создается такое впечатление, будто бы английский вице-губернатор после некоторого отсутствия прибыл... Я не скажу, что в колонию, нет, в доминион, в какой-нибудь индийский штат, скажем, в Раждестан и... Нахмутив брови, остается всем недовольным, в особенности тем, что эти туземцы-индийцы по-прежнему плохо, крайне плохо говорят на его родном языке – на языке метрополии!..

О, дарагой Виктор Петрович, дарагой Виктор Петрович, Ваш любимый, родной, а мой вовсе не родной, но все же мною горячо любимый русский язык среди мировых языков считается одним из наиболее трудных (сложнее его арабский и японский. Поди-ка предложи произнести американцу или французу, итальянцу или испанцу, ну, например, такое причастие: «прихорашивающемуся»...).

Представьте, это сознавал даже не то граф, не то кучер Бирон...

Ой, простите, как-то ляпнул: не Бирон, нет! – Никита Сергеевич Хрущев, собиравшийся реформировать, в смысле упрощения, – раз он легко не давался студентам-африканцам («Почему «все-таки» пишется с дефисом, а «все же» – нет?») «Почему советские машины, например: «Волга», «Жигули», «Нива» пишутся с заглавной буквой, а несоветские, к примеру, «мерседес», «рено», «фиат» – со строчной?») – великий, могучий, правдивый и свободный русский язык, и он, как и во многих других начинаниях, и в этом деле, безусловно, преуспел бы, если б не угрожающие лавинные прыжки со стороны известных лингвистов-языковедов и выдающихся русских писателей: Леонида Леонова, Мариэтты Шагинян, воскликнувших: «Нет, мы не будем есть таких огурцев!».

И вот, оказывается, Ваш сокурсник, да еще по ЛИТинституту, грузин и по национальности, и по невежеству, и после этой неудавшейся реформы по-прежнему ест хрущевских «огурцев», и это Вас до глубины души возмущает, и меня, вовсе не русского, тоже возмущает, но только не до глубины души, и вот почему:

Советские психологи и социологи, одним словом, наши ученые, с малых лет превосходно идейно-политически воспитанные, как бы ни отрицали как буржуазную доктрину, ниспосланную небом человеку божью искру, но она все же существует в природе, в частности, существует способность к языкам.

Иван Алексеевич Бунин в моей рекомендации, разумеется, ни перед кем не нуждается, тем более не нуждается он перед Вами, но один из не столь уж маловажных штрихов его биографии, возможно, не очень известен Вам: Бунин, как Вы знаете, больше тридцати лет прожил во Франции и чувствовал себя там неуютно, как говорится, не в своей тарелке, и это не только потому, что, будучи вдали от родины, тосковал по ней; и это было, конечно, но большей частью потому, что он даже за многие годы никак не научился свободно говорить по-французски, что затрудняло общение с внешним миром, а ему вовсе не хотелось все время быть замкнутым в одной эмигрантской скорлупе...

Пожалуйста, не думайте, что этим я хочу снять Ваше обвинение с нашего «Отара», однако... Убейте меня вместо того дурака-директора Дома творчества, но никак не могу

поверить, что он, «Отар», в жизни так страшно, так безбожно изъясняется по-русски, просто уму непостижимо: «тесят», «стелай»...

Вы не щадите даже...

« – Выпьем еще раз за нашего любимого отыц! – воззвала к застолью учительница русского языка. Она все-таки сносно говорила по-русски. Бывает, которые почти ни одного слова не знают, но учат»...

Ну, это уж слишком, Виктор Петрович... А, впрочем, Вы думаете, в Сибири, в любой сельской местности, учителя иностранных языков лучше знают эти языки, чем наши, преподающие в сельской местности русский?

(Не знаю точно, это полуправда или правда, но рассказывают, что некий грузин где-то в Ваших краях преподавал мегрельский – диалект грузинского языка – как французский... Поверьте, для этого тоже нужен талант, ну, если не литературный, то во всяком случае, талант афериста... А аферисты, к слову, люди вовсе не бездарные).

Я в свои юношеские годы, живя в деревне, знал одного крестьянина, натурального крестьянина... (Кстати, не знаю, как у Вас, в Сибири, но у нас, в Грузии, кажется, и в других республиках крестьянство, как таковое, к великой нашей общей беде, если уж не совсем вымерло, то, во всяком случае, находится на грани вымирания. Теперешний так называемый крестьянин, точнее сельский житель, перенял и перенимает самые отвратительные черты и привычки горожан, вплоть до употребления наркотиков, а вот, например, благотворно влияющее на здоровье хождение босиком по траве даже в своем же дворе считается признаком отсталости и бедности, а в Англии и лорды объединяются в специально созданные клубы «босоногих»!)

...И вот, этот простой грузинский крестьянин знал по-русски только одно-единственное слово «великолепно»... Осенью, когда он легко, словно циркач, взбирался на огромное ореховое дерево и разгуливал по его могучим ветвям, стряхивая восьмиметровой палкой его плоды, довольный своей работой, то и дело выкрикивая «великолепно!», нисколько не ошибался в постановке ударения.

А «Ваш» писатель «Отар»... Между прочим, я его давно не видел и, вообще, в жизни с ним встречался всего два или три раза, и наши «беседы» в общей сложности продолжались не больше десяти минут... Как помню, он и на своем родном языке не разговаривал с ярко выраженной дикцией, говорил сбивчиво, скороговоркой, не dokonчив, перебегая с одной мысли на другую... Он со своим длинным мундштуком, а иногда, кажется, и «жорж сименоновской» трубкой и «тяжеловатым лицом» (эпитет Ваш) мне почему-то скорее напоминал Кола Брюньона, чем...

Было время – проклятое, заклейменное, когда читателей было больше, чем сочинителей, а вот теперь... По последней переписи писателей в Грузии официально зарегистрировано 537 человек, и надо надеяться, что эта скромная цифра будет расти и расти, ибо рождаемость в наших рядах намного опережает смертность!

Только одна деревня, совсем тесно зажата между лазурным морем и вечно снежными вершинами, щедро дала нам 15 поэтов и беллетристов. (Вступить готовы в Союз еще 10-12 обожателей, о, не физического труда, а разных муз и жанров).

Да что там одна деревня, даже одна семья из тех же краев, в отличие от двух братьев Гримм, от Гонкуров того же количества, от Маннов – тоже, сразу подарила нам трех братьев-писателей!

(Невольно вспоминается – это уже из московского региона изящной словесности! – когда в редакции одного литературного журнала спросили надоедливое, явно бездарное, молодого пиита, почему же он все-таки избрал поэзию, а не, скажем, музыку, он ответил: «О,

с музыкой одна морока!.. Надо купить пианино, изучать и разбирать ноты, каждый день упражняться, пока пальцы не онемеют... А здесь... вот тебе лист бумаги и стержень с пастой стоимостью в 8 копеек!»).

Между прочим, в нашем Союзе, разумеется, не только одни грузины, – и абхазцы, и осетины, и армяне, и курды, а кое-кто, кажется, и без определенной национальности!

Да, наш братский Союз давно обогнал все страны мира и, вероятно, и другие союзные республики количеством и пишущих и не пишущих литераторов на душу населения: так, например, на почти 60 миллионов итальянцев приходится 400 писательских единиц, а миллиардный Китай насчитывает всего-навсего две тысячи настоящих писателей!

... Из всего творчества «Отара», к сожалению, я не знаком с его прозой, видел в театре всего две его пьесы, но, говорят, писатель он вообще хороший и, стало быть, если бы у нас, наподобие Франции, функционировала Академия сорока бессмертных, то он, наверно, был бы избран туда, ну, хотя бы по разряду временно бессмертных!

(«Радостная» мини-справка: во всей Франции только один пантеон, а в одном только Тбилиси их... четыре! На одном из них, что на Святой горе, рядом с бессмертными спят вечным сном и те «бессмертные», которые укоротили им жизнь).

...И после всего этого опозорить его на всю страну, подать его чуть ли не как полудикаря, это с Вашей стороны, думается, довольно бестактно... Кстати, если исходить из одной русской же поговорки – «Каков хозяин, таков и гость», – это и на Вас бросает, по-моему, не совсем лучезарную тень.

Когда читаешь «Пескарей», поневоле создается такое впечатление, будто Вы любуетесь, даже радуетесь тому, что вот, смотрите, как грузины страшно, по-зверски говорят по-русски, а это явно говорит об их второсортности в семье советских народов...

Да, к сожалению, немало нас, грузин, неважно говорящих по-русски, ведь мы, в отличие от некоторых других «инородцев», пока учимся в своих же грузинских школах. При царизме мы говорили по-русски прекрасно, но это «прекрасно» нам обходилось очень дорого: во время пребывания в гимназии (разумеется, русской), если кто-то хоть одно слово произносил на родном языке, подвергался телесному наказанию. Теперь этого, слава богу, нет, но все-таки мы не настолько безобразно, повторяю, не так уж уму непостижимо говорим по-русски, как это Вы изображаете в «Пескарях», – явно преднамеренно, просто фантастически искажая...

И зачем это Вам нужно, Виктор Петрович?

Да, где надо сказать «был», мы можем сказать «бил», но не «пыл», как Вы пишете, а вместо «буду» никоим образом не скажем мы «пуду», просто хотя бы потому, что для произнесения «буду» нам никаких усилий со стороны голосовых связок не требуется, а «пуду» требует все же их напряжения...

Чтобы унижить нас, низвести нас намного ниже даже африканского попугая, в Вашем рассказе Выникого не щадите, даже почти чуть ли не единственного, добропорядочного, как будто нормального грузина, дядю Васю...

Характерно и отчасти даже забавно, что он, по-Вашему, хороший, может быть, только и потому, что его зять Георгий служил в армии на Урале... И раз он «хороший», Вы его имя переделываете на русский лад; у нас грузина никогда не назовут Васей, про него скорее скажут: Васу, дядя Васу...

Здесь же мимоходом отмечу, что не «Чебукиани», как Вы пишете, а Чабукиани – фамилия в недавнем прошлом всемирно известного танцовщика и балетмейстера Вахтанга Чабукиани...

Вы, может быть, скажете, да подумаешь, что там одна буква?.. Но если Вашу фамилию в Баку произнесут и напечатают – Акстафьев, Вам будет приятно? (Акстафа – железнодорожная станция в Азербайджане).

... И дядю Васю Вы заставляете говорить, например, «торогой...» Писатель «Отар» и все другие у Вас, слава богу, говорят «дарагой».

(И стоит ли сомневаться в том, что, если они вообще умеют по-русски писать, напишут именно так, вроде меня).

... Да, бедный, бедный дядя Вася, хоть бы говорил он не «торогой», а, по крайней мере, «тарагой»...

И зачем это Вам нужно, а?

Эх, Виктор Петрович! Разве это к лицу большому писателю?!

Вы, конечно, читали «Евгению Ивановну» Леонова, но читали её, наверно, в те времена, когда сами еще писали только маленькие рассказы...

Осмеливаюсь обратиться к Вам с нижайшей просьбой: прочтите снова! Вас ожидает большое удовольствие, не только читательское, но и писательское.

Действие этой повести, как Вы помните, происходит в одном благодатном (когда-то!) уголке Восточной Грузии, в Кахетии, на родине той, на редкость изумительной женщины, о которой Леонид Максимович на одном юбилейном вечере в Большом театре сказал:

«Спасибо Грузии, спасибо Нине за нашего Грибоедова. Отсюда пошла старинная кровная связь литератур грузинской и русской!»

«Евгения Ивановна» была начата в то время, когда имя Сталина гремело на весь мир, а закончена тогда, когда Никита Хрущев уже основательно выкинул его портрет из знаменитой четверки и собирался заполнить вакантное место своим изображением... Но Леонов хотя и знал, что грузины у Никиты из-за ненависти к Сталину (на этой почве даже всемирно популярную пятилетку превратил... в семилетку), давно уже не в почете (если верить «дворцовым» слухам, однажды, будучи пьяным от кахетинского Мукузани, даже пригрозил выселить нас в холодный Северный Казахстан, за что тут же получил увесистую оплеуху от своей дражайшей половины, умницы Нины Петровны), все же не поддавался конъюнктуре и не изменил ни жизненной, ни художественной правде...

В «Евгении Ивановне» фигурируют, как второстепенные персонажи, совсем простые грузины-крестьяне, которые, наверно, не лучше знают русский язык, чем писатель «Отар», но... Вот, к примеру, всего одна цитата, свидетельствующая о том, как Леонов справляется с «языковыми» трудностями:

«Переведи ему, генацвале, чтобы имел представление. Вся долина, полтора ста верст, сплошное вино... вино пополам с огнем течет в жилах Кахетии. Напареули – читал на бутылках? – налево за рекой будет, вон, где ишак идет. Гурджаани, Карданахи – слышал?.. – дальше помещается, в направлении – мимо вон тех белых ворот, за кипарисом. Всю Алазань под звон бокалов проехать можно. Когда потребуется, пусть прямо мне напишет: Мир, Грузия, Сигнахский уезд, больше ничего не надо, прямо на мое лицо. Вышлем наилучшее, какое сами на свадьбах пьем. Будь человек, переведи ему мою фамилию, кацо!»

А как Толстой справлялся с «языковыми» трудностями, скажем, в «Хаджи-Мурате»? Если он хотел бы унижить своего героя, конечно, заставил бы его изъясняться на чужом языке именно «по-зверски»... Ведь Хаджи-Мурат все же

«...немного понимал по-русски, но не мог говорить, и когда не понимал, улыбался, и улыбка его понравилась Марье Васильевне так же, как и Полторацкому».

Вы, конечно, помните Ваньку Жукова, не раз избитого сапожником Аляхиным; ему было тогда девять лет, грамоте научила его «барышня Ольга Игнатьевна», и вот несколько строк из его письма «На деревню дедушке»:

«А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно как за мамку Пелагею».

Спрашивается, вовсе не вундеркинд, едва прикоснувшийся к азбуке крестьянский мальчонка мог ли так выстроить фразу, писать без ошибок? Нет, конечно, но Чехова больше интересует его внутренний мир, его мысли, а не правописание...

Я выше выделил слово «унизить», и мне хотелось бы, чтобы Вы обратили на это особое внимание, ибо вся загвоздка как раз в том и состоит, что...

Талант и ум в одном человеке не всегда, даже довольно редко, шагают в ногу. Можно быть талантливым, а по части ума явно хромать; но можно быть умным и в то же время быть бесталанным... Вас бог не обидел, как пишут и еще много, много раз напишут критики, ни талантом, ни умом и... вдруг такая осечка!

Не очень умная осечка, по-моему. Даже я, настолько незаметный грузинский писатель, что из восьми генерал-секретарей Грузинской писательской службы только один знает меня в лицо, не стал бы писать подобным образом: ну если так уж необходимо убедить читателя, как жутко гово... Да не говорит, а скорее мычит по-русски писатель «Отар», я бы ограничился его же первыми «перлами»:

– *«Ты зачем здэс живешь?! Зачэм? Ты зачэм не убьешь этого дурака? Зачэм? Тебе мало моего дома? Мало тэсят комнат? Я построю тебе одиннадцат. Я помешшу тебе луччий санаторий Цхалтубо!».*

А в дальнейшем его «речь» изложил бы «по-христиански», только словесному материалу придал бы специфически национальный колорит...

Между прочим, почти все русские писатели до Вас так и поступали, а Вы, почему-то, крепко уцепились за эту «клюкву».

Поверьте, лично на меня, на грузинского читателя, давно и всегда любящего русский язык, русскую культуру, русский театр, это производит просто гнетущее впечатление. Мне даже думается, что Вы, так безжалостно коверкая в устах нерусского русские слова, поневоле, как парадоксально этони звучит, сами же больше унижаете свой родной язык, чем тех, кто на нем, если воспользоваться дореволюционным выражением, так эфиопски говорит...

Но, к слову сказать, у этой «медали» есть еще и другая сторона, довольно-таки спорная. Я думаю, что не только в Советском Союзе, но и во всем мире вряд ли найдется хоть один человек (в данном случае я исключаю слабоумных русофилов и грузинофилов), которому не хотелось бы знать, кроме своего и другие языки. Ведь знание языков украшает не только самого человека, но и, случается, даже всю ту страну, к которой он принадлежит; так, например, в двадцатые годы, на юбилее двухсотлетия Академии наук, все иностранные гости были буквально поражены и восхищены, когда Анатолий Васильевич Луначарский – в их представлении большевик-людоед – начав свою речь по-русски, затем перешел на немецкий, потом на французский, на английский... (Здесь в чередовании языков, возможно, я не точен).

Маркс, будучи уже стариком (в прошлом веке 50 лет считались уже старостью), стал изучать русский...

Все это, безусловно, прекрасно и достойно подражания, однако вовсе не значит, что раз ты представитель свыше стомиллионного народа-моря, то тебе позволено насмеяться над маленьким, трехмиллионным народом, народом-ручейком, только из-за плохого знания твоего языка.

Русский язык, любишь его, или, допустим, не любишь, в нашей стране крайне нужен, просто практически необходим не только нам, грузинам, но и всем нерусским народам, но нельзя не считаться и с тем, что, хотя с детства и слышим его, он для нас и по грамматической структуре, и в смысле произношения, как-никак все же остается почти иностранным...

Вы об этом хотя нигде и не пишете, но и без словесного излияния чувствуется, как Вас раздражает наш акцент...

О-о, не надо требовать от нас, Виктор Петрович, чтобы все мы были Штирлицами! Мы же не собираемся пробираться в логово врага, чтобы выдавать себя за стопроцентных, в данном случае, русских, и мольбами тоже, кажется, не надоедаем вам, чтобы разрешили нам играть на сцене Малого театра (А. И. Южин избегал говорить по-грузински, боясь, что это отразится на его русском произношении).

Помню, однажды в московском Доме литераторов Алексей Каплер, вспоминая встречи с Серго Орджоникидзе, сказал: «Грузинский акцент придавал его русской речи какую-то ласковость».

Да, вообще, что там акцент, лишь бы человек правильно говорил грамматически и мысли были бы нештампованные, нестертые...

Аварец Расул Гамзатов говорит по-русски, с точки зрения орфоэпии, с жутким акцентом, но он, однако, едва ли не самый читаемый поэт среди русских читателей и в этом отношении ничем не уступает даже первоклассным русским поэтам, современникам нашим!..

Не скрою, мне очень хотелось бы узнать, – а знаете ли Вы, вовсе не принимая во внимание акцент, какой-нибудь второй язык, ну, например, певучий украинский, ласкающий слух таджико-персидский, очень музыкальный эстонский или же не менее музыкальный литовский? Латышский?

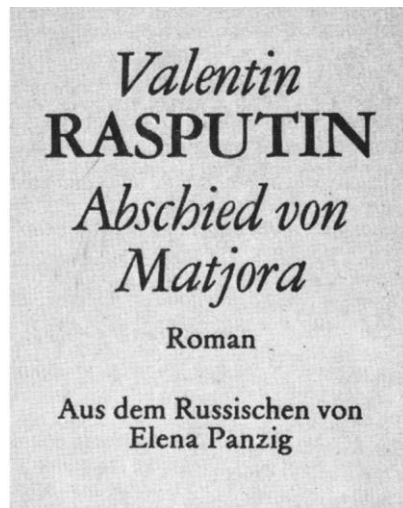
Я вполне понимаю Вас: знание этих языков Вам вовсе и не нужно, Вы же с говорящими на этих языках вполне свободно обходитесь и с помощью своего родного, могучего и правдивого языка.

Да, но... А вот как обстоят у Вас точки соприкосновения с английским? Или немецким? Или с французским? С испанским? Ну хотя бы с одним из этих мировых языков, а?

Я, правда, как грузин, тугодум, но Вас конкретно в данном случае все же понимаю: Вы же не любите, когда напоминают, но прошу извинить меня покорно... Только на этот раз... Знаю, в том возрасте, когда чтению «Хижина дяди Тома» предпочитают игрушечный пистолет, можно играючи изучить иностранные языки, тогда Вам не до них было: детство было у Вас тяжелое, росли в детдоме...

(А я со своим вечно голодным мальчишеским желудком – при живых-то родителях – не раз мечтал попасть в детдом, но меня, как сына священника, не принимали, хотя к тому времени первые комсомольцы – строители нового светозарного мира, насильно сняв с отца рясу, отобрав и присвоив его серебряный крест и опалив его окладистую бороду, публично, на улице лишили духовного сана, но я, малолетка, все же по-прежнему оставался в опале как отпрыск бывшего, но еще живущего распространителя «опиума для народа!»).

Но, если не ошибаюсь, Ваш друг и (о, в этом не могу ошибиться!) тоже превосходный писатель из первой обоймы современных русских писателей, Валентин Распутин, кстати, Ваш Защитник на съезде писателей, ведь не рос в детдоме? А раз так, скажите, пожалуйста, может ли Валентин Григорьевич прочитать вот эту книгу, которая, к слову сказать, уже несколько лет красуется в моей тощей библиотеке?

В Российской империи, если не все языки поработанных народов, то, во всяком случае, языки народов Кавказа считали и называли собачьими (однако со своими собаками русские сановники и вельможи общались-то по-французски!).

Но это все-таки не помешало англичанам Марджори и Оливеру Уордропам изучить наш язык и ознакомить своих соотечественников с грузинской литературой... Но и это как можно забыть: прекрасный русский поэт Константин Бальмонт в те времена, когда никакой дружбы народов не было и в помине и никто не платил за это даже мало-мальски прожиточного гонорара, перевел «Витязя в тигровой шкуре», предпослав ему восторженное предисловие:

«Как Гомер есть Эллада, Данте – Италия, Шекспир – Англия, Кальдерон и Сервантес – Испания, Руставели есть Грузия. Каждое из этих бессмертных имен не только имя поэта, вознесенного вечной славой, но и лучезарное означение души, которая сумела воплотить в себе сокровищницу духа целого народа, этой душой воссиявшего, цветком пышным и не повторяющимся».

...А вот за 117 лет нашего «добровольного» единения с царской Россией не нашлось ни одного ученого человека среди русских, который заинтересовался бы нашим «собачьим» языком.

(Я не считаю Маяковского ученым: он знал грузинский язык, и он его отлично применял во многих публичных баталиях, и в Политехническом музее и даже в Америке, когда нужно было своих недоброжелателей послать к чертям собачьим!).

И почти за 70 лет нашей единой, совместной советской жизни только двое русских из ученого мира (Климов и Руденко) обратили внимание на наш язык, о котором в 1928 году академик Н. Я. Марр писал:

«Грузинский язык один из наиболее развитых и в письменности живых языков мира.

Грузинский язык способен полноценно и без искажения передавать понятия отвле-ченного мышления.

Грузинский легко роднится или сходится с чужеродным языком, легко усваивает достижения мысли и речи соседствующих и зарубежных народов».

...И Вы думаете, в таком сиротливом положении только грузинский, а другие языки таких же маленьких советских народов процветают?

Примерно, лет десять назад в Ереване состоялся симпозиум арменологов... Со всех концов света собрались ученые в Армению, и все они выступали на одном из древнейших языков мира – на армянском, только один-единственный человек – москвич – выступил не по-армянски!.. Не потому, что не хотел, – просто не знал.

Ученых-грузиноведов называют картвелологами... Их можно найти и в Америке, и в Англии, и во Франции, и в обеих Германиях, и в Бельгии... В Норвегии, в Венгрии, в Польше...

О, нет! Мне надо экономить бумагу и пасту, особенно – пасту, она у меня французская, и ее силой, словно внутри свинец, выдавливать не надо... Но на это жалеть ее, какая бы она ни была, было бы неблагодарностью а la Schwein: даже в крошечном Люксембурге одинок, но все же звучит грузинская речь... А в швейцарском городе Цюрихе, едва насчитывающем полмиллиона жителей, проживают и постоянно дышат, так сказать, грузинской речью три ученые женщины. Примечательно, что они заочно, никогда не видя до того родину этого языка, изучили наш, в смысле распространения крайне локальный язык...

А ведь они же немцы! Правда, швейцарские, но все-таки немцы, а русские, – не сибиряки, нет- нет! – и не вологжане, и не туляки, и не рядом с нами, иногда даже в одном доме проживающие, которым, как военнослужащим, часто приходится менять место обитания, – о них речь, конечно, не идет, но родившиеся и выросшие на грузинской земле, представьте, даже русские жены грузин не проявляют и малейшего интереса к языку тех людей, которые уже стали для них самыми близкими.

А вот одна китаянка... Да, самая натуральная коренная китаянка как-то вышла замуж за одного грузинского художника и за сравнительно короткое время так овладела языком мужа и своих детей, что совсем недавно, выступая по нашему телевидению, подробно рассказала – по-грузински! – о поездке в Китай, куда она ездила повидать своих родных.

Не утаю и не побоюсь сказать в адрес, в одно время очень нам дружественного народа, а теперь пока не так уж очень дружественного, что в те минуты во мне зародилось горячее желание обнять и прижать к своей волосатой груди миллиард сто миллионов китайцев, включая даже хунвэйбинов, если они еще уцелели...

Вы талантливый писатель и, стало быть, тонкий психолог, но все же не думаю, что сможете проникнуться этим моим чувством (странным!), ибо Вы сын многомиллионного народа, да еще потому, что Вы уже слишком много немудрых «пескарей» наловили в наших мутных водах...

*«Отец-старик не раз его насчет уды предостерегал.
«Пуще всего берегись уды! – говорил он. – Потому что хоть и глупейший это снаряд, да ведь с нами, пискарями, что глупее, то вернее. Бросят нам муху, словно нас же приголубить хотят, ты в нее вступишься – а в мухе-то смерть».*

М. Е. Салтыков-Щедрин.

«Премудрый пискарь».

В первый раз Ваш рассказ прочитал я, так сказать, для удовольствия, а в погоне за удовольствием, сами знаете, всегда спешат, и я в этой спешке как-то не обратил должного внимания на страницу 135, где Вы высказываете для грузин, в сущности, трагическую, однако правильную и справедливую мысль:

«Дело дошло до того, что любого торговца нерусского, тем паче кавказского вида, по России презрительно кланут и кличут «грузином»...

В этих словах, конечно, нет, но мне страстно хочется найти хоть чуть-чуть сочувствия к нам, так сказать, к порядочным грузинам, хоть намек в нашу защиту...

В той же гневной тираде против «алчных торговцев и деляг», к безмерной радости нашей, можно обнаружить и то, что в Грузии, разумеется, по Вашим случайным наблюдениям, кое-где есть еще такие «селяне», у которых спекулянты скупают фрукты, цветы, чачу, стало быть, в Грузии еще не перевелись «работающие крестьяне».

Позвольте мне, Виктор Петрович, за это важное открытие выразить Вам от всей еще работающей части грузин, к которой, кстати, автор этих строк, по нахальности натуры своей и себя причисляет, глубочайшую благодарность!

Благодарность благодарностью, но если в Грузии еще можно встретить работающих, коптилка надежды, значит, не совсем еще угасла, а раз так, по-моему, вряд ли следовало Валентину Распутину торопиться и раньше нашей биологической смерти пропеть отходную целой республике, за которую он, правда, пожал бурные аплодисменты!..

И где же?

На форуме инженеров человеческих душ, учителей жизни, умственно-эмоциональных предводителей 270-миллионного советского народа!

О, как красноречиво, как наглядно доказывает это «оживление в зале» незыблемость и нерушимость, а также искренность дружбы всех наших народов!

Прости меня, господи, за инакомыслие (тем более, что Ожегов это слово объясняет как «устарелое»), но не очень уверен, что «там» все были рады «больной Грузии» и что, например, у малочисленных делегаций потрескалась кожа от чрезмерного хлопания в ладоши.

Да, не хочется верить, что в этом высокочтимом зале у всех делегатов и гостей съезда было и есть одно лишь базарное представление о Грузии и грузинах. А вообще мы больше не собираемся обманывать себя: такое представление о нашем народе есть, оказывается, не только у простых обывателей, но и у...

Разрешите мне, пожалуйста, на этом оборвать эту нескладную фразу, но не потому, что она нескладна, боюсь за свою дырявую память, а вдруг потом не вспомню: Грузия в нашей стране единственная республика, которую посетил, да еще дважды (в 1961 и 1968 годах), Михаил Александрович Шолохов. Он, кстати, в Западной Грузии приблизительно в тех же местах побывал, что и Виктор Петрович Астафьев, и, думается, от его пронизательно-зорких глаз вряд ли могли укрыться местные «пискарь-пескари» различных величин и оттенков, но он, наряду с ними, наверно, увидел немало хорошего, иначе трудно понять, почему он через несколько лет вновь приехал сюда...

Ради чачи, что ли? Но ведь этот «нектар» он при малейшем желании мог получать дубовыми бочками, вовсе не выезжая из станицы Вешенской!

* * *

Несмотря на то, что Вы обрадовали нас своей объективностью, сообщив, что по российским базарам рыскают не одни только грузины, я все же готов все грехи нашего дорогостоящего советского базара, фруктово-цветочных спекулянтов принять на себя, как принял их Иисус Христос на суде иудейском... Но при условии – тот, кто осмелится приклеить целому народу ярлык «базарный», сам должен иметь элементарные знания в экономике, хоть поверхностное представление о законах рынка. Тем более, если он член Союза писателей, а не Союза рыбарей.

В июне минувшего года в «Комсомольской правде» была опубликована статья Н. Найдиной, рабочей одного из краснодарских совхозов, в которой она возмущалась «южанами» (читай – грузинами!), продающими цветы «страшно дорого». Позже в той же газете ей ответил слесарь А. Метла из Запорожья:

«Уважаемая товарищ Н. Найдина!

Не спорю, у Вас найдутся единомышленники, и немало. В основном, такие же завистники, как и Вы. Таким людям наплевать, что всевозможной продукции на рынках станет меньше, если этих людей – «частников» начать в чем-то ограничивать. Вам нужно, чтобы денег у них было меньше, которые Вам мешают спокойно спать.

Роза и любой цветок – это не хлеб и не мясо. И если человек покупает розу, то мясо и хлеб у него наверняка уже есть. Так что человек, покупающий цветок, тоже не без дохода».

(«Комсомольская правда», 6.06.85.).

Скажите, пожалуйста, чем не Адам Смит этот товарищ Метла, а?

(От себя добавил бы: Краснодарский край – это еще вовсе не Красноярский край, он является почти продолжением и по климату, и по почве Западной Грузии, и кто и что мешает краснодарцам выращивать у себя майские розы и стыдливые мимозы? Ну и виноград тоже!

Но я все же предупредил бы не только теплолюбивых краснодарцев, но и не боящихся трескучих морозов красноярцев, да и вообще всех, кого так кусает безбожная цена этих товаров: цветы и виноград – не картошка и даже не арбуз; за цветами надо ухаживать, как за грудным ребенком, а за виноградом... Подсчитано: крестьянин за сезон заходит в виноградники, в среднем, восемьдесят раз, разумеется, для работы... 80 раз! И не так уж редко бывает, что весь затраченный труд идет насмарку: в какие-то минуты град уничтожает все!).

У арабов есть пословица: «Базар не знает ни отца, ни матери».

И как Вы думаете, «алчный торгаш» – грузин прилетит за тысячи километров в Новосибирск или Иркутск и будет продавать там, к примеру, мандарины за рубль килограмм, когда само государство продает их за два рубля? (Совсем недавно они стоили рубль 10 копеек и вдруг сразу же подорожали, и не на 3 или 5%, как это обычно бывает в презренном капиталистическом мире, чему мы, то есть наша пресса от нашего имени донельзя возмущается, – а прямо на 90%!).

Давайте помечтаем: если б цитрусы росли в Сибири, а в Грузии только рябина, да и та не успевала бы созреть из-за внезапно ударивших морозов, сибиряки, этот мужественный и суровый, честнейший народ, зная, что на вырученные от продажи мандаринов деньги приобретут давно вожеленную «Волгу», как Вы думаете, Ваши земляки продали бы их нам по божеской цене только за то, что у нас непривычные для них черные глаза и смоляно-курчавые волосы?

Вы пишете, что, мол, грузины-спекулянты обдирают доверчивых северян, продавая им полумертвые цветы и прогнившие фрукты...

В защиту этих подлых грузинских спекулянтов я не прибегну к помощи одного чисто русского выражения – не обманешь – не продашь, – а только позволю себе обратиться с следующим монологом:

– Дорогие северяне, наши старшие братья и сестры! Вы же не пещерные люди, вы, произведшие научно-техническую революцию, вы, современники и свидетели воплощения человеческой мечты всех времен, когда нога человека коснулась поверхности Луны, и неужели вы и теперь не отличаете съедобный фрукт от несъедобного, а полумертвый цветок от живого?! А коли так, мой вам совет: покупайте, пожалуйста, цветы бумажные, и надолго, и по цене доступно.

А вообще-то мы, кое-где еще не совсем вымершие честные грузины, будем несказанно рады и премного благодарны вам, и иркутянам, и норильчанам, и пермякам, и смолянам, и...

О-о, москвичам, разумеется, в особенности, если вы с ваших рынков огнем и мечом изгоните всех грузин, сосущих вашу трудовую кровь группы «А»! (Только среди них попадают и обыкновенные покупатели-грузины, их, ради бога, не гоните).

Но этих чернооких вампиров, к сожалению, никто не гонит, и именно в силу законов экономики, которым, кстати, подчиняются и развитой социализм, и тот социализм, долгие годы существовавший до развитого!

У советских людей, в том числе, надо полагать, и у сибиряков, накопилось много денег, а расходование их, как это ни странно и удивительно, связано скорее с мучениями, чем с

радостями... Ну, ковры уже куплены, и это прекрасно, но они только для глаз, для осязания, а у советского человека, как у всякого другого, есть еще и другие потребности, ну, например, желание полакомиться фруктами...

И вот перед его взором маячат яблоки (и вовсе не с червоточинной, как Вам кажется, хоть Вы и не разрезали их), которые этот проклятый... Не вообще южанин – не азербайджанец, не армянин, не абхазец и не осетин, не дагестанец и не молдаванин и не таджик-узбек-туркмен, а именно «грузин» продает так дорого, словно они золотые, и все же приходится покупать...

А Вы думаете, на родине этих яблок они стоят не дорого, как и вообще все, что выносятся на нашс первого взгляда красочный южный базар?..

Теперь и мы смеемся, ну, конечно, горько, сквозь слезы смеемся над одной пословицей, широко бытовавшей у нас до революции: «Самовосхваление и одного огурца не стоит, а огурец – в копейку».

А нынче советский-то огурец, прапрапрадед которого стоил копейку, так подорожал – так так подорожал... Зато самохвальство, да и вообще похвала так подешевели, так подешевели, что уже и тому не веришь, когда хвалят даже достойного человека.

И во всем этом, Виктор Петрович, виноваты грузины, пусть даже неработающие, пусть даже оголтелые спекулянты-грузины?!?

* * *

Козьма Прутков советовал: «Смотри в корень!»

* * *

Если бы, скажем, у благородных чукчей было что продавать, то, как Вы думаете, ради сохранения за собой сего прекрасного эпитета, ограничились бы они одним Камчатским полуостровом и не сбывали бы в других краях гранаты азербайджанские, персики армянские, дыни среднеазиатские, арбузы астраханские?!

В Краснодарском крае уже широко возделывают (по возможности, скрытно, конечно!) опийный мак и индийскую коноплю, чтобы «выкурить» из них «белую смерть», разумеется, не для того, чтобы ускорить свою собственную, – в Грузии много таких «просветителей» задержали с поличным!

У Платона в «Государстве» сказано: «В обществе процветает лишь то, что оно само насаждает»... Впрочем, в оригинале говорится чуть крепче (для советского уха!), но в точности привести боюсь, ибо и поныне страдаю комплексом страха...

Кстати, не кажется ли Вам, в языковом и смысловом отношении неправильным, когда осужденного спрашивают, сколько лет ему дали? Мне лично, в свое время, дать-то ничего не дали, но отобрать-то... Отняли лучшие годы молодости... О, нет! Не за спекуляцию мочалкой, а... идеями!).

Да, огурец и в тех местах России, где его продают не южане-живодеры, а добропорядочные северяне-русские, стоит... А стоит так дорого потому, что землепашцев стало мало... Прошу простить за, может быть, неправильное словообразование – землелюбящие везде и всюду почти перевелись, а огурец, как показывает наша многолетняя практика, никак не может вырасти даже на такой бумаге, на какой Екатерина Великая печатала свои 250-рублевые ассигнации.

... И даже Вы, истинный сын гигантской русской земли, не доискиваетесь истоков этого, в сущности для всех нас малоутешительного явления, и все беды вместе с Валентином Распутиным сваливаете на песчинку в море – «больную Грузию»...

(Мне стало известно, что один балной грузин так безмерно возмутился из-за «балной Грузии» автором «Денег для Марии» и «Пожара», что настрочил гневное письмо:

«Нет сомнения, Валентин Григорьевич Распутин – прямой внук Григория Распутина или же его внучатый племянник, и он целиком оправдывает распутную фамилию своего знаменитого предка».

С моей стороны было бы, конечно, неразумно извиняться за всех дураков, хоть и земляков, но на сей раз можно быть снисходительным к автору этой эпистолы, который, как оказалось, в детстве переболел энцефалитом, да и кроме того – не только в «балной» Грузии, но и в здоровой России миллионы людей не знают, что настоящая фамилия Гришки – Новых!

И он, Григорий Ефимович, скорее «наш родственник», чем Валентин Григорьевич Григорию Ефимовичу; если верить преданиям, одна дочь фаворита последней императрицы России вышла замуж за грузина, Шервашидзе...

А что касается Валентина Распутина, честь и хвала ему за то, что он не побоялся и не постыдился и вошел в литературу, что правда, то правда, с сильно подмоченной, ставшей нарицательной, фамилией и вновь заставил загреметь ее, но теперь уж, так сказать, позитивно...

Да, такова сила таланта!

Фамилия Пушкин до появления на русском небосклоне Александра Сергеевича тоже не звучала, подобно фамилиям Румянцева, Шереметьева, Трубецкого или Вершинина, а потом все вершины затмила, и если можно было бы выстрелить из Царь-пушки, и ее перекрыла бы своим громopodobным звучанием...).

Прошу прощения за отход в сторону...

... Итак, во всех бедах Вы и Валентин Распутин вините песчинку-Грузию...

И разве к лицу это большим русским писателям?! Тем более таким, которые, судя по их произведениям, никак не являются служителями комплиментарного «реализма».

(Насколько мне помнится, честная литература во все времена, от Гомера до нашей эпохи, то есть до Семена Бабаевского – трижды (подряд!!!) лауреата Сталинской премии (1949, 1950, 1951 гг.), – вовсе не зная и не думая о каких-то «измах», всегда придерживалась критического реализма ради усовершенствования общества.).

Писатели испокон веков считались совестью и мозгом страны и народа, авангардом человечества, цветом мыслящей интеллигенции, и разве можем мы теперь простить этой «властительнице дум», выкрикнувшей на съезде:

- Грузины пошли на базар!

(Подразумевалось, естественно, продавать, а не покупать...). И правильно поступили грузины, что «пошли на базар»!

Молодцы они, что покинули, хоть на время, но все же покинули тот «Дом», в котором все мы живем, но беда в том, что точно не знаем, кто на каком этаже живет и на какой стороне, -

«с окнами на лазурное море или с видом на грохочущую железную дорогу»...

Нет, как ни измельчали мы – грузины, как ни переродились, но все же живет в нас, может, и в малых дозах, чувство человеческого достоинства и еле дышащий дух гордости и непокорности.

Один большой русский писатель считал самоубийство актом малодушия. Его имя мне неудобно называть, ибо я намерен набраться нахальства и с ним не согласиться: обдуманное самоубийство психически нормального человека – акт величайшего мужества.

Именно так и поступили недавно в нашей республике, вероятно, с целью искупления вины, два крупных представителя высшей власти, погрязшие – как у нас принято мягко квалифицировать – в неблагоприятных делах...

Когда в 1978 году принимали новую Конституцию, не общесоюзную, а республиканскую, и при ее, так называемом, всенародном обсуждении в ней вдруг не оказался пункт, согласно которому «Грузинский язык является государственным языком республики», в знак бурного протеста вышла на проспект Руставели многотысячная демонстрация, в основном молодежная, и громко потребовала восстановления изъятого пункта...

Скажу прямо, ни тогда, ни сейчас я лично не считаю умным и оправданным такой опрометчивый поступок моего народа, ибо, хотя в прежней Конституции в течении почти полувека грузинский язык и фигурировал как государственный, но от этого нам не было, как говорится, ни тепло, ни холодно.

И стоило ли теперь из-за какой-то пустой формальности, филькиной грамоты играть с огнем? Не с театральным, не с бенгальским, а с настоящим огнем? С повторением 9-го марта 1956 года, стоившего нескольких сотен молодых жизней?

Это великое наше счастье, что на этот раз как-то и в самом деле обошлось без такого огня: в Москве в этот критический для грузин день оказался человек, много прозорливее Никиты Хрущева, великодушно уступивший «строптивому народу» без всякого ущерба для своего мундира.

(Впрочем, он был бы еще умнее и пронизательнее, если б этот ни к чему не обязывающий и ничего не дающий пункт с самого начала, как и в других республиках, не превратили бы в яблоко раздора, в причину скрытого возмущения... братских народов!).

Уже не помню, какой это цветок, который не каждый год, а редко, очень редко цветет (не агава ли?)...

Теперьшние грузины, в том числе, конечно, и наши делегаты – писатели, давно приучились жить по принципу одного литературного персонажа:

«Лучше слыть ослом и жить как человек, чем быть человеком и жить, как осел!»

И как радостно, когда этот «осел», привыкший к понуканию и повиновению, вдруг взбрыкнет что-то человеческое. Грузинская делегация (к сожалению, не вся) именно так и поступила, и сей «скандал в благородном семействе», поверьте, высоко поднял престиж всего съезда, и, стало быть, не так правы зеленые...

Ой, простите, я ведь дальтоник, ошибся в цвете: то есть... желтые писаки, пишущие и говорящие про нас, будто все мы перманентные овцы, ведомые козами, или безжизненные роботы, слепо подчиняющиеся радиокоманде...

Нет и нет, господа клеветники, и у нас могут быть разные мнения, и у нас бывают, хоть изредка, как видите, расхождения во взглядах!

Да, да! А как же! Даже в семье, состоящей из трех человек – маменьки, папеньки и доченьки, редко бывает единомыслие, а на съезде, тем паче на писательском, где собралось свыше тысячи человек, и все умники-преумники, хоть и единой советской крови, но все-таки с непохожими характерами, темпераментами и, возможно, с разными отпечатками пальцев в случаях взлома человеческих душ!..

И чему вы удивляетесь, заокеанские холопы империализма, если кое-кто из них – у нас ведь свобода передвижения! – и пойдет на базар продавать...

О-о, плохо то, что и продавать уже больше нечего: совесть давно продана без остатка, да и вообще спрос на нее стал нулевой, так что спекуляция одним лишь этим ветхозаветным товаром в наши дни никакой прибыли не приносит, поэтому...

Вот вспомнилась поневоле еще одна... Ничего не поделаешь, раз я грузин, то, естественно, в моей голове вертятся только одни базарные истории...

Это было еще при Хрущеве, который, к слову сказать, к грузинскому народу, породившему Отца советских народов, симпатии не питал.

(Рассказывали: однажды Сталин на глобусоподобную голову своего ученика и соратника будто бы вытряхнул пепел из своей знаменитой трубки, сказав: «Эх, Никита-дурачок, Никита-дурачок!». И тот это запомнил, как укус королевской кобры!).

... В то самое «смутное время» на Свердловском стадионе в матче футбольных команд первой лиги, когда тбилисец Торадзе забил второй безответный гол свердловчанам, со всех трибун раздались воинственные свистки, нецензурные крылатые выражения (цитировать не буду из-за уважения к финской бумаге, на которой пишутся эти строки) и оскорбительные выкрики:

- Ах ты, спекулянт! Паршивый спекулянт!..

На что Торадзе, уже получивший подобные тумачи и затрецины и после первого забитого гола, будучи совсем не знаком с нейрофизиологией, интуитивно прибег к активно оборонительной позиции:

- Вот вам паршивый спекулянт! – и, чуть спустив трусы, величественным жестом, достойным императора-философа Марка Аврелия, указал на тот орган, который, как известно, дает жизнь и футболистам-спекулянтам и болельщикам-хулиганам!

Я вовсе не оправдываю, но и не предаю анафеме этот неэтичный, невежливый поступок, который, может быть смягчается отсутствием в тот день на стадионе женщин, к тому же футболисту, да еще игроку первой лиги, по-моему, иногда, только иногда, в особо стрессовых ситуациях, позволительно апеллировать к тому, что ниже живота...

До последних дней июня 1986 года никогда не предполагал, что может существовать что-то общее между футбольным стадионом и писательским съездом, так велика дистанция между ними, ну, сами понимаете, где мыслящие головы и где играющие ноги, но... Оказывается, отнюдь нет!

«Грузины идут на базар», – завопил на этот раз не пропойца-болельщик, а инженер человеческих душ в образе дородной дамы, думающей, бесспорно, и за письменным столом не башкой, а кобыл...

Я был бы рад позаимствовать у Вас меткое слово из «Пескарей», но нет, не dokonчу этой фразы, дабы не задеть даже косвенно прекрасных писательниц: Майю Ганину, Беллу Ахмадулину, Екатерину Шевелеву, Сильву Капутикян, Фазу Алиеву и еще некоторых других, чьи уста, думается, никак не могли повторить бред сивой кобылы и этим невыразимо оскорбить «тоже идущих набазар»...

Называю только в Москве живущих:

Ираклия Андроникова, чье отчество – Луарсабович – так трудно произносить не грузинам, но «все же» всеобщего любимца многих миллионов телезрителей и сотен тысяч читателей;

Симона Вирсаладзе – народного художника СССР, которого сам Юрий Григорович считает (без преувеличения!) соавтором всех своих чудесных балетных постановок;

Владимира Канделаки – народного артиста СССР, любимца Вл. Ив. Немировича-Данченко, и ужеэтим нетрудно будет определить его возраст, но и поныне выступающего на сцене Оперного театра, что на улице Пушкина...

(В дальнейшем постараюсь, по возможности, без перечисления, как это у нас принято, множества регалий и нескончаемых титулов, которые, кстати, «кое-когда» и «кое-кем» вовсе не талантом добывались; истинно талантливых и без «эполетов» всегда знал народ).

Иосифа Сумбаташвили – главного художника театра им. Вахтангова;

Маквалу Касрашвили и Зураба Соткилава – солистов Большого театра, одинаково удивляющих «немузыкальную» Америку и сверхмузыкальную Италию;

Алексея Чичинадзе – до недавнего времени главного балетмейстера театра им. Станиславского и Немировича-Данченко;

Александра Товстоногова – главного режиссера драматического театра им. Станиславского, на две трети грузина, сына первого режиссера страны Георгия Товстоногова (по матери грузина);

Элисо Вирсаладзе – пианистку, лауреата многих международных конкурсов, профессора Московской консерватории;

Нину Ананишвили – еще совсем молоденькую балерину Большого театра, получившую недавно на Международном конкурсе артистов балета в американском городе Джексоне первую премию – золотую медаль, и о которой во время гастролей Большого театра в Англии лондонская газета «Обсервер» писала:

«Каждая смена состава в «Раймонде» приносила новую радость. А Нина Ананишвили была самой романтической героиней. Миниатюрная брюнетка, очень красивая, являет собой редкое сочетание деликатности и силы, утонченности и жизненной энергии».

(«Известия», 15.08.86.).

Георгия Данелия – кинорежиссера, постановщика широко известных фильмов: «Я шагаю по Москве», «Не горюй», «Афоня», «Мимино», «Осенний марафон»;

Мэлора Стуруа, чьи памфлеты захватывают миллионы читателей газеты «Известия», «так себе» говорящего по-русски и пишущего прелестные стихи на родном языке;

Булата Окуджаву – поэта, прозаика, певца;

Георгия Ломидзе – члена-корреспондента Академии наук СССР, заведующего отделом литератур народов СССР Института мировой литературы им. А.М. Горького;

Александра Надирадзе – академика Академии наук СССР, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, выдающегося ученого и конструктора в области механики летательных аппаратов;

Альберта Тавхелидзе – члена-корреспондента Академии наук СССР, директора Института ядерных исследований Академии наук СССР;

Реваза Гамкрелидзе – члена-корреспондента Академии наук СССР, лауреата Ленинской премии, редактора журнала «Математика» – органа Академии;

Андрея Бицадзе – члена-корреспондента той же Академии, заведующего отделом Института математики им. Стеклова, долгое время работавшего в Новосибирском университете;

Владимира Мшвениерадзе – члена-корреспондента Академии наук СССР, заместителя директора Института философии Академии наук СССР;

Бориса Курашвили – доктора юридических наук, ведущего научного сотрудника Института государства и права АН СССР;

Игоря Шхвацабая – не только директора Московского института кардиологии, но и всемирно известного практика-кардиолога;

Вахтанга Немсадзе – главного педиатра города Москвы, хирурга-кудесника;

Отца и сына Мшвениерадзе – бывшего и нынешнего членов сборной команды СССР по ватерполо.

Фраза «Грузины пошли на базар» и последующие за ней аплодисменты бросили зловещую тень гнусной неблагодарности и на память недавно почивших (поскольку Вы с Распутиным сибиряки, называю только «сибиряков»):

Илью Несторовича Векуа – союзного академика, лауреата Ленинской премии, одного из основателей и первого ректора Новосибирского университета, *математика* (подчеркиваю, ибо к гуманитарным дисциплинам и бездарный пройдоха легко может примазаться и жить в

избранной им науке, как ученый, припеваючи до конца дней своих, а вот к математике, да ещё получить в ней высшую премию – это исключено).

Когда отмечали 70-летие со дня рождения Векуа, находящегося уже в Тбилиси, тогдашний проректор Новосибирского университета профессор Ширков прислал письмо, в котором отмечалось, что во времена ректорства Ильи Несторовича Новосибирский университет, быстро пройдя детство, юность и возмужалость, превратился в одно из могучих высших учебных заведений страны:

«Любой человек, который побывал в грузинском селении, – заключал он, – знает, что это селение, вне зависимости от родственных отношений, являет собой одну большую семью, и все его жители разделяют между собой и радость, и горести. Илья Несторович смог превратить коллектив Новосибирского университета именно в такую единую семью».

Пойдем дальше и познакомимся со вторым «сибиряком», к сожалению, с помощью некролога:

«Советская наука понесла тяжелую утрату. 20 марта 1986 года скончался выдающийся советский ученый в области энергетики, теплофизики, физической гидродинамики, крупный организатор науки, член Президиума Сибирского отделения АН СССР, директор Института теплофизики Сибирского отделения АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, академик Самсон Семенович Кутателадзе».

(«Известия», 23.03.86.)

(Мне все же кажется, что не повредило бы заглянуть хоть на полминуты в новейшую историю и вспомнить человека, прозванного ласково «Сибирским дедом» (в 40 лет) и прочитать в однотомном «Энциклопедическом словаре» на букву «К»:

«Каландаришвили Нестор Ал-др (1876 или 1874-1922), один из руководителей партиз. движения в Вост. Сибири в Гражд. войне. Член КПСС с 1921г. Командовал войсками в Якутии с 1921. Погиб в бою».

Этому «первому грузину-спекулянту на сибирской земле» сибиряки в Иркутске поставили памятник и одну из улиц города, несмотря на километровую фамилию, назвали его именем).

И поскольку Вы, Виктор Петрович, фронтовик, назову только двух Ваших старших, говоря условно, однополчан:

Джанелидзе Юстин Юлианович, академик...

Ох, боюсь все-таки, как бы меня не одолел квасной патриотизм и я не стал бы приукрашивать его личность, поэтому лучше дадим слово человеку русскому с ног до головы – Федору Углову, лауреату Ленинской премии, чьи и с литературной точки зрения отлично написанные статьи на медицинские темы, вероятно, могли привлечь и Ваше внимание, но это из толстой книги «Сердце хирурга»:

«Январь 1950 года опечалил нас, ленинградских врачей, известием о внезапной кончине Юстина Юлиановича Джанелидзе. Ушел из жизни крупный ученый, превосходный хирург, очень одаренный педагог, прирожденный организатор.

Будучи одним из руководителей Института скорой помощи в Ленинграде, Ю.Ю. Джанелидзе провел немало всесоюзных конференций по узловым вопросам неотложной хирургии брюшной полости. Они привлекли внимание всей медицинской общественности, оказали благотворное влияние на развитие этого раздела отечественной хирургии...

Неоднократно он выезжал за границу с научными докладами. Последняя его поездка была в Соединённые Штаты Америки. Оттуда Юстин Юлианович вернулся, полный впечатлений от

прогресса мирной хирургии, которого добились американские хирурги в послевоенные годы... И на одном заседании, где Юстин Юлианович делился своими впечатлениями, вдруг поднялся молодой подполковник медслужбы С. и во всеуслышание обвинил Джанелидзе «в преклонении перед Западом». Не сделавший для хирургии и тысячной доли того, что сделал известный профессор, он резко, в патетической форме поучал Юстину Юлиановича «с должным уважением относиться к нашим выдающимся достижениям», «не позорить безответственными заявлениями форму, которую мы носим» и т. п.

Тут нужно заметить, что у Джанелидзе, как у главного хирурга Военно-Морского Флота, были на плечах погоны генерал-лейтенанта медицинской службы.

...И над ним все время висела угроза суда. Ему становилось все хуже. Так он и не поправился. Потеря для отечественной хирургии была невосполнимой...».

(А вот театральные критики – и только ли театральные? – с давних пор говорят и утверждают, что наша жизнь, действительность наша не дают материала для создания трагедии).

Раз вышеприведенная цитата, для цитаты-то получилась длинной-предлинной и Ваше внимание могло рассеяться, хочу напомнить о моем намерении познакомить Вас еще с одним главным... Иосифом Федоровичем Жордания, во время войны главным гинекологом Советской Армии (Вы, надеюсь, не удивитесь тому, что в годы войны требовалась и такая специальность). А вот в мирное время он... Нет, будет лучше – и на этот раз! – если о нем расскажет «постороннее лицо», «Неделя», и ее беспристрастный и постоянный автор Е. Манучарова:

«Может быть, достаточно сказать, как погиб Жордания. Он летел в Америку и попал в катастрофу. Авиационная компания обеспечила всех пассажиров, имеющих билеты, спасательными жилетами и раздала их, перед тем как самолет рухнул в воду. Такой жилетке достался только маленькой безбилетной бразильской девочке. Жордания надел на нее свой... Так погиб этот замечательный врач...».

Ну вот видите, как бесславно за прилавком читинского базара нашел смерть этот только о своем кармане и о своем брюхе думающий и заботящийся «грузин-спекулянт»...

...И, наконец, восстановим в памяти более пожилых, чем Вы, фронтовиков, сравнительно недавно умершего Сталина Иосифа Виссарионовича, победившего Гитлера и этим спасшего Россию от тысячелетнего господства новоявленных тевтонов, но вряд ли кто-либо, во всяком случае в ближайшие десятилетия, назовёт его, сына маленького народа, грузина, спасителем России, как в своё время называли Кутузова за победу над Наполеоном. Впрочем, гигантскую роль Сталина в Отечественной войне и после того, как его, мертвого, свергли с пьедестала и лишили ореола, даже маршал Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» нисколько не умаляет.

Но почему даже?!

Да потому, что Сталин по окончании войны, разозлившись на Жукова, и не без оснований, перебросил его в Одессу командующим военным округом, но у Георгия Константиновича душа была не похожей на мелкую душонку Никитки, в 1956 году оповестившего весь мир (его «тайный», дополнительный доклад на двадцатом съезде, как ни странно и уму непостижимо, на второй же день появился в «Нью-Йорк таймсе»!), что советский Главнокомандующий и в карте-то не разбирался, и крутил перед собой только глобус (наверно, как Чарли Чаплин, изображая Гитлера в фильме «Диктатор»).

Но вот, что говорил о нем его явный враг до войны, во время войны – ни враг, ни друг, а после войны вновь откровенный враг, Уинстон Черчилль (речь была произнесена в палате общин в декабре 1959 года по случаю 80-й годовщины со дня рождения Сталина; переведена из «Ежегодника Британской энциклопедии»):

«Большим счастьем для войны было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял непоколебимый полководец Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли, резким, жестоким и беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора, сарказма, а также способностью точно выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила: Эта сила настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех стран и народов. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трагические моменты, а также в моменты торжественности, был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзии, он был необычайно сложной личностью.

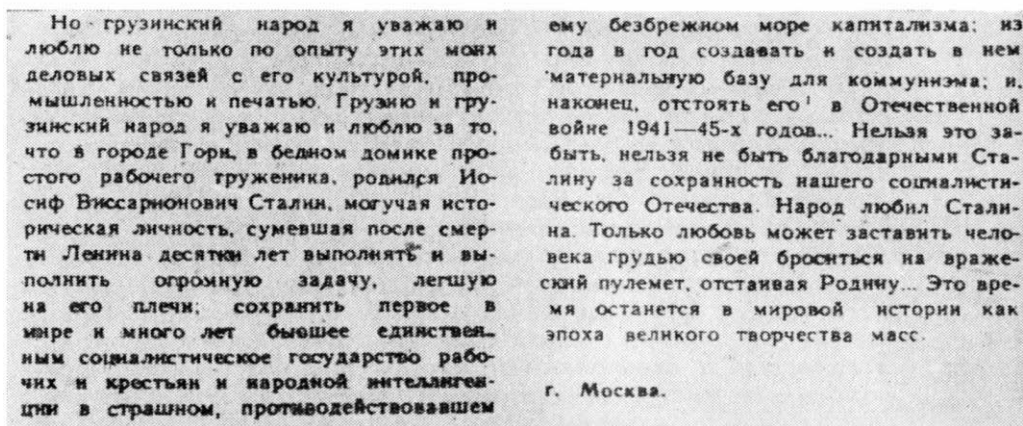
Он создал и подчинил себе огромную империю – это был человек, который своего врага уничтожал руками своих же врагов и заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов.

Сталин был величайший, не имеющий себе равных в мире, диктатор. Он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием.

Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народ не забывают»¹

А теперь давайте прочтем отрывок из статьи Мариэтты Шагинян, русской советской писательницы, по национальности армянки, автора трилогии «Лениниана», за которую ей была присуждена Ленинская премия (Статья напечатана в журнале «Партийное слово», №19, 1980 г.):

(фотокопия)

(В редакции, видимо, побоялись, как бы не прозвучало слишком громко... Ибо в подлиннике: «Это время останется в мировой истории как эпоха великого Сталина»).

¹ Позднее примечание (апрель 1988 г.): как теперь иные утверждают, этот панегирик Сталину принадлежит отнюдь не Черчиллю, а... Точно не называют, кому именно: «Нечто подобное говорил известный английский троцкист И. Дойчер». В таком случае она, эта оценка, на мой взгляд, становится еще веселее: несмотря на то, что Сталин весьма активно способствовал созданию еврейского государства Израиль, ни одна нация в мире так враждебно не относится к Сталину, как евреи, тем паче еврей-троцкисты... А Ицхак Дойчер, «к сожалению», по национальности еврей, а по убеждениям – троцкист.

Я не знаю, как Вы лично относитесь к «великому грузину» (так надписал Константин Бальмонт на своем переводе «Витязя в тигровой шкуре», посланном им из Парижа в Кремль в 1933 году), но знаю точно: фронтовики и теперь, по прошествии сорока лет после войны, вспоминают своего Главкомандующего с громадным уважением и любовью; ведь именно их, шедших в смертельную атаку на врага, вдохновлял магический клич – «За Родину, за Сталина!» (А потом, после хрущевского разжалования маршала, генералиссимуса в рядовые солдаты, не только в «историко» – художественных, даже хроникальных фильмах того времени Вы не увидите и не услышите второй части этого призыва: Никита успел стереть их даже на танках «Т-34»).

...Да, Виктор Петрович, Грузия – страна контрастов и в смысле природы, и в смысле людей. Наряду с малодоступными снежными вершинами и парящими над ними могучими горными орлами, там же, в низинах, можно встретить попахивающие болота – раздолье для лягушек и жаб!

(Между прочим, как уже стало известно, природе, оказывается, нужны и болота, и жабы, и гиены, даже клопы, – когда клопы были в избытке и они сосали кровь людскую, гипертоники не размножались, как клопы!).

Да, Грузия может родить и Руставели, и Сталина, но она может произвести на свет и людей самых никчемных, вроде «моего спутника» Максима Горького, «князя» – подонка Шакро, а в наше время – афериста Рцхиладзе, с которым недавно познакомил нас на страницах «Известий» любитель-фельетонист Хазин, но...

Несколько лет назад академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (Лихачев!) тоже представил читающей публике:

(«Партийное слово», №10, 1981 г.)

Когда писались эти строки, я как-то случайно наткнулся на одну книгу мемуарного характера. Ее автора, кинорежиссёра, никогда в жизни не видел, но видел его картины: «Зори Парижа», «Петербургская ночь», «Семья Оппенгейм», трилогия «Хождение по мукам»...

И каково было мое изумление, когда в «Киноленте жизни» — так она называется —

Григорий Рошаль вспоминает, наряду с талантливейшими людьми, такими, как Горький, Луначарский, Эйзенштейн, Довженко, и моего одного старого знакомого, чья фамилия абсолютно ничего не говорит широкому читателю; это – Виктор Циргиладзе, всего-навсего административный работник, директор картины, ну, среди них, можно сказать, прямо-таки, муравей, затесавшийся муравей...

Но, по правде говоря, можно ли так сказать о нем – «затесавшийся»? Когда «Кинолента» писалась, Виктора Циргиладзе уже не было в живых – у него не осталось ни влиятельных родственников, ни состоятельных друзей, так что подозревать здесь мемуариста в какой-либо корысти неправомерно; ведь среди нас бытует суждение, что в наши дни едва ли кто живет и действует без задней мысли... Так или иначе, Циргиладзе муравей, и все! Винтик, и все тут!

Но я хочу все же ознакомить Вас с несколькими коротенькими выдержками из этой книги, касающимися Виктора Циргиладзе:

«Мне приходилось работать и с другими директорами... Но я прямо считаю счастьем моей жизни, что работал с ним».

«Грузин по национальности, грузин по темпераменту, он до конца дней своих говорил по-русски таким грузинским акцентом, который невольно располагал к нему, как к хорошему застольному грузинскому тосту».

«Он был одарен истинным талантом организатора. Это был человек, я бы даже сказал, полководческого масштаба».

«Как известно, в «Войне и мире» он показал огромные способности, возглавляя целый штаб директоров и, как известно, вызывал восторг и искреннее уважение у Сергея Бондарчука, понимавшего, что только Циргиладзе и мог поднять громадную машину четырехсерийного фильма».

В то же время это был по-детски трогательный человек. В нем детское не угасло до последней минуты.

И я не знаю ни одного человека, который бы позволил себе быть при Циргиладзе неточным, неумным, я бы даже сказал, неостроумным. Тянулись! А сам он приходил всегда задолго. Ничего, кроме работы и своей семьи, Циргиладзе не знал. Он не пил, не курил, *не стяжательствовал*». (Подчеркнуто мной, – директор-то кинокартины!).

«Не так скоро мы найдем второго Циргиладзе, и второй будет все же второй. А первый Циргиладзе был один – Виктор Серапионович».

«О Циргиладзе – истинном художнике организации кино-производства – должна быть написана серьезная искусствоведческая работа».

Ну вот Вам еще один «базарный грузин», но...

Кому не известно, что часто, весьма часто, о целом народе представитель другого народа судит как раз по худшему его представителю...

И это присуще не только обывателям типа Ивана Прокофьяча – людям с узким кругозором, но, к сожалению, и...

В этом отношении больше всего страдают маленькие народы. В Италии бесчисленное множество мафиози, итальянская мафия свои щупальца протянула даже за океан («Коза ностра»), но русский человек, даже и недалекого ума, все же не скажет, что все итальянцы занимаются преступным бизнесом, а вот про базарных грузин...

Но вот все ли из них грузины, этим не интересуются не только в отдаленном Омске или Томске, но даже в сравнительно близкой к нам Костроме или Сызрани, и никому в голову не приходит, что... Словно ничего не изменилось в сознании этих людей с тех пор, когда не такие уж далекие их предки из простонародья были уверены, что на этом свете только два народа: русские и евреи (со временем, слава богу, к ним прибавился еще один, на этот раз «немой» народ – немцы!).

Помните у Державина?

Нам нужны великие могилы,
Раз нет величия в живых.

Да, у нас, у грузин, есть великие могилы, и не только, так сказать, местного и союзного значения, но и в мировом масштабе, но хвалиться прошлым при плачевном настоящем – на этом не только далеко не уедешь, – от беспечности скорее свалишься в пропасть.

Вы не думайте, пожалуйста, что мы – уж не обессудьте нас за такую, быть может, по-Вашему, саморекламу – добросовестные грузины – не воспринимаем болезненно наших общих бед и, в частности, своих собственно национальных... А их у нас много, даже очень много, и чтобы одолеть, выкорчевать их, у нас ведется энергичная борьба, но...

В конце 1972 года, когда старший брат, наконец-то, решил сменить прогнившее руководство республики, в Грузии началась такая широкомасштабная нравственная революция, что ее эхо разнеслось почти по всему Союзу; вдали от Грузии, во многих местах приезжих грузин спрашивали с удивлением: «Что там у Вас происходит? Это правда, что стали притеснять красных князей?».

А в Грузии тогда не только «красных князей» стали притеснять, но и решительно взялись за очищение Авгиевых конюшен, в которых после смерти Сталина в течение 19 лет накопилось столько нечистот, что вывезти их было не по плечу не только одному Геркулесу, но даже и многим Геркулесам...

А где их найдешь, когда вокруг снуют одни пигмеи – своекорыстные дельцы и воротилы, к тому же козыряющие партийными билетами!

Поэтому, к искреннему огорчению честной части населения, слишком скоро оправдались слова Отто Бауэра, современника Маркса:

«Все великие начинания кончаются неудачей».

Думаю, что Вы со мною согласитесь, если скажу, что нашей торговле вовсе не нужна реклама, – мы, покупатели, и без всякой рекламы бросаемся на всякий мало-мальски добротный товар и на пищевые продукты, если их вообще можно съесть, а в этом Вы, возможно, не разделите моего мнения: нам и социология не нужна! Мы, даже сугубо простые люди, винтики, как нас правильно назвал товарищ Сталин, прекрасно видим – и без социологических исследований – даже невидимые движущие винтики нашего общества.

Однажды в молодости видел я в цирке на арене перед воображаемым райским садом маленькие ворота, через которые клоун безуспешно пытался попасть в рай, пока его не осенило – перешагнуть через них и, оказавшись в «раю», предаться телячьему восторгу.

Многие наши социологи, с их научными выводами, добытыми в поте лица, очень часто заставляют поневоле вспомнить этого клоуна...

...Да, хорошо начатая у нас нравственная революция почти в зародыше заглохла не только потому, что она происходила в крайне захлапленной безнравственной атмосфере, но и еще потому, что она не имела общесоюзный характер, к тому же, по тогда просочившимся слухам, сверху пожурили нашего руководителя за измену прославленному советскому гуманизму – за крутые меры, за строгость.

А для характеристики светлой природы нашего гуманизма, по-моему, достаточно будет, если приведу, ну, хотя бы один такой факт: в самом разгаре той же нравственной революции второй секретарь Центрального Комитета партии – не из местных кадров! – Чуркин, видимо, не в ущерб активной партийной работе, занимался...

О, жаль, жаль, что из-за приблизительного знания русского языка в нюансах слов – лихоимство, мздоимство, взяточничество – не разбираюсь, а ведь хотелось бы выразиться помягче, ибо после долгого обдумывания («Как бы внизу не подумали, что мы когда-нибудь в чем-либо ошибаемся») товарища Чуркина из Грузии отозвали и как ничем не скомпрометированного коммуниста назначили под Москвой, кажется, директором не то совхоза, не то научно-исследовательского института...

(А в Америке, если я еще не совсем впал в старческий маразм и память безжалостно не подводит, был когда-то президент, по фамилии, кажется, Никсон, по имени, кажется, Ричард, которого с треском сместили с президентства за какой-то недозволенный прием во время предвыборной кампании!).

Да, у нас, у грузин, много, много, «пескарей», но наивно думать, что все мы настолько ослеплены «красивой и сладкой жизнью», что нам нужна помощь извне, чтобы у нас раскрылись глаза на собственные, прямо скажем, немалые бедствия...

Несколько лет назад я об этом написал чуть ли не трактат с мрачноватым названием: «Черная книга, или У каждой нации своя боль и свой недуг». Понять ее общий дух, моему, нетрудно будет Вам, если ознакомитесь хотя бы с одной ее страницей (прошу верить, перевод точный, ничего не прибавлено, ничего не убавлено):

«Не следует себя обманывать: хотя мы и считаем себя народом древней и большой культуры, но в настоящее время слава наша так пала среди других советских народов, что при произнесении слова «грузин» перед взором людей предстаёт образ цыгана в том неприглядном обличье, в каком мы представляли его до нашего собственного «оцыганивания».

Сейчас за грузина выдает себя (пока не заглянут в его паспорт) каждый брюнет – аферист и жулик, спекулянт и дебошир, одним словом, душевно нечистоплотные люди всех мастей... Русские перестали называть армян унижительной кличкой «армяшка», мы же, признанные раньше теми же русскими д'Артаньянами, сейчас уже не обходимся без оскорбительного прозвища. Не надо быть социологом, чтобы найти причину этому явлению... Она очень проста. Между прочим, главной подоплекой зарождения в 19-м веке нашего антагонизма с армянами (только живущими в пределах Восточной Грузии) послужило их торгашество, кичливость богатством, мещанско-купеческий дух...

Теперь-то мы заняли место этих «миллионщиков» и, о господи, как мне было стыдно услышать однажды в Москве, на Центральном рынке, что недалеко от старого цирка, такой «диалог»:

...Боже мой, как дорого! Да у Вас же совсем нет совести...

- Зато у меня есть деньги!

Русский человек во Владивостоке или Ленинграде не принимает в расчет того, что ты приволок издалека южные фрукты, и всю дорогу, да и здесь на базаре, приходилось тебе нести накладные расходы, откупаясь взятками разных размеров, потому и ценишь их так дорого. Покупатель становится злобным потому, что вынужден заплатить тебе рубль за одно яблоко, которое ему действительно нужно для больного... В эту самую минуту – позже тоже! – ты для него грузин-кровопийца, и не тешь себя надеждой, что ничего не теряешь в его глазах, раз твои предки построили Гелати, создали «Витязя в тигровой шкуре»; его совсем не утешает твоя Икалтойская Академия, и если он, к слову, участник войны, за твоей персоной-пиявкой вовсе не видит Сталина, письменную благодарность которого он, может быть, хранит как зеницу ока».

И вот после такой, так сказать, самокритичной исповеди давайте все же поставим

вопрос: неужели в нашей необъятной стране только одна братская Грузия болеет, а в других братских республиках тишь да гладь – в здоровом теле здоровый дух? Ни тебе стяжателей, ни тебе спекулянтов, ни алкоголиков, ни распространителей наркотиков, ни казнокрадов, ни должностных преступлений, ни мздоимства, и нигде, нигде нет поспраивания законов, и повсюду неподкупные судьи, торжество единства, братства и равенства?!?

Но коли это так и есть, зачем тогда началась и ведется сейчас такая решительная и планомерная борьба за обновление советского общества? Разве только за оздоровление Грузии, которая, кстати, не занимает даже одного процента территории Советского Союза (0,31%), ведь в одном Вашем Красноярском крае можно поместить... 35 Грузий!

Допустим, что Грузия непрерывно пребывает в пьяном разгуле, но неужели для нее одной, чтобы положить конец этому злу, обнародовали на весь мир – на радость «свободному миру»! – постановление против пьянства и алкоголизма? И только одна Грузия живет на нетрудовые доходы, ивообще, ради наведения в ней порядка и дисциплины, опять же на радость «свободному миру», принято постановление о том, чтобы...

С моей стороны было бы глупо отрицать, что Грузия не болеет всеми вышеназванными болезнями, о, нет, болеет еще, к стыду своему, открыто и карикатурно...

А другие?! Может быть, другие болеют в меру, втихомолку и без стонов, с той температурой, которая предотвращает гниение всего организма, а?

Давайте посмотрим только ярко просвечиваемые рентгеновские снимки, вот перед нами лежащие...

О, их вообще бесчисленное множество, и чтобы расшифровать все, на это уйдет уйма времени, а мы с Вами (в особенности я) в таком возрасте, когда нужно его расходовать разумно, словно фляжкус водой, находясь в пустыне, к тому же не в конце ее, а в середине:

«За последнее время проведены крупные процессы. На 1 месте среди этих процессов стоят дела, совершенные в Узбекистане».

«Дважды Героям Соц. Труда ставили бюсты в совхозах, а хлопка-то не было».

«... Организатором хищения был первый секретарь Бухарского обкома партии. В вину этому человеку вменяется получение взяток на сумму 3,5 млн. руб.».

«У одного из секретарей райкома при аресте было изъято 18 млн. руб., 200 кг золотых вещей (серьги, кольца, браслеты, цепочки)».

«В Кашкадарьинской области один из секретарей райкома при аресте выдал наличными 600 тыс. руб. и облигации «золотого займа» на 500 тыс. руб. Одна из дочерей во время обыска пыталась вынести мешок. В нём оказалось 300 тыс. руб.».

«Продавались депутатские места, ордена».

«Другим после Узбекистана регионом больших процессов является Краснодарский край и Астраханская область. Крупные хищения совершались работниками мясо-молочной промышленности. Был арестован министр Тарада (скончался в тюрьме)».

«Многие по делу о взятках в Ростове приговорены к расстрелу: приговор приведен в исполнение».

«Вышняков – бывший зам. министра тракторного и с/х машиностроения брал взятки за квартиры и машины. За короткий период времени получил несколько сот тысяч рублей».

«Торговля дает большую долю процессов. Арестован начальник Главного управления торговли г. Москвы Трегубов. Вместе с ним по уголовному делу привлечены еще 150 человек – сотрудники управления, заведующие универсами».

«Директор гастронома №1 («Елисейевский») Соколов за хищения и взятку получил исключительную меру наказания – расстрел».

«Группа в 17 человек во главе с директором плодо-овощной базы Амбарцумяном разворовала государственного добра на сумму 100 тыс. руб. Амбарцумян расстрелян».

«Начальник Белокаменского управления межколхозстроя за 10 лет присвоил 250

тыс. руб. Построил себе 2-этажный дом площадью 115 кв. м. Имел «Волгу», дачу».
«Московское ателье №14 (меховое)...»
«Московский завод по переработке вторичного сырья драгоценных металлов...»
«Куйбышевская фабрика шоколада...»
«Ленинградский завод алкогольных напитков...»
«Кишиневский завод по производству сахара...»
«Воровство импортных товаров работниками речных судов на Сурхан-Дарье...»

«...Процесс по делу военнослужащих пограничников. За взятки они пропускали через границу контрабандистов (даже освещали путь прожекторами в определенных местах).

Один из них получил взятку 50 тыс. руб. Что с ними делать? Взял посылочный ящик, запечатал 40 тыс. руб., написал стоимость посылки 15 руб. и отправил родителям в село на Украину. Там получили, раскрыли. Пачки денег! Изумились. Потом решили: служить на границе с Афганистаном, видимо, очень трудно, раз платят столько денег. Приговорен к расстрелу».

«Жажда иметь деньги толкнула на путь предательства двух сотрудников нашего посольства в Афганистане (Раджабова – бывшего министра юстиции Таджикистана, Сейдова – секретаря посольства). Они вступили в контакт с афганскими купцами».

«Сотрудники импортно-коммерческой конторы «Технопром-экспорт» Павлов и Смоляков при составлении контрактов брали с иностранцев (представители фирмы) взятки в размере 1% от суммы контракта за то, что сделки были выгодны им и не выгодны нашему государству. Заручались бумагами об «Ослабленном контроле при досмотре» (есть такие таможенные бумаги). По этим бумагам возили за границу и из-за границы все, что хотели. У Смолякова было изъято 115 тыс. рублей, у Павлова – 1 млн. руб. Павлов приобрел дачу за 109 тыс. руб.».

«Совершено гнусное преступление – страшное убийство вице-адмирала Холостякова и его жены. Холостяков – Герой Советского Союза, имел много наград, в том числе орден Суворова, награды других государств. 1902 года рождения. Фактором посягательства послужили его ордена. Убийца найден, хотя сделать это было нелегко. Он оказался жителем г. Иванова, неким Г. В. Калининым, 1958 года рождения. Жена его – студентка строительного института, 1964 года рождения. В целях обогащения решили завладеть орденами Холостякова. Орден Ленина на черном рынке, оказывается, стоит 7 тыс. руб., орден Суворова – 12 тыс. Пришли под видом корреспондентов взять интервью. Старик растрогался, много рассказывал, показывал свой китель с орденами (попросили надеть.). Ушли, сказав, что еще раз придут, чтобы подробнее все записать из его воспоминаний. На следующее утро очень рано пришли, сказали, что уезжают в командировку, необходимо до отъезда кое-что у него выяснить. Холостяков впустил их в квартиру. Ударили его по голове, на кухне находилась его жена, убили и ее».

«Бывший министр внутренних дел Шелоков был снят с работы и арестован. Умер в тюрьме... Вещи, конфискованные у граждан, должны поступать в государственную казну, так как их похитили у государства. Что же делал Шелоков? Был организован специальный закрытый магазин, конфискованные вещи сдавались туда, а цены на них устанавливались в 10 раз меньше государственных. По распоряжению Шелокова некоторые сотрудники Министерства покупали конфискованные вещи в этом магазине. Например, канадская дубленка стоит 1440 руб., ее продавали за 140 руб. Этим нанесен ущерб государству не только материально, но и морально. Подрыв социалистической законности людьми, которые должны зорко следить за их исполнением. Сам Шелоков присвоил 160 тыс. руб. Его первый заместитель Чурбанов привлечен к уголовной ответственности. (Чурбанов – муж Брежневой Г. Л.)».

«Микроб – страсть к деньгам заразил наше общество, разъедает души отдельных мелких, ничтожных людей, и это весьма тревожно».

«Алчность не знает границ. Богатство, богатство, трижды богатство!!!

Что делать? Как приостановить эту алчность, болезнь, которая разъедает наше общество?»

* * *

То, что Вы только что прочитали, было сказано год назад публично высокопоставленным лицом в области юстиции и стало нам известно благодаря той гласности, которой совсем недавно открыли шлюзы и которая, безусловно, принесет основательную пользу всему нашему обществу, если даже истина не всегда и не совсем в голом виде предстанет перед нами.

Несколько лет назад близ Батуми произошла чудовищная катастрофа: товарный поезд по нерадивости «станционных смотрителей» врезался в пригородный поезд; во вспыхнувшем пожаре сгорело столько людей, что их даже точно сосчитать не смогли, но об этом ни одной строчки не появилось даже в местной прессе...

О, если вдруг это станет известно в злорадствующей Америке или в дружественном нам Мозамбике, что тогда?

И ни открытого, всем доступного судебного процесса (чтоб хотя бы на железной дороге воцарилась железная дисциплина!), а приговор, походя, сообщили по телевизору, а это почти то же самое, что писать на льду или на песке, ибо телевизор не все смотрят одновременно.

Ну и после такого – «Все хорошо, прекрасная маркиза» (без последующего «только ваш дом сгорел!»), какую же всенародную пользу могли принести абстрактные призывы об укреплении трудовой дисциплины и многие другие, по существу благородные лозунги и обращения?

И не приносили! Поэтому мы даже не на одном месте, так сказать, стабильно стояли, а пятились все назад и назад...

Пример, о, это великая сила, но только с той разницей, что дурной пример, как известно, более заразителен и люди его скорее перенимают, тем более, когда сам страж закона и порядка равнодушно, а порою вовсе не осуждающе взирает на происходящие вокруг вопиющие безобразия...

После отстранения Хрущева, в течение почти двадцати лет нас уверяли, что войну в основном выиграла 18-я армия, да еще не под командованием генерал-полковника Леселидзе, а ее политкомиссара, полковника Брежнева, который, кстати, через много лет после окончания войны наградил себя в мирное время высшим боевым орденом Победы, присвоил себе звание маршала, а звание Героя – четырежды! Кстати, между вторым и третьим прошло всего два года, и всех нас интересовало, что за геройство совершено в такой короткий промежуток времени, когда сам Сталин ограничился всего лишь одним «Героем», а император Николай II дослужился лишь до полковника!¹

(Господи помилуй, иногда в часы предрассветной бессонницы нехорошие мысли лезут в отяжелевшую башку: культ личности не только Сталина, а вообще – не порождение ли советского общественного строя?!).

В те времена, между прочим, мои знакомые москвичи упрашивали меня полушутливо:

– Грузины! Дайте нам второго Сталина!

А я, «принц грузинский», как Гамлет, колебался, «дать или не дать»?

Но и в дни этих «мучительных колебаний», если б и дал, ни за что, ни за какие золотые горы, даже за постановку какой-либо моей сатирической комедии, только не в общипанном

¹ В 1915 году Великий князь Николай Николаевич представил Императора Всероссийского Николая II к награждению орденом «Георгиевский крест», но комитет георгиевских кавалеров отказал в этом представлении. И что ж? Император из-за этого ни на кого не затаил злобы.

виде, в каком-нибудь хорошем московском или ленинградском театре, все равно не дал бы того Сталина, который, подобно гоголевскому персонажу с неблагозвучной фамилией, – «для порядка всем ставил фонари под глазами, и правому и виноватому».

Беда Сталина, стало быть, и трагедия всего нашего народа состояла именно в том, что в его эпоху без разбора бросали в кипящий котел «и тех, и этих», и большей частью как раз безгрешных, ни в чем невиновных, и таким образом искусственно создавали «врагов».

Да, я не дал бы им того Сталина, который на основе, а если сформулировать по-марксистски, – на базисе страха извратил даже мало-мальски нормальные, благородные человеческие взаимоотношения, посеял среди людей ядовитые семена недоверия и фарисейства, двурушничества, лицемерия и вероломства; пышно взрастил ложь, повальную подозрительность и всеобщее доноительство, зато даже видимость свободы слова и возможности хоть чуточку поразмыслить в корне изничтожил, и из всех прав, которыми общественное животное – человек говорящий – отличается от животного, лишеного дара речи, оставил нам, молчаливым, только право аплодировать, да еще с тем условием, чтобы бурные аплодисменты обязательно переходили в овации...

Да, Сталин создал в военном отношении могучее государство, но в то же время вытравил в человеке все то, что украшает человека как высшее создание природы...

* * *

Американский философ минувшего века Ральф Эмерсон сказал:

«Истинный показатель цивилизации и государства – не уровень богатства и образования, не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной».

* * *

«Калигула – жестокий тиран, желал видеть у римского народа одну голову, чтобы разом отрубить ее», – вычитал я в одной старой книге без сохранившейся обложки, но если ее назвать по-нынешнему, то будет: «Кто есть кто?», вернее, «Кто был кто!»

* * *

Да, мы построили новый мир, который в корне отличается от старого, и человека тоже воспитали нового, но...

За весь девятнадцатый век в огромной Российской империи была написана одна-единственная анонимка... Правда, это была роковая анонимка, стоившая жизни поэту-солнцу, но как-никак она была одна-единственная, а в наше время их...

Да, Родион Раскольников, убив *«глупую, бессмысленную, ничтожную, злую, больную, никому не нужную, а напротив, вредную старушонку»* - процентщицу и взяв ее деньги, испытывает нравственные муки.

А комсомолец Калинин (вместе с женой-комсомолкой), убив с целью ограбления умного, доброго, еще мыслящего и здорового вице-адмирала, героя Отечественной войны, старика и его старуху-жену... спокойно пошел спать.

Монархист Гоголь вовсе не жил в довольстве (за неимением выходного платья, его похоронили в том же сюртуке, что он носил каждодневно), но он все же материально помогал – инкогнито! – петербургским студентам...

А коммунист-писатель, очень известный и имеющий огромные гонорары, да еще получающий зарплату за «литгенеральство» (350 руб.), за депутатство (200 руб.), не полез в карман, когда к нему обратились с просьбой молодые писательницы, рассказав о страшной трагедии: пятеро маленьких детей вмиг лишились родителей, попавших в автокатастрофу, и

остались без средств к существованию... Знаменитый писатель, о котором его контора собственных критиков не раз писала, что он чуть ли не первым заложил основы гуманизма в мировой литературе, небрежно ответил непрошеным просителям: «О них позаботится государство».

А другой писатель, малоталантливый, но лауреат чего-то, живущий в роскоши отнюдь не благодаря литературному труду, в помощь чернобыльцам пожертвовал 150 рублей, но кудахтал об этом «инкогнито» на все 1500 и не успокоился, пока пресса не оповестила о его героически- благородном поступке всю страну.

Золотопромышленник Александр Сибиряков, не похваляясь, пожертвовал большую сумму на создание сибирского университета...

Теперь в нашей стране, правда, легальных золотопромышленников не найти, но людей, промышленяющих идеями и зарабатывающих на этом золото, сколько угодно, но они...

И этому, если вспомним изречение Платона о том, как и что процветает в обществе, не стоит удивляться...

Новые времена, новые нравы!

Обобщать не буду, но один крошечный пример все же приведу: во времена Сибирякова, когда, как мы знаем со школьной скамьи, человек человеку был волк и враг, женщину с отзывчивой душой и человеколюбивой профессией называли сестрой милосердия, а когда наступило наше героическое время, которое милосердие, душевность, совесть, доброту, сострадание, жалость сочло отжившим и старомодным, то и сестра милосердия превратилась в... медицинскую сестру, но... на деле сестра ли она?!

Дочь-десятиклассница одного моего хорошего знакомого москвича, истинного интеллигента, несмотря на просьбы и уговоры отца, ни за что не хотела прочесть «Войну и мир» («Ой, папа, длинно и тяжело, пять килограммов!»)... Родитель переживал это как личную трагедию...

Возможно, она и слыхала о Державине, но едва ли знала, что блестящий русский поэт Гаврила Романович был министром юстиции Александра, и когда однажды его спросили, как обстоят дела в империи, он ответил: «Воруют, батенька, все воруют»...

А сейчас? О, жив курилка, к сожалению, по-прежнему жив курилка, не умер, нет!

«Воруют у нас, ох как воруют на железной дороге. Что делать? И почему до сих пор не внедрили пломбу Шафиркина?»

(«Комсомольская правда», 26.08.86.).

Как тут не припомнить, кажется, концовку одного произведения большого русского писателя, писателя-гражданина (такие-то редкость): человек, освободившийся из заключения, на железнодорожной станции, чтобы взять билет, свой деревянный чемодан крепко ставит между ног, а рукой протягивает деньги в кассу...

Так было сравнительно давно, а я и теперь поступаю так, только не деревянным, а – прогресс! – с дерматиновым чемоданом. А если вдруг приходится отложить что-то в сторону, по сторонам тарашу глаза, чтоб моментально из-под носа не сперли...

Да, воровство стало чуть ли не нашей национальной чертой и...

О, пусть Ваша писательская совесть скажет, хотя бы мысленно – что это стало только национальной грузинской чертой или всего нашего... мм... Боюсь сказать, старый комплекс по- прежнему давит...

Боюсь, боюсь!

А вот что пишет не имперский министр-поэт Державин, а наш союзный министр юстиции Б. Кравцов («Правда», 28.06.86):

«...Скупщики краденного нашли подходы к жулью и в ряде случаев стали организаторами хищений на многие сотни тысяч рублей»...

(Прошу прощения, если не удержусь и прерву здесь авторский текст: от хрущевской денежной реформы чувствительно пострадал трудовой люд, что, впрочем, длится и по сей день, зато в десять раз больше увеличился аппетит тогдашних подпольных миллионеров; теперь они гребут по-старому 10 миллионов и только после этого считают себя миллионерами!).

«...В суде было установлено, что расхитители жили не по средствам. Получая скромную зарплату, скажем, заготовителя или агента по снабжению, они были обладателями домов стоимостью в десятки тысяч рублей, автомашин, дорогих мебельных гарнитуров. Вот что показал подсудимый Юдин по делу о хищении золота на Дулевском фарфоровом заводе: «Сначала понадобились деньги на мотоцикл. Затем приобрел «Москвич», поменял на «Жигули», а их – на «Волгу». В дальнейшем перешел на скупку бриллиантов». По показаниям многочисленных свидетелей, Юдин, буквально, сорил деньгами»...

Как Вы думаете, Виктор Петрович, этот Юдин, раз так сорил деньгами, может быть, вовсе и не русский, а? Может, он грузин, ну Иудашвили или Иудадзе, Иудиани, а? А если он действительно и русский, то, возможно, на него оказали свое пагубное влияние опять-таки грузины, эти несносные младшие братишки, а?!

* * *

Вы, конечно, не могли не заметить, что в наше время многие жалуются почти на повсеместную бездуховность, в особенности на бездуховность молодежи...

Чем это объяснить? Наши социологи это безотрадное явление, наверное, объяснят отсутствием в достаточном количестве дискотек, танцплощадок, медицинских вытрезвителей, молодежных кафе, где и газету можно почитать, и кофе без молока попить...

Возможно-возможно, но, на мой взгляд, на взгляд доморощенного «социолога», и в безмолвии народа, которое у нас длилось десятки лет, нужно искать корни этой беды...

Когда народ безмолвствует, его духовные интересы, очевидно, сужаются и сужаются, и он, плюнув на душу, брюхом катится и катится к тому индифферентному состоянию души, которое окрестили новообразованным словом – бездуховность...

Да, новообразованным... Духовность – да, а «бездуховность» не найти ни у Даля, ни у Ушакова, ни у Ожегова, ни в «Словаре русского языка» Академии наук СССР...

Новые веяния в жизни общества, как видно, поневоле рождают необходимость образования новых слов. Трюгве Ли, в бытность свою генеральным секретарем ООН, сказал:

«Народы существуют для того, чтобы ими повелевать».

То есть, по нему выходит, что все народы должны безмолвствовать, и безмолвствуют!

Но раз Трюгве Ли для меня нижестоящий господин, а не вышестоящий товарищ, позволю с ним не согласиться: если б все народы безмолствовали, тогда...

«Крестьянин Тихакиро Окубо не согласился продать для сноса свой дом, стоящий на трассе строящейся автомагистрали №18 Токио-Осака. Тогда автомастрада была построена так, что злополучный дом оказался посередине дороги. Сейчас Окубо должен быть предельно внимательным, выходя из дома».

(Взято из нашей прессы – из рубрики «Зарубежная мозаика»).

Я предпочитаю по некоторым причинам скрыть свою точку зрения на этот поступок японского крестьянина, а Вы, Виктор Петрович, как это расцениваете, – как признак деградации личности или как знак высокого чувства человеческого достоинства, пусть даже с некоторой примесью упрямства?

Недавно по Центральному телевидению показали небольшой японский остров и его обитателей, которые отказываются допустить туда хоть одного американского солдата, даже без оружия!

Так что соотечественник Генрика Ибсена и Руаля Амундсена и современник Тура Хейердала Трюгве Ли вряд ли прав в своем категоричном суждении...

Когда народ безмолвствует, это не приносит пользу ни народу, ни государству.

Признаться, я питаю большую симпатию к маленькому, четырехмиллионному, талантливому и мужественному норвежскому народу, а японцы, о, эти «дети восходящего солнца», во всех проявлениях своей небезмолвствующей человеческой жизни меня просто фантастически поражают! И как мне было отрадно прочитать в «Правде» 29-го июля 1986 года:

«В державу первостепенного значения превратилась Япония. Страна, ставшая первой жертвой американского ядерного оружия, проделала за короткий срок огромный путь, продемонстрировала поразительные достижения в промышленности, торговле, образовании, науке и технике».

И это сказал не кто иной, как молодой лидер нашей страны!

(Слава богу, дождались-то, наконец, молодого лидера, который к тому же говорит без бумажки ис кубанской дояркой, и с американским президентом).

* * *

Но пора вернуться к основной теме моего нехудожественного рассказа...

...Да, руководители моей республики, потерпев в целом неудачу совершить нравственную революцию, все же не сложили оружия и всеми доступными средствами по-прежнему ведут решительную борьбу против социальных раковых опухолей – стяжателей и мздоимцев, спекуляции и коррупции (хотя это слово почти никогда не употребляется – мол, оно присуще только растленному капиталистическому обществу!)...

Грузия – единственная республика в Союзе, где запрещен вывоз сельскохозяйственных продуктов за ее пределы, дабы хоть этим воздвигнуть «китайскую стену» на пути позорящих нас, повсюду разъезжающих типчиков, мечтающих о сказочном обогащении...

Борьба-то против этого постыдного зла идет, но, к сожалению, не всегда оканчивается победой добра: хитрецы-грузины и негрузины ловко учли, что «моя милиция» не только «меня бережёт», но и себя в обиду не дает: когда нужно, то и дело закрывает глаза, словно искусно сделанная механическая кукла...

Мне почему-то кажется, что Вы неравнодушны к черному юмору, поэтому хочется рассказать об одном недавнем случае, тем более, что произошел он в тех местах, которые Вам хорошо знакомы с тех малорадостных времен...

В огромном грузовике вокруг закрытого гроба сидят в черном траурном одеянии женщины- армянки, большей частью старухи, и причитают по покойнику:

– Ой, Артавазд... Бедный наш Артавазд... Зачем раньше тебя не мы закрыли глаза... И как теперь предать тебя сырой и темной земле... Ты ведь любил море и солнце... Ой-ой, наш бедный, бедный Артавазд...

Милиция и эту машину остановила для осмотра у нашей формальной границы, неподалеку от Сочи, и хоровой плач усилился, а кое-кто из плакальщиц стал головой биться, не очень, правда, исступленно, о крышку гроба... А стражи порядка...

Ну, что делать? Такое глубокое горе и... Скорее им посочувствовать надо, а не холодно и сухо спрашивать, что везете, откуда везете, где ваши товарно-транспортные накладные и тому подобное...

...И в том, что рыдают без слез – ничего подозрительного нет, ведь от долгого плача высыхают, и слезные железы, но... мм... Почему же все-таки своего дорогого покойника хотят похоронить непременно в Краснодарском крае, а не в Армении, куда ехать надо в противоположную сторону?

Допустим, и это тоже ничего, но вот что удивительно: почему же свежевыкрашенный гроб закрыт, а? Мы же, как правило, хороним покойников не на европейский и не на африканский лад: наши покойники с незапамятных времен любят, прежде чем спуститься в тьму кромешную, еще раз, в последний раз, насытиться солнцем и морем, если оно, разумеется, не за тридевять земель, арядом?!

И что крайне жизненно важно, вернее, мертвецки важно, почему этот гроб такой превеликий, а?! Там Петр Великий лежит, что ли, который, кстати, по измерительным подсчетам Вашего сокурсника «Отара», оказывается, на два сантиметра был ниже нашего богатыря-царя Давида Строителя!

Между прочим, в этих строках «Пескарей» я уловил скрытую иронию автора на возможную недоговоренность «Отара» насчет якобы грузинской национальности Петра...

Но это не столь смешно, Виктор Петрович, может быть, оно и лишено основания, но не лишено всяких оснований...

Не наберусь наглости и не стану Вас спрашивать, знакома ли Вам не очень распространенная русская поговорка: «Как бы мал огонь ни был, всегда от него дым»... (Ее, видимо, вытеснила более короткая – «Нет дыма без огня»!).

В первой половине девятнадцатого века даже некоторые историки допускали мысль о грузинском происхождении Петра, и сам Петр, по преданию, не верил, что он родной сын Алексея Михайловича, тем более, что до него доходили слухи, тайные дворцовые перешептывания пожилых придворных о том, что он побочный сын находящегося в те времена при дворе Алексея Михайловича грузинского царевича Эрекле – Николая Давидовича. Известно, что вторая жена государя Наталия Кирилловна была моложе мужа на двадцать лет... В сравнении со своей предшественницей, покойной царицей Марией, в личной жизни она была довольно «вольной птицей»... (Об этом кое-что можно почерпнуть в «Дворцовых разрядах», том III, с 1645 по 1676, СПб, 1852).

Между прочим, именно в таком духе собирался Алексей Толстой построить свой роман о Петре Первом, но Сталин отсоветовал.

(Это я знаю по устному рассказу С. И. Кавтарадзе, в высшей степени широкообразованного, интеллигентного человека, друга Сталина по революционной борьбе, а потом им арестованного за «национал-уклонизм», а еще «потом» им же выпущенного из «застенок имени Сталина» и вновь приближенного к себе).

К сожалению, ввиду чрезмерной скудости моего словарного фонда русского языка, я вынужден снова прибегнуть к назойливому «между прочим»: так, совсем недавно и Юлиан Семенов в своей «Версии» коснулся «грузинства» Петра, но он, разумеется, не такой уж простака, чтобы вложить в уста талантливейшего первого русского императора: «– Конечно, я грузин!» Да нет же, у Семенова Петр говорит: «–Какой же я грузин?».

Но сам по себе и этот факт любопытен и интересен тем, что и писатель наших дней не смог пройти мимо, пусть даже мнимого, «грузинства» Петра...

О, боюсь, Виктор Петрович, что Вы в знак возмущения прекратите читать мои дальнейшие, по-Вашему, может быть, бредовые строки... И раз такая опасность висит надо мной, поспешу, хоть куцом финалом, закончить ту печальную историю, так некстати брошенную мною на полдороге...

...Убитые горем женщины, как ни стойко оборонялись и не позволяли осквернить своего ненаглядного, драгоценного покойника, милиции – после второго штурма – все же удалось снять крышку гроба-саркофага, и... оттуда тотчас же улыбнулись южному солнцу тонны золотистых цитрусовых!.. А Артавазд, бедный-бедный Артавазд, будучи одной ногой, наверно, уже в раю, другую хмуρο нажал на педаль тормозов...

* * *

...Нет-нет, я все же рассчитываю на Ваше великодушие и терпеливость, поэтому решаюсь, минуя всяких ничтожных замаскированных и незамаскированных спекулянтов, вновь возвратиться к великим теням...

Но заранее хочу успокоить Вас: честное слово, мы не собираемся присвоить, отнять у вас, русских Петра и даже когда-либо и где-нибудь сказать, подобно уже свергнутому императору Эфиопии Хайле Селассие, приехавшему к нам с дружественным визитом в начале семидесятых годов в своей речи на обеде в Кремле сказавшему:

– Мы вам дали Пушкина!

Да, мне понравилось, что Вы в своем рассказе называете Петра не Первым, а Великим...

Очень давно, когда Сергей Есенин, мой самый любимый из русских поэтов двадцатого века, был в загоне как упадочнический поэт, я спрашивал в письме моего старшего доброго знакомого Корнелия Зелинского, зачем вы, русские, обедняете русскую поэзию, изгоняя из нее Есенина, и историю тоже обедняете, ну, хотя бы тем, что Петра Великого превращаете в Первого... Неужели ни одного великого царя не было у русских, они были только у французов, немцев, англичан, шведов?! (Потом, при личной встрече, Корнелий Люцианович сильно отчитал меня за то, что я такие неуместные мысли доверяю бумаге и этим ставлю не только себя, но и его в сомнительное положение).

Может быть, у Петра «великость» надо было отобрать для того, чтобы ею украсить вовсе не царя, не короля, не императора, а того, кого я, кстати говоря, при всей моей нелюбви к нему, в особенности с 1937 года, все же считаю величайшей фигурой в истории человечества, несмотря на все его изъяны. (Великие дела, даже кажущиеся, наверно, никогда не обходятся без великих жертв. И Петр построил Санкт-Петербург на бесчисленных костях русского крестьянства).

Скажу откровенно и, разумеется, предположительно: что бы ни говорили, Петр Великий по старинным его портретам, по облику своему, горячекровному (ух, опять граблю Вас!) выражению своих больших карих глаз, все-таки больше похож на...

Нет-нет, не теперешнего, обрюзгшего и рыхлого от непомерного чревоугодия, да еще по глупой для нас моде, безусого грузина...

(Если Вам когда-нибудь предстоит какое-либо путешествие (как туристу или как литературному гостю) в Германскую Демократическую Республику, посетите, пожалуйста, сравнительно небольшой, но древний город Гота. Он примечателен не только всем хорошо известной «Критикой Готской программы», но мало кому из нас известным прекрасным музеем: в нем, между прочим, Вам бросится в глаза большой портрет красивого, стройного брюнета во весь рост, с волевым лицом, очень похожего на... мм... и совсем не похожего на... мм...

И Вы удивитесь, когда на Ваш вопрос «Кто это?», получите ответ экскурсовода: «Это молодой русский государь Петр... Работа неизвестного нидерландского художника, выполненная с натуры в то время, когда царь в 1697 году инкогнито находился в Амстердаме, изучая опыт постройки судов и шлюпок».

Этот портрет Петра, тогда еще не императора и не Великого, из всех его портретов, по моему, можно считать самым объективным, ибо его рисовал при жизни художник-иностранец...

Ведь бывает... Вот, например, совсем недавно, рисуя Сталина, скажем, китайский художник в черты лица, как в те времена говорили, вождя всего прогрессивного человечества, грузина, вкладывал что-то «от китайского», а киргизский художник – что-то «от киргизского» и т. п. И все это получалось у них инстинктивно и поневоле, а не преднамеренно).

...Скажу еще больше: Петр по широте своей государственной природы, по размаху, по масштабности великих деяний, по истинной любви к России скорее похож, чем не похож на сына... «пламенной Колхиды»!

Ну, конечно, и разница между ними немалая, и даже весьма и весьма существенная. Так, например, Петр Великий, как известно, прорубил окно в Европу, а великий Сталин, это тоже известно, закрыл это окно, но поступил так не по злему умыслу и не для того, чтобы Россию по-прежнему держать в темноте, а сделал это с умом и проницательностью, взвесив все «за» и «против», и, когда подсчитал, увидел, что «против» гораздо больше накопилось, чем «за»; в семнадцатом веке очень кстати прорубленное окно теперь, в двадцатом, никак не отвечало новым веяниям и интересам молодого Советского государства: ведь с тех пор феодальная Европа стала капиталистической, а это, как мы знаем даже из политграмоты для детей дошкольного возраста, самый негодный и отвратительный строй во всей истории классового общества.

И Сталину не надо было быть особенно мудрым, чтобы не понять и не почувствовать: коли наглухо не закрыть уже отжившее свой век петровское окно, оттуда проникает к нам зловоние капитализма...

Так и получилось: после его смерти, когда все больше и больше стали приоткрывать (ну, не совсем, конечно!) закрытое Сталиным окно, это не принесло... Нет, принесло... мм...

Наши соотечественники, то есть советские люди, даже отлично воспитанные с самого младенчества в коммунистическом духе (октябренок, пионер, комсомолец, партиец), донельзя подкованные идейно-политически, как только очутятся «на той стороне», моментально теряют и остроту зрения, и остроту обоняния, и они, к сожалению, ни капельки не ощущают омерзительного запаха разлагающегося частнособственнического Запада и, вернувшись на Родину, не так громко, конечно, чтобы и стены слышали, но...

«Ни одного полупомешанного лица не видели ни на улице, ни в транспорте, ни на вокзалах»!

«Ни у кого ни на что глаза не разбегаются, ни у кого в руке «авоськи» не увидишь»!

«Слова «гуманизм» нигде не услышишь и нигде не прочтешь, а вот старикам и женщинам с грудными детьми сразу же, без колебаний – встать или не встать – места уступают»!

«Везде и всюду такая обходительность, такая вежливость! Только и слышишь – «мерси», «данке», «битте», «сенк-ю», «грация»...

«О, в гастрономах – что душе угодно... 20 сортов сыра и 80 сортов колбасы»!

«На рынках... Надписи, надписи, как на лекарствах: это утром собранные и стоят столько-то... Сегодня собранная, ну, скажем, клубника стоит немного дороже, чем вчерашняя, а позавчерашнего на базаре вообще ничего и не бывает»!

«В универсамах столько улыбок вокруг, только купите, только купите»!..

«... – Что? И нигде не обвешивают и нигде не обсчитывают? И продавец не смотрит на тебя, покупателя, свысока: ты, мол, хоть и с деньгами, а вот в сравнении со мной ты все же ничто, ноль без палочки, ибо зависишь от меня»...

«В Париже, в Бонне, в Лондоне весь цветочный базар у голландцев: они и тюльпаны продают, и гвоздики, и хризантемы, и левкои, но никто на них с презрением не смотрит, и никто их спекулянтами не называет»!..

«Во Франции, оказывается, письмо, брошенное сегодня в почтовый ящик, завтра же

дойдет до адресата, где бы он ни жил... А мои письма из Москвы в Калугу дней пять гуляют... И конвертов без марки и разных размеров везде и всюду сколько угодно»!..

«Нет-нет, в музеи надо было нас силой затащить, мы только по магазинам, по магазинам»!..

Телевидение у нас в начале пятидесятых годов только зарождалось, но если б Сталин дожил до его расцвета, не думаю, чтобы он воспользовался троянским... Простите, американским гостеприимством и разрешил бы редакторам «Времени» включить в свою программу, к примеру, сюжет о том, как наш корреспондент Владимир Дунаев, стоя с микрофоном у самого парадного подъезда Пентагона, громит и крошит (правда, на словах) этот же Пентагон!.. Тот же Сталин, теоретически (и «немного» практически тоже!) прекрасно понимавший толк в диктатуре, вряд ли одобрил и пропустил бы в программе «Время» документальные кадры о том, как Пиночет разгоняет многотысячную демонстрацию возмущенных чилийцев на улицах Сантьяго, кричащих – «Долой диктатуру Пиночета!» – то слезоточивым газом, то водяными струями из брандспойта...

(А в 1956 году, 9 марта, в Тбилиси при правлении бывшего верного ученика и соратника Сталина Никиты Сергеевича Хрущева, даже без предупреждения, не пожалели патронов (да еще каких? Разрывных!) против многих сотен подростков и молодых людей, собравшихся в защиту чести того человека, о котором им чуть ли не с возвращением их матерей из родильного дома внушали, что Сталин – чуткий отец всех советских народов, мудрый, гениальный вождь и учитель, лучший друг советской молодежи, «Сталин – наше счастье! Сталин – наше знамя!») (Из набум взятого журнала «Искусство кино», №6, 1949 г.).

История точно знает, сколько человек погибло 9-го января 1905 года в Петербурге, но она только приблизительно знает, сколько погибло через столетия, 9-го марта 1956 года в Тбилиси, ибо многих унесли мутные волны Куры в Каспийское море... Но эти цифры, пусть даже приблизительные, приводить не стоит, дабы на том свете не покраснел тот, который и при жизни не обладал чувством стыда!)¹

Да, Сталин хорошенько вправил бы мозги и «Литературной газете», чей корреспондент проник в американскую тюрьму к невинно осужденному Леонарду Пелтиеру... Пробрал бы редактора, конечно, не за то, что его ловкому советскому журналисту удалось пролезть в американскую тюрьму, а за то, что он там увидел и даже описал для миллионов советских читателей: в камере нами очень уважаемого американского «зэка» (по-нашему «Захар Кузьмич») оказывается «все-навсего», только... постель, столик, умывальник и... унитаз!!!

– Ах, какая бедная обстановка! – на этот раз, наверное, заорал бы Иосиф Виссарионович, пусть даже иронически, но все же заорал бы, хотя он всегда – что, сами знаете, совсем не присуще грузину, – говорил тихо, почти никогда не повышая голоса.

¹ Позднее примечание: как зловежда для нашего века и для нашей страны цифра «9»! 9-ое января 1905 года – Кровавое воскресенье, 9-ое марта 1956 года – Кровавый день и...

«На рассвете 9 апреля у Дома правительства люди пели. Песня была оборвана неслыханной трагедией... Было убито 19 человек, из них большинство женщины преклонного возраста и совсем юные, 2500 получили отравление, 300 с лишним человек и сейчас продолжают лечение»... («Правда», 18 мая 1989 г.).

Да, так расправилась саперными лопатками и удушающими газами (их, кстати, даже фашисты на последнем своем издыхании, не посмели применить против врага) наша родная, доблестная, непобедимая Советская, то бишь русская Армия с мирно стоявшими, сидевшими и лежавшими грузинами, «вооруженными» только горящими свечами, единственным прегрешением которых была любовь к своей маленькой Родине и внезапно пробудившееся после многолетнего рабства ощущение свободы.

Кровавый тбилисский рассвет 9-го апреля 1989 года никогда не изгладится из памяти просвещенного человечества, как не изгладилась и поныне страшная Варфоломеевская ночь Парижа 24 августа 1572 года...

(Известен только один случай, когда в передаче по радио из приказа Главкомандующего как-то выпала фамилия Конева, накануне взявшего какой-то город: Сталин в сильной ярости велел снова, тотчас же – чего раньше никогда не случалось – вторично прочесть его приказ, дабы отдать должное своему отличившемуся генералу армии!).

Вы, конечно, читали одну из глубоко интересных книг нашего века: «Подводя итоги» Сомерсета Моэма; в ней много вдумчивых, даже мудрых мыслей, примечательных жизненных наблюдений... И вот в связи с вышеупомянутым мною унитазом вдруг вспомнилась из этой книги одна мудрая... Нет, скорее не мудрая, а совсем прозаическая мысль: не забывай, что ты человек, и пока ты жив, всегда будешь нуждаться в туалетной бумаге...

О да, этот и впрямь многоуважаемый унитаз!..

Да как же его не будешь почитать... Не только в тюрьме, где мы, «Захары Кузьмичи», во время оправки в уборной, в страшной тесноте, чтобы не испачкаться в неубранных испражнениях, старались, как цапли, стоять на одной ноге, а после выхода на волю лично я четыре года при Сталине и пять лет при Хрущеве жил в таком доме, что пришлось фундаментально запомнить, где, на каких улицах города находятся общественные... мм... Помните французскую кинокартину «Скандал в Клошмерле»?!

И после всего этого, скажите, разве не будешь воспевать даже поэтически... унитаз, тем более, если он к тому же... «персональный»?!

Совсем недавно в телепрограмме «Сегодня в мире» нам сообщили, конечно, с изрядной долей возмущения, что в Сеуле арестован северокорейский коммунист, чья для меня сложная, трехэтажная фамилия не задержалась в памяти, но вот что прочно засело в ней: того товарища, оказывается, арестовывают в восемнадцатый раз!

Услышав это, Сталин, несомненно, в два счета разогнал бы всех наших телеповаров, как разогнал всю нашу футбольную команду за проигрыш титовцам-югославам на Хельсинкской олимпиаде в 1952 году!

И он был бы по-своему прав: южнокорейские власти арестовывали того коммуниста, правда, семнадцать раз, но, выходит, столько же раз и освобождали, а это ведь лучше того, когда тебя всего один раз сажают, но надолго и прочно?!

(Меня ровно сорок лет назад из тбилисской колонии даже на два часа не выпустили под конвоем, чтобы проститься с покойным отцом, а социал-демократу (не то меньшевику, не то большевику), поэту Оболи Муша (Тавадзе) царские сатрапы разрешили в тюремной церкви обвенчаться!).

Сталин по-детски любил кино – это я знаю по рассказам Михаила Чиаурели, постановщика знаменитого фильма «Падение Берлина», давно уже положенного на такую высокую полку, куда дотянуться могут только единицы...

К слову, после смерти Сталина Хрущев свой гнев обрушил не только на режиссера Чиаурели, создавшего несколько фильмов о Сталине, но и на Михаила Геловани, воплотившего его образ в этих же фильмах...

Просто анекдот: артист на то и артист, чтобы сегодня играть Сталина, а завтра – Гитлера или святого Франциска Ассизского, а послезавтра, если Вашей душе угодно, то перевоплотиться и в Вас, Никита Сергеевич!

(Знаменательно, что Геловани – талантливый драматический актер и душевный человек, остававшийся долгое время без работы, – умер от разрыва сердца как раз в день рождения Сталина – 21 декабря)...

...И Сталин, так любящий смотреть фильмы, если б увидел на кремлевском экране один из сюжетов нашей «Иностранной кинохроники» о том, как аргентинские трамвайные рабочие во время перерыва у дорожной насыпи жарят на мангале большие куски мяса и там же, на

земле, стоит у них несколько бутылок с красочными этикетками, то наших киноцензоров не мог бы спасти даже печально-сочувствующий, заунывно-тоскливый комментарий диктора: «...И они запивают дешевым вином».

(То есть, смотрите, какие они нищие... Кстати, у меня черно-белый телевизор, и когда однажды я познакомился с одним диктором (не буду уточнять – он или она) телевидения (Центрального или республиканского – тоже не буду уточнять), то удивился тому, что у него (у нее) цвет лица отнюдь не красный... В ответ, обворожительно улыбнувшись, он (она) сказал (а): «Способность краснеть, смущаться мы давно потеряли»).

...Да, повторяю, Сталин был мудр и знал, если в такой «безунитазовой» обстановке приоткрыть еще и окно на Запад, то где гарантия того, что оттуда юго-западный ветер не занесет к нам бациллы недоверия и сомнения в преимуществе социализма над капитализмом?

(Тогда развитого социализма еще не было. Впрочем, благодаря старческому... Но за что благодарить-то? Так что не благодаря старческому слабоумию я не вижу существенной разницы между развитым и неразвитым социализмом).

* * *

Это произошло, примерно, лет десять назад в Москве: жил я тогда у брата на улице Герцена, совсем рядом с Домом литераторов, и мне часто приходилось, направляясь к Пушкинской площади, пересекать Тверской бульвар. И вот однажды вечером мне бросилось в глаза, как будто где-то, да еще много раз виденное мною чуть плосковатое лицо одного невысокого старика, прогуливающегося в сопровождении довольно пожилого, но никак еще не старого мужчины, которого, кстати, и в молодые годы, наверное, не взяли бы в личную охрану из-за тщедушия...

...На второй день я к нему присмотрелся, и на третий... Разумеется, издали, как это подобает хорошо воспитанному (с идейной нагрузкой!) седовласому советскому человеку, и...

Боже мой, как мне его очки знакомы, да где же я его видел? Не на фотографиях ли?..

Ба! Это же Молотов, Вячеслав Михайлович, в юные годы носивший прекрасную музыкальную фамилию: Скрябин!.. Долгие годы – и еще в какие годы! – был вторым человеком в великом государстве, да еще после кого? После великого Сталина!

...И вот я, теперь уже бывший «враг народа», а, следовательно, в те времена его личный «враг», хотя был он тогда для меня так далек и недосыгаем, как полярная звезда, могу сейчас пройти мимо него совсем близко и, если совесть позволит, даже не извинившись, как бы случайно задеть его серый пиджак, на лацканах которого уже нет никаких знаков отличия, словно мы с ним ныне равноправные из равноправных: и он избиратель, и я избиратель, но не избираемые...

А было время, когда я на коленях (в буквальном смысле – столика-то не было!) писал ему (иразве только ему?!) из мест заключения:

«...Меня обвинили по многим статьям Уголовного кодекса, но самая страшная из них

– 58 пункт 2, предусматривающий террор... Будто бы я намеревался убить Микояна и Берия... Неправда и чудовищно... И не только потому, что знал: не они вырабатывают у нас государственную политику, а потому, что во мне от природы не сидит и ма- люсенькая Шарлотта Корде, пронзившая кинжалом в ванне друга народа Марата, да я и не актер Бутс, стрелявший в театре в президента Линкольна, когда-то сказавшего:

«Можно все время обманывать некоторую часть народа, можно некоторое время обманывать весь народ, но невозможно обманывать весь народ все время».

Я родился и рос в семье бедного священника, где было много детей, и отец из рук вон плохо готовил нас к советской жизни, поминутно внушая и напоминая, что не только убить сына земли – величайший грех, но и доносить, ябедничать, фискалить – самые отвратительные качества человека...

Это и привело меня на скамью подсудимых: в конце концов, во время судебного разбирательства террор и другие тяжкие обвинения сняли, но оставили статью 58 пункт 12 (недонесение) и по нему дали семь долгих лет...

(А Сталин – один из низвергателей царизма – сидел в общей сложности, с перерывами, около двух с половиной лет, – мелькнуло у меня в мыслях, но этого ведь не напишешь, и того не напишешь, что аналогичной статьи – недонесение «болтовни»! – нет ни в одном уголовном кодексе стран Запада).

Да, семь долгих!... Кто сидел в тюрьме или кто учился в школе, особенно двоечник, только те знают, как мучительно медленно проходит время в заключении и на уроках, когда не знаешь урока и дрожишь в ожидании вызова к доске.

Мне бы очень хотелось обратиться к Вам по имени и отчеству, прибавив к ним и «дорогой», но знаю, как каеровец,

(то есть контрреволюционер, а не политический заключенный, как выражались при царском режиме, при котором, между прочим, такого рода арестантов, видимо, в знак некоторого уважения, никогда не сажали в одну камеру с ворами, грабителями, убийцами, педерастами, кровосмесителями),

не имею на это права, поэтому обращаюсь к Вам как человек, лишенный гражданских прав, по-тюремному:

Высочайший гражданин начальник!

Прошу и умоляю Вас ограничиться уже отбытым мною сроком наказания и отправить меня в штрафной батальон на передовую: лучше погибнуть моментально от пули на воле, чем гнить в неволе»...

Это мое письмо-прошение, как и другие прошения (называемые по-новому заявлениями, формально будто возвышающими заявителей, а вовсе не просителей) энного количества «Захаров Кузьмичей» доходили до высочайших особ так же, как дошло письмо Ваньки «На деревню дедушке, Константину Макарычу»...

Ну, а если б и дошло?

«Оставь надежду всяк сюда входящий»...

...И вот теперь этот «дедушка» (впрочем, и впрямь дедушка – 86 лет!) передо мною философски медленно разгуливает по бульвару, как и я.

А не подойти ли мне к нему, не представиться ли? Тем более, что из всех учеников и соратников покойного вождя, когда Хрущев взялся за развенчивание «культы личности»... Кстати, во вред всему международному коммунистическому движению, а внутри страны посеявшему повальное недоверие и массовое равнодушие к государственным делам и вообще к политике (именно с того времени и пошло тотальное стремление всеми доступными путями, – кроме трудового! – к стяжательству и обогащению), будто бы нельзя было, вовсе не ругая почившего повелителя во всеуслышание на весь мир, не идти по его стопам, но... с другой стороны, как же тогда лилипуту возвыситься над Гулливером?!

(Ради бога, не подумайте, что я вообще против выведения Сталина на чистую воду, –

напротив, – но этим должны были заняться не те временщики, которые вместе с ним творили черные дела, а пострадавшие от них – «враги народа»).

...Да, Молотов из всех сподвижников Сталина при его «разоблачении» держался сравнительно достойно, а вот, например, Микоян Анастас Иванович... Ему, как-никак «нацмену», больше, чем другим, следовало из окна особенно не высываться, но он, наоборот, по наущению Никиты Сергеевича первым лягнул Сталина, видимо, практически руководствуясь одной «армянской» мудростью: лучше живой осел, чем мертвый лев!

Вот, пожалуй, только две цитаты из его творческого наследия:

«Товарищ Сталин – гений социализма. Товарищ Сталин – великий зодчий коммунизма».

(Журнал «Большевик», №24, 1949, стр. 54).

И через шесть лет:

«...в течение 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности... И это, конечно, не могло не оказать крайне отрицательного влияния на положение в партии и на ее деятельность».

(«XX съезд Коммунистической партии Советского Союза».
Стенографический отчет. Стр. 302).

О! Когда хитроумный человек роет яму другому, то он выроет ее с тем расчетом, чтобы, если вдруг самому в нее свалиться, почувствовать себя там не так уж скверно...

Ну, если в течение 20 лет (фактически – 30!) Сталин никого не подпускал к руководству и все делал сам: и плохое, и хорошее – то тогда именно ему следует приписать – среди великих деяний! – и сказочно быструю индустриализацию огромнейшей страны и выигрыш невиданной доселе тяжелейшей войны!

...Но лучше давайте вернемся на Тверской бульвар, в излюбленное место прогулок В.М. Молотова...

(Живет он совсем недалеко отсюда, на улице Грановского... А это тот Грановский, который, узнав, от сильно обрадованного С. М. Соловьева, о смерти императора Николая Палкина, воскликнул: «То, что он умер, может, и не удивительно, удивительно то, что мы с Вами живы!»).

С малых лет привыкший почитать старших по возрасту, я очень вежливо, но не так уж робко, подошел к бывшему Председателю Совета Народных Комиссаров СССР, подошел как равный к равному: он ведь уже не в силах выбросить меня, человека – «самый ценный капитал!» – даже за пределы этого бульвара!

И когда я с ним поздоровался, по моему акценту сразу же узнал:

– А-а, Вы грузин?! Что ж, никогда не скрывал и сейчас не скрываю: я всегда питал особую симпатию к грузинам.

– Это из-за Сталина, наверно...

– Пожалуй, да.

После любезных расспросов о здоровье:

– Вот Вы, Вячеслав Михайлович, многие годы, – да еще в какие годы! – плечом к плечу работали со Сталиным, это только Вы один имели право разговаривать с ним на «ты», называть его то юношеским именем «Сосо», то конспиративно-партийным «Коба»... Не думаете ли Вы написать о нем правдивые воспоминания? Для истории это, знаете, весьма важно.

– Ну и написал бы, но... А кто напечатает?!

О-о, «А кто напечатает» – Вячеслав Михайлович с такою грустью произнес, словно не он (со Сталиным!) насадил это самое в нашей жизни, а кто-то другой, ну, скажем, человек вроде меня, то есть враг народа, пусть даже реабилитированный...

Известно, что Сталин не раз (кажется, чуть ли не шесть раз!) бежал из ссылки, в частности, из Сибири – это при Николае II, а вот и я надумал однажды – это уже при нем – вырваться из лагеря под Баку (Старая Кала), где в октябре 1942 года наш этап, направляющийся на Урал, в Богословские мед-ные копи, застрял из-за закрытия дороги в результате военных действий и где «Захары Кузьмичи» ежедневно в таком быстром темпе «освобождались» без получения справки об освобождении, что наш кормилец-бригадир каждое утро медлил с выдачей хлеба: не в шесть утра раздавал его, как это было положено по распорядку, а «чуть» опоздав, ну хотя бы на полчаса, надеясь, что за это время кто-то может умереть, и пайка умершего достанется ему...

Само собою разумеется, что там «никто не хотел умирать»; признаться, и я не хотел окоченеть, поэтому и решил убежать от приближающейся, неминуемой смерти, но... Не удалось!

Не потому, что я был ничтожный на выдумки человек и план бегства составил бездарно, а Сталин всегда с бульшим умом составлял его, вроде английского полковника Лоуренса, пробравшегося в одеянии и в гриме араба в святейшее место мусульман – в Мекку. (Что до него ни одному немусульманину не удавалось).

Когда Вам было, Виктор Петрович, шесть лет, а потом и семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... На Севере, в частности, в Вашей родной Сибири, тому, кто задержал беглеца из мест заключения и сдал его властям, за мужество и преданность социалистическому отечеству давали в награду талоны на покупку промышленных товаров на 150 рублей (по нынешнему курсу 15 рублей, но по реальной стоимости тогдашняя эта сумма во многом превышала сегодняшнюю!)...

Может быть, не все представители мужественных и суровых сибиряков, но «кое-где» и «кое-кто» из них, согласитесь, соблазн этот был настолько велик, что, возможно... мм...

Однако интересно – удалось бы в этих условиях бежать так удачно и неоднократно Иосифу Сталину, как и многим другим революционерам, сумевшим вначале расшатать, а затем и разгромить трёхсотлетний трон Романовых?!

* * *

О-о, Виктор Петрович, несмотря на такое фантастическое расстояние от Тбилиси до Красноярска, я, благодаря телепатии, все же чувствую, как Вы устали от чтения моего такого длинного, длинного письма, поэтому прошу Вас – передохните, пожалуйста, часок, два-три, даже целый день, наберитесь терпения и сил: Вам предстоит преодолеть перевал, может быть, и перевалы, да и не такие, которые одолели под водительством «Отара» по дороге Гагра – Цхалтубо...

Знакомство с обычаями чужой страны дается не так-то легко и почти всегда сопровождается конфузом.

И. Ильф, Е. Петров.
«Одноэтажная Америка».

Коли человек тебе не мил, походка его кажется медвежьей, а манера есть – волчьей.
Грузинская пословица.

Нет сомнения, Вам со школьной скамьи известна тютчевская строка, ставшая крылатой, – «Нам не дано предугадать как слово наше отзовется»...

Поэтому, думается, ни Вас, ни Валентина Распутина, да и всех тех, кто так старательно аплодировал «больной Грузии», не должно удивлять, что мы, грузины, так тяжело

обиделись на Ваш «правдивый и безобидный рассказ»...

Механизм нашей обиды весьма прост: ну если всех этих «пескарей», даже с более горьким гарниром, преподнес бы нам вовсе не чужанин, а гражданин нашей республики...

Не думайте, пожалуйста, что у нас ничего критического не пишется о наших болячках... И многих из нас волнуют и даже до глубины души потрясают невиданно разросшиеся масштабы эгоизма, цинизма, бессердечия, жестокости и хамства, постыдного равнодушия ко всему и ко всем, потеря чувства национального достоинства и гордости, порою ради однодневной «сладкой» жизни...

Выше я вскользь уже говорил, что об этих, да еще о многих других наших недугах, мною была написана – семь лет назад – почти целая книга... Поверьте, более резкая, более хлесткая, более щемящая душу (разумеется, нашу), но за это мои сородичи не сожгли меня, как Яна Гуса, на костре... Во всяком случае, пока еще не сожгли, и, надеюсь, не сожгут вовсе, ибо она написана с болью в сердце, с любовью к своему народу, а Вы...

Ну, скажите... Прошу прощения, что предупреждаю, – только честно: если б даже я, незаметный грузинский писатель, к чьему слову мало кто прислушивается, написал бы что-то уничижительное, пусть даже правдивое, но увиденное неуважительным грузинским глазом о Вашем селе Овсянке, где Вы родились, росли, играли, собирали грибы, где каждый кустик и каждый камушек Вам знаком и Вами любим, где Вы еще мальчуганом чистили и купали лошадку в красавце Енисее и садились на нее, возможно, голышом и, вцепившись в гриву, неслись вскачь, – что ж, была бы Вам приятна моя хула по адресу Вашей родной Овсянки? (А родина Ваша именно Овсянка, Красноярский край, а не где-нибудь, скажем, в Краснодарском крае или даже в Вологодской области!).

В одном русском романе можно прочесть: «С кем не будут гулять русские девки...» (Говорится о гуляньи с нерусскими, к тому же враждебно относящимися к России).

За эту фразу, сказанную с горечью, еще ни один русский не осудил того писателя! Не потому, что он великий, а потому, что – русский...

Но если, допустим, ту же фразу, фразу-приговор написал бы, скажем, Илья Эренбург или Мариэтта Шагинян, Чингиз Айтматов или Георгий Гулиа, тоже русские писатели, но не русские по национальности, то как бы вы, русские, отнеслись к ней, а?! Разве не кольнула бы она ваши сердца?!

(...Да, Айтматов русский писатель, и Гулиа тоже никакой не абхазский... Ты писатель той нации, на чьем языке пишешь. Если б не так, Гоголь считался бы украинским писателем, а Бернارد Шоу – ирландским).

Совсем недавно в Тбилиси задержали некоего Залобуева, жителя Воронежа, который привез для сбыта 23 (двадцать три!) килограмма наркотиков...

И если б грузинский писатель сделал главным персонажем своего рассказа этого русского Залобуева, то как бы Вы, русский писатель, к этому отнеслись?!

А вот еще совсем новенький сюжет, который могло бы осилить только перо Федора Михайловича Достоевского (переписано с официального документа):

«Во дворе церкви на улице Калинина в Тбилиси часто можно было заметить двух женщин с протянутыми руками. Днем они попрошайничали, а затем до поздней ночи гуляли напропалую на деньги, вырученные за счет доброхотов.

Одна из них, Маргарита Одинцова, с дипломом вуза, беспаспортная, ранее судимая, безработная.. Место ее жительства оставалось в тайне.

Валентина Комиссарова тоже была бездомной. Она уже успела побывать в заключении. Их частым пристанищем был один из подъездов, недалеко от церкви, где жила одинокая М.Мерабишвили. Она встречалась с ними в «святом месте», одаривала «богомолком», давала им еду...

Однажды после вечернего богослужения Одинцова и Комиссарова явились по знакомому адресу и, постучавшись в дверь, вошли в комнату Мерабишвили, связали несчастной руки и ноги, а в рот засунули кляп. Одинцова накалила на газовой плите нож и начала прикладывать его к телу жертвы. А Комиссарова дважды ударила ее по голове палкой... А затем, не довольствуясь этим, задушили и скрылись, сняв с неё кольцо и серьги»...

Вот Вам, без о б о б щ е н и я, русские женщины, Одинцова и Комиссарова, первая с высшим образованием, вторая – со средним... И старая грузинка Мерабишвили, не знакомая, видимо, как и многие, многие грузины, с девизом, если не ошибаюсь, философов – циников: «Никому не делайте добра, и никто не отплатит вам злом».

И если я, грузинский драматург, этот почти готовый сюжет, вовсе не меняя национальности персонажей, использую для пьесы под названием «Благочестивые», как это отзовется в Вас, в душе русского человека?!

...Да, если я написал бы... Или, может быть, только старший брат вправе понукать младшего и, рассчитывая на безнаказанность, давать ему иной раз совершенно незаслуженно подзатыльники?

Уверяю Вас, Виктор Петрович, и у русских, в частности, у сибиряков, тоже найдутся, ну, если не гнойные раны, то, во всяком случае, уязвимые места, и, с нашей точки зрения, смешные и неприятные черты и в характере, и в поведении, но мы и не помышляем о них писать, даже на потеху узкому кругу...

К слову сказать, наши руководящие товарищи, всегда направляющие нас в любых обстоятельствах, словно опытейшие лоцманы, на правильный путь (на их взгляд!), в этом отношении особенно насторожены, как бы чего не прокралось, как бы не обидеть, вернее, не разгневать старшего брата, ибо... Помните, конечно, и Раскольников утверждал – «Кто силен, тот и прав».

Еще на заре Советской власти один наш хороший писатель – Ш. Дадиани – написал исторический роман из жизни Грузии двенадцатого века: как царица Тамара вышла замуж за русского князя Георгия (Юрия Боголюбского), и как он оказался не способным выполнить супружеские обязанности, и чтобы страна не осталась без престолонаследника, его заставили покинуть негостеприимную Грузию... Роман этот среди грузинских читателей долгое время был известен под названием «Несчастный россиянин» и вдруг был переименован в... «Георгия русского».

Гм! Будто бы среди миллионов русских не найти ни одного несчастного, все счастливые! (Разрешите, пожалуйста, ознакомить Вас с одним анекдотом, не политическим и не сексуальным, а «научным», который у грузин вызывает не смех, а слезы обиды: в 1980 году в Москве вышел пробный учебник «История СССР» под редакцией А. М. Сахарова. На странице 46 можно прочесть:

«В конце XII в. на грузинском престоле оказалась правнучка Давида Строителя царица Тамара. Ей пришлось выдержать тяжелую борьбу с грузинской феодальной знатью. Мужем царицы был русский князь Георгий, правнук Мономаха и сын Андрея Боголюбского. Он одержал ряд побед и расширил пределы Грузии от Черного моря до Каспийского».

Давно известную нам нашу историю вот так трактует один из наших старших братьев! «На грузинском престоле оказалась»... Как будто наша легендарная царица Тамара случайно оказалась на престоле – нечто вроде Лжедмитрия, Гришки Отрепьева, а «правнук Мономаха», как об этом свидетельствуют исторические хроники, изгнанный из Грузии за беспробудное пьянство и содомские наклонности, оказывается, «расширил пределы Грузии от Черного моря до Каспийского»!..

Мы, грузины, нынче можем себя успокоить только тем, что этот «пробный учебник» появился не в этом и не в прошлом году и что А. М. Сахаров не тот Андрей Дмитриевич Сахаров, истинный русский гражданин!

А вот другому сыну России Анатолию Васильевичу Луначарскому принадлежат такие слова:

«Пожалуй, из всех стран, составляющих Советский Союз, Грузия по давности своей культуры является наиболее древнецивилизованной».

Наверное, это же имел в виду один из лидеров меньшевиков Н. С. Чхеидзе, первый председатель Петроградского Совета в 1917 году, выступая в Государственной думе и услышав выкрик одного черносотенца по своему адресу – «Дикарь!» – спокойно ответил ему и ему подобным, видимо, исходя из того, что мы, грузины, христианство приняли в четвертом веке, а русские – в десятом: «Когда вы по лесу бродили, мы Евангелие переводили»).

Приведу еще один глупый пример нашей, правда, вынужденной мудрости: в будущем году Грузия будет отмечать 150-летие со дня рождения своего великого сына Ильи Чавчавадзе...

Вы не хуже меня знаете, царизмом не восторгались и многие выдающиеся сыны России... В противном случае Пушкин за несколько месяцев до смерти не написал бы жене: «...черт догадал меня родиться в России с душой и с талантом»!

А Лермонтов:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ...
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

А наш Илья Чавчавадзе, чья любимая родина находилась под двойным царским гнетом – и национальным, колониальным, – будучи в глубокой печали, однажды выразился так:

И что хорошего русским штыком сотворено,
Пусть сторицею Бог тому же русскому воздаст.

И теперь эти строки, видимо, как крамольные, будут изымать из нового издания его сочинений в угоду старшему брату... Но нуждается ли наш брат в такой далеко не братской, а лакейской угодливости?! Трудно понять!..

И это непонятно: то, что при царизме считалось крамольным, почему же оно и в наши дни должно считаться крамольным, а? Ей-богу, как-то неловко получается...

Между прочим, Чавчавадзе, современник Герцена и Чернышевского, после советизации многие годы по вине вышестоящих товарищей (республиканского значения!) был в опале как «ненавистный помещик и князь», и только Сталин вернул его своему родному народу, назвав в 1937 году великим деятелем национально-освободительного движения...

Кстати, тот же Сталин – не надо и этого забывать! – прочно воскресил Маяковского: на письмо Л. Брик (24.11.35.) Сталин отозвался довольно пространной резолюцией, адресованной тогдашнему секретарю Центрального Комитета... «Тов. Ежов, очень прошу вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличное отношение к его памяти и произведениям – преступление...»), и он же в одно время, «по мере своих сил», своеобразно покровительствовал Михаилу Булгакову.

(Просто удивительно: при его непомерной государственной загруженности более десяти раз смотрел «Дни Турбиных» во МХАТе!).

Но в то же время – и это надо помнить! – один из его особо влиятельных соратников гневно крикнул по адресу Ахматовой и Зощенко: «Вон из советской литературы!»

А другой его ученик, Никита Хрущев, будучи уже сам единоличным хозяином и кукурузных полей, и литературных нив, сердито накричал на одного прекрасного писателя, только что побывавшего за границей и там сказавшего что-то, не совсем соответствующее тому, чему учат нас в вечерних политкружках: «Что это Вы там говорили в Париже, а?»

(Фамилия проштрафившегося писателя, если в моей памяти за столько лет имена хаотично не насели друг на друга, – Паустовский Константин Георгиевич).

Возможно, Вы все это примете за непроверенный, ходячий фольклор, тогда, с Вашего разрешения, вырву я один документ из списка хрущевских литературных благоденний:

Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда, **ПАСТЕРНАКА Бориса Леонидовича**, последовавшей 30 мая с. г. на 71-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

С. СМIRНОВ, В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ, КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ,

«...член Литфонда...». Это Пастернак-то! Человек, отказавшийся от Нобелевской премии только потому, что страстную сыновнюю любовь питал к Родине, к России... Хрущев и так угрожал выслать его за «Доктора Живаго», и эта угроза, висящая над ним как дамоклов меч, укоротила ему жизнь...

И что ж?

Есть категория, даже большая категория людей, о которой много хвалебного говорят при жизни, но после смерти о них ничего не говорят, ибо говорить плохо о мертвых, как известно, не принято.

(Однако, наряду – De mortuis aut bene, aut nihil – «О мертвых только хорошо или ничего», есть и другая латинская поговорка – De mortuis – Veritas – «О мертвых – правда».

И если б у нас «осиротевшее общество» в некрологе о пакостном человеке не писало, как правило, что «ушел из жизни кристально честный коммунист», то он, боясь посмертного возмездия, возможно, при жизни делал бы поменьше пакостей).

Но бывает и наоборот: есть люди, по-настоящему талантливые и по-граждански честные, неподкупные, о которых при жизни почти ничего не говорят или говорят плохо, а

Правление Московского отделения Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием извещает о скоропостижной кончине старейшего театрального деятеля, писателя-драматурга, члена Союза писателей
ТИПОТА (Гинзбурга)
Виктора Яковлевича,
последовавшей 12 октября 1960 года в Ленинграде, на 67-м году жизни, и выражает искреннее соболезнование семье покойного.
Гражданская панихида состоится 15 октября 1960 года, в субботу, в Центральном Доме актера по адресу: ул. Горького, 16, в 13 часов.
Кремация в 15 часов.

вот после смерти, спустя, разумеется, определенное время, о них говорят, как о живых, помогающих жить живым.

А какова была в те времена не социальная вообще, а литературная справедливость, об этом тоже документально свидетельствует вот и это траурное объявление, напечатанное в том же году и в той же газете:

Я склоняю голову перед памятью Типота Виктора Яковлевича и вовсе не хочу хоть на йоту умалить его заслуги перед советской опереттой, но если он был достоин некролога из 30-ти строк в «Литгазете», неужели Пастернак Борис Леонидович абсолютно ничем не отличался в советской литературе, чтобы и ему уделили, ну хотя бы двадцать прощальных строк в той же газете?!

Вам, очевидно, небезынтересно узнать, что первые стихи еще совсем юного семинариста Сосо Джугашвили, будущего Сталина, именно Илья Чавчавадзе напечатал в своей «Иверии».

Не стоит сегодня гадать, кто оказался бы в выигрыше, если б Сталин полем своей деятельности избрал не политику, а изящную словесность... Одно несомненно: Сталин, безусловно, обладал литературным даром, в частности, поэтическим.

На русском языке пока существует пять переводов «Витязя в тигровой шкуре»; один из них – Шалвы Нуцубидзе, большого ученого, филолога и мыслителя... В те мрачные годы перед войной и он попал в компанию дровозаготовок, то есть, простите, человекозаготовок... И, не дожидаясь, когда его пустят в расход, он обратился к Сталину, не с мольбой о помиловании (вся его вина заключалась в том, что в молодости учился в Германии – не гитлеровской, вильгельмовской!), а с просьбой дать ему бумагу, чернила и... поэму Руставели, обещая между допросами перевести ее на русский язык.

Письмо это каким-то чудом дошло до «дедушки, Константина Макарыча» и «изменнику-каеровцу» были созданы «все условия» для свободного творчества: фиолетовые чернила и ручка с двумя запасными перьями, бумага с желтоватым оттенком и хромоногий столик, для которого нашлось место возле параши...

Эх! Если бы у нас тогда были бы... да его поместили бы... к примеру, в такую камеру, в какой долгие годы томится Леонард Пелтиер...

Однако и возле общей параши перевод все же был сделан: его отвезли вождю, и переводчика вскоре освободили и пригласили в Кремль, где Хозяин великой земли Советской сделал по переводу весьма толковые замечания и даже предложил свой собственный вариант одной из строф:

– Прочтите, и, если она Вам понравится, по-настоящему понравится, внесите в текст, только обо мне никому ни слова, – гость был категорически предупрежден.

И бывший сталинский узник воспользовался этим удивительным подарком не из-за того, что получил его из рук великого Сталина, а...

Ну, вот эта строфа, и судите сами. Лично мне кажется, что я читаю Руставели в подлиннике (замечу вскользь, что все переводы «Витязя» на русский язык, сделанные до сих пор, лишь отдаленно передают величие стиха грузинского поэта):

Вдруг коней вперед рванули, засвистели плети мигом.
Кони врезались, весь город огласился воем, визгом.
С трех сторон втроем ворвались, понеслись буйно, с гиком,
Гром атаки, бой литавров вмиг смешались с воплем, криком.

* * *

Из всех иранских сатрапов-правителей, опустошавших христианскую Грузию, самую страшную память по себе оставил шах Аббас, перегнавший в 17 веке в Персию сто тысяч

грузин, огнем и мечом заставив их поклоняться Аллаху. И по сей день его именем пугают у нас детей, проклинают разоблаченных соседей-анонимщиков...

И вот, как это ни парадоксально, сегодня в Грузии никто не мечтает о советизации Ирана. Постыдно, но факт...

И без моих объяснений Вы сможете догадаться – отчего постыдно, а вот почему, объясню: боятся, что потом во имя дружбы народов запретят нам ругать и проклинать шаха Аббаса.

Как видите, ларчик просто открывается.

...Может быть, это и впрямь мудро, и нам и Вам, да и вообще всем народам бывшей царской империи не следует непочтительно отзываться о царизме, а?! И резко отрицательные суждения о нем, бытовавшие в нашем сознании многие-многие годы, нужно нынче переосмыслить и пересмотреть?!

Демографическое положение сейчас в нашей республике – среди основного ее населения (кстати, и среди «наших» русских) – крайне тревожно-плачевное... Да простится мне такое неуклюжее умозаключение, но... детских писательниц у нас гораздо больше, чем у них детей... Они-то, с точки зрения формального мастерства, пишут, на мой взгляд, много лучше, чем, например, Екатерина Габашвили, детская писательница дореволюционных времен. Но все их произведения, вместе взятые, ни своим социальным звучанием, ни эмоциональным воздействием не могут сравниться со знаменитым рассказом «Ослик Магданы» Е. Габашвили (не в пример нынешним «жорж зандам», родившей и воспитавшей к тому же одиннадцать детей!).

Сюжет «Ослика» незатейлив: в беднейшей крестьянской семье вдовы Магданы растут впроголодь дети... У них нет никакого вьючного животного, а без него как прожить в деревне! И вот случайно на дороге дети находят издыхающего осла, видимо, брошенного хозяином на съедение шакалам и гиенам... Но дети и их мать не доставляют такого удовольствия лесным санитарам: благодаря невероятным стараниям, они выхаживают, ставят на ноги осла, в чьих грустных глазах словно затаилась вся мировая скорбь...

Для них это не просто ишак, облегчающий им тяжелую жизнь, а пегий мерин, Буцефал, великая радость!.. Но, увы, их ликование длится недолго: осла узнает его бывший хозяин, торговец углями, и, когда ему не возвращают животное добровольно, подает жалобу в суд... А суд его иск отклоняет и ослика оставляет вдове.

По этому рассказу в пятидесятые годы нашими, тогда молодыми, а теперь широко известными кинематографистами был снят фильм, получивший немало разных призов и наград. Но не для восхваления наших талантов рассказал я Вам эту для Вас, возможно, совсем не интересную историю, а скорее для того, чтобы...

Финал рассказа начисто изменен: в фильме суд отбирает у сирот кормильца-осла и передает его законному хозяину, богатею, ротшильду... Дети на экране ревут, а их мать, Магдана, готова от отчаяния повеситься, и повесилась бы, если б не путающаяся у ног детвора...

Мораль фильма: видите, каков был царский суд, несправедливый и зверский, а ведь наш, советский, суд никогда, никогда так не поступил бы, ибо он в высшей степени гуманный, неподкупный и правый!

Ну хорошо, пусть будет так, тем более, рассказ все же есть рассказ, построен на вымысле, но как объяснить такой исторический факт: молодая революционерка Вера Засулич при Александре II, мстя за жестокое обращение с политическими заключенными, стреляла из револьвера и ранила петербургского градоначальника генерала Трепова, а суд присяжных ее... оправдал!

Конечно, и этот финал легко можно повернуть в нужную нам сторону, чтобы правда истории кусала не нас, но следует ли?!

(Любопытно, что за эти годы один из создателей упомянутой выше кинокартины с ее «советизированным» финалом, режиссер Абуладзе, человек безусловно высокоталантливый, так «идеально» вырос, что осмелился снять два года назад потрясающий во всех отношениях фильм «Покаяние» с намеком на тридцать седьмой год и Берия – главного для Грузии «героя» в то страшное время... Картину эту, вероятно, по причине искажения нашей славной действительности, запрятали за семью замками, и нет к ней доступа и самым-самым «избранным»... А когда же нужно было опорочить Берия, что Хрущев счел возможным сделать после смерти Сталина и ареста Берия, в Тбилиси устроили даже открытый процесс при участии Генерального прокурора СССР над бывшими подручными бывшего министра внутренних дел. Замечу, кстати, что при допросе свидетелей, уцелевших «врагов народа», рассказавших, как их пытали, многих из присутствовавших на процессе выносили из зала в обморочном состоянии...

Как же тут не вспомнить тюремного врача времен Николая. Ф. П. Гааза, прозванного арестантами «святым доктором» («От Гааза нет отказа!»), которого за его человеколюбие хоронила вся Москва, а вот я не знаю, как будут хоронить «моего» врача «тех времен» Р., который при «таких манипуляциях», проверяя иногда пульс, гуманно разрешал: «Бейте, бейте! Еще выдержит»...

...И неужели даже через полвека художник не имеет права, хоть краешком глаза, заглянуть в нашу давнюю историю, и если в ней окажется не все так, как нам сегодня хотелось бы, то надо ли ее приукрашивать или замалчивать совсем?! Ведь в этом никак не виноваты нынешние руководители нашей страны, которым в те времена было шесть, семь, восемь, самое большее – 10 лет!

Правдивая история нужна народу и в кино, и в театре, и в литературе, и в учебниках для того, чтоб впредь не повторялось то, что достойно общественного презрения и осуждения).

Если б я жил тогда, когда верили в загробную жизнь, то в завещании я бы обязал своих близких положить в мой деревянный тулуп из русских книг – «Энциклопедический словарь» Павленкова. Эта по толщине семисантиметровая книга издавалась пять раз (прошу на это обратить особое внимание!); и до революции 1905 года, в предгрозовые годы, и после этой революции, в годы реакции...

И «до» и «после» в этой энциклопедии воспроизведены портреты Самодержца Всея Руси Николая II и его могильщика Карла Маркса... в одинаковом масштабе!

Ни больше, ни меньше!

Но это еще что! Прямо остолбенеть можно: здравствующему императору уделены 23 строки, а покойному Марксу... 36!

... – Простите, что Вы спросили? О, не-ет! Это вовсе не подпольное издание, дозволено цензурой, царским «Главлитом»!

- «Да, написал бы, но... А кто напечатает?!».

Признаться, боюсь, после такого экскурса во вчерашнюю историю, как бы меня не сочли легитимистом, в частности, поборником русского монархизма... Хотя, если маленький грузинский писатель вдруг окажется в компании таких великанов, как Гоголь и Достоевский, даже и такой чести не хочу; ну, быть хриплым певцом символического монархизма, такого как, скажем, норвежский, датский, шведский, даже английский, еще куда ни шло, но... самодержавного деспотизма?! Упаси боже!

Я в своей долгой жизни (по сравнению с древнеримскими временами, когда жизненный путь равнялся 35-40 годам) ни одного дня не служил нигде: и начальником не хотел быть, чтобы не иметь подчиненных, зависящих от меня и боящихся, но и в подчиненных, которых третируют начальники, тоже не было желания пребывать.

К слову сказать, у нас почти все: и умные, и неумные, и совершенно бесчестные, и сравнительно честные (во всех отношениях честных нынче так же трудно найти, как и ословальбиносов!) – чуть ли не с шестнадцати лет стремятся в партию, чтобы потом выбиться в крупные начальники, что гарантирует получение разных привилегий и казенных благ, большею частью вовсе не заслуженных ни талантом, ни трудом...

Ну, а если даже в большие начальники и не выйдешь, все равно какая-то выгода будет.

Недавно в вечерней газете прочитал перечень лиц, имеющих право пользоваться бесплатно городским транспортом. Среди этих счастливиц упоминались и пенсионеры республиканского значения, чему я так обрадовался, так обрадовался!..

И в тот же день расселся в троллейбусе с чувством собственного превосходства, высоко помахивая – мысленно! – своей серой книжечкой:

- Смотрите, завидуйте! Я – пенсионер республиканского значения!

Но... моя радость длилась недолго: на третий день, во время четвертой поездки, двое, вошедшие в салон троллейбуса как-то таинственно, с видом и повадками агентов «Интеллидженс сервис», тут же меня пристыдили и оштрафовали, как надувалу-зайца, на два рубля (хм, хватило бы на сорок поездок!): оказывается, это «бесплатно» распространяется только на пенсионеров с тридцатилетним партийным стажем и выше, а я...

Я уже говорил, как плохо своих сыновей и дочерей готовил к светской... простите, к советской жизни мой тятя-батьа...

А вот один мой близкий знакомый моих же лет, кандидат новейших философских наук, только что вернулся из Кисловодска, куда ездил по даровой путевке в лучший санаторий, а в прошлое лето таким же образом побывал в Трускавце, в позапрошлом...

И все это лишь за большие заслуги на поприще усердно-неискренних рукоплесканий... Я знал также одного, как у нас принято говорить; временно безработного; когда на бюро райкома его спросили, куда он хочет пойти работать, он с гордостью ответил: «Я солдат партии, куда пошлете, туда и пойду». Но когда этому «солдату» предложили «солдатскую» работу, он наотрез отказался: «У меня торговая жилка! Я хочу жить и умереть в торговле, как коммунист!»

Да, все стремятся уцепиться за доходное место! И если оно, на первый взгляд, вовсе и не кажется доходным, то и его без особой инициативы и без углубления в вопросы экономики, разными путями (читай – махинациями!) превращают в доходное... Ну, например, разве мог я когда-либо предположить, что из вытрезвителя можно что-нибудь выудить? Оказывается, можно, и даже не так уж мало!

А на кладбищах? Да еще где? Не в «балной» Грузии, а в суровой и честной Сибири!

«На Маратовском кладбище, одном из старейших в городе, за выкопанную могилу с «клиента» брали сумму, в десять-двадцать раз превышающую государственные расценки. Промышлял этим самый разнообразный люд. В 1980 году место заведующего кладбищем получил инженер лаборатории при кафедре политэкономии Иркутского университета Сергей Шкурко. И тут же принялся взимать дань с работ, производимых на вверенной ему территории с применением личного, так сказать, коэффициента: с одного землекопа, допустим, брал всю выручку за каждую пятую могилу, с другого – за каждую четвертую и т. д. Заведующий брал с землекопа, а тот, естественно, с родственников и близких покойного. Система поборов поначалу вызвала недовольство и даже легкий ропот, но всякий протест тут же был сломлен: никому не хотелось терять «высокооплачиваемую работу».

«...Чистый доход Шкурко составил несколько десятков тысяч рублей».

(«За оградой». «Известия». 27.08.86.).

(Подчеркнуто везде, к сожалению, мной... Нет сомнения, заведующий кладбищем был коммунистом: беспартийного, как бы он ни славился честностью, на руководящий пост не назначают).

О, доходное место!

Какая это правда, что классика не умирает! Не умерло же и в наши дни «Доходное место» Островского, пьеса, написанная ровно 130 лет назад! А вот захотели же сдать ее в архив, и ведь сдали однажды: сравнительно не так давно в Московском театре сатиры Марк Захаров поставил ее и...

Это был один из интереснейших и удивительных спектаклей не только Театра сатиры, но и вообще всего советского театрального искусства, но тогдашний министр культуры Фурцева быстро выкинула его из репертуара, т. е. просто-напросто запретила («Не так расставлены акценты!»). Замечу попутно, что Екатерина Алексеевна (Невеликая!) только тогда совершала молниеносные набеги в театры, когда надо было что-либо запретить, конечно, по бдительному донесению и мудрому совету работников ее аппарата...

А вот у Николая I таких советчиков не было и, может быть, поэтому, побывав на премьере «Ревизора» в Александрийском театре, ему и в голову не пришло запретить, как тогда говорили, не спектакль, а представление, – он только с некоторой грустью изрек: «Попало всем, и прежде всего – мне»!

Может быть, это и не совсем к месту, но как же мне не заглянуть в свою истрепанную записную книжку шестнадцатилетней давности и не прочесть:

«В театре Вахтангова на панихиде Рубена Николаевича Симонова первой выступила Фурцева:

– Дорогие товарищи! Я не нахожу в русском языке слов утешения, чтобы выразить скорбь нашего народа...

О-о, если «даже и» Фурцева не может в достаточной степени найти слов утешения в русском языке, тогда нетрудно представить, насколько язык Пушкина будет «бедным-бедным»!

Между прочим, при Фурцевой в Министерстве культуры театрами Союза заведовал А. Тарасов, человек не только во всех отношениях интеллигентный, но и богатырь-красавец, прямо Добрыня Никитич: родись он в Америке, на президентских выборах у своего соперника, несомненно, отхватил бы львиную долю голосов – женских!

...И вот сегодня этот мягкий, в душе, вероятно, либеральный начальник уже в третий раз смотрит в Театре на Таганке «Тартюф» Мольера, и... перед ним маячит неприятная дилемма: запретить – не запретить? Неприятная потому, что уже на первом просмотре чаша весов резко отклонилась к запрещению («Что-то и как-то ассоциируется с нашей действительностью...»).

К моему счастью, сам Тарасов любезно повел меня на этот, пока еще «крамольный», в муках рождающийся спектакль и по окончании первого действия спросил, скорее из вежливости, а не потому, что мое мнение имело для него какое-либо решающее значение:

- Ну, как?

- Да, так, Андрей Павлович... Знаете, «Тартюфа» триста лет назад Людовик Четырнадцатый разрешил, и Сталин разрешил МХАТу, а если теперь Брежнев его запретит Любимову, как Выдумаете, не стыдно ли будет?!

Но!..

С другой стороны, и покойного Тарасова, а вместе с ним и многих покойных ныне здравствующих разных запретителей и перестраховщиков можно понять просто по-человечески: да, они чрезвычайно, невообразимо дорожат своими креслами-должностями, ибо у них (как и почти у всех нас!) никакого состояния, никакой собственности нет, ни движимого, ни недвижимого, как говорится, гол как сокол...

О чем говорить, среди них немало и таких людишек, для которых запретить, наложить вето, «власть употребить» – величайшее удовольствие, не связанное, кстати, ни с малейшим риском (на моей памяти еще не было ни одного случая, чтобы запретителей за превышение своих полномочий, за проявление сталинской сверхбдительности хотя бы слегка пожурили), но среди этих свирепых цензоров попадаются и такие, которые все это делают скрепя сердце, внутренне неохотно... И если бы они не получали «таких» предписаний, возможно, и не стали бы «такими»...

О, наше время!

Это время спортивного мужества, время мужества по спасению утопающих (на воде!), но это не время гражданского мужества, умственного мужества!

(И сам чувствую, что фраза эта звучит не совсем по-русски, но заключенная в ней мысль, хочу надеяться, будет Вам понятна).

И все же писатель, если он подлинный, а не просто член Союза писателей, если и не хватает ему духу хоть тихо промямлить: «Не могу молчать!», то хотя бы символически должен стремиться к этому, а не к тому, чтоб, во что бы то ни стало, подняться вверх по лестнице, ведущей вниз...

Квазиписателям это еще как-то простительно, ибо логика их мышления такова: нас, мол, после смерти будут судить по нашим произведениям, а не по нашим поступкам.

Ошибаются: их и по произведениям не будут судить – от их произведений ничего не останется.

Ну, кто помнит, кто читает сегодня «Ивана Выжигина», «Дмитрия Самозванца»? Автора этих романов помнят нынче только по его низменным поступкам...

Это Фаддей Булгарин!

* * *

Ох, это мое послание к Вам так разрослось, так разрослось, что мне стыдно и неловко и перед Руставели, сказавшем:

Весь простор могучих мыслей заключает краткий стих,
Тем прекрасна речь поэта, тем отлична от других.

И перед Антоном Чеховым тоже, – «Краткость – сестра таланта».

Но я очень постараюсь, если, конечно, во мне найдутся хоть крупинцы его – как-то собрать их воедино, и хоть теперь буду стремиться быть немногословным и кратким...

Но, знаете, если исходить из Вашего же рассказа, боюсь, это мне вряд ли удастся, ведь Вы столько внимания уделяете мелочам грузинской жизни, что порою удивляешься, как же это такой писатель-мастер занимается ловлей таких мелких пескарей...

Вот, например, Вы пишете, что Ваши, то есть сибирские собаки крупнее наших, т. е. грузинских коров...

Эх, Виктор Петрович, Виктор Петрович!

Не мне учить Вас, как надо говорить красиво, тем более красиво писать, но все-таки... Судить обовсем по сибирским просторам и по сибирским вкусам... Это, знаете...

Ну, если б мальчик-сибиряк попал летом в пионерский лагерь в Грузию и среди наших ребятишек стал хвастаться этим, и даже с известной долей злорадства и с чувством

превосходства (что, кстати, явно чувствуется и в Ваших строках), это еще куда ни шло, ибо все это природой заложено в детском характере и вполне простительно: безотчетная любовь к родному краю в юном возрасте еще сильнее проявляется, но Вы же этот возраст давно прош... мм...

Я уже не помню, что об этом пишет Альфред Брем, но и без Брема, думается, самому нетрудно догадаться, что географический рельеф страны, ее климат накладывают свой отпечаток не только на людей, но и на обитающих в ней животных...

В Грузию в разное время завозили ярославских коров высокопродуктивной породы, дающих на их родине до пяти тысяч килограммов молока в год, но Грузия для них, увы, не стала второй родиной.

Ну кто не хочет вместо трех-четырех литров молока в сутки, иметь два-три десятка, но даже при тщательном уходе эти коровы все же никак не прижились у нас: видимо, инстинктивно привыкшие к огромным российским просторам, к равнине, к сочным лугам и, если хотите, даже к холоду, они зачахли на новом месте и со временем почти все поголовно вымерли. (Наверное, болезненная тоска по родине, своеобразная ностальгия присуща и животным).

А наши коровы меньше, как Вы пишете, красноярских собак, «с вымечком с детский кулачок», это, знаете, коровы... альпинистки, лазающие по крутым горам, щиплющие скудную траву по скалистым отрогам, и, представьте, жирность их молока (и вкус тоже) намного превосходит...

Не хочется доканчивать эту фразу, дабы не обидеть Ваших славных коров!

В самых высоких горах Восточной Грузии, так сказать, в царстве Всевышнего, приютился небольшой уголок нашей многоцветной и многоплеменной республики – Хевсурети... К сожалению, сейчас там населения, в сущности, и нет: не в столь давние времена по неосмотрительности (пусть простят мне господа-товарищи, чуть не ляпнул – по глупости!) вышестоящих органов (наших, наших!) часть хевсуров переселили в низменные районы, а часть их постепенно сама попала под очарование городского асфальта...

А до этого, в начале тридцатых годов, в Хевсурети в условиях невыносимого бездорожья очень трудное, даже опасное путешествие совершил Виктор Шкловский, и он видел не только парящих в небе могучих орлов, способных при столкновении разломать крылья самолета, но и по размеру меньших коров, чем, скажем, в равнинной Кахетии; и лошадей тоже видел, чуть крупнее и рослее, чем шотландские пони, и ничуть не удивился тому, что по отвесным горным тропам не разгуливали среднерусские ломовые лошади-тяжеловозы...

И больше всего удивляет то, что Виктор Борисович никак не принял за дикость каменного века древний обычай хевсурок – перед родами удаляться в самрело – небольшое каменное строение – и там, почти без чьей-либо помощи, рожать таких крепышей и телом, и духом, что в смысле здоровья в дальнейшей жизни им позавидовали бы теперешние даже пятикилограммовые новорожденные антисептических родильных домов города Тбилиси.

Раз речь зашла о килограммах, скажу, кстати, что Вы совершенно справедливо браните нас за наших «жирных детей», за «четырепудового одышливого Гогию, восьми лет от роду»... Но, к великому нашему огорчению, у нас в избытке не только малолетние «Гогии»... Пузо, брюхо – это не только для многих немолодых, но даже для молодых наглядная визитная карточка, выставлять которую в открытую они нисколько не стыдятся.

Да, это у нас превращается чуть ли не в национальный позор, но это, Виктор Петрович, такая явная выставка беззащитного стекла, что не Вы ее первым заметили и не Вы первый открыли нам глаза на это... Год назад наша первая республиканская газета, выходящая тиражом в 700 тысяч экземпляров, напечатала мою статью: «Сколько весит ваш жених?», написанную не столь с медицинской точки зрения, сколь с саркастической... Хочу тут же

заметить, что огромная, то есть худая часть населения, из тех, кто статью прочитал, приняла ее восторженно, а вот «женихи» стали на дыбы: «Да что вы от нас хотите, мы же вашего ничего не едим»...

Логика, достойная и впрямь Гаргантюа и Пантагрюэля!

Но, слава богу, кроме таких «женихов», у нас есть и такие «суженые», благодаря которым «пузатая» Грузия опережает многие непузатые республики на проходящей нынче Спартакиаде народов СССР.

Что ж, было уже сказано: Грузия – страна контрастов.

Вот Вам еще один «контраст»: у нас и «моржи» водятся и, представьте, зимой на соревнованиях в Калуге наши южные «моржи» на удивление северным заняли... почетное третье место!¹

Так что берегитесь, сибиряки, как бы мы и до вас не дотянулись! (Примите это, пожалуйста, как потуги на остроумие)!

Между прочим, в той статье я не считал целесообразным одновременно наживать себе врагов в обеих половинах человечества и не затронуть наших, еле передвигающихся и еле дышащих горожанок - квадратных грузинок, «комодов» и «сейфов»!

К слову сказать, эта беда присуща не только восточному типу женщин – «черноглазым с длинными ресницами»... Возможно, не всем известно, что советские внешнеторговые организации почти не импортируют женское белье, в особенности нижнее, ввиду их нормальных размеров...

И, знаете, как-то обидно, что в мире сейчас единственная страна – это Марокко, где чрезмерная женская полнота еще ценится высоко, представьте, гораздо выше, чем даже нефть!

(Вспоминается: в годы первой пятилетки, когда повсюду крайне остро ощущалась нехватка во всем, в частности, в хозяйственных товарах, и мыле в особенности (на черном рынке оно ценилось страшно дорого), сравнительно полные женщины – а их было так мало! – боялись выходить на улицу поздно вечером: ходили слухи, что какие-то темные субъекты ловят таких особ для... перетопки-переплавки на туалетно-«земляничное» мыло...

В те времена беспокойно чувствовали себя, к сожалению, и худые женщины; некоторые из них, так сказать, более состоятельные, всегда носили с собою добытые с трудом два-три куска, дабы откупиться и избежать кипящего котла).

В этой части моего письма мне бы хотелось раз и навсегда покончить, так сказать, с женским вопросом, касающимся, разумеется, только грузинок, с такой болью затронутым в Вашем рассказе...

О, Виктор Петрович, Вы так сочувственно относитесь к этим угнетенным, бедным и бесправным созданиям, к «безмолвной расе»...

Спасибо Вам за это, но так ли это на самом деле? Не подвела ли на этот раз автора «Пастуха и пастушки» присущая ему острая наблюдательность? Не во время ли солнечного затмения вынес такое безотрадное впечатление его зоркий глаз?

Вы крайне удивлены и весьма недовольны тем, что женщины за стол не садились, а ходили то в кухню, то из кухни...

А как же они должны были поступать? К ним пожаловал писатель, да еще русский писатель, не только сокурсник, как Вы пишете, а друг и товарищ их сына, мужа и отца (во

¹ Позднее примечание (октябрь 1988 г.): на XXIV Олимпиаде в Сеуле трехмиллионный народ, грузины, завоевал пять золотых медалей, а многомиллионные Бразилия, Испания, Турция – по одной, а Аргентина, Индонезия, Пакистан – ни одной... И это не благодаря допингу и «мандаринам!»

всяком случае они именно так могли Вас воспринимать, а то заезжих «простых» русских в Цхалтубо не так уж мало, чтобы им удивляться), и что ж поразительного и неестественного в том, что они изо всех сил старались не ударить лицом в грязь перед таким редким гостем и доставить ему, во время пребывания в их доме, максимум удовольствия и радости?!

Я тех женщин никогда не видел, но мне думается, мать «Отара» – крестьянка, а жена полугорожанка, и обе они если вообще и говорят по-русски, говорят, нет сомнения, много хуже, чем глава семьи (впрочем, хуже этого что может быть!) и как люди, видимо, вовсе не глупые, сознают это и не в пример писателю «Отару» предпочитают молчать, а не нечленораздельно заливаться соловьем!

И за столом сидеть им, как статуям, тоже, наверно, не хотелось, дабы не мешать Вашей мудрой беседе на литературные темы и Вашей спокойно-аппетитной трапезе...

Да, они ходили из кухни в комнату, где Вы сидели за «пиршественным» столом, и из комнаты в кухню, где для Вас варили, жарили, парили, месили и пекли!..

И стоит ли этому изумляться и принимать такой образ действий за признак средневековой отсталости, который Вы, как и многое другое, не прощаете «Отару», тем более, что он учился, мол, в Москве!

А разве в Москве он учился в Институте международных отношений, где и тому учат, что некультурно резать ножом рыбу и котлеты, в том числе котлеты по-красноярски?!

А вообще-то мне кажется, умный человек и без какой-либо специальной учебы в Москве ли, в Мадриде или Житомире, сам должен учить себя и сам себя воспитывать...

Я-то, например, в Москве не учился, но, бывая там в русских семьях, правда, не в полукрестьянских, а в интеллигентных (только далеких от дореволюционной интеллигентности), наб-людая, нисколько не удивлялся тому, что хозяйка тоже поминутно ходила из гостиной в кухню и из кухни...

А если гостей было много, ей в этой «ходьбе туда-сюда» и дочка помогала, и свекруха, и все они от души старались как можно лучше потчевать приглашенных то холодненьким, то горяченьким...

А как у Вас, в Сибири, Виктор Петрович, ну, например, знаменитые (для меня пока только теоретически!) сибирские пельмени едят в остывшем виде и их еще до прихода гостей хозяйка ставит на стол, а сама тут же разваливается в кресле основательно и надолго?!

Я Вам уже не раз признавался, что, к моей беде, плохо знаю великий русский язык, но не настолько плохо, чтобы не знать, что «холуй» – это вовсе не хвалебное слово, а довольно ругательное... Вы пишете, порицая:

«Принадлежа к безмолвной расе, мать, жена и девочка Манана во время завтрака за стол не садились, как за спиной, они тенями скользили вокруг стола, незаметно меняли тарелки, подтирали стол, наливали вино». (Выделено мной. – К. Б.).

Я согласен с Вами: все это достойно осуждения, ибо и мать «Отара», и жена «Отара», и дочка «Отара» родились и выросли в наше время, стало быть, все они – люди советские и, как таковые, гордящиеся своей вольностью и всеми правами истинных граждан, а обслуживали Вас, советского гостя, так же, как в самом первом ресторане буржуазной Америки, где за спиной каждого обедающего миллионера, как правило, стоит, как тень, вежливейший холуй-официант и зорко следит, когда тарелки поменять, когда стол вытереть и не опоздать налить вина в опорожненный бокал...

«Заспанные холуи»...

Не скрою, сперва я подумал, не опечатка ли здесь, – не «заспанные», а «заспанные»... Мои сомнения еще больше усилились от того, что этого слова даже у Даля не нашел...

Возможно, плохо искал, ведь и со словарем не все могут обращаться умело... Так или иначе, одно для меня и без помощи лексикографов все-таки ясно: «заспинный», впрочем, как и «заспанный», безусловно, содержит в себе ругательный оттенок и еще больше усиливает и без того ругательное «холуй»...

Да, поделом им, и матери, и жене, и дочери «Отара» – чего они незаметно тарелки меняли, стол вытирали, вино наливали?! Отчего они вместе с Вами за стол не сядились, чем еще больше обесславили «Грузию», и без того признанную Вами Terra incognita.

Нет сомнения, для «Отара»-то «Франция», а для Вас – Франция, несколько не является незнакомой и непонятной землей, так что...

«Все ли знают, что в некоторых деревнях в Провансе, в крестьянских семьях, строже других соблюдающих обычаи, мать семейства до сих пор стоя прислуживает за столом мужу и сыновьям и ест сама, лишь когда те закончат трапезу?

А когда отец умирает, то же почтение переходит по наследству к старшему сыну и ему прислуживают так же, как раньше главе семьи?

Не думаю, что женщина, верная этой традиции, чувствует себя поработанной, я скорее склонен предположить, что она гордится своей ролью, ибо ей ведомо, что, в сущности, ее роль главная».

(«Над Сеной и Уазой.» Москва, 1985 г., стр. 382).

А знаете ли Вы, Виктор Петрович, кому принадлежат эти строки? Человеку, написавшему свыше двухсот романов да еще кое-что другое...

О, интересно было бы знать, почему Жорж Сименон так плодовит и многие его коллеги в тех же краях, правда, не столь плодовиты, как он, но нас все же опережают так, как...

Ну, как датско-швейцарско-голландские коровы, дающие каждая в сутки 30-40 литров молока, а наша, к примеру, грузинская – 3-4 литра?

Как Вы думаете, главная причина не в том ли, что им (не коровам, разумеется!) не приходится ломать голову над алхимией – как превратить ложь в правду, глубокую скорбь в телячий восторг, страх в бесстрашие?

В нашей яловости не повинны ли товарищи Сыроквасовы, хотя бы отчасти? Ведь когда мы ерзаем за своим письменным столом, постоянно ощущая, как они, словно человеки-невидимки, стоят за нашей спиной (не отсюда ли пошло слово «заспинный»?) и направляют нас не по широкому пушкинскому руслу – «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», а загоняют на тропинку, – страдать страдайте, но мыслить за вас будем мы!..

Не по этой ли причине у многих наших физически здоровых писателей, даже у тех, кто перешагнул за шестой десяток, с трудом набирается собрание сочинений в четырех-пяти томах, а вот почти всю жизнь тяжело болевший Чехов в какие-то 44 года оставил нам двадцать томов (включая письма) не алхимической литературы?

А Пушкин сколько – в 37 лет?! А Лермонтов – в 28 лет?! А Гоголь – в 43 года?!

И вот в задаче спрашивается, если б их опекали редактора, вроде Сыроквасовых, то сколько же томов они оставили бы нам, перешагнув и за 90 лет?

Собственно говоря, нужен ли вообще подлинному писателю редактор, поучающий его, как писать и что писать?

Право, не знаю, но это знаю твердо: Льва Толстого «редактировала» Софья Андреевна, а Эрнеста Хемингуэя – Мери Хэмингуэй, говоря словами некролога, его жена и друг...

Прошу прощения, что с главной магистрали поневоле приходится свернуть на дорожку, которая, кажется, заведет меня в запретную зону, но хочется надеяться, что нынче иные времена и за это не подвергнут меня остракизму, тем более, что я же, слава богу, не сказал, например, что наша издательская редакция выполняет роль первичных и к тому же очень строгих цензоров...

Вот я, к примеру, уже несколько месяцев веду бои с моими редакторами из нашего «родного» издательства «Советский писатель», что для моей и без того на волоске висящей жизни бесследно не проходит, не говоря уже о потере времени на переписку с ними, из которой ради потехи мне хотелось бы ознакомить Вас с некоторыми «избранными перлами-выжимками»:

«Отредактированные Вами мои комедии читал и проверял с перерывами: давление то поднималось, то падало до угрожающих отметок; это в зависимости от того, на какие редакторские исправления наталкивался при чтении.

Все Ваши улучшения-дополнения-обогащения можно классифицировать, как:

- 1) высокограмотные, исходящие от непомерной самоуверенности в непогрешимости выводов;
- 2) просто анекдотические
и
- 3) просто-напросто варварские

...Приведу несколько примеров:

У меня: «Гость, как рыба – на второй день с душком».

Вы «душок» переправляете на «попахивает». Конечно, в данном случае и «попахивать» допустимо, но зачем трогать авторский текст, когда в этом нет и малейшей необходимости?!

Давайте все же заглянем в «Словарь русского языка»:

«Душок, – шка, м. Запах от чего-нибудь загнивающего. Рыба с душком». Для примера, как видите, приведен душок», а не «попахивать»...

У меня непутевый юноша говорит: «Дрался я на романической почве», то есть дрался на почве любви, но Вы – строгая классная наставница – «романическое» решительно переправляете на «романТическое», т. е. что связано с возвышенными мыслями, идеями, с мечтательностью...

И теперь я, ученик четвертого класса, не имея собственного ума, не знаю, кому верить: П. И. Ожегову и академику С. П. Обнорскому или Вам, ведь Вы окончили МГУ и к тому же являетесь дочерью писателя, но все-таки и на этот раз заглянем в тот же «Словарь»:

«Роман 2 – любовные отношения между мужчиной и женщиной... Романическая история. Нароманической почве».

У меня: «Я не представляла Платона с бородой».

Вы: «Я представляла себе античного Платона без бороды».

Ну, зачем, зачем трогать эту бедную злосчастную бороду? Я забочусь о музыкальности фразы, а Вы своей перестановкой слов разрушаете ее, да еще добавляете лишнее слово «античного»... Но ведь читатель (и будущий зритель) уже знает, что здесь речь идет именно о бюсте *античного* Платона...

У меня: «...и на них зарабатывает капитал».

Вы «капитал» меняете на «деньги»... Но – опять! – зачем, зачем?

Разве выражение «зарабатывать капитал» чуждо разговорной речи? К тому же «капитал» вообще употребляется не только в одном значении денег.

У меня: «Я обыкновенный читатель...»

А Вы «обогащаете» меня и добавляете: «Я обыкновенный слушатель, читатель»... Боже мой, за какие грехи ты меня так караешь? При чем тут «слушатель»?

У меня: «...не спеши вводить сюда (т. е. в наш неоаристократический, престижный дом!) дочь караульщика».

«Караульщика» Вы исправляете на «караульного»... Но в данной ситуации новоявленная мещанка Цуца хочет унижить хорошего человека, сторожа Нико, а ведь «караульщик» в ее

устах звучит более прозаично, чем официально чуть возвышенный «караульный».

Комедия «Восемь действующих лиц» у меня заканчивается так (речь идет о пасхальных яйцах):

«А н т и о ф а. Взгляните, как красивы эти крашенные яйца! И попробуйте! Они покажутся вам гораздо вкуснее некрашенных!»

В Вашей редакции это звучит так:

« – Взгляните, как красивы эти *раскрашенные* яйца! И попробуйте! *Ручаюсь, что теперь* они покажутся вам гораздо вкуснее некрашенных».

О, скажите, пожалуйста, где раскрашенные и где крашенные яйца, тем более пасхальные?! И зачем лишними словами – «Ручаюсь, что теперь...» делать грузной финальную реплику?!

Все эти примеры из области редакторской, так сказать, художественной помощи автору, а сейчас рассмотрим бегло некоторые Ваши правки идейно-политического характера, которые, как Вы мне пишете, «согласованы с руководством редакции и являются обязательными».

1. «Формула Платона», из сцены, где автор, т. е. я намекаю, только намекаю на 1937 год:

«А н з е л и н а. Даже для видимости не поссорившись со мной, он вдруг бросил меня, свою официальную невесту и женился на дочери крупного партийного работника. Но когда его тестя, – между прочим, весьма честного, порядочного человека, – захлестнула волна страшных событий, которых Вы по малости лет не можете помнить (указывает на фотопортрет Абаидзе), этот тип сломя голову примчался в институт чуть не в одних трусах: «Товарищи дорогие! Я – бедный крестьянский сын – попал, не зная, не ведая, в зятя к врагу народа», и с трибуны назвал отца своей жены «трижды презренным подонком» и потребовал выявления классовой сущности своей юной супруги».

Вычеркнув все это, Вы хотите лишить автора возможности хотя бы чуть-чуть задеть ужасающий, именно сталинский год *полувековой давности*?

(А в Англии даже военная тайна по прошествии тридцати лет становится доступной для любого исследователя).

2. К этому разряду относится и Ваше табу в отношении «Черного ворона»: Лайтадзе, демагог и анонимщик, прохвост и вор, в ожидании мнимого ареста, плача, лепечет жене: «Через пять минут подадут машину... Закрытую! «Черный ворон»...

Да что Вас тревожит в этом? Что же, у нас никого не арестовывают? Нет больше в нашей стране уголовных преступников?

А если они «кое-где» «иногда» и попадают, что ж, отвозят их к месту заключения...

Недавно в Тбилиси арестовали даже двух министров – финансов и культуры (кстати, последний в свое время был назначен по настоянию одного из приближенных К. У. Черненко за полмешка сторублевых купюр!) и, насколько я знаю, в следственную тюрьму их, кажется, не отвозили в колеснице царицы Тамары, запряженной белыми лошадьми! И «вашему», скажем, директору гастронома № 1 (Елисеевский магазин) в четыре часа утра тоже не подавали золотую карету из Оружейной палаты, чтобы довезти его до Петровки №38...

«Черный ворон» в народе везде и всюду известен, как хлеб, как вода, и если о нем сказать, допустим, со сцены, да еще в . комедии, – это что, бросит тень на нашу великую страну в глазах африканских государств, недавно освободившихся от колониального ига?!

3. «Во дворе злая собака» написана в 1952 году. В то время в нашей стране не было ни одного дома, ни одной квартиры, где бы не висел портрет Сталина; одни вывешивали эти портреты с истинной любовью, а «кое-кто» из страха, дабы не навлечь на себя подозрения в

нелюбви к Советской власти... Разумеется, и у моего героя, склочника и прохиндея с партийным билетом, тоже висит над изголовьем (как примета времени!) портрет Вождя... Вернее, висел до тех пор, пока его моя редакция не сняла, а вот мольбу-обращение персонажа к нему, вернее, к голой стене... оставила.

Ну зачем такая несуразность?!

4. Моя высокоавторитетная и на редкость бдительная редакция налагает вето даже на такие, по моему наивному разумению, во всех отношениях безобидные фразы, как, например:

«Не всякое изобретение двигает общество вперед. Все нервные болезни от телевизора».

Но зачем надо прибегать к такой суровой каре, а?! Вы что, прочитав эту сакраментальную фразу, сразу же перестали смотреть телевизионные передачи, чтобы не нажать себе нервный тик или болезнь Паркинсона? Или же Вы больше заботитесь о здоровье моих (!) будущих читателей, которые, уверовав в этот необдуманно поставленный диагноз, перестанут смотреть телевизор, а от этого пострадает идейно-воспитательная работа во всенародном масштабе?!

5. Вы категорически против «замызанного красного сукна», которым накрыт стол заведующей загсом...

И раз о н о красное, не может быть замызганным, да? И поэтому это «красное» надо переокрасить в зеленый цвет или в оранжевый, можно и в серо-буро-малиновый, и тогда все станет на свои правильные идеологические места?!

6. Вы изымаете концовку второго действия «Золотого человека – на волоске»:

- И, взяв Нуцу за руку, подводит ее к иконе, падает на колени и осеняет себя крестным знаменем...

Ч и ч и б е л и. Господи, молю тебя, храни мою жену от всякого зла, и дурного глаза и озари души наши райским светом твоим... Аминь!»

Изъять эту сценку Вы хотите, вероятно, потому, чтоб она не растлила советскую молодежь своей набожностью.

Вот сие и есть, дорогая, суперварварство!

Вышеприведенную фразу произносит вовсе не верующий человек; он – Чичибели – это современный, советский «Тартюфчик», пройдоха и плут, открыто носящий, для видимости, даже крестик (золотой!), явно спекулирующий своей мнимой религиозностью.

Так что Вы напрасно боитесь что, если даже произойдет невиданно-неслыханное чудо и ее поставят, ну, скажем, хоть в клубе медиков, что совсем недалеко от шашлычной у Никитских ворот, – зрители, послушав «Господи, молю тебя...» даже не дождутся начала третьего действия и, охваченные богомольным экстазом (по-марксистски, дурманом!), гуртом побегут молиться в совсем близко расположенную церковь, где венчался Пушкин!

(Кстати, она, то есть церковь Большого Вознесения, до «изобретения» центрального отопления в Москве, долгие-долгие годы функционировала, как... дровяной склад).

...Нет-нет, это не произойдет еще и потому, что у нас давно и отдельно существует и театральная цензура, живая, вполне видимая и осязаемая, которая вправе во время просмотра выкинуть из спектакля не только отдельные фразы – «кусачки», но и целые сцены и таким образом довести, в особенности его словарный фонд, до нужной кондиции, то есть до уровня людоедки-Элочки...

А к лицу ли Вам опережать их, отбирать у них кусок хлеба с сыром, маслом и ветчиной? Оставьте им тоже хотя бы часть работы.

(Если у нас вообще лишить работы всевозможных цензоров и упразднить бесчисленную синекуру, то не окажемся ли мы перед угрозой безработицы?!).

И наконец:

Парнишка, выгнанный из общежития за драку и теперь ищущий и ни у кого не нашедший ночлега, говорит возлюбленной:

– У-ух, буржуи советские! Сами расположились в стометровых квартирах... А послушать их на трибуне... «Человек человеку друг и брат»...

Вас возмущают слова «советские буржуи» и категорически требуете выкинуть их, но сие выражение принадлежит, оказывается, как мне раньше казалось, вовсе не мне... Приоритет, к сожалению, придется уступить... Сталину Иосифу Виссарионовичу!

Мы-то, мол, не позволим...

«...приспособить нашу политику ко вкусам «советской» буржуазии»...

(См. «О правом уклоне в ВКП(б)», стр. 200, Ленпартиздат. 1933 г.).

А сказал это Сталин тогда, когда с нэпманами было уже покончено, а советских поклонников – накопителей золотого тельца во всей нашей громадной стране можно было исчислять трехзначными цифрами, а нынче их... мм...

Да, все нынешние правки, присланные на этот раз как обязательные, то есть подлежащие изъятию, носят исключительно цензурный характер...

Не касаясь «Пожара», хочу Вас спросить, а читали ли Вы «Печальный детектив» Виктора Астафьева?

Простите, но Вы его, по-моему, еще не читали. А жаль! Именно редактора, так мудро направляющие нас, писателей, по нужному руслу нашей многоводной литературной реки, в первую очередь должны знакомиться с литературными новинками.

Сыроковасова Октябрина Перфильевна не такой уж идеальный редактор, на которого стоило бы походить.

Выход книги должен быть праздником для автора, а не панихидой по нему.

30 апреля 1986 г.»

...Да, на всякие житейские мелочи уходит девять десятых нашего писательского времени, в особенности, если ты литератор без выгодной начальнической должности, без громких званий и регалий...

«В наши дни даже собака без какой-либо медали на ошейнике – и та имеет жалкий вид», – из одной неизвестной русскоязычному зрителю пьесы).

* * *

Надеюсь, Вы более или менее развлеклись моим петушиным боем с редактурой и, стало быть, чуточку отдохнули; теперь разрешите мне опять вернуться к прерванному «женскому вопросу»...

...Ну да, Вы, возможно, и впрямь жалеете нашу «безмолвную расу», но, прошу верить, она не нуждается ни в чьей жалости и ни в чьей защите. И не только наши современницы...

Во всей нашей истории грузинки никогда не ощущали какого-либо ущемления ни в семейных, ни в гражданских правах... Они у нас и царицами были, и святыми, и, представьте, даже предводителями крестьянских масс против – как у нас принято выражаться – иноземных захватчиков...

У нас не было никакого Домостроя, ни словесного, ни письменного... Грузинки никогда не носили даже отдаленного подобия чадры или паранджи. Старые женщины, конечно, на людях без головного убора, без косынки не появлялись, но это и не запрещалось, как, например, на Руси, что наглядно видно на полотне великого Вашего земляка В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни», где прекрасные головы русских женщин, перешагнувших юный, двенадцатилетний возраст, наполовину прикрыты чепцом (чинчиком?).

Среди многочисленных грузинских пословиц и поговорок на семейные темы не найти ни одной, хоть чуть-чуть напоминающей такое суемудрие, как, например: «Бей жену обухом, приходи да понюхай, дышит и морочит, еще хочет!» «Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее»!

Ну, раз слово зашло о пословицах, приведу еще одну, только на этот раз старинную туркменскую:

«Когда женщина сядет на коня, настанет конец света»!

К нашей всеобщей радости, прогноз этот пока не подтвердился, но только частично: женщина и у нас в Грузии, и в самой Туркмении, а тем паче в России не только на коня села, но, говоря метафорически, села и на голову мужчине...

И такое равноправие, если уж быть искренним до конца, и Вы меня за это «не арестуете и дела не создадите», выскажусь прямо: ничего хорошего не принесло ни самим женщинам, ни всей стране в целом.

Наши информационные органы часто напоминают нам, что вот де в Америке нет женского равноправия, что у нас женщин сотнями избирают в депутаты, а за океаном всего-навсего семь конгрессменов-женщин...

Но ведь у нас и у них разные избирательные системы!

А так было бы просто интересно в случае, если б и мы избирали «по-американски», а не придерживались принципа «никого не обидеть» и определенных процентов (мужчин столько, женщин столько, партийцев столько, а беспартийных... для блока...), то тогда сколько женщин-депутатов восседало бы, в частности, в парламенте моей республики?! (Сейчас их 160 из 440).

Вообще-то, на мой взгляд, нам вовсе и не следует тратить драгоценные, как теперь медицина утверждает, невозстановливаемые нервные клетки на сочувствие американкам в их бедственном положении. В большинстве штатов они сами выступают за «рабство»: оставьте, мол, нас в покое, мы родились женщинами и вполне довольны тем, что мы женщины.

А все-таки, как ни покажется нам странным, на неравноправном Западе немало представительниц так называемого прекрасного пола, занимающих самые высокие посты в государстве, – и министры, и премьер-министры, и президенты, даже главнокомандующие (Корасон Акино, Филиппины).

И все это только и только благодаря собственным выдающимся талантам. Они честными путями пробивают себе дорогу наверх, при этом оставаясь женщинами в самом изначальном, «натуральном» виде.

(Хочется особо подчеркнуть, что Маргарет Тэтчер, премьер-министр Великобритании, достойно сидящая в кресле Кромвеля, Гладстона, Черчилля, высоко подняла престиж женщин во всем мире).

А у нас как?

И что у нас не так, это, на мой взгляд, очень даже хорошо!

Однажды Индиру Ганди сместили с поста премьер-министра, но она в знак протеста, как незаслуженно оскорбленная, не покончила с собою... Вскоре ее и в тюрьму упрятали, но и там не попрощалась она с жизнью, и, когда вышла на свободу, народ снова поставил ее во главе Индии – огромного и сложного государства, ибо она была блистательно талантливой Личностью.

А у нас...

Екатерина Фурцева, наделенная только данными комсомольского агитатора двадцатых годов, почувствовав, что ее кресло министра культуры стало что-то подозрительно шататься и ей, возможно, больше не придется руководить, точнее, командовать искусством, в отместку отравилась, а раньше, когда ее не ввели вновь в Политбюро, и вены себе перерезала.

(Кстати, Хрущев тогда немедля навестил ее и обещал дать пост министра. И дал!).

А этот товарищ (она!) сперва убила... своего ребенка, а потом наложила на себя руки: как же это «они» посмели освободить ее (как несправившуюся) с поста второго секретаря райкома, ведь она стремилась еще выше и выше...

Гм! Детоубийца и самоубийца одновременно... Это страшно!..

Впрочем, мы так привыкли ко всевозможным чудовищным вещам, что нам уже ничего не кажется страшным.

И разве это не признак морального одичания?!

А моральное, духовное одичание всего народа разве не опаснее ядерной войны?! Она-то не разразится никогда, а это...

Да, на ядерную войну вряд ли кто решится, ну, если, конечно, во главе атомного государства не окажется какой-нибудь диктатор-шизофреник, что, кстати, при подлинной демократии исключается.

* * *

Да, к великому нашему несчастью, грузинки наших дней даже отдаленно не напоминают грузинок тех времен, когда, например, Екатерина Чавчавадзе, сестра вдовы Грибоедова, потрясенная тем, что некий грузин был уличен в воровстве, в знак траура оделась во все черное...

А теперь не только грузины, но, к стыду нашему, и грузинки, разумеется, не все, но и не единицы, обуреваемые так называемым вещизмом, чувством ненасытного обогащения, сами толкают своих близких и на казнокрадство, и на взятки, и на другие «дела», которые раньше считались порочными и срамными, а ныне стали «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства»! Еще хуже: многие из них вовсе не остаются пассивными созерцателями и сами берутся за «дело»...

Вот так меняются времена, и вместе с ними меняются и люди.

А Вы еще, повторяю, так безмерно жалеете наших женщин, бедных представительниц «безмолвной расы»...

Ах, если б это было так на самом деле, если б никто из них не попадал в вытрезвитель и не сидел бы за рулем в пьяном виде (уже зафиксировано несколько случаев даже в сельской местности!), не дымили бы, как дряхлые паровозы, отапливающиеся в годы гражданской войны дровами, и не выходили бы на улицу в одеянии тех клоунов (не клоунесс, а клоунов!), которые паясничали на арене цирка Чинизелли сто лет назад.

Я не знаю, как Вам нравится или понравится женский футбол, но у нас, в республике «безмолвной расы», в нескольких городах не стихийно, а планомерно, с ведома государственных организаций уже обосновались... футболистки, и я ничуть не удивлюсь, если у их тренеров теперь висят на видном месте списки воспитанниц, оповещающие, у кого в какие дни бывает то, чем природа физически резко разграничила женщину от мужчины.

И в другие дни, разумеется, но в эти дни в особенности непрерывная беготня в течение 90 минут, частые падения на землю с поднятыми вверх ногами, нервные пререкания с судьями – небезопасны для женского организма, будущей матери...

К тому же, смотреть на все это и с точки зрения зрелищности, кажется, и не так уж эстетично, а?! (Знакомый студент поведал мне, как у одной его сокурсницы от чрезмерных спортивных нагрузок фигура стала настолько мужеподобной, что теперь никто из парней не обращает на нее внимания).

От женского футбола до женского... бокса дело у нас пока еще не дошло, но надо надеяться – дошло же до дзюдо! – дойдет, непременно дойдет, мы только не хотим опережать, ну, к примеру, королевскую Швецию, где коров давно уже кормят и доят согласно указаниям компьютера...

Да, пусть Запад скажет первое слово и в сфере женского бокса, и в сфере женской штанги, и мы сразу подхватим его.

(Не дай бог, опоздать – неровен час, внесут их в программу Олимпиады, и если мы и по ним не займем первые места, не завоюем золотые медали, то, кто знает, может пошатнуться наш престиж на африканском континенте!).

А что касается доения по компьютеру, это нам не к спеху, до двухтысячного года у нас еще немало времени...

Как-то одолевает меня желание вырвать один сильно пожелтевший листик из моих детско-отроческих воспоминаний: в нашей стране, примерно до 1927 года не только женский, но и мужской бокс был запрещен (кстати, как и упоминание слов «Родина» и «патриот»)..

О, просвети, господи, седую мою головушку и не дай мне ошибиться: в те времена А. В. Луначарский и книжечку выпустил против этого «варварского мордобоя»... Но как это сейчас проверить? Ведь в Москве в память об этой феноменальной личности нашего века, которой, не задумываясь, может гордиться русский народ (если простит ему, разумеется, проповедь богостроительства в возрасте распятого Христа!), ничего нет, кроме стандартной мемориальной доски

«Здесь жил и умер...»

На Западе следует позаимствовать разумное, хорошее, ибо, наряду с ним, в порядке частной инициативы там возникает и немало скороспелых несуразностей, не поддающихся иногда мало-мальски здравому осмыслению.

Давайте не тому будем учиться у Запада, как, например, плюнуть дальше всех, чтобы попасть в Книгу рекордов Гиннеса, а как, например, бороться с курением, этим губительным злом, разрушающим наше здоровье... В Швеции уже такие меры принимаются против курения, что через 25 лет страна станет некурящей, а в Америке в последнее время заметно снизился контингент курящих и среди мужчин, и среди женщин, да, и с р е д и ж е н щ и н , а у нас...

Недавно моя племянница провела такой эксперимент: для гостей в день рождения одного из сыновей, – а все они были студенческого возраста, – пепельницы на столе расставила для девушек и юношей отдельно, и каково же было ее изумление, когда после ухода гостей был собран «обильный урожай»: в девичьих пепельницах окурков оказалось значительно больше, чем у ребят.

Вот Вам и молодая поросль нашей «безмолвной расы»!

Какого же потомства можно ожидать от них при подобных «плодах просвещения»?

Женщины сравнительно легче «осваивают» плохие привычки, но гораздо труднее расстаются с ними, что определено женской психикой.

Я отнюдь не претендую на славу Колумба: не человек создал природу, а природа создала человека, поэтому она и умнее и прозорливее нас. Женщина должна оставаться женщиной со всеми тончайшими фибрами своей души, а мужчина быть... не суррогатом мужчины.

И тогда, когда перестанут «боксировать» с природой, мужеподобных женщин станет меньше, и импотентов тоже станет меньше, а это, думается, в интересах и самих женщин, и государства тоже.

Для людей моего поколения и следующего за ним наиболее сильным «наркотиком» было обладание женщиной, даже простое прикосновение к ней...

Не в первый раз слышим и читаем: «Крепка семья – крепка держава»! Сталин однажды особо подчеркнул: «Женщина – большая сила в колхозе». Ах, если б он сказал тогда: «Женщина – большая сила в семье»!

Нет, он этого не говорил, но зато окружил ореолом героя (стихи, поэмы, симфонии, монументы!) Павлика Морозова, пионера, донесшего властям на отца... Пусть даже – по

тогдашним понятиям – на кулака-отца! (Или, кажется, на дядю... А, впрочем, нет в этом никакой разницы).

Не потому ли воспитанная в таком предательско-«общественном» духе дочь и самого Сталина отплатила папе той же монетой? К слову сказать, аналога этому во всей мировой истории, по-моему, не найти: со стороны сына – да, но со стороны дочери... мм... Чтоб дочь обливала помоями покойного отца – великого человека?.. Не знаю, я что-то не припоминаю.

...Да что и говорить, семьи как таковой, в традиционном понимании этого слова, в нашей стране давно уже не существует.

Где нет старшинства, где на нет сведено уважение к родителям, где нет контроля над детьми (несовершеннолетними), где даже в неделю раз – по воскресеньям – не обедают вместе, это разве семья?!

Женский отрывной календарь с гордостью делится с нами своей радостью:

«В 1922 году насчитывалось 1 миллион 560 тысяч женщин – рабочих и служащих, в довоенном 1 9 4 0 г о д у – 13 миллионов 190 тысяч, в 1 9 8 4 г о д у – 59 миллионов 700 тысяч!»

Не потому ли, подавляющее большинство наших детей фактически воспитывается на улице, аулица воспитывает их так, как это положено улице...

До революции женщины-преступницы, женщины, отбывающие тюремное наказание, были такой же редкостью, как появление кометы Галлея, а подростков-преступников вообще и в помине не было.

А теперь... и тех, и этих только в одной Грузии тысячи...

«Все прекрасное на земле родилось от любви к женщине», – пусть простится мне, если Горького цитирую по памяти, но, кажется, все же его мысль и слова тоже привожу не в искаженном виде.

А Константина Бальмонта могу привести безошибочно:

*Женщина – с нами, когда мы рождаемся,
Женщина – с нами в последний наш час,
Женщина – знамя, когда мы сражаемся,
Женщина – радость раскрывшихся глаз.
...Женщина – музыка. Женщина – свет.*

А можно ли и сегодня сказать что-то подобное о нашей современнице, а если, допустим, нельзя, то кто же виноват в этом?

Как стать спиной к правде и с горечью не признаться в том, что наша такая хваленая жизнь всех нас, в том числе, разумеется, и женщин, превратила в существа без сердца и без души, а огромное большинство из нас лишила и совести, и стыда...

Было время, когда думали, что, если, например, в торговлю, то есть в наиболее нечисто-плотную сферу нашей повседневной жизни, привлечь побольше женщин, то тогда многим негативным явлениям, бытующим в ней, наступит конец... Женщины, мол, честнее и т. п.

К сожалению, эти надежды не оправдались, ибо у нас тургеневских женщин давным-давно нет, а не тургеневские – еще задолго до выпускного бала постигают бессмертную мудрость формулировки Маркса: «Житие определяет сознание!» (Не ошибся, нет! Знаю: бытие, а не прозаическое житие).

А как хочется любить, боготворить их, драться за их честь и счастье, находиться, как и в старые, недобрые времена, под их благотворным влиянием, перенимать от них все хорошее, чем природа одарила женщин, чего нас, мужчин, обдуманно лишила только потому, чтобы мы их любили, ибо, по определению Байрона, «жизнь без любви – это пустой сосуд».

Я преклоняюсь перед воспитанностью и вежливостью, от кого бы они ни исходили, тем более, если эта вежливость исходит от «бывшего» прекрасного пола.

И как это было бы прекрасно, если... Вот, к примеру, Вы пишете на странице 129, что женщины-крестьянки «кланялись путникам до пыльной дороги»...

Прочитав это, откровенно говоря, я засомневался: это у Вас, Виктор Петрович, случайно, не из другой тетради путевых заметок, а?!

Может быть, Вы когда-то совершили путешествие по Белуджистану...

(Боже милосердный, чуть не написал «Афганистан», но в самый раз опомнился и взял себя в руки пером!).

Ведь таких женщин, до земли кланяющихся незнакомым, да пусть даже знакомым, путникам, даже триста лет назад путешествовавший и свыше года проживший здесь, не встречал и, стало быть, и не описал в своём «Путешествии» француз Жан Шарден, а также итальянский миссионер Арканджело Ламберти...

Кстати говоря, таких наблюдений, не совсем правильных и уместных, словно увиденных и написанных «под градусом», в Ваших «Пескарях» предостаточно. Для доказательства подобного «обвинения» приведу лишь некоторые из них:

...Проезжая, Вы увидели *«желтые плешины убранных хлебных полей и ячменя...»*

О! В Западной Грузии после открытия Америки, откуда и завезли к нам кукурузу, никаких хлебных полей невозможно увидеть ни издалека, ни с близкого расстояния: а ячмень сеют (вернее, сеяли!) высоко-высоко в горах. До сороковых годов кукуруза была основной «хлебной культурой» этого региона, потом многие его земли прихватил чай, в чем какую-то роль сыграл (если вообще верите в то, что в наше время литература может повлиять на общественную жизнь) роман К. Лордкипанидзе «Долой кукурузную республику!».

Кукурузная-то республика со временем действительно пала, но зато теперь, когда она стала «чайной», килограмм кукурузной муки стоит на рынке полтора рубля – стоимость пяти килограммов печеного белого хлеба!..

Пойдем дальше:

«...И потом, когда мы уже в полной и плотной южной ночной темноте одолевали перевал за перевалом, гора за горой...»

И это по дороге Гагра-Сухуми в Цхалтубо?!?

Черт побери, сомнения опять гложут меня: неужели эти строки не вкрались случайно, Виктор Петрович, в «Пескари» из Вашей же, может быть, еще не законченной рукописи «Путешествие по Непалу»?!

Ведь на самом деле вся эта дорога в основном идет по низине, правда, на ней хватает опасных ямок и выдолбин, впрочем, как и на всех дорогах местного значения в нашей стране...

От Гагра до Тбилиси всего один-единственный перевал – Сурамский, а селение Гвиштиби до него очень, очень далеко (это, разумеется, по грузинским масштабам).

«...перевал за перевалом...» «...одолевали...»

Нет слов, миражные перевалы легче одолеть во хмелю, и ничего в этом, с моей точки зрения, зазорного нет.

(Не в похвалу пьянству будь сказано, но и от правды не уйдёшь: свои лучшие стихи Ваш Сергей Есенин и наш Галактион Табидзе писали именно в тесной дружбе с Бахусом!)...

Но не будем задерживаться, пойдем дальше:

«Чтобы разобраться в грузинских друзьях и родичах, надо самому побыть грузином, иначе надсадишься, заблудишься в этой кавказской тайге».

О, Виктор Петрович, как жаль, что Вы, человек, еще ни разу не заблудившийся в

бескрайней сибирской тайге, вдруг заблудились в вовсе не существующей кавказской, т. е. грузинской тайге!

Мы, православные, вернее, по хорошо известным Вам причинам, бывшие православные, имеем точно такие же степени родства, как и вы, русские: дедушки и бабушки, родители, братья и сестры, дяди и тети по материнской и по отцовской линиям, двоюродные и троюродные братья и сестры... Разница, может быть, только в том, что в нашем не великом, не могучем языке, в отличие от русского, к примеру, сестра матери и ее дети («дейда», «дейдашвили») по названию отличаются от сестры отца и ее детей («мамида», «мамидашвили»)..

Недавно в Новой Гвинее французские ученые обнаружили доселе миру неизвестное племя кукукуку (это не опечатка, нет, – четырежды «ку»!). К сожалению, этнографы еще не успели разобраться в их родичах, а что касается друзей, то и у кукукуку, оказывается, как и у всех народов мира, в том числе и у грузин, друзья различаются совсем просто – очень близкие и не очень близкие... Так что по этой «тайге» можно шагать смело, нисколько не опасаясь заблудиться.

Вас, такого талантливое писателя, а также, думается, искусного рыбака крайне удивляет, что...

«...рак еще шибче пескаря привередлив к воде, мрет первым в наших реках с испорченной, мутной водой, но это ж Грузия! Чем дальше вглубь, тем менее понятная земля». (Sic!).

Не скрою, сперва даже хотел особо подчеркнуть двумя линиями последнюю фразу, но подумал и для ясности предпочел прибегнуть к способу древних римлян, ибо переход от раков и пескарей прямиком Грузии, по-моему, не очень удачен...

Ну, в какую глубину Грузии вошли Вы, Виктор Петрович, с берега одной мутной речки, что вся земля грузинская показалась Вам такой непонятной и, надо полагать, что и проживающие на ней люди – загадочными?

Ведь даже за *пятьсот* лет своего существования американцы не сумели оформиться как единый народ (может, и потому, что само государство безрассудно, рьяно не стремилось к этому) и поэтому там все этнические группы так искренне гордятся тем, что они американцы!

А мы-то всего за *семьдесят* лет так стали, к сожалению, друг на друга похожи... Не лицом, нет, а характером, укладом жизни, что теперь ничем не отличишь, скажем, бывшего христианина-сибиряка от бывшего мусульманина-азербайджанца... Ну, а если и есть в чем-либо различие, так, к примеру, в том, что отопительный сезон в Новосибирске начинается в конце сентября, а в Баку – в середине ноября (если даже холода и ударят намного раньше – что ж, экономия энергонефти!)...

...Ну, да, Грузия – такая «непонятная земля»!

А как же в Ваших глазах не быть ей непонятной, если на тбилисском стадионе «Локомотив»...

«...все восемьдесят тысяч болельщиков (это только по билетам! А поди узнай у грузин, сколько еще там и родных, и близких – без билетов!) вскакивали в едином порыве, прыгали, орали, воздев руки к небу, целовались, плакали, слабые сердцем, случалось, и умирали от восторга чувств».

(Прежде чем прокомментировать эту пафосную цитату, последую Вашему примеру и сообщу в скобках же: стадион «Локомотив», правда, у нас довольно эластичный, но... «все восемьдесят тысяч...» знаете... Как его ни растягивай, болельщиков там – с билетами и без билетов! – по всем расчетам тысяч на пятнадцать с трудом поместится).

«Целовались... плакали... умирали...». Пусть даже «от восторга чувств», но, Виктор Петрович, как думаете, здесь Ваша и без того богатая, поистине сибирская фантазия не слишком ли разгулялась, а?

Но если в самом деле даже и так, то почему это Вас удивляет? Что же в этом узко-национального грузинского?

Разве не так же ведут себя, да еще «вооруженные до зубов» свистульками, рожками, барабанами, транспарантами, государственными знаменами, полукультурные, по сравнению с полудикими грузинами, латиноамериканцы?!

А культурнейшие европейцы? Разве не так же кричат, орут и «умирают» французы, немцы, испанцы, шведы, датчане... Хочу воспользоваться удачным случаем и еще ограбить Вас словесно: а что, *горячекровные* итальянцы сидят на стадионах как страдающие малокровием?!

А англичане, считающие себя первым народом мира (kozyри: Шекспир и... футбол!), уравновешенные, сдержанные во всех сферах человеческой деятельности, а на стадионах, и на своих на чужих, порою ломают все деревянное, как их предки – луддиты – ломали все железное на фабриках и заводах...

Да что там ломать скамейки без спинок, – они иногда доходят до рукопашных боев и, о боже, даже убивают иноземных болельщиков, как это случилось на брюссельском стадионе в мае 1985 года!

А ведь мы, грузины, слава богу, пока еще никого не убили и, будьте уверены, и впредь никого не убьем, а если от избытка нахлынувших, радостных чувств и отдадим душу полосатому мячу весом 445 граммов, то...

(«Лучше умереть во время бега на стадионе во цвете лет, чем дряхлым стариком в постели, да еще взывая «Воды мне, воды...»).

Впрочем, за последнее время из нашего сознания так испарился пресловутый грузинский национализм, что, как это ни прискорбно, такая славная смерть уже никого не ожидает.

Когда умный человек отрешивается от ошибочного взгляда, необдуманного высказывания, то от этого он в глазах умных же не только не становится менее умным, но еще более возвышается.

Так что я все же надеюсь, что Вы согласитесь с моим скромным мнением: ничего хорошего не будет в том, если и стадионы у нас будут походить на всевозможные наши собрания разных рангов, одинаково лишены эмоций и малейших душевных волнений, где из зала ни по адресу докладчика, ни по адресу выступающих в так называемых прениях (по Ожегову прения – «публичный спор по каким-нибудь вопросам») ни разу не раздастся даже безобидное «Неправильно!»

Однако вернемся назад, к странице 129, где Вы говорите о том, что своих гостей грузины насильно заставляют...

«Иди уж без сопротивления, куда велят, езжай, куда везут, делай, что скажут, ешь ипей, чего подадут».

О, Виктор Петрович, здесь Вы сделали нам одновременно столько уколов, да еще совсем в неположенное место, что они непременно окажут на нас целебное воздействие и...

Мы исправимся, ей-богу, обязательно исправимся, как это нам ни будет трудно, все же любой ценой возьмемся за ум и больше не будем подавать северным гостям кошатину, поджаренную на крысином жире, и вместо натурального кахетинского не поставим на стол плохо профильтрованную политуру, содержащую в себе изрядное количество технического спирта; все наши блюда будем готовить на сибирский вкус, то есть без всяких острых специй, без ореха, без пахучих, душистых трав без этого проклятого перца, которым когда-

то западные грузины, жившие в болотистых местах, как говорят, защищались от лихорадки-малярии...

Мы также напишем тревожные письма о губительном вреде перца индийцам, мексиканцам, киргизам, и в первую очередь – венгерским друзьям, о которых только что писал не такой известный, как это сплошь и рядом пишут о совершенно неизвестных, а действительно известный журналист В. Песков «Комсомольской правде»:

«Связки перца украшают почти любое торговое место. И продается он на каждом шагу. Венгерская кухня – от рыбного супа халасле до колбас и окороков без перца немыслима».

«Иди... куда велят... езжай, куда везут...» Все это правда, истинная правда!

Ведь «Отар» вытащил же Вас из вонючего Дома творчества, да еще из захламленной комнаты по соседству с нужником, насильно повез в свою деревню, уложил в белоснежную постель... И с утра со всеми своими чадами и домочадцами только о том и думал, как лучше ублажить Вас... В программу Вашего увеселения внес даже ловлю пескарей в мутной воде, а потом и в гости потащил к дяде Васе, где

«Застолье было невелико, скромно, однако так радушно, что мы засиделись за столом до позднего, почти предутреннего часа, не чувствуя усталости, скованности»...

Здесь же читаем:

«Было много раз пито за здоровье хозяина – дяди Васи, который, рассказала нам тихим голосом дочь, в войну часто отдавал шахтерский паек эвакуированным детям, своя семья, случалось, ложилась спать голодной».

(Поскольку гитлеровцам, к счастью, не удалось ворваться в Грузию, можно, кажется, предположить, что эти эвакуированные дети были не грузины, а русские, украинцы, белорусы...).

...И раз

«...одному русскому с двумя вошедшими в раж и впавшими в безумство грузинами непосильно»

справиться, поэтому

«Мы побывали в гостях у очень приветливого и серьезного человека – сельского учителя Отара, бывшего уже на пенсии и жившего в соседнем селе».

И здесь Вы

«...чтобы поддержать вселюдную молву о стойкости и кондивости сибирского характера, выпил из серебряного рога такую дозу домашнего вина, что»...

Нет-нет, я не буду разглашать тайну, как Вы «такую дозу» перенесли, да и дело не в этом, а в том, что Вы этот серебряный рог осушили без подталкивания, без насильственных мер извне, так что есть, кажется, надежда, что мы, дикари-грузины, можем все-таки справиться, возможно, даже и быстро, вопреки утверждению вовсе не славянофила, а такого же западника, как Белинский и Герцен, Грановского Тимофея Николаевича:

«Таков закон природы: от варварства к образованности переход труден, от образованности к варварству недалек».

Пожалуйста, еще одна констатация абсурдности этого «закона природы»:

«...за столом, на котором все время появлялось что-то острое и горячее – то лобио, то сациви, то еще какое-нибудь раздробленное мясо или птица с такими жгучими приправами, с таким перцем, что они сворачивали набок слабые славянские челюсти и скулы, но женщины откуда-то, скорее от братьев, узнали, что я не могу есть слишком острое, мне подавали и лобио, и горячее, приготовленное в щадящем режиме...»

О-о! А разве это не признак того, что мы все-таки способны приобщиться по крайней мере к элементарной человеческой культуре и в конце концов совсем искореним позорящие нас пороки грузинского застолья, что, кстати, не Вы первым заметили, Виктор Петрович!

Вот, например, что об этом писал до Вас другой, хорошо известный Вам русский писатель, стопроцентный русский и по национальности, и по творчеству:

О, «... эти грузинские застольные речи».

«...Я однажды тайком прохронометрировал... грузинский банкет, на котором присутствовало около сорока человек. Из ста пятидесяти банкетных минут (два с половиной часа) в течение ста семнадцати минут пришлось держать рюмку в руке и слушать речи и только в течение тридцати трех минут, урывками, есть, пить и разговаривать с соседями. Словно они боятся, что им будет скучно, что они не сумеют сами занять себя без организующего и направляющего тамады».

«Во время первых речей застольная паства более или менее послушна тамаде, но потом, когда хмель начнет делать свое дело, утихомиривать людей не так уж просто. Оратор произносит речь, а они продолжают разговаривать между собой, да еще и смеются.

Приходится, призывая к тишине, стучать ножом о бутылку или фужер, о графин, приходится и прикрикивать. Кое-как, слава богу, притихнет, утомонится стол, но хмель действует разлагающе не только на массы, но и на ораторские способности выступающих. Речи становятся все длиннее, пустее и зануднее. Вдруг прямо среди речи опять возникает шум, говор, а то и хихиканье. И понимают уж сидящие во главе стола, что надо бы прекратить выступления, но и прекратить их нельзя: не каждый выговорился, не за всех еще выпито. Жуть!»

Никуда не денешься, ничего не скажешь, действительно, жуть!

Какая это истинно неприглядная картина знаменитого грузинского стола! Каким пронизывающим глазом увиденные детали! Да, жуть, жуть, жуть!!! Но...

Виктор Петрович! Великодушно прошу прощения, коленопреклоненный прошу прощения! Если хотите, сочтите это за грузинское безумство, но простите, только простите: я разыграл Вас...

Ведь все это сказано не о грузинском застолье (хотя очень и очень похоже на него), а о... русском! Да, о русском! Я лишь кое-где заменил слова, вместо «русского» – «грузинский», вместо «ведущего» – «тамада», вместо «мы» – «они»... Впрочем, все это Вы можете в самом нетронutom, первоизданном виде прочесть в книге: «Бедствия с голубями» (Москва. Изд-во «Сов. писатель». 1984. Стр. 111-112).

... – Извините, что Вы соизволили спросить? Пожалуйста, скажите мне в левое ухо, правое у меня вроде декорации: слуха лишился еще 44 года назад от двухпудового следовательского тумака... А-а, кто автор?

О-о, Владимир Солоухин, только вот беда – не знаю, входит ли он в Вашу первую обойму современных русских писателей, ну, если это зависело бы от меня – от читателя, конечно, без колебаний определил бы ему место в этой обойме, да к тому же не последнее и не предпоследнее.

Хочу заранее извиниться за эту длинную и витиеватую фразу:

Когда в конце шестидесятых годов некий доцент Агаев из Дагестана громогласно заявил, вероятно, чтобы хотя бы с опозданием искупить грехи свыше тридцатилетней борьбы своего земляка, Шамиля против русских, по его конъюнктурному мнению, не завоевателей, а освободителей-просветителей (а до этого он специально сшил себе в Москве вельветовый пиджак с непомерно широкими лацканами в надежде получить многочисленные награды и знаки отличия), что уже наступила пора всем народам Советского Союза писать только на одном русском языке, то одним из первых, давших ему отпор, был Солоухин.

(Среди первых был и грузинский критик Бесо Жгенти, а земляк Агаева Расул Гамзатов взревел, словно кит, пронзенный гарпуном: если узнаю, что мой родной язык умрет завтра, то сегодня же покончу с собой...).

Вот пишу я эти корявые строки, а кто-то сзади подкрадывается ко мне (кто знает, может, и нечистая сила!) и журчит на ушко: «Остановись, Глупышкин, Солоухин – славянофил, Солоухин – славянофил»...

Ну и что ж! Ничего предосудительного я лично в этом не нахожу, и ничуть не удивлюсь, если мне скажут, что и Астафьев славянофил, и Распутин, и Белов... Не это плохо, а плохо то, когда тот или иной славянофил в то же время страдает разными «фобиями», ну, например, иудеофобией, грузинофобией, цыганофобией (любя при этом цыганские песни!) и т. п.

А Владимир Солоухин никакими такими «фобиями» не страдает и при своей безмерной любви к великому русскому народу, однако, не смотрит на малые народы бывшей царской империи свысока и не поддерживает еще крепко живучую традиционную неприязнь северян к южанам...

(Лет пять назад я оказался свидетелем одной забавной словесной перестрелки в автобусе, в столице нашей Родины... Не буду касаться причин заурядной транспортной стычки, приведу только ее кульминацию:

– Ах ты, длинноносый грузин! – выстрелил прямо в сердце темнокудрому brunetu блондин-северянин, а тот вместо того, чтобы горой стать на защиту вообще всех «длинноносых» южан, с гордостью древнего римлянина бросил обидчику в лицо:

– Я – армянин!

А блондин моментально же вылил на него ушат холодно-отрезвляющей воды:

– Что грузин, что армянин – одно г...).

Горестно переживая судьбу Зарядья (а, между прочим, Леонид Леонов еще в 1935 году в статье «Падение Зарядья» уже тогда, правда, не столь громко, предупреждал: «...мне грустно сегодня и жаль чего-то... чего?»), Солоухин пишет в той же книге о бережном отношении к старине:

«В Тбилиси есть «Старый Тбилиси». Это полные очарования и дыхания истории, уютные узкие и кривые улочки и переулочки, образованные характернейшими, неповторимо оригинальными домами – каждый когда-то был на одну семью. Для того чтобы попасть в эти кварталы, в кварталы «старого Тбилиси», надо от шумной и современной площади Ленина пройти каких-нибудь двести-триста шагов. Если бы кому-нибудь пришло в голову ликвидировать «Старый Тбилиси» и построить на его месте огромное современное здание, это была бы ничем и никогда невозполнимая потеря».

Прочитав это, я вовсе не хочу, чтобы Вы подумали, – «Ах, какие умницы эти грузины, как они берегут свою седую старину, и природу тоже...».

В том же Тбилиси, в конце проспекта Руставели, возвышался широковетвистый, двухсотлетний красавец-платан... И в наши дни, когда у нас конца-края нет разговорам о защите окружающей среды, именно ее «защитники» глубокой ночью тайком подкрались к нему и... срубили! Срубили и впрямь достопримечательность центра города, и без того крайне бедной зеленой растительностью, и спешно, еще до наступления рассвета, вывезли зеленого великана, а то место тщательно заасфальтировали.

И все это сделано было для того, чтобы машинам не приходилось у этого «столба» чуть-чуть сворачивать, а, значит, на какую-то долю уменьшать скорость.

Несколько лет назад, как Вы знаете, и шепотом не говорили о благотворности гласности для общества, поэтому мы, горожане, бывшие (?) винтики, до сих пор не знаем, чья руководящая рука была замешана в этом, без преувеличения, злодеянии, ибо запросто, без благословения какого-нибудь современного «губернатора с фаршированной головой» это дикое убийство Зеленого Друга не состоялось бы...

Что ж, приходится повторяться, Грузия – страна контрастов, и в мире природы, и в мире людей, и в мире животных, где можно встретить не только осла, но...

О, к слову, Вы ведь так жалеете наших бедных ослов...

«Мы ехали долго... реже видели... дремлющих на ходу, облезлых от работы осликов, запряженных в повозку с непомерно огромными, почти мельничными колесами»...

При всем моем уважении к ослам (не к двуногим, разумеется)... Поневоле и, может быть, совсем не ко времени и не к месту приходит на память один случай, происшедший у меня на глазах в подмосковном лесу, в районе Истры: уже немолодой, по-видимому, подвыпивший мужчина, как банный лист пристал к прекрасной незнакомке, в одиночку блуждающей по лесу в поисках грибов...И она, когда лопнуло терпение:

– Отстаньте от меня! Осел!

– Думаете, оскорбили! Ни на копейку! Осел – благородное животное.

Безусловно! Осел, например, как бы его ни мучила жажда, ни за что не выпьет из мутного источника. Осел верен в дружбе, в особенности с детьми, а что касается его пресловутого упрямства, все это клевета, выдуманная теми бездушными людьми, которые порою нагружают многострадального длинноухого поклажей, в два раза превышающей его собственный вес, да к тому же еще и требуют, что бы он мчался, как чистокровный скакун бедуина.

Да, осел – великодушное животное, но заносчивые, чванливые грузины из Западной Грузии считали зазорным иметь его еще до изобретения механически передвигающегося тарантаса.

Как видите, у меня специально подчеркнута – Западная, ибо в Восточной Грузии, наоборот, искони существовал чуть ли не культ осла! (Вот Вам и еще один грузинский «контраст»).

...И восточные грузины порою язвительно подтрунивали над западными: «Да чем же они сами не ослы?! Груз, что ослы должны везти, сами несут на своих спинах, и только из-за того, что стыдятся ослиного крика в своем дворе».

...А что это за повозка у Вас, Виктор Петрович, «с непомерно огромными, почти мельничными колесами?»

Я, человек, выросший, в основном, в деревне, именно в Западной Грузии, но описанные Вами повозки видел лишь в кинофильмах из украинской жизни времен борьбы против Махно, да еще в кинематографических цыганских таборах.

Наша «повозка» – это арба, совсем небольшого размера, с двумя маленькими колесами, так сказать, с низкой посадкой, а роль передних колес выполняют деревянные полозья лыж.

Что ж, люди еще в доисторические времена стали приспособливаться к профилю горных дорог, вернее, к сплошному бездорожью, от которого, кстати, не очень далеко ушли мы и в наше время.

Вам делает честь, что Вы не только наших «облезлых осликов» жалеете, но и «костлявых быков» и «всеми брошенных кляч, бывших когда-то конями, может, и жеребцами джигитов»...

Жаль, что мне придется Вас разочаровать: джигиты у нас давным-давно перевелись (а в начале века они и в американских цирках выступали), и сиротливо пасущихся их кляч тоже редко где увидеть можно, а то «автоджигиты» немедля сдали бы их зоопарку на съедение львам, разумеется, за плату.

Да, эти «автоджигиты»!

К нашему великому несчастью, их расплодилось такое множество, тьма-тьмущая! Многие из них не только считают непристойным иметь резвого коня, но даже малолитражку «Запорожец» ставят ниже облезлого ишака.

Вы же пишете о «мальчиках», «гоняющих машины на пределе всех скоростей».

«изображая потомков храбрых джигитов, павших, правда, не ради пустой забавы – за свою землю павших, за детей и матерей, за свой народ».

Вы в этом совершенно правы, и все это суцкая правда, и спасибо Вам за эту пощечину, которую нанесли нам за нашу дурацкую автоманию.

С другой стороны, не буду скрывать, мне приятно, что я точно такую же мысль высказал еще лет двадцать назад в одной своей «искажающей нашу героическую действительность» и поэтому до сих пор еще не поставленной комедии, но только не в автомобильной, а в футбольной сфере.

Мне ведомо, что Вы и драматург, автор пьес «Черемуха» и «Прости меня», так что, надеюсь, не будете корить меня, если ознакомлю Вас с одной сценкой из этой пьесы:

С о с е д к а (входит): – О, я со страшной вестью... У Нестора Абаидзе... инфаркт!

Х о з я и н : – Что Вы! Когда это случилось?

С о с е д к а : – Вчера. Говорят, московское «Торпедо» нам такой гол забило... Ба-ац – в самое сердце Нестору, как торпеда...

Х о з я й к а : – Господи! Какой великий патриот сражен на поле брани!

С о с е д к а : – Оставь, пожалуйста! Тоже мне поле брани – стадион... А какой он патриот, позвольте мне знать: за пару сосисок, даже без горчицы, всю отчизну продаст... Боже мой, какое удивительное время настало! Наши предки посвящали свою жизнь Родине, а их потомки – футбольному полю, игре в мяч!

Х о з я и н : – Вспомните Маркса: «История повторяется дважды: один раз, как трагедия, а второй раз, как фарс».

(«Только комедии». Москва, 1972).

...Да это зловещий наш недуг... Не футбол, конечно! Что там футбол! Как бы ни возводили его в верхнюю иерархию национального престижа, – все же игра, а вот автомобиль... В неумелых руках чокнутых, «храбрых», пьяных водителей – это игра со смертью, которая часто оканчивается ее победой, и таких исходов у нас многие сотни...

Вы, возможно, заметили, в этом послании я нигде не отзываюсь лестно о Никите Сергеевиче Хрущеве, но на этот раз, объективности ради, не могу не отдать ему должное: он ратовал за широкое развитие общественного транспорта, а не частного, индивидуального. Вероятно, он исходил из того, что дорог у нас пока мало, а те, что есть, огромное большинство из них, в таком чудовищном, первобытном состоянии, что по ним даже дедовским телегам трудно проехать...

Это, во-первых, а во-вторых, машины стоят дорого, их честные труженики вряд ли смогут

приобрести на свои, фактически не существующие, трудовые сбережения, а это, хочешь не хочешь, порождает...

Нет, не буду рассуждать в масштабе всей страны, ограничусь только «Грузьей», но только не поймите, пожалуйста, так, что этим самобичеванием я намерен доставить кому-то особую радость, ибо этой нехорошей и все больше распространяющейся болезнью страдают не одни только грузины... Индивидуальная автомобилизация внесла в нашу повседневную жизнь гораздо больше бедствий, чем пользы и радости. Машина породила зависть, ложную авторитетность, непомерно облегчила и увеличила преступные деяния; став идолом, она растлевает молодежь и физически, и нравственно...

Словом, мы, как народ, оказались не готовы к ней ни в смысле более или менее удобных дорог, ни психологически...

Французы говорят: люди водят машины так, как поступают в жизни. А мы водим еще хуже, чем поступаем в жизни.

Европа хотя и приблизилась к нам по сравнению с минувшим веком, – ведь ныне за несколько часов можно долететь до Парижа, – а вот азиатами остаемся по-прежнему, даже еще большими азиатами, чем мы были ровно сто лет назад, когда первый автомобиль Бенца появился на дорогах Германии, а предкам нашим приходилось добираться до сердцевины Франции в течение многих, многих дней.

Да, крайне злую шутку сыграл с нами мотор внутреннего сгорания, вместе с ним горим и мы, как говорится, со всеми потрохами: автоаварии уносят у нас немало жизней, преимущественно молодых мужского пола...

Где стол был яств, там гроб стоит...

И это каждый день, каждый день!.. И мы так привыкли к смерти на дорогах, как к утреннему умыванию... И это страшно, страшно...

Если ты даже едешь со светлой головой и скрупулезно соблюдаешь все правила уличного движения, то это еще не значит, что ты гарантирован от роковой беды: в тебя может врезаться и с противоположной стороны мчащийся вдребезги пьяный, которому уже не подчиняется рулевое управление... 9-го июля недалеко от родины Сталина именно такой случай погубил всю семью, пять человек, детей, отца и беременную мать...

И если такая ужасная трагедия разыгралась бы в безумном, безумном, безумном капиталистическом мире, скажем, в Англии или Панаме, то ТАСС сразу же сообщил бы нам об этом, а вот когда такое случается в нашей какой-нибудь мудрой, мудрой-премудрой республике, то тогда... Ну, зачем же расстраивать наших милых трудящихся, скажем, нефтяников Тюмени или украинских свекловодов!..

Да, пока такой убаюкивающей гласностью воспитываемся мы, советские люди...

Во многих странах мира (Дания, Норвегия, Португалия, Югославия, Канада, Япония), намного превосходящих Грузию и по численности населения и по культуре быта, строжайше наказывают пьяных водителей, вплоть до тюремного заключения, конфискации машины и лишения водительских прав... навсегда!!!

А у нас... мм... Видимо, исходя из славного советского гуманизма, лишают прав на шесть месяцев, ну, на год, на два, на три (большей частью это зависит от размера взятки), но они, «лишенцы», если не все, то, во всяком случае, многие из них по-прежнему без боязни и без прав сломя голову мчатся вверх и вниз, вниз и вверх...

Ну, если б они только себе ломали головы, это еще куда ни шло, но они отнимают жизнь и у ни в чем не повинных людей, иногда даже на тротуарах.

Я понимаю, что принять общесоюзный строжайший закон против пьяных водителей – дело, наверно, трудное и хлопотное, ведь таких пьянчужек за рулем бесчисленное множество, и, если это было бы лишь локальным явлением (читай – трагедией), тогда не

сняли бы в Москве фильм «Смерть на колесах» и не показали бы по Центральному телевидению 21 июля.¹

Спрашивается, как можно искоренить пьянство среди населения в масштабе всей страны, если мы не справляемся даже с пьяными водителями – этими потенциальными самоубийцами и убийцами, несущими обществу неизмеримые душевные страдания и материальный урон?!

А они ведь не космонавты, чтобы их лелеять и оберегать от общественного гнева: сегодня водительская профессия самая доступная, самая распространенная, но раз у нас не решаются лишить этих моторизованных безумцев «высокого сана» в общесоюзном масштабе, то для Грузии, только для Грузии, принять такой «сепаратный» закон все же, по моему, можно и, несомненно, крайне нужно, ну, хотя бы в экспериментальном порядке, пусть даже для урока всей стране!

По этому закону у пьяных водителей на месте же без суда и следствия должны конфисковать машину с лишением навсегда водительских прав, как это практикуется в 120-миллионной Японии, для которой, казалось бы, потеря нескольких тысяч жизней в год на дорогах ничего не должна значить, но нет: японцы народ умный и жизнью каждого своего гражданина дорожат не только на трибуне и на бумаге...

Да, такой закон для Грузии чрезвычайно необходим, он сохранит жизнь многим «Камикадзе» и их жертвам. (Вы, конечно, знаете, что этой «грузинской фамилией» в Японии называют добровольцев-смертников).

Я здесь этот предлагаемый закон рисую, так сказать, одним мазком, а он разработан мною (смейтесь, пожалуйста, смех, как уверяют шведские медики, укрепляет здоровье!) почти по-соломоновски мудро, всесторонне и детально с учетом и нечистых на руку автоинспекторов, и наших столь уж неподкупных судей.

(В «балной» Грузии выносят самые мягкие, наверное, во всей нашей стране приговоры. Скинутый год стоит... Нет, не выдам «секрета» и того не скажу, что не раз бывал и на таких судебных заседаниях: судья – взяточник, прокурор – взяточник, защитник – посредник во взяточничестве судят взяточника!)

Да, метастазы взяточничества и коррупции так повсеместно распространились, что честный человек порою стесняется делать добро, боясь, как бы не подумали, что он делает это из-за корысти, ради своего блага, ради барашка в бумажке).

Думается, небезынтересно будет Вам узнать, что, когда я своими «законными мыслями» поделился с одним нашим законодателем (назовем его условно Ликургадзе – от имени Ликурга), то он...

Давайте, Виктор Петрович, допустим, будто мы с Вами сейчас смотрим в ненавистном Вам Доме творчества детективную киноленту, и вдруг она оборвалась, и пока ее починят и зал, заполненный членами Союза писателей, будет неистово кричать в адрес бедного киномеханика – «Сапожник!»

«Акушерка!» – я Вам коротко напомним одну забавную историю, не менее интересную, чем та, что разыгрывается на экране...

¹ Прости, господи, но рад, что эта моя тревожная озабоченность не оказалась беспочвенной и раздутой; много позже, когда писались те строки, в «Известиях» прочитал еще более страшное: «Сводки о дорожно-транспортных происшествиях, которые каждые сутки поступают в Главное управление ГАИ МВД СССР, напоминают донесения с полей сражения. Погибли, ранены... Суммированные цифры складываются в картину катастрофы, перед которой бледнеют потери, связанные с грозными стихийными бедствиями. Ежегодно в стране в автопроисшествиях гибнут десятки тысяч людей – население целого города исчезает в мирное время»...

Спустя год после Вашего рождения, в одном небольшом американском городе судили школьного учителя за то, что он сказал своим ученикам, будто человек путем эволюции произошел от обезьяны...

И, узнав это, вероятно, от своих детишек-учеников, все взрослое население города встало от ярости на дыбы: как же это так, мы, люди, произошли от противной макаки, пусть даже от могучего орангутанга или гориллы, мы – высшее создание Всевышнего, человек – венец природы!

И вот я хочу спросить Вас, разумеется, вовсе не требуя ответа: если скажем нашим, в широком понимании этого прекрасного слова и, к сожалению, уже изрядно потускневшего, товарищам, независимо от их национальности и вероисповедания, что мы, советские люди, оказывается, произошли от смеси, к примеру, полосатой гиены и серовато-желтого шакала, как Вы думаете, кто-нибудь из нас придет в ярость от такой неслыханной клеветы?

Признаюсь честно: я-то в порядке установления истины уже спрашивал в разных местах и у разных людей, но, к сожалению, никто из них не только не обиделся и не подал на меня хотя бы в товарищеский суд, но, увы, многие назвали нашими предтечами даже более неблагородных животных, чем шакал и гиена с лисой.

Ну, я, конечно, понимаю, что это говорит о нашей воинственной антирелигиозности (помните журнал «Безбожник»?!! Одно название чего стоит!), но...

Боюсь спросить, но все же спрошу чуть слышно: а принесла ли она нам, людям, хоть капельку пользы? Сделала ли она нас чище, справедливее, совестливее, одним словом – благороднее?

У нас в Тбилиси, например, зорко следят, кто из молодых людей-комсомольцев заходит в церковь, – о, лишь бы не туда, а так, куда хочешь, – хоть в подпольный вертеп, хоть в Курубросайся...

А вот в Польше костелов строят больше, чем домов культуры; там 90% населения верующие, и среди них, между прочим, немало коммунистов – членов правящей партии, но это вовсе не подрывает основы государственной власти...

А мы за многие десятилетия никак не смогли убедиться в том, что сперва уголок Ленина, а потом красный уголок, несмотря на нашу неустанную наступательную агитацию, так и не заменил тот уголок, где раньше висела икона с изображением Божьей Матери!

Не буду касаться вопроса в масштабе всей огромной страны – это не в моей компетенции, но что касается Грузии... Насколько я знаю из устной статистики, преступность в сорокамиллионной верующей социалистической Польше, в сравнении с пятимиллионной безбожной социалистической Грузией ниже...

И вот поневоле возникает вопрос: что лучше – верить, скажем, в несуществующего бога и быть порядочным – не убивать, не красть, не ябедничать, не прелюбодействовать, любить ближнего, как самого себя или...

Не верить в бога, но зато иметь головы наши и руки наши свободными для сотворения всевозможных антихристовых черных дел?!

И как Вы думаете, это ускорит построение лучезарного общества, называемого коммунизмом?!

Вы, возможно, помните, Никита Хрущев в одной из своих многочисленных речей пообещал нам наступление коммунизма в 1980 году, но к сожалению, в том году двери нашей страны приоткрыл не коммунизм, а Олимпиада...

Впрочем, мы и Олимпиаде были весьма рады, но она длилась всего 16 дней, а коммунизм, как известно, должен прийти на вечные времена, как неизменяемая общественная формация.

(Диалектический материализм, как видно, только в этом случае допускает исключение из правил, а так, кто не знает его неизменное, основное кредо – все течет, все изменяется).

Итак... Когда я своими «законными мыслями» против автоубийц и автосоубийц поделился с одним нашим законодателем Ликургадзе...

О да! У нас есть свое законодательство, как есть и Министерство иностранных дел, которое владеет и тщательно охраняет сервис севрского фарфора на 12 персон, в последний раз употребленный во время приезда к нам непальского короля Дэва Шава Хандра. (Это было так давно, что точность фамилии Его Величества уже не ручаюсь).

Кстати, это тот король Хандра, который осматривал Третьяковскую галерею, не снимая солнцезащитных очков)!

* * *

Ух, опять придется возвращаться...

...И когда я с одним нашим законодателем... Он с грустью в голосе признался, закон этот, мол, очень и очень нужен, он, безусловно, принесет большую пользу и образумит если не всех, то многие безрассудные сорвиголовы, но...

Москва не разрешит! Только для одной республики не разрешит, а для всего Союза такого закона не примет, – кем же тогда этих пьянчужек немедля заменить? А не заменить – сразу же пострадают многие отрасли народного хозяйства. К тому же, дружище, мы не полуфеодалная, полуотсталая Япония и не королевская Норвегия, где однажды за нарушение правил уличного движения на две недели упрятали в тюрьму молодого члена королевской семьи, (а у нас и пальцем не тронь дажесынка третьего секретаря райкома).

...Да, того учителя из штата Теннесси, как оскорбителя человеческого рода, приговорили... Нет, не к тюремному заключению, а к денежному штрафу.

(Как видите, легко отделался этот хулиган Творца, Творца, способного произвести на свет и Льва Толстого, и извозчика Петрова, который в Москве в двадцатые годы завлекал в подвал своего дома людей разных возрастов и убивал их из садистских побуждений).

Эту давнюю, но до сих пор у нас не забытую историю (позор Америке!) я вспомнил только потому, что тот учитель Скопе, если б он жил в другом штате Америки, ну, хотя бы в известной своим оголтелым расизмом Алабаме, его бы за такие проповеди не осудили и словесно, ибо в разных штатах разные законодательства, иногда довольно существенно отличающиеся друг от друга.

А у нас, во всех наших республиках, как будто и есть собственные Уголовные кодексы, но они так похожи друг на друга, как календари одного тиража.

А вот недуги и болячки у всех у нас разные, и лечить их надо по-разному, а не так, как в молюеровские времена, когда осмеянные великим французским драматургом эскулапы всем больным выписывали... клизму.

Ваш друг Валентин Распутин, между прочим, чья пьеса «Живи и помни» была поставлена в Тбилиском театре им. Марджанишвили в 1983 году, уверяет нас, что раз мы живем в одном доме (разумеется, не вынужденно, а добровольно!), то и должны, обязаны следить за здоровьем друг друга. Если это так, то вы, наши старшие братья, высокоавторитетные, знаменитые писатели, к чьим нелюбезным словам прислушиваются и сильные мира сего, и если действительно вас беспокоит пошатнувшееся здоровье младшего брата, то будьте нашими добрыми врачами и потрудитесь выписать такое лекарство, благодаря которому мы, утром выходя из дома, не боялись бы весь день, «что эти сумасшедшие кутаисские автогонщики врежутся в нас». (Впрочем, только ли кутаисские?!). Конечно, в массовых автоавариях на наших дорогах не сибиряки и не таджики виноваты, виноваты мы сами же, – ну, что поделать, в многодетной семье, состоящей из пятнадцати братьев, не все разумны, природа не так щедра, но, Виктор

Петрович, наше и без того слабое здоровье еще сильнее и глубже подтачивает другая болезнь, которая, кстати, вовсе не по нашей глупости, «врезалась» в нас...

Вы как-то между прочим, походя, пишете о «согбенных женщинах», которых видели на чайных плантациях... Не Вам, разумеется, но нам об этих «согбенных женщинах» писать и говорить «походя», «между прочим» было бы кощунством...

Эти «согбенные женщины» – великое наше национальное горе, а их ведь тысячи, десятки тысяч...

У этих женщин от «согбенности на чайных плантациях» из поколения в поколение перерождается, что делает женщину матерью...

И результаты, как говорится, налицо: в районах, где выращивают чай, с каждым годом падает и падает рождаемость, и не так уж далек тот день, когда тревожный колокольный звон возвестит (может быть, и на радость некоторым «братьям»!) о полном вымирании аборигенов!..

Спрашивается, где разум и гуманизм (только не бумажный!) тех, кто обязывает крошечную Грузию, даже ее небольшую часть – несколько миниатюрных районов Западной Грузии – напоить чаем... шестую часть мира?!

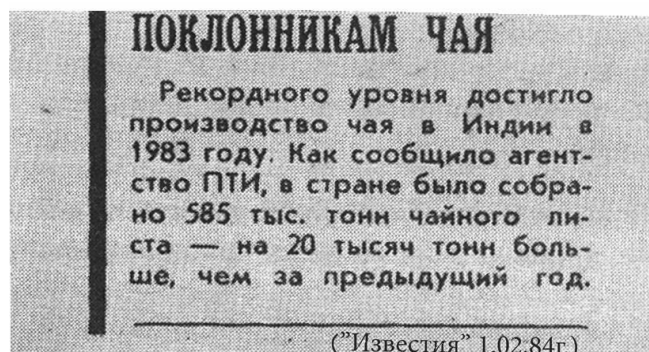
270 миллионов граждан!

Да это же фантастический по величине самовар!

Я не знаю, как в этом году, но два года назад у нас план сбора чая равнялся... 650 тысячам тонн!

Трудно даже представить: шестьсот пятьдесят тысяч тонн!

Даже Индия...

Как видите, даже солнцелюбивая Индия не заготавливает столько, а она круглый год может и собирает чай, мы же – лишь с мая по октябрь, да к тому же очень часто при неблагоприятных погодных условиях; в последние годы в особенности, в этих районах непрерывно лили дожди...

Пожалуйста, хоть слегка вникните в эту официальную справку: площадь Грузии – 69,7 тыс. км², а Индии – 3,3 млн. км²; население Грузии около 5 миллионов (в а «чайных» районах всего несколько десятков тысяч, да и это по переписи 1979 года, – с тех пор население там вряд ли прибавилось, если не убавилось)... Население же Индии по переписи 1976 года – 610 миллионов! (Нетрудно представить, насколько оно могло увеличиться за 10 лет!..).

И разве это благоразумно, разве гуманно взваливать рассчитанную на индийского слона тяжесть на микроскопическую спину грузинского муравья?!

А вы, то есть наши братья во всех уголках Советского Союза, упрекаете нас за низкое качество грузинского чая и хотите, чтобы он не уступал по качеству ни индийскому, ни цейлонскому, ни китайскому...

Такое желание, кстати, весьма похоже на то «кредо», о котором писал я в начале этого послания: приготовить сациви из индейки без индейки.

Ни климат, ни почва не позволят нам собирать сотни тысяч тонн высокосортного чая. При таком немыслимо гигантском плане мы можем снабжать вас только чаеобразным месивом...

К глубочайшему сожалению!

Вот вы, первоклассные русские писатели, и не только писатели-сибиряки, так болеете, я бы сказал, гневно болеете за ваш Байкал, за северные реки, которым угрожает переброска с привычных русел...

(Дело это, между прочим, не новое. «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача», с этой мичуринской задачей мы еще в конце двадцатых годов «отлично» справились: лишили Кутаиси украшающей его реки Риони, перебросив ее «в сторону» ради ГЭС, чьей мощности, к слову сказать, теперь едва хватает телевизорам обезвоженного города, а вот реку все же не возвращают в прежнее русло.

Диву даешься: наши далекие предки, по образованности стоявшие намного ниже нас, города строили именно на берегах рек, а мы, проникшие даже в царство Ильи пророка – в космос, порой совершаем такие несуразности).

Уже, наверное, в третий раз читаю эти грустные строки:

«Последний родник на окраине моего родного села был придушен лесхозовским трактором, мимоходом, гусеницей заткнувшим его желтый, песчаный, словно у птенца, доверчиво открытый рот».

Не сомневаюсь, когда Вы их писали, у Вас сжималось сердце.

Хочется думать, что Вы не удивились тому, что и нам, Вашим коллегам, нестерпимо было больно и теперь, естественно, горестно, когда, расширяя чайные плантации, безжалостно вырубали прекрасные леса, редкие деревья, такие, например, как дзелква, самшит, лавровишня, бамбук, карагач, истинную цену которым среди нас лучше всех знает обожаемый всеми читающими грузинами Леонид Максимович Леонов – первый друг Зеленого Друга!..

Когда в начале нынешнего века Николаю II с радостью доложили, что недалеко от Батуми, в небольшой местности Чаква можно, оказывается, возделывать чай, он на докладной, недолго раздумывая, написал:

«Как мне известно, чай требует колониального труда, и мне не хотелось, чтобы такая прекрасная нация, как грузины, перерождалась».

И если даже Николай II, прозванный Кровавым, не желал нашего перерождения в «паршивую нацию» и полнейшего вымирания, да это еще в то время, когда все мы жили в ненавистной нам тюрьме народов – ведь так окрестили Российскую империю двух Николаев и трех Александров выдающиеся русские марксисты, и не только они...

И что ж теперь с нами происходит, в дни нашего не только братства, но чуть ли не родства по советской крови, когда все мы живем в одном доме, в ласковом коммунальном доме, где, как об этом, усмехнувшись, сказал бы Бернард Шоу, не разбиваются сердца...

Хотя это было давным-давно, но все же можно представить: если б Николаю II сказали, что не только маленькую Чакву, а почти всю Западную Грузию можно колонизировать под чай, к тому же не совсем похожий на настоящий, ароматный, он, надо полагать, эту идею, даже не посоветовавшись с Гришкой Распутиным, счел бы для своей империи неуместной, вредной, а возможно, даже дикой...

Я, конечно, понимаю, что теперь другие времена, что тогда Россия, опираясь лишь на соху, всю Европу кормила хлебом, а теперь нам и для хлеба нужна валюта, поэтому, может, и не везде, но во многих регионах страны и такой чай сойдет – лишь бы при долгом настояе хоть белесый цвет получился.

(Как это ни огорчительно для сборщиков чая и для пьющих его, и такой цвет не всегда получается).

Я понимаю и без напоминания извне, что Советский Союз – наш общий дом, наша общая Родина, и, когда нужно строить, например, БАМ, имеющий для всей страны не только хозяйственное, но и военно-стратегическое значение, ее должны строить и грузины, и армяне, и азербайджанцы, и башкиры, и калмыки, и литовцы, и молдаване, и... Короче говоря, все до единого: и северяне, и южане, даже во вред своему здоровью, но, естественно, не ценой жизни...

Это только на войне, будь во веки веков проклят тот, кто ее выдумал и кто ее первым начинает!

В минувшей войне только одна маленькая Грузия потеряла, самое меньшее, 300 тысяч своих сыновей, и все молодых: это же просто истребление, в потенции, всего народа наполовину...

Хочется воспользоваться случаем и попутно отметить, что многие узколобые «Иваны Прокофьичи» (и не только узколобые) нисколько не сомневались, что Сталин покровительствовал грузинам: будто бы нас и в армию не призывал, и налогов мы не платили и т. д., и т. п.

Но Сталин не был бы Сталиным, если б он кого-либо выделял особо среди народов Советского Союза, кроме, пожалуй, русского (вспомним его знаменитый тост, провозглашенный после окончания войны, в 1945 году).

Сталин для своих сородичей особенно хорошего ничего не сделал, а вот плохого... Достаточно сказать, что в 1937 году с его благословения Берия истребил весь цвет грузинской поистине настоящей интеллигенции – совести народа, а он сам лично не пощадил даже брата своей первой жены, ученого Александра Сванидзе, о котором вот что можно прочесть в «Советском энциклопедическом словаре»:

«...Участник гражданской войны... Торгпред СССР в Германии, пред. Правления Внешторгбанка, зам. пред. Госбанка СССР. Труды по истории Древнего Востока».

Да, на счету Сталина уйма тяжких грехов, так что вряд ли стоит нам следовать его примеру и приписывать кому-либо, в данном случае самому Сталину, несуществующие, выдуманные прегрешения. Так, например, десять лет назад одна дама-доцент (теперь, наверно, уже профессор) Ереванского педагогического института Маргарита Левоновна А. в Переделкине экспансивно убеждала меня в том, что Сталин, дескать, собирался выселить всех армян из Армении... Для большей аргументации своего обвинения она называла и место «Новой Армении», якобы указанное самим Сталиным: даже не южный, а Северный Казахстан, где, с ее слов, «властвуют якутские морозы, свирепствуют пыльные ураганы, где не только нежные армянские персики, но и дикая яблоня не растет».

Моя досточтимая собеседница совсем забыла, что в царстве Сталина постоянно находились на самых высоких постах и Микоян, и Баграмян, и Тевосян, и Акопов, и что именно Сталин даже в самые трудные послевоенные годы собрал во многих странах мира почти до трехсот тысяч армян-репатриантов и поселил их в «Старой Армении», а о грузинах, проживающих в Иране по воле злой судьбы, не нашел время вспомнить.

«...Требовать благодарности – глупость, не быть благодарным – подлость» – так определяет сущность этих противоположных человеческих качеств крупнейший русский историк В. О. Ключевский.

...Немало евреев обвиняет Сталина в антисемитизме, но... грузин и... антисемит? Это вообще неслыханно, просто немыслимо!

На втором съезде сионистов в 1902 году раввин Давид Баазов свою речь начал так:

– Я из той маленькой христианской страны, из Грузии, где мы, евреи, уже свыше двух тысяч лет живем и не знаем, что такое нелюбовь к евреям, а такого слова, как «погром», в

грузинском языке и вовсе нет.¹

Да, все это так, но вот Сталин... Впрочем, большая политика в зависимости от ситуации на что только не подтолкнет, тем более, если тебе «на помощь» приходят разнокалиберные рюмины и тимошуки...

И все-таки евреи, наши и не наши, т. е. живущие в других странах, имя Сталина, думается, должны произносить хотя бы с, некоторой благодарностью, ибо если б Гитлер одолел Сталина, то тот не ограничился бы только шестью миллионами уже загубленных еврейских жизней.

Федор Абрамов в своем выступлении в Останкино (в 1981 году) с невыразимой горечью сказал: «Сколько русских гениев полегло в землю в этой войне»...

Он не сказал, сколько украинских, эстонских, еврейских, армянских, литовских, киргизских... Нет, – русских гениев...

И этим я вовсе не хочу бросить тень неуважения на его светлую память, – он был, по возможности, всегда искренен и за письменным столом, и на трибуне еще задолго до провозглашения правды новым фундаментом нашей жизни.

Но правда и в том, что мы, советские народы, как бы дружны и едины ни были в своих стремлениях и взаимоотношениях и сколько БАМов бы ни строили с завидным энтузиазмом и на одном дыхании, все равно, все мы в первую очередь будем оплакивать именно своего покойника, что вполне естественно, – это в природе человека.

...На БАМе, в частности, мои земляки построили всеми признанную прекрасной Нью-Грузинскую, а теперь заканчивают Икабью... И это в сибирскую стужу, в метель, в крепчайшие морозы, что для южан невероятно тяжело...

Да, я это как-то еще понимаю, но не могу понять, когда грузин (и других южан, наверное) посылают, скажем, в Вологду строить... коровник, сушильщик... Или же в Смоленск, в Пензу, то крышу починить, то баню отремонтировать, то это, то то...

В середине января этого года в Тюмень послали 250 грузинских юношей; тогда в Тбилиси стояла мягкая, солнечная погода, а в Тюмени в дни их приезда морозы доходили до 35 градусов!

– О, дорогие наши северные друзья, поймите нас правильно, мы как-никак все же родились и выросли в теплом крае, «в жаркой Сибири»! Конечно, мы вовсе не ласточки и не нежные фиалки, но мы, ей-богу, и не Ермаки Тимофеевичи!

Эту нашу боль, Виктор Петрович, думается, острее других Вы можете почувствовать, возможно, даже и посочувствовать; Вы же только что признались в одном из августовских номеров «Огонька»:

«В тягость становится лишний перелет в Москву, давит разница во времени».

А ведь Вы с ног до головы закаленный, кондовый сибиряк, а не чахлое оранжерейное растение, вроде нас, на которых разница во времени, да еще такая разница (Тбилиси – Красноярск!), знаете...

Беда наша еще и в том, что к вам посылают не пузатых наших тунейдцев, дабы наказать их и исправить с помощью комариного лета и зимнего обмороживания длинных грузинских носов, а посылают самых отборных, проверенных ребят.

Сегодня, может быть, и смешно вспомнить, что, провожая партию молодых людей в далекий Уренгой, с трибуны пожелал им счастливой дороги и продуктивной работы «во

¹ Позднее примечание (март 1989 г.): крайне интересно, что грузинские евреи, уехавшие в Израиль, не порывают связи с Грузией и не остывает их любовь к своей бывшей родине. И свои сыновние чувства они выражают не только словесными делами: в Израиле в данное время функционируют два грузинских театра, до двадцати ансамблей грузинского танца и песни, выходят газеты на грузинском языке, даже дети, родившиеся уже там, приобщаются к грузинской речи.

глубине сибирских руд» («держите себя достойно, негативными поступками не позорьте Грузию!») именно тот, кто в знак протеста против «больной Грузии» одним из первых покинул заседание писательского съезда!

(Ну откуда мог он знать, бедный, что через пять месяцев один наш современник, уважаемый сибиряк, и его бросит в «негативную» грузинскую воду, где обитают рахитичные пескари).

...Нет-нет, этих парней не отправляют в суровую Сибирь, как каторжан или как рекрутов Николая I, но и – если сказать прямо и откровенно, по-абрамовски, – никакой сибирский патриотизм туда их не влечет... Здесь лишь пряник, слегка покрытый яблочным повидлом (а выдается за медовый!), является приманкой: то машину обещают, то устройство в тамошние вузы...

И то и другое, смею думать, Вы со мной согласитесь, разворачивает их, а ведь нынче ведется борьба против всяких извращений, убивающих в человеке человечность.

(В настоящее время не одна тысяча грузин, знающих русский язык не лучше «Отара», «учится» во многих российских вузах. Спрашивается, как же они выдержали экзамены, за какие знания удостоили их чести быть студентами?)

Право, не знаю, как ответить: своими «красивыми глазами» мы разворачиваем вас или же вы нас – своей любовью к нашим «красивым глазам»?

Одно все же ясно: в размножении наших дипломированных неучей повинна и простертая длань нашего северного друга и брата).

Я понимаю, что во многих местах многомиллионной России, как это ни странно, не хватает рабочих рук...

(Зато вполне хватает, как и во всех других республиках, «ученых», «писателей», «мастеров искусств», «инженеров», «врачей», «коллежских регистраторов» всех мастей; только в одной Грузии с ее пятимиллионным населением 41 министерство (включая комитеты), а в Америке, превосходящей Грузию по численности населения в 40 раз, – 16).

Но, позвольте Вас спросить, а что – у нас, в Грузии, рабочие руки в избытке?

Мы же не пятидесятиmillionная Турция и не пятидесятивосьмимиллионная Италия, снабжающие всю Западную Европу, как у нас говорят, даровой рабочей силой.

И в прошлом, и в позапрошлом, и в особенности в этом году, стихийные бедствия обрушились на нас одно за другим: то ливни, то перманентные грады, то землетрясения... Разрушенные дома, школы, больницы... Смытые дороги, унесенные мосты...

И сколько рабочих рук нужно для их восстановления? Очень, очень много, а где их взять?! И при этом наших студентов посылают на так называемую трудовую вахту... в соседний Краснодарский край, на который, кстати, в этом году ни земные, ни небесные силы, слава богу, не разгневались... Но не этот край протягивает нам братскую руку помощи, а наоборот – мы ему...

И Север, конечно, Север, но нам хотелось бы, чтобы и оттуда к нам шло душевное тепло, а не веяло холодком...

Сказать по правде, все эти «наоборот», по моему наивному разумению, что-то не вяжутся ни с формальной логикой, ни с математической...

Дружба, если она не обоюдная и не равноправная, вряд ли может считаться дружбой; этот «афоризм» настолько элементарен и обыден, что нет смысла приписывать его какому-нибудь древнему мудрецу для многозначительности.

А раз так, то мы не должны давать повод внешним врагам и внутренним острякам говорить, что Советский Союз, мол, не псевдоним ли России?!

Я только что говорил о том, что наши юноши едут на Север даже в собачий холод только за «сладким пряником»: авось в награду примут нас, ну, если не в Иркутский, не в Новосибирский университеты, то на худой конец хоть в какой-нибудь рыбный институт.

Не думаю, чтобы кого-нибудь из них терзала бы ломоносовская жажда знаний, желание взобраться на вершины науки...

Лишь бы диплом заполучить, а потом посвятить себя скорее не своей специальности: экономист-плановик пойдет в официанты, а инженер-металлург будет торговать бижутерией...

Да, в нашей стране считается почти постыдным не иметь диплома о высшем образовании, хотя не иметь элементарных знаний (при аттестате зрелости!) никто не стыдится. О, среднее образование так у нас обесценилось, так девальвировалось, ибо... (Об этом «ибо» – ниже).

Вот Вы колете нас, утверждая, что неучи в Грузии пишут учебники даже по языкознанию...

В этом утверждении или, может быть, в злой шутке одновременно соседствует правда с неправдой. Правда то, что неучей (с аттестатами и дипломами!) у нас полным-полно. А неправда в том, что неучи у нас пишут учебники по языкознанию...

Языковедение – чуть ли не точная наука, а где требуется точность и логическое мышление, туда неучам не пробраться, даже в том обществе, – вспомним еще раз слова Платона, – где процветает лишь то, что оно само насаждает.

А ведь у нас, где хотите, и в ученом мире, в частности, так привольно летают и те, у кого от природы и рудиментов крыльев нет... У нас и Менделеев ученый, и некий Манделошкин тожеученый!

В одной молодежной газете прочитал ответ десятиклассницы на вопрос: «Кем хотите быть?» – «Мама у меня философ. И я тоже хочу стать философом».

Ни мир Соломона мудрого, ни мир Аристотеля, ни последующие за ними миры не дали и тысячной доли того количества «философов», которое развелось в советское время в нашей стране... Живет с нами в одном доме, этажом ниже, или этажом выше, человек, и вдруг он, бедный, в преклонном возрасте умирает, и мы, соседи, только теперь узнаем из некролога, что... «ушел из жизни...»

Нет, то, что ушел и больше никогда не вернется, мы это знали и без философии, но то, что он былфилософ, да еще известный, чего греха таить, об этом и не подозревали.

Лет двадцать назад один мой московский знакомый, в те времена довольно заметный театральный критик, Н. И. Громов, крайне удивился, узнав от меня, что в наших вузах без всякого труда преподают высшую математику на родном языке.

Не думаю, что он до конца поверил мне, теперь и в Вас сомневаюсь, поверите ли, но грузинская языковедческая школа настолько сильна и общеизвестна в мире, что невежды туда, как бы ни старались, никак не пролезут.

Проверить в точности, сколько ядерных боеголовок несут подводные лодки Америки, будет не то что трудно, но и невозможно, а вот проверить, действительно ли сравнительно молодой грузинский ученый-языковед Тамаз Гамкрелидзе совсем недавно произвел – без преувеличения! – переворот в индоевропеистике, за что многие иностранные академии избрали его своим почетным членом, а год назад Академия наук СССР – своим действительным членом, проще простого, конечно, при желании и любви к истине.

В нашей стране, как Вы давно знаете, действует закон всеобщего обязательного среднего образования, что выдается за великое достояние социалистического общества, на зависть ка- питалистическим странам и на радость африканским республикам.

Но это «великое достояние» уже явно подрывает и подтачивает фундамент советского общества, словно ракушки-моллюски дно гигантского корабля.

Нет сомнения, всеобщее обязательное среднее образование в конце концов принесет такую же непоправимую «пользу», как сплошная коллективизация принесла нашему сельскому хозяйству, которому, кстати говоря, подложенные еще Сталиным кислородные

подушки – закрепление земли за колхозами навечно, разумеется, соответствующими актами и грамотами с Государственным гербом и печатью (о, сколько рисовой бумаги ушло на это!) – не облегчили тяжелого дыхания.

Вот Вам не нравится, и Вы в этом, конечно, до небес правы, когда осуждаете, я бы сказал, наш дикий обычай (но только в «простонародье» и, слава богу, уже постепенно исчезающий) заставлять гостя выпить большущий рог вина. Но насильно заставлять человека, иногда от природы явно к этому не способного, учиться, чтобы и он непременно окончил среднюю школу, разве это меньше достойно осуждения?!

По-моему, именно это – хочешь не хочешь, а учишься – в тысячу раз больше вреда приносит обществу и государству, чем «рог вина»: ты можешь не пойти в гости к «медведю», а в храм знаний – в школу – ходить обязан, по закону обязан!

И в силу этого закона школа поневоле обязана – учишься не учишься, но раз ходишь, пусть даже изредка, – на десятый год «обучения» преподнести тебе документ, что ты зрел, как... среднеобразованный человек!

А уж коли таковым признали тебя официально, то и считаешь ниже своего достоинства заниматься «черной», физической работой.

И это еще где? В государстве, на гербе которого красуются символы самого благородного крестьянского труда – серп, и труда рабочего – молот!

(А в «гнилой» Англии в психическом отношении вполне нормальный, вовсе не эксцентричный лорд работал... почтальоном!

Между прочим, лорды хотя и чинно заседают в верхней палате, но за это никакого жалования и никакой пенсии не получают, а у нас... мм... Высокооплачиваемых синекур не счесть, их сотни тысяч! В той же Англии, где, кстати, не раз говорили, что Советская страна – рай для бездельников, только члены кабинета имеют персональных шоферов, а у нас... все, занимающие более или менее заметные должности!

Кстати, наши персональные «механические кучера» не очень отличаются от дореволюционных батраков: они не только развозят своих хозяев и членов их семей, но и выполняют всевозможные их домашние дела и поручения. Правда, не безвозмездно: в обмен за право халтурить в свободное время).

Типун мне на язык, но, кажется, что и новая школьная реформа ничего серьезно положительного не даст. (...Наши дети, мол, стали умнее и... Давайте учить их – шестилеток! Но зачем же укорачивать «этим умным» золотое детство и еще больше удлинять безалаберное детство взрослых сынков, которое и без того длится в среднем до тридцати лет, а порою и до кончины обоих родителей?!).

В прошлом году «Комсомольская правда» напечатала в разное время две статьи с одним и тем же заглавием: «Надоело!». Они, правда, касались вечерних школ, но ведь от них и «утренние» школы недалеко ушли... В обеих статьях говорится о том, что все делается «для галочки»; как бедные учителя стараются «охватить» учащихся, как они унижаются, ходят по домам и чуть ли не на коленях упрашивают не имеющих среднего образования: хотя бы запишитесь, хотя бы просто запишитесь!..

«В вечерних школах во всех классах горит свет, вовремя дают звонки... только нетучеников».

«Ведь знаний-то никаких наши ученики не получают! Значит, речь идет только о том, чтобы снабдить всех аттестатами». «Нам платят деньги за то, что мы приносим вред обществу».

Хотя все, о чем здесь сказано, происходит в России, а не в Грузии, но не думаю, чтобы и там стыдились получать деньги за обман, в котором они, в сущности, и не виноваты.

Мы гордимся на весь мир, что мы страна сплошной грамотности, а вот в Америке, судя

по сообщениям нашей прессы, столько-то миллионов практически совершенно неграмотны (называют то 12, то 20, даже 30!), и в Англии их миллионы, во Франции тоже (к тому же каждый четвертый француз, оказывается, думает, что солнце вращается вокруг земли!), и в Италии немало этих несчастных, не умеющих ни читать, ни писать, однако все эти неграмотные, как ни удивительно, умеют безошибочно считать свои честным трудом заработанные деньги, к тому же цену времени знают отлично!

О, надо быть твердолобой свиньей, чтобы не признать: и Сталин тратил огромные средства на наше поголовное образование, но только отец наш хотел, чтобы мы, его покорные дети, были б так широко образованны, чтобы все плохое казалось нам хорошим и, не имея во рту халвы, кричали быво весь голос: «О, сладко, сладко, ох, как сладко!»

Да, никуда не денешься, что правда, то правда, на Западе бесчисленное множество неграмотных, но давайте хоть теперь, когда горизонт наш несравненно расширился и над головой мы видим не только клочок неба, а почти весь небосвод, не будем скрывать правду в себе и скажем прямо: во многих странах Запада начальное обучение бесплатное.

(А в Австралии, которая, кстати, ни о каких революциях, ни о буржуазной, ни о пролетарской, никогда даже и слыхом не слыхивала, и высшее образование бесплатное, да еще там, в отличие от нас, посещение лекций, впрочем, как и во всех странах Запада, вольное, необязательное, по-видимому, исходя из того, что это еще не означает, что он в аудитории сразу же станет «весь внимание» и все то, что выпалит посредственный жрец науки, забросит в свою голову, словно шар в бильярдную лузу).

...Да, во многих странах Запада начальное обучение бесплатное («кое-где» даже с бесплатными завтраками!)... Разумеется, это не в частных колледжах и пансионах, а в государственных школах, только там принцип учебы другой, свободный: есть желание учиться, учись, пожалуйста! Даже больше: если ты живешь в сельской местности и школа достаточно далека от твоего дома, к тебе и твоим сверстникам утром автобус подъедет, отвезет и после уроков привезет домой. Но если ты, допустим, учебе предпочитаешь сон, – спи, «дарагой», ни один школьный инспектор тебе утренний сон не нарушит.

Это во-первых, а во-вторых...

Имея столько миллионов неграмотных, стало быть, темных, умственно неразвитых людей, да еще, кстати, безработных (но только не тунеядцев!), Запад, кажется, все же не отстает от нас: ни в науке и технике, ни в медицине, ни в организации производства, ни по урожайности продуктов сельского хозяйства, ни в сфере бытового обслуживания, комфорта и сервиса...

(Недавно Центральное телевидение оповестило нас, что 56 американцев – лауреатов Нобелевской премии – направили письмо президенту, в котором они клеймят его идею звездных войн... Сказать по правде, в этом сообщении меня больше всего заинтересовало количество Нобелевских лауреатов – 56!

А сколько еще и тех, которые, видимо, не захотели подписаться или равнодушно отнеслись к своей подписи! Гадать не стану, но их тоже, вероятно, не единицы..¹

И все это чуть ли не в почти полуграмотной Америке, а у нас, в стране, где скорее найдешь снежного человека, чем хоть одного неграмотного, где миллион миллионнов со средним образованием, а с высшим – миллионы, Нобелевских лауреатов насчитывается от силы до двадцати, причем в это число при моем подсчете входят и покойные, начиная с академика Павлова, и те, чьи имена в прессе как лауреатов Нобелевской премии (Бунин, Пастернак, Солженицын, Сахаров) строго-настрога запрещается упоминать).

Мне думается, это неплохой аргумент для общего вывода: сплошная грамотность страны, даже со сплошным средним образованием, это еще не гарантия того, что можно

¹ Позднее примечание (июнь 1988 г.): по последним данным, со дня окончания войны 157 американцев удостоились звания лауреатов Нобелевской премии.

во всем опередить несоциалистические малограмотные страны.

Кстати, совсем вскользь еще об одной беде обязательного среднего образования: фактически из-за него во многих республиках Союза запрещается вступать в брачный союз до достижения восемнадцатилетнего возраста (надо окончить школу, а как же!..).

А мудрость ислама в том и заключается, что его приверженцы мало с этим считаются, и это тоже одна из причин, что в мусульманской части советского населения демографическая обстановка и в малейшей степени не вызывает беспокойства, а вот мы, христиане, вернее, к сожалению, бывшие христиане, в этой самой жизненной области твердо стали на путь постепенного и, возможно, даже ускоренного вымирания...

...Если не сочтете меня совсем заурядным обывателем – «западником», преклоняющимся перед всякой иностранной «жевательной резинкой», то скажу еще больше: мы даже кое-что (когда крайне вынуждены!) перенимаем у них, и перенимаем, к сожалению, иногда во вред себе, с большим опозданием; так, например, когда у них кибернетика вовсю цвела, мы отвергали ее как реакционную лженауку.

(К счастью, на этот раз сравнительно быстро опомнились и через некоторое время даже выпустили толстый сборник: «Кибернетика и коммунизм»).

Может быть, это и не столь важные открытия, но все-таки...

Они раньше нас додумались запретить машинам сигналить на городских улицах, чтобы универсамы работали без продавцов, а городской транспорт – без кондукторов, чтобы туберку-лезников лечили в санаториях за счет государства, а летнее время...

Ох, уж это летнее время!.. Мы его так поздно ввели, что убытков от этого опоздания, несомненно, на много миллионов рублей больше понесли, чем несет Запад от тех миллионов, которые смотрят в книгу и видят фигу...

Я, конечно, не имею права говорить от имени всего народа, но думаю, что большинство разделит мое мнение: – нет ничего предосудительного в подобных заимствованиях. На этой позиции давно стоит и наша соседка Япония – там всегда зорко следят за «неграмотными» странами и, если появляется что-либо новое, тотчас же перенимают и совершенствуют плоды чужих трудов и мыслей. Именно это одна из причин того тройного прыжка, сделанного Японией за короткий для истории миг, благодаря которому она оказалась в шеренге са-мых передовых стран мира.

Но это одна из причин, повторяю, только одна из причин, ведь японцы при своей поразительной сметливости не тот народ, который будет спустя рукава работать в пятницу, раз завтра суббота – день отдыха, и в понедельник – тоже, раз вчера было воскресенье, второй день отдыха.

(Два дня «передохнуть» в неделю – такую роскошь могут позволить себе только в странах капитала, где производительность труда почти в два раза выше, чем у нас).

Японцы, говорят, очень любознательны и жадны на всякое ученье, но в Стране восходящего солнца все же не культивируется среднее образование как обязательное... И все-таки она... как только что было сказано... за короткий срок... в шеренге самых передовых...

Короче говоря, как без околичностей ответить на вопрос: благо или не благо для государства обязательное среднее образование, если оно даже не псевдомнимое?

И неужели на обдумывание ответа на этот вопрос и теперь придется потратить 30-40 лет, как у нас порой случалось?

Я всего один-единственный факт могу припомнить, когда на поставленный жизнью вопрос ответили быстро. После окончания войны, в 1947 году, Сталин совершил совсем не свойственное его характеру чудо: отменили смертную казнь в мирное время, но через два с половиной года ее вновь восстановили, правда, частично, а в дальнейшем – в 1954, и в особенности в 1958 году, этому Закону вернули прежний вид.

Поверьте, я не тот человек, который вообще жаждет крови, но этот акт, акт возвращения к старому, вовсе не считаю жестокостью: советское общество отнюдь не состоит из одних канадских сердобольных духовоборов, для которых даже социализм – христианский! – уже не витает в мире мечтаний.

Как ни тяжело мне это признать, на моей Родине, в советское время убийства, даже умышленные убийства с особой жестокостью, стали чуть ли не обычным явлением, ибо убийца знает и уверен... тебя убьет, а он сам-то останется жив! Судя по судебной статистике, так и бывает почти в 99 случаях из 100...

(Да, скрывать нет смысла: в Грузии совершаются и уму непостижимые преступления, но ведь и омерзительное преступление молодых людей из Подмосковья, разорвавших живьем королеву собак – сенбернара «Гай Цезаря», дабы сшить из ее шкуры зимние шапки, тоже не укладывалось ни в одной из статей советского Уголовного кодекса.

А злодеяния гробокопателей, ищущих в захоронениях ордена и золотые зубы, под какую статью Уголовного кодекса подогнать?!).

...Но, а как все-таки со всеобщей обязательной раздачей аттестатов... То есть, простите, со средним образованием – благо оно или не благо для народа?

Если б у нас существовала независимая Академия жизненных наук, куда я, к слову сказать, всеми доступными средствами, в том числе и ценой унижения, постарался бы пролезть, она бы на этот вопрос ответила, может, и уклончиво, но все же жизненно ясно: когда не было у нас такого «образования», тогда и не так уж остро ощущалась нехватка, к примеру, молока и мяса тоже...

А живому человеку, в частности, советскому, как это ни странно покажется некоторым вышестоящим товарищам, если у него не будет ни молока, ни мяса, то ему в конце концов наплевать на то – земля вращается вокруг солнца, или солнце крутится вокруг земли.

Давайте на этот счет послушаем и буржуазных...

Но как же нам пойти на такой шаг? Ведь мы, когда хотим кого-нибудь и что-нибудь представить в неприглядном, отталкивающем виде, сразу же прибегаем к ругательному прилагательному: буржуазный, буржуазная, буржуазное...

Вот, к примеру, в книжке о Грузии писателя Михаила Квливидзе, изданной одним из московских издательств, на странице 57 читаем:

«...29 ноября знамя Советов взвилось и над Арменией. После этого Грузия осталась единственной буржуазной республикой на Кавказе»...

Слыхали? Б у р ж у а з н о й!

Это про ту Грузию, в которой «хозяйничали» когда-то единоутробные братья большевиков – меньшевики... Между прочим, при их трехгодичном «хозяйничании», в самые страшные годы разрухи и голода во всех уголках бывшей царской империи, в том числе, разумеется, и в Грузии, в Тбилиси был создан первый на Кавказе университет, была открыта тоже первая на Кавказе консерватория, поставлена первая монументальная грузинская опера «Абесалом и Этери»... И в этой презренной «буржуазной» республике в те годы был всего-навсего один-единственный «буржуа» – Лагидзе, создавший по интуиции (вкусовой!) и поныне знаменитые фруктовые воды, которые, кстати... То есть этот «ужасный буржуа», несмотря на свои ограниченные денежные средства (вода-то хоть райская, но все-таки вода, а не коньяк и не шампанское), помогал революционерам.

(Сергей Есенин еще при жизни Митрофана Лагидзе воздал должное его... кизиловой воде!

Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком...

А Евгений Евтушенко – много лет спустя после смерти чародея безалкогольного питья:

Старик Лагидзе умирал, как надо,
бесслезно смерть приняв, как благодать,
с ним умирала тайна лимонада,
и мастер знал – ее не передать.
А юноша, рискнув над ним склониться,
«В чем ваш секрет?» – спросил у старика,
и высунул, смеясь, язык Лагидзе
и показал на кончик языка).

Да, такова была при меньшевиках, этих «злейших врагах грузинского народа», наша «буржуазная» республика, а какова она была до республики, т. е. при самодержавии, об этом почти достоверно можно судить из одной забавной стычки мировых кинозвезд немого кино: «американка» Пола Негри (по происхождению полька, Барбара Халупец) и Глория Свенсон (шведка) в Голливуде враждовали между собою и как женщины, и как киноактрисы... И вдруг Пола Негри вышла замуж за сына генерала-эмигранта Мдивани, за редкого красавца (снимок этой супружеской четы был помещен, если не ошибаюсь в дате, в 1928 году в тонком ленинградском журнале «Красная панорама»), но что более существенно: вышла она замуж за блистательного князя! (Мдивани в Грузии всегда считались ищущими дворянского звания крестьянами, но «наше» эмигрантское правительство не поскупилось дать сыну своего генерала княжескую грамоту).

Оспорить красоту мужа Поли Негри, поскольку это было, как говорится, налицо, никто не решался, но вот что касается его княжеского титула... Нет, нанятые Глорией Свенсон журналисты не смогли разнюхать, что новобрачный только по филькиной грамоте князь, но в своей порочащей новобрачную книжечке они написали одну такую убийственную фразу, которая непременно ввергла бы в смятение мировую кинознаменитость:

«В Грузии кто имеет сто овец, тот уже считается князем».

...Овцы овцами и князя князьями, но не лучше ли после такой «артподготовки» вернуться, на мой взгляд, к тому спорному вопросу и рискнуть, то есть ознакомить Вас с одним высказыванием известного французского социолога, по нашей мерке, вероятно, буржуазного:

«Чрезмерная любовь к науке подорвет в конечном итоге моральные устои общества в еще большей степени, чем чрезмерная любовь к деньгам».

(«ЛГ» № 24, 1969 г.).

Автор этих строк Э. Мишен, как видите, говорит здесь только об истинной любви к науке, и он ничего не пишет ни о лженауке, ни о лжеученых, ибо его статья написана для французов и для Франции, где, видимо, нет научно-исследовательских институтов ни по кефиру, ни по мозоли, в которых с утра на свежую голову «ученые» обсуждают хоккейно-футбольные новости, а «ученые» женщины курят Мальборо и вяжут, вяжут джемпера...

...Но вот, черт побери, эта буржуазная мысль (стало быть, гнилая!) все же не дает мне покоя. Ведь до сих пор я был глубоко убежден, что для общества опаснее всего именно любовь к деньгам, то есть, по нашим понятиям, стяжательство, неодолимое стремление к обогащению, накопительство, вещизм и т. п.

А нам говорят – нет, не любовь к деньгам, а скорее к науке, да еще не к псевдонауке, а, о боже, к настоящей, к истинной...

Академик Н. Я. Марр однажды, не в царское, а в советское время, безмерно удивился: «Как? Чтоб ученый спрашивал, сколько он будет получать жалованья?! Какой же он тогда ученый?!».

Я не знаю, сколько таких ученых среди сотен тысяч наших служителей науки, которые не ради денег обогащают советскую науку, но знаю «кое-кого», кто больше заботится о своей

автомашине, чем о «своей» науке; знаю и таких, которые вверенную им науку просто-напросто рассматривают как дойную корову.

(Когда мне для этого письма понадобилось разузнать, сколько литров молока может дать корова такой-то породы в сутки, я спросил об этом одного доктора биологических наук, и он, нисколько не смутившись, ответил, что на этот счет не сможет обогатить мои знания, ибо он доктор по молоку, а не по коровам... Словно коровье молоко не корова дает, а уссурийский тигр).

...Да, это мнение, может быть, и недалекого буржуазного ученого, но нам, по-моему, все-таки не мешало бы хоть чуточку над ним призадуматься...

Если даже бескорыстная чрезмерная любовь к науке в состоянии подорвать моральные устои общества, что же тогда хорошего можно ожидать от чрезвычайно поддельной, корыстной, торгашеской любви к науке?!

О, так хочется порою вскричать: «Да здравствует культ рабочего человека!» Как и было в двадцатые-тридцатые годы!

Если население всей страны будет состоять из одной интеллигенции, будь она даже не мнимой, не ложной, кому же тогда за пашнями ухаживать? Кому же станок приводить в действие? Кому же в больнице тяжелому больному подушку подправить? Кому за прилавком стоять?

9 августа в программе «Мир и молодежь» Центрального телевидения рабочий-москвич с грустью отметил, что молодежь на заводы и фабрики не идет, а если часть ее решается на это, то неохотно...

И это неудивительно! Ведь у ничем не занятого молодого человека в кармане свидетельство о том, что он проучился десять лет, и на кой черт ему еще учиться слесарному делу, для овладения которым и двух лет достаточно, а вот чтобы стать, скажем, сантехником, стекольщиком, электромонтером, парикмахером, – и того меньше.

Да, зачем, зачем? Когда так легко выбрать какую-нибудь «культуру» и стать в ней сперва начинающим... Ну, например, начинающим ученым, начинающим писателем!

Но, позвольте!.. Разве Эварист Галуа, умерший в возрасте 21 года и к тому времени уже основательно обогативший основу основ всех наук – математику, – был начинающим ученым?! А, Шолохов, в 22 года написавший первую книгу «Тихого Дона», – еще не созревший писатель?! А Иммануил Кант в 23 года был начинающий философ?! У Шиллера «Разбойники» были уже написаны, а он все же с грустью восклицал: «22 года и ничего не сделано для бессмертия!»

Нетрудно проследить, что из огромной массы наших «начинающих», как правило, только единицы не застывают на уровне «вечно начинающих»,

Ну, а польза какая, если поневоле с пеленок будут развивать в них непомерный аппетит к юбилейному лавровому венку?!

У нас давно все упростилось. Упростились взаимоотношения среди людей, понятия чести и долга, культура человеческого общения; исчезают – если еще совсем не исчезли – воспитанность и вежливость... Легко достижимо стало, даже при отсутствии заметного труда и проблесков таланта, получение всевозможных ученых степеней и званий по искусству (а это последнее нужно ли вообще?)... Благодаря поверхностно-облегченной учебе у нас так много развелось – и в нравственном отношении – плохих учителей, плохих врачей, инженеров, юристов...

И что же?

Из деликатности не буду касаться других республик, ограничусь только моей, «собственной»: по статистике (без приписок!) большинство преступлений совершается людьми, имеющими среднее и высшее образование. (Нет сомнения, у многих из них такое образование скорее в кармане, нежели в голове).

Сталин в 1936 году, прежде чем составить так называемую Сталинскую конституцию, внимательно ознакомился с конституциями многих стран мира и, почерпнув из них все самое хорошее, внес в «свою» конституцию. (Другой вопрос, насколько он «все это хорошее» претворял в жизнь).

Думается, было бы неплохо, если бы и наши просвещенцы ознакомились с постановкой образования в зарубежных странах и даже оглянулись назад... на проклятую царскую систему просвещения. Кое-что верное и разумное можно было бы взять и там, хотя бы в урезанном виде, за исключением, разумеется, телесных наказаний, но, не отвергая (боюсь сказать, весь дрожу)... волчьего билета!

Да неужели еще не настало время убедиться в том, что, исходя из советского гуманизма, давать «овечий билет» «волкам», еще в превеликом множестве обитающим в нашем обществе, вовсе не способствует их очеловечиванию и уменьшению численности!

Думается, даже, наоборот: от такой снисходительности они еще больше наглеют и еще больше множатся их ряды.

А что касается вообще гуманизма, которым у нас так любят хвастаться, то порядочный человек никак не пойдет против своей совести и не совершит преступления, так что он и не нуждается в гуманизме государства.

Американский миллиардер Поль Гетти умер накануне своего восьмидесятипятилетнего юбилея, не дождавшись своих мемуаров, которые заканчиваются следующей фразой:

«Люди должны смириться с тем, что между ними никогда не было равенства, нет и не будет».

Но в истории человечества не он первый высказал такую зловещую мысль... К примеру, еще в середине прошлого века персонаж одной из повестей Ильи Чавчавадзе, лежебока-князь Таткаридзе, чтобы оправдать крепостное право, поднимал руку и говорил: «Вот посмотрите на эти пальцы – разве они одной величины? Так и люди!»

Нет слов, это была ужасающая социальная несправедливость, когда трудяге-крестьянину по сравнению со своим господином, бездельником-князем жилось много-много раз хуже, но и это тоже пахнет социальной несправедливостью, когда в закуской «среднеобразованный», фактически малограмотный продавец хинкали (это вроде пельменей, но с перцем!) наслаждается советской жизнью во много раз больше кадрового рабочего или честного врача, из тех, кто не смотрит в руки больному.

По моему не очень марксистскому разумению, достичь абсолютной социальной справедливости ни в каком человеческом обществе невозможно, и как мне горестно, что я, не имеющий даже письменного стола, должен разделить мнение миллиардера...

Да, ничего не поделаешь, жизнь так устроена, что равенства граждан нет даже на кладбищах; под землей – да, а вот над землей... Бывает, совершеннейшему ничтожеству такое надгробие... О, умирающий лебедь из черного мрамора...

И пока люди рождаются красивыми и некрасивыми, глупыми и умными, способными и малоспособными, очень талантливыми и совсем бесталанными, работягами и ленивыми, храбрыми и трусливыми...

Один мой знакомый, «Иван Прокофьич», кандидат экономических наук, сильно возмущался тем, почему, к примеру, космонавт должен жить лучше него... А между тем этот «космонавт» -экономист боится войти даже в собственную темную комнату, прежде чем не зажжет свет снаружи...

Такой «несправедливостью» неумно возмущаться, а так вообще... К относительной справедливости нам, разумеется, надо стремиться.

Одним деетем «великие произведения» пишутся только на заборах.

Неизвестный мудрец неизвестной национальности,
живший в неизвестное нам время.

«Ловлю пескарей в Грузии» Вы, Виктор Петрович, посвящаете «Адольфу Николаевичу Овчинникову». Имя, отчество, фамилия!

Просто и сухо: ни тебе «Милому другу с любовью и преданностью», ни тебе – «Однополчанину в память грозных военных лет», ни тебе «Искуснику-рыбаку»...

(Кто знает, может, и Адольфу Николаевичу пришлось ловить пескарей в Грузии, и не без досадных приключений?!).

Как ни говори, читатель потому и читает, чтобы расширить свой кругозор, обогатить свои знания. Но и писатель, естественно, вовсе не обязан раскрывать перед ним все свои карты, обнажать всю свою душу.

Наоборот, на этот раз Вы заслуживаете даже особой нашей читательской благодарности: ведь могли же сие посвящение окутать таинственной завесой, ограничиться просто инициалами «А. Н. О.» и этим, кстати, со временем задать головоломку биографам и исследователям Вашего творчества: да кто ж скрывается, господи, под этим загадочным «А. Н. О.»?

Однако, к счастью, два обстоятельства нам все же ясны: раз не пишете «Светлой памяти» (не дай бог!), стало быть, объект Вашего посвящения жив, и он наш современник, и второе: если б вы его не уважали и не ценили – и не посвятили бы.

А это другой вопрос, стоило ли такой, я бы сказал, не очень... мм... рассказ посвящать человеку, к которому относитесь, возможно, даже с нежными чувствами?

Впрочем, в «Пескарях» встречаются и такие абзацы, даже страницы (две-три), которые вполне достойны посвящения, ибо они написаны рукой мастера.

Вы, наверное, подумаете, что я хвалю эти страницы за то, что в них наша национальная гордость не ущемлена.

Нет, отнюдь нет, они просто-напросто написаны настоящим писателем, а не одним из членов двенадцатитысячной армии Союза писателей, до зубов вооруженных шариковыми ручками.

Честно признаться, и я мало отличаюсь от таких членов, но вот меня все же до чертиков интересует возраст многоуважаемого Овчинникова... Не степень Вашего родства с ним или степень знакомства и дружбы, а только возраст.

Если он Ваш ровесник или старше Вас, не имел ли он из-за своего имени «Адольф»...

У меня был школьный товарищ с таким же именем... О-о, если б Вы знали, какие муки он пережил в военные годы, какие страдания!.. А его, бедного, нарекли так еще до того, как Адольф Шикльгубер стал всему миру известен как Адольф Гитлер...

...И «моего» Адольфа, еще ни в чем не проштрафившегося, взяли и послали в штрафной батальон: раз и ты Адольф, иди и сражайся врукопашную со своим бесноватым тезкой...

О, вообще, эти имена!..

После того, как мы стали богоугодными... то есть, простите, властеугодными атеистами и отказались от крестин, нынче никто не заглядывает в святцы в поисках традиционных, благозвучных имён – греческих, римских, библейских... Кругом такое нашествие иностранщины!.. У нас, в Грузии, столько теперь Гамлетов и Офелий, сколько их, вероятно и в шекспировские времена не было в «неладном Датском королевстве!»

Не буду скрывать своего злорадства: и в Россию проникли «Эдисоны» и «Мараты»... А это звучит еще смешнее, ибо у русских обращение по батюшке является обязательным знаком уважения, и вот вам... Ричард Харлампович... Альберт Адольфович... Дездемона Сидоровна...

В Москве одна ученая дама, химик, после долгих стараний и страданий получила какое-то химическое соединение и дала ему, исходя из его составных частей, длинное, трудно выговариваемое название... А потом, когда, сделав перерыв на фронте науки, произвела на свет лучшее из своих творений, включая и научные, первенца, окрестила его в честь своего изобретения именем своего же изобретения!

О, что там, в сравнении с ним... На-ву-хо-до-но-сор!..

Слава богу, времена маккартизма... Простите, простите, я хотел сказать – космополитизма, когда французскую булку спешно переименовали в городскую, и писание рецептов по-латыни расценивалось чуть ли не изменой Родине, давно позади, а то, знаете, будь и сейчас тогдашние сверхбдительные сталинисты...

...Инструктор-пропагандист райкома партии товарищ Мурадов в свои еще сравнительно молодые годы, до войны, с любовью вытатуировал на груди профиль Сталина, а потом, после войны, в честь Сталина и Берия имя свое – Арто – изменил на комбинированно-гордое: Сталбер! Сталбер Мурадов... Но когда всем нам, в том числе и товарищу Мурадову, неожиданно открыли глаза на то, что Берия «хотел в нашей стране возродить буржуазно-помещичий строй в духе Броз Тито» (припомним дату – середина 1953 года, когда Тито еще рассматривался у нас как злейший враг коммунизма) и Очкастого (так называли Берия в Грузии) убрали из жизни так незаметно, как будто он вообще и не существовал на свете и, стало быть, роли никакой не сыграл ни в защите Кавказа, ни в «похищении огня» двадцатого века (замечу мимоходом, что у нас ведь нет шпионов; а вот «ихний» шпион – это и есть шпион, а наш... мм... – разведчик), товарищ Мурадов был вынужден, не без сожаления, отсечь вторую половину своего некогда славного имени и превратился в Стал Мурадова...

Не знал несчастный тогда, что через три года кукурузовед Никита Хрущев и на его уже и без того усеченное имя обрушит новый удар; на двадцатом съезде Сталин окажется не лучше своего младшего соотечественника: «Сельского хозяйства не знал... В финансах не разбирался... Думается, был замешан в убийстве Кирова... За войной наблюдал из-за угла...».

(Ну, это уж «точно»! А вот Никита-то принимал «самое непосредственное участие»! В конце 50-х годов, когда он был уже в зените своей сомнительной славы, в прессе появилась фотография: «Товарищ Н. С. Хрущев на Сталинградском фронте»; лежит в подмосковных снегах Никита и через полевой бинокль рассматривает «Сталинградский фронт», то есть снимающего его фотографа, которого на снимке, разумеется, не видно).

...О, в те дни очень обеспокоенный, с тревогой признался мне товарищ Мурадов:

– В баню-то перестану ходить, черт с ней, пусть вши и грязь съедят меня, но что ж с именем делать-то? Я, кажется, совсем без имени остаюсь... А вдруг будут спрашивать, как Вас зовут, что же мне отвечать? Я Безымени Мурадов... – Как, как? Безымени Мурадов? – Да, Безымени Мурадов...

Эх, в наше время эти имена, имена! Этот неодолимый зуд всему присваивать чье-либо имя!..И университету, и птицеферме, и стадиону, и оросительному каналу...

И среди них сколько несуразных! В Абхазии есть «Гульрипшский туберкулезный санаторий им. В. И. Ленина». Есть и колхоз имени... Пушкина. Хм! Пушкин и... колхоз?! («Отец мой дает мне 200 душ крестьян, я их заложу в ломбард», – из письма Александра Сергеевича Вере Федоровне Вяземской).

Нет, если б у нас функционировали публичные дома, то, наверняка, их тоже не оставили бы без «крестин»...

А переименования? Во Франции генерала де Голля считают первым среди великих французов со времен Наполеона, а вот чтобы в его честь переименовать одну из старинных площадей Парижа (Этуаль), в парламенте два дня шли горячие дебаты, и с трудом удалось (большинством в два голоса!) достичь компромиссного результата. А у нас не только площади и улицы, но и целые города, веками носящие... мм... И вдруг... Самая большая площадь города Тбилиси в царское время называлась Эриванской. А потом, когда мы обрели долгожданную волю, ее переименовали в Площадь Свободы. Прошло некоторое время, и, по-видимому, кому-то не понравилась наша «свобода», и ее перекрестили в

Площадь Закавказской Федерации, а потом снова перекрестили, но теперь уже в Площадь Берия. И так она называлась долгие годы, но, как известно, ничего не вечно под луной, особенно под той ее частью, которая освещает Землю советскую: в первые же месяцы правления Хрущева Берия вдруг оказался темпрезренным, трижды подонком, который хотел «реставрации капитализма в СССР».

А вот что его вовремя не раскусили, не вывели на чистую воду, не сорвали с него маску, в этом, представьте, виновата, оказывается, Грузия, где он единолично властвовал лет семь, а в Москве сиделлет пятнадцать бок о бок с тогдашними его разоблачителями и перед их носом (с некоторыми из них заодно) творил черные дела...

Короче говоря, Площадь Берия, как географическое название, в одну ночь исчезла с лица земли, и ей дали новое название. Но ее старое название не могло исчезнуть за одну ночь, ведь от укоренившейся привычки трудно сразу отвыкнуть.

Помню, в дни того «народного гнева» против «агента мирового империализма», кондуктор троллейбуса, по старой памяти выкрикнув – «Конечная остановка – Площадь Берия», так испугалась своего объявления, словно совершила такой непростительный антисоветский поступок, что Площадь Берия станет нынче для нее и впрямь конечной остановкой, и... тут же упала в обморок!

Не в защиту Берия будь сказано, ибо он и ему подобные расстреляли моего брата, отца трижды арестовывали, сестру сослали за мужа «врага народа», под конец и меня «осчастливили», не говоря уж о двух моих расстрелянных двоюродных братьях и близких родственниках, так что было бы глупо думать, что все это я пишу для того, чтобы хоть немножко обелить, реабилитировать Берия... Ничуть! Я только хочу сказать тем, кто возьмётся со временем писать объективно правдивую историю нашей страны (думается, это будет не скоро), что этот «славный сын грузинского народа», был переведен в Москву в октябре 1938 года, после чего приостановились массовые, массовые репрессии, но репрессии вообще, конечно, остались...

А до этого предшественник Берия на Лубянке...

Но лучше послушаем известного авиаконструктора А. С. Яковлева, который в течение нескольких лет довольно близко общался со Сталиным и как заместитель министра авиационной промышленности.

Каждое высказывание вождя и учителя он, приходя домой, по горячим следам слово в слово записывал:

«После арестов в 1937-1938 годах с кадрами было нелегко. Однажды Сталин дома за ужином сам заговорил о том, что во всех областях не хватает хороших работников.

– Ежов – мерзавец! Погубил наши лучшие кадры, разложившийся человек. Звонишь к нему в наркомат – говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК – говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом – оказывается лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли».

«Цель жизни». Стр. 509. Москва, 1968).

Да! «Мы его за это расстреляли»...

А теперь, то есть после смерти Сталина и ареста Берия в июле 1953 года, только и слышишь: Берия да Берия... Исчадие ада!

Да, это так и есть, но где же другое исчадие ада, где Ежов, где ежовщина?

Кто же заложил фундамент 1937 года – Берия, тогдашний секретарь ЦК компартии Грузии, окраинной республики, или Ежов – народный комиссар внутренних дел СССР тех лет?!

(Известно, что Ежов собирался покончить и с Берия, как с врагом народа, но последний как-то выкрутился как друг народа).

Ежову, в бытность его «сталинским наркомом», за сверхбдительность, то есть за расправу, за гибель сотен тысяч невинных людей курили фимиами, возносили его до небес!

Мое поколение еще помнит знаменитый как бы дружеский шарж «Ежовые рукавицы» Бор. Ефимова в «Известиях»... Между прочим, в те «Ежовые рукавицы» чуть позже попал и родной брат Ефимова – талантливейший Михаил Кольцов... Да, так...

Про одного из главных зачинателей страшнейшего в истории человечества тридцать седьмого года, про Ежова, почти нигде не услышишь и не прочтешь слов осуждения, только Берия и Берия... Поневоле приходится думать, а не потому ли это, что Ежов – сын великого русского народа, а Берия... нерусский?!

А разве и это не характерно? В Москву прибыл с официальным визитом премьер – министр Италии Джулио Андреотти. На обеде в честь его Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин сказал: «...имя советского героя-партизана Федора Полетаева стало символом совместной борьбы советского и итальянского народов против фашизма»...

Высокий гость в своей ответной речи внес коррективы в вышесказанное:

«Двое из этих партизан – запомнить их имена считаю для себя большой честью – Федор Полетаев и Форе Мосулишвили – были удостоены высшей итальянской награды – золотой медали за воинскую доблесть».

(«Известия», 26.10.72.).

Как видите, товарищ Косыгин не счел для себя большой честью, подобно синьору Андреотти, запомнить и упомянуть имя и другого советского партизана – героя Форе Мосулишвили, ибо он был грузин...

* * *

В моей долгой и малорадостной жизни только один единственный раз столкнулся я с невиданным, неслыханным чудом, когда на выборах, как у нас принято говорить, рекомендованного вышестоящими органами товарища...

Ой, господи, не избрали!..

И что крайне поразительно, за такое беспримерное ослушание не последовали суровые организационные меры.

Сие пренеприятное событие произошло в одном из районов Западной Грузии, недалеко от хорошо Вам известного Ткибули, где секретарем райкома работал чванливый, грубый, прямо скажем, болван из болванов... А на этот пост он попал еще благодаря своему приятному голосу и довольно проникновенной игре на гитаре.

(Ведь нас не ангелы назначают, а люди во плоти, которым ничто человеческое не чуждо, в том числе и жажда развлечения в те редкие минуты, когда они нами непосредственно не руководят).

Но первого человека в районе за надменно поднятый кверху нос, за важничанье и вызывающую игру в барина, за хамские замашки никто не любил. Не любили ни подчиненные, которые были вынуждены выполнять волю самодура, ни крестьяне...

Эта неприязнь еще больше усилилась после того, как он счел ниже своего достоинства пользоваться общим плебейским нужником и велел выстроить для себя персональный, территориально довольно далеко от общего, но в том же райкомовском дворе, так как канализации в маленьком районном городишке вообще не было...

...И он всегда чинно, словно вождь в миниатюре, направляясь «туда», на подступах к нему доставал из кармана со звоном связку ключей и, подобрав один из них... мм... А «потом»... Запирать никогда не забывал!

Через некоторое время, а за это время он по-прежнему неустанно терзал крестьян, приходящих к нему с разными житейскими просьбами, а заодно и работников своего

аппарата.

(Начальников, сколько у нас, нет ни у одного народа в мире; и не потому ли среди наших «товарищей» так пышно цветет постыдное чиновничество!).

...Кто-то из них – только неизвестно, по коллективному ли заговору или террорист – одиночка, – ночью подкрался с лопатой и пилой к его «владениям», вырыл сзади землю для того, чтобы просунуть руку и подпилить доски...

А наутро, когда он, как всегда, с чувством великой собственной значимости вошел «туда» и согнул колени... мм... Подпиленные доски не выдержали тяжести власти секретаря райкома, и он рухнул а яму, в свое же персональное дерьмо...

Вы, конечно, не раз замечали: когда милиционер останавливает провинившегося автоводителя, страж порядка, нисколько не торопясь, нарочно замедленными шагами направляется к его машине...

Точно так же, когда из секретарского частного-личного нужника раздались почти замогильный голос и стоны, взывающие о помощи, хотя к тому времени во дворе уже успела собраться глазеющая публика, никто из них не поспешил, не бросился стремглав выручать своего идейного вдохновителя и предводителя...

Выдержав длительную, надо полагать, мстительную паузу, – будто бы ищут брезентовые рукавицы, – только тогда и принялись за спасательные работы: чем черт не шутит, а вдруг его и после такого вонючего случая оставят на своем посту, и тогда – берегись!..

Но это всего лишь первое действие такой незаурядной истории. А из второго действия нам станет известно, что героя нашего времени в том районе, правда, не оставили, но поскольку он числился в номенклатуре, а номенклатурному работнику, как мы знаем, до конца дней своих суждено летать на номенклатурной орбите, решили лишь на одну ступеньку понизить в должности и назначить...

Ой, что я болтаю... Из-бра-ть! Избрать председателем исполкома соседнего района, откуда, кстати, родом Ваш покорный слуга.

Но... Чудо моего века и моей жизни как раз в том и состоит, что собрание районного партактива, несмотря на то, что этого кандидата представлял и рекомендовал от имени вышестоящих органов очень энергичный товарищ из Тбилиси (а энергию свою, столь ему необходимую, черпал (и черпает!) он в специальном, не для всех открытом магазине!), единодушно восстало:

– У нас есть свои кадры, почище его! Он воняет! Он воняет! Скрепя сердце, пришлось уступить, но...

Нынче редко кто пишет пьесу в трех действиях, только в двух, случается, и в одном... Так ведь писать легче и удобнее (только не для зрителя!): ни тебе экспозиции, ни тебе кульминации! Как, дескать, в жизни – «У самовара я и моя Маша», – но жизнь, каждодневная, ведь это еще не искусство!

Ну, разве, к примеру, этот трагифарс о персональном нужнике, если будем придерживаться строгих правил классической драматургии, а не абсурдной, может уместиться в двух куцых актах?!

Нет, здесь без третьего действия не обойтись; а раз так, ему следует предпослать эпиграфом расхожую народную мудрость: щуку в наказание выбросили в море!

Точно так и нашу номенклатурную щуку взяли и из районного центра перебросили в центр республики и тут же избрали по профсоюзной линии председателем всех артистов и художников, режиссеров и дирижеров, певцов и оркестрантов, и балерин тоже... Словом, множество разных лауреатов и народных, а председатель таких творцов вправе ли сам остаться без звания, да еще при его заслугах перед многострадальным искусством? Ведь он, будучи в седьмом классе, сорок лет на- зад, пел в школьном хоре!

...И он без проволочек стал заслуженным деятелем искусств, хотя свой певческий голос

– сладкозвучный тенор, – все время пребывая на командных постах, давно потерял, но зато остался барственный гонор... Возможно, потому и избирали его председателем бесценно в течение свыше 30 лет!

(Во избежание недоразумений, на всякий случай, число напишем и прописью: в течение свыше тридцати лет!!!).

В старом мире в конце таких вовсе не майскими розами пахнущих историй говорили: *Finita la comedia*, а в нашем новом мире такие комедии, и не только комедии...

* * *

Старые сказки, как Вы помните, начинались...

«В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель отсюда жил-был визирь»... Но я хочу рассказать Вам современную сказку...

В некоторой республике, в некоторой столице, не за горами и не за морями, жил-был визирь... Простите, то есть министр, не то музыки, не то беллетристики, не то театральной этики и поэтики, сам же сочинитель, и у всех на виду...

Нет, не обдeldывал, а безбоязненно делал свои дела, то есть пробивал, прошибал, проталкивал творения свои, – не бездарные, нет, но только свои, свои сочинения, среди них – для идеологического равновесия! – и «Оду партии», и «Кантату о партии», хотя сам черт не разберется, где там музыка и где там партия, его все-таки...

Да к тому же, поскольку не был он ни взяточником, ни казнокрадом, что в том царстве-государстве считалось первейшим признаком чуть ли не христовой порядочности, его и пальцем не трогали и сквозь пальцы смотрели, как приходило в запустение его ведомство-министерство не то культуры, не то беску... мм...

Но когда цистерна терпения совсем-совсем переполнилась, в один туманный день набрались храбрости и, глубоко извиняясь, обратились к нему с просьбой, не соизволит ли он освободить пришедшее в ветхость от многолетнего сидения министерское кресло и взамен, в виде компенсации, пересест в депутатское кресло самого высокого ранга...

Предложение это было принято без энтузиазма, но все же было принято великодушно, и бывший министр отбыл в один из приморских городов, где ему надлежало встретиться со своими избирателями в драматическом театре имени такого-то...

Ох, как все были рады!

И артисты, и режиссеры, и осветители, и реквизиторы, и капельдинеры рады были безмерно разглядывать его на сцене, выступающего со словами благодарности за оказанное ему искреннее и высокое доверие...

– Это великое наше счастье, что он наш депутат, и лицезреть его так близко тоже великое счастье наше! Ведь он за восемнадцать лет своей министерской деятельности ни разу не побывал в нашем театре!

В диком восторге были в особенности бутафоры, и они первыми же отдали ему свои бутафорские голоса!

Сталин – о-о! – великий режиссер! Не в трагедийном, а в комедийном жанре самая смешная комедия в его постановке – это, конечно, всеобщие выборы: при стечении ликующего народа к избирательным урнам... Выбрать одного из одного!.. Да еще тайно голосуя...

Это, пожалуй, единственный спектакль в мировом театре, когда он так долго-долго живет и послесмерти его творца: свыше тридцати лет!

И все же мораль этой сказки: впредь мы не должны так выбирать, если не хотим, чтобы живительное обновление нашего общества закончилось плачевно, чем бы мы доставили радость еще не истлевшим, пророческим костям Отто Бауэра, современника Маркса, изрекшего: «Все великие начинания кончаются неудачей».

...Ах, как было бы желательно, чтобы кандидат в депутаты хотя бы в ночь перед выборами не спал спокойно и безмятежно, а этого достичь можно лишь в том случае, если он будет чувствовать дыхание конку...

Нет, «конкурент» считается у нас нехорошим словом, – соперника!

* * *

Крылатая фраза «Депутат – слуга народа» принадлежит Сталину, и поэтому она давно вышла, вернее, вывели ее из разговорного обихода, но смысл ее – теоретически – вовсе не упразднен.

Есть у нас один, по-настоящему маститый, но, к сожалению, не всеми уважаемый писатель. Он несколько раз справлял юбилеи, но справлял их, особенно в последние годы, не в писательском клубе и не в театре, и не на стадионе (кто посмел бы ему отказать!), а... на телевидении: в просторном зале телестудии сидит юбиляр в окружении своей свиты близких ему литераторов и слушает внимательно, и мы, «уважаемые телезрители», тоже слушаем, правда, не так уж внимательно, очередные выс- тупления – вариации на тему «Славься, славься...».

Но что это за новая мода устраивать юбилей за «голубым занавесом», в плотно закрытом помещении, среди тщательно отобранных немногочисленных тебе известных почитателей, а не всенародно, в театре, в присутствии любящих тебя читателей?! Не боязнь ли толкает на это – а вдруг какой-то хулиганствующий элемент с галерки громогласно процитирует твои же, быть может, давно забытые тобой строки:

*Только и только большевик –
Вот кто для меня человек!*

Или же:

*Мне все равно, что Ираклий, что Ага-Махмуд-хан,
Куда ни пойду, родину свою везде найду!*

(Ираклий II – последний царь Грузии, боготворимый народом; Ага-Махмуд-хан – шах Ирана, в конце восемнадцатого века камня на камне не оставил от Тбилиси).

На свете существует много теорий, есть и такая: теория дистанции, теория времени.

Когда в спешке ради «сладко-красивой» жизни, ради знаков отличия изменяешь этой теории, со временем та же жизнь мстит тебе за это...

Как досадно, что не хватает мне умения сосредоточиться на одном объекте, и, как кузнечик, прыгаю с одного стебелька на другой: ведь вначале я вовсе не собирался рассказать про юбилей, а о том, как этот наш почтенный мастер родного слова однажды, почуяв угрозу, что, кажется, хотят сделать перерыв в его служении народу, послал коротенькое письмецо руководящему лицу: «Если не изберете меня вновь в депутаты, я покончу с собой».

К счастью, ему не пришлось расстаться с жизнью и народу тоже, к превеликому счастью, не пришлось расстаться со своим верным слугой...

Избрали!

Почти подобная же история произошла и с одним членом двух академий, который чуть ли не с пионерского возраста занимает руководящие посты и с того же возраста ревностно собирает и накапливает всевозможные звания и титулы, и теперь у него их столько, что... О, последний русский государь по сравнению с ним покажется мальчишкой с Невского проспекта:

«Николай II Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Государь Псковский и Царь Грузии, Великий князь Смоленский, Литовский, Финляндский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и прочая, и прочая, и прочая...».

А наш просветитель во многих областях жизни «и прочая, и прочая, и прочая» не признает: все свои титулы целиком и полностью, без всякой «прочей», и баста! Незачем брать пример с Николая Романова, он был скрягой, когда по утрам повара вызывал, долго колебался, заказать обед на восемь или на девять персон, и на бумаге экономил, а наш брат...

Около тридцати пяти (35!) лет служит он народу, как депутат... Да не физик он и не кибернетик! Те могут не уметь хорошо писать, но мыслить – да, а этот и пишет хорошо, и говорит – дай бог! И когда стенографистки дают ему на сверку его же речь, произнесенную на сессии о бюджете республики на следующий год, он тщательно исправляет неточности, допущенные ими: ну, если у них написано просто – (Аплодисменты), он исправляет на (Бурные аплодисменты)...

И напрасно хихикают втихомолку девушки-стенографистки над «бурными», наш оратор лучших знает, у него, несмотря на солидный возраст, слух стопроцентный...

О, как далеко от нас и как близко чеховское время! Эх, Антон Павлович, Антон Павлович!.. Если б Вы знали, как Вы нам нужны! Мы создали нового человека, новых людей, и как было бы приятно, как было бы приятно, если б Вы могли с ними познакомиться!

И если бы Вы вновь взяли за перо!..

О, боюсь, однако, как бы Вас после двух-трех рассказов не обвинили в мелкотемье, и напрасны будут тогда Ваши попытки оправдаться: будто бы в литературе мелких тем и нет, что это только у мелких писателей произведения, написанные даже на исполинские темы, получаются карликовыми и пустячными...

Ведь вся Ваша беллетристика – прекрасное тому доказательство. Возьмем, к примеру, хотя бы «Смерть чиновника»: маленький человек, дореволюционный винтик, как-то чихнул и чуть брызнула голову генерала и с тех пор лишился душевного покоя...

Ну что это за тема? По нашим понятиям, конечно, мелкая, а вот перед нами зримо вырисовывается жизнь целого народа в определенную эпоху...

О, нам не только Вы нужны, Антон Павлович, нам и Свифт нужен, Джонатан! У нас и для него найдутся уникальные, умопомрачительные темы!

Да не станем же мы ему предлагать заурядно-простые... Мы ему...

Вот, например, вроде этого: «Писатель и ученый». В том городе, где в газете была напечатана эта юбилейная статья, многие знают, что этот писатель и ученый в то же время является председателем жилищно-кооперативного товарищества, но не знают главного: чему посвящает больше времени наш семидесятилетний юбиляр, – служению науке, мукам слова или поискам шпингалетов и чешских цветных унитазов...

О (о-о, опять «О!»), боюсь, боюсь, что Свифт, Джонатан, отмахнется даже от такой темы и, возможно, гневно пошлет нас к чертям собачьим, не хочу, мол, вновь возвращаться в Лилипутию...

* * *

Это произошло в канун всеми нами почитаемого всенародного праздника: в столице одной из наших республик в магазине хозяйственных товаров «выбросили» на радость людям глиняные ночные горшки...

Случайно проходивший мимо профессор Д. Д., не побоявшись столпотворения и несмотря на свой третий юбилейный возраст, тоже ринулся в бой, ибо многие годы мечтал иметь такой горшок, алюминиевый казался холодновато-неуютным для его старых костей, а глиняный, по воспоминаниям детства... мм...

К счастью, обошлось без поломанных ребер, без увечий достался ему горшок, и вот теперь с этим неожиданным подарком судьбы идет он, заслуженный деятель науки, по улице в приподнятом настроении и думает о том, сколько радостей бывает, черт побери, в

нашей жизни: сегодня – этот горшок, вчера – поезд пришел только с трехчасовым опозданием, позавчера утром – раздобыл туалетную бумагу, а вечером по талону получил полкило сыру и килограмм мяса (это не злопыхательское преувеличение – в городе Тбилиси на эти продукты карточная система, только с той разницей, что масло дают регулярно, ежемесячно, а сыр и мясо – к большим праздникам: к Новому году, к 1 Мая и 7 ноября), а неделю назад, слава тебе, господи, какая-то молоденькая девушка, судя по белому халату, выглядывавшему из-под пальто, вероятно, студентка-медичка, даже не встретившись прямо с его устало-умоляющими глазами, уступила ему в троллейбусе место, и он, удивившись ее такому благородно-героическому поступку и несказанно обрадованный тем, что в нашей жизни еще можно встретить мифического человека, подарил ей настольный календарь на 1986 год, легко распрощавшись с той радостью, которую доставило ему данное приобретение.

Да, много радостей в нашей жизни, их даже не счесть!

И вдруг от таких радужных дум его отрезвил вопрос одной немолодой дамы, чьи обе руки были заняты авоськами, туго набитыми облепленной землей картошкой.

– Простите, где Вы его купили?

– Что? – очнувшись, спросил седовласый профессор без единого волоска на голове и чисто выбритый...

– Да этот!

– Что «этот»? – Доктор искусствоведения еще витал в сладких мечтах...

Дама была вынуждена назвать вещь своим именем:

– Да горшок-то, ночной...

– Ах, этот горшок?! Вот недалеко отсюда, дорогая, рядом с антикварным магазином... Но они уже кончились.

– Что Вы! Какая досада! Значит, если и побегу, не достанется, да?

– Уверен, что нет. После меня лишь один оставался, да и то с поломанной ручкой.

И заведующий кафедрой изящных наук, сделав несколько шагов вперед, словно попал в окружение... Некоторые, вытаращив глаза, поспешно, даже без извинений...

– Ой, где Вы его достали?

– Где дают?

– Где Вам так повезло?

Выйдя из окружения смертельно усталый – всем надо отвечать одно и то же, – и чтобы избавиться в дальнейшем от таких расспросов, профессор попробовал сунуть горшок в пузатый портфель, но не удалось: место было занято рукописями его научных изысканий по древнеримскому театру... Да и газет, черт возьми, нет под рукой, чтобы завернуть и скрыть его от завистливых взоров... А ездить на такси он возненавидел еще с тех пор, когда таксист, не спросив разрешения, посадил в машину какую-то расфуфыренную даму, а их каким-то роковым образом приметил жена, и, когда он вернулся к родным пенатам, на почве ревности она применила к нему все приемы каратэ, подпольные курсы которого только что окончила с отличием.

...Освободившись от этого кошмарного воспоминания, он вспомнил, что дом его еще далеко-далеко, и он сел в автобус, но и здесь... «Где Вы... где Вы... где Вы...» и, почувствовав, что без инсульта ему до дому не добраться, сошел на первой же остановке и со всей силой грохнул о тротуар свою давнишнюю мечту, так быстро истаявшую великую радость свою – горшок, ночной горшок, глиняный ночной горшок!

От него каким-то чудом только ручка уцелела...

Для нашего времени и для нас это, конечно, мелкая тема даже «для небольшого рассказа» («Подумаешь, временные затруднения, длящиеся всего десятки лет!»), а Чехов, взявшись за нее, кто знает, может сотворил бы что-нибудь бессмертное...

* * *

А это было давно, но не так уж давно, примерно в конце той пятилетки, которую называли пятилеткой качества...

(А что, до того все предыдущие пятилетки были некачественными?!).

...Приехал в Москву впервые один наш довольно известный поэт (А. Б.) в том возрасте, когда любовные стихи пишут только по очень далеким воспоминаниям, приехал, как говорится, и на людей посмотреть, и себя показать – а вдруг книгу издадут, которая, кстати, кроме него никому не нужна, – да и кое-какие покупки сделать.

(Ах, если б он сейчас собрался ехать, я его очень-очень попросил бы привезти мне из Москвы хоть одну скляночку йода: благодаря неплановому хозяйству Афродита из морской пены чаще появляется у нас в Черном море, чем, благодаря плановому хозяйству, йод появляется в наших аптеках!).

...Конечно, он и не надеялся, что даже в столице купит что-нибудь без очереди, поэтому, увидев в Парке культуры и отдыха имени Горького длинный «шлейф», исцеляющей трусцой побежал туда и, минутой простояв, спросил впереди стоявшего человека в полосатых брюках...

В брюках-то брюках, но, однако, женщину, и спросил на ломаном русском языке, что, мол, здесь дают... Женщина в полосатом, видимо, сразу смекнула, что он, несомненно, инопланетянин, только что спустившийся на нашу грешную землю на летающей надежде, и, сдерживая красивую русскую, окрашенную в явное гостеприимство улыбку, ответила:

– Подойдете и увидите.

И немолодой грузинский Растиньяк, думающий покорить столицу нашей Родины своей поэтической персоной, видит, что очередь быстрее увеличивается сзади, чем уменьшается спереди, и, что самое странное – в нее становятся одни женщины, которые с нескрываемым интересом (как емуказалось) и почему-то пересмеиваясь, поглядывают на него...

А его-то не покидают радужные думы; наверно, дают что-нибудь сугубо женское, и тем лучше: все равно что будет – купит и обрадует жену – поэтессу, и она это вполне заслужила. Уже сколько чудесных стихов написала она, милая, о личной Продовольственной программе!

...И вдруг подходит к нему не очень молодая, на удивление голубоглазая цыганка (?) и говорит:

– Дайте мне пять рублей и я уступлю Вам свою очередь. Вон где я стою...

Наш поэт так и поступил, и теперь, когда он сильно продвинулся вперед и почти подошел к заветной цели, то обнаружил доселе ему неведомую, черт побери, женскую передвижную вагон-уборную!

Ну, чем же плохой сюжет для небольшого рассказа в чеховском духе, а? У меня и название придумано:

«Великое чувство очереди»,

или же

«Приобретенное чувство, ставшее врожденным».

* * *

Ах, Виктор Петрович, в какое удивительное время мы с Вами живем, то есть в удивительно хорошее время живем! Ощутить это больше Вас могу я, ибо дольше Вас жил в то удивительное время, когда...

В одном неприступном и засекреченном месте неизвестно откуда взявшийся телефонный разговор оставил сомнительно-тревожный след; в нем звучала одна странная фраза:

– А как эту операцию комментирует радиостанция Кантере?

...И пошла писать губерния: моментально десятки людей были брошены на поиски местонахождения «тайной вражеской станции Кантере»... Кого только не притянули за уши, и всем в упор одни и те же слова:

- От нас ничего не скроется. Мы все слышим, все видим, все знаем! Мы и это знаем, конечно, но мы хотим, чтобы ты сам признался: где спрятана радиостанция Кантере?

...И, несмотря на чистосердечные признания – не знаем, не ведаем, не слышали, – в конце концов «вражеская радиостанция» была обнаружена: она оказалась... в правом ухе Абрама Исааковича Кантере, старого коммуниста, бежавшего из оккупированной Одессы и нашедшего гостеприимный приют в Тбилиси!

В то время Кантере читал лекции по коммунистической этике в вечернем университете марксизма-ленинизма и носил постоянно слуховой аппарат (оглох во время дежурства на крыше от разорвавшейся вблизи бомбы), который товарищи-коллеги за его громоздкость шутливо окрестили «радиостанцией», соединив в одно понятие лектора Кантере и его аппарат...

Да, в удивительное время мы с Вами живем, Виктор Петрович!! Что там «Кантере»! Вот Вы пишете, что в каком-то районном грузинском городишке можно купить и самолет, и автомат, почти так же, как в Америке – чуть ли не космический корабль многоразового использования.

(Кстати, раз речь зашла об оружии, так хочется мне обратиться к Вам – проницательному писателю-фронтовику, знающему толк в огнестрельном оружии, с совершенно непостижимым для меня вопросом: вот в Америке, где, по нашей статистике двадцать миллионов угнетенных негров, где недовольных своей неграмотностью 30 миллионов неграмотных, где три миллиона бездомных, восемь миллионов полуголодных безработных, а совсем голодных, увы, даже не счесть, – ведь это громадная революционная сила, тем более, когда ее авангард – коммунистическая партия – имеет свою бесцензурную печать, и, что самое главное, в стране, где любое оружие продается на каждом перекрестке свободно, без ограничения, стало быть, и вооружаться нетрудно (а деньги найдутся!), – почему же в такой стране не совершаются революции и даже и слабых попыток не бывает к низвержению власти кучки эксплуататоров-богачей?!).

... Да и здесь, то есть в районном центре Грузинской ССР как и в Соединенных Штатах, никто не спрашивает, кто это оружие изготовил, как изготовили, где изготовили, и вообще, никому в голову не приходит, хотя бы в интересах безопасности государства, вовремя пресечь эту незаконную куплю-продажу и изолировать от общества продающих и покупающих в провинциальном Зугдиди самолеты ТУ-154 и автоматы Калашникова разных калибров...

Боже, какое это счастье! Так хочется жить и жить, и писать сатирические опусы, только без...

Чехов был гений, но и он вряд ли раскрылся бы в тисках нормированной правды, а мы – тем паче... (В этом множественном числе я подразумеваю, естественно, не Вас, а себя и себе подобных).

А разве история с «радиостанцией Кантере» плохой «сюжет для небольшого рассказа»? Да и вообще, неужели наша жизнь дает мало сюжетов и для больших сатирических полотен?!

О-о, на этот счет и Антон Павлович нам бы позавидовал, так бы нам позавидовал!

(При Чехове в Российской империи выходили десятки еженедельных – каждое воскресенье! – сатирико-юмористических журналов, а теперь один «Крокодил» на 270 миллионов населения, да и тот выходит в месяц три раза...

Кстати, и в названии есть что-то «заморско-импортное»: ну, где у нас водятся крокодилы, в Белом, Черном морях или, может, в Енисее, а?!).

* * *

...Был у нас великий актер Хорава, и, по мнению авторитетных русских театральных и литературных критиков, в том числе и известного шекспироведа М.Морозова, один из лучших созда телей образа Отелло в мировом театре; человек, наделенный всеми существующими у нас регалиями, званиями и десятком общественных нагрузок, он все же более всего дорожил креслом директора театра им. Руставели...

И однажды, когда наверху подумали, что народ, кажется, приклонил голову к подушке и задремал, раздался внеочередной рев-призыв об усилении критики и самокритики, и Хорава, немедля собрав труппу, выступил перед ней, постепенно повышая свой удивительно бархатно-громовой голос:

– Товарищи, нам нужна критика и самокритика, как воздух, как хлеб, как вода родниковая! Без них мы, нет и нет, не сможем семимильными сталинскими шагами идти вперед, к коммунизму! Так что, товарищи, давайте выступайте с критикой и самокритикой! Смелее, смелее выступайте – будто бы вы в английском парламенте времен Кромвеля! Критикуя себя, и меня критикуйте, товарищи! – и он пудовым кулаком так ударил об стол, что стоявший на нём графин с «родниковой водой» затанцевал, как во время землетрясения во столько-то баллов, когда «жертв и разрушений нет»; а последние призывные слова – «и меня критикуйте» – произнес с такой интонацией, что сидевший неподалеку молодой режиссер (М. Т.) от испуга упал со стула в обморок, и пришлось вызвать «Скорую» для его реанимации...

Ну, что скажете, чем это не сюжет для небольшого рассказа в чеховском духе, и разве он до некоторой степени не напоминает Вам «Смерть чиновника»? Разница только в том, что в отличие от забитого, трусливого Червякова этому нашему независимому молодому гражданину (ныне народный артист СССР, вполне заслуженно, по таланту), вернувшемуся с фронта со шрамами на лице, не боявшемуся пуль смельчаков-фрицев, здесь у себя дома уже в мирное время даже призыв вышестоящего товарища к критике по своему адресу показался опаснее пуль иноземного захватчика... Возможно, у него была в то время болезненно-обостренная фантазия на почве контузии, но, а так... вообще... мм... Критика и самокритика может ли заменить любой, даже, скажем, тихий исландский парламент, а социалистическое соревнование, замечу попутно, здоровую конкуренцию?!

Но это, между прочим, и, разумеется, между нами... Ни гу-гу, пожалуйста! Что делать, в моих ушах, может, теперь и без основания, но до сих пор звенит предостережение «подпольной радиостанции Кантере»:

Лишь бы хуже не было, пока, славу богу, плохо...

* * *

Летом в Тбилиси иногда так печет солнце, что под его прямыми лучами в течение пяти минут может свариться яйцо, а наши вышестоящие товарищи, начиная с министров, и в такое пекло ходят в костюмах, большей частью в благородно-черных, видимо, чтобы выделиться из толпы, облаченной в белые сорочки, и показать ей, как они серьезны и солидны, как они мудры и погружены в думы и заботы о благе государства и народа тоже, разумеется.

(А американский президент без всякого стеснения даже на пресс-конференциях перед критикующими его журналистами может появиться в тенниске, вовсе не думая о том, что он этим демонстрирует узорность своего мышления и плохое воспитание).

При жизни Сталина – я это точно знаю по рассказу тогдашнего большого начальника, а теперь пенсионера союзного значения – работникам Центрального Комитета Коммунистической партии (Грузии) давали наставления, чтобы они дружили только между собою, чтобы в гости ходили друг к другу, а не яшались со всякой «шантрапой»!

И это после священной войны – «Вставай, страна огромная»...

При такой развитой клановой демократии неудивительно, конечно, что, когда умер один из секретарей Центрального Комитета (Топуридзе), в траурном объявлении в «Вечерке»... Такие-то извещают о смерти такого-то, жены остальных здравствующих секретарей извещали об этом совместно и притом строго придерживались официального чередования: жена первого секретаря, чья фамилия начиналась чуть ли не с последней буквы алфавита, значилась первой, а второго – второй...

Но допустим, я-то пятый секретарь, но фамилия моя начинается на «А», к тому же моя жена старше по возрасту всех остальных жен, и если не красивее их, то, безусловно, умнее, и все же она должна быть, исходя из занимаемого поста мужа, в хвосте соболезнующих?!

* * *

Ваш бывший сокурсник «Отар» пишет по-русски, нет сомнения, еще хуже, чем говорит.

Меня никто и не спрашивает об этом, но – что делать – люблю прихвастнуть: в смысле орфографии пишу лучше, чем говорю. Ну, если, например, «Отар» написал бы – «Адеса швитить вопасно», я бы... «С Одессой шутить опасно».

Да-да, опасно! Одесса, наряду с Ленинградом, Севастополем и Сталинградом, первой получила в 1945 году звание города-героя, а Сталин, как известно, таких высочайших титулов по знакомству не раздавал.

Даже Москву не удостоил этой чести, где он, кстати, в самые тревожные, критические дни оставался без малейшего видимого страха и паники, словно неприступный утес, и своим непосредственным присутствием и неутомимой повседневной работой в столице вдохновлял ее защитников, в том числе и бойцов-сибиряков, на битву с осатанелыми «арийцами», отчаянно рвущимися к своей близко, как им казалось, уже перед их не длинным, а коротким носом находящейся победе...

А если б Сталин удрал из Москвы, скажем, на Урал или в Куйбышев, куда в свое время отправил почти все правительство, и, стало быть, показал бы немцам пятки, что было бы тогда?!

Оказывается, мудрое полководческое мужество можно проявлять и в кабинетных условиях, а оно, когда встал вопрос – жить или не жить Советской стране, – сыграло существенную роль в победе «над коварным и сильным врагом» (Г. К. Жуков).

Монархист В. В. Шульгин однажды сказал своим сотоварищам-белоземлякам: «Нам незачем обижаться на Сталина. То, к чему мы стремились и не смогли сделать для России, сделал для нее Сталин. Он еще больше расширил ее границы».

(Думается, небезынтересно будет Вам узнать, что в начале шестидесятых годов была снята документальная кинолента «Диалог. Ф. Н. Петрова с В. В., Шульгиным». Кстати, оба они были почти ровесниками, и оба прожили без малого по сто лет.

Уж точно не помню, каким чудом удалось мне тогда попасть в небольшой зал «Мосфильма», где показывали эту только что законченную картину, но помню хорошо, как на экране обменивались совершенно противоположными мыслями и аргументами, порою даже пикировались последние из могикан: Шульгин – ярый монархист, Петров – ярый коммунист, член партии с 1896 года, долгое время занимавший пост заместителя главного редактора Большой Советской Энциклопедии.

Тогда у меня от фильма осталось такое впечатление, как будто старейший монархист Шульгин со своими доводами, правдами и неправдами сильнее старейшего большевика Петрова. Наверное, такое же впечатление создалось и у более, чем я, проницательных людей, к тому же власть имущих, поэтому его сразу же положили на самую-самую высокую, запретную полку).

Да, Одесса достойна нашего уважения еще и потому, что она дала нам прекрасных

писателей и музыкантов, в особенности в двадцатые-тридцатые годы... Один Бабель чего стоит! А Ильф, а Утёсов, а Гилельс?!

По-моему, и сибирякам следовало бы не меньше уважать Одессу, ну, хотя бы потому, что Новосибирский театр «Красный факел» зародился именно в этом городе в голодном и нищем 1920 году.

Между тем, Вы не только «грузинов-пескарей» высмеиваете, но иронизируете и над «плешивыми одесскими мыслителями»...

Нехорошо! Клянусь Юпитером, это нехорошо, Виктор Петрович!

Ведь, может быть, именно какой-нибудь их предок, настоящий мыслитель, ну например, Шолом Алейхем или Шолом Аш, а возможно, Давид Фридман устами Менделя Маранца высказал ту крылатую мудрость, передавать которую перед сном в программе «Итоги дня» так любила

«радиостанция Кантере»:

Когда еврей плачет – не верьте, ему хорошо живется!

К слову, среди защитников Одессы было и немало евреев. Но они, впрочем, не только за сохранность «своей» Одессы сражались...

Одно время я был знаком с евреем, вовсе не одесситом – дважды Героем Советского Союза... Нетрудно представить, сколько героизма он должен был проявить, чтобы удостоиться такого высокого двукратного звания. В Доме творчества может и нетворческий «плешивый мыслитель» получить по благу солнечную комнату, но в войну стать Героем по благу, да еще дважды... Нет и нет! Вы словно руководствуетесь девизом – ради красного словца не пожалеть и собственного отца, – и греческого армянина-репатрианта не щадите: не зная русского языка, других учил русскому...

Это, конечно, пахнет нахальством, но этот его грешок легко могут искупить даже одной лекцией другие армяне: специалист в области русского языка Бархударов, член-корреспондент Академии наук СССР, или Будагов, тоже русист и тоже член-корр., или Аванесов Рубен Иванович, человек точь-в-точь с такими же данными.

Так что могу, кажется, воскликнуть: хорошее знание русского языка – это привилегия, пожалуй, не одних лишь русских... И представители маленьких народов могут кое-чем обогатить, и не только русскую языковедческую школу...

И вообще, вряд ли следует «русофилам» бояться, что «инородцы» где-нибудь или в чем-нибудь займут их места. В Москве, к примеру, около тридцати драматических театров, а в шести или семи из них в качестве главных режиссеров евреи, но они не занимают чужие места, которые, между прочим, до их прихода долгое время были свободными.

* * *

Однажды Николай II пригласил обер-прокурора Синода Победоносцева на завтрак. Я бы назвал этот завтрак деловым, ибо Самодержец Всея Руси между первой и второй чашкой чая почти просительным тоном сказал своему сановнику, что, мол, такого-то такого, давно уже почившего, следовало бы причислить к лику святых... Победоносцев, которого все мы из наших так часто в угоду конъюнктуре меняющихся учебников истории знаем как холуя и до мозга костей монархиста (не потому ли был дружен с ним Достоевский?!), вежливо, но категорически отказал царю: ни Вы, мол, Государь, и ни Священный Синод не вправе причислять кого-либо к лику святых... Это дело народа, и только народа, только народ имеет на это право...

(Можно ли хоть на минуту представить себе такую ситуацию: вовсе не Самодержец, а просто-напросто наш товарищ Сталин или наш товарищ Хрущев, или наш товарищ Брежнев вдруг захотели бы возвести кого-либо в какой-нибудь ранг, присвоить высокое звание, а против этого пошел бы... мм... Нет, не могу докончить... Во мне просыпается старый рефлекс – трясется поджилки, мутнеет сознание)...

...И вот, если б и в наши дни практиковалось причисление к лику святых и это на самом деле зависело бы от народа, как Вы думаете, Лихачева Дмитрия Сергеевича не возвели бы в сан святого?!

Но с одним условием: для того, чтобы получилось действительно всеобщее ликование, необходимо повторение той телевизионной передачи, в которой выступил Дмитрий Сергеевич и которую не все посмотрели в ту незабываемую ночь, поскольку не ожидали «явления Христа народу» в наш советский атеистический век!

Один (впрочем, только ли один?) известный писатель с красивой фамилией чуть ли не с юношеских лет до хрипоты славословил – и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневле, – возглашая, «Мы живем в героическое время, мы живем в героическое время, мы живем в героическое время», и за это ему к первой же юбилейной дате преподнесли высочайшее звание Героя Социалистического Труда, а вот Лихачев, великий труженик и великий интеллигент, такого признания не удостоился даже в 75 лет! И что ж?

Тот Герой, писатель-академик, хотя часто выступает по телевидению, но лично я слушаю его так, будто читаю в «Крокодиле» рубрику «Нарочно не придумаешь», а вот академика Лихачева Дмитрия Сергеевича...

Особенно до глубины души меня потрясли его слова о том, что надо беречь маленькие народы, их литературу, их фольклор, их самобытность...

Эх, Виктор Петрович, если б Вы знали, как легко большому народу покорить сердце маленького народа!

Вот я теперь уже нисколько не сетую на то, что наши ребята строят в Вологодской области коровники и сушильницы, ибо этот край, оказывается, является родиной Василия Белова, того Белова, который на съезде писателей сказал:

«Меня, русского человека, отнюдь не радует, допустим, перспектива медленного, постепенного исчезновения одного народа, его полного слияния с другими народами. Какая тоска пришла бы на Землю, какая скука нахлынула бы, если бы остался всего один язык, похожий на эсперанто! Зачем мне такое будущее, если люди будут есть одинаковую еду, носить одинаковые одежды, строить одинаковые жилища?»

(Будь жив сейчас А. Н. Островский, первым заплотировал бы В.И. Белову, ведь и он, великий драматург, обожал многообразие жизни; побывав в Грузии незадолго до смерти, в 1883 году, он, например, писал:

«...красота жителей, их живописные костюмы — все это способно наполнить восторгом самую черную душу. На станции Самтредиа огромная толпа народа: и лица, исполненные экспрессии, и костюмы... так картинны, что смотришь на них уже не с удивлением, а с изумлением, и думаешь, не сон ли это?..»

Увы, ни экспрессивных лиц, ни живописных костюмов теперь больше нигде не встретите в Грузии).

Не буду скрывать, что я рад и немного даже горжусь тем, что, не будучи сыном великого народа, ни Героем, ни ветераном ни войны, ни труда и ни партии, даже и не медаленосцем «За оборону Кавказа», еще несколько лет назад написал что-то подобное (Вам придется поверить мне на слово, перевод точный):

«Хотя в студенческие годы я и получил по марксизму круглую пятерку, но все-таки и тогда не знал, да и теперь не знаю, говорил ли вообще Маркс – а если да, где именно? – о слиянии наций наподобие винегрета... А если действительно говорил, то извиняясь, с должным уважением, но не раболепно (ведь Маркс всю свою жизнь боролся против рабства!), я не побоюсь сказать

его великой тени: само по себе, без огня и меча, подобное никогда не произойдет, а если и произойдет, то тогда жить на свете и не стоит: мир будет походит на огромное пастбище, – выходи рано утром, как скотина, траву щипать и гляди на твоих двойников, как они пасутся»...

К этим словам я, окрыленный выступлениями в последнее время таких славных сынов русского народа, как Лихачев, Солоухин, Евтушенко, Вознесенский, Белов, о пагубности «слияния наций», добавил бы следующее: все мне известные малочисленные народы нашей страны с огромной болью в сердце воспринимали и воспринимают то и дело провозглашенные «по-марксистски», «научно» обоснованные «теории» о «слиянии советских народов» некоторых современных русских философов и социологов, академиков и профессоров, типа федосеевых, рыбаковых, бромлеев... Мы, небольшие советские народы, рассматриваем это как продолжение плохо завуалированной политики царизма, политики обрусения и русификации «иностранцев»...

«Слияние» акулы с хамсой – это всегда в пользу ненасытного брюха акулы, но и хамса тоже хочет жить, и жить как хамса!.. И разве это преступление против природы с ее стороны?!

Не думаю, что гуманнейший и интеллигентнейший Дмитрий Сергеевич рассердится на меня, если я выскажусь в том духе, что и маленькие народы нашей страны – неславянского происхождения – армяне и киргизы, литовцы и латыши, евреи и грузины и многие другие не обедняют, а, наоборот, по-своему обогащают русскую культуру... Конечно, она и без нас обойдется, но, как говорится, чуть больше масла кашу не испортит. Вот, к примеру, какой же урон понесло современное русское искусство от того, что спектакль «Пушкин» в Московском государственном театре балета СССР оформил грузинский художник? Давайте лучше на этот счет познакомимся с мнением патриарха советского русского танцевального искусства Игоря Моисеева:

«Органична сценография И. Сумбаташвили. Художник взволнованно передает настроение, душевное состояние героев, Болдинскую осень, хладность петербургского света, сгущающуюся мрачность последних дней поэта». («Известия», 12.08.86).

Не думайте, пожалуйста, что Иосиф Сумбаташвили давно обрусел или же он «грузин московского разлива»: он уроженец одной из окраин города Тбилиси, даже не вполне сносно говорящий по-русски... А вот проникся же пушкинской эпохой до мельчайших подробностей!

...Иногда непривычное, которое исходит от малых народов, может, и режет глаз и ухо, но оно не должно затуманивать разум большого народа только потому, что он большой...

Вот у Вас в «Пескарях», например, все грузины то «орут», то «кричат на своем языке»... И Вы не можете скрыть своего раздражения.

Насколько я знаю, Вам пока еще не довелось побывать в Италии, но зато точно знаю, что Гоголь в этой стране не только побывал, но и жил там некоторое время, и его ничуть не удивляло, что итальянцы везде и всюду, почти везде и всюду громко-громко, «страшно» громко говорили «на своем языке»...

С тех времен в области, так сказать, разговорной речи в Италии ничего не изменилось, даже, может быть, «крик» усилился, ибо теперь итальянцам приходится кричать с одного тротуара на противоположный: – «Чао, синьор Феллини!» – «Как дела, Марчелло?» – под грохот проезжающих машин.

И думаю, если б Вы стали свидетелем подобных «перекличек», то не сочли бы это за национальный недостаток итальянцев, ибо это великий народ, их почти 60 миллионов, и Вы не стали б над ними подсмеиваться.

Не считите, пожалуйста, за поучение, но скажу все-таки: народы-южане, как правило, даже не сердясь, «орут» и «кричат» на собеседника и при этом чрезмерно жестикулируют, а вот финны, шведы, норвежцы, исландцы – народы-«молчуны»; они не кричат и не орут,

даже если, допустим, жена застанет мужа с чужой женой, а муж – свою жену с чужим мужем.

К сожалению, я никогда не бывал в Сибири, ни тогда, когда был полусвободным, и ни тогда, когда совсем не был свободным, так что не могу знать, в какой тональности говорят сибиряки, но думаю все же, наверное, чуть громче, чем вышеназванные северные народы... Может, потому и запротестовало Ваше чуткое ухо против нашего «оранья».

Да и вообще, мною давным-давно замечено, и это всегда меня удивляло, что спесивым, претенциозным англичанам языки маленьких, даже колониальных народов не кажутся неблагозвучными, режущими их мелодичный слух, а вот неспесивым, непретенциозным русским-то... даже имена грузинские...

Не могу не вспомнить для наглядности одну мою «драматическую историю», связанную с Вашим земляком, иркутянином Охлопковым Николаем Павловичем... С этим знаменитым в то время режиссером был дружен один мой знакомый грузин, человек весьма порядочный, но с одной слабинкой: любил греться в тени талантливых людей, но и со своей стороны стремился доставлять им тоже радость. Он отлично готовил грузинские блюда, а Николай Павлович, мужчина баскетбольного роста, прекрасно разбирался в том, что вкусно и что невкусно...

И вот однажды мой соплеменник, зная мои страдания как драматурга, попросил Охлопкова считать одну мою комедию, но мэтр, перелистав две-три страницы, вернул пьесу обратно:

- Знаешь, Саша, меня раздражают эти ваши имена и фамилии... Они неудобоваримы...

До этого в его театре была поставлена какая-то японская пьеса и японские имена, и фамилии, как, например, Хидадзи Одзадзи, надо полагать, его не раздражали, а вот грузинские...

Итальянские имена, скажем, «Андже», «Джинджер» его никак не могли разнервировать, а вот грузинские «Андро», «Джимшер»... мм... И грузинские фамилии, например, такие, как Абуладзе, Камарели, Гелашвили, его вывели бы, наверное, из равновесия, а вот такие русские фамилии, как, например, Почечуев или Выхухолев (теперешний корреспондент телевидения в Японии), в его ушах прозвучали бы, вероятно, колыбельной...

Раз речь зашла о театре, воспользуюсь случаем и признаюсь в данном случае Вам как драматургу, что я хоть и не являюсь опытным рыбаком, но, в частности, в светлом московском театральном море тоже мог бы наловить «пескарей» не меньше, чем Вы – в наших мутных водах...

Если под интеллигентностью подразумевается честность, порядочность, бескорыстие, нелживость, то есть неприязнь к запланированному вранью, то тогда в столичной театральной среде я не встречал ни одного интеллигентного человека, кроме покойного Юрия Александровича Завадского и ныне здравствующего Валентина Николаевича Плучека...

Правда, в коротенькой беседе с последним я так и не понял, читал ли он вообще мои сатиры, из-за которых я уже нажил два инфаркта, но зато он открыл мне глаза на Маяковского: до этой беседы я не считал моего прославленного земляка («Да, я грузин, но не старенькой нации...», «Грузин я, но не кинто, озорной...») величайшим драматургом и его «Клопа» тоже не рассматривал как выдающееся драматическое произведение.

Творения высокого уровня (как, например, многие пьесы Островского) и в среднем театре и в посредственной постановке более или менее получают и без обогащения спектакля музыкой и танцами, песнями и цирковым фейерверком, а вот «Клоп» много лет назад даже в театре имени Маяковского не удался, и, насколько знаю, вновь поставить его не собираются.

И кто знает, может быть, это и лучше для Маяковского как драматурга: пьеса эта написана в 1928 году; главный ее персонаж Присыпкин, клоп, как говорится, с мурлом мещанина... Идея пьесы в год ее написания заключалась в том, что через пятьдесят лет, то

есть в 1979 году, Присыпкина, чуть ли не как доисторическое ископаемое, выставят в зоопарке перед нашими потомками для всеобщего обозрения в единственном экземпляре.

Очень, очень жаль, что предвидение большого поэта не оправдалось: по моим подсчетам, конечно, приблизительным, в 1979 году клопов-Присыпкиных насчитывалось в нашей стране не единицы, а миллионы!

Но, возможно, за последние семь лет их ряды поредели, а?!?

Бюрократия – это гигантская сила, приводимая в действие пигмеями.

О. Бальзак.

Нет, нет, Виктор Петрович, Вам явно повезло: увидеть столько ослов – натуральных! – всего раз проезжая по Западной Грузии, да еще при скорости 90-100 км в час!

Ведь мы, грузины, – и гурийцы, и имеретины, и мегрелы – постоянно живя в тех же местах, редко, вернее, почти совсем не видим ослов натуральных, а не натуральных, о-о...

Ну как же мне не вспомнить один эпизод из моего далекого прошлого: на рассвете холодного февральского утра 1942 года, как всегда, внезапно открывается дверь (не из фанеры!) моей рассчитанной на двоих «палаты», куда невидимая, но мне уже хорошо знакомая сила вталкивает потрясенного, дрожащего, находящегося почти в шоке, словно очутившегося в филиале преисподней, немолодого мужчину...

К стыду своему, я был рад его появлению в моих «апартаментах»: трудно и тоскливо, ох, как тоскливо, быть одному, где бы то ни было, тем более «там», где днями, а то и месяцами не видишь ни кусочка неба, ни пяди земли...

И вот ликуй, Сталин-бог послал тебе коллегу, новенького «Захара Кузьмича», а ты, давно оторванный от внешнего мира, можешь теперь узнать от него последние новости – и дела фронтовые, и дела тыловые, также и города, в самом центре которого находишься, но давно уже не знаешь, кто, к примеру, из известных ушел из жизни сам, а кого «увели» из нее (а вот кого отсюда выпустили, об этом и спрашивать не стоит, ведь знаешь, чудес в нашей жизни не бывает).

Но радость моя оказалась преждевременной: три дня понадобилось моему сокамернику, чтобы прийти в себя, да еще два дня – мне, чтобы заслужить его доверие.

Он оказался рабочим паровозо-вагоноремонтного завода им. Сталина (к слову, на этом заводе на заре века работал М. И. Калинин, его станок и поныне сохраняется как реликвия), арестованным за то, что не поспешил выявить безмерную радость и бурный энтузиазм по поводу выпуска нового, очередного займа и после торжественного обще заводского митинга не побежал сразу в цех подписываться...

Да еще имел глупую неосмотрительность на вопрос мастерам – Ты что, Капитон, не собираешься подписаться? – ляпнуть в ответ:

– Подпишусь, а как же! На этом заводе три тысячи ослов, а я что, не из этого же стада?!

Вот из-за этого-то «осла» и «стада» и заработал наш «ездок» десять лет целковых и ни копейки меньше, да и потом ко времени истечения срока могли прибавить еще, в зависимости от меж-дународного и внутреннего положения страны, а оно, как Вам известно, никогда не было безоблачным.

...Камера наша, прозванная «Захарами Кузьмичами» инкубатором, была настолько крохотной, что в знак утреннего приветствия мы, не вставая с постели, пожимали друг другу руки...

А по вечерам, когда черные тучи скорби еще больше окутывали нас, хотя ни он, ни я не обладали ни певческими способностями, ни музыкальным слухом (он-то с трудом отличал траурный марш от «Интернационала», а я только приблизительно мог воспроизвести горячо любимый мной «Танец маленьких лебедей!»), все же отваживались петь, но петь, конечно, так тихо, чтоб только нам было слышно:

Широка страна моя родна-а-ая...
...Я другой такой страны не зна-а-аю,
Где так вольно дышит челове-е-ек...

...Ну, теперь на радость миллионам и миллионам подул другой ветер, настолько теплый, что не верится – и впрямь северный ли он? Да, северный, а все-таки такой мягкий, освежающий, душу и тело ласкающий...

Нас даже призывают мыслить, мыслить по-новому, но мы, увы, и по-старому давно уже не мыслим, даже и не помним, когда нас отучили мыслить.

...Мы теперь, как Маугли: заново должны учиться ходить, выпрямившись, а не на четвереньках, думать, размышлять и говорить без страха, без боязни...

Маугли боялся не зверей, а людей, а мы, люди, боялись...

О, это во сто крат страшнее, когда человек боится получеловека, вынужден рассыпаться передним мелким бесом, кланяться до земли:

– Чего изволите?.. А не беспокоит ли Вас, что я вообще дышу?!

Да, превратить нас ныне в настоящих, полноценных людей – процесс очень сложный, труднообратимый и, по-моему, длительный...

Искоренить настороженность, установить доверие, возродить веру!

Люди моего поколения еще не забыли пресловутую сталинскую фразу: «Сын за отца не отвечает», а на самом деле красивая фраза превращалась в некрасивые дела: не только сыновьям (порой и несовершеннолетним) приходилось отвечать за отцов, но и далеко не близким их родственникам, да еще за несуществующие политические преступления.

(В 1937 году двенадцатилетний крестьянский мальчик Сосо Гвенцадзе подобрал на улице задавленную машиной курицу и повесил на заборе, снабдив ее «предсмертной запиской»: «Потеряв надежду снести в год 380 яиц, кончаю с собой». И за это... мм... В том же году и шестиклассника Анри Буачидзе бросили в тюрьму (там и погиб!) за то, что разорвал фотографию Ежова: «Это он посадил моего папу», ректора сельскохозяйственного института, ныне реабилитированного; в 1943 году арестовали еще совсем мальчонкой – горца Левана Матурели (пятилетний срок отбывал одно время вместе со мною) за то, что он, с любовью перерисовывая с обложки ученической тетради портрет Сталина, одну половину его усов невольюно нарисовал длиннее второй... Кстати, и на Анри, и на Левана донесли их же классные руководители, видимо, побоявшиеся, что если этих «врагов народа» незамедлительно не разоблачат, то и сами они будут репрессированы за притупление бдительности).

Допустим, все это было в «доисторические времена», а вот совсем недавно, при Брежнев, у нас арестовали совсем молоденьких девушек, по сообщению местной печати, за «нарушение общественного порядка».

А на самом деле эти «нарушители общественного порядка» всего лишь своим юношеским горением, не допуская никаких противоправных действий, «боролись» за улучшение именно общественного порядка нашего общества.

Небезынтересно, что одной из «возмутительниц спокойствия» является дочь Реваза Чхеидзе, давно уже немолодого коммуниста, неоднократно депутата, члена высших партийных органов, постановщика прекрасного фильма «Отец солдата»...

Многие: и те, которые «за большие заслуги» уже находятся, как говорится, на заслуженном отдыхе, и те, которые еще только накапливают «большие заслуги», удивлялись и возмущались, как могла вырасти такая антисоветская дочь в такой сугубо советской семье, и упрекали отца, как это у нас принято, трафаретным – когда, где и что проглядел он в процессе идейного воспитания...

Не знаю, право, как на это отвечал отец такой недостойной партийца дочери, но он мог

сослаться на недостаток времени, ведь кинорежиссерам часто приходится отлучаться от семьи, разъезжать в экспедициях, снимать картины...

Да, но... Что тогда сказать о Льве Перовском, генерал-губернаторе Санкт-Петербурга (до покушения Каракозова на Александра II), чья дочь Софья стала революционеркой-народницей и организовала убийство царя...

А ведь он, отец Софьи, в экспедиции не уезжал, семью ни на один день не покидал, ибо «Секретаря райкома» не снимал!

Недавно, точнее, в апреле, в газете «Советская культура» появилась необычайно смелая статья весьма мною уважаемого автора – назовем его условно Евтихием Бойченко, – и если б у нас существовал Институт Гэллапа, который вел бы общественный опрос читателей, то 90% из них восторженно воскликнули бы: «Браво, браво! Молодец, Бойченко!».

Но среди них нашлись бы и менее экзальтированные, вроде меня, которые сказали бы:

«Бойченко, безусловно, молодец, но дважды молодец редактор газеты, решившийся напечатать, судя по старым понятиям, такую явную антисоветчину, но трижды, и не только трижды, но и много-многожды молодец тот, и честь и хвала, и слава тому, от кого исходят такие, доселе немислимые перемены в нашей жизни, в нашей стране!»

Ведь то, что сейчас Евтихий Бойченко говорит п е ч а т н ы м словом, разве многие из нас все это не говорили у с т н о в семьях, в кулуарах, «на воздухе» между собой, на всякий случай поминутно озираясь?

Говорили...

Вот и я с каких пор хочу высказаться всенародно, что колхозы давно уже не оправдывают себя, но разве найдется у нас, фигурально выражаясь, хоть одна гидра, пусть даже с девятью головами, которая решится сегодня это напечатать?!

Хотя та же гидра не меньше меня из нашей долголетней практики знает, что именно колхозы приучили людей равнодушно, пренебрежительно относиться к труду и, что того хуже – к матушке-земле, издавна великой нашей кормилице...

Я пока еще нигде не слышал и не читал, что крестьяне во Франции, в Испании, в Голландии, в Дании покидали бы свои земли и очертя голову устремлялись за счастьем в город...

... Да, Бойченко, повторяю, молодец, но только отчасти, ибо и я, отнюдь не молодец, но во второй части своей «Черной книги» еще два года назад писал:

«...Когда над советским небом нависли черные тучи гитлеровского нашествия и возникла угроза существованию Советской страны, Сталин обратился к народу, так сказать, нежно-ласково: «Братья и сестры...»

Но когда опасность миновала и он вновь прочно уселся в седле, из которого враг намеревался его выбить, и уверенно вдел ноги в стремя, он к тому же народу, уже победившему, но безмерно уставшему, обратился суховато-официально: «Товарищи!»

Даже в тот период, когда Сталина разносили в пух и прах, Илья Эренбург в своих мемуарах все же назвал его «человеком большого ума», и как удивительно, что Сталин, умный человек, не припомнил свою же речь, произнесенную в начале войны и не повторил точь-в-точь те же слова по окончании войны... Это и «драматургически» было бы оправдано, ибо он этим еще больше покори́л бы сердца «братьев и сестер...»

Как видите, совсем простые, безобидные слова, но я их не то что напечатать в газете, даже на ксероксе не мог воспроизвести, а теперь, когда читаешь центральную прессу, жмуришься, боже мой, не сон ли вижу я с открытыми глазами?!

Дай бог, чтобы этот «сон» длился долго-долго, а, впрочем, что значит долго? Навсегда, на вечные времена!

Народ наш, перенесший за многие-многое годы невообразимые невзгоды, неопишуемые страдания, право, этого заслуживает.

Да и просто по-человечески стыдно за человека, если в двадцатом веке еще где-либо в мире может бытовать с р е д н е в е к о в ь е!

* * *

Это я вычитал в нашей же прессе, в рубрике «Зарубежный калейдоскоп»: один молодой датчанин вместо своей фотографии вклеил в паспорт фото одной симпатично-миловидной обезьяны и с этим документом пересек границы Голландии, Бельгии, Франции, Италии, Люксембурга...

А это «вычитал» из нашей сегодняшней жизни: день был прекрасный, и настроение было у меня торжественно-прекрасное, ведь я только что одержал, по шкале Платона, самую большую победу – победу над собой: наконец-то выудил из себя, по моему убеждению, что-то удачное, и вот сейчас с этим «товаром» направился к тому зданию, где помещаются редакции главной газеты республики, ее младшей сестры – вечерней, да еще тонкого женского журнала...

Еще не знаю, напечатают ли, а душа уже заранее поет, и на языке почему-то вертится Маяковский:

Читайте, завидуйте,
я – гражданин

Советского союза.

(В те времена и в этом сочетании «союз» писался с маленькой буквы).

...Вот я открыл стеклянные двери... Нет, я вовсе не удивился тому, что у входа на первом этаже милицейская комната и там же на посту всегда два-три милиционера (гм! «Стране не хватает рабочихрук!»), а удивился тому, что мне преградили дорогу и не пускают...

- Позвони, и если скажут – пустить, то и пустим...

- Но, поймите, я ведь не в лабораторию секретных космических исследований иду, я иду в редакцию, я член Союза писателей, вот Вам книжка...

- Зачем мне книжка, и зачем много говорить?! Без звонка и без пропуска у нас только в церковь пускают. Что, не знаешь?

И он, упиваясь своей властью... Я с ним на «Вы», а он... Ему – под тридцать, мне – за семьдесят...

Но не это испортило мне солнечно-приподнятое настроение, – что ж, простительно, у человека пока лишь среднее образование (в кармане), а воспитание – низсреднее... Впрочем, он, нет сомнения, и этим вполне доволен, ибо и с таким багажом по жизни широко шагает, и если никого не опережает, то и ни от кого не отстает...

Да! Всеобщее обязательное среднее образование (потемкинское!) – отличная питательная среда для всеобщего хамства, которое так многолико и так прочно вошло в наш повседневный быт, что, будь сейчас жив С. И Ожегов, в новом издании своего «Словаря» даже такие ни к чему не обязывающие слова, как: «Спасибо», «Извините», «Позвольте», «Простите», «Винovat» – сопроводилбы словом: «устарелое... устарелое... устарелое»...

В старые времена была чернь и была аристократия. И чернь могла выучиться у знати и вежливости, и хорошим манерам. А ныне не с кого брать пример, ибо все наше общество состоит... Не дай бог, конечно, сказать – из одной амбициозной, псевдообразованной черни, но и не грех заметить, что в нем воспитанных и истинно образованных, по-настоящему интеллигентных людей малая толика, а подавляющее большинство... мм...

...И я с упавшим сердцем, прикрыв за собою стеклянные двери, вспомнил ту обезьяну,

которая так легко и беспрепятственно пересекла границы многих стран несоветской Европы, а меня, советского писателя, обладателя членского билета в ярко-красном переплете, на котором красуется орден Ленина, государственный страж даже в редакцию не пускает без особого пропуска-звонка...

И как же мне гордиться тем, что я... Нет-нет, обобщать не буду...

...И как же мне гордиться тем, что я гражданин одной из советских республик, если приходится завидовать... обезьяне?!?

* * *

Не буду уточнять, когда это было...

Я, может быть, по глупости своей, все же думаю, что Вы эту мою эпистолярную писанину дадите кому-нибудь почитать – пусть даже в наказание! – ну, хотя бы членам своей семьи, а возможно, и Валентину Распутину (был бы весьма рад).

Стало быть, в их лице я обрету энное количество читателей, а раз мы твердо знаем, что наш родной советский читатель самый умный, самый просвещенный в мире, так зачем же им подавать все в раздробленном, разжеванном виде, словно инкубаторским цыплятам, дадим же возможность коенад чем и самим поразмыслить, покумекать...

Итак... На многолюдной улице, в самом центре города, мужчина средних лет, неряшливо одетый, с давно невымытыми, засаленными волосами (в те годы даже осенью редко кто выходил на улицу без головного убора), с лицом со следами былой интеллигентности, как об этом сказал бы Оноре де Бальзак, и по общему виду вовсе не классический попрошайка, и не очень пьяный, с почти завидной дикцией Сумбатова-Южина, громогласно произносил монолог в духе Гамлета:

– Нас двести миллионов лицемеров! Нас двести миллионов подхалимов! Нас двести миллионов двуликих Янусов! Нас двести миллионов клакеров!.. Жить так, как мы живем, можно только по приговору... К тому же приговор этот окончательный и обжалованию не подлежит...

Прохожие в летах, хотя все это и слушали, затаив дыхание и чувствуя душевное облегчение, но делали вид, будто бы ничего и не слышат и ускоряли шаг, словно ясное небо вот-вот обрушит на них сильнейший ливень и надо поскорее где-нибудь укрыться, а вот молодежь, зеленая молодежь...

Помните у Горького? «Толпе больше нужен шут, чем герой».

Нас двести миллионов хамелеонов! Нас...

...И откуда ни возьмись, вдруг появился кряжистый милиционер, по манере разговора и повадкам скорее похожий на крестьянина, сбжавшего от коллективного труда в город: он так сноровисто схватил «шута» за лацкан помятого пиджака, словно брал быка за рога, и потащил в ту сторону, откуда только что сам появился...

А «трибун Жан Жорес» последовал за ним без особого сопротивления, но не отказавшись от ораторствования:

– Нас двести миллионов гиен и шакалов! Нас двести миллионов попугаев и проституток!.. Мы все носим маски – одни прозрачные, другие – куда свет человеческих глаз не проникает... Рабы мы, рабы! И жить так, как мы живем, можно только по приговору. А после отбытия наказания всем, кто перешагнет за пятьдесят, надо присваивать для украшения некролога звание Героя Советской жизни!.. Мы родились не для радости – для мучений... Да отпусти руки, не убегу... Что здесь, что там... Я еще когда сидел в исправдоме!

Так, в противовес, в отместку царскому режиму в первые годы советской власти переименовали тюрьму; камеры не закрывались, и заключенные вольно разгуливали по всем уголкам исправительного заведения, словно студенты в совместном для юношей и девушек общежитии... А потом...

(Ох, эти теории, как часто не подкрепляются они практикой!):

Некоторые из молодых людей, уже приняв известную порцию бесплатно дарованного веселья, преградили путь охранителю общественного спокойствия и идейной чистоты наших рядов:

– Куда ты его, не стыдно? Человек пьяный, к тому же бедный, не в своем уме, чокнутый! Страж порядка, наверно, против своей воли как-то выпалил:

– Чокнутый не чокнутый, а правду-то говорит?!

Не могу понять, до сих пор не могу понять, как я, оказавшись невольным свидетелем такой неприкрытой антисоветской вылазки, сломя голову не помчался прочь, тогда еще на своих молодых ногах, и не вспомнил того крестьянина, кахетинского «Захара Кузьмича», который на мой вопрос, за что он сидит, неохотно, ответил:

– За лень...

Да разве за лень можно сажать за решетку празднолюбивого человека?! Оказывается, можно: зимним вечером сидели они со своим соседом у горящего камина и попивали Цинандали... И когда хмель сделал свое дело и затуманил головы, стали нелестно отзываться о колхозе и его творце Сталине, а на второй день его посадили...

Видимо, сосед, выйдя на свежий морозный воздух, быстро очнулся, опомнился и, испугавшись, как бы сотрапезник не донес на него, поспешил опередить его, и вот он уже шестой годик расплачивается за свою медлительность, то есть за лень...

... Да, времена были такие, когда все – без «почти»! – все считали, что лучше гнуться, чем переломиться...

«Смотри, сынок, – говорил старый пискарь, умирая, – коли хочешь жизнью жуировать, так гляди в оба!»

«И прожил премудрый пискарь таким родом с лишком сто лет. Все дрожал, вседрожал».

«Жил – дрожал, и умирал – дрожал».

М. Е. Салтыков-Шедрин.

Эх, а вот нашим «пискарям» не суждено было прожить «таким родом с лишком сто лет». Только единицы перешагнули чуть-чуть за семьдесят...

Сестра репрессированного в 1937 году грузинского драматурга Герцеля Баазова выпустила в Израиле книгу воспоминаний. Она снабжена предисловием, написанным профессором Михаилом Зандом, где, между прочим, рассказывается:

«На одной Всесоюзной конференции по национальным литературам народов СССР особенно выделился соотечественник Сталина критик Ж. Он выступил с обличительной речью, сказав, что Герцель Баазов пал жертвой правонарушений периода культа личности».

После конференции я, как еврей, выразил ему восхищение его смелостью. На это Ж- ответил:

– Смелость? Какая смелость? Я и смелость – суть две несовместимые вещи. Будь я смел, меня бы давно уже расстреляли, или я просто умер бы под пытками, как Герцель... Мы учились на одном факультете, юридическом. Были друзьями. Когда его арестовали, я должен был кричать, сотрясти весь мир, доказать, что он невиновен, требовать, чтобы его освободили. Ничего я не сделал. Никто из нас, его друзей, не сделал ничего. Все мы дрожали от страха. Исчезло все наше грузинское рыцарство. Мы так наклали тогда в штаны, что до сих пор воняем и будем вонять до конца наших дней. Сколько задниц я вылизал, боже мой, сколько задниц. Сколько дерьма я проглотил! Глотая и нахваливая»...

Я бы не раскрыл «загадку Ж.», если б эта исповедь совсем уничтожала его в

наших глазах: Жгенти Виссарион Давидович. Блестящий оратор и не всегда объективный критик. Из племени «Нас двести миллионов»... Умер естественной смертью 10 лет назад, немного перешагнув за седьмой десяток...

Премудрый пискарь

«...каждый день восклицал: «Слава тебе господи! Жив! Ах, что-то завтра будет?»»

В 1956 году в советской литературной среде произошел редчайший случай: известный всей стране писатель на почве угрызений совести, видимо, в связи с его общественной деятельностью в эпоху Сталина, расстался с жизнью...

И расстался не так, как старый пискарь, умирая, весь дрожа...

Александр Фадеев покинул тот захламленный, лживый, холопский мир по-рыцарски, мужественно... «Надоело лгать»...

* * *

Мое письмо к Вам, Виктор Петрович, слава тебе, господи, кажется, подходит к концу. Но прежде чем поставить последнюю точку, хотелось бы ознакомить Вас с отрывком из речи одного московского писателя:

«...Мы переживаем добрую пору, когда наш народ дышит воздухом перемен, борьбы и надежд, когда в науке, в экономике, в других сферах нашей жизни нарождаются новые идеи, без шуму-грому поднимаются свежие, крепкие силы, чтобы улучшить общие наши дела не на словах, а практически».

Думается, все это Вы прочитали с той же сосредоточенностью, с какою люди читают на эскалаторе, спускаясь в метро, отчет о хоккейном матче. Поэтому я прошу Вас вновь вернуться к этим строкам и вникнуть в слова...

«...переживаем добрую пору... народ дышит воздухом перемен... нарождаются новые идеи...»

– Что Вы ко мне пристали, – скажете Вы, вероятно, раздраженно, – немало речей в подобном духе слышал я на только что закончившемся VIII съезде писателей.

Да, но... А, может, Вас все-таки заинтересует, кто же это выступал... Если да, то я долго интриговать Вас не стану, скажу прямо: Владимир Чивилихин...

– Чивилихин?.. Ведь Чивилихин, к глубокому нашему сожалению, не дожил до VIII съезда?

Вы правы, он на съезде и не выступал, выступил на пленуме правления Союза писателей РСФСР в... 1966 году! («Наш современник», №5, 1986 г. стр. 182).

Ровно двадцать лет назад!!!

На второй же год после отстранения Хрущева за... волюнтаризм!

(О, его деятельность окрестили для народа таким «трансцендентальным» словом, которое ранее даже и не все философы слышали).

И что же потом? Долго ли дали народу возможность дышать воздухом перемен? Новые идеи воплотились в жизнь? Общие наши дела улучшились ли практически? Или же прекрасные слова отцвели, так и не распутившись?! И все это за восемнадцать лет руководства нами Леонидом Ильичем Брежневым!

Кстати, Никита Сергеевич бразды правления держал 11 лет, Сталин – 30 (из них пять – «скрытно»).

Однажды Хрущев сказал, что партия создала авторитет Сталину...

Да, Сталин пользовался в партии и в народе невиданно и неслыханно огромнейшим, непререкаемым авторитетом, но, спрашивается, почему та же партия не смогла создать за 11 лет хотя бы минимальный авторитет Хрущеву, а Брежневу – и за 18?

(О Черненко речь и не идет, ибо один год даже и в эпоху электроники и телевидения,

видимо, слишком малый срок для создания какого-либо авторитета, кроме смехотворного).

Мне кажется, как, по-видимому, и всем, рассуждающим вопреки Декарту: «Не мыслю – значит, существую!» – что никакая партия не в состоянии создать своему избраннику истинный авторитет ни в самой партии, ни тем более в народе, – человек сам кузнец своего авторитета.

Допустим, что Сталин действительно насаждал культ своей личности, ну а Хрущев долго ли был верен коллективному руководству – «триумvirату» (Хрущев – Булганин – Брежнев), и разве не стремился вначале особо выделить, а потом и очертя голову возвеличить свою персону?! А Брежнев?! Не довольствуясь постом Генерального секретаря ЦК КПСС, вкупе с Суловым прогнал Подгорного, чтобы возглавить и Президиум Верховного Совета СССР. (Вообще на этот счет было быне бесполезно вновь прочесть стр. 66).

Сталин в революционном круговороте вовсе не был случайной фигурой, и что бы ни говорили, нотолько не с точки зрения субъективной правды каждого, а правды объективной, исторической, это была могучая личность, «человек с железной волей» (М. Горький). Ленин еще в 1922 году выделял его из членов ЦК, тогда совсем малоизвестного широким массам (наряду с очень популярным Троцким – Председателем Военного совета республики, народным комиссаром по военным и морским делам). А в то время в состав Центрального Комитета входили такие выдающиеся партийные деятели, как Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Пятаков и другие...

Сталин, на каждом шагу восхваляя Ленина и всегда клянясь в верности его знамени и его курса, однако не шел по его пути и строил (и построил!) советское общество на основе лжи и страха. Хрущев, всенародно ругая Сталина, в то же время не расставался с оставленным им порядком в сфере «демократии», а экономику с ее совнархозами и агрогородами довел до развала; Брежнев хотя всенародно и не ругал Хрущева, но своим «Ленинским курсом» ничуть не отходил от «Ленинского курса» по-хрущевски...

И тот, и другой упорно делали, говоря, конечно, в переносном смысле, сациви из индейки без индейки, а в итоге получалось блюдо из кролика, которое, безусловно, можно было есть в такой жизни, где движущим принципом является «Не мыслю»... Но разве такой жизни достоин человек космической эры?! Нынче почти совершенно обновленное, помолодевшее, весьма энергичное руководство Советского Союза критикует не словами, а делами, на радость миллионам и миллионам советских граждан, своих предшественников, доведших огромную страну до кризисного состояния.

И, дай бог ему удачи, чтобы через двадцать лет, в 2006 году, на XII съезде писателей СССР не выступил какой-нибудь «доброжелатель» и фарисейски не повторил бы слова, сказанные Чивилихиным тогда уже сорок лет назад: «Мы переживаем добрую пору, друзья!.. Народ наш уже дышит живительным воздухом перемен... И в экономике, и в науке, во всех сферах нашей жизни явночувствуются радикальные сдвиги к лучшему»... А такая заученная неискренность никому тогда не понадобится, если мы теперь...

Нет и нет! Знаю, не только Вам, но и мне самому опостылело, и не позволю себе сказать в сто первый раз что настоящий сациви делается не из муляжной, а только из натуральной индейки...

И как ни трудно будет поднять экономику, ее все же можно поднять, но как поднять человека, на протяжении многих десятилетий привыкшего ползать на брюхе, расстилаться, – о, это намного труднее; и о том, как с этим справиться, надо думать, прежде всего, вам, русским братьям, от которых, кстати, мы, младшие братья, всегда перенимали и перенимаем и хорошее, и плохое, иногда даже плохое как хорошее, и не потому, что не ведаем, но что делать, если мы не раз убеждались – си- ла силу ломит...

Но давайте лучше ради всеобщего нашего блага, всенародного дела на минутку оглянемся назад: в то время, когда перелететь через Атлантический океан отважился лишь

один Чарльз Линдберг, которого весь мир признал новоявленным Икаром, Сталин, несмотря на то, что Новый Свет игнорировал и не признавал нас, мечтал о соединении «русского революционного размаха с американской деловитостью».

Со временем мы, как известно, революционный размах мало-помалу порастеряли, не приобретя при этом ни капельки американской деловитости...

А она, американская деловитость, в приложении к нашим понятиям и меркам такая сверхчеловеческая расторопность, что на этой беговой дорожке нам Америку вряд ли догнать, не то что перегнать, но обычная деловитость вполне нам под силу, а для нее необходимо, прежде всего, дать свободу нашим рукам, ногам и башке тоже.

В своей речи лет двадцать назад писатель Чивилихин ни словом не обмолвился о демократии – нив кавычках, ни без кавычек, – ведь она не входила даже в пустые обещания Брежнева «планов перемен», ибо он, как и его предшественники, отлично понимал, что при устоявшейся, не раз проверенной на прочность сталинской «демократии» повелевать народом не представляет какого-либо особого труда...

* * *

Кажется...

Не кажется, а давно пора попрощаться с Вами, Виктор Петрович, и просить прощения за такое длинное, почти нескончаемое письмо.

«Скрывать не стану», в нем я попытался сделать чуть ли не химический анализ «Пескарей», и в него поневоле вкрались и мои несистематизированные, разрозненные, фрагментарные соображения и мысли (если, разумеется, сочтете их за мысли, пусть даже ошибочные), пришедшие мне в голову при чтении Вашего творения на грузинскую тему.

Вероятно, не все они, тем более при частых «лирических» отступлениях от главной темы, органично связаны с Вашим рассказом, но, что поделать, раз наткнулся на редкий и удобный случай вскарабкаться на долгожданную трибуну, брошенную (надолго ли?) стражами, – надеюсь, без последующей порки! – вылить оттуда хотя бы часть того, что содержится в моем «кувшине»...

Признаться, я мало заботился о том, чтобы это «вылитое» имело композиционно-целостный характер, отличалось изящной стройностью и тростниковой осанкой...

Когда ноет душа и трещат суставы, не заботишься о том, чтобы стоны твои были музыкальны и доставляли удовольствие навещающим тебя знакомым, может, и не из-за искреннего сострадания, а скорее согласно этикету вежливости.

В этом письме Вы, наверное, найдете и досадные повторения, но надеюсь, что не станете упрекать меня за это, ведь автор предисловия четырехтомного собрания Ваших произведений В. Курбатов не упрекает же Вас, видимо, исходя из слов мудрого Гете, что простые истины приходится повторять, ибо всегда найдутся люди, которые их забывают:

«Эта мысль о сохранении рода так важна для Астафьева, что не боится почти дословного ее повторения в разных сочинениях...».

«Это знаменательная забывчивость, и за нее не хочется корить».

Думал, на этом и поставлю последнюю точку, но вот опять попал мне в руки тот свежий, августовский номер обновленного журнала «Огонёк», где говорится, что из Сибири...

«...вышел шестьдесят два года назад русский писатель, к чьему слову сегодня мы прислушиваемся, чьему слову мы верим».

И вновь перечитал Ваш рассказ – того и гляди, не выпало ли из моего старческого поля зрения какое-нибудь такое слово, к которому я невзначай не прислушался так, как следует, и не пропустили мимо ушей хоть одно такое слово, которому нужно верить...

Да, господи, боже мой, воистину и выпало, и пропустил:

«Потом мы поехали во владения хозяина и оказались в районном селении Гали...»

- Я имею всего шестьдесят тысяч дохода в год, – жаловался хозяин, – мои соседи – двести, пятьсот. Это потому, что мои мама и папа старые. Я жалею их».

И я к этим глубокомысленным словам так прислушался, так остро прислушался, правда, только одним ухом (второе – я уже писал – у меня в молодости аннулировали), возможно, потому-то и вкралось сомнение, и захотелось воскликнуть наподобие Станиславского: «Не верю!».

Шестьдесят тысяч дохода в год! По-видимому, каждый год! Не много ли?! А было бы, наверное, гораздо больше, если б у него «мои мама и папа старые» не были, и если бы он, сын-гуманист, не жалел их...

Но а все-таки, шестьдесят тысяч!..

Да оставим их в покое, в кубышке, они и без того подозрительно пахнут, но, с другой стороны... мм... Но как позволить себе заметить Вам, такому многоопытному ясновидцу человеческих душ, что... здесь... хотя бы чуточку не изменяет ли Вам чувство жизненной и психологической правды, а?!

Вокруг нас при таком повсеместном бандитизме, при стольких так привольно снующих моторизованных разбойниках, какой же советский спекулянт скажет первому встречному, плюс почти чужестранцу, что у него гора денег?! Не только пришлому человеку... Я знаю немало вовсе не спекулянтов и не торгашей, а уже немолодых, уважаемых супружеских пар, о разводах и не помышляющих, а вот свои сберкнижки – даже горбом нажитые сбережения – рьяно прячущих другот друга.

Как это ни прискорбно, Виктор Петрович, но в нашей жизни Пульхерии Ивановны и Афанасии Ивановичи давным-давно вымерли! Теперь не только люди, – даже вороны уже не те, что были в крыловские времена. Ныне лиса, наша советская лиса, вряд ли сможет провести советскую ворону: она, ворона-то, кусочек сыра сперва из клюва переложит в когти и только потом спросит: «Ну что тебе надо, уважаемая лиса?»

Если слепо, некритически прислушаться к Вам и верить каждому Вашему слову, то...

Да неужели Вы сами верите тому, что у «соседей двести, пятьсот тысяч дохода в год?..» Если да, то тогда... Какая это, господи, «гроссфантазия», так далеко заплывать в дегтярное море?!

И Адам Смит, и Давид Рикардо, и Рудольф Гильфердинг, если вызвать их души на спиритический сеанс в Гали – Зугдиди, вновь протянули бы ноги, теперь уже от смеха, узнав, что кто-то из советских людей, тем более серьезный писатель, может предположить, что из цветов, мандарин, чачи можно выкачать пятьсот тысяч рублей дохода не только в год, но и за двадцать-тридцать лет (пять миллионов по дохрущевскому курсу)?!

Кстати, не такие ли «проверенные сведения» являются причиной того, что многие «светлые головы» в России считают всех грузин миллионерами?! И вот, чтобы убедить Вас лично в обратном, я готов пригласить Вас к себе, в Тбилиси...

(Что правда, то правда: я не рассчитываю на ответное приглашение от Вас, но... В этой многословной писанине набралось столько, по нашим закоренелым понятиям, рискованных и вольнодумных мыслей, что боюсь, как бы чего не вышло... Но в случае драматической развязки хочу надеяться, если окажусь в Ваших хладных краях, где так много грузинских костей погребено, начиная с 1801 года, хоть один раз навестите меня с сибирскими пельменями).

В этом письме настолько, повторяю, длинном, что, узнай о его существовании на Западе, непременно внесли бы в Книгу необычных рекордов Гиннеса, накопилось много пословиц. К ним придется добавить еще одну, на этот раз шутивную: «Гость – что осел: куда хочешь, туда и привяжешь».

Но не пугайтесь, бога ради, я ведь прогрессивный грузин! Я Вам предоставлю столько человеческих прав, сколько нет ни в одной конституции мира: полная свобода передвижения (хотите - на своих на двоих, хотите – на четырех колесах); полная свобода питания (хотите – с перцем, хотите – без перца); полная свобода выпить (хотите – вино из рюмки, хотите – виноградный сок из рога); полная свобода мыслевыражения (как в лондонском Гайд-парке, и даже чуть больше: можете ругать и английскую королеву!)...

Заранее знаю, что наша столица на Вас (впрочем, как и на меня) произведет настолько удручающее впечатление, что, возможно, и не поверите, что когда-то Толстой, Лев Николаевич, писал:

«Тифлис цивилизованный город... Общество избранное и большое, есть русский театр и итальянская опера...»

Теперь-то я бы не назвал Тбилиси – судя по европейскому эталону – цивилизованным городом, хотя есть у нас по-прежнему и русский театр (довольно плохой), и первоклассная, хоть и не итальянская, опера, которую, кстати, мало кто посещает из «общества избранного и большого»...

В Тбилиси Вам, к великому нашему огорчению, много такого бросится в глаза, что вслед за Чеховым, наверно, скажете (хотя Чеховым это не про нас было сказано):

«Самолюбие и самомнение у нас европейское, а развитие и поступки азиатские».

Но не потому хочется пригласить Вас в Тбилиси, чтобы еще раз убедились Вы в нашей азиатчине...

Во время добровольного пешего передвижения по нашему хаотично-анархичному городу, я думаю, Вы волей-неволей заглянете и в магазины «Фрукты, овощи»... И, очевидно, не раз, и не два, ибо при «первых попытках» Вы там, возможно, ничего и не обнаружите, а когда повезет... Вы воочию убедитесь какие длиннющие очереди выстраиваются за помятыми помидорами, за полувисохшей зеленью, за неказистой картошкой, за далеко еще не зрелыми яблоками, от которых, когда земля еще считалась у нас матушкой-кормилицей, и свиньи отворачивались...

Увидев все эти «яркие, сочные» картины, Вы, я надеюсь на Вашу высочайшую писательскую совесть, не напишите, что этим имущим, богатым грузинам-миллионерам, так толпящимся в тесных магазинчиках «Фрукты, овощи», лень пойти на базар, где красавцы-помидоры стоят – что для их туго набитого кармана? – «всего» столько-то, а краснощекие яблоки – тоже «всего» столько-то...

Я почему-то уверен, что Вы дружили с Федором Абрамовым, и, когда Вы ступите ногой второй раз на «непонятную и загадочную землю» грузинскую, мы, если возникнет у Вас желание, пойдем именно по тем местам, где...

Дело в том, что в 1979 году Федор Александрович с женой Л. Крутиковой приехали в Тбилиси именно из Гагра, где они отдыхали. Он свой приезд приурочил к гастролям Московского театра на Таганке, который привез его «Деревянные кони».

Они побывали на могиле Грибоедова, ездили по Военно-Грузинской дороге, в Гори осмотрели единственный в стране музей И. В. Сталина; писатель беседовал с секретарем Карельского райкома и был приятно удивлен, что провинциальный партийный работник неплохо разбирается в современной литературе и даже знаком с произведениями нежданного гостя – большого русского писателя.

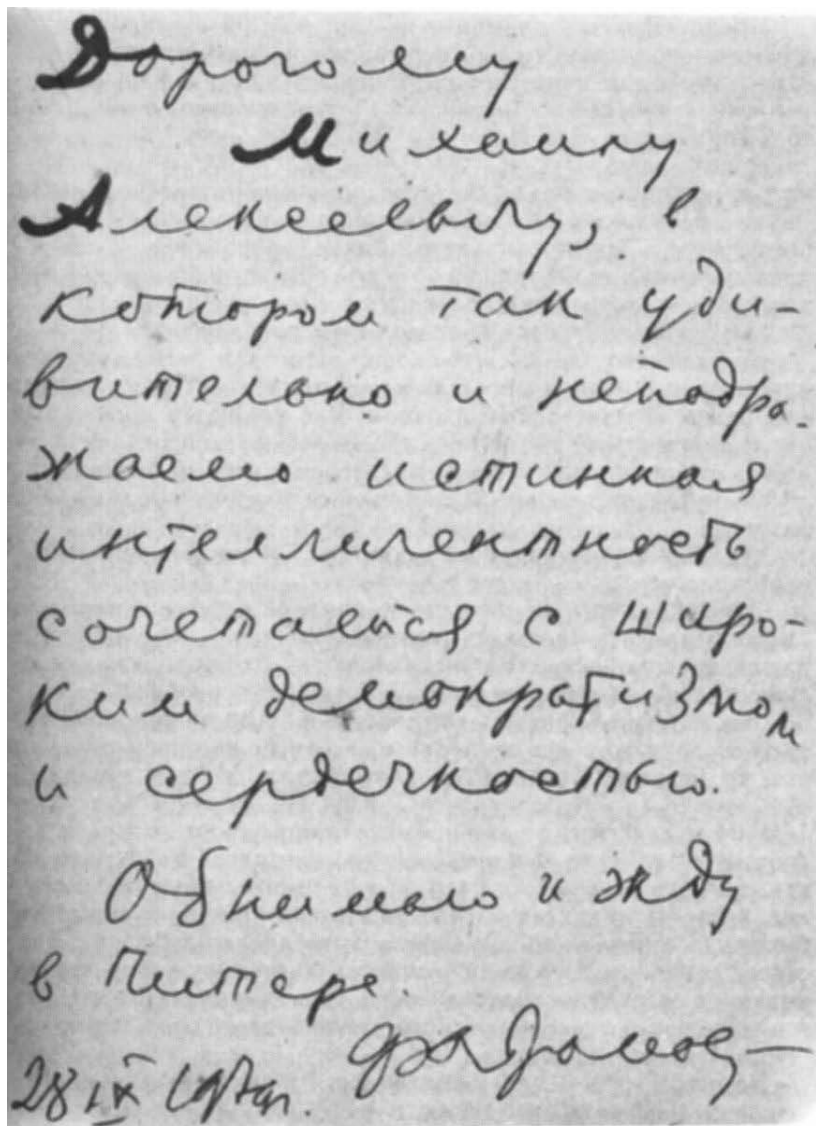
Я не думаю, что Федор Абрамов уехал из Грузии с гнетущим впечатлениями, иначе не прислал бы новым, грузинским знакомым своих книг с дарственными надписями. Вот одна из них:

Прошу обратить внимание на эту, на мой взгляд, многозначительную деталь; Федор Александрович приглашает в Питер Михаила Алексеевича Чичинадзе, своего спутника по

кратковременной поездке по Восточной Грузии, видимо, в знак благодарности!.. Приглашает!..

Да, разные бывают на свете люди, потому интересно жить на Земле... Есть такие, которые живут по принципу – «После меня хоть потоп!..» Но встречаются и такие, вроде моей мамы, и в предсмертные дни мечтавшей о ясной погоде, дабы не промокли под дождем пришедшие проводить ее на кладбище...

Ну, а я, когда смогу прислать Вам приглашение?

Дорогому
Михаилу
Алексеевичу, в
котором так уди-
вительно и неподра-
жаемо истинная
интеллигентность
сочетается с широ-
ким демократизмом
и сердечностью.
Обнимаю и жду
в Питере.
28 IX 1974. Федоров

(Дорогому Михаилу Алексеевичу, в котором так удивительно и неподражаемо истинная интеллигентность сочетается с широким демократизмом и сердечностью. Обнимаю и жду в Питере.

Федор Абрамов).

По-видимому, не так уж скоро. Загвоздка в том, что моя русская речь среди прочих существенных недостатков страдает еще одним внушительным изъяном: мне не дается произношение мягкого «ль»... Не во всех словах, но во многих... А вести беседы с знаменитым русским писателем, который больше следит за твоим выговором, чем за твоими тощими мыслями, это, знаете...

Когда заика старается не заикаться, он еще больше спотыкается...

Правда, я могу прибегнуть к наивной хитрости и вместо «учител» сказать «педагог», вместо «болной» – «нездоровый» или «хворающий», но стоит ли так изводить себя в поисках слов-заменителей, да еще при третьей стадии гипертонии?!

Нет, я лучше обращусь к логопеду, и когда он поправит мое русское произношение до терпимого для придирчиво русского уха, то тогда и... Нет смысла повторяться, об этом говорится чуть выше.

Я понимаю, что от «болшого», «постолку-посколку» и подобных им слов, от фонетики легко спрятаться на бумаге, но как укроешься на той же бум а г е от множества грамматических, стилистических, орфографических «огурцев», которые Вы без труда сможете обнаружить в этом послании?! Зная Ваш строгий нрав, ну, хотя бы по отношению к «Отару», я не рассчитываю на Вашу снисходительность, но напоминаю все же, что я не школьный учитель русского языка и не на этом языке пишущий литератор... Но чтобы хоть немного смягчить в Ваших глазах мои прегрешения (неправильные обороты речи, «грузинизмы», неуместные сочетания слов), я с величайшим почтением попрошу великие тени встать в шеренгу и протянуть мне руку помощи и защиты: Иван Сергеевич Тургенев не раз (подсчитано: шесть раз!) писал: «Как хорошы, как свежы были розы!». У Николая Васильевича Гоголя в этом плане столько было... мм... Алексей Толстой, бывший граф, однажды (только непечатно и не с кафедры) о своем великом однофамильце, тоже о графе, сказал, что он иногда в такие языковые лабиринты впутывается, что никак не может из них выпутаться... В музее Горького в Москве на Малой Никитской в выставленных рукописях кое-где бросились мне в глаза такие разного рода... мм... Но ученый сотрудник музея сразу же внесла луч света в мое мозговое темное царство: «Это не ошибки, это стиль Горького»!

Так что, Виктор Петрович, «генацвале», знайте, все мои грехи перед великим русским языком – это не что иное, как «стиль мой», но только он... враг мой! Не знаю, насколько это правда, но я слышал, будто Вы не прочь принести извинения нам за «Ловлю пескарей в Грузии».

По-моему, этого делать не надо, это ни к чему: то, что написано пером и напечатано способом Гутенберга, не вырубить... извинениями.

«Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы».

(А. Пушкин).

А Вы ведь уверены, что «Ловля пескарей», если, допустим, и злословие, но с доказательствами!

Вот было бы идеально, и с точки зрения самой простой, и социальной, и литературной справедливости, если б и потерпевшая сторона тоже имела бы право и возможность ответить обид-чику печатным словом, – не «самиздатовским», а обычным, законно-легальным, но у нас такие печатные «дуэли» (если они в пользу слабых) и дуэли без кавычек строго запрещены, что, по-моему, вполне логично: раз у нас человеческое достоинство обесценилось до гроша ломаного, нет нужды и в дуэлях! К тому же все знают, что они унесли двух величайших поэтов, а теперь прибавить к ним еще и беллетристов, по-новому – прозаиков?!

О, нет, упаси боже! Ну а все-таки... Когда вето наложено только на оскорбленного и на его оправдательно-печатное слово, это, знаете, как-то напоминает одностороннее движение...

Вы, как человек дальновидный, сами посудите (все великие русские писатели минувшего века всегда были на стороне униженных и оскорбленных): разве справедливо, если на многотысячном читающем стадионе бьют по тебе, словно по мячу, а у тебя руки-ноги крепко-накрепко связаны, и ты не в состоянии даже символически размахнуться, дабы забить, пусть хоть один, престижный гол, в данном случае в сибирские ворота?!

А это, ей-богу, не по гамбургскому счету, Виктор Петрович!

Я знал одного на редкость преуспевающего писателя-драматурга, ни разу на своем творческом пути не споткнувшегося и не допустившего ни одной ошибки. Его творения имели только зеленую улицу. Он всегда шел в ногу со временем. Изменялось время, изменялся и он. Как самый чувствительный сейсмограф, чувствовал он его дыхание... И поэтому его пьесы «охотно» ставили самые хорошие театры и самые хорошие режиссеры (кроме, пожалуй, Товстоногова).

Однажды свою новую не то «героическую драму», не то «героическую комедию» принес он в журнал «Театр». Прочитав ее, сотрудники редакции пришли в тихий ужас. Но как отказать такому всесильному автору, Кукольник наших славных дней! С идейной точки зрения к пьесе никак не придерешься, все честь честью, все компоненты предусмотрены на самом высоком уровне, но вот в художественно-языковом отношении «огурцей» в ней хоть отбавляй...

И когда вновь прочитавшие ее работники редакции поделились своими тревожными мыслями с редактором, то Николай Федорович Погодин, по обыкновению, прищурив левый глаз, сразу же внес вих трепещущие души некоторое успокоение:

– Править не будем! Напечатаем именно в том виде, в каком он нам ее принес. Пусть читатели знают, какой он у нас писатель.

...О, если б и мое послание к Вам, Виктор Петрович, с Вашего благословения напечатали тоже безвсякой правки, со всеми позорящими меня, как автора, «огурцами», без купюр

(кроме, разве, мест порнографических, – а такие пассажи в нем, вероятно, найдутся, – и элементов государственной тайны, если они у меня, по моей глупой слепоте, все же просочились), тогда я, ей-богу, больше не стал бы сетовать на судьбу, подобно Важа Пшавела:

*Почему я создан человеком?
Почему, исполненный красы,
В сонме туч, в высоком мире некоем
Не рожден я капелькой росы?*

(Перевод Заболоцкого... Между прочим, и Николай Заболоцкий, и Борис Пастернак, несмотря на свое не ахти какое материальное положение, переводили не со всех языков народов СССР, а только с одного – грузинского).

...Жаль, что тот мой знакомый драматург не дожил до дней великого обновления нашего общества, а то и он сам одним махом обновился бы и «про это» написал бы в самом ускоренном темпе что-нибудь самое-самое героико-оптимистическое в «двух обновлениях».

Выйдя из заключения, безжалостно лишившего меня на несколько лет драгоценного права голоса, на полусвободу и боясь нового ареста, теперь уже только по подозрению, что я вновь мыслю, скрывался одно время в многомиллионной Москве, так сказать, перед самым носом самого Сталина...

(О, в этих двух абзацах как много набралось этого «самого-самого»!).

И вот он, мой знакомый, процветающий драматург – нельзя не отдать ему должное – не побоялся моего прокаженного прошлого и пригласил обедать в свою шикарную квартиру... Провозгласив тост за мое гражданское протрезвление, он сказал:

– Ведь человек так ничтожно мало живет на свете, а ты еще выбрасываешь из короткой жизни семь цветущих лет! И зачем? Неужели ты думаешь, что кто-либо на свете сможет изменить сталинский мир?! Наивный ты человек! Допустим, что мир этот и переменится, ну и что ж? Разве ты сумеешь меня опередить и ворваться в новый мир?!

В ответ я поблагодарил хлебосольного хозяина и за роскошную «баланду», и за мое прозрение: я и впрямь вряд ли смог тогда (впрочем, как и сегодня) обогнать его в захвате

привилегированного кресла под солнцем уже нового, переменившегося к лучшему мира, где он вновь стал бы запевалой:

Мы путь Земле укажем новый, Владыкой мира будет труд...

(Из песни первых лет революции).

* * *

Вы, вероятно, заметили, что я в более или менее здравом рассудке и по натуре не квасной патриот, а потому и не все Ваши обвинения по нашему адресу отвергаю...

К сожалению, приходится возвращаться на круги своя...к базару!

И как это ни прискорбно, видимо, так создан человек, хочешь-не хочешь, будь ты хоть Иваном Прокофьевичем или Ив Монтаном, а вот на базаре, оказывается, и мыслишь по-базарному... Вот пошел я вчера на наш, говорю скрепя сердце, красочный базар с твердой решимостью купить молодой лучок, в котором, как уверяет Институт питания, много полезных для изношенного организма витаминов... А пучок, составленный из нескольких малюсеньких головок, чьи полухилые листья время от времени торговли оживляют водяными брызгами, оценили мне... в 50 копеек! (Стоимость почти двух килограммов белого хлеба).

Базар на то и базар, тем более восточный, что надо торговаться, и я тоже, скорее ради «искусства» стал цыганить, но никто из этих «купчих» не уступил даже 5 копеек! Пришлось признать себя потерпевшим фиаско в этой «торговой войне» и взять два пучка за бумажный рубль («серебряных» иной раз и не принимают – карманы, мол, рвутся!). Но чтобы как-то компенсировать не столь финансовый, сколь моральный урон, самовольно «захватил» микроскопический пучок петрушки стоимостью в 15 копеек. Но правоверная мусульманка (замечу, кстати, что все тбилисские рынки буквально «захвачены» азербайджанками, торгующими зеленью) так самоотверженно вцепилась в меня, словно я отнимал у нее от груди младенца с намерением бросить его в пучину Ниагары...

Признаюсь, к моему стыду, и писательскому, и гражданскому, в тот момент я совсем забыл и про большого писателя-просветителя Мирзу Фатали Ахундова, и про прекрасного композитора Кара Караева – гордости азербайджанского народа прошлого и настоящего веков... Перед моим взором во весь рост маячила только эта «кровопийца»-зеленщица!

Да, антисемитизм зародился не только потому, что евреи нашего Христа распяли на кресте, но и потому, что в торговле многих стран мира (кроме, разве, Греции и Армении) они главенствовали над коренным населением, «шейлокствовали»... Но евреи, всесторонне талантливый народ, давно забросили и мелкую, и крупную торговлю, а вот предубеждение по традиции кое-где, к сожалению, еще живуче.

Наша грузинская «базарная» драма воспринимается нами, «небазарными» грузинами, особенно болезненно еще и потому, что мы как народ со дня появления в мире денежного обращения ко всякой торговле относились с презрением, и к торгашам тоже... Большинство грузинских крестьян – до коллективизации! – даже при острой нужде стыдились торговать на рынках. Ну, барана, быка, корову - это еще куда ни шло, но яблоки, груши, ткемали (вид кислой сливы), о-о...

А теперь вообще торговать никто не чурается, даже врачи и учителя, на которых люди раньше смотрели, как на полубожества.

В то же время мы требуем от представителей, в частности, этих профессий и примерной нравственной чистоты, и высокого авторитета.... И все это при небольшом окладе!

(Социалистический реализм еще вчера запрещал писать и говорить, в особенности со сцены «У меня денег не хватает», «На мою зарплату и двух живых гусей не купишь», «Одолжи мне, пожалуйста, пять рублей до полочки», «И золото подорожало, и железо подорожало»).

...Так или иначе, как бы мы ни рыпались, факт остается фактом: слово «грузин», как и Вы пишете, стало нарицательно-ругательным...

Наша базарная драма иной раз поднимается до трагедии потому, что нынче все шишки падают на бедного Макара... Даже в далеком, мною особо почитаемом Красноярске — (если бы я сказал, что особо почитаю этот город потому, что Вы там живете, это было бы примитивной застольной лестью: в Вашем драматическом театре им. Пушкина ровно двадцать лет назад была поставлена одна моя ранняя комедия) — и монголоидных «фруктовщиков» принимают за грузин, а те тоже выдают себя за грузин, дабы не бросить тень на собственную нацию.

Дурная слава, ох, как прочна, Виктор Петрович!

И как мудра одна наша поговорка: лучше разбить себе голову, чем опозорить доброе имя.

И что ж нам делать, как поступить, чтобы очиститься от скверны, прилипшей к нам, как вернуть себе доброе имя, которое у нас было еще в совсем недалеком прошлом?!

...Уходя незаслуженно побитым той «базарной бабой», в укоризну бросил ей, — подумавшись, взял какую-то траву на копейку, — а она вдогонку мне:

Трава — да?! Копейка — трава, да?! Иди, иди, собирай на асфалт... Много трава на асфалт...

Право, если хорошенько вдуматься, ее ответ глубоко философичен: ведь и зелень — дитя матушки-земли, которую возделывать надо, а у нас много ли осталось нынче охотников ее возделывать?!

Возможно, и некрасиво цитировать персонажа собственной пьесы, а все-таки придется:

— Люди совсем отучились глядеть друг другу в лицо. Идешь по улице, и никто твоей физиономией не интересуется, все смотрят в руки: что у тебя в авоське, что ты достал, счастливый ты, советский человек!..

(Написано двадцать лет назад; последние слова подвергнуты «аутодафе» нашими литературными «помощниками»).

И думается, как только настанет этот чудо-день, когда все мы, и на Чукотке и на Кавказе, будем смотреть друг другу не в руки загребушие, а в улыбающиеся лица, когда и с халвой во рту не станем кричать «сладко, сладко», ибо сочтем это, наконец, обычной, не достойной удивления нормой жизни, тогда и «грузин» — прозвище, бытующее на базаре, потеряет свой бранный смысл...

К сожалению, я не страдаю безмятежным оптимизмом и знаю, что мне не суждено дожить до этого светлого времени. Но все же я премного благодарен судьбе за то, что вопреки ожиданиям дожил до того волшебного дня, когда нам дали понять, что наше десятилетиями восхваляемое до небес общество нуждается в коренном изменении и что безмолвие народа ни к чему хорошему не приводит, и жить дальше так — нельзя!

Даже одна констатация этого факта уже великое дело, и тот, кто решился на это, прочно войдет в Историю.

* * *

В моем послании обилие цитат, но мне кажется, что оно от этого не стало тяжелее, и пусть простится мне, если я в заключение добавлю еще одну — о моей Родине и о нас, на этот раз из Максима Горького:

«Я так горячо люблю эту прекрасную страну, олицетворение грандиозной красоты и силы, ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума быстрых, певучих рек, и ее красивых, гордых детей...»

«...Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа – именно эти две силы – дали мне толчок, который сделал из бродяги – литератора»...

Горы, окрыленные снегами, и долины, и ущелья, полные веселого шума быстрых, певучих рек, и сейчас такие же, какими они были при написании этих восторженных слов, но куда делась та «романтическая мягкость ее народа», где же ее «красивые, гордые дети»?

За многие века владычества над нами то арабов, то сельджуков, то монголов, то персов, то турок мы не изменялись к худшему так, как изменились за последние неполные семьдесят лет.

Вы своим рассказом о Грузии, Виктор Петрович, наступили прямо на сердце наше, и мы почувствовали его боль.

И она становится острее от того, что Вы, будучи тонким психологом, даже не пытаетесь объяснить хотя бы намеком, хоть завуалированно, ЧТО привело нас к такому горестному состоянию, когда так оскудела душа народа, катастрофически пали понятия морали, чести, совести, любви и ненависти, а главным побудителем нашей жизни стало всего лишь благополучие мещанского быта, короче – как в прошлом такая «прекрасная нация» на протяжении жизни всего лишь трех поколений превратилась в «паршивую?»

(Просто интересно: если поставить в наши условия на долгие годы скажем, гордого сына туманного Альбиона, не станет ли и он похожим на нас?).

С потерей религии мы потеряли в человеке человечность, о возрождении которой не оченьгромким голосом говорят сейчас то там, то сям...

У В. Вересаева в книге «Живая жизнь» сказано: «Достоевский говорит: отсутствие жизни – от безбожия; Толстой говорит: безбожие — от отсутствия жизни»).

И, кстати, только ли мы одни, грузины, утеряли это великое чувство, и как возродить его без веры во что-нибудь возвышенное?

В последнее время вместо ожидаемого смягчения наступления на «боженьку», еще больше усилилась война против него, словно именно он, бедный «боженька», тормозил и тормозит наше наступательное шествие к коммунизму...

Нет-нет, теперь действительно пора кончать, а то, черт знает, что еще ляпну...

Да, даже за эти два месяца, пока сочинялось это письмо, в нашей стране произошло столько удивительно положительного, что по-настоящему появилась надежда на эру безбоязненно говорить правду, но, хочу быть искренним, уверенность эта не настолько сильна во мне, чтобы доверить бумаге (и трибуне) все, что придет в мою протухшую от многолетнего и поминутного кивания в знак полного согласия во всем и по всякому поводу голову...

* * *

Надеюсь, Вы помните, что это письмо начиналось с Андре Жида и Сталина, и хочу, если позволите, закончить его теми же персонажами.

Я как-никак, хорош или плох, а все же драматург, и если вдруг вспыхнет во мне вулканическое нахальство и решусь написать по-русски трагифарс о той «санитарно-политической» истории, то в уста Сталина вложу следующий монолог:

– Да, разные бывают народы, разумеется, и в языковом отношении. К примеру, немцам ничего не стоит и со сцены произнести слово *Arsch*, что соответствует русскому... прошу прощения... начинающемуся на букву «ж»... И делают они это вовсе не потому, что их вдохновляет определение – «Зад – самая существенная и очаровательная часть женского тела», принадлежащее Анатолю Франсу, земляку и современнику этого безнравственного Андре Жида, обругавшего нашу страну за наше же гостеприимство...

А вот мы, грузины, даже в обычной разговорной речи избегаем не только подобных

«арш», но и таких невинных для русского слуха выражений, как... «Наплевать мне на него», «Плевое дело», «Плевать в потолок», «Плевизм»... И не потому, что мы тоньше, чище, вежливее или святее других народов... Но когда больно задевают за живое, то, пожалуй, и грузин может излить свои чувства, позаимствовав у русских это многовыражающее слово, что я и делаю:

– Будучи в гостях, безусловно, непохвально плевать из гостинной на улицу, но трижды грешно и осудительно, уже попрощавшись с гостеприимными хозяевами и их домом, плевать с улицы в ту гостиную, где вы только что побывали.

С тем же уважением, какое Вы станете питать ко мне после прочтения этого длинного, длинного-предлинного письма:

К. Буачидзе

Июль-август, 1986 г.

БЕСЕДА ВО СНЕ В НОЧЬ С 1 НА 2 ЯНВАРЯ 1988 ГОДА С МИХАИЛОМ ГОРБАЧЕВЫМ

УВАЖАЕМЫЙ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ!

Ровно сто пятьдесят лет назад, в 1837 году, прибыл в Эривань император Российский Николай I. Своим орлиным взором государь еще издали приметил, как в его сторону шла толпа – исхудалая, костлявая, разутая, в одних лохмотьях.

Идущий впереди нес, словно знамя, вздернутого на палку общипанного, тощего, еле дышавшего гуся, клюв которого был обмотан грязной тряпкой.

Заметил самодержец и то, что часть сопровождавшей его свиты спешно преградила дорогу туземцам.

И тогда высочайшая особа пальцем поманила к себе стоящего на почтительном расстоянии мелкую сошку – губернатора.

– Что это они несут? Гуся? А почему он без перьев, такой облезлый?

– Это... мм... Здешний обычай, Ваше Величество! Так они выражают радость по случаю прибытия своего освободителя – благодетеля.

Однако монарх, не удовлетворившись объяснением перепуганного сановника, поручил флигель- адъютанту лично разузнать, в чем тут дело. Тот вскоре возвратился и, приложив к миниатюрному козырьку высокой шапки руку в белоснежной перчатке, доложил:

– Ваше Императорское Величество! Они жалуются на свою горькую судьбу: мы, мол, как и этот гусь, еле дышим, рот наш зажат кляпом и о наших злосчастьях слова не можем вымолвить, и что наша жизнь, и что жизнь этого издыхающего гуся...

В той старой книге, рассказывающей о путешествии венценосца России по недавно присоединенным к империи владениям на Кавказе ровно ничего не говорилось о том, облегчил ли царь-батюшка тяжелую участь своим верноподданным, доведенным местными властями до состояния полуживой водоплавающей птицы.

...По прошествии свыше ста сорока лет со дня этой истории, и трагичной, и забавной (время все лечит!) в Закавказье, в город Баку, прибыл глава Советского государства Леонид Ильич Брежнев.

Встречали его здесь, буквально, все горожане, стар и млад, одетые в красочные, праздничные костюмы. Встречали с таким невиданно-неслыханным общенародным ликованием, которого, я думаю, ни разу не удостоились ни фараон Рамзес, ни император Нерон, да и Наполеон Бонапарт даже после победы под Аустерлицем.

(Все это, если покажется преувеличением, можно проверить по, видимо, еще сохранившейся кинохронике).

Как раз в те приподнято-торжественные дни из уст Леонида Ильича вылетела фраза, облетевшая всю страну и разом превратившаяся в крылатую: «Широко шагает Азербайджан!»

(Как известно, в этом «широко шагающем Азербайджане» совсем недавно Москве пришлось прикрыть целый институт, снабжавший и оптом и в розницу учеными дипломами явных неучей).

Спустя некоторое время Леонид Брежнев побывал и в Тбилиси, где его, разумеется, встречали, ну, если не с таким грандиозным, как в Баку, размахом – куда нам! – но, во всяком случае, тоже весьма и весьма впечатляюще.

Для этого были приняты заблаговременно, говоря газетным языком, соответствующие меры: так, например, ответственный работник нашего Центрального Комитета партии поодиночке вызывал проверенных активистов и глав приехавших провинциальных делегаций и давал им строгое наставление: аплодировать как можно сильнее и как можно дольше!

(На этот счет план был даже значительно перевыполнен. К примеру, когда во время торжественного заседания по случаю 60-летия советизации Грузии Брежневу пришлось, по-видимому, по нужде (все мы люди, все мы человеки!) чуть ли не на полчаса покинуть собрание – в зале воцарилась мертвая тишина. А ораторы, кому выпала горькая доля восхвалять его в его отсутствие, так расстроились (словно только для него и готовили свои приветственные речи!), что один из них – представитель далекой Прибалтики – упорно путал Грузию ... с Арменией!).

А вот благополучное возвращение дорогого Леонида Ильича из туалета две тысячи человек стоя приветствовали в едином порыве бурными аплодисментами).

И Леонид Ильич, наверное, вполне был покорен и нашими ласкающими ухо продолжительными овациями, ибо осчастливил и нас исторической фразой, вселившей в негрешную душу нашу энергию и бодрость для новых героических свершений: «Дела в Грузии спорятся!»

И впрямь, дела в Грузии настолько спорились, что, будучи чуть ли не в самом хвосте среди пятнадцати республик, из года в год мы регулярно получали переходящее Красное знамя, так что вряд ли можно было называть его переходящим.

(Замечу в скобках, что в тот торжественный день, во время парада, мы, телезрители, и то заметили, как Брежнева, поднимавшегося по лестнице на трибуну и тяжело дышавшего, подобно рыбе, выброшенной на берег, слегка, осторожненько поддержало за руку самое Важное лицо в нашей республике и как генерал, всюду и всегда сопровождавший Леонида Ильича, довольно грубо отвел его руку, словно наш высокий гость, член Политбюро, от прикосновения кандидата в члены Политбюро мог растаять, как фруктовое мороженое.

А вот Вы дважды в Лондоне и однажды в Москве могли в знак почтительности взять под руку миссис Маргарет Робертс как женщину, и госпожу Маргарет Тэтчер как премьер-

министра недемократичной Англии, и Вы за это, как мне кажется, не получили бы ни словесного замечания, ни осуждающего взгляда со стороны чопорных англичан, как у нас их принято называть).

... Совсем недавно, а если быть точным, в ночь с 1-го на 2-ое января мне приснился во всех отношениях удивительный сон: будто бы Вы прилетели к нам в Тбилиси, и вдруг, еще не совсем спустившись с трапа, увидели шедшую навстречу Вам толпу... Охрана, и Ваша, и наша, оперативно бросилась... Так и так, но Вы воспрепятствовали этому, и пока «предводитель местного дворянства» и его «блистательная свита» предстали перед Вами, Вы обратились к стоящему рядом с Вами, если позволите выразиться по старинке, шутливо, конечно, – Вашему Наместнику в Грузии:

– Скажите, почему этих товарищей не пускают ко мне?

– Право, затрудняюсь ответить, – честно призналось Вам сильно обеспокоенное таким неожиданным, незапланированным «визитом» наше Руководящее лицо.

По мере приближения толпы Вам бросились в глаза плакаты, написанные не столь каллиграфически, но вполне без труда читаемые:

«Когда людей ставят в условия, подходящие только животным, им ничего более не остается, как или восстать, или на самом деле превратиться в животных».

Ф. Энгельс.

«Государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно».

В. И. Ленин.

«Народ всё видит, всё знает».

М. С. Горбачев.

– Здравствуйте, дорогой Михаил Сергеевич! – приблизившись, к Вам обратился с заметной дрожью в голосе «предводитель»...

– Здравствуйте, здравствуйте, хором вторила ему и толпа, кстати сказать, вовсе не разутая, а вполне сносно одетая.

– С Новым годом, товарищи! Радости и счастья вам! – с такой доброй, неартистической улыбкой и таким ласково-располагающим тоном были произнесены эти как будто уже стертые слова, что они вряд ли могли показаться таковыми. – Вы, надеюсь, слушали мое Новогоднее обращение, так что не буду повторяться. Вы мне лучше скажите, что вас будоражит?

– Да сказать боимся мы, а вдруг будете гневаться...

– Ну что вы! Говорите, пожалуйста, и говорите откровенно, смелее, во весь голос, никого не стесняясь и ничего не боясь. Поделитесь всем, что вас беспокоит, а беспокоит вас, без сомнения, пока многое, даже очень многое.

Слова эти, сказанные доверительно и искренне, видимо, проложили тропинку к сердцам пришедших, и они заговорили...

Заговорили, словно немые от рождения, которым, если не бог, то экстрасенс Джуна Давиташвили нежданно-негаданно вернула дар речи: сперва, правда, оглядываясь и запинаясь, а потом заметно храбрее, а еще потом даже дерзостно-храбро, лишь изредка останавливаясь и на секунду задумываясь, не слишком ли перебарщивают...

– Да знаете... мм... Дорогой Михаил Сергеевич, живется нам... мм... очень хорошо... то есть... мм... живем мы... мм... плохо... Почти плохо... мм...

– Да вы не мычите, и не мямлите, – перебила его немолодая женщина, по всей вероятности, учительница, и, судя по лицу, без следов косметики и в некричащей одежде, вовсе не стремящаяся казаться дамочкой. – Нам же разрешили говорить откровенно, во

весь голос... Ну, если и не будем говорить во весь голос, то давайте говорить хотя бы вполголоса, но лаконично и прямо: перед Вами, как говорят в обиходе, простые люди, то есть в и н т и к и ... Да, мы – винтики, Михаил Сергеевич, и с нас, винтиков, везде и всюду, двигатели всех мастей три шкуры сдирают, словно и впрямь овцы мы, а не люди, да еще так громко именуемые – советские люди.

– Простите, но я Вас, к сожалению, не совсем понял. Винтик-то я понимаю, а вот двигатели... Хм! Это что, в переносном смысле?

– Точно! Двигатели – в противовес винтикам почти все те, кто занимает высокие должности, и поголовно все те, кто занимает не такие уж высокие, но все-таки должности, и даже совсем уж незначительные...

– Да, это те, кто разъезжает в персональных черных «Волгах», а кто и не в черных, купленных на награбленные народные деньги...

– Это они всерьез уверены в своей избранности и нисколько не сомневаются, что советский строй зиждется именно на них и что как раз они, а не какие-то там винтики, двигают наше общество вперед, к коммунизму.

– И это они, «товарищи-двигатели», неустанно и страстно призывают нас, винтиков, быть порядочными и честными, добрыми и милосердными, и при этом непременно оставаясь воинствующими атеистами! Призывают к кристальной нравственности героев первых пятилеток, а сами, как кроты, пекутся лишь о своих норах, о своем мещанско-личном благополучии.

– Ох, если бы Вы знали, дорогой Михаил Сергеевич, как трудно нам живется... Теоретически Вы это, конечно, можете себе представить, но а практически... Не будучи самим винтиком, о, трудно, очень трудно вообразить себе наши мытарства...

– От кого только мы не зависим! И от секретаря райкома, и от продавца, и от министра, и от сантехника, и от гробовщика в день смерти и от роддома в день рождения...

– Пахотная земля у нас вроде и не продается, а вот кладбищенская... Похоронить человека иногда дороже обходится, чем вырастить его...

– Везде и всюду обман, обман, обман!.. Все строится на обмане, и шага не ступить без бакшиша, то завуалированно-замаскированного, а то и явно-открытого... Пикнешь что, сразу отрежут: «Не нравится – иди-ка ты на мое место за нищенскую зарплату». Словно государство именно нас обязывает содержать подобных «нищих»!

– Содержишь!.. После Сталина они так обнаглели и так чудовищно выросли у них аппетиты и крылья, что назначь им теперь хоть тысячу в месяц, брать и красть все равно не перестанут.

– Я замечаю, что вот Вы, гражданочка, хотите что-то сказать. Пожалуйста! Не надо стесняться.

– Спасибо Вам, но... как-то неудобно... А, с другой стороны, когда я Вас еще увижу... На днях статистики с радостью сообщили, что нас, мол, уже двести восемьдесят миллионов... Но, если нет у тебя своей семьи; ежели ты одинок, то это, согласитесь, не такое уж большое утешение... Я не о похоронах, нет, хотя и это наболевшая проблема... Уже лет пять я борюсь с собою: родить ли второго ребенка? Ей-богу, так не хочется оставлять дочурку в этом жестоком мире одну-одинешеньку, без братишки, без сестренки, но как на это решиться, если первые роды обошлись мне в шестьсот рублей?!

– Да лучше купить из-под полы в Детском доме готового ребенка – куда дешевле обойдется.

– ...То вахтеру надо дать за то, что он тебе двери распахнул, то – санитарке, принесшей тебе... Неудобно называть... То – медсестре, которая сделала тебе укол и помогла перевернуться на другой бок, то – врачу, принявшему роды, то – тому, кто раньше всех обрадовал тебя – мальчик или девочка... Да не счесть еще кому да кому... Но когда же

скоплю я еще такую сумму при моей более чем скромной зарплате? А годы-то идут, и быть матерью... ведь «не все возрасты покорны»!

– А еще жужжат нам в уши о каком-то бесплатном медицинском обслуживании, дарованном нам сперва Сталинской, а потом и Брежневской конституцией, самой лучшей в мире.

– Лучшая-то лучшая, а вот при совсем нелучшей конституции, как я слыхала, в одном из небольших западных государств, не то в королевской Бельгии, не то в нереспубликанской Дании жена сотрудника нашего посольства, воспользовавшись длительным пребыванием на чужбине, троих родила и всех их без мучений в поисках пеленок и детского питания поставила на шаловливые ноги именно благодаря тому обществу, где человек человеку, как мы знаем, волк и враг.

– А у нас даже родильные дома не везде отапливаются.

– Да что там тепло, в одном из них – а это нынче и Чазову, новому стражу нашего здоровья, стало известно, – крысы новорожденного загрызли.

– Ой, господи! В том роддоме, видно, в кресле главврача темная повивальная бабка сидела.

– А кто у нас сидит на своем месте? Все восседают... Ну, п о ч т и все восседают на чужих, и не потому ли так «опережаем» западные страны, где все... Ну, если не все, то почти все добывают блага жизни соразмерно своему труду и таланту.

– Если у нас многие-многие занимают и не свои места, это вина и всеобщего обязательного среднего образования... Я, старая учительница, скажу Вам прямо... Никакая реформа не спасет нашу школу, пока не станем придерживаться принципа: не заставлять насильно учиться того, кто не хочет учиться. Мы же люди не тупоумные, и неужели до сих пор не можем убедиться в том, что из этого ничего путного не выходит... Между прочим, на таком «учении» кое-кто даже спекулирует. Числился у нас один – ни грузин, ни русский, ни армянин, ни еврей, – редко-редко ходивший в школу, а потом совсем переставший... Пришлось мне, как классной наставнице, пойти к нему домой... Квартира трехкомнатная, ковры, цветной телевизор, даже финский холодильник... А мама говорит: сын не ходит в школу потому, что у него старое пальто и обувь изношенная... Ну и пришлось нам как-то выкрутиться и купить ему и пальто, и туфли, да еще самого лучшего качества, – а вдруг забракуют?! И он стал ходить на занятия, но не занимался... А потом снова забросил школу, и мне вновь пришлось пойти к нему домой, словно он не заурядный советский гражданин, а малолетний престолонаследник Марокканского королевства... А «королева»-мать мне, старой женщине, даже не предлагает сесть и почти нападает:

– Он не может готовить уроки в обшарпанной квартире... Отремонтируйте нам квартиру, тогда и будем ходить к вам...

Спрашивается: ну а если он без аттестата зрелости пойдет, скажем, в дворники, что ж, он безэтого аттестата зрелости всю жизнь останется незрелым дворником? Лев Толстой, граф, убедившись, что один из его сыновей напрасно старается идти по стопам отца, и как бы ему, отцу, ни было тяжело, он все же сказал сыну:

– Зачем ты пишешь? Посмотри, сколько вокруг полезных дел! Подметать улицы тоже полезное дело.

А мы думаем, полезное дело может делать только человек с аттестатом среднего или дипломом высшего образования... И это припомним: обязательное среднее образование узаконил Брежнев... Он же протянул «братскую руку помощи» Афганистану – ввел туда войска...

– Сказано: один дурак сбросит в пропасть каменную глыбу, а потом ее и сто умных не вытянут.

– Вот и мы, женщины, в стране нашей не то место занимаем, что природой

предназначено. Конечно, жизнь не только радость, но и мучение. И мы знаем, без ярма жизни не бывает. Еве Бог де ревянное ярмо определил, а Сталин, Иосиф Сталин, впряг нас в железобетонное ярмо... И так тянем, тянем его до сих пор... Ох, как трудно, трудно нести такой тяжелейший крест! Ведь, прежде всего, мы должны быть матерями и женами, поддерживать огонь в семейном очаге...

– Услышьте нас, Михаил Сергеевич! Не надо рассматривать нас, как орудие производства.

Помогите стать вновь женщинами!..

– Прошу Вас... И мне разрешите... Ведь такой редкий случай подвернулся... Да, и я винтик, Михаил Сергеевич, только вот не городской, – колхозный винтик я... Что скрывать, двигателей и у нас хватает... Я как-то слышал, что один американский фермер кормит 67 американцев, а наш колхозник если хоть себя прокормит, и на том спасибо... На наших полях командующих товарищей больше, чем тех, кто их обрабатывает... И то – одни старики. Молодых к земле лишь под угрозой расстрела привяжешь... Сыновья мои тоже сбежали... И вот приехал я к ним в гости... Стыдно даже сказать – помыться приехал. Что делать, больше СПИДа чесотки боюсь. Однажды уже прилипла окаянная... Ведь бани-то у нас нет! Да и дорог нет... Даже радио уже год как языка лишилось, а так рады были бы все-таки утром Государственный гимн послушать, а то, бывает, пока хорошо не очнешься, так и не знаешь, в какой стране-то живешь, в развитой или еще не совсем развитой... Телевизор? Есть, есть, только... Как мусульманка-персиянка, то откроет нам лицо, то надолго прикроет... Ведь и лампочка-то Ильича не всегда нам светит. А раз читать научили, порой и почитать есть потребность...

– О, возбуждение аппетита это дело государства, а вот утоление его, друг мой, в нашем государстве дело уже твое, выкручивайся, как можешь.

– Прошу не перебивать!.. Собраться с мыслями мне также трудно, как человеку в столбняке собрать зернышки риса, разбросанные по полу... Мм... Да о чем я? Ну да!.. И с керосином в райцентре туго очень, редко завозят... Да и лампы не у всех есть, а у кого они есть, нет ламповых стекол. А где их достать?! Так и мыкаемся без света, в особенности зимой... Если б и лучины не было б... Слава Всевышнему, порой она выручает, как во времена...

– Эх, об идиотизме деревенской жизни когда еще Маркс говорил, и Ленин его поддержал, а мы от него до сих пор не избавились.

– Нет-нет, жить так, как мы живем, и впрямь...

– Тихо!.. Не хуже нас знают, как мы живем, но что из этого?! Помнится, в ту полосу, когда Вы родились, Михаил Сергеевич, и в новогоднюю ночь, и в новогодний день весь советский народ в поте лица с удвоенной энергией трудился, ибо Сталин объявил тогда 1-ое января Днем ударника, и мы из-за этого, ей-богу, ничуть не роптали, ведь были убеждены, что все это делается ради нашего же светлого будущего, ради социализма... И сравнительно скоро, через несколько лет, то есть полвека тому назад, нас и оповестили, мол, социализм уже в основном построен и, стало быть, долгожданное светлое будущее наступило. И вот сегодня, полвека спустя, мы в светлом настоящем – не двигатели, нет! – винтики новый, 1988 год встречаем в темноте... Да еще где? В столице той республики, где возведена самая высокая в мире плотина Ингурской гидроэлектростанции.

(Иные уверяют, что, если вдруг в том районе случится ощутимое землетрясение и эта самая высокая в мире плотина даст трещину, и многомиллионная вода прорвется, то она, как при потопе, сметет с лица земли всю Западную Грузию).

– И стоит ли нам бахвалиться этой «самой-самой», и какая польза нам, скажите на милость, от этой «во всем мире самой высокой-высокой», если даже в новогоднюю ночь... Знаете, и Ваше Новогоднее обращение не удалось нам послушать.

– И вчера и сегодня телевидение не раз приносило извинения тем, у кого был омрачен

Новый год... и объясняли это падением напряжения в электросети, что было обусловлено якобы непомерно большим расходом энергии в электронагревательных приборах населения, что, в свою очередь, было вызвано резким похолоданием.

– Но это «резкое похолодание», во-первых, не опускалось ниже минус трех градусов, а во-вторых, ничего не было сказано о том, почему квартиры наши не были – и не бывают! – обеспечены центральным отоплением на нужном уровне, а то сплошь и рядом и без всякого уровня.

– Эх, говорим-то квартиры, квартиры... О, если б видели Вы, Михаил Сергеевич, наши квартиры...

– И тогда воочию убедились бы, что такое и идиотизм городской жизни... Нашей, нашей!

– Ждешь их получения лет двадцать, двадцать пять, порой и тридцать, а что получаешь? Дом принят, возможно, и на «отлично», а в нем – ни воды, ни тепла, ни газа, и шахта для лифта без лифта... Да не квартира, а каркас один! Все, кроме стен и потолка, заново надо обстроить... А где средства взять? Да и что приобретешь по своей цене, обычным путем? И вот приходится, если вдруг выдаться удобный случай, хочешь-не хочешь, и самому стать ворюгой и покупать все ворованное за ворованные деньги.

– Нет, если такие «домостроители» считаются у нас друзьями народа, да кто же тогда враги народа? Разве лишь тот, кто осмелился ляпнуть, что дела наши идут неважно и что глупо сеять кукурузу в Якутии, и что если автор «Малой земли» так проникновенно-художественно, если и не как Лев Толстой, то, во всяком случае, как Алексей Толстой, может писать, то зачем же он в начале своего жизненного пути не избрал служение литературе, а подался в партийные работники?!

– ...Да мы порой при лучине...

– Эй, ты, старик, повремени со своей лучиной... В век атома стоит ли говорить о лучине? А так, впрочем, если честно, и то обидно, что в такой век наша гидростанция, «самая-самая», снабжает не породившую ее родную Грузию, а соседнюю Турцию. И как Вы считаете, Михаил Сергеевич, неужели не стыдно, и разве не пахнет это, доставшееся Вам в наследство хрущевско-брежневской колониальной политикой, если даже в новогоднюю ночь вокруг электрическими гирляндами освещенной и украшенной елки внуки Абдуль Гамида весело кружатся, в то время, как внуки Маркса, Энгельса, Ленина и Сс... Ой, извините и простите, по старой памяти чуть ли не выпалил так укоренившиеся в моих мозгах «и Сталина...» Еще раз прошу извинить и простить, ради бога... мм... А внуки Маркса и Ленина в эту наиболее празднично-лучезарную во всем году ночь должны сидеть в крошечной темноте и не радоваться своей советской елке?! Разве не достаточно и того, что в двадцатые годы и в начале тридцатых их деды начисто были лишены этой радости?!

(В ту пору в нашей стране елка была запрещена как атрибут религиозного ритуала...

Еще школьником я слышал, будто существует в русском переводе не то с немецкого, не то с английского, книга, изданная в давние времена, еще в Санкт-Петербурге: «История человеческой глупости».

О-о, как это было бы интересно, если бы вновь издали ее, дополненной и обогащенной всеми глупостями, совершенными в наше, советское время! Какой пухлый том составили бы только те глупости, которые выдавались у нас за мудрость!).

– У кого что болит, о том и говорит... И вот я... Верьте-не верьте, нигде ламповых стекол не достать, потому и прибегаем к лучине, как семьдесят лет назад, при царствовании Николая Второго... Ой, мать честная, что это я брякнул, несчастный... Похвала вроде получилась самодержавию... Господи, это же контрреволюция!.. Не взыщите, не прогневайтесь, я, ей-богу, республиканец, и не надо меня за это... туда... на Колыму... Вы же не Сталин, не Хрущев, не Брежнев... Вы человек хороший... Как я слышал, пока хороший, и

не надо меня... в лютый мороз...

– На что это похоже? Не стыдно Вам? Встаньте!

– Да не надо меня...

– Встань, дед, сказали же. Ох, не будь ты убелен сединами, и будь это в моей власти, я бы тебя и впрямь познакомил с белыми медведями... Позоришь нас, винтиков! Заладил одно и то же, то лучина, то ламповые стекла... Ну и что ж, нет и нет! Катаракта у тебя на глазах, что ли? Не видишь разве, наш советский человек по космосу шагает!

– Да, он-то шагает, но... Ежели тебе ботинки жмут, то какая польза от того, что мир просторен?!

– Спасибо, сынок, что помогли... Не только с колен, но и со стула уже с трудом встаю... Старые кости так хрустят, так хрустят, как кукурузные палочки в мальчишеском рту... С моими болезнями... не надо, не надо, Михаил Сергеевич, туда... в трескучий мороз деревья валить...

– Не беспокойтесь, отец, теперь другие времена. Никто Вас не тронет, и никто не заставит деревья валить ни здесь, ни «там»... Говорите! Я Вас слушаю.

– Тогда мне позвольте... Я намного моложе его, если что – в северных лесах и вековые деревья повалю одним махом. Вот что я хотел бы, с Вашего позволения, сказать... Допустим, если б не произошли ни Февральская, ни Октябрьская революции и теперь на троне по-прежнему Романов восседал бы... Ну, скажем, Николай, Шестой или Седьмой... И что ж, как Вы думаете, за семьдесят лет Российская империя так и не продвинулась бы вперед, не прогрессировала бы ни в области образования, ни в области промышленности, да и в сфере прав человека тоже, и мы, ее подданные, за это время хоть немного не вылезли бы из того вонючего болота, в котором задыхались до этих революций?! Нет слов, во многих областях жизни мы многого достигли, а в военном отношении даже превратились в такую силищу, что нынче почти пять шестых земного шара после полуночи спит тревожно, но... Но все это, к великой нашей беде, достигнуто лишь благодаря постепенной утечке из нас человеческого духа, невысказанному упадку нравственности, ценой утери гуманизма, не показушно-словесного, а реального гуманизма, давно осмеянного и забытого, и того милосердия, которое сегодня вдруг стало модным словом, но пока еще не стало потребностью души...

– За столько лет из нашей жизни так и не смогли устранить даже простые неурядицы, которые мешают человеку чувствовать себя человеком, пускай и с маленькой буквы. Зато культ отдельных особ, редко-редко достойных, а недостойных, имя которым легион, сплошь и рядом легко возносили, как пушинку, до таких высот, что и богам было, наверно, завидно.

– А вот культ нашего брата, винтика, то есть обыкновенного, непретенциозного человека, гражданина своей страны без громогласных званий и кричащих титулов, скажу без экивоков, до сих пор находится в эмбриональном состоянии.

«Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние».

И как вы думаете, люди русские, люди хорошие, когда эти строки были написаны и кем написаны? Сто пятьдесят лет назад, как теперь любят его называть, нашим современником, великим Пушкиным Чаадаеву, которого, кстати говоря, Николай I одно время упрятал, если сказать по-нынешнему, в психушку за «сумасшедшие» – недозволенные мысли...

– Да, мы не без предков, и наша история не вчера началась!

– Жить так, как мы живем, можно лишь...

– Все время только и старались, как переиначить жизнь, как поставить ее дыбом...

– И поставили!

– В этом и Сталин во многом, конечно, повинен, но он все же был голова, а после него нами управляли такие головы, что был бы жив сейчас шотландский поэт Роберт Бернс, сказал бы вновь:

Законодателя страны
Я не хочу бесславить,
Сказав, что вы не так умны,
Чтоб наш народ возглавить.
Но вы изволили чины
И званья предоставить
Шутам, что хлев мести должны,
А не странною править
В столь трудный день.

– И это великое счастье наше, Михаил Сергеевич, «в столь трудный день» страну нашу возглавили Вы... Ради бога, не думайте, что это неискренний, заштампованный комплимент, который у нас двигатели разных рангов, опережая друг друга, так спешат преподнести только что вступившему на «престол» советскому «негосударю-батюшке».

– Мы, винтики, любим Вас!

– Не надо, пожалуйста, громких слов. Все равно не поверю. Любовь масс я еще не заслужил.

– Любовь честного народа?! Но как ему не любить Вас и как ему не быть благодарным! Ведь Вы сняли с нас намордник, вытащили кляп, разжали нам рот...

– Будем честны перед историей: даже до 17-го года он не был так железно зажат.

– Теперь язык служит нам не только для проглатывания пищи, но и для выражения своих мыслей и чувств, в известной мере...

– Не приписывайте, товарищи, лично мне такие глубокие перемены в нашем обществе. Все это исходит от партии.

– Позвольте не поверить! Мы-то, правда, винтики, но не такие уж тупоголовые, чтоб... мм... Среди нас есть и по-настоящему образованные, смекалистые, с ясным умом люди... Впрочем, Вы, как глава государства, иначе и не можете говорить о партии, являющейся правящей и единственной в стране.

– О, какое это лицемерие: представьте, ни в чем неповинный человек, многие годы сидевший «за подрывную контрреволюционную деятельность» и каким-то чудом оставшийся в живых, теперь мажорно пишет, что, несмотря на зверские порядки в концлагерях, он ни на минуту не терял веру в нашу родную коммунистическую партию, в чистоту ее помыслов!.. Да, он-то «верил», и бог с ним, если «верил», только Вы не верьте, Михаил Сергеевич, таким лживым, притворным словам, – они написаны для украшения газетных полос.

– Разрешите представиться: перед Вами человек подобной судьбы, и пусть отсохнет у меня язык, если я солгу: в те годы я не встречал ни одного, если говорить дореволюционным языком, политического заключенного, а если послереволюционным, – такого «контрреволюционера», который искренне бы радовался нашим победам на фронтах... Вот видите, воцарилась тягостная, неловкая тишина, ибо вы все впервые слышите такую голую правду, и за эту, быть может, дерзкую откровенность прошу меня не осуждать.

– В те «славные» времена всякий разумный поступок, даже мысль, направленная на благо народа, на лечение глубоко больного общества, рассматривалась как контрреволюция, и на людей с такой «антисоветской начинкой» власти смотрели не как на людей, а как на удобрение для почвы... А у нас ведь партия и власть понятие однозначное!

Лет двадцать назад, стало быть, при Брежневе, в пятиэтажном доме с одним

подъездом, специально построенном в престижном районе для высокодолжностных лиц, будто бы для всех, получил квартиру и я, по всей видимости, как человек рабочий. Только прошу верить, при вселении я стал злиться не потому, что мне достались две комнаты с одним унитазом, а «им» – по шесть комнат с двумя, и не за то, что именно на стороне двухкомнатных квартир архитекторы расположили и лифт, и мусоропровод, значит, и шум, и зловоние достались лишь на нашу долю... Меня скорее и больше всего раздражали разный подход строителей, вернее их вдохновителей. Даже наружные двери в квартиры были сделаны не из одинакового материала: для винтиков – из фанеры, а у двигателей – то ли из орехового дерева, то ли из самшита. Кстати, те двери висят у меня до сих пор, и если Вы, Михаил Сергеевич, окажете честь и заглянете ко мне в гости, собственными глазами в этом убедитесь. Помню, спросил я тогда молодого рабочего, паркетчика:

– Допустимо ли в одном и том же доме квартиры строить по-разному: одни кричаще богато, а другие по-нищенски? Что люди, что народ скажет?

Он довольно долго глядел на меня с удивлением, удивляясь моему удивлению, а потом, опустив голову, задумчиво пробормотал:

– Что люди скажут, что народ скажет...

И вдруг, оживившись и гордо подняв голову, торжественно произнес:

– Да здравствует партия!

– Это естественно. Какая бы ни была партия, коммунистическая или, скажем, правохристианская, веришь в нее в зависимости... Ну, кто во главе ее стоит. Разве поверишь в ту, которой, к примеру, руководит коммунист, скорее смахивающий то ли на турецкого султана, то ли на персидского шаха?! Между прочим, эти были... Кстати, и Гитлер тоже... Они беспощадны и свирепы были скорее к чужим народам, а не к своему, как мы...

– А Вы, Михаил Сергеевич, о чем говорить, вполне достойны быть во главе и партии, и государства нашего, но вот только неприятность какая: все Ваши предшественники, и Черненко, и Брежнев, и Хрущев, как «великие кормчие», так обеславили себя в глазах народа, что ныне и Вам, и Вашим коллегам придется немало потрудиться, чтобы народ вновь воспрянул духом и поверил в свою единственную в стране «правительственную» партию, как однажды назвал ее Ленин.

– И вот, раз она «правительственная», потому и рвутся туда, кроме служителей культа, все!.. Даже за деньги.

– Знает же «товарищ»: расходы эти потом быстро окупятся. С лихвой!

– О-о, в особенности после Сталина в партии столько нечестных людей нашли теплые, беззаботные пристанища, что, если теперь вдруг посетит Вас мысль почистить ее ряды, придется задуматься, а найдется ли столько честных коммунистов, которым можно поручить это святое дело – чистку партии?! Не скажут ли те, кого нужно будет изгнать из ее рядов: «А судьбы кто?»

(Коммунистов надо карать строже, чем некоммунистов, говорил Ленин, а вот у нас при Брежневе одно высокопоставленное лицо – не из местных кадров – за взяточничество перевели в Москву на новое почетное место, а беспартийному взятокодателю дали... 10 лет тюрьмы! (Хм! «Перед законом мы все равны!»).

Эту историю я припомнил вдруг, когда вновь стал перечитывать двухтомник Л.И.Брежнева в синей обложке: «Ленинским курсом».

Из декрета о взяточничестве 8 мая 1918 г.

«Лица, состоящие на государственной или общественной службе... виновные в принятии взятки за выполнение действия, входящего в круг их обязанностей...»

наказываются лишением свободы на срок не менее пяти лет, соединенным с принудительными работами на тот же срок...»

В наши дни за взятку карают уже до 15 лет... но... все же...

На пленуме одного из райкомов партии, где много говорилось о борьбе со взяточничеством, один чудаков-винтик, выйдя на трибуну, лаконично отрезал:

– Есть простой способ уничтожить взятку! Вот вы, товарищи, – он обратился в зал, – не давайте!

А вы, товарищи – обернулся к президиуму, – не берите! И дело с концом!

Зал встретил эти слова аплодисментами, а президиум – молчанием. Отсюда вывод: взятодатель дает не с радостью – он вынужден давать...

– Не знаю, как в других регионах страны, а вот у нас, после по-настоящему справедливой чистки, вряд ли останется столько коммунистов, чтобы их хватило даже на замещение крупных руководящих постов.

– Да, однопартийная система, с одной стороны, как будто очень хорошо, а с другой... Кажется, и не очень хорошо. Вот мы уже давно не удивляемся тому, что многие, многие нисколько не верящие ни в социализм, ни тем паче в коммунизм, для которых что Маркс, что Конфуций, а вот в партию они вступают, а то и просто лезут. Ну как же не удивляться нам, что, к примеру, в Коммунистическую партию Китая, тоже единоправящую в стране, пролезла даже в Политбюро... «банда четырех»: Цзян Цин, Чжан Чучьяо, Ван Хунвень, Яо Веньюан. Даже подумать страшно: четыре бандита в Политбюро! Среди них – и бандитка! Правда, только одна – вдова Мао Цзедуна! Поневоле подумаешь, и Мао, видимо, был бандитом, если женился на бандитке.

– А что у нас, Берия не был бандитом? А Ежов? Состояли же оба в Политбюро?!

– Нынче разные писатели и даже академики и Сталина рисуют нам не только как бандита, но и как параноика-сумасшедшего.

– Ну, здравствуйте! Если три десятка лет бандит управлял нами – это еще куда ни шло, ведь и среди бандитов бывают по-бандитски умные, но если столько лет нами верховодил сумасшедший, а мы этого не понимали, не ощущали, значит, мы сами были сумасшедшими... И если при таком всенародном сумасшествии мы умудрились под руководством Главного сумасшедшего сделать много хорошего, а не только плохое, то представляете, что можно было бы сотворить, если бы Главный был в своем уме, да и мы сами не были бы, мягко говоря, чокнутыми.

– Боже, дай нам и теперь такую веру в Коммунистическую партию, какая была при Ленине и Сталине... Да-да, я не оговорился, и при Сталине. Народ верил в Сталина... Возможно, народ ошибался, что верил, но ничего не поделаешь, этого из истории не вычеркнуть, верили даже беззаветно. И это не миф времен Александра Македонского и не легенда эпохи персидского царя Кира, а вчерашний факт, непреложный факт, и как жалки потуги ныне модных не только «историков», вдруг расплодившихся, словно земляные черви после июльского дождя, доказать нечто обратное.

– Самую объективную оценку тому времени, одновременно и светлому и мрачному, дали Вы: «Сталин и его окружение»... Да-да! Не только Сталин, но и его окружение...

– А нынешние разоблачители все плохое, все негодное, что было в избытке в то бурное время, приписывают одному Сталину – этому «Вельзевулу и сатане», а все хорошее и прекрасное... Снегурочке и Деду Морозу! То есть партии и народу...

– Вы были тогда в том возрасте, когда больше увлекаются девушками, чем судьбами государства, так что в деталях вряд ли можете помнить ту эпоху, поэтому доверьтесь, пожалуйста, мне – кузнецу-ударнику, а потом и стахановцу тридцатых годов. Хоть с сегодняшней точки зрения это и некрасиво, но факт: тогда вся партия, весь советский народ находились, буквально, в рабском подчинении у Сталина, под пятой его не такого уж мягкого сапога!..

– Чтобы Вы знали, Михаил Сергеевич, он у нас орденоседец!.. Первой пятилетки! Тогда ордена не так раздавали, с бухты-барухты! А вот сравнительно недавно одного крупного партийного босса за «долголетнюю плодотворную деятельность» и «в связи с семидесятилетием со дня рождения» вместо того, чтобы повесить его на дереве, повесили ему на грудь орден Трудового Красного Знамени, а вот другому, совсем недавно, из той же республики, крупнейшему ученому, гордости народа, да еще к столетию со дня рождения с трудом расщедрились дать... «Знак Почета».

– О, да, в те годы... Кое-где на могильных плитах тех времен, наверно, и на Новодевичьем кладбище тоже и сейчас можно прочесть: «Здесь покоится орденоседец» такой-то такой... А нынче, кто так будет аттестовать своего покойника ради придания ему веса и значимости? Скорее напишут:

«Здесь покоится неорденоседец», скажем, Иванашвили или Иванов, Иванченко, Иванян, Ивантайтис, Иванеску...

– Вот Вы улыбаетесь, и это придает нам смелость поделиться с Вами мыслями, которые мы многие годы так усердно скрывали, и все же каждый час, каждую ночь дрожали от страха, боясь, как бы в них не проникли вездесущие, сверхбдительные... мм... Даже и теперь опасаемся назвать их по имени. Ведь о них принято говорить как о людях с чистой совестью и чистыми руками... А вот не очень-то сие уживается даже с простой логикой: начальник – палач, а его подчиненные – чистейшей воды ангелы! Да еще в карательном учреждении... То Ягода, то Ежов, то Берия, Меркулов, Абакумов, Рюмин... Нет-нет, не буду больше болтать... За «болтовню» и отсидел 10 лет...

– Мы Вас и так задержали...

– Да говорите, пожалуйста! Я не тороплюсь. Потому и прилетел сюда, чтобы встретиться и поговорить с народом, и именно с малым народом. И раз вы себя считаете «винтиками», то ваше мнение, умонастроение меня особенно интересует, ибо «винтики» как истинные трудящиеся и являются барометром общества и страны.

– Да, мы, конечно, трудящиеся, но жаль только, что не такие уж мы работяги, какие сегодня требуются стране. Всеобщая утрата интереса к труду и нас коснулась.

– А вот в Америке... В той Америке, которую до недавних пор наша информация одной только черной краской усердно мазала и мазала, и во что мы, кстати, ни капельки не верили...

(Один наш номенклатурный работник довольно высокого ранга, вернувшись ошеломленный позитивными впечатлениями из поездки по Америке, с грустью признавался своим доверенным друзьям: «Жить не хочется... Мы в каменном веке!.. Какая великая страна!.. И наша страна тоже великая... территориально!»).

– Ну, так вот, в одно придорожное кафе зашли советские журналисты. Их обслуживала симпатичная девушка лет восемнадцати. Она оказалась дочерью губернатора – миллионера того же штата, и вовсе не жадюги и не Плюшкина. А дочка вот работает в летние каникулы официанткой, чтобы сколотить деньги на уплату за учебу. И никого это там, в «буржуазно-трудовой Америке, не удивляет. У них это норма жизни.

– А у нас... Богатство, нажитое пусть даже не путем махинаций и воровства, все же ничего хорошего не принесло и не приносит нам в нравственном отношении. Применение богатства, по-видимому, тоже требует определенной культуры.

– Вот еще пример из их пресловутого образа жизни: наши туристы, учителя, осматривая одну из школ в Осло, в такой же маленькой стране, как Грузия, увидели, как в день занятий в одном классе еще молодая женщина, на вид интеллигентная, мыла полы... Она оказалась женой директора той же школы, материально вовсе не нуждающейся, и она призналась удивленным коллегам из Советского Союза: «Пусть дети видят и знают, что никакой труд не зазорен».

Вот и подумаем, друзья, если труд, как мы знаем, является основой всего возвышенного на Земле, а теперь и в небе тоже, то в какой же стране скорее можно построить... мм... у нас или... мм... Не буду уточнять, и без того слишком разгулялся...

– О, нет! Мы непременно обломаем в себе Обломовых, обломаем непременно! Нынче, когда Вы вернули нам давно утерянную свободу, дарованную Октябрем, мы так будем трудиться в том обществе, где происходят такие глубокие революционные перемены...

– А знаете, обидно все-таки, что Великая Октябрьская революция после Ленина оказалась не столь уж великой, раз понадобилась чуть ли не новая революция, пусть даже в его духе.

– Октябрь семнадцатого года одной из первых задач поставил себе ликвидацию всенародной неграмотности, а Апрель восемьдесят пятого – всенародное насаждение демократии...

– Жаль только, да и стыдно, что нам в таком солидном возрасте, в 70 лет, приходится вновь садиться в приготовительный класс, дабы постичь азы демократии... Когда же это мы окончим полный курс? Да и вообще, окончим ли? Не выкинут ли нас из второго или третьего класса со словами: – Все! Хватит баловаться! Р-р-разойдитесь!

– Ну и пусть! Мы и так будем благодарны до гроба за два года воли, позволившим нам хоть частично выплеснуть наболевшее в душе нашей... Э-эх, какое это, оказывается, счастье быть мыслящим человеком и говорить, что думаешь.

Все революции, какие когда-либо совершались в мире, в народе всегда вызывали безмерное ликование, а вот эта, последняя, не сразу взорвавшаяся, а постепенно, изо дня в день входящая в нашу жизнь, быть может, поэтому и не вызвала в нас беспредельный экстаз.

– А иные закоренелые скептики, много горя хлебнувшие и не раз обманутые на своем веку, да еще вспомнив предупреждение одной заморской пословицы – когда речь держит лисица, пусть ее хорошенько обдумывают петухи, – отнеслись к всенародно объявленной гласности с подозрением: а не затеяно ли все это с тем, чтобы выяснить, кто есть кто...

– Ну да! И мы, «петухи», только тогда вздохнули с облегчением, когда сообразили: весь советский народ, за исключением «красных князей», кстати, не столь малочисленных, оказывается, является именно тем «кто», кого не бросишь за решетку хотя бы потому, что для изоляции миллионов просто пространства не хватит.

– Да, народ все видит, все знает!..

– А за такие думы и сомнения, недоверие и опасения не стоит кого-либо корить и осуждать. Ведь все революции совершались народными массами, разумеется, под руководством великих и выдающихся личностей, а эта... Если позволите, назовем ее Октябрьско-Апрельская революция 1985 года! В ней ведь массы не участвовали, она свалилась на нас, как снег... Как приятный, долгожданный снег на голову после такой духоты, что хоть топор вешай... И, слава богу, что она, то есть Апрельская, оказалась такой же бескровной, как и Октябрьская...

(Впрочем, это по доступным нам историческим источникам, а вот Маяковский «подбирает» довольно много убитых:

*Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров).*

– Ясно, нас страшно интересует, как все это произошло, но не станем спрашивать

Вас об этом, а если и спросим, что ж, ответ Ваш нам заранее известен: «Это было решено коллективно».

– Но и в этом-то коллективе, каким бы ни был он дружным, кто-то должен был первым сказать «А»?

– И мы, народ, не сомневаемся, что для нас такое великое и радостное «А», услышать которое мы уже не ожидали ни при жизни своей, ни при жизни наших детей, внуков и правнуков, произнесли именно Вы, Михаил Сергеевич Горбачев, и за это Вам наша огромнейшая благодарность!

– Народ все видит, все знает...

– Вы не только умный, но и мужественный человек. Умных не так уж мало, но, чтобы умный был в то же время мужественным, таких в нашей стране, где власть десятки лет подавляла человека... Хоть в Красную книгу занеси!

– Когда народ явно чувствует, что вершитель судеб его и всей страны, нисколько не превосходит обыкновенного человека, сколько бы со страниц газет и с высоких трибун, радио и телевидения ежеминутно ни убеждали в блистательности его талантов, в его исключительности, все равно он не будет пользоваться любовью и уважением народа.

– А вот силу Вашу народ чувствует, и он желает Вам удачи в полном переустройстве нашего общества, давно законсервированного и прокисшего, и не только пассивно желает, но и сам живо будет дело делать.

– Вы прочли мысли честных людей, как большой, вдумчивый писатель, и решились на то, на что, по нашему убеждению, кроме Вас никто и не решился бы! Вы дали нам свободу – духовную пищу. А это великий дар. Ведь мы все эти годы испытывали именно нехватку такой пищи и отсутствие ее угнетало нас больше, чем дефицит материальной пищи... С этим мы как-то все же справлялись и справляемся, то честным путем, то нечестным... Как там ни крути, голодных у нас нет! Однако попрошайки в избытке... Вдруг раздастся звонок, и ты в спешке прихорашиваясь, с приготовленной улыбкой – того и гляди наведалься желанный гость! – открываешь дверь и... Нет-нет, он не просит куска хлеба, как его вчерашние предки, а просит... деньги. («Только что вышел из больницы... из тюрьмы... Отстал от поезда... Приехал в ваш прекрасный город и... здравствуйте, обокрали до нитки...»). И такие бесстыжие паразиты не переведутся никогда. Да-да! Рождаются люди и хорошими, и плохими. И так будет всегда. Миллионы лет понадобилось обезьяне, чтобы стать человеком и, пожалуй, столько же времени понадобится, чтобы человек дошел до сознания, что общественные интересы надо ставить выше личных.

– Михаил Сергеевич, ради бога, не обращайтесь на него внимания. Он у нас политически плохо подкованный пессимист и, воспользовавшись гласностью, как видите, сморозил такую несусветную чушь.

– Нет, конечно, всегда были и есть исключения, отдельные личности, кстати, большей частью, среди верующих, не жалевшие и не жалеющие даже жизни своей ради ближнего, ради благоденствия общества и народа.

– Хоть бейте, но трудно поверить, что Вас лишь тогда осенила мысль о необходимости основательного лечения советской державы, когда Вы стали во главе ее. «Теперь или никогда!». Без сомнения, что способы ее лечения Вы вынашивали не день и не два, и вынашивали тайно, предпочитая быть в тени и при Брежнев, и при Черненко...

– И какое это для нас счастье, что Вы в те времена отмалчивались и не высовывали головы... Ну а если б вздумали хоть слегка намекнуть Леониду Ильичу, что страна наша, «кажется, чуть-чуть прихварывает» и было бы разумно ее «чутьочку подлечить», то он, не раздумывая, такого «лекаря» немедленно убрал бы из Кремля... («Что, я сам не вижу, кого надо лечить, а кого оперировать?»).

Ничего не поделаете, таково «коллективное руководство» везде и всюду при однопартийной системе.

– И Вы молчали. И это наше счастье, что молчали. А то черт знает, на нашу беду, кто сегодня правил бы нами. Наверно, человек опять же наподобие Брежнева, разве чуть помельче его или чуть покрупнее...

– Да, на наше счастье Вы молчали, к примеру, и тогда, когда Брежнев нацепил себе орден Победы, и тогда молчали, когда он за «Малую землю» наградил себя совсем не малой премией...

**(Из речи власть имущего писателя
на XXVI съезде КПСС:**

«Огромное воздействие на все виды и жанры литературы и искусства в эти годы оказали книги Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина», удостоенные Ленинской премии. (Аплодисменты.) Эти подлинно народные книги обогатили духовную жизнь советского общества, показали высокий образец партийного мышления, побудили художников всех поколений на более объемные и глубокие исследования современности, на более весомые художественные обобщения».

Советские писатели...

«не пожалеют своих усилий для создания новых глубоко партийных, истинно народных произведений о советском человеке, о нашем героическом времени».

(«Когда впервые отправилась в Голливуд, я слышала, как писатели рассуждали о том, что приходится быть шлюхами. Но если тебе не хочется быть шлюхой, то к этому и не потянет».

Лиллиан Хелман, американский драматург).

– О, можно не сомневаться, что у писателей-певцов застойно-«героического времени» ни разу рука не поднялась написать подобно Лермонтову:

«Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью». (Из письма В. П. Боткину).

– Жаль, что среди тех писателей, с которыми Вы встречались в июне 1986 года, не было А.И. Солженицына: это он еще в глухую пору первым заговорил о «кошмарах прошлого», о чем сейчас у нас многие писатели и неписатели так охотно, «мужественно и смело» поднимают голос!

Без сомнения, если Александр Солженицын, великий русский писатель, писатель-гражданин, вернется на Родину, Москва встретит его так, как Париж встречал возвращение Виктора Гюго, изгнанного Наполеоном III.

– И что самое примечательное, в том году автору «Малой земли» и «Целины», как литератору, отдельно вручили Ленинскую премию, отдельно чествовали...

(На фотоснимке запечатлен бюст Ленина, притом в таком ракурсе, что создается впечатление, будто вождь благосклонно взирает и словно даже осеняет Леонида Ильича, которому Г.М. Марков, председатель Комитета по Ленинским премиям по литературе, прикрепляет медаль...

Возможно, этим и намекнули нам, что ... «Брежнев – это Ленин сегодня»!).

– Впрочем, а как же иначе? Надо же отделить Первого человека-двигателя в стране, где правит народная власть, от рядовых граждан, чуть ли не паршивых овец, пусть даже и Ленинских лауреатов!

– Народ все видит, все знает!

– И еще пример: не могли же Вы искренне одобрить, но в силу обстоятельств, разумеется, и не могли выражать свое несогласие, когда Брежнев, учредив нагрудный знак за 50 лет пребывания в партии, первым же прикрепил его к своей груди, которая и так от горла до пупа, как у опереточного генерала, была перенаселена всевозможными орденами и медалями.

– Да ведь маршал Леонид Брежнев, как и... маршал Георгий Жуков... И тот, и другой четырежды Герои Советского Союза!!! Оба! Одинаково!

– И это отметим, что и маршальский жезл, и звание Героя получены Брежневым спустя многие годы после войны, во время его царствования.

– А вот «сатана» Сталин был награжден всего одним «Героем», да еще без его согласия, за что Председатель М. И. Калинин...

(Выписка из архива Президиума Верховного Совета СССР):

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1945 года возглавившему Красную Армию в тяжелые дни защиты нашей Родины и ее столицы Москвы, с исключительным мужеством и решительностью руководившему борьбой с гитлеровской Германией, Маршалу Советского Союза И. В. Сталину присвоено звание Героя Советского Союза.

Прочитав в «Правде» Указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза, И.В. Сталин пригласил к себе М. И. Калинина:

– Скажите, товарищ Калинин, знаете ли Вы положение о звании «Герой Советского Союза», кому и за что присваивается это звание?

М. И. Калинин ответил...

– Оказывается, Вы знаете это положение, знаете, что звание Герой Советского Союза присваивается лишь рядовым бойцам и командирам за героизм на поле боя... А как можно увешивать золотыми звездами нас, сидящих в теплых кабинетах... Что скажет народ? У меня есть звание Героя Социалистического Труда, разве этого не достаточно? Я не имею права носить вторую звезду Героя...

Показав М. И. Калинин «Правду» с Указом, И. В. Сталин сказал:

– Вы, товарищ Калинин, заслуживаете сурового наказания за подписание этого Указа, но Ваша многолетняя безупречная служба Советскому народу и Ленинской партии, а также наша с Вами давнишняя дружба удерживает нас от того, чтобы строго Вас наказать. Не повторяйте больше этой ошибки. А я отказываюсь получать эту высокую награду как незаслуженную.

Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина, которыми И. В. Сталин был награжден, остались в наградном отделе Президиума Верховного Совета СССР. И только после смерти Сталина по поручению руководства партии Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина были там получены двумя работниками ЦК КПСС и они несли их за гробом И. В. Сталина).

– Тогда мы, наивные винтики, не сомневались, что нагрудные знаки за пребывание в рядах КПСС в течение 50 лет вручат в первую очередь, конечно, в то время еще здравствующим старым революционерам, среди которых были и участники Октября! Но нет! Эта награда была придумана в 1981 году только потому, что как раз в этом году исполнялось 50 лет пребывания Брежнева в партии, и впервые она торжественно была вручена именно ему...

– Леониду Ильичу, видимо, помешала тяжесть годов, а то, кто знает, для полноты абсолютной власти прибрал бы себе и право первой ночи!

– О, власть – это такая отравка, вернее, такая сильно действующая сладкая отравка, что почти любой советский человек рвется к ней и готов ею отравиться. Ведь у нас без власти, как иные утверждают, ты – просто ничто!

– Но а зачем же, скажем, писателю, по выражению Горького, учителю жизни, власть? Бытует же среди них такой не то житейский девиз, не то кулуарный афоризм: «Советский писатель без власти – это не писатель».

– Нет, мы понимаем, что и Толстой тоже властвовал... Но не над своими братьями-«однополчанами», Чеховым, Горьким, Короленко, Андреевым, а над... читателями! Также и Пушкин, и Шекспир тоже, и Достоевский, и наш Чавчавадзе...

– Это же совсем другое дело, и мы это вполне понимаем, но вот как-то не разумею, зачем же, ну, хотя бы Союзу писателей Грузии 8 секретарей (а Союзу художников, кстати, еще больше, не считая председателя и его заместителей!..).

– Думается, не надо быть американским экономистом Леонтьевым и советским – Абалкиным, чтобы раскрыть тайну, почему у нас при населении в двести восемьдесят три миллиона такая нехватка рабочих рук! Голов-то хватает, даже не знаем, куда излишки девать, а вот рук не хватает! Словно люди у нас вовсе без рук рождаются, только с головами, с головами!

– А разве стоит этому удивляться при такой тяге к власти-должности от мала до велика?! «Зачем же я тогда вступил в партию?.. Только членские взносы платить?..» И дайте ему... И дают, но никак не может «товарищ» насытиться... Рвется и рвется все выше и выше, даже при головенке, скорее похожей на кочан капусты.

– Далеко ходить не придется... Вот пример из высшего эшелона... Черненко, Константин Устинович, совершенно бесцветная, ничем не примечательная фигура, к тому же серьезно больной человек, не отказался ведь от своей кандидатуры в «великие

кормчие», да еще какого государства? Не Андорры и не Сан-Марино, и не Лихтенштейна! Но, если честно, разве и мы в то время не заслуживали именно такого предводителя, ежели сами были похожи скорее на стадо обстриженных овец, чем на хоть немного уважающий себя народ?

– Помните, как он шел впереди гроба на похоронах товарища Андропова, в длинном пальто? Да не шел, а почти бежал, словно боялся, как бы его не опередили первым войти в Кремль...

– Народ все видит, все знает!

– Мы давно привыкли ничему не удивляться, но этому?! Как же он решился, боже, стать капитаном не государства-суденышка, а государства-атомохода?!

(Китайская пословица: «Глупый становится впереди всех, чтобы его видели, а умный сзади, чтобы видеть впереди стоящих»).

– И это тоже великое счастье наше, что Вы не выступили против выдвижения его в капитаны, ведь его все равно выдвинули бы, а он Вас через два-три месяца в отместку выбросил бы, на нашу беду, в Аральское море, а может, и в еще более холодное – Баренцево!

– В истории нашей страны подобных случаев немало... А, впрочем, можно ли это рассматривать, как случай? Или же это врожденная закономерность нашей государственной системы?!

– И вот, дорогой Михаил Сергеевич, признаться, боимся мы... Нет, лучше смягчим и скажем так: мы побаиваемся, как бы подобные случаи и впредь не нашли благодатной почвы в нашем обществе, находящемся сейчас на пути очищения от всякого мусора и грязи.

– Когда вся, да еще гигантская власть в руках одного человека, это знаете... Когда нет официальной, узаконенной оппозиции... Когда даже и суд, и церковь подчиняются одному владыке, не только от его ума, но и от характера можно ожидать всякое: и весьма хорошее, и страшно плохое...

– Вот Сталин, мол, страдал подозрительностью... А сколько бед натворила она!.. А изменить характер и при глубоком уме и сильной воле невозможно. Руководитель с дурным характером, все равно, какого бы ранга он ни был – вождь, лидер или столоничальник, – это ведь форменный ад для ему подвластных... Даже в солидном учреждении это как-никак еще терпимо, – в конце концов, горе-руководителя, дубоватого и бестолкового грубияна и хама, могут и отстранить, ведь над ним все же есть вышестоящая власть, ну а если ты сам вышестоящая, бесконтрольная власть в масштабе всей страны? Да еще чуть ли не пожизненно, что тогда?! В таких случаях полагаться лишь на критику и самокритику... Ведь они же на всем пути существования Советской власти никак не оправдали себя, одна фикция... В особенности самокритика курам на смех.

– Пожалуйста, не принимайте это, как анекдот: один ленивый московский доктор юриспруденции, будучи оппонентом, предложил диссертанту самому написать рецензию на свою диссертацию, только с условием, чтобы непременно были отмечены также и ее изъяны.

Бедный диссертант был в крайнем недоумении: если б я знал какие недостатки есть в моей диссертации, я бы их сперва исправил, а потом уж представил на соискание...

– Древние римляне говорили: «Если хотите погубить человека, дайте ему все, что он захочет». Вот, к примеру, Хрущеву тоже дали все, что он хотел. Вернее, без чьего-либо сопротивления он прибрал к рукам всю власть, и законодательную, и исполнительную, но при этой бесконтрольной власти и сломал себе шею...

– И это не анекдот: будучи уже на «заслуженном отдыхе», Никита Сергеевич пригласил на свою дачу Владимира Высоцкого, и после того, как он спел бывшему громовержцу – а тот

с удовольствием послушал неодобренные когда-то им же самим песни, – поинтересовался и спросил Хрущева, почему же он, в бытность главой великого государства, приказал бульдозерами смести выставку абстракционистов, на что бывший глава развел руками: «Меня ввели в заблуждение, я же крестьянин».

– Видите? Вдруг стал крестьянином, очутившись у разбитого корыта, а тогда, при власти, чувствовал себя всемогущим владетельным, светлейшим князем, и в этом качестве — все знал, все понимал, был и жнецом, и на дуде игроцом, и творцом, и мудрецом!

– Да, власть необъятная, всеобъемлющая, безграничная кому только не вскружит голову, даже очень умному человеку, и даже великому, ведь сказано Иоганом Вольфгангом Гете: «И великий человек всего лишь человек». Стало быть, это в человеческой природе. Возможны, конечно, редчайшие исключения.

– Дай бог, Михаил Сергеевич, чтобы, на наше счастье, и Вы оказались этим исключением... А для этого, кроме всего прочего, надо, чтобы не возносили Вас до небес, не курили фимиам ни в период перестройки, ни после, когда, даст бог, начнете собирать богатый урожай. Осмелимся заметить, что на людей, на какой социальной ступени они ни стояли бы, это скорее производит отталкивающее, тягостное впечатление. Создать подобным образом авторитет невозможно.

– О ком бы ни говорили, частое употребление его имени в известной мере обесценивает это имя. На двадцать шестом съезде КПСС руководители всех советских республик, казалось, соревновались, кто кого перещеголяет в панегириках Брежневу, кто в своих сравнительно небольших речах наибольшее число раз упомянет его фамилию, разумеется, в суперхвалебном тоне. И, по подсчету людей, счет любящих, рекорд установил товарищ из одной среднеазиатской республики: фамилию Брежнева он провозгласил шестнадцать раз! Да, шестнадцать, но от этого Леонид Ильич не стал милее и дороже народу, ни «винтикам», ни «двигателям».

– Конечно, лесть, угодничество, холопский подхалимаж при нашем образе жизни не вытравишь, не искоренишь. Вся история нашей страны, начиная со времен Сталина, красноречиво говорит об этом: мы все ведь едиными цепями связаны друг с другом, мы – как маленькие матрешки, втиснутые одна в другую в гигантскую матрешку.

– И Хрущев вначале, когда ему по старой привычке стоя и бурно, как Сталину, аплодировали, жестом давал понять, что не надо этого делать, хватит, мол, садитесь... А потом... потом... Когда он уверился в том, что Советская страна под его ясновидящим руководством, без всякой гласности и малейшей демократии, так фантастически шагнула вперед, что огни коммунизма и без полевого бинокля стали уже видны и по его подсчетам осталось каких-нибудь двадцать... шагов, и нате вам Эдем и Эльдorado!

– Скатиться в пропасть – дело несложное, но чтобы выкарабкаться оттуда – нужны неимоверные усилия и не один год...

– Что там год... Даже китайцы, трудяги как муравьи и пчелы, и к водке непристрастные, также опустившиеся в бездну под мудрым водительством Великого кормчего Мао, а потом и банды четырех, на то, чтобы выползти из нее, отводят ни много ни мало – сто лет! И лишь тогда, по их мнению, возможно, почувствовать запах социализма.

– А Хрущев всего за два десятка лет собирался открыть нам врата и до того давно обещанного коммунизма!

– Будто бы нам так уж наскучило жить при социализме, если только он реальный...

– Будучи у Эйзенхауэра в гостях, Никита Сергеевич, как начинающий кукурузник, заглянул и на ферму своего новоиспеченного друга, опытного кукурузника Росуэлла Гарста. На вопрос фермера, как нравится Америка, глава Советского государства, поскольку было утро и он еще не протрезвился, стал в ответ что-то мямлить... Тогда дородный хозяин фермы, улыбаясь и размахивая огромным початком кукурузы, сказал ему:

– Неудивительно, если она Вам не нравится. Наши страны и родственные, и неродственные: Америка – страна индивидуального капитализма, а Советский Союз – государственного капитализма. Все в ваших руках: и бюстгальтеры, и прокатные станы, и зубная паста, и блюминги. То, что покупаете у населения за три цента, ему же продаете за три доллара. Если, скажем, то или иное изобретение даст государству сто миллионов прибыли, то вы самому же изобретателю бросите в награду лишь тыщонку...

И по-американски хлебосольный Гарст налил высокому гостю в высокий фужер смирновскую водку американского производства, и оба, подняв бокалы, ежели верить тогдашнему «Голосу Америки», чокнулись дружно, сказав в стиле Хемингуэя:

- За капитализм! – сказал Гарст.
- За коммунизм! – сказал Хрущев.

(В античные времена говорили: «Самое сильное опьянение – это опьянение властью». А если к этому еще и «Столичную» прибавишь, тогда пик коммунизма померещится совсем перед носом).

– На наш, возможно, близорукий взгляд, и не следует вообще называть точную дату осуществления великих целей. Горький опыт учит: такие прогнозы редко когда оправдываются.

– Тем паче, что Вам досталось тяжелейшее, прямо скажем, удручающее наследство. И какие только сложнейшие задачи не придется решать Вам и Вашим коллегам! Титанические усилия понадобятся для воплощения их в жизнь. Очистить бесчисленные Авгиевы конюшни в экономике... А разве только в экономике?.. Вернуть моральный облик советскому человеку, давно лишившемуся его... Оживить в нем чувство потребности к труду и чувство собственного достоинства, да и вообще утерянную человечность, без чего человек лишь физически похож на сына Земли...

– Быть самим собою, – весьма высоко ценил Владимир Ильич Ленин. А мы все старались – все, все! – буквально, все старались не быть самими собой, ибо это могло стоить нам очень многих потерь, порой даже жизни. Хотя сейчас и стремимся не скрывать своего истинного лица, но... Разве так легко освободиться от двоедушия и фарисейства, от лицемерия и пресмыкательства, от раболепия подлости, от обезьянничания ради выгоды?

(Одно значительное должностное лицо, командированное по культурным делам в Париж, вернулось даже на два дня раньше положенного срока: «Можно задохнуться в этом болоте... Ностальгия по советской Родине каждый день, каждый час грызла меня...»).

И это он говорил везде и всюду во всеуслышание; надеясь, что крик его души дойдет «куда надо», и его снова пошлют в то же «болото», на этот раз, дай бог, может и на более длительный срок).

– Все это так въелось, так въелось в наши души...

– А комплекс страха, прочно, основательно поселившийся в нас? Раскабалить от него, прости господи, не только в ближайшем будущем, но и вообще возможно ли?

– И неужели это наша вина, если жизнь была устроена так, что перед каждым проходимцем и негодяем, наделенным властью, приходилось лебезить и заискивать?! Впрочем, еще рано говорить об этом в прошедшем времени...

– Иногда порой диву даешься, что это за государство создал Иосиф Сталин, которое вот уже лет 35 «свои» же рушат, рушат и никак не разрушат.

– Нет, с культом личности все-таки можно покончить, но как покончишь при нашем строе с культом должности?! Впрочем, они у нас взаимосвязаны.

– А мы все же с надеждой смотрим в будущее. Рассчитываем на Вашу решимость и отвагу, на Вами же провозглашенное новое мышление.

– И мы будем безгранично рады, если не будут вновь вливать молодое вино в старые бурдюки!

– А ежели да, то мы станем громко, громко кричать о надувательстве... Ведь было сказано, что отныне мы все должны жить только по правде.

– И винтики, и двигатели!

– Вот именно: и д в и г а т е л и !

– Правда – это великий дар, долгожданный подарок Октябрьско-Апрельской революции, и дай-то бог, чтобы она, правда, не улетучилась и на этот раз, как и после Октября!

– Какое это будет тогда всенародное бедствие! Жить, по-прежнему, во мраке...

(Как не вспомнить: ни одна революция не смогла достичь тех идеалов, ради которых она совершалась).

– Ох, как народ боготворит правду!.. Владимир Высоцкий ведь не Александр Пушкин, не Пьер Жан Беранже, подтрунивавший над наполеоновским режимом, и не Качалов (словно о нем сказал Томмазо Сальвини: «Актер – это голос, голос и голос!»), а вот народ все же возвел его чуть ли не в национальные герои. И это только потому, что он своими песнями говорил правду в то время, когда она была в кандалах.

– Высоцкий, кстати... Ежели уж по правде... Нет, не был он трагической фигурой, как теперь иные утверждают... Ну, допустим, если это и так, что ж тогда сказать о великом ученом Николае Вавилове, замученном и до ареста, и после ареста? Или о Марине Цветаевой, о Всеволоде Мейерхольде, о Лесе Курбасе, о Соломоне Михоэлсе, о Сандро Ахметели, об Осипе Мандельштаме, о Тициане Табидзе, об Егише Чаренце, об Евгении Микеладзе, всего несколько лет стоявшем за дирижерским пультом, но успевшим стать «гордостью советской дирижерской школы» (Дм. Шостакович)?! А Высоцкий... Даже не верится, что в те времена Владимир Высоцкий пел, что хотел, играл, что хотел и кого хотел, уезжал, куда хотел – то Франция, то Италия, то Северная Америка, то Южная, то Голливуд, то Гаити,

– Вся Таганка была у его ног, да еще женат был на знаменитой «колдунье». Но есть, правда, одно «но»: определенные ограничения, разумеется, чувствовал. Ну, например, не печатали. Но мало ли таких, кого и сейчас-то не печатают?

– Как винтик винтику скажу вам: имейте терпение, не все сразу... Ведь это не манна небесная... Придет время, и вас напечатают... Нет-нет, почему? Возможно, и не после смерти.

– Беда наша в том, что мы только два вида воды признаем: горячую и ледяную. А ведь есть в природе еще и теплая, и тепловатая, да и холодная и холодноватая...

– Тебя будут купать в лучах порой и незаслуженной славы, или же несправедливо давить, как тлю...

– Это уже исключено. Поверьте, навсегда ис-клю-чено!

– Дай Вам бог крепкого здоровья на радость нам, Михаил Сергеевич!.. Только вот простите, что упомянул бога, но это, ей-богу, словесная шелуха.

– А что, если перестанет она быть словесной шелухой, и Вы восстановите Бога, хотя бы в минимальных правах, пусть даже формально? И повод у Вас имеется сейчас веский: тысяча лет крещения Руси! Да еще великая ломка старого нашего общества...

– «Сегодня или никогда!» И это «сегодня» нисколько не повредило бы ни социализму, ни демократии. Скорее наоборот.

– Ну и что, если когда-то, чуть ли не во времена Мафусаила, Маркс черкнул: «Религия – опиум для народа». Сколько воды утекло после этого... Практика ведь, сама жизнь начисто опровергает многие теории...

(По марксизму, государство, в конце концов, при коммунизме должно отмереть... Но если при еще живущем государстве происходят такие умопомрачительные безобразия, что ж тогда будет, когда оно уйдет в небытие? Разве тогда и воцарятся всеобщие благоденствие и ангельский порядок?)

И это ведь предполагали: как только пролетарская революция победит, сразу же наступит эра социализма!).

– Нынче даже дремучие фанатики ислама пересматривают некоторые воззрения своих пророков и проповедников...

– Ежели за это не ждет меня, тем более при нынешней нехватке бензина даже для авиарейсов, участь Джордано Бруно и Яна Гуса, осмелился бы сказать: существенная ошибка Ленина и всей Октябрьской революции в том, что именно после нее началось у нас тотальное гонение на религию. И как раз оно и сыграло немаловажную и зловещую роль в нравственной деградации советских народов.

– В двадцатые годы на каждом углу призывали: «Даешь культурный, безбожный быт!» Безбожного и мира, и быта в два счета достигли, а вот культурного... И поныне что-то не очень ощущаем.

– В Москве много переулков. Есть и такой: Безбожный переулок.

– И разве разумно тратить огромные средства на борьбу с церковью?

– Как винтик винтику говорю: не беспокойся, деньги эти берут у той же самой церкви. Вспомним: сколько миллионов отдала она Сталину в годы войны!

– Атеизм в нашей стране – кормушка для тех, кто сегодня торгует Христом, а завтра – только скажите! – продаст и Маркса и Энгельса, вместе взятых, даже еще дешевле, чем Христа-Спасителя!..

– Ну, если в Америке и процветают всевозможные вероисповедания, что ж она, эта верующая Америка, в чем-нибудь отстает от нас? Впрочем, помню и такое: писали у нас хвастливо, мы, мол, больше, чем Америка, производим мяса...

– Возможно, но она производит столько, сколько ей требуется...

– То было при Брежнев, и при Черненко тоже, например... В «Литературной газете» (18.07.84.) можно было прочесть огромными буквами: «Израиль: выборы без выбора». Ну, это, скажем, для тех времен вполне закономерно, но когда, буквально, на днях в «Советской культуре» читаем материал с аналогичным заглавием – «Выборы без выбора» – про Гаити... Ну знаете, это по-моему, не совсем пристойно, и пора перестать так долго говорить о веревке в доме повешенного... Мы часто называем себя самым образованным народом мира, и если это так, то тогда, прочитав такое, поневоле поставим на одну параллель и Гаити, страну величиной с булавочную головку, и шестую часть мира – Советский Союз, да еще скажем: – Молодцы! Ученики наши прилежные!

– Спасибо Вам, Михаил Сергеевич, что позволяете нам так вольно высказываться... Огромное спасибо и за то, что Вы вновь прорубили окно и в Америку, и в Европу! Оттуда к нам, будьте уверены, трупный запах не донесется!

– Мы хотим любить все народы мира, а не только кампучийцев и афганцев, в том числе – только не сердитесь! – душманов тоже...

– Да их ведь пять миллионов, треть всего населения страны, покинувших веками насиженные места, чему нет примера во всей новейшей истории мира... И они, эти душманы, враги себе и своему народу?!

(В одном из высших учебных заведений, одному важному лицу, приехавшему к студентам с целью профилактики возможных «беспорядков», студенты не анонимно-письменно, а громогласно устно задавали вопросы, от которых старший товарищ не знал, куда деться и как укрыться: отвечать газетно-штампованно ему не хотелось, – как-никак перед ним серьезные молодые люди, истово грызущие гранит науки, – ведь раз гласность, могут и освистать, а как ответишь, чтобы хотя бы мало-мальски пахло разумом:

– Почему это советский парень, сплошь и рядом единственная надежда и единственная опора матери, должен погибнуть в Афганистане? Нередко вместе с сыновьями погибают от беспросветного горя и родители. Да, война в Афганистане – это

двойная война, зримая и незримая. А стоит ли она этого? Ну чем может угрожать нам такая чуть ли не средневековая страна? А, может, боимся, что через Афганистан на нас нападет... Пакистан? Остерегаться Японии из-за Курильских островов – это еще можно понять с натяжкой, но Пакистан?! И самое главное, – назовите хоть одного сына больших людей, посланного за восемь лет войны в Афганистан и сражавшегося там против так называемых душманов? Это что, только мы одни должны погибать «за правое дело?»).

Сколько времени сеяли у нас неприязнь к другим... Если ты из края социализма, то ты ангел, а если из другого, – черт и дьявол!

– Мы хотим любить и детей Страны восходящего солнца, и детей Нового света!.. И пора нашей прессе распроститься с ехидной рубрикой: «Их образ жизни». Если бы мы вообще побольше перенимали из их образа жизни, то нынче образ нашей жизни был бы, пожалуй, гораздо красивее, и здоровее.

– А вот какая у нас к Вам просьба... Ежели вникнуть, сугубо патриотическая: пока мы еще стоим на протезах, а не на настоящих ногах, не следует нам, думается, перекидывать телемосты с ними... А то, знаете, что получается? Хотя мы против них выставаем лучшие умы, к тому же наделенные завидным красноречием, а вот на ринге-то они... мм... Словно тяжеловес-верзила избивает мальчугана, веса мухи... Их «мостовики», нисколько не волнуясь, спокойненько, лишь одним, да еще очень вежливым, ударом посылают нас в глубокий нокаут, и пока Фил Донахью или еще кто-то там у них считает до девяти, мы, ничком распластавшиеся и явно обозленные за их вероломные вопросы, вроде – «Можете ли Вы критиковать свое правительство?» – стараемся парировать лишь одним...

– Не вмешивайтесь в наши внутренние дела!.. Не вмешивайтесь...

– И это единственный наш аперкот против их нареканий в наш адрес. Единственный! И смешно немного, и грустно очень.

– А Донахью считать продолжает... «...шесть, семь, во-о-семь...» И мы, слава и Богу, и Аллаху, поднимаемся, едва поднимаемся, и при том вовсе не краснея, и... Опять вежливый удар, на этот раз слева и прямо в наш советский подбородок, и мы снова на полу, уже плашмя и... Пока Фил Донахью или еще кто-то у них там считает до девяти, мы лепечем с разбитой челюстью:

– Мы лучше вас знаем, как нам жить... И все это вы, вы говорите нам? А Хайдер? Ваш Чарльз Хайдер? Это же позор Америки! Человек свыше двухсот дней голодал! В знак протеста против ваших порядков...

А в ответ нам американцы....

– Да, но Как вы сами о себе говорите, вы же самый образованный народ в мире, и вы верите, что человек может голодать двести дней?! Если так, то разве в Ленинградскую блокаду могло бы погибнуть столько людей от голода?! Не только двести дней, даже два месяца голодания были бы удивительным вызовом природе, и это как сенсационный рекорд сразу бы внесли в Книгу Гиннеса, авот, видите, «двести дней» Хайдера туда не внесли.

– И среди астрофизиков бывают чудачки и мистификаторы. Прославиться, чем-нибудь прославиться, это в природе человека. И Хайдер тоже стремился к этому... Стать всенародно популярным, а там того и гляди, и президентские выборы приближаются и, чем черт не шутит, а вдруг...

Но Хайдер, кажется, передумал выставять свою кандидатуру, видимо, убедившись, что за него, кроме членов его семьи голосовать не будет никто... Америка, как об этом у вас пишут, падка на сенсации, но не на такие Да, к слову, на его «голодовку» во всем мире, кроме вас, мало кто обратил внимание. Человек не у себя дома, а на самом видном месте, чуть ли не на южной лужайке Белого дома, устроил себе лежбище Кстати, а можете ли вы на Красной площади, даже не в знак протеста, хотя бы поспать часок-другой на своей раскладушке? Ну если и не там, то, по крайней мере, на площади Пушкина рядом 'с великим

вашим поэтом, который «милость к падшим призывал».

– У нас нет падших! – У нас даровое медицинское обслуживание!

(Потому и не следим за своим здоровьем: семьдесят миллионов курильщиков, столько же миллионов с избытком веса, миллионы пьяниц!).

– Всему миру известно: наш советский больной здоровее американского больного!

(И то всем известно, что по детской смертности мы занимаем 50-е место в мире, уступая даже самым отсталым африканским странам).

– А вот еще: у вас миллионы неграмотных, а у нас бесплатное образование! И среднее, и высшее...

(Не потому ли и не стараемся усердно учиться: куда ни глянь, видимо-невидимо невежд и недоучек с аттестатами и дипломами, порой даже таблицы умножения не знающих)...

– У вас страшная безработица, а у нас ни-ка-кой безработицы!

(О-о, это же, вообще, первейший наш конек кардинального преимущества социализма над капитализмом, но... Зато у нас бездельников, разгильдяев, бракоделов, лодырей, тунеядцев не меньше, чем у них безработных).

А так, вообще, хотелось бы узнать у наших экономистов, современный капитализм такой ли же бесчеловечный, как был при Марксе?

Автор этих строк, вовсе не экономист, еще когда писал:

«Небольшая безработица не только не вредна обществу, а до некоторой степени даже полезна. При безработице человек дорожит своим рабочим местом: стремится работать честно, ибо опасается, как бы на его место не приняли другого»).

– У нас и право на жилье, и право на отдых! А у вас миллионы бездомных, которые только в парках «отдыхают». Вот какие у нас великие завоевания! Идите и завидуйте!

И вместо того, чтобы завидовать нам, вдруг последует уже не такой вежливый, а скорее решительный удар, кажется, от самого Фила Донахью или еще от кого-то из американской команды, и слава Всевышнему, и Колумбу тоже, к счастью, мы отделаемся только нокдауном:

– Все эти великие завоевания завоеваны вами за счет мизерной зарплаты.

– Не помню, кто эту мысль высказал, возможно, она мне, винтику, самому пришла в голову: будь ты хоть гением, но если ты служишь заведомой лжи, как ни старайся, ложь за правду все равно не выдать, а судить о тебе будут, как о врале, недостойном уважения.

– Сила только временно побеждает правду. Разве не так случилось со сталинской «правдой»?

– Еще восемь веков назад Руставели изрек:

Зло сразив, добро пребудет в этом мире беспредельно!

– Правда, как хлеб...

– Хле-еб... О, молодые друзья мои, до сих пор я только слушал вас, хотя не все понимал, о чем вы говорили. Неудивительно... Ежели и Хрущев был простым крестьянином, то я и подавно. Но, о хлебе... Извините, я ведь сам хлебороб, и здесь больше других мне пристало о нем говорить... Михаил Сергеевич, дорогой, не надо удораживать хлеб! Не думайте, ради бога, что я о своем желудке забочусь, о своем кармане... Что мне деньги? Ведь мне так много лет и хочешь-не хочешь, а все же придется скоро в лучший мир отправляться... Ох, простите, простите, что вдруг, как дурак, рассмеялся... Есть тому причина... А, может, Вы уже слыхали, а? Мне-то сын рассказал, а я... Что делать, не могу удержаться от пересказа... Будто Сталин... Да, Сталин... Эх, как нынче ни стараются, никто не сумеет вытравить любовь к нему из сердец огромного большинства его современников и гордость за него... И вот, Сталин, Иосиф Виссарионович, звонит с того света в Москву, в Верховный Совет с просьбой, если, мол, кто – сюда, пусть привезет ножи и вилки... И ложки... Как только Гитлер стал заведующим красной столовой, отобрал их у всех нас,

коммунистов, и теперь, в первую очередь, меня и Молотова заставляет есть и котлеты, и суп... серпом и молотом! И норму хлеба урезал, подлец, до воробьиной порции: ешьте, мол, не как восточные варвары, а как культурнейшие арийцы... Вот так мелко мстит мне этот бесноватый фюрер-котенок за мою победу над ним...

– Вот Вы, кажется, улыбаетесь, Михаил Сергеевич, и это нас ничуть не удивляет: Вам же не чуждо чувство юмора, иначе Вы не поведали бы народу, что члены «Общества друзей Бахуса» окрестили Вас «минеральным секретарем». И что ж? Думаете, Вы что-нибудь проиграли в глазах миллионов-трезвенников? Ни капельки! Этим Вы нас еще больше подкупили.

– Да, хлеб ведь основной продукт нашего питания. Мы привыкли насыщаться хлебом, ибо другие продукты в магазинах не так уж легко найти, а на рынке и картофель, и мясо, и капуста, а сыр подавно... Не по нашему карману, дорого очень...

– Ну и что ж из того, что хлеб в Америке в пять раз дороже, чем у нас, а во Франции в три с половиной раза... Зато у них и зарплата, дай бог, разнится от нашей... И одежда, и обувь, и мебель, и машины там не кусаются... Одна наша туристка весьма приличные туфли приобрела в Нью-Йорке за семь долларов, какие у нас на руках и за сто пятьдесят рублей не купишь... А электронные часы за четыре доллара... Нет-нет, они и сейчас работают, и очень точно показывают и московское время!

– Нет, Гитлер прав: люди на Западе хлеб едят в аптечных дозах, по сто, по двести граммов в день, а у нас и килограмма не хватает на брата. «Повышать цены на хлеб или нет», не надо это обсуждать всенародно... Знаем ведь заранее, каковы будут итоги обсуждения. И Никита Хрущев, когда за килограмм мяса стал брать вместо шестнадцати рублей двадцать, сказал, это, мол, делается только ради блага народа. Кстати, для «блага» народа он ликвидировал даже на окраинах маленьких городишек домашний скот и безобидных кур тоже... Все это, мол, можете покупать в ближайшем от вас колхозе... И люди бегом шли туда... А там... ни кур, ни коров!

– «Обсуждать всенародно...». Недавно Центральное телевидение произвело опрос покупателей у одной из булочных Москвы, довольны ли они качеством хлеба... И одна немолодая домохозяйка буркнула в ответ: «Стало дороже, и стало еще хуже...» Вот и глас народа!

– Ну, если в Москве, в столице-выставке нашей Родины так обстоит дело с хлебом, можете себе представить, что будет в отдаленных от нее городах! Эх, еще с каких пор тоскуем мы по запаху хлеба, настоящего хлеба! И если он станет еще дороже, поверьте, это будет очень неприятная палка в колеса перестройки.

– Повышайте, пожалуйста, цены на автомобили, на дубленки, на губительные табак и водку, но только не на хлеб... Введите плату за учение, за лечение, но только не...

Говорят, большие деньги поглощает глушение иностранных радиоголосов. Право, не надо на это тратить финансы. И не надо бояться, что мы попадем под их влияние. Мы же народ образованный: не хуже их разбираемся в своих делах, и никто не сумеет еще шире открыть нам глаза, чем они у нас сейчас, да и вообще всегда были открыты, но мы притворялись дальтониками: видели черное, а восторгались, что видим розовое...

– Наивно думать, что, если хлеб подорожает, то тогда советские барчуки, дети узаконенных партийных взяточников, грабителей и разбойников, разве лишь без огнестрельного оружия, перестанут на улицах булочками и бубликами играть в футбол...

– Вы, кажется, задумались, дорогой Михаил Сергеевич, но стоит ли? Пусть все будет по-Вашему, и с хлебом тоже! Я, колхозный винтик, уверяю Вас, что мы никогда не восстанем, нет! Сталинская закваска у нас в крови настолько сильна, что с лихвой хватит и нашим потомкам еще на целое столетие...

– О, сталинская закваска, этим все сказано. Восстать из-за хлеба, – какие глупости! Мы

же не на броненосце «Потемкин», и не его мы матросы, которые в одной из тарелок борща обнаружили червей и... пошло, поехало, давай бунтовать!.. Мы и не таких червей глотали, при этом «восхищаясь» и аплодируя, и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневем... И что же? Ровно ничего! Привыкать к плохому лишь вначале трудно, а когда привыкнешь, все пойдет гладко...

(Рыбаки утверждают: если на долгие годы окунуть человека в воду, у него вместо ушей вырастут жабры).

– Вот совсем недавно в консервной банке одного местного завода – не поверите! – гребешок нашли. И что ж? Восстали? Даже и тот не восстал, кто уже приготовившись с аппетитом пообедать, на десерт откопал такое несъедобное инородное тело.

– Э, что там гребешок?! Ему еще можно найти применение – расчесывать свои же собственные кудри, но вот что поделаться с кальмарами Мурманского рыбного завода, которыми многие отравились, а кое-кто из них и...

– Пойдите! Не говорите об этом! Смертей на нашем веку было так много, так много...

– Да здравствует жизнь! Новая наша жизнь без страха и фальши! Да здравствует правда во всем, везде и всюду, на любой ступеньке нашей жизненной лестницы!

– И еще раз спасибо Вам, Михаил Сергеевич, что мы можем теперь без боязни провозглашать такие, в сущности, безобидные лозунги, за которые еще вчера могли нам наглухо закрыть окно жизни...

– Можете не сомневаться, мы верные солдаты Ваши, и останемся такими во всех справедливых деяниях, которые Вы предпримете.

– Да, в справедливых!.. И в мудрых!..

– Мы рады и гордимся, что американский «Тайм» считает Вас «человеком с высоким интеллектом», а такой человек, как нам кажется, не может не быть справедливым и добрым.

– Вы же освободили нас от оков, вытащили из нашего рта кляп и вернули великое человеческое достояние – дар речи!

– Да, жить так, как мы жили, и впрямь можно было только по приговору...

– Правда, мы еще кое-где запинаемся и боязливо оглядываемся назад и, наверно, еще долго, долго будем запинаться. Ну что ж, и это для нас, только что освободившихся рабов, – немыслимо безграничная свобода!

– Прощаясь с Вами, разрешите еще раз повторить: за все это мы любим Вас, и, дай бог, чтобы эта любовь никогда не заволокла тучами, даже белыми!..

* * *

Боже, вздрогнув от грома аплодисментов и подскочив в постели, словно на батуте, дрожа от ожидаемого наказания, с усилием открываю глаза и, постепенно придя в себя, несказанно радуюсь, что ныне, слава богу, не сталинское время, и не хрущевско-брежневское, а эра Горбачева, и, стало быть, если даже расскажу кому-нибудь об этом моем сомнительном и подозрительном сне, меня не привлекут к суду, и мне не придется после оглашения приговора (который, кстати, еще совсем недавно, если он касался «контрреволюционера», то слуги советского правосудия согласовывали его с компетентным партийным начальством) сказать:

– Граждане судьи! Вы мне присудили пять лет за антисоветский сон... Приношу вам искреннюю благодарность: ведь я очень старый человек, носящий к тому же в себе одиннадцать болезней. Я не рассчитывал прожить еще столько... Спасибо вам за продление мне жизни!

... Да, было время, и за сны сажали... Было время, сны «политические» бросали спящих в дрожь...

Отбывал же вместе со мной восьмилетний срок один, не то балкарец, не то карачаевец, в лагере Старая Кала, под Баку (строили военный аэродром), который, кстати, только отсутствием газовых камер и отличался от Освенцима... Этому жителю Приэльбрусья приснился «всего на всего»... Гитлер в черной бурке, браво сидящий на белом коне, о чем и рассказал утром своим сослуживцам, видимо, не зная, как подобный сон толкует сонник:

«Ежели большой человек приснится человеку маленькому, то это к беде».

И сбылось: вечером того же дня он очутился в том месте, где, несмотря на всенародные призывы «Экономьте электроэнергию!», днем и ночью горел свет, яркий и ослепляющий, как на Бродвее (хотя там – после наступления сумерек. Американцы – народ расчетливый!).

...А вот другой сон имел, к сожалению, еще более трагическое последствие: в тридцатые годы одному корректору, с прекрасной княжеской фамилией Андроникашвили, после предельно трудового и полуголодного дня приснилось, будто в материалах газеты на завтра прокралась у него непозволительная ошибка: на газетной строке в фамилии Сталин был сделан перенос... И он, с трудом вырвавшись из объятий Морфея, с ужасом подумал: «там» ведь не сочтут это невинной оплошностью, пришьют идеологическую диверсию против Отца народов, вдобавок припомнят и его княжеское происхождение...

И он в невероятной спешке, чуть ли не в одном нижнем белье, выбежал на улицу: как бы успеть, как бы успеть, пока еще не начали печатать!..

А на дворе зима и три часа ночи... Транспорта никакого, а типография не близко...

И он бежит по пустынным улицам – далеко не молодой, тощий и слабый от хронического недоедания, бежит во всю прыть, словно заяц от тигра-людоеда...

И наконец, еле дыша, добежав до заветной цели, видит, что «его» газету «Коммунист» уже весело и ритмично выбрасывает ротационная машина...

И он падает, как срубленное дерево, так и не узнав, действительно ли совершил такую страшнейшую ошибку: Ста-лин...

* * *

Все, что прочитали выше, – хочу надеяться, что прочитали! – было, так сказать, преамбулой, а теперь, с Вашего позволения, перейду к тому более существенному, из-за чего Вас беспокою и стараюсь привлечь Ваше внимание.

Прошу верить, мне неловко и даже стыдно, что с такой по сути пустячной просьбой вынужден обратиться к Вам – главе многомиллионного государства, да еще в такое – и внутри страны и вне ее – напряженное время, когда у Вас и одной свободной минуты нет, но что делать, если...

Есть такая парадоксальная грузинская поговорка: «Безвыходность заставит лечь и с царицей...».

Конечно, лечь с царицей, даже и при безвыходности, было бы неплохо (ежели, разумеется, потом головы не отсекут), но в данном случае необходимость обратиться к Вам вызывает у меня, поверьте, чувство не из приятных.

Ну, если честно, в этом я не вижу ни своей вины, ни дерзости, ибо с такой просьбой никому не придет в голову обратиться ни к американскому президенту, ни к французскому, ни к английской королеве...

На Западе люди ищут правду только в судах, а у нас...

Мы, к сожалению, построили такое общество, что... В поисках правды порой приходится апеллировать в самые высокие инстанции...

И хотя Вы и Ваши коллеги самым решительным образом взялись преобразовать наше общество, оно пока, в основном, пребывает в прежнем состоянии, и думается, что так будет еще долго.

Ведь даже на исходе третьего года гласности и перестройки мы порой сталкиваемся не с такими уж сложными (идеологического характера) проблемами, решить которые, как выясняется, можете Вы, и только Вы!

Расул Гамзатов, член Президиума Верховного Совета СССР свыше двадцати лет, только теперь признается:

«И я голосовал за те или иные ошибочные указы, постановления, за награждение тех или иных «героев», как мы теперь знаем, недостойных людей. Если честно, я думал: сколько золота идет на эти ордена и медали, сколько средств тратится».

Д у м а л , но не говорил!..

Да, не говорил даже такой большой поэт, у которого никто не сумел бы отобрать поэтического таланта, а вот положение и связанные с ним привилегии... Как сказать!.. Ныне он этого не боится и, как видите, говорит правду и о себе и даже ставит вопрос – и совершенно справедливо! – о реабилитации «реакционера, продажного агента Турции» – Шамиля! И без малейшего страха оповещает нас:

«Тысячи людей ищут правду!». Да, ищут...

И я, к несчастью, из этой же «тысячи», уважаемый Михаил Сергеевич!

Еще полтора года назад написал я вот это лежащее перед Вами (если, конечно, его положили) «Письмо Виктору Астафьеву», которое до сих пор не печатается.

Возможно, и Вы знаете, что Астафьев в своем рассказе (?) – «Ловля пескарей в Грузии» – ославил грузин-«пескарей», что вызвало в республике бурю возмущения, не утихающую и поныне.

И я, сын своей земли, грузинский писатель, написал ему ответ.

Не скажу, что «Такое длинное письмо» касается только «Ловли пескарей», – оно и о многих реалиях нашей жизни, о негативных, так сказать, явлениях, пока еще не отошедших в прошлое: о лжи и правде, о национальном вопросе, об образовании, о Сталине, Хрущеве, Брежнев; мимоходом говорится и о Вас, хотя Вашей фамилии не упоминается.

Хотелось бы повторить, что написано оно полтора года назад, когда гласность еще робко входила в нашу жизнь и в нее не все верили, в том числе и я...

Ведь даже два месяца назад, в ноябре, на Пленуме Московского городского комитета партии одиноварищ, солидное должностное лицо, чистосердечно признался:

«...Ошибки т. Ельцина мы видели и вовремя его не остановили... Смелости у нас не хватило выступить... Видимо, мы не до конца поверили и в гласность, и в перестройку».

Что ж тогда от беспартийного, на всю жизнь напуганного винтика...

Еще год назад в одном московском издательстве мне запретили и слегка намекнуть на 37-ой год, а сегодня о нем говорят открыто и бесстрашно.

Да и вообще, о чем теперь не пишут и не говорят! Полтора года назад я побоялся в «Письме Астафьеву» прямо назвать фамилию того соратника Сталина, который в 1946 году на весь Советский Союз крикнул Ахматовой и Зощенко: «Вон из советской литературы!», а сегодня уже печатно требуют, чтобы городу Жданову вернули прежнее название – Мариуполь! А одна читательница истошно кричит, чтобы всей стране было слышно: «Я не хочу жить на улице Жданова!».

Короче говоря, сейчас в нашей прессе разве что не встретишь призывов, типа... «Долой советскую власть», а так...

И этому, по-моему, надо радоваться, даже и при определенных издержках, часто и недальновидных, ибо все это убедительно свидетельствует о том, что у нас и впрямь произошла революция, правда, в каком-то своеобразном виде.

Только вот мне лично обидно, что она, эта революция, вовсе не коснулась меня,

человека, который и при новом «старом режиме» страдал: в школе избивали как сына священника, в университете – как брата «врагов народа», а потом и меня самого объявили врагом... А после выхода на «свободу» прилепили ярлык «злопыхателя» и «очернителя» светлого советского строя (одна моя «клеветническая» комедия «Формула Платона», написанная 22 года назад, до сих пор в театре не ставится).

Признаюсь: «Письмо Астафьеву» писалось мною не без страха; как бы за такое «вольнодумство» не упрятали меня опять в каталажку, но, не всегда, побеждая свирепого внутреннего цензора, все же писал... К счастью, тогда мои опасения не оправдались, а сейчас и подавно не оправдаются: многие положения моего труда за эти почти два года в поисках «издателя», ежели и не устарели, то заметно потускнели.

И обидно как-то, то, что ты сказал раньше других, порой и первым, теперь в официальной печати стало почти обыденным.

Я, конечно, далек от мысли, что кое-кто кое-что, возможно, и заимствовал у меня, – ведь простую истину, на долгие годы запретную, всякий более или менее умный человек и без чужой подсказки, самостоятельно может постичь. Но, с другой стороны, ничего не поделаешь, червь сомнения все же гложет автора... Ведь это мое «Письмо» уже сравнительно давно ходит по рукам, да еще и не в единичных экземплярах.

Между прочим, один широко известный московский критик, подобно иным прославленным Беликовым, не оставил мое «Письмо» без ответа и любезно, по-своему обрадовал меня: «...Если и не напечатают, можете не отчаиваться: оно читается с живейшим интересом, и, вообще, в наше время неопубликованные вещи больше читают, чем опубликованные».

И раз оно читается с интересом, стало быть, оно не лишено хотя бы некоторых литературных достоинств: в наши дни, когда нам уже дарована почти полная свобода слова, одной «самиздатовской клюквой» внимание читателей уже не привлечешь.

...И вот такое «Письмо» не может, никак не может завернуться в типографское одеяние. И беда моя, беда автора, усугубляется еще тем, что не могу узнать, по какой причине оно отвергается...

Быть может, публикация нежелательна потому, что «Письмо» написано в защиту грузинского народа (да и вообще, в защиту малых народов), но это не значит, что оно направлено против русского народа.

Гласность, слава богу, оголила язвы нашего общества, замалчиваемые многие десятилетия. К примеру, только теперь убеждаемся, что наша хваленая дружба народов имеет скорее декларативно- декоративный характер и что она – а это главное! – вовсе не покоится на равенстве. А разве можно считать истинной дружбу без равенства?!

Будем откровенны и искренни: по поводу нерушимой дружбы советских народов восторгаются ораторы с трибун разных рангов, но в повседневной жизни подобное далеко не часто встретишь.

В «Письме Астафьеву» об этом у меня довольно подробно говорится, так что сейчас ограничусь всего двумя, совсем свежими примерами: американскую выставку информатики в Тбилиси открывал вступительным словом, и не таким уж кратким, полномочный посол Америки Дж. Мэтлок... по-грузински!

Да, как это ни удивительно, по-грузински!.. Коренной американец, выучивший уже не в молодые годы язык маленького, далекого народа... по самоучителю!

Как это расценить, как это рассмотреть?

Приезжают в Тбилиси молодые люди, студенты из Америки, Японии и... на наших сценах поют сложнейшие полифонические грузинские песни не хуже грузин!

А как это расценить, как это рассмотреть?

В Тбилиси проживают многие, многие тысячи русских, родившихся и выросших на

грузинской земле и... многие, многие из них не только не интересуются грузинским языком и не знают его (в детстве, когда «грамматика» сама собой усваивается, можно выучить и язык ирокезов!), даже ни разу в жизни не побывали во всемирно прославленном Театре имени Руставели, на спектаклях которого в близкой от нас Москве и... в далеком Буэнос-Айресе всегда аншлаги.

Подобными «жалобами» могут поделиться с Вами не только грузины, но и другие «меньшие братья» – армяне и литовцы, казахи и эстонцы, киргизы и латыши... Всех не перечислишь!

Вы, наверно, помните Ваши слова, золотые слова:

«Истинный интернационализм, истинная дружба народов возможны только при глубоком уважении к достоинству, чести, культуре, языку и истории каждого народа, широком общении между ними».

А вот русский писатель Виктор Астафьев, побывав всего несколько дней в Грузии, да еще в гостях у своего коллеги – «меньшего брата», в своих «Пескарях» проявил именно НЕуважение и к достоинству, и к чести, и к языку (буду объективным – но не к истории!) грузинского народа.

И поневоле хочется спросить, *что это за дружба народов, при которой грузинский писатель упорно будет лишаться права выступать в печати в защиту национального достоинства, чести и языка своего народа?*

И эти золотые слова тоже Ваши:

«Газета и журнал – это общественное дело. И если будет присутствовать в них только одна точка зрения, не будет обмена мнениями, то, что ж из этого родится?»

А теперь читаем, что сам Виктор Астафьев пишет о «двусторонних спорах»:

«В последние годы «Комсомольская правда» не отказывает мне в чувствах. То и дело на ее страницах появляются злые слова в мой адрес. Я не против критики, если она проходит в равном двустороннем споре, но когда бьют в одном направлении, то невольно начинаешь задумываться...»

Как видите, судя по этой цитате, и сам Виктор Астафьев за равный двусторонний спор, против «битья в одном направлении...».

Истинный писатель-гражданин, разумеется, так будет и рассуждать, и поступать... А вот в данном случае, смягчим и скажем так, некоторые наши журналы не придерживаются этого правила. Ну вот, например, из-за какого-то грузинского пустяка – что он Гекубе, что она ему? – стоит ли обижать и тревожить талантливое русское писателя?!

Да, для них главная и единственная забота – оберегать литературную репутацию своего знаменитого собрата.

Но...

Но ведь Астафьев пока еще не Лев Толстой!

А ведь было время, когда и на Толстого нападали, и это никто не рассматривал как святотатство, как ЧП, говоря сегодняшним языком.

Революционер Шелгунов считал «Войну и мир» социально вредным произведением, а издатель Суворин «Анну Каренину» — «ароматным представлением царства одеколона», но Лев Николаевич не стал биться в истерику, ибо в то литературное неслетное время не было г о с у д а р с т в е н н ы х писателей, которых и мизинцем тронуть нельзя.

Я, разумеется, знаю, что Вы всегда очень и очень заняты. Но и Сталин, согласитесь, не меньше Вас бывал, наверное, занят, но, как известно, он находил время для чтения... В частности, читал все литературные произведения, представленные к Сталинской премии.

Правда, мое «Длинное письмо» не из «премиальных», но поскольку судьбу его

опубликования в нашей необъятной стране, как видно, можете решить только Вы, прошу его прочесть.

Хочу заверить Вас, что даже если его судьбу решите отрицательно, время, потраченное на его чтение, все же не сочтете совсем потерянным: в нем кое-где встретите и мудрые мысли... Упаси, боже, не мои, конечно... К примеру, вот такую:

«Бюрократия – это гигантская сила, приводимая в действие пигмеями».

(Автора здесь не называю, дабы «заинтриговать» Вас – побудить к чтению).

Уже не помню точно, кто и кому это сказал, но помню, что человек маленький, зависимый винтик, обратился к лицу, облеченному высокой властью (кажется, Бухарину). И «маленький» не побоялся сказать «большому»:

– За вашей спиной стоит исполинское государство, такая сильная Красная армия и такой сильный Красный флот, и вы боитесь моей жалкой писанины?!

Было это в двадцатые годы, а ныне восьмидесятые... С тех пор Советское государство стало во много раз мощнее, а Советская армия и Советский флот оснастились еще и атомным оружием и... Следует ли такой сверхдержаве бояться моего «сочинения», даже рассматривая его через лупу с идейно-политической точки зрения?

Если не сочтете за дерзость, скажу Вам, не стесняясь, напрямик: я такой же «антисоветчик»... как и Вы! Ежели исходить из тех пунктов нашего «гуманнейшего» Уголовного кодекса, касающихся «контрреволюционеров», то меня в сталинское время не напрасно посадили, отняв у меня лучшие годы молодости; посадили даже не за активную, а за пассивную ненависть к стране, отнявшей у миллионов своих сынов слово, чтобы не рассуждать, и ум, чтобы не мыслить...

Да, и Вы – «антисоветчик», Михаил Сергеевич, ибо уже три года мужественно боретесь, чтобы вернуть миллионам и слово, и ум, и чтобы поэты больше так не писали, да еще с гордостью:

*Я не мыслю,
вместо меня мыслит партия!*

...Боритесь, чтобы разные «маркизы» нашего времени не имели основания и впредь писать о Советской стране, как писали о России сто пятьдесят лет назад:

«Правительство в России живет только ложью, ибо и тиран, и раб страшатся правды».

«В стране, подавляемой деспотизмом, люди кажутся истуканами, частичками государственной машины, слепо выполняющими чужую волю, кажутся маленькими колесиками часового механизма, а в России их называют людьми».

(Маркиз де-Кюстин: «Николаевская Россия»).

Хотелось бы заверить Вас, что в этой Вашей благородной борьбе я, только теперь полностью исправившийся «антисоветчик», всей душой и телом – под Вашим знаменем! Да, и телом... Ну и что ж что я старик...

(В Древней Греции один спартанец упорно добивался, чтобы его взяли в солдаты, которым предстояло сразиться с афинянами, но его просьбе не вняли, так как был он хромой...

И тогда он сказал полководцу:

– А я думал: Вам нужны солдаты для боя, а не для бегства...).

Надеюсь, Вы еще помните, что в беседе с Вами в декабре только что канувшего в Лету года американец Том Брокау первым назвал нынешнее советское время «эрой Горбачева...».

Рад, что этот американец, несмотря на то, что он американец и, стало быть, не «истукан», не «колесико», на этот раз меня не опередил: еще за полтора года до него писал я в своем «Письме», что тот, кто дал нам понять, что так жить дальше нельзя, прочно войдет в Историю...

А Вы действительно за эти полтора года прочно вошли в Историю (разумеется, как крупная политическая фигура, а то в ней и Герострат пребывает, и Калигула). И будет обидно, если историки, изучая Вашу деятельность, прибегнут к настораживающему слову «но...».

О, это «но» лично у меня за последнее время выработало какое-то необъяснимое чувство страха... Читаешь, и у тебя от радости крылья вырастают, а потом... после «но...». Не всегда, конечно, но...

Те же крылья, что готовы были к полету в небеса, безнадежно опадают...

«Мы за гласность без всяких оговорок, без ограничений. Но за гласность – в интересах социализма».

Но это «НО», к примеру, можно толковать и так и этак... Еще не вымерший перестраховщик (впрочем, вымрут ли они вообще?), руководствуясь этим «НО», по-прежнему будет загонять нас в прокрустово ложе.

Мне думается, я даже уверен, что мое «Длинное письмо» и не увидит света сегодня-завтра, ибо сегодняшним перестраховщикам нетрудно занести его в список тех опусов, которые якобы могут принести вред социализму. НО в один прекрасный день, хотя бы через много лет, оно все-таки будет напечатано.

И стоит ли, чтобы эта историйка, хоть для истории весьма и весьма незначительная, все же оказалась когда-либо злополучным «НО», бросающим тень на эру Горбачева?

Сейчас в повседневной жизни, и даже в прессе, – и не только в письмах обывателей-читателей! – явно чувствуется, мягко говоря, нелюбовь к грузинам из-за Сталина и Берия... В газете «Известия» даже штатный сотрудник Ю. Орлик так исхитрился, что из поступивших в редакцию тысяч писем «случайно» выбрал и «обозрел» именно такое «послание»:

«Шульга из Краснодарского края, помянув «Джугашвили и Берию», как виновников всех наших несчастий, высказывается в том смысле, что нынче «русским труженикам нет житья от кавказских спекулянтов...».

(Наверное, помните, когда на одной из встреч с народом Вам пожаловались, что спекулянты продают за 15 рублей килограмм яблок, Вы ответили, что в этом виновата экономика).

...И такое можно встретить не только в прессе... В телевизионном фильме «Больше света» режиссер на фоне портрета Сталина высвечивает «палача Берию» (отчасти даже забавно, что при жизни Берия, его фамилию не склоняли, ибо нерусские фамилии подобного написания в правильном русском языке не склоняются).¹

А вот тот же режиссер в том же фильме ни разу не упоминает и даже тусклого света не направляет в сторону предшественника «Берии» Ежова, видимо, он без всякого света рассматривает его, как ягненка святого Авраама...

Не ошибусь, если скажу, что в фундамент нынешней антигрузинской почти кампании первый и наиболее весомый кирпич, хочется верить, вовсе и не по злему умыслу, заложил именно Виктор Астафьев «Ловлей пескарей в Грузии», которую я подробно и объективно, по крупницам анализирую в своем «Длинном письме».

¹ «Нерусские фамилии на неударяемые – а, -я, (в основном славянские и романские) склоняются... Исключение составляют фамилии на –а, -я, с предшествующим согласным -и: сонеты Эредиа, стихи Гарсия, рассказы Гулия». Д. Э. Розенталь. «Справочник по правописанию и литературной правке». Стр. 188-189. Москва. 1985 г.

И если оно будет напечатано, смею заверить Вас, этому обрадуются не только грузины, но и другие, так называемые нацмены...

«Здравствуйте, сотрудники «Комсомолки!» (Кроме евреев и нацменов). Мы целиком поддерживаем «Память».

(«Комсомольская правда». 19.12.87.).

(В устах многих ненацменов что «жид», что «нацмен!»). Но дайте и «нацмену» слово!

Дайте и ему возможность хоть частично оправдаться: быть может, не такой уж он дикарь, как вы, «друзья», его себе представляете!

... Да, привет всем, «кроме евреев и нацменов»! «Мы – лучше всех!».

(Между прочим, так рассуждают обыватели всех стран и народов мира! Даже те, чей уже свергнутый Бокассе совсем недавно в бытность президентом успел съесть 10... человек! (Только неизвестно – своих ли чернокожих соплеменников или людей с бело-нежной кожей...).

«При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустой бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ».

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений.

Том 45, стр. 357. Издание пятое.

Просьба просьбой, но, если честно, дойдет ли до Вас это писание? На этот счет перспектива у меня почти нулевая, но что делать...

А вдруг...

Человек, давно известно, жив хлебом и надеждой... Впрочем, и то, и другое имеет свои минусы: хлеб быстро черствеет, а надежда редко сбывается...

С глубоким уважением

К. Буачидзе,

в ожидании Вашего решения, пусть для него и неблагоприятного, но независимо от этого, по-прежнему остающийся верным солдатом эры Горбачева, именно той, в которой сейчас пребываем, когда даже за такое нехолоуysкое, неверноподданническое письмо автора не ожидает (как, разумеется, и ему подобных) участь Дмитрия Кипиани, ровно сто лет назад высланного за защиту чести своей Родины, за любовь к ней и мужество в Ставрополь, где агенты охраны размоzжили ему, семидесятитрехлетнему старику, голову...

Январь 1988 года.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО, С ОДНИМ ФОТО, ГАНИНОЙ МАЙЕ АНАТОЛЬЕВНЕ

ДОБРЫЙ ДЕНЬ,
ГАНИНА МАЙЯ АНАТОЛЬЕВНА!

На странице 33 «Такого длинного, длинного письма Виктору Астафьеву» можно прочесть и в очках и без оных:

– *«Грузины идут на базар», – завопил на этот раз не пропойца-болельщик, а инженер человеческих душ в образе дородной дамы, думающей, бесспорно, и за письменным столом не башкой, а кобыл...»*

(Теперь можно уже убрать здесь многоточие и плавно закончить: «кобыльим задом», что, кстати, заимствовано мною у Виктора Астафьева, за что приношу ему, правда, с опозданием, благодарность).

На этой же странице говорится, что среди «властительниц дум», выкрикнувших на съезде писателей этукую базарно-крылатую фразу, не могли быть такие прекрасные писательницы, как Майя Ганина, Белла Ахмадулина, Екатерина Шевелева, Сильва Капутикян, Фаза Алиева и еще некоторые другие.

Не знаю уж точно, как насчет Ахмадулиной, Шевелевой, Капутикян, Алиевой и тем более «некоторых других», но, что касается Вас, то, прочитав Ваше выступление на пленуме правления Союза писателей СССР, понял, что явно ошибся, поторопившись зачислить Вас в список «властительниц дум», и этим, возможно, невольно принизил Ваши заслуги в защите великого русского народа от наскоков великогрузинского шовиниста...

Меня, к сожалению, только что просветили, что Вы большей частью живете в деревне, дабы с максимальной плодотворностью использовать время для творчества – ведь в городских условиях оно особенно быстротечно, и поэтому, свято дорожа Вашим писательским временем, только коротко коснусь Ваших обвинений, всех Ваших обвинений по моему адресу...

«Один грузинский писатель прислал мне письмо на пятистах страницах...»

Но, позвольте, позвольте, «дорогая» Ганина Майя Анатольевна!.. Когда это я прислал Вам письмо на пятистах страницах?

Клянусь моей, как мне кажется, еще не прохудившейся памятью, я прислал Вам «Письмо Виктору Астафьеву», которое содержит в себе сто восемьдесят шесть (186) страниц! И вместе с ним, лично Вам еще одиннадцать (11) строк. Как тогда мне, старому хрычу, казалось шутивого характера.

(Судя по боевитости Ваших публицистических выступлений, тогда я думал, что Вам не больше тридцати пяти лет).

Слава богу, копию этого «письма» я сохранил. Оно, кстати, без всякого обращения и без подписи:

«Ох, как у меня от стыда щеки и уши горят за такую патологически позднюю, позднюю любовь! Мое смущение усиливается еще и тем, что я не в силах скрыть свои чувства: влюблен я, горемыка, в Майю Ганину!

А влюбился я в нее после прочтения двух ее последних статей в «Литературной газете» и речи, произнесенной на съезде писателей.

В знак этой всепоглощающей любви посылаю ей «Такое куцое, куцое письмецо», не очень надеюсь, однако, что она его прочтет...

Но от этого моя любовь к ней все же не остынет... Май, 1987 г.».

И как я счастлив теперь, как безмерно счастлив, что любовь моя к Вам моментально, в течение каких-нибудь 10-15 минут, основательно испарилась: затуманенный старческий разум, с Вашей помощью, вдруг просветлел сразу...

Да разве подобает человеку в моем возрасте быть влюбленным вообще, да еще любить клеветницу, если даже явится она в обольстительном одеянии красавицы-писательницы?!

«...письмо на пятистах страницах, где, ища моего сочувствия...»

Но все-таки... Позвольте, позвольте, «дорогая» Ганина Майя Анатольевна, в каком именно месте моего письма к Вам, то есть в вышеприведенных одиннадцати строках вычитали Вы мою просьбу о сочувствии?

А, может, Вашего сочувствия ищу я и прошу о нем у Вас в тех несуществующих трехстах страницах (186+300=500!), которые Вашему ясному и трезвому уму понадобились в выступлении с высокой трибуны для саморекламы?

Я не только Вам, но и другим, довольно многим, послал свое «Длинное письмо», но ни у кого не просил какого-либо сочувствия, даже у Дмитрия Сергеевича Лихачева, великого человека-гражданина и умом, и душой, который действительно может и не только посочувствовать, ежели ты, конечно, в чем-нибудь прав.

А Вы... Сомневаюсь, поверите ли, но я нахожусь еще в абсолютно здравом рассудке и Вас, Ганину Майю Анатольевну, пока еще не принимаю за бабушку русской революции Брешко-Брешковскую, чтобы просить...

«...ища моего сочувствия, обвиняя русских во многих грехах. Он писал также, что какое-то время назад вдруг явилась идея сделать «главным» языком Грузии русский язык».

Опять позвольте, позвольте, «дорогая», на какой странице Вы все это прочитали, а? На первой, на двадцать первой, на сто первой или на сто восемьдесят шестой? Или, может быть, на триста семьдесят седьмой, а? Но как же так? Мое «Письмо Астафьеву», как я это еще твердо помню, ограничивается, если округлить, двумястами, а мое послание к Вам – прошу сосчитать вновь! – из одиннадцати строк, и они свободно уместились на одной страничке.

Не только Вам, но и вообще, я ни в «какое-то время назад», ни «вдруг» ни разу не писал о том, о чем Вы здесь говорите, ибо я никогда не ходил и не хожу по грязным закоулкам поклепа и инсинуаций.

А если хотите знать, Грузия, пожалуй, единственная республика в Союзе, где, так сказать, местный язык – грузинский – для грузин пока еще остается «главным» языком... Во Фрунзе, в Алма-Ате, в Минске, в Киеве и в некоторых других столицах союзных республик школы на «местных», «национальных» языках насчитываются единицами, а вот, в одном Тбилиси их 120 (русских 73).

Конечно, не вина русских, если киргиз ли, белорус ли своих детей отдает в русскую школу, ведь их к этому русские – будем честны! – вовсе не принуждают, все это происходит добровольно, по личному усмотрению.

Правда, с другой стороны, именно это «личное усмотрение» имеет свое прагматическое оправдание: наше общество так сложилось и так устроено, что без русского языка – ты даже в своей республике далеко не пойдешь, ведь и простое делопроизводство ведется на русском языке...

Теперь, например, многие удивляются, что армяне в Союзе почти везде и всюду блистают своими талантами. А это объясняется не только тем, что армяне, вообще – без скидок! – талантливый народ, а еще и тем, что они больше других нацменов (слово-то какое оскорбительное, но не для Вас, конечно!) с самого детства, в ущерб своему, приобщаются к русскому языку, к русскому образованию и культуре. Но, думается, вряд ли в самой

Армении этому все были бы рады, писатели, например. Ведь талантливость порой и в своей национальной среде мешает – наживаешь завистников и врагов...

«...обвиняет русских во многих грехах...»

Это Вы про автора «Письма Астафьеву» и жгуче-любовного «Послания» к Вам?.. Но, извиняюсь за надоевший и мне вопрос: на какой же, все-таки, странице моего эпистолярного «творчества» Вы это нашли? Возможно, Вы имеете в виду страницу 158-ю, где говорится о насильственном...

«Слияние» акулы с хамсой – это всегда в пользу ненасытного брюха акулы, но и хамса тоже хочет жить, и жить, как хамса!.. И разве это преступление против природы с ее стороны?!»

Ну да, разве это преступление со стороны малюсенькой, но по-своему вкусной хамсы?

А, может, Вас привели в неопишное раздражение эти две стихотворные строки (стр. 73), сказанные для Вас, по всей вероятности, заурядным, а для грузинского народа великим его сыном Ильей Чавчавадзе:

И что хорошего русским штыком сотворено,
Пусть сторицею Бог тому же русскому воздаст.

Но это сказано давно, свыше ста лет назад... В те времена так рассуждали не только «нацмены»-инородцы...

А для подтверждения этих строк Вам, тем более как прозаику, будет небесполезно перечесть «Хаджи-Мурат»: произведение по объему небольшое, так что на его чтение времени в ущерб Вашему творчеству много не уйдет, а пока я все же ознакомлю Вас с двумя выдержками:

«Бутлер с своей ротой бегом, вслед за казаками, вошел в аул. Жителей никого не было. Солдатам было велено жечь хлеб, сено и сакли».

«Садо, у которого останавливался Хаджи-Мурат, уходил с семьей в горы, когда русские подходили к аулу. Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галлерейки сожжены, и внутренность огажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину».

Да, так писал Толстой в конце века, а Пушкин почти в год рождения Толстого...

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

Но сегодня не это столь важно, что про нас писали или говорили, скажем, сто, сто пятьдесят лет назад... Тогда, к слову, и то говорили, что Россия – жандарм Европы... Важнее, чтобы теперь, теперь не говорили за пределами нашего огромного государства, а внутри нашей страны никто бы и не думал, что новая, скажем мягко, бывшая сталинская Россия – жандарм не только Восточной Европы... (Вы, наверное, знаете, что за границей многие Советский Союз упорно называют Россией и почти всех советских людей рассматривают как русских).

Человек, который не знаком с моим трудом (да, с трудом!), прочитав только Ваше выступление, может подумать, что он целиком, все «пятьсот страниц», состоит из одних нападок на русских со стороны «одного грузинского писателя», который занимается только и только восхвалением одних своих сородичей...

Во всяком случае, у Вас-то ведь такое впечатление сложилось, и это, конечно, плачевно, но, если сказать по правде, не так уж очень...

Ведь кое-кому, не буду утаивать и хвалиться, именно только кое-кому из известных литераторов, ознакомившихся с моим «Письмом», хватило и дореволюционной русской интеллигентности, и мужества (не считаясь... «Ах, как бы Астафьев не узнал и не обиделся!») поделиться с автором своим мнением, ведь оно не только про рассказ Астафьева, – в нем поднято много животрепещущих, кровоточащих проблем нашей жизни.. Да еще когда? Почти два года назад, когда сказать живое слово только те и отваживались, кому Центральным Комитетом партии это специально поручалось, дабы вывести народ из безмолвия и спячки страха...

...Ну и что ж, что мой «родной», преимущественно «нацменовский» журнал «Дружба народов...»

То есть, простите, споткнулся... «Журнал для друзей» меня и ответом не удостоил, что ж, надо же исходить из интересов своего клуба, на то они и интеллигенты советского покроя...

Кстати, среди тех, кто приободрил меня своим умным ответом – письменным! – есть и одна женщина, в стране не менее известная, чем Вы... Только не как трибун, как Вы!

И что главное: никто из моих «корреспондентов» не нашел в моем «сочинении» ничего обидного для русского народа, именно народа, а не правителей...

Раз речь зашла о правителях, так хочется, так хочется вновь и вновь прочитать подытоживающую концовку Вашего выступления:

«Не слишком ли часто русскому народу с легкостью приписывают грехи грузина Сталина, грузина Берию, еврея Кагановича, русских Хрущева (который тоже далеко не был свободен от ошибок!), Брежнева...»

Что скажете, слова Ваши выписаны мною с ювелирной точностью, не правда ли? А не так, как Вы...

В период гласности и перестройки, как теперь нас уверяют, за унижение человеческого достоинства, по всей вероятности, и авторского, за навет, можно привлекать оскорбителя-клеветника к суду...

(Но Вы не расстраивайтесь, пожалуйста! Раз Вам не тридцать пять, а гораздо больше, я, как гуманист и верующий-всепрощенец, не буду таскать Вас по судам, тем паче, что хорошо знаком с советским кривосудием: в Тбилиси Вас оправдают из-за боязни Москвы, а в Москве – из-за небоязни Тбилиси!).

...Так, значит: Хрущев «тоже далеко не был свободен от ошибок», да? А Брежневу отпускаете все грехи великодушно, даете ему стопроцентную индульгенцию...

Впрочем, я Вас понимаю, – он не только русский, но и русский писатель, автор знаменитой трилогии, лауреат Ленинской премии по литературе!.. А я, как-никак, все же член Союза писателей, пусть и рядовой, и поэтому здесь и я его, как сочинитель сочинителя, трогать не буду, но Хрущева, Никиту Сергеевича...

Он не только «далеко не был свободен от ошибок!» – вся его деятельность, сперва как вице-вице-правителя, а потом вице-правителя, а еще потом правителя без вице, состояла из одних...

Ошибки бывают разные, – невольные, необдуманые, торопливые, неумные, глупые, глупейшие, и даже преступные...

Я Вас никогда не видел, но допускаю, что у Вас красивое лицо (северянки, не в пример южанкам, реже бывают некрасивыми), и я даже отсюда, на расстоянии трех тысяч километров, вижу, как при чтении этих строк Ваше милое лицо вдруг принимает выражение разъяренной пантеры... И голос Ваш слышу, нетерпеливый и суровый:

– Вам, как грузину, не нравится, что русский Хрущев развенчал культ грузина Сталина!

Нет, мадам-сударыня, не поэтому...

И раз Вы сами затронули «грузина Сталина, грузина Берия», и если хотите знать и хотите глубоко и без предвзятости вникнуть в события тех времен, как прозаик (простите, что не прибегаю к эпитету «талантливый», – прозу Вашу, к сожалению, я не читал «ни при какой погоде!»), скажу Вам, что задолго до Хрущева за развенчивание культа личности Сталина очень и очень деловито принялся... Только, ради бога, садитесь, а то я боюсь, как бы от сильного удивления не подкосились у Вас ноги...

...Да, взялся его же соотечественник... Берия!

Да, Берия, как его теперь именуют – палач Берия, кстати, уже давно оставшийся без имени (Лаврентий) и отчества (Павлович)...

(Здесь же, в скобках, сообщу Вам, как женщине, как писательнице: мать у него была на удивление богомольная; даже в двадцатые–тридцатые годы, когда «Христос» писался у нас с маленькой буквы, как «горшок», «веник», «кпозет», она, не считаясь со всемогущим в республике сыном, регулярно ходила в церковь молиться, помогала обездоленным... И жена была у Берия на редкость порядочная и красивая (он ее похитил будучи молодым, уже закона не боящимся «джигитом»-чекистом!), и сын у них – в высшей степени личность всесторонне положительная, был женат на внучке Горького...

После ареста главы «Семьи преступника» (помните пьесу Джакометти?) жену и сына выслали «Далеко от Москвы» (роман Ажаева, конечно, помните!), и скоро уже минет сорок лет, как их не возвращают не только в Москву или Тбилиси, но даже в какой-нибудь захудалый, бездорожный горный район Грузии... А вот, как Вы знаете, величайший жандарм Николай Первый-Палкин вдове Рылеева назначил пенсию, а через несколько лет по-своему, более или менее, смилостивился и над своими кровными врагами, самими декабристами...

Ну, раз упомянул слово «декабрист», скажу и то, что Марфа Пешкова, не в пример графине Марии Николаевне Волконской, не только не последовала в ссылку за своим ни в чем не виновным мужем, в пожарном порядке отрекшись, бросила его...

Сказано, как видите, «ни в чем не виновный», и сказано это только потому, чтобы слова Сталина – «Сын за отца не отвечает» – и в наши дни не оставались только пустыми словами, как это было и при Сталине, и в течение трех десятилетий после его смерти...

Впрочем, и отцы, и матери не должны отвечать за поступки своих в з р о с л ы х , взрослых детей.

Иногда не мешало бы заглянуть и в мрачные страницы истории: не ответила же, то есть не понесла же наказание за своих сыновей Мария Александровна Ульянова!..

Кстати, и жены тоже, если они, разумеется, не принимали участия в преступных деяниях своих мужей.

...Итак, на Ваше удивление и сожаление, ибо я этого не хотел бы, и на Ваше раздражение... Задолго до Хрущева именно Берия принялся за свержение Сталина с невиданного по высоте пьедестала... Ну да, если Берия и палач, – палач на то и палач, что ему все равно кого казнить, лишь бы казнить... Да плевать ему и на своего отца-учителя, и на своего благодетеля, что ему Гекуба – соотечественник! Главное для него – куда ветер дует, чем пахнет время, что весы показывают...

Незадолго до смерти Сталин с недоверием стал вглядываться в Берия («мингрельское дело»), а дальновзоркий и проницательный, вовсе неглупый Берия не мог этого не заметить, не почувствовать и не позаботиться о том, как спасти свою шкуру...

Тайны мадридского... То есть, простите, тогдашнего кремлевского двора еще окутаны густым туманом, и, возможно, он и не рассеется, к великому нашему огорчению, и для ныне живущих и для их ближайших потомков, да и для отдаленных тоже... О самоубийстве Серго Орджоникидзе не только народ, но и многие не самого высокого ранга обитатели Кремля узнали только через двадцать лет...

Бытуют и нынче разные версии вокруг смерти Сталина, о непосредственной причастности к этому именно Берия, заодно как и об аресте, суде и расстреле самого Берия, в особенности о суде, состоявшемся якобы через несколько месяцев после его ареста...

Признаться, сообщениям нашей прессы на этот счет доверяешь с опаской, а как же иначе, если многое из этих историй преподносится, например, в таком духе: «Я это знаю точно по рассказу отца...». И дальше идет букет избранной ругани в адрес и Сталина, и Берия...

Но кто ж не знает, что «отцы», например, незабвенный Анастас Иванович Микоян («От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича!») многие, многие годы прохлорированным языком лизал носок сапога Сталина («Товарищ Сталин – великий зодчий коммунизма! Кстати, слово «зодчий» украдено у К. Радека, напечатавшего еще в 1934 году большую статью о Сталине: «Зодчий социалистического общества»), а перед Берия дрожал, как разбивший школьное стекло третьеклассник перед грозным директором...

О суде или о «суде» над Берия тоже «делятся» с нами, читателями, чуть ли не внуки и правнуки присутствовавших на суде или на «суде» дедушек и бабушек, а вот ныне еще здравствующего, бодро прохаживающегося среди нас, «мингрела» Кучава, Митрофана Ионовича... Действительно судившего или «судившего» среди других судей или «судей» своего же земляка, моя любимая, мною весьма уважаемая «Неделя» вовсе ничего не спрашивает...

Впрочем, если б даже спросила, он, о-о, из тех цыплят, которые еще хотят жить; от принятой официальной версии ни за какие гонорары и ни на йоту не отойдет: жизнь дороже денег!

... Да, Берия, в те дни еще Лаврентий Павлович, был единственным из тех, кто увидев мертвого Сталина, нисколько не испугался: может быть, в этом ему помогла чекистская закалка...

(Давайте будем не гуманными, а просто справедливыми и не конфискуем принадлежащего ему «всего имущества»: именно и чекистскую закалку, и организацию убийства Льва Троцкого, и большого вклада в защиту Кавказа от немецких оккупантов, и искусную, прямо артистическую кражу заморских секретов... Как-никак, он все же был государственный деятель, преступный, вероломный, но государственный, и глупо рисовать его теперь, как амбарную крысу...

Во всей мировой истории вообще не найти главы секретной службы, министра полиции, который бы долго продержался на своем посту будучи бездарным человеком).

... Да, кроме Берия, все члены Политбюро, увидев мертвого Сталина, от страха по-прежнему затрепетали: а вдруг он не мертв, а? А вдруг воскреснет, а? Эти тревожные чувства беспокоили их даже после похорон человека, чья популярность, чье имя во всех уголках земного шара, уступали, возможно, лишь Чаплину.

(Здесь я опускаю имя «Чарли», дабы Вы это сравнение не восприняли в комедийно-пародийном плане).

Не надо быть большим психологом, чтобы предположить: Берия, в то время еще Лаврентий Павлович, считал, что из всех членов Политбюро (точнее, тогда еще Президиума), за исключением Молотова (у этого, к счастью, возраст уже не тот!), он самый достойный, чтобы занять место почившего Сталина (убиенного или отравленного им же самим... О, прости, господи, за фиксацию этого, может быть, и беспочвенного слуха!).¹

¹ Позднее примечание (июль 1988 года): да, слух этот и в самом деле оказался беспочвенным! В этом нас убеждает близко общавшийся со Сталиным и в дни его мучительной смерти А.Т. Рыбин, чьим воспоминаниям, опубликованным в журнале «Социологические исследования» (№3, 1988 г.), для истории нет цены.

Извините, но Лаврентий Павлович вовсе не был тупицей: эту акцию следовало отложить: Чтобы на «Российский престол» взошел опять грузин?! Это было бы очень неразумно. К тому же Берия прекрасно понимал, что в народе он вряд ли выдержит сравнение с только что умершим Сталиным.

Потому и выдвинул своего друга, не столь уж властного, сравнительно мягкого Георгия Маленкова, истинно русского человека во главу фактически русского государства. Тем более, что в последнее время тот и у Сталина пользовался предпочтением: ведь именно ему было поручено сделать отчетный доклад на девятнадцатом съезде КПСС.

(Если Вам не лень, сравните, пожалуйста: Сталин «даже» в 72 года, считая себя для этого, вероятно, уже стариком, не позволил себе выступить с докладом на съезде, а вот Брежнев Леонид Ильич, доживающий жизнь на стимуляторах, и в 76 лет не отказался от такого удовольствия: что ж, в нем, наверно, еще клокотала «душа писателя!»).

Да именно Берия, в первые же дни после смерти вождя, начал подрывать фундамент этого советского «Колосса Родосского». Этим он хотел дать знать, по его мнению, вовсе не осиротевшему народу, что рыдать о Сталине, заливаясь слезами, реветь белугой о нем, как о невосполнимой утрате, нет никаких оснований...

А шок в народе, вызванный смертью «Отца народов», был поистине невиданно и неслыханно огромный.

(Совсем недавно один историк-социолог писал, что этот шок отразился даже на рождаемости: в те первые годы по всей стране она заметно снизилась).

И чтобы обрадовать народ и вновь посеять в нем семена бодрости и веры, по инициативе самого Берия была объявлена, чуть ли не на десятый день после похорон... амнистия!

Это, насколько я знаю, редчайший случай в мировой истории, когда всенародный глубокий траур становится поводом для радостного события. А через месяц после того скорбного дня (если 5-е марта примем за точную дату кончины, согласно сообщению «мадридского двора» того времени), Берия шумно выпускает на свободу и «врачей-вредителей»: словно не он сфабриковал их «дело», и не он их арестовывал... Берия же первый наложил вето на выпуск фильма Михаила Чиаурели и Сергея Герасимова «Великое прощание», – похороны И. В. Сталина. (Это я действительно знаю не со слов «моих тетушек», а от самого Чиаурели).

Именно Берия поспешил прикрыть на улице Горького, в помещении Музея Революции, изумительную по красоте и по богатству Выставку подарков И. В. Сталину, присланных со всех концов мира. (Народ до сих пор не ведает, куда девались ее экспонаты).

Как видите, первые капиталы хорошего парня, тогда еще Лаврентия Павловича, быстро были нажиты...

Но... Нет сомнения, Вы скажете, что все это было сделано не Берия, или, как теперь пишут, не Берией, а Хрущевым: ведь тогда он уже был секретарем Центрального Комитета... Да, был даже первым секретарем, но этого поста в те дни он удостоился по милости именно Берия с Маленковым... При жизни Сталина в нашей стране над всеми, но, разумеется, не над самим Сталиным, главенствовала Чека, под разными, то и дело меняющимися названиями... Этот статус Берия думал сохранить и после смерти Хозяина, тем более, что Министерство госбезопасности всегда находилось в его беспрекословном подчинении, под его ястребиным взором, пронизывающим сквозь пенсне...

Нетрудно предположить, что Берия с Маленковым уже не придавали первостепенного значения партии, намереваясь отодвинуть ее на задний план, да потому и поставили во главе ее «Никитушку-дурачка», как его, если верить молве, Сталин называл, и...

Ох, как они просчитались! Жестоко просчитались!..

Никита, временно притаившись тихо-мирно в партийной норе, на этот раз вовсе не

оказался дурачком: воспользовавшись общей ненавистью членов Политбюро к Берия как к потенциальному диктатору и без особого труда переманив на свою сторону Маленкова, да еще опираясь на мощную спину министра обороны маршала Жукова (в тот день вокруг Москвы были выставлены и танки), он свернул шею Берия, ставшего как раз после этого часа без имени и отчества, а после суда или «суда»...

(«Суда» потому, что... Нет, то, что он был расстрелян, в этом никто не сомневается, но был ли расстрелян по судебному приговору?! При Сталине были изданы судебные отчеты по делу «Анτισоветского троцкистского центра по обвинению Пятакова Ю.Л., Радека К.Б. и других» (1937 г.) и по делу «Анτισоветского право-троцкистского блока по обвинению Бухарина Н.И., Рыкова А.И., Ягоды Г.Г. и других» (1938 г.), а также «Обвинительное заключение по делу Зиновьева Г.Е., Каменева Л.Б. и других» (1936 г.), а вот Хрущев почему-то не опубликовал ни обвинительного заключения и ни судебного отчета процесса над «наймитом иностранных разведок, который хотел возродить в нашей стране буржуазно-помещичий строй...»

Не в пример этим судам, на суде или «суде» над Берия не присутствовал ни один представитель ни «красной» и ни «желтой» прессы).¹

...А после суда или «суда» упоминание фамилии Берия в печати, даже в ругательном смысле, допоследнего времени было запрещено.

Недаром говорится, что история повторяется: с 1815 года по 1830 год Бурбоны тоже запрещали произносить имя Наполеона.

...И не только ему, «агенту мирового империализма», свернул Хрущев голову (не без помощи «теоретика» Сулова!), но и своим же соратникам-помощникам в этой опаснейшей операции: и Маленкову, и Булганину, и Молотову, и Кагановичу, и «примкнувшему» к ним, Шепилову, и даже – этого ему уже простить нельзя – маршалу Жукову...

Да, вот как виртуозно показал всем им... кузькину мать «Наш дорогой Никита Сергеевич» (помните фильм под таким названием?), он же «Никита-дурачок», «простой крестьянин», как он, кстати, выдавал себя после того, как «ушел» «по состоянию здоровья» на «заслуженный отдых» (хотя до того, пока «врачи» из Политбюро его не «освидетельствовали», всенародно заявил, что у него еще море энергии и что он щедро будет ее тратить на благо героического советского народа).

...Не тронул только он в то время незаметного, паиньку-Брежнева, будущего своего могильщика (не без решающей помощи того же Сулова!).

Начатый Берия, тогда еще Лаврентием Павловичем, подрыв культа личности Сталина, Хрущев продолжил, но поступал осмотрительнее: боясь народного, пусть даже рабского, гнева, он только через три года после смерти вождя стал тягаться со Сталиным – с «Колоссом Родосским» и своим обличительным, так сказать, «тайным» докладом на двадцатом съезде, хоть и вызвал разброд и замешательство в верхних рядах партии, но желаемого, ощутимого положительного результата все же не достиг...

Но об этом более конкретно говорится у меня в «Письме Астафьеву», так что нет смысла повторяться: боюсь, как бы и это письмо не приняло размеры «Такого длинного, длинного письма...» Скажу только: теперь, то здесь, то там, требуют опубликования «тайного» доклада Хрущева...

И я, незаметный винтик нашего общества, вовсе не против этого. Но лично я его читать,

¹ В одной уважаемой газете можно прочесть сложную для понимания статью ученого психолога: «Откуда рождаются слухи?». Но если по-простецки, не по ученому рассуждать, слухи рождаются и от недоверия к официальной, во многих случаях сомнительной правде. К примеру, если б во время судебного разбирательства хотя бы на несколько минут показали, разумеется, не нашим, а иностранным журналистам «натурального» Берия, то ни у кого бы не зародились сомнения в факте суда над ним.

наверно, не стану: если в сочинении высшего партийного руководителя, годы бок о бок работавшего с Верховным Главнокомандующим, будет говориться, что он, Сталин, «руководил» войной по глобусу (!), – простите, такое «сочинение уже не может вызвать во мне доверия, будь в нем даже и много подлинных фактов.

А тому, кто решится обнародовать этот злополучный «тайный» доклад, пусть хватит мужества показать народу, ставший такой же тайной, реквием по Сталину – документальный фильм «Великое прощание» (только не в изрезанном виде, как «восстановили» в 1984 году «Парад Победы»).

Просто интересно: сильнее ли пошатнется «Колосс» от доклада Хрущева или укрепится от «Прощания».

Сталин, еще при жизни, прочно вошел в историю, и вытащить его из нее после смерти, к каким бы документам и «документам», фактам и «фактам» ни прибегали, никому не удастся... Как однажды было уже сказано, «напрасны ваши совершенства...».

О столь значительной исторической личности «детям» Арбата не следовало бы писать, окунув перо в заранее приготовленную желчь *одной ненависти*, также как, к примеру, «детям» Кунцева, – обмакивая перо в патоку одной любви...

Увы, как видно, за письменным столом современникам исторической личности подобного подхода не избежать. Тем более в наше время и в наших условиях. Мы же не в состоянии жить без кампаний: или целиком и полностью за, или полностью и целиком против... А теперь, раз пошла кампания против... У Сталина, например, и лоб низкий, и лицо испещрено оспинами, и голос неприятно глуховат, но что-то этого не чувствовалось, когда он выступал по радио 3-го июля 1941 года...

...И рука одна короче другой, и акцент «кавказский...» Во-первых, нет в природе общего кавказского акцента (как и нет, кстати, общей кавказской кухни), а есть акцент армянский, аварский, осетинский, азербайджанский... Во-первых, его грузинский акцент не мешал и не раздражал миллионы советских людей – не грузин; да его и не замечали, когда он выступал на Красной площади, на параде в хмуро-снежное утро 7-го ноября 1941 года...

И этого «комплекса неполноценности» не забывают: ростом не вышел, всего 160 сантиметров...

Ну, «дети» мои, инженеры дорогие человеческих душ, если судить о величии человека по его росту, тогда великан Рустам, телохранитель, должен занять больше места в истории Франции, чем его «подопечный», «птичка-невеличка» Наполеон!

(Патагонцы считаются в мире самым высоким народом, но, однако, пока еще не подарили миру ни одного великого человека. Вообще среди замечательных, тем более среди великих, единицами насчитываются люди заметно высокого роста).

Да, впрочем, Сталин и не был такого уж маленького роста; он был, конечно, намного ниже Шарля де Голля, но не был ниже Ленина, Бухарина, Жукова, Конева (и других своих маршалов, кроме Рокоссовского), Черчилля, Трумэна, Этли, Монтгомери, не говоря уже о Гитлере, Муссолини и о совсем коротышке Франко...

Кстати, ищущим в Сталине дополнительные комплексы неполноценности, могу подкинуть безвозмездно – б е з в о з м е з д н о ! – еще один его комплекс, который, как видно, мало кто знает: на обеих его ногах по два пальца были сросшиеся.

...Ну, положим, что он внешне был явный урод, «почти Вольтер», но неужели у наших писателей и с Арбата, и с Переделкина, и с Лаврушинского переулка, и с улицы Черняховского не возникает мысли о том, почему же производил он такое глубокое впечатление на окружающих, и на очень умных (и хитрых!) людей, и совсем близко видевших его и общавшихся с ним чуть ли не повседневно? Может, он владел великим даром актерского перевоплощения, ну, как, например, Лоренс Оливье, а?

Эта версия отпадает, ибо...

«В своих выступлениях Сталин был безапелляционен, но прост. С людьми – это мы иногда видели в кинохронике – держался просто. Одевался просто, одинаково. В нем не чувствовалось ничего показного, никаких внешних претензий на величие и избранность».

(Константин Симонов. «Глазами человека моего поколения». «Знамя», №3, 1988 г.).

Стоят: М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе.
1925 год.

А, может быть, в почти поголовно всенародном поклонении ему решающую роль сыграл... страх? Даже смертельный страх... Допустим, философ-академик, еврей М. Б. Митин в частной беседе про живого Сталина только из боязни восклицал, что «Сталин – это бог, бог!», а вот какой же смертельный страх двигал русской Ольгой Берггольц – кстати, репрессированной в совсем еще молодые годы – написать такие строки на смерть Сталина (ради гонорара, что ли?):

*Обливается сердце кровью...
Наш родимый, наш дорогой!
Обхватив твое изголовье,
плачет Родина над тобой.
Плачет Родина, не стирая
слез, струящихся по лицу,
Всею жизнью своей присягая
Полководцу,
Вождю,
Отцу.*

(Не очень прошу прощения, что, вынудив прочитать эти строки, расстроил Вас, Ганину Майю Анатольевну, но и Вы, Ганина Майя Анатольевна, не поберегли же мои почти насквозь уже высохшие мозговые извилины и чуть до инсульта не довели своим кипуче-пенистым выступлением).

Да, Сталин... Те, кто и теперь, в пору чуть ли не всеобщей антисталинской вакханалии, не решаются целиком выбросить его на свалку истории, говорят, что он противоречивая личность. Это, бесспорно, близко к истине, но ведь чтобы нарисовать портрет во весь рост такой сложнейшей личности, пусть даже с оспинами и с неаккуратно причесанными усами, для этого не только дистанция времени требуется, но и перо нужно большого психологического таланта, по крайней мере не меньше Стефана Цвейга, Романа Роллана, Андре Моруа...

Только что в мартовском номере одного из самых серьезных журналов, выходящих на русском языке, прочитал:

«Близится двухсотлетие Великой французской революции. Похоже, что лишь теперь настанет время судить о ней здраво и спокойно».

А вот со дня смерти Сталина, да и вообще со времени тех великих событий, которые разыгрались, буквально, на наших глазах и на нашей памяти, и ста лет еще не прошло, так что об этом судить мы пока вряд ли можем спокойно и здраво...

И когда двести лет пройдет... Возможно, тогда и писатели, и историки-академики, слуги не сиюминутной конъюнктуры, а великой истины, обзрев далекий двадцатый век, нисколько не боясь за «вольнодумство» лишиться вольности или жизненных благ, в привычной для них естественной манере напишут именно то, что думают: в тот бурный и жестокий век миллионы людей были принесены в жертву построению социализма... И Сталин во имя воплощения этой мечты марксизма-ленинизма создал устрашающую и удручающую атмосферу, которая после его смерти, правда, постепенно стала очищаться, но мечта о социализме так и осталась мечтой... Кстати, тогда покойному Сталину многие ставили в вину, что именно он создал систему недемократичного правления и единовластия, но, как доказало последующее развитие истории, это неверно: подобное в крови и плоти всякой правящей партии, если она единственная в той или другой стране...

Выше я писал: «...почти всенародном поклонении Сталину...» Да, почти, ибо, к примеру, хоть я и грузин, но не адепт и не защитник «великого грузина» (по выражению Константина Бальмонта), в чем легко убедиться познакомившись с такой пространной цитатой:

«В те времена (т.е. в шестидесятые годы), между прочим, мои знакомые москвичи упрашивали меня полушутливо:

– Грузины! Дайте нам второго Сталина!

А я, «принц грузинский», как Гамлет, колебался, «дать или не дать?».

Но и в дни этих «мучительных колебаний», если бы и дал, ни за что, ни за какие золотые горы... не «дал» бы того Сталина, который, подобно гоголевскому персонажу с неблагозвучной фамилией, – «для порядка всем ставил фонари под глазами, и правому, и виноватому».

Беда Сталина, стало быть, и трагедия всего нашего народа состояла именно в том, что в его эпоху без разбора бросали в кипящий котел «и тех, и этих», и большей частью как раз безгрешных, ни в чем не виновных, и таким образом искусственно создавали «врагов».

Да, я не дал бы ни того Сталина, который на основе, а если сформулировать по-марксистски, – на базисе с т р а х а извратил даже мало-мальски нормальные, благородные человеческие взаимоотношения, посеял среди людей ядовитые семена недоверия и фарисейства, двурушничества, лицемерия и вероломства; пышно взрастил ложь, повальную подозрительность и всеобщее доноительство, зато даже видимость свободы слова и возможности хоть чуточку поразмыслить в корне изничтожил, и из всех прав, которыми общественное животное – человек говорящий – отличается от

животного, лишённого дара речи, оставил нам, молчаливым, только право аплодировать, да еще с тем условием, чтобы бурные аплодисменты обязательно переходили в овации...

Да, Сталин создал в военном отношении могучее государство, но в то же время вытравил в человеке все то, что украшает человека как высшее создание природы...».

Примите во внимание, что вышеприведенные строки были обнародованы по-русски почти два года назад (в «Письме Астафьеву», стр. 66), а по-грузински ровно девять лет назад, только, к моему сожалению, в виде «самиздата»: ведь даже сейчас, на исходе третьего года гласности, не жалуется меня официальная печать ни в Москве, ни в Тбилиси...

К слову, из-за своей «Черной книги», «выпущенной» в 1979 году, натерпелся я немало от охраняющих чистоту советской власти.

Ныне обо всем этом легко говорить, и, конечно, на, так сказать, бывшие запретные темы писать стало куда легче, а вот тогда, когда люди и своей тени боялись, и невинной писчей бумаге не доверяли, когда в общественных местах каждое слово свое взвешивали, как золотых дел мастер взвешивает драгоценные камни и...

С одной стороны, смешно, а с другой – весьма и весьма грустно, что многие, в их числе и очень солидного возраста доктора наук, и их меньшие братья – кандидаты, философы и публицисты, даже историки – академики марксизма-ленинизма, стараются убедить нас, читателей, что им только теперь открылись глаза и на «зверства» Сталина, и на «никчемность» его личности, да и вообще на все страшное и ужасное в те тяжелые времена... Словно при жизни Сталина они находились в утробе матери или еще гоняли мяч и голубей...

Да, только теперь «открылись глаза» на Сталина в массовом масштабе даже у пожилых наследников Достоевского – «инженеров человеческих душ» – раз, мол, документы тех времен стали уже доступны...

Но разве для современников Сталина так уж необходимы были подобные документы, чтобы прозреть?

(...Остановитесь! Прошу внимания!.. Лишь одного слова Сталина было бы достаточно, чтобы жители той или иной национальности с «радостью» стерли бы с лица земли даже всю свою республику, а вот «такой» Сталин и пальцем не тронул архивы, где хранились документы, позорящие и обесславливающие его в истории...

«Правдолюбцы» – историки и публицисты, философы и писатели, да и просто малосведущие, недалекие читатели, жаждущие видеть свою фамилию в печатном виде, и этому «феномену» Сталина без особого труда найдут ныне оправдание: Сталин, мол, собирался, но не успел сжечь их...).

Боюсь, как бы это не выглядело похвалой собственной персоне, но меня сравнительно еще в совсем молодые годы изолировали от советского общества именно за ненависть к диктатуре вообще и к диктатуре Сталина и его режиму, в частности, что подтверждается текстом приговора, вынесенного мне Трибуналом Закавказского военного округа 20 сентября 1942 года...

Но и тогда я не был слеп, и сегодня не остаюсь настолько слепым, чтобы не быть в состоянии судить о Сталине объективно.

Документы, мол...

Поневолу всплывает в памяти один весьма пронизательный путник, не то историк-философ, не то поэт-прозаик, который, увидев на ровной дороге нечто выпукло-круглое, никак не мог определить и с близкого расстояния, что же это такое. И только взяв в руки это «нечто» и понюхав, убедился, что оно, черт побери, не что иное, как обыкновенное засохшее дерьмо...

Ну да, когда ты – слуга конъюнктуры, а не истины, то, конечно, не «отличишь» дерьма от... мм...

Не стоит сравнивать, неэстетично...

...И я спрашиваю Вас... Нет, я не буду Вас, Ганину Майю Анатольевну, спрашивать, – если Вы даже пришлете ответ на мой вопрос, я его все равно читать не буду и пришлю обратно в ту деревню, где Вы в течение целого года...

«Я так и не ответила своему грузинскому адресату. Не хватило у меня запаса мудрости, чтобы ответить».

Спасибо, спасибо Вам от грузинского адресата, а не от коллеги-собрата...

Коллега... О, если б Вы так выразились на пленуме правления Союза писателей СССР, это ведь унизило бы Вас, русского адресата, знаменитую писательницу, в глазах присутствующих в зале многочисленных Ваших коллег...

«Мудрости не хватило...»

Мудрости не хватило Вам и на самую простую «почтовую» вежливость: «Вашу бандероль получила», даже без «спасибо»...

Но зато вполне хватило Вам мудрости, чтобы злобу вынашиваемую в себе в течение года вылить со всесоюзной трибуны на неизвестного грузинского автора и на его «Письмо Виктору Астафьеву»...

Да! И то примечательно, что Вы в своей речи ни разу не упомянули фамилию Астафьева: словно то «Письмо» на «пятистах» страницах адресовано не Виктору Петровичу Астафьеву, а Вам, Ганиной Майе Анатольевне...

Конечно, это было Вам гораздо удобнее, ведь...

«Клеветы, клеветы, да что-нибудь останется...».

Можете не беспокоиться, осталось: Ваше «сольное» выступление, напечатанное в «Литературной газете» от 9 марта 1988 года.

И Вы, в сравнении со мною, конечно, в крупном выигрыше: «Литгазета» выходит тиражом в два миллиона экземпляров, а читают ее, наверно, не менее двадцати миллионов, а вот мое это недлинное письмо, где без труда опровергается Ваша нехудожественно-неизящная, скажем прямо, примитивная «беллетристика», даже в эти дни гласности и перестройки будет доступна только единицам, ибо его, подобно «Длинному письму», никто не напечатает.

И я этому нисколько не удивлюсь, ведь изречение Станислава Ежи Леца, несмотря на свою давность, еще не устарело, а при нашем общественном строе, когда «нацмены» так боятся окрика из Москвы, вряд ли устареет:

«Сатирическая комедия никогда не выдержит экзамена, ибо в жюри сидят ее прототипы».

Да ведь этих-то прототипов и силой Ивана Поддубного не оторвешь от своих редакционных кресел, словно они крепко-накрепко вмонтированы в них...

А вот стоило ли Вам пользоваться этой заранее гарантированной привилегией и, понося, в кривом зеркале преподносить читающей публике неизвестное для нее, неопубликованное «творение», пусть даже написанное на ненавистном Вам языке эсперанто а la Rus?

Разве это красиво, разве это корректно, разве это...

Разве это не отзвук тех времен, когда люди толком не знакомые с тем или с другим произведением, всенародно его предавали анафеме, а у автора, сплошь и рядом, за закрытой дверью пародийного судебного разбирательства отнимали годы жизни?

И поступать так, да еще по прошествии почти сорока лет после кончины Сталина, которого Вы, без сомнения, проклинаете и ругаете на чем свет стоит, разве этично?

И не стыдно Вам?

Да я говорю не о стыде вообще, в частности, даже не о чувстве женского стыда, а о стыде писательском...

Я не знаю, лично для Вас это хорошо или плохо, но Вы от него, как видно, уже освободились... И ежели это для Вас и впрямь хорошо, с тем Вас и поздравляю, и ставлю здесь точку.

Неуважающий Вас Ваш бывший грузинский адресат

К. Буачидзе
Март 1988 года.Тбилиси.

ГЛАВА II. (1–16) ЦИКЛ – ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

1. ГЖЕГОЖ ФЕДОРОВСКИЙ – ГИППОКРАТ (460-377 до н. э.),

Шеренга великих медиков, Изд-во «Наша ксенгарня», 1975 г., Варшава

На греческом острове Кос в 460 году до нашего летоисчисления родился Гиппократ, величайший врач античного времени. Книги, написанные его учениками, собранные в так называемый «Гиппократов сборник», стали источником медицинских знаний на протяжении многих столетий, вплоть до периода средних веков.

Гиппократ происходил из семьи, члены которой из поколения в поколение занимались искусством врачевания. Еще будучи двадцатилетним юношей Гиппократ уже пользовался славой превосходного врача. Именно в этом возрасте Гиппократ получил посвящение в жрецы, что было необходимо тогда для врача, и выехал в Египет для пополнения знаний и усовершенствования в искусстве. Через несколько лет вернулся на родной остров, долгие годы занимался там врачебной практикой и основал свою медицинскую школу. Когда в столице Греции возникла эпидемия, Гиппократ был вызван в Афины и некоторое время жил там. К концу жизни переехал в Фессалию, где и умер, по-видимому, в 377 году до н.э. Долгие годы его могила была местом паломничества. Легенда гласит, что водившиеся там дикие пчелы давали мед, обладавший целительными свойствами.

Подобно всем врачам древности, Гиппократ занимался в основном практической медициной. Он утверждал, что широко применявшиеся в его время заклинания и заговоры, молитвы и жертвы, приносимые богам, недостаточны для определения и лечения болезней. Гиппократ рекомендовал тщательное обследование пациента, указал на необходимость обращать внимание на его позицию во время сна, частоту пульса и температуру тела. Придавал большое значение месту, где больной чувствовал боли и их силе, появлению лихорадочной дрожи. По мнению Гиппократа, хороший врач должен определить состояние пациента по одному внешнему виду. Заострившийся нос, впалые щеки, слипшиеся губы и землистый цвет лица свидетельствуют о близкой смерти больного. Еще и теперь такая картина определяется как «Гиппократово лицо».

Гиппократ лечил пациентов целебными травами, которых знал свыше двухсот. Возражал против применения сразу многих лекарств и провозглашал повсеместно теперь применяемый в медицине принцип, что врач, прежде всего, обязан не вредить больному – *Primum non nocere*.

Гиппократ был сторонником пребывания больных на свежем воздухе, купанья, массажа и занятий гимнастикой. Гиппократ придавал большое значение лечебной диете.

Труды Гиппократа свидетельствуют о его хорошем знании анатомии и о его успешных занятиях по теории медицины. По мнению Гиппократа, жизнь зависит от взаимодействия четырех стихий: воздуха, воды, огня и земли, которые соответствуют четырем состояниям: холодному, теплomu, сухому и влажному. В человеческом организме взаимодействуют четыре жидкости: кровь, по латыни – *sanguis*, желтая желчь – *chole*, слизь – *phlegma* и черная желчь – *melanos chole*. В организме человека эти жидкости находятся в определенном количественном соотношении, нарушение которого приводит к расстройству психической деятельности.

Таким образом, возникло деление на четыре темперамента – сангвистический, холерический, флегматический и меланхолический.

Для поддержания жизнедеятельности организму необходимо врожденное тепло тела, воздух, поступающий снаружи и соки, получаемые с пищей. Всем этим управляет мощная жизненная сила, которую Гиппократ называл Природой.

2. ГЖЕГОЖ ФЕДОРОВСКИЙ – АВИЦЕННА (ИБН-СИНА) (980-1037),

Шеренга великих медиков, Изд-во «Наша ксенгарня», 1975 г., Варшава.

Абу Али Ибн-Сина, латинизированное имя Авиценна, выдающийся врач мусульманского мира, родился в 980 году в Афшане близ Бухары, в нынешнем Таджикистане. Отец Ибн-Сины служил в Бухаре высоким чиновником. Ибн-Сина с малолетства отличался необыкновенными способностями. В десятилетнем возрасте он свободно читал Коран и знал произведения многих арабских классиков. До шестнадцатилетнего возраста учился правоведению. Медициной занялся позднее, но в этой области человеческих знаний достиг выдающихся результатов.

Когда Ибн-Сине исполнилось всего лишь семнадцать лет, его однажды позвали к больному владельцу, у которого была обширная библиотека. Молодой врач успешно вылечил богатого пациента, и тот так полюбил Ибн-Сину, что оставил при дворе, где он получил доступ к библиотеке. Воспользовавшись этим, Ибн-Сина занялся самообразованием в различных отраслях знаний. В восемнадцатилетнем возрасте Ибн-Сина уже пользовался славой хорошего врача, которого часто звали к одру больных правителей и различных государственных мужей. Ибн-Сина вел бурную жизнь. Его угнетала зависимость от правителей феодальных арабских государств, которые не всегда относились хорошо к выдающемуся врачу. Ибн-Сина часто подвергался преследованиям, в особенности со стороны мусульманского духовенства, ему часто приходилось бежать и искать пристанища у новых правителей. Одно время Ибн-Сина даже находился в заключении. В конце концов, Ибн-Сина поселился в Исфахане и Хамадане при дворе правителя Хамадана, который назначил Ибн-Сину придворным врачом и даже визиром (министром). Здесь Ибн-Сина пользовался уважением и почетом, но среди мусульманского духовенства имел и многочисленных врагов, потому что его философские убеждения часто расходились с догмами ислама.

Умер Ибн-Сина в 1037 году в возрасте 58 лет после долгой болезни. Некий арабский поэт после смерти Ибн-Сины саркастически писал, что «его (Ибн-Сины) философия не научила хорошим обычаям, а его медицина – умению тщательно беречь здоровье».

Ибн-Сина оставил после себя богатое наследие из научных трудов по философии и медицине. Только две книги он написал на родном языке дари, на котором говорили предки современных таджиков, все остальные писал на арабском языке, который в те времена был на Востоке языком ученых. Важнейшее сочинение Ибн-Сины, получившее широкую известность также и в Европе, неоднократно переводившееся на большинство европейских языков, то есть «Медицинский канон», долгое время оставалось основным источником медицинских знаний.

«Медицинский канон» являлся настоящей энциклопедией медицинских знаний арабского мира, в основе которых лежали науки Галена. «Канон» состоит из пяти томов, с огромным количеством разделов, в которых описывается не только анатомия человека, но приводится и множество практических сведений. В книге описаны многие болезни, как внутренние, так и кожные, глазные и детские заболевания. Подробно описываются их симптомы и способы лечения: в книге перечислены целебные средства и даны рецепты составления лекарственных препаратов, описаны методы хирургического лечения и даже приведены косметические советы. Труд отличается ясностью изложения и является не только сборником арабской медицинской мудрости, но содержит также критическую оценку автора и ряд практических советов и замечаний. Труд Ибн-Сины был в XII столетии переведен на латинский язык Герхардом из Кретоны, известным под именем «отца переводчиков». Этот перевод, озаглавленный «*Canon medicinae*», выдержал свыше тридцати изданий и вплоть до конца XVII века оставался основным учебником медицины не только для студентов, но и врачей.

Авицена большое значение придавал влиянию на организм положительных эмоций: «знай, что к числу хороших и действенных лечений относится пользование тем, что усиливает душевную силу, как например: радость, встреча с тем, что он любит и постоянное нахождение с человеком, который радуется ему. Иногда полезно постоянное нахождение с мужественными людьми и с теми, кого он стыдится. Это устраняет у больного некоторые вредные для него вещи.

Ибн Сина – явление арабской культуры.

Авицена: особое внимание нужно уделять уравниванию 7 факторов: 1) уравновешенность природы; 2) выбор пищи; 3) очистка от излишков (тела); 4) сохранение телосложения; 5) улучшение того, что вдыхается через нос; 6) приспособление одежды; 7) уравновешенность физического и душевного движения.

3. ГАЛИНА КУШНЕРОВСКАЯ – ТИТАН: МИКЕЛАНДЖЕЛО, «Молодая гвардия», 1977 г., М.

— Вы созданы не для животной доли, но к доблести и к знанию рождены – *Данте*.

— О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть, чем хочет.

— Ученый в каждом городе становится гражданином и может безболезненно презирать удары судьбы.

— Когда природа хочет что-нибудь допустить, она это допускает не скупясь.

— Юноша (Микеланджело), столь смелый и пылкий, что духу у него хватило исправлять творения своего учителя.

Счастья хочешь – счастлив будь. – *Л. Медичи*.

— В душу вторгается святое стремление, не довольствуясь заурядным, страстно желали высшего и по возможности добивались того, что положено всем людям.

— Восхищение – это хорошее вино для благородных умов.

— Он не обольщался сладостью победы, но ради собственной славы и славы своих близких поклялся победить.

— Кто может, тот не хочет.

— Лежа под периной, да сидя в мягком – славу не найдешь.

— Мои шаги свободнее, когда я следую внушениям своего собственного духа, чем когда иду по чужим следам.

— Тремя вещами подчиняет себе Рим: насилием, хитростью и лицемерием.

— О некоторых своих врагах: стоит ли с ними бороться, не велика честь от такой победы.

Микеланджело работал без всяких помощников, даже не имея человека, растиравшего краски. Он трудился, как каторжный.

— Я говорю, что не знаю, что лучше – зло ли, приносящее пользу, или добро, приносящее вред.

— Судьба помогает смелым.

— Нельзя, чтоб страх повелевал уму, иначе мы отходим от свершений.

— Не теряй надежду, не теряй веры.

«Не видеть, не слышать – non veder non sentir».

— Какое несчастье может сравниться с утраченным временем.

— Она из камня, но в ней есть дыханье, лишь разбуди – она заговорит.

«Любую боль, коварство, напасть, гнев,
Осилим мы, вооружаясь любовью».

— Он поразил не только своей несравненной красотой, но также и приятностью обхождения, тонким умом и редким душевным благородством; такой человек вполне заслуживал любви и лишь вырастал в ваших глазах при более близком знакомстве.

Так, если я не глух, не ослеплен
И творческий огонь во мне бушует,
Повинен тот, кем сердце зажжено.

Счастлива была бы Италия, будь у нее больше таких поэтов, как Микеланджело.

Его обнаженные фигуры полны мощи, но не слабости, ужаса, но не боязни, отчаяния, но не покорности.

Та красота, что бой дала бы смерти.

Он был способен, даже незадолго до смерти один управиться «с сотней таких выродков».

Восьмидесятилетний мастер успел создать модель своего купола, которую никто не посмел исказить.

Микеланджело – глубокий старик, он пережил на 45 лет своего старшего современника Леонардо и на 44 года – младшего собрата Рафаэля.

Микеланджело был «совестью Италии».

Человек, который захотел бы во всем следовать лишь одному добру, неминуемо погиб бы среди стольких порочных людей.

Величайшая сила – это память о чести, потому, что кто помнит о ней, не боится опасностей и никогда не сделает подлости.

— «Хотя он будет богат, но навсегда останется бедняком» – Микеланджело.

— «Кто идет за другими, никогда их не обгонит» – Микеланджело.

— Ум этого правителя, точно флюгер на колокольне, от всякого ветерка вертится.

— Несмотря на то, что я богат, я всегда жил, как бедняк.

Следствием его богатого воображения является еще то, что он стал очень робким человеком, и только несправедливые оскорбления вызывают его справедливый гнев и делают его смелее самых смелых; все же остальное он переносит с необыкновенным терпением.

— Желая действительно делать добро, а не иметь вид доброго человека. Микеланджело чувствовал и ощущал трагедию одиночества.

— «Должен умереть тогда, когда он (Микеланджело) только начал читать по слогам в своей профессии».

4. РОМЕН РОЛЛАН – ГЁТЕ,

Собрание сочинений, том XV, «Издательство Время», 1933 г., Л.

— Самое главное – научиться владеть собой.

— Я мог месяцами страдать и молчать, как собака; но я всегда стремился к своей цели, И когда наконец дело доходило до осуществления, я набрасывался на неё изо всех сил, что бы ни случилось. Как меня терзали! И чаще всего за мои самые благородные поступки. Но окрики никогда на меня не производили никакого впечатления».

— Потеря денег – невеликая потеря. Поторопись заработать другие! Потеря чести – большая потеря. Завоюй славу, люди изменят свое мнение. Потеря мужества – потеря всего. Лучше было бы никогда не родиться.

— Кто не умеет отчаиваться – не должен жить.

— Есть случаи, когда всякое утешение - низость, а отчаяние - наш долг.

— Природа, говорите вы, хотела в общем, приспособить наши сердца к мягкости и чувствительности... В общем, этого никогда не бывает; скорее, она делает их более черствыми, и слава богу.

— Мир сделан не из каши и не из сиропа... Приходится прожевывать жесткие куски; и либо ты их переваришь, либо задохнешься.

— В мужестве у Гёте никогда не было недостатка. За три года до смерти, непосредственно после большого горя, старик, достигший восьмидесяти лет, выпрямился и говорит: «пока еще не кончился день – будем высоко держать голову, и пока мы еще в состоянии творить, мы не сдадимся».

Гёте говорил: «все виды комфорта совершенно противоречат моей натуре. В моей комнате, как вы видите, нет софы, я всегда сижу на моем старом деревянном стуле, а лишь несколько недель тому назад велел приделать к нему нечто вроде спинки, чтобы можно было прислонить голову. Обилие удобной и красивой мебели мешает мне мыслить и погружает меня в состояние пассивного благодушия. Великолепные комнаты и эlegantная обстановка представляют ценность лишь для людей, которые не имеют и не хотят иметь никаких мыслей...»

Он обороняется, как может: прибегая к строгой дисциплине, к точному распорядку жизни, без праздношатания, без нелепых светских забав, без единого потерянного часа».

— Я никогда не курил, никогда не играл в шахматы, одним словом, никогда не делал ничего такого, что могло красть у меня время.

Произведение всей жизни Гёте – «Фауст».

Слова «умри и возродись» - родственны индивидуальной сущности Гёте.

Мы понимаем время как вечное движение вперед, и дела человеческие каждые пятьдесят лет приобретают новый вид; поэтому-то установившийся обычай, который в 1800 году был высшим достижением, в 1850 году может быть уже «преступным».

— Я очень радуюсь, когда чувствую, что есть вещи, которые я ненавижу, потому что нет ничего более смертельного для ума, чем признавать, что всё хорошо так, как оно есть: это равносильно уничтожению всякого истинного чувства.

— Если истина жжет, пусть так, тем лучше; она – огонь.

— Я предпочитаю вредную истину полезной ошибке; истина исцеляет боль, которую, быть может, сама же она и вызвала.

Вредная истина полезна, потому что она может вредить в течение только одного мгновения и затем ведёт к другим истинам, всегда более полезным; полезная же ошибка вредит потому, что она может служить только один момент и приводит к другим ошибкам, всегда более вредным.

— Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день готов за них на бой.

— Двигаться вперед, падать, подниматься, действовать, трудиться, бороться, служить, а потом подвергаться уничтожению, чтобы понять слово – Умри и возродись.

Все добродетели: умеренность, умение удовлетворяться малым, прямота, верность, умение радоваться даже самому скромному добру, неспособность вредить, терпеливость в страдании, настойчивость...

Гёте внушает отвращение «ни да, ни нет», половинчатость, компромиссы, он предпочитает взаимно противоречивые системы, но между двух стульев – никогда.

5. ЛЕВ ТОЛСТОЙ – ИСПОВЕДЬ

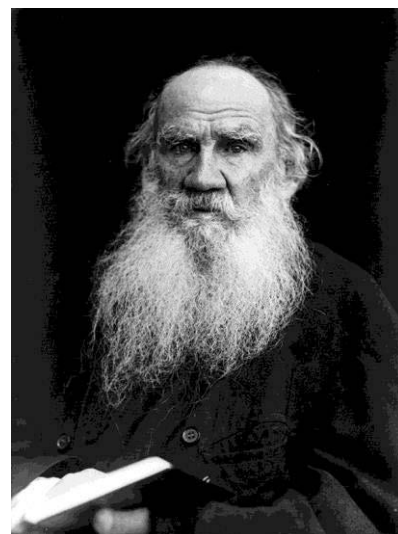
(Вступление к сочинению «В чём моя вера»),

Полное собрание сочинений,

т. 23, Госиздат, 1957 г., М.

— Учить катехизме надо, и ходить в церковь надо, но слишком серьезно всего этого принимать не следует.

— Единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Я старался совершенствовать себя умственно, я учился всему, чему мог и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю, составлял себе правила, которым старался следовать, совершенствовал себя физически всякими упражнениями, изоцряя силу и ловкость, и всякими лишениями, приучая себя к выносливости и терпению и скоро оно подменилось

совершенствованием быть лучше перед другими людьми. Вскоре оно сменилось быть сильнее других людей, т.е. славнее, важнее и богаче других.

— Я наивно воображал, что я – поэт, художник и могу учить всех, сам не зная, чему я учу (в 26 лет). Из сближения с людьми я вынес новый порок – до болезненности развивающуюся гордость и сумасшедшую уверенность в том, что я призван учить людей, сам не зная чему. Вспоминая об этом времени – мне и жалко и срамно, и смешно – возникает то самое чувство, которое испытываешь в доме сумасшедших.

Иногда восхваляли друг друга, с тем, чтобы и меня восхваляли, иногда же раздражаясь друг против друга, точно так, как в сумасшедшем доме.

Так противно стало мне мое влияние в журнале, состоящее все в одном и том же – желании учить всех и скрыть то, что не знаю, чему учить, что я заболел более духовно, чем физически.

— Я вкусил уже соблазна писательства, соблазна огромного денежного вознаграждения и рукоплесканий за ничтожный труд.

Со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. Но это проходило и я продолжал жить по-прежнему.

— Я сам не знал, чего я хотел: я боялся жизни, стремился прочь от нея» (часто). И это с ним (с Толстым) сделалось тогда, когда ему не было 50 лет и считался он совершенно счастливым.

6. ВЛАДИМИР НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО – ИЗ ПРОШЛОГО,

Госиздат, 1938 г., М.

Чтобы воспоминания имели какое-нибудь значение, они должны быть прежде всего искренни.

— Он (Чехов) любил смех больше всего на свете, чувствовал его силу и был из тех, которые считают остроумие величайшим даром человека.

Улыбка широкая, открытая, всем лицом, искренняя, но всегда накоротке. Точно человек спохватывался, что, пожалуй, по этому поводу дольше улыбаться не следует.

Чем скромнее он себя вел, тем распущенное становилось у него в классах, пришлось прибегнуть к «данной ему власти».

Этот человек не знал, что такое лень, и мог бы считаться образцом «кузнеца всего счастья». Он ковал свое положение, не доверяясь легким средствам, вкладывая в каждый свой шаг энергию, упорство и настойчивость.

В обществе он был неиссякаемо остроумен и умел монополизировать разговор. Успех у женщин имел огромный.

— Если тебе понадобится моя жизнь, приди и возьми её» - дышит самоотверженностью и простотой, свойственной чеховским девушкам.

— Ленский один из самых обаятельных русских актеров. По богатству обаяния с ним сравнивают Качалова.

Ленский – Чехову – «Бросьте писать для театра. Это совсем не ваше дело».

— Авторы, имена которых забываются около вешалки при выходе.

«Чайка» в Петербурге жестоко провалилась. Это был один из редких в истории театра провалов. Слушался как скучный курьез. Пьеса шлепнулась и провалилась с треском. Это не «Чайка», а просто дичь».

— Скажи, о чем ты мечтаешь, и я тебе скажу, кто ты.

— Молодой купец Алексеев-Станиславский сам ставил пьесы и сам играл главные роли.

Он проявил одну из очень заметных черт настойчивости! Дотошность, стремление договориться до конца, даже записать, запротоколировать. Он не доверял памяти ни своей, ни чужой.

— Каждая новая роль есть рождение нового человека.

— Природа Станиславского страстная и сложная, она разворачивалась годами.

— Два медведя в одной берлоге не уживутся.

— Поезд шел с такой скоростью, что кажется можно соскочить, нарвать цветов и догнать.

— Его приятно слушать, потому что веришь, что он понимает всё, о чем говорит.

— Чем человек становится богаче, тем пышнее становится его тщеславие.

Поймал удобную психологическую минуту и говорит.

Если кто станет на моей дороге, перееду не моргнув.

— Высказываться не торопится: выигрывает тот, кто умеет выждать...

— Знал вкус и цену «Простоте», которая дороже роскоши...

— Стихия выдержки и расчета...

— По римской поговорке – «жить – значит воевать».

— Критик – умел хвалить, умел восхищаться, что гораздо труднее, чем критиковать...

— Наши требования к актеру: «не играть ничего»...

— Одним из крупных элементов сценической новизны Станиславского было именно это пользование вещами, другим важным моментом сценической новизны были паузы – это было увлекательно ново...

— Вижу тебя насквозь, но ты мне не неприятен, мне с тобой удобно...

— Пьеса захватывала (Царь Федор). Москвин, которого еще вчера никто не знал, на другой день проснулся «известным».

— Успех это всё: «У Вас мистер был шанс, вы его не использовали, Ваш поезд ушел».

— Публика никогда не бывает виновата.

— Сделал себе блестящую карьеру и прославился выражением «патронов не жалеть».

— Народное просвещение для царской власти – все равно, что солнце для снега. Когда лучи его слабы, снег играет блеском бриллиантов, или рубинов, а когда они сильны, то снег тает.

— Нужен реальный оптимизм, а не идолопоклонство...

— Искусство, особенно сцена – это область, где нельзя ходить не спотыкаясь, надо быть готовым, несмотря ни на что, упрямо надо гнуть свою линию...

— Чем больше любви, тем больше тоски...

— Люди приходили такие, каких он хотел и какие не только брали от него, но и сами кое-что ему приносили.

— «Вишневый сад» стал самым ярким, самым выразительным символом Художественного театра.

Шипение все нарождающихся врагов только укрепляет боевое настроение.

— Про Шаляпина кто-то сказал: когда бог создавал его, то был в особенно хорошем настроении, создавая на радость всем.

— Не было прежнего аромата. Это были цветы, пролежавшие несколько лет в книге.

Один из трагикомических анекдотов в истории Художественного театра, при премьере «Дети солнца» - во время революции, говорили, что театр будут разносить. Артель штукатуров публика приняла за черносотенцев, которые пришли громить театр, начав с артистического персонала.

Молодость, дерзость, чутье, слепая вера?

Моральная победа была полная, но каково, же было наше удивление, когда зал едва занятый наполовину.

Всякий знает, какая радость для актера (для всех) быть понятым до глубины замысла, понятым и оцененным.

Тарасов и Балуев – оказали большую помощь Художественному театру: 30 000 рублей без возмещения.

Потому это чувство было бодрым и проникнутым верой, что оно было молодо и единомушно.

Царь Игорь делал неизменные аншлаги.

К громким и большим словам относишься скептически, но к большим и громким делам?...

Игра этого ансамбля напоминает игру блестяще срепетированного и управляемого оркестра.

Было пережито 4 месяца нервного подъема и напряженного труда.

Артистическое честолюбие ненасытно. Оно делает вид, что находит полное удовольствие в самом труде, на самом же деле ищет и видимых знаков признания.

— У Тургенева есть фраза – «Следы человеческой жизни гложут очень скоро»...

Как всякое одобрение великих людей врезывается в память.

— У Льва Толстого – глаза мудрого и доброго хищника.

Лев Толстой не признавал Ибсена.

Нас манила к подражанию его (Толстой) изумительная простота, какая смелость быть таким простым!

У Чехова в «Трех сестрах» был даже монолог о том, что такое жена. Причем, монолог был сначала длинный, а потом он видимо нашел, что тема уже достаточно в литературе разработана и сократил монолог до одной фразы: «жена есть жена».

— Много было таких женщин, захвативших верхушки мужских интересов...

— Самое мучительное для Льва Николаевича – несоответствие всей окружающей его обстановки с его собственным учением...

Весь он (Толстой) рвется упростить свою жизнь до крестьянской, простой, мужицкой, а жена и вся семья живут самой обыкновенной, самой пошлой буржуазной жизнью.

В «Дневнике для одного себя» у Толстого, незадолго до его «бегства» из дома, есть такое:

— 20 августа. Нынче думал, вспомнил свою женитьбу, что это было что-то роковое. Я никогда не был даже влюблен. А не мог не жениться.

— После Художественного театра никто в Москве уже не ставил «Живого трупа».

«Об этом спектакле надо писать золотым пером».

О Москвине: «Лучше забудьте имена пятидесяти знаменитостей; но запомните имя Москвина».

7. А.М. ГОРЬКИЙ – КАК Я УЧИЛСЯ.

Издание З.И. Гржебина, 1922 г., Берлин-Петроград-Москва

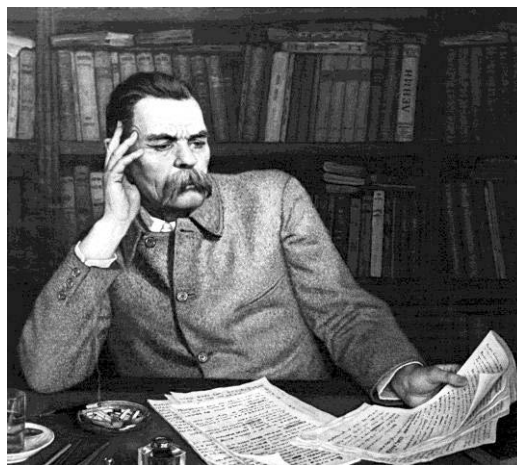
— Мы живем в эпоху, когда расстояние от самых безумных фантазий до совершенно реальной действительности сокращается с невероятной быстротой.

— Как велико было мое изумление, когда я почувствовал, что почти каждая книга как бы открывает предо мною окно в новый, неведомый мир, рассказывая мне о людях, чувствах, мыслях и отношениях, которых я не знал, не видел.

— Нередко я плакал, читая – так хорошо рассказывалось о людях, так милы и близки становились они. И, мальчишка, задерганный дурацкой работой, обижаемый дурацкой руганью, я давал сам себе торжественные обещания помочь людям, честно послужить им, когда вырасту.

Любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку.

Любите книгу – источник знания, только знание спасительно, только оно может сделать нас духовно сильными, честными, разумными людьми, которые способны искренне любить человека, уважать его труд и сердечно любоваться прекрасными плодами его непрерывного великого труда.

8. ДАНИИЛ ГРАНИН – ЗУБР,

Новый мир, №№ 1,2, 1987 г., М.

— Они живут не по английской поговорке. Англичане позволяют себе проигрывать все сражения, кроме последнего – последнее надо выиграть.

— Лелька (жена) была единственным человеком, перед которым Зубр (Тимофеев-Ресовский Ник. Вл.) позволял себе падать духом, быть слабым, жалким, безвольным.

У Зубра совершенно отсутствовал нерв страха. Он был из тех, кто может владеть ситуацией.

(Отто Ган и Лиза Мейтнер – и Гейзенберг, Вайцзеккер, Дибнер незаметно саботировали атомные работы. Их неудачи не случайность, а умысел. Они ясно понимали, что нельзя давать в руки Гитлеру столь страшное оружие.

— Урановые заводы в Ораниенбурге сровняли с землей американцы, чтобы они не достались русским.

— Насчет головы известно, чем больше она работает, тем лучше соображает.

Вчерашние победы ничего не значили. Побеждать надо было сегодня. Каждый раз – сегодня...

Вместе с талантом досталась Зубру еще везучесть.

Когда с талантом соединяется везучесть – это пир природы. Я даже подозреваю, что везучесть одно из свойств больших талантов, иногда она может поднять их до гениев.

Зачем надо брать обязательства, когда и без них я должен делать все, что могу (мнение Зубра).

Не вспоив, не вскормив, врага себе не сделаешь.

Константин Леонтьев о романах Льва Толстого: язвительно, местами с убийственной злостью разбирает язык, стиль «Анны Каренины», «Войны и мира». Отдает должное и в то же время высмеивает безжалостно, без всякого почтения. Ничего подобного читать о Толстом не приходилось. Было страшно и любопытно. То, что перед ним можно не приклоняться, потрясало. От критики Леонтьева в чувстве моем к Толстому ничего не убыло, скорее прибыло.

Можно ли распознать по внешности злодея? Хотелось бы конечно, но сатана и дьявол приходят к нам с физиономиями стертыми, рога спрятаны под шляпой, мохнатый хвостик втиснут в вельветовые штаны. Серия улыбок – и палёной шерсти и не замечаешь.

— Гений не может сражаться с тенью осла. Достойное противоборствует достойному... При нем нельзя оставаться вялым, спокойным. Всё начинает резонировать (про Зубра).

Я – тень, я – копия. Ценность копии в чем? В её приближении к оригиналу. Чем меньше от него она отличается, тем лучше. То есть никакой самобытности.

— Лысенко был убежден, недаром обещал быстрые успехи. В том была его сила. Убежден был, что можно воспитанием менять наследственность. Поэтому шли за ним. Чувствовали его веру.

— Любите врагов своих, ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда.

Он не боялся надоесть, в нем не было никаких комплексов. Если ему было интересно, значит, и всем другим должно быть интересно. Он не боялся молодых, не боялся показаться несовременным. Это они отсталые, невежды, олухи, тени, он их журил как хотел, уличал в серости, эпатировал, подначивал, и они бегали за ним.

Раз уже тратить время, то на главное. И это главное он умел находить. Не сразу они уразумели, что перед ними личность экстраординарная, единственная.

Чем больше его любили, тем больше боялись.

— Вы мне не нужны, но жить я без вас не могу. Вы мне не нужны, поэтому я вас люблю, люблю и больше ничего, ибо никакой корысти у меня к вам нет. И то, что я прожил последние десятилетия в обществе, которое мне дороже всего и нет мне ближе вас никого, – это утешение, которое дано было на склоне лет (так говорил Зубр на своем юбилее).

Имя – больше, чем любое звание. Докторов наук много, да и академиков хватает, имя же – одно-единственное.

История молекулярной биологии отводит Тимофееву-Ресовскому большую роль как катализатору этой современной науки.

Два принципа Зубра:

1. Хорошие люди должны размножаться.

2. Наше поколение должно стараться все лучшее передать следующему, а уже там как выйдет.

Вопросы приоритета Зубра начисто не волновали.

Зубр трубно возвестил, что Лысенко – это Распутин, и это в том году, когда Лысенко опять вошел в фавор.

Вольность – слово, больше подходит ему, чем свобода. Вольность требует простора, пространства, полей, запаха неба и запаха души.

Заниматься важными и неважными проблемами в науке одинаково трудоемко, так на кой черт тратить время на маловажные вещи?

«Надо не только читать, но и много думать читая».

— Наука – это привилегия для очень здоровых людей. Слабые могут в ней только прозябать.

— Если заболел – не замечай. Те, кто лечится, жалуется, настоящими работниками быть не могут.

Независимость его имела скрытые опоры, глубокие корни. Каждый человек мечтает о независимости, но силы духа для этого не всегда хватает. Что касается Зубра, то ему эту силу придавала вера. Он верил в справедливость, в превосходство добра над злом, в абсолютность добра.

Как можно скорей принимайтесь за научную работу (Резерфорд Зубру) и вы почувствуете себя более счастливым. Чем труднее будет эта работа, тем меньше времени у вас останется на другие заботы. Как известно, сколько-то блох собаке нужно, но, как мне кажется, вам блох досталось больше нормы.

С Капицей вынуждены были считаться, его поведение создавало ауру неподчинения, а неподчинение – то, что всегда смущает чиновные души.

Он не позволял непрошено приближаться к себе вплотную, появлялась надменность, высокомерие породистого аристократа, неприятное, замораживающее любого.

«Людей притягивает друг к другу не сходство взглядов на элементарные единицы. Есть скрытая магнитная сила, которая влечет нас к одним, и отталкивает от других, одинаково незнакомых людей. Они оба были действующими вулканами, в их грохоте и пламени ощущался жар подземных сил. Старомодные рыцари порядочности, они сразу узнали друг друга» (Зубр и Ляпунов).

Все меняется – трактовка, объяснение, связи, понятия гена, клетки, законов наследственности. Но есть вещи, которые остаются от ушедших ученых. Их нравственные поступки, их нравственные правила, законы их порядочности. Это живет – в той же среде биологов. Зерна чести прорастают сквозь поколения, раздвигая камни, надгробия.

После доклада о Лепешинской, заполненного ненаучной ахинеей, Заварзин встал и сказал: «Если бы студент мне показал препараты вроде ваших, выставленных к докладу, я бы его выгнал вон – и с раскатистым хохотом сошел с трибуны.

— Гёте писал в «Фаусте»: «Ты равен тому, кого понимаешь».

Перед кем оправдываться? Перед клеветниками, шпаной, людьми, лишенными совести? Он знал, что ни в чем не виноват и этого знания ему было достаточно. Гонор его захлестывал! Если вы мне не верите, я не унижусь до объяснений.

Он не разрешал себе быть перед нами несчастным, обиженным, не искал наших утешений. Это было неравенство, тайное чувство превосходства человека иных сил, прав и обязанностей.

В чем-то Зубр ощущал себя ближе к Александру Невскому, чем к современникам.

«Пусть другие выясняют правду, тем более, что правда, обнаруженная другими, убедительнее».

В 1965 году Зубра наградили Кимберовской медалью «За работы в области мутаций. Это была крупнейшая награда для биологов, она заменяет Нобелевскую премию, поскольку последней для биологов нет.

Природа мудрее человека – она не меняет без толку хорошее на плохое. Всё лучшее отбирает и оставляет.

У Зубра случались паркинсонумы отдачи. Дни дарения.

Оставалось думать – «занятие мало привычное для научного работника».

Он не имел никаких преимуществ. Скорее наоборот – возраст был его недостатком. У него было всего лишь превосходство пройденной дистанции. Кое о чем он мог предупредить.

Непросто было соревноваться с молодыми. На классиков они смотрели с тайной улыбкой жалости. Они знали больше, чем покойные лауреаты Нобелевских и прочих премий. Им были известны их ошибки, несовершенство их методик. Приборы странные, примитивные. Классики – значит, освоенное, устарелое. Наука – это не музыка и не литература.

Долголетие невозможно без оптимизма. Оптимизм дается генетически. Нажить его трудно. Несмотря на исключительную свою судьбу, Николай Владимирович был самым последовательным и энергичным оптимистом. Он обращался с учениками беспощадно. Услышать его одобрение было непросто.

Особенность его таланта состояла в том, что он умел находить главное и заниматься им.

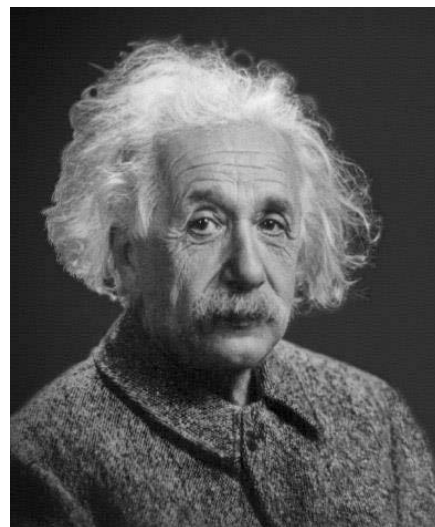
9. К. ЗЕЛИГ – АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН,

«Атомиздат», 1964 г., М.

1. Открытое им соотношение между массой и энергией $E=mc^2$ станет исходным пунктом для использования атомной энергии в военных и мирных целях.
2. Сформировал закон фотоэффекта.
3. В промышленности нашли применение – законы излучения и поглощения света, на которых основана идея мазеров и лазеров – приборов, открывших эру квантовой электроники.
4. Создал теорию относительности.

Родился 14 марта 1879 г. в Ульме (Германия), через год семья переехала в Мюнхен. 16-летним покинул Мюнхенскую гимназию и поехал к родителям в Милан. Учитель математики писал о незаурядных способностях юноши и что он вполне достоин стать студентом высших учебных заведений.

В 1895 г. Альберт отправляется в Цюрих, чтобы сдать экзамены в Политехникум, но проваливается, однако через год поступает на педагогический ф-т Политехникума.

Альберт был тихий, замкнутый ребенок (с большим затылком), с другими детьми не резвился, спокойно играл один.

Однажды, выполняя домашнее задание по теореме Пифагора, Альберт нашел новый путь решения задачи, отличный от того, каким пользовались в школе.

У него было страстное любопытство. Любил музыку.

Его идеал – свобододолюбивые люди.

Последние 22 года перед смертью Эйнштейн жил в Америке.

Сын Эйнштейна Ганс Альберт сейчас живет в Калифорнии и является профессором гидравлики в Университете Беркли

— По-моему, хуже всего, если школа строит свою работу на запугивании, насилии и искусственно созданных авторитетах. Такая система воспитания губит здоровые чувства и непосредственность школьников, убивает их веру в собственные силы. Так создают приниженных верноподданных.

Каждый, кто к нему приближался, поддавался обаянию незаурядной личности.

— Пиво делает людей глупыми и ленивыми.

— Эйнштейн ненавидел сентиментальность и даже в окружении людей, легко приходящих в восторг, неизменно сохранял хладнокровие.

Бах и Моцарт – его любимые композиторы. Гендель и Бетховен, творения которых дышат бурной страстью, были ему менее близки.

— Что я могу сказать о творчестве Баха? Слушать, играть, любить, почитать и помалкивать.

— Надо же нам снова вместе помузицировать.

— Головной мозг ему дан по ошибке, ибо он вполне мог бы обходиться спинным.

— Важнее стимулировать общее интеллектуальное развитие, чем преподнести некую сумму конкретных знаний.

— Насколько воспитание, основанное на свободе действий и чувству ответственности перед самим собой, совершеннее воспитания, строящегося на муштре, дутом авторитете и честолюбии.

— Я и увидел себя в положении буриданова осла, который не может решить, какую же ему взять охапку сена.

— Вы умный малый, Эйнштейн – но у вас есть большой недостаток, вы не терпите замечаний.

Обуреваемый сильнейшей жаждой независимости, Эйнштейн чаще всего бросал такие инструкции в корзину и решал задачи своим путем».

— Я вижу действительное величие Маха в его неподкупном скепсисе и независимости.

— Вы, должно быть, не можете быстро бегать? - Отчего же нет? - «Ну, как же, сказал Эйнштейн, поглядывая на большие уши собеседника: «Ну, как же, из-за сопротивления воздуха Вашим ушам.

Ценнейшее сокровище Эйнштейна – любимица скрипка всегда была с ним.

Эйнштейн не выносил расфранченных господ, а также светские сборища, на которые надо было приходиться в праздничной одежде.

— Надо избегать опасности стать поверхностным в мыслях и чувствах – о эта зараза здесь (США) носится в воздухе.

«Маленький профессор» – так называли родственники.

«Комфорт и благополучие никогда не были для меня самоцелью» – говорил Эйнштейн».

— С юных лет я презираю банальные цели человеческих устремлений: богатство, успех, роскошь.

Макс Планк и Альберт Эйнштейн – они философы, но трудятся на другом факультете».

Жена Эйнштейна Милева Марич – девушка из богатой сербской семьи, поступила в высшее политехническое училище, с помощью Эйнштейна, она получила выпускное свидетельство. Своей внешности она совсем не уделяла внимания, так как женское кокетство было ей совершенно чуждо. Она страдала туберкулезом суставов, хромала, была неврастенична и очень ревнива. Родители Эйнштейна не обрадовались появлению такой невестки.

В 1900 г. квантовая теория Макса Планка открыла путь в мир атомов. Главными творцами новых представлений были Планк, Резерфорд, Бор и Эйнштейн».

— Я веселый зяблик и никак не склонен к меланхолии.

В 1940 г. Эйнштейн стал гражданином Америки, но не отказался от гражданства Цюриха.

Задачу «Как добиться успеха?» он свел к следующему уравнению: A (успех) = X (работа) + Y (игра) + Z (умение держать язык за зубами).

Пообедав в обществе друзей, отправились домой, но когда они оказались перед дверью своей квартиры, выяснилось, что Эйнштейн где-то оставил ключи. Однако 27-летние новобрачные отнеслись без трагизма к этому происшествию.

Эйнштейн любил божественное существование, не скованное условностями».

— Человек должен избавиться от эгоистических вожделений, освободиться от оков собственности и жить в простоте (философское воздействие Спинозы); «непременным условием успеха научных исследований является самоотречение, терпение, дух товарищества и склонность к сотрудничеству».

— Спорить по-настоящему можно только с братьями и близкими друзьями.

«Академия – Олимпия» - круг друзей в Берне.

К 25-летию дружья купили икру и поставили на стол, ничего не сказав, Эйнштейн увлекся спором о Галилеевском законе и уничтожил драгоценный деликатес, точно обыкновенный кусок масла. Когда ему сказали; «Знаешь ли ты хотя бы, что ты сейчас ел? – Он равнодушно спросил «Нет, а что?». Ему ответили – «ведь это же икра, которую мы всегда восхваляли». – «Выходит, что плебея не стоит угощать деликатесами, ведь он все равно их не оценит».

19 октября 1900 года 42-летний Макс Планк сообщил членам немецкого физического общества о своем открытии закона излучения. Эту дату можно считать днем рождения квантовой теории. В 1918 году он был удостоен Нобелевской премии. Жизнь его отмечена чертами подлинной трагедии. Планк умер в 1947 г. в возрасте около 90 лет. В общественных проблемах Планк проявлял ребяческую наивность, в политике понимал ровно столько, сколько «кошка в «Отче наш».

В 1918 году, когда физическое общество торжественно отмечало 60-летие Планка, Эйнштейн выступил с речью, в которой отметил, что в храме науки есть две многолюдные категории «жертвователей»: те, кто выдают свой мозговой экстракт из честолюбия, и другие, действующие лишь в утилитарных целях. «Если бы вдруг изгнать из храма всех, кто принадлежит к обеим этим категориям, храм стал бы почти безлюдным; остались бы лишь немногие из числа ныне живущих и наших предшественников. Среди них был бы Макс Планк, и за это мы его любим».

Докторская диссертация 1919 г. на 21 странице. В 1922 году Эйнштейн был удостоен Нобелевской премии в знак высокой оценки «его работ в области теоретической физики и, в частности, за открытие закона фотоэлектрического эффекта».

— Только тот, кто сам это изведает, знает, что такое полные предчувствия, длящиеся годами поиски во мраке, волнение и страшное ожидание, переходы от уверенности к изнеможению, и, наконец, рывок, приносящий ясность.

«Я же - писал Эйнштейн, напротив, развивался интеллектуально так медленно, что, только став взрослым, начал раздумывать о пространстве и времени. Понятно, что я вникал в эти проблемы глубже, чем люди, нормально развивающиеся в детстве».

Эйнштейн, противник всякого излишнего научного балласта, ответил: «Я не знаю этого наизусть (какова скорость звука?), к чему загружать свою память тем, что можно найти в любом справочнике».

Эйнштейн посвятил друга (Бессо) в свое открытие, которое послужило ключом к пониманию цепной реакции и практическому получению ядерной энергии. Бессо сразу же понял, что речь идет о чрезвычайно важном открытии».

То обстоятельство, что научные знания являются достоянием лишь маленькой группы людей, снижает философский уровень народа, приводит к духовному оскудению».

Арнольда Зоммерфельда Эйнштейн сердечно полюбил, «я в него совершенно влюблен, он чудесный парень».

— У Планка один недостаток – он с трудом вникает в ход мыслей другого человека.

Резерфорд, один из наиболее заслуженных создателей атомной теории и учения об искусственном превращении элементов, уже в 1904 г. в книге «Радиоактивность» писал, что активность радия вызвана распадом атомов.

«Теория относительности не открытие, сделанное одним ученым, а последний кирпич в здании, построенном такими людьми как Лоренц, Пуанкаре и Хазенэрль» - писал Борн.

«Электродинамика движущихся тел» - работа вводила в историю физики.

Элегантностью Эйнштейн действительно не блистал, и один из его знакомых заметил, что он не был бы удивлен, увидев его зимой в концерте в соломенной шляпе.

В 1909 г. в Цюрихском университете в аудиторию незаметно вошел директор Института Клейнер, особого удовольствия не получил и счел Эйнштейна непригодным к педагогической деятельности.

Эйнштейн писал: «против обыкновения я читал тогда хорошо».

В честь юбилея 350-летия Женевского университета устроили официальное шествие к собору Святого Петра: шествие было, пожалуй, чересчур молчаливым и даже чем-то напоминало похороны». Соломенная шляпа Эйнштейна способствовала оживлению процессии куда больше, чем шитые золотом фраки знаменитостей из Французской Академии, средневековые мантии англичан и др. Вместе с Эйнштейном на почетном заседании звания доктора удостоили Марию Склодовскую-Кюри, Вернера и др.

7 мая 1909 года Цюрихский правительственный совет назначил Эйнштейна экстраординарным профессором теоретической физики.

— Он создал собственный язык, если учесть, что ему всего 30 лет, то это свидетельствует о самостоятельности и зрелости мысли. В пустые споры и пререкания, не имеющие отношения к развитию науки, он не вступает, он слишком умен и добросовестен»...

Несколько монотонная речь Эйнштейна оживлялась шуткой. Со студентами обращался по-товарищески непринужденно. В то время это было необычным.

Неважно все знать, «надо только все время думать: если бы я этому учился, я бы умел».

Став профессором, Эйнштейн сохранил всю свою простоту и совершенно не придавал значения внешнему облику.

Интеллектуальное обогащение принесла Эйнштейну и дружба с Альфредом Штерном.

«Такая дата дает мне право сказать, что я люблю Вас и тепло о Вас вспоминаю». В обычный день такие слова прозвучали бы довольно странно, так как либо это само собой разумеется, либо это ложь. Но самым прекрасным для меня остается видеть доброго человека, воплощающего в своей долгой, счастливой и плодотворной жизни цель, поставленную еще в юности, - пишет Эйнштейн Штерну в день 80-летия последнего.

Письмо к Стодолу: Если бы Стодола родился в эпоху возрождения, он стал бы великим художником или скульптором, потому что доминирующими чертами его личности являются могучая фантазия и стремление к творчеству.

Безудержный разгул (на празднике) оставил у Эйнштейна неприятный осадок.

В лице Бертрана Рассела Эйнштейн видел крупнейшего мастера слова и независимого мыслителя.

В Америке Эйнштейну показали в Буэнос-Айресе великолепно автоматизированную типографию газеты «Пресса». У него спросили, нравится ли ему типография. «Она великолепна, - не хватает только машины, которая стала бы все это читать».

— Мышление отдельного человека вне взаимосвязи с мыслями и переживаниями других людей даже в лучшем случае довольно убого и однообразно. Умных людей с ясной мыслью, четким стилем и хорошим вкусом очень немного в каждом столетии.

Эйнштейн считал, что «если литература не может научить людей честно действовать и ясно мыслить, значит она не справляется со своей задачей».

Эйнштейн находил время для занятий английским языком.

Он увидел злобу, рождаемую политическими разногласиями, интриги, мелкую зависть, нередко свивавшие себе гнездо в их стенах. Однажды он сказал полушутя-полусерьезно: «Университеты похожи на красивые навозные кучи, на которых иногда распускаются благородные цветы».

Однажды, когда в старинном феодальном здании одного отеля проходил торжественный вечер в честь проф. Эйнштейна, последний явился туда в темно синей рабочей куртке, и швейцар принял его за монтера, вызванного для ремонта электропроводки. Эйнштейн, усмехаясь, разъяснил, что произошла ошибка. Другой раз, Эйнштейн, который должен был прочесть доклад на торжественном заседании, предпочел выступить перед собравшимися в качестве скрипача.

— Я работаю очень усердно, но без большого успеха – признавался он в 1911 году.

В те годы (1914) Эйнштейн выглядел так, как описывает один литератор: с первого взгляда меня поразил его лоб, непомерно большой, прямо-таки неправдоподобный, сверкающий белизной. Под ним глаза – необыкновенного коричневого цвета, внимательные, умные и добрые, серьезные, как глаза ребенка. Глаза его – гораздо моложе лба и уже седых волос». Многие ученые помнят его смех, детски беззаботный, эллински радостный.

Эйнштейн держался чрезвычайно скромно и завоевал этим все сердца. Он взирал на этот мир с большой высоты. То, что казалось важным обычному человеку, не имело для него никакого значения. Поэтому он не прибегал к каким-либо ораторским приемам. Он говорил живо и ясно, не напыщенно, а совсем просто, с приятным юмором.

Он пишет – «Я редко встречаю людей, с которыми мне бывает хорошо. Я нуждаюсь в твоей дружбе еще больше, чем ты в моей».

Однажды после дискуссии Эйнштейн спокойно заметил: «Сегодня по мне стреляли из пушек. А я ведь только крошечная песчинка в человеческом мире». И чтобы немного

развлечь слушателей, он достал скрипку и сыграл первую часть скрипичной сонаты Моцарта.

Особо почитаемый Эйнштейном Лоренц председательствовал с несравненным тактом и невероятной виртуозностью. «Он одинаково хорошо говорит на трех языках и обладает необычной научной проницательностью. Лоренц это чудо интеллигентности и такта, живое произведение искусства».

— Таких преподавателей, наверное, было мало – непосредственных, совершенно не стремящихся доказать свою значимость.

Молодежи он часто советовал: «Не ставьте перед собой слишком легких задач». Странная особенность научных изысканий: нам часто кажется, что важнее всего занятия тем, на что вовсе не стоит тратить время и силы. Не следует стремиться к легко достижимым целям. Надо инстинктивно чувствовать, что является достижимым при самом большом напряжении».

В 1913 году имелась договоренность о небольшой совместной поездке в горы с Марией Склодовской-Кюри, которая после знакомства на Сольвеевском конгрессе посетила супругов Эйнштейн, для закрепления дружбы. Совместная поездка осуществилась в августе, в которой участвовали обе дочери Марии Склодовской Ирен и Ева, старший сын Эйнштейна Альберт.

— На пасху я переезжаю в Берлин как академик, то есть человек, не имеющий определенных обязанностей, нечто вроде живой мумии (1913 г.).

— Я понимаю причину самодовольства берлинцев. Здесь столь много впечатлений, что собственная пустота ощущается не так остро, как в более тихом месте.

В 1915 году знакомство с Роменом Ролланом.

В Берлине Эйнштейн не делился своими идеями с немецкими друзьями. Он, подобно Сократу, ограничивается лишь тем, что ставит перед учеными множество вопросов, дабы их встряхнуть. Но люди не очень это любят».

— Даже ученые разных стран ведут себя так, словно у них восемь месяцев назад удалили головной мозг.

Приглашенный на съезд одного научного общества, Эйнштейн явился в гостиницу, где ему был заказан номер. По-видимому, он показался подозрительным администратору и тот попросил незнакомого приезжего заплатить вперед по счету.

В 1919 году Эйнштейн развелся с Милевой (женой), однако он всегда проявлял сердечную заботу о своей первой жене и обоих сыновьях.

Эйнштейн писал: «пусть бы уж всё наладилось с этим Эйнштейном. Каждый год он опровергает то, что писал в предыдущем, вероятно, это для него грустная работа».

— Я вижу, что нередко люди, предельно властолюбивые и необузданные на политическом поприще, в частной жизни неспособны и муху обидеть.

Когда у Эйнштейна спросили, где помещается его лаборатория, он вынул из кармана вечное перо и сказал: «Здесь».

Еще одно воспоминание: я не мог не восхищаться жизнью и глубиной мыслей Эйнштейна. Он почти никогда не терзается сомнениями, а если уж сомневается, то сомнения его очень определены. Эйнштейн очень осторожен – и физик до мозга костей.

В 1919 году Эйнштейн женился на своей троюродной сестре, жизнерадостной и задушевной Эльзе Эйнштейн. Счастливая жизнь с Эльзой продолжалась до её кончины. В 1934 году погибла старшая дочь, мать так и не оправилась от этого удара и скончалась в 1936 году.

Все, кто тогда общался с Эйнштейном – очень его любили. В нем были простота и достоинство великого человека».

— Вообще оказывается, что я становлюсь все глупее, но на это ведь каждый имеет право.

Пространство, время и деньги... и материя – эту проблему Эйнштейн разрешил.

— Умение отказывать – никогда не было моей сильной стороной. Я превратился в бессознательно движущийся тук.

— Меня очень радует, что Вы восприняли общую теорию относительности столь тепло и радужно. Хотя у неё пока ещё немало противников, меня утешает то обстоятельство, что средняя сила ума всех сторонников теории намного превосходит силу ума её противников.

«Ребенок, не знающий коварства окружающего мира».

— Я один из тех, кто много ломал себе голову, но ничему не научился.

В Америке Эйнштейна провозгласили как «нового Колумба науки, который в одиночку совершает свое плавание по океану мысли».

В 1921 году Эйнштейн отправился в США, в Англию.

В 1930 и 1932 годах Эйнштейн вновь приезжал в США.

В Америке Эйнштейн долго осматривал телескоп с зеркалом, диаметром два с половиной метра. «Для чего, собственно, нужен такой гигантский инструмент? - спросила Эльза Эйнштейн. «Его главное назначение – ответил директор обсерватории – заключается в том, чтобы узнать строение Вселенной». «В самом деле? Мой муж обычно делает это на обороте старого конверта».

Эйнштейн выступал во всех почти городах со своими лекциями.

В 1932 году Эйнштейну была присуждена Нобелевская премия.

Эйнштейна невозможно было превзойти в уважении к идеям других, в личной скромности и антипатии к рекламе.

Ехал в вагоне III класса, остановился он тоже в третьеразрядной гостинице. Когда Эйнштейн попросил владельца гостиницы соединить его по телефону с замком королевским, тот решил, что постоялец глупо шутит.

Эйнштейн написал письмо: «Поскольку хлопоты, связанные с предполагаемым юбилейным подарком стали слишком продолжительными по сравнению с краткой человеческой жизнью, я прошу Вас окончательно прекратить это дело».

— Сейчас может помочь лишь терпение и... временное отсутствие.

Душевно больная бежала из Франции, из психиатрического дома, чтобы отомстить Эйнштейну. Эта женщина страдала навязчивой идеей, будто под именем Эйнштейна скрывается пресловутый провокатор – Азеф, который отверг её – возлюбленную. Она попала в тюрьму, где её навещил Эйнштейн.

Когда вернулся из поездки, чемодан жена обнаружила непривычно для него убранным. Оказалось, что он вовсе не вскрывал чемодан, а просто покупал необходимые рубашки.

«В 1927 году болезнь сердечная чуть не сыграла в ящик», - говорил он.

— Какое волшебное действие оказывает имя Эйнштейна.

— Он человек незаурядной силы характера. Он не падает духом, потратив пятнадцать лет на работу, которая оказывается в итоге бесплодной. Столь же весело, как и в начале, когда он уверен в успехе, он может сказать, завершая её: «Ну вот, я опять сбился с пути».

— Папа современной физики переселяется и благодаря этому США становится центром естественных наук.

К работе в Институте высших исследований Эйнштейн приступил 1 октября 1933 года – Принстон. Его годовое жалование составляло 15000 долларов, в 4 раза больше того, на что он соглашался. Своё отношение к деньгам он однажды выразил в лапидарной форме: «Можете ли вы себе представить Моисея, Иисуса, или Ганди с денежным мешком какого-нибудь Карнеги? Я не могу».

Он был настолько равнодушен к деньгам, что, например, в течение долгого времени использовал чек на 15000 долларов, врученный ему Рокфеллеровским фондом в день семидесятилетия, как книжную закладку, не реализуя его.

Чаплин сказал Эйнштейну: «Вам люди аплодируют потому, что Вас никто не понимает, а мне – потому что меня понимает каждый».

— Если Эйнштейн считал правым дело, которое защищал, он непреклонно отказывался от всяких компромиссов и смело стоял на своем, чего бы это ему ни стоило.

— Особенно восхищает меня в нем – непримиримость не только к угнетателям своего народа, но и ко всяким соглашателям, которые всегда готовы заключить союз с сатаной.

Вообще же Эйнштейн любил одиночество, «которое в юности так мучительно, а в зрелые годы так драгоценно».

При неудачах он говорил: «Даже на неудачах можно чему-либо научиться».

Однажды, когда ученый навестил своего большого друга, последний сказал, что не имеет права отнимать у профессора драгоценное время и обременять его своей болезнью. Он ответил: «Если к человеку хорошо относишься, слово «обременять» вообще не существует».

Глаза Эйнштейна обладали чистотой, редко свойственной взгляду человека. Глаза ребенка? Ни в коем случае, потому что детская чистота исходит от определенной пустоты, от отсутствия опыта. Чистота же Эйнштейна полна знания и опыта.

Улыбался Эйнштейн от всего сердца, а не из вежливости или с какой-либо целью.

В 1952 году ему предложили пост президента в Израиле.

О доме Эйнштейна: «Здесь существует то внутреннее единство, когда воля, чувство и ум настолько гармонично переплетаются, что уже не могут существовать раздельно. Независимым, мужественным и не бьющим на эффект представился дом Эйнштейна в Принстоне».

«Если человек пользуется признанием, симпатией и поощрением лучших людей своего времени, счастье его, пожалуй, будет больше, чем может вынести человек» - отметил он, когда был награжден золотой медалью Копли Лондонским Королевским обществом.

Другое воспоминание Инфельзя. Когда Эйнштейн объясняет свою теорию, он совершенно не заботится о том, чтобы произвести впечатление, что его слушатели слишком быстро все схватывают, или наоборот, маловосприимчивы. Он говорит так, будто хочет разъяснить свою идею самому себе. «Я сделал это, вот я какой» - такой подтекст него полностью отсутствует. Я удивлялся глубине его мысли, пронизательности и прежде всего упорству, с которым он решал вставшие перед ним проблемы.

Эйнштейн питает глубокое отвращение ко всякому проявлению нескромности, к запугиванию окружающих и жестокости людей, бесцеремонно пробивающих себе дорогу в жизни.

И при всем этом каждый считает, что теория относительности Эйнштейна имеет какое-то отношение к атомной бомбе. Это и есть, наверное, самая горькая ирония судьбы в его жизни. Этот человек, одинокий по собственной воле, этот гений абстрактного мышления, презирающий грубую силу, считается «отцом атомной бомбы».

Ученый, который любил импровизировать, был глубоко потрясен негритянской певицей Мариан Андерсон. Она единственная женщина, которая может похвастаться тем, что поцеловал ей руку.

Утверждение о том, что Эйнштейн якобы является «отцом атомной бомбы», должно быть категорически отвергнуто» (выступления с осуждением атомной бомбардировки японских городов).

В разговоре он заметил, что в крайнем случае его можно назвать «дедушкой атомной бомбы» ($E=mc^2$, оно объясняет выделение огромной энергии при ядерных реакциях).

Развитие атомной физики – с Беккереля, Пьер Кюри и Мария Склодовская-Кюри, Резерфорд, Бор, Чедвик, Ферми – удалось активировать нейтронами ядра химических элементов.

Фредерик и Ирен Жолио-Кюри.

— Открытие деления урана угрожает цивилизации и людям не более, чем изобретение скрипки. Дальнейшее развитие человечества зависит от его моральных устоев, а не от уровня технических достижений.

— Лучшее, что тебе остается в жизни, это несколько настоящих друзей, умных, сердечных людей, понимающих друг друга, как мы».

В 1952 г. Чедвик писал другу: «Я чувствую себя хорошо, хотя старый механизм и изнашивается порядком».

Ученый получал и различные трогательно-комические знаки любви к нему. Так, к его семидесятичетырехлетию Союз кондитеров Нью-Йорка преподнес ему на блюде гигантский торт, в основании которого, как на кафедре, лежала книга из шоколада и марципана с надписью: «Счастливого дня рождения профессору А. Эйнштейну». Торт этот был так тяжел, что поднять его могли только двое мужчин.

— Хотя дни рождения празднуют для детей, почему бы мне не сделать один раз исключение, я боюсь только, поднимут такую шумиху, что явится даже посланец с Марса. Как сообщал журнал «Жизнь», все сто почетных гостей были с нашей планеты.

Об основных жизненных принципах Эйнштейн ответил – «Основное – это не позволить мертвым правилам убить здоровое чувство».

Особо ценил человечность и любил эту черту.

- Вы не можете себе представить, как сильно мною все интересуются, особенно в письмах. Время для размышлений и работы мне приходится тратить на их чтение и ответы.

Эйнштейн своему ассистенту: «Для нашей работы необходимы два условия: неустанная выдержка и готовность всегда выбросить за борт то, на что ты потратил так много времени и труда.

Бог безжалостно распределил свои дары. Меня он наделил упрямством мула и ничем больше; правда, носом он меня тоже снабдил.

— Когда профессор радостно смеется, громко, глаза его остаются серьезными и какая-то часть его продолжает решать великие проблемы.

«Ясность и логичность его мыслей, их оригинальность производили на меня глубокое впечатление. Интерес ученого к простому народу и его проблемам, стремление помочь людям, отказ от всяких внешних эффектов сразу же убеждали каждого в величии характера Эйнштейна, отвечающего его научному гению. Жизнь и работа с ним оставили богатейшие, незабываемые впечатления».

— Хороший характер и сильная воля важнее, чем ум и эрудиция.

— Когда у Эйнштейна спросили: всем ли доволен профессор и нет ли у него каких-либо желаний, Эйнштейн ответил: «Конечно есть. Мне бы хотелось хоть чуть-чуть посолить суп, ведь врач назначил мне бессолевую диету».

В 1955 году принесли ему дорогих гаванских сигар. Эйнштейн улыбнулся и сказал: «Мне придется поторопиться, чтобы все их выкурить».

— 18 апреля 1955 года Эйнштейн скончался, смерть приняла его в свои объятия спящим.

«Луч света в этом мире, где тени всё больше сгущаются» - назвал Эйнштейна Неру в своем соболезновании.

...Сигналом тревоги послужила статья, опубликованная 6 января 1939 года в журнале «Естествознание». В ней сообщалось об удачном экспериментальном доказательстве деления ядер урана с образованием ряда изотопов бария. Авторами статьи были профессор Отто Ган, некоторое время работавший у Резерфорда в Монреале, и его ассистент Ф. Штрассман. С осени 1907 года Ган поддерживал тесный научный контакт со своей сверстницей и коллегой Лизой Мейтнер, которая в июле 1938 года была вынуждена покинуть Германию и продолжала исследовательскую работу в Стокгольме. Ган еще до опубликования упомянутой статьи послал корректуру Лизе Мейтнер. Она со своим племянником физиком-атомником Отто Робертом Фришем подробно обсудила новое открытие. Им удалось объяснить физическую сущность процесса деления ядер урана и с помощью несложной установки доказать выделение энергии при этом процессе. Лиза Мейтнер и ввела в употребление термин «деление ядер».

В начале января 1939 года Фрит в Копенгагене рассказал о своих беседах с Лизой Мейтнер Нильсу Бору, у которого он длительное время работал. 26 января 1939 года в Вашингтоне на заседании Американского Физического общества Бор доложил об огромных успехах, достигнутых учеными. Его сообщение вызвало такое волнение, что еще до окончания заседания некоторые присутствовавшие на нем члены общества поспешили в лаборатории, чтобы экспериментально проверить деление ядер урана. Уже через несколько часов они убедились в правильности сообщения Бора. Темп исследовательских работ ускорился. Жолио-Кюри и др. в Париже работали над осуществлением цепной ядерной реакции. Впервые в мире эта реакция была осуществлена Энрико Ферми 6 декабря 1942 года в Чикаго.

Тем временем в США разыгрывались драматические события. Летом 1939 года к Эйнштейну приехали два физика-атомника, родившиеся в Будапеште, но уже в течение нескольких лет работавшие в США. Это были Лео Сциллард, который в Колумбийском университете проводил экспериментальные исследования цепных реакций в уран-водородной системе, и Пауль Вигнер. Сциллард знал Эйнштейна еще с того времени, когда он с 1922 по 1933 год был преподавателем теоретической физики в Берлинском университете. Они вместе сконструировали насос Эйнштейна-Сцилларда, до настоящего времени используемый на атомных электростанциях.

Посетители рассказали Эйнштейну о цепной реакции в уране и возможностях её использования. Вначале они решили через бельгийскую королеву Елизавету, дружески относившуюся к Эйнштейну, предостеречь бельгийское правительство от дальнейшей продажи Германии больших количеств урана, добываемого в Конго, но затем отказались от этого плана и решили направить письмо непосредственно президенту Рузвельту. Первый проект письма Эйнштейн написал на немецком языке; на его основе Сциллард подготовил два варианта на английском. Эйнштейн подписал более длинный вариант и 11 октября 1939 года это письмо было передано американским финансистом Александром Саксом лично Рузвельту. Сциллард написал еще и меморандум, который также был вручен президенту одновременно с письмом Эйнштейна.

В письме говорилось о важности работ Жолио-Кюри, Ферми и Сцилларда над проблемами использования урана для получения энергии и высказывалось мнение, что

взрыв критических масс урана в результате цепной реакции может быть положен в основу создания нового вида бомб, а также рекомендовалось строже контролировать запасы урановой руды и установить контакт между правительством США и американскими физиками.

I ядерный взрыв в США был осуществлен 16 июля 1945 г. в пустыне Аламогордо, неподалеку от городов Лос-Аламос и Сандия.

10. ИРВИНГ СТОУН – МОРЯК В СЕДЛЕ,

«Молодая гвардия», 1980 г., М.

— Если ты утаил правду, скрыл её, если ты не поднялся с места и не выступил на собрании, если выступил, не сказав всей правды – ты изменил правде.

— Джек считал, что его духовное рождение произошло в ту минуту, когда с шапкой в руках он, не веря своим глазам, остановился в дверях деревянного здания библиотеки. На долю будущего писателя выпали тяжкие испытания, когда он мучился, не находя себе места; его ждали поражения, его презирали, от него шарахались, как от зачумленного, но никогда уже больше с того дня он не был одинок.

Первое основное противоречие в натуре Джека: хаос, царивший дома, сознание, что он – незаконнорожденный, сделали его робким и застенчивым. Но могучий ум вселял твердость и уверенность в себе».

Испытания и ошибки стали для Джека хорошей школой.

Тринадцати лет он кончил начальную школу. В классе он считался знатоком истории. Произносить речь на выпускной церемонии предложили ему, без сомнения, по этой причине. Но показаться было не в чем - не нашлось приличного костюма, он не мог даже явиться на торжество. О том, чтобы поступить в среднюю школу, нечего было и думать. Этот бедно одетый паренек с открытой белозубой улыбкой, стойкий, вспыльчивый, впечатлительный, брался за любую работу.

Он был не просто храбр, он был безрассуден (Джек). Чем сильнее была непогода, тем отчаяннее он рисковал.

Бедняки никогда не отказывали Джеку. Убедившись в этом, Джек говорил – что милосердие – не кость брошенная собаке. Милосердие – кость, которую ты поделил с ней, потому что сам голоден не меньше собаки.

«Вера и усердие». Вера сдвигает горы, но Джек куда больше полагался на усердие.

Мужество – вот что прежде всего требовал Джек Лондон от человека. «Человек, способный, глазом не моргнув, принять удар или оскорбление и не дать сдачи?! Да пусть он хоть во весь голос твердит о возвышенных чувствах – мне нет дела; от такого меня тошнит». Отсутствие смелости было в его глазах достойно презрения. «Дай врагу как полагается или он тебя отделаает, но злобы не таи. Уладил и дело с концом, забудь и прости.

Джек был великодушен и щедр с друзьями, тем, кого любил, отдавал себя без остатка. Не бросал их, когда им случалось обидеть его или сделать ошибку. «Я осуждаю недостатки друзей, но разве это означает, что я не должен любить их».

— «Бедняжка Кетти», как её всегда называли, была хитра, смекалиста и себе на уме, эдакая цепкая лоза со стальной мертвой хваткой под флером мягкости и сентиментальности.

— «Невысказанное – превыше всего (Джек Анне). Дорогая, ведь для меня счастье - Вы, счастье и торжество души».

— На пост мэра города Окленда была выдвинута кандидатура Дж. Лондона.

— Я люблю тебя, каждую твою клеточку, как не любила еще никогда и никого уже больше не буду любить (Чармиан Джеку). Итак, до тех пор, пока он не начинает верить, что его любят, как не любили никого с сотворения мира.

— Его настигла участь модного театрального кумира. Однако тщеславие, к счастью, несвойственно ему. Осыпали Джека обильным дождем подарков и угощений со щедростью неведомой в цивилизованных странах (полинезийцы).

Джек успокоился, и этот психологический перелом ознаменовал его полное выздоровление.

Стараться перекричать противника, подчинить его себе силой? – Никогда. Джек интересовался существом спора, а не его исходом.

Он был так насыщен жизнью – горячей, трепетной, сияющей, что вселял в каждого встречного счастливое ощущение радости, довольства. «Джек Лондон – это колосс на равнине жизни» - говорили его друзья.

Когда молодые писатели просили Джека Лондона указать самую легкую дорогу к успеху, он отвечал: «Человек, который мечтает владеть мастерством и считает, тем не менее, что кто-то другой обязан отшлифовать его талант – это человек обреченный: посредственность – вот его удел. Если ты собираешься выполнить задачу с честью, ты должен совершенствоваться сам. Смелей за дело! Ломись в дверь! Держи нос по ветру, не сдавайся! Не хнычь. Не говори мне или другим, как нравится тебе то, что ты сделал, не говори, что твои вещи не хуже, чем у других. Делай их в стократ лучше, и тогда у тебя не будет ни времени, ни охоты сравнивать их с посредственной работой других».

Мягко, покладист, деликатен он был лишь до той поры, пока не понимал, что его обманывают или портят его работу, и тогда он обрушивался на обидчика со свирепостью разъяренного медведя.

Любовь, терпимость и великодушие – вот три источника, питавшие натуру Дж. Лондона.

— Неужели я просто глупец, который много дает и ничего не получает взамен? (Лондон дочери). - Нет, мир принадлежит не тем, кто молчит, самое молчание – ложь, если с его помощью делают из любви посмешище, а из отца - талон на бесплатный обед.

Окруженный друзьями и родственниками, имея сотни тысяч поклонников, рассыпанных по всему западу, он чувствовал себя невыразимо одиноким. Со всей силой, на которую способен тот, чьи дни уже клонятся к закату, молился он по родной плоти и крови, томился желанием иметь сына, которому можно довериться, чье сильное плечо будет ему опорой в годы старости, сына, которому он передаст свое имя, который станет продолжателем его дел.

Джека Лондона рассматривали не как человека, а уж скорее, как стихийное явление природы.

— Ты обречен на одиночество – значит, стой один. Насколько помнится, во все времена уделом пророков и ясновидцев было одиночество – не считая тех случаев, когда их сжигали на костре или забрасывали камнями.

— Человек редко бывает знаменит тем, ради чего он борется и умирает (случай демонстрации искусственной челюсти Джека).

22 ноября 1916 года покончил жизнь самоубийством, приняв морфий и атропин, в 40-летнем возрасте. Писать начал в 24 года. Написал 56 романов.

11. ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО – ЯГОДНЫЕ МЕСТА,

«Роман-газета», №15, 1983г., М.

— Один из тех прекрасных разговоров ни о чем, который бывает разговором обо всем, когда рядом друзья, а не случайные люди.

— Он считал, что семейная верность есть признак мужской серости и опуститься до этого не мог.

— Женщина в очках – это две женщины.

— В космическом корабле была только одна книжка: тоненькая пожелтевшая брошюра Циолковского «Горе и гений», изданная в Калуге в 1916 году на средства автора. Уж она-то имела полное право оказаться в космосе. Космонавт, передав данные о полете на Землю, наудачу раскрыл её. «Ясно, что не очень легко найти гения, и нет ничего удивительного в том, что мы его не видим, хотя он и был. Вы скажете, что он сам должен проявить себя, выплыть на свет божий, показать себя людям великими делами. Правда это иногда возможно, но не всегда. История учит нас, сколько гениев было не оценено и погублено в зачатке ограниченностью окружающих».

— Писатели недооценивают своей профессии. Вместе с ним в космос без всяких анкет и характеристик незапланированно летели братья Карамазовы. Неожиданно попавший в космический корабль Пьер Безухов, к иллюминатору прижалась поддразнивающими глазами булгаковская Маргарита. Когда смотришь из космоса сразу на все страны, где у тебя нет ни одного знакомого, то вдруг оказывается, что знакомые у тебя там есть. Это писатели.

Литература и есть напоминание народу о том, что он – народ, человечеству, что оно – человечество. Именно писатели добились того, чего не смогла добиться медицина: они победили фатальность исчезновения. Их герои, жившие давным-давно, навсегда в составе народа, и смерть ничего не может с ними поделать. В России и сам народ во многом создан писателем – Пушкиным. А если в нас есть что-то плохое, то виноват в этом не Пушкин.

Пушкин выше любого кибернетика. Значит, только одно знание не делает человека лучше.

— Циолковский здорово сказал: «Все наши знания – прошлые, настоящие и будущие – ничто по сравнению с тем, что мы никогда не будем знать». Это не печально, это прекрасно. Когда есть бесконечность непостижимого, то у самого знания есть надежда на бесконечность.

— Укрепляющая тело, но разрушающая душу спортивность. Миллионы людей в разных странах манипулируют гантелями, бегают трусцой... А вот бегают ли они на крик другого человека?

Многие, когда хотят стать космонавтами, думают, что прежде всего необходимо железное здоровье. Но опасная штука железное здоровье вместе с железной душой. Готовы к любым космическим перегрузкам, а у самих явная перегрузка души. Недогрузка знанием истории собственного народа. Многие даже не соображают, в какой стране живут. Недогрузка собственными мыслями. Зато полная перегрузка желанием хорошо жить. А что такое – хорошо жить?

Циолковский – «Нельзя осуждать это желание себе величайшего возможного добра. Но беда в том, что человек часто заблуждается и вместо добра делает себе зло». Вечный вопрос о себялюбии истинном и мнимом. В Библии сказано: полюбите ближних, как себя

самого. Но чтобы полюбить ближнего, надо сначала научиться любить себя самого. А полюбить себя по-настоящему – это любить не только себя. Взлететь над землей мало, важно, с какими мыслями взлететь. Иначе мы только собачки в космосе. Да, собачки – это еще хорошо, а ведь в космосе могут попасть и свиньи. Опасны вооруженные свиньи, которые подруют своими рылами корни галактик.

Слишком много не верящих ни в какие моральные ценности. Чем больше знают, тем больше опасны такие люди. Откровенные циники не так страшны, страшнее те, кто притворяется, что верит. Разумеется, в то, во что выгодно верить в данный момент. Какое лицемерие – убеждать, когда сам ни в чем не убежден. Но разве не было и нет тех, кто искренне верит в недостойное веры? Несчастливы блаженные, думающие, что они счастливы. Нужна вера, соединенная с познанием, вера, ставшая делом. Не только верить в Россию, и верить – не только в Россию. Все национализмы - бесчеловечны.

Прежде чем создавать веру во что-то, надо поверить друг другу. Но как поверить подлецу, как поверить реальному и потенциальному убийце? Убивать убийц мало, надо убить возможность появления убийц. Земля всего-навсего огромный космический корабль, человечество – его экипаж. Разве возможны ссоры и убийства внутри экипажа? Что же будет тогда в космическом корабле? Что же будет с человечеством?

— Все человечество делится на три категории: на тех, кто читал «Братьев Карамазовых», на тех, кто еще не читал, и на тех, кто никогда не прочтет. Есть еще одна категория – те, кто видел «Братьев Карамазовых»... в кино.

— Мой бог – случай. В руках случая все люди – шахматные фигурки, и он, когда хочет, их сбрасывает с доски, а когда хочет, сдвигает, как нас с тобой сдвинул на берегу этой реки. Случай всем правит – и войной и любовью (может это есть – бог)».

Я ничего не накопил за всю жизнь, а воспоминания свои, как скупой рыцарь берегу. Кто у меня отберет, как ты из реки выскочила, то, как мы разговариваем?

— Страху меньше – греха больше.

— Ежели ты мой начальник и я тебя боюсь, твои приказы выполняю, а сам тебя не уважаю, это плохой страх, вредный. Страх и для выполнения приказов плохой, потому, что от страха я твои приказы буду по-глупому выполнять. А есть другой страх, не насильно внушенный, а самим человеком возвращенный – страх оказаться перед страшным судом, когда никакой свой грех от глаз всевидящих не спрячешь. Этот страх человека – человеком делает.

— Пентюх пентюхом, а ведь кентавр.

— Слово воробей – вылетит, не поймашь.

— Одно спасало его при всех мытарств, выпавших на его долю, на жизнь он не озлобился, людей не разлюбил и был человеком общительным, и даже весёлым.

Он подумал о том, как странно устроено собачье лицо. Даже если весело собаке, глаза у нее все равно остаются грустными. Не может собака улыбнуться лицом, она улыбается только хвостом и повизгиванием. А если собаке грустно, то глаза у нее делаются такими тревожными, как будто все на белом свете находится под неведомой угрозой, чуемой только ею, собакой. Собачий век короткий потому, что собака устроена тоньше человека и умирает так рано не то чтобы от чрезмерных чувств, а от чрезмерных предчувствий. Никто не умеет так ждать как собака, и бывает, собаки ждут даже умерших хозяев, приходя на их могилы.

Добрый человек бывает жесток под горячую руку. Мало ли жестокостей понаделано в мире под горячую руку вовсе не жестокими людьми. Доброе дело можно превратить в жестокость, а вот жестокость уже ни во что доброе не превратится.

— Всего нежного, не сказанного вовремя, уже не скажешь, а всего грубого, сказанного, уже не воротишь. Люди почему-то стесняются свою доброту обнаружить, как будто доброта – эта стыдная человеческая слабость.

Сильными хотят выглядеть люди, не сомневающимися, не роняющими себя до жалости, а ведь может, сомнение в себе, жалость к другим и есть человеческая главная сила.

Старость давала о себе знать, но, когда он брался за что-нибудь, уходила из тела.

Когда хорошего учителя встречаем, из него бога начинаем делать. Но видишь, какой-нибудь его порок с высокими его словами не сочетается, и рассыплется твой бог. А плохие учителя – всегда интересными кажутся, необычными, свободными от занудства. Вот и начинаешь им подражать. Так и угодил за игру с ножичком. Слава богу, что еще никого не убил, а то убил бы из страха, что смелым не покажусь.

Не думаете, что на молодое поколение поворачиваю. Оно лучше нас. А вот намного ли лучше? Надо чтобы намного было лучше. Все добро из нас возьмите, но наших клопов к себе не затаскивайте.

— Гляциология – наука о льдах.

— Сейчас за книжками как за апельсинами убиваются – это еще не показатель образованности.

— То, что интеллигенция наша российская шире стала, поверхность всей земли нашей залила, но глубины ей еще недостает.

Ни одна дюряка наша на репродукциях «Огонька» еще так не улыбается, как Джоконда.

— Тот, кто себя интеллигентом называет и от этого нос задирает – какой он интеллигент.

Настоящий интеллигент с народом никогда не заигрывает, не подлаживается. Он с народом - серьезно говорит, как с собой, потому что он и сам народ.

Быть лучшим - это от одного образования не зависит. Пушкинская няня Арина Родионовна, - народом была, хотя и необразованная и Пушкина народом сделала.

Душа добрая самое главное, но без образования она слабая. А душа злая, чем образованней, тем страшней.

— Спел могуче и молодо, словно кто-то спрятанный в нем.

Когда человеку 20 лет, ноги идут легко, как будто земля не притягивает их, а упруго отталкивает для каждого следующего шага.

Памятник был поставлен за то, что он не сделал ничего плохого, т.е. за его добрую душу, а не за исключительность. Можно ли считать доброту саму по себе величием, достойным памятников?

— Медвежонок был еще полон неразумной радости жизни, не смешанной с осторожностью, и не пугался.

— Сейчас все так быстро – эпоха социальных катаклизмов.

— Говорить «извиняюсь» нескромно. Этим вы как бы извиняете сами себя. Надо говорить извините».

— Публий Овидий Назон писал:

«Если от малых забот перейти к делам поважнее,
Если продолжить наш путь, круче раздув паруса,
То постарайтесь о том, чтоб смотрели приветливей лица, -
Кротость людям к лицу, гнев подобает зверям».

Я вижу вокруг слишком много гнева и слишком мало кротости. Отрекайтесь от Нерона, от Калигулы, но не от Назона. Кроме того, для того, чтобы отречься, надо изучить предмет отречения. Недостаточно изученные исторические трагедии переползают из эпохи в эпоху. Трагедия может повториться фарсом, как об этом предупреждал Маркс. Какой-нибудь новый Калигула может явиться вовсе не в роскошной тоге. Он может носить самый скромный френч и спать на жесткой постели.

— Пушкин называл переводчиков мировой литературы «почтовыми лошадьми просвещения».

Лишних знаний на свете нет, люди часто изматываются именно от незнания. Будут открыты новые виды энергии, которые освободят любого человека для энергии духовной.

— О Марине Цветаевой – у нее стихи вибрируют, как в башне высоковольтного напряжения.

— Я книги больше чем людей уважаю, хотя некоторые книги презираю, так же, как подонков.

Сейчас существует новый тип людей: они приобретают книги как мебель, чтобы казаться идущими в ногу со временем. Книжный голод у нас в стране.

Характеристика – это еще не характер, ты болен суперменизмом.

— Во время войны – убивают целые народы, а люди виновные в этом – на свободе.

Они заплатили за свою слабость тем, что стали работать на более сильного. Выживают только сильные личности и только сильные народы.

Боюсь тех людей, для которых сентиментальность – это нечто стыдное.

— «Все виноваты во всем» - Достоевский. Самовнушение, что война – неизбежность, это трусливый уход от собственной вины.

Ничто так не рождает взаимонедоверия, как злорадство. Если русский поэт будет злорадствовать потому, что у какого-то американского поэта есть плохие стихи, то разве от этого он сам напишет хорошие стихи?

Будем переписываться, но не это главное. Главное – чувствовать друг друга.

Курт Воннегут, Вильям Стайрон, Джон Апдайк – американские писатели, которых он не читал.

— А ты не думал, что и ты – будущий пенсионер?

— Равнодушные, наверно, несчастны, потому что никого не любят.

(Я победу или «я победю» - грамматика сопротивляется, может быть одному вообще победить невозможно).

Может он блаженный, да нет, не блаженный, он умный. Да какой умный, он просто добрый, а все добрые – глупые, потому что зла вокруг не видят. А может его и не надо видеть – зло? То есть его надо видеть, но не утыкаться в него носом, как некоторые. А я вот иногда утыкаюсь.

— Со свойственной ему категоричностью он подразделял его поколение на «попугаев» (тех, кто был тошнотворно падок на все заграничное – от пластинок до тряпок), на «сереньких воробышков (тех, кто скромно чирикал в отечественном навозе), на «дятлов» (тех, кто был способен только к долбежке) и на «индюков» (тех, кто смолоду начинал общественно пыжиться).

— Подчинять своей воле подхалимов скучно. Подчинить мыслящего человека – нелегкое, но удовольствие.

— Каждый русский человек – это собрание всех сразу героев Достоевского. В каждом из нас где-то есть и Настасья Филипповна, и Рогожин, и Раскольников, и капитан Лебядкин, и Смердяков, и Ставрогин, и Петенька Верховский и Мышкин. Вопрос только в том, кого из них в нас больше. Я убил в себе Мышкина... Он мне мешал.

— Я бы ввел должность человека, перед которым стыдно. А я бы ввел должность человека, которого бояться. Должность человека сильной воли, человека действия. Между стыдом и страхом огромная пропасть – стыд учит мыслить, а страх отучивает. – Все равно нужна сильная рука, иначе все развалится. – Сильная, но конечно, разумная.

— Боязнь быть неудачником начинает делать его неудачником. Он беспрестанно «выковывал волю», для того чтобы преодолеть все на свете, и незаметно для себя преодолевал все самое лучшее в себе. А это лучшее было: мужество, презрение к ханжеству, любовь к своей профессии, цепкий ум.

— Отстоял наш котяра свои кошачьи права. Людям бы у него поучиться.

— Письма от начальства надо читать, как стихи, - главное между строк.

— В жизни и так хватает унижений, чтобы мы еще их придумывали сами.

— Вера – это недостаток знания. – Достаточного знания все равно никогда не будет, поэтому люди всегда будут цепляться за веру. Конечно, есть вера от жалкости, но есть вера от внутренней силы. Никакую игру нельзя выиграть, если в это не веришь. Игру надо доигрывать до конца, даже если карта не идет. Когда кончики пальцев заряжены верой, хорошие карты сами в ладони прыгают.

Я знаю, вы из тех, кто не верит, но не предает. Это уже много. Но все-таки, простите, в вас не хватает одного качества, без которого ничего нельзя добиться на этом разрушаемом нашими сомнениями свете, - фанатизма. Я говорю не о фанатизме больном, припадочном, а о фанатизме здоровом, действенном. Фанатизм выше веры, фанатизм выше знания. Все социальные революции, все революции науки и техники делали одержимые, а не специалисты по сомнениям. Совсем без сомнений нельзя. Но когда сомнений слишком много, это разоружает. Некоторые настолько принимают к дерьму, что теряют нюх будущего. Вы думаете, я настолько туп, чтобы не сомневаться вообще? Но я не позволяю себе распускаться. Я не теряю нюха. Даже не разумом, а носом, как собака, я чувствую, что касситерит где-то рядом, надо лишь докопаться до него. Неужели вы не понимаете, что инстинкт сильнее разума?

— Ситечкин поддакивал Коломейцеву, на самом деле он смертельно завидовал. Коломейцев внушал людям если не любовь, то уважение. С ним считались, с Эдуардом Ситечкиным не считался никто. Его презирали даже те, перед кем он изо всех сил выслуживался.

— Если Коломейцев погорит, зачем гореть вместе с ним.

Прежнего угодничества как не бывало – перед Коломейцевым предстал неожиданно выпрямивший свою подхалимскую спину враг.

Только что разбитый, казалось, развалившийся от удара Ситечкина Коломейцев вдруг собрался, весело озлел, помолодел. Он вдруг понял, что вовсе не одинок и что это нечто большее, чем личная воля к жизни. Вместе даже проигрывать легче.

— Если все чувства, все мысли человека запираются внутри на ржавый засов, то, в конце концов, человек ржавеет сам.

— Индустриальный хаос породил хаос души. Нужна сильная рука, чтобы безжалостно выполоть сорняки.

— Все они при всей их кажущейся противоположности были мазаны одним миром – собственной неполноценностью.

— Импотенты, как бы они не прижимались друг к другу, все равно ничего не родят.

— Вы слишком слабы, чтобы вырваться из ежедневного болота.

— Запах духов и сигар, недоступных пассажирам общественного транспорта.

Пассажиры общественного транспорта, все без исключения, казались Игорю Селезневу несчастными людьми, а если они улыбались или смеялись, то это, по его мнению, было только от непонимания ими своей несчастью, что делало их еще более несчастными в его глазах. Игорь Селезнев даже не догадывался о том, что многие из этих людей любят свою работу и тех близких, к которым они возвращаются после этой работы, что внутри этих людей не только усталость, заметная с первого взгляда, но и незаметные ему радости, надежды».

— Селезнев никогда не думал. Слово «сильный» он ставил выше слова «хороший». У сильного, по его мнению, было право быть любимым. Поэтому его особенно не задевало, когда его называли «подонок».

— Карьеризм – это единственная идеология бюрократии. Вернее креслеология. Я ненавижу этих тупиц в габардиновых плащах и велюровых шляпах, совавших носы в производство, в котором они ни бельмеса не петрили. Сейчас бюрократия модернизировалась, она не такая провинциальная, как раньше. Подучилась, подприоделась, подглобалилась, подциничилась. Я желаю тебе беды. Большой беды. Чтобы она ударила тебя мордой о землю.

— Кричащий учитель – это никуда не годится. Надо искать другие аргументы, кроме крика и обвинений.

— Селезнев младший поддерживал лидерство в глазах своего окружения тем, что он ни перед кем не преклонялся, никого не уважал, никого не любил.

— Все чувства, не имеющие отношения к поставленной цели, должны были быть сейчас подавлены. Так всегда действовал Коломейцев, когда он ставил перед собой цель.

— Надо чтобы порядок изнутри исходил, из совести нашей, а не из приказов. Конечно, слишком мягкотелым быть нельзя, но за излишнюю жестокость надо и наказывать жестоко.

— Тяжело тебе с нами, грешными, идейно неустойчивыми руководить, а приходится. Но ведь и нам с тобой тяжело бывает.

— Жизнь делают борцы, а борцы – это прежде всего организаторы.

— Борьбой с хамством считается только разоблачение чужого хамства. А разве самому быть нежным – не борьба против хамства? Разве самому быть правдивым – не борьба с ложью?

— Даже самые крупные ученые знают мало. Никто не знает всего. А у некоторых такой вид, будто именно они все знают. Они как раз и знают меньше всех... просто притворяются.

Происхождение человека от обезьяны – когда-то было нарушено магнетическое равновесие земли. И тогда с некоторыми, наиболее слабыми, обезьянами произошла мутация...

Есть и другие теории – что мы это потомки пришельцев с других планет или... что земля – это создание высшего разума Вселенной (так думал Циолковский).

По Циолковскому ничто не исчезает, только видоизменяется в других сочетаниях атомов.

«Рабская кровь» – Чехов сказал, что её по капле надо выдавливать.

— Но ведь не всегда же так будет, что идеи – у одних, а материальные возможности для их воплощения – у других.

— Русский человек без двух вещей обойтись не может – без водки и без царя.

— Люди так разобщены, что им не хватает общей цели. А ничто так не помогает чувству общей цели, как чувство общего врага.

«Алкогомосапиенс» – такой и в космос с бутылкой за пазухой полетит.

— Лучше бы вы у меня часы украли, а то время крадете.

— Один разум без воли – это ничто, и одна воля без разума также ничто.

Ученые вычислили, что смерть происходит лишь в результате распада сочетаний атомов, что те же самые атомы после смерти кого-нибудь из галактиан становятся частью деревьев, гор и даже живых существ.

Русский философ Федоров уже ближе к реальности бессмертия, хотя его предпосылки имеют весьма слабое научное подкрепление. Но один из его учеников, ныне живущий в Калуге, преподаватель математики и физики Циолковский, делает поразительные догадки. Он был первым, кто высказал идею возможности перехода человечества в лучистое состояние.

Жизнь оскорбительно коротка. Жалкая крошка на ладони вечности. Человек часто умирает несчастливым только потому, что не успевает стать счастливым. Меня приводит в бешенство то, что я вынужден спать. Если человек в среднем живет семьдесят лет, то из них он спит целых 23 года. Черт знает что! А сколько пребывает в духовной спячке. А потом смерть – этот проклятый вечный сон.

— Ведь этот мальчик даже не догадывается о том, что эта кошка такая же часть природы, как и он сам. Мучая её, он мучает атомы своих далеких предков.

12. ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ – ГРУСТНОЕ ЛИЦО КОМЕДИИ,

«Молодая гвардия», 1977 г., М.

— Режиссер обязан быть общительным, контактным, коммуникабельным. С одной стороны, надо обратить помощников в свою веру, но сделать это ненавязчиво и убедительно. Необходимо искренне, а не показано уважать своих единомышленников и, не стесняясь менять решение, если у кого-либо из участников съемочной группы оно более талантливо, чем твоё.

— Плохой результат на экране появляется тогда, когда режиссер совершает серию компромиссов; воля, упорство, умение добиться своего – одно из важнейших качеств кино-режиссера.

— Очень важно находиться в здоровом состоянии, как душевном, так и физическом. Вообще, лошадиное здоровье – неперемное условие этой профессии.

— Поза непонятого гения.

— К монтажу очень применим принцип свойственный профессии скульптора, надо отсеять от материала всё лишнее, и тогда получится статуя.

— Приучить себя смотреть на свой материал так, будто он сияет твоим злейшим врагом. Тогда немедленно перестаешь его жалеть и беспощадно выбрасываешь ненужное вон.

Фильм требует от постановщика большого такта и терпения, способности трезво отнестись к своему творению и, откликнувшись на умную и благожелательную критику, найти в себе силы переделать то, что не удалось; умения сдерживать свои чувства, не хлопать дверьми и не выражаться даже тогда, когда слышишь безапелляционное, не слишком компетентное суждение; идти на малые потери, чтобы не лишиться существенного, с достоинством выдержать разнос, даже если он несправедлив».

— С Эйзенштейном у студентов сразу же установились добрые отношения. В нем не чувствовалось никакого превосходства, никакой фанаберии. Он не пытался подавлять эрудицией, кстати, поистине колоссальной. Этот всемирно известный человек оказался настолько прост, что чувствовал себя среди нас, мальчишек и девчонок, как среди сверстников, как среди своих единомышленников, подвижный и легкий, веселый жизнерадостный человек. Никто не испытывал ни священного трепета, ни неловкости, ни смущения. Его очень любили и встреч с ним ждали.

— Я не думаю, что искусство и литература могут перевоспитать дурака в умного. Они должны адресоваться к чувству юмора умного, порядочного человека. Комедия призвана вооружать хороших, умных людей против чванливых глупцов, самодовольных корыстолюбцев, спесивых бюрократов».

— Но ведь в дурацкое положение можно поставить именно умного человека. Дурак находится в нем всю жизнь.

От испуга человек может ответить бестактно.

— Я сообразил, что если буду спорить с каждым, то, во-первых, наживу в группе врагов, а мне с этими людьми надо тянуть в одной упряжке целый год. Во-вторых, я посчитал, что если стану по каждому поводу убеждать и вводить всех в свою веру, у меня просто не хватит ни сил, ни времени на съемку картины. И тогда я начал воспитывать в себе умение всех слушать, не возражать, даже согласно кивать головой, а делать по-своему.

— Чем больше я встречал недоброжелательства, тем упорнее становился.

— На меня жаловались, а я стискивал зубы и продолжал работу, не тратя сил и энергии на жалобщиков, картину заранее обрекали на неудачу, а я надувался, как бычок, и бормотал про себя: «Увидим».

— Я еще не превратился в волка, но овечкой быть уже перестал.

— В нем не хватало странности, не было эдакого легкого сдвига мозгов, что ли.

Занял твердую «плюшкинскую позицию»

Подлинный режиссерский характер – это сложный сплав настойчивости и податливости, упрямства и уступчивости, уверенности и умения сомневаться. Режиссер должен знать себе цену, но, ни в коем случае не переоценивать собственную персону и её значение. Его душа обязана быть не только открытой доброте, которая является высшим проявлением человеческой природы, но и творить её. Еще одно качество необходимо каждому режиссеру – терпение. Надо уметь растянуть, распределить на весь творческий период творческий запал; заставить себя терпеливо ждать, пока начнут появляться первые результаты; покорно выносить непогоду, смириться, когда из-за болезни актера ты отстал от плана; когда тебя ругают на всех летучках, а надо переснять полфильма; выдержать всё, даже неудачу, даже плохую картину. Потому что, помимо таланта, упорства и здоровья, основа нашей профессии – терпение и трудолюбие. И наверно эти качества – основа не только нашей профессии.

— И в нем есть кое-какие недостатки, чтобы не выглядеть иконой.

— Ведь слово «дурак» в характеристиках не пишется, и с работы за глупость не увольняют. Да и что такое дурак? Если вдуматься, человечество не может без них существовать. Ни один умник не считался бы таковым, если бы его не оттенял дурак.

Но и дураки бывают разные – пассивный дурак неопасен. Но активный дурак, благонамеренный дурак, услужливый дурак, дурак, обуреваемый жадной деятельностью, не знающий, куда девать рвущуюся наружу энергию – от такого спасения нет, это подлинное стихийное бедствие. Вот, таков Огурцов («Карнавальная ночь»).

— Чем крупнее актер, тем он дисциплинированнее, тем меньше в нем фанаберии, тем глубже его потребность подвергать свою работу сомнениям, тем сильнее его желание брать от своих коллег всё, чем они могут его обогатить. И наоборот, чем мельче актер, тем больше у него претензий, озабоченности в сохранении собственного престижа, необязательности по отношению к делу и людям.

— Стремительный ритм держал аудиторию в неослабном внимании и напряжении, заражал бодростью и оптимизмом.

«Излишество вредно во всем, даже в добродетели» - *Анатоль Франс*.

— Монолог только актера или только режиссера может быть внешне эффективен, но всегда обедняет картину. Наиболее плодотворная форма сотрудничества – это диалог.

— Артисты – работают на износ.

— Смоктуновский первый в нашем кино смог так обнажить душу, раскрыть глубинные психологические тайники человека, показать свое, буквально кровоточащее сердце, он снял с себя кожу и показал всем свою боль и горечь.

— А сколько труда, бессонных ночей, здоровья, нервного напряжения, невероятной концентрации воли вкладывают наши знаменитости в каждый созданный персонаж, во вновь рожденный образ.

Стоит тебе хоть ненадолго успокоиться, передохнуть и, так сказать, почить на лаврах, как немедля отстанешь от поезда, а потом его уже не догнать. Поезд – время мчится вперед без остановок, и, чтобы не оказаться сзади последнего вагона, требуется предельное напряжение всех сил, как физических, так и духовных.

— Я больше всего ценю в актерской игре раскованность, импровизацию, парадоксальность, неожиданность. Именно в подобных всплесках и проявляется неповторимость, актерская и человеческая.

— В творческой работе очень важно умение уступать». Оставаясь принципиальным, не сходя со своей платформы, не поступаясь основным, нужно суметь найти в себе мужество понять, что партнер оказался в данном вопросе талантливее тебя, и без амбиции признать это.

— Даже при незаурядном мастерстве не выйдет, не получится крупного артиста, если он пуст и ничтожен духовно.

Существует два вида юмора – внешний и внутренний. У острословов веселье внешнее, которое они щедро размещают в компанейской болтовне. Эти люди украшают жизнь, развлекают, доставляют удовольствие окружающим. Эти люди украшение стола, их рвут на части, зовут в гости.

— Профессиональные сатирики в отличие от любителей не очень-то интересны в обществе. Смешить – это их работа, а к своему труду приходится относиться серьезно.

— Смех часто соседствует с безвкусицей.

Меньше всего следует заботиться о том, чтобы комедия стала гомерически смешной.

— Есть немало людей, которые считают комедию искусством II сорта. Но мне искренне жаль их – таким мнением они обижают не комедию, а себя. Любовь к юмору – первый признак духовного здоровья человека ли, общества ли, государства ли...

— Важнее вскрыть, а потом уничтожить недостаток, чем утаить его. Ведь тайный гнойник может перерасти в опухоль, и потом удалить её будет значительно болезненней.

— Умный, здоровый, ироничный человек никогда не рассердится на то что над ним подтрунивают. Более того: он не упустит возможности подшутить над собой, над своими недостатками, понимая, что не покажется от этого глупей в глазах окружающих. Если человек знает собственные слабости и не боится проехаться на свой счет – он развивается нормально.

Человек не уверенный в себе, слабый, как правило, не выносит насмешки. Самолюбивый дурак никогда не станет подсмеиваться над собой. Такие люди боятся, что от ехидной шутки может рухнуть их авторитет. А это первый признак слабости, а следовательно и отсутствия авторитета.

— Смех очищает нашу жизнь от скверны, как хирург удаляет зараженные места, чтобы организм мог развиваться дальше. «Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым» - эти слова Карла Маркса являются девизом наших сатириков.

«Играя злого – ищи, где он добрый» - сказал Станиславский.

— Как важно и как невыносимо сложно уйти со сцены вовремя.

— Художник не должен суетиться. Не стоит потрафлять своему тщеславию и пытаться вставить под золотой дождь. Талант исчисляется не количеством наград, а качеством произведений.

«Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво» (Пушкин).

— Только очень немногие, прочные люди, перед которыми я преклоняюсь, могут устоять перед хлопотами, сумятицей, беготней, пустословием и всю жизнь посвятить только лишь делу.

13. БЕССМЕРТНЫЙ УЧЁНЫЙ – ЛЕВАН ИОСИФОВИЧ ЧАРКВИАНИ (сокращенный перевод). Общество гинекологов-онкологов Грузии, 1998 г., Тбилиси

В текущем, 1998 году мы отмечаем 75 лет со дня рождения одного из крупнейших ученых нашей страны, основоположника изучения эпидемиологии злокачественных опухолей женских половых органов в странах Восточной Европы (СССР, Соцстраны) и научной и практической гинекологической онкологии в Грузии, академика АМН Грузии, заслуженного деятеля науки, лауреата Государственной премии СССР, профессора Левана Иосифовича Чарквиани.

Свой юбилей Леван Иосифович встречает в расцвете сил и дарований. Страна достойно оценила заслуги одного из способнейших и талантливейших своих ученых. Проф. Л.Чарквиани стал образцом неутомимого труда, настойчивых научных исканий и внедрения лучших достижений науки в практику.

Широкая общественность должна знать своих ученых, это нужно не только для истории но, что главное, для воспитания талантливой молодежи. Мы счастливы, что нам выпала честь вкратце рассказать о врачебном и научном пути

нашего дорогого человека, пользующегося искренней любовью и глубоким уважением среди своих друзей, учеников и многочисленных пациентов.

Леван Иосифович Чарквиани родился 24 января 1923 года в г. Кутаиси в семье видного грузинского акушера-гинеколога. Вскоре семья переехала в Аджарию, в г. Батуми. В 1940 г. он с отличием окончил Батумскую среднюю №8 им. И.Чавчавадзе.

После окончания лечебного факультета Тбилисского государственного медицинского института, в 1944 г. Леван Иосифович направляется заведующим Рикетским сельским врачебным участком высокогорного Хулойского района Аджарской АССР.

В 1945-47 гг. Л.И.Чарквиани работал заведующим Батумским районным здравотделом. С целью профилактики и раннего выявления рака шейки матки, по указанию академиков Н.Н.Петрова и А.И.Сереброва, впервые в Закавказских республиках, он разрабатывает методику и организует массовые профилактические осмотры женщин лимонно-мандариновых и чайных совхозов и колхозов Аджарской АССР. Эти исследования были завершены кандидатской диссертацией, успешно защищенной в 1951 году и впоследствии были внедрены по всей Республике.

В 1948-64 гг. Л.И.Чарквиани работает главным врачом Республиканской больницы и родильного дома г. Батуми и одновременно заведующим акушерско-гинекологическим отделением.

В 1954-1955 гг. он находится в научной командировке в Институте онкологии АМН СССР в Ленинграде, где работает под руководством академиков А.И. Сереброва и Л.М. Шабада. В этот период его особенно интересуют вопросы этиопатогенеза рака женских половых органов и разработка методов профилактических мероприятий. При роддоме г. Батуми он создает экспериментальную лабораторию и ведет интенсивную экспериментальную работу.

Л.И.Чарквиани глубоко, на высоком научном уровне, изучает эпидемиологию рака женских половых органов в Аджарской АССР, создает оригинальную, адекватную человеческим опухолям, экспериментальную модель рака матки у крыс с большим выходом опухолей; изучает модифицирующие его факторы, обогащая этим исследованием экспериментальную онкологию.

В 1963 г. Л.И. Чарквиани защищает докторскую диссертацию "Краевые особенности (эпидемиология) рака женских половых органов в Аджарской АССР и экспериментальный рак матки", являющуюся первой докторской диссертацией и солидным исследованием в СССР в области эпидемиологии рака.

В 1957—1964 гг. по совместительству ведет педагогическую работу в Батумском педагогическом институте им. Ш.Руставели, где ему присваивается звание доцента.

Вышестоящие органы достойно оценили плодотворную практическую и научную деятельность канд. мед. наук, доцента Л.И.Чарквиани в Аджарии. В 1964 г. ему присваивается почетное звание — "Заслуженный врач Аджарской АССР". Он был награжден медалью СССР "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг." и почетными грамотами, неоднократно избирался депутатом Батумского районного и городского советов.

В 1964 году Л.И.Чарквиани по конкурсу избирается руководителем гинекологического отделения НИИ онкологии МЗ ГССР, а в 1968 г. ему присваивается звание профессора.

Исследования по эпидемиологии рака явились предпосылкой создания в конце 1965 г. в Тбилиси при НИИ онкологии МЗ ГССР под руководством Л.И.Чарквиани Всесоюзного центра эпидемиологии рака женских половых органов проблемной комиссией научного совета "Злокачественные новообразования" АМН СССР. В дальнейшем этот центр начал координировать исследования в рамках СЭВ и по Советско-Американскому двустороннему сотрудничеству, являлся куратором темы "Хирургическое и комбинированное лечение рака

шейки и тела матки" научного сотрудничества стран-членов СЭВ по комплексной проблеме "Злокачественные новообразования".

Основным направлением научных исследований профессора Л.И.Чарквиани является научная разработка вопросов профилактики, ранней диагностики и повышения эффективности лечения злокачественных опухолей женских половых органов. Для достижения намеченных целей проводились научные исследования по двум направлениям; первое из них — это изучение (дескриптивное, аналитическое, экспериментальное) эпидемиологии рака женских половых органов, имеющее прямое отношение к этиопатогенезу опухолей, на основании которых разработаны научно обоснованные эффективные и экономичные формы профилактики и ранней диагностики опухолей женских половых органов, сокращающие контингент женщин, подлежащих углубленному профилактическому обследованию до 15%; второе направление — разработка новых клинических средств ранней диагностики (цервикальное зеркало, ауторадиография шейки матки, гистологическое изучение центрифугата асцитической жидкости при опухолях яичников и др.) и оптимальных методов лечения рака женских гениталий. Все отмеченное дало снижение заболеваемости и смертности от гинекологического рака в республике на 25-30%.

Исследования проф. Л.И.Чарквиани определили созыв Международных и Всесоюзных симпозиумов и рабочих совещаний (1969, 1971, 1977, 1983, 1986, 1988, 1990, 1996), а также рабочих встреч советских и американских эпидемиологов (1975, 1979) в г. Тбилиси. Основным организатором всех этих мероприятий, прошедших на высоком научном уровне, был проф. Л.И.Чарквиани.

Леван Иосифович является крупным хирургом-новатором. Рафинированное хирургическое мастерство, уверенность и большая эрудиция позволяют ему на высоком уровне, как абдоминальным, так и влагалищным подходом, выполнять не только сложнейшие гинекологические и онко—гинекологические, но и урологические операции (передняя экзентерация таза, пузырно—влагалищные свищи и др.).

За полувековую хирургическую деятельность профессором Л.И.Чарквиани выполнено более 15000 сложных операций. Из них, в ОНЦ МЗ Грузии за 33 года произведено около 1700 расширенных экстирпаций рака шейки матки. Все это позволило с разных сторон подойти к модификации операции Вертгейма и улучшению отдаленных результатов комбинированного лечения рака шейки матки. Впервые разработаны и обоснованы вопросы дифференцированного подхода к хирургическому лечению рака шейки матки 1 стадии, в некоторых случаях с сохранением матки, дающему определенный экономический эффект и ускоряющему реабилитацию больных. Плоды этой деятельности были обобщены в монографии "Хирургическое лечение рака шейки матки" (1987).

Л.И.Чарквиани изучил, разработал и рекомендовал оригинальные варианты лечения карциномы эндометрия и опухолей яичников. Разработана синоптическая таблица комплексного лечения рака тела матки. Имеет авторские свидетельства изобретений и рациональных предложений.

Л.И.Чарквиани ведет плодотворную педагогическую деятельность. В 1967—1975 гг. Ректоратом Тбилисского института усовершенствования врачей он был приглашен для чтения лекции по онко—гинекологии на циклах акушерства-гинекологии и онкологии. Им впервые в СССР опубликовано руководство «Онкологическая гинекология» (1983).

Профессор Л.И.Чарквиани автор более 340 научных трудов, 80 из которых опубликованы в дальней зарубежной печати. Из опубликованных работ 13 монографий, главы по злокачественным опухолям женских половых органов в руководстве К.Ф.Вепхвадзе — "Онкология" (1975). Его монография "Эпидемиологические аспекты профилактики и ранней диагностики рака матки" (1977) является первым фундаментальным трудом (как в СССР, так и за рубежом), освещающим вопросы профилактики и ранней диагностики рака

женских половых органов в эпидемиологическом аспекте. Коллективная монография "Микроинвазивный рак шейки матки" (1989), опубликованная на русском и английском языках, имела большой резонанс в зарубежной печати. В последней коллективной монографии "Грузинской онкологии 50 лет" (1996) Леван Иосифович довольно глубоко освещает прошлое, настоящее и будущее онкологии в Грузии.

Л.И.Чарквиани большое внимание уделяет подготовке высококвалифицированных научных кадров и практических врачей. Под его руководством и консультациями защищено 30 докторских и кандидатских диссертаций. Среди его учеников — представители зарубежных стран (Монголия, Венгрия, Азербайджан). Подготовлено 25 клинических ординаторов и аспирантов. Под его руководством повысили квалификацию более 50 практических врачей.

Леван Иосифович более 40 раз выезжал за рубежом (Турция, Япония, США, Болгария, Румыния, Германия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Аргентина, Италия, Венгрия, Польша, Югославия, Чехословакия, Испания, Южная Корея, Португалия) и принимал активное участие в работе международных форумов и совещаний: выступал с докладами, возглавлял делегации, председательствовал на заседаниях, читал лекции.

За цикл работ по географической патологии и эпидемиологии злокачественных опухолей в 1982 г. проф. Л.И.Чарквиани удостоен Государственной премии СССР.

Имея большой научный, педагогический и организаторский опыт и являясь крупным специалистом в области онко—гинекологии и акушерства—гинекологии, профессор Л.И.Чарквиани оказывает большую научно-практическую помощь лечебным учреждениям республики (в 1970—1975 гг. по совместительству работал главным акушер—гинекологом Закавказской железной дороги),.

Научная работа Л.И.Чарквиани сочетается с широкой общественной деятельностью. Он принимает активное участие в общественной жизни Онкологического Научного Центра.

Биографические данные Левана Иосифовича внесены в международные биографические справочники "Выдающиеся люди мира" (1990, 1991, 1997), издаваемые в Англии (Кембридж) и США (Северная Каролина).

Проф. Л.И.Чарквиани является учредителем Академии медицинских наук Грузии (1994) и одним из первых его академиков.

В 1995 году в Грузии по его инициативе учреждено общество гинекологов-онкологов, которое является членом Конфедерации обществ гинекологов-онкологов стран Европы (1994).

С целью установления десяти лучших клиницистов — онкологов страны Национальным центром института управления Минздрава Грузии в 1996 г. был проведен конкурс, где первое место и наивысший рейтинг получил Л.И.Чарквиани. Он неоднократно избирался членом правления Всесоюзного Научного Общества Онкологов, членом Проблемных комиссий эпидемиологии и организации противораковой борьбы Научного совета "Злокачественные новообразования" при Президиуме АМН СССР.

Л.И.Чарквиани является председателем Грузинского республиканского и Тбилисского научных обществ онкологов, Президентом общества гинекологов—онкологов Грузии, членом редакционных советов журналов: "Вопрос онкологии", "Европейский журнал по гинекологической онкологии" и "Клиническое и экспериментальное акушерство и гинекология", издаваемого в Италии, членом президиума Европейского общества гинекологов-онкологов, правления научного общества акушеров-гинекологов Грузии. Он является почетным членом научных обществ онкологов Казахстана и Белоруссии, гинекологов-онкологов Европы и акушер—гинекологов Италии.

Своим оптимизмом, огромным трудолюбием, новаторством в науке и доброжелательным отношением к людям Л.И.Чарквиани снискал заслуженную любовь и уважение.

За большие заслуги в деле создания и развития Грузинской научно-практической гинекологической онкологической школы, разработки оптимальных методов лечения и профилактики больных и их внедрения в практику, академик АМН Грузии, заслуженный деятель науки, лауреат Государственной премии, профессор Леван Иосифович Чарквиани в 1997 г. удостоен высшей награды родины – «Ордена Славы».

Поздравляем Левана Иосифовича Чарквиани со славным юбилеем. Желаем ему доброго здоровья, большого счастья и дальнейших творческих успехов.

14. В. Ф. ХОДАСЕВИЧ – НЕКРОПОЛЬ. ВОСПОМИНАНИЯ,

«Советский писатель», 1991 г., М. (О российских символистах и декадентах)

Собранные в этой книге воспоминания о некоторых писателях недавнего прошлого основаны только на том, чему писатель сам был свидетелем (Нина Петровская; Брюсов, Андрей Белый – Борис Бугаев; Муни – Киссин; Гумилев и Блок; Бершензон; Сологуб – Тетерников; Есенин; Горький;

— **НИНА ПЕТРОВСКАЯ; БРЮСОВ:** От каждого, вступившего в орден (символизм в известном смысле был орденом), требовались лишь непрестанное горение, движение – безразлично во имя чего. Все пути были открыты с одной лишь обязанностью – идти как можно быстрее и как можно дальше. Это был единственный, основной догмат. Можно было прославить и Бога, и Дьявола. Разрешалось быть одержимым, кем угодно: требовалась лишь полнота одержимости.

Отсюда – лихорадочная погоня за эмоциями, безразлично за какими. Все «переживания» почитались благом, лишь бы их было много и они были сильны. «Берем мы миги, их губя» - Брюсов.

Глубочайшая опустошенность оказывалась последним следствием этого эмоционального скопидомства. Скупые рыцари символизма умирали от духовного голода. «Переживания» - влекли символистов к непрестанному актерству перед самим собой. Знали, что играли, но игра становилась жизнью. Расплаты были не театральны.

Но те грехи, которые выросли и развились внутри самого символизма – были по отношению к нему декадентством, упадком. Символизм, кажется, родился с этой отравой в крови. В разной степени она бродила во всех людях символизма. В известной степени каждый был декадентом (Нина Петровская из символизма восприняла только его декадентство).

Достаточно было быть влюбленным – и человек становился обеспечен всеми предметами первой лирической необходимости: страстью, отчаянием, ликованием, безумием, пороком, грехом, ненавистью и т.д. Поэтому все и всегда были влюблены: если не в самом деле, то хоть уверяли себя, будто влюблены.

Любовь и разлюбление должны были сопровождаться глубочайшими потрясениями, внутренними трагедиями.

— Андрей Белый в молодости был золотокудр, голубоглаз и в высшей степени обаятелен. Им восхищались. В его присутствии всё словно мгновенно менялось, смещалось или озарялось его светом. И он в самом деле был светел. Кажется все, даже те, кто ему завидовал, были немного в него влюблены. Его стихи – поразившие новизной, дерзостью –

иногда проблесками истинной гениальности. Другое дело – как и почему его гений впоследствии был загублен.

Он не разлюбил Нину П., а он «бежал от соблазна». Он бежал от Нины, чтобы ее слишком земная любовь не пятнала его чистых риз. Он бежал от неё, чтобы еще ослепительнее сиять перед другой (к жене Блока).

Чувство равенства было Брюсову чуждо. Тут влияла и мещанская среда, из которой вышел Брюсов. Мещанин не в пример легче гнет спину, чем, например, аристократ или рабочий. Зато и желание при случае унижить другого обуревают счастливого мещанина сильнее, чем рабочего, или аристократа.

«Всяк сверчок знай свой шесток», «чин чина почитай» - идеи Брюсова. Он умел или командовать, или подчиняться.

Проявить независимость – означало раз навсегда приобрести врага в лице Брюсова. Молодой поэт, не пошедший к Брюсову за оценкой и одобрением, мог быть уверен, что Брюсов никогда ему этого не простит. Пример - Марина Цветаева. Брюсов старался окружить себя раболепством - и, увы, находил подходящих людей. Его появления всегда были обставлены театрально. В ответ на приглашения от не отвечал ни да, ни нет, предоставляя ждать и надеяться. Наконец, Брюсов являлся.

У него была примечательная манера подавать руку. Она производила странное действие. Он протягивал человеку руку. Тот протягивал свою. Затем Брюсов стремительно отдергивал свою назад, а сам впивался глазами в повисшую в воздухе руку знакомого. Вообще, в нем как-то сочеталась изысканная вежливость с любовью к одергиванию, обуздыванию, запугиванию. Те, кому это не нравилось, отходили в сторону. Другие охотно составляли послушную свиту, которой Брюсов не гнушался пользоваться для укрепления влияния, власти и обаяния.

(Он любил Бальмонта - как Сальери – Моцарта).

Его заветы, данные самому себе в годы юности: «не люби, не сочувствуй, сам лишь себя обожай беспредельно».

За картами люди познаются очень хорошо, во всяком случае, не хуже, чем по почерку. Самая манера вести игру, даже сдавать, брать карты со стола, весь стиль игры – всё это искусственному взгляду говорит очень многое о партнере. В азартные игры он играл, не то чтобы робко, но тупо, бедно – обнаруживая отсутствие фантазии, неумение угадывать (они её видят, они её слышат. А он не слышал, не видел (счастливым игрокам он завидовал).

Не замечая своей ритмической нищеты, он гордился внешним, метрическим богатством.

Возлюбленную – Брюсов систематически приучал к мысли о смерти, о самоубийстве, подарил ей револьвер (она покончила с собой).

Он страстно, неестественной любовью любил заседать (Брюсов) – это было для него наслаждение – «театр для себя».

Всякая демократическая власть казалась ему либо утопией, либо охлократией, господством черни.

Брюсов конфиденциально мог сообщить о неблагонадежности человека (напр. о Ходасевиче).

— **АНДРЕЙ БЕЛЫЙ (БОРИС БУГАЕВ):** Я далеко не разделял всех воззрений Белого, но он повлиял на меня сильнее кого бы то ни было из людей, которых я знал.

Только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было. Истина не может быть низкой, потому что нет ничего выше истины. Пушкинскому «возвышающему обману» хочется противопоставить нас возвышающую правду: надо учиться чтить и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порой даже за самые эти слабости. Такой человек не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного: полноты понимания.

Улыбка Белого – любезнейшая, широчайшая, совершенного удовольствия, чуть не счастья, которую он любил отвечать на неприятные вопросы.

Физическому несходству супругов отвечало расхождение внутреннее, изо дня в день проявлявшееся в бурных ссорах по всякому поводу. Боря при них присутствовал.

Белый не раз откровенно говорил об автобиографичности «Комика Летаева». Однако, вчитываясь в позднюю прозу Белого, мы без труда открываем, что и в «Петербурге», и в «Комике Летаева», и в «Преступлении Николая Летаева», и в «Крещеном китайце», и в «Московском чуде», и в «Москве под ударом» завязкой служит один и тот же семейный конфликт. Чем зрелее становился Белый, тем упорнее он возвращался к этим воспоминаниям детства.

Не только нервы, но и самое воображение Андрея Белого были раз навсегда поражены и – потрясены происходившими в доме Бугаевых «житейскими грозами», как он выражается. Эти грозы оказали глубочайшее влияние на характер Андрея Белого и на всю его жизнь.

Каждое явление, попадая в семью Бугаевых, подвергалось противоположным оценкам со стороны отца и со стороны матери. «Раздираемый», по собственному выражению, между родителями, Белый по всякому поводу переживал относительную правоту и неправоту каждого из них. Всякое явление сказывалось двусмысленно, раскрывалось двусторонне, двузначе. Сперва это ставило в тупик и пугало. С годами вошло в привычку и стало модусом отношения к людям, к событиям, к идеям. Он полюбил совместимость несовместимого, трагизм и сложность внутренних противоречий, правду в неправде, может быть – добро в зле и зло в добре. Потом ту же двойственность отношения стал переносить на людей – и это создало ему славу двуличного человека. Буду вполне откровенен: нередко он и бывал двуличен. В самой природе его двуличия не было ни хитрости, ни оппортунизма. И то и другое, он искренне ненавидел. Но в людях, которых любил, он искал и, разумеется, находил основания их не любить. Собираясь действовать примирительно – вдруг вскипал и раздражался. Собираясь громить и обличать – внезапно оказывался согласен с противником. Порой он лгал близким и открывал душу первому встречному.

Тактика у него всегда была одна и та же: он чаровал женщин своим обаянием, почти волшебным, являясь им в мистическом ореоле, заранее как бы исключаящую всякую мысль о каких-либо чувственных домогательствах с его стороны. Затем он внезапно давал волю этим домогательствам, и если женщина, пораженная неожиданностью, а иногда и оскорбленная, не отвечала ему взаимностью, он приходил в бешенство, или, всякий раз, как ему удавалось добиться желаемого результата, он чувствовал себя оскверненным и запятанным и тоже приходил в бешенство. Случалось и так, что в последнюю минуту перед «падением» ему удавалось бежать, как прекрасному Иосифу – но тут он негодовал уже вдвое: и за то, что его соблазнили, и за то, что все-таки недособлазнили (случай с Ниной Петровской).

В кипении сердечном и творческом писал он «Пепел», «Урна», «Серебряный голубь». Тогда же он учинял и самые фантастические из публичных своих скандалов.

Белый умел быть и прост, и уютен. Разговоры его переходили в блистательные импровизации и всегда были как-то необыкновенно окрыляющие.

Закону несовпадения метра и ритма должно быть в поэтике присвоено имя Андрея Белого (в 1911 г. уехал в Швейцарию, к Рудольфу Штейнеру).

Его голова казалась медным шаром, который заряжен миллионами вольт электричества (1917 год). В ту пору у него появилась мания преследования. Полиция всех родов, всех оттенков, всех стран повергала его в маниакальный ужас, в припадках которого он доходил до страшных, а иногда жалких выходов.

(поэмы «Первое свидание» - лучшее из всего, что написано им в стихах).

(Штейнер явно уклонялся от свиданий, может быть с того дня и запил).

Берлин стал любопытным и злым свидетелем его истерики, её видели, ей радовались, над ней насмеялись слишком многие (1822 год). Выражалась она, главным образом, в пьяных танцах, которым он предавался в разных берлинских Dielon. Не в том дело, что танцевал он плохо, а в том, что он танцевал страшно. Танец в его исполнении превращался в чудовищную мимодраму, порой даже и непристойную. Он приглашал незнакомых дам. То был не просто танец пьяного человека, то было, конечно, символическое поправление лучшего в самом себе, кощунство над собой, дьявольская гримаса себе самому – чтобы через себя показать её Штейнеру.

Он словно старался падать все ниже.

Он исповедовался, выворачивая душу кому попало, порой полужнакомым, и вовсе незнакомым людям. Рассказывал о себе то рыча, то шипя, то визжа. Возвращаясь домой, раздевался он догола и плясал, выплясывая свое несчастье.

С ними (с Белым и Ниной П.) случилось самое горькое из всего, что может случиться: им было просто скучно друг с другом. Больше они не встречались.

Вообще – искал ссор (Белый) и умел их добиться. К несчастью, последняя произошла со мной (Ходасевичем), потому, что оказывается «всю жизнь» я своим скепсисом отравлял его лучшие мгновения, пресекал благороднейшие поступки.

Чем ближе был ему человек, тем необходимее было представить его тайным врагом, изменником, провокатором.

Умер Белый 8 января 1934 года, от последствий солнечного удара.

— **ГОРЬКИЙ:** Вражда Горького с Зиновьевым закончилась тем, что осенью 1921 года Горький был вынужден покинуть не только Петербург, но и Россию.

День его начинался рано: он вставал часов в восемь утра и, проглотив два сырых яйца, работал без перерыва до часу дня. В час – обед, который растягивался часа на полтора. После его вытаскивали на прогулку, от которой он всячески уклонялся. После он снова кидался к письменному столу – часов до 7 вечера. Спал он мало и за работу проводил в сутки часов десять, а то и больше. Ленивых он не любил и имел на то право.

Память у него была изумительная. В общем он был бодр и крепок – недаром и прожил до 68 лет. Легендой о своей тяжелой болезни он давно привык пользоваться всякий раз, как не хотел куда-нибудь ехать или откуда-нибудь уехать.

В Мариенбаде – рвали ему зубы – от отказался от всякого наркоза и ни разу не пожаловался.

Его комната никогда не проветривалась, потому что от свежего воздуха у него болела голова. «Свежий воздух – яд для организма» - говорил он, стоя в дыму.

Сын Максим – отродясь ничего не делал, его звали советским принцем. Горький души в нем не чаял, но это была какая-то животная любовь, состоявшая из забот о нем, чтобы Максим был жив, здоров, весел.

«Положение, какаче которого быть не может» - изречение Горького .

В известности с Горьким не мог сравниться ни один из русских писателей. Он получал огромное количество писем на всех языках. Где бы он ни появлялся, к нему обращались незнакомцы, интервьюеры его осаждали. Газетные корреспонденты снимали комнаты в гостиницах, где он останавливался и жили по два-три дня, чтобы только его увидеть. Слава приносила ему много денег, он зарабатывал около 10 тысяч долларов в год, из которых на себя тратил ничтожную часть. Но круг людей, бывших у него на постоянном иждивении, был очень велик – не меньше человек 15-ти.

Он врал из жалости к людям. Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему. Есть ложь утешительная, ложь примиряющая.

Создание какой бы то ни было мечты, способной увлечь человечество, он считал истинным признаком гениальности, а поддержание этой мечты – делом великого человеколюбия.

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой. -

Из пьесы «На дне» Горького - заключен как бы девиз Горького, определяющий всю его жизнь, писательскую, общественную, личную.

«Я искреннейше и неколебимо ненавижу правду» - писал он.

Этому «великому реалисту» поистине нравилось только все то, что украшает действительность, от неё уводит, или с ней не считается, или просто к ней прибавляет то, чего в нем нет.

Его до слез потрясало и умиляло не качество читаемого, а самая наличность творчества, тот факт, что вот – написано, создано, вымыслено.

Маяковский, однажды печатно заявивший, что готов дешево продать жилет, проплаканный Максимом Горьким, поступил низко, потому что позволил себе насмеяться над лучшим, чистейшим движением его души. Он не стыдился плакать и над своими собственными писаниями: вторая половина каждого рассказа, который он кому-либо читал, непременно тонула в рыданиях, всхлипываниях и протирании затуманившихся очков.

Он в особенности любил писателей молодых, начинающих: ему нравилась их надежда на будущее, их мечта о славе. Даже совсем плохих, заведомо безнадежных он не обескураживал: разрушать какие бы то ни было иллюзии он считал кощунством. Главное же – в начинающем писателе он лепечал собственную мечту и рад был обманывать самого себя вместе с ним. Замечательно, что к писателям, уже установившимся, он относился иначе. Действительно выдающихся (как Бунин), он любил, или заставлял себя любить (как напр. Блока, которого не понимал, но не мог не чувствовать значительность). Зато авторов, успевших приобрести известное положение, но не ставших вполне замечательными, он скорее недолюбливал. В особенности в этих средних писателях его раздражала важность, олимпийство, то сознание своей значительности, которое, в самом деле, им более свойственно, чем писателям действительно выдающимся.

Он любил всех людей творческого склада, всех, кто вносит или только мечтает внести в мир нечто новое. Содержание и качество этой новизны имели в его глазах значение второстепенное.

Ему нравились все, решительно все люди, вносящие в мир элемент бунта или озорства. – вплоть до маньяков–поджигателей, о которых он много писал и рассказывал.

Закуривая, он не тушил спичку: он непременно бросал её непотушенной.

Мелкими жуликами и попрошайками он имел свойство обрастать при каждом своем появлении на улице. В их ремесле ему нравилось сплетение правды и лжи, как в ремесле фокусника. Он поддавался их шуткам с видимым удовольствием и весь сиял, когда гарсон или торговец какой-нибудь его обсчитывал.

В особенности ценил он при этом наглость – должно быть, видел в ней отсвет бунтарства и озорства.

В помощи деньгами или хлопотами он не отказывал никогда. В его благотворительстве была особенность, чем горше проситель жаловался, чем более падал духом, тем Горький был к нему внутренне равнодушен. Его раздражало уныние и требовал от человека надежды – во что бы то ни стало, и в этом сказывался его своеобразный, упорный эгоизм: в обмен на свое участие он требовал для себя права мечтать о лучшем будущем того, кому он помогает.

Он не стеснялся и в жизни откровенно сердиться на людей, приносящих дурные вести.

Самому себе он не позволял быть вестником неудачи и несчастья. Если нельзя было смолчать, он предпочитал ложь и был искренне уверен, что поступает человеколюбиво.

Баронесса В.И. Иксуль принадлежала к числу тех обаятельных женщин, которые умеют очаровывать старых и молодых, богатых и бедных, знатных и простолюдинов. В числе её поклонников значились иностранные венценосцы и русские революционеры. В своем салоне, известном некогда всему Петербургу, она соединяла людей самых разных партий и положений. Говорят, однажды в своей гостиной она принимала свирепого министра внутренних дел, а в это время в недрах её квартиры скрывался человек, разыскиваемый полицией. Поклонники и враги Распутина считали её своей. В семьдесят лет она была по-прежнему обаятельна.

Такой «театр для себя» был вполне в духе Горького.

Отношение ко лжи и лжецам было у Горького, можно сказать, заботливое, бережное. Никогда он не был замечен, чтобы он кого-нибудь вывел на чистую воду или чтобы обличил ложь – даже самую наглую или беспомощную. Он был на самом деле доверчив, но сверх того еще и притворялся доверчивым. Отчасти ему было жалко лжецов конфузить, но главное – он считал своим долгом уважать творческий порыв, или мечту, или иллюзию даже в тех случаях, когда все это проявлялось самым жалким или противным образом. Не раз мне случалось видеть, что он рад быть обманутым. Поэтому обмануть его и даже сделать соучастником обмана ничего не стоило.

Восстановление правды казалось ему серым и пошлым торжеством прозы над поэзией. Недаром в том же «На дне» поборником правды выведен Бубнов, бездарный, грубый и нудный персонаж, которого и фамилия, кажется, происходит от глагола «бубнить».

- Вы не вздумайте Соболю объяснить в чем дело, а то мы будем стыдиться друг друга, как две голых монахини (Горький).

Жестоко вы написали, но – превосходно. Когда я помру, напишите, пожалуйста, обо мне, «То – люди, а то – человеки». Дело в том, что этих «человеков» надо бы печатать с заглавной буквы. «Человеков», то есть героев, творцов, двигателей обожаемого прогресса, Горький глубоко чтит. Людей же, просто людей, с неяркими лицами и скромными биографиями, - презирал, обзывал «мещанами». У этих людей бывает стремление если не быть, то хотя бы казаться лучше, чем они суть на самом деле.

У всех людей души серенькие, все подрумяниться желают. К такому подрумяниванию он относился с сердечным, деятельным сочувствием и считал своим долгом не только поддерживать в людях возвышенное представление о них самих, но и внушать им, по мере возможности, такое представление. Он думал, что такой самообман может служить отправным пунктом или первым толчком к внутреннему преодолению мещанства. Поэтому он любил служить как бы зеркалом, в котором каждый мог видеть себя возвышенной, благородней, умней, талантливей, чем на самом деле. Разумеется, чем больше получалась разница между отражением и действительностью, тем люди были ему признательней.

В отличие от очень многих, он не гонялся за славой и не томился заботой о её поддержании; он не пугался критики, так же как не испытывал радости от похвалы любого глупца или невежды; он не искал поводов удостовериться в своей известности, - может быть потому, что она была настоящая, а не дутая; он не страдал чванством и не разыгрывал, как многие знаменитости, избалованного ребенка. Я не видел человека, который носил бы свою славу с большим умением и благородством, чем Горький.

Он был исключительно скромнен – даже в тех случаях, когда был доволен самим собой. Эта скромность была неподдельная. Происходила она, главным образом, от благоговейного преклонения перед литературой, а кроме того – от неуверенности в себе. В своих писаниях он резко отличал содержание от формы. Содержание казалось ему хорошо защищенным,

потому что опиралось на твердо усвоенные социальные воззрения. Зато в области формы он себя чувствовал вооруженным слабо. Сравнивая себя с излюбленными или даже с нелюбимыми мастерами (с Достоевским, Гоголем), он находил у них гибкость, сложность, изящество, утонченность, которыми сам не располагал – и не раз в этом признавался. К своим рассказам он требовал критики и когда это случалось, выслушивал её с благодарностью и обращал внимание только на упреки, пропуская похвалы мимо ушей. Нередко он защищался, спорил, но столь же часто уступал в споре, а уступив – непременно садился за переделки и исправления.

— **ГУМИЛЕВ И БЛОК:** Трудно себе представить двух людей, более различных меж собою, чем были они. Кажется, только возрастом были они не столь далеки друг от друга: Блок был всего лет на шесть старше.

Блок был поэтом всегда, в каждую минуту своей жизни. Гумилев лишь тогда, когда он писал стихи. Все это (и многое другое) завершалось тем, что они терпеть не могли друг друга – и этого не скрывали. Однако в памяти Ходасевича они часто являлись вместе. Последний год их жизни кончился почти одновременной смертью обоих. Блок умер 7-го, Гумилев – 27 августа 1921 года.

Важность, с которой на заседании коллегии «Всемирной литературы» Гумилев «заседал», тотчас напоминал Брюсова.

Он пригласил к себе и встретил так, словно это было свидание двух монархов. В его торжественной учтивости было нечто столь неестественное, что можно было подумать, что он шутит. Пришлось, однако, и Ходасевичу взять примерно такой же тон: всякий другой был бы фамильярностью. В опустелом, голодном, пропахшем воблю Петербурге, оба голодные, исхудалые, в истрепанных пиджаках и дырявых штиблетах, среди нетопленного и неубранного кабинета, сидели они и беседовали с непомерною важностью. Он предложил чаю, но сделал это таким неуверенным голосом, что тот отказался.

Гумилев тотчас отослал сына – тоном короля, отсылающего дофина к его гувернерам.

В Гумилеве было много хорошего. Он обладал отличным литературным вкусом. К стихам подходил формально, но в этой области был и зорек и тонок.

За всем тем, его разговор, как и его стихи, редко был для меня «питателен». Он был удивительно молод душой, а может быть и умом. Он всегда казался ребенком. Было что-то ребяческое в его под машинку стриженной голове, в его выправке, скорее гимназической, чем военной. То же ребячество прорывалось в его увлечении Африкой, войной, наконец – в напускной важности, которая так удивляла при первой встрече и которая вдруг сползала, куда-то улетучивалась, пока он не спохватывался и не натягивал её на себя сызнова. Изображать взрослого ему нравилось, как всем детям.

Блок свое вдохновенное слово о Пушкине читал последним. На нем был черный пиджак наверх белого свитера с высоким воротником. Весь жилистый и сухой, обветренным красноватым лицом он похож был на рыбака. Говорил глуховатым голосом, отрубая слова, засунув руки в карманы. И пока он говорил, чувствовалось, как постепенно рушится стена между ним и залом. В овациях, которыми его провожали, была та просветленная радость, которая всегда сопутствует примирению с любимым человеком.

Правдивость и простота навсегда остались связаны с воспоминанием о Блоке.

Главное в поэзии Блока, её «сокрытый двигатель» и её душевно-духовный смысл, должны были быть Гумилеву чуждыми. Для Гумилева в Блоке с особою ясностью должны были проступать враждебные и не совсем понятные ему стороны символизма. Недаром манифесты акмеистов были направлены прежде всего против Блока и Белого. Блока же в Гумилеве должны были задевать «пустоватость», «ненужность», «внешность». Впрочем, с поэзией Гумилева Блок примирился бы, отнесся бы с большой терпимостью. Но были тут 2 усложняющих обстоятельства. На ученика – Гумилева – обрушивалась накапливавшаяся

годами вражда к учителю – Брюсову, вражда тем более острая, что она возникла на развалинах бывшей любви. Акмеизм и все то, что позднее называли «гумилевщиной», казались Блоку разложением «брюсовщины». Во-вторых – Гумилев был не одинок. С каждым годом увеличивалось его влияние на литературную молодежь, и это влияние Блок считал духовно и поэтически пагубным.

Тот «я», от имени которого изъяснялся молодой стихотворец, являл собою образчик отборного и законченного дурака, притом – дурака счастливого, торжествующего и беспредельно самодовольного.

«Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять» (Бальмонт)

Поминую Блока, предложил спеть «Корабейников», которых он так любил. Странно – никто не знал «Корабейников».

Перед смертью, за несколько дней, Блок сошел с ума...

— **ГЕРШЕНЗОН – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК:** Голодая, простаивая на морозе в очередях, коля дрова и таская их по лестнице – не притворялся он, будто все это ему нипочем, но и не разыгрывал мученика; был прост, серьезен, но – ясен.

Все он делал с изумительной простотой, без всякой позы и сентиментальности. Его внимательность и чуткость были почти чудесны.

Не будучи по природе обидчиком, - просто проходил мимо тех, кто ему не нравился. В каждом старался он найти хорошее, но если не находил - вычеркивал человека из своего обихода.

— **СОЛОГУБ (ТЕТЕРНИКОВ):** И молод никогда не был, и не старел. И на людях он порой точно отсутствовал. Слушал – и не слышал. Молчал. Закрывал глаза, засыпая. Витал где-то, куда нам пути не было. Звали его колдуном, ведуном, чародеем.

Он не любил прощать, но злым он не был.

В общем люди утомляли Сологуба. Он часто старался не видеть их и не слышать.

Мечтой его было уехать из Советской России, где господствовали, по его выражению, «вчеловеченные звери».

— **ЕСЕНИН:** «Средь людей я дружбы не имею».

В литературе он примкнул к таким же кругам, к людям, которым терять нечего, к поэтическому босячеству. Есенина затащили в имажинизм, как затаскивали в кабак. Своим талантом он скрашивал выступления бездарных имажинистов, они питались за счет его имени.

Падая все ниже, как будто нарочно стремясь удариться о самое дно, прикоснуться к последней грязи тогдашней Москвы, он женился. Свадебная поездка Есенина и Дункан превратилась в хулиганское «турне» по Европе и Америке, кончившееся с разводом. Начался его последний период, характеризующийся быстрой сменой настроений. Есенин впал в злобу.

Лучшей страницей в его творчестве была «Инония», светлый град, воздвигаемый мужиком.

Тогда начались кабацкие выступления характера антисоветского.

Есенин пытался ездить, побывал на Кавказе, написал о нем цикл стихов, но это не дало облегчения.

— **МУНИ (КИССИН):** Он не был человеком толпы, отнюдь не. (Заметь, что я всё-таки был). Он открыто презирал всё, что не было вполне гениально.

В кругу друзей, когда хочется выслушивать одни комплименты, хотя бы предательские, он иногда умудрялся испортить весь вечер.

«Едкие осуждения» мы предпочитали «упоительным похвалам». Когда Муни уехал, мы стали освобождаться из-под его тирании.

Он жил в непрерывной цепи этих неприятностей.

15. БЕЗПРЕЦЕДЕНТНЫЙ РЕФОРМАТОР

Н. Микеладзе – Фридон Тодуа: Поднять Страну Сможет Здоровая Нация, «Вечерний Тбилиси», 1997 г.

Академик Фридон Тодуа – Дважды лауреат Государственных премий в области науки;

Первый вице-президент Национальной академии наук Грузии;

Вице-спикер Парламента Грузии.

Награжден высшими государственными наградами:

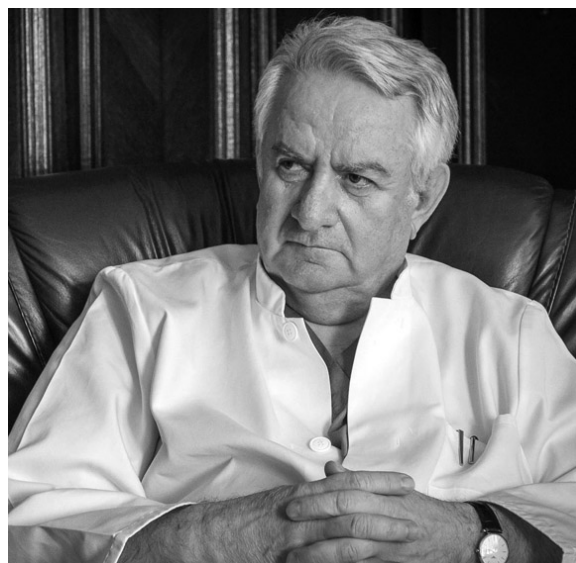
«Золотым орденом Святого Георгия» Грузинской православной церкви;

Орденом Чести (дважды); Орденом Вахтанга Горгасали; Президентским орденом «Сияние».

Вместе с Генри Киссинджером был награжден Европейским орденом «за вклад в построение единой Европы»;

Награжден «Крестом Благодарности» французского правительства за «большую благотворительность и преданность делу».

Биографическим институтом США избирался человеком года.

Имя Фридона Тодуа достаточно популярно в нашем городе. Как известен и возглавляемый им Институт лучевой и интервенционной диагностики, самый молодой, пожалуй, в Грузии. По многим параметрам этот коллектив сегодня работает вровень с лучшими клиниками Европы и Америки. Естественно, руководить таким институтом, который Фридон Ипполитович может считать своим детищем, и почетно, и ответственно, и трудно.

Нелегким было и решение переехать в 1990 году в Тбилиси из Москвы, из прославленного Института хирургии имени Вишневского, где у него был весьма высокий авторитет.

А попал он в Москву вот как. Окончив в Зугдиди школу, Фридон Тодуа поступил в Тбилисский медицинский институт и с дипломом врача был прикомандирован в Институт Вишневского – на два года. Но его оставили здесь на целых двадцати два года. Наивно было бы предположить, что престижнейшая столичная клиника не была разборчива при приеме новых сотрудников. Тем более, если кандидатура была из периферии – не секрет, что таким приходилось работать вдвое, а то и втрое больше, чтобы заслужить право остаться в коллективе.

Начинал он хирургом, и кандидатская диссертация была по хирургии. Но, вложив в нее много труда, тем не менее понял, по призванию он не хирург.

Докторская диссертация Ф. Тодуа была связана с легочными кровотечениями. Этой работе, по существу, было отдано десять лет, но... Все же призванием его жизни стало другое дело: в Институте Вишневого Фридон Ипполитовичу предложили возглавить вновь создаваемое отделение компьютерной томографии. Совершенно новая отрасль, а посему нужны были новые знания. Если бы только медицинские! Ведь начинать пришлось с нуля – со строительства здания, с подбора и обучения кадров и т.д. и т.п.

К тому времени, когда Фридон Тодуа стал работать у нас, у него было множество высоких титулов и регалий, в том числе Государственная премия СССР, и престиж не только в собственном институте, но и за рубежом: когда в 1982 году он представил немецким коллегам материалы операций, проводимых под контролем компьютерной томографии, то, мягко говоря, были обескуражены – их здорово опередили!

На строительной площадке, где возводилось здание нынешнего Института лучевой и интервенционной диагностики (сначала он действовал как клинично-диагностический центр под эгидой Министерства путей сообщения), Фридон Ипполитович застал лишь редкие колышки. Пришлось еще раз начинать с нуля. Очень скоро обстановка в стране осложнилась, началась чехарда в правительстве, и пришло ощущение, что никто никому не нужен. И ничто, в том числе и строящийся центр. Возвращаться в Москву? Тем более, что трудностей всяческих было хоть отбавляй (он здесь, семья – в Москве), пришлось терпеть и угрозы (почему, мол, институт возглавляет Тодуа, а не кто-то из местных!)

Но не уехал. Говорит: «Не такой я слабак, чтобы смогли меня сломить».

Вообще, похоже, знает себе цену и очень точно (подтверждают окружающие) себя характеризует. Да, строгий, взыскательный, и даже очень, когда дело касается работы. Не терпит разгильдяйства. Четко представляет цели, к которым стремится. Не прощает бездушия. Одним словом, на работе – гроза, а после шести вечера – веселый, общительный человек.

Слово «администратор» совсем не подходит к директору Института лучевой и интервенционной диагностики. Потому что в первую очередь он ученый, считающий своим долгом опережать подчиненных. Когда интересуюсь, насколько интенсивно «работает» институтская библиотека (которая сегодня, можно сказать, уникальна в том смысле, что здесь получают самую новейшую литературу из многих стран мира) и имеет ли возможность, время работать с этой литературой директор, ответ его звучит так: «Как же я буду требовать с других то, что сам не знаю!».

А в сутках-то всего 24 часа! Как же все успевать?

Конечно же, многому в этом отношении научила Москва – это, действительно, школа на всю жизнь. Но и о генах забывать нельзя. Потомственный медик? Нет, отец его был юристом, и именно он приучил сына к аккуратности в делах, к порядку и самодисциплине. А заслуга матери в том, что с малолетства воспитывала в детях трудолюбие.

А часто ли посещала удача моего героя? Безусловная удача – работа в Институте Вишневого рядом со светилами медицинской науки. Безусловная удача – женитьба на женщине, ставшей ему другом и главным советчиком (учились в одной школе, а поженились, когда Фридон Ипполитович защитился на кандидата), создавшей в семье такие условия, что муж, не колеблясь, говорит: «Дома у меня проблем нет».

А можно ли считать удачей то, что сегодня он возглавляет институт, за короткое время завоевавший такой авторитет и популярность? Какая же удача, когда на эту работу затрачены колоссальные силы и энергия! «Здесь я посветлел», - улыбается мой собеседник, показывая на седину, которой несколько лет назад, когда он 45-летним приехал в Тбилиси, не было и в помине.

А теперь – о главном, о том, чего не могла я избежать в беседе с профессором медицины. О реформе здравоохранения, обернувшейся для большинства нашего

населения трагедией. Мой собеседник соглашается: сегодня болезнь для огромной массы людей – катастрофа.

— Без сомнения, - говорит Фридон Тодуа, - реформа проходит очень болезненно. Время рассудит: правильный ли это был шаг или нет. Но в одном я убежден: без государственного финансирования здравоохранение существовать не может. Хотя бы 60 процентов расходов на нужды медицины государство должно взять на себя. Если оно не поможет здравоохранению, все развалится: и научный потенциал, который складывался десятилетиями, и традиции, а главное – всё это обернется бедой для населения. Как бы трудно ни было стране, для такого дела средства надо найти, как находят, кстати, для нужд обороны, для сельского хозяйства и т.д.. Ведь поднять страну сможет только здоровая нация.

— Фридон Ипполитович, услуги вашей клиники стоят очень недешево. Вы сами-то это знаете, чувствуете?

— Иначе мы не можем. Потому что сами себя содержим. Потому что у нас очень дорогостоящая аппаратура. И потому еще, что хорошая работа врача должна стимулироваться хорошей оплатой его труда. Но я приведу вам одну цифру: только в прошлом году мы бесплатно обслужили 6 тысяч пациентов.

... Не работать над собой здесь никому не прощается. 4 докторских и 7 кандидатских диссертаций за очень недолгую историю института – достижение бесспорное. Что касается аппаратуры... Об этом можно говорить и говорить, но достаточно сказать об одной только машине - магнитно-резонансном томографе, который считается сегодня в мире лидером диагностической аппаратуры и которого директор института добивался целых два года. Оказывается, в радиусе двух тысяч километров от Тбилиси такой аппаратуры нет ни у кого.

«Я здесь и экономист и бухгалтер», - говорит директор института. И, рассказывая, как у них решаются финансовые вопросы, подчеркивает: только всем коллективом. Скажем, в каком-то отделении испортилась аппаратура, и на конференции обсуждают, выделить ли этому коллективу определенную сумму, способен ли он потом вернуть долг институту или нет. Если мнение сотрудников положительное, сумма выделяется.

Заботятся здесь не только о сегодняшнем дне, - создают задел на будущее. Недавно, например, закупили около сорока процентов акций одного из бывших чайных совхозов Зугдидского района. Пока институт помогает встать хозяйству на ноги, ведь восемь лет плантации не знали никакой заботы. Ну, а потом, через несколько лет, будут ждать отдачи, то бишь прибыли. Не профаны ведь немецкие бизнесмены, которые вложили средства в 56 чайных совхозов в Зугдиди!

... Беседуем долго и о многом. Директор рассуждает вслух. Тбилиси – очень сложный, особый город, и люди здесь нелегкие, легко ранимые, обидчивые. И сами могут ни за что обидеть – это не раз испытывал на себе Фридон Тодуа. Но не конфликтовал, выжидал, пока время доказывало его правоту. И тем не менее он будет работать здесь и только здесь.

Последний мой вопрос к Тодуа: - врачу и человеку:

— Что бы вы посоветовали тбилисцам: как в нынешнее трудное время выжить физически?

— Набраться терпения. Ни в коем случае не сдаваться. Обязательно станет лучше. Ведь отрадные перемены уже осязаемы. Мы обязательно должны выстоять.

16. ДЕЙЛ КАРНЕГИ – ОСНОВАТЕЛЬ АМЕРИКАНСКОЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА,

Самиздат, 1974, Киев.

— О лести: «Не учи меня ни предлагать, ни получать дешевую похвалу».

Лесть – это высказывание другому человеку того, что думаешь о себе.

Желая убедить человека что-то сделать, старайтесь прежде всего возбудить в нем огромное желание делать это. Тот, кому удастся это, пользуется всеми благами мира, а тот, кому не удастся, - одинок.

Секрет успеха в достижении хороших взаимоотношений с людьми заключается в способности человека рассматривать вопрос с точки зрения другого человека и разрешать этот вопрос с учетом как своих интересов, так и интересов другого человека.

То, что нравится людям:

I – проявляете к ним (людям) искренний интерес;

II – улыбайтесь;

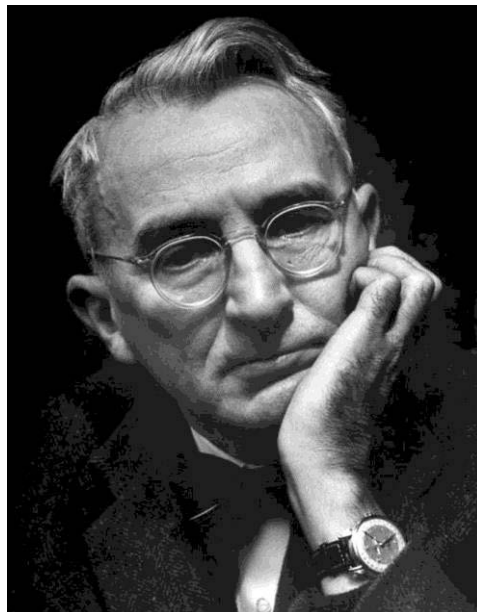
III – помните, что имя человека является для него лучшим словом из всего (лексического знания) известного;

IV – умеете внимательно слушать и воодушевлять людей на разговор;

V – заводите разговор о том, что интересует вашего собеседника;

VI – старайтесь дать человеку почувствовать себя значительным.

Секрет Сократа: заставляйте человека говорить «да», «да» вначале. Не давайте ему, если возможно, говорить «нет».

Как заставить человека стать на Вашу точку зрения (11 способов):

Лучше уступить дорогу собаке, чем допустить, чтобы она укусила Вас.

1. Единственный способ одержать победу в споре – это избегать его;
2. Уважайте мнение других людей. Никогда не говорите человеку, что он неправ;
3. Если Вы неправы, признавайтесь в этом быстро и в категоричной форме;
4. Начинайте с дружеского тона;
5. Старайтесь получить от Вашего собеседника утвердительный ответ в самом начале вашей беседы;
6. Дайте возможность другому человеку больше говорить, а сами старайтесь говорить меньше;
7. Дайте человеку почувствовать, что идея, которую вы ему подали, принадлежит ему, а не вам;
8. Старайтесь смотреть на вещи глазами другого человека;
9. Относитесь с сочувствием к идеям и желаниям другого человека;
10. Прибегайте к благородным мотивам;
11. Используйте принцип наглядности для доказательства своей правоты

9 способов изменить мнение людей, не вызывая при этом обиды или негодования:

1. Начинайте свою беседу с похвалы и искреннего восхищения;
2. Не говорите прямо человеку о его ошибках;
3. Прежде чем критиковать других, укажите на свои собственные ошибки;

4. Задавайте вопросы, вместо того чтобы отдавать приказания;
5. Дайте возможность другому человеку сохранить свою репутацию;
6. Хвалите человека за его малейшие достижения. Будьте искренни в одобрении и щедры в похвалах;
7. Создавайте человеку хорошую репутацию, которую он мог бы оправдать;
8. Старайтесь показать человеку, что совершённую им ошибку легко исправить, что то, чего вы от него хотите добиться, легко осуществить;
9. Поступайте так, чтобы человек был счастлив сделать то, что вы ему предлагаете.

Семь способов, позволяющих сделать свою личную жизнь счастливой:

1. Если вы хотите, чтобы ваша семейная жизнь была счастлива, соблюдайте правило первое, которое гласит: «Не ворчите»;
2. Не пытайтесь перевоспитать своего супруга (у);
3. Не требуйте слишком многого;
4. Искренне восхищайтесь достоинствами супруга (и);
5. Не забывайте уделить внимание супруге;
6. Будьте вежливы в семье;
7. Читайте специальную литературу о супружеской жизни.

ЛИТЕРАТУРА ПОСВЯЩЕННАЯ СТАЛИНУ

17. ИВАН СТАДНЮК – ВОЙНА,

«Воениздат», 1971 г., М.

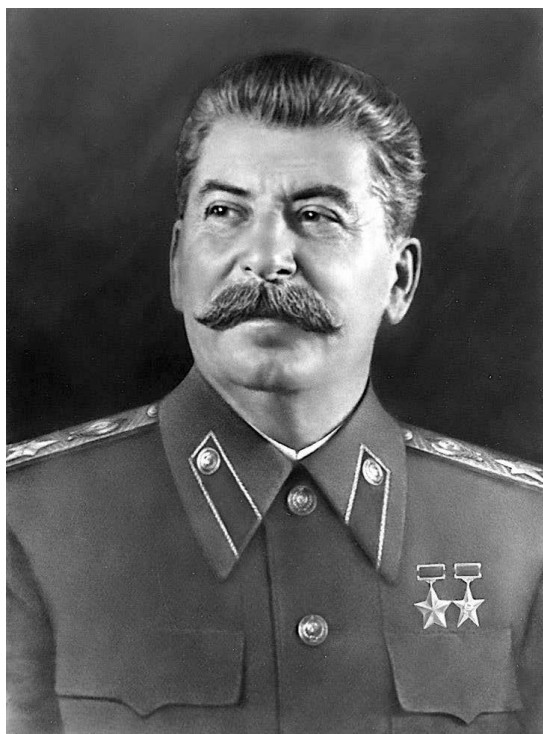
— Прусский офицер Генрих Бюлов в труде «Дух новейшей военной системы» пишет, что «задача стратегии – достичь целей войны без сражения».

— Показывать Романову (профессору) свои познания военной истории – это все равно что ребенку хвастаться перед великаном.

— Гитлер надеялся, что после молниеносных побед во Франции, Норвегии, Польше, на Балканах его армиям будет под силу и Советский Союз.

— Всё в этом мире находится в естественной связи причин и следствий. Сталин, как выдающийся марксист, понимает это лучше нас. На всякие события можно и нужно влиять. Я очень верю в трезвый рассудок Сталина и в дальновидность.

— Генерал поймал себя на том, что при словах порученца слишком заторопился. И тут же с

недовольством мысленно приказал себе: чтоб ни робости, но и ни панибратства – командующий есть командующий.

— Трагедия безвинных берёт начало в виновности виноватых. Однако виновность виноватых никогда не оправдывает трагедию безвинных.

— Странно, когда те, которые меняют или склонны менять свои верования, вдруг берут верх над постоянно верующими.

Раньше утверждали, что вера есть смирение разума. На самом же деле вера – это сила рода человеческого и залог его бессмертия.

Ведь никакая сталь никаких сейфов не устоит перед стремлением человечества к правде. Правда имеет обыкновение подниматься даже из пепла. Рано или поздно она скажет, кто виноват, а кто невиновен, а также направит указующий перст на тех, кто по злой ли воле в чаду ли безумия или тяжких заблуждений повинен в трагедии невинных.

— Авторитет Сталина был беспредельным. (Имперский министр иностранных дел Германии фон Риббентроп).

«Почему мы должны сейчас верить в искренность Черчилля, этого старого нашего друга в кавычках?» - Сталин.

Фашистские руководители, видя, что Англия и Франция непрерывно идут им на уступки, уверовали в их слабость, а со слабыми, как известно, воевать легче.

Но догадки еще не сама истина...

— Благоразумная недоверчивость – мать безопасности.

— В политике надо уметь уступать необходимости.

— Избегать ссор легче, нежели прекращать их.

«История нас не забудет, не осудит, если дипломатическими маневрами мы вырвем для советского народа несколько лет мира». – Сталин – Молотову.

Глядя в горящие глаза Гитлера, Молотов думал о том, что глаза деспота привлекают только рабов, подобно тому, как взгляды змеи чаруют птиц, делающихся их жертвой.

— «О чем сейчас думал этот человек, судьба которого далеко не обыкновенна даже в исторических измерениях» (Сталин).

Сталин – великий марксистский философ, историк, дипломат, умеющий держать руку на пульсе врагов и друзей. Он знает больше, видит дальше, мыслит глубже.

Гитлер ведь его, Сталина, боится. Боится его воли и силы загадочного характера, боится его образованности и таланта мыслителя, боится его авторитета среди народов и правительств.

— Гитлер, вероломно нарушив договор, просчитался решительно во всем! Он будет уничтожен, хотя и нам придется очень нелегко – слова Сталина в первый день войны.

— Разве я должен приказывать своим часам, чтобы они шли? (Сталин) Что армия должна находиться в боевой готовности без директив.

Моральный дух у врага высок. Сила на его стороне, он теснит нас. Но боевой дух бывает и у волка, когда ему мнится легкая добыча. А вот нравственное превосходство, несмотря ни на что, на нашей стороне.

Упрямство не является дефектом разума, упрямство – дефект темперамента. Неподатливость воли, раздражительное отношение к чужим доводам происходит из особого рода самолюбия, для которого высшее удовольствие – только своим умом властвовать над собой и другими.

Самая высокая награда это доверие, которое тебя возвеличивает в собственных глазах...

— При подлой душе ученость хуже невежества.

— Идеиная закалка бойцов рождает в бою молодцов! Нет более крепкой брони, чем вера.

Жизнь действительно чем-то похожа на полотно, сотканное из добротных и гнилых ниток, окрашенных в светлые и безрадостные тона.

— Сердце живет в настоящем, ум – в будущем.

— Силой характера подавлял неуверенность. А кто знает, чего хочет, тот наполовину достигает желаемого.

— Хуже чем было, но лучше, чем будет.

«Очень плохо, когда высшие воинские звания приходят к одаренным опытным полководцам лишь к старости. Ведь звание – это рычаг для подъема, сила для деятельности, это – уверенность в себе, в своих возможностях. Это – право для свершения великих дел и понимание высочайшей ответственности перед государством, это, наконец, крылья для полета... Есть в высоких званиях и опасность, если человек слепо уверует, что вместе с очередной генеральской звездой на петлице у него засияла и новая звезда во лбу» - Сталин.

— Плохо, когда человек опережает самого себя? Если такое случится, тогда очень проникательно всматривайся вперед, не живи сегодняшним днем и обязательно имей рядом деятельных и умных помощников... И выслушивай их до конца, прежде чем отважиться на что-то большое.

— Коль сомневаешься, значит, ищешь дорогу к истине.

— Ничто великое не создается без сомнений и ошибок.

В начальные часы боя не только утвердилось вчера рожденное соединение, но и всех их озарило внезапное внутреннее откровение, вдохнув новой прилив нравственных сил.

— Когда подобный документ подписывают коллективно, значит, каждый в отдельности в чем-то сомневается.

18. А. ЧАКОВСКИЙ – НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ,

«Знамя», №9, 1983 г., М.

— Рузвельт гордился тем, что у него установились пусть не лишние серьезные разногласия, но все же дружелюбные и даже доверительные отношения с этим человеком (Сталиным), который умел быть резким, прямолинейным, бескомпромиссным и в то же время мягким, даже обаятельным, готовым идти на уступки во имя единства между союзниками.

— Глаза Рузвельта смотрели на всех приветливо и доброжелательно, веселая улыбка невольно вызвала ответную улыбку собеседника.

— В студенческие годы Рузвельт увлекался редакционными статьями на футбольные темы, о коньках и др. темы. Бросил Колумбийский университет, с помощью влиятельных

родственников он поступил клерком в старую юридическую фирму, в течение первого года работал без жалования. Читал детективные романы.

Читая всевозможные деловые бумаги, порой просто переписывая их, составляя справки, докладывая их содержание шефу, Рузвельт постепенно приобщался к миру бизнеса.

В молодости Рузвельт всё чаще испытывал чувство неудовлетворенности. Он сознавал, что видит только незначительную часть мира, в котором живет.

В 1910 году 28-летнему Рузвельту было предложено испытать политическое счастье на предстоящих выборах в законодательное собрание штата Нью-Йорк. Еще будучи студентом, Франклин Р. женился на своей родственнице Элеоноре (1905 год).

В начале своей карьеры Рузвельт был весьма посредственным оратором. Со временем он освоил и это искусство. Его высокий баритон звучал спокойно и уверенно, паузы были лишь для подчеркивания весомости ударных фраз.

Сила молодого Рузвельта была в другом. С первых же шагов своей политической деятельности он поразительно быстро устанавливал контакты с людьми, с необычайной легкостью завоевывал их расположение. Заповеди Рузвельта, которые он хорошо освоил:

1. Не забудь похвалить город, где выступаешь.

2. Сумей внушить людям, пришедшим тебя послушать, что они тебе друзья, и ты им друг.

3. Никогда не веди прямой атаки на соперника. Если можно, не упоминай его фамилии. Критикуй то, что соперник предлагает, обещай то, о чем он умалчивает.

4. Не переоценивать выступлений с трибуны и уделять особое внимание личным контактам с избирателями. Контакты с людьми должны быть дружескими, но далекими от фамильярности.

Выработать дежурную улыбку, тембр голоса и т.д.

В 1910 году Рузвельт был избран в сенат – сенатор в 1912 году назначается помощником министра военно-морского флота. В 1920 году выдвигается кандидатом в вице-президенты – терпит поражение.

В 1921 году Рузвельт заболел полиомиелитом. Он лишился ног, ему не было еще 40 лет. Потерпев поражение в борьбе с болезнью, Рузвельт сосредоточил всю свою волю и энергию на политической деятельности. Что руководило им? Жажда богатства? Стремление к власти? Мы уже знаем, что к чрезмерному обогащению будущий президент не стремился. Власть его не прельщала. Он хорошо помнил изречение: «Сначала ты берешь власть, а потом она захватывает тебя».

В 1928 году Рузвельт, уже с парализованными ногами, избирается губернатором штата Нью-Йорк.

Напряженная борьба с болезнью закалила его дух.

В ноябре 1932 года Рузвельт был избран президентом США.

Рузвельт победил на 3-х выборах, победил и на четвертых. Он привык побеждать и знал, почему побеждает.

У президента были преданные ему технические сотрудники. Все эти люди были беззаветно преданы ему. Почему? Может быть, они дорожили своей близостью к Белому дому или их прельщало высокое жалование? Нет. Ведь и о самом Рузвельте говорили, что он вовсе не так уж богат и весьма бережлив. Конечно, бедным его никто не считал (75000 долларов ежегодного президентского жалования, он получал еще 25000 долларов на «представительные расходы»). В сентябре 1941 года после смерти матери он стал полным хозяином Гайд-парка – родового имени семьи Рузвельтов под Нью-Йорком.

Рузвельт жил принципом – «Человек должен жить в достатке, но без излишеств». Сам Рузвельт, его мать и жена Элеонора всякий раз осматривали каждую вещь и определяли, может ли она еще пригодиться. Рузвельт не бросал денег на ветер.

Рузвельт подарил своим близким сотрудникам золотые запонки. На одной половинке были выгравированы инициалы «Ф.Д.Р.», на другой - инициалы владельца. Обладателей этих запонок шутливо называли «запоночной бандой».

Рузвельт действовал по принципу: «Если хочешь иметь друзей, умей быть другом сам».

— Рузвельт прекрасно понимал, что сталинский демарш является не просто капризом, а ответом на обиду, нанесенную не только ему, но и всему Советскому Союзу.

— Письмо к Сталину надо было составить так, чтобы свести назревающий конфликт к нулю.

— "Теперь поговорим с мистером Сталиным", - мысленно произнес президент и открыл ящик письменного стола, тот, в котором хранились документы первостепенной важности.

Вот они, эти письма, в переводе на английский, проклятые листки плотной, белой, слегка шершавой бумаги, с едва различимым сероватым отливом, - письма, которые принесли ему столько терзаний.

Он начал перечитывать их, хотя, наверное, уже помнил каждую фразу наизусть. Но сейчас цеплялся за надежду, что, быть может, читая эти письма в первый, второй и третий раз, он придаст не тот смысл словам Сталина, переоценит их резкость и скрытую в формально вежливых выражениях враждебность... А когда перечитывает снова, вот теперь... Казалось, Рузвельт подсознательно верил, что за прошедшие дни те или иные слова Сталина каким-то чудом изменились, приобрели другой смысл, утратили резкость.

Сначала он стал перечитывать письмо о "бернском инциденте". Он читал не все подряд, а лишь те строки, которые особенно сильно ранили его, те, которые нельзя было оставить без четкого и убедительного ответа. Вот они, эти обидные, даже оскорбительные, если перевести их с дипломатического языка на общежитейский, слова - все, как было... Далее почти прямое обвинение: немцы продолжают сражаться во многом потому, что рассчитывают на сепаратный мир с Западом, что естественно после бернских переговоров...

— И тем не менее, подумал Рузвельт, перечитав первый документ, письмо написано языком джентльмена. А ведь по существу оно равнозначно пощечине. В сущности, Сталин говорит союзнику: "Ты предатель!"

В другом письме констатировалось, что "дела с польским вопросом действительно зашли в тупик", и в этом прямо обвинялись послы США и Англии.

Словом, за прошедшие дни в письмах Сталина, конечно же, ничего не изменилось, и если уж строить мистические предположения, то, может быть, "отстоявшись", эти письма, подобно вину, стали еще более "крепкими".

В пятый, в седьмой, в десятый раз брал Рузвельт листок чистой бумаги и ручку, но затем его перо бессильно повисало в воздухе. Он не знал, что писать. Отрицать факт бернских переговоров - значит оказаться в положении мальчишки, не признающего свою вину, хотя мать застала его с измазанным лицом у разбитой банки с вареньем. Какие там опровержения!.. Сталину было известно все до мельчайших деталей.

Отрицать наличие "тупика" в польском вопросе? Но президент не хуже, чем Сталин, знал, что Черчилль создал этот тупик вопреки решениям Ялтинской конференции.

Честно признаться во всем и попросить извинения, пусть в самой завуалированной форме? Но это рано или поздно станет известно всему миру, и тогда... Рузвельт на мгновение представил себе, каким обвинениям и оскорблениям он подвергнется... Да и как воспримет Сталин самоуничижительные признания американского президента? Будет ли и впредь считать его союзником, на которого можно положиться? Или надежды на прочный

послевоенный мир рухнет, а вместе с ними - все мечты Рузвельта, в том числе и самая для него дорогая, - о создании Организации Объединенных Наций?

После Тегерана и Ялты президент считал, что у него со Сталиным установились вполне лояльные, даже дружеские отношения. В своей первой "Беседе у камина" по возвращении в Вашингтон из Тегерана президент сказал:

– Мы хорошо поладили с маршалом Сталиным...

"Вот и поладили!" - с горечью повторил сейчас про себя Рузвельт.

Он пустыми глазами смотрел на лист бумаги, на котором не было написано ничего, кроме слов: "Лично и секретно премьеру И. В. Сталину от президента Ф. Д. Рузвельта".

– Сталин... Кто же он такой, в конце концов, этот загадочный человек, умеющий почти одновременно быть жестким и обаятельным, прямолинейным и гибким? То он держится, как лучший друг, то — когда речь идет о защите интересов его страны — дает отпор, резкий, логически неуязвимый или просто саркастический. Кто же он такой? Этот вопрос снова и снова задавал себе Рузвельт и каждый раз находил разные ответы.

... Он был не в состоянии постичь характер Сталина. Рузвельту никогда не приходило в голову, что разгадка станет простой, если он будет исходить из того, что вовсе не «таинственность», не элементы мистики, не какие-то недоступные пониманию простых смертных свойства души советского лидера определяют его как личность, а тот факт, что он — представитель иного социального мира, со всеми вытекающими из этого политическими и психологическими последствиями.

Не понимая этого, президент по-прежнему не мог найти слов для ответа Сталину на его обидное письмо — таких слов, которые не формально, а по-человечески убедили бы Сталина.

«А может быть, подобные слова в этой ситуации вообще невозможно найти? — подумал Рузвельт. — Ведь такому человеку, как Сталин, черное за белое не выдашь!»

Президент поспешно вытащил из ящика тот самый лист бумаги; на котором ему до сих пор так и не удалось ничего написать, кроме имени адресата, набросал на этом листке несколько строчек и крикнул:

— Хассетт!

— Вот что, Билл, — сказал Рузвельт появившемуся секретарю, — сейчас ты выбросишь ко всем чертям или в более удобное для тебя место проекты ответа Сталину, которые ты писал. И напишешь новый проект. Он должен быть коротким — не больше десяти — пятнадцати строчек.

Вы нашли удовлетворительное объяснение «бернскому инциденту?» — вежливо осведомился Хассетт.

Никаких объяснений не требуется. Надо просто поблагодарить Сталина за искреннее разъяснение советской точки зрения. Понял? И с Берном покончено. Далее, надо выразить твердую уверенность, что ничто уже не будет омрачать наши отношения. И завершающая фраза: мы с нетерпением ждем великого момента, когда наши войска установят контакт в Германии и сольются в едином наступлении. Точка. Подпись. Всё. Вот тут я набросал основное, — сказал Рузвельт, протягивая Хассетту листок бумаги. — И принимайся за дело.

— «Нет, напрасно я бился над текстом ответа Сталину, — подумал президент. — Этого человека не заставишь отступить от принятого решения, как бы искусно ни было составлено письмо... Так что же делать, что же делать?!»

...Оказавшись в своем кабинете, он снова попытался взяться за дело.

Он писал. Перечитывал, рвал исписанные листки, бросал их в корзину. Начиная снова...

...Появился Хассетт: У меня есть чудесное лекарство от всех кошмаров. Я его только что получил... Хассетт протянул президенту тонкий листок бумаги, испещренный большими печатными буквами.

— Дай пенсне! — сказал президент, сжимая листок обеими руками. И прочитал:

Совершенно секретно.

Только для президента от маршалла.

Вручить в любое время дня и ночи.

Донесение о переброске частей квантунской армии на тихоокеанские острова не соответствует повторяю не соответствует истине.

Согласно разъяснениям наших экспертов ложная тревога возникла в силу лингвистического недоразумения. Из-за нечеткости перехвата. Японское слово Хонсю, название самого крупного из основных островов Японии, было принято за слово Мансю, название Маньчжурии.

Данные разведки подтверждают повторяю подтверждают, что переброски частей квантунской армии не происходит.

Маршалл.

— Хассет принес окончательный проект. Письмо получилось вежливое и дипломатически тонкое. «Берн» трактовался в нем как мелкий инцидент на фоне того главного, что связывало в этой войне Соединенные Штаты и Советский Союз.

«Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении Бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принес какой-либо пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши войска установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся».

Рузвельт дочитал письмо до конца и тщательно вывел тушью свою полную подпись. — Отправь! — сказал он Хассетту, протягивая ему письмо.

— В молодые годы Рузвельт относительно спокойно переносил нападки, даже травлю. Теперь, когда он устал и был измучен болезнью, несправедливые газетные наскоки лишали его сна и покоя.

Мания величия была чужда Рузвельту.

Рузвельт был великим прагматиком.

«Вы на грани нервного срыва — переутомление имеет токсический эффект» (врач Рузвельта).

«Простота и человечность сочетались в характере Рузвельта с хитростью, точнее изощренностью».

Да, он хитрил, далеко не всегда говорил то, что думает, создавал выгодные ему политические коллизии, вступал в соглашения и даже сделки с людьми, которых презирал. Но на предательство, на удар ножом в спину Рузвельт был неспособен.

Секретаря Рузвельта прозвали — «главным мучителем президента».

— Встреча с Люси Резерфорд обязательно исцелит Рузвельта, вдохнет в него силы, сделает прежним энергичным, жизнелюбивым Рузвельтом. Это лекарство не числится в медицинских справочниках, но о нем вспомнили все, кто только что был в кабинете. «Туда погрузили любимый президентский «форд» с ручным управлением, который создает у президента ощущение того, что он способен передвигаться без посторонней помощи».

На какие только уловки не пускался он все эти годы, чтобы хоть на час, хоть на несколько минут встретиться с женщиной, которую любил и которая любила его.

Люди из ближайшего окружения Рузвельта преклонялись перед страстной любовью могучего инвалида к этой привлекательной женщине с живыми, веселыми глазами, которые как бы зажигались изнутри, когда она смотрела на президента.

Под салфеткой у прибора Рузвельта всегда лежал написанный Элеонорой перечень гостей с короткой, иногда состоящей из 2-3 слов характеристикой каждого. Президенту ничего не стоило, незаметно взглянуть на эту «шпаргалку».

— 998-ая пресс-конференция была последняя в жизни Рузвельта (в Уорм-Спрингсе).

Если Рузвельт считал, что журналисты хотят поставить его в тупик, он просто набрасывался на них, как лев. Одного из них он как-то назвал «Хроническим лжецом». Другому посоветовал надеть «дурацкий колпак и постоять в углу».

Тем не менее, Рузвельт был прав, говоря: «Я всегда терял друзей, но у меня всегда были друзья».

Ему однажды один из журналистов сказал: «На месте американского президента я бы протестовал против такого ущемления интересов США». Рузвельт ответил с добродушной иронией: «Я очень сожалею, но американский народ и, смею думать, господь бог предпочли видеть на этом месте меня, а не вас».

— Слухи о несговорчивости Черчилля были сильно преувеличены.

Министра финансов Моргентау, президент ценил не только за большие знания в сфере экономики и финансов, но и за услужливость, готовность во всем соглашаться со своим боссом, никогда с ним не спорить. Его называли «yes-man».

«Чем ты занимался, в то время как я отдувался перед представителями четвертого сословия, уверенными, что пресса командует миром?»

- Сталин был против расчленения Германии, он говорил, что такое расчленение породит реваншизм, и, как казалось Рузвельту, назойливо повторял, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается».

— Короли – уже с улыбкой добавил президент – делают только добро. Зло совершают министры.

«Говорят, что однажды стреляет даже незаряженное ружье» – о Моргентау.

— Я не «красный» - сказал Рузвельт, ты это прекрасно знаешь. В худшем случае, я «розовый».

«Страшнее всего – бояться страха – Торо».

— Рузвельта раздражала самоуверенность британского премьера, кажется вообразившего, что ему дано остановить ход истории.

— С утра президент был в каком-то трансе.

— Рузвельту и Люси было совершенно безразлично, видит ли их кто-нибудь сейчас. Все, кто мог их видеть, давно знали, что ни болезнь, ни время, ни светские условности – ничто не могло разрушить то непреходящее чувство, которое эти уже далеко не молодые люди питали друг к другу. Рузвельт полюбил её горячо и на всю жизнь.

— Ему приходилось примирять непримиримое, отбиваться от многочисленных наветов, с садистской жестокостью распространяемых подкупленными журналистами, получать удары от людей, которые по справедливости должны были бы его благодарить.

Рузвельт ценил, но не любил Черчилля. Дорога с двойным движением – вся жизнь.

О секретаре Рузвельта говорили: «Если человек жив и обитает на этой планете, Хекки непременно до него дозвонится».

— Жестокая, безысходная болезнь, превратившая полного сил человека в инвалида, лишь еще больше привязала Люси к нему. Если бы он не был женат, если бы не занял впоследствии самый высокий пост в государстве, она, Люси, казалось, могла бы заменить ему всех: жену, секретарей, камердинера, кухарку. У нее хватило бы сил на это.

Если человек знает, почему он любит, значит, он не любит. Нашему счастью мешали причины, которые были сильнее нас.

Если счастье существует, оно и есть будущее.

— Она пожертвовала бы всем на свете, лишь бы не расставаться с ним, сидеть рядом, разговаривать. А может быть, и молчать. Они умели разговаривать молча

— Выражение Ваших глаз слишком часто меняется (художница – Рузвельту), как будто вы только что наблюдали свадьбу, а затем – похороны. Или какой-то дух, не знаю – злой или добрый, время от времени крадет у вас душу, оставляя в неприкосновенности земную оболочку. Тогда мне кажется, что всё как будто здесь, а души нет. А я хочу рисовать душу.

Рузвельт был не в состоянии уследить за потоком слов этой полной, немолодой, черноволосой, слишком энергичной, может быть даже назойливой женщины, но из вежливости время от времени повторял: «Да... конечно...», нередко произнося эти слова невпопад.

— Ведь недоверие, когда закладываются основы нового мира – очень опасная вещь.

— Перестань прославлять на всех перекрестках национальное планирование экономики. Это дает лишнее оружие нашим врагам (совет Рузвельта – сотруднику).

— Невежество – огромная сила и кто знает, что она еще натворит в будущем.

— Это была сильная, властная женщина (мать Рузвельта – Сара). Она считала, что без её советов президенту США так же не обойтись, как и в те дни, когда он ходил еще в коротких штанишках.

— Ты хочешь сказать, что, несмотря на всю мою богобоязненность, я и так уже достаточно наказан? – с затаенной усмешкой спросил Рузвельт у матери – но это неверно. Мне было послано не наказание, а испытание. Наказывают грешных и неисправимых. Испытания посылают сильным, чтобы проверить их мужество и преданность истине.

Рузвельт умел действовать как бы из засады, а когда нужно было, открыто выходил под обстрел.

Вдруг Рузвельту показалось, что он заснул. Это было бы признаком слабости, а проявлять её на людях он не любил.

— «Лучшие часы моей жизни я провожу за марками. Так что вы пришли в мой лучший час».

— Смерть его «была мгновенна и прекрасна».

19. КОНСТАНТИН СИМОНОВ – ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О И. В. СТАЛИНЕ,

«Знамя», № 3,4,5, 1988 г., М.

В предисловии о Сталине:

— Мы сегодня не можем принять эту формулу: «великий и страшный». В дальнейшем время позволит нам оценить фигуру Сталина более точно, поставив все точки над «и» и сказав все до конца и о его великих заслугах, и о его страшных преступлениях. Ибо человек он был и великий и страшный.

По словам Толстого: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

— Помню, что приход Фрунзе на место Троцкого был встречен хорошо, помню, как были огорчены потом его смертью. Замена его Ворошиловым была воспринята с некоторым удивлением и недовольством. Видимо, следовало назначать более значительного и более военного, чем Ворошилов, человека наркомвоенмором.

— О тете: с доброй улыбкой, веселым смехом и открытой душой – не просто открытой, а распахнутой навстречу людям. Глядя на неё, так и казалось, что она должна была быть матерью многих детей и бабкой многих внуков, но неизвестно, как и почему она в молодости не вышла замуж, а потом привыкла быть старой девой. Несчастной она себя ни с какой стороны не чувствовала, наоборот, была самым веселым, жизнерадостным человеком среди своих сестер. Увлекалась всякими нововведениями и вообще жила и дышала этим, общалась с читателями, сетовала, составляла круг чтения, вообще очень любила людей, читавших книжки и ценивших книжки.

Она, видимо, как-то удовлетворяла свои неосуществленные материнские чувства в отношении к своей племяннице.

— При Берии было выпущено более четверти военных, арестованных при Ежове.

— Сметая все с пути индустриализации, Сталин проводил ее железной рукой. Он мало говорил, много делал, много встречался по делам с людьми, редко давал интервью, редко выступал и достиг того, что каждое его слово взвешивалось и ценилось не только у нас, но и во всем мире. Говорил он ясно, просто, последовательно; мысли, которые хотел вдолбить в головы, вдолбливал прочно, и в нашем представлении, никогда не обещал того, что не делал впоследствии. Поэтому в итоге, несмотря на некоторые неприятные для нашего сознания неожиданности, мы высоко ценили его деятельность в этом направлении (подготовка страны к войне).

— Сталин как руководитель нашей страны, её вождь сделал все, что мог, все, что было практически возможно.

— К кругу «хорошего» относилась еще и Арктика – спасение экипажа «Челюскина», высадка на Северном полюсе Папанина с товарищами, перелеты Чкалова и Громова. За организацией всего этого, за всеми этими смелыми предприятиями стоял Сталин.

— В своих выступлениях Сталин был безапелляционен, но прост. С людьми – держался просто. Одевался просто, одинаково. В нем не чувствовалось ничего показного, никаких внешних претензий на величие и избранность. И это соответствовало нашим представлениям о том, каким должен быть человек, стоящий во главе партии».

Наивно, конечно, пробовать думать за такого человека, как Сталин, пробовать представлять себе ход его мыслей – эти домыслы, разумеется, ни на чем ином, кроме интуитивной уверенности или допустимости, не основаны, и все же не могу отказаться от мысли, что в них есть какая-то своя логика.

О довольно тяжелом и опасном перелете, в котором Молотов сохранял неизменное спокойствие и мужество, замеченное летчиком и штурманом и оцененное ими по достоинству в разговорах со мной. А мужество и спокойствие перед лицом опасности были чертами, пожалуй, наиболее уважаемыми мною в людях.

Молотов глубоко и искренне пережил смерть Сталина. Этот твердокаменный человек был единственным, у кого слышались в голосе слезы, когда он говорил речь над гробом Сталина, хотя, казалось бы, именно у него было больше причин, чем у всех остальных, испытывать после ухода из жизни Сталина чувство облегчения, освобождения.

— Робеспьер, деятель Великой французской революции, был бескорыстен, неподкупен, прямолинеен и жесток.

— В Америке группе писателей задали вопрос: «Скажите, а возможно ли у вас, в Советском Союзе, чтобы после очередных выборов господина Сталина сменил на посту главы правительства кто-нибудь другой, например, господин Молотов. Никто не нашелся ответить, кроме Ильи Эренбурга, он сказал: «Очевидно, у нас с вами разные политические

взгляды на семейную жизнь: вы, как это свойственно ветреной молодежи, каждые 4 года выбираете себе новую невесту, а мы, как люди зрелые, и в годах, женаты всерьез и надолго».

Сталин был для Запада фигурой достаточно загадочной, во многих отношениях неприемлемой, но, в то же время, для многих из них – Сталин был человеком, в двадцатые годы пославшим в нокаут такого, куда более известного в те времена в Америке, чем он политического лидера, как Троцкий, а в недавние годы нокаутировавшего и Гитлера. В нокаут Гитлера отправил все-таки Сталин, окончательно и бесповоротно загнав его в Берлин, в бункер имперской канцелярии, где Гитлер кончил самоубийством.

Американцы Сталина звали «дядя Джо», эти слова были не столько фамильярностью, сколько свидетельством популярности Сталина, а вообще к нему относились очень серьезно, с долей благодарности, за недавнее военное прошлое и с долей опаски за будущее.

К 46 году популярность Сталина была максимальной – не только у нас, но и во всем мире – с пленения Паулюса и Сталинградской катастрофы немецкой армии – это был пик популярности Сталина, носившей, разумеется, разные характеры, разные оттенки, но являющейся политической и общественной реальностью, с которой нигде и никто не мог считаться.

— Сталин был для Бунина (эмигрант русский) после победы над немцами национальным героем России.

Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, был нравственным и психологическим ударом, который не так легко было перенести нашим людям, несмотря на то, что они были победителями в этой войне.

Беседа Сталина с ведущими литераторами страны – о вреде и духовной нищете низкопоклонства.

— К. Симонов подчеркивает – что по всем вопросам литературы Сталин проявлял совершенно потрясшую его (Симонова) осведомленность.

— Об Ильичеве Леониде Федоровиче – человек, уму и незаурядным способностям которого я отдавал должное, но при этом стойко и однообразно не любил его на всех тех постах, на которых он в разное время находился. Не любил за тот способ употребления своего ума и способностей, который он избирал в различных конфликтных ситуациях.

О критической статье – не буду повторяться, я уже сказал, она была хороша и без правки, но правка, и довольно значительная, еще больше усугубляла грубость статьи. Финальный абзац, целиком написанный Сталиным, и название, им же придуманное, доводили эту грубость до геркулесовых столбов.

Только после смерти Сталина узнал, как редко в последние годы он принимал людей, его по много месяцев не видали даже и некоторые члены Политбюро; всё общение его с миром происходило преимущественно через посредство нескольких людей, никаких сколько-нибудь широких встреч не бывало.

Мне много раз доводилось читать и слышать о том, как он бывал жесток, груб с людьми, к том числу с теми военными людьми, с которыми он повседневно работал и на которых опирался в годы войны. Так вот, такого Сталина на этих заседаниях ни разу не видел.

Покровский отвергался, а на его место ставился учебник истории Шестакова, не потому, что вдруг возникли сомнения в тех или иных классовых категориях истории России, а потому, что потребовалось подчеркнуть силу и значение национального чувства в истории и тем самым в современности, в этом и был корень вопроса.

— В романе есть недостатки – сказал Сталин, заключая обсуждение «Весны на Одере», - не всё там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше Конева и не хуже Рокоссовского. Вот эта сторона в романе Казакевича неверная.

Воспитать умение работать можно только строгостью, только при помощи строгости в оценках можно создать перспективу.

— Сталин любил читать и любил говорить о прочитанном с полным знанием предмета. Он помнил книги в подробностях. Где-то у него была - некая собственная художественная жилка, может быть шедшая от юношеского занятия поэзией, от пристрастия к ней, в общем-то, он рассматривал присуждение премий как политик, как дело прежде всего политическое, и его высказывания подтверждают это. У него был свой вкус. Резкая, нервная манера письма, полная преувеличений, гиперболических подробностей, свойственная, скажем, Василевской, была ему по душе.

— Какие-то люди помнят о вине и считают, что нельзя простить, а Сталин считает, что вину можно простить, если этот человек сделал нечто выдающееся.

«Раз есть зло, значит, надо его лечить. Нам нужны Гоголи, Щедрины» (Сталин).

— Не до конца уверен и в том, как именно умер Сталин, действительно ли его хватил удар в том одиночестве, на которое он себя обрек, и лишь через несколько часов обнаружили его лежащим на полу без сознания? Или его конец своими руками ускорил Берия? (В последние годы в связи с мингрельским делом, Сталин заметно отодвинул Берия от себя).

— Последнее выступление Сталина на пленуме (после XIX съезда), говорил он от начала до конца все время сурово, без юмора, никаких листков или бумажек перед ним не лежало, вглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади. И тон его речи и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал – все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению, частицу этого оцепенения я испытал на себе. Его речь сводилась к тому, что он стар, приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба предстоит тяжелая, и что не надо пугаться, отступить, капитулировать. Он обрушился на Молотова и Микояна с обвинением нестойкости, нетвердости и трусости и т.д.

— Его просьбу в отношении отстранения не приняли.

— Сталин лишился сознания 2 марта 53 года, умер 5 марта вечером.

После его смерти, что-то в жизни кончилось. Что-то другое, неизвестное еще, началось.

— К Симонова потрясла смерть Сталина, он пишет, что заперся на 2 часа у себя в комнате и стал писать стихи, посвященные Сталину. Написал первые две строфы и вдруг неожиданно для себя, сидя за столом, разрыдался. Мог бы не признаваться в этом сейчас, потому что не люблю ничьих слез – ни чужих, ни собственных, - но, наверное, без этого трудно даже самому себе объяснить меру потрясения. Я плакал не от горя, не от жалости к умершему, это не были сентиментальные слезы, это были слезы потрясения. В жизни что-то так перевернулось, потрясение от этого переворота было таким огромным, что оно должно было проявиться как-то и физически, в данном случае судорогой рыданий, которые несколько минут колотили меня.

К. Симонов – шестикратный лауреат Сталинской премии, секретарь Союза писателей, редактор журнала «Новый мир», затем «Лит. газеты», затем «Правды», кандидат в члены Политбюро.

Стихи в связи со смертью Сталина:

И пусть в печали нас нельзя утешить,
Но он, Учитель, нас учил всегда:
Не падать духом, голову не вешать,
Какая б не нагрязнула беда.

Исаковский

Нет слов таких, чтоб ими передать
Всю нестерпимость боли и печали,
Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по Вас, товарищ Сталин.

К. Симонов

«Обливается сердце кровью...
Наш родимый, наш дорогой!
Обхватив твое изголовье,
Плачет Родина над тобой».

О. Бергольц

В этот час величайшей печали
Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду.

А. Твардовский

Похоже, очень похоже написали тогда эти стихи о Сталине. Ольга Бергольц, сидевшая в тридцать седьмом, Твардовский – сын раскулаченного, Симонов – дворянский отпрыск и старый сельский коммунист Михаил Исаковский. Схожесть стихов была рождена не обязанностью их написать – их можно было не писать, а глубоким внутренним чувством огромности потери, огромности случившегося. У нас были впереди потом еще долгие годы для того, чтобы попробовать разобраться в том, что это была за потеря, и лучше или хуже было бы – я не боюсь задавать себе этот достаточно жестокий вопрос – для всех нас и для страны, если бы эта потеря произошла не тогда, а еще позже. Во всем этом предстояло разбираться, особенно после XX съезда, но и до него тоже.

Лицо Сталина в мавзолее было не только непривычным, но и до ужаса живым, именно от контраста с давно ушедшим куда-то в века лицом Ленина.

На траурном митинге выступали три разных человека. Первым был Маленков, вторым – Берия, третьим – Молотов. Маленков, а вслед за ним Берия произносили над гробом Сталина чисто политические речи, которые необходимо произнести по данному поводу. Речь Маленкова, произнесенная его довольно округлым голосом, чуть меньше обнажала отсутствие всякого чувства скорби. Речь Берии, с его акцентом, с его резкими, иногда каркающими интонациями в голосе, обнажала отсутствие этой скорби более явно.

Речь Молотова – речь прощавшегося с другом человека, которого он, несмотря ни на что, любил, и эта любовь вместе с горечью потери прорывалась даже каким-то содроганием в голосе этого твердокаменнейшего человека. Я вспомнил пленум, на котором Сталин с такой жестокостью говорил о Молотове, еще и по этому контрасту не мог не оценить глубины чего-то, продолжавшего существовать для Молотова, не оборванного у него до конца со смертью Сталина, связывавшего этих двух людей – мертвого и живого.

— Хрущев был инициатором поимки Берия, потому, что он оказался пронзительнее, талантливее, энергичнее и решительнее, чем все остальные. А с другой стороны, этому способствовало то, что Берия недооценил Хрущева, его качеств, его глубокой природной, чисто мужицкой, цепкой хитрости, его здравого смысла, да и силы его характера, и, наоборот, счел его тем круглорожим сиволапым дурачком, которого ему, Берии, мастеру интриги, проще простого удастся обвести вокруг пальца. Хрущев в своей речи не без торжества говорил о том, за какого дурачка считал его Берия.

— Автор воспоминаний видел Сталина несколько раз во гневе и пишет об этом, что он умел прятать свои чувства, и умел это очень хорошо. Для этого у него были давно выработанные навыки. Он ходил, отворачивался, смотрел в пол, курил трубку, возился с ней. Всё это были средства для того, чтобы сдерживать себя, не проявить своих чувств, не выдать их. И это надо было знать для того, чтобы учитывать, что значит в те или иные минуты это его мнимое спокойствие.

— Что нужно, прежде всего, сказать о Сталине как о военном руководителе в годы войны, необходимо сказать правду. Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военное решение.

Чем дальше, тем чаще – Сталин умел правильно и глубоко решать стратегические оперативные вопросы и подсказывал наиболее верные решения. И говоря о нем, этого тоже не следует упускать из виду.

Что касается начала войны, то надо сказать, что о том, что немцы к ней готовятся и как готовятся, знали многие и ждали войны все.

20. ВИДНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ О ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА

А.А. ГРОМЫКО – ПАМЯТНОЕ, Издательство политической литературы, 1988 г., М.

— На Крымской, а впоследствии и на Потсдамской конференциях мне довелось работать и находиться вблизи Сталина. Рассказ вкратце о нем, возможно, заслуживает внимания. Рассказ о некоторых чертах его характера, его поведения, некоторых приемах общения с людьми - прежде всего через призму конференций.

В дни Ялтинской конференции Рузвельт приболел. Сталин захотел навестить больного. Он пригласил наркома иностранных дел В.М.Молотова и меня сопровождать его во время визита.

В тот день заседание участников конференции было отменено, и мы пошли в покои президента, где когда-то почивала царица. Они находились здесь же, на втором этаже Ливадийского дворца. Из окна открывался отличный вид на море, и картина ласкала взор.

Президент лежал в постели и обрадовался, едва увидев гостей. Мы приветливо поздоровались. Выглядел он усталым, в таких случаях говорят: на нем лица нет. Тяжелая болезнь подтачивала силы этого человека. Рузвельт, конечно, страдал, но старался этого не показывать. Не надо было быть психологом, чтобы все это заметить.

Мы посидели возле него некоторое время. Видимо, минут двадцать. Сталин с ним обменялся вежливыми фразами о здоровье, о погоде и красотах Крыма. Я пристально наблюдал за президентом и думал, глядя на него, что у Рузвельта какой-то отрешенный взгляд. Он как будто всех нас видел и в то же время смотрел куда-то вдаль.

Вышли из его комнаты и начали спускаться по узкой лестнице. Сталин вдруг остановился, вытащил из кармана трубку, неторопливо набил ее табаком и тихо, как бы про себя, но так, чтобы слышали Молотов и я, обронил:

— Ну скажите, чем этот человек хуже других, зачем природа его наказала? После того как мы спустились на первый этаж, Сталин задал мне вопрос: Правду говорят, что президент по происхождению не из англичан?

Как бы размышляя вслух, он продолжил:

Однако по своему поведению и манере выражать мысли он больше похож на англичанина, чем Черчилль. Последний как-то меньше контролирует свои эмоции. Рузвельт же, наоборот, сама рассудительность и немногословность.

Чувствовалось, Сталин не прочь услышать, что мне известно о родословной Рузвельта. Я сказал:

У американского президента предки были голландского происхождения. Это установлено точно. Но рядовой американец как-то не проявляет к такой теме особого интереса. А литература на этот счет скупа.

На следующий день Рузвельт уже был в форме, и заседания конференции возобновились. Но усталость, которая отчетливо была заметна на лице президента, не покидала его до самого окончания ялтинской встречи.

Рузвельту тогда оставалось жить всего около двух месяцев.

Откровенно говоря, - я уже повторяю эту мысль, - Сталин симпатизировал Рузвельту как человеку, и он ясно давал это нам понять, рассуждая и о болезни президента. Нечасто Сталин дарил симпатии деятелям другого социального мира и еще реже говорил об этом.

Были и другие случаи выражения своих чувств со стороны Сталина по отношению к тем или иным людям. Например, Сталин в Период Потсдамской конференции при всех участниках расцеловал скрипачку Барину и пианиста Гилельса, которые прекрасно выступили после официального обеда.

Несмотря на жесткость в характере, Сталин давал выход и положительным человеческим эмоциям, однако это случалось очень редко.

Возможно, уместно сказать более подробно о Сталине - и как о деятеле, и как о человеке - на основе того, что сохранилось в моей памяти. Всё, что здесь говорится о нем, - впечатления от встреч, обобщение личных наблюдений во время заседаний, когда мне приходилось докладывать некоторые вопросы, оставшиеся в памяти эпизоды, имевшие место в ходе конференций, во время бесед в период пребывания в Советском Союзе иностранных государственных деятелей, - всё это, вместе взятое, впоследствии переросло в какой-то образ человека, каким я его тогда воспринимал.

При этом я, разумеется, не ставил себе цель изучить, кто такой Сталин, что он собой представляет. Просто наблюдал его, будучи занят конкретной работой по выполнению служебных обязанностей. Сложившиеся впечатления о нем - это побочный результат, и я вовсе не хочу представить его как неоспоримую истину.

Военные знают - бывало так в боях - высаживают два десанта: один основной, а другой дополнительный, второстепенный, отвлекающий. Развиваются боевые действия, и вдруг этот второстепенный со временем становится значительным, а порой важным и, наконец, главным. Так бывает не только во время войны, но и в обычные дни мирной жизни: делаешь сразу два дела - свое, повседневное и, кроме того, что-то попутное. И глядишь, то, что считал чем-то для себя личным, если хотите, интимным, через некоторое время становится особым, значительным, необходимым и для людей. Вот и кажется мне теперь, что рассказ о нестандартной фигуре Сталина, к которой не раз еще будут обращаться историки, представляет интерес, особенно если об этом вспоминают люди, с ним общавшиеся.

Вполне возможно, кое-что из моих впечатлений может не совпадать с тем, что о нем сказано, написано и, наверно, еще будет написано другими. Фактом является то, что присущие ему черты проявлялись по-разному в различных обстоятельствах и при различных встречах. Даже определенно, так оно и было. Но, в конце концов, любой оригинал всегда богаче копии, особенно когда речь идет о личности такого масштаба и такой драматической судьбы, как Сталин.

Конечно, все, кто окружал Сталина или находился близко к нему хотя бы временами, и особенно мы, тогда относительно молодые люди, всегда внимательно за ним наблюдали. Собственно, каждое его слово, каждый жест ловил любой из присутствовавших. Никто в этом не видел ничего удивительного. Ведь чем внушительнее выглядит грозная туча, тем с большей опаской на нее смотрит человек.

Для его современника уже пребывание рядом со Сталиным, тем более разговор с ним или даже присутствие при разговоре, возможность услышать его высказывания в узком кругу представлялись чем-то особым. Ведь свидетель того, что говорил и делал Сталин, сознавал, что перед ним находится человек, от воли которого зависит многое в судьбе страны и народа, да и в судьбе мира.

Это вовсе не противоречит научному, марксистскому взгляду на роль личности в истории. Выдающиеся личности являются продуктом условий определенного конкретного времени. Но, с другой стороны, эти люди могут сами оказывать и оказывают влияние на развитие событий, на развитие общества. Маркс, Энгельс, а затем и Ленин глубоко обосновали это в своих философских трудах.

Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, чего же человек хочет. В то же время Сталин мог терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы четко сформулировать мысль.

Глядя на Сталина, когда он высказывал свои мысли, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительными были глаза, он их временами прищуривал. Это делало его взгляд еще острее. Но этот взгляд таил в себе и тысячу загадок.

Лицо у Сталина было чуть полноватое. Мне случалось, и не раз, уже после смерти Сталина слышать и читать, что, дескать, у него виднелись следы оспы. Этого я не помню, хотя много раз близкого расстояния смотрел на него. Что же, коли эти следы имелись, то, вероятно, настолько незначительные, что я, глядевший на это лицо, ничего подобного не замечал.

Сталин имел обыкновение, выступая, скажем, с упреком по адресу того или иного зарубежного деятеля или в полемике с ним, смотреть на него пристально, не отводя глаз в течение какого-то времени. И надо сказать, объект его внимания чувствовал себя в эти минуты неуютно. Шипы этого взгляда пронизывали.

Когда Сталин говорил сидя, он мог слегка менять положение, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, иногда мог легким движением руки подчеркнуть мысль, которую хотел выделить, хотя в целом на жесты был очень скуп. В редких случаях повышал голос. Он вообще говорил тихо, ровно, как бы приглушенно. Впрочем, - там, где он беседовал или выступал, всегда стояла абсолютная тишина, сколько бы людей ни присутствовало. Это помогало ему быть самим собой.

Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное, нестандартностью мышления.

Что касается зарубежных деятелей, то следует добавить, что Сталин их не особенно баловал своим вниманием. Уже только поэтому увидеть и услышать Сталина считалось у них крупным событием.

В движениях Сталин всегда проявлял неторопливость. Я никогда не видел, чтобы он, скажем, заметно прибавил шаг, куда-то спешил. Иногда предполагали, что с учетом обстановки Сталин должен поскорее провести то или иное совещание, быстрее говорить или торопить других, чтобы сэкономить время. Но этого на моих глазах никогда не было. Казалось, само время прекращает бег, пока этот человек занят делом.

Очень часто на заседаниях с небольшим числом участников, на которых иногда присутствовали также товарищи, вызванные на доклад, Сталин медленно расхаживал по кабинету. Ходил и одновременно слушал выступающих или высказывал свои мысли. Проходил несколько шагов, приостанавливался, глядел на докладчика, на присутствующих, иногда приближался к ним, пытаясь уловить их реакцию, и опять принимался ходить.

Затем он направлялся к столу, садился на место председательствующего. Присаживался на несколько минут. Были и такие моменты. Наступала пауза. Это значит, он ожидал, какое впечатление на участников произведет то, о чем идет речь. Либо сам спрашивал:

— Что вы думаете?

Присутствовавшие обычно высказывались кратко, стараясь по возможности избегать лишних слов. Сталин внимательно слушал. По ходу выступлений, замечаний участников он подавал реплики.

В кинофильмах, сделанных через много лет после его смерти, иногда показывают заседания Политбюро, когда он встает и ходит, в то время как другие участники заседания сидят. Да, это так и было, коль скоро речь идет о заседаниях внутреннего плана.

Однако мне приходилось видеть его на международных конференциях, когда он всегда сидел, внимательно слушал выступающих. Поднимался от стола, только если объявлялся перерыв или заседание уже заканчивалось.

Обращало на себя внимание то, что Сталин не носил с собой никогда никаких папок с бумагами. Так он появлялся на заседаниях, на любых совещаниях, которые проводил. Так приходил и на международные встречи - в ходе конференций в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Не видел я никогда в его руках на таких заседаниях ни карандаша, ни ручки. Он на виду не вел никаких записей.

Любые необходимые материалы у него, как правило, находились под рукой, в его кабинете.

Работал Сталин и по ночам. С ночной работой он был даже более дружен, чем с дневной.

Приходил он на совещание или на заседания международных конференций подготовленным. Когда делегация вместе с ним шла на заседание, то всегда знала, о чем он будет говорить. От Советского Союза почти всегда выступал только он. По внешним делам его главной опорой был В.М.Молотов. Если нужно, в определенный момент Сталин, склонившись над столом, советовался с кем-либо из членов делегации и потом высказывал свое мнение.

Запомнился такой случай. Произошел он во время одного заседания. На нем мне пришлось докладывать некоторые международные вопросы, связанные с последствиями войны. В ходе обсуждения говорилось о том, как гитлеровцы пытались использовать в своих интересах Балканские страны, заигрывая с их правящей верхушкой и не понимая, что народ и верхушка - это не одно и то же.

Речь зашла, в частности, о Болгарии, народ которой гитлеровцы третировали, считая его отсталым, но делали реверансы перед монархическими кругами страны. Сталин высказался так:

Политика Гитлера в отношении Болгарии, рассчитанная на то, чтобы приобрести в ней союзника, основывалась, помимо прочего, еще и на прусской спеси. Немцы полагали, что якобы отсталых болгар вовсе не трудно повернуть в нужную для Германии сторону.

При этом Сталин встал из-за стола. Потом продолжил:

— Только прусское зазнайство и чванство объясняют такое отношение к Болгарии!

— Сделал паузу и, подчеркивая каждое слово, произнес:

— Исторические факты говорят о том, что болгарский народ ничуть не ниже немцев по уровню своего общего развития. В давние времена, когда предки немцев еще жили в лесах, у болгар уже была высокая культура.

Это высказывание Сталина о болгарях очень понравилось всем присутствовавшим, которые с ним солидаризировались.

Однажды разговор зашел о бессмысленности упорства гитлеровского командования и сопротивления немцев в конце войны, когда дело фашизма уже было проиграно, только слепые не могли этого видеть. Говорили об этом несколько человек. Сталин внимательно всех выслушал, а потом, как будто подводя итог услышанному по этому вопросу, сказал сам:

Все это так. Я согласен с вами. Но в то же время нельзя не отметить одно характерное для немцев качество, которое они уже не раз демонстрировали в войнах, - упорство, стойкость немецкого солдата.

Тут же он высказал и такую мысль:

— История говорит о том, что самый стойкий солдат - это русский; на втором месте по стойкости находятся немцы, на третьем месте...

Несколько секунд он помолчал и добавил:

... поляки, польские солдаты, да, поляки.

Товарищи, участвовавшие в заседании, согласились с тем, что эта характеристика справедлива. На меня лично она произвела большое впечатление. Немецкая армия, по существу, уже была разгромлена, потерпела в войне сокрушительное поражение. Казалось бы, эту армию агрессора, армию насильников, грабителей и палачей он должен был охарактеризовать в самых резких выражениях и с точки зрения личностных качеств солдата. Между тем Сталин дал немецкому солдату оценку в историческом плане, основываясь на фактах, оставив эмоции в стороне.

Сталин относился к той категории людей, которые никогда не позволяли тревоге, вызванной теми или иными неудачами на фронте, заслонить трезвый учет обстановки, веру в силы и возможности партии коммунистов, народа, его вооруженных сил. Патриотизм советских людей, их священный гнев в отношении фашистских захватчиков вселяли в партию, ее Центральный Комитет, в Сталина уверенность в конечной победе над врагом. Без этого победа не стала бы возможной.

Позже выяснилось, что напряжение и колоссальные трудности военного времени не могли не подточить физические силы Сталина. И приходится лишь удивляться тому, что, несмотря на работу, которая, конечно, изнуряла его, Сталин дожил до Победы.

А сколько крупных государственных и военных деятелей подорвали свои силы, и война безжалостно скосила их - нет, не на фронте, а в тылу! Таким был, например, Борис Михайлович Шапошников, начальник Генерального штаба Красной Армии в самое тяжелое время боев в июле 1941 - мае 1942 года, впоследствии крупный советский военачальник, единственный наш маршал, не доживший до Победы, - он умер за несколько дней до нее. Таким был крупный государственный и партийный деятель, первый секретарь Московского горкома ВКП (б) Александр Сергеевич Щербаков, ушедший из жизни рано, - ему было всего сорок четыре, а его в победные дни уже хоронили...

Заботился ли о своем здоровье Сталин? Я, например, ни разу не видел, чтобы во время союзнических конференций трех держав рядом с ним находился врач.

Не думаю, что со стороны Сталина проявлялась в этом какая-то нарочитая бравада. Сталин не любил длительных прогулок. То, что он, находясь на даче, выходил на короткое время на свежий воздух, нельзя считать настоящими прогулками в том понимании, в каком врачи обычно рекомендуют их своим пациентам.

Если говорить о его внешности, то он был человеком среднего роста. Неверно бытующее мнение, что Сталин был сильно предрасположен к полноте. Конечно, как человек не физического труда, он, возможно, имел склонность к этому, но явно старался держать себя в форме. Я никогда не наблюдал, чтобы Сталин за столом усердствовал ложкой и вилок. Можно даже сказать, что ел он как-то вяло.

Крепкие напитки Сталин не употреблял, мне этого видеть не доводилось. Пил сухое виноградное вино, причем неизменно сам открывал бутылку. Подойдет, внимательно рассмотрит этикетку, будто оценивает ее художественные достоинства, а затем уже открывает.

Бросалось в глаза, что он почти всегда внешне выглядел усталым. Не раз приходилось видеть его шагающим по кремлевским коридорам. Ему шла маршальская форма, безукоризненно сшитая, и чувствовалось, что она ему нравилась. Если же он надевал не

военную форму, то носил полувоенную-полугражданскую одежду. Небрежность в одежде, неопрятность ему не были свойственны.

Все обращали внимание на то, что Сталин почти никогда сам не заговаривал ни с кем, в том числе и с иностранцами, о своей семье - жене, детях. Иностранцы мне не раз об этом говорили. Даже спрашивали:

Почему?

Многое из опубликованного за рубежом об отношениях Сталина с женой, детьми, родственниками является в значительной части плодом досужего вымысла.

Когда разговор заходит о Сталине, задают иногда вопрос:

Как он относился к искусству, литературе, особенно художественной?

Думаю, едва ли кто-нибудь возьмется дать на этот вопрос точный ответ. Мои собственные впечатления сводятся к следующему.

Музыку Сталин любил. Концерты, которые устраивались в Кремле, особенно с участием вокалистов, он воспринимал с большим интересом, аплодировал артистам. Причем любил сильные голоса, мужские и женские. С увлечением он – я был свидетелем этого – слушал классическую музыку, когда за роялем сидел наш выдающийся пианист Эмиль Гилельс. Восторженно отзывался о некоторых солистах Большого театра, например об Иване Семеновиче Козловском.

Помню, как во время выступления Козловского на одном из концертов некоторые члены Политбюро стали громко выражать пожелание, чтобы он спел задорную народную песню. Сталин спокойно, но во всеуслышание сказал:

Зачем нажимать на товарища Козловского. Пусть он исполнит то, что сам желает. А желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского „Евгений Онегин“.

Все дружно засмеялись, в том числе и Козловский. Он сразу же спел арию Ленского.

Сталинский юмор все воспринимали с удовольствием.

Что касается литературы, то могу определенно утверждать, что Сталин читал много. Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях. Он знал неплохо русскую классическую литературу. Любил в частности, произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Труднее мне говорить о его знаниях в области иностранной литературы. Но, судя по моим некоторым наблюдениям, Сталин был знаком с книгами Шекспира, Гейне, Бальзака, Гюго, Ги де Мопассана - и последнего очень хвалил, - а также с произведениями многих других западноевропейских писателей. По всей видимости, много книг прочитал и по истории. В его речах часто содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник.

Одним словом, Сталин был образованным человеком, и, видимо, никакое формальное образование не могло дать ему столько, сколько дала работа над собой. Результатом такого труда явился известный сталинский язык, его умение просто и популярно формулировать сложную мысль.

В манере поведения Сталина справедливо отмечали неброскую корректность. Он не допускал панибратства, хлопанья по плечу, по спине, которое иной раз считается признаком добродушия, общительности и снисходительности. Даже в гневе - а мне приходилось наблюдать и это - Сталин обычно не выходил за рамки допустимого. Избегал он и нецензурных выражений.

Много раз мне приходилось наблюдать Сталина в общении с другими советскими руководящими деятелями того времени. К каждому из них у него имелся свой подход. Некоторые проявления фамильярной формы общения со Сталиным могли позволить себе лишь Ворошилов и Молотов. Объяснялось это в основном тем, что знал он их лучше, чем других, притом давно - еще по подпольной работе до революции.

Находясь за обеденным столом, Сталин держался свободно, независимо от уровня гостей или хозяев!

В ходе протокольных мероприятий на конференциях Сталин задавал вопросы Рузвельту, Черчиллю и сам охотно отвечал, если его спрашивали. Разговоры касались, кроме политических тем, также и чисто житейских, вплоть до оценки достоинств тех или иных блюд, напитков, выяснения их популярности в различных странах.

В Ялте, например, Сталин похваливал грузинские сухие вина, а потом спросил:

— А вы знаете грузинскую виноградную водку - чачу?

Ни Черчилль, ни Рузвельт о чаче и слыхом не слыхивали. А Сталин продолжал:

Это, по-моему, лучшая из всех видов водки. Правда, я сам ее не пью. Предпочитаю легкие сухие вина.

— А как ее попробовать?

— Постараюсь сделать так, чтобы вы ее попробовали. На другой день Сталин послал и одному, и другому в подарок чачу.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ (речь была произнесена в Палате общин в декабре 1959 г. по случаю 80-й годовщины со дня рождения Сталина, «Ежегодник Британской энциклопедии»)

— Большим счастьем для войны было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял непоколебимый полководец Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли, резким, жестоким и беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора, сарказма, а также способностью точно выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила: Эта сила настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех стран и народов. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трагические моменты, а также в моменты торжественности, был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзии, он был необычайно сложной личностью.

Он создал и подчинил себе огромную империю – это был человек, который своего врага уничтожал руками своих же врагов и заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов.

Сталин был величайший, не имеющий себе равных в мире, диктатор. Он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием.

Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народ не забывают.

ГЕРБЕРТ УЭЛСС

— Все смутные слухи, все подозрения для меня перестали существовать навсегда, после того, как я поговорил с ним несколько минут. Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нём нет ничего тёмного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России.

АНРИ БАРБЮС

„Лучшее, что может быть в вашей жизни — это находиться в руках этого человека... с головой учёного, лицом рабочего, одежде простого солдата».

„Вот он – величайший и значительнейший из наших современников. Он ведет за собою 170 миллионов человек на 21 миллионе квадратных километров. Он соприкасается в работе с множеством людей. И все эти люди любят его, верят ему, нуждаются в нем, сплачиваются вокруг него, поддерживают его и выдвигают вперед. Во весь свой рост он возвышается над Европой и над Азией, над прошедшим и над будущим. Это – самый знаменитый и в то же время почти самый неизведанный человек в мире“. (Из книги «Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир», 1936 г., М.)

ПАБЛО ПИКАССО

— В Сталине были сосредоточены — прозорливость и проницательность Юлия Цезаря, хитрость Марка Аврелия, полководческая дальновидность Александра Македонского и ораторские способности Цицерона... Если в мировой истории останутся 3-4 человека, одним из них, несомненно, будет Сталин.

ГЛАВА III. (1-6) КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ И РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ – ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ,

Наш Современник, №3, 1976 г., М.

Иван Грозный, 1534-1584. Сразу же после восхождения на трон, он покинул престол, по причине окружающих его изменников. Его упростили народ. Иван согласился не покидать государства только с тем, чтобы никто не мешал ему казнить изменников. Тогда началось страшное время. Для исполнения своих страшных велений набрал особых людей, которых стали называть опричниками. Они должны были отречься от родственников и друзей, даже от отца и матери, и выполнять только волю государя. Число достигало до 6 тысяч.

При Иване Грозном – Россия управляемая одною волею, составила крепкое и несокрушимое государство. Иван был не только грозным, но и Великим государем.

Борис Годунов. Иван Грозный оставил двух сыновей – Федора и Дмитрия. Царем объявлен был Федор. Всеми делами при его царстве правил его шурина, умный и хитрый боярин Борис Годунов. У Федора не было детей, Годунов задумал царствовать после его смерти. Борис постарался утратить царевича Дмитрия, и он с матерью был отправлен в г. Углич. Там подосланные убийцы и покончили с царевичем. Годунов замял дело. Царю доложили, что царевич, играя с детьми, сам накололся на нож в припадке падучей болезни.

В 1584 году Федор Иванович скончался. С его смертью прекратился царствующий дом Рюриков. Борис Годунов устроил так, что весь народ выбрал его. Вскоре начали ходить слухи, что Дмитрий царевич не убит, а, спасенный, где-то живет. В Литве к одному польскому пану явился человек, который на исповеди открылся в том, что он царевич Дмитрий. В судьбе самозванца приняли участие многие польские паны, в особенности Юрий Мнишек, дочь которого Марина понравилась Лжедмитрию. Лжедмитрий сел на московский престол. Однако он не процарствовал и года. Лжедмитрий пренебрегал старинными русскими обычаями и церковными постановлениями. Он вызвал из Польши Марину Мнишек и женился на ней. Недовольство народа усилилось.

В Москве произошло восстание под руководством Василия Шуйского. Самозванец был убит.

Появился новый самозванец, он объявил, что во время восстания был убит другой.

После этого на престол избрали Шуйского, но вскоре его свергли и постригли в монахи.

В Пскове вскоре появился III Лжедмитрий.

В эти трудные для России времена неуспешно действовало на спасение отечества Троице-Сергиевская Лавра. Она недоступна была для поляков, казаков и твердо стояла за дело освобождения Руси от злых врагов. Из нее были разосланы по городам и селам грамоты, призывавшие народ на защиту святой православной веры и на очищение земли от поляков и казаков.

На грамоту земский староста Нижнего Новгорода собрал народ, и начальство поручил Пожарскому.

Весной 1612 г. Минин и Пожарский выступили в поход на Москву.

Освободители Москвы были щедро вознаграждены царем Михаилом Федоровичем.

По всем городам были разосланы грамоты с предложением для избрания царя. Общим голосом был избран **Михаил Федорович Романов** (21/II 1613 г. – 1645 г.).

Михаил Федорович был сыном боярина Федора Никитича Романова, племянника Анастасии Романовны, первой супруги Ивана Грозного. Никакой другой род не пользовался такой любовью, как род Романовых.

Михаил Федорович с матерью в это время жили вблизи г. Костромы, в монастыре. Сохранилось известие, что поляки решили погубить его. Отряд поляков тронулся туда, но крестьянин села Домнина Иван Сусанин пожертвовал собою для спасения царя. Он вызвался проводить поляков к месту жительства царя и вместо того завел их в непроходимый лес. Поляки умертвили Сусанина. В Костроме Сусанину поставлен памятник.

В первые годы царствования Михаила Федоровича государство находилось в самом бедственном положении. Казна царская была совершенно пуста. Её растратил I самозванец на пиры и увеселенья, и на подарки невесте Марине Мнишек. Народ был разорен. Русь терзали враги. Но Михаил водворил порядок и спокойствие.

Михаил Федорович в 1645 году скончался. Наследник Алексей Михайлович – 15 летний - стал царем. За время его царства произошел бунт Степана Разина.

— После Петра I Россия весьма возвысилась в царствование **Екатерины II**.

По происхождению Екатерина была немецкая принцесса. Но 14 лет она жила в России, когда царствовала Елизавета Петровна, дочь Петра I.

Острый и живой ум, красота немецкой принцессы обратили на себя внимание императрицы, и она женила на ней своего племянника Петра Федоровича (сына Анны Петровны, любимой дочери Петра Великого), которого объявила наследником престола.

По смерти Елизаветы Петровны на престол вступил Петр III, супруг Екатерины. Но он царствовал полгода.

После него императрицей сделалась в 1762 году Екатерина II. Обладая редким умом и образованием, она в то же время отличалась искусством управлять и умением выбирать людей для выполнения своих планов.

Екатерина царствовала 34 года.

Все это время наполнено громкими победами русских и мудрыми распоряжениями императрицы. История дала ей название Великой. В Петербурге поставлен ей памятник.

Самыми замечательными исполнителями воли мудрой императрицы, наиболее прославившими царствование ея были – Румянцев-Задунайский, Потемкин-Таврический, Бецкой, Суворов-Рымникский и др.

Война с Турцией (под натиском Франции), Чесменский бой.

Суворов: был причудливым, притворялся, например, что не терпит зеркал, боясь увидеть в них самого себя, ходил как-то припрыгивая; говорил прибаутками и загадками; в разговоре с другими как-то кривлялся; когда все ожидали от него ответа, он вдруг засмеется и убежит, прыгая на одной ноге, или запоёт петухом.

Самый образ жизни Суворова поражал странностями. Он вставал на заре, обедал в 7 или 8 часов утра, пищу употреблял самую простую, щи и кашу, запивая квасом.

Одни удивлялись ему, другие же, не понимавшие его, считали его чуть ли ни помешанным. Екатерина, когда очерняли перед ней Суворова, говорила: «не троньте его, я его знаю».

Полный блеск гения Суворова начал проявляться со времени II Турецкой войны, при Екатерине II (1787-1791).

Главнокомандующим был Потемкин, но главные победы над турками были одержаны Суворовым.

С 25 тыс. войском русские напали на 100 тыс. армию турок. Они были быстро разгромлены.

II победа над крепостью Измаил – считавшейся неприступною.

О взятии Измаила Суворов так доносил императрице: «Гордый Измаил у ног Вашего Величества».

Победы его приписывали одному счастью: «Но, говорил Александр Васильевич, - сегодня счастье, завтра счастье, всегда счастье; помилуй Бог! Дайте же сколько-нибудь и ума».

Падение Польши.

«Я посылаю в Польшу двойную силу – армию и Суворова».

О взятии Польши Суворов донес в кратких словах: «Всемиловейшая государыня, Ура! Варшава наша!».

Екатерина ответила также кратко: «Ура, фельдмаршал» - возвела в фельдмаршалы.

Поход в Италию.

Перед походом в Италию Суворова в 1796 году Екатерина II скончалась.

На престол вступил её сын **Павел Петрович** (1796-1801 гг.).

Переход через Альпы в его царствование (картина «Переход Суворова через Чертов мост») продолжался 16 дней.

Павел дал Суворову самый высший военный чин генералиссимуса и при этом сказал «Это много для других, а Вам мало».

Во время похода он с изумительной твердостью и терпением переносил все трудности и лишения – 70-летний герой. Кончилась война, силы начали слабеть, его привезли в Петербург, постепенно впадал в беспамятство. 6 мая 1800 года, непобедимый на поле битвы, Суворов был сражен смертью.

— На престоле в 1801 г. старший сын Павла, **Александр I** (благословенный). Самым замечательным событием, поставившим Россию выше всех государств на свете, была Отечественная война 1812 года.

Наполеон приказал выбить медаль с изображением бога и с надписью: «Тебе небо, мне земля».

Русской армией командовали Барклай де Толли и Багратион, сподвижник Суворова в итальянском походе.

Вскоре главное начальство было вручено Кутузову.

Бородинский бой 26 августа 1812 г. Здесь лишились Багратиона.

Александр I скончался в 1825 году.

На престол вступил брат **Николай I**.

Был издан свод законов – исполнение которого было поручено Михаилу Михайловичу Сперанскому, закончил в 1833 г. При нем Турецкая война в 1821 г., Крымская война в 1862 г.

В 1855 г. Николай I скончался, на престол вступил старший сын **Александр II**. Продолжал Крымскую войну. Покорение Кавказа.

Русско-Турецкая война 1877-1878 гг.

Реформы Александра II в 1861 г. – освобождение крестьян.

В царстве Александра II в 1862 году совершилось тысячелетие России.

2. ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ – У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ,

Наш современник», №№4, 5, 6, 7, 1979 г., М.

— Настоящая фамилия Гришки Распутина – Вилкин – сын Ефима Вилкина, алкоголика; мать мещанам потолок белила, старший брат мыл коляски для господ проезжих, сестра Марьюшка падучей страдала, сам Гришка с печи не слезал. Подрастал в звериной молчаливости. В ту пору, когда он водки попробовал, было ему годиков пятнадцать. Вырос костлявым, мокрогубым, бессловесным. Был он сонлив и ленив, труда избегал, в повадках нерасторопен.

Работая санитаром в больнице – стащил узелок с деньгами у умершего больного. Его вышибли на улицу. Затем работал в трактире «Не рыдай». Обслуживал купцов, и поил и девочек предоставлял. Тут он научился пить.

Гришку закрутило в лихой и опасной жизни, в которой – ни кола, ни двора; сегодня не ведал, будет ли жив завтра. Стал конокрадом, сюда шли мужики безжалостные к людскому горю, двужильные здоровьем, заранее готовые выносить побои.

Алисе (жена Николая II) было известно, что Павел I (сын Екатерины II) был женат на её прабабке (Натальи) и там получилась неприличная история: Вильгельмина Гессанская забеременела от красавца Андрея Разумовского и умерла в тягостях родов.

Александр III (отец Николая II) был первый русский император, который умер естественной смертью – от алкоголизма (жена его Мария Федоровна).

Марья Федоровна с ненавистью смотрела на сына – наследника престола Николая II.

Когда последний стал императором, разразился скандал, надо было присягать Николаю II, но Мария Федоровна отказалась дать клятву. И заявляла, что её сын неспособен править Россией. Он слаб и умом, и духом. Мы все погибнем с таким императором. Но он не отказался от престола.

Природа наградила Гришку железным здоровьем. Позже журналисты подвели итог его выносливости. В возрасте 50 лет он мог начать оргию с полудня, продолжая кутеж до 4 ч. ночи; от блуда и пьянства заезжал прямо в церковь к заутрене, где простаивал на молитве до восьми утра; затем дома отпившись чаем, Гришка, как ни в чем не бывало, до двух часов дня принимал просителей, говорил по телефону и устраивал разные аферы, потом набирал дам и шел с ними в баню, а из бани катил в загородный ресторан, где повторял ночь предыдущую – никакой нормальный человек не мог бы вынести подобного режима.

Существует три способа управления серым народом. Первый – дать ему, что он просит. Второй – ничего ему не давать. И, наконец, третий способ, самый мудрейший: дать и тут же отнять то, что дали...

Распутин сообразил, что его принимают за какого-то такого, каким он никогда не был, а потому и решил показать себя не тем, кто есть на самом деле.

(Графский лакей с осанкою британского лорда).

Эти резкие слова, столь необычные – осадили его.

Хвалили Распутина за твердость, за трезвую ясность ума.

— Когда Дума разбушевалась, Столыпин поднял кулак над собой и произнёс с удивительным спокойствием: «да ведь не запугаете». Депутаты сразу притихли, они почувствовали присутствие сильной личности.

Столыпин влиянию Гришки не поддавался. Он стал врагом его и на этом сломал себе шею.

— Лицо с такой магнетической силой как Григорий, является на землю один раз в тысячу лет.

— Я делал ставку на сильных. Слабый, ленивый пускай подохнет, мне плевать на его прозябание.

Солдат очень хорошо понял, что царь «дошел». Но не до солдатской участи, а до той грани, за которой алкоголикам чудятся зеленые змеи, пауки и другие гады.

Всё это происходило в царствование Николая II, когда творили Максим Горький и Мечников, Репин и Циолковский, когда пел великий Шаляпин и танцевала несравненная Анна Павлова, когда Заболотный побеждал чумную бациллу, макаровский «Ермак» сокрушал льды Арктики, когда Борис Розинг обдумывал проблемы будущего телевидения, а юный Игорь Сикорский вертикально вздымал над землей первый в России вертолет.

— Двери лучших домов в Петербурге захлопнулись перед супругами. Сухомлиновы оказались в состоянии «блестящей изоляции».

Столыпин тоже не монолит. Нет такой стенки, которую бы раскачав, нельзя было обрушить.

Характер нашего государя как у кобры: прежде чем заглотить жертву, она смазывает её слюной, вроде вазелина, чтобы несчастная жертва легче проскакивала в желудок (Столыпин о Николае II).

Перед Распутиным находился большой кухонный таз с мадерою, который он выпивал в один прием.

«Господи, избавь меня от друзей, а бес ничто». Бес – в друге, а друг – суета».

— Княжна Сидамон-Эристави... гибкая, вкрадчивая и обольстительная, как сирена.

Вся жизнь – театр, а гастроли продолжаются. Не знаю, что будет дальше, но самое главное – не терять хладнокровия.

Нужна полная солидарность... для дела.

«Я не сошелся с Гришкой Распутиным! Меня с ним не раз сволокивали. Почти насильно, будто женить собирались. Я способен бороться с любым дьяволом. Но я ничего не могу сделать против тех сил, что стоят за Распутиным... Мы еще не знаем, что там стоит» (Столыпин).

Надеюсь, отчеканил он на прощание – вот не станете заслонять меня, как это делал покойный Столыпин (Николай II).

Мария Федоровна (мать Николая II) забрала свой двор и заодно с мужем Шервашидзе переехала на постоянное жительство в Киев.

Но дважды ангел вострубит,
На землю гром небесный грянет,
И брат на брата набежит,
И сын от матери отпрянет.

Сакраментальный ответ царя – Лучше уж один Распутин, нежели десять истерик за день (о жене Николая II).

В России нет царя, в России нет Синода, в России нет правительства и нет в ней Думы народной... есть только великий гад Распутин, стервец и вор, который заменяет царя, Синод, Думу и все наше правительство (Труфанов).

Опять я, как старая лисья шуба, которую вынимают из нафталина лишь при дурной погоде.

Я ведь не мальчик, нельзя же с полного вперед реверсировать назад.

Воздух звенел от стужи, снежинки таяли на заплаканном лице императора, и в этот момент Коковцев впервые за все эти годы увидел в нем просто человека.

— «Если хотите со мной разговаривать, вы должны молчать».

Обстоятельства сильнее нас. Нами движет рок (Николай II).

«Вы не знаете его большого ума. Он лучше нас с вами постиг Россию, её дух, её исторические стремления. Распутин знает всё каким-то чутьем, но, к сожалению, его сейчас нет» (о Распутине).

Сергей Труфанов (бывший иеромонах Илиодор) написал книгу «Святой черт, или Правда о Гришке Распутине».

Распутин это орудие тайного масонского сообщества, которое использует его в целях разрушения нашего государства (ген-л Джунковский).

Поход против Гришки начали «Биржевые ведомости», другие газеты подхватили лакомую тему, и царица теперь читала документальные рассказы о кражах Распутина, о разврате его и хлыстовстве, о взяточничестве и прочих милых утехах.

Озираюсь и вижу мрак... Что творится? Распутин всех нас толкает в пропасть. Уже не собака вертит хвостом, а хвост крутит собаку во все стороны.

Только две бабы украли мое сердце – это Вырубова и Сухомлинова (Распутин).

Ну, если царь кого лобызал, тому – крышка.

«Мудрость правителя в том и заключается, чтобы не биться лбом об стенку, а скакать впереди событий, стараясь даже обогнать их».

Люди, близко знавшие Николая II, писали, что царь вообще никого (кроме сына) не любил. Он имел собутыльников, но друзей – никогда. Двор, как это ни странно, стоял в глухой оппозиции к царскому семейству.

Я тончайший нерв этой войны, Вы грыжа, которую надо вырезать (Макаров Рубинштейну).

Нужна не смена лиц, а перемена режима. Разве корень зла только в Распутине? Какой смысл убивать змею, которая давно ужалила? Яд распутинщины уже всосался в кровь нашей империи и монархию ничто не спасет.

Болтуном оказался сам Пуришкевич, у которого наблюдалось «отсутствие задерживающих умственных центров».

«Пока дума думает, у бога всё готово: первым будет Иван, вторым назначим Степана (телеграмма Распутина к царице).

Часы пробили полночь – Россия вступила в ночь на 17 декабря 1916 года, и эта ночь была в своем роде ночью исторической (смерть Распутина).

— У настоящих джентльменов нет нервов. Такие люди ничего не делают сгоряча, их поступки продуманны...

С византийским коварством князь Юсупов горячо облобызал Распутина (свою жертву). Гришка вроде шутя, сказал – не иудин ли поцелуй твой?

«Видела я ночью, как за ним Юсупов приходил, уж такой он страшный, так они целовались... не к добру».

Никто не знает путей, и не судьи мы сами жизни своей, грехов своих...

3. ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ – ФАВОРИТ,

Роман-газета, №№ 9-10, 1987 г.; №№13-14, 1988 г., М.

— Адмирал де Рибас во времена царствования Екатерины II строил Одессу.

Потемкин не просто фаворит – это уже целая эпоха.

На смерть Потемкина Державин написал знаменитый «Водопад». Денис Фонвизин незадолго до смерти изложил свою печаль в «Рассуждении о суетной жизни человеческой». Адмирала Ушакова известие о смерти Потемкина настигла его бедой – непоправимой».

Его оплакивал даже Румянцев-Задунайский (враг Потемкина) – по его признанию – «Потемкин не врагом мне был, а лишь соперником. Но мать–Россия лишилась в нем великого мужа, а Отечество потеряло усерднейшего сына своего».

Почти два столетия подряд загробная тень Потемкина неприкаянно блуждала в русской истории – между великолепными одами Державина и грязными пасквилями злопыхателей. Время не пощадило памятников, даже прекрасные монументы в Херсоне и Одессе оно сбросило с пьедесталов. Страшно повела себя и Екатерина: в Манифесте по случаю кончины Потемкина она обещала увековечить память своего фаворита и сподвижника монументом, но... Неужели забыла? Вряд ли. Скорее всего – не пожелала. Почему?» (виноват фаворит Платон Зубов – последний фаворит Екатерины).

Екатерина щедро платила героям своего века, возводя в их честь статуи, триумфальные арки и дворцы, украшала парки колоннами, стелами и обелисками. Под конец жизни сооружала мавзолеи даже над прахом своих собачек, сочиняла пышные эпитафии котам, сдохшим от обжорства на царской кухне.

Но память главного героя своего бурного царствования императрица не почтила... Почему?

Потемкин сам говорил об этом – Лучше уж пусть люди говорят: «Отчего нет памятника Потемкину? Нежели станут языками имя моё по углам мусолить. За какие такие заслуги Потемкину памятники ставят?».

П.А. Румянцев честно признавал, что с тех пор, как Военная коллегия подчинилась Потемкину, воевать стало легче. Потемкин никак не стеснял действий Румянцева, напротив...

Ежели турецкий лев стал ручным и кладет гриву на колени мои, так не премину случая обкорнать ему когти.

«Куда уж выше (Потемкин был сделан первым новороссийским наместником), но можно и выше – сказал он.

— Пугачева пытали в Москве, Шешковский с палачами Могучевым и Глазовым – дядя и племянник.

Чтобы стереть «пугачевщину», станицу Зимовейскую Екатерина переименовала Потемкинской.

В день своего рождения (в апреле) Екатерина не могла скрыть удивления по поводу того, как мало лиц съехалось в такой день... она была этим очень оскорблена.

Слезам не верящая и житейски опытная императрица верила только фактам.

— Я ведь, Гриша, озорная бываю. Иногда, чтобы лакеев напугать, под стол прячусь (Екатерина Потемкину).

Люди так дурно устроены, что угодить им трудно. Даже в райские времена счастливых не будет. И как бы я не старалась, по углам все равно шуршать памфлетами станут (Екатерина Потемкину).

Жюинье - французский посол об Екатерине – «Гениальная актриса».

— Турецкую кадрили открыли императрица и Потемкин; усталость и вожделение на их пресыщенных лицах.

— Бездонное, как океан, великое молчание» истории, о как оно тягостно для потомков.

— Дашь человеку мало прав – считаться с таким не будут, дашь много воли – распояшется, мерзавец, и других под себя подомнет. До чего трудна эта наука.

Екатерина сказала, что империя движается не столько людьми, с нею, императрицей, согласными, сколько умными врагами её царствования и даже назвала их: граф Румянцев-Задунайский, братья Панины, князь Репкин. Главное в управлении государством – не отвергать дельных врагов, а напротив, приближать к себе, делая их тем самым безопасными, чтобы затем использовать в своих целях все их качества, включая и порочные.

Отношение Екатерины к людям было чисто утилитарным: встречая нового человека, она пыталась выяснить, на что он годен и каковы его пристрастия. Всех изученных ею людей она держала в запасе, как хранят оружие в арсенале, чтобы в нужный момент извлечь – к действию. Кандидатов на важные посты экзаменовала до 3-х раз. Если в первой аудиенции он казался глупым, назначала вторую, ведь он мог смутиться, а в смущении человек робок.

Ослов всегда кормят (про Безбородко и Завадовского), если их не кормить, кто же тогда повезет наши тяжести (Екатерина).

Часто она прерывала собеседника на середине фразы: довольно, я уже поняла вас.

Его сиятельство превратился в его светлость (Потемкин).

— Ты моя последняя женская радость, говорила она (с 45-летнего до 60-летнего возраста Екатерины были они вместе, он был на 15 лет моложе Екатерины).

Вместе они покатали критиковать Фальконе (скульптор из Франции), который делал монумент Петру I из привезенной из-за границы огромной глыбы мрамора. Он сказал Екатерине, что с турками мир заключить было гораздо легче, нежели мне с вашими придворными дураками.

— Список долгов Натали – невестки Екатерины составлял 3 млн рублей.

«Дурные качества столь же полезны, как и положительные».

Андр. Кириллович Разумовский, сын украинского пастуха-свинопаса, волею судеб ставший аристократом, он отлично владел той народной смекалистостью, непобедимой крепостью духа, которой отличались его недалекие предки.

— Для Павла (сына Екатерины) выбрали в жены принцессу небывалого по годам физического развития, как будто выбирали акробатку для семейного манежа.

Екатеринослав (будущий Днепропетровск) – самый первый алмаз в драгоценной короне причерноморских городов, которым еще предстояло возникнуть.

Екатерина с фаворитом – как супружеская пара, он падал духом – она укрепляла, а чего не хватало императрице, Потемкин активно заполнял своей энергией.

— Где взвод побывал, там и батальону место найдется (Потемкин очередному фавориту).

Наследник Павел ненавидел мать – «не рождения наследника, а смерти матери желаю я» - говорил он.

У Екатерины был ребенок от Потемкина - девочка, которую отдали на воспитание; Елизавета Григорьевна Темкина стала женой херсонского губернатора из Греции Калагеоргия. Правнук её, известный ученый Д.Н.Овсянко-Куликовский, вспоминал, что многочисленные наследники Потемкина жили дружно, весело и шумно, любили жизнь, но не умели её устраивать. Она у них как-то сама строилась и сама разрушалась – на основах несокрушимого благодушия, неисправимой доверчивости к людям и такой же нерасчетливости в делах.

Екатерина до старости не могла избавиться от мужского обаяния Потемкина.

Есть доказательства о венчании Екатерины и Потемкина в храме Вознесения на Большой Никитинской улице (в этом храме позже венчался Пушкин с Натальей).

Даже глупцов выслушивала Екатерина с приятной улыбкой. Разговоров с женщинами недолюбливала, зато обожала вести диалоги с мужчинами, пусть даже грубые, излишне откровенные.

Терпимость – вот главное оружие властелина. Легче всего в гнев войти да головы отрубать. Но гнев должен быть непременно обдуман: одни лишь негодяи злятся безо всякого плана...

4. ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА – ЗАПИСКИ (1743-1810 гг.)*,

«Наука», 1985 г., Л.

Любимыми авторами Дашковой были Бейль, Монтескье, Вольтер, Буало.

— С отъездом Александра (брата Дашковой), - пишет она, - я лишилась человека, который своею нежностью мог бы залечить раны, нанесенные моему сердцу окружившим

* Подготовка текста и комментарии Галины Моисеевой.

меня равнодушием. Я была довольна и покойна только когда погружалась в чтение или занималась музыкой.

— Я взяла за правило показываться всюду, где меня привыкли видеть, и только когда оставалась одна, можно было заметить, что я поглощена планами, которые были как будто и выше моих сил.

Я ничем не навлекла на себя их недоброжелательство, но мои всемогущие враги сумели обратить против меня и тех, кому я оказала серьезные услуги; это не помешало мне еще в течение сорока двух лет делать все добро, какое было в моей власти, часто немало стесняя себя в своих более чем скромных средствах.

— Мне совершенно безразлично, на каком месте я буду сидеть; я настолько горда, что думаю, что я своим присутствием украшу самое последнее место и сделаю его равным самому первому. Не меня ведь будут бранить за это, так что мне не придется краснеть, и я настолько великодушна, что желаю, чтобы и других за это не журили (Дашкова – о коронации Екатерины II).

— Я привыкла к физическим страданиям и так как жила вне себя, т.е. только для других и любовью к детям, я способна была смеяться и шутить во время сильных приступов боли.

Несмотря на то, что была графиней Воронцовой по отцу и княгиней Дашковой по мужу, я всегда чувствовала себя неловко при дворе.

Я слишком горда, чтобы допустить мысль о том, что меня хотят унижить. Я испытываю глубокую печаль при мысли, что её величество равнодушна ко мне и моим детям.

Характеристика Петра I по Дашковой:

— Петр I был гениален, деятелен и стремился к совершенству, но он был совершенно невоспитан и его бурные страсти возобладали над его разумом. Он был вспыльчив, груб, деспотичен и со всеми обращался как с рабами, обязанными всё терпеть; его невежество не позволяло ему видеть, что некоторые реформы, насильственно введенные им, со временем привились бы мирным путем в силу примера и общения с другими нациями. Если бы он не ставил так высоко иностранцев над русскими, он не уничтожил бы бесценный, самобытный характер наших предков. Если бы он не менял так часто законов, изданных даже им самим, он не ослабил бы власть и уважение к законам. Он подорвал основы уложения своего отца и заменил их деспотическими законами. Он почти всецело уничтожил свободу и привилегии дворян и крепостных; у последних он отнял право жалобы в суд на притеснения помещиков. Он ввел военное управление, самое деспотическое из всех, и, желая заслужить славу создателя, торопил постройку Петербурга весьма деспотическими средствами: тысячи рабочих погибли в этом болоте, и он разорил дворян, заставляя их поставлять крестьян на эти работы и строить себе каменные дома в Петербурге.

При Екатерине II город увеличился в четыре раза и украсился великолепными строениями, и всё это совершилось без насилия, поборов и не вызывая неудовольствия. Екатерина II любила и поощряла искусство и обогатила Россию сокровищами живописи и скульптуры, о которых в России до неё не имели и понятия.

— Я помирилась с этой неприятностью и решилась нести последствия своего добродушия и доверчивости.

— Мало кто знает ваши мотивы и еще менее, кто умеет их понять.

— Все, имевшие счастье быть близкими к императрице, знают, что она умела быть очаровательной, красноречивой и тонкой, когда хотела привлечь к себе или убедить кого-нибудь. Ей незачем было пускать в ход своё искусство для меня, так как в своей бескорыстной и неизменной любви к ней я готова была слушаться её во всем, что не шло вразрез с моими принципами.

— Дашкова попросила сесть Эйлера (великий математик) на любое место, так как какое бы место он не избрал, оно станет первым с той минуты, как он его займет.

Отъезд близкого человека поверг Дашкову в уныние, которое ей удавалось победить только непрерывной деятельностью: то занималась делами обеих Академий, то, следя за постройками на даче, она даже работала с каменщиками, выводя стены своего дома.

Она (Екатерина II) старалась развлечь Дашкову веселыми и смешными разговорами, которые она одна умела придумывать в одну минуту.

— Я предпочитаю всем подобным пустым предрассудкам хорошее воспитание и нераздельную с ним чистоту нравов.

Я была в таком грустном настроении, что мной овладевали черные мысли, побеждаемые мною только с помощью неба; с той минуты, как я поняла, что покинута своими детьми, жизнь стала для меня тяжелым бременем, и я безропотно и с радостью отдала бы её первому встречному, который пожелал бы отнять её у меня (Дашкова).

Руссо в «Новой Элоизе» писал: «Напрасно боятся смерти, так как пока мы живем, её нет, а когда она наступает, мы уже не существуем».

— Я уже несколько лет не получала писем от своих детей, а так как никто и ничто не вытеснило их из моего сердца, то можно себе представить, как я была несчастна.

Я твердо верю, что человек, умеющий сдерживать свое самолюбие и честолюбие в должных границах, сумеет вынести и несчастья.

Моё удовольствие было отравлено только воспоминаниями о том, что люди, которых я любила и уважала, вредили себе в глазах других несправедливыми и совершенно мною не заслуженными поступками по отношению ко мне.

— Ты уверяешь, мой друг, что Павел оставит меня в покое после коронации. Разве ты его не знаешь? Когда деспот начинает бить свою жертву, он повторяет свои удары до полного её уничтожения.

Что ни угодно будет господу послать мне, я никогда не скажу и не сделаю ничего, что могло бы унижить меня в моих собственных глазах.

Мое бескорыстие и неизменная твердость моего характера служили для меня источником внутреннего мира и удовлетворения, которые, хотя и не заменяли всего, но придавали мне известную гордость и мужество, поддерживавшие меня в превратностях судьбы.

— Павел с первых же дней своего восшествия на престол открыто выражал свою ненависть и презрение к матери (Екатерине II). Он поспешно уничтожал все, совершенное ею, и лучшие её постановления были заменены актами необузданного произвола. всюду царил страх и вызывал подозрительное отношение к окружающим, уничтожал доверие друг к другу. Под влиянием страха явилась и апатия, чувство губительное для первой гражданской добродетели – любви к родине.

Екатерина II, не роняя своего достоинства, была доступна всем, и в обращении с ней не было и тени раболепного страха; она своим присутствием вызывала чувство благоговейного почтения и уважения, согретого любовью и благодарностью. В частной жизни она была весела, любезна, приветлива и старалась заставить забыть свой сан.

Екатерину II ошибочно сравнивали с Петром I. Но Екатерина II стояла несравненно выше его и подняла Россию на высоту великой державы, внушающей страх и уважение всей Европы.

— В русской истории, бедной личностями, записки женщины, участвовавшей на первом плане в перевороте 1762 года и видевшей возле все события от смерти Елизаветы до Тильзитского мира, чрезвычайно важны, тем больше, что мы очень мало знаем наше XVIII столетие.

С периодом Петра I связаны дорогие нам воспоминания нашего могучего роста, нашей славы и наших бедствий; он сдержал свое слово и создал сильное государство. Народ любит успех и силу.

Что мешало после Петра I возвратиться к едва протекшим временам? Всё петербургское устройство висело на нитке. Пьяные и развратные женщины, тупоумные принцы, едва умевшие говорить по-русски, немки и дети садились на престол, сходили с престола, дворцом шла самая близкая дорога в Сибирь и на каторжную работу.

В продолжение всей этой сумятицы мы не видим особенного желания воротиться к допетровским временам, напротив...

Мы все знаем, как Петр ломал старое и как устраивал новое. Тяжелому, неподвижному византийскому чину он противопоставил трактирные нравы, скучная Грановитая палата превратилась при нем в разгульный дворец; вместо законного престолонаследия он раз предоставил императору право назначать кого хочет, другой раз писал Сенату, что он сам избрал достойнейшего, если он погибнет в турецком плену, и затем отнятую у родного сына корону отдал горничной, которая, переходя из рук в руки, дошла до него.

Он упразднил место святейшего патриарха, запретил мощам являться и утер досуха слезы всех скорбящих чудотворных икон. В стране упрямого местничества он посадил выше всех плебея Меньшикова, водился с иностранцами, даже с арапами, напивался пьян с матросами и шкиперами, буянил на улицах, словом, оскорблял все стороны прежней чопорной русской жизни и важный царский формализм.

Елизавета Петровна сверх петровской крови имела все недостатки русского характера, т.е. пила иногда запоем и всегда до того, что вечером не могла дожждаться, пока горничные её разденут, а разрезывала шнурки и платья. Она ездила на богомолья, ела постное, была суеверна и страстно любила рядиться – после неё осталось 15 тысяч платьев – любила пуще всего драгоценные камни, как наши богатые купчихи, и вероятно имела столько же вкуса, как они, о чем можно судить по тому, что она убрала себе целую комнату янтарем.

«Помните, что безопаснее иметь дело с честными простаками, как ваша сестра и я, чем с большими умами, которые выжмут из вас сок до капли, а потом, как апельсиновую корку, выбросят за окно» - слова Петра III к Дашковой.

Петр III, не выпуская трубки изо рта, напивался иногда до того, что лакеи его выносили на руках.

— Императрица на второй день после своего воцарения начинает ценить и награждать услуги Дашковой, начинает быть благодарной, т.е. перестает быть другом.

«Кто бы мог подумать, что дочь Романа Воронцова поможет мне сесть на престол» - слова Екатерины II про Дашкову.

Дашковой сделать большую карьеру помешали два больших недостатка: она не умела молчать, её язык резок, колок и не щадит никого, кроме Екатерины: сверх того, она была слишком горда, не хотела и не умела скрывать своих антипатий, словом, не могла «принижать» своей личности.

Вообще, дружба Екатерины с Дашковой была невозможна. Екатерина хотела царить не только властью, но всем на свете – гением, красотой; она хотела одна обращать на себя внимание всех, у неё было ненасытное желание нравиться. Она была еще в полном блеске своей красоты, но ей уже стукнуло тридцать лет. Женщину слабую, потерянную в лучах её славы, молящуюся ей, не очень красивую, не очень умную, она, вероятно, умела бы удержать при себе. Но энергическую Дашкову, говорившую о своей собственной славе, с её умом, с её огнем и с её девятнадцатью годами, она не могла вынести возле себя.

Дашкова удивляется Вольтеру (в Женеве), но не может не посмеяться над ним, что Вольтер сердится, выходит из себя, проигрывая в шашки, и притом делает самые уморительные рожи.

В Киеве сына Дашковой Михаила ждала другая стрела любви, не сверху, а снизу.

Дашкова о Салтыкове (фельдмаршале): «Нельзя было обвинить, чтоб он когда-либо прочел какую-нибудь книгу».

«Между нами пробежала серая кошка, не будемте её снова вызывать» - Дашкова Екатерине.

«Её движения казались её языком» - про Дашкову.

— Россия тех времен глазами англичанки Катрин Вильмот – «Россия похожа на 12-летнюю девочку – дикую, неловкую, на которую надели парижскую модную шляпку. Мы живем здесь в XIV или XV столетии».

Каждый помещик кажется ей одним из железных колец, которыми скована Россия.

В жалком подобострастии, в позорном раболепии нашего общества она очень справедливо находит отражение рабства. Она с изумлением видит в залах и гостиных опять холопов без всякого нравственного чувства собственного достоинства. Её удивляют гости, которые не смеют садиться и часы целые стоят у двери, переступая с ноги на ногу, которым кивают головой, чтоб они ушли. «Понятие добра и зла смешивается в России с понятием быть в милости или в немилости. Достоинство человека легко определяется по адрес-календарю, и от государя зависит, чтоб человека принимали за змею или за осла».

В числе теней видела она и графа А. Орлова. «Рука, задушившая Петра III, осыпана брильянтами, между царскими подарками особенно выделяется портрет императрицы, Екатерина улыбается с него в своей вечной благодарности».

Мисс Вильмот называет еще Корсакова, которого можно принять за «мерцающее привидение из брильянтов», князя Барятинского и еще кой-кого из этих людей другого прошедшего мира, - откуда они захватили придворную болтовню о важных ничтожностях, надменность, тщеславие, пустую суету, в которой находят свое счастье и свое горе.

- Все эти важные старцы окружены женами, дочерьми, внучками, разряженными в пух и сидящими в раззолоченных комнатах, патриархально заставляя плясать перед собой своих горничных и беспрестанно потчуют вареньем. В наружности их есть что-то французское, к тому же, воспитанные француженками, они хорошо говорят на этом языке и одеваются по последним парижским модам. Но в сущности дамы эти очень мало любезны; их образование совершенно внешнее, и милой легкости французского общества здесь вовсе нет. Когда московская дама оглядит вас с ног до головы, поцелует вас раз пять-шесть – когда и двух раз было бы, кажется, за глаза довольно – уверит вас в своей вечной дружбе, скажет в лицо, что вы прелестны и милы, расспросит о цене каждой вещи вашего наряда и поболтает о предстоящем бале в зале дворянского собрания, ей нечего больше сказать.

Обеих сестер Вильмот поражает из рук вон пошлый обычай являться в чужих брильянтах на балы. Притом все знают, чьи они.

— С честным сердцем и чистыми намерениями, мне пришлось вынести много бедствий; я сломалась бы под ними, если б моя совесть не была чиста... Теперь я гляжу без страха и беспокойства на приближающееся разрушение мое.

Какая женщина, какое сильное и богатое существование!

Комментарии Г. Моисеевой:

«Словарь Академии Российской» является выдающимся научным трудом конца XVIII века. Он был высоко оценен А.С. Пушкиным, который в 1836 г. приводил слова Н.М. Карамзина: «Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями».

В ноябре 1796 года в своем подмосковном имении Троицкое Дашкова узнала о смерти Екатерины II, а в декабре получила указ Сената об увольнении её со всех должностей.

Последние годы жизни Дашковой были омрачены семейными несчастьями, тяжелыми отношениями с дочерью Анастасией (в замужестве Щербининой) и неожиданной смертью в 1807 г. в возрасте 42 лет сына Павла. «Записки» Дашковой были закончены ею в Троицком 27 октября 1805 года.

Чувство долга – постоянная тема её общественной и частной жизни, что характерно для литературы русского классицизма конца XVIII–начала XIX в.

В Дашковой чувствуется та самая сила, не совсем устроенная, которая рвалась к просторной жизни, из-под плесени московского застоя, что-то сильное, многостороннее, деятельное, петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическим воспитанием и женственностью» - Герцен.

Самым интересным в её «Записках» предстает образ автора. Эта образованная, умная, энергичная женщина сделала много для развития науки и просвещения в России конца XVIII в. Она передала свою библиотеку и богатейший минералогический кабинет в дар Московскому университету.

Энергия, воля, решительность в преодолении препятствий, организаторские способности Е.Р. Дашковой особенно ярко проявились в то время, когда она стояла во главе Санкт-Петербургской Академии наук и Российской Академии.

5. ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ – ЖИЗНЬ ДВЕНАДЦАТИ ЦЕЗАРЕЙ, «Наука», 1993 г., М.

(«Светония, как историка, всегда заслонял Тацит, как биографа – Плутарх».
- Гаспаров М.Л. - Светоний и его книга).

1. Юлий Божественный: Первая должность по возвращении в Рим – войсковой трибун – присужденный народным голосованием. Став консулом, утвердился в той царской власти, о которой помышлял еще эдилом.

Потерял мать, дочь, вскоре внука.

Стал помышлять о большем, не упуская ни одного случая выказать щедрость или оказать услугу кому-нибудь.

В память дочери он обещал народу гладиаторские игры и пир = до него этого не делал никто.

Он был единственной и надежной опорой для подсудимых, для задолжавших, для промотавшихся юнцов; Цезарь неизменно сражался с замечательной удачей, не зная даже сомнительных успехов.

Первый и самый блистательный триумф был галльский, за ним – александрийский, затем – понтийский, следующий – африканский, наконец – испанский.

В понтийском триумфе среди прочих предметов в процессии несли подпись из трех слов: «Пришел, увидел, победил» - этим было отмечено не событие войны, а быстрота её завершения.

Зрелища он устраивал самые разнообразные: и битву гладиаторов, театральные представления по всем кварталам города и на всех языках, и скачки в цирке, и состязания атлетов, и морской бой.

Во время игр читал письма и бумаги или писал на них ответы.

Он установил, применительно к движению солнца, год из 365 дней.

Стал наказывать: за убийство – лишением всего имущества, за иные преступления – половины.

Особенно строго соблюдал он закон против роскоши.

Он был высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые. Здоровьем отличался превосходным, лишь под конец жизни на него стали нападать внезапные обмороки и ночные страхи. Он обычно зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб и постоянно носил лавровый венок.

О его великой страсти к изысканности и роскоши сообщают многие.

Делабелла называли «цезаревой подстилкой».

Помпея также именовали царем, а Цезаря – царицей.

Больше всех остальных он любил мать Брута, Сервилию: еще в свое первое консульство он купил для нее жемчужину, стоившую 6 млн.

Любил он Клеопатру – с нею он пировал до рассвета, на её корабле с богатыми покоем он готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии; наконец он пригласил её в Рим и отпустил с великими почестями и богатыми дарами, позволив ей даже назвать новорожденного сына его именем. Он признал мальчика своим сыном.

Наконец, чтобы не осталось сомнения в позорной славе его безнравственности и разврата, его называли: «мужем всех жен, и женой всех мужчин».

В красноречии и в военном искусстве он стяжал не меньшую, если не большую славу, чем лучшие их знатоки. Все признавали его одним из лучших судебных ораторов Рима. Его слог был изящным, блестящим, и даже великолепным и благородным.

— Записки, им сочиненные, заслуживают высшей похвалы: в них есть нагая прямота и прелесть, свободные от пышного ораторского облачения.

Оружием и конем он владел замечательно, выносливость его превосходила всякое вероятие.

В походах он шел впереди войска, обычно пеший, иногда на коне, с непокрытой головой, несмотря ни на зной, ни на дождь. Самые длинные переходы он совершал с невероятной быстротой, налегке, в наемной повозке, делая по сотне миль в день, реки преодолевая вплавь или с помощью надутых мехов, так, что даже опережал вестников о себе.

Никакие суеверия не вынуждали его оставить начатое дело. Даже когда он оступился, сходя с корабля, то обратил это в хорошее предзнаменование, воскликнув: «Ты в моих руках, Африка».

В сражение он вступал не только по расчету, но и по случаю, часто сразу после перехода, иногда в самую жестокую непогоду, когда меньше всего этого от него ожидали.

«Чем больше за ним побед, рассуждал он, тем меньше следует полагаться на случай, так как никакая победа не принесет ему столько, сколько может отнять одно поражение» – его слова под конец жизни, когда он стал осторожным.

Об его присутствии духа – когда после сражения он отправил войско, он вдруг встретил врага с десятью военными кораблями, вместо того чтобы обратиться в бегство, Цезарь, подойдя к нему вплотную, сам потребовал его сдачи, и тот, покорный, перешел к нему.

Воинов он ценил не за нрав и не за род и богатство, а только за мужество.

К друзьям он был всегда внимателен и добр.

Жестокий урон, нанесенный его доброму имени клеветнической книжкой и бранными стишками Пифолая, он перенес спокойно, как простой гражданин.

«Все будет хорошо, коли я того пожелаю» - заявил он гадателю, предвещавшему ему несчастное будущее.

Дважды безмерно оскорбил сенат своим открытым презрением.

В заговоре против Цезаря участвовало более 60 человек, сначала они хотели сбросить его с мостков, а внизу подхватить и заколоть, затем - напасть при входе в театр, под конец выбрали место заседания в сенате.

Когда он зашел в сенат и сел, заговорщики окружили его, словно для приветствия. Тиллий Цимбр подошел к нему ближе, словно с просьбой, схватил его за тогу выше локтей, Цезарь кричит: «Это уже насилие, и тут Каска, размахнувшись сзади, наносит ему рану пониже горла, Цезарь прокалывает ему руку грифелем, пытается вскочить, но второй удар его останавливает, и тут он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы. Он был поражен 23 ударами, при первом испутив стон. Он погиб на 56 году жизни. Из его убийц никто не умер своей смертью.

2. Август Божественный: В военном деле он ввел много изменений и новшеств, а кое в чем восстановил и порядки страны. Дисциплину он поддерживал с величайшей строгостью.

Его любимые изречения: «Спеши, не торопись», «Осторожный полководец лучше безрассудного», «Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей». Он принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным. Весь город он разделил на округа и кварталы.

Правил судом усердно, иногда даже ночью, при болезни, на носилках, возле судейских мест.

Ввел новые законы – важным считал он, чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови.

Милосердие Августа и его гражданственная умеренность засвидетельствована многими примечательными случаями.

Он запрещал всем называть его господином, считая это лестным обращением. Он старался вступать и выступать из каждого города только вечером или ночью, чтобы никого не беспокоить приветствиями и напутствиями.

Он обычно передвигался пешком или в закрытых носилках.

К общим утренним приветствиям он допускал и простой народ, принимал от него прошения с необычайной ласковостью.

Сенаторов он приветствовал только на их местах, к каждому обращаясь по имени, без напоминания, уходя и прощаясь, не заставлял их вставать с места.

Когда перед его сыновьями, еще подростками, встал и разразился рукоплесканиями целый театр, он был этим очень недоволен.

Какой любовью пользовался он за эти достоинства, нетрудно представить. Всадники римские добровольно и по общему согласию праздновали его день рождения каждый год. Люди всех сословий по обету ежегодно бросали в озеро монетку за его здоровье, а на новый год приносили ему подарки на Капитолий, даже если его не было в Риме. На эти средства Август поставил по всем кварталам дорогостоящие статуи богов.

Имя отца отечества – было поднесено ему всем народом единодушно.

Врачу, исцелившему Августа от смертельной болезни, сенаторы на свои деньги поставили статую.

Мать потерял он в первое свое консульство, сестру на 54 году, при жизни которых он выказывал высокое почтение, а после смерти воздал им величайшие почести.

Дочь и внучку, запятнанных всеми пороками, ему пришлось выслать. Смерть близких была ему не так тяжела, как их позор.

Больших и роскошных домов он не терпел.

В простоте его обстановки и утвари можно убедиться и теперь по сохранившимся столам и ложам, которые вряд ли удовлетворили бы и простого обывателя. Даже спал он, говорят, на постели низкой и жестко постланной. Одежду надевал только домашнего изготовления, сработанную сестрой, женой, дочерью и внучками, башмаки подбирал с толстыми подошвами, чтобы казаться выше.

Ел он очень мало и неприхотливо, любил грубый хлеб, мелкую рыбешку, влажный сыр. Если он принимал больше еды или вина, то принимал рвотное.

С виду он был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность, хотя и не старался прихорашиваться. Под его пристальным взглядом собеседник опускал глаза, словно от сияния солнца.

К карликам, уродцам и тому подобным он питал отвращение, видя в них насмешку природы и зловещее предзнаменование.

В слогe он стремился к изяществу и умеренности, избегая как пустых и звонких, так и, по его выражению, «словес, папахивающих стариной». Больше всего он старался как можно яснее выразить свою мысль. «Старайся избегать деланности, когда говоришь и пишешь».

Умер он, не дожив до 70 лет.

3. Тиберий: Угодливость была ему противна, когда в разговоре и в просторной речи он слышал лесть, то немедленно обрывал говорящего и бранил.

Он дал волю всем своим кое-как скрываемым порокам.

Установил новую должность распорядителя наслаждений, всюду у него были гнезда потаенного разврата. Собирал толпами девок и мальчиков, среди них изобретателей чудовищных сладострастий – наперекор совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угасающую похоть. Даже в лесах и рощах он повсюду устроил Венерины местечки.

Он завел мальчиков самого нежного возраста, которых называл своими рыбками и с которыми забавлялся в постели.

Измывался он и над женщинами, даже самыми знатными.

На деньги он был бережлив и скуп.

Ненавидел своих родственников.

Троих внуков умертвил.

Его природная жестокость и хладнокровие были заметны еще в детстве – «грязь, замешанная кровью».

Законы исполнял он с крайней жестокостью.

Девственниц старинный обычай запрещал убивать удавкой – поэтому несовершеннолетних девочек перед казнью растлевал палач. Кто хотел умереть, тех силой заставляли жить. Смерть казалась Тиберию слишком легким наказанием.

На Капри до сих пор показывают место его бойни, отсюда осужденных после долгих и изощренных пыток сбрасывали в море у него на глазах, внизу матросы подхватывали и дробили баграми и веслами трупы.

Он даже придумал новый способ пытки, в числе других (напоив людей до пьяна, им неожиданно перевязывали члены, и они изнемогали от режущей перевязки и от задержания мочи.

Ходил он наклонив голову, твердо держа шею, с суровым лицом, разговаривал изредка, слегка поигрывая пальцами... Надменные и неприятные манеры.

Скончался на 78 году жизни тяжело больной.

4. Гай Калигула: Прозвищем «Калигула» (сапожок) он обязан лагерной шутке. Свойственны природная свирепость и порочность. С любопытством присутствовал на пытках и казнях истязаемых, по ночам в накладных волосах и длинном платье бродил по кабакам и притонам, с великим удовольствием плясал и пел на сцене. Гай жил на погибель и себе и всем. Говорят он извел Тиберия отравой. Умиравший еще дышал, когда Гай велел снять у него перстень.

Постройки, недоконченные Тиберием, он завершил: храм Августа и театр Помпея. Сам выстроил водопровод и амфитеатр.

Со всеми своими сестрами жил он в преступной связи.

С жестокостью и надменностью относился он ко всем. Свирепость своего нрава обнаружил он в своих поступках – диким зверям отдавал на растерзание преступников, сбрасывал людей с раската. Многих граждан из первых сословий, заклеив раскаленным железом, сослал на рудничные или дорожные работы, или бросал диким зверям.

Отцов он заставлял присутствовать при казни сыновей, после чего приглашал к столу и принуждал шутить и веселиться. Один римский всадник, брошенный диким зверям, не переставал кричать, что он невиновен, он вернул его, отсекал язык и снова прогнал на арену.

Он насыщался тогда, когда члены и внутренности казненных убирали и сваливали грудой перед ним.

Чудовищность поступков он усугублял жестокостью слов. Похвальной чертой своего нрава считал невозмутимость и бесстыдство.

Казнить человека он всегда требовал мелкими частыми ударами, повторяя свой знаменитый приказ: «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает».

Он мечтал о разгроме войск, о голоде, чуме, пожарах или о землетрясении.

Во время закусок и попок часто у него на глазах велись допросы и пытки по важным делам, при этом рубили головы заключенным.

Он созывал много народу на мост и оттуда сбрасывал в море.

Сооружая виллы и загородные дома, он забывал про всякий здравый смысл, стараясь лишь о том, чтобы построить то, что построить казалось невозможным.

Обуянный страстью почувствовать деньги на ощупь, он рассыпал огромные кучи золотых монет по широкому полу и часто ходил по ним босыми ногами, или катался по ним всем телом.

Росту он был высокого, бледен, тело грузное, шея и ноги худые, глаза и виски впалые, лоб широкий и хмурый, волосы редкие, поэтому считалось смертным преступлением посмотреть на него сверху. Помраченность своего ума он чувствовал сам; мучила бессонница.

В день смерти он колебался идти на завтрак, его уговорили идти, его убили несколькими ударами ножа.

Прожил он 29 лет – правил 3 года, вместе с ним убили жену и дочь.

5. Божественный Клавдий: Мать говорила о Клавдии, что он урод среди людей, что природа начала его и не кончила, и желая укорить кого-нибудь в тупоумии, говорила – глупей моего Клавдия.

Поход он совершил один, да и тот незначительный.

Благоустройство и снабжение города было для него всегда предметом величайшей заботы. Постройки он создал не столько многочисленные, сколько значительные и необходимые, главнейшие из них – водопровод, начатый Гаем, а затем водосток.

Ему изменяли слабые ноги. Его безобразило многое: смех его был неприятен, гнев – отвратителен – на губах пена, из носу текло, язык заплетался, голова тряслась непрерывно.

От стола он отходил не раньше, чем отяжелел и взмокнув, и тут же ложился. К женщинам питал страсть безмерную, зато к мужчинам был вовсе равнодушен. Недоверчивый и трусливый. Людей удивляла его забывчивость и бездумность.

Умер он от яда на 64 году жизни, на 14 году власти.

6. Нерон: В детстве выступил в цирке на Троянских играх с большим успехом, на 11 году был усыновлен Клавдием и отдан на воспитание Сенеке. Вскоре Нерон показал в поступках жестокий нрав.

Ему было 17 лет, когда скончался Клавдий. Многие строгости и ограничения были при нем восстановлены.

- Чего никто не слышит, того никто не ценит.

Хотя голос у него был слабый и сиплый, он по несколько часов выступал с пением, часто состязался с настоящими актерами.

К скачкам его страсть была безмерна.

Наглость, похоть, распущенность, скупость, жестокость свойственны для него, не говоря о худших пороках.

Мальчиков он делал евнухами и даже пытался сделать женщиной. Он искал любовной связи даже с матерью. Он выходил даже замуж, как за него выходили замуж.

Ни одного платья он не надевал дважды.

Злодейства и убийства свои он начал с Клавдия.

Несколько раз он пытался отравить мать, пока не понял, что она принимает противоядие. Под конец, умертвил мать и тетку и вступил в их наследство.

Сенеку, своего воспитателя, он заставил покончить с собой.

Он казнил без меры и разбора кого угодно и за что угодно.

Такого правителя мир терпел 14 лет и, наконец, низвергнул.

Нерон был среднего роста, тело в пятнах и с дурным запахом, волосы рыжеватые, лицо красивое, чем приятное, глаза серые, шея толстая, живот выпирающий, ноги тонкие.

Занимался живописью и ваянием.

Более всего его увлекала жажда успеха, ревновал ко всем, кто чем бы то ни было возбуждал внимание.

Скончался на 32 году жизни. В связи с этим народ ликовал... Среди ночи проснувшись, телохранителей не обнаружил. Вскочив, послал за друзьями, и они не оказались, все двери оказались взаперти. «Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?» - с этими словами вдался в бегство. Сенат объявил его врагом и разыскивал для казни. Но он сам себе вонзил меч.

7. Гальба: Он был суров и крут поначалу (за обман отрубывание рук), видных граждан из высших сословий по ничтожным подозрениям казнил без суда.

Его раздражала бездетность и старость.

Когда Отон захватил лагерь, пустились на него вскачь и всеми покинутого, его изрубили.

Росту среднего, голова совершенно лысая, глаза голубые, нос крючковатый, руки и ноги искалеченные подагрой до того, что он не мог ни носить подолгу башмаки, ни читать или просто держать книгу.

Ел он очень много, зимой начинал закусывать еще до света. Похоть больше испытывал к мужчинам, притом к взрослым и крепким.

Умер на 73 году жизни, на 7 месяце правления.

8. Отон: С ранней молодости он был такой мот и наглец, что не раз бывал сечен отцом.

Он вкрался в доверие к Нерону и легко стал первым из его друзей из-за сходства нравов, а по слухам и из-за развратной с ним близости. Он послал убить Гальбу, потом заявился в Сенат и доложил, что его похитили и силой заставили принять власть и что действовать он будет только с общего согласия.

В поход он выступал смело и поспешно, не обращая внимания на предзнаменования.

На вдове Нерона он собирался жениться.

На 38 году жизни он заколол себя после 95-дневного правления властью.

Был он невысокого роста, с некрасивыми и кривыми ногами, ухаживал за собою, почти как женщина, волосы на теле выщипывал, жидкую прическу прикрывал накладными волосами и появлялся в священном полотняном одеянии.

9. Вителлий: Детство и раннюю юность провел он на Капри среди любимчиков Тиберия и на всю жизнь сохранил позорное прозвище Спинтрия, говорили, что красота его лица была причиной возвышения его отца.

Женат он был на Петронии, дочери консуляра и имел от нее сына Петрониана, незрячего на один глаз.

Он отличался прихотью к мужскому полу и еще больше обжорством и жестокостью. Пиршества он устраивал по 3 раза в день, и на все его хватало, поскольку он принимал рвотное (на пир подавали - отборных рыб около 2-х тысяч, птиц 7 тысяч и т.д.). Не знал в чревоугодии меры, не знал ни поры, ни приличия – даже при жертвоприношении, даже в дороге не мог удержаться, тут же у алтаря хватал он и поедал чуть ли не из огня куски мяса и лепешек.

Наказывать и казнить, кого угодно и за что угодно было для него наслаждением. Друзей убивал различными коварствами, притом приказывал заколоть их у себя на глазах – «Я хочу насытить взгляд» - говорил он.

Больше всего он злобствовал против насмешников и астрологов и по первому доносу любого казнил без суда.

На 8-м месяце правления против него возмутились войска, которые присягнули Веспасиану.

Он сбежал с поля битвы, его поймали солдаты, связали ему руки за спиной, с петлей на шее, в разорванной одежде, полуголого приволокли на форум. По всей дороге народ осыпал его издевательствами, не жалея ни слов, ни дела, за волосы оттянули голову назад, как преступнику, под подбородок подставили острие меча, чтобы он не мог опустить лицо и всем было его видно, одни швыряли в него грязью и навозом, другие обзывали обжорой и поджигателем, третьи в толпе хулили телесные недостатки. Его истерзали мелкими ударами, а потом сволокли в Тибр.

Он был огромного роста, с красным от постоянного пьянства лицом, с толстым брюхом, со слабым бедром.

Погиб он на 58 году жизни.

10. Веспасиан: Он не упустил ни одного случая навести порядок. При его вступлении в императоры столица была обезображена давними пожарами и развалинами. Он позволил всем желающим занимать и достраивать пустые участки, если этого не делали владельцы. Приступив к восстановлению Капитолия, он первый своими руками начал расчищать обломки и выносить их на собственной спине.

Предпринял он и новые постройки: храм мира близ форума, храм божественного Клавдия, наконец, амфитеатр посреди города, задуманный, как он узнал, еще Августом.

Во всем остальном был он доступен и снисходителен с первых дней правления до самой смерти. Свое бывшее низкое состояние он никогда не скрывал и часто даже выставлял напоказ.

Обиды и вражды он нисколько не помнил и не мстил за них.

Никогда подозрения и страх не толкали его на расправу.

Никакая смерть его не радовала, и даже над заслуженною казнью случалось ему сетовать и плакать.

Он открыто занимался такими делами, каких стыдился бы и частный человек. Он скупал вещи только затем, чтобы потом распродать их с выгодой, без колебания продавал

должности и оправдания подсудимым, невинным и виновным без разбору. Он «сухим давал возможность намокнуть, а мокрых выжимал». Все это, говорят, он вынужден был проделывать крайней скудостью и государственной, и императорской казны: и худо нажитому он давал наилучшее применение.

Щедр он был ко всем сословиям. Он раздавал подарки мужчинам, а женщинам в мартовские календы.

Роста хорошего, сложения крепкого и плотного с натужным выражением лица: сам себе растирал в бане горло и все члены, да один день в месяц ничего не ел. Из спальни он шел в баню, а потом к столу: в это время, говорят, был он всегда добрее и мягче.

Он был большой насмешник, но слишком склонный к шутовству и пошлости, даже до непристойностей (с прихотью к мужскому полу).

Даже при приближении смерти он шутил – «Увы, кажется, я становлюсь богом».

Когда он заболел, он сказал, что император должен умереть стоя и попытался подняться и выпрямиться, он скончался на руках, поддерживавших его, на 69 году жизни.

11. Божественный Тит: Телесными и душевными достоинствами блистал он еще в отрочестве, а потом с годами, все больше. Замечательная красота, в которой было столько же достоинства, сколько приятности; отменная сила, которой не мешали ни невысокий рост, ни слегка выдающийся живот, исключительная память и, наконец, способности едва ли не ко всем военным и мирным искусствам.

Поговаривали о его жестокости и распущенности, но это была неправда.

От природы отличался редкостной добротой. Непременным правилом его было никакого просителя не отпускать, не обнадежив, он говорил: никто не должен уходить печальным после разговора с императором. А когда он ничего хорошего не делал за день, он замечал: «Друзья мои, я потерял день».

Нередко перешучивал с народом и словами, и знаками, однако никогда не терял величия и чувства меры.

В его правлении стихийные бедствия: извержение Везувия в Катании, пожар Рима, бушевавший три дня и три ночи. При этом обнаружил он не только заботливость правителя, но и редкую отеческую любовь, то утешая народ, то помогая им в меру своих сил.

Когда ему представлялся случай мстить врагу, никогда этого не делал, он поклялся, что скорее погибнет, чем погубит.

Среди этих забот, застигла его смерть, поразив своим ударом не столько его, сколько все человечество.

Скончался он на 41 году жизни от горячки, на собственной вилле, спустя 2 года императорства. Весь народ о нем плакал.

12. Демициан: Достоинства и пороки смешивались в нем поровну, пока достоинства не превратились в пороки.

Множество великолепных построек восстановил после пожара.

Чтобы больше оскорбить людское терпение, все свои суровые приговоры начинал он заявлением о своем милосердии, и чем мягче было начало, тем вернее был жестокий конец.

Был самоуверен и груб на словах и в поступках.

Снискав всеобщую ненависть и ужас, он погиб от заговора ближайших друзей, о котором знала его жена. Он был убит в собственной спальне.

Погиб он на 45 году жизни и 15 году власти.

Росту он был высокого, лицо скромное, с ярким румянцем, глаза большие, но слегка близорукие. Лысина доставляла ему много горя.

Сладострастием отличался он безмерным.

ГЛАВА IV. (1-6) ОТ ПСИХОЛОГИИ И ТЕОЛОГИИ ДО ПОТУСТОРОННЕЙ ЖИЗНИ

1. ПЁТР УСПЕНСКИЙ – В ПОИСКАХ ЧУДЕСНОГО,

Госиздат, 1985 г., М.

Все люди думают, что они могут делать, все люди хотят делать; и первый вопрос, который задают все люди – это вопрос о том, что им надо делать. Но в действительности никто ничего не делает, и никто не может что-то делать. Это необходимо понять. Все, что происходит с человеком, все, что сделано им, все, что исходит от него – все это случается. И случается оно таким же образом, как выпадает дождь вследствие изменений в верхних слоях атмосферы или в окружающих облаках, как тает снег и т.д. Быть убежденным в этом это значит избавиться от тысячи иллюзий о человеке, о том, что он якобы творчески и сознательно организует собственную жизнь и так далее. Ничего подобного нет. Всё случается: народные движения, войны и революции, смены правительств – все это случается. Человек рождается, живет, умирает, строит дома, пишет книги – и все это не так, как он хочет, а так, как случается. Все случается, человек не любит, не желает, ненавидит – все это случается».

«Никто, никогда не поверит вам, если вы скажете, что он не может ничего делать. Это самая оскорбительная и самая неприятная вещь, какую вы можете сказать людям. Это особенно неприятно и оскорбительно потому, что это истина, а истину никто не хочет знать».

«В действительности же всё делается только так, как оно может быть сделано».

Для того чтобы делать, необходимо «быть». Для того чтобы понять все подобные вещи, нужно научиться другому языку. На том языке, на котором разговаривают люди, понять друг друга нельзя.

Человек должен научиться говорить правду, люди сравнительно редко говорят обдуманную ложь. В большинстве случаев они думают, что говорят правду. Однако они все время лгут – и тогда, когда желают солгать, и тогда, когда желают сказать правду. Они постоянно лгут и себе и другим. Поэтому никто, никогда не понимает ни себя, ни кого-то другого.

Подумайте, разве могло бы получиться такое глубокое непонимание, такой разлад, такая ненависть к чужим мнениям и взглядам, если бы люди были в состоянии понимать друг друга? Но они не в силах понимать друг друга, потому что не могут не говорить лжи. Говорить правду – это самая трудная вещь на свете; чтобы говорить правду, нужно знать, что такое правда и что такое ложь – прежде всего в себе. А этого никто не желает знать.

«Это слабый человек. Люди пользуются им, разумеется, бессознательно. И все потому, что он считается с ними. Если бы он с ними не считался, все было бы другим».

«Считаться» - огромную роль играет эта вещь в жизни. Гурджиев подразумевал то отношение, которое создает внутреннее рабство, внутреннюю зависимость.

Что такое война – это результат влияний планет. Где-то далеко две или три планеты подошли друг к другу слишком близко и в результате создалось напряжение.

Обратили ли вы внимание, как вы весь напрягаетесь, когда какой-нибудь человек проходит близко от вас по узкому тротуару? То же самое происходит между планетами. Для них это продолжается 1-2 секунды, но здесь, на земле люди начинают убивать друг друга и продолжают делать это, возможно, в течение нескольких лет. В это время им кажется, что они ненавидят друг друга, что они должны убивать друг друга ради какой-то возвышенной цели, или что они должны кого-то или что-то защищать, что так

поступать весьма благородно и т.д. Они не в состоянии понять, до какой степени они представляют собой лишь пешки в игре. Они думают, что что-то значат, думают, что могут двигаться туда и сюда, как им нравится. Они думают, что могут решать то или другое. Но в действительности все их движения, все их действия суть, результат – влияний планет. И, сами по себе, они буквально ничего не значат. Затем большую роль во всем этом играет луна.

Нужно понять, что ни император, ни генералы, ни министры – ничего не значат и не могут ничего сделать.

Все, что случается в большом масштабе, управляется извне и управляется или случайными сочетаниями влияний, или всеобщим космическим законом.

«Один человек ничего не может сделать. Группа с подлинным руководителем может сделать больше. Группа людей в состоянии совершить то, чего одному человеку никогда не добиться».

«Люди не ценят то, что им достается легко».

«То, что можно назвать «астральным телом, приобретается благодаря сплавлению, т.е. при помощи ужасно трудной внутренней работы и борьбы».

«Необходима жертва, если вы ничем не жертвуйте, вы ничего не приобретаете».

«Если знание материально – это означает, что в данном месте и в данное время существует определенное его количество».

Знание не может само прийти к людям, если они не проявят усилий со своей стороны. Хотя существуют теории, что знание может прийти к людям без каких бы то ни было усилий с их стороны, что они могут приобрести его даже во сне.

Человек, достигший полного развития, состоит из 4-х тел. Эти тела состоят из особых субстанций (см. диаграмму):

I тело	II тело	III тело	IV тело
Плотское тело	Природное тело	Духовное тело	Божественное тело
«Повозка» (тело)	«Конь» (чувства, эмоции)	«Возница» (ум)	«Господин» (я, сознание, воля)
Физическое тело	«Астральное» тело	Ментальное тело	Причинное тело

«Астральное тело» - не является необходимым оружием человека. Это большая роскошь, которую себе могут позволить только немногие. Человек в состоянии достаточно хорошо жить без «астрального тела». Его физическое тело имеет все необходимые для жизни функции. Человек без «астрального тела» может даже производить впечатление весьма интеллектуальной и даже духовной личности, может обманывать не только других, но и самого себя.

Это, разумеется, в еще большей степени относится к «ментальному телу» и к IV телу.

Главная разница между функциями человека, обладающего только физическим телом, и функциями человека, обладающего четырьмя телами, состоит в том, что в первом случае функции физического тела управляют всеми другими функциями, иными словами, всё управляется телом, которое в свою очередь управляется внешними влияниями. Во втором случае команда или контроль исходит из высшего тела. Здесь вместо механического процесса мышления существует сознание – существует и воля, т.е. сила, не просто составленная из различных, зачастую противоречивых друг другу желаний, принадлежащих различным «я», но сила, исходящая из сознания и управляемая индивидуальностью, т.е. единым и постоянным «Я». Только такую волю можно назвать «свободой», ибо она независима от случая, и её нельзя изменить, или направить влиянием извне.

«В состоянии механической смеси стабилизировать взаимное расположение порошков невозможно. Но порошки можно расплавить, так как их природа это допускает. Для этого нужно и сплавить. Сплавленные порошки будут находиться в положении химической смеси. И теперь их уже более нельзя отделить друг от друга теми простыми способами, которые разделяли их и заставляли сменять положение в состоянии механической смеси. Смесь эта неделима, «индивидуальна». Такова картина формирования второго тела.

«Если человек дает свободу всем своим желаниям, в нем не будет внутренней борьбы, «трения», пламени.

«Процесс сообщения сплаву новых свойств соответствует процессу формирования третьего тела и приобретения нового знания и новых сил при помощи III тела.

«И лишь того человека, который обладает четырьмя вполне развитыми телами, можно назвать «человеком», в полном смысле этого слова. Такой человек обладает многими качествами, которыми обычный человек не обладает. Одно из этих качеств и есть бессмертие. Человек, приобретая IV тело, приобретает бессмертие.

«Нет никакого прогресса, все осталось таким же, каким оно было тысячи и десятки тысяч лет назад. Изменяется внешняя форма, сущность не меняется. Человек остается таким же, каким он был. «Цивилизованные» и «культурные» люди живут совершенно так же, теми же интересами, что и самые невежественные дикари. Современная цивилизация основывается на насилии, на рабстве и на красивых словах. Но все прекрасные фразы о «прогрессе» и «цивилизации» - это всего лишь слова.

«Человек никогда не бывает долго одним и тем же. Он постоянно изменяется. Он редко остается одним и тем же даже в течение получаса.

При некоторых условиях «астральное тело» можно увидеть, его можно отделить от физического тела и даже сфотографировать около него.

Развитие в человеке тех сил и возможностей, которые никогда не развиваются сами по себе, - только такой тип роста указывает на подлинную эволюцию человека.

Некомпетентное управление человеческой машиной так же опасно, как некомпетентное управление всякой иной сложной машины.

Человек – это множественность.

Главной чертой бытия современного человека, объясняющей все его недостатки, является сон.

Равновесие между знанием и бытием более важно, чем развитие одного или другого из них в отдельности.

Если знание преобладает над бытием, человек знает, но не имеет сил делать. Это бесполезное знание. С другой стороны, если бытие преобладает над знанием, человек имеет силу делать, но не знает.

Большое понимание не находится в зависимости от большого знания.

Люди обладают очень твердым убеждением и уверенностью в том, что они говорят на одном и том же языке и понимают один другого. На самом же деле эта уверенность не имеет под собой никаких оснований.

Ничего не эволюционирует механически, лишь дегенерация и разрушение протекают механически. То, что не в состоянии эволюционировать сознательно, вырождается. Внешняя помощь со стороны возможна лишь до тех пор, пока она ценится и принимается.

Фундаментальный закон, создающий все явления в многообразии – это «закон трех принципов, трех сил».

Согласно истинному знанию, одна или две силы никогда не смогут произвести какое-либо явление. Необходимо присутствие третьей силы, ибо только с её помощью первые две будут в состоянии произвести то, что называется феноменом в любой сфере.

Учение о трех силах – это корень всех древних систем. I силу можно назвать активной, или положительной; II – пассивной, или отрицательной, а III – нейтрализующей. Но это всего лишь названия, потому что в действительности все три силы одинаково активны.

Чем меньше в этом мире законов, тем ближе он к воле Абсолютного; чем больше в нем законов, тем больше механичность, тем дальше он от воли Абсолютного.

Другой фундаментальный закон – «Закон Семи, или закон октав».

Луна – это огромное живое существо, которое питается всем, что живет и растет на земле. Луна не могла бы существовать без органической жизни на земле, равно как и органическая жизнь на земле не могла бы существовать без луны. По отношению к органической жизни, луна – гигантский электромагнит. Если бы действие этого электромагнита внезапно остановилось, органическая жизнь рассыпалась бы в прах.

Процесс роста и разогревания луны связан с жизнью и смертью на земле. Всё живое в момент своей смерти освобождает некоторое количество энергии, придававшей ему «одушевленность». Эта энергия, или «души» всех живых существ – растений, животных и людей, привлекается к луне как ЭМ-м и приносит ей теплоту и жизнь.

Влияние луны на жизнь в целом проявляется во всем, что происходит на земле. Луна – это главная, вернее, ближайшая и непосредственная движущая сила всего, что случается в органической жизни на земле. Все движения, действия и проявления людей, животных и растений зависят от луны и подчинены ей.

Все дурные дела, все преступления, все действия самопожертвования и все героические подвиги, равно как и все действия повседневной жизни, находятся под влиянием луны.

Следующая идея, которую необходимо усвоить – это материальность вселенной в форме «луча творения». Абсолютное так же материально, так же доступно взвешиванию и измерению, как луна или человек. Если абсолютное – это Бог, значит и бога можно взвесить и измерить, разложить на составные элементы, «вычислить» и выразить в виде определенной формулы.

Человек представляет собою в полном смысле слова «миниатюрную вселенную», в нем наличествуют все виды материи, из которых состоит вселенная, в нем действуют те же самые силы, те же самые законы, что управляют жизнью во вселенной, поэтому, изучая человека, мы можем изучить весь мир, а изучая мир, мы можем изучить человека.

С космической точки зрения, земля это очень плохое место, подобное самым отдаленным частям северной Сибири: она далека от всего мира, здесь холодно, здесь очень тяжелая жизнь. Все, что в другом месте приходит само собой или приобретается с легкостью, здесь может быть достигнуто только в результате упорного труда, здесь нужно бороться за все, как в жизни, так и в работе.

Существуют 4 субстанции: когда субстанция является проводником первой, или активной силы, она называется «углеродом» и обозначается подобно углероду в химии - «С».

Когда субстанция является проводником второй, или пассивной силы, она называется «кислородом» – «О».

Когда субстанция является проводником третьей, или нейтрализующей силы, она называется «азотом» - «N».

Когда субстанция берется безотносительно к проявляющейся через нее силе, она называется «водородом» и обозначается «H».

(В этом система Гурджиева соединялась с системой Таро).

«Ум должен научиться управлять эмоциями».

Люди, имеющие «астральное тело», могут общаться друг с другом на расстоянии, не прибегая к помощи обычных физических средств.

(Для установления связи с умершими, берут вещи, принадлежавшие им).

Христос знал, что он должен умереть, знали и его ученики. Им хотелось установить с Христом постоянную связь. И с этой целью он дал им выпить Свою кровь и съесть Свою плоть.

Желание быть господином самого себя. Без этого ничто иное невозможно.

«То, что случается или может случиться, зависит от трех причин: от случая, от судьбы, от нашей собственной воли».

«Если человек хочет узнать собственное будущее, он должен, прежде всего, познать самого себя».

Работая для жизни, человек трудится для смерти или, вернее, для бессмертия.

Христианин это не человек, называющий себя так. Христианин – это тот, кто живет в соответствии с заповедями Христа.

Христос говорит: «Любите врагов ваших». Но как можем мы любить своих врагов, если мы неспособны даже любить своих друзей?

Если человек взглянет на себя и увидит, что он представляет собою в действительности, он не будет мечтать о помощи другим людям, ему станет стыдно даже думать об этом. Для того чтобы помогать другим, человек должен сперва научиться быть эгоистом, сознательным эгоистом. Только сознательный эгоист может помогать людям.

Для того чтобы сделаться свободным, человек должен завоевать внутреннюю свободу.

Первая причина внутреннего рабства человека – это его невежество, и прежде всего, незнание самого себя.

Вот почему во всех древних учениях первым требованием в начале пути к освобождению было правило:

«Познай самого себя».

Есть два метода самонаблюдения: 1) анализ (найти ответы на вопросы); 2) запись (в уме, что наблюдается в данный момент).

Неприятные грезы являются крайне абсурдными. Воображение и мечтания – это случаи неправильной работы мыслительного центра.

Несколько пунктов из психологических теорий Гурджиева:

1. Это возможность изменить себя, т.е. тот факт, что, начиная правильно наблюдать себя, человек сейчас же начинает изменяться и что никогда не может найти, что внутри него все в порядке.
2. Требование – «не выражать неприятных эмоций» (изучение эмоций и работа над ними легли в основу последующего развития всей системы).
3. Идея двигательного центра, о взаимоотношениях между двигательными и инстинктивными функциями.

Особенно важно в системе Гурджиева то, что одинаковые действия могут возникнуть в результате действия разных центров.

Пример: новобранец и старый солдат во время упражнений в стрельбе.

И выполняет упражнение при помощи мыслительного центра, тогда как второй выполняет его при помощи двигательного, который производит работу намного лучше.

Он употреблял название «автоматических» только для тех действий, которые человек выполняет независимо для себя. Если эти же действия выполняются таким образом, что человек их замечает, их нельзя назвать автоматическими.

Среди внешних движений он считал инстинктивными действиями только рефлексы.

Одно из главных свойств двигательного центра – это его способность к подражанию.

Сознание это такое качество, которое постоянно изменяется. Сейчас оно есть, а вот его уже нет.

Только те результаты будут иметь какую-то ценность, которые сопровождаются самовоспитанием.

Закон семи или закон октав.

Чтобы понять этот закон, необходимо рассматривать вселенную, как состоящую из вибраций. Эти вибрации происходят во всех видах, аспектах и плотностях материи, составляющих вселенную от самых тонких до самых грубых ее проявлений; они исходят из различных источников и продолжаются в разных направлениях, пересекаясь друг с другом, сливаясь, усиливаясь, ослабевая, препятствуя друг другу и т.д. Вибрации непрерывны. Это означает, что вибрации обычно принимаются за происходящие беспрепятственно, по восходящей линии, пока продолжает действовать сила первоначального импульса, вызвавшего вибрацию и преодолевающего сопротивление среды, в которой происходит вибрация. Когда сила импульса иссякает, а сопротивление среды возьмет верх, вибрации естественно замирают и останавливаются. При отсутствии сопротивления они могут длиться бесконечно. Одно из фундаментальных положений нашей физики – это непрерывность вибраций.

Вообразим линию возрастающих вибраций. Возьмем их в такой момент, когда они вибрируют со скоростью тысячи колебаний в секунду. Через некоторое время число вибраций удваивается, т.е. достигает 2 тыс. Было обнаружено, что в этом интервале вибраций, между данным числом вибраций и вдвое большим их числом, существует два места, где происходит замедление и нарастание вибраций. Одно из них находится около начала, но не в самом начале, второе оказывается расположенным почти в самом конце.

Законы, управляющие замедлением или отклонением вибраций от их первоначального направления, были известны древней науке. Эти законы были должным образом включены в особую формулу, или диаграмму, которая сохранилась до нашего времени. В данной формуле период удвоения вибрации был разделен на восемь неравных ступеней соответственно темпу возрастания вибраций. На VIII ступени повторяется первая ступень, но с удвоенным числом вибраций. Этот период удвоения вибраций между данным их числом и удвоением этого числа, называется октавой, т.е. состоящим из восьми.

Идеи октавы передавались из рук в руки, от учителя к ученику, из одной школы в другую. В очень отдаленные времена одна из этих школ нашла возможным применить формулу октав к музыке. Таким образом была получена музыкальная шкала с семью тонами, известная с глубочайшей древности, затем забытая, а впоследствии опять открытая, или «найденная».

Шкала семи тонов есть формула космического закона, полученная древними школами и примененная к музыке. В то же время, если мы будем изучать проявления закона октав в вибрациях других родов, мы увидим, что законы остаются повсюду одними и теми же, что свет, тепло, химические, магнитные и другие вибрации подчиняются тому же закону, что и звуковые. Например, в физике известна световая шкала, в химии – периодическая система элементов, без сомнения, тесно связана с принципом октав, хотя эта связь все еще не вполне ясна науке.

Изучение структуры музыкальной шкалы семи тонов дает весьма хорошую основу для понимания космического закона октав.

Возьмем восходящую октаву, в которой частота вибраций возрастает. Предположим, что эта октава начинается с тысячи колебаний в секунду нотой «до». Колебания растут, т.е. частота их увеличивается. В том пункте, где она достигает двух тысяч колебаний в секунду, будет второе «до», т.е. «до» второй октавы.

Период между первым и следующим «до», т.е. октава, делится на семь неравных частей, потому что частота колебаний нарастает неравномерно.

Соотношение высоты нот, или частоты колебаний, будет следующим.

Если мы примем «до» за единицу, тогда «ре» будет составлять $9/8$, «ми» - $5/4$, «фа» - $4/3$, «соль» - $3/2$, «ля» - $5/3$, «си» - $15/8$, «до» - 2.

Различие между нотами, или различия в их высоте, называются интервалами; мы видим, что существуют три вида интервалов в октаве: $9/8$; $10/9$ и $16/15$, которые в целых числах соответствуют величинам 405, 400, 384. Наименьший интервал $16/15$ встречается между «ми» и «фа» и между «си» и «до». Как раз в этих местах и происходит замедление октавы.

По отношению к музыкальной шкале в семь тонов считается общепринятым (теоретически), что между каждыми двумя нотами существует два полутона, за исключением интервалов «ми-фа», и «си-до», где имеется только один полутон; считается, что там один полутон выпадает.

Таким путем получаются двадцать нот, из которых восемь основные: до, ре, ми, фа, соль, ля, си, до и двадцать промежуточные: по две между каждыми из следующих двух нот:

до – ре

ре – ми

фа – соль

соль – ля

ля – си;

и по одной между каждыми из следующих двух нот:

ми – фа

си – до.

Но на практике, т.е. в музыке, вместо 12 промежуточных полутонов берется только пять, т.е. по одному полутону между

до – ре

ре – ми

фа – соль

соль – ля

ля – си

Между ми и фа, а также между си и до полутон вообще не берется.

Таким путем структура музыкальной шкалы полутонов дает схему космического закона «интервалов» или отсутствующих полутонов. Когда об октавах говорят в «космическом» или «механическом» смысле, «интервалами» называют только промежутки между ми – фа и си – до.

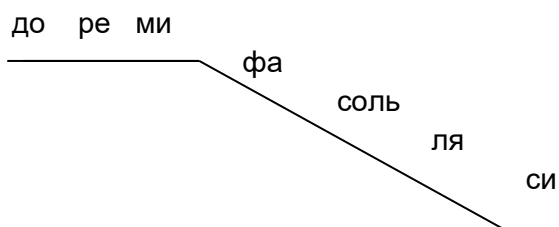
Если мы охватим полный смысл закона октав, он дает нам совершенно новое объяснение жизни в целом, прогресса и развития явлений на всех планах вселенной, доступных нашему наблюдению. Этот закон объясняет, почему в природе нет прямых линий, а также, почему мы не в состоянии ни думать, ни делать чего-либо, почему с нами все случается и обычно случается особым образом, противоположным тому, чего мы хотим или ожидаем. Все это – ясные и прямые следствия «интервалов», или замедлений в развитии вибраций.

Что же в точности происходит в момент замедления вибраций? Имеет место отклонение от первоначального направления. Октава начинается в направлении, указанной стрелой:

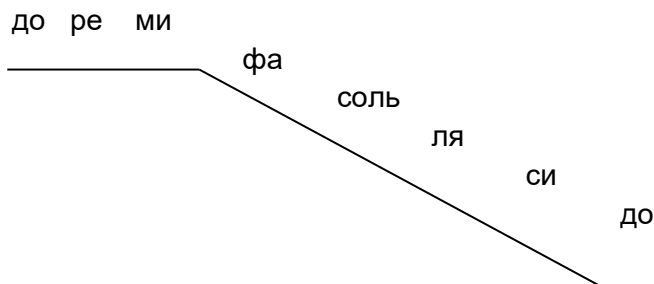
До Ре Ми

—————→

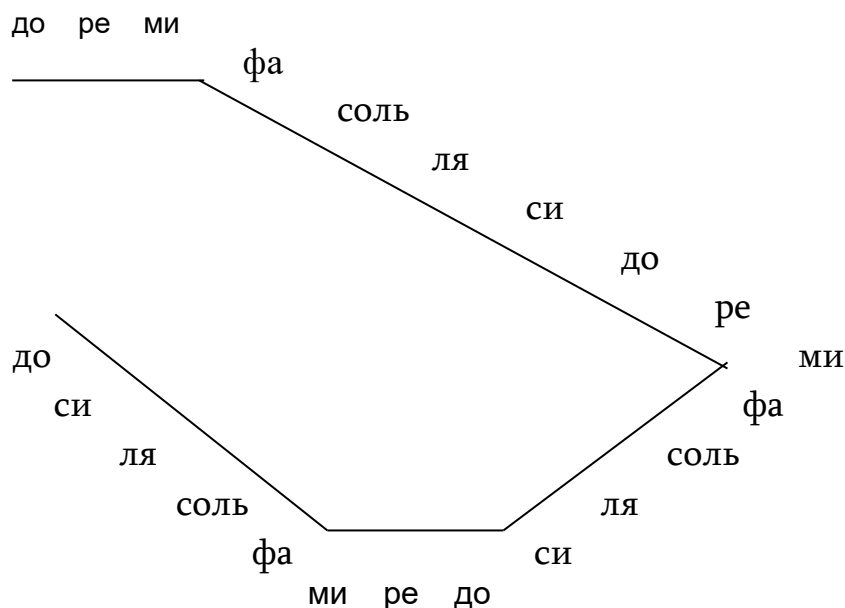
Но между ми и фа происходит отклонение; линия начинает менять направление:

а через фа, соль, ля и си она идет книзу под углом к первоначальному направлению, показанному первыми тремя нотами. Между «си» и «до» появляется второй «интервал» - новое отклонение и дальнейшее изменение направления

Следующая октава дает еще более заметное отклонение, а следующая за ней – ещё более явственное, так что линия октав может, в конце концов, сделать полный поворот кругом и идти в направлении, противоположном первоначальному.

Развиваясь далее, линия октав, или линия развития вибрации, может вернуться к своему первоначальному направлению, иными словами, совершить полный круг.

Этот закон показывает, почему в нашей деятельности никогда не бывает прямых линий, почему, начав делать одно, мы фактически постоянно делаем что-то совершенно иное, часто противоположное первому, хотя сами этого не замечаем или продолжаем думать, что делаем то же самое, что начали.

Все это и многое другое можно объяснить только с помощью закона октав вместе с пониманием роли и значения «интервалов», которые постоянно изменяют развитие силы, направляют её по ломаной линии, поворачивают, делают её «собственной противоположностью» и так далее.

Такой курс вещей, т.е. перемен направления, мы можем наблюдать во всем. После некоторого периода энергичной деятельности или сильной эмоции или правильного

понимания происходит реакция, работа становится нудной и утомительной, появляются усталость и безразличие, вместо правильного мышления начинаются поиски компромиссов. Но линия продолжает развиваться, хотя теперь не в том же направлении, что в начале. Все идет таким образом в течение некоторого времени, затем опять наступает реакция, опять остановка, опять отклонение. Развитие силы может продолжаться, а работа, которая была начата с великим рвением, становится обязательной и бесполезной формальностью. То же самое получается во всех сферах человеческой деятельности.

Закон октав объясняет многие явления в нашей жизни, которые невозможно понять.

Первое – это принцип отклонения сил. Второе – это тот факт, что ничто в мире не стоит на том же месте, не остается тем, чем было; все движется, всё идет куда-то, всё меняется и неизбежно или развивается, или идет вниз, ослабевает или вырождается, т.е. движется или по восходящей или по нисходящей линии.

И третье – что в подлинном развитии восходящих и нисходящих октав постоянно имеют место флюктуации, подъемы и падения.

Ничто не может развиваться, оставаясь на одном уровне. Восходящая или нисходящая линия есть неизбежное космическое условие любого действия. Мы не понимаем и не видим этого, что происходит вокруг или внутри нас, или потому, что мы не допускаем неизбежности спада, когда нет подъема, или потому, что мы принимаем спад за подъем. Вот две из фундаментальных причин нашего самообмана.

Наша энергия неожиданно возрастает и ослабевает, наше настроение, которое становится то «лучше», то «хуже», без какой-либо видимой причины. Наши чувства, желания, намерения, решения, всё это от времени до времени проходит через периоды подъема и упадка, становится сильнее или слабее; все это зависит от «интервалов» октав, как и сами «интервалы».

Библейский миф о сотворении мира в шесть дней и о седьмом дне, во время которого Бог отдыхал от трудов своих, также является выражением закона октав или указанием на него. «Человек машина» - весь во власти случая.

Власть над внешними вещами начинается с приобретения контроля над процессами внутри нас, с власти над собой. Человек, не способный контролировать себя или ход своих внутренних процессов, не может контролировать ничего».

«Человек – машина» не может делать ничего. С ним и вокруг него всё случается. Чтобы делать, надо знать закон октав, знать моменты «интервалов», уметь создавать необходимые «добавочные толчки».

Все крупные события в жизни человеческих масс вызываются влияниями планет.

Два обычных состояния сознания – это, во-первых, сон, пассивное состояние, в котором человек проводит треть, а часто и половину своей жизни. Во-вторых, состояние, в котором люди проводят остальную часть своей жизни, в котором они гуляют по улицам, пишут книги, говорят на возвышенные темы, убивают друг друга. Люди считают это состояние активным, называют его «ясным сознанием», или «бодрственным состоянием сознания». Этот термин кажется дан в шутку, особенно когда вы поймете, чем должно быть в действительности ясное сознание и что представляет собой на деле то состояние, в котором человек живет и действует.

Третье состояние сознания – это самовоспитание, или самосознание, или сознание своего бытия.

Четвертое состояние сознания названо объективным состоянием сознания. В этом состоянии человек может видеть вещи такими, каковы они есть.

В I состоянии (сна) человек не видит реального мира. Реальный мир скрыт от него стеной воображения. Он живет во сне, он спит. То, что называют «ясным сознанием» - это сон и сон гораздо более опасный, чем ночью в постели.

Возьмем какое-нибудь событие, например войну. Идет война? Что это означает? Это означает, что несколько миллионов спящих людей пытаются уничтожить несколько миллионов других спящих людей.

Оба состояния сознания, сон и бодрствование, одинаково субъективны. Только начиная вспоминать себя, человек по-настоящему пробуждается. И тогда вся окружающая жизнь приобретает для него иной аспект и иное значение. Он видит, что это жизнь спящих, жизнь во сне. Всё, что люди говорят, всё, что они делают, они делают во сне. И всё это не имеет ценности. Только пробуждение имеет действительную ценность.

В идее сна нет ничего нового. Почти с самого сотворения мира людям твердят, что они погружены в сон, что они должны пробудиться. Сколько раз об этом говорится в Евангелии – «Пробудись», «бодрствуй», «не спи». Ученики Христа спали даже тогда, когда он последний раз молился в Гефсиманском саду.

Подлинное объективное знание, к которому человек, как он сам уверяет, стремится, возможно, только в четвертом состоянии сознания, т.е. оно обусловлено полным обладанием четвертым состоянием сознания. Знание, приобретаемое в обычном состоянии сознания, перемешано со снами.

Человек должен научиться производить умственные моментальные «фотографии» самого себя в различные мгновения своей жизни и во время разных эмоциональных состояний, причем, не фотографии деталей, а фотографии целого, каким он его видит. Эти фотографии должны содержать одновременно всё, что человек в данный момент может увидеть в себе: эмоции, настроение, мысли, ощущения, позы, движения, интонации голоса, выражение лица и тому подобное. Фотографии ясно ему покажут, что он собою представляет. Если эти фотографии делаются успешно, если их набралось достаточное количество, человек увидит, что его обычное понятие о себе, с которым он жил из года в год, весьма далеко от реальности, и для того, чтобы начать самонаблюдение и самоизучение, необходимо различать себя. Человек должен понять, что он в действительности состоит из двух людей.

Один человек - тот, кого он называет «я» и кого другие называют «Успенский»... Другой – это подлинный «он», подлинное «я», которое появляется в его жизни лишь на очень короткие мгновения и может стать твердым и постоянным только после очень долгого периода работы.

Пока человек принимает себя за одну личность, он никогда не сдвинется с места. Его работа над собой начинается с того момента, когда он начинает ощущать в себе двух человек.

Человек отождествляет себя с какой-нибудь мелкой проблемой, которая возникает перед ним, и он полностью забывает те большие цели, ради которых он начал работу. Работая над собой, люди так сильно отождествляют себя с отдельными целями, что им не удается за деревьями видеть лес. Два или три ближайших дерева составляют для них целый лес.

«Отождествление» - один из наших ужаснейших врагов, потому, что оно проникает повсюду и обманывает человека в тот самый момент, когда ему кажется, что он борется с ним. Чтобы освободиться от отождествления, человек должен быть постоянно на страже, быть безжалостным к себе, т.е. он не должен опасаться увидеть все тонкие и скрытые формы, которые принимает отождествление.

Посмотрите на людей в магазинах, театрах, ресторанах, присмотритесь, как они отождествляют себя со словами, когда о чем-либо спорят или пытаются что-то доказать, особенно то, чего сами не знают.

Отождествление является главной помехой для самовоспоминания.

В наиболее часто встречающихся случаях человек отождествлен с другими людьми, думает о них, о том, как они к нему относятся, как с ним обращаются. Он всегда думает, что люди недооценивают его, недостаточно вежливы и внимательны к нему. Всё это мучит его, заставляет размышлять и подозревать – и терять огромное количество энергии, развивает в нем недоверчивое и враждебное отношение к людям. Как кто-то взглянул на него, что кто-то сказал о нем – всё это приобретает для него огромное значение.

Эти требования в свою очередь основаны на совершенно фантастическом представлении о себе, как это часто бывает у людей весьма скромной наружности. Отчего страдают люди? Прежде всего, от необыкновенно высокого мнения о себе, затем от требований, затем от суждений, т.е. от того, что они заранее подготовлены, чтобы почувствовать себя оскорбленными недостатком понимания и недооценкой.

Есть еще одна форма мнительности, которая может лишить человека большого количества энергии. Эта форма проявляется тогда, когда человек начинает думать, что он недостаточно внимателен к какому-то другому лицу, что это другое лицо оскорблено его недостаточным вниманием. Все это просто слабость. Люди боятся друг друга. Таким образом, человек может вконец потерять равновесие, если оно вообще у него когда-то имелось и начать совершать совершенно бессмысленные действия. Он сердится на самого себя, чувствует, что он глуп, но не может остановиться, тогда как в этих случаях всё дело как раз в том, чтобы «не быть мнительным».

Тот же случай, только, возможно, хуже, когда человек считает, что, по его мнению, он «обязан» что-то делать, тогда как фактически ему делать этого вовсе не нужно.

Отождествление, мнительность, выражение неприятных эмоций – все это признаки его слабости, бессилия, неумения контролировать себя.

Но, не желая сознаваться самому себе в своей слабости, он называет её «искренностью» или «честностью». Он говорит, что не желает бороться против искренности, тогда как в действительности он не способен бороться со своими слабостями.

Уменьше считаться с людьми требует знания людей, понимания их вкусов, привычек и предрассудков. В то же время уменьше считаться требует большой власти, большого контроля над собой.

Если человек по-настоящему помнит себя, он поймет, что другой человек – это такая же машина, как и он сам. И тогда он войдет в его положение, поставит себя на его место, сможет по-настоящему понять и почувствовать то, что другой думает и чувствует. Если он может это сделать, его работа станет для него легче. Если он подходит к человеку с собственными требованиями, из этого никогда ничего не получится, кроме новых проявлений мнительности.

Если в человеке созданы «буфера», он может перестать чувствовать их и не ощущать удара от столкновений противоречивых взглядов, эмоций, слов. С другой стороны «буфера» делают жизнь человека более легкой, удерживают человека от возможности внутреннего развития, потому что «буфера» созданы для того, чтобы уменьшить толчки. Но ведь только толчки могут вывести человека из того состояния, в котором он живет, пробудить его. «Буфера» убавкивают его, погружают его в сон.

Мораль – относительное понятие. То, что морально в Китае, является аморальным в Европе; то что морально в Европе, аморально в Китае и т.д.

Никто никогда не делает что-нибудь намеренно в интересах зла ради зла. Каждый действует в интересах добра, как он его понимает. Но каждый понимает его по-разному. И в результате люди топят, уничтожают и убивают друг друга в интересах добра. Причина этого опять-таки та же самая: людское незнание и тот глубокий сон, в котором живут люди.

Большинство людей не понимает и никогда не поймет, что они спят, для них фактически не существует ни добра, ни зла.

Однако в действительности добро и зло существуют лишь для немногих - для тех, у кого есть цель и кто преследует эту цель, тогда то, что препятствует достижению цели, является злом, а то, что помогает её достижению – хорошо.

Человек должен понять, что он не существует, что он ничего не теряет потому, что ему нечего терять, он должен понять свое «ничтожество» в полном смысле этого слова.

Это сознание своего ничтожества единственно в состоянии победить страх подчинения чужой воле. Как бы странно это ни звучало, подобный страх на деле является одним из самых серьезных препятствий на пути человека.

Судьба – это результат влияния планет, которые соответствуют типу человека...

Человек состоит из двух частей: сущности и личности. Сущность – это то, что является собственным в человеке. Личность человека – то, что является для него чужим. «Чужое» означает то, что пришло извне, чему он научился, что в нем отражается, т.е. все следы внешних влияний.

Сущность – это истинное в человеке, личность – это нечто ложное. Но по мере того, как растет личность, сущность пропорционально проявляется реже и реже. И очень часто случается, что сущность останавливается в своем развитии в очень раннем возрасте и более не растет.

Нередко выходит, что сущность взрослого человека, даже весьма интеллигентного и высокообразованного, останавливается на уровне ребенка 5 лет. Это значит, что всё видимое нами в этом человеке на самом деле является «чужим». То, что в человеке бывает его собственным, т.е. его сущность, обыкновенно проявляется в его инстинктах и простейших эмоциях. Однако бывают случаи, когда сущность человека растет параллельно его личности. Сущность имеет больше шансов развиваться в тех людях, которые живут в близости к природе, в трудных условиях непрерывной борьбы и опасности.

Случается, что человек, полный самых различных и возвышенных идей, полный симпатий и антипатий, любви, ненависти, привязанностей, патриотизма, привычек, вкусов, желаний, убеждений, внезапно оказывается совершенно пустым, без всяких мыслей, чувств, без убеждений и взглядов. Все это раньше волновало его, теперь оставляет совершенно безразличным.

В случае менее культурных людей сущность бывает более развита, чем у культурного человека.

Нередко случается, что сущность в человеке умирает, когда его личность и его тело все еще живут. Значительный процент людей, из большого города, составляют люди, которые пусты изнутри, т.е. они на самом деле уже мертвы.

К счастью для нас, мы не видим и не знаем этого. Если бы мы знали, сколько вокруг нас в действительности мертвых людей, как много таких мертвецов управляет нашей жизнью, мы сошли бы с ума от ужаса, однако, все устроено таким образом, что человек не может ничего видеть прежде времени.

Если человек желает создать свою индивидуальность, он должен прежде всего освободиться от общих законов.

Христос учил: «Не берите ни мешка, ни суммы».

Платность сразу избавляет нас от множества бесполезных людей. Ничто так хорошо не показывает человека, как его отношение к деньгам. Они готовы тратить сколько угодно на свои личные фантазии. Но совершенно не ценят труда другого человека (Гурджиев насчет учеников и платы за уроки).

Энергия тратится, главным образом, на ненаучные и непонятные эмоции, на ожидание возможных и невозможных неприятностей, на плохое настроение, ненужную спешку, нервозность, раздражительность, воображение, мечтания и т.п. Энергия тратится и на неправильную работу центров, на ненужное напряжение мускулов, непропорциональность

производимой работе: на постоянную болтовню, которая поглощает огромное количество энергии, на «интерес», постоянно проявляемый к вещам, случающимся вокруг нас или других людей, которые на деле не представляют никакого интереса.

Человеческий организм получает пищу трех видов:

1. Обычную пищу, которую мы едим;
2. Воздух, которым мы дышим;
3. Наши впечатления.

Без пищи и воды человек может прожить несколько дней. Без воздуха он может существовать только несколько минут, не более двух-трех; лишенный воздуха на 4 минуты, человек, как правило, умирает. Без впечатлений человек не в состоянии прожить ни одного мгновения.

Главным мотором для нас является природа, окружающий нас мир. Природа через наши впечатления передает нам энергию, которой мы живем, движемся и существуем. Если приток этой энергии будет прекращен, наша машина немедленно прекратит работу. Итак, из трех видов пищи самым важным для нас являются впечатления.

Впечатления, воздух и физическая пища дают организму способность жить до конца положенного ему нормального срока и вырабатывать субстанции, необходимые не только для поддержания жизни, но также для создания высших тел и для их роста.

Процесс преобразования поступающих в организм веществ в более тонкие субстанции управляется законом октав.

Для перехода человека номер четыре на уровень человека номер пять требуется достаточно значительный период трансмутации и кристаллизации.

Центр, работающий с более грубым, более тяжелым, более плотным «водородом», работает медленнее.

«Таблица видов водорода» помогает нам уяснить идею о полной материальности всех психических, интеллектуальных, эмоциональных, волевых и прочих внутренних процессов, включая самые возвышенные поэтические вдохновения, религиозные экстазы, мистические откровения.

Принцип относительности – «Путь вверх есть в то же самое время путь вниз».

Если люди, которые с нами работают, поднимутся до нашего уровня, он получит образно все, чем он пожертвовал. Но если они не поднимутся, мы можем полностью всё утратить.

Учитель всегда соответствует уровню ученика, чем выше ученик, тем выше может быть учитель. Но ученик не слишком высокого уровня не может рассчитывать на очень высокого учителя, таков закон.

Никто не в состоянии видеть своего уровня. Но обычно люди не только не знают этого, но наоборот, чем ниже они стоят сами, тем более высокого учителя требуют. Сам человек не стоит медного гроша, но в учителя хотят самого Иисуса Христа. И ему в голову не приходит, что если бы он встретил такого учителя, как Иисус Христос, и если бы тот принял его, как это описывается в евангелиях, он никогда не смог бы последовать за ним, ибо чтобы стать учеником Иисуса Христа, необходимо было бы находиться на уровне апостола. Здесь имеет место определенный закон: чем выше учитель, тем труднее он для ученика. И если разница в уровнях ученика и учителя идет дальше известных пределов, тогда затруднения на пути ученика становятся непреодолимыми.

Ученик не может идти вперед без учителя, а учитель не может идти вперед без ученика или учеников. Это конкретное правило, на котором основывается закон восхождения человека. Никто не может подняться на более высокую ступень, пока не поставит на свое место другого человека. То, что человек получил, он должен немедленно отдать. И лишь тогда он сможет получить больше. Иначе же у него будет отнято то, что уже было дано.

Существует семь космосов: I - протокосмос, II - айкосмос, мегакосмос, III - макрокосмос, IV - дейтерокосмос, V - мезокосмос, VI - тритокосмос, VII - микрокосмос.

Проявление законов одного космоса в другом и составляет то, что мы называем чудом.

Наука и философия в истинном смысле этих слов начинается с идеи космосов.

Человек № 7 становится бессмертным в пределах солнечной системы.

«Если человек умирает не пробудившись, он не может родиться».

Пробудиться – значит осознать своё ничтожество, т.е. осознать свою полную и абсолютную механичность, полную и абсолютную беспомощность.

Пока человек не приходит от себя в ужас, он ничего в себе не знает.

Обмен наблюдениями есть одна из целей существования группы.

Следующее требование к членам группы заключается в том, что они должны говорить учителю в группе всю правду.

Говоря учителю обдуманную ложь или проявляя неискренность по отношению к нему, скрывая нечто, они делают свое присутствие в группе совершенно бессмысленным. Это даже хуже грубости или невежливости к учителю.

Они должны помнить, зачем они пришли в группу. Они пришли, чтобы учиться и работать над собой, причем учиться и работать не так, как они сами понимают это, но так, как им говорят. Если находясь в группе, они начинают чувствовать или выражать недоверие к учителю, критиковать его действие, если они находят, что понимают лучше, если они выказывают недостаточную внимательность по отношению к учителю, недостаточное уважение к нему, грубость, нетерпение, склонность к спорам, это сразу же кладет конец всякой возможности работы, потому, что работа может вестись лишь до тех пор, пока люди помнят, что они пришли учиться, а не учить.

Если человек перестает доверять учителю, учитель становится ему не нужен, но и он становится не нужен для учителя. И в этом случае будет лучше для него уйти и поискать другого учителя или попытаться работать без учителя. Это не принесет ему пользы, но, во всяком случае, принесет меньше вреда, нежели ложь, скрытность или сопротивление и недоверие к учителю.

«Все члены группы должны работать, если же они только посещают группу, а не работают, а лишь воображают, что работают, если они рассматривают работу лишь как простое присутствие в группе, для времяпровождения, если они ищут приятных знакомств, их присутствие в группе становится полностью бесполезным. И чем скорее они добровольно уйдут из группы или их оттуда удалят, тем лучше будет для них и для других.

Правила работы являются главной и первой помощью, которую они получают от работы.

Правила остаются необходимыми, хотя они никогда не могут быть легкими, приятными или удобными. Наоборот, они должны быть трудными, неприятными, иначе, они не будут отвечать своей цели. Правила – это будильники, которые будят спящего. Но человек, открывающий на секунду глаза, негодует на будильник и спрашивает: «Нельзя ли проснуться без будильников?».

Только тогда, когда человек по-настоящему и искренне пришел к убеждению о своей беспомощности и ничтожестве, только тогда, когда он постоянно это чувствует, он будет готов для следующих, гораздо более трудных стадий работы.

Не допускается создания у людей ослепления. То, что вы называете «черной магией», основано на ослеплении, это игра на человеческих слабостях.

Когда человек выполняет поставленные задачи, он борется с самим собой и работает над собой. Если же он избегает их, это означает, что он или не хочет или не может работать.

Более трудные занятия, хотя они трудны лишь субъективно, называются «преградами». Особенность преград заключается в том факте, что преодолев серьезную преграду, человек уже более не может возвратиться к обычному сну и обычной жизни. И если, преодолев

первую преграду, человек чувствует страх перед теми, которые следуют за ней, и не идет вперед, он оказывается между двумя преградами, и не может двигаться ни вперед, ни назад. Это худшее из того, что может случиться с человеком.

Часто случается, что остановившись перед каким-то препятствием, обычно самым небольшим и простым, люди настраиваются против работы, против учителя и против других членов группы, обвиняют их как раз в том, что открывается им в самих себе.

Иногда они впоследствии раскаиваются и порицают себя, а потом опять порицают других и т.д. Но ничто так не раскрывает человека, как его отношение к работе и учителю, после того, как он их оставил. Иногда такие испытания устраиваются намеренно. Человек ставится в такое положение, что он обязан уйти, и он полностью прав, чувствуя ожесточение против учителя или других людей. И тогда за ним наблюдают, чтобы увидеть, как он будет себя вести. Достойный человек будет себя вести с достоинством, даже если он считает, что с ним обошлись несправедливо или неправильно. Но многие люди – в подобных обстоятельствах показывают такую сторону своей природы, которую они иначе не показали бы. И иногда это является необходимым средством, чтобы показать природу человека.

Они сами являются своим наказанием. И какое наказание может быть хуже? (Из системы Гурджиева об учениках).

Человек лжет так много и столь постоянно, и себе, и другим – что он перестает это замечать. Тем не менее, ложь должна быть побеждена. И первое усилие, которое требуется от человека – это победить ложь по отношению к учителю. Человек должен сразу решать: не говорить ему ничего кроме правды, или немедленно бросить все дело.

Вы должны уяснить себе, что учитель принимает на себя очень трудную задачу: чистки и починки человеческих машин. Конечно, он принимает только те машины, починить которые в его силах. Если в машине сломано или вышло из строя что-то существенное, тогда он отказывается брать на себя её починку. Но даже такие машины, которые по своей природе все еще можно починить, становятся совершенно безнадежными, если они начинают лгать. Ложь учителю, даже самая незначительная, сокрытие любого рода, например, утайка чего-то, что другой просил держать в секрете, или чего-то, что сам человек сказал другому – все это сразу кладет конец работе человека, в особенности если он раньше совершал какие-то усилия.

Если ученик вчера сделал что-то, это означает, что сегодня он должен сделать больше. Тот, кто ничего не делает, ничего не получает.

То, что записано на положительной стороне, никогда не может искупить записанной на отрицательной. То, что записано на отрицательной стороне, может быть стерто лишь истиной, т.е. немедленным и полным признанием самому себе и другим, прежде всего – учителю. Если человек видит свою ошибку, но продолжает оправдывать себя, небольшой проступок может уничтожить целые годы усилий и труда.

Группа – это большое дело. Она начинается для какой-то определенной, конкретной работы, для определенной цели. Я должен иметь доверие к вам в этой работе, а вы должны доверять мне и друг другу. Тогда у нас будет группа.

В группе все отвечают друг за друга. Ошибка одного становится ошибкой всех!!! Успех одного – это успех всех, неудача одного есть неудача всех. Серьезная ошибка со стороны одного человека, как например, нарушение фундаментального правила (уважение), неизбежно ведет к распаду целой группы.

В группе не может быть личных интересов, противоположных интересам других людей, или интересам работы, не может быть личных симпатий или антипатий, которые препятствуют работе. Все члены группы – это друзья и братья, но если один из них оставляет группу, особенно если он удален учителем, он перестает быть другом и братом, и сейчас же становится чужим, как бы отрезанным прочь.

Ученикам следует помнить, что учитель им может помочь в такой степени, в какой ученики помогают учителю. Кроме того, помощь учеников вначале будет оцениваться не по фактическим результатам, которые почти наверняка будут равны нулю, но по размерам и количеству ваших усилий.

Работа растёт и изменяется. Если же сам человек не растёт и не меняется, он не в состоянии сохранить равновесие с работой. Работа оставляет его позади, и тогда само то обстоятельство, что он был полезен, может принести вред.

Обычные усилия в счёт не идут. Идут в счёт только сверхусилия. Те, кто не хотят совершать чрезмерных усилий, поступят лучше, если бросят все дела и уйдут.

Лучше умереть, совершая усилия пробудиться, чем жить погруженным в сон.

У нас гораздо больше силы, чем мы думаем, но мы никогда её не используем.

Весьма важную роль в человеческом организме играет аккумулятор. Около каждого центра существуют два небольших аккумулятора, наполненных особой субстанцией, необходимой для работы данного центра. В добавление к этому есть ещё и большой аккумулятор, который питает малые. Малые аккумуляторы соединены друг с другом и с центром, а также с большим аккумулятором.

Работа аккумулятора: напр. человек работает или читает трудную книгу, соответствующие центры заимствуют энергию, необходимую для работы, из малых аккумуляторов. Когда аккумуляторы пусты, человек ощущает утомление. Ему хочется в это время отдохнуть, после малейшего отдыха совершенно неожиданно он чувствует прилив энергии и вот он вновь может работать. Это означает, что центр соединился со вторым аккумулятором и черпает энергию оттуда. В это время первый аккумулятор наполняется энергией из большого аккумулятора. Работа центра продолжается, человек продолжает работать. Через некоторое время опять усталость – истощается запас у II аккумулятора. Снова следует внешний толчок – короткий отдых или сигарета или усилие – он ещё рассоединяется с первым аккумулятором. Может случиться, что центр возьмет энергию из второго аккумулятора так быстро, что у того нет времени восполнить свой запас из большого аккумулятора. Вновь соединившись с первым аккумулятором, центр начинает брать от него энергию, тогда как II аккумулятор связывается с большим аккумулятором и берет энергию от него. Но теперь I аккумулятор наполнен лишь наполовину. Центр быстро истощается, за это время II аккумулятор успел зарядиться лишь на четверть. Центр соединяется с ним, быстро истощает все запасы, ещё раз соединяется с I аккумулятором и т.д. Через некоторое время ни в одном из малых аккумуляторов не остается ни капли энергии. На сей раз человек действительно чувствует себя утомленным, он почти падает, почти засыпает, начинается головная боль, сердцебиение, он чувствует себя больным... ещё раз отдых, выход из положения...

На этот раз центр соединился непосредственно с большим аккумулятором. Большой аккумулятор содержит огромный запас энергии. Соединившись с большим аккумулятором, человек буквально может совершать чудеса. Но если энергия получается из воздуха, пищи и впечатлений, продолжает уходить из большого аккумулятора быстрее, чем она в него поступает, тогда наступает момент, когда и большой аккумулятор оказывается лишенным все своей энергии, а организм умирает. Но это редкое явление. В обычных же условиях человек заснет или упадет в обморок, и т.д.

Нет необходимости опасаться усилий, опасность смерти от них совсем невелика. Гораздо легче умереть от бездействия, от лени, от страха совершать усилия.

Небольшие аккумуляторы достаточны для обыденной, повседневной работы в жизни. Но для работы над собой, для внутреннего роста, для усилия, которые требуются от человека, вступившего на путь, энергия этих небольших аккумуляторов недостаточна. Мы должны научиться брать энергию из большого аккумулятора. Связь с большим аккумулятором может

быть произведена только через эмоциональный центр. Остальные центры должны питаться только из малых аккумуляторов (инстинктивный, двигательный, интеллектуальный).

О зевоте и смехе:

Эти явления невозможно понять, не зная ничего об аккумуляторах и их роли в организме. Зевота – это накачивание энергии в небольшие аккумуляторы. Когда они слишком быстро опустошаются, т.е. когда один из них не успевает наполниться во время работы другого, зевание становится болезненным, почти непрерывным. Есть некоторые болезненные состояния, при которых человек хочет и не может зевнуть, в таком случае останавливается сердце.

Смех также непосредственно связан с аккумуляторами. Но смех – это противоположное зевоте. Это не накачивание, а выкачивание энергии, как бы разрядка аккумуляторов от скопившейся в них избыточной энергии. Смех существует не во всех центрах, а только в тех, которые делятся на две части: положительную и отрицательную. Напр. интеллектуальный центр. Могут быть такие впечатления, которые в этом центре сразу попадают на две половины. Такое одновременное «да» и «нет» производит в центре особого рода судорогу, и вот, не будучи в состоянии гармонизировать и переварить оба эти противоположные впечатления от одного факта, центр начинает выбрасывать в форме смеха энергию, вливающуюся в него из того аккумулятора, который в данный момент снабжает его.

В другом случае, бывает так, что в аккумулятор скапливается слишком много энергии, а центр не в состоянии её использовать. Тогда любое, даже самое обычное впечатление может быть воспринято в двойной форме, т.е. попасть сразу на две его половины и вызвать смех, т.е. расход энергии.

Смех приятен потому, что освобождает нас от излишней энергии, которая, не будучи использована, может стать отрицательной, т.е. ядом. Внутри нас уже много этого яда. Смех служит противоядием.

О Христе говорят, что он никогда не смеялся. Действительно, в Евангелии нет упоминаний, чтобы Христос когда-то смеялся. Но есть разные способы не смеяться. Существуют люди, которые не смеются потому, что они целиком погружены в отрицательные эмоции: злобу, страх, ненависть и подозрительность, и т.д.

У каждого человека имеется определенный репертуар ролей, которые он играет в обыденных обстоятельствах. У него есть роль для каждого рода обстоятельств, в которых он обыкновенно оказывается в жизни. Но поместите его в другие обстоятельства, и он уже не в состоянии найти подходящую роль, так что на короткое время он становится самим собой. Изучение тех ролей, которые играет человек, составляет очень важную часть самопознания. Репертуар каждого человека весьма ограничен. В человеке по крайней мере 5 или 6 «я». Один или два на службе (один для подчиненных, другой для начальства), один для друзей в ресторане, и, пожалуй, еще один, который интересуется возвышенными идеями и любит интеллектуальные беседы. Видеть роли, знать свой репертуар, в особенности, знать его ограниченность – это уже знать многое.

Интересным человеком считается тот, кто хорошо лжет.

«Почему нам кажется подчас, что мы ничего не понимаем?». «Это значит, что вы начали понимать». Когда вы не понимали ничего, вы думали, что вы понимаете всё» (ответ Гурджиева).

Согласно легенде, двенадцать апостолов представляют 12 типов, другие говорят, что типов больше.

«Личность скрывается за сущностью, а сущность за личностью, и они взаимно прикрывают друг друга.

Если бы люди должны были жить в сущности, один тип всегда находил бы другой, и никогда не было бы неправильного соединения типов, но люди живут в личности. Личность

имеет собственный и интерес и вкусы, не имеющие ничего общего с интересами и вкусами сущности. В нашем случае личность представляет собой результат ошибочной работы центров. По этой причине личности может не нравиться как раз то, что нравится сущности. Вот здесь и начинается борьба между личностью и сущностью.

«Пол играет огромную роль. Все, что люди делают, связано с «полом». Политика, религия, искусство, музыка, театр – все это «пол». Вы думаете, что люди ходят в театр или церковь посмотреть новую пьесу или помолиться? Это лишь видимость. Главная вещь, это то, что там будет много женщин и много мужчин. Вот в чем будет центр тяжести всех собраний. Это сила всей механичности.

Главное зло не сама половая жизнь, а злоупотребление ею.

Половой центр можно рассматривать, как нейтрализующую часть двигательного центра.

Все связанное с полом должно быть или приятным, или безразличным. Неприятные ощущения это болезнь.

Половой центр работает с «водородом-12». Это значит, что он сильнее и быстрее всех других центров, фактически половой центр управляет всеми другими центрами.

Когда энергия полового центра расхищается другими центрами и тратится на бесполезную работу, на долю самого полового центра уже ничего не остается.

Если половой центр работает с собственной энергией и на своем месте, все другие центры могли бы работать правильно.

Для нас полезны люди, которые твердо решили бороться с собой, т.е. бороться с механичностью.

Забавно то, что они воображают, будто они могут работать, не доверяя мне во всем и не принимая всего.

Люди всё могут усмотреть в других, но когда они сами делают безумства, они сразу перестают видеть это в самих себе.

Трудно взобраться на гору, но соскользнуть с нее очень легко.

«Когда в контрах с учителем окажутся два ученика, хуже: если бы они оказались в отдельности, каждый сам по себе, им было бы легче увидеть свое положение и вернуться. Но их двое, они друзья, один поддерживает другого как раз в слабостях. Теперь один не может вернуться без другого. И даже если бы они захотели вернуться, я принял бы только одного из них. Чтобы дать другому возможность задать себе вопрос, кто для него важнее, я или его друг. Если важнее тот, тогда говорить не о чем, но если важнее я (учитель), тогда он должен оставить друга и вернуться один. В обратном случае, они пришли друг к другу и мешают один другому. Это точный пример того, как люди делают худшее для себя, отходя от того, что составляет в них доброе начало».

Люди боятся молчания больше всего, что наша склонность к разговорам возникает из самозащиты, она всегда основывается на нежелании нечто увидеть, в чем-то признаться самому себе.

Только дайте человеку поговорить, больше ему ничего не нужно.

Без жертвы ничего нельзя достичь.

Человек сделан таким образом, что он ни к чему не привязывается так сильно, как к страданию.

Формула – «как вверху, так и внизу» - формула «изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста. Эта формула устанавливает, что законы космоса можно найти в атоме, или в любом другом явлении, существующем, как нечто целое, согласно известным законам (микрокосмос и макрокосмос, т.е. человек и вселенная).

Стремясь к познанию вселенной, человек должен начинать с изучения самого себя, с понимания основных законов в самом себе.

Каждое законченное целое, каждый космос, каждый организм, каждое растение представляет собой эннеаграмму. Но не всякая из этих эннеаграмм имеет внутренний треугольник. Внутренний треугольник указывает на присутствие в данном организме высших элементов согласно шкале «водорода». Этим внутренним треугольником обладают некоторые растения (конопля, мак, чай, кофе, табак и др.), которые играют определенную роль в жизни человека.

Вообще эннеаграмма – это универсальный символ. В эннеаграмму можно заключить всё знание и с её помощью его можно истолковать. Правильно утверждать, что человек по-настоящему знает, т.е. понимает только то, что он способен заключить в эннеаграмму. То, что он не в состоянии заключить в эннеаграмму, он не понимает. Для человека, способного ею пользоваться, эннеаграмма делает совершенно ненужными книги и библиотеки. Человек может оказаться в пустыне в полном одиночестве, и он сможет, начертив на песке эннеаграмму, прочесть в ней вечные законы вселенной. И всякий раз он сможет узнать что-то новое, нечто ранее ему неизвестное. Эннеаграмма является фундаментальным иероглифом универсального языка, который имеет столько же значений, сколько существует уровней людей. Понимание этого символа и умение им пользоваться дает человеку очень большую силу. Это и есть вечное движение, и это также философский камень алхимиков.

(В 1922 году Гурджиев организовал свой институт во Франции).

Существует музыка, которая превращает воду в лед, моментально убивает человека. Библейская легенда о разрушении стен Иерихона при помощи музыки – это как раз легенда об объективной музыке. Простая музыка любого рода не имеет такого действия, как объективная. Музыка равносильно может иметь и созидательное воздействие. Орфей (из легенды) передавал знание при помощи музыки. Искусство это не просто язык, но нечто гораздо большее.

Религия есть относительное понятие, она соответствует уровню человеческого бытия, религия одного человека может оказаться совершенно неподходящей для другого, религия человека одного уровня не подходит человеку другого уровня бытия.

Христианство запрещает убийство. Однако все то, к чему приходит наш прогресс – это прогресс способов убийства и способов ведения войны. Как же мы можем назвать себя христианами?

Никто не имеет права называть себя христианином, если он не выполняет заповедей Христа. Люди называют себя христианами, однако они не понимают, что они не могут быть христианами, так как для этого необходимо не просто желать, а уметь – б ы т ь е д и н ы м.

«Многим людям покажется странным, что доисторический Египет был христианским за много тысяч лет до рождения Христа. Его религия состояла из тех же принципов и идей, которые составляют подлинное христианство. Там существовали школы, которые назывались «школами повторения». Отрывки знания удерживались в тайне настолько хорошо, что мы даже не знаем, где они были спрятаны».

«Школы повторения» были взяты в качестве модели для христианских церквей – форма богослужения в христианских церквях почти целиком повторяет курс повторения науки, касающейся вселенной и человека.

Упражнение по принципу школы повторения сохранилось, в наши дни его выполняют в монастырях на горе Афон.

В природе нет ничего случайного или ненужного. Всё имеет определенную функцию, всё служит определенной цели.

«Органическая жизнь должна эволюционировать и стоять на уровне потребностей земли, луны и планет».

«Человечество погрязло в застой, а отсюда – прямая дорога к падению и вырождению».

Всё в природе имеет свою цель и задачу – как страдания людей, так и их неравенство. Уничтожение неравенства означало бы уничтожение возможности эволюции, уничтожения страданий означало бы, во-первых, уничтожение целой серии восприятий, для которых существует человек, а во-вторых, уничтожение «толчка», т.е. силы, которая одна лишь в состоянии изменить положение, и т.д.

«Жизнь управляется наименее сознательными людьми, такими людьми, которые глубже всего погружены в сон».

В жизни мы видим преобладание всех видов вульгарности и глупости. «В жизни вместо единства мы видим лишь новые разделения, новую враждебность, новое непонимание».

Человек делается добровольным рабом. Он более не нуждается в цепях, он начинает любить свое рабство и гордиться им. И это – самое страшное, что может с ним произойти.

Внутренний круг называется «эзотерическим», средний – «мезотерическим, внешний круг – «экзотерическим».

Внешний круг – это круг механического человечества, к которому мы принадлежим и который только и знаем. I признак этого круга заключается в том, что среди принадлежащих ему людей нет и не может быть общего понимания. Каждый понимает по-своему, и все понимают по-разному. Этот круг иногда называют кругом «смешения языков», т.е. кругом, в котором каждый говорит на своем собственном, особом языке, где никто не понимает друг друга и не старается, чтобы его поняли. В этом круге взаимоотношение между людьми невозможно, кроме редких, исключительных моментов или предметов, не имеющих большого значения и не выходящих за пределы данного быта. Если люди этого круга осознают этот недостаток и стремятся понять и быть понятым, это означает, что они неосознанно стремятся к внутреннему кругу. Взаимное понимание начинается только в экзотерическом круге.

Тибетские монастыри обычно построены в форме концентрических кругов, или дворов, отделенных друг от друга высокими стенами. Индийские храмы построены по тому же плану, но в форме квадратов, один внутри другого. Верующие имеют доступ в первый внешний двор, во II двор могут попасть лица определенной касты или особым разрешением. В III допускаются служители храма, в IV – брахманы и священнослужители. Об этом многие не знают и эзотерический храм принимают за обычный монастырь.

Переходы с одного уровня бытия на другой отмечались особого рода церемониями формального признания, т.е. посвящением. Предполагается, что образ, преображенный в таинство, передается или сообщает посвященному некоторые силы. Внутренний рост, изменение бытия, целиком зависит от работы, которую человек должен произвести над собой.

В природе нет ничего мертвого и неодушевленного. Всё по-своему живо, всё сознательно и разумно.

«Таблица форм водорода», которой пользуются для определения плотности материи и скорости вибраций, в то же время служит и для определения степени разумности и сознательности, потому что степень сознательности соответствует степени плотности или скорости вибраций. Чем плотнее материя, тем менее она сознательна, менее разумна. Чем плотнее вибрация, тем более сознательна и разумна материя.

Определяя степень плотности материи, «таблица форм водорода» определяет также благодаря этому и степень разумности.

Центр тяжести среднего этажа человека – это «водород-96». Разумность «водорода-96» определяет и среднюю разумность «человека», т.е. физического тела человека. Центром тяжести «астрального тела» будет «водород-48», центром тяжести III тела будет «водород-24», а центром тяжести четвертого – «водород-12».

«Если человек владеет искусством пластичности, он может совершенно изменить свою наружность. Человек может делаться красивым или отталкивающим, может заставить людей обратить на себя внимание, или сделаться невидимым.

Император Николай II казался интересным человеком, но его совершенно не понимали. И сам он не понимал собственную личность. Об этом свидетельствует его дневник, опубликованный большевиками. Это относится к периоду, когда преданный и покинутый всеми, он показал замечательную стойкость и даже величие души.

В течение совершенно незаметного промежутка времени, равного приблизительно одному дыханию, в организме завершается длительная серия сложных химических и других процессов.

«Разрушение всегда легче, чем созидание; насколько легче поджечь дом, чем его построить».

«Человек раб своего тела».

«Работу за час, сделайте за полчаса – это сверхусилие».

Если бы человек мог работать над собой, все было бы просто и школы не были бы нужны. Но на это он не способен, и причины этого лежат глубоко в его природе.

«Ненужное напряжение мускулов пожирает огромное количество энергии. И при работе над собой необходимо обратить внимание, прежде всего на это».

Расслабление мускулов тела всегда нужно начинать с мускулов лица; важно упражнение, называемое «круговым ощущением»: человек лежит на спине на полу. Стараясь расслабить все мускулы, он затем полностью сосредотачивает свое внимание на стремлении почувствовать свой нос. После этого переносит внимание на свой нос, дальше таким же образом на ухо, дальше переключает внимание на правую ступню, затем левую, потом левую кисть, оттуда на левое ухо, опять на нос и т.д.

Физические состояния, связанные с новыми психическими переживаниями, начинаются с чувства пульса во всем теле, чего мы не ощущаем в обычных условиях.

Упражнение «стой» - без него невозможно подчинить себе двигательную природу.

«Если человек принимает позу, которая у него соответствует чувству печали, или подавленности, тогда спустя некоторое время он обязательно ощутит печаль или подавленность. Спокойствие можно создать намеренным изменением позы».

Для того чтобы приобрести контроль над позами и движениями, в различных центрах существует важное упражнение «стой», оно заключается в следующем: по предварительно установленному слову или знаку учителя все ученики, которые видят или слышат его, должны сразу же прекратить свои движения, что бы они ни делали, и оставаться в этой позе, в это время должны удерживать взор на том же месте, сохранить улыбку на лице и т.д., даже поток мыслей в это время полностью доверять учителю, не думая о каких-то ни было опасностях. Это упражнение дает возможность человеку выйти из круга автоматизма, без которого нельзя обойтись в начале работы над собой». В этой непривычной позе он может думать по-иному, по-иному чувствовать, по-иному узнавать себя, таким образом разбивается круг старого автоматизма. Тело напрасно стремится принять обычное удобное положение. Но воля человека, приведенная в действие волей учителя, препятствует этому. Это упражнение вместе со всем, что было сказано, представляет упражнение в самовоспоминании. Человек должен помнить себя, чтобы с первой же минуты не принять удобное положение.

Упражнение «стой» - это упражнение является одновременным упражнением для воли, внимания, мыслей, чувств и двигательного центра («Стоп» в группе слышалось в любое время дня).

Добровольное молчание может быть самой суровой дисциплиной, какой человек способен подвергаться.

В желании, в удовольствиях, во сне – во всем существует граница необходимого. После этого начинается «грех».

Работа заключается в том, чтобы добровольно подвергать себя временным страданиям с целью освобождения от вечного страдания, но люди боятся страдания. Они желают удовольствия сейчас же, раз навсегда. Они не знают, что удовольствия надо заработать. Потому, что если человек получает удовольствие прежде, чем он его заработал, он не сумеет удержать его, и удовольствие превратится в страдание.

Люди совершают огромную ошибку, когда они во время поста стараются «сберечь силы», производят меньше движений и т.д. Наоборот, надо тратить как можно больше энергии, тогда пост может стать благодетельным.

Человек должен ценить то, что он имеет сегодня, не думая о том, что он может получить завтра.

Если бы человек мог понять весь ужас своей обыденной жизни, когда он вертится в кругу незначительных интересов и незначительных целей...

В одной и той же ситуации, один человек видит одно, другой – другое и третий – третье. Каждый действует в соответствии со своим типом, в зависимости от вида астрологии.

Люди настроены так, что они непременно осуждают то, что им непонятно.

Ученик должен помнить, что он пришел учиться, и не брать на себя никакой иной роли.

Если человек начал работать с таким руководителем, за которым он не в состоянии следовать, тогда, заметив это, он должен уйти и искать другого руководителя или работать самостоятельно, если он на это способен.

Успенский приобрел странную уверенность, как он пишет, не самоуверенность, а совсем наоборот; скорее это уверенность в неважности и незначительности «я» (которому обычно мы придаем большое значение).

Без овладения дыханием ничего нельзя освоить. Существуют три вида дыхания. Один – это нормальное дыхание. Второй – «вздутие», третий – дыхание с помощью движений. Это значит, что нормальное дыхание протекает бессознательно, оно регулируется и контролируется двигательным центром. «Вздутие – это искусственное дыхание.

2. ДЭН БРАУН¹ – КОД ДА ВИНЧИ,

«Лаборатория фантастики», 2004 г., М.

— Приорат – орган городского управления ряда средневековых городов.

В масонской традиции Великий приорат – подразделение в системе руководства одной из деноминаций масонства.

Приорат Сиона – тайное европейское общество, основанное в 1099 году, реальная организация.

В 1975 году в Парижской национальной библиотеке обнаружены рукописные свитки, известные под названием «Секретные досье», где раскрывались имена многих членов Приората, в их числе сэр Исаак Ньютон, Боттичелли, Виктор Гюго и Леонардо да Винчи.

— Создатель модернистской стеклянной пирамиды Лувра американский архитектор китайского происхождения И.М. Пей. Пирамида вызывает негодование у традиционалистов, по их мнению, это сооружение разрушает стиль и достоинство Ренессанса.

¹ Дэн Браун (род. в 1964 г.) – американский писатель, журналист, музыкант.

— Гёте называл архитектуру застывшей музыкой. Критики Пея прозвали пирамиду скрипом ногтя по классной доске.

«Шрам на лице Парижа» - о Пирамиде.

Пирамида, построенная под патронажем Франсуа Миттерана состоит из 666 стеклянных панелей (число сатаны).

Самое знаменитое своими экспонатами крыло Лувра имеет надпись «ДЕМОН».

В музее отчетливо ощущается слабый привкус углерода – продукт работы специальных приборов с угольными фильтрами, используемых в борьбе с избыточной влажностью. Они были включены сутки напролет, компенсировали выдыхаемую посетителями двуокись углерода, которая обладала разрушительным для экспонатов действием.

К стенам подвешены камеры слежения.

— Новая штаб-квартира и деловой центр «Опус Деи» находились в Нью-Йорке, по адресу Лексингтон-авеню, 243. Строительство здания обошлось в 47 с лишним млн. долларов.

Секта «Опус Деи» стала силой, с которой следовало считаться. В каждом крупном городе земного шара функционируют отделения этой организации, даже университеты. Эта быстро развивающаяся и финансово обеспеченная католическая организация в мире. Цель – сделать мир лучше (находится под личным покровительством самого папы).

Иисус учит нас миролюбию... любви... Он отвергает насилие.

Символ – пятиконечная звезда – пентакл, один из старейших символов на земле, появился за 4 тысячи лет до Рождества Христова.

Изначально пентакл был религиозным символом язычников, они поклонялись силам и явлениям Природы.

Древние люди делили весь мир на две половины – мужскую и женскую. У них были боги и богини, сохраняющие баланс сил. Инь и Ян. Когда эти силы сбалансированы, в мире царит гармония. Когда баланс нарушен, возникает хаос.

Пентакл символизирует женскую половину, её связь с Венерой. Каждые восемь лет планета Венера описывает абсолютно правильный пентакл по большому кругу небесной сферы. Люди были настолько поражены этим явлением, что Венера и её пентакл стали символами совершенства, красоты, любви.

Как бы отдавая дань этому явлению, древние греки устраивали Олимпийские игры каждые 8 лет. По настоящее время мало кто знает, что пятиконечная звезда едва не стала символом Олимпийских игр, но в последний момент его модифицировали, пять остроконечных концов звезды заменили пятью кольцами. Но современные Олимпийские игры следуют половинному циклу Венеры (в 4 года раз).

Восхождение «Опус Деи» началось с 1982 года, когда Иоанн Павел II неожиданно возвысил «Опус Деи» в звании до «личной прелатуры папы». Он официально санкционировал все их религиозные отправления. Возвышение «Опус Деи» произошло, когда некая богатая секта перечислила почти миллиард долларов на счет Ватиканского института религиозных исследований. И папа Римский тут же дал «О. Д.» зеленый свет.

Члены «О. Д.» придерживались средневековых взглядов на женщину. Придерживались жестоких ритуалов по умерщвлению плоти и т.д...

— Несмотря на свою неоспоримую гениальность Л. был ярким гомосексуалистом, а также поклонялся божественному порядку в Природе, что превращало его в грешника. Эксцентрические поступки художника создали ему демоническую ауру: он эксгумировал трупы с целью изучения анатомии человека; вел какие-то загадочные журналы, куда записывал свои мысли совершенно неразборчивым почерком, да еще справа налево; считал себя алхимиком, верил, что может превратить свинец в золото. Создал некий

эликсир бессмертия, не говоря о том, что изобрел совершенно ужасные, прежде не виданные орудия пыток и оружие.

К несчастью, да Винчи был шутником и проказником и часто развлекался, подрубая тот сук, на котором сидел. Во многие свои полотна на христианские темы он включил далеко не христианские тайные знаки и символы, отдавая тем самым дань своим истинным верованиям и посмеиваясь над церковью.

(«Тайная жизнь Леонардо. Языческие символы в христианском искусстве»). Но Леонардо был невероятно одаренным и духовным человеком.

- Мера веры твоей – это мера боли, которую ты можешь вынести.

Он был просто фанатом разных кодов, шифров, головоломок и игр в слова, составляя криптограммы...

Микеланджело, Альбрехт Дюрер, да Винчи и др. Каждый из них строго следовал «божественным пропорциям» в построении своих композиций.

РНI проявлялась в строго организованных структурах моцартовских сонат, в Пятой симфонии Бетховена, а также в произведениях Бартока, Дебюсси и Шуберта. Число РНI использовал в своих расчетах даже Страдивари, при создании своей уникальной скрипки. (Одна целая шестьсот восемнадцать тысячных к одному) - Божественная пропорция.

Стиль письма сфумато – очень сложная техника, такого эффекта трудно добиться. Леонардо это удавалось лучше, чем всем другим.

«Fleur de-lis» - в комбинации с инициалами Р. I. является официальным девизом братства. Его гербом, его эмблемой.

Это братство называется приоратом Сиона. Базируется во Франции. Привлекает влиятельных людей со всей Европы. Это одно из старейших тайных обществ. Да Винчи даже возглавлял братство в период 1510-1519 гг.

Fleur de-lis – цветок Лизы. Мона Лиза.

Статус «Моны Лизы», как самой величайшей картины в мире не имеет ничего общего с загадочной улыбкой изображенной на ней женщины. Это наивысшее достижение да Винчи, как живописца, он всегда возил картину с собой, ему было трудно расстаться с ней.

Привязанность художника к этой работе имела куда более глубокие корни. В слоях краски крылось тайное послание «Мона Лиза».

Компьютерный анализ «Моны Лизы» и автопортретов самого художника подтверждает сходство этих двух лиц по основным антропометрическим показателям.

Но Мона Лиза не мужчина и не женщина. Она соединяет в себе противоположные свойства – это слияние двух начал.

Египетский бог по имени Амон – это бог мужской силы.

Партнерша Амона – египетская богиня плодородия была Изис, или Исида. Итак, Бог Мужчина Амон, и Богиня-женщина - Изис. В древности это имя египтяне отражали пиктограммой, которую можно прочесть как Л'ИЗА. АМОН Л'ИЗА – т.е. Мона Лиза.

Итак, не только лицо Моны Лизы представляет собой загадку. Само её имя является анаграммой божественного слияния двух начал – мужского и женского. Это и есть маленький секрет да Винчи – именно поэтому Мона-Лиза так загадочно улыбается нам. Будто знает нечто особенное, недоступное больше никому.

– Константин (первый или Великий) – римский император начала IV в.н.э. поддерживал христианскую церковь, сохраняя при этом языческие культы.

Приорат Сиона считал, что Константину и его преемникам по мужской линии удалось отвратить мир от языческого матриархата и насадить патриархальное христианство. И делали они это, развернув пропагандистскую кампанию, где демонизировалось священное женское начало, что привело к исчезновению богини из современной религии. Никто не

отрицает то огромное благо, которое привносит Христианская церковь в беспокойный современный мир, и тем не менее история церкви полна насилия и обмана. Кровавые крестовые походы с целью обратить язычников в христианство и уничтожить религии, связанные с поклонением женскому началу, длились на протяжении трех веков, и методы подавления инакомыслия были чрезвычайно жестоки.

Католическая инквизиция опубликовала книгу, которую без преувеличения можно назвать самой кровавой в истории человечества. Книга – «Молот ведьм» предупреждала мир об опасности свободомыслия среди женщин, а также инструктировала священников, как находить, пытать и уничтожать ведьм. К числу «ведьм» Хр. церковь того времени относила всех женщин ученых, женщин-священников, цыганок, любительниц мистики и природы, собирательниц трав, любую женщину выказывающую подозрительное пристрастие к миру Природы».

За три века охоты за ведьмами церковь сожгла на кострах 5 млн. женщин.

— «Мона Лиза», «Мадонна в грехе», «Тайная вечеря» – в них изобилие тайных языческих символов.

— Геральдическая лилия официальный герб Приората Сиона.

— Современная церковь похожа на ленивого родителя, не способного проявить твердость духа и приобщать ребенка к истинным ценностям.

Церковь, забыв об истинном своем предназначении, старается подстроиться под прихоти современной цивилизации.

Братство Приорат Сиона – было основано в Иерусалиме в 1099 году французским королем Годфруа де Буйон, сразу после того, как его войска захватили город.

— Приорат решил, находившиеся под развалинами документы извлечь и хранить вечно, чтобы истина не умерла. С этой целью братство создало специальное военное подразделение – группу из рыцарей – «Орден нищих рыцарей Христа и храма Соломона», известное, как орден тамплиеров.

Истинной целью их пребывания на Святой земле было извлечение документов из-под развалин храма.

Получив карт-бланш от Ватикана, орден тамплиеров быстро распространил свое политическое влияние.

К 1300 году в руках ордена, не без помощи Ватикана, сосредоточилось столько власти, что взошедший на престол папа Климент V решил положить этому конец. При содействии короля Франции Филиппа IV папа разработал операцию по уничтожению верхушки ордена тамплиеров и захвата богатств и секретных документов, с помощью которых они добились такой власти над Ватиканом. Папа разослал секретные военные приказы по всей Европе, вскрыть их надлежало одновременно, строго в один день и час, именно в пятницу 13 октября 1307 года.

Именем Бога он объявлял, что орден тамплиеров сборище еретиков, служат дьяволу и надо очистить от них землю.

В тот самый день толпы рыцарей безжалостно пытали, жгли на кострах. По сию пору пятница 13-е считается несчастным днем.

Истинной целью папы были документы, добытые тамплиерами, но они словно сквозь землю провалились... Они были переданы на хранение покровителям тамплиеров Приорату Сиона и секретность, окружавшая это братство, делала их недоступными для Ватикана. Приорат перегрузил документы из парижского тайника на корабли тамплиеров в Ла-Рошели.

Секретные документы остаются предметом постоянных поисков по сей день. Эта тайна называлась одним словом «Сангрил». Сан-Грил = чаша Грааля.

Картина да Винчи «Поклонение волхвов» - скрывает под слоями краски некий секрет.

II Книга (палисандровое дерево)

— Розенкрайцеры – рыцари розового креста.

— Да Винчи начертил планы и схемы сотен изобретений. Его проекты были воплощены в реальность: хронометры, водяные насосы, криптексы, робот в доспехах средневекового рыцаря, методы шифрования, сохранение компьютерных данных.

Для защиты информации изобрели шифрование. Юлий Цезарь придумал специальное закодированное письмо, т.н. «Шкатулку Цезаря».

Королева Шотландии Мария создала свой шифр на основе перемещения букв (и передавала тайные послания), арабский ученый Абу аль-Кинди –использовал созданный им же шифр.

Да Винчи математическим и шифровальным методам предпочел механический криптекс. Информацией криптекса мог воспользоваться лишь человек, знавший пароль доступа.

По символике Приората – роза и Грааль — синонимы. Версия: Роза символизирует тайну.

Древние римляне вешали розу на дверь, это означало, что встреча носит конфиденциальный характер, всё сказанное под розой – должно храниться в секрете.

Роза ≈ Грааль – говорили сразу на нескольких уровнях о тайне женского начала и путеводной звезде, которая одна на свете могла указать человеку истину.

Согласно Приорату краеугольный камень – это закодированная карта, на которой указано место, где спрятана Чаша Грааля.

Леонардо был одним из хранителей тайны Грааля. И ключи к этой тайне мы находим в его искусстве.

— О взглядах Леонардо да Винчи на Новый Завет:

Многие спекулируют на заблуждениях и ложных чудесах, обманывая глупое большинство».

Слепое невежество сбивает нас с пути. О! Жалкие смертные, раскройте глаза!

— Всё что надо нам знать о Библии, суммировал великий каноник, докт. теологических наук Мартин Перси:

Библия не прислана к нам с небес по факсу;

Библия – это творение человека, а вовсе не Бога. Человек создал эту историческую хронику смутных времен, а затем она прошла бесчисленное количество переводов, дополнений и переделок. В истории никогда не существовало подлинного варианта этой книги».

— Иисус Христос был исторической фигурой, обладавшей огромным влиянием (версия сионистов).

Возможно, это самый загадочный и харизматический лидер, которого видел мир. Как и было предсказано Мессией – он свергал царей, вдохновлял миллионы людей, явился родоначальником новых философий. Потомок царя Соломона и царя Давида, он имел полное право претендовать на трон властителей евреев. Его жизнь была описана тысячами последователей по всему миру, что и понятно. Для включения в Новый Завет рассматривались свыше 80 Евангелий, но лишь несколько удостоились чести быть представленными в этой книге, в том числе от Матфея, Марка, Луки, Иоанна.

Библия, как мы теперь знаем, была составлена из различных источников язычником, римским императором Константином Великим.

Император всю жизнь прожил язычником и крестили его только на смертном одре, когда он был слишком слаб, чтоб протестовать. При Константине официальной религией Рима было поклонение Солнцу, культ Sol Invictus, или Непобедимого Солнца. Римскую империю в те времена охватили беспорядки на религиозной почве. Через три столетия после распятия

Христа, число его последователей неизмеримо возросло. Христиане воевали с язычниками, конфликт настолько возрос, что Риму угрожал раскол на два отдельных государства. И Константин в 325 году н.э. решил объединить Рим под знаменем одной религии, именно – Христианства.

Историки в восторге от Константина, так умело обратил он язычество в христианскую веру. Константин ввел языческие символы, даты и ритуалы в развивающуюся христианскую традицию и создал некое подобие религиозного гибрида, приемлемого для обеих сторон.

Поразительная метаморфоза!

— Рудименты языческой религии в христианской символике.

Египетские солнечные диски превратились в нимбы католических святых.

Пиктограммы богини Исиды, баюкающей своего чудесным образом зачатого сына Тора, стали образчиком образов Девы Марии с младенцем Иисусом на руках.

Ну и все элементы католического ритуала – митра, алтарь, славословие, причастие, воскрешение Христа, наконец – были позаимствованы из ранних языческих религий.

— В Христианстве всё заимствовано:

Дохристианский бог Митра (сын Солнца, светоч Мира) родился 25 декабря, был похоронен в склепе на склоне горы и ровно через три дня воскрес.

25 декабря – является также днем рождения Осириса, Адониса и Диониса.

Даже священный для христиан день недели был позаимствован у язычников. По сей день, прихожане посещают службу в воскресенье утром и понятия не имеют, что находятся здесь по той же причине, что и язычники – отдать дань уважения дню бога Солнца.

Что кроется в самом названии воскресенья – Sunday.

Константин созвал собор – для укрепления новой христианской традиции – обсуждались, принимались и отвергались многие аспекты христианства – дата Пасхи, роль епископов, церковные таинства и, разумеется, божественность самого Иисуса Христа.

До этого Иисус – рассматривался, как смертный пророк – человек, безусловно великий и влиятельный, но всего лишь человек.

Божественная сущность Иисуса стала результатом голосования.

Официально провозгласив Иисуса Сыном Божьим – Константин тем самым превратил его в Божество, существующего как бы вне мира людей, чья власть над нами вечна и незыблема. Это предотвращало дальнейшие выпады язычников против христианства, а также позволяла последователям Христа искать спасение души лишь через единственный официально утвержденный канал – Римскую католическую церковь.

И делалось все это исключительно ради власти. Христос как Мессия угрожал самому существованию Церкви и государства.

Научно – церковь (ранняя) украла Христа у Его последователей, отняла у него человечность, затуманила Его образ, обрядив в непроницаемый плащ божественности. Все это было сделано с одной целью – расширить и укрепить свою власть.

Большинство образованных христиан знакомы с историей своей веры.

Константин использовал огромное влияние и значимость Христа в своих целях. И сформировал основы известного нам на сегодняшний день Христианства.

Константин поднял статус Христа через почти 400 лет после смерти последнего. Существовали тысячи документов о жизни Христа – где он описывался как простой смертный. Константин понимал, что следует переписать историю о Христе.

Константин финансировал написание новой Библии, куда не входили бы Евангелия, говорившие о человеческих чертах Христа, а включались те, где подчеркивалась божественная его сущность. Все более ранние Евангелия – были объявлены вне закона и сожжены на кострах.

Любой, кто предпочитал запрещенные версии Евангелия – объявлялся еретиком (еретик – «выбор»). (Но, конечно, некоторые Евангелия уцелели – были найдены в 1945, 1950 годах).

В этих документах рассказывалась не только истинная история Грааля, они рассказывали о пастырской роли Христа с чисто светской точки зрения.

(Ватикан в худших своих традициях старался пресечь распространение этих свитков).

— Итак, всё, чему учили нас отцы о Христе, есть ложь и фальшивка. Как и все эти рассказы о чаше Грааля.

Грааль никакой не предмет. На самом деле это одушевленное лицо (женское начало).

Св. Грааль есть не что иное, как сосуд, чаша. Эта аллегория призвана защитить тайну истинной природы Грааля. За этой метафорой стоит символ женственности, он символизирует священное женское начало и Богиню, но со временем значение это было утрачено, и тут постаралась церковь. Власть женщины, её способность дарить жизнь, которая считалась священной. В новой церкви доминировал мужской образ, главенствовало мужское начало. И церковники стали демонизировать священное женское начало, называть их нечистыми.

Именно человек, а никакой ни Бог придумал концепцию первородного греха. Ева вкусила яблоко и вызвала тем самым падение рода человеческого. Женщина - дарительница жизни превратилась во врага.

Грааль есть символ потерянной Богини.

Чаша Грааля действительно присутствует на «Тайной вечере» - Леонардо все же изобразил её... (изображение Марии Магдалины).

Церковники организовали настоящую кампанию, чтобы опорочить Марию Магдалину, и все для того, чтобы сохранить в тайне одно опасное для них обстоятельство - её роль в качестве Грааля.

Брак Иисуса и Марии Магдалины зафиксирован в исторических хрониках.

(«Спутница» в то время означала «супруга»).

(Христос давал указания, как строить Церковь, вовсе не Петру, а Марии М.).

Мария М. была царского происхождения – род Вениамина.

Её превратили в шлюху, чтобы уничтожить даже намек на её благородное происхождение.

— Христос имел законное право претендовать на трон.

Иисус не только был женат, он был отцом (дочь – Сара).

Sang Real - в буквальном смысле означало «королевская кровь».

(Роза – является анаграммой слова «Эрос» по латыни «Eros»). Эрос – бог плотской любви в Др. Греции).

— История всегда пишется победителями. И когда происходит столкновение двух культур, проигравший как бы вычеркивается, а победитель начинает писать новые книги по истории, книги, прославляющие его деяния и унижающие побежденного противника.

Наполеон сказал: «Что есть история как не басня, в которую договорились поверить?»... В силу своей природы история – это всегда односторонняя оценка событий.

Документы Сангрил повествуют о другой, неизвестной нам стороне жизни Христа. Это тысячи страниц документов, написанных последователями Христа. Там Иисус предстает как живой человек, учитель и проповедник. Сюда входят легендарные документы – рукописи, которые признаны даже Ватиканом – эта книга проповедей Христа, написанная его собственной рукой.

В тайнике, где спрятан Грааль, находится также саркофаг.

Поиски чаши Грааля не что иное, как преклонить колени перед прахом Марии Магдалины. С целью помолиться отверженной, утраченному священному женскому началу.

Эта могила не только Марии Магдалины, но там покоятся документы, рассказывающие истинную историю её жизни – попорченной царицы, похороненной вместе с доказательствами её неотъемлемого права на власть.

Род Христа род французской королевской династии уцелел. Сведения о нем всплыли только в V веке...

Обязанности Приората Сиона в современном его виде можно разделить на 3 составляющие:

1. Братство должно защищать документы Сангрил.
2. Должны беречь могилу Марии Магдалины.
3. Они должны поддерживать и защищать потомков королевской династии Меровингов, нескольких членов семьи, доживших до наших дней...

— Многие современные произведения изобразительного искусства, литературы, музыки говорят об истории Христа и Марии Магдалины. Это работы да Винчи, Боттичелли, Туссена, Бернини, Моцарта и Виктора Гюго, где в завуалированной форме делалась попытка восстановить запрещенный церковниками образ священного женского начала. Сказки и легенды о Зеленом рыцаре, короле Артуре, о спящей красавице были аллегориями Грааля. «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго, «Волшебная флейта» Моцарта – изобилуют масонскими символами с историей Грааля.

— Уолт Дисней работал всю жизнь над тем, чтобы передать историю Грааля. Подобно Леонардо, Уолт Дисней просто обожал использовать в своем искусстве зашифрованные послания и символические знаки.

Рим искал Грааля на протяжении веков.

— На протяжении долгих лет между церковью и Приоратом существовал негласный договор. Церковь обещала не нападать на Приората. Приорат же, в свою очередь, обязался хранить документы Сангрил в тайне. – В истории Приората всегда существовал план по обнаружению документов. Получив определенные данные, братство собиралось нарушить обет молчания, с триумфом представить документы всему миру и предать самой широкой огласке подлинную историю Иисуса Христа.

(Церковь внедрила своих людей в братство, чтобы быть в курсе дела о планах Приората).

— Закончились две тысячи лет существования человечества, прошедшие под знаком рыб, который был знаком Иисуса.

Любой специалист по астрологии скажет, что идеалом поведения человека под этим знаком является полное повиновение высшим силам, поскольку сам человек не способен отвечать за свои мысли и поступки. Этот период отличался пылкой религиозностью. Теперь же человечество входит в новый век. Век Аквария, или Водолея, и здесь будут главенствовать совсем другие идеалы. А суть их в том, что человек должен знать правду, должен действовать и думать самостоятельно. Это настоящий переворот в идеологии... Он происходит прямо сейчас...

Во многих религиях говорится о конце дней. И речь идет вовсе не о Конце Света, но о конце текущего столетия или эры. Рыбы начали править в эру Христа, господство их продолжалось две тысячи лет, теперь с наступлением нового тысячелетия они уступили место В о д о л е ю. Мы перешли в эпоху Водолея, а стало быть, наступил конец дней.

Историки Грааля считают, что если Приорат все же решится обнародовать правду, это станет поворотным, символическим пунктом в истории человечества. Большинство ученых ожидали, что этот поступок братства совпадет с наступлением нового тысячелетия. Но этого не случилось. Но по какому бы сценарию не развивались события, ясно одно: у Церкви был

и есть мотив предпринять атаку на Приорат... И поверьте, если Церковь найдет Грааль, она его уничтожит. И документы, и останки благословенной Марии Магдалины.

— Не вы находите святой Грааль, это святой Грааль находит вас...

— Британцы судят о гуманности человека по состраданию, которое он испытывает к врагам, а не к друзьям).

(Краеугольный камень был ключом к Граалю, а сам Грааль – ключом к защите веры).

- Ох уж эти авторы, даже самые умные из них совершенно сумасшедшие.

(Человек, поведавший миру правду, будет превозносим одними и презираем другими, у него достаточно должны быть силы, чтобы выдержать это испытание).

Цель Церкви уничтожить документы, разоблачающие её. Последнее желание Приората – поделиться этой тайной с миром.

— В Музее Фогга в Гарварде, гарвардский выпускник Билл Гейтс в знак признательности своей alma mater передал в музей бесценный экспонат – восемнадцать листов бумаги, приобретенных им на аукционе из коллекции Арманда Хаммера (стоимостью 30 млн. 800 тысяч долларов).

Восемнадцать листов, известных как «Лестерский кодекс» (имя прежнего знаменитого владельца герцога Лестерского), представляли собой уцелевшие фрагменты знаменитых блокнотов Леонардо. То были эссе и рисунки, где описывались весьма прогрессивные для тех времен теории Леонардо по астрономии, геологии, архитектуре и гидрологии.

Об одном таланте Леонардо – способности писать в зеркальном отражении, чтобы никто, кроме него, не мог прочесть эти записи.

Шифр этбаш – старейший из всех известных на земле.

Шифр этбаш фактически является кодом, основанным на древнееврейском алфавите из 22 букв. Первая буква при шифровании заменялась последней, вторая предпоследней и т.д.

Хиерос гамос – по-гречески «священный брак». Старый ритуал, ему свыше 2 тысяч лет. Египетские священнослужители и жрицы регулярно проводили эту церемонию, восславляющую детородную силу женщины. Акт не имел ничего общего с эротикой. Это был духовный акт – глубоко духовная церемония.

По-древнегречески слово «мудрость» писалось, как «SOFIA».

Краеугольный камень Приората – представлял собой карту с указанием местонахождения Грааля, объясняя, что такое надгробный камень Марии Магдалины и сокровище Сангрил...

— Библия является главным путеводителем в жизни миллионов людей. Точно так же, как Коран, Тора, Пали, являются путеводными звездами для исламских или языческих верований, буддийской и иудаистской веры.

— Королевский колледж, основанный королем Георгом IV в 1829 году, представлял собой самостоятельное учебное заведение при Лондонском университете с факультетом теологии и религиозных исследований и располагался в здании неподалеку от парламента. Он мог похвалиться не только 105-летним опытом исследований и обучения студентов, но и созданием в 1982 году подразделения под названием «Исследовательский институт системной теологии», оснащенного самой полной и технически совершенной в мире базой электронных данных изучению различных религий.

— Вагнер был известным масоном – наряду с Моцартом, Бетховеном, Шекспиром, Гершвином, Гудини и Диснеем. О связях масонов с орденом тамплиеров, Приоратом Сиона и Граалем было написано множество книг.

Многим ли современным игрокам в карты известна истинная подоплека четырех мастей. Пики, червы, трефы, бубны – все это были символы, тесно связанные с Граалем и позаимствованные у четырех мастей карт таро: мечей, кубков, скипетров и пятиконечных звезд.

Пики были мечами – клинок – символ мужчины;

Червы – кубками – сосуд – символ женщины;

Трефы – скипетрами – царская кровь – символ продолжения рода;

Бубны – пятиконечная звезда – Богиня – символ священного женского начала.

— Церковь на протяжении двух тысячелетий угнетала и уничтожала тех, кто угрожал ей разоблачением. Со времен Императора Константина Церковь весьма успешно скрывала правду об истинных отношениях Марии Магдалины и Иисуса, и сейчас священники нашли способ и дальше держать мир в неведении. Да, Церковь больше не устраивает крестовых походов ради избиения неверных, но от того влияние её ничуть не ослабло.

Совет секретарей Ватикана провёл тайное голосование по отделению «Опус Дей» от Ватикана.

В «Опус Дей» - одних только священников свыше 11100 человек, она постоянно и быстро приумножается.

У «Опус Дей» огромные заслуги перед Ватиканом, в 1982 году общество помогло Банку Ватикана, внося миллиард долларов.

— Господь отбирает, но Господь же и дает.

— Умение прощать – это величайший Божий дар.

Когда на вопрос не существует правильного ответа, есть только один честный выход из положения: Ни да, ни нет. Молчание...

— APPLE – символ падения священного женского начала.

— Немного веры, и человек способен творить чудеса

— Бабушка Софи последние 28 лет носила имя Мари Шовель.

Бабушка и внучка – обе они принадлежали к роду Меровингов и являлись прямыми потомками Марии Магдалины и Иисуса Христа. Но в целях безопасности были вынуждены сменить фамилии Плантар и Сен-Клер. В жилах их детей текла царская кровь, и потому они находились под защитой и опекой Приората Сиона. Когда родители погибли в автокатастрофе, причина которой так и осталась до конца невыясненной – Приорат встревожился (это означает, что об их происхождении знал кто-то еще).

3. ДЭН БРАУН – АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ,

Изд-во АСТ, 2014 г., М.

— Самый опасный противник тот, кого все перестали опасаться.

— В его жизни уже есть три предмета самозабвенной любви – наука о символах, водное поло и холостяцкое существование.

— Его глаза казались совершенно безжизненными – точь-в-точь два тускло-серых камешка.

— Побыв в компании Колара всего несколько минут, Лэнгдон успел ощутить, что он – человек застегнутый на все пуговицы и никого близко к себе не подпускающий.

— Всемирная паутина – интернет – родилась в Европе, но весь мир считает и воспринимает интернет как очередное величайшее изобретение Соединенных Штатов»... На вопрос – почему не восстановите справедливость» - тот ответил – «Стоит ли беспокоиться из-за пустячного заблуждения по столь мелкому поводу?».

— Архитектурное решение корпуса полностью соответствовало утонченному вкусу Лэнгдона – оно несло на себе печать консервативности, солидной прочности и надежности. Фасад из красного кирпича, нарядная балюстрада, состоящая из симметрично расположенных изваяний.

— Иллюминати» значит «Просвещенные», какое-то древнее братство.

Свастика – в индуизме символ счастья, благополучия и процветания.

Инь и Ян - в китайской философии символы женского и мужского начала.

Иудейская звезда - имеется в виду шестиконечная звезда Давида.

— Убивали – за обнародование научных открытий – их убивала церковь. Религия всегда преследовала и притесняла науку.

Однако примерно в 1500-е годы группа жителей Рима восстала против церкви. Некоторые из самых просвещенных людей Италии – физики, математики, астрономы – стали собираться на тайные встречи по поводу ошибочных учений церкви.

Эти ученые мужи образовали первый на земле банк научной мысли и назвали себя «Просвещенные». Католическая церковь, конечно, подвергла орден «Иллюминати» беспощадным гонениям». И лишь соблюдение строжайшей секретности могло обеспечить ученым безопасность.

В «Братство» стали вступать лучшие ученые со всей Европы, которые регулярно встречались в Риме в тайном убежище, которое называлось «Храм света».

Галилео Галилея – постигла печальная участь за то, что дерзнул объявить, что центром солнечной системы является вовсе не земля, а солнце. Церковь самым жестоким образом наказала астронома... Г.Г. был иллюминатом и одновременно истовым католиком. Г.Г. настаивал, что наука и религия отнюдь не враги, но союзники, говорящие на двух разных языках об одном и том же – о симметрии и равновесии.

Ватикан назвал братство «Шайтаном». Из исламской мифологии – означает «злой дух», или «враг» Бога. От арабского «Шайтан» произошло и наше английское слово – сатана.

На сегодняшний день масонское общество насчитывает свыше 5 млн членов по всему миру, половина проживает в США, а более миллиона в Европе.

Члены братства «Иллюминати» набирались сил, постепенно прибирая к рукам власть в масонских ложах. Они негласно восстановили своё братство – так появилось тайное общество внутри тайного общества. Затем иллюминаты стали использовать хорошо налаженные и весьма широкие связи масонов для распространения своего влияния по всему миру.

— Нацисты заимствовали свастику у индусов, крест христианам достался от египтян...

— В Америке многие лидеры были масонами – Дж. Вашингтон, Бенджамин Франклин...);

Питер Селлерс – английский комик и киноактер, 1925-1980 гг.);

Ирвинг Берлин – амер. композитор, автор 900 популярных песен и музыки, выходец из России – 1888-1989

Филипп Маунтбаттен – герцог Эдинбургский – супруг английской королевы Елизаветы II.

Основной идеей братства была ликвидация католицизма.

«Иллюминаты» опасались – если религии позволить и дальше распространять ложные мифы в качестве фактов, то научный прогресс прекратится и человечество, став заложником невежества, будет обречено на бессмысленные и кровавые войны.

Священные войны все еще не сходят с первых страниц газет. Мой Бог лучше твоего... и ведут к колоссальным человеческим жертвам.

«Бог не играет в кости со вселенной» - знаменитое высказывание Эйнштейна.

Гений – всегда признает другого гения без всяких оговорок.

— Чань (кит.) – возникшее в VI в. течение буддизма, проповедующее постижение истины через созерцание и самопогружение и абсолютное пренебрежение к любой внешней форме бытия.

— Он всю жизнь мечтал о том, чтобы примирить науку и религию. Он хотел доказать, что наука и религия вполне совместимы и являют собой два различных пути познания единой истины.

— Эдвин Пауэлл Хаббл (1889-1953), амер. астроном, установил закономерность разлета галактик...

— Бог создал свет и тьму... небо и землю... рай и ад... он создал противоположности. Полную симметрию. Абсолютное равновесие.

— Страх калечит сильнее, чем любое оружие.

— Всё имеет свою противоположность. Протоны и электроны, кварки и антикварки. На субатомном уровне существует своего рода космическая симметрия. Это то же самое, что в китайской философии инь и ян – женское и мужское начало. Они поддерживают состояние физического равновесия.

— Вещество и антивещество при соприкосновении мгновенно уничтожаются. В физике этот процесс называется аннигиляцией.

— Частицы материи и антиматерии, объединившись, дают жизнь двум новым частицам, именуемым фотонами. Фотон – микроскопическая вспышка света.

— Прогресс – был той раковой опухолью, которая угрожала самому существованию матери Земли.

— Его присутствие согревало, в отличие от того поистине арктического холода, которое исходило от Колера.

— 1400 залов и 20 двориков-музеев Ватикана – хранили более 60000 произведений искусства. Среди них творения древних мастеров, работы Джованни, Беллини, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Боттичелли, скульптуры Бернини. Собор Святого Петра и Сикстинская капелла.

Созданная гением Микеланджело знаменитая спиральная лестница – ведущая в музеи Ватикана.

— *В жизни имеется скрытый смысл.*

— *Гея – в греческой мифологии богиня земли, от которой произошли горы и море, первое поколение богов, циклопы и гиганты.*

— *На банкнотах долларов – изображение пирамиды – оккультный символ, чуть выше пирамиды – глаз в треугольнике – символ называется *trinaeria*...*

Глаз в треугольнике изображен на эмблемах масонских лож. Но это не масонский символ. Это - символ «Иллюминатов».

Глаз означает способность «иллюминатов» проникать в суть вещей, а треугольник – буква греч. алфавита «дельта», является математическим символом.

— «Большая печать» Соединенных Штатов призывает к переменам.

Под пирамидой написано: «Novus ... Ordo». «Novus Ordo seculorum» - «Новый секулярный порядок» (секулярный – «нерелигиозный»).

В этой фразе ясно выражена цель ордена «Иллюминаты», которая кардинально противоречит напечатанным рядом с ней словом: «Мы веруем в Бога».

— Каким образом могла вся эта символика появиться на самой могущественной валюте мира? Считают, что за этим стоял вице-президент США Генри Уоллес. Он занимал место на верхней ступени иерархической лестницы масонов.

Президентом в то время был Франклин Рузвельт (известнейший масон), и Уоллес сказал ему, что слова «Novus Ordo seculorum» означают не что иное, как «Новый курс».

Новый курс – эконом. политика Рузвельта, направленная на смягчение последствий эконом. кризиса 1930 годов.

— *Собор Св. Петра мог одновременно вместить 60000 молящихся, что в 100 раз больше населения Ватикана – самого маленького государства на планете.*

Св. Петр – первый наместник Бога на земле, в своей дохристианской жизни был рыбаком.

По обеим сторонам площади располагались два прекрасных фонтана, а в самом центре возвышался привезенный Калигулой египетский обелиск, им украсили цирк, и лишь в 1586 году камень нашел свое место на площади перед главным собором католического мира, и на его вершине сверкал крест – символ христианства.

— Средства для достижения цели всегда имеются.

Надо раскрепостить разум и думать позитивно. Её аналитический ум, когда она использовала его в спокойном состоянии, был могущественным оружием...

— Камерарий все своим видом оказывал на Лэнгдана какое-то гипнотическое воздействие. Он обладал незаурядной харизмой и, несмотря на молодость и очевидную усталость, излучал властность.

— Папы, как правило, трудились четырнадцать часов в сутки семь дней в неделю и умирали от истощения через 6,3 года в среднем.

— Возможности имеются всегда, их надо лишь увидеть.

— Вся вселенная состоит из 4 стихий или элементов – земли, огня, воздуха, воды.

Первые изобретения креста были не чем иным, как символом четырех стихий.

- «Туда меня позвал Бог – решил он – Творец захотел меня спасти... Бог сохранил меня с какой-то целью – какова же Его цель? Бог защитит меня».

- Пантеон Рафаэля грандиозное сооружение с отверстием в куполе – было одним из самых людных мест в Риме.

Огромный центральный зал Пантеона был посвящен Гее – богине Земли.

— В христианстве можно найти массу отголосков этой старой религии – идолопоклонства... «язычества».

— Она была довольно умна. Проблема заключалась в том, что она никому не позволяла об этом забыть.

— Цифра 5» - одна из священных цифр сообщества «Иллюмината».

— Христианам вовсе не следует знать о том, что существовала могущественная антихристианская организация, члены которой сумели проникнуть в банковскую систему, политические круги и университеты.

— Средства массовой информации есть не что иное, как пособники анархии.

— Если ты что-то сделал без труда, ты сделал это неправильно.

— Фамилия Рафаэля – Санти» (1483 – 1520); его подозревали в тайном безбожии.

— Согласно Библии – Спаситель был рожден в марте, с какой стати мы отмечаем день его появления 25 декабря?

На 25 декабря – приходился древний языческий праздник – «Sol. invictus» - непобедимое солнце» - это день зимнего солнцеворота, когда солнце возвращается к нам и дни становятся длиннее.

Но хоть что-нибудь в христианстве является оригинальным? В любой организованной религии оригинального крайне мало. Религии не рождаются на пустом месте. Они произрастают одна из другой.

Согласно отчетам, орден «Иллюмината» родился во времена Галилея и имел прямое отношение к французским и испанским сообществам подобного типа. Карл Маркс был связан с иллюминатами и, кроме того, они оказали влияние даже на революцию в России.

Американцы без ума от интернет-игры, именуемой «Иллюминаты» - «Новый мировой порядок».

И за что братство «Иллюминати» так ополчилось на христианство? Не только на христианство – на религию в целом.

— Действовать надо с верой в сердце и стремлением к достижению желанной цели, и должен руководить Бог...

I-м скульптором был Микеланджело, II – Лоренцо Бернини.

Капелла Киджи сооружена по проекту Рафаэля, внутреннее убранство создано Бернини.

Работа Бернини «Аввакум и ангел». Аввакум – библейский пророк, предсказывавший гибель земли.

— Мы проиграли два сражения, но выиграем войну.

— Сатана оскверняет дом Бога...

4. Е. ВАЛОДИС – КОСМОСОФИЯ.

Учение йоги Инигаеса Ноймантагара. Изд-во «Рига», 1937 г.

— Так как никакая гора не подойдет к человеку, то не подойдет к нам без наших усилий и то, что мы называем сверхъестественным миром, благодаря своим стараниям человек может сам отправиться туда.

Мы должны стать духовно видящими, только тогда мы сможем увидеть сквозь мнимый мрак духовный мир.

Мысли и чувства проявляются невидимой энергией. Как бы выглядела эта энергия, если бы мы могли ее видеть?

Энергия мыслей и чувств пронизывает голову и всё тело человека, волнообразно вибрирует в нем и вокруг него разноцветным светом, газом или огненными полосами, переливаясь множеством пестрых цветов и форм. Все эти цвета переливаются цветами, вибрируют, извиваются, парят, кружатся, летят, как стрелы, как пули вокруг и сквозь человека. Они текут как потоки воды, исчезают молниеносно, как пламя, движутся совсем медленно, чтобы, в конце концов, остановиться на одном месте неподвижно, как вкопанные. В основном они вращаются вокруг тела человека, а особенно вокруг его головы.

У одного человека они красивые, спокойные, ритмично плавающие, скомпонованные с гармоничным движением. У другого они мутные, нескомпанованные, извивающиеся, дымящиеся, негармоничные, хаотичные, отвратительно выглядящие. Очень часто видна деятельность энергии мысли и чувства у человека, как страшный комок змей и червей.

Есть такие люди, которые выглядят физически слабыми, плохо одетыми и грязными, но их психическая энергия красива цветами и формами, чиста и лучиста.

Есть люди, которые как физически, так и духовно чисты, но есть такие, которые бывают в обоих случаях отвратительны, искажены и отталкивающи, в этом бывает бесчисленное количество вариаций.

Излучения мыслей и чувств, их цветные светящиеся явления обнаруженные с помощью ясновидения, оккультисты называют «аурой».

Лучи ауры человека не выглядят так, будто они находятся вокруг него или в нем. Они в одно и то же время в нем, при нем и вокруг него.

Мы можем даже сквозь непроницаемую тьму видеть нечто, а также мы можем видеть невидимый «потусторонний мир», когда мы станем напрягать зрение, слух и другие органы восприятия и направим наши интуитивные чувства в этом направлении. Тогда мы получим возможность познать и ощутить «невидимое».

Аура покрывает тело человека, окутывает его, вкручивается в него и одновременно пропитывает его.

Значение цветов масс ауры бесконечно различно, но они все видимо подчиняются течениям энергии мыслей и чувств.

Магнетизеры извлекают из себя лучи ауры, способные лечить, а ясновидящие, наблюдающие их, говорят, что они видели, как от магнетизера на больного протекали странные, тяжелые, густые газообразные массы. Этой газообразной массе оккультисты дали название флюид.

Значение цветов ауры: относительно энергии мыслей и чувств.

1. Фиолетовая аура – находится всюду, где чувство мы обычно обозначаем интуицией.

Этот цвет всегда имеет упорядоченный и красивый вид. Люди, у которых аура головы фиолетовая, имеют способность легко чувствовать и понимать бытие. Люди с интенсивной фиолетовой аурой всегда находятся в контакте с космической гармонией и с абсолютным космическим разумом – творческой силой.

2. Черная аура – есть форма интенсивной энергии чувств у негативных человеческих типов, преданных злу. Люди этого типа имеют ясные предчувствия и легко понимают чувством много вещей. Интуитивно они понимают суть различных вещей, однако только в уничтожающем смысле. Люди этой ауры состоят в контакте с Началом уничтожения, с гением космического хаоса и имеют большие способности совершать преступления. Самые сильные преступники этой ауры гениальны в обмане и скрытии преступления.

3. Голубая аура = выражение податливости и смирения, послушания, набожности и моления. Эта аура вынуждает человека отдать себя в подчинение другого человека или силы и изливает одновременно поток чувств любвеобильных, раболепных, преданной просьбы. Во время молитвы и в мимолетном религиозном экстазе люди покрываются голубой аурой, часто полностью наполняются ею, ясновидящие обозначают голубую ауру, как ауру набожности.

4. Зеленая аура = означает также преданность, только в негативном смысле. Преданность, молитва, набожность голубой ауры чисты, правдивы и исходят от всего сердца, в то время как преданность зелёной ауры неправдива и хитра. Они по некоторым причинам вынуждены проявлять преданность и дружелюбие. Мыслительная энергия лжи и хитрости имеет всегда зеленый цвет.

5. Розовая аура: это цвет настоящей, истинной гармонии, доброго взаимного согласия и ауры чистой любви, добросердечия, сочувствия, преданности, терпения, заботы и всего того, что человеческое бытие получает и создает в гармонии и созвучии с космосом, все это выражается розовой аурой.

6. Красная аура – в противоположность розовой означает ненависть, гнев, презрение, ярость, нетерпение, жестокосердие и эгоизм. (Жестокосердие имеет черновато-

зеленый оттенок, эгоизм – черновато-желтый, черновато-коричневый с цветом ржавчины).

7. Золотистая аура – означает энергию разума и мудрости. Всякая мудрость, всякое логическое мышление человеческой психики в положительном направлении, т.е. мысли о хороших творческих делах, творческой деятельности выражаются блестящей золотой аурой.
8. Ржавокоричневая, грязножелтоватая аура – имеет странный, грязный, черно-красноватый оттенок, йодистыми пятнами по телу, похожие на желтый гниющий мех, а больше на ржавчину, означает как и золотисто-желтая, действие энергии мудрости, разума, только в негативном направлении, т.е. ко злу. Это касается мыслей о вещах и деятельности, которые направлены на высокомерие, обман и преступление.
9. Белая аура – означает силу. Повсюду, где возникает форма силы, напряжения, стремления, там светится огненно белый свет. Чувство силы, физическое здоровье, крепкие мускулы, сила воли, выносливость, все это выражается белым цветом ауры.
10. Серая аура – означает слабость, болезнь, дряблость, усталость, сомнение, пассивность и страх. Все больные, пьяные, сомневающиеся, безвольные, бесхарактерные, трусливые пропитаны или наполнены серой аурой. Часто на больных местах густой серый цвет ауры имеет форму летучей мыши, паука или пиявки.

Человеческая аура = все эти цвета ауры энергии мыслей и чувств, которые находятся в теле человека и вокруг него, составляют его форму духовного тела. Светящуюся ткань ауры вокруг тела человека можно сравнить с одеждой. Каковы мысли и чувства человека, таковы и формы его ауры.

В физическом плане мы видим то же самое, как человек думает, так он и одевается. Вид одежды можно рассматривать, как отражение мыслей и чувств человека, так как они являются результатом его мыслей.

Добрая аура человека свойственна своей продукцией и одушевляет других людей к добру.

Картина может излучать флюиды, уничтожающие сомнение, воодушевлять и просветлять (примеры – больная и репродукция – излечение, и наоборот).

Картины могут иметь ауру, эманация которых может подавить дух человека и вселять зло (человек сильный, сильной воли, с уравновешенным характером под влиянием излучений такой ауры становится нервным. Такие эманации ауры для слабых людей, особенно для больных, очень опасны, так как каждая попытка борьбы с болезнью в корне уничтожается (пример, столяр делал стул, он был разгневанный, аура горит красным пламенем, эта смесь бушевала, кружилась и потрескивала вокруг стула и проникала в него, стул готов, продан и поставлен в квартиру. В нем содержится копия гнева человека и его проклятия. Он трещит и кружится. Как только кто-нибудь прикоснется к нему, его тот же час охватывает аура гнева. Совсем по другому бывает, когда доброжелательный человек делает стул).

Заряды ауры в талисманах: добрый человек берет маленький предмет, держит его крепко в руке, целует и передает другу со словами: «Пусть это послужит тебе талисманом. Он принесет тебе счастье». Что происходит в этот момент с энергией ауры? Этот предмет загорается и сам начинает светиться и излучать на человека, которому он предназначен, подобное пламя ауры – любви, доброты и доброжелательства. Талисманы, подаренные без горячей, чистой любви и привязанности, излучают не более того, что думал и чувствовал о

своим другом даритель на самом деле. Заряд ауры такого талисмана холодный, трусливый. Такой талисман не отгонит несчастья, но вызовет его.

Так выглядит невидимая для нас энергия ауры мыслей и чувств. В борьбе ауры побеждает тот, кто обладает большим зарядом ауры (пример, комната богато и роскошно обставлена, всё сияет и блестит, и тем не менее у человека необъяснимое чувство неудобства, нечистоты или наоборот).

Это непустое чувство или воображение, как люди объясняют. Причина того или иного чувства лежит в действительном содержании ауры. Когда мы знаем эту тайну, то мы очень скоро достигаем физической способности ощущать ауру, и даже своими глазами видеть, не выполняя для этого специального упражнения.

Клише ауры

Цвета ауры выражают чувства и ощущения, а формы цветов – мысли, т.е. что-то конкретное. Цвет ауры – перцепция, форма ауры – апперцепция. Ни цвет, ни форма ауры никогда не бывает один без другого.

По своему характеру аура имеет в своем содержании мыслей и чувств также свойства «клише». Так мы обозначим лучи, ткань, сгущения, потоки и т.д. энергию мыслей и чувств ауры, которая содержит в себе комплексы мыслей и чувств, как «КЛИШЕ» (для ясности добавим названия «клише ауры», «клише мыслей», «клише чувств», «клише идей» и т.д.).

Сущность клише ауры: клише ауры может быть выражено чистым цветным потоком ауры и влиять на психику человека, как только чувственное впечатление, возбуждение чувств и процесса восприятия. То же клише может выразиться как общий комплекс чувств и конкретных понятий и создать в психике вполне сознательное впечатление. Действуя на психику человека, такое же клише может взять из себя восприятия чувств, оставив только голые сухие понятия. Такое состояние зависит как от клише, так и от его воспринимающего – человека. Бывают клише, которые создают чувственные потоки, бывают мысленные и наконец смешанные клише – т.е. они вводят в человеческую психику определенные понятия, как в чувства, так и в мысли. Бывают люди, имеющие такие свойства характера, и аура создана так, что они воспринимают только чувственную часть всех клише и понимания отбрасывают. Эти люди не хотят думать и работать разумом, а только чувствовать и оперировать впечатлениями цветного потока ауры. Они не хотят знать, какие формы имеют эти чувства в их сознании. Некоторые люди воспринимают из клише только понятия и отклоняют все моменты восприятия. Но есть и такие, которые воспринимают оба свойства клише.

Воздействие клише на человека: примеры:

1. Выражение сочувствия нуждающемуся, к нему направлены поток блестящих искр, лучистая ткань, которая освещает подавленную горем женщину. Каждый раз при встрече с этим человеком можно видеть искорку - повторяется перед его духовным взором процесс, происшедший между этими людьми раньше.

2. Человек, вынимает у рядом стоящего кошелек и исчезает, аура этого случая противоположна. Каждый раз при встрече с этим человеком повторяется воспроизведение грязной, неприятной ауры.

З а к л ю ч е н н ы й в книге заряд ауры помогает учению.

Книга как посредник обмена клише среди учеников (пример, дай мне «твою» книгу, по ней можно легче выучить).

Ученик старается привести в действие золотистые лучи, чтобы клише учебника включить в свой мозг, но флюиды лености, которыми покрыта книга, очень мешают ему. Он пытается заставить себя, так как его предупредили, ему надо приготовить урок. Он боится, от страха он начинает излучать лучи искания, которые ощущают вокруг, ища помощи, для

преодоления серых лучей лени. Они сталкиваются с энергичными, сильными излучениями ауры своего товарища, и оказалось, что его книга пропитана сильными лучами воли и просит эту книгу.

Две одинаковые книги содержат различные заряды ауры.

Излучение портрета артиста помогает выучить роль (взгляд артиста остановился на портрете знаменитого артиста, который играл его роль гениально. Артист, взяв в руки этот портрет и, не выпуская из рук, стал бормотать свою роль, некоторое время прохаживал он в комнате с портретом в руке, роль свою он исполнил превосходно. Пример влияния клише ауры = из портрета артист воспринял в свою ауру клише, заряд которого помог ему понять суть роли.

Ничтожная бронзовая статуэтка содержит лечебный заряд клише ауры (снятие усталости с помощью бронзовой статуэтки).

Здоровый человек был сражен зарядом разрушительного клише при случайном прикосновении к предмету (письму).

Рассмотрим болезнь со стороны ауры: Письмо было написано одним политическим фанатиком. Фанатик был до безумия охвачен страшным яростным клише против рабочего класса, письмо предназначалось к группе сторонников и содержало злые упреки, резкие требования к кровопролитию и проклятия против врагов. Таким образом, письмо содержало страшный заряд ауры. Это письмо создало в заболевшем беспокойство и волнение, и со временем человек заболел.

Большие силы заряда клише ауры могут подавить волю человека и заставить его служить себе.

Человеческая аура, содержащая мало узлов и клише преступлений, или имеющее блеск клише доброго дела, принимает злое клише только частично. Кличе уничтожения, проклятий и убийств могут проникать в ауру человека, когда в ней есть заряды преступления.

Точно так же, как человек принимает в себя добрые и злые дела, он может обмениваться ими с другими, может клише дать, подарить, поменять, создать и уничтожить.

Есть люди, у которых дела идут хорошо, здесь большую роль играет клише ауры. Благодаря случайной или сознательной заботе эти люди попадают в хороший поток клише ауры, которые несут его, как избранного любимца судьбы. Также бывают случаи, когда люди без особой причины затеряются в жизни, как проклятые – болезни, неудачи, трагедии, страхи, уничтожение, муки, непрерывно. Зависит это от человека, опытный человек приводит в действие рычаг в строении ауры, и всё оборачивается к лучшему.

Если мы примем во внимание то обстоятельство, что любое касание с другим человеком вызывает обмен излучениями ауры, что каждая любая мысль и любое восприятие с полной отдачей своей силы вторгается в вещество ауры тела и остается там неизменной, то человек до конца жизни, а может быть дольше, может их вызвать, видеть и читать, тогда перед нами откроются тайны жизни, которые потрясут наши теперешние понятия о жизни. Для нас настало такое время, мы только должны очень захотеть это. Новая жизнь, которая возникнет у этих людей, будет вторым избавлением человечества.

Понятие аура – клише, принятое в содержании обоюдосторонних отношений людей, может сделать другому добро или зло, радость или горе, жизнь или смерть и т.д.

Что люди должны делать, чтобы использовать клише ауры, достигнуть успехов в преобразовании жизни к совершенству.

Невозможно, работая вместе, обмениваться энергией, когда один к другому враждебно настроен. Тут, по крайней мере, требуется формальное уважение и признание прав друг друга. На ступени, где происходит обмен мыслительных клише ауры, требуются условия искренней, прочувственной дружбы. Чем тоньше и возвышеннее в духовном отношении

содержание мыслей обменивающихся клише, тем глубже и сердечнее дружба. Такие отношения нужно развивать и заботиться о них.

Обмен аурами клише среди людей, любящих друг друга.

Обмен клише между враждебно настроенными людьми (слуга и господин).

Флюиды любви ведут к победе, а ненависть и грубость - к поражению.

Помимо внешней официальной связи необходима внутренняя связь.

Клише ауры в войне – в случае наивысшей опасности деятельность ауры усиливается настолько, что человек становится ясновидящим – видящим ауру.

Отправители победоносного клише чувствуют свою победу еще до боя, а противник опускает голову, его аура становится серой. Долг зовет, он должен идти, но знает, что напрасно. Военные специалисты это обстоятельство знают хорошо и её называют «как психологическое давление».

Существует возможность создать такое клише ауры, которое может не только запугать противника, но и обезвредить противника, не применяя оружия.

Дружба способствует обмену клише в такой степени, что предохраняет от несчастья.

Дружеская связь производит определенные излучения ауры, которые плотно вырастают в других членов и защищают их от вражеских нападений.

Аурная помощь спасает друга от болезни.

Если один член обманывает свою организацию, то заряды их клише его не защитят.

Это явление называется эгрегором.

Эгрегор есть аурная рама, механизм и содержание организации. Он есть коллективное, живое существо, составными частями которого являются другие живые существа.

Ни один человек не может быть без эгрегора, т.е. вне коллективного влияния какой-либо человеческой группы. Когда человек говорит, что он находится сам по себе, вне какого-либо человеческого общества, вне всякого эгрегора, то он ошибается.

Для того, кто хочет жить один и чувствовать себя независимым от всех людей и обязанностей, единственно возможное спасение состоит в том, чтобы присоединиться к какому-нибудь эгрегору, который предусматривает в своем строении одиноких, в котором он защищает и заботится о них. Весь мир есть непрерывный эгрегор.

Члены какого-либо эгрегора получают столько защиты, заботы, гарантии и благосостояния в жизни 1) сколько обладают клише жизненной мудрости руководитель эгрегора и коллектив объединения. 2) насколько они, как отдельные члены эгрегора своему руководителю послушны и могут присоединиться к ауре его благосклонности, 3) как члены эгрегора хорошо живут вместе и любят друг друга, 4) как сердечно, честно и старательно они могут выполнять возложенные законом эгрегора на них обязанности.

В мире есть бесчисленное количество эгрегоров: добрые – божественные и злые – дьявольские. Они состоят из бесчисленных вариаций и непрестанно борются друг с другом.

Признание принципа вождя членами эгрегора имеет огромное значение, так же как значение личности вождя в эгрегоре имеет большое значение.

Эгрегор следует рассматривать, как личное содержание ауры самого высшего вождя, а члены эгрегора, как составные части – клише его аурной оболочки.

Если член эгрегора честно выполняет свои обязанности, взятые на себя при вступлении, то и ему живется х о р о ш о.

Рабочие отношения эгрегор:

1. Первая необходимость для добрых эгрегоров является клише мудрости. При этом человек покоряется Богу всем содержанием своей ауры. С помощью интуиции он получает клише мудрости космоса.

2. Вторая необходимость – закон взаимных отношений и совместной работы для реализации достигнутой мудрости и поддержания эгрегора. Благодаря достойному доверию,

послушанию и преданности член эгрегора получает контакт с ведущим центром. Благодаря этому центр посылает преданному члену лучи розовой ауры взаимной любви и придает им одновременно силу – белую ауру, как дисциплинарное содержание для взаимного гармоничного согласия и совместной работы членов эгрегора.

3. Третья необходимость – реальные ценности, реальная основа жизни, землю, почву и пространство где реализуется – мудрость и работа и дают силу новому импульсу.

Человек, считающий себя «вне эгрегора», подлежит злой силе, хотя он сам не зол.

Человек, включившийся сознательно в эгрегор, получает большую аурную защиту.

Все успехи в жизни человека зависят от того, насколько он в состоянии дать своему рассудку мудрые и гениальные клише мыслей и насколько хорошо он понимает и применяет их в жизни и работе.

Ни в коем случае один человек не сможет самостоятельно противостоять плохим клише. Они одолеют и уничтожат его, если он не имеет никакой аурной связи с другими людьми.

Бог сам открыл бы человеку тайну своей личности, но человек не в состоянии этого понять.

Известно, что в домах для умалишенных аура больных влияет своими излучениями на медперсонал, и что они сами заболевают, если они долго находятся вблизи излучений ауры больных.

Демоны самые способные, самые умные, самые гениальные творцы зла – они короли ада, вожди эгрегора ада. Черты есть ближайшие слуги демонов, слуги адского царства. Бесы похожи на чертей, только имеют вид животных. Они выполняют большую часть зла.

Бог никого не наказывает и никому не мстит.

В неправильно построенный корабль ничего правильного нельзя поставить и его нельзя спустить на воду.

Человеческое общество дошло до социальной бессмыслицы, к голоду, гибели, классовой ненависти и уничтожению друг друга. Вместо морали появляется разврат, ненависть, зависть, высокомерие, чванство и полная деградация. Все это мы можем наблюдать на земле.

Желаниям и идеям человечества нет границ, а также и демонов. Чем больше они приобретают, тем безумнее они становятся и тем болезненнее становится их фантазия.

Карма – это означает результат человеческой деятельности в построении его аурного тела.

Карма добрых дел увеличивается доброй силой, злых – злой. Отсюда выражение – разделенная радость – двойная радость, разделенная боль – половина боли.

Закон джунглей – «У кого есть сила, того и власть».

Инкарнация означает – возрождение души.

Над ними исполнится прорицания Иисуса, которое гласит: Ушами вы услышите, но не поймете, и видящими глазами вы увидите, но не поймете» (из Евангелиума).

Если требуется клише писателя, выбрать любимое произведение, его должны содержать так, чтобы аура других людей его не касалась. Как только чужая, особенно равнодушная и недоброжелательная аура коснется своими излучениями этого предмета, то он может оказаться помехой.

5. М.В. ЛОДЫЖЕНСКИЙ – СВЕРХСОЗНАНИЕ И ПУТИ ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ (Индусская Раджа-йога и Христианское подвижничество), 1912 г., СПб.

«Душа надобна» - слова Акима из «Власти тьмы» (Л.Н. Толстой);

«Мозг и душа» (профессор Челпанов).

— Теория разчленения души человека была основательно исследована представителями возродившегося в прошлом столетии теософского движения Е.П.Блаватской, А. Безант и др. теософами.

— Индусский ученый и подвижник Суоми Вивекананда родился в 1862 году, уже готовился к ученой деятельности, когда случилось событие, изменившее всю его жизнь. Его дядя повез его к великому индусскому святому Шри Рамакришна Паранагама. Суоми сделался его учеником. В 1886 г. святой умер. Суоми удалился в Гималаи, где провел в одиночестве 6 лет.

Он объехал Америку и Европу и написал несколько интересных сочинений, среди них «Раджа-йога».

В 1902 г. предался созерцательной жизни и 2 июля в состоянии экстаза перешел в иной мир.

— Героический интеллект не довольствуется ролью скромного работника; его мечта – быть спасителем человечества или, по крайней мере, русского народа. Для него необходим не обеспеченный минимум, но героический максимум. Максимум есть неотъемлемая черта интеллигентского героизма.

Психология максималиста вылилась в такую формулу: я осуществляю свою идею и ради нея освобождаю себя от уз обычной морали; я разрешаю себе право не только на имущество, но и на жизнь и смерть других, если это нужно для моей идеи.

— Аморализм, или по старому выражению нигилизм, есть необходимое последствие самообожания. Здесь подстерегает его опасность саморазложения, ждет неизбежный провал. И те горькие разочарования, которые многия пережили в революции, та неизгладимая из памяти картина своеволия, экспроприаторства, массового террора, - все это явилось не случайно, но было раскрытием тех духовных потенций, которые необходимо таятся в психологии самообожания.

— Вы встретите людей, которые говорят в настоящее время, что для них основанием всей нравственности служат соображения о пользе.

— Невидимый мир не только идеален – он имеет также влияние на видимый мир и воздействует на него. Общение с этим невидимым миром есть реальный процесс с реальными результатами.

Только теперь начинает замечаться некоторый перелом, когда запросы сердца в наш нервный век делаются все настойчивее, когда, с другой стороны, пришлось потерять веру в свой интеллигентский героизм, пришлось извериться в идеалах, непогрешимость которых еще так недавно казалась столь очевидною, когда вместе с тем число самоубийств и преступлений поднялось до небывалой цифры, когда, наконец, по словам нашего русского философа Бердяева, людей начинает охватывать тоска, близкая к той, которою заболел античный мир в эпоху упадка и разложения».

Все эти жизненные удары, толчки, все эти страдания имеют свой глубокий смысл. «Мне отмщение и Аз воздам» - сказала Библия. Давно уже сказала она, что будет наказываться человек за гордое направление своих мыслей, отвергающих существование высшей духовной силы, отвергающих Божество и Его законы. И во времена Библии был атеизм, эту болезнь она назвала – «безумием в сердце».

— Подобно музыкальному развитию у человека может идти и развитие религиозного чувства. Так, например, если при высоком развитии музыкальности музыканта стесняет вдохновение, то и при высоком развитии религиозности чувства человека осеняет божественная мысль, просыпающаяся в нем же самом, и искра эта может разгореться в большое пламя.

— Всякая вещь обыкновенно стремится к сродному ей. И душа, имеющая в себе удел духа, когда услышит речь, заключающую в себе сокровенную духовную силу, пламенно влечет к себе содержание сей речи. Не всякого человека пробуждает то, что сказано духовно и имеет в себе сокровенную великую духовную силу.

— Толстой и Достоевский были убежденными христианами, хотя христианство их было разное. Толстой был христианином новатором, Достоевский сравнительно с ним был «старой веры», крепко державшийся апостольского учения. Толстой, как ум революционный и независимый, влиял сильнее. Толстой, обладавший колоссальным талантом, мог влиять на массы. Он делал все, чтобы излечить людей от атеизма. Сочинения его проникнуты искренней симпатией к народным героям, верующим в Божество (Каратаев – «Война и мир», Аким – «Власть тьмы»).

Письмо Толстого маленькой девочке, которая спрашивает у Толстого, есть ли бог – «Бог не на небе, а в каждом человеке. Бог – это то, что дает жизнь людям и всему живому. Бога мы узнаем любовью. Через любовь Бог во мне соединяется с Богом в других существах. От этого весь закон Бога в том, чтобы любить Бога и ближнего и от этого самое больше счастье на свете в том, чтобы любить всех. Посылаю вам молитву. Советую её читать и советую также стараться воздерживаться от всего того, что мешает любви, а стараться любить равно всех людей. Лев Толстой».

— Теософия это есть научно-религиозная философия, т.е. синтез религии и науки. Она учит: в мире духовном такие же точные и непреложные законы, как и в мире физическом. На основании этих законов теософия утверждает, что дух наш подлежит такому же росту и эволюции, как и всё остальное в мире.

Наука признала, что форма совершенствуется и развивается. Теософия добавляет, что дух наш совершенствуется и растет, лучше раскрывается.

Страсть есть укоренившаяся в человеке привычка к известным ощущениям. Она обнимает следующие понятия:

1. Страсть физическая – приверженность человека к известным физическим ощущениям, напр. приверженность к спорту, к наркотикам, чревоугодию.

2. Страсть астральная – привычка человека к гневу, к вспыльчивости или, наоборот, - альтруизм.

3. Страсть ментальная – страсть к научным занятиям, к логическому мышлению.

4. Страсть духовного характера – привычка к наслаждениям духа, влияние к высшим духовным ощущениям (представительница мистицизма А. Безант).

Относительно закона христианского, закона долга и любви, представляется интересным отметить, что в деле осуществления этого закона началом, препятствующим любви и единению – началом эгоистическим, разъединяющим людей, является, как в этом ни неприятно сознаться, интеллект человеческий, на развитие которого люди в нашу эпоху тратят все свои силы: началом разъединяющим является тот мысленный аппарат человека, который мы называем рассудком (план ментальный).

В этом аспекте интересны суждения Безант. Она говорит, что интеллект человека, различающий «я» от «не я», получил свойство сознавать только одного себя и всё остальное мыслить, как внешнее, чуждое себе. Интеллект – это начало борющееся, враждующее, самоутверждающее, и, с точки зрения интеллекта, весь мир является ареной

всевозможных столкновений, ожесточающихся в той мере, в какой интеллект участвует в них. В человеке лишь его интеллект склонен к вражде, ибо он утверждает себя, как величину отдельную от всех остальных, и именно в нем, по мнению Безант, заключается корень разъединения, вечно возобновляющийся источник отчуждения человека от человека.

На Западе, вообще, всё воспитание проникнуто духом соревнования и борьбы, а затем последующая жизнь всеми своими подробностями только питает и развивает этот дух. Личность в Европе и Америке развита так сильно, что в ней не найдется ни одной, даже художественной школы, члены которой не ненавидели бы и не завидовали бы друг другу. Профессиональная ненависть и зависть вошли в поговорку: всякий старается увеличить свое благосостояние во что бы то ни стало; и так называемые правила вежливости лишь пустая маска, прикрывающая этих демонов ненависти и злобы.

В глубине нашего существа (Соловьев) «Духовные основы жизни» - в самой основе нашей души, иногда для нас вполне несознаваемо, таится и скрыто действует сила темная, безумная и злая. Это есть та самая сила, которая отделяет нас от всего и ото всех, замыкает нас в самих себе, делает нас непроницаемыми: она есть сила бессмысленная и начало всякого безумия, ибо отделяя нас от всего, она разрывает для нас всякую связь с миром Божьим, лишает нас общения со всем и закрывает от нас то наше истинное отношение ко всему, которое составляет разумный смысл (ratio) нашей жизни. Темная и бессмысленная сила, делающая нас безумными, делает нас и злыми, ибо отделяя себя ото всего, мы противопоставляем себя всему, а противопоставляя себя всему, мы отрицаем всё во имя себя и стремимся все подчинить себе и подавить, а сопротивляющееся – сломить и уничтожить.

Христианство и индуизм резко осуждают эгоизм.

— Нет зла паче зла самолюбия (эгоизма). То, что эгоизм производит – суть самовосхваление в сердце, самоугодие, чревонеистовство, блуд, тщеславие, зависть и вершина всех зол – гордость, которая не только людей, но и ангелов (дошедших до совершенства) свергает с небес и вместо света покрывает мраком.

Не будем самолюбивы (эгоистичны). Истребляется самолюбие – любовью, которая всех влечет к единомыслию и связывает воедино.

«Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость... Победишь себя, усмиришь себя и станешь свободен, как никогда и не воображал себя и начнешь великое дело и других свободными сделаешь и узришь счастье, ибо дополнится жизнь твоя» - Достоевский (выдержка из его Пушкинской речи, «Дневник писателя», август 1880г., стр. 11).

— О чревоугодии, блуде, унынии, печали, гневе, тщеславии, гордости, сребролюбии и о некоторых видах этих страстей, так, напр., говоря о гневе, мы коснемся вспыльчивости, злопамятства, ненависти, злословия и пр., говоря о тщеславии, мы коснемся честолюбия, славолубия; говоря о гордости, мы упомянем и о надменности, говоря о сребролюбии, мы будем говорить о любостыжании вообще.

Мерное употребление пищи состоит в ежедневном употреблении столько пищи, чтобы после ее приема не чувствовался голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не пустит человека вдаваться ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, ни в пресыщение, подавляющее дух».

«Когда уныние нападает на бедную душу инока, то порождает ужасание, отвращение и презрение к братьям с ним живущим, или на расстоянии, как к нерадивым и совсем не духовным, самого же его разленивает и отбивает от всякого дела и к чтению приступить не может и заставляет вздыхать и жаловаться, что ни мало не преуспел и болеть внушает, что остается в этом месте попусту и, мог бы управлять другими и многим приносить пользу, никого здесь не воспитал, и никого своим наставлением и учением не породил духовно... Так волнуется бедная душа, пока утомленный духом уныния не свалится

или пытается избавиться от такой напасти в посещении какого-либо брата» (Кассиан Римлянин).

Образ унылого человека по Ниль Синайскому: «унылый, читая книгу, часто зевает и клонится ко сну».

Гнев желает отмщения; неуспех в отмщении порождает печаль. Также печаль является следствием неудовлетворения эгоистических желаний. Кто победил эти пожелания, тот победил страсти, а кто победил страсти, тем не овладеет печаль (Нил Синайский).

— Любящий мир – много имеет печалей, а презирающий всё, что в мире, всегда весел.

— Самое яркое проявление астральных злых страстей – гнев.

Как возникает чувство гнева и как оно, разрастаясь, переходит в чувство злопамятства; для выяснения вопроса общий пример: оскорбление словом, малое слово брани, можно сравнить с горящим угольком, могущим в костре разгореться в большое пламя. «Если ты перенесешь это слово, то ты погасил уголек. «Если бы ты перенес малое слово брани, то погасил бы этот малый уголек, прежде чем произошло смущение. Однако ж и его тоже можно погасить молчанием, молитвою, одним поклоном от сердца. Если ж будешь продолжать возмущать и раздражать себя, то уподобишься человеку, подкладывающему дрова на огонь, от чего образуется пламя, это и есть гнев.

А гнев если закрепится, то обращается в злопамятство, от которого человек не освободится, если не прольет крови своей (Авва Дорофей).

«Всегда отсекайте страсти, пока они еще молоды, прежде, нежели они укоренятся и укрепятся в вас и станут удручать вас, ибо тогда придется вам много пострадать от них. Иное дело вырвать малую былинку, а иное искоренить большое дерево».

Гнев проявляется в следующих трех видах – первый тот, который пылает внутри, второй тот, который прорывается в слово и дело (вспыльчивость) – мгновенное возгорание сердца и третий тот, который горит долгое время и называется злопамятством, переходящий иногда в высшую формулу гнева – ненависть. Это яд душегубный, грызущий сердце червь, непрестанный гнев – зло.

— О чувстве ненависти св. Антоний Великий высказывается, как об одной из самых злых человеческих страстей.

«Всякий ненавидящий брата своего есть человекоубийца» – св. Евангелист Иоанн.

Чувство ненависти является настолько ненавистным в астральной сфере, производит в ней настолько сильная вибрация, что они по удостоверению ясновидящих видимы зрением.

«Если кто посылает другому чувство ненависти, то для ясновидца это видимо, как тонкое световое облако.

У людей на почве чувства злобы и недоброжелательности иногда развиваются другие злые страсти. Как, например, злословие, осуждение и унижение ближних.

Стремление иметь преимущество в чужом мнении и есть тщеславие. Неудовлетворение же этого стремления, когда чужое мнение отказывает нам в исключительном признании и ставит других наравне или выше нас – непременно возбуждает в тщеславном неприязненное чувство соперничества, ревности и зависти.

Тщеславие проистекает из умственной гордости. Таким образом – тщеславие и гордость являются неразрывно связанными между собой.

Убей в себе тщеславие, оно нам враг и проклятие, соблазнитель того, кто поднимается над своими ближними (индусская книга – «Свет на пути»).

У людей обыкновенных – не подвижников гордость проявляется в форме так называемой надменности; таких людей, надменных, в особенности в последнее время – время всеобщего поклонения эгоизму, мы встречаем на каждом шагу.

Надменность (I ст. гордости) - состояние, «когда кто кого укоряет, осуждает, безчестит, как ничего не значащего, а себя считает выше его». В сущности такая надменность есть увлечение своим «я», заставляющее считать себя выше всех окружающих».

«Кто сделался рабом тщеславия (св. Иоанн Лествичник), тот ведет двойную жизнь – одну по наружности, а другую по образу мыслей и чувств. Одну – на людях, а другую – наедине с собою». Жизнь на людях – есть, по существу своему, жизнь обмана и лицемерия, в нашей эпохе все мы ощущаем, что обман и лицемерие есть воистину та атмосфера, в которой мы постоянно живем и в которой если и попадаются правдивые люди, то только как исключение.

Определение видов лжи:

1. Ложь словами, когда человек придумывает лживые объяснения и факты для своих эгоистических целей;
2. Самообман – ложь бессознательная, когда человек, привыкая обманывать других, начинает обманывать и самого себя;
3. Ложь жизнью, когда человек притворяется своими поступками, чтобы обмануть людей.

Безант говорит, что гордость, т.е. проявление человеческого «я», отделившегося от целого, может быть сброшена человеком тогда только, когда он достигает полного совершенства, а именно после того, как человек, пройдя труднейший путь подвижничества, достигнет всеобъемлющей любви – самая великая из всех побед: человек сбрасывает с себя последнюю окову обособленности, то, что производит иллюзию отдельного «я».

К этому духовному самоотречению, к жертве своим гордым интеллигентским «я» во имя высшей святости призывал Достоевский русскую интеллигенцию в своей Пушкинской речи: «смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость... (см. выше)».

- Зла нет в естестве человека и нет никого злого по естеству, ибо Бог не сотворил ничего злого... Зло пребывает со вне через навик.

«Взятое в массе человечество представляет собою скопище существ низких эгоистов, стоящих выше животного только в том одном отношении, что их эгоизм более обдуман, чем у животного» (Ренан – «Жизнь Иисуса»).

— Какой слабою оказывается совесть, при столкновении своем с чувством тщеславия и другими страстями.

— Подобно тому, как центральным узлом мозговой нервной системы нашей служит головной мозг – центральным узлом ганглиозной системы служит солнечное сплетение. Последнее представляет собой собрание различных по величине переплетающихся в грудной полости, в подложечной части её позади желудка, нервных узлов. Функции обеих наших нервных систем головного мозга и ганглий совершаются независимо друг от друга; сердцебиение (по Карлу Дю-Прелю) составляет функцию ганглиозной системы и так же, как пищеварение, отделение желчи и прочие функции ганглиозной системы, не управляется нашим сознанием и продолжается во время сна.

Автором эмоций или чувства является солнечное сплетение или сердце, как его ближайший показатель. Сердце диктует мозгу запечатлеть себе это чувство. Мозг записывает то, что диктует ему сердце.

Таким образом, главный центральный орган человеческих эмоций (эмоций астрального плана) находится не в мозгу человека, а в солнечном сплетении, в котором совершается главный эмоциональный процесс, отражающийся прежде всего на сердце и уже после того сознаваемый мозгом, который есть аппарат, как бы записывающий возникшую уже в солнечном сплетении и переданную сердцу эмоцию.

— Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его.

Благодаря эгоистическому царству капитала и материалистическому строю мышления внешняя жизнь приняла уродливые формы ожесточенной борьбы за существование, беспощадной конкуренции, взаимной вражды и озлобленности.

Лежащий за пределами наших чувств мир трансцендентальный остается для нас недоступным.

Кто чувством сердца воспринимает любовь к Богу, и сам пребывает в любви Божьей.

Так же, как воздух проникает воду, как эфир проникает самую твердую материю, так же, говорит Безант, и астральная материя проникает всё физическое. Как физический мир населен существами, обитающими в нем, так и астральный мир населен своими обитателями. Общий вид астрального мира весьма схож с земным миром, так как большая его часть наполнена астральными двойниками физических объектов.

В астральной сфере, говорит Безант, между прочим, существует особая комбинация астральной материи, называемая элементарной эссенцией. Она имеет жизнеспособность и свойства принимать известные формы под влиянием вибраций той или другой человеческой мысли.

Взрыв злобы создает совершенно определенно очерченную сильную молнию красного цвета, а сосредоточенная злоба вызывает к жизни опасный элементаль красного цвета, с острыми или крючковатыми углами, приспособленными к тому, чтобы нанести вред. Любовь создает формы более или менее прекрасные по рисунку и цвету, всех оттенков кармина до нежно розовых тонов подобных бледной заре. Молитвы любящей матери находятся вокруг ее сына, принимая форму ангелов, отвлекающих от него дурных влияния (охраняющие элементы).

Кроме таких «искусственных элементалей», астральную сферу населяют астральные тела людей, умерших физически (людей сбросивших с себя телесную оболочку, но не астральную, которая еще не умерла и в которой они еще живут).

Так как зла в мире больше, чем добра, то и злой людской элемент, сбросивший с себя физическую оболочку, густо населяет астральный мир.

Кроме этого населения, враждебного человеку, ибо оно состоит из душ озлобленных и мстительных, в астральной сфере обитают существа, называемые вообще «элементарными», большинство которых относится к человеку также недружелюбно; это присутствие огромной толпы привидений, появляющихся с угрожающим видом, но исчезающих, если им не поддаться.

Там есть и светлая сторона для тех людей, кто в течение земной жизни был менее привержен злым человеческим страстям.

Человек может пойти по своему пути еще дальше, если постараться силою мысли своей познать и овладеть миром высшим, чем астральный, это мир ментальный.

Страх – злейший враг человека, желающего установить связь между сверхсознанием и нормальным своим сознанием.

Летописи жизнью святых имеют записи о гибели многих духовных авиаторов, погибших от «прелестей диавольских» – как опасна воздушная авиация, так опасна и духовная (в том числе в состоянии экстаза погиб Суоми Вивекананда).

Человек может также легко реять в воздухе, как пернатые создания.

(Ток кундалини из солнечного сплетения направляется к мозгу и закрывает собой «дыру Браммы» - т.е. шишковидную железу).

«Чем более будешь дерзать, тем более получишь».

Ближайший к физическому миру мир астральный может ощущаться человеком сравнительно легко. Человек страстный, склонный к эмоциям, весьма близок к этому миру.

— Ментальное сверхсознание достигается громадными усилиями и работой над собой.

Метод «Раджа-йоги» - метод ментальный, метод мышления, он требует глубокого сосредоточенного размышления и содержания. Раджа-йога называется царственной йогой,

она резко отличается от Хатха-йоги или йоги искусственной, методы её заключаются в работе человека над своим физическим телом, над физическими ощущениями.

Последователи Хатха-йоги достигают способности видеть, слышать и чувствовать астральную сферу.

Теория Раджа йоги основана на принципе развития силы человеческой мысли и его мысленной воли. Теория эта изложена и развита индусским подвижником Суоми Вивеканандой.

Все силы обобщены в пране, и кто по мнению индусских философов овладел праной (энергией), тот овладел всеми силами природы, духовной и физической.

- Наука йога влияет на подвижников по двум направлениям: дисциплинировать и очищать тело, чтобы нервная клетка могла вибрировать в ответ на прикосновение высшего порядка, не нарушая нервного равновесия и не вызывая истеричности, а с другой – систематически воспитывать ум.

Чтобы достигнуть Самадхи, йог, кроме воли ему присущей, должен обладать и верою в свои силы. Слабый никогда не достигнет свободы: отбросьте всякую слабость, говорите вашему телу, что оно крепко, говорите вашему уму, что он силен и имейте безграничное доверие к себе (Вивекананда).

«Прежде, чем вступить на путь, ты должен уничтожить свое «тело желаний» (Е. Блаватская).

Упражнения в йоге почти убивают тело желаний ученика, он может стоять, не испытывая никакого чувства перед фактом, который до его ученичества вызывал бы в нем или пламенную любовь, или ненависть, или иную какую-либо эмоцию. Йог таким образом делается как бы бесстрастным механизмом.

Йогу свойственна *Ahamhara*, т.е. чувство гордости, что вполне понятно, ибо человек, сознающий свое могущество, приобретший его своими силами, не может не сознавать превосходства своего перед массой людей, которые этого не достигли.

— Христианские подвижники совершенно отвергают веру в могущество человеческих сил без помощи благодати Божьей.

Во времена до-исторические люди боролись друг с другом кремневым оружием, потом пришло оружие железное, затем огнестрельное и, наконец, люди начнут истреблять друг друга психической силой, более могущественной, которую бы изобрел человек.

«Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто» (великие слова, сказанные св. Апостолом Павлом почти 2000 лет тому назад).

«Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (св. Павел).

«Хороший оратор влияет на слушателей гораздо более силою тех чувств, которые он в них пробуждает, чем посредством хорошо обдуманной аргументации, которые все равно оказываются бессильными, когда против них возмущается чувство. Рассудочные аргументы не проникают дальше мозга; то же, что сказано от души, от всего сердца, то доходит до сердца» (Франц Гартман).

«В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение (боящийся не совершенен в любви)» (Апостол Иоанн).

«Богу ради величия Его подобает слава, а человеку – смирение» (Диадок).

«Бог гордым противится, а смиренному дает благодать» (Апостол Иаков).

«Истинная милостыня есть распространение на других той благодати, которую мы сами получаем от Бога в истинной молитве» (В. Соловьев).

6. АЛЛАН КАРДЕК – ОСНОВЫ СПИРИТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ,

1906 г., СПб.

Спиритуализм есть учение противоположное материализму. Всякий, кто верит, что в нем, кроме материи, есть еще что-то, тот спиритуалист. Для определения этого последнего верования слова спирит и спиритум сами по себе высказывают свое происхождение.

Жизненная душа свойственна всем органическим существам: растениям, животным и человеку; умственная душа – только животным и человеку; а духовная душа – только одному человеку.

Первым замеченным явлением было движение различных предметов; его называли обыкновенно явлением вертящихся столов или пляскою столов. Его корни восходят до глубокой древности, оно сопровождается было странными обстоятельствами, как то: необыкновенными шумами, стуком, раздававшимся без всякой видимой причины. Но это не ограничивалось только движением предметов (кругообразно или неправильно, толчками, подыматься вверх и без всякой точки опоры держаться в пространстве).

Мир телесный есть мир второстепенный, он может перестать существовать и мог бы даже не существовать вовсе.

Духи облекаются на время в материальную, разрушение которой посредством смерти возвращает им свободу.

Человек состоит из трех различных начал; I – тело, или материальное существо, сходное со всеми животными и оживленное одинаковым с ним жизненным началом; II – душа, существо безсмертное, III – полуматериальная оболочка духа, соединяющая душу с телом, нечто среднее между материей и духом.

Смерть есть разрушение грубого тела, этой видимой материальной оболочки; вторую же оболочку он сохраняет после смерти, невидимое для нас в нормальном состоянии.

Духи принадлежат к различным классам и неравны между собою ни могуществом, ни разумом, ни познаниями, ни нравственными качествами.

К первому разряду принадлежат духи высшие, отличающиеся от других своим совершенством, своими познаниями, своим приближением к Богу, это ангелы или чистые духи. Остальные классы более и более удаляются от этого совершенства. Духи, принадлежащие к низшим классам, обнаруживают наши страсти: ненависть, зависть, гордость и прочее. Они находят удовольствие в делании зла.

Духи не вечно принадлежат одному разряду, они улучшаются.

Телесная жизнь есть испытание, которое должно повторяться несколько раз, до тех пор, пока дух не достиг полного совершенства.

Оставляя тело, душа возвращается в мир духов, откуда она вышла, чтобы снова воплотиться.

Душевные качества наши суть качества духа, воплощенного в нас; так, добрый человек есть воплощение доброго духа, а злой – воплощение низшаго духа.

По возвращении своем в мир духов душа находит всех, кого знала на земле и все предшествовавшие телесные существования представляются в её памяти.

Духи бывают везде в пространстве и окружают нас, видят нас безпрестанно и постоянно соприкасаются с нами; это целое народонаселение, движущееся вокруг нас.

Духи оказывают непрерывное влияние не только на моральный мир, но даже и на мир физический: они действуют на материю и на мысль и составляют одну из сил природы, причину множества явлений, до сих пор дурно объяснимых или не объяснимых вовсе.

Добрые духи побуждают нас к добру, поддерживают в испытаниях жизни и помогают переносить их с мужеством и покорностью. Злые духи внушают нам всё дурное, для них наслаждение видеть наши падения.

«Великие мира сего будут унижены, а смиренные возвысятся».

Почерк медиума изменяется обыкновенно с появлением каждого нового духа и почерк этот возобновляется каждый раз при появлении того же духа. Относительно особ, в особенности умерших недавно, почерк этот имеет поразительное сходство с прижизненным почерком их, случалось видеть совершенно одинаковыя подписи.

Мысли, продиктованные духами, могут выдержать самую строгую критику во всех отношениях, несмотря на полное невежество медиума.

Истинный спирит смотрит на вещи иначе, с более возвышенной точки зрения. Жизнь для него так коротка, так скоротечна, что все превратности в его глазах суть не что иное, как неприятности путешествия. То, что на другого произвело бы страшное впечатление, на него действует слабо, ибо он знает, что грани жизни суть испытания, которые для него являются средством к нравственному совершенствованию, если он перенесет их безропотно; что он будет награжден сообразно с тем мужеством, с которым он покорится своей судьбе. Эти убеждения дают решимость, которая предохраняет его от отчаяния, а, следовательно, от одной из причин помешательства и самоубийства; кроме того, он знает из откровений самих духов, что ожидает тех, которые сами добровольно сокращают свои дни, и этого достаточно, чтобы заставить его подумать хорошенько о своем положении. Много было уже случаев, что учение это останавливало человека на краю пропасти. Это одна из величайших заслуг спиритизма.

Все проявления, приписываемые духам, суть не что иное, как явления магнетизма. Медиумы, в таком случае, находятся в состоянии, которое можно было бы назвать бодрственным сомнамбулизмом – феномен, весьма знакомый всем, изучавшим магнетизм.

Когда разум его не будет омрачен материей и когда, благодаря усовершенствованию, он приблизится к богу, тогда он увидит и поймет его.

Духи нечистые – склонны ко злу, они подают вероломные советы, внушают раздоры. Они привязываются к слабым характеристикам, которые поддаются их внушениям и влекут их к гибели, радуясь, что могли замедлить их прогресс.

Гордость человека заставляет воображать, что они знают все и не допускают того, что превосходит их понятия. Сама наука поддерживает их в этом, они думают, что в природе не может быть ничего скрытого от них.

Жизнь духа вечна, телесная же жизнь временна и преходяща. Когда тело умирает, душа снова вступает в вечную жизнь.

«Мучительно ли разлучение души с телом? – Нет, тело чаще страдает во время жизни, чем в минуту смерти; страдания, иногда испытываемые в минуту смерти, бывают радостью для духа, который видит конец своему заточению».

Душа освобождается постепенно, развязывается, а не разрывается.

Минута смерти есть вместе и минута освобождения и продолжается в продолжение нескольких часов.

Перевоплощения бывают многочисленны, потому что прогресс духов почти безконечен.

Материальная жизнь есть некоторого рода испытание или чистилище, чрез которое должны пройти существа духовного мира, чтобы достигнуть совершенства».

Как смотрит дух на тело, оставленное им? Как на одежду, стеснявшую его, он счастлив, что избавился от нея.

Духу всегда приятно, когда помнят о нем.

Молитва освящает наши поминовения, посещение могилы ничего не значит, лишь бы молитва сказана была бы от сердца – чистосердечным воспоминанием.

– Сон отчасти освобождает душу от тела. Человек, засыпая, приходит на время в состояние, сходное с тем, в каком будет находиться после смерти.

Какая причина ясновидения сомнамбулов – это душа видит.

- Духи знают часто то, что вы желали бы скрыть даже от самих себя. Ни поступки, ни мысли не могут быть скрыты от них. Поэтому легче скрыть что-нибудь от человека, когда он жив, нежели после его смерти. Без сомнения, и в то время, когда вы уверены, что вы один, вас окружает толпа духов, которые видят вас». Легкие духи смеются над причиненными вам неприятностями и над вашим нетерпением. Серьезные духи стараются Вам помочь.

Влияние духов на наши мысли и поступки гораздо больше, чем вы думаете, так как они часто руководят вами.

Значит, одни из наших мыслей – наши собственные, а другие – внушенные нам. Вот почему, чувствуя в себе борьбу мыслей, вы находитесь часто в нерешительности.

Когда человек не находит в себе решительности, то призывают на помощь вдохновение; этим они, нисколько того не подозревая, вызывают духов».

Низшие духи только тогда помогают тебе в зле, когда ты сам желаешь его сделать, но ты имеешь в то же время других духов, которые будут стараться расположить тебя к добру и таким образом равновесие восстанавливается и ты остаешься властелином своих поступков.

Сон есть отдохновение тела, потому что дух всегда деятелен; во время сна он получает некоторую свободу и сообщаются с теми, кто дорог ему, как в этом, так и в других мирах, но так как тело состоит из материи тяжелой, грубой, то оно с трудом сохраняет впечатления, полученные духом, потому что он получил их не через посредство телесных органов».

— Когда ты находишься в нерешительности, призывай своего доброго духа или проси Нашего Общего Владыку, Бога, чтобы Он послал тебе одного из своих служителей, одного из нас.

Вы часто не слушаете добрых внушений и бываете несчастны по собственной своей вине».

Иногда духи дают нам советы более непосредственные через лиц, окружающих нас. Пусть каждый рассмотрит различные счастливые или несчастные обстоятельства своей жизни, и он увидит, что во многих случаях он получал советы, коими не всегда пользовался и которые избавили бы его от многих неприятностей, если б он последовал им.

— Злые духи находят удовольствие причинять вам эти неприятности, которые, служа для вас испытаниями, приучают вас к терпению; но они оставляют вас в покое, когда не видят успеха.

Что было бы, если бы мы не благодарили бога? – То, что бывает с неблагодарными.

Дорого заплатят они за эти временные блага, которых они не стоят, чем больше им дано, тем больше от них потребуется».

Духи возбуждают мужество (наши духи).

Волшебники одарены известными способностями – силою магнетизма, или ясновидением.

— Есть люди, живущие только для себя и не умеющие быть полезными ни в чем. Это бедные, достойные сожаления существа, потому что дорого искупят они свою добровольную бесполезность.

Нет человека, который бы вовсе не мог делать добра, один только эгоист не находит к тому удобного случая».

— Поклонение есть возношение мыслей к Богу. Чрез поклонение душа приближается к Богу.

— Истинное поклонение совершается в сердце, чтобы вы не делали, всегда имейте в виду, что Господь видит вас.

Бог предпочитает людей, поклоняющихся ему искренно, в глубине своего сердца, и вместе с тем делающих добро и избегающих зла, тем людям, которые думают угодить ему обрядами, нисколько не делающими их лучшими относительно ближних.

— Где яд, там и противоядие.

Труд составляет необходимое последствие человеческой телесной природы. Он служит ему искуплением и в то же время средством усовершенствовать свой разум. Без труда разум человека оставался бы в состоянии детства; вот почему он должен приобретать себе пищу, безопасность и благосостояние собственным трудом и деятельностью. У кого же тело слишком слабо для труда, тому Бог дает разум, чтобы заменить этот недостаток; но это будет также труд.

Сделать больше добра, чем сделано зла – лучшее искупление. По закону любви и милосердия.

Бог одним дает богатство, а другим бедность, чтобы испытать их различным способом. Эти испытания выбирают себе сами духи и часто их не выдерживают.

Какое же из двух испытаний наиболее тяжелое для человека, испытание нищеты или богатства? И то и другое одинаково. Нищета приводит к ропоту на Провидение, а богатство доводит до всех излишеств.

Бог испытывает бедного самоотвержением и безропотностью, а богатство тем употреблением, которое он делает из своих богатств и своей власти.

— Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство небесное.

— Бог дал силу для покровительства слабым, а не для порабощения их.

— Правило справедливости: «не делайте другим того, чего вы не желали бы чтобы делали нам».

Итак, какой бы опасности мы не подвергались, мы не можем умереть, если не настало время смерти. Богу известно наперед, при какой смерти ты уйдешь отсюда.

— Судьба состоит только в часе, когда вы должны появиться и исчезнуть отсюда.

Мудро Провидение, что скрыло его (будущее) от человека. Известность счастливой будущности погрузила бы человека в бездействие, а известность о несчастном событии поразила бы отчаянием; в том и другом случае силы его были бы парализованы. Вот почему будущее указывается человеку только как цель, которой он должен достигнуть своими усилиями.

— Отдайте Кесарю, принадлежащее Кесарю.

Иисус сказал; «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая».

Боязнь унижения удерживает от просьбы истинного бедняка, и он часто страдает, не жалуясь.

Истинное безкорыстие вещь до такой степени редкая на земле, что ему удивляются, как чуду, когда с ним встречаются.

Страсти подобны лошади, полезной, когда она обуздана, и опасной, когда она сама берет верх.

Победить преобладание телесной природы – можно самоотверженностью.

Какой из пороков считается коренным? – эгоизм, так как основан на чувстве личного интереса, то его очень трудно вырвать, он растет с цивилизацией.

«Пусть тот, кто без греха, первый бросит в неё камень».

Слова мудреца – «Познай самого себя».

— Телесная жизнь для него временная остановка, это минутный отдых в дурной гостинице.

— Богатство есть испытание, часто более опасное, чем бедность.

— Наиболее богатый тот, у кого наименее нужд.

— Если несчастлив человек достойный – это испытание, он должен мужественно перенести это.

Родители часто по гордости или скупости отклоняют детей от пути, начертанного для них природой, и вследствие таких отклонений рискуют их счастьем – за это они будут отвечать.

— Вследствие слабости добрых: злые смелы и пронырливы, добрые робкие, когда последние захотят, они одержат верх над первыми.

Ревнивый и завистливый всегда находится в состоянии постоянной горячки.

Человек часто бывает несчастлив только потому, что придает слишком большое значение предметам мира сего.

Чрезмерное горе близких беспокоит дух.

— Жалейте поступающих с Вами дурно.

По настоящему любит дух, а не тело, и когда материальная иллюзия исчезает, дух видит действительность.

Бог не принуждает Вас жить с тем, кто тебе противен, в этом виноваты людские законы».

Раз нашлось мужество совершить зло, надо иметь мужество и перенести его последствия.

— Дайте человеку другую веру, которая бы могла сделать его счастливее.

Для спирита жизнь с ея невзгодами кажется чем-то настолько мелким и ничтожным, что на всё это он может смотреть сверху вниз. Благодаря этому у человека проявляется больше мужества в несчастьях, больше умеренности в желаниях.

ГЛАВА V. (1–55) ОСТАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. ВЕРГИЛИЙ – КОМАР,

Собрание сочинений. Приложение, «Наука», 1993 г., М.

Поэма «Комар» прославила своего автора на всю страну.

«Комар» – о том, как переутомлённый пастух в знойный жаркий день вздремнул, в это время к нему подползала змея. Проснувшийся от сильного укуса комара, пастух придавил его и успел расправиться со змеей. В знак благодарности, по всем правилам ритуала похоронил он своего спасителя с надгробной надписью:

*«Милый комар, тебе по заслугам стада хранитель
В поминовенье воздвиг сей дар за спасение жизни».*

2. ГЁТЕ – ФАУСТ,

Госиздат, 1960, М.

- А в отдаленье на поляне
В деревне пляшут мужики.
Как человек, я с ними весь:
Я вправе быть им только здесь.

- Готов за всех отдать я душу
И твердо знаю, что не струшу
В крушеньи час свой роковой.

- Не в славе суть. Мои желанья –
Власть, собственность, преобладанье.
Моё стремленье – дело, труд.

- Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведан,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

3. М. ЛЕРМОНТОВ – ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ,

Собрание сочинений, том 4, Госиздат, 1948 г., М.-Л.

— Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка.

— Одеты по строгим правилам лучшего вкуса, ничего лишнего.

— Я ненавижу людей, чтоб их не презирать, потому что иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом.

— Я презираю женщин, чтобы не любить их, иначе жизнь была бы слишком смешной мелодрамой.

— Он скептик и материалист, как почти все медики.

— Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой.

— Я к дружбе не способен: из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается. Рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае труд утомительный.

— Я убежден в том, что рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче вас – у меня кроме этого есть ещё убеждение, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться.

— Нам нельзя разговаривать, мы читаем в душе друг друга.

— Умны до глупости.

— Любят музыку в гастрономическом отношении и любят музыку в медицинском отношении.

— Грусть в обществе смешна, а слишком большая веселость неприлична.

— Я бросился на постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо.

— Несколько мушиных укусов не остановят бег ретивого коня.

4. БАЛЬЗАК – СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ,

Собрание сочинений, том I7, Госиздат, 1960 г., М.

— Наполеон искоренил в душе солдата чувство удивления.

— Он принадлежал к тем людям, которых унижает сама мысль, что можно хлопотать о себе.

— Аккуратность, которую порождает скромное состояние, вошла у него в привычку.

— Вздернутый нос, раздвоенный на конце, обличал остроту ума.

Рассмотрел это лицо, которое, невзирая на сходство с самыми обычными человеческими физиономиями, носило печать сложного внутреннего мира, противоречившего заурядной внешности.

— К сожалению, чем уже кругозор этого бедного люда, тем труднее заставить его понять, в чем заключается его истинная польза.

— Бог с ними, с сильными мира сего.

— Ничего? – Это по-моему дороговато.

— Я искал забвения и стремился посвятить остаток своих дней выполнению какой-нибудь трудной задачи.

— Кто работает, тот ест, а кто ест – мыслит.

— Богатство для меня средство, а не цель.

— Раз ты позволил дурачить себя, значит, выказал слабость. Управляет лишь сила.

— Тяжел был Наполеон для земли, и земля разверзлась под ним, вот и всё.

— Женщина, родившая вас, даром времени не потеряла.

— Душа в ней убивает тело.

— Наполеон зарок дал ни с кем тайну не делить.

— Притихли, стали сговорчивы, как уличные девки.

— Солдат Наполеон уважал, будто о родном сыне пекся, заботился, а держал себя величаво, потому как его дело-то ведь и было царствовать. Он слушал, когда ему что советовали, спал как и мы, на снегу.

— Наполеон – означает лев пустыни.

— Лень и самодовольство сделали меня глупцом, ибо глупец тот, кто не оправдывает высокого мнения, составленного им о самом себе.

— Свет склоняется лишь перед теми, кто достигает успеха, а каким образом – ему неважно.

— Какое сокровище – преданное сердце.

— Я устал смотреть на маски, устал выслушивать лживые слова и тщетно призывал истинную любовь, о которой мечтал, живя в мире искусственных чувств.

— Куда бы ни ступала моя нога, вокруг меня всюду была выжженная пустыня. Мою снисходительность почитали за слабость.

— Отнеслись с холодной вежливостью, свойственной цельным натурам, которые не сразу дарят свою дружбу, но зато умеют хранить её до конца дней.

— Старался держаться так, чтобы не уронить себя в собственных глазах, не низкопоклонничал, не льстил тем, от кого зависела моя участь, был самим собою и прежде всего был человеком.

— Особенно их подкупила моя душевная чистота.

— Человек могуществен, лишь когда он обладает неограниченной свободой действий.

— Заурядный человек до дна выпьет чашу позора и будет жить, а мудрец выпьет цикуту и умрет.

— Свободные люди, умеете быть свободными.

— Раз у человека хватит силы воли умереть, значит, у него должно хватить силы воли, чтобы жить и бороться; когда бежишь от страдания - выказываешь не силу, а слабость.

— Я сею счастье и радость, даю то, чего лишен сам.

— Наполеон пошел на врага, не ожидая, чтобы враг пошел на него – всегда поступал так.

5. ЭМИЛЬ ЗОЛЯ – ДАМСКОЕ СЧАСТЬЕ,

Собр. сочинений, том XI, Госиздат, 1962 г., М.

— Я остро чувствую, я не могу спокойно относиться к жизни; быть может, поэтому мне и интересно.

— Вы не поверите, как я счастлив и горд, что могу пожать Вам руку.

Он улыбнулся и отечески снисходительно взглянул на неё. Впервые видел он её настолько увлеченной. Он был слишком умен, чтобы терзаться этим, и только жалел её, видя, что она оказалась во власти этого молодого человека, такого ласкового на вид и совершенно холодного в душе.

— В конечном счете, ягненок всегда съест волка.

— Она должна показать себя работающей и сильной, не обращать внимания на недоброжелательное отношение окружающих.

— Бедняжка, не будьте так чувствительны. Скройте обиду, иначе вам причинят еще немало неприятностей.

Дениза стала проявлять много мужества. Несмотря на припадки чувствительности, разум брал в ней верх, повелевая храбро переносить беспомощность и одиночество и весело исполнять выпавший на её долю долг. Она потихоньку шла вперед, прямо к цели, перешагивая через препятствия; и это выходило у нее просто и естественно, потому что непобедимая мягкость была сущностью её натуры.

К ней вернулось мужество, без которого нельзя жить.

— Он требовал, чтобы всюду были шум, толпа, жизнь, «потому что, - говорил он, - жизнь притягивает другую жизнь, рождает и множится».

Он пользовался любой рекламой и издевался над скромностью некоторых собратьев, считавших, что товар должен говорить сам за себя.

— Я не делюсь ни с кем.

— Её кроткая гордость окончательно покорила его сердце.

Муре устал от этой дружбы, не приносящей никакой пользы.

— Каждому нужно перебеситься, после этого голова делается свежее.

— Деятельность уже в себе самой содержит награду; действовать, сражаться с обстоятельствами, побеждать или быть побежденным – вот в чем вся радость, вся жизнь здорового человека.

— В таком случае я предпочитаю забыться... Издыхать так издыхать, но, по-моему, лучше издохнуть от любви, чем от скуки.

— В ней сочеталось всё, что может быть лучшего в женщине: твердость духа, жизнерадостность и простота; от ее кротости веяло очарованием, изысканным, волнующим как аромат.

Она умна, и ум её, как и красота, основан на её нравственном совершенстве, наделена врожденным изяществом.

Она упорствовала инстинктивно, стремясь к счастью, подчиняясь потребности в спокойной жизни, а не только повинуюсь голосу добродетели.

Она сама была доброта и благоразумие, правдивость и логика; в этих то качествах и заключалась её сила.

6. ЖОРЖ САНД – КОНСУЭЛО,

Собрание сочинений, т. 5, Госиздат, 1971 г., М.

— В глазах восемнадцатилетнего мальчика каждая женщина – красавица.

— Не унижайся никогда до лести даже перед высшими, а тем более перед человеком, мнением которого ты, в сущности, пренебрегаешь.

— Известно, что морские чайки крайне неприхотливы, и венецианская поговорка приравнивает к ним легкомысленного взбалмошного человека, как французская – к жуку: легкомыслен, как жук.

— Консуэло принадлежит к числу людей, чьи лица удивительно преображаются под влиянием вдохновения.

Во всем её существе чувствовалось что-то серьезное, глубокое, таинственное, что трогало и внушало уважение.

Консуэло обнаруживала много такта, здравого смысла и обаяния, при полном отсутствии кокетства в ней было столько искренности, веселости, доброты, доверчивости, что при знакомстве она внушала неотразимую симпатию.

— Смушение – признак глупости.

— Она чиста как горный хрусталь.

— Ты тщеславен, а следовательно, фальшив и способен на любую измену.

— Люди понимающие очень редко бывают добросовестны, а добросовестные так мало мыслят.

Она не нуждалась в высоконравственном и бдительном защитнике. Охраняемая собственной невинностью, девушка ускользала от дерзкого натиска.

Она некрасива, но такие женщины, понравившись, способны зажечь в мужчинах более безумную страсть, дать им познать более сильные переживания, чем совершеннейшие красавицы мира.

— Она не хотела дать ему почувствовать его закат.

— Публика все понимает, там, где не хватает знания, ей подсказывает сердце.

— Ты не понимала своего назначения, не видела, что тебе нет равных и что, следовательно, у тебя не может быть спутника в личной жизни. Тебе нужно одиночество, тебе нужна полная свобода.

— Я не желаю тебе ни мужа, ни любовника, ни семьи, ни страсти, ни каких бы то ни было уз. Вот так я понимал твой жизненный путь.

— Низкие души склонны любить именно за презрение к себе и обиды.

— Не ужасайтесь моей веселости, часто я стараюсь заглушить глубокое горе.

— Я закрыл для него свое сердце и уши, а он был настолько умен, что даже и не делал усилий открыть их.

— Привычка к самым тяжелым переживаниям порождает какую-то видимость апатии, а иногда и подлинное очерствение, уязвляющее и даже раздражающее души, у которых чувствительность еще не притупилась от продолжительных несчастий.

— Это было чудо терпения, вкуса и аккуратности.

— Сумасшедшие бывают одарены высшей прозорливостью, недоступной холодному, положительному уму.

— Раба и жертва своей великой души, ты не получишь в этой жизни иной награды, кроме сознания своей силы и ощущения своей доброты. Несмотря ни на что, будешь самым спокойным, самым счастливым из всех человеческих существ. Жалости достойны лишь злые и подлые люди.

— Любовь, даже не очень сильная, на многое закрывает глаза, но дружба размышляет.

— Музыка и поэзия – наивысшее выражение веры, а женщина, одаренная гениальностью и красотой, - жрица, пророчица и вдохновительница.

Справедливо говорят, что цель музыки – возбудить душевное волнение. Никакое другое искусство не пробуждает столь возвышенным образом благородные чувства в сердце человека; никакое другое искусство не изобразит красоту природы, прелесть созерцания, своеобразие народов, бурю их страстей и тяжесть страданий.

— У меня нет ничего, кроме чувства собственного достоинства и бескорыстия.

— Он был более наивен и, следовательно, более поэт.

— Счастье развратило Вас, так пусть же небольшое страдание вас очистит.

— Благородная откровенность ваших ответов еще более возвысила вас в моих глазах.

7. ДЖОН ГОЛСУОРСИ – САГА О ФОРСАЙТАХ,

Собрание сочинений, тт. 1-2, Изд-во «Правда», 1962 г., М.

— Из всей толпы людей ей никто не был нужен: надо быть со всеми в прекрасных отношениях, надо быть в прекрасных отношениях с жизнью вообще. Всё это ужасно занято, ужасно необходимо.

— Ей всегда бывало не по себе в его обществе – он такой живой, непоседливый, в нём что-то поучительное, вечно напоминающее ей о том, что она слишком современна.

— С теми, кто в моде, всегда стоит встречаться, только надо хорошенько следить и менять их побыстрее.

— Истинно великие люди не болтают и не толкаются в толпе – они плывут одни в своих лодочках по тихим протокам.

— Состояние влюбленности здорово вдохновляет поэтов.

— Он все-таки прелесть! Обожание и живость, остроумие и преданность, такое сочетание трогало и задевало даже сердце, которое принадлежало другому, прежде чем было отдано ему.

— Люди, уверенные, что они – единственные люди в мире.

— Я чуть ли не с колыбели мечтаю с Вами познакомиться. – «Это еще не такой долгий срок» - ответ писателя.

— Не так уж в мире много любви, чтобы проходить мимо, не сорвав, не вдохнув её.

— Люди все одинаковы – берут что могут, а дают как можно меньше.

— В новизне – вся соль жизни, весь интерес, вся действительность.

— Когда связан с человеком, нужно быть или хозяином, или подчиненным.

— Компромисс – это сущность всяких разумных отношений.

— Какую чепуху болтают, будто можно по лицу определить характер человека, только лицо совершенного дурака открытая книга.

— Худ как спичка, измучен как собака и общипан как бесхвостая ворона.

— С глаз долой из сердца и мыслей вон – французская поговорка.

— Смотреть сверху вниз – явный признак того, что ты ниже других.

— Всем нам приходится иногда в жизни тяжело и это для нас хорошая проверка.

- Англичане говорят, что устрицы вкусны только в те месяцы, в названиях которых есть буквы «р», т.е. с сентября по апрель.
- Самое главное – вбить ему с малолетства уважение к другим людям.
- Отсутствующие всегда виноваты.
- Они носят усы, они не доверяют своим ртам. Характер сказывается в складе рта.
- Вёл себя экстравагантно – никогда не следует выходить из себя.
- Читал книгу и из действующих лиц помнил только кошку.
- Поступай по отношению к другим так, как бы ты хотел, чтобы поступали по отношению к тебе.
- Он обводил глазами комнату, ни на ком не задерживаясь, взглядом, как человек, который видел в жизни много, но интересного нашел мало.
- Считаться надо только с теми, кто тебя действительно знает.
- Даром ничего не давай, плати лишь за то, что стоит денег.
- Флер в гостиной мало говорила и многое подмечала.
- Необходимо не терять веру в себя, надежду на успех.
- Богатство дает власть, а её стоит использовать.
- Страсти, предрассудки, принципы, жалость – старомодно.
- Жизнь папироза – выкуришь и бросишь.
- Если почувствуешь себя стариком, то будешь стариком.
- Она не покидала капитанского мостика.
- Он играл вторую скрипку всю жизнь.
- Чем беднее люди, больше они держатся за своих детей.
- Ум не так уж ценят, характер – мой милый.
- Про старого маркиза: из него песок сыплется.
- Он способен даже осла убедить.
- Чем беднее люди, тем больше надо считаться с их чувствами.
- Я люблю помогать людям, которые и сами о себе заботятся.
- Он такой обидчивый, как всякий истинный гений.
- Молчание большой талант.
- Он болезненно честный, не может смотреть легко на вещи.

8. ДЕБЭ А. – БРАК И БЕЗБРАЧИЕ,

Типо-литография А.П. Поплавского, 1901 г., М.

— Соединение двух одинаковых темпераментов уже не дает таких счастливых результатов: не должно быть ни совершенного подобия, ни слишком резкого различия.

— Честную женщину ревностью можно довести до падения

Следует избегать резких проявлений ревности, потому что кроме семейного разлада она не принесет ничего.

Доверие одного к другому должно быть неограниченно и только при этом условии обеспечен мир в семье. Если оно поколеблется, надо вновь восстановить. Плодом обоюдного недоверия является неуважение друг друга, а затем ревность – этот горький плод на сладком дереве брачной жизни».

— Умеренность во всем, от физических до нравственного – важнейшее правило, которому должны подчиняться все желающие здоровья, счастья и сохранения юности.

— Воспитывайте свой ум. Можно блистать нарядами, но нравиться – только умом. Ум одушевляет тело, оживляет и украшает физиономию, делает прелестными самых дурных женщин; ум покоряет всё на земле: любовь, счастье, славу, богатство.

— Кислая жидкость, а также матка, содержащая излишество щелочи, также убивает сперматозоиды, бесплодие женщин может зависеть от этих двух обстоятельств.

— Разврат был одной из причин, служивших падению этой некогда величайшей империи.

— Непостоянство, ветреность, ревность и любопытство – враги семейной жизни, и женщине следует приложить все усилия, чтобы избавиться от этих недостатков.

— Любовь, дружба, уважение, забота, внимание, оказываемые женщинами мужу, привязывают их к семье.

Супружеское счастье зависит от выдержки женщин.

9. ГЕРТРУДА АТЕРТОН – В НОВОМ СВЕТЕ,

Типо-литография В. Комарова, 1903 г., СПб.

— Тысяча вокальных тайн ночи – ни одного человеческого звука.

— Благородная гордость, а не вызывающая.

— Дети – это периодическое возвращение цивилизации в первобытное дикое состояние.

— Под её сдержанностью скрывалась счастливая дикая натура.

— Пешенс была слишком умна и наблюдательна, чтоб не понимать, что её окружает враждебный элемент.

Она жаждала поддержку, которую только сильная душа мужчины может дать женщине ее возраста.

Пешенс не позволяла себе никаких вспышек, даже наедине. Она приняла холодную и безстрастную сдержанность, вид полного безразличия и училась до головной боли.

Она чувствовала в себе присутствие внешнего духовного существа и непередаваемое словами стремление к чему-то высокому и святому, символом чего была высшая красота природы.

— Людям, не похожим на других, плохо живется на свете.

— Я чувствую силу в Вас, и я скажу Вам, что вы самая умная девушка в городе и также самая гордая и честолюбивая.

Вы имеете сильную волю и будете держать голову высоко до самого конца, вы способны начинать борьбу с жизнью несколько раз, если понадобится. В ваших глазах виден большой ум, и хотя вам и случится ошибаться, но вы сумеете вовремя остановиться и начать жизнь сначала и не сделаетесь хуже от этого. Помните, что всегда есть будущее и только одни неспособные имеют одно прошлое. Нужно только иметь энергию и идеал до конца дней, найдите равновесие, старайтесь достигнуть их, как будто ничего не случилось.

— Попусту тратят время и лучшие дары божьи, что делает их себялюбивыми и безсердечными. Пустыя головы и сердца.

— Его блестящий и деспотический ум магнетизировали её.

— Кроме того есть еще одна вещь более привлекательная, чем красота – это сильная индивидуальность.

— Позвольте сказать Вам, что вы значительно сократили для меня этот длинный месяц.

— В центре был сквер, который можно было по справедливости назвать Римом, так как все дороги вели к нему.

— Здесь, в новой атмосфере, где её окружала любовь, где все уважали её и ничего не знали о её прошлом, где никто ни одним словом не упомянул об испытаниях, через которые прошла её молодая жизнь, она быстро сделалась нормальным существом.

— Пиль покровительственно кивнула головой и Пешенс сразу возненавидела её.

— Невозможно симпатизировать людям, которые принимают охотно помощь, не чувствуя ни малейшей благодарности.

— Их чистота была не интересна, потому что это были женщины умственно ограниченные.

— Постоянная близость и лесть легко действуют на мужчину - они такие павлины.

— Но постарайтесь показать, что вас ни капельки не интересует, нравитесь вы ему или нет, за ним столько женщин бегают.

— Развиваясь, женщины делаются не только интеллигентнее, но и умнее, а умная женщина потребует и от мужчины больше всего ума, только опытность делает мужчин интересными для нас, женщин. Если они такие же, как мы, если они не возбуждают наше воображение – мы ни капельки не интересуемся ими. Если я не могу устоять против глупца, знаю, что умная женщина всегда отвернется от него.

— Если бы я не верила, что существует на свете нечто вроде того, что я воображаю, какой-нибудь мужчина, достаточно хороший для того, чтоб его любить и уважать, я думаю, что я утопилась бы. Там не может быть разочарования, как в этой глупой кукле.

— Мой идеал – человек с большим умом, большим сердцем и большой энергией.

— О, мужчины, какой ужасный народ! Хотя без них свет был бы довольно глупым местом. Через некоторое время вы научитесь управлять ими, и тогда они будут только забавлять Вас.

— Мы жили бы в пещерах и лаяли на луну.

— Что значит хороша? Я продукт окружающей меня среды – немного лучше одних. Немного хуже других.

— Если очаровательные приключения необходимы, я предпочту иметь их с умными людьми, чем с кучей неустойчивых светских франтов.

— Очень дурно, что цивилизация к инстинкту дикаря ничего не дала нам, кроме анализирующего ума, который может только возмущаться. Хотела бы быть очень хорошей и доброй и кроме того умной и опытной.

— Не будьте слишком умны, чтоб не напугать мужчин и не раздражить женщин - нельзя, чтоб они с самого начала стали бояться вас. Ваше лицо слишком серьезно, но вы можете быть добродетельной – это всегда идет.

Вы должны дать почувствовать обществу, что оно дает вам всё и говорит Вам всё. Тогда оно будет любить Вас. Но если оно заподозрит, что вы чужды ему, хоть немного почувствует это, оно дьявольски отплатит Вам.

Пожалуйста, не нервничайте – это единственное, чего не переносит общество.

— И все думают, что вульгарность и неумение владеть собой – принадлежность низших классов.

— Пешенс посмотрела на него. Неужели он был хуже, чем простой дурак? Не было ли это несколько высшая степень?

— Беверли показал настроение тигра в клетке.

— Пешенс, твердо решившая смотреть юмористически на свое положение, отказывалась глядеть в лицо своему прежнему «я».

— Зима тянулась так долго, как будто время шло, прихрамывая, как старик.

— Он был несчастлив, потому что как ни был он ограничен умственно и душевно, он был гуманен и, хотя и примитивно, любил свою жену.

— Когда я бываю с ним, всё, что есть во мне лучшего, появляется тогда наружу.

— Как бы вы себя ни чувствовали и как бы ни разрывалось ваше сердце, следуйте всегда по пути, где вы видите меньше препятствий. Это так же верно, как любовь, судьба и всё остальное.

— Слезы не принесут ничего, если бы они могли дать ему состояние – я наводнила бы ими Нью-Йорк.

— Пешенс, ради бога, не разводитесь. Вспомните, что на всем свете женщины так же несчастны, как и вы, и я была бы, если б дала себе волю, не разводитесь, чтобы не сделать себя предметом вульгарного скандала и чтоб не остаться без средств. Этот свет очень хорошее место, когда ты на вершине, но внизу – это, должно быть, ад.

Он был очень начитан, и Пешенс, после нескольких лет умственного одиночества была благодарна ему за его общество. Это был умный человек, но без души и сердца.

— У этого малого дьявольский характер при глупой голове.

Пешенс почувствовала, что в этом человеке был в высшей степени развит животный магнетизм.

— Она такая остроумная, она умеет постоянно забавлять меня.

— О, боже мой! Не думайте же вы, что я проживу всю жизнь, не пожав больше ни одной женской ручки?

Я буду самым любящим и снисходительным мужем, но верным – этого никто и не ожидает.

— Вы одна из немногих женщин, лишенных кошачьих инстинктов.

Пешенс хотела сказать ему правду, но потом решила предоставить вещи своему собственному течению.

— Ваша возвышенность, ваш ум покорили меня так же, как ваша красота.

— У Вас чувства умного человека – вот и всё. Соприкосновение с разными сортами женщин научило вас разнице между ними. Но что могла Вам дать возвышенная женщина? Ничего. У Вас нет души даже с высохшее зернышко. Чувственная скорлупа слишком велика. Вы остроумны, как все грубые люди. Женщины, за которыми вы бегали, не требовали особенной утонченности.

— Пожалуйста, не подвигайтесь так близко ко мне. Комнаты достаточно велики и все окна открыты.

— Он не даст вам повода для развода, он хитер, как все ограниченные люди. Помните, что все человеческие чувства имеют предел. Со временем он сделается равнодушным.

— Слова ведут гораздо дальше, чем вы можете себе представить.

После чтения она нашла, что ея мысли стали легче и с мозга свалилась давившая её тяжесть.

Пешенс старалась казаться заинтересованной, и ему это было так приятно.

Пешенс не знала, когда она ненавидит его больше, когда он любезен, или когда он груб.

— Беверли, у вас будет апоплексический удар – подумайте о тех, кто вас любит, и позаботьтесь о себе.

— Если бы вы женились на обыкновенной, любящей семейную жизнь женщине, вы были бы счастливее, но не были бы лучше, потому что у вас нет ни души, ни ума.

— Только соединение ловкости, смелости и ума выносят это. У вас есть ум, смелость и даже протекция, так что вы должны иметь успех.

— Если вы будете отчаиваться, вспомните, что старик, правящий рулем этого судна, ваш друг и не даст вас в обиду.

Он сел на стул против неё, и она почувствовала, как его классические глаза исследовали самые сокровенные изгибы ея мозга.

— Нет людей, которые так умеют наслаждаться жизнью, которые так хорошо знают ея ресурсы и у которых так тонко развиты все чувства, особенно чувство юмора, которое не позволяет им разыгрывать из себя дураков... Ни одна женщина не может быть достаточно разнообразна, чтоб удовлетворить человека, который ежедневно видит жизнь со стольких разных точек, что он делается существом с семью головами, семью сердцами и семью идеалами.

— Я боюсь, что он видел, что я разсердилась сегодня, но больше он этого не увидит.

— Кто не может ничего дать свету, для кого свет бесполезен, тот не имеет права жить.

— Сентиментальность фатальна для газетного репортера. Если все сотрудники сделали бы так слабы, что сделалось бы с газетой?.

— Недели две я чувствовал себя как бутылка с шампанским.

— Мы все должны открывать глаза и брать везде то, что наиболее подходит к нашим вкусам, проглатывая преобладающее неприятное, насколько возможно, философски.

— Жизнь – игра случая.

— Не способный на безумный, высший порыв чувства, благодаря привычке к постоянному анализу, спокойно и философски довольный настоящим и вполне уверенный, что к сорока годам он уже не будет годен ни к чему.

— Наиболее вульгарные люди, которых я знала, были люди с наиболее высоким социальным положением.

— Своей быстрой карьерой он был обязан, главным образом, труду, а не одному уму.

Тип современного человека:

Холодный, жестокий, очаровательный, расчетливый, пылкий, дерзкий, бессовестный, бессмертный, неумолимый, блестящий, исполнительный, действуя он во время французской революции, его имя было бы бессмертным.

— Она права, в борьбе за существование надо думать о себе, прежде всего, после всего и всегда.

— Я отлично могу смотреть юмористически на свое положение – это помогает лучше всего в жизни, как я открыла.

— Она была так безрассудна и упряма, как будто была вдовствующей владелицей Пилманора и весь свет был у её ног.

— Вы такой сложный, вы будете всегда интересоваться мной. Большинство людей так надоедает через короткое время.

— Я сомневаюсь, остаются ли после такого замужества глубина и возвышенность в натуре.

— Человек, клянущийся, что будет вечно любить женщину, которая ему нравится в данную минуту, просто глупец. Никто не знает о себе, что он будет делать и чувствовать завтра.

— В вашей натуре есть глубина и высота, которых я вполне ценю, но которых я не мог бы никогда ни возбудить, ни удовлетворить.

— Как унизительна мысль, что ты зависишь от милости подобных людей.

— Всё обвинение было злобное и личное преследование невинной, но слишком одаренной женщины глупой семьей, которая мстит ей, за её умственное превосходство.

— Есть ли какое-нибудь условие, в котором мужчина может показаться в лучшем свете, чем тогда, когда он защищает на суде жизнь человеческого существа и особенно, если это существо – молодая и красивая женщина? Как ничтожно перед ним спасение женщины во время кораблекрушения, из горящего дома, или останавливая бешено мчащихся лошадей.

— Будьте мужественны, настал момент показать всю Вашу гордость и презрение.

— И не мне быть слабым, когда вы сильны.

— Я не сойду с ума и не разыграю из себя дуры – если мне придется умереть, я умру, держа высоко голову и с сухими глазами.

10. ГОРЕЙС ВЭЧЕЛ – ДОРОТИ ФЕРФАКС И ЕЁ СЫН,

«Издательство Время», 1926 г., Л.

— Если желание убить в прошлом у этой женщины, то желание ранить осталось в полной мере.

— Дороти тяжело вздохнула, неужели она должна испить чашу до дна? Неужели суждено ей питаться объедками с чужого стола, делить страдания с другой...

— С тем спокойствием, которое вас отличает, вы оказались победительницей... Доли, ты позволила Кристэл взять верх над тобой. Я знаю её силу больше, чем кто-либо другой. Ты с нею так же можешь справиться, как голубь с кошкой. Она очень умна и изумительная актриса.

— Я часто вижу Кристэл Раид, которая меня очень интересуется, хотя я знаю, что ей доставляет удовольствие гладить меня против шерсти.

— Дик прославит себя - он сделан из того именно материала, из которого делаются знаменитые люди.

Кристэл при всех своих недостатках была сильная, подвижная, живая, а Эми была гусеницей, переползающей с одной травы на другую.

— Кристэл, я Вам буду писать. Кристэл, Вы меня научили большему, чем я знала когда-либо раньше. – Сказав это, Дороти её поцеловала... «Нет ничего удивительного, что Дик бросил меня из-за Вас, всхлипывая говорила Кристэл – вы меня уничтожили».

— Соломон знал слабость Дика – слабость многих сильных мужчин, которые превращаются в воск в руках красивой женщины.

— Дороти казалось, что всем, что она знает о людях, она обязана Кристэл, которая сорвала пелену с её глаз. Если бы Кристэл не вошла в её жизнь, она бы осталась слепой до конца дней своих.

— Дороти забирает сына Дика. Она верила, что Дик вернется. Ну, а если он не вернется, спросили её. – Тогда это будет единственным, что у меня останется на память от человека, которого я люблю...

Моира прошептала: «я тебе и раньше говорила, что ты божественная дура».

— Достаточный философ, чтобы отложить в сторону прошлое, она грелась в лучах настоящего, временами заглядывая в будущее.

— Она перестала выписывать английские газеты, - самая фатальная ошибка, сделанная ею когда-либо.

— Раз всё старое сметено, то нечто новое должно обязательно занять его. В сфере чувств, так же как и в физике, природа не теряет пустоты.

— А какой великий человек мог устоять против лести?.

— Ни одна женщина не откажется лгать ради тех, кого она любит.

— Кто-то высказался, что «она холодна, как снеговая вершина».

— Я полагаю, что я сделан из стали, но бывает, что и сталь плавится, зато когда сталь тонет, она опускается глубоко на дно.

— Я всегда стараюсь извлечь пользу из моих прошлых ошибок и ошибок, сделанных другими.

— Но вы знаете, что женщина или мужчина, которые хоть на волос отступили от намеченной обществом линии, должны раньше или позже понести наказание и очутиться вне этого общества.

— Вы не были девушкой из породы плакучих ив. Вы были кровь и плоть, а не лед.

— Не бывает потерянными то, что можно найти снова.

— Его познания незаметно сочлились из него. Он никогда не старался щеголять своей образованностью, хотя память у него была энциклопедическая.

— Вовремя замеченная опасность теряет три четверти своей силы.

Его (ребенка) прелестная улыбка и веселый смех обезоруживали раздражение и негодование. Он унаследовал от своих родителей непоколебимый оптимизм, который является лучшим жизненным даром, если конечно не злоупотреблять им; обладал он и другим даром – даром юмора.

Гюго – «когда я вижу англичан, я горжусь, что я француз».

Его лицо приобрело то бесстрастное выражение, которое журналисты называют сфинксо-подобным.

Каждый человек создан, чтобы творить свою судьбу.

— Когда вы позволили Кристэл встать между мной и вами, вы отбросили разум в угоду чувствительности.

— В вас слишком много от ангела.

— Чувства подобны шампанскому – откройте их раньше времени, и вся игра пропадет.

— Я вулкан, а она – ледяная гора.

— Вам надо подняться до неё, а не тянуть её вниз к себе.

— Он теперь не может бросить Кристэл. Она пристала бы к нему как раковина, сжила бы его со свету, ибо у ней были воля, как бессемеровская сталь, и боролась бы за свое здоровье с той же силой, как раньше за радости жизни. Ему оставалось одно: работа и слава.

— Природа сделала по-своему, а она знает, что делает.

— Поцелуи и слова стоят дешево.

— Прими от меня кольцо и пусть оно принесет тебе столько счастья, сколько вообще возможно.

— Удачная охота, видимо, вливает молодость.

— И вы отказываете мне в минутах, зная, что каждая минута с вами значит для меня больше, чем целый год с кем-нибудь другим?

— Двух вещей в жизни она добивалась упорно: признания со стороны толпы и брака с человеком, который никогда не любил её.

— Был вынужден скорее волочиться, чем идти по дороге жизни.

— Его настроение смягчилось при одном воспоминании об этой безгрешной любви и преданности.

Он создан из того материала, из которого формируются крупные государственные деятели.

Недаром о нем говорили, что он умеет придти как раз, когда нужно.

— Сюзана, вы уже выпустили kota из мешка, теперь вы должны рассказать всё.

— Люди получившие рану на войне, говорят, что после первого ранения последующие становятся уже нечувствительными.

— И все-таки мы гораздо сильнее, чем сами думаем.

— Снобизм еще не покинул меня, но животное во мне понемногу умирает.

— Я мисс Ферфакс, и зима надвигается на меня – с грустью сказала Дороти.

— Как ограничена роль любви в жизни мужчины и как она полностью и без остатка поглощает женщину.

— При этом свете лучше видно не только то, что на поверхности, но и то, что скрыто за ней.

11. БЕРНГАРД КЕЛЛЕРМАН – ТУННЕЛЬ,

«Роман-газета», № 11, 1929 г., М.

— Деньги скрепляют больше, чем кровное родство.

— Мойд назвал этот таинственный проект «самым великим и самым смелым проектом всех времен».

— Они встречались в разных боях, годами сражались плечо к плечу или друг против друга. Их взаимное уважение было не слишком велико, но они ценили друг друга.

Рентабельность туннеля. Длина туннеля Дувр-Кале – около 50 км, длина туннеля под Атлантическим океаном, задуманный Миком Алланом, 5000 км.

— В речи его не было заключения. Это была речь наизнанку – её кульминационный пункт был в начале.

— Организовался антитуннельный трест.

— Хоби не принадлежал к тем, кто быстро падает духом.

— Однако прошло время, когда из него можно было лепить любую форму – треугольную, квадратную, круглую – смотря по надобности. Этому Вульф положил конец. Все его превращения в свое время были нужны ему, чтобы стать самим собой». Точка! Его занятия, его гений, его неслыханная работоспособность быстро завоевали ему положение, и теперь он тяжело ступал патентованными подошвами по плечам ниже его стоящих, как некогда другие ходили по его плечам».

Вульф шел в гору и в гору и его взлет был так стремителен, что он не мог остановиться, пока не очутился на самом верху.

— Люди всегда преклонялись перед смелостью и богатством. Смелость это торжество над смертью, богатство – торжество над голодом, а люди ничего не боятся больше, чем смерти и голода.

Вульф работал великолепно. Он был финансовым гением, он чуял деньги на расстоянии. Он был умен и обладал критическим взором.

— Человек, который боится, живой наполовину.

— У неё всё ещё был скучающий вид. Именно её неповторимое равнодушие и привлекло к ней Вульфа.

— Самое важное в жизни – это иметь деньги, но никто не должен знать о них.

— Те, кто знали его, что он живуч как акула, предсказывали, что скоро он опять вынырнет.

12. ИЛЬФ И ПЕТРОВ - ОДНОЭТАЖНАЯ АМЕРИКА,

Роман-Газета, №4, 1937 г., М.

— Нью-Йорк невозможно поглощать в таких больших дозах.

Единственное, к чему мы так и не приучились в Америке – это есть перед обедом дыню, которая занимает почетное место в числе американских закусок.

Нью-Йорк замечателен тем, что там есть всё. Там можно найти представителя любой нации, можно добыть любое блюдо, любой предмет.

Американцы едят очень быстро, не задерживаясь за столом ни одной лишней минуты. Они не едят, а заправляются едой, как мотор бензином. Не как французский обжора, который может посидеть за обедом четыре часа.

Всё было просто и чудесно, как в андерсеновской сказке.

Нам требовалось идеальное существо, роза без шипов, ангел без крыльев, нам нужен был какой-то сложный гибрид.

В Америке в два дня у вас появляется сто новых знакомых, в неделю – несколько тысяч. Пробыть в Америке год – просто опасно, можно спиться и стать бродягой.

Удивительные люди американцы, и дружить с ними приятно и дело легко иметь.

— Петь она не умела. Голос у неё был такой, с которым нельзя выступать даже на именинах у ближайших родственников. Кроме того, она танцевала. Не надо было быть балетным маньяком, чтобы понять, что балериной эта особа никогда не будет.

— Нью-Йорк мучительный город, он заставляет все время смотреть на себя, от этого города глаза болят.

Но воспоминания об американской точности и об умении американцев держать свое слово до сих пор утешает нас.

Американцы по своей природе – жующий народ, они жуют резинку, конфетки, кончики сигар, стучат, хлопают.

Американцы очень крикливые зрители.

Вы должны предоставить ей больше свободы, постоянная опека родителей задерживает развитие ребенка.

В Штатах на дороге есть газолиновые станции, обеспечивают бензином, также человек с газолиновой станции еще расскажет вам о дороге и о погоде, снабжает картами, все карты свежие и если на какой-нибудь дороге идёт серьезный ремонт, то и это указано в карте.

Очень многим людям Америка представляется страной небоскребов. В Нью-Йорке небоскребов очень много, в Чикаго – чуть поменьше, в других городах по два, по три, в маленьких городах небоскребов нет. Америка преимущественно страна одноэтажная и двухэтажная. В Америке есть несколько Парижей, Лондонов, Петербургов, Москвы, Одессы...

Автомобильная поездка по Америке похожа на путешествие через океан, однообразный и величественный.

В Синг-синге – дом смерти – электрический стул.

Сканектеди – электрический город – здесь есть электрический дом – здесь электрическая система вентиляции, прибор для регулирования комнатной температуры, электрическая бритва и пылесос.

— Форд в Дирборне – заводы Форда каждый день выпускают 7000 штук машин.

Форд был худой, почти плоский, чуть сгорбленный старик, с умным лицом, он выглядел моложе своих 73-х лет.

— Рахманинов – пианист, Тосканини – дирижер, Крейслер – первый скрипач мира – они в Америке.

Хорошая черта американцев – они общительны.

Американский «сервис» - обслуживание, они всегда готовы прийти на помощь, это хорошие товарищи и легкие люди.

В Америке висячий мост с пролетом в полтора километра длиной.

Сан-Франциско – самый красивый город в Америке. Здесь в одном ресторане подают только рыбные блюда, ресторанчик устроен в виде корабля, кушанья разносят люди в капитанских и матросских костюмах. Всюду спасательные круги.

Голливуд – выстреливает около 800 картин, техника американского кино не нуждается в похвале; средняя картина снимается за три недели.

В Рождество американец делает подарки не только своей жене, детям или друзьям, но начальству. Торговцам этот праздник приносит райские минуты и недели.

13. ТЕОДОР ДРАЙЗЕР – ДЖЕННИ ГЕРХАРДТ,

Собрание сочинений, том 2, Госиздат, 1955 г., М.

— Если человек богат, ему никуда не скрыться, точно он памятник на городской площади. Он напоминает кошку с бубенчиком на шее, каждая мышь в точности знает, где она и что делает.

— Редкое счастье, если в женщине, с которой живешь, находишь молодость, красоту, ум, покладистый характер и собственные свои взгляды.

— Ничего нет реального и вечного, кроме доброты, все остальное проходящее как сон.

— Принадлежа к одному обществу, они понимали друг друга с полуслова.

— Нужно воспитание, богатство, умение добиваться своего и интриговать.

— Очень глупо не воспользоваться любым средством, которое поможет тебе стать тем, чем ты хочешь стать.

— На лбу прорезались морщины – знак глубокого раздумья, но не гнева.

— Его привлекала её удивительная женственность и мягкость.

«Шагай напролом, не оглядываясь» - его девиз (Лестер).

— Оцените себя дешево – вами будут пренебрегать, будут топтать вас ногами, цените себя высоко, хотя бы и не по заслугам, и вас будут уважать.

— Жизнь глупая комедия, единственное, что можно сделать – это сохранить своё «я».

— Нельзя разбитую чашку сделать целой, можно только склеить её и назвать целой, но целой она от этого не станет.

14. Т. ДРАЙЗЕР – АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ,

Собрание сочинений, тт. 8,9, Госиздат, 1955 г., М.

— Сознание собственной невинности придает человеку спокойствие.

— Сандра, всё имея, всё ему предлагает, Роберта, не имея ничего, требует всё.

— Будь вы чисты как ангел, или как сам дьявол – наихудшее, что вы можете сделать – это плакать перед кем-либо. Публика этого не понимает, они считают, что слезы всегда означают слабость, или признание вины.

15. ТЕОДОР ДРАЙЗЕР – ТИТАН,

Эстонское Гос. Изд-во, 1956 г., Таллин

— Индивидуалист до мозга костей, не желающий считаться ни с кем и ни с чем, Каупервуд был чужд подлинного демократизма, а вместе с тем люди из народа были ему больше по сердцу, чем представители привилегированного класса, и он лучше понимал их.

— Самой примечательной чертой рода человеческого было, по его мнению, то, что одни и те же люди, смотря по времени и обстоятельствам, могли быть великими и ничтожными.

— М-р Эдисон и м-р Рэмбо были искренне убеждены в том, что такого интересного человека им давно не приходилось встречать. А ведь он почти ничего не говорил – только слушал.

— Я знаю, что это твоя теория, детка, но во всем надо знать меру. Иногда полезно выглядеть и поскромнее. Не следует очень уж отличаться от окружающих, даже в выгодную сторону.

— Сама м-с Симс вела себя очень надменно, считалась только с теми, кто стоял выше её на социальной лестнице, и от всей души презирала тот заурядный мир, в котором вынуждена была прозябать.

— Эйлин, не терявшая твердости духа благодаря присутствию Каупервуда, который переходил из столовой в библиотеку, из библиотеки в картинную галерею, беседуя то с одной, то с другой группой мужчин, стояла у входа в зал, блистая своей тщеславной красотой, восхитительная, но достойная жалости – воплощение тщеты всего показного, жестокого: «иметь и не иметь».

— Что ни говори, а лишать такую женщину как Эйлин, любви Каупервуда – значило отнять у неё все; без него она была как рабы, выброшенная на берег, как корабль с поникшими парусами, как тело без души.

— Каупервуд бесился в душе. Его основной слабостью – если допустить, что у него вообще имелись слабости – было то, что он органически не выносил противодействия.

— Девическое обожание Антуанеты Новак оказалось чересчур утомительным для Каупервуда. Она была слишком пылкой, слишком влюбленной, и он мало-помалу, хотя и не без труда, освободился от этих уз.

— Порой даже хочется плакать, как подумает, на что уходят годы.

— Человечество одурманено религией, тогда как жить нужно учиться у жизни, и профессиональный моралист в лучшем случае фабрикует фальшивые ценности. В конечном итоге бог и созидательная сила – не что иное, как стремление к равновесию...

— Подобно метеору, который, прочертив небо, оставляет за собой огненный след, Каупервуд на какой-то краткий срок явил взорам людей своё «я» - удивительное и страшное. Но и ему диктует свою волю все тот же закон вечного равновесия, и ему суждено сделать трагическое открытие, что даже гиганты – всего лишь пигмеи, и что вечное равновесие будет достигнуто.

16. ШАРЛОТТА БРОНТЕ – ДЖЕН ЭЙР,

Госиздат, 1959 г., М.

— С какой же стати должны были относиться тепло к существу, которое не чувствовало симпатии ни к кому из них; инородному для них, противоположному им по натуре и стремлениям...

— Будь я натурой жизнерадостней, беспечным, своевольным, красивым и пылким ребенком – пусть даже одиноким и зависимым – отнеслись бы гораздо снисходительнее.

— Вы такая чудная, пугливая и застенчивая, надо быть смелее.

— Если вы будете их бояться, они не станут любить вас.

— В движениях была та торопливость, какая бывает у людей поглощенных разнообразными и неотложными делами.

— Какой смысл уезжать, не добившись цели.

— Только глупые и безвольные говорят – я не могу вынести...

— Ты хороша с теми, кто хорош с тобой. А по-моему, так и надо. Когда нас бьют без причины, мы должны отвечать ударом на удар – и притом с такой силой, чтобы навсегда отучить людей бить нас.

— «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, творите добро ненавидящим и презирающим вас».

— Ты слишком заботишься о любви окружающих.

— Мы будем считать тебя такой, какой ты себя покажешь.

— Опустошительная миссия – инфекция.

— Невежливо задавать слишком много вопросов.

— Нужно соблюдать расстояние, иначе потеряешь авторитет.

— Гора отказывается идти к Магомету.

— У него такая натура, а кто из нас в силах бороться со своей натурой?

- Вы невольно готовы были поверить в него, так как он сам в себя верил.
- Не приму отсутствие формальности за дерзость – первое мне нравится, а второго не потерпит ни одно свободорожденное существо.
- Это не ваша заслуга – такой сделала вас природа.
- Вы как сфинкс, говорите загадками.
- Вы с вашей серьезностью, рассудительностью и тактом, прямо созданы, чтобы быть хранительницей чужих тайн.
- Говорят, что гении самоуверенны.
- В моём уме и в моём сердце, в моей крови и в моих нервах есть нечто, что меня роднит с ним.
- Приведите в готовность ваши легкие и другие вокальные органы.
- Некрасивая женщина просто оскорбление природе, от мужчин же требуется только одно – сила и решительность.
- Контраст между ними не меньше, чем между сонным гусем и гордым соколом.
- Нет большего счастья, чем почувствовать, что люди любят тебя и радуются твоему присутствию.
- Научись ценить себя, сравнивая себя с другими.
- Золото не нуждается в позолоте.
- Резкость мне нравится гораздо больше, чем лесть.
- Друзья всегда забывают тех, кто несчастен.
- Птица – эмблема любви.
- Я ценю в людях выносливость, постоянство, усердие, талант.
- Он ценит меня, как воин хорошее оружие – и только.
- Он в совершенстве владел своим лицом.

17. ОСКАР УАЙЛЬД – ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ,

Госиздат, 1960 г., М.

— Интеллект нарушает гармонию всякого лица: как только человек начинает думать, у него лицо превращается в один сплошной нос, или лоб, или что-нибудь такое же ужасное. Посмотрите на выдающихся людей какой угодно ученой профессии. Как они все безобразны. Исключая лиц духовных. Но те ведь никогда не думают. Епископ в восемьдесят лет обыкновенно повторяет то, что его учили говорить, когда он был мальчишкой, и поэтому наружность его навсегда остается приятной. Юный приятель, чей портрет меня прямо восхищает, наверное, не мыслит никогда. Он безмозглое, прелестное создание...

— Уроды и дураки в этом мире всегда остаются в барышах. Они могут спокойно сидеть и празднично взирать на то, как играют другие. Если они не знают побед, зато не знают и поражений. Они живут так, как все мы должны бы жить: невозмутимо, равнодушно, не зная тревог.

- Совесть и трусость право одно и то же.
- Смех недурное начало для дружбы и, пожалуй, лучший конец для нея.
- Я выбираю себе друзей за их внешность, знакомых – за их хорошую репутацию, и врагов – за их ум, у меня нет среди них ни одного дурака.
- Вы больше чем просто знакомый и меньше чем друг, нечто вроде брата вероятно.

— Гений, несомненно, долговечнее красоты.

— Каждое побуждение, которое мы стараемся задушить, переходит к нам в мозг и отравляет нас.

— Затронули в нем какую-то тайную струнку, до которой еще никто и никогда не дотрагивался.

— Вы знаете больше чем вам кажется, но меньше чем хотели бы знать.

— Пользуйтесь вашей юностью, пока она еще не ушла.

— С вашей внешностью для Вас нет ничего невозможного.

— Любовь делает людей добрыми...

— Он был недостаточно остроумен, чтобы иметь врагов.

18. ИОСИФ ФРЕЙЛИХМАН – ЩУПАЛЬЦА СПРУТА, «Картя молдовеняскэ»,
1960 г., Кишинев.

— Любовь или увлечение – явление личное и никому не дано права вмешиваться в такие дела.

— Слишком далеко от меня не устраивайтесь, все равно вам не удастся уйти от моей опеки – указывая глазами на графин, добавила она.

Знали её как женщину стойкую, энергичную, не знающую уныния. Ей приписывали сильную волю, ясный ум и твердое, но отзывчивое сердце. И это на самом деле было так.

— С лица Лидии как ветром сдуло привычную маску вежливости.

— Чувство совести и гражданского долга в России неподкупны.

— Несмотря на грозный вид и хриплый бас, он был человеком безвольным, слабохарактерным.

— Находясь между молотом и наковальней, он старался все приказания выполнить.

— Полностью полагаться на свои женские чары она не собиралась. Ум и только ум выручит её в этой борьбе.

— Она отлично изучила этого самовлюбленного деспота, его коварство прирожденного шпика, умение играть на любой человеческой слабости, а потом внезапным ударом сокрушить и подчинить себе чужую волю.

— Чтобы победить, надо заранее знать, что может предпринять твой противник.

— Лидия смело подхватила брошенную ей перчатку. Она призывала на помощь свою выдержку и спокойствие, но хладнокровие оставляло её.

19. МАРТИНА МОНО – ОБЛАКО. РОМ КОРОЛЕВЫ,
Воронежское книжное издательство, 1960 г.

ОБЛАКО

— Рай, если вы присутствуете, и ничего, если вас нет.

— Хозяином вторым по рангу после господ бога.

— Дама червей, которая приводит в отчаяние и которую обожают.

— Отличающийся молчаливостью слона и прекрасным знанием Тихого океана, по которому он шатается уже больше тридцати лет.

— Дающий возможность превратить мужа в милую комнатную собачку, которую кормят, одевают – ведь делают прелестные пальто и калошки для собак, устраивают им будки с водопроводом и центральным отоплением, - но вместе с тем держат на поводке самого модного фасона и из кожи самого высшего качества.

— Патриция открыла, что и она может быть застенчивой, а это её раздражало.

Ей было свойственно неудержимое стремление к счастью. Горе, страх, ожидание были, на её взгляд, чувствами неудобными.

— Самое ужасное страдание – не самое сильное, а самое долгое.

— Она знает, что не должна нервничать. Берегись, Катрин, если ты потеряешь спокойствие, ты потеряешь всё.

Он вдруг увидел женщину, которую ждал всю жизнь. У неё нет возраста, её зовут Катрин. Сорокалетняя Катрин Брандт сияла красотой, озаряющей женщину под взглядом мужчины, который ей нравится.

— Вы смысл моей жизни.

РОМ КОРОЛЕВЫ

— Хотя он и был богат и казался добродетельным, в нем было нечто такое, что отпугивало людей (Мартин Уайт).

— Мой муж так любил жареный паштет, что после 6 лет безоблачного счастья ушел от меня с кухаркой.

— Если я говорю «рыжая», то только из человеколюбия, на самом деле она была просто как морковь.

— Лондон был словно окутан ватой.

— Соглашаться было легче всего; это исключало какие либо объяснения.

Миссис Кеннеди собиралась ему сказать о самых чудесных вещах: о любви к семейному очагу, о святости брака, о своем материнском сердце и о том, как губительно для человеческой души равнодушие (Мать Мери).

Аннабел никогда не плакала. Она устремляла на вас спокойный, немного сострадательный взгляд, ждала, пока вы не кончите, а потом, как ни в чем не бывало, делала по-своему.

— Причинять страдание было для Мартина потребностью.

Мартин Уайт был просто злым человеком, какими нередко бывают люди, лишённые фантазии. Он причинял жене страдания мелкими изменами, постоянным преследованием, упорным разрушением всего, что доставляет радость, что вызывает улыбку.

— С отцом Аннабел превращалась в человека, вооруженного микроскопом.

Однако, что бы ни предпринимал Мартин Уайт, он всегда получал от девочки шах и мат. Но именно он вновь начинал игру.

— Чтобы наставить тигру рога, надо быть, по меньшей мере, тигрицей. Мери же была робкой овечкой.

— Не отдавайте ему своей дочери. Не давайте ему повода вас обесчестить и завладеть дочерью на всю жизнь.

— С людьми, у которых есть деньги, не ссорятся.

— Сгинет зверь, сгинет и его яд.

— По отношению к людям у него было только одно чувство – презрение. Уважение он пытал только к крупным мошенникам, к тем, кто брал судьбу за горло и кончал жизнь почетнее, чем начинал её. Таково свойство великих полководцев: после победы они сохраняют полное спокойствие и ничуть не удивляются исходу, который предвидел их гений.

Аннабел была слишком сложной натурой и одним ключом тут было не обойтись.

Она уже знала, что судьба – это не то, что дается само по себе, а нечто такое, что надо ковать собственными руками.

— Ему была присуща дерзость сильных.

Эта девочка действовала на него, как французское вино: она его бодрила. Больше того, она молодила его.

— Пути истины неисповедимы. Она может, словно молния, блеснуть и в самом невинном разговоре, в одном каком-нибудь слове, даже в молчании.

— Помните крестовые походы королевы Виктории против алкоголя? Так вот, милый мой, каждый вечер ей ставили у изголовья бутылочку рома. И каждое утро бутылочку уносили пустой.

— Это был приблизительно семнадцатый по счету случай, когда мисс Седли встречала человека, олицетворявшего мечту её жизни. Все эти мужчины, конечно, так и не узнавали об этом, но сама она почитала себя чудовищем разврата.

— Аннабел поведение учительницы приводило в ярость.

— Индусские женщины очень красивы. Они причесываются гладко, на пробор, что всегда свидетельствует о духовном совершенстве.

— У мужчин, подобных мне, каков бы ни был их возраст, всегда есть будущее (Мэррил).

— Выплачься, дорогая, ну заплачься! И мигом плотину прорвало. Она оплакивала самое себя, свою мать, свое одиночество, свое отвращение к жизни.

Она не могла оставаться пассивной, не могла нестись по морю, как щепка, увлекаемая течением.

Она избрала молчание, как лучший способ выражения. Она заметила, что стоит ей несколько задержаться взглядом на мужчине, и тот теряется. Это укрепило ее в сознании собственного превосходства.

— Где скользко, там легко упасть.

— Никогда не покоряйтесь обстоятельствам, слышите – никогда.

Все свои личные чувства она припрятала подальше, чтобы они не мешали ей действовать по её разумению. Мало было припрятать, надо было кое-что скомкать, а то и вовсе отмести.

— Ты и в землетрясении найдешь смешное – обожаю тебя.

Он был достаточно могуществен, чтобы заставить свет поверить ему.

— Королева всегда права.

— Пусть он не думает, что меня так легко можно уязвить. А то и впрямь будет считать, что я боюсь его.

— Он не уедет отсюда, пока она не уничтожит его непоколебимую уверенность в себе.

Любовь – это нечто вечно живое, никогда не останавливающееся, никогда ничего не решающее раз навсегда. Любовь похожа на дорогу в горах, она то идет вверх, то спускается, но всегда петляет. Дорога, по которой шли Аннабел и Стенли, подымалась в гору. Но при каждом повороте, на каждом подъеме они видели перед собой один и тот же пейзаж. Один и тот же, но всегда новый, с широкой перспективой, открывающей перед ними все новые виды, блестящие неожиданной красотой, сверкающие отраженным сиянием солнца.

20. МАРТИ ЛАРНИ – ГОСПОЖА СОВЕТНИЦА,

«Иностранная литература», № 89, 1960 г., М.

— Лесть подобна духам – можно упиваться их ароматом, но пить их нельзя.

— С характером, напоминающим ртуть.

— Он был счастлив в любви, потому что остался старым холостяком.

— Если мужу не дать всего, что он хочет – его потеряешь. А если отдать все, что имеешь – тоже потеряешь; самое лучшее, следовательно, оставаться пассивной.

— Молчание являлось простым следствием того, что его мозг лишь очень редко порождал мысли, достойные высказывания.

— Она находилась в том возрасте (45 лет), который Бальзак считал порой настоящей зрелой женщины.

— Блаженны люди невежественные, ибо они верят, что знают всё.

— Если выходишь замуж, выходи за деньги: «Бедность не порок, но большое неудобство, а кто же согласится на неудобную жизнь».

— Когда мужчина любит, брак для него ничего не значит; если же брак для него важнее всего, то тогда для него ничего не значит любовь.

— Это был честный, добропорядочный юноша, но поскольку добропорядочность есть не что иное, как наивность, я не почувствовала особого тяготения к его искреннему предложению.

— Если будешь во всем покорна, ты явишься образцом женственности, но если проявить активность, то и мужчины и женщины заклеят тебя, как «охотницу до мужчин». Я никогда не скрывала активного склада своего характера.

Мужчины теряют свое сердце быстро и столь же быстро вновь его обретают. Они строят замки и обвиняют женщин в том, что эти замки не становятся реальностью.

Характерная черта мужчин: они больше всего дают той женщине, от которой меньше всего получают.

— Познавший горечь утраты волос уже в двадцать пять лет.

— Как настоящий мастер ораторского искусства, он умел много говорить, но ничего не сказать.

— Любовь собственной жены развлекает их исключительно редко, поскольку она вещь дозволенная.

— Важность самовластного директора растворялась в алкоголе. Я услышала – обычную иеремиаду захмелевшего женатого мужчины, жена его не понимала, дети были распущены, теща совершенно невыносима.

— Они были готовы обоими глазами заглянуть в замочную скважину.

— Считал опечатками все слова, которых не понимал.

Он знал по опыту, что ухаживание за женщиной надо начинать с лести.

— Я могла себе представить, что рисовала им их бычья фантазия.

— Не говори длинно, ибо жизнь коротка.

— Талантливый бездельник.

Nomen est omen – имя знаменательно.

— Никто не мог нарушить наш великолепный тет-а-тет.

— Бойся мужчину, который говорит о ненависти к тебе, ибо ярость его любви может вспыхнуть в любой момент.

— Негодяи часто имеют хорошую осанку, а послушные рабы жениного каблука – волевой подбородок.

— Хорошо знала, что на свете ни одна вещь не рождается готовой, а менее всего – муж, которого надо воспитывать и воспитывать.

— Если человек желает когда-нибудь проснуться знаменитым, он должен поменьше спать по ночам – утверждают американские кинозвезды и гангстеры.

— Самое главное было найти способного заведующего рекламой, человека, который сумел бы продавать холодильники эскимосам и валенки неграм Центральной Африки.

— Деньги не прибавляли счастья, но они обеспечивали удобства.

— Ги де Мопассан с присущей ему легкостью мысли сказал, что наша жизнь – это постель: в ней мы рождаемся, любим и умираем. Многие важнейшие совещания между супругами тоже проводятся в постели.

— На вечере собралось много народу, но мало друзей.

Как верно сказано в Библии: «много званых, но мало избранных».

— Столкнулась с живым воплощением зависти. Все мгновенно показали свои спины.

— Женская юбка – это знамя, за которым мужчины, как верные солдатики, готовы маршировать куда угодно. И если теперь я решила поднять это мое знамя как можно выше, то причина этого крылась отнюдь не в слабости моего характера, а в некотором моем ехидстве.

— Мужчина женится на Берте лишь потому, что думает о Герте и никак не может овладеть Мартой.

— Если ты с первого взгляда не проявишь пламенной любви к мужчине, он скажет, что ты не настоящая женщина; если же проявишь, он назовет тебя легкомысленной, слишком чувственной, распущенной, потаскушкой, или еще как-нибудь в этом роде. Как часто говорят, что женщина – падшая, заблудшая, но зато мужчина в таких случаях – гордый сердцеед; женщину называют девицей для развлечений, кокоткой и проституткой, а мужчину – донжуаном, «героем-любовником». Супружеская неверность женщины – всегда позорное преступление, а неверность мужчины – обычное свободомыслие здорового человека, для которого естественны кое-какие шалости и веселые «заскоки», хотя, «такой мужчина», попросту говоря, всеядное животное, подобное свинье.

— Я никогда не слыхала, чтобы говорили о «мужчинах для развлечений», или об «уличных мужчинах», хотя их существует больше, чем женщин в подобном положении.

Осмелюсь внести предложение, параллельно с проституткой и потаскушкой, употреблять, соответственно – проститут и потаскун.

— Разумеется, ненависть – очень низкое чувство. Но часто бывает весьма полезна, ибо слепая ярость, повышая содержание адреналина в крови, способствует усилению деятельности всего организма, и не удивительно, что ненависть и любовь нередко так близко сопутствуют друг другу.

— Мужская смелость – как велосипед, если на нем не ехать, он падает.

— Круг моих знакомств расширился, но найти друзей мне все не удавалось. Я оставалась одинокой и порою испытывала какое-то отвращение к самой себе. Я не жила, а лишь существовала, накапливала богатство.

Американское руководство – следующим образом определяет идеальную жену: она не должна быть слишком красивой, иначе она привлекала бы чужих мужчин, она не должна быть намного умнее своего мужа, ибо муж, страдающий чувством неполноценности – ужасное чудовище; она не должна быть чересчур сдержанной, чтобы не показаться мужу весьма однообразной.

— Поскольку нам, женщинам, трудно обойтись без мужчин, их так или иначе приходится терпеть, а многое терпеть, это значит и многое прощать.

— С какой легкостью мужчины восстают против общества, когда хоть немножко затронуты их феодальные права. Они ни на минуту не умолкали, точно все страдали злокачественным зудом гортани.

Как всегда, он спасался от тяжелых переживаний, хватаясь за штопор. Пройдя полный цикл запоя, он снова принялся за дело...

— Я доверяла ему, почти абсолютно, уже хотя бы по той причине, что он никогда не признавался мне в любви.

— Живот его выпятился, далеко опережая грудь.

— Ешь, пей и веселись, ибо завтра начнется пост.

— Взаимное непонимание – как это обычно бывает – привело нас к решению вступить в брак.

— Любовь бывает общей, имущество же разумнее держать отдельно.

Наш дом напоминал неугомонный отель-ресторан, куда непрерывно стекались гости, принося с собой цветы, любезности, беспокойство и свои пустые головы.

Мое замужество оказалось смелым прыжком в темноту. Он полагал, что женщина не остынет, если её укутать дорогими мехами. «На свете нет холодных женщин, а есть эгоистичные мужчины, не способные согреть женщину».

Жаркий словесный бой освежил атмосферу и прояснил понятия. В конце концов, мы пришли к соглашению, которое напоминало перемирие: каждая сторона готовилась к новому решающему сражению (как великие державы).

Вернейшим признаком поверхностного ума считают обычно постоянное недержание слова, когда человеку, как говорится, не нужно лезть за словом в карман.

Мой активный характер воздействовал на него, отсекая некоторые сучья предрассудков. Мой муж заметил, что может любить и такую женщину, которая не всегда покоряется воле мужчины.

— Возможно, она была из тех обыкновенных уличных млекопитающих, которые думают посредством чувств, а чувствуют – посредством нервов, расположенных в определенных

частях тела. Они искренне верят, что любовь – это то же самое, что щекотка, а счастье – не что иное, как сытость.

Лживость мужчин – не пустые сплетни. Гейманс в свое время доказал, что мужчины более лживы, нежели женщины. Разрыв отношений между мужчиной и женщиной происходит обычно вследствие лживости мужчины, которую женщина не может бесконечно терпеть. Мужчина бывает неверен, когда не находит в одной женщине полного собрания всех достоинств или достаточно увлекательных пороков.

— Моя прямая натура никогда не согласилась бы на переговоры и компромиссы. – Мой муж должен был дать мне компенсацию за перенесенный мною позор, переведя на мое имя по меньшей мере 15 млн марок.

У большинства (мужчин) вообще нет никакого вкуса, а только одна чувственность да охотничий инстинкт.

Рай мужчины всегда у него перед глазами, зато ад он узнаёт только тогда, когда больше не может мчаться на поиски новых приключений. Напротив, женщина всегда мечтает о неизменном мире и о продлении быстротекущего мгновения.

Говорят, только настоящая леди может воспитать в мужчине джентльмена. Он был (муж) джентльменом, потому что согласился дать мне развод на условиях, выдвинутых мною.

— Жизнь есть комедия для тех, кто думает, и трагедия для тех, кто чувствует.

Еще милейший Боккаччо указывал, что женский ум может успешно состязаться с умом мужским и даже одерживать над ним победу. Женщина эпохи Возрождения считала для себя большой честью, если кто-нибудь говорил о её мужественном уме и характере.

Быть человеком – это много, быть женщиной – еще больше, особенно если женщина собственной своей деятельностью сумела составить весьма приличное состояние и приобрести важные связи.

— Он привык к тому, чтобы у женщины душа была нараспашку, а рот – на замке.

Как все известные и признанные алкоголики, он тоже начинал страдать манией величия.

— Я знала, что мужчина млеет, услышав, как женщина хвалит его силу, и потому нарочно нажала именно на эту педаль.

Американская звезда Ника Тутти выразилась так: «Смейся – и другие присоединятся к твоему веселью; плачь – и ты многим испортишь отличную окраску ресниц.

За два десятилетия нередко передо мною прошла целая толпа мужчин (два из них законных супруга), и богатство тоже пришло, а вот счастья я все еще продолжала искать. Может быть, счастье моей жизни в том и состоит, чтобы непрерывно искать?»

Она принадлежала к тем женщинам, которым нечего сказать, а потому они и говорят, не задумываясь.

Женщины Америки, не в пример мужчинам, стараются развить не свои зады, а мозги. И я заверяю Вас, что эта страна и впредь будет управляться не широкими и тяжелыми задами мужчин, а умом женщин.

— Что ж, я сумела из перышка сделать пять кур.

— Самодержавный царь своей семьи: его жене принадлежало последнее слово только в том случае, когда она просила прощение.

— Я совсем забыла, что не следует мужчину слишком поощрять и чрезмерно благодарить, ибо все это действует на гипофиз его честолюбия, вызывая патологический душевный гигантизм.

Causa mali – т.е. причина зла кроется в ненормальности послевоенной жизни.

— Он улыбнулся вымученной улыбкой старого инвалида.

— Было просто восхитительно работать с мужчиной, который не только ни разу не сказал, но даже и ничем не показал, что интересуется женщинами.

Следовало с вечера несколько экономнее пользоваться алкоголем, ибо, чем выше он приподымал себя с вечера, тем на более низком уровне оказывался поутру.

Мужчины для сохранения своего божественного самомнения должны по каждому вопросу возражать против предложений, которые вносит женщина. Уродливое воспитание приучило их требовать от женщины любви, почтения и притворства.

— Я была совершенно похожа на человека, который сердится из-за того, что не может примкнуть к замочной скважине и глазом и ухом одновременно.

Космополитический дух пробудился даже в сельской глубинке.

— Очень приятно вести переговоры с мужчиной, который никогда не вносит в деловые отношения косноязычный лепет эротики.

— Женщину покоряет не нежное сердце, а нежные слова, сказанные шепотом на ухо.

— Мне сразу понравилась непринужденная веселая манера, с которой он представился, и его сочный язык, столь разительно отличавшийся от нудного, суконного языка деловых людей.

Даже одно единственное слово может обладать необычайной силой: при его помощи можно начать или кончить войну, выразить благодарность или порицание.

— Как несказанно приятно было тратить деньги, добытые ценой лучших лет моей жизни. К каждой капле вдохновения необходимо добавлять девяносто девять капель пота.

— У меня есть всё, о чем только может мечтать человек, а если чего и нет, то достану, как только захочу. И все-таки я не удовлетворена. Чего-то мне не хватает – чего-то такого, что дает больше спокойной уверенности, чем мои миллионы и пароходы, коллекции украшений и видное положение в обществе. Неужели писатель Л. был прав, когда сказал: госпожа советница, вам не хватает только мужа.

21. АРАГОН – ОРЕЛЬЕН,

Собрание сочинений, том 4, Госиздат, 1961 г., М.

— У нее удивительно кроткий вид. Такая женщина в доме – истинное отдохновение.

— Движения стремительные, словно корабль, рассекающий морские волны.

— Он взял на себя задачу сохранить ей фигуру, её кожу, её славу и молодость.

— Орельен сам знал за собой этот недостаток – ничего не доводить до конца: ни мысль, ни любовное приключение.

— Мужчины Вашего поколения – настоящие девки, именно девки. Никогда бы не сказал, что вы были на фронте. Такой самовлюбленный и совсем нелюбезный.

— Вся эта пыль, суетливая, как обезумевшие муравьи, все эти люди, которые несколько часов провели перед зеркалом, чтобы показаться здесь на несколько минут.

— У гения свои права.

— Но Люси до сорока лет в девицах ходила, вы только подумайте. Ну, немножко и помутилась в разуме.

Дело не в том, хорошенькая она или нет. Она лучше, чем хорошенькая. Она нечто совсем иное. В ней есть обаяние. Вот что в ней есть.

— Она уйдет и сразу мир – пустыня.

— Не строй из себя грудного младенца.

— Этот иронический смешок ставил под сомнение весь окружающий мир.

— Я Вас прекрасно изучила, назубок знаю. Вечно какая-нибудь женщина в перспективе, ускользаете как угорь, потом вас встречают, вы исчезаете опять, и, наконец, оказывается, у вас связь, у вас и вид мужчины, имеющего связь, и тогда, если вы лжете, понятно, почему вы лжете... Вы лжете по самым непостижимым поводам.

Орельен чувствовал себя совсем голым, больше чем даже в окончательно раздетом виде.

Он боялся расплаты за проклятие праздности.

— Всё, так или иначе связанное с водой, полно для него такого захватывающего очарования, такой чистейшей поэзии.

— Когда горят дрова, становится как-то веселее на душе.

— Никакая экономка не может заменить жены.

— Умная женщина умеет вовремя закрыть глаза и все отлично устраивается.

— Неудобно двум дамам без кавалера.

— С обнаженными, отнюдь не точеными, но от этого еще более прелестными руками, с цветком у плеча, вцепившимся, словно злое насекомое.

— Эта самозащита свидетельствует о молчаливом признании того реального факта, что она разгадала мой замысел, замысел завоевателя, которого выдает каждое движение».

Оба знали, о чем шел между ними этот безмолвный спор, но не стремились выразить его вслух. Ничего еще не было сказано. Все было сказано...

— При каждом удобном случае он старался подчеркнуть, что не зря ест хлеб.

— Вы меняетесь, Береника, как пейзаж под налетевшим ветром, вы не просто женщина... вы все женщины разом: ... тысячи женщин.

— Боже мой, боже мой, я все время думаю, так ли это серьезно для вас, как для меня.

Она ведет себя, как все женщины на свете, старается ускользнуть, создать защитную зону, ради какой-нибудь грошовой тайны.

— Не хочу, чтобы у меня был даже малейший повод лгать вам, не хочу, чтобы вы мне лгали. Мне хочется верить в вас.

— Эдмон насквозь видит. Всегда сумеет удержать руль. И всегда опередит, когда нужно подчеркнуть свое преимущество.

Если она ему солгала, разве не может и он ей солгать, не солгал ли уже? Нельзя осуждать человека и нельзя ему верить. Верить, что есть счастье, тянуться к нему, какая нелепость.

— Уезжать можно по-разному. Надо делать по-настоящему. Сжечь за собою то, что осталось от тебя самой.

Легко сказать уезжай, но если увозишь с собой то, от чего уезжаешь?

При мысли расставания её охватила ярость – ведь она причиняет себе зло, своими руками вырывает из груди сердце.

Слишком она хорошо знала, как глубок колодец разочарования.

— Эдмон, ты просто невозможен! Тратить целое состояние, когда люди умирают с голоду и холоду! Целое состояние на цветы.

Эдмону нравилось бывать с Розой, потому что она была настоящая женщина, которую ничем не испугать, которая знает толк в любви, которая прошла огонь и воду и могла поэтому оценить сравнительные достоинства своих поклонников.

— Он был выхолен как куртизанка.

— Неужели тебя не утомляет быть всегда таким изумительным?

— Твердил ему о своих годах, как бы умаляя себе цену:

Никогда она не скажет этому мальчику, что это она его держит в своей власти, наоборот, всякий раз она притворяется, что он – её последний, самый, самый последний каприз, и что ей все равно не удержать его, уж это-то она прекрасно понимает.

Роза слушала его, не слыша, улавливая только основную линию.

— Эти недотроги, которые не живут с мужчинами, должно быть просто мелкие душонки.

— В сорок лет, хочешь не хочешь, надо будет довольствоваться пожилой дамой.

— Ведь не он её выбрал, она сама заставила признать себя, со всеми, ей одной присущими чертами, и он даже не успел заметить, как это произошло.

— Никому ведь не известно, как заставить полюбить себя, показать себя таким, каков ты есть в действительности, или лгать.

— Береника вообще совсем другая, в ней есть какая-то скрытность, что-то сильнее.

Каждый раз он чувствовал себя уязвленным в своей глупейшей мужской гордыне, потому что не сумел превратить эту женщину в свою собственность. Она ускользала между пальцев. Ставила в тупик.

— Не слышать Вас больше – значит не слышать ничего.

— Бегать за бабами с неутомимостью браконьера.

— Такова уж я. . . если самая, самая прекрасная вещь в мире запачкана, расколота, треснула, я не могу её больше видеть. . . и выбрасываю. Она мне становится ненужной.

— Все они, как один, воображают, что нельзя устоять против их объятий. Против их близости, их силы.

Береника позволяла себя целовать с той страшной пассивностью, которая хуже любого протеста, сопротивления...

— Сначала одна, потом другая. Да ведь вы только что с ней расстались! От Вас еще пахнет её духами.

Самые оптимистические выводы из самых безнадежных положений.

— Он обещал все что можно обещать.

— Да и никто в таких вещах помешать не может. Они любят друг друга.

Иной раз просто в тупик становишься, за что только таких любят.

Он был как безумный. И расходовал себя до нелепости нерасчетливо. Не давал ей спать, не понимал, что всё имеет границы. И неожиданно удивлялся совершенно естественным в подобном положении приступам слабости. Тогда он начинал по-детски плакать. Приходилось его утешать. Вдруг он засыпал. Словно проваливался в черную яму. И лежа с ним рядом, она оставалась одна. По-настоящему одна.

— Гораздо легче уступить тому, кого любишь не совсем настоящей любовью, чем тому, кого по-настоящему любишь...

У нее был достаточно жалкий вид, словно у искупавшегося пса.

Вы только подумайте – вынужденное безделье при таком энергичном нраве и в таком цветущем возрасте.

— Дети назойливые – как осенние мухи.

— И великолепно как раз тем, что была не так уж молода. Подобно тому как ношенный костюм или чемодан, достаточно попутешествовавший на своем веку, являются свидетельством хорошего тона и доставляют больше удовольствия, чем костюм, только что вышедший из рук портного, или чемодан, только что приобретенный в магазине. Люди, имеющие много туалетов, с презрением смотрят на того, кто одет во все новенькое... благодаря «Р», благодаря её совершенству, Блантетта стала гораздо ближе Эдмону, чем при какой бы то ни было прежней его связи.

В сущности, его жестокость в отношении её была своего рода любовью, вернее, единственным видом любви», на какую он еще был способен. Она (жена) была для него источником таких радостей, которых не могла ему дать никакая Роза. Блантетта придавала новый аромат и смысл их отношениям.

Платье было поводом для этих двух мужчин: бескорыстно восхищаться... потребовалось платье, именно платье, являвшее двум хищникам материализованный образ богатства, которым они упивались оба, чтобы превратить ту, что надела его, в красавицу, в настоящую женщину.

Но он отлично знал, что истинное наслаждение заключается в том, чтобы закрепить себе близость с женщиной, когда испытываешь к ней влечение, а не обладать ею, когда она находится в твоей власти.

Если бы ему пришлось с боя брать жизнь, возможно, он и сумел бы найти путь к Беренике, или на худой конец, забыть Беренику.

Когда человек окончательно себя презирает, он может обрести прежнее величие, лишь увидев воочию людей, лишенных всякого достоинства. Бал у Вальмондуа давал Орельену прекрасный повод почувствовать себя выше других в силу понимания полной безотчетности их поступков.

— Хочешь сделать как лучше... и сам подготавливаешь свою гибель.

— Любовь без обладания, головная любовь и прочая чепуховина.

Любовь эта вовсе не постель... Но то, что вы называете постелью, вовсе не грязнит любовь.

Лертилуа надежный человек и при нем можно, не стесняясь, думать вслух.

— Песик ел с ними чуть ли не с одной тарелки.

— Из любви выходишь так же, какходишь в любовь.

Он не переносил манеры госпожи Флоресс являться в его комнату чуть ли не через каждые полчаса по всякому поводу и вовсе без повода.

Не принадлежал к числу людей, у которых от подобных известий опускаются руки. Наоборот, в нем вдруг проснулся прежний боевой дух, несколько притупившийся за годы беспечальной и богатой жизни.

Одним ударом он восстанавливает свое положение и мстит врагам.

Береника царила надо всем, что осталось от его жизни. Которую не сам себе выбрал, не своей волею.

— Нужна мечта, чтобы переносить реальность.

Бросалась в глаза та простота, которая хуже воровства.

— Вы её жизнь, вы были всей её жизнью.

Из всего, что было в моей молодости, вы – её единственный свет.

— Обстоятельства и на этот раз оказались сильнее их.

Он сам был поражен прочностью этой двадцатилетней привязанности (к Беренике).

— Лицо дышит свежестью горного родника.

— Не в их власти выбирать. Молодость не вернется, но ведь они стали песней друг для друга. И это останется.

— Вы самое лучшее, самое глубокое из всего, что было у меня в жизни. Вы – то единственное, что пело в моей жизни...

— Он ненавидел разумниц.

22. ТАКЭО АРИСИМА – ЖЕНЩИНА,

Госиздат, 1962 г., М.

Автор хотел показать умную, порывистую женщину с пробудившимся самосознанием, но неясностью пути, имевшую несчастье родиться в эпоху, когда общество не знает, как ему поступить с такой женщиной.

— Йоко Сацуки – героиня романа всю свою короткую жизнь искавшая тонкого, умного человека, способного понять каждое движение её души, словно в насмешку над своими мечтами, становится спутницей грубого, эгоистичного Курати...

Мать Йоко была известна в обществе как женщина, которая решительностью характера не уступала мужчинам.

В её скромной, мягкой манере держаться угадывался живой ум.

Теперь она видела в Кибэ всего лишь женственное создание, заурядное и инертное, почти не приспособленное к жизни.

— Вообще у меня скверный характер, я могу полюбить или возненавидеть из-за какой-нибудь мелочи.

Слабовольная, не умеющая управлять своими желаниями, тетка на всё смотрела жадными глазами.

Она начала воспитывать в себе твердость характера и ясность мысли.

Йоко чувствовала себя связанной Садаё таинственными узами духовного родства.

— Мне противно просить у кого-нибудь прощения, и сама прощать я тоже не хочу...

В туповатых глазах г-на Тагава то вспыхивают, то гаснут далеко не целомудренные огоньки.

— Смотрела учтиво и дружелюбно, как смотрят на человека, которого до сих пор знали только по имени, но глубоко уважали и которого наконец-то удалось увидеть.

— Она была убеждена, что незатаённые слезы принижают человека до положения нищего, взывающего к состраданию».

— Её положение, происхождение, образованность, возраст и прочие достоинства, заставлявшие её держаться в жестких рамках старомодного этикета, делали её бесцветной и неинтересной, как пустой дворец, откуда убрали божка, которому до сих пор поклонялись.

Ей оставалось только делать вид, что ничего не произошло, и либо снизить до уровня Йоко, либо возвысить её до себя.

Она бросалась из одной крайности в другую – то она была на удивление добра и любезна с Йоко, то обдавала её холодом высокомерия. Йоко со спокойным любопытством наблюдала разлад в душе г-жи Тагава – так заклинатель змей смотрит на предсмертную агонию очковой змеи.

— Пока женщина покорна, они учтивы с нею, но стоит ей проявить малейшую самостоятельность, как они резко меняются и превращаются в деспотов.

Мимолетная страсть, которую встречавшиеся на пути препятствия превратили в огонь, сразу испепеливали всё дотла, угасла, как только исчезли эти препятствия. Йоко взглянула на свою любовь и на партнера по любви холодными глазами критика.

Йоко всегда держалась спокойно и непринужденно, в присутствии же Курати она всячески старалась показать себя с наилучшей стороны. В его обществе она, к собственному удивлению, всегда делала противоположное тому, что думала».

— Говорить Курати то, что думаешь, - это то же самое, что сказать ему – играй мной, как хочешь.

— К ней пришла спокойная уверенность, которая позволяла ей легко подавлять желание прыгать от счастья, как было недавно.

— Обаяние любого молодого мужчины, его стройная фигура, богатство, блестящие таланты - ничто в сравнении с Курати. Рядом с Курати слабый внушает не сочувствие, а отвращение.

— Кото был слишком умен, чтобы поддержать такой неоткровенный разговор, и молчал. В минуты возбуждения в речах Йоко появлялась неотразимая убедительность, подавляющая собеседника.

— Я не из тех женщин, которые молча примиряются со злом, им причиненным.

— С дураками нужно держать ухо остро, даже если они и явные дураки.

— Если ты не свалишь врага, он тебя свалит.

— Как ни застилала любовь ей глаза, Йоко все же сохраняла способность трезво мыслить.

— Айко из грубого рубина, только что добытого в горах, превратилась в отшлифованный драгоценный камень.

Её взгляд был предельно невинным, настолько невинным, что казался порочным – или был настолько порочным, что казался невинным.

Йоко не воспринимала таких слабовольных людей, как Ока.

— Если я споткнусь и упаду, то все равно не буду унывать и хныкать, как другие. Упаду – встану.

Даже обходительность и такт Йоко не могли спасти положение.

Инертность Йоко раздражала Курати, вызывала в нем дикую ненависть.

Откровенная ревность могла только оттолкнуть Курати.

— Люди, как голодные черты, грызутся друг с другом, вне себя от алчности и ярости. Как жалка душа человеческая.

— Если женщина захочет что-нибудь скрыть, она будет вести себя гораздо искуснее и умнее мужчины.

Главная идея этой книги – гимн упрямству и настойчивости.

23. ИВАН ЕФРЕМОВ – ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ,

«Нева», №№ 6-9, 1963 г., Л.

— Оправдаться-то оправдались перед комиссией, а вот слава хвостом идет.

— Еще Л. Толстой упрекал русскую интеллигенцию в «неистребимой склонности писать доносы».

— Знать людей-то надо по делам, а не по хвостам.

— Нома или водяной рак, одно из заболеваний, с которым врач-специалист сталкивается раз в жизни, а то и совсем не встречается.

— Беды нет только разве у полных идиотов. Есть такие – всем довольны.

— Завидую вашему характеру. Мы в психологии называем это хорошо сбалансированной личностью. Быстрое торможение и приход в норму... должно быть, привычка к самым различным невзгодам.

— Главное это то, что существует объективная реальность, воспринимаемая нами как безусловная красота. Воспринимаемая каждым, без различия пола, возраста и профессии, образовательного ценза и тому подобных условных делений людей. Есть и другая красота – это уже личные вкусы каждого.

— Распространение разных рок-н-ролов, мамбо и твистов в Европе – это закономерность, результат роста городского населения и числа молодежи, не занятой активным физическим трудом. Эти танцы – явление почти социальное. Вообще-то куда как лучше для молодежи гимнастика, особенно художественная для девушки. Какая красота!

— Есть немало людей, у которых красота вызывает неосознанную злобу, те стремятся оскорбить и унижить красивую девушку.

— Как мало надо человеку со здоровой психикой и телом: чуть навеяло ветром надежды на хорошее, едва соприкоснулся с прекрасным – и возрождается неумная сила искания и творчества, желание делать что-то хорошее и полезное, оказывать людям помощь. Вот в чем величайшая сила красоты. «Красавица – это меч, разрубающий жизнь».

...Встречается у новорожденных молочный диабет (болезнь обмена веществ), когда организм не усваивает молочный сахар, а тот отравляет ребенка, в этих случаях материнское молоко смертельно.

Неизлечима черная моча – алькаптонурия, организм не может переработать некоторые вещества обмена.

Есть случаи, когда печень ребенка не может превращать одну из аминокислот – фенилаланин – в другую – тирозин. Содержание первой в крови ненормально повышается, и ребенок делается психически дефективным, как – этого мы еще в деталях не знаем.

...Он превращался в проповедника, передавал научные знания самым различным, нередко первым встречным людям, первые ученые и были такими проповедниками.

Слово «профессор» означает по-латыни «проповедник», подчеркивая важную роль популяризации в деятельности людей науки.

— Простое предупреждение тепловых ударов, дача соли перед тяжелой работой или походом в жару – теперь широко применяется.

— Эта нехватка меди медленно, но верно ведет к перерождению печени и мозжечка.

Недостаточность энзима вызывает потерю меди, а эта потеря ведет к поражению определенных участков мозга.

— Сима не терпела дешевой насмешки, того вульгарного осмеяния, которым люди невежественные или слабые нередко прикрывают своё недоверие к новому, зависть к красивому, испуг перед глубиной знания.

Как-то получается, что от тебя требуют быть такой, какой им хочется. Стараются тебя слепить по подходящей для них форме. И беда, если ты окажешься сильнее.

Свобода возможна лишь при условии большого одиночества, это люди часто не понимают (эйдетика).

— Гирин не раз встречался с этим удивительным для людей советского общества желанием напускать на себя глупую надменность. Он смотрел в зал внимательным, ничего не упускающим взглядом натуралиста.

Регулировка организма происходит через нервную систему и более древней системы химической регулировки – гормонов и ферментов.

— Человек – та же вселенная, глубокая, таинственная, неисчерпаемая.

У человека область подсознательного очень велика. Емкость инстинктивной памяти в ней заключенной, трудно даже себе представить.

Основа нашего понимания прекрасного, эстетики и морали восходит из глубин подсознания и, контактируя с сознанием в процессе мышления, переходит в осмысленные образы и чувства.

Это о красоте, не касаясь того, что называется в разных случаях очарованием, обаятельностью, «шармом», что чаще бывает у некрасивых. Это хорошая душа, добрая и здоровая психика, просвечивающая сквозь некрасивое лицо.

«Алертная поза» – в просторечии, подтянутая поза.

— Проклятие Евы – «в муках будешь рождать детей своих» - так и на самом деле есть, процесс родов у человека более мучителен и болезнен, чем у животных.

Количество половых гормонов очень важно для энергетического тонуса организма, как напр., насыщение крови кетостеронами. Жизненно необходимо исследовать это и научиться переключать энергию гормонов на другие стороны жизнедеятельности и в то же время не утрачивать всей великой привлекательности и счастья половой любви.

— Жизнь не проста, мы только по невежеству думаем, что она проста и постоянно расплачиваемся за это. Очень сложна, трудна и интересна жизнь.

— Ничто так не раскрывает характер человека, как его жильё.

— Слово «ведьма» - происходит от «ведать» - знать и обозначало женщину, знающую больше других, да еще вооруженную чисто женской интуицией. Ведовство – понимание скрытых чувств и мотивов поступков у людей. Это вовсе не злое и безумное начало в женщине, а проницательность.

Я всегда готов, образно говоря, поднять бокал за ведьм, проницательных, веселых, сильных духом женщин, равноценных мужчинам.

Испанская поговорка: «Мужчины только притворяются, что любят сухое вино, тонких девушек и музыку Хиндемита, на деле все они предпочитают сладкие вина, полных женщин и музыку Чайковского».

— Меня всегда тянуло к «модерну» - будь то музыка, живопись, скульптура.

«К больному нельзя опаздывать» - такова старая врачебная этика.

— Он увидел в ней поразительную незащищенность, главное несчастье тонкой и нежной души, и тут же дал себе клятву никогда не ранить это уже дорогое ему существо.

— Основатель римской церкви апостол Павел, с современной точки зрения – явный параноик с устойчивыми галлюцинациями, особенно круто утвердил антиженскую линию церкви.

— Глаза у некоторых из хищных зверей обладают способностью аккумулировать свет для охоты в сумерках или ночью.

Сейчас начинает раскрываться гораздо более сложное приспособление глаз к поляризованному свету и к видению инфракрасных лучей, позволяющий змеям или совам в темноте различать контуры теплого тела и выслеживать добычу по оставляемому его тепловому следу, так же, как и по оставленному запаху.

Глаза крокодила обладают повышенной способностью к изменению окраски сетчатки, поэтому они видят отчетливо и днем, и в сумерках.

Древние полукошки Тибета обладали особо молниеносными движениями.

— Человек сохранил частичку психологии обезьяны – западные психологи назвали бы её комплексом униженности. Вместе с развитием мозга обезьяны получили способность сравнивать и завидовать. Сознать свою неполноценность перед могучими хищниками или огромными травоядными. И, завидуя, они всегда рады поиздеваться, оскорбить, осмеять, тем самым удовлетворяя свое недовольство. Самые страшные завистники, ревнивцы и собственники – обезьяны, особенно павианы.

И, к сожалению, насмехаться над непонятным, издеваться над слабым или больным, унижить чужого – нередкое свойство и хомо сапиенс, стоящего на низкой ступени культуры и дурно воспитанного.

— Природа ничего не дает даром. И расплата льва за силу и нервную энергию – короткий век, в который не наберешь мудрости.

— Одомашниванию могли поддаваться лишь умственно дефективные особи.

— Разве можно шутить, унижая себя? Ведь вы серьезный человек. Никогда не надо представлять свои чувства шутивными, это только обесценивает их, для других и для вас самого, а что может быть хуже, как жить по дешевке?

Мы, цивилизованные люди, мало нагружены и мало заняты. А для полной жизни и здоровья нужна полная нагрузка по всем трем линиям: для мозга, для эмоций и для тела. А у нас? Тело нагружено, а голова пуста, голова занята – тело бездействует. Если равнодушно ко всему относиться, то и чувства тоже не будут волновать, стимулировать, давать взлет душе и телу. Без огня и блеска.

— Надо дать человеку богатство психики – вот за что мы, врачи, должны бороться.

«Так идет, что ветки зеленеют,
Так идет, что соловьи чумеют,
Так идет, что облака стоят» (Павел Васильев).

— Готовность выполнять все что угодно означает, что нет своего чувства жизни, своей цели, линии. Чем больше вы угождаете перед хозяевами, тем меньше они вас ценят и неизбежно выбросят на улицу.

«Основа опасности, пишет Линдеман, - в самом человеке, если он становится жертвой душевного надлома и не может действовать трезво».

Шульц рекомендует самовнушение, как очень важный элемент закалки воли и работоспособности. «Когда тебя качают девятиметровые волны, налетают шквалы, бешено завывает ветер – такое требует, пожалуй, большего, нежели обычной воли к жизни».

— Три кита современной нашей общественной жизни: зависть, болтовня во всех её видах и покупка бесчисленных вещей.

Наследие девятнадцатого века – свойственная всем нам вера в слова. Когда-то слово было словом чести, правды для феодальной аристократии, для купечества. А теперь слово больше вообще не будет ни для кого убедительным. Это серьезный моральный кризис, назревающий в нашей цивилизации. Противно становится жить, теряешь цель и смысл.

— Настоящая подруга мужчине, современная женщина, смело разделяющая с ним рискованные предприятия и уступающая ему только в силе.

Нельзя рисковать и надеяться на доброту и гуманизм. Скорее надо ждать бесчеловечного исполнения законов, направленных на сохранение собственности.

Мужчины, несмотря на все свои умения и силу, никогда не становятся взрослыми до конца. И значение женщины в том, чтобы охранять их и руководить ими, спасая от крушения надежд и неразумных поступков.

Никогда никакого рая не было, всегда была трудная и жестокая борьба, где умирали слабые и выживали сильные, потому что в мире ничего не дается и никогда не давалось даром.

— Мне кажется, что всякий большой успех неизбежно ведет к деградации. Только сильные душой и целеустремленные люди не поддаются. Они слишком увлечены творчеством, чтобы лелеять свой успех, как поступает человек мелкий.

— Талантливые люди бессердечны.

— Точный расчет на самую слабую струну женской души – жалость.

— И почему всегда становится страшно за разносторонне совершенных людей?

Боги не любят человеческого совершенства. Эта формулировка была известна еще в глубокой древности и не только в отношении людей, но и предметов искусства. Большинство замечательных творений искусства постигла гибель. Китайские фарфоровые мастера, если какая-нибудь ваза выходила особенно хорошей, нарочито искусно охлаждали изделие, и глазурь покрывалась сеткой мелких трещин. Изделие теряло совершенство и ему более не угрожала гибель от зависти богов. Так и с людьми.

Человеку почти невозможно быть очень красивым и очень счастливым.

Сочетание красоты телесной и духовной (калокагатия), о которой так мечтали в Древней Элладе, смертельно опасна для её обладателей. А в то же время самая явная односторонность, даже дикая фанатическая узость параноиков ведет их к успехам в жизни и к верхушкам общества и власти.

— Я давно всё возненавидела, может быть потому, что мои мозги просят большего.

— Надо быть опытным жуликом, чтобы вести подобные дела, а для обычного человека единственное оружие – осторожность.

— Я очень много думала в нашем долгом путешествии. Теперь я знаю, насколько мы все одиноки в жизни. Надо быть друзьями, надо всегда чувствовать вокруг себя дружеское участие, уверенность в помощи, ежедневную духовную связь, общение, деловую поддержку. Даже если захочется уединиться. Тогда появляется большая внутренняя сила, смелость, сознание своего единства с хорошими людьми.

Почему бы людям не создавать дружеских союзов взаимопомощи, верных, стойких и добрых? Вроде древнего рыцарства, что ли, не знаю, как уж назвать. Насколько стало бы легче жить. А дряни, мелким и крупным фашисткам, отравляющим жизнь, пришлось бы плохо.

После всех неприятностей мы стали серьезнее, и суровей, и... может быть лучше.

— Нельзя хозяйке принимать гостей чересчур нарядной – вдруг гости придут одетые скромно.

— Легенда – ежели такой конь больше бежать не может, то перекусывает на ходу себе жилу и умирает, истекая кровью (стихотворение Марины Цветаевой про арабского коня).

— Кругом беззаконие и любой преступник чувствует себя увереннее и сильнее.

— Он начал постигать возвышающую душу и отдаляющую от мира красоту Гималаев – царства вечных снегов. Ему казалось, что сердце налилось холодной жидкостью, стало прозрачным и твердым, как хрустальная чаша.

Древний творческий гений индийского народа, составивший бессмертную славу страны, на протяжении более двух тысячелетий, переживший культуру Крита и Эллады, во все века черпал свои силы в неистощимом богатстве чувств человека, находившегося в теснейшей связи, единстве с природой. Из земли и солнца, подобно буйной растительности тропиков, вливались в людей созидательные силы, требовавшие выхода в искусстве.

Скульптура и архитектура Индии так и не была превзойдена ни одной страной мира. Живопись – та яростно уничтожалась мусульманскими завоевателями. При взгляде на тысячелетние фрески Аджанты, по-прежнему очаровывающие весь мир, можно представить, какие сокровища живописи были утрачены в трудном историческом пути Индии.

— Люди не любят, более того, ненавидят тех, кого они обидели.

Название Шамбала не подразумевает никакой страны. Шамба или Чамба – одно из главных воплощений Будды, ла - перевал. Перевал Будды, иными словами – восхождение, совершенствование. Настолько высокое, что достигший его более не возвращается в круговорот рождений и смертей, не спускается в нижний мир.

Шамбала – понятие философское – не существует для нашего мира, и тысячелетия её поисков были напрасны.

Ты не должен возвеличивать меня еще и потому, что возвышение одного неотвратимо рождает принижение другого. А принижение, особенно добровольное, еще опаснее, оно рождает привычку быть руководителем, снимает ответственность за свои поступки, за свой путь. Тогда в расплату за облегчение жизни прекращается воспитание души, её совершенствование. Путь есть путь, и никто не может его избежать. Только путь можно удлинить или укоротить.

— Странно, как мало людей знают, что всюду, всегда и везде есть две стороны, что где сила – там слабость, где слабость – сила, радость – горе, легкость – трудность, и так далее.

Только красота может поддержать нас в жизни, утешить в усталости и неудачах, смягчить жестокость познания и победы.

— Без уединения человеку недоступно никакое совершенствование.

— Высокопарные слова, и как всё высокопарное, лживые.

Он понял, что судьба против него и покорился ей.

Разве ты забыл, что сам строишь свою Карму, сам медленно и упорно восходишь по бесконечным ступеням совершенствования.

Красота и ревность – они обе из древней души, но красота способствует восхождению, а ревность – нисхождению.

— В Гималаях есть высеченные в скалах подземелья, в которых проводят годы самые ревностные подвижники буддийской веры.

...Тщательно отобранные неофиты подготавливаются медленно и постепенно, проделывая упражнения и дыхательную гимнастику на морозе, сначала в тонкой бумажной одежде, а потом совершенно обнаженными. Чтобы получить титул «респы», надо пройти особые испытания. В морозную лунную ночь с ветром кандидаты садятся на землю около озера или реки, обертывая вокруг тела небольшие простыни, намоченные в воде, которые они должны высушить теплом тела. Респы могут стоять на морозе от 12 часов до суток. Иногда на их телах выступает пот, настолько им делается жарко. Респа отказывается от теплой одежды и от согревания огнем, а некоторые, наиболее аскетические, проводят зимы в пещерах среди снеговых гор, одетые в хлопковую ткань.

Люди мало знают о своих собственных возможностях, а еще меньше верят в себя.

Художник был подвергнут испытанию уединением.

Эти узкие щели вели в подземные камеры. Испытуемые замуровывались в них на годы и достигали в уединении высочайшего совершенства.

— Ты видишь, что подземелье назначено для души туповатой и апатичной, чтобы сделать её более чуткой и тонкой.

Служи людям силой таланта, бескорыстно и беззаветно, не давая властвовать над собой злобе, зависти и жадности, но помни, что слепая доброта может причинить немало плохого. Знай, кому и зачем ты делаешь добро!

Никогда не надо переступать ни порога бессмысленности, ни познания, следует особенно опасаться порога низкой чувственности.

Не бойся страдания. Ты обладаешь сильной душой, а потому и страдаешь сильнее других и стараешься всячески избежать этого. Но страдания ведут к высотам и весь мир благодаря ему становится лучше. Только как всё в жизни, страдание должно иметь меру, иначе оно обратится гибелью души и станет источником зла.

Черная магия не сказка, она действительно существует – это сила злобной и нечистой души, подчиняющая более слабых. Ей противостоит белая магия добрых мыслей, чистых желаний, помощи и любви. Если в этом человек по настоящему силен, то ему покорятся другие, и вокруг него будет атмосфера доброго покоя, отражающая и подавляющая злые силы недобрых людей. Когда-нибудь все люди поймут это и начнут без суеверия борьбу с «черной магией» - проявлением темных сил человеческой психики. А я советую тебе сделать это сейчас и прежде всего побороть то, что появляется в тебе самом.

Люди пали так низко, что уже не способны понять свое падение, не могут увидеть путь к спасению.

Там, где есть мирское наслаждение, нет освобождения, где есть освобождение – нет мирского наслаждения.

Не думай, что путь твой будет легок и прост. Как всякий прямой путь, он труден и опасен.

Погрузившись в чувства, развивая и утоньшая их до крайних пределов остроты, надо остаться господином над ними. Иначе безумие, разложение и развал души. Надо пройти по лезвию меча над пропастью, наполненной грозными призраками.

— Могучая сила привязанности души к душе. Только сейчас он понял, как велика его любовь и преклонение перед этим безгранично добрым, умным и скромным человеком. Его превосходство (учителя) никогда не подавляло художника, и ничего, кроме чистой доброжелательности, не исходило от этого мудрейшего из всех известных ему людей.

Если в душе человека нет того, что горит, влечет и тревожит, то ему бесполезно говорить об этом. Ничего из ничего не пробудится. Все слова и объяснения падают в пустоту, в провал души и он не изменится до следующих воплощений.

Ошибка Фрейда и его последователей в том, что они представили себе нашу психику расщепленной на сознание и подсознание. На деле это диалектическое единство,

двойственность, две стороны одного процесса, называемого мышлением. Это как бы два потока, параллельных и непрерывно взаимодействующих между собой, взаимно контролирующихся и индуктирующихся.

В науке и искусстве надо спорить работой, идти вперед, пусть спотыкаясь, но идти, а не играть словами.

Наследственная память человеческого организма – результат жизненного опыта неисчислимых поколений, от наших предков, от палеозойской эры до наших дней.

Одна из главных химических осей психики – ось гормонов гипофиза и надпочечников, иначе питуитарно–адреналиновая ось, регулирующая оборот фосфора в мозгу и в организме вообще. Задержать выброс фосфора с мочой и расшатать эту ось может производное от яда спорыньи препарат ЛД-25.

Дельцов от науки, блестящих, умеющих себя показать, пошуметь – к сожалению – многовато. Но и они не бесполезны. Они тоже движут науку, как и незаметные тяжеловозы – собиратели фактов и мелких открытий, каких большинство.

Сердце у всех одинаково бьется, но разное у всех живет.

Какое проклятие это слово – «назло» и как еще оно мешает нам жить.

Благородство с точки зрения психологии – равновесие между возбуждением и торможением, т.е. собственно нормальная психика, избирающая верный путь в жизненных обстоятельствах. Если торможение сильнее возбуждения, получится равнодушный эгоист. Если возбуждение сильнее торможения, то это тип преступника, сластолюбца и чревоугодника.

— Мне противен ажиотаж вокруг рекордов, культивирование однобоко тренированных, умственно малоразвитых людей. Бодрок все равно где – в жизни, в кино, в книге, в песне – почему-то всегда оставляет впечатление слегка придурковатого.

Всегда приятно встречаться с собственными мыслями и ощущениями у другого, особенно старшего и мудрого человека.

— Самое большое время пребывания культурного гостя – это 3 часа.

Избалованность – это отсутствие стойкости, нежелание любой ответственности.

Уж очень играют со словом «счастье» и его смысл ускользает, превращаясь иногда в пустой звук. То до счастья остался один поворот, то человек обретает некое абстрактное счастье, с которым он носится всю жизнь – в книгах или пьесах. А мне кажется, что настоящее счастье – в перемене, пусть даже плохой, но с которой ты имеешь силу бороться и преодолевать её.

...Так как внезапное свертывание крови – смертельная опасность, то в организме есть мощная защита. При введении коагулянта – свертывателя крови – в ней резко повышается содержание антикоагулянтов – фибролизина и гепарина. Реакция эта почти мгновенная, действующая через мозг (подсознание) и тем спасающая организм. Оказалось, что повышение содержания антикоагулянтов можно вызвать путем внушения.

Нечто подобное может иметь место для уничтожения раковых клеток – вещества, воздействующие на генетический механизм, должны существовать в организме.

Если это так, то их появление в кровяном русле можно попытаться вызвать опять-таки через нервную систему и мозг внушением, как и фибролизин. Гирин склонился к ролю и представил скептицизм, град насмешек и обвинений в знахарстве, который обрушился бы на него за малейшую попытку публично обосновать подобное предположение.

Мне надо выключить ваше сознание, чтобы действовать на подсознательную сторону психики. И в то же время, у вас в сознании должно быть закреплено напряженное желание, воля следовать за мной.

Ах, как я ненавижу эту заугольную пакость – подлых трусов, оскорбляющих и мучающих сначала девочек, потом девушек, потом своих жен. Подлецов, ночью прокрадывающихся в парк, чтобы отбить нос или руку у прекрасной статуи, написать гвоздем на чистом мраморе гнусное слово.

Неумелое воспитание жестоко травмирует психику. Жестокие и деспотические родители, скверное окружение порождают людей с параноидальным уклоном – подозрительных, агрессивных и жестоких. Такие же люди в массе появляются в деспотических условиях государственного управления, с террором и несправедливостью.

«Сущность человека» - Жан Ростан – выразил взгляд генетика на моральную структуру человеческой психики: «зло доминантно, а добро рецессивно». Иными словами, в наследственности человека прежде всего будут возникать злые чувства, а добрые – на втором плане, со склонностью исчезновения вообще.

Мой товарищ обладал такой врожденной способностью – замедлял удары сердца до 20' - у и говорил, что мог бы совсем остановить сердце, но боится потерять сознание и умереть.

Известно, что люди микенской и критской эпох ходили в очень легких одеждах, а женщины в таких вырезах спереди, который оставлял обнаженными обе груди.

Спартамцам вообще было запрещено до старости ходить в теплой одежде, а только в льняной - зимой и летом.

В Японии самураи издавна развивали особую технику борьбы без оружия. Ребром ладони они ломают твердые доски или позвоночник человека и даже могут снести ему череп.

Тигр или лев способны развивать в момент прыжка до 50 лошадиных сил, перенося крупную добычу через высокую загородку. Между тем размеры мускулов этих кошек не так уж велики и секрет их огромной силы в той нервно-гормональной регуляции, которая позволяет им брать от мышц полную отдачу.

Недавно сделано еще открытие: французские геологи в Тайланде наткнулись в горах Чантабури на древнее племя, изолированно жившее в горных джунглях. По сообщению газет, любая женщина этого племени могла бы победить на конкурсе красавиц.

Без разносторонних интересов человек быстро делается равнодушным ко всему эгоистом. Это страшное равнодушие было известно еще в Древнем Риме под греческим названием «ацеция». Оно распространяется сейчас в разных странах и очень вредно для любого общества...

«Неисполненные желания разрушают изнутри» – древняя формула.

Люди все больше освобождаются от бесконечного и монотонного труда и в то же время не думают, чем заполнить досуг. Психологический провал современной цивилизации – бесцельная, ничем не заполненная праздность.

А заполнить её надо воспитанием детей и самовоспитанием. Большая проблема жизни – держать человека в alertном состоянии, собранным физически и духовно. Для этого нужно, чтобы у него была цель, большая, хорошая.

— Он понимал весь риск этого похода, и то что он закончился победой, счел подарком судьбы, «милостью богов». Вот что он пишет о взятии вершины: «Все ниже уходили другие вершины, все шире открывалось синее небо Тибета... Мы достигли «зоны смерти» - высоты 8000 метров. Этот термин ввели врачи, установившие, что на этой высоте в организме человека, если не применять кислорода, может остановиться обмен веществ, т.е. наступит смерть. Процесс необратим».

— По характеру, возрастным изменениям и отношению к болезни слон очень похож на человека. Бывает так, что слон заболевает чем-то неизвестным, что не поддается обычным

способам лечения и не требует операции. Слон устает бороться с болезнью, несколько раз тяжело вздыхает, стонет и ложится. Если его немедленно не поднять, то он уже никогда не встанет. И тогда бирманские слоновые лекари решаются на крайнее средство – с гиком бросают в глаза слону страшно едкий перец. Нестерпимая боль приводит животное в ярость, оно поднимается и... выздоравливает.

— Идеи о роке, тяготеющем над всесторонне совершенными людьми, возникли уже очень давно. В древней Элладе люди хорошо понимали, что доброта и красота, не используемые для себя, справедливый ум и поиски правды, попытка жить по-иному, чем другие, подчиняющиеся угнетению или обманутые, ведут к мучительной жизни, а все эти качества, соединенные вместе – к неизбежной и скорой гибели. На разных полюсах населенной земли у индусов и греков – сочли, что боги не любят совершенства, не поняв простой истины - противоречия плохого общественного строя и подлинно хороших людей.

— В христианской Европе со времен легенд о справедливом короле Артуре считали, что идеальных рыцарей, таких как Галахед, бог призывает к себе.

Оттого всем людям свойственна грусть при встрече с красотой, оттого и бьются художники всех поколений и рас, чтобы сохранить прекрасное в вечных материях.

...Что касается цыган, то ведь они – индийцы по происхождению, вернее дравиды.

Я впервые остро почувствовала, как рядом с великой любовью всегда тянется черная бездна. Человек озаряется и возвеличивается светом и теплом большой любви, но одновременно появляется чувство бездны, потери, паника чудовищной утраты смысла всей жизни, когда впереди останется лишь непроглядная тьма.

— Счастья не ищут, как золото и выигрыш. Его создают сами, те, у кого хватает сил, знания и любви.

Человек и бог являются частями мировой души, нет божьей воли, а есть общий ход процессов мироздания, для преодоления которых необходимо познать их и считаться с ними. Насколько сильнее эта концепция, чем рабское преклонение перед грозной силой бога, определяющего всю судьбу человека, карающего, преследующего и проклинающего, преклонение, составляющее основу древнееврейской религии и ее дериватов – христианства и ислама, охватывающих все основы религиозной философии и морали Запада, мне нечего вам пояснять.

Понятие Кармы – т. е. механизма, воздающего за проступки и заслуги, сделанные в прежних существованиях человека. Познание законов наследственности, создание здоровой жизни, воспитание высоких душевных и телесных качеств – все это в руках человека, правда, не одиночки, а общества. Потому карма дл будущих поколений может быть сознательно исправлена и предотвращена. Карму сознательно исправляет сам для себя мудрец, познавший законы справедливой жизни. Но он не может исправить накопленного в прошлом, то, что нависает над его головой грозным воздаянием, и не только его, но и целого народа, так следует из вашего учения.

Индивидуальное совершенствование без общественного назначения, во-первых, неполно, во-вторых бесцельно. Это все равно что сделать могучую машину и запереть её в сарай. Цель – действие в обществе людей, а не уход от них.

— В Раджа-йоге, королеве всех йогов, одна из высших ступеней – пятая, (титикша) – это состояние полного равнодушия ко всему преходящему, к радости и страданию.

Там высыхают реки и скудеют поля, потому что леса исчезают, превращенные в бумагу для бесчисленных газет, изливающих целый океан беззастенчивой лжи.

Будучи сам частью природы, «человек тщательно разрушает её вокруг себя, оголяя места своего обитания и создавая идеальные условия для заболеваний».

Большинство людей не понимает, что великое многообразие и красочность мира будут служить им крепчайшей душевной поддержкой на протяжении всей жизни. А те, кто крадет у них время и возможность познания мира, - поистине людоеды – тигры.

Все больше становится у вас (т. е. у нас) людей в темных очках, скрывающих самое прекрасное в человеке – его глаза, боящихся правдивого взгляда, честно отражающего чувства. Вот западная цивилизация, расплзающаяся по всему миру, как болезнь. Что может сделать с ней йог, вооруженный лишь силами собственной души?

— Для того надо становиться сильными – чтобы помогать всем людям подниматься на высокий уровень жизни и познания. Это находится в согласованности с знаменитым принципом йоги: «Оберегай ближнего и дальнего и помогай ему возвыситься».

Существуют несколько дорог. Хатха-йога – человек овладевший ею, - является владыкой дыхания – это лишь низшая ступень, наполняющая тело жизненной мощью. Но есть лайя-йога, или путь воли с её подразделениями, включающими шакти-йогу, или владычество над энергией, возбуждающее силы природы, янтру-йогу, или путь владычества над формой, мантру-йогу – владычество над звуком, силами звуковых вибраций. Дхьяна-йога, или путь размышления, дает власть над силами мыслительного процесса.

24. ФЕРЕНЦ МОРА – ЗОЛОТОЙ САРКОФАГ,

Госиздат, 1964 г., М.

Роман посвящается историческому событию, происшедшему более 1500 лет назад. Диоклетиан – владыка огромной Римской империи – издал указ против христиан. Императорским указом предписывалось разрушить до основания христианские храмы и сжигать христианские книги. Отныне поклонники Христа не могли созывать собрания, они лишались должностей и званий, они не могли больше подавать в суд жалобы на обидчика или на грабителя – напротив, император призывал всех своих подданных вчинять христианам всевозможные иски.

Сопrotивление со стороны христиан было огромное, много было жертв. Подожгли дворец Диоклетиана и т.д.

25. ЭРВЕ БАЗЕН – СЕМЬЯ РЕЗО,

Госиздат, 1965 г., М.

Каких героев романа вы предпочитаете? - спрашивает анкета. – «Тех, которые не отступают» - отвечает Базен.

Какие черты вы предпочитаете в человеке? – «Характер, затем ясность, здравый ум».

Ваше предпочтительное занятие? – «Жить».

Главная черта вашего характера? – «Упорство».

Что вы больше всего ненавидите? – «Лицемерие, и т.д.

— Сущность моего отца, говорит Жан, – можно определить в двух словах: бездеятельный человек.

— Детям было голодно физически, а главное – душевно.

— При всех расправах он, подобно Понтию Пилату, умывал руки и предоставлял нашей властительнице полную свободу действий.

— Ненависть завладевает людьми еще сильнее, чем любовь.

Были важные господа и неважные учёные.

— Не люблю, когда человеку втыкают булавку в спину.

— Пощечину он получил из-за любви к истине, подобно Иисусу Христу, покровителю всех гонимых на земле.

— Обратив старшего сына в козла отпущения он считал поступком неблагородным.

— К амнистиям прибегают слабые правительства.

В целях общественной гигиены изобрели плевательницы, подобно тому как бог изобрел женщину. Чистота не требует воздержания, а только выхода для страстей. Разве можно удержать мокроту, когда хочется сплюнуть?

— Не стоит слишком нажимать. Ведь враг собирается вступить в переговоры.

Далее последовали более или менее удававшиеся гонения, но они казались ничтожными. Этим было доказано лишь её досада и злобное бессилие.

— Я из тех, кто близок только с самим собой.

«Нищий сердцем – вот она подлинная, самая страшная нищета». С помощью воли можно развить дух, разбогатеть, холить свое тело. Но воля бессильна против нищеты чувств, особенно когда эта нищета наследственная».

— Если мне разрешают искать приключений, они теряют для меня всякую прелесть.

— Верность суждения рождается в споре с тем, что над тобой властвует, с тем, что тебе мило.

— Когда очень молодому человеку приходится выбирать среди нескольких девушек, он обычно склоняется к самой старой. Таким образом ему как бы удается повзрослеть, доказать себе свою мужскую зрелость, в отличие от стариков, которые пытаются сорвать бутончик помоложе – не по испорченности, а лишь в надежде помолодеть в собственных глазах.

Итальянская поговорка: «Хочешь заполучить Марию, сделай вид, что хочешь заполучить её сестру».

— Царствование дряхлых – самое длительное и самое жестокое.

— Лучше разрушить, чем потерять.

— Ночь хороший советчик.

— Необходимость молча глотать обиды вырабатывает силу характера.

— Очевидно, у нее было немало приключений, она и сейчас не избегала их, но уже не искала. С нею победитель ничего не побеждал, даже усталости. Вот что в моих глазах лишало её женской привлекательности.

— Мелкие эмоции меня унижают. Моя способность восхищаться раздражает меня, или, во всяком случае, вызывает во мне чувство ложного стыда.

— Первая радость: на неё смотрят. Вторая радость: она никого не замечает. Третья радость: её улыбка, дошедшая до меня издали, вполне заменила собой «добрый день». Я не переставал дивиться этому столь редкому у женщины качеству: Моника почти не разговаривала. И это-то спасало её от сравнения с другими: вот она – четвертая радость.

— Слишком затянувшаяся церемония стыдливости становится бесстыдством. Изящество женщины разом гибнет, когда она при всех мучительно выпутывается из сложной системы белья.

— Он ревнивее мавра.

— Мужчина раздевает женщину и в прямом, и в фигуральном смысле слова.

— Любовь – вот что делает человека единым (как бог), вот что спасает его от посредственности. И для того, кто ничего не ценит, всё посредственно, даже совершенство.

— Первый ребенок женщины – это мужчина, которого она любит.

— Враги моих врагов мне дороже, чем друзья моих друзей.

— Женщина эта была до того доступной, что я как-то даже представить себе не мог, что она была когда-то девушкой.

— Если она, не дай бог, будет сопротивляться недостаточно стойко, она перестанет для тебя существовать. Уважаешь лишь тех, кто сопротивляется тебе.

— У тебя есть невыносимое свойство: во всех случаях жизни ты прав.

— В иных случаях брать – это давать.

— Ты просто ищешь себе нового индуктора, вернее индукторшу, хочешь питаться новой силой, которая по сути та же, что прежняя, но с обратным знаком.

— Ты сейчас попросил руки Моники: ведь ребенку надо держаться за чью-то руку, чтобы перейти улицу.

— Это ты совершаешь мезальянс, ты опускаешься. Но надо «поднять её до себя».

Светские люди выдают цель своего визита лишь после известной порции болтовни.

Мужчина, оскверняющий женщину, тем самым оскверняет отчасти и свою мать.

— Уважение, которое мы питаем к одному-единственному существу, по сути дела, куда более худшее оскорбление всем тем, кого мы не уважаем.

Монтескье говорил о счастье, что оно определенная «способность». Способность к определенному стилю жизни. Любовь один из этих стилей.

Самое мерзкое то, что слово любовь применяют ко всему на свете и его нельзя заменить никаким другим словом или перифразой (нежность, дружба, привязанность, страсть и так далее – не заменяют её и лишены гибкости).

Святая любовь, сыновья любовь, любовь к отчизне, любовь как таковая.

«Самый пылкий влюбленный – индийская мудрость – ненавидит свою жену по крайней мере восемь часов в день». Они ссорились азартно, прежде всего, для того, чтобы оставаться в форме.

Говорят, что мужчина ревнует к прошлому, а женщина к настоящему (и именно потому мужчина предпочитает быть первой любовью женщины, ибо его ревность идет от духа творящего, тогда как женщина предпочитает быть последней любовью мужчины, ибо её ревность идет от духа соперничества).

— Будь тем, кем ты, по твоим словам, стал. В конечном счете, страшнее всего изменить самому себе.

«Не показывай людям ни своей души, ни своего белья».

— Это не дом, а какой-то крольчатник.

— Репутация – какое это верное средство для устрашения глупцов.

— Лицо замкнутое, каким было и в двадцать лет, он словно на всю жизнь загримирован сорокалетним.

— Она должна бы жить где-нибудь в Сибири, раз от неё веет на нас таким холодом.

— Молодости воспоминания – они как засахарившееся варенье.

— Прямоходящее животное испокон веков только о том и мечтает, как бы прилечь.

— Есть существа, которые в силу обстоятельств, казалось бы, должны значить для тебя меньше, чем они значат; какое-то время мы стараемся проявлять к ним внимание из чувства долга, а потом их жизнь понемногу заполняет твою.

— Сегодня, видимо, в его интересах спуститься с высот, прикинуться любезным. Видимо, ему стоит немалых усилий не разыгрывать из себя важную персону.

— Зачем я буду искать себе оправдания? Да здравствуют мои противоречия, если они мне присущи.

Мамаша, пройдя путь от своего величия до падения, стала смотреть на вещи куда реалистичнее.

Упрямая, настойчивая, целеустремленная, безразличная ко всему остальному. Когда человек уже не может навязывать свою волю, он начинает хитрить, действует исподтишка, продвигается к своей цели не спеша.

— Любишь не того, кого хочешь. Любишь того, кого можешь.

— Дерзай, противопоставляй, излагай, но не уступай никогда.

— Вылазь хоть на минуту из своего холодильника.

Красота, здоровье, власть, богатство и любовь, даже когда они все в наличии, не могут служить залогом счастья, так же как чудесные краски на палитре художника вовсе не служат залогом того, что он создаст шедевр.

— Жалеть мамашу – все равно что пытаться обтесать каменную глыбу.

— Мы запутались и попали в положение, когда естественность уживается с невероятным.

— Ложным положениям я предпочитаю открытые конфликты, если последние могут избавить нас от первых.

— Меня любят, со всех сторон, но каждый любит для себя. Все хотят, чтобы я была бы с ними, и никто не думает о том, с кем хочу быть я.

— Не иметь с человеком дела – значит не знать его.

— Лучше внушать сожаление, чем раскаяние. Я всегда думал, что наказанием ей будет всеобщее равнодушие и презираемая всеми одинокая старость.

Но трудность часто оборачивается преимуществом.

Бог создал людей, они его за это хорошо отблагодарили (с матерями такое тоже случается).

— Разве курицу ценят за то, что она несет яйца? Чтобы нас растрогать, курица должна еще кудахтать.

— Это мой родной край. Каким бы будничным он ни казался, чего бы мы ни натерпелись в нем от своих родственников – место, где мы открыли глаза на мир, незаменимо. Покинуть его, значит разорвать узы со своим детством.

26. О. ШТЕЙГЕР – ПОРТРЕТ УВАЖАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА,

Изд-во «Иностранная литература», 1967 г., М.

— Мать храбро шла вперед с обычным решительным видом и, казалось, готова была взять быка за рога и защищать свое детище от всякой напасти.

Мальчик доказал на деле, что счастье улыбается достойному и что у прилежания, выдержки и знания цели складываются самые прочные ступени лестницы успеха.

— Я всего добился сам! Быть готовым следовать тем советам, которые нам дает жизнь – в этом секрет успеха. Вперед надо смотреть, вперед, а не назад!.. Угнетать или быть угнетаемым! Это закон, которому жизнь ежедневно учит нас на тысячах примеров.

— Я вступил в борьбу, и пусть это стоило мне пота и слез – я остался верен себе.

Я научился быть твердым, я понял, что этого одного мало, что нужно еще быть хитрым, как лиса.

Когда эти правила привели меня к успеху, завещаю сыну:

1. Будь с каждым любезен и предупредителен, пока не знаешь, не может ли он быть тебе полезен.
2. Никогда не общайся с людьми, от которых тебе нет выгоды.
3. Не говори никому, даже доверительно того, что могло бы тебе повредить, попав в газеты.
4. Всегда помни о своей выгоде, и пусть ни просьба, ни слезы не отклоняют тебя от принятого решения. Помни, поле жизни удобрено могилами. Не будь удобрением.
5. Прежде чем истратить деньги, подумай, что ты за них получишь и стоит ли приобретение того труда, который ты должен будешь затратить, чтобы опять заработать ту же сумму.
6. В разговоре старайся казаться простодушнее, чем ты на самом деле. Тогда другие отбросят осторожность, ты их быстрее узнаешь и сумеешь использовать в своих целях».

— Если вы умны, то всегда будете держать мою сторону и не дадите влиять на себя другим. Мне нужен человек надежный, на которого я мог бы положиться. Если вы меня не разочаруйте, вам тоже не придется жаловаться на меня.

— В делах и политике всё сводится к одному: победить или быть побежденным.

— Бетти вовремя вошла в мою жизнь. Она не дала мне превратиться из гордого орла с высоким полетом мысли в почтенную курицу, которая каждый день честно кладет ожидаемое хозяйкой яичко и время от времени даже хлопает крыльями.

— С врожденной мне способностью угадывать необходимое, я тотчас же начал строить планы и намечать пути.

— Цели достигает тот, кто стремится к ней, не зная усталости.

— Пока ты надрываешься один – ты никогда не выбьешься. Только нанимая других, которые станут работать на тебя, ты продвинешься вперед. А для того, чтобы заставить других работать на тебя, нужны деньги и еще раз деньги.

— Мелани, это воплощение нерешительности, во главе предприятия.

— Семейная жизнь – на поверхности все было в порядке, но если представлялся случай заглянуть немного поглубже, соскрести тонкий слой лака общественных приличий, всегда ударял в нос запах тления.

— Неопишное, переливающееся через край мальчишеское чувство радости росло в моей груди.

— Буря за окном и в моем сердце начинала понемногу стихать.

— В делах силу имеет лишь один закон: давить или быть раздавленным.

— Он согласен был с моим образом действий, но сам не решался взять в руки железную метлу.

— Когда на неё орали, она утихомиривалась и уползала в свою раковину, как улитка, если коснуться её щупальцев.

— Напоминала розу на мусорной свалке.

27. МИХАИЛ БУЛГАКОВ – МАСТЕР И МАРГАРИТА,

Госиздат, 1973 г., М.

Булгаков рассказывает читателю и зло смеётся: глупость, лень, ложь, взяточничество, клевета, жадность, демагогия, трусость.

Центральный персонаж «древних глав» безусловно Понтий Пилат. По отношению к нему Иешуа опять-таки страдательная фигура. Ибо хотя каждый камень, брошенный в Иешуа, для писателя пробный камень, основа его отношения к тому или иному герою, но Булгакова во всей истории больше интересует тот, кто может бросать или бросает камни, чем тот, в кого они летят. Булгаковская задача – осмысление той драматической роли, которую Пилат исполняет, согласно легенде, в последние дни Иисуса.

Булгаков, энергично выбрасывая, словно шпагу в поединке, свои антитезисы: а трусость! Пошлость! Предательство, а глупость! А бездушные! Короче, зло во всех его воплощениях. Зло бесчеловечно.

«Эта философская устремленность, столь характерная для мениппеи, пронизывает собою всю структуру романа».

Почти до самой развязки так и не встретившись, Мастер и Воланд вместе вершат суд над добром и злом, но каждый в свое время и каждый по-своему – в соответствии с теми возможностями, которыми наделил их автор. Перед Воландом распахнуты все ворота, опущены все мосты. Хотя перед мастером ворота закрыты, он видит сквозь них, оценивая события точно, очень интимно, с глубокой человечностью. Но ему не дано действовать, влиять на ход вещей.

Писатель насквозь иронический и глубоко лиричный, безудержный фантазер, и трезвый, зоркий, желчный реалист – таков Булгаков во всех своих произведениях.

«Мастер и Маргарита» - роман философский.

«Исправить в его жизни уже ничего нельзя, а можно только забыть».

28. ИРВИН ШОУ – ВЕЧЕР В ВИЗАНТИИ,

«Иностранная литература», №9-10, 1975г., М.

— С самого начала своей карьеры я взял за правило не делать выводов о деле, которое еще не закончено.

— И здесь – Фрейд, он проник даже в кафе Мороженое.

— В разгоряченной атмосфере зала его корректность может произвести неприятное впечатление.

— Говорят, что политика – это умение использовать возможности.

— В том, что касалось работы – своей и чужой, она была пуританкой. Яростно отстаивая собственную независимость, она ненавидела бездеятельность и паразитизм других.

— Пикассо, конечно, гордится своей славой, но почему, когда он ест суп, за каждым его движением должен следить какой-то, немолодой американец.

— Англичане лишь мельком, без любопытства взглянули на Пикассо и его компанию.

— Искусство вечно – признание быстротечно.

— Как хотелось ему подойти к Пикассо и сказать: «Вы сделали мою жизнь богаче»...

— Ни одно животное так не обидчиво, как критик.

— Он гордился и немного забавлялся её беспощадной правдивостью, которую считал признаком замечательной силы характера.

— Дразнят только тех, кого любят.

— Есть же границы и у общества вседозволенности.

— В нем есть какая-то суховатая элегантность.

— В присутствии равных себе я красноречив.

— Я даю интервью, когда мне хочется, а не когда хочется другим.

— Как вы себя чувствуете, - приблизительно так же, как выгляжу.

— В любой компании, даже маленькой, всегда находится человек, служащий центром притяжения, основой её существования, как единого целого – без него она была бы просто скоплением не связанных друг с другом людей.

— Обладает этим редким достоинством – умением не пасовать во время застольной беседы.

— В этом тесном мире соперничества – каналы связи должны всегда оставаться открытыми.

— Он слишком ценил её, чтобы говорить её неправду.

— Вид у него был величественный, властный и угрожающий – вид человека, которому не каждый осмелится перебежать дорогу.

— Фанатическая сверхбдительность опасна. Это от негативного образа мыслей.

29. ДИМФНА КЬЮСАК – ЧЁРНАЯ МОЛНИЯ,

Изд-во «Прогресс», 1976 г., М.

— В их мире преданность и верность мужа считалась чем-то необычным, достойным удивления. А преданность мужчины, который даже не был мужем, - преданность любовника расценивалась не иначе как чудо.

Темпи конечно видела, что измены и горести являются нормой окружавшей её жизни, но считала, что сама она – исключение из этой нормы. Настанет день, думала она, и жизнь скрепит их любовь узами брака.

Если бы я была поэтом, - подумала она, - я бы сказала стихами: «Тело моё напоено мёдом, как доверху наполненные соты».

Темпы ни о чем его не спрашивала. По опыту знала: «лучше не спрашивать – больше узнаешь». Лицо её сохраняло свежесть, кожа была упругой, тело крепким, волосы густыми и блестящими. Но внутри у неё было пусто, пусто, пусто. Теперь она нуждалась не в подновлении красоты, а в чем-то ином, что определило бы смысл её жизни и дало бы ей цель.

— Очарование, подобное вашему, отступает. И мы считаем необходимым привлечь для показа этого нового типа более молодую актрису. Но ведь это для вас не страшно. Мы уверены, что найдется новая сфера применения вашего таланта, новая область, совсем не исследованная – это женщина средних лет. Ведь именно у нее есть лишние деньги, свободное время.. и будем откровенны, она больше нуждается в хорошем портном, парикмахере, косметике, элегантных туалетах.

Вот тогда-то она и поняла до конца, до самой последней горькой капли, как жестоко обходится жизнь с женщинами средних лет, обрекая их на пустое, бесплодное существование, в то время как их возлюбленные становятся отцами детей более молодых соперниц.

Хмурый мир, хмурые женщины, возвращающиеся домой с хмурыми от усталости лицами.

— Если ей не будет сооружен никакой другой памятник, я хотел бы написать здесь: «Посвящается тете Лилиан, которая служила всему миру, недостойному миру, и ради которой её племянник чуть было не написал слово «любовь».

Он имел обыкновение говорить: тот или иной «стоит» столько-то тысяч, хотя ни один из них, как человек, не стоил и подметки тети Лилиан.

— Если хочешь, чтобы ребенок, став взрослым, не чувствовал пустоту там, где должно находиться сердце, нужно еще в детстве дать ему понять, что он тебе дорог. А родители мои никогда к этому и не стремились, я был им нужен лишь как инструмент для игры на нервах друг у друга. Мать любит только отчима и себя. Отец вообще никого не любит. Он мог бы обменять меня на несколько акций какого-нибудь ракетного завода, а мать – на лекарство, гарантирующее ей сохранность красоты тела и фотогеничности лица. Красота. Как ненавижу я это слово.

— Достижения без усилий – это совсем не то, к чему мы стремимся.

— Там только и знают, что трепать языками и напиваться. Трепотни там больше, чем где-либо в другом месте, кроме разве обезьяньих клеток. А какие мысли! Ни один из них не верит в то, что делает. Я давно уже перестал верить газетам, особенно после того, как убедился, что все эти блистательные любимчики прессы, которых я встречаю в доме матери, заставляющие читателей восхищаться их остроумием, скептицизмом или цинизмом, пишут просто-напросто то, что им приказано.

— Астрономия, как и математика, свободна от всякой чувственной мур.

— Он всегда использует то, что считает полезным для себя – и тела и умы других людей.

— Он постоянно внушал ей, что инстинкты женщины более важны, чем её разум. Он вполне доверял её предчувствиям, но совершенно не терпел её мыслей.

— В этом грязном алчном мире стяжателей я нашел для себя чудесную и благодатную математическую логику.

Как втолковать этим ограниченным, вечно занятым деловыми встречами и подсчетами денег людям, что мне куда приятнее проводить вечера в бедной квартирке моего учителя, где все пропахло табаком и горьким черным кофе, где все завалено книгами и мне приходится освобождать от них краешек стола или перекидывать их со стула на пол, чтобы сесть.

Как втолковать им, что мое увлечение математикой, в дополнение к подводным исследованиям, дает возможность моим умственным способностям свободно парить в заманчивых для меня сферах, словно в океане, когда сама глубина облегчает вес моего тела? Но ведь ни то, ни другое не может принести выгоды, а человека, который не ищет для себя выгоды, они презирают, словно гаденыша.

Я был настолько потрясен разницей между высоким внутренним миром человека и его низменными внешними проявлениями, его способностью пойти на любые компромиссы, что в панике бежал, боясь превратиться в умственного импотента.

— Мама прижала меня к себе своими лилейно-белыми руками, изображая материнскую нежность. Я-то никогда ей не верил.

— Иметь протекцию хорошо, но популярность на этом не завоеуешь.

— С какой стати мы должны называть людей «сэрами» лишь потому, что они старше, а стало быть, как правило, и глупее.

— Отец беспрестанно вдалбливал мне в голову, что произведя меня на свет, он получил неограниченное право требовать от меня чего-то.

— Я не терплю когда говорят неправду, но ложь во спасение – совсем другое дело.

Многие пожилые люди живут только своими интересами. Это не имеет отношения к тете Лириан, которая остро нуждается в людях.

Все в Уэйлере принимают меня, каков я есть и считают своим.

— Но вы были еще слишком молоды, чтобы понять: существует противодействие, которое сильнее любых самих веских доводов.

— Чтобы заставить уважать себя, есть только один путь - дать им сдачи.

Тебя будут уважать, если ты сумеешь за себя постоять. Не знаю, лучше он стал или хуже, поняв это и проверив это на деле. Знаю лишь одно: когда я впервые сшиб с ног белого подонка, я наконец почувствовал себя человеком.

— Темпи признала, что он отлично умеет «завоевывать друзей и влиять на умы людей».

— Оба мы сейчас занимаемся жульничеством, стараемся продать себя подороже.

Он кивнул в замешательстве и наклонился еще больше вперед, как будто целиком отдавая ей в дар и себя и свое внимание.

Он пытался запугать её, а раз он пытался запугать её, значит сам испугался.

— Впервые в жизни она отдавала себе ясный отчет в том, что зло – это часть обычной повседневной жизни.

Ей было радостно, что она нашла в себе силы и мужество вступить в неравную борьбу.

— Их головы полны идеями, а у меня в резервации нет места идеям. А мне казалось, что идеи нужно поддерживать и поощрять всегда и везде.

— Поведение Эммы олицетворяло собой протест против убожества окружающей среды, калечащей людей, способствующей их вырождению, а чувство собственного достоинства и уверенности в себе, которым обладала Ева, свидетельствовало о том, что она – человек непокорный и покорить её нельзя.

— Кто это сказал, что важно сделать первый шаг? И правда – собери всю свою храбрость и встреться лицом к лицу с тем, чего ты боишься – страх пройдет сам собой. Теперь она ничего не будет бояться.

Она сидела и думала, сработает ли в ней защитный механизм, или все её самообладание бесследно исчезнет, едва он войдет.

Стоит человеку слегка поправиться – и прежнее впечатление о нем полностью исчезает.

— Ну, будь же честной перед собой. «Зачем ты торчала 2 часа в парикмахерской? Зачем оделась по его вкусу? Разве тебе не хотелось, чтобы именно такой была его реакция? Так воспользуйся этим.

— Ты веришь хоть во что-нибудь?

— Только в то, что надо быть всегда и везде первым.

— Я и подумать не мог, что ты способен отказаться от всего ради каких-то идей, свойственных бабушкам.

Служба научила её: никогда не проси того, в чем крайне нуждаешься. Тот, кто уже много имеет, и в дальнейшем легко получает желаемое, а плохо одетая женщина с самого начала обречена на неудачу, даже если, а может именно потому, что всем совершенно ясно, что ей позарез нужно то, о чем она просит.

Здесь нужна дерзость. Попробуйте подойти с протянутой шапкой и униженно попросить – ворота никогда не откроются.

— Женщина может жить и после того, как лицо её увянет, а любовь уйдет.

— Но можно ли чувствовать одиночество, если ты уже ничего не ждешь от жизни?

30. АЛЕКСАНДР КРОН – БЕССОННИЦА,

«Новый мир», № 4, 1977 г., М.

«Расстояние придает особую выразительность фигурам, и теперь было видно то, что не замечалось вблизи – как он стар и раздавлен горем».

Сперанский

На 70-м году жизни умер П.Д. Успенский, выдающийся ученый и общественный деятель, увенчанный всеми доступными ученому лаврами и действительно их заслуживший; физиолог, оказавший заметное влияние на изучение онтогенеза в нашей стране и за её пределами, красивый человек, до самой смерти сохранивший мощный голос и стремительную походку, певун, танцор, и лыжник, безудержный в работе и в гульбе, равно умевший покорять сердца недоверчивых министерских работников и чопорных кембриджских профессоров, пить водку с сезонниками, строившими виварий, и блистать на пресс-конференциях.

— Умение писать находится в прямой зависимости от умения мыслить, и трудно представить себе настоящего ученого, который нуждался бы в посторонней помощи, чтоб связно изложить то – обычно небольшое – что не было известно до него.

— Правильное чередование труда и отдыха, зарядка, пешие прогулки, зимой лыжи, умеренная еда, минимум лекарств, алкоголь только изредка и в символических дозах.

— Жизнь всегда чему-то учит, теряя одно, мы неизбежно приобретаем нечто другое.

— Надо поторапливаться и это обязывает к жесткой организованности, щадить себя ровно настолько, насколько это необходимо для восстановления энергетических затрат.

— Ни телефона, ни телевизора – этих основных пожирателей времени.

— Я умею заставлять себя работать, и даже бессонная ночь не помешала мне выполнить заданный себе дневной урок.

— Вечером я перечитал свойopus – и убедился в справедливости учения Ухтомского о доминанте – все написанное в этот день никуда не годилось.

— Властный и упрямый, он не обладал самым необходимым для начальника умением – заставлять работать других.

— Грех коллективный, так сказать, групповой, переносится легче, нежели индивидуальный.

Он (Успенский) любил людей забавных.

— Поговорка: «гони природу в дверь, она влетит в окно».

— Пути человеческой ненависти так же неисповедимы, как пути любви.

— За долгие годы я научился не только по выражению лица, но даже по высоте бумажных завалов на письменном столе судить о его настроении – «директор не в духе и у него ни до чего не доходят руки».

— Таков был человек, привезший мне записки от двух дорогих мне женщин. Одну из них он любил. Другая любила меня. Женился я на третьей.

Есть что-то грустное и даже глуповатое в том, что эти, в сущности, неплохие люди теряют так много душевных сил на то, чтоб отравлять друг другу жизнь.

У высших млекопитающих уже есть в зародыше «нравится» и «не нравится». У homo sapiens половое влечение сложно персонифицировано.

— Говорят, о вкусах не спорят, но мы спорили именно о вкусах, и спор перерастал в ссору.

Злость обычно уродует женщину, но Бета не злилась, а гневалась и при этом очень хорошела.

— Киев весной особенно хорош и заслуженно считается Меккой отечественной геронтологии.

— Бета писала письма, но каждый раз меня что-то в них ранило – то краткость, то отсутствие каких-то простых, но крайне необходимых мне слов вроде «жду, тоскую», каких-то обещаний.

— Ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как вежливость.

— Люблю наш институт, люблю его так, как любят женщину или родные края, не за что-нибудь одно, а целиком, безраздельно, со всем, что в нем есть, я не умею отделить тело от души, здание от людей.

— Природа явно намеревалась произвести на свет красавицу, но допустили брак.

— Человек может простить врага – но не свидетеля своей слабости.

— Мне же чертенок понравился. В нем была независимость талантливого человека, то чувство равенства, которое ощущает молодой ученый по отношению к собрату независимо от возраста и чинов.

— Старый хрен, требующий к себе особого почтения только за то, что он старый хрен, нынче просто смешон.

— Чувство личного достоинства у людей, не занимающих высокого служебного положения – я особенно ценю это качество.

— Всякий шаг к примирению он воспринимал как слабость.

— Человек он совершенно невежественный и, как большинство невежд, самоуверенный; то небольшое, что он усвоил, кажется ему пределом человеческого знания.

— Моя раздражительность носит отчетливо возрастной характер.

— Я не мстила за злословие, и постепенно оно стихло.

— Любовь это и есть пристрастие, если женщина беспристрастна, то вернее всего она не любит.

— От горя есть два лекарства – водка и работа.

— Если верить человеку, клятвы не нужны, а если не верить – бесполезны.

— Никто не требует, чтоб вы бросились друг другу в объятия. Достаточно нащупать почву для... коалиции.

— Говорить искренне – всегда производит впечатление.

«Незапоминающимся кордебалетным лицом».

— Для меня по-прежнему существовала только одна женщина, но она была далеко, где-то на другой планете, и разделяли нас не только сотни километров и пограничные заставы, но и прожитые врозь годы.

— Она ревнива, но ей нравилось быть необременительно-легкой и женственно-покорной, она была на все согласна и всем довольна.

Женщина, столь своенравная, смотрела на меня глазами влюбленной ученицы, мне это льстило, была ли это только игра? Не думаю. Жизненный опыт говорит мне, что абсолютная неискренность так же редка, как абсолютная искренность. Большинство эгоистических поступков делается с видимостью убеждения в их общественной полезности и нравственной допустимости.

Природа вообще, а человеческая в частности, почти не знает явлений, которые существовали бы в беспримесном, химически чистом виде.

Будь искренность лишена градаций, была бы невозможна актерская игра и сильно затруднено повседневное человеческое общение. У натур деспотических время от времени возникает потребность кому-то подчиниться, в каждом деспоте непременно сидит глубоко запряженный раб. Весьма возможно, что кротость моей будущей жены не была рассчитанной, Тем не менее, она оказалась куда действеннее и неотразимее, чем нажим или самая изощренная дипломатия.

— Больше всего потрясают неожиданности, которых ждешь.

— Когда у нее появляется цель, для нее почти не существует преград. Отсутствие преград не всегда признак силы воли, неумение себе отказывать скорее признак безволия. Безволие тоже бывает и темпераментным, и агрессивным.

Что же привлекло её ко мне? По всей вероятности глубочайшее равнодушие, проявленное мною при первом знакомстве, равнодушие не наигранное – его женщины превосходно распознают, - а совершенно искреннее, в ту пору я думал только о своих раненых, и когда наступал какой-нибудь просвет - о Бетти. Невыносима сама мысль, что им отказывают в признании, у них появляется неудержимое желание преодолеть, завладеть...

Инстинкт самоутверждения у них гипертрофирован. Образуется некоторая доминанта, мобилизующая все заложенные в характере резервы вплоть до аварийных запасов. Среди этих запасов у Л.В. оказались и ум, и такт, и женственность, и терпимость; эти запасы были выложены до дна, и к победному финишу она пришла опустошенной.

— Главная причина заключалась в ревности, всеобъемлющей ревности к прошлому, к дорогим мне воспоминаниям, к прежним дружеским связям.

Стоило нам съехаться, как выяснилась наша полная бытовая несовместимость.

— Парень же был избалован до такой степени, что уже не умел относиться к взрослым иначе как свысока. С моей точки зрения покупать любовь ребенка ничуть не нравственнее, чем покупать любовь женщины, пожалуй, даже хуже. как всякое развращение малолетних. Взрослые, считающие, что маленький ребенок ничего не понимает и поэтому при нем можно говорить все что угодно, проявляют ту самую наивность, которую они приписывают детям. Люди, неспособные за время обучения в институте сносно овладеть каким-нибудь иностранным языком, забывают, что ребенок в возрасте до 5 лет в совершенстве усваивает любой язык со всем богатством грамматических форм. Принято думать, что детям доступны только ясно выраженные мысли. Нюансов они не понимают. Это ошибка. Дети отлично разбираются в подтекстах, даже если им непонятен самый текст. В этом отношении они напоминают собак.

— Воспитатель, имеющий только обязанности и никаких прав, становится игрушкой в руках воспитуемого.

— Есть какая-то разница между женщиной, которая раздевается для тебя, и женщиной, раздевающей при тебе, обращая на тебя не больше внимания, чем на вешалку.

Упрямый характер внешне почти неотличим от волевого, разница в том, что, настаивая на своем, упрямец обычно утрачивает представление о цели, теряет способность корректировать свои действия в соответствии с изменяющейся обстановкой, у него отсутствует то, что в современной науке называется обратными связями.

Хотеть нравиться иксу и при этом делать все, что этому иксу не нравится – типичная психология упрямства.

— Когда она такая чужая, я особенно ощущаю её привлекательность.

Успенский его ценит, во-первых, за честность и преданность, но еще и потому, что он его бесконечно забавляет.

План его напоминал блестящую многоходовую шахматную комбинацию.

Надо было опустить существенное и допустить невозможное, а это не получалось.

— Я знаю немало людей, которые любят, чтоб им мешали. Помехи служат для них оправданием собственного бездействия, или неудач. В основном это лентяи.

Парадокс – истина, не сразу распознаваемая. Истина, похожая на ложь. У парадокса есть могущественный антипод – софизм. Ложь, похожая на истину. Мы с легкостью проглатываем софизм, но настораживаемся, почуяв запах парадокса. А парадокс самый безобидный: для того, чтоб быть по-настоящему бессмертным, человек должен обладать не существующей в природе механической прочностью, не гореть в огне, не тонуть в воде и не поддаваться жесткому радиоизлучению. Вам нажужжали в уши про американские секвойи, которые, видите ли, живут сотни лет, но при этом почему-то забывают, что секвойи так же подвержены стихийным бедствиям, а главное, их так же можно спилить, как любое другое дерево.

— Я не вижу ничего привлекательного в том, что в век шагающих экскаваторов и электрических кранов кто-то, надуваясь и пыхтя, пытается поднять за одну секунду двести

или триста килограммов. Для крана это мало, а для человека слишком много и совсем не полезно.

— Шаляпин не любил Чайковского, почти никогда не пел. Он любил Мусоргского. Горький не любил Достоевского. Толстой не любил Шекспира.

Пушкин сказал – Отелло не ревнив, он доверчив. Вот и доверял бы Дездемоне.

— Мое нежелание разделить скуку и неудобство стояния на очереди, было расценено, как барский индивидуализм.

«Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Физическое разрушение еще полбеды – ослабление умственной деятельности и склеротические изменения характера зачастую обгоняют общее увядание организма.

Старость редко красит, однако замечено, что некрасивые, но внутренне значительные люди к старости хорошеют, а пустота и хищность профессиональных красавцев и красавиц обнажаются с возрастом в формах почти карикатурных.

— Хороший человек мыслит, как бы себя возвысить, плохой – как другого унижить, а корень один.

Сигналы из внешнего мира доходили до него ослабленными.

Выраженный склероз. Характерные явления распада личности: ослабление обратных связей с окружающей средой на почве ухудшившегося кровоснабжения мозговых клеток. Сделать ничего нельзя.

Там где личность подавлена, угнетена, унижена, неизбежно преждевременное старение.

— Одно и то же воздействие проходит почти незамеченным у одного и вызывает тяжелейший стресс у другого.

Возникло обывательское представление о стрессе, как о чем-то губительном, как о вредном потрясении. Это неверно. Понятие стресса не имеет раз навсегда данного знака минус. Активно живущий организм не может не подвергаться стрессовым раздражениям, и способность сопротивляться им – один из признаков нормального развития. По наблюдениям, наиболее губительны для всего живого те коварные стрессы, которые обрушиваются на организм, только что перенесший стресс и еще не полностью вышедший из стрессового состояния. Это стресс-подножка. Роль стресса и так называемых отрицательных эмоций в старении человека чрезвычайно велика, исследовать их трудно, сравнительно легко поддаются наблюдению и анализу тяжкие потрясения, разом старящие человека на несколько лет.

— Уединение никогда не бывает полным, и всякий монолог содержит в себе зародыш диалога. В любых наших размышлениях незримо присутствует какой-то оппонент;

Самоотверженность есть высшая форма самоутверждения. Ставя под удар свое физическое существование, человек становится выше инстинкта самосохранения, утверждая тем самым свою волю и свою духовную сущность. Животное не знает ни подвига, ни преступления, ни самопожертвования. Кстати, не знает и самоубийства – слухи о самоубийстве скорпионов не подтверждаются.

Самоотверженный труд, как повседневное явление – либо газетный штамп, либо, что гораздо хуже, нечто противоречащее и физиологии, и социальным идеалам человечества; труд вопреки жизни – нонсенс, для труда надо создать оптимальный режим и обеспечить стойкую работоспособность в течение долгих лет жизни.

— В отличие от животного человек горд, ревнив, завистлив, мстителен, властолюбив, честолюбив.

Завидовать, значит поставить себя ниже того, кому завидуешь.

Но кто сказал, что зависть – свойство непременно низких душ? Бедняки завидуют богачам. Мальчишки завидуют героям – эта зависть рождает новых героев.

Выйти на честный поединок, поставить свою личную честь и достоинство выше жизни – как способ мести, это все же лучше, чем кляуза или донос. Кстати, не думайте, что дуэль исключительно дворянское измышление...

Оскорблять по-французски – «insulter».

— Преступно не желание власти, а злоупотреблять властью.

— Старообразность гоголевского Акакия Акакиевича не от малой калорийности пищи, а от постоянной униженности, в то время как секрет необычайной крепости старика Антоневи́ча в несокрушимом чувстве собственного достоинства.

«Ставить свое достоинство, право уважать себя выше других благ, выше самой жизни – один из главнейших признаков человечности» (об этом писал Луначарский).

«Я хочу изобразить все равно какого среднего человека, все равно в какой стране, человека, который изо всех сил рвется к человеческому достоинству» - это пишет великий Чаплин. Для Эйнштейна Чаплин был велик, для всех он только шут.

— Не всегда удастся сразу перестроить лицевые мышцы; неприступность в соединении с растерянностью дают, вероятно, эффект комический.

— Не всякая женщина, даже очень красивая, сохраняет свободу и изящество на середине любой площадки, но Бете не нужны подпорки, везде – в выставочном зале и в фойе театра, на корме и на вокзальной площади – она свободна и естественна.

— По-английски говорил плохо, но отважно.

— Он все время смеялся, иногда без достаточного повода, но французы вообще смешливее нас.

— Сидевший за рулем седой и морщинистый человек в возрасте, который современная геронтология любезно трактует, как второй пожилой.

Люди «первого и второго пожилого возраста».

— Он был до невежливости молчалив.

Когда бесценный божий дар, будь то красота или талант, продается за деньги – это и есть проституция.

Не спешить – первая заповедь всякого исследователя – не суетиться.

— Я верю, что мой искупитель жив и я вновь воскресну, обрету свою плоть и увижу бога в моем сердце.

«Были любопытны, как обезьяны».

Талейран о бездетных: «Это больше чем преступление, это ошибка. Мы живы в наших детях».

— Шеф был в своем репертуаре – удивлять и ничему не удивляться.

— Расспросы почти всегда настраивали его агрессивно, всё, чем ему хотелось поделиться, он рассказывал, не дожидаясь, пока его спросят.

— Он возненавидел нашего водителя, он мог простить всё, кроме равнодушия.

На склепе и живопись, и скульптура были бы здесь бессильны и даже бестактны, только архитектура и, может быть, еще музыка – способны передать безмерность преступления и общечеловечность скорби живых.

— Самоубийства редко имеют одну причину, чаще всего их несколько, и достаточно выпасть одной, чтоб оно не состоялось.

— Цвета не было, он только угадывался, сгустившиеся сумерки притушили зелень, живопись померкла, выступила графика.

— Умение делать малое масштабным, а просторное обозримым.

— Руки, будто созданы, чтобы ломать подковы.

— Какой-то дьявол сталкивал нас лбами.

Чехов – «краткость – сестра таланта».

«Дольше живут – дольше болеют».

В библейских «десяти заповедях» - есть несколько пунктов, не потерявших актуальности и сегодня.

— Учитель и врач издревле пользуются особым уважением людей, еще бы, учителю доверяем душу, врачу – тело.

— Есть что-то знаменательное в том, что одна из первых международных встреч ученых, посвященных защите жизни, происходит в городе, начертавшем на своем щите «колеблется, но не тонет» - гордый девиз, который в наше время мог бы стать девизом всей нашей планеты.

— Только кретины воображают, будто человек, обладающий властью, всегда делает, что ему хочется.

— Утомительно жить среди людей, у которых на совести нет ни пылинки, «потянет на протоиерея, на архиерея не потянет».

Наполеон немислим без Фуше, так же как Гитлер без Гиммлера.

Наполеон везде – от Вандемской колонны до коньячных бутылок. А имя Пастера перестали писать даже на бутылках с пастеризованным молоком.

«Он мог быть ученым, а стал императором, какое падение» - Курье о Наполеоне.

— Отрава во все времена стоила дороже хлеба.

— Человек, которому в качестве инструкции нужны «Сто различных способов любви» - болван и заслуживает, чтобы с него драли шкуру.

— Для меня обнаженная женщина возлюбленная или пациентка. Третьего не дано.

— Что же ты пишешь? - «Всё, кроме стихов и доносов».

— Наша сознательная жизнь движется по спирали, которую большинство по дурости принимают за прямую линию.

— Старость – это, прежде всего, неспособность начать новую жизнь.

— Когда у товарища есть меньше всего основания для самодовольства, подкатывает круглая дата и устраивается нечто вроде генеральной репетиции его будущих похорон.

— Он талантлив, а талант налагает ответственность, а не освобождает от него.

«Гордость – великий грех».

— В науке он нуль. Но он человек дела. В Америке он был бы боссом, продюсером или... занимался бы наукой, как бизнесом, не претендуя на ученость.

— Что бы ни подумала она сейчас о моем позорном бегстве, это все же в тысячу раз лучше того, что она будет думать обо мне завтра, если я останусь.

— Тебе достался не совсем заурядный мыслительный аппарат. И разрушать его – вандализм, преступление.

— Отвечать ответственно – тавтология, но в данном случае вполне уместная.

— Я не защитил диссертации – и тем самым не умножил своей персоной унылое сообщество «вечных кандидатов».

— Три – идеальное количество людей для принятия эффективных решений, от римских триумвиров до современного суда.

— Ты знаешь, отчего слоны долго живут? – оттого, что никогда не выясняют отношений. Но слоны не делают многого другого, например, не топчут друг друга.

— Во всех нас живет древнее убеждение, что человек «преломивший хлеб» с другим человеком, тем самым скрепляет с ним какой-то неписанный договор.

— Искренность иногда впечатляет больше, чем правота. Я не чувствую себя сломленным, но я в нокдауне.

События, развивающиеся с провинциальной неторопливостью, обрели темп, обозначаемый в музыке «presto» (быстро) на пределе физических возможностей исполнителя.

«Милые бранятся – только тешатся».

«Парадокс – истина в неожиданном обличье. Гений – парадоксов друг» - Пушкин.

— Чтобы взять своего партнера за горло, это значило бы стать с ним на один уровень, а может быть и ниже.

31. МЕША СЕЛИМОВИЧ – ДЕРВИШ И СМЕРТЬ,

Изд-во «Прогресс», 1978 г., М.

— Потребность сильнее корысти и разума

— Мне сорок лет, это плохая пора: ты еще достаточно молод, чтоб испытывать всевозможные желания, и уже настолько стар, что не имеешь возможности их удовлетворить. Угасают волнения, силой твоей становятся приобретенные привычки и ясное сознание, что ты уже ни на что не способен. А я берусь за то, что следовало давно сделать в пору буйного расцвета, когда хороши все пути, а все заблуждения столь же полезны, сколь полезны и истины. Жаль, что я не старше лет на десять – старость удержала бы меня от бунта, или не моложе – тогда мне было бы безразлично. ведь тридцать лет – это молодость, так я думаю теперь, безвозвратно удалившись от нее, молодость, которая ничего не боится, даже самое себя.

— Горе нам, если мы не послушаемся голоса заговорившей совести.

Грешные мысли – как ветер, от них не скроешься.

В чем набожность, если нет искушений, которые следует преодолевать? Человек – не бог, и его сила в том и заключается, чтоб преодолевать свою природу, так полагал я, а если нечего преодолевать, то в чем тогда заслуга?

— Я люблю Текию за то, что могу скрыться в тишину двух моих комнат, могу побыть один, отдохнуть от людей.

Земная жизнь обманчива, вечность лучше.

Смерть – лишь переселение из одного дома в другой. Ведь это не исчезновение, а второе рождение. Подобно тому, как лопается яичная скорлупа, когда цыпленок набирается сил, так и душе приходит время расстаться с телом. Ибо смерть неизбежна при переходе в иной мир, в котором человек достигает своего расцвета.

— Смерть – исчезновение материи, а не души.

Истинно верующий не смеет поддаваться отчаянию и малодушию.

Постижение божьей мудрости доступно лишь избранным, немногим... А что остается нам? Постигнуть то, что возможно. Если воробей не в силах проглотить кусок, как птица Анка, он съест, сколько может. Кувшином не вычерпать море, но то, чтохватишь – это тоже море.

— Существует безошибочный и простой способ уменьшить свою муку, даже вовсе избежать её: обратить ее во всеобщую.

— Доброе слово – что прекрасное дерево, корни его уходят глубоко в землю, а ветви неба касаются.

Действовать – значит, уже разменивать добро на зло, уже отдать себя какой-то иной логике, уже идти к гибели. Не действовать? Духовная эволюция героя романа – отказ от действий. Это острое переживание того, что всякое действие есть ущерб духа. Это оцепенение духа.

Шейх Ахмед ненавидит мир за то, что в мире приходится действовать, а действие есть неизбежно поражение духа, его растворение в материи».

«Бесконечная скука заурядности»...

Дервиш трагически наделен остротой зрения. Он видит не только зло в людях, он видит также, что никто из людей не хочет быть злым. Они все, даже эти трое «всесильных», пытаются избежать осложнений и больше всего на свете хотят, чтобы проситель не вынуждал их к отказу. Человек не зол, но бесконечно слаб и далек от другого человека. Он вовсе не ищет случая предать (и даже) он предает как-то по инерции, по невольной мягкости, он настолько размягчен страхом, что даже сам не замечает, как предает.

Лейтмотив I части романа – это предательство по слабости, предательство по мягкости, человек одуванчик, дунь – нет его.

— Достоевский убеждает, что писание есть поиски невозможного потому, что невозможно дойти до дна человеческой души, человеческое достоинство трагически утверждает себя в условиях, подчас совершенно невозможных для достоинства.

Трагизм романа не в том, что потерявший веру человек проигрывает, а в том, как потерявший веру человек начинает автоматически принимать навязываемые ему правила борьбы.

Человек до конца проходит свою муку. Средний человек, признавший свое бессилие, он жизнью расплатился за это признание, за то, что дрогнул, за то, что разменял любовь на ненависть.

Есть в бессильной твари что-то, что сильнее твари.

32. ДЖОЗЕФ ХЕЛЛЕР – ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ,

Изд-во «Прогресс», 1978 г., М.

— Это люди дружелюбные, неторопливые и удовлетворенные, они похожи на мертвецов.

— Мне ничего не стоит рассмешить Джейн в любую минуту, а ведь это уже половина победы.

— Самые толковые и добросовестные служащие, они же и самые легковверные и наивные.

— Неважно, правда это или нет, важно, чтоб люди думали, будто это правда.

— Умен, по-моему, тот, кто знает, что на самом деле он глуп, а честен – кто знает, что на самом деле он обманщик. А тот, кто убежден, что он умен, на самом деле глуп, - прихожу я к мудрому заключению.

— Мне приятно, что он мне не доверяет, от этого невероятно возрастает моё самоуважение и я успокаиваю его не слишком горячо, лишь в силу необходимости.

— На земле не прижился и вознесся в небеса.

— Работа доставляет мне удовольствие, когда мне поручают что-то большое, очень важное, несколько пугающее, что привлечет внимание многих. Под этим бодрящим нажимом обычно уж не ударю лицом в грязь, и такая вот работа для меня – удовольствие.

— Но между высотами дерзновенных усилий и душевного подъема тянутся болота однообразия и отчаяния.

А после каждого такого взлета следует резкий упадок настроения.

Чуть ли не в самом низу моей диаграммы я помещаю тех, кто изо всех сил старается взобраться наверх.

— То, что меня лишили права выступить, бросалось в глаза, оскорбление намеренно нанесли, публично.

«Хватит дуться» – распорядился он с той беззаботной улыбочкой невинного самодовольства, которая появляется у него, когда он знает, что кого-то глубоко задел.

— Я такой же мелкий, как и вы, а потому отберу у вас эти три минуты и сам скажу все, что надо, про вас и ваш сектор.

— Я нужен был ему, чтобы он мог не спеша осмотреться, а едва подвернется случай подойти к кому-нибудь поважней, он тут же меня бросит.

— Он сказал, что отличный прием, оказанный моим проектам, которые подготовлены мной без его ведома и помощи, лишь доказывают, какой он великолепный администратор.

— Он на внутрислужебной тактике собаку съел.

— Унижаться он готов, но не без толку. После на него находит какой-то стих, и он нарочно оскорбляет какого-нибудь туза: надо же восстановить свою гордость и достоинство, которые сам и уронил. Он – дитя малое.

Грин хотел бы, чтобы его обожали, и пугливо цепенели.

— У меня есть сотрудники, от кого я не прочь отделаться, но я стараюсь ничем не выдать своего отношения к ним.

— Очень много есть людей, с которыми я рад бы быть резким, но на это у меня не хватает характера.

— Грин славится своей прямоотой и зловредностью, он предпочитает произвести плохое впечатление, чем никакое.

— Чем сильнее мы их не выносим, тем более по-родственному стараемся держаться.

Такое обращение принято с теми, кто стоит на иерархической лестнице не более чем двумя ступеньками выше.

— На опыте убедился, что всегда лучше, безопаснее и вернее соблюдать расстояние между начальником и подчиненной, администратором и сотрудницей, даже в постели.

— Почти все, кто достигает верхов, люди необычайно трудолюбивые, даже если они больше ни на что не способны.

— Сгоряча раскачивает лодку, а после пугается, что утонет.

— Он с нарочитой учтивостью подчеркивает свое интеллектуальное превосходство.

— Я могу перенести хорошие манеры, могу перенести хорошее воспитание, но и то, и другое сразу – это уже слишком, они выбивают меня из колеи.

— Человек он дельный, опытный, но теперь это уже неважно. А вот что у него нет стиля – это важно. Он не умеет держаться.

— Он такой парвеню, что даже не понимает смысла этого слова.

— Он считается хорошим главой нашей торговли, но это мало что значит. Он всерьез воображает, будто то, как он работает, важнее того, каков он сам, и конечно же ошибается.

С людьми того же ранга и выше он чувствует себя не в своей тарелке. С подчиненными ему тоже неуютно. Он пытается выдать себя за одного из них. Это большая ошибка – его агенты и администраторы вовсе не считают его за своего. Для них он начальство, и они чуть ли не всецело в его власти, все, кроме нескольких агентов из хороших семей – эти, не в пример ему, с легкостью входят в круг высших служащих фирмы, от которых всецело зависит он сам, и оттого он чувствует себя в ловушке, между двух огней».

Не давать спуску своим подчиненным (быть для них пугалом) он предоставляет Дж. Брауну, к которому относится с опаской и недоверием. И Браун исполняет эту роль умело и со вкусом. Оттого, что Браун так успешно запугивает агентов, Кейгл лишь еще сильнее ощущает шаткость своего положения и еще меньше может управлять ходом событий.

Кейгл отчаянно добивается любви и признания всех этих «жуликов» и сукиных сынов» и «паршивых лодырей», что работают у него под началом, даже делопроизводителей, секретарш, и лезет из кожи вон, чтобы завязать с ними беседу, а они его за это презирают. Чем больше они его презирают, тем лучше он старается с ними обходиться, и чем лучше он с ними обходится, тем больше его презирают.

Кейгл потерял веру в себя, это может дорого ему обойтись, ведь у нас в фирме, как и повсюду, люди не больно жалуют неудачников и не жалеют их».

— Оттого, что Энди Кейгл хорош со мной и я его уже не боюсь, я тоже слегка его презираю.

— Не старайтесь быть добрым малым для всех своих подчиненных, хватит. Не получается у вас это и никому это не нужно. Вы – администрация. Агенты ваши враги, а не дружки, и вам положено быть их врагом и не давать им спуску.

— Но это ведь нелегко, правда? - Оттого вам так много и платят.

— Нам нужно, чтоб вы руководили. Вы человек преданный, разумный, толковый работник, и у вас хороший характер. Судя по всему, вы хорошо разбираетесь в политике и стратегии бизнеса, находите общий язык с самыми разными людьми. Вы дипломатичны. Вы

принципиальны, чутки и производите впечатление хорошего администратора. Этого достаточно, чтобы придать вам храбрости?

33. АЛЕКСАНДР МУЛЯРЧИК,

Рецензия к роману Хеллера «Что-то случилось», 1980 г., М.

Откровением, передающим «истинный дух нашего времени», книгой, «исполненной всеобъемлющего, чудовищного пессимизма», назвала американская критика опубликованный осенью 1974 г. роман известного прозаика Джозефа Хеллера «Что-то случилось». Они отражали основную отличительную особенность талантливого, чрезвычайно сильного по своему эмоциональному воздействию произведения.

Автор каждый раз задает себе вопрос: в чем причины духовной неудовлетворенности и растерянности, ложащихся столь тяжелым грузом на плечи его современников и соотечественников?

Главное условие существования Боба Слокума – у него есть своя работа, свое жалование и свои маленькие радости.

В романе проступают очертания больших, общезначимых проблем современности. В их числе – одна из наиболее унижительных и быстро прогрессирующих болезней нашего века, имя которой – обезличивание, утрата человеком (вначале в восприятии окружающих, а потом и в своем собственном) веры в высокое назначение и уникальность своей личности».

Роман читается, как дополнение к небезызвестному «Закону Паркинсона».

«Каждый боится каждого» – таков главный принцип иерархии буржуазного чиновничества, перекликающийся с бессмертными обобщениями Гоголя, Щедрина и Достоевского. Страх этот чаще всего не имеет конкретного адреса, он не является проявлением инстинкта самосохранения или защитной реакцией против явственной угрозы, но его невозможно преодолеть, подчинить голосу разума.

Практический опыт, деловой талант, желание работать – всё отходит на задний план перед «стилем», то есть чисто внешними показными качествами: манерами, способностью завоевывать нужных друзей, быть своим человеком среди власть имущих. Те, кому не по силам или не по вкусу этот неписанный кодекс, становятся чем-то вроде белой вороны, и над ними нависнет угроза потери немалых привилегий. Таков удел ближайших коллег Слокума – Грина и Кейгла, каждый из которых на свой лад не соответствует общепризнанным законам.

Джек Грин, непосредственный начальник Слокума, быть может, образованнее и начитаннее многих в фирме, но из-за своей независимости он наживает больше врагов, чем друзей. Кейгл, напротив, парвеню, не окончивший даже колледжа, но совсем не плохо разбирающийся в деле, к которому он приставлен. Его дни в фирме, однако, сочтены. Кейгл неуклюж и неотесан в кругу «красивого люда», к которому в 60-70-е годы стремится принадлежать каждый «настоящий американец». Простоватому заведующему торговым отделом недоступна магия, высоко возносящая посредственность.

О молодежи: «Ни один не чувствует себя счастливым, они не знают, кем и чем стать, когда вырастут, у них нет кумиров, ни один не хочет стать президентом США, начальником, председателем... и в этом виноваты не родители, а «целая культура, окружение, эпоха, прошлое».

34. КОЛИН МАККАЛОУ – ПОЮЩИЕ В ТЕРНОВНИКЕ,

Госиздат, 1980 г., М.

— Это «ответ Австралии на вызов, брошенный «Унесенными ветром» Маргарет Митчелл.

Романистка словно бы уловила внутреннюю потребность читателя, уставшего от нравственного нигилизма и «вседозволенности», явно истосковавшегося по литературе, утверждающей высокие моральные ценности, содержащей примеры человеческой доброты, любви, преданности.

— В семье Клири выявляется родовое, самобытное, то, что станет генетически «проходить» сквозь поколения: трудолюбие, внутреннее достоинство и основание – фамильная гордость, едва ли не главная пружина поведения этих людей.

Фиона – сдержанная, немногословная, гордо носящая свою тайну, никогда не жалующаяся на судьбу.

Мери Карсон – несущая черты мрачной злодейки.

— Старая кельтская легенда о птице, бросающейся на острие шипа и поющей перед смертью удивительно прекрасную песню: «Все лучшее покупается лишь ценою великого страдания».

— Каждый свой день он начинал с того, что приказывал себе не умирать – и кончал торжествующим смехом оттого, что всё еще жив.

— Какой мыслящий человек не знает сомнений? Оттого-то подчас я и ощущаю пустоту.

— Совершенство в чем бы то ни было – скука смертная.

— Нет, играть в жизни вторую скрипку – это не для Мери Карсон. И она отреклась от радостей плоти, предпочитая оставаться самовластной владычицей.

Но когда стукнуло 65, в этом есть что-то зловещее. Вдруг понимаешь, старость это ни что-то такое, что может с тобой случиться, - оно уже случилось.

— Фия и Мэгги одарили его несказанно нежной улыбкой – так улыбаются женщины только самым дорогим и любимым.

— Поступай как велено, не то будешь проклят вовеки (катол. церковь)

Этому угрюмому сердцу не хватало внутреннего света.

Если дни её долги и горьки, ибо она потерпела поражение, терпеть надо молча. Она не сама выбрала Пэдди, но лучше Пэдди нет и не было человека на свете.

Для женщины родиться скорпионом – это хуже нет. Дьявола дочки - вот они кто!

— Каким блаженством было бы хоть раз в жизни не скрывать того, что чувствуешь. Но привычная выучка и благоразумие въелись ему в плоть и кровь.

— Я умру, когда сама захочу, и это никакое не самоубийство. Наша воля к жизни – вот что нас держит.

— Я вас побью вашим же оружием.

Это убеждение опирается не на доказательство, оно опирается на веру. Вера – вот на чем стоит католическая церковь. Если нет веры – нет ничего.

— Старость – самое жестокое мщение, которое на нас обрушивает мстительный бог. Почему он заодно не старит и наши души?

— До чего хорошо, когда ни от кого не зависишь.

— Любить способны только женщины да те мужчины, в которых есть что-то женское.

Древние греки считали, что безрассудная любовь – грех перед богами. И еще помните: если кого-то вот так безрассудно полюбить, боги ревнуют и непременно губят любимого во цвете лет. Любить свыше меры – кощунство.

Смирения – вот чего вам недостает, а ведь именно смирение и создает великих святых – и великих людей тоже.

Каждый поет свою песенку и уверен, что никогда мир не слышал ничего прекраснее.

Ни один человек на свете, будь то мужчина или женщина, не видит себя в зеркале таким, каков он на самом деле.

Суть не в богатстве и не в славе, а в том, чтобы раскрыть себя.

— Пожалуйста, без луны и роз. Я не создана для нежностей, меня от них тошнит.

— Я никогда, никогда никого не полюблю! Только попробуй полюбить человека - он тебя убивает. Только почувствуй, что без кого-то жить не можешь – и он тебя убивает.

— Взываю к тебе, о господи, услышь меня, приклони слух твой, внимли моей мольбе. Не оставь меня, ибо ты мой владыка и повелитель, а я смиренный твой слуга. Только в тебе исцеление, только в тебе я обретаю покой.

И еще злая насмешка судьбы: человек одарен редкой красотой, а горюет об этом, как о жестокой помехе, словно он – калека.

— То ли он великолепно научился сублимировать свои страсти, то ли в этом теле не хватает чего-то существенного, что вырабатывается только мозгом. Вероятней первая причина, недаром Дэн постоянно занимается каким-нибудь спортом.

— У англичан чай среди дня – самая важная трапеза.

— Должно быть, семена нашей гибели посеяны еще до нашего рождения.

— Честолюбец обычно выбирает себе какую-нибудь размазню, знаю я эту породу; «Да, милый, нет, милый, я все сделала, как ты велел. Будь я вашей женой, я бы вас послала куда подальше».

— Когда на неё обращались чьи-то упреки или неодобрение, она попросту выключала некое внутреннее слуховое устройство.

На диво сдержанная – замкнута, запечатана наглухо, точно джин в бутылке.

Дом – это тупик, и любовь – тупик.

При встрече они увиливают от разговоров с ней. Теперь она понимает – не то, чтобы она им не нравилась, просто они чувствуют, что она очень другая, и им с ней неловко.

Всем её существом верховодит трезвый, эгоистичный и логичный рассудок.

— Странные они люди. Не любят ни с кем делить свое горе, предпочитают оставаться наедине со своей болью.

— У меня хватает мудрости понять, что гордость – не лучший спутник одинокой жизни.

35. ПАВЕЛ ВЕЖИНОВ – ИЗМЕРЕНИЯ,

«Иностранная литература», №2, 1981 г., М.

— Разминувшись со смертью, люди всегда становятся добрее и мягче.

— Все считают меня светлой головой, блестящим ученым. И только я один знаю, насколько это неверно.

— Но у нас ничего не получится, если я не буду с вами до конца откровенным.

По природе я картезианец, рационалист, логик, то, что работает в моей черепной коробке, слишком активно, чтобы я мог верить в какие-то иллюзии и химеры.

Я способен возненавидеть человека с первого взгляда и обычно не ошибаюсь. Могу категорически отвергнуть какую-нибудь гипотезу – из внутренней апатии.

— Я прекрасно понимал профессора, который зубами и когтями защищал свой крохотный научный капитал, свою тощую сберегательную книжку.

— Меня всегда поражало физическое, по сравнению с человеком, совершенство и законченность животных.

— Я человек вовсе не тщеславный и отнюдь не жажду поклонов. Скорее я сам поклонюсь первым, чтобы избежать этой малоприятной церемонии.

— К страданиям люди привыкают быстрее, чем к радостям.

— Когда играешь в кости с судьбой, нечего высчитывать очки. Все равно, хочешь ты или нет, она бросит кубик по-своему. Как и положено судьбе, она интересуется только собой. И все же не может ничего изменить. Она беспомощнее нас самих, такова истина.

— Человеческая жизнь коротка, не успеешь открыть глаза, как приходится закрывать их навсегда. Некогда даже осознать самого себя, а уж тем более подвести итог своим человеческим свершениям.

— Уныние первый признак надвигающейся старости.

Оглядываясь назад, я не вижу ничего, что стоило бы запомнить – ни подвигов, ни падений. Ничего, кроме однообразного вращения будней, которые, как мельничные жернова, с каждым днем крутятся все быстрее и быстрее. И может быть, все чаще впустую. Занят, тороплюсь, никак не могу – так я обычно отвечаю на телефонные звонки. Чем ты занят, куда спешишь, человек? Как куда, на собрание, разумеется, на симпозиум, на какое-нибудь пустопорожнее заседание ученого совета, чтобы автоматически поднимать руку.

— Если мы чего-нибудь не знаем, то вовсе не значит, что этого вообще не существует.

Ее беспощадный ум не признавал ни лжи, ни компромиссов. Ее истины были суровы, прямы и жестоки.

— Природа сильнее и разумнее человека. То есть против нее идти можно, но из этого ничего не выйдет.

— И никогда не ждут милостей от жизни. Всё, что ожидаешь извне, нужно заслужить и создать самому. Никакой бог не вспашет тебе поля, не вытащит из могилы.

Книга жизни написана раз и навсегда, и ничто не может изменить того, что в ней начертано.

— Самонадеянность - верный признак глупости и слепоты.

— Небытия не существует, все есть бытие.

— Человек, не прошедший через счастье и горе, через слезы и смех, через любовь и дружбу – страшен.

— Я не люблю относиться к людям по-человечески – чтобы не выглядеть потом наивным. В этой черте человеческого характера, как бы привлекательна она ни была, мне виделось нечто обидное. Это создает опасность, что это чувство может атрофироваться.

Вежинов верит, что человек прекрасен лишь тогда, когда он совершенен, когда разум и чувство в нем взаимно дополняют, обогащают друг друга, верит в то, что эмоциональная недостаточность, слепота и глухота не только уродливы, но и смертельно опасны.

— Человек должен стремиться не разрушать, а создавать человека, быть внимательным и терпимым к другому, самому стремиться и увлекать других к духовному обогащению и тем противостоять силам вне и внутри человека, толкающих к стандартизации души, обезличке и одновременно к самодовольству и снобизму.

36. ПАВЕЛ ВЕЖИНОВ – БЕЛЫЙ ЯЩЕР,

Изд-во «Правда», 1982 г., М.

— Мать вызывала у него хоть какой-то интерес, её отчужденность и холодность импонировали ему гораздо больше.

«Он никого и ничего не любит (Несси), разве это человек?».

— Несси не может иметь никакого другого отношения, кроме презрительного.

Несси знал, что из всех развитых животных только крысы нападают на себе подобных, но и то очень редко. Что же заставляет человека, одаренного всемогущим разумом, опускаться даже ниже, чем крысы? Задача с неопределимыми неизвестными, алогизм, свинство.

Между ними воцарился мир, как это бывает у насекомых, которые, никого не замечая и не мешая друг другу, ползут по своим делам. Алекси остался совсем один в окружающей его пустоте.

Этот тип холодных рациональных людей, вероятно, нуждался в особо сильных возбуждающих средствах.

«Все хорошо, все благо, что может вытеснить пустоту – даже разочарование, даже обида и унижение». А эта молодежь его всего лишь раздражала, не больше. Или правда, что в мире действительно произошла так называемая сексуальная революция? Нет, глупости, какая там революция? Можно ли называть революцией нахальство, наглость, бесстыдство? Можно ли хоть как-нибудь связать это со свободой, с нравственностью? А уж о более или менее настоящем чувстве вообще не может быть речи.

— Для человека нет стимула более действенного, чем разнообразие.

Бедное воображение хуже бедной жизни.

— Нет у нас выхода никакого. Нам остается только сдаться – полностью и безоговорочно (имеется в виду молодое поколение). Потому, что любое наше действие кончится для нас бесславным поражением. Мы можем потерять всё и прежде всего наших детей.

— Послушай, ведь, в конце концов, это наши дети. Чего ты хочешь? Объявить им войну? Испортить всем жизнь? Кто от этого выиграет? Никто. И в первую очередь пострадают они, дети. Пока они еще под нашей крышей, мы хоть чем-то можем им помочь.

— Люди мне быстро надоедают. С какой же стати мне их терпеть?

— Сердце всего лишь жалкий насос, говорят, больше всего на человеческое сердце похоже свиное.

Он не допускал до себя людей, которые лгут и притворяются.

Разум сам по себе бесплоден и беспомощен. Лишенный своих естественных стимулов, жизненных соков, он быстро атрофируется.

А это приводит к тому, что вся человеческая жизнь постепенно замедляет свое движение, остывает. В результате чего и возникает энтропия.

Иногда лицо человека говорит больше, чем примерное, хорошо обдуманное поведение.

Деформированный разум порой рождает очень интересные идеи. И весьма причудливые образы. Ложь подтверждает истину больше, чем себя самое.

Подсознание существует. Назовите его хоть засознанием, если вам так больше нравится, но в любом случае сознание должно иметь какую-то камеру или кладовку, где можно держать ненужные или поломанные вещи.

— Всегда легче понять других, чем самого себя.

— Страх – нечто позорное и отвратительное...

90% человеческой души – страх. Тотальный страх перед всем, что стоит на нашем пути – от лифта до начальства. Разум обычно его поощряет. Не говоря уже о воображении. Не зря же храбреца обычно называют безрассудным.

Человек трусливей животного.

Он поносит человечество за тупую беззаботность и близорукость, за чудовищную его жадность, жертвой которой, по его словам, могут стать даже горы.

— Скука означает, что внутренне движение сознания ослаблено, стимулы его исчерпаны.

— Он не мог понять этих глупцов, которые не знали сами, что вытворяют (о танцующих).

37. ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ – ПРОСНИСЬ В ФАМАГУСТЕ,

«Октябрь», №2, 1983г., М.

— Его грудь украшал золотой жетон «Тигра снегов» - высшая для альпинистов награда, даруемая за покорение восьмитысячника.

— В эфире Гималаев свирепствовала электромагнитная буря. Показаниям компаса здесь тоже не всегда можно верить.

Сплав металла звучал 11 минут после удара серебряной ваднерой (скипетром), обычный сплав упрямо затухал в считанные секунды.

Завлекательно благоухали пучки можжевельника.

— Бессмертие духа – величайшая из заслуг. Смерть – не конец, а только новое начало.

— Трудно быть человеком на этой земле. Как ни старайся, а от грехов не уберешься. Поэтому и рассчитывать на лучшее перерождение особенно не приходится. Надо бы еще хоть немного пожить тут, чтобы искупить вину и не возродиться в теле мерзкого паука или крокодила.

— Обретя знания, не стал мудрым, отчего затаилась в уголках его неостывших глаз неизбывная горечь.

Норбу словно бросал мимолетный взгляд на муравьиное бессмысленное мельтешение и, не вникая сердцем, давал всем и каждому один и тот же ответ. Формула избавления от мук выглядела предельно совершенной и ясной, несмотря на то, что следовать ей было едва ли возможно. Да, именно желания, ненасытно когтящие человеческое сердце,

вовлекают нас в круговорот страданий, привязывая к призрачным прелестям бытия. Но как приневолить себя к неучастию в этом пестром и заманчивом торжище? Как убить ростки любви и ненависти? Как научиться ничего для себя не хотеть?

— Душа не нуждается в языке.

— У истины всегда есть два противоположных обличья – ничто и нечто.

— Жемчужины умирают от времени, или болят, выпитывая испарения хворого тела. Но юная кровь способна омолодить их своим дыханием.

— Страх проистекает из незнания, будь то обман или самообман. Истина и страх несовместимы. Так, вы не бойтесь.

— Есть бесстрашие неведения – это глупость.

— Ищущий мудрости должен подвергнуть жесточайшему испытанию дух.

— Кто я, чтобы прервать цепь, где звено цепляется за звено?

— Методы подготовки бегунов в Гималаях – хранились в строгой тайне, выработанные еще в забуддийские времена при первых царях Тибета.

— Мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий.

— «Смерти нет – успокоил его лама – есть только прошлое, будущее и сорок девять дней бардо (период между смертью и новым воплощением)».

— Уши лошади, поджаренные в арахисовом масле, считались верным лекарством от оспы.

— «Не зная всех узлов и хитросплетений нити судьбы, где остановиться, в каком месте спрямить петлю – рассуждал лама – не проще ли предоставить безумца собственной незавидной судьбе? И так ясно, что бежит он навстречу неотвратимому».

— Верховный собирательно воспринимал чужаков, не усматривая достойных внимания различий.

— Он сразу понял, что стал свидетелем ролланга – воскрешения трупа – требуется немедленное вмешательство, пока могильный жилец не наделал вреда.

— Все, что должно случиться, не минует нас.

— Здесь же в долине, где даже самые сложные упражнения удавались с поразительной легкостью, Норбу окончательно уверовал в близость «другого берега».

— Шамбола – это не только духовное возвышение, но и комплекс феноменов, которые предстоит исследовать. Нам выпало счастье столкнуться с непостижимым.

— Надо испытать предназначенное до донышка.

— Фабула: станция слежения за атомными испытаниями была тайно смонтирована на горе Нанда Дэви еще в 1965 году. Получая энергию от практически вечных плутониевых батарей, она надежно работала в течение десяти с лишним лет, держа под контролем обширнейшие пространства Центральной и Южной Азии.

38. ЮЛИАН СЕМЕНОВ – ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ,

«Москва», №№ 7-8, 1983 г.

— Если ребенок после пятнадцати лет не стал твоим другом – сказал себе Мюллер – если он не бредит отцом, он чужой тебе.

— Если бог хочет наказать человека – он лишает его разума.

— Эмоции человека – это врожденное, логика – благоприобретаемое. Когда две эти ипостаси соединены воедино, начинается работа, обреченная на удачу.

— Вопрос – это стимул мысли, начало начал действия, предтеча поступка.

— Несправедливость – высшее проявление нелогичности бытия. Она обрушивается как раз на тех, кто не заслужил её, кто старается жить по неписанному кодексу добра.

— Есть один приказ, которого нет в уставах: приказано выжить.

— Добрый человек поначалу думает о других, лишь потом о себе.

— Каждый человек многомерен и в зависимости от уровня талантливости количество этих таинственных слоев в коре мозга множится тяжким грузом мыслей и чувств, сплошь и рядом прямо противоположных друг другу.

— Только большой человек лишен чувства страха.

— Не говори себе успокоительной лжи, это глупо, а потому – нечестно. Шелленберг не станет внимать логике, он – человек импульса.

— Разделяй и властвуй» (английская пословица).

В книге еврейского писателя Шолома Алейхема - «Если нельзя, но очень хочется, то значит можно».

— Всё в этом мире сопряжено незримыми, странными связями – великое и малое, смешное и трагичное, подлое и высокое; подчас те или иные пересечения судеб не поддаются логическому объяснению, кажутся случайными, однако именно эта кажущаяся случайность и является на самом деле одной из потаенных констант развития.

— В высокий стакан с холодным кофе кладут катышек мороженого - «айс-кафе».

Кофе капучино – когда в горячий кофе кладут мороженое и образуется совершенно невероятная шоколадная пена.

— Жить по принципу: «Игнорировать мелочи».

— Трудно в учении – легко в бою.

Наш эпос, их былины – подталкивают к выводу, что в жизни, во все времена, обязательно надо выжить и не просто выжить, а победить, пробиться вверх, к славе.

«Старец седьмого возраста» – это возраст мудрости с сорока до 55 лет.

— Мне кажется, я Вас очень давно сочинила, а вы взяли и пришли.

— Еврею нельзя верить никогда, ни в чем и нигде. Его зато можно использовать.

— Как доказал Альфред Розенберг – национальность определяет мать, но никак не отец.

— Пусть Вас перестанут бояться – это главное.

— Мир начинается и кончается в Америке, все остальные – окраины вселенной.

— Без хорошо налаженной разведки победа невозможна.

— Лучше вам довериться мне, чем заполучить в моем лице врага.

— Вопрос доверия – вопрос вопросов большой политики.

— Упорство полезно живописцу. Политик, слепо придерживающийся выбранной линии, рано или поздно обречен на проигрыш. Умение вовремя переориентироваться – удел талантов.

Тот факт, что Сталин относится к слову совсем не просто, был Рузвельту ясен.

«Это неэтично – заметил Жолио-Кюри. – Разговор приобретает форму вопроса. Но я француз, член антигитлеровской коалиции друзей, а не пленный враг».

— В конце концов, только сила определяет устойчивость политики.

— Только дураки лишены страха, а вы не дурак.

— Чем больше добра старается делать человек, тем больше ему воздается.

Мир умеет благодарить за добро; это закономерность, и чем скорее поймут это люди, тем лучше станет жить землянам.

— Я не верю ни одному еврею (Мюллер), я верю только тому еврею, который мертв.

— Не надо играть в жмурки с судьбою, смотря ей прямо в глаза.

— Все может сделать бог, человек – раб обстоятельств.

— Трудности существуют для того, чтобы их преодолевать.

— Нация ненавидит Гитлера, нация всегда ненавидит того лидера, который привел ее к катастрофе, но «нация боготворит победителя» (Плутарх)».

— Все что угодно, только не колебание, Гиммлер колебался, вот и проиграл. Мюллер не знает колебаний, он исповедует действие, поэтому у него есть шанс выиграть.

Что такое фашизм – «когда нравится смотреть на страдания или даже просто неудобство другого человека – это и есть фашизм».

«Я ведь не жил вовсе (Штирлиц), я только делал работу, двигался сквозь время и пространство, не принадлежал себе, а мне так мечталось пожить те годы, что отпущены, но работу Мюллера нельзя выдержать, они сломают меня»...

— Даже наркотик можно перебороть, если только настроить себя на воспоминание самого дорогого.

— Истинная воспитанность заключается в том, чтобы быть самим собой. Громкий смех, если он не патологичен, прекрасное человеческое качество».

— Память поддается корректировке, о чем-то можно умолчать, что-то переписать заново, что-то подвергнуть остракизму, однако главная задача момента заключается в том, чтобы удержать занятые позиции.

Надо уметь выждать.

— Единственное, чего мы сейчас должны по-настоящему бояться – так это самой боязни, т.е. страха. Мы должны бояться безымянного, бессмысленного, ничем не оправданного страха, который парализует все наши силы, делает нас нерешительными, мешает перейти на наступление.

— До конца не понимаю этого человека: он неожидан, как шарик, который ребристо катится по большому кругу баденской рулетки, и никому не дано высчитать, на какой цифре он остановится.

— Приятно смотреть, как человек корячится - фашизм.

Государственный эгоцентризм всегда приводил империи к закономерному крушению, ибо воспитывал в людях звериную зависть ко всему хорошему, что им не принадлежит, а нет ничего страшнее зависти, эта моральная ржа, она разъедает человека и государство изнутри, это не моль, от нее не спасешься нафталином.

«Поучение» Вл. Мономаха - «Послушайте меня, если не всё примете, то хоть половину».

— Не слово определяет мир, но дело.

— Ни один президент США не имел такой гигантской власти, какую получил Рузвельт. Конгресс не смог отказать ему, ибо впервые после Линкольна народ стоял горой за своего избранника.

— Что же сказал Штирлиц – «чем хуже, тем лучше, потому что ясней».

— Он не мог жить сам, ему был нужен приказ, совет, рекомендация того, кто стоял над ним, иначе он просто-напросто не умел, руки становились ледяными, мучила бессонница, бил озноб» (немецкое командование).

— Надо взять людей в кулак, понудить к крутой дисциплине, чтобы не повторилось новое римское нашествие.

— Лжи остерегайся и пьянства, от того душа погибает и тело.

— Благородный человек к своей мощи относится с осторожностью, боится обидеть того, кто слабее.

За годы работы Штирлиц приучил себя: «в беседе с другими жадно слушать то, что знаю и что неинтересно мне, и делать вид, что пропускаю мимо ушей то, что мне по-настоящему важно. Чтобы работать, я обязан был стать актером, жить ожиданием реплики, которую нужно подать».

Он знал тайное жизнелюбие Бормана, его физическое здоровье, крестьянскую, надежную хватистость, отсутствие каких-либо комплексов, полную свободу от норм морали, тщательно скрываемую ото всех алчность.

Решение Гитлера – бросить всех алкоголиков, их детей и внуков в особые лагеря, им не место среди людей.

— Сейчас такое время (перед крахом немцев), когда надо быть абсолютно трезвым, а то можно запаниковать.

— Власть хороша только тогда, когда реальна и ты на её вершине, а если все хрустит, и конец будет совсем не таким, как у какого-либо премьера – уйди себе в отставку, живи на ферме, дои коров, да нападай на преемника в печати.

— В самые трудные моменты Штирлиц говорил – «Исаев, ты обязан выжить, ты обязан»...

Бисмарк говорил, что русские долго запрягают, но быстро ездят.

— Мы говорили друг другу ту правду, которая нравилась фюреру.

— Человек обязан хоть раз в жизни сказать то, что у него наболело.

— Страх действует парализующе.

«Не сотвори себе кумира».

— Каждый умирает в одиночку, а уж живет тем более.

— Ты можешь, и ты должен себя заставить. Боль – это жизнь.

«Зло рождает добро».

«Боже, насколько же женщины мягче мужчин, вернее, их тоньше» - Гитлер.

— Уж если делать спектакль, так зрелищно.

— Гитлер обладал удивительным даром не слышать того, что ему не хотелось слышать.

«Не верьте сплетням – отрезал Гитлер – Шпееру завидуют. Всем талантам завидуют. Я это испытал на себе в Вене, когда меня четыре раза не принимали в Академию художеств».

«Я не терплю, когда от меня скрывают правду» - Гитлер.

«Я окружен изменой! Низкие трусы в генеральских погонах предали мое дело. Нет более отвратительной нации, чем та, которая не может смотреть трудности лицом к лицу». – тирада Гитлера.

— Лепи из себя страдальца – таких любят.

— Случай есть проявление закономерности.

39. СТИВЕН КИНГ – МЕРТВАЯ ЗОНА,

«Иностранная литература», №1,2,3, 1984 г., М.

— Крутится, вертится колесо, где остановится, не знает никто.

— Шальные деньги приносят несчастье.

— Ей особенно нравилась в Джони Смите его способность делать всегда то, что нужно, что от него хотят, не думая о том, как он при этом выглядит. Прекрасная черта.

— Она ответила своей сладчайшей, страдальческой улыбкой, использовав свое самое сильное оружие – молчание.

— Он был лжец – его обуяла гордыня, и господь отступился от него.

— Больной вышел из комы со вторым зрением.

— Много в жизни лучше не замечать, и лучше потерять многое, нежели найти.

«Озарение» у Джони Смита вызывалось предварительным контактом».

Бог уготовил миссию Джони. «Ты не гончар, а гончарная глина» - Надо исполнить свой долг.

«Из-за таких страна разваливается» – о бездарной молодежи.

— Если потеряешься в безлюдных северных краях и запаникуешь, можно заказывать надгробную плиту.

«Зачем будить спящую собаку».

Самая знаменитая ясновидящая в Америке – Кэтлин Нолан.

— Ну ладно, не будем ссориться, раз мы собираемся работать вместе.

Человек, который почувствовал ветер перемен, должен строить не щит от ветра, а ветряную мельницу.

Людям становится не по себе рядом с человеком, которому достаточно потрогать вещь, чтобы всё узнать о её владельце.

В библии сказано, что бог равно любит все свои создания.

Неграмотный человек в наш век похож на динозавра, забредшего по ошибке в наш век.

— Для каждого у Картера находилось свое слово. Его улыбка, не успевшая пока разойтись миллионными тиражами, была безоблачной и неутомимой.

Девяносто пять процентов людей на земле – это инертная масса. Один процент составляют святые и еще один – непроходимые кретины. Остается три процента – те, кто могут чего-то добиться, и добиваются.

— Он клоун, ну и что? А может людям нужна время от времени такая вот комическая разрядка?

— Под шкурой человека скрывается зверь.

Помимо беспокойства, заглушившего в нем все прочие чувства, Джони Смит (ясновидящий) начал испытывать еще и ужас, смешанный с нездоровым возбуждением.

Это был массовый поход. По толпе будто пропустили ток высокого напряжения.

— Опухоль у Джони была расположена в той области мозга, которую он называл мертвой зоной.

— Каждый делает, что в его силах, и делать это надо как можно лучше... не всегда получается, но надо стараться. Нет такого на свете, что утрачиваешь навсегда. Нет на свете такого, чего нельзя обрести вновь.

40. ВАЛЕНТИН РАСПУТИН – ПОЖАР,

Роман-Газета, № 8, 1986 г., М.

— А ведь давно ли мужик как мужик был – одна шкура от мужика осталась.

Теперь, пожалуй, не доискаться, как и с чего произошел оборот на нынешнее раздольное житье-бытье. Но не было же этого поначалу, уже и в новом поселке не было, чтоб люди так разошлись всяк по себе, так отвернулись и отбились от общего и слаженного существования, которое крепилось не вчера придуманными привычками и законами. А вспомнить, не ими ли, не этими ли законами, не этой ли грудью единой спасались и спаслись в старой деревне в войну и в лихие послевоенные годы, когда за десять колосков, не размениваясь и не мелочась, на десять же лет и приговаривали? Когда едва справлялись с налогами, когда у «нерадивых» обрезали огороды, чтоб обрезанное зарастало крапивой, и не позволяли до белых мух покосить на свою коровенку? Когда надо было не только держаться вместе, но вместе и исхитряться, чтоб выстоять? А ведь в деревне тоже всякие люди водились, и кой у кого зудело, поди, донести да навести, соблюсти законность и сослужить верную, запрашиваемую службу. Не без того, чтоб не зудело. Но знал он: в деревне после этого не живать, Егоровка ему этого не простит.

А теперь, как все переменялось! Можно сказать, перевернулось с ног на голову, и то, за что держались еще недавно всем миром, что было общим написанным законом, твердью земной, превратилось в пережиток, в какую-то ненормальность и чуть ли не в предательство.

Вода чиста не тогда, когда она действительно чиста, но когда её хотят видеть чистой.

— Молчание – это тоже метод действия и убеждения.

— Нездоровье поправляется работой или добрым делом.

— А разве душа и совесть не родные сестры, разве не совесть питает душу и разве есть между ними распря?

Почему делается вид, что все хорошо и даже прекрасно, если выполняем план, и до каких пор план станет прикрывать и оправдывать всё, что творится внутри плана?

Обычно таких, кто всю жизнь изо дня в день выстилается и выплескивается, не ценят, принимая как должное, как воздух и воду, эти старания и добиваясь чего-то, неизвестного чего еще, русский мужик не привык жить с бабой в одну душу...

Чтобы понимать друг друга, много слов не надо. Много надо – чтобы не понимать.

Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре одна важнее другой, захромает какая – весь свет в наклон.

41. ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ – ПЛАХА,

«Новый мир», 1986 г., М.

— Такова жизнь – туда успевай, сюда успевай, не потому ли говорят: «волка ноги кормят».

— Рядом с ней Ташчайпар, несокрушимая сила и опора, но ведь умирает каждый за себя.

Душу его бередила обида, причиненная никчемными людьми, которые даже несчастья других используют для глумления и клеветы. О, как сильны они в этом гнусом своем древнем деле! Кого угодно заставят страдать, кого угодно заставят мучиться бессонницей – от царя до пастуха.

Выступление Чингиза Айтматова по телевидению (12.03.87г.)

1. *В романе вскрыты социальные пороки (наркомания), когда вы писали этот роман?*

Этих аспектов и проблем касались многие. Сути общественной жизни, нравственности касаются многие писатели, я тоже естественно касаюсь негативных явлений.

2. *Как пришли к этому, как писали роман?*

Я не мог стоять в стороне, в отношении наркомании все имеют права выступать. «Волк» под этим подразумевается все отрицательное, роман развивается так, что наркоманы попадают к волчьей стае. Волки оказываются выше. Тут еще возникает библейский аспект.

3. *На какую аудиторию рассчитан роман – на советскую, зарубежную?*

Я не думал на какую, когда я пишу, это невозможно предвидеть, это для всех. Но я знаю, что эта книга издана за рубежом.

4. *Вы коснулись в романе многих проблем атомной войны, наркомании, экологической; что важнее в романе?*

Роман это не статья, писать о цели и задачах. Все аспекты важны.

5. *Образ обера Кандалова – это прототип кого-нибудь?*

Это очень опасная фигура, таких можно встретить в жизни.

6. *Не продолжается ли тема Манкурта?*

Можно считать продолжением.

7. *Почему такой печальный исход у ваших романов и, в частности, у «Плахи».*

Вы хотите спросить, я пессимист или оптимист. Я оптимист, но утверждение идет через трагический исход.

8. *Авдий исключение современного молодого. Каким хотели бы видеть современную молодежь?*

Он может быть исключением, хотя может и не быть.

9. *Бостон традиционный, а Авдий сконструированный, таких нет, как развивали его?*

Я хотел бы видеть эти качества. Но он жизненный, у него есть перспектива.

10. *Почему он, Авдий, терпит поражение? Он не может никого переубедить. Он терпит физическое поражение?*

Я разделяю взгляды Авдия. Он терпит физическое поражение, но он этим побеждает.

11. *Считаете ли Библию ценностью?*

Безусловно.

12. *Какое значение имеет религия в жизни современного человека? Это модно?*

Современный человек может иметь собственные убеждения, я не хочу оперировать евангельскими позициями. Иногда нам не помешало бы прибегнуть к тем истокам. Меня упрекают в богоискательстве.

Я использовал известные сюжеты как метафору, насколько значимо должно быть воспринято творчески.

13. *Не проще ли обращаться к народным нормам?*

Народные нормы возникают из религии. Открытие старого поколения отрицать нельзя. Это вполне закономерно

14. *Кого считаете героем – Авдия или Бостона?*

Дух надо вечно совершенствовать, а на кого ориентироваться, нет таких литературных персонажей, на кого можно положиться. Мне близки оба.

15. *В романе зло не наказывается, создается впечатление, что оно побеждает, почему?*

Это впечатление только, надо размышлять.

16. *Бостон реальной, Авдий противоречив. Он должен действовать другими методами, возникает чувство безысходности?*

Я хотел бы, чтобы вы думали о способах борьбы Авдия, чтобы вы не соглашались, думайте, какими способами он должен бороться.

17. *Финал остается открытым – что же будет с Бостоном?*

Как с этим быть, но есть примеры прямого умышленного действия, никто не упрекает его в этом отношении. С точки зрения же юридической он преступник.

18. *Авдий распят дважды, это наводит на комедийность?*

Человек на плаху может восходить не дважды, 10 раз.

Почему назвал плахой, каждый день человек поднимается на плаху, или наоборот, избегает её.

19. *Есть ли в нашей стране причины развития наркомании?*

Я думаю много несовершенств в нашей жизни.

20. *Обязательны страдания для человека?*

При страдании дух совершенствуется. Если человек не сталкивается с этим, можно совершенствовать дух через литературу.

21. *Расскажите о своей матери, о женщине, которая подарила такого человека.*

Если есть во мне что-нибудь, это от матери; она была чутким, добрым, но мудрым человеком.

22. *На каком опыте вы пишете так красочно о волках, откуда такое поверие?*

Просто с любовью надо работать. Раз так нравится читателю, значит что-то я сумел сказать с этим волком, волки как люди.

23. *Почему не встречаются Бостон и Авдий в романе?*

Они просто не могли встретиться.

42. АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ – ДЕТИ АРБАТА,

«Дружба народов», № 4,5,6, 1987 г., М.

— Никто не устлал нашего пути розами. Но путь, устланный розами, это не путь жизни. Путь истинной жизни выстлан тернами.

— Сталин не любит карьеристов, а Лозгачев – карьерист, ненавидит держиморд, а Баулин – держиморда. Со своим чувством юмора Сталин правильно бы оценил эти невинные эпитафии.

— Никто о нем не может сказать плохого, но люди легко причиняют другим зло, вероятно полагая, что этим отводят его от себя.

— Молодость имеет свои права. И первое её право – смеяться.

— Не патология, не социология, обыкновенная проституция. Человек морален, в этом его отличие от скотины. И не в страдании его жизненная функция.

— И тебе, Панкратов, надо по-другому. Теперь ты битый, второй раз не выкрутишься. Солнце далеко, а мы близко, и держись за нас. Парень ты молодой, неопытный, не закаленный, вот и промахнулся, мы понимаем, с каждым может случиться. Теперь ты знаешь, кто такой Криворучко, бей его вместе с нами. Взаимное доверие возникает только там, где есть общие враги. «Скажи, кто твои враги, я скажу, кто ты».

— В его голосе прозвучала казенная категоричность, всегда пугающая её.

Мир, который раньше казался ей таким страшным, требовал действий, а действие подавляет страх.

«Несчастье – ступень к возвышению гения, очистительная купель – для христианина, клад – для ловкого человека, бездна – для слабого».

— Сводить сложное к простому Сталин почитал своим великим талантом.

Сталин повернулся к нему, - я так не думаю. Мои дети не ходят в заграничных плащах, моим детям нравится наше, советское. Моим детям негде доставать заграничные плащи. Спрашивается – откуда же их достают.

На мне тоже заграничный костюм – сказал Будягин, давая понять, что, прожив почти десять лет за границей, он и его семья, естественно, покупали там себе одежду.

Сталин понял намек, с насмешливой уважительностью развел руками. Ну... ты ведь у нас деятель международного масштаба, где нам до тебя?..

«Мы любим нашу молодежь, это наше будущее. Но её надо воспитывать. Молодежь следует растить, как садовник растит дерево. Ей не надо лстить, не надо подлаживаться, нельзя прощать ей ошибок ... (Сталин).

— Неудачливый претендент – всегда потенциальный враг.

Аппарат истинного вождя – это аппарат, созданный им самим после прихода к власти. Этот аппарат не должен быть вечным, постоянным, иначе он цементирует взаимные связи, приобретает монолитность и силу. Аппарат надо тасовать, обновлять, заменять.

В политике никому не доверяют.

Более других надежны Молотов, Каганович и Ворошилов: не претендуют на самостоятельность, хорошие исполнители... без него они никто. Ворошилов может переметнуться, но он будет держаться за него, боится военных интеллигентов, и прежде всего Тухачевского. В армии Ворошилов опирается на конников – Буденного, Тимошенко, Щаденко, Городовикова, но это слабая поддержка, время клинков прошло.

Калинин и Андреев. Самый старый и самый молодой члены Политбюро. Одному пятьдесят девять, второму – тридцать девять. Выдвиженцы. Калинин – из крестьян, Андреев – из рабочих, будут с большинством.

И, наконец, ненадежные. Это Киров, Орджоникидзе, Косиор, Куйбышев и Рудзутак.

— Рудзутаком Ленин негласно рекомендовал тогда, во время того письма, так называемого завещания, заменить его на должности Генерального секретаря. Возможно, с самим Рудзутаком Ленин по этому вопросу не советовался, согласия не спрашивал. Держится Рудзутак осторожно. Серьезных связей у него в аппарате нет: после Лондонского съезда почти десять лет, до Февральской революции он провел на каторге. И все же это человек, которым Ленин хотел заменить его. Об этом забывать не следует. Об этом не забудет и сам Рудзутак.

Куйбышев из дворян, учился в кадетском корпусе. Сибарит. Ушел в личную жизнь, болеет, хочет, чтобы его не трогали. Работник хороший, но в партии найдутся и другие хорошие работники.

Косиор приезжал, ходил с ним по коридору, забегал то справа, то слева. Почему забегал? Неискренний человек, нет доверия.

Орджоникидзе. Сложное дело. Единственный близкий ему человек, познакомились 30 лет назад в Тифлисе. Но вот именно – слишком давно знает, в слишком разных положениях видел, считает себя единомышленником. А у вождя нет единомышленников, у вождя есть соратники. Апостолов выбирают не из друзей, а из учеников. Романтик, простодушен, доверчив, чересчур искренне верит в то, что говорит и делает – опасные качества для политика. После капитуляции оппозиционеров предлагал огулом восстановить их в партии. Разве он не понимал, что те, кто выступил против него, должны быть уничтожены?. Народ должен знать, что выступать против него – значит выступать против Советской власти. Почему он не захотел уничтожить врагов Советской власти, когда эти враги не вне партии, а внутри неё? Это была не ошибка, а линия, желание сохранить в партии противовес ему, стремление и в дальнейшем быть арбитром, иметь резерв, который в случае чего можно пустить против него.

Ломинадзе – одно из звеньев его политики.

Одинок ли Орджоникидзе в этой политике? Не одинок. Это их общая политика, его и Кирова. Неразлучные друзья и приятели! Приезжая в Москву, Киров останавливается только у Серго. Что стоит за их нежной дружбой? Что их объединяет? Какая может быть личная дружба между политическими деятелями? Зачем двум членам Политбюро отделяться от остальных своей дружбой? Обоим по сорок восемь лет, оба были на Северном Кавказе и в Грузии, оба с 30 года члены Политбюро – это еще не основание для такого единения. В дружбе равных не бывает. В дружбе, как в политике: кто-то ведет, кто-то влияет. Главный в этой дружбе Киров. Честолюбив, как всякий недоучка, демагог, как всякий посредственный провинциальный газетчик, и как всякий бойкий говорун имеет поклонников, почитающих его первым оратором партии, чуть ли не трибуном революции».

Направив в свое время Кирова в Ленинград, Сталин хотел показать, что Ленинград не вторая столица, а областной город. Двух столиц быть не может, вторая столица – всегда соперница первой. За 8 лет Киров стал в Ленинграде своим человеком, «любимцем», сплотил вокруг себя партийную организацию, укрепил значение Ленинграда именно как второго города в государстве. Алчет популярности бьет на простоту. Живет на Каменноостровском проспекте, в доме, населенном случайными людьми, ходит на работу пешком, катает детей в автомобиле, играет с ними во дворе «кошки-мышки»...

Руководитель, не обучавшийся технике, пытается разобраться, руководитель, знакомый с ней поверхностно, болтает, пытается поучать других. Кого он собирается поучать?!

Тогда в тот вечер Надя ему кричала: «Они думают, что на тебя можно влиять в лучшую сторону... Наивные люди! Они не знают тебя: на тебя невозможно влиять, ты неисправим» (они – Киров и Орджоникидзе). Они её довели. Они, Они... Хотели через неё влиять на него, вселили в неё недоверие к нему. Использовали политически ограниченную женщину, лишили его даже этого тыла, лишили дома, жены, семьи, зашли сзади, ударили в спину. Этого он им никогда не забудет. И она хороша! Её смерть – это тоже вызов ему. Надя тоже из этого проклятого города, выросла там, вся насквозь петербургская, всё в ней было против него, а эти добавили. Никому нельзя верить – даже жене. Они хотят оставить его одного. Ничего! Его и одного достаточно на них на всех.

Влиять! Серго тоже хочет влиять, влиять на него! Самонадеянные дураки!

Кирова надо перевести в Москву. Здесь он будет на виду, здесь он окончательно прояснится. И хватит второй столицы.

Арест и удаление комиссии – случай исключительный. Рязанов должен за него ответить. Но этот случай свидетельствует о серьезных процессах в окружении Орджоникидзе. Это оплеуха Орджоникидзе, хотя и формировал комиссию Пятаков.

(Почему у секретаря горкома прямой провод к наркому (Орджоникидзе)? У него должен быть прямой провод к секретарю обкома).

В окружении Серго много людей, преданность которых Сталину сомнительна.

— Сохранить себя можно только одним способом – жить так, будто ничего не произошло. Тогда у нас есть шанс выкарабкаться.

Простой человек сам за собой убирает и потому всюду остается человеком. Аристократ привык, чтобы за ним подтирали. и если подтиральщика нет, превращается в скотину.

Строительства при Сталине – архитектурный центр, новые магистрали, метрополитен, современные жилые дома, административные здания, новые мосты, набережные, гостиницы, театры, сады, парки.

Прямолинейные фигуры Сталину удавались без линейки, у него была твердая рука.

— Очень редко Сталин садился в середине второго ряда и очки не надевал. Он никому не показывался в очках, в очках его никогда не изображали.

Он улавливал у чаплинского героя сходство с собой – такой же одинокий в этом мире. Но он отгонял от себя эту мысль, она не соответствовала действительности. Чаплин напоминал ему отца и только отца. Бедный Чаплин уходил по дороге, оглядывался, беззащитно улыбался. Это про меня картина - сухо отвечал Сталин.

Мать была властная женщина, чистокровная грузинка, а отец вроде бы из южных осетин, населявших Горийский уезд. Предки огрузинились, и дед осетинское «ев» в своей фамилии «Джугаев» сменил на грузинское «швили».

Когда они ходили к Эгнаташвили, мать старалась приодеть его. А зачем, одеждой одни подчеркивают богатство, другие пытаются скрыть бедность. А он не стыдился своей бедности. В семинарии он даже гордился своим обтрепанным видом – так должен выглядеть настоящий мужчина. Он и сейчас одевается, как простой солдат.

От отца он унаследовал музыкальность. В училищном хоре стоял всегда в верхнем ряду, где стояли все малые ростом. Его голос считался самым лучшим. Всё это от отца, и похож он на отца, тот тоже был небольшой, рыжеватый, а мать высокая, черная. Отец любил и понимал шутку, мать шуток не понимала, угрюмая женщина.

Земляки хотят назвать Гори его, Сталина, именем. Он отказался, пусть назовут его именем город Цхинвали – столицу Южной Осетии, это будет памятником отцу и всей отцовской осетинской родне; мать, женщина не глупая, поймет.

В училище, в семинарии никто не трогал его из-за поврежденной руки, в этом проявлялось исконное грузинское благородство. Но потом люди не считались с этим, его

физическим недостатком, были грубы и безжалостны. Он устоял тогда, противопоставил им еще большую грубость. За грубость Ленин упрекал его, но только так можно управлять: грубость аппарата держит в узде грубость народа. Деликатничают с ним только интеллигенты, которых потом же и выкидывают, как хлам. Еще тогда, в молодости, он писал, что демократия в России – это лишь свобода для развязывания грубых сил. Грубые инстинкты можно подавить только сильной властью, такая власть называется диктатурой.

Правда, тогда Он был против национализации земли. Кто был прав для того времени, он или Ленин, неизвестно. Кто был прав, или неправ в прошлом история не дает на это однозначного ответа – прав победитель. Но он не стал оппонировать Ленину: его путь с большевиками, с Россией, в которой он только и мог состояться как политический деятель. Он много занимался национальным вопросом и твердо знает: среди наций, как среди людей, побеждает сильнейший, среди народов, как среди политиков, есть ведущие и ведомые. В Советском Союзе, насчитывающем сотню народов, ведущим может быть только один народ – русский, он составляет более половины населения страны. С русским великодержавным шовинизмом нужно провозглашать беспощадную борьбу, ибо он вызывает в ответ местный национализм. Но, ни на минуту нельзя забывать, что главная, объединяющая сила – русский народ.

— Школа Покровского отрицает роль личности в истории, желая этим умалить прежде всего Его роль в истории партии, в истории России.

Цезарь и Наполеон стали императорами не из тщеславия, а в силу исторической необходимости. Только Цезарь с его единоличной властью мог отразить варваров, только Наполеон – император мог покорить Европу. Верховная власть должна быть царственно величественна, только перед такой властью народ будет преклоняться, только ей будет подчиняться, только она способна внушить ему трепет и уважение. Русская историческая наука представляет Ивана Грозного злодеем. На самом деле он был великий государственный деятель, присоединил к России Казань, Астрахань и Сибирь, первый в истории России, а может быть и не только России, ввел монополию внешней торговли, первым из русских царей сделал главным принципом принцип государственности: всё подчиняется интересам государства. Бояре противодействовали созданию могучего централизованного государства, и потому ошибка Грозного была не в том, что он казнил бояр, а в том, что мало казнил, не истребил 4 главных боярских рода до самого основания. Древние были в этом смысле дальновиднее, истребляли своих врагов до III-го и IV-го колена, начисто и навсегда.

Петр I был великий правитель, создал новую Россию. А что писал о Петре Покровский? Вот эти строчки: «Петр, прозванный льстивыми историками Великим, запер жену в монастырь, чтобы жениться на Екатерине, которая раньше была горничной одного пастора в Эстонии. Своего сына он собственноручно пытал, а потом велел тайно казнить, в каземате Петропавловской крепости... он умер от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену». Вот и все, что увидел Покровский в Петре. Эту чушь нес «глава исторической школы, а то, что Петр преобразил Россию, этого не заметил, вот к чему приводит отрицание роли личности в истории! И этого примитивного социолога Ленин выдвинул в первые историки, хвалил его «Русскую историю в самом сжатом очерке» - беспомощную работу, представляющую всех исторических деятелей России бездарностями и ничтожествами. Как мог хвалить это Ленин?

— Бове – великий зодчий, он проектировал манеж, Малый театр, Большой театр – после пожара, фасад ГУМ-а, триумфальную арку, Первую Градскую больницу, дом князей Гагариных на Новинском бульваре.

— Слабость чужой власти всегда подчеркивает силу собственной власти (Сталин). Хотя сам хорошо знал, что раскол не ослабляет политическое движение, а расширяет его социальную базу, привлекая к нему разных сторонников и укрепляя в борьбе с раскольниками основное течение. Нагляднейший пример тому – христианство.

— Государственную власть Ленин рассматривал как фактор, объединяющий людей, заинтересованных в её сохранении и упрочении, На самом же деле власть разъединяет, ибо каждый стремится её захватить. Консолидирующим фактором власть становится тогда, когда она сосредоточена в таких руках, из которых никто не только не способен её вырвать, но и не смеет помышлять об этом.

В своей статье Энгельс утверждает, будто в период наивысшего военного могущества России ею руководили талантливые иностранные авантюристы, в основном немцы: Екатерина II, Нессельроде, Ливен, Гирс, Бенкендорф, Дубелт и др. Зачем это подчеркивать сейчас, зачем давать такую карту гитлеровской пропаганде, возвеличивая немцев? Зачем вообще подчеркивать роль нерусского элемента в руководстве Россией? (указанную статью редакция «Большевик» намеревалась опубликовать, чл. ред. коллегии Зиновьев, главный редактор Кнорин).

— «Ты не защитил невинного, тебя тоже некому будет защищать» (обращение сестры к Марку).

— Саша удивлялся способности игнорировать человека, с которым идешь рядом, вместе спишь, делишь невзгоды.

— Все противники – прошлые, настоящие и будущие должны быть уничтожены и будут уничтожены. Единственная в мире социалистическая страна может устоять, только будучи незыблемо устойчивой внутри, это залог её устойчивости и во внешнем мире. Государство должно быть могучим на случай войны, государство должно быть могучим, если хочет мира, его должны бояться.

Великая цель требует великой энергии, великая энергия отсталого народа добывается только великой жестокостью. Все великие правители были жестокими.

Каменев, директор издательства «Академия» не случайно выпустил Макиавелли (хотел этим показать, что методы, применяемые Сталиным, были известны в XV-XVI веках). Каменев ошибался.

— Власть, основанная на любви народа к диктатору – слабая власть, ибо зависит от народа; власть, основанная на страхе народа перед диктатором – сильная власть, ибо она зависит только от самого диктатора». Это положение верно лишь частично: власть, основанная только на любви народа – слабая власть, это так. Но власть, основанная только на страхе, тоже неустойчивая власть. Устойчивая власть основана и на страхе перед диктатором, и на любви к нему. Великий правитель тот, кто через страх сумел внушить любовь к себе. Такую любовь, когда все жестокости его правления народ и история приписывают не ему, а исполнителям.

В политике нет места жалости. Он жалел (Сталин) об одном человеке – о Каменеве, жалел в том смысле, что он не со Сталиным, а с Зиновьевым. «Уютный» человек Каменев, мягкий, уступчивый, к тому же тифлисец. Что-то в нем и от еврейского, и от грузинского интеллигента – ласковость, деликатность, приветливость, немного циник, но циник добродушный. Образован, ориентируется в политической обстановке, умеет точно и ясно формулировать выводы, за это его справедливо ценил Ленин. Не честолюбив, не претендует на лидерство, традиционно второй человек.

Политический баланс означает конец диктатуре пролетариата. Аппарат надо сохранить, аппарат надо укреплять, но надо в зародыше убить в нем самостоятельность, непрерывно менять людей. Непрерывно сменяющийся аппарат не имеет самостоятельной политической

силы, но остается могучей силой в руках вождя, в руках всемогущего правителя. Этот аппарат, как инструмент власти, должен внушать народу страх, но перед вождем этот аппарат должен сам трепетать.

Имеет ли он такой аппарат? Нет, не имеет. Всё! Этот аппарат уже отслужил свою службу и больше в таком виде ему не нужен. Ему нужен другой аппарат, не рассуждающий, для которого есть только один закон – ЕГО воля. Нынешний аппарат – это уже старье, отработанный пар, хлам. Однако эти старые кадры и наиболее сцементированы, наиболее взаимосвязаны, они со своего места так просто не уйдут, их придется убирать. Но это будут навсегда обиженные, навсегда затаившиеся, потенциальные смертельные враги, готовые в любую минуту присоединиться к тому, кто выступит против него. Их придется уничтожить. Среди них будут и заслуженные в прошлом люди – история простит это товарищу Сталину. Теперь их прошлые заслуги становятся вредными для дела партии, они мнят себя вершителями судеб государства. И потому их надо менять, менять, значит уничтожать.

Да, Октябрьской революцией руководил Ленин и свершил её Ленин, в этом его историческая заслуга. Но, свершив революцию и отстояв новую власть в огне гражданской войны, он пошел, в сущности, путем, который подсказал ему опыт ортодоксального марксизма: НЭП – начало этого пути. Крайними революционными средствами Ленин доделал буржуазную революцию, расчистил для нее путь, уничтожив все остатки феодально-помещичьего строя. Но Ленин умер. История великий режиссер. Она вовремя увела Ленина и дала нового вождя, который поведет Россию по истинно социалистическому пути. Для этого потребуются еще не одна революция, Одну революцию, не менее значительную, чем Октябрьская, он уже свершил – ликвидировал индивидуальное хозяйство, ликвидировал кулачество, ликвидировал самую возможность фермерского пути развития деревни. При этом погибли миллионы людей – история это ему простит. Он совершил и вторую революцию – поставил Россию на путь промышленного и индустриального развития, превратил её в современное, промышленное, могучее в военном отношении государство. История не простила б тов. Сталину, если бы он оставил Россию слабой и беспомощной перед лицом её врагов. Теперь надо создать новый, особенный аппарат власти. И уничтожить старый. Уничтожать старый аппарат надо начинать с тех, кто уже выступил против него – с Зиновьева и Каменева – они более уязвимы, они боролись против партии и они так много признавались в своих ошибках, что будут признаваться и дальше, будут признаваться в чем угодно. И никто не посмеет их защищать, и Киров не посмеет.

9 лет Киров в Ленинграде. Это он сделал за эти годы, чтобы превратить ленинградскую партийную организацию не в показной, а в истинный оплот ЦК партии. Он решил умиротворить этот вечно фрондирующий город, вместо того чтоб сокрушить его. Сокрушить – значит заменить старый аппарат новым, старые кадры – новыми. Умиротворить – значит оставить старый аппарат нетронутым, оставить старые кадры на месте, только перетянуть их на свою сторону. По этому пути и пошел товарищ Киров. Почему? Не понимал своей задачи? Хорошо понимал. Но понимал именно свою задачу, а не партийную, превратил Ленинград не в оплот партии, а в свой оплот. Не он их завоевал на сторону партии, а они его завоевали на свою сторону, сотворили из него нового лидера.

Те, кто отправляет людей в ссылки, заблуждаются, думая, что таким образом можно сломить человека, убить можно, сломить – нельзя.

Свердлов, на племяннице которого женат Ягода, был в свое время невысокого мнения о талантах родственника: послал его сначала в редакцию «Деревенской бедноты», потом на рядовую работу в ВЧК. Но Свердлов мало разбирался в людях и напрасно хвастался, будто весь отдел кадров ЦК ему заменяет записная книжка. Ведь и Сталина Свердлов считал «индивидуалистом», говорил ему это в глаза еще там, в Туруханской ссылке, и он не

обижался. Свердлов, в общем, простой, хороший парень, однако не личность. Ленин и поставил его во главе ВЦИК, должность чисто представительскую. После смерти Свердлова Ленин на это место подыскал тверского мужичка Калинина – «всероссийского старосту».

При всех своих достоинствах, тов. Дзержинский, надо сказать, не лишен был некоторого позерства. Потому и не любил Троцкого, тот в позерстве далеко его превзошел. Естественно, что малообразованный «канцелярист» (Ягода) не слишком импонировал Железному Феликсу. Менжинский – барин, к тому же полиглот, знавший 14 языков.

Лучше всего, если Киров согласится переехать в Москву секретарем ЦК, посмотрим, во что выльется их нежная дружба. Если в ведении Кирова, как секретаря ЦК, будет вся промышленность, в том числе и тяжелая, а значит, и Серго со своим аппаратом. Орджоникидзе не шибко умен, в этой паре ходить вторым, но подчиняться Кирову впрямую не захочет. Ну что ж, здоровое недоверие – лучшая основа для совместной работы.

В аппарате ЦК Ежов появился в 27 году. Маленький, почти карлик. Сталин любил низкорослых, его собственный рост – 160 см.

— Инакомыслие существует, без инакомыслия нет и мысли.

— Не падайте духом, не ожесточайтесь сердцем, за плохим всегда приходит хорошее. Александр Дюма пишет: «невзгоды – это четки, нанизанные на нитку нашей судьбы, мудрец спокойно перебирает их». Какое мудрое и хорошее выражение.

— Сталин Жданова забрал из Горького и сделал его секретарем ЦК. Не потому, что Жданов успешно справлялся с руководством края, со строительством Горьковского автозавода, и не потому, что Жданову всего 38 лет, другие секретари тоже не старики: Хрущеву, Варейкису, Эихе – по сорок... Жданов – интеллигентный человек, разбирается в литературе, искусстве, не интеллигент типа всезнайки Луначарского, не кичится своей образованностью, не щеголяет иностранными словами, не претендует на роль теоретика, как Бухарин, но интеллигент. Предстоящий съезд будет поворотным пунктом в отношениях партии с интеллигенцией».

В 1916 году в грузинском учебнике Якоба Гогешвили (через 20 лет, как было написано стихотворение Сталиным) для начальных школ появилось «Утро» за той же подписью Сосело. Если через 20 лет после первой публикации Гогешвили отобрал его для учебника, значит что-то было, чего-то оно стоит! И все равно он рожден не для поэзии, поэт не может быть борцом – поэзия размягчает душу. Журналистика – это для борьбы, его перо хорошо служило революции. Он писал много, писал под разными псевдонимами: Давид, Чижиков, Иванович, Бесошвили, Като-Коба... Коба и стало его партийной кличкой, она нравилась ему. Коба – благородный герой романа Казбеги «Отцеубийца». Но под этой кличкой он стал известен полиции, подписывать ею статьи было уже нельзя, и он снова вернулся к родным псевдонимам – К. Стефин, К. Сталин, К. Солин – пока наконец в январе 1913 года, кажется, в газете «Социал-демократ» подписался И. Сталин. Это и стало фамилией, под которой его знает теперь весь мир.

В Баку он встретился с Софьей Леопардовной Петровской, потомственной польской аристократкой. Он ей нравился – пролетарский революционер – подпольщик, карбонарий, в брюках с бахромой, небритый, угрюмый, замкнутый, волевой и сильный.

Софья мягкая, чуткая, заботилась о нем, в сущности, это была самая большая в его жизни любовь. Она примыкала к эсерам, но никогда не спорила с ним, в ней не было непримиримости партийных функционеров, своих мнений она ему не навязывала, наоборот, уклонялась от политических споров, видела, что всякое несогласие раздражает его. Но она не раздражала его, единственная женщина, которая не раздражала его. Однако их отношения оборвались...

Великодушие к побежденным опасно: враг никогда не поверит в твое великодушие, будет считать его политическим маневром и при первой возможности нападет сам. Только наивный человек может рассуждать иначе. Киров – опасный идеалист, требует для рабочего класса материальных благ, не понимает, что человек, материально обеспеченный, не способен на жертвы, на энтузиазм, превращается в обывателя, в мещанина. Только страдания вызывают величайшую народную энергию, её можно направить и на разрушение, и на созидание.

Московскую организацию возглавляет Каганович, а его-то Сталин задевать не хочет – характерное для него политиканство: обидеть одного, вознаградить другого и сравить их между собой. Когда-то Степан Шаумян говорил: «У Кобы змеиный ум и нрав». Но Киров был выше этого: когда решаются партийные дела, нет места личным обидам.

— И как жить под вечным страхом пули в спину? Какая нелепость, сам виноват. Зачем сблизился с Тимофеем? Зачем поехал с ним на сенокос? От них надо подальше, а он раскис, держался на равных, и Тимофей решил, что он ищет его покровительства, боится его, вздумал поизгиляться. А отпора не стерпел, решил отомстить. Не надо быть высокомерным, но и не следует подыгрывать людям, люди бывают разные (Саша Панкратов в ссылке).

— Что ты, деточка, выбрось из головы (Софья Александровна - Варе), не бойся его, такие как он сильны только со слабыми, храбры только с робкими.

Подозрительность Сталина растет, он никому не доверяет, с ним невозможно быть откровенным, твою искренность он в любой момент использует против тебя. Все это создает ощущение неуверенности, травли, даже беспомощности. И вместе с тем выступить против Сталина нельзя. В этом вся трагедия. Его методы неприемлемы, но линия правильная. Он превратил Россию в могучую индустриальную державу. Выступить против Сталина – значит, выступить против страны и партии. Никто не поддержит. А если кто и поддержит, то кем заменить? Многие хотели бы видеть его, Кирова, на посту Генсека – ему это не нужно, не по плечу. Он не теоретик, он практик революции.

Сталин хорошо понимал, Киров против всего, что ущемляет самолюбие ленинградцев.

Задержка с протезом, конечно неприятна, но это, в конце концов, образуется. Однако тот факт, что врача (Липмана) заставили врать, возмутителен. Никто из его окружения не имеет права произносить даже слово неправды. Малая ложь влечет за собой большую ложь. Если его окружение врет ему по мелочам, это ненадежное окружение. Все, начиная с членов Политбюро и кончая поваром на кухне, должны знать, что тов. Сталину надо говорить правду, только правду.

Из Москвы Киров спешил в Ленинград, где 1 декабря созывался актив. Орджоникидзе всячески старался его задержать в Москве, но не получилось (шофер Орджоникидзе не сумел задержать его).

1 декабря в Смольном – Киров был убит.

43. ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ – ПРАВО НА ЛЮБОВЬ,

Избр. произведения, Госиздат, 1988 г., М.

— И я должен тебе прямо сказать: что у нас с вами ничего не получится. Ты принадлежишь к типу женщин, которые ничего такого не чувствуют, они умны, у них прекрасное сердце, верность, справедливость, правдивость, самоотверженность, т.е. всё то, что совершенно не нужно для мужчин, т.е. на него не действует.

Ты меня позвала наверх, хотя было уже поздно, это меня взбудоражило и заинтриговало.

Но когда я увидел твои откровенные, необычно правдивые глаза, когда я почувствовал в тебе хорошего, ценного человека, мне стало почему-то стыдно.

Потом никогда не говори так откровенно, долго и медленно, как ты говоришь.

Я почувствовал определенный испуг, увидев твои слезы.

Это уже никуда не годится. Современный мужчина боится таких женщин, как боятся припадочных.

Он боится тех, что виснут на нём и теряют почву под ногами.

Ни один мужчина не отдаст себя в твоё полное владение.

И от меня потребуешь верности и самопожертвования. Ты сама понимаешь, что это чушь.

Ты своим большим серьезным умом, и чистым сердцем, производишь раздражающее впечатление глупой женщины, благодаря твоей полной неопытности в отношениях с мужчинами.

Вообще если ты не переменишься, не выбросишь из своего взгляда эту постоянную грусть и правдивость и будешь говорить о своем одиночестве, то ты никогда ничего не добьешься; так и просидишь весь век со своей керосинкой.

Мне просто жаль тебя, потому что ты сама не подозреваешь, какой враг для тебя твои прекрасные свойства.

44. ШАТРОВ М. – ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ,

«Знамя», № 1, 1988 г., М.

Авторская версия событий, происшедших 24 октября 1917 года и значительно позже.

— Троцкий – партийный псевдоним, он Бронштейн Лев Давидович, сын, наверное, единственного в России еврея–помещика.

«В 18-м году отец, потеряв все свое состояние, навестил меня в Кремле. Для этого ему пришлось 200 км от Херсона до Одессы пройти пешком. Всё что он думал обо мне, он выразил одной фразой: «отцы трудятся, трудятся, чтобы заработать что-нибудь на старость, а потом дети делают революцию».

В дореволюционном движении с 1896 года, с семнадцати лет. Участник II съезда партии, примыкал к меньшевикам, затем 15-летняя полемика с Лениным... В 1905 г. один из руководителей первой русской революции, председатель Петроградского Совета рабочих депутатов, арестован, судим, приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь, бежал и эмигрировал. В 17-м году после февраля вернулся, думал, что придется мне учиться у революции, но оказалось, что учителей явно не хватает, и мне самому пришлось учить

революцию. В августе я вошел в большевистскую партию, на VI съезде был избран членом ЦК. Осенью снова стал председателем Петросовета, после Октября – нарком по иностранным делам, наркомвоен, председатель Реввоенсовета республики. Глубокие разногласия с Лениным по коренным вопросам теории и политики, которые вылились позднее в его фразу о моем «небольшевизме», имели место глубокие разногласия со Сталиным и партией, которые вылились позднее в мое изгнание из страны – тоже реальность. Моя деятельность за рубежом по созданию IV Интернационала, все это было, как было и многое другое в этом плане. Я солдат Мировой революции, без колебаний отдаю себя на суд потомков.

Не было никаких контактов со спецслужбами, кроме, пожалуй, одного-единственного... 20 августа 1940 года у себя в кабинете ударом ледоруба по затылку я был смертельно ранен неким Джексоном, под именем которого действовал испанец Рамон Меркадер... (Троцкий).

— «Вехи моего пути здесь не забыты. Главная из них – я выиграл войну, которой не знала история человечества, сохранил ленинское наследие, построил социализм. Из этого и прошу исходить» (Сталин).

Пленум ЦК 20 июля 26-го года был для меня последним (Дзержинский). Врачи меня предупредили, что выступать нельзя категорически... Но Троцкий, Зиновьев, Каменев так откровенно хотели свернуть голову НЭПу, что отмалчиваться было нельзя... Когда я сошел с трибуны, меня всего трясло. Через 3 часа все случилось, мне было 49 лет».

— Согласие большевиков на переговоры – признак их слабости.

«Я знаю силу человеческого невежества – не только наших низов, но и всего русского общества: свобода им не нужна, им нужен кулак» (Керенский).

«Оборона есть смерть вооруженного восстания» (Ленин).

«Надо всегда идти дальше, глубже... всё время вперед... не забегать, но и не плестись... Только не останавливаться... дальше... дальше... как говорил Гёте – «вайтер, вайтер»...

«Вы думаете, в партии две дисциплины – (Сталин – Крупской) – одна для всех, другая для жены Ленина? Во что превратится партия, если в ней будет две дисциплины – одна для простых, другая для избранных? Я вам прямо говорю: мы этого не потерпим! Как Генеральный секретарь, я запрещаю вам говорить с Лениным на политические темы» (период болезни Ленина).

«Нельзя лезть в воду, не умея плавать, утопим мы социалистическую идею» (Плеханов).

«Но ведь и нельзя научиться плавать, не залезая в воду» (Ленин).

Зиновьев – «В руководстве ЦК уже сложилась определенная расстановка сил... работой политбюро уже более года руководили мы с Львом Борисовичем, отчасти Сталин. Перед диктаторскими амбициями Троцкого стоял надежный заслон в лице нашей тройки. Письмо от Ленина нарушало равновесие. Оскорбленный Сталин сразу же подал заявление об отставке, мы с трудом уговорили взять его обратно.

Ленин: я писал съезду, что отношения между Сталиным и Троцким составляют большую половину опасности раскола, который угрожает партии, и если этому не помешать, раскол может наступить неожиданно. Я писал о грубости и нелояльности Сталина, совершенно нетерпимых в должности Генсека. Я предупреждал вас, что эти качества Сталина – это не мелочь или такая мелочь, которая может получить решающее значение для всех судеб партии.

Каменев – мы думали только о том, как сохранить Сталина.

Ленин – я говорил с Вами о Фрунзе. А Дзержинский? И у Сталина могла быть интересная работа, ведь речь шла не об отставке, а о передвижке.

Каменев – мы договорились между собой, что политический отчет, с которым ранее выступал Ленин, на XII съезде будет делать Зиновьев, не Троцкий. Это было очень важно: тот, кто сделает отчет, будет рассматриваться партией, как преемник Ленина. Сталин нас охотно поддержал. А мы взяли на себя обязательство сохранить его на пост Генсека, и сам Сталин на роль лидера не претендовал. И он нас в этом качестве вполне устраивал. Ни о каком единовластии Сталина речи тогда и быть не могло. Наоборот, он был сторонником коллективного руководства. Амбиции Льва Давидовича, его потенциальное диктаторство представлялись тогда всем нам гораздо большей угрозой, чем личные качества Сталина...

Ленин – это какой Вышинский? Меньшевик?

Зиновьев – Я взываю к вашему благородию... я заклинаю вас отменить этот процесс. Он бросит на страну пятно небывалого позора. Это будет удар по идее социализма... Если вы так хотите нас убить – убейте без шума, но не заставляйте старых большевиков признаваться в том, что они были бандой убийц. Подумайте только, вы хотите изобразить членов ленинского Политбюро и личных друзей Ленина – да спорили! да ругались! но ведь были же близки! Вы хотите изобразить нас беспринципными уголовниками, а нашу большевистскую партию... партию пролетарской революции представить змеиным гнездом предателей и шпионов... Если бы Ленин был жив.

Не страшен перебор, страшен – недобор.

— Фейхтвангер в своей книжке о Москве 37-го года вспоминает ответ Сократа по поводу некоторых неясностей у Гераклита. Великий Сократ сказал так: «То, что я понял, прекрасно. Из этого я заключаю, что остальное, чего я не понял, тоже прекрасно».

Мы отвечаем вам, что сколько раз ни менялись на Руси обстоятельства и условия, даже если учесть ваш Октябрь, русский человек все равно не меняется – рабство вбито в него накрепко. Почему же он не меняется? Потому, что внутренняя сущность человека зависит не от обстоятельств, не от общественных условий, а от того, есть ли в нем высшее, духовное начало – «царство божие внутри вас есть». Пока человек сам не станет внутренне свободен, никакими революциями вы не сделаете его свободным.

45. АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ – ИСПОВЕДЬ СЫНА ВЕКА,

Изд-во «Правда», 1988 г., М.

— Слышались только рыдания и взрывы смеха: рыдала душа, смеялось тело.

— Разврат, первое следствие тлетворного духа смерти – это страшное оружие расслабления.

— Преступна только ложь.

— Октав, Вам хотелось бы многих вещей и прекрасных вещей, но их не бывает на свете. Вы верите в какую-то необыкновенную любовь. Вы быть может на неё и способны, но не пожелаю Вам такой любви.

В ту минуту, когда эта женщина явилась к вам, она несомненно любила вас. Она может быть не любит вас сейчас, она быть может покоится в объятиях другого, но в эту ночь, она любила вас. И что вам до всего остального. Вы о ней пожалеете, ибо она больше не вернется. Женщина прощает все, кроме пренебрежения.

— Мы живем только обломками старого, словно конец мира уже близок.

— Как ни ненавижу я эту женщину, она, так сказать, проникла мне в плоть и кровь.

— Совершенства не существует.

— Нечасто встречаешь любовь на своем пути.

— Француженки остроумны, изящны и сладострастны, но они лгут, как демоны.

— Пусть Вас обманывают, или почитают, важно только одно – любят ли Вас, ибо какое вам дело до всего остального, если Вас полюбили?.

— Талант – прекрасная вещь. Но удвоить свои способности, прижать чье-то сердце и чей-то ум к своему уму и сердцу – величайшее счастье, самое большое, какое бог создал для человека. Вот почему любовь есть нечто большее, чем талант.

— Я не могу ни любить её, ни полюбить другую, ни жить без любви.

— Может ли мужчина считать, что он действительно жил на свете, если он отрицает могущество женщин?

— Ведь затронута только моя чувствительность, сердце мое тут совершенно не участвует.

— Бойся пресыщения, эта болезнь тоже неизлечима; лучше стать трупом, чем живым человеком, пресыщенным жизнью. Берегись любви, для распутника это хуже всякой болезни.

— Каждая женщина, которую ты обнимаешь, отнимает у тебя частицу твоей силы, но ничего не дает взамен.

Характерной чертой г-жи Пирсон была её веселость, которая не переходила в радость, но была неистощима.

— Я не люблю и не уважаю грусть, хотя люди точно сговорились окружить её особым почетом. Они облачают в неё мудрость, добродетель, совесть, глупое и дурное украшение.

— Быть с людьми, которых любишь, говорит Лабрнойер – это всё, что нам нужно. Мечтать, говорить с ними, молчать возле них, думать о них, думать о вещах более безразличных, но в их присутствии – не все ли равно, что делать, лишь бы быть с ними.

— Жить, ощущать сильно, глубоко, что ты существуешь, что ты человек, созданный богом – вот первое и главное благоденствие любви. Любовь – неизъяснимое таинство, в этом нет сомнения. Любовь стойкая и роковая любовь все же является божественным законом, столь же могущественным и столь же непостижимым, как тот закон, который заставляет солнце сиять в небе.

— Говорят, ничто не передается быстрее, чем чувство антипатии, но мы еще быстрее угадываем, что нас понимают и что любовь будет взаимной.

— Когда находишь в дорогом тебе существе родственную душу, которую искал, какое спокойствие овладевает тобою, души переполнены, но уста молчат.

— Безысходное горе – преждевременный пагубный опыт и страшный поединок между молодостью и скукой?

— Женщина, которая любит и сопротивляется, любит недостаточно сильно. Та, которая любит достаточно сильно и всё-таки сопротивляется, знает, что она менее любима.

— Как страшно, что человек, который страдает, хочет заставить страдать и тех, кто ему дорог.

— Я потеряла единственное близкое существо, ещё остававшееся у меня на земле. Я теперь одна в мире и хочу уехать отсюда.

— Если бы теперь мне случилось потерять тебя, я уже никогда больше не смог бы полюбить. Быть может, прежде, когда я еще не знал тебя, исцеление могло бы прийти ко мне и от другой женщины, но теперь ты, одна ты во всем мире можешь убить меня или спасти, ибо я ношу в сердце рану, нанесенную всем тем злом, которое я тебе причинил.

— Словом, он принадлежал к той немногочисленной группе людей, которые живут, не делая шума, благодарны тем, кто не замечает их достоинств.

На лице его отражалась искренность и в то же время какая-то суровость, удерживавшая меня и внушавшая уважение.

У него была лишь одна мысль, одно благо – забота о благе ближнего.

— Если разврат не притупляет ум человека, то одним из неизбежных его следствий является какое-то извращенное любопытство.

— Безумец тот, кто хочет узнать правду. Безумна та, которая надеется, что ей поверят.

— Бывают страдания, самая чрезмерность которых показывает нам, что это предел, и чем сильнее стыд и раскаяние мучили меня, тем яснее я чувствовал, что после подобной оценки нам оставалось одно – расстаться.

— Я тысячу раз собирался разойтись с ней, но тот, кто любит, знает, что это значит. Это случалось в порыве отчаяния или гнева.

— Но понемногу, капля за каплей, начинает сочиться кровь, рана открывается, давая ей дорогу, земля окрашивается темным пурпуром, приближается смерть.

— Возможно ли это – я теряю тебя? Но ведь я никого не могу любить кроме тебя одной.

— Как жалки люди, оскорбляющие насмешкой то, что может спасти человека.

Они скрепили его печалью более могущественной (брак), чем сама любовь – печатью дружбы.

— Но есть такая любовь, которая не волнует – она проникает вглубь человека и умирает лишь вместе с существом, в котором пустила корни.

— Останемся друзьями и простимся навеки.

— Только дураки ни в чем не сомневаются.

— Людей надо добротой лечить.

46. ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ – ОСТРОВ КРЫМ,

«Юность», №1, 1990 г., М.

— Господа, нашего не еврей продал, а человек, все апостолы евреями были.

— Что мне удивляться – мы потеряли друг друга, потому что не ищем друг друга. Распланировал всю неделю, а о сыне даже не вспомнил.

— Эйфория и у них возникает, но другого сорта, обычная советская эйфория, при виде витрин (рвутся к окнам Фаберже, Тестова, Сакса).

— Всё меньше становилось друзей, всё меньше баб, впрочем, и дружок в штанах всё реже предъявлял требования.

— Да кто он такой? Он птаха невидная, да певучая.

— Таким свойством он обладал, у него ничего не пропадало.

— Каменный век – подумал Лучников.

— Чтобы участвовать в кровообращении России, надо стать её частью.

— Там где надо, пороха у него не хватает.

— ВМПС, так называли в компании Лучникова «Великий и Могучий, Правдивый и Свободный» язык.

— Мы выбирали вина – сейчас это очень важно. Если неправильно выберешь вино, весь обед покатится под откос, и все через 2 часа могут выглядеть как свиньи.

Огромная фигура, добродушные щеки и цепкие и умные глазки во главе стола внесли гармонию. Вина оказались выбранными правильно, обед заскользил по накатанным рельсам: снадобья, под дирижерскую палочку Октонуса не давали гостям передохнуть.

— Русские дворяне не очень-то кичатся своей голубой кровью.

— Наша боль для него – возможность поострить.

— Матюкнулся на всех доступных ему языках, а их было не менее десятка.

— Встречая сардонической улыбкой слово «идеалы», вы увеличиваете свою говенность.

— А Вам, товарищ мадам, крепкое партийное рукопожатие.

— Сексуальная революция покончила с проституцией. О половых контактах они говорят, словно о танцах. Можно подойти к девушке и сказать ей: позвольте пригласить на «пистон». То же самое и в полном равенстве позволяют себе и девицы. Как в данцинге.

— Считалось, что Симферополь, с его нагромождением ультрасовременной архитектуры, стильная Феодосия, небоскребы международных компаний Севастополя, сногшибательные виллы Евпатории и Гурзуфа, минареты и бани Бахчисарая, американизированные Джанкой и Керчь, кружево стальных автострад и поселения богатейших яки – менее опасны для идейной стойкости советского человека.

— Предпочтительно жить в нашем мире, где всего не хватает, где все всего боятся, да-да, это более нормальный мир.

Сходство сотрудников «органов» и еле заметные, но очень еле заметные улыбочки, и ошеломляющая искренность, сменяющаяся тут же неуловимыми, но все же уловимыми нотками угрозы, и вдруг появляющаяся усталость, некий вроде бы наплевизм – что, мол, делать, такова судьба, таков мой бизнес, но в человеческом плане вы можете полностью рассчитывать на мою симпатию.

— Сейчас не вырваться. Нужно подчиниться, усыпить их бдительность, а потом броситься с парашюта на камни или под колеса машины, или вырвать у кого-нибудь из них нож, пистолет и ... засадить себе в пузо.

— Настоящая русская женщина, способная к самопожертвованию, «коня на скаку остановит, в горячую избу войдет».

— Транквилизатор – розовая таблеточка (что-то вроде тоники).

— И вот установилась власть мизерабля, низшего из мизераблей, самого дебильного дебила нашего времени.

47. ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ – КАМО ГРЯДЕШИ,

Лениздат, 1990, Л.

Роман посвящается борьбе римского императора Нерона против христианства. Действие романа развивается на протяжении последних четырех лет правления Нерона (64-68 гг. н.э.), открывая перед читателем драматическую страницу римской и мировой истории.

— Вселенную несет на своих плечах не Атлант, а женщина, и порой играет ею как мячом.

— Выходит, твое однодневное христианство и твоя более давняя философия разрешают тебе верить в Меркурия?

Я всегда верю в то, во что мне выгодно верить, и в этом состоит моя философия.

— Петроний – Виницию: И всегда помни, что мрамор, пусть самый дорогой, ничего не стоит, и что истинную ценность он получает лишь тогда, когда его превратит в чудо искусства рука ваятеля. Будь же таким ваятелем, дражайший!

— Даже боги не всегда бывают благодарны, что уж говорить о людях!

— Аристотель учит нас, что менее важное надлежит приносить в жертву более важному.

— Среди безумных сам становишься безумным и, более того, начинаешь находить в безумии некую прелесть.

— Вот что сказал нам спаситель: «Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему, и если покается, прости ему. И если семь раз в день согрешит против тебя, и семь раз обратится, и скажет: каюсь, - прости ему».

— Какой мир, такой и император! Но долго это не протянется.

— Счастье всегда там, где человек его видит

— Я всегда буду менять мнения, когда сочту это уместным или выгодным

— Нерон Виницию: А пока помни: существуют два Нерона: один тот, какого знают люди, другой артист, которого знаешь только ты один и который, разя, как смерть, или безумствуя, подобно Вакху, поступает так из-за того, что его гнетут пошлость и ничтожество обычной жизни и он хотел бы их истребить, хотя бы и пришлось действовать огнем или железом... О, каким серым будет этот мир, когда меня не станет! Никто, даже ты, дорогой мой, не догадывается, какой я великий артист! Но именно поэтому я страдаю, и верь мне, душа моя бывает так мрачна, как эти кипарисы, что чернеют перед нами. Да, тяжело человеку нести бремя высшее власти и величайшего таланта!

— Некоторые вещи в мире прекрасны, но люди по большей части так ничтожны, что жалеть о жизни не стоит. Кто умел жить, должен уметь умереть... О смерти не стоит думать, ибо она о нас думает без нашей помощи.

— Стадо! – с презрением повторял Петроний. – Народ, достойный своего императора!

И он задумался над тем что этот мир, основанный на насилии и такой жестокости, на какую даже варвары не были способны, мир, погрязший в преступлениях и диком разврате, не может устоять. Рим был владыкой мира, но также язвой мира. От него несло трупным зловонием. На этой прогнившей жизни лежала тень смерти.

Теперь он понимал, что только у христиан есть новые основы жизни, но ему казалось, что вскоре от христиан и следа не останется. И что тогда?

Шутовской хоровод будет нестись и дальше под предводительством Нерона, а коль Нерон сгинет, найдется второй такой же или еще худший, ибо при таком народе и таких патрициях нет никакой надежды, что найдется лучший. Будет новая оргия, и, наверное, еще более мерзкая и безобразная.

Но ведь оргия не может длиться вечно, после нее надо идти спать, ну хотя бы просто от усталости.

Думая об этом, Петроний вдруг почувствовал смертельную усталость. Стоит ли жить, да еще жить без уверенности в завтрашнем дне, лишь для того, чтобы глядеть на подобный миропорядок? Гений смерти не менее прекрасен, чем гений сна, у него тоже за плечами крылья.

— Среди собравшихся не было ни одного, кто бы не потерял дорогих сердцу существ, самые ревностные и самые отважные из верующих были уже в заточении, каждый час приносил новые вести о поругании и муках, причиняемых им в узилищах, и размеры бедствия превзошли воображение человеческое. Осталась лишь эта горсточка, и вряд ли нашлась бы там хоть одна душа, не усомнившаяся в вере и с разочарованием не вопрошавшая, где же Христос и почему он позволяет, чтобы зло становилось сильнее бога.

Все же они и в отчаянии молили его о милосердии, ибо у каждого еще теплилась искра надежды, что он придет, истребит зло, низвергнет Нерона в бездну и воцарится в мире...

— Какой артист погибает!

Нерон приставил к шее нож, но дрожащей своей рукой он мог лишь слегка уколоть, и было очевидно, что вонзить остриё он не решится. Тут Эшафродит вдруг толкнул его руку, и нож погрузился по рукоятку, - глаза Нерона вмиг выкатились из орбит, огромные, страшные, полные ужаса.

В одно мгновение лицо его застыло. Кровь из толстой шеи лилась черной струей на садовые цветы. Ноги, дергаясь, несколько раз ударили по земле – и он скончался.

Верная Акта поутру обернула его тело дорогими тканями и сожгла на костре, обильно посыпанном благовониями.

— И вот ушел в прошлое Нерон, как проходят ветер, гроза, пожар, война или мир, а базилика Петра на Ватиканском холме доныне царит над Римом и миром.

А вблизи древних Капенских ворот стоит небольшая часовня с полустертой надписью: «Quo vadis, Domine?».

48. НИНА БЕРБЕРОВА – ЖЕЛЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА,

О жизни М.И. Закревской- Бенкендорф-Будберг, о ней самой и её друзьях. Изд. Дом «Книжная палата», 1991 г., М.

Нина Берберова – жена Ходасевича, в 1922 году выехала из России. Печаталась во всех ведущих эмигрантских изданиях.

В 1930 году особый успех выпал на долю книги о Чайковском. В 1950 году она переезжает в США. В 1969-72 гг. выходила её автобиография «Курсив мой». Наиболее значительная работа – «Железная женщина» (81 г.) о баронессе М. Будберг.

Мужья Будберг в разное время:

- 1) 1912 год – Роберт Брюс-Локкарт – посол Англии в России
- 2) 1920 год – М. Горький – прожили вместе 12 лет
- 3) 1920 год – Герберт Уэллс – 13 лет.

— Что сравниться с женской силой. Как она безумно смела!

«В прямой спине её, в манерах и в речах была петербургская простота аристократизма» (Солженицын о Берберовой).

Горький посвятил Будберг свой 4-томник «Жизнь Клим Самгина» (она прожила с Горьким 12 лет).

Невенчанной женой Уэллса она была 13 лет.

Все были обмануты «Мурой» (Будберг). Она лгала не как обыкновенная мифоманка или полоумная дурочка. Она лгала обдуманно, умно. В высшем свете Лондона её считали умнейшей женщиной своего времени. Но ничто не давалось ей в руки само, без усилия, благодаря слепой удаче; чтобы выжить, ей надо было быть зоркой, ловкой, смелой и с самого начала окружить себя легендой.

Она была свободна задолго до «всеобщего женского освобождения».

Название книги взято от прозвища, которое в 1921 году было дано Горьким.

— Мура была любимицей русской императрицы и близко знала Распутина. Она стала долголетней подругой Керенского. Она стала членом нового русского двора и чуть ли не любимицей Сталина, который позволил ей уехать из Советского Союза. Она переводила Чехова, Тургенева, Андре Моруа и др.

Мура имела свойство иногда не отвечать прямо на поставленный вопрос. Её лицо – серьезное, умное и иногда красивое – вдруг делалось лукавым, сладким, кошачьим, и с полуулыбкой, избегая ненужного ответа, она уходила в свое молчание. К мелочам жизни «Мура» относится с пренебрежением и с той стойкостью, которая есть доказательство полного отсутствия страха.

«Я видел в ней женщину большого очарования, чей разговор мог озарить мой день» (Локкарт).

Что-то вошло в мою жизнь, что было сильнее, чем сама жизнь.

Локкарт был с огромными связями исключительно благодаря личным качествам, обаянию, уму и юмору.

«Каждый человек был против всех остальных, и никто ни с кем не мог сговориться» (время русской контрреволюции).

Жизнь была семейная, не богемная.

Но теперь, как ему казалось, начинаются уже удары судьбы, не просто её капризы.

Английский акцент в русской речи Муры поражал очень многих...

Операция, проделанная Троцким, показалась тогда Локкарту и блестящей, и жуткой в своей жестокости.

Локкарт – при наличии прочно укоренившегося самоуважения и врожденной привычки не только не высказывать слишком громко сильных и необузданных чувств, но и не позволять им внутри себя управлять его настроениями, он стал замечать, что в нем теперь постоянно, как никогда прежде, появляется налет самоиронии, без которой англичанин, как кажется, не мыслит созерцания ни себя, ни своей судьбы. Это помогало ему в дни, грозившие ему двойной катастрофой – личной и общественно-политической.

«О, сердце тигра, скрытое в шкуре женщины» - король Генрих VI.

— Об Октябрьской революции Горький писал: «В эти дни безумия, ужаса, победы глупости и вульгарности...».

Идея Горького, которая в последние годы жизни приняла маниакальную силу – популяризация культуры, энциклопедического издания достижений всех времен и народов во всех областях науки и искусства.

В разное время различные женщины садились в доме Горького к обеденному столу на хозяйское место (Марья Федоровна Андреева, Варвара Федоровна Тихонова, и Мура).

У Горького собиралось разное общество – и Луначарский, и Стасов, и Шаляпин, и т.д. Чаще общество, которое радовалось нашему горю и печалилось нашими радостями. Им было в этом обществе тяжело.

Личный дар Муры – достигать поставленных целей. При этом она всегда умела казаться почти беззаботной, что надо приписать незаурядному умению притворяться и замечательной выдержке.

Мура умела внимательно слушать, слушать молча, смотреть на него своими умными глазами, отвечать, когда он спрашивал.

Мура знала себя достаточно сильной. Этим она восхищала Горького, с каждым днем становилась ему всё дороже. Откуда такая сила – недоумевал он, в то же время презирал собственную слабость.

Он (Горький) не мог себе представить творчество, не имеющее никакого умысла, т.е. творчество, которое бы не имело целью улучшить одну из трех сторон человеческого существования (умственное развитие, моральное совершенствование и экономическое благополучие).

Блок – ей: «Вы предназначены не мне, зачем я видел Вас во сне?».

Екатерина Павловна (I жена Горького, мать его единственного сына Максима) – он оставил её потому, что встретил Андрееву.

«Не медная вы, а железная. Крепче железа в мире нет».

Мура, по своей врожденной способности умела сделать все трудное легким, и все страшное – не совсем таким, каким оно кажется.

Ленин для Уэллса был скучен и его раздражал.

Троцкий был горд, агрессивен, страстен...

«Мы были струны одной и той же арфы, на которой играла буря Революции».

Стыд за чужое бесстыдство, за всё, что выходит за рамки кодекса поведения людей, - свойственная черта для Горького.

«Мура». Её сияющие покоем и миром лицо и большие, глубокие и играющие жизнью глаза, этот яркий и быстрый ум, и понимание собеседника с полуслова и ответ, мелькающий в лице, прежде чем голос зазвучит словами, и внезапная задумчивость и странный акцент, и то, как каждый человек, говоря с ней или только сидя с ней рядом, был почему-то глубоко уверен в своем сознании, что он, и только он, в эту минуту значит для неё больше, чем все остальные люди на свете, давали ей ту теплую и вместе с тем драгоценную ауру, которая чувствовалась вблизи неё. Волосы она не стригла, носила низкий узел на затылке, заколотый как бы наспех с одной или двумя прядями, выпадающими из волны ей на лоб и щеку.

Чуть подведенные глаза говорили, всегда говорили, и говорили именно то, что людям хотелось знать; серьезное или смешное, или печальное и умное, или что-нибудь тихое и уютное. Её тело было прямо и крепко, фигура была элегантна даже в простых платьях. Покупала себе дорогую и удобную обувь. Драгоценностей она не носила, носила мужские часы.

Мура вообще не любила женщин и не доверяла им.

Она умела говорить чего не было и молчать о том, что было.

В ней была смесь «внимания, такта и спокойствия». «Она была «прелестна, оригинальна и прекрасно делала своё дело».

Мне была близка и понятна её энергия, сила её живучести, её дикое отчаянное желание не погибнуть... не погибнуть, значит не опуститься на дно жизни, не примириться с отсутствием книг, музыки, чистого белья, теплой одежды, с отсутствием вокруг знающих, способных, живых людей.

В её загадочности, в её таинственности и, вероятно, лжи сквозило что-то темное, хитрое, что-то не совсем мне понятное... Она не муравей и никогда не будет им, она – ястреб, она – леопард и встретила я её не для того, чтобы учиться у неё, а для того, чтобы, смотря на неё, выжить по-своему, не став ни ястребом, ни леопардом.

«Её интерес ко всему, её внимание ко всем, её способность всё знать, всё видеть и слышать и обо всем судить...» (Горький).

Она любила расширять свои знакомства и легко это делала...

— Его жена на грани нервного расстройства от жизни с ним, вернее – от не жизни с ним...

Мура сказала Локарту – «Возьмите себя в руки. Вы достойны лучшего, чем играть роль лакея.

Мура пишет мало и весело, она женщина широкого ума и широкого сердца...

Муре нравилось создавать легенды...

— Уэллс – не любил жену – она оказалась ревнивой, циничной, болтливой, требовательной, тщеславной, подавляющей его своими капризами.

Уэллс не любил изысканных выражений и называл излишнюю деликатность лицемерием (в любви всё должно быть «весело, забавно, немножко смешно»...).

Мура принесла Уэллсу покой и свободу...

«Самое главное в жизни – работа, но без женщины работа только логическая необходимость и полная безрадостность. Страсти недостаточно. Нужна дружба, абсолютное доверие»...

Горький – I жена работала в ВЧК у Дзержинского, последняя жена была на службе у Петерса. Его сын начал карьеру у Дзержинского; жена сына имела любовника начальника НКВД Ягоду; внучка вышла замуж за сына Берия; вторая внучка была не внучка, а дочь, она родилась не от Максима, а от самого Горького.

Уэллс – «он женат, но что жена его не хочет выходить за него замуж».

Уэллс – говорил о женских правах, и был домашним тираном.

Уэллс оставил Муре сто тысяч долларов.

Мура – не настаивала ни на своей исключительной трудоспособности, ни на своём исключительном вкусе, ни вообще на своей исключительности, никогда ни о чем не спорила и под рукой всегда имела свою огромную кожаную сумку, не модную, но прочную, всегда носила с собой книжку (она всегда любила читать), и письма, и нужные ей лекарства и еще более нужный флакон с крепким напитком (водкой или виски), без которого она уже не обходилась.

Ни критика, ни конкуренция – только поддержка и согласие, без вопросов «почему» и «зачем», которые не дают счастья. Она никогда не повышала голоса, она никогда не говорила – «нет», она только тихо смеялась и заставляла его, хмурого и нетерпеливого, смеяться вместе с ней. За это колдовство, за её силу сделать бывшее небывшим, он любил её и был благодарен ей, и это делало её счастливой, все еще «железной», обращая к нему – смотря по тому, какой сегодня был день – то лицо «кошечки»; то серьезное, умное и твердое лицо, которое у неё всегда было.

Заглянув вперед, Уэллс понял и решил, что жизнь не имеет никакого смысла;

«Ежедневно приходят в жизнь тысячи злых, злостных, порочных и жестоких людей, решивших уничтожить тех, у кого еще остались идиотические добрые намерения. Замкнулся круг бытия. Человек стал врагом человека. Жестокость стала законом. И теперь сила управляет миром, сила, враждебная тому, что старается уцелеть. Это космический процесс, который ведет к полному разрушению.

— Также и Горький, у которого все иллюзии, видимо, рассеялись в нем, и осталась голая действительность, от которой уйти можно было только в смерть... Вопрос, был ли он отравлен и кем именно, умер ли от туберкулеза и сердца или отравил себя сам, теряет свою остроту – смерть для Горького, как и для Уэллса, явилась выходом и освобождением.

В литературных спорах мы видим людей, которые расходятся, но не ищут мести, не берутся за оружие, не наносят друг другу смертельных ран, они знают, что на земле хватит места для обеих сторон.

Альманах «Шиповник» под редакцией Леонида Андреева, Горький называл их «вредным винегретом» и возмущался, что Андреев печатает Блока и «фигляра» Белого. «У всех у них, писал он, - околела зелененькая душенька», а Сологуб был для него «Садист старикашка Тетерников». Он не только не считал возможным участвовать в одном журнале с «декадентами», но даже отказывался печататься с теми, кто, не будучи сам декадент, печатался рядом с декадентами. Только после «Двенадцати» Горький примирился с поэзией Блока.

Он никогда не мог бы провести дискуссию ни с Брюсовым, ни с Вяч. Ивановым, ни с Блоком, ни с Мережковским. Горький в музыке ценил хоровые песни, народные инструменты, в живописи – Крамского. Он ненавидел Замятина и Булгакова и глумился над романом Белого «Маски».

Горький делил людей на две категории: одних он мог учить, другим нечему было у него учиться. Этим последним он ненавидел (Дягилев, Мейерхольд, Миклашевский, Ахматова, Мандельштам, Кузмин), они рисковали не только своей литературной репутацией, но после 1930 года слишком часто и жизнью...

Первый раз Мура приезжала в Москву к Пастернаку в качестве корреспондента. Затем между 1960 и 73 годами приезжала 2 или 3 раза, останавливалась у Пешковой. Её принимали торжественно. В 1973 г. её сын, живущий на Ла-Манше, вышел на пенсию в 60 лет, уехал в Италию. Мура теперь была малоподвижной, 82-летней женщиной. Выходила она мало, и главное общение с людьми происходило по телефону. Она не скрывала, что ей для того чтобы быть способной «функционировать», как она говорила, нужен был алкоголь. В её сумке всегда было полбутылки водки, без которой Мура никуда не выходила. Но и с ней Мура иногда впадала в состояние слабости и рассеянности, словно выпадая из реальности, возвращаясь в неё после 1-2 глотков вина. В то время все говорили, о невероятном количестве пищи, которое она могла съесть за один раз и огромном количестве спиртного, которое она могла выпить.

Она была: женщина сильного, решительного, бесстрашного характера, вдохновительница, советница и помощница великих людей своего века – она тогда только недавно «сделала» Чайку» Чехова для Симоны Синьоре, Ванессы Редгрейв и Джеймса Мейсона.

Она говорила о своей чудовищной выносливости и работоспособности, о своей молодости – готовности принять в жизни всё, выйти из всех трудностей и никогда ничему не удивляться.

Осенью 1974 года она переехала в Италию, и два месяца спустя, 2 ноября в Лондонской «Таймс» было напечатано известие о её смерти и длинный некролог в два полных газетных столбца. Он был назван «Интеллектуальный вождь». В некрологе автор отмечает: «она могла пережить любого матроса... Среди её гостей были и кинозвезды и литературные знаменитости, но среди них также бывали и скучнейшие ничтожества. Она была одинаково добра ко всем. Они говорили о её даре рассказчицы, забавной, остроумной, яркой и оригинальной. Гарольд Никольсон в своем дневнике писал, что она была «одним из самых очаровательных существ, которых он в жизни знал».

Её тело было перевезено из Флоренции в Лондон, хоронили её 11 ноября. Были французский посол в Лондоне, затем вся лондонская знать, из русской знати, а также дети, внуки. Всего около 50 человек.

«Жить, чтобы выжить».

49. ДЖ. БРЭЙН – ПУТЬ НАВЕРХ. ЖИЗНЬ НАВЕРХУ,

Изд-во «Правда», 1991 г., М.

— Природа наградила её носом, который мог выглядеть терпимо только на мужском лице.

— Виски не шотландские, к сожалению.

— В конце концов «это» даже необходимо для здоровья.

— Деньги липнут к деньгам, дружок. Смотри, чтобы она не разбила тебе сердце.

— Зачем тебе такая жена? Поищи лучше среди тех, кто тебе ровня, мальчик, держись своих.

— Он был слишком хорошим рабочим, чтобы его уволить и слишком прямодушным и твердым в своих лейбористских симпатиях, чтобы получить повышение.

— Я могла бы тогда выбрать глупого жирного мужа с автомобилем, но мне нужен был хороший человек.

— Это была вышедшая из моды красота: надежная, здоровая, мужественная.

— Он двигался легко, как молодой бык, только в нем не было ничего от бычьей свирепой тупости.

— Есть вещи, которые можно купить только за слишком дорогую цену.

— Слишком уж много одуванчиков развелось в наши дни.

— Чем мужчина крупнее, сильнее, тем больше в нем пищи для болезней.

— Я была слишком независима, а он хотел распоряжаться мной, как вещью.

— Прошу прощения – я должен, как говорят французы, пойти сменить воду в аквариуме.

— Ты как кошка, всегда падаешь на все четыре лапы.

— Только гениям и негодям удается вырваться за рамки своего класса.

— Я не утверждаю, что нужно непременно любить людей, но они не должны быть нам безразличны.

— Судьба, сила обстоятельств, удача или неудача – всем этим обветшалым персонажам нет места в моей жизни, им придется сойти со сцены за ненадобностью.

50. АЙРИС МЕРДОК – ДИКАЯ РОЗА,

Изд-во «Вагриус», 1999 г., М.

— Вечно ей нужно быть в авангарде чего-то там такого, мужчины этого терпеть не могут.

— Излишняя откровенность, граничащая, по его мнению, с вульгарностью.

— Я убедилась на опыте, что люди очень мало интересуются друг другом.

— По-настоящему почти никто не замечает, ни до чего человек хорош, ни до чего плох. Наверно, этим нужно утешаться, поскольку чаще бываешь плохой, чем хорошей.

— Хью болван, какая-то поразительная способность не замечать того, что у тебя перед носом.

Хорошо смазанный механизм, производящий мало тепла, но работающий бесперебойно.

— Она заставляла с собой считаться, чем-то смущала, сбивала с толку – не была настоящей подругой.

— Ты безобразно скрытый, так нельзя.

— В гостиной у Хью она сразу почувствовала себя дома и подумала о том, как мало осталось мест, где бы она испытывала это теплое, восхитительное чувство, которые умели так принять её и успокоить.

— Она стала маленькая и сухая, как орех.

— В его возрасте благородная поза уже не кажется столь необходимой.

Эмма была непокладистая и трудная и отнюдь не приспособлена к тому, чтобы ужиться с человеком его склада.

— Он уедет на край света с Милдред, с надежной, разумной, уравновешенной.

Не воссоединение состоялось, а лопнула струна.

— Слово её тело и его обнюхивали друг друга, как две старые собаки.

— Рука Эммы лежала на ручке кресла, как осторожная ящерица.

— Черты её с годами заострились. В лице появилось что-то голодное, свирепое, покрасневшие глазки не утратили блеска, но потемнели.

— Разве вы не видите, что я – старая высохшая вещь вроде чучела крокодила? Подает голос, а внутри пусто.

— Всякую, даже самую простую ситуацию она толковала на свой лад. От этого она казалась опасной, но также и самобытной и свободной.

— Вы до сих пор способны удивить меня внезапными проблесками ума.

В лепке губ и щеки была утонченная безмятежность, восторгавшая его до полной потери сил.

— Рендл знал, что между тайной связью на стороне и гласным разрывом с женой – огромная разница и боялся последнего по множеству причин.

Всю свою силу до последней капли она вложила в эту улыбку.

— Он не хотел, чтобы по его милости в её сознании осталась заноза, которая могла бы постепенно обрасти неприязнью к нему.

Священнику пришлось ретироваться, столь явно уронив свое достоинство.

«Он вернется по многим причинам: привычка, удобство, благодарение богу, браки от любви не зависят». Вы должны его обвинить сетью доброты и христианской любви».

Теперь туман рассеялся, и оказалось, что они несовместимы.

Рэндл видит во мне смерть, говорит, что я убиваю его веселость – дьявол это дух, который всё отрицает.

Нужно не выдать, что знаешь или интересуешься, не допустить ни смущенных взглядов, ничего.

— Её трогательная красота и нежность в сочетании с тем, как умно она с ним обходилась, её тонкое понимание стратегии и тактики любви – все поразило его и стало приковывать, он благодаря её уму и мягкости и такту не чувствовал себя подлецом.

— Чтобы не погибнуть от недоразумения, она сказала ему сейчас, что любит и хочет выйти за него замуж.

— Я не хочу умереть от избытка благоразумия.

— На войне и в любви все средства хороши.

— Энн, вероятно, ждет не дожидается, чтобы ты взял её штурмом.

— Пустишься в слюнявые разговоры «о женщинах», которых мы любили.

— Я бы с удовольствием плыла с вами малой скоростью куда-нибудь в Китай.

— У такого человека как он, именно в его возрасте любовь прочнее.

— Феликс давно свyksя со своей ролью выжидающего, с ощущением, что действуют все, кроме него.

— Никогда – это большой срок.

— В новой ситуации будет, по крайней мере, какая-то ясность и честность.

— Я по натуре эгоист, и когда говорю, что сделал это ради вас, надо понимать, что я сделал это ради себя... Не чудо ли, что мы опять вместе, а раз чудо, не есть ли это веление судьбы?

— Может мы уже пустые внутри, как высохшие тыквы, знаете, которые гремят?

— Я человек непостоянный, мои слова не могут быть использованы как показание против меня.

— Облегчения не было: только сплошная боль утраты и приступы неистовой ревности.

— Такие взгляды – глаза в глаза – многое решают.

— Влюбляясь, молодеешь, и Феликс поддался этому омолаживающему процессу как приятному курсу лечения.

— Его огорчало не столько само это невежество, сколько её стремление по возможности его скрывать.

— Давайте без эмоций, вы меня размягчайте, а мне это вредно

— Разве прошлое удержишь? – А настоящее – только миг.

— Есть надежная, уютная Милдред.

51. ДЖЕЙ ДЕЙС – КРУПНАЯ ИГРА,

Изд-во «Империя звука», 2003 г.

— На фоне современной Америки, кабинет Харберта казался анахронизмом.

— Старая истина: коснешься чертополоха робко – он тебя уколёт, возьмешь его смело – и его колючки сломаются.

— Акула – вот что такое совершенный делец: идеальная приспособленность к среде, толстая кожа и прожорливость.

— Я говорю о рыбе, которая царит в море. Там есть много других рыб, больших и маленьких, которые умеют за себя постоять. Но самой большой по-настоящему оказывается та, которая может пожрать всех остальных.

А испытывать раскаяние? Ну, нет.

Надо уметь радостно облизывать губы после каждого блюда. Сильная, могучая, непобедимая – не удивительно, что люди боятся акулы и восхищаются...

— Я восхищаюсь тем человеком, который 4-5 тысяч лет тому назад сумел изобрести первый рыболовный крючок, я восхищаюсь этим человеком и люблю.

— Он был похож на скрытную старую деву, которая всегда вяжет, вяжет, вяжет саван, а может быть – детские носочки, но что именно, не знает никто. Как наверно невыносимо скучно с ним.

— Мещанская манера: тяжелая, мягкая мебель, множество вышитых салфеток и абажуры с бахромой.

— Их чувства, каковы бы они не были в прошлом, давно остыли, и их отношения стали простой условностью.

— Возможно Эбби со своим острым, как скальпель, умом выявит этот скрытый смысл.

— В любви ей нужна была не только форма, сколько содержание.

52. МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ – УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ,

Госиздат, 1984 г., М.

Том I

— Юноши не менее горячи, чем их лошади – горячи, а подчас и опасны, - но при всем кротки и послушны в руках тех, кто знал, как ими управлять.

— Тонкости классического образования не ставились никому в вину, если это искупалось хорошей сноровкой в том, что имело подлинную цену. А цену имело умение вырастить хлопок, хорошо сидеть в седле, метко стрелять, не ударить в грязь лицом в танцах, галантно ухаживать за дамами и оставаться джентльменом даже во хмелю.

— Скарлетт была полна неожиданностей. Она могла довести своими выходками до бешенства, но в этом и была её своеобразная прелесть.

— Низкорослые мужчины обычно кажутся немного смешными, если начинают пыжиться и напускают на себя важность, но бойцовский петух, даже если он мал, всегда пользуется уважением на птичьем дворе (о Джеральде О'Хара – отце Скарлетт).

— Ни одна жена на всем свете не сумела еще переделать мужа, и советую тебе зарубить это себе на носу. А уж чтоб переделать кого-нибудь из Уилксов – да тут сам всемогущий Бог не поможет.

... Земля – единственное на свете, что имеет ценность – потому что она – единственное, что вечно.

Мать Скарлетт принадлежала к тому поколению, которое считало необходимым соблюдать известный декорум в отношениях между супругами.

— Немеркнущая магия этого прикосновения (об Эллин – матери Скарлетт), тонкий аромат сухих духов и легкий шелест шелкового платья всегда трепетом отзывались в сердце Скарлетт.

С недоумением она каждый раз спрашивала себя, как это могло случиться, что её недалекий отец ухитрился взять в жены такую женщину, как её мать, ибо двух более несхожих по рождению, воспитанию и образу мыслей людей просто невозможно было себе представить.

Укоряла она, или поощряла – голос её был неизменно мягок и тих, спина пряма и дух несгибаем. Она была все время занята делом.

Скарлетт никогда не видела, чтобы мать теряла самообладание или чтобы её туалет, независимо от времени суток, не был в безупречном состоянии.

За величавой женственностью Эллин скрывалась стальная выдержка и воля, державшие в почтительном трепете весь дом и самого Джеральда.

«Помни, из какой ты семьи, и не позволяй никому задирать перед тобой нос» – напутствие отца.

На пороге жизни он познал одну истину: маленький человек должен быть крепок, чтобы выжить среди больших.

В стране, где самый невежественный ирландец мог стать большим богачом. В стране, где от мужчины требовалось только сила, выносливость и любовь к труду. Братья О'Хара умели блюсти интересы своего клана и крепко держались друг за друга, как в удаче, так и в нужде, и не столько из родственных чувств, сколько из жестокой необходимости, ибо знали: чтобы выжить в трудные годы, семья должна противостоять судьбе единым фронтом.

Тотчас на стол подавалось виски в высоких стаканах с ложечкой сахара и толчеными листиками мяты на дне.

С безошибочным природным инстинктом слуги очень скоро раскусили нрав хозяина и, зная, что собака, которая громко брешит, кусать не станет, беззастенчиво этим пользовались.

И здесь ни одна семья не пожалела бы выдать дочку замуж за человека, дед которого никому не был известен.

Чтобы Джеральд О'Хара признал кого-то в чем-то выше себя – такого еще не бывало, да и быть не могло ни при каких обстоятельствах.

Собственность принадлежала мужчине, а женщине – обязанность ею управлять. Честь прослыть рачительным хозяином доставалась мужчине, а женщине полагалось преклоняться перед его умом. Мужчина ревел как бык, если загонял себе под ноготь занозу, а женщина, рожая, должна была глушить в груди стоны, дабы не потревожить покоя мужа. Мужчины были несдержанны на язык и нередко пьяны. Женщины пропускали мимо ушей грубые слова и не позволяли себе укоров, укладывая пьяного мужа в постель. Мужчины не стеснялись в выражениях, могли изливать на жен свое недовольство, женщинам полагалось быть терпеливыми, добрыми и снисходительными.

Полученное Эллин светское воспитание требовало, чтобы женщина среди всех тягот и забот не теряла женственности, и Эллин хотелось воспитать трех своих дочерей настоящими леди.

Главная жизненная задача каждой девушки – выйти замуж.

Превыше всего Скарлетт познала искусство таить от мужчин острый и наблюдательный ум, маскируя его невинно простодушным, как у ребенка, выражением лица.

– Ты должна быть мягче, скромнее, моя дорогая, - говорила Эллин дочери. Нельзя вмешиваться в разговор джентльменов, даже если знаешь, что они не правы и ты лучше осведомлена, чем они. Джентльмены не любят чересчур самостоятельно мыслящих женщин.

Упрямство и своеволие – эти ужасные пороки и помешают ей сделать хорошую партию.

Все женщины, включая собственных сестер, были для неё потенциальными врагами, ибо все охотились на одну и ту же дичь – все стремились поймать в свои сети мужчину.

Железное правило: прежде чем девочки отправляются в гости, их следует так напичкать едой дома, чтобы там они уже не могли проглотить ни кусочка. А кто много есть в гостях, тому не видать женихов, как своих ушей.

Девушки должны казаться беспомощными, беззащитными, кроткими, как голубки, неземными существами. Ведь не зря было выработано и так прочно внедряется это притворство. Может она и впрямь вела себя слишком смело? Иной раз она спорила с Эшли и позволяла себе открыто высказывать свое мнение. Что, если это, а также её пристрастие к далеким прогулкам пешком или верхом оттолкнуло от неё Эшли и заставило обратить внимание на хрупкую Мелани? Однако она чувствовала, что перестанет уважать Эшли, если окажется, что он способен попасться на крючок таких обдуманных женских уловок. Ни один мужчина, который настолько глуп, чтобы приходить в восторг от этого жеманства, притворных обмороков и лицемерных «О, какой вы замечательный» не стоит того, чтобы за него бороться. И, тем не менее, по-видимому, всем мужчинам это нравится.

Простота и непосредственность в женщине никогда не имели большой цены в глазах людей.

— Тарлтон, неплохо сумела воспитать своих детей, дрессируя совершенно так же, как своих любимых жеребят, - строго, любовно и не слишком стесняя их свободу. «Держи в узде, но не превращай в слюняев» - таков был её девиз. «Усилим воли она не позволила себе пасть духом, и снова весело заблестало солнце, возродив к жизни окружающую природу.

Открылся шикарный вид здания – горделивое и радушное, как женщина, которая, зная силу своих чар, щедра и приветлива ко всем.

Темно-карие глаза, нежные и чистые как у шотландской овчарки (Чарльз Гамильтон). Мелани казалась – да такой она и была – простой, как земля, надежной, как хлеб, чистой, как вода ручья. Она держалась с таким спокойным достоинством, что выглядела старше своих лет и было в этом что-то странно трогательное (несмотря на то, что она была миниатюрная, неприметная 17-летняя девочка).

Скарлетт была несчастна, но со стороны все же выглядела так, словно на свете не могло быть девушки счастливее её.

— Наполеон заметил как-то раз: Бог всегда на стороне более сильной армии.

— Мы с вами слишком разные люди, Скарлетт, а для счастья в браке одной любви недостаточно. Ведь вы же захотите, чтобы мужчина принадлежал вам весь, без остатка – душой и телом, всеми своими помыслами – иначе вы будете несчастны. А я вам этого дать не могу. Никому не могу я отдать всего себя. И от вас я не могу потребовать того же. И это будет вас оскорблять, и в конце концов вы возненавидите меня... Вы возненавидите книги, что я читаю, и музыку, которую люблю – ведь они будут отнимать меня у вас.

Мы с Мелани одна плоть и кровь, мы понимает друг друга с полуслова. А брак не может принести счастья, если муж и жена совсем разные люди.

С другой стороны как могу я не любить вас с вашей неуёмной жаждой жизни, которой я обделен? Вас, умеющую любить и ненавидеть с такой страстью, которая мне недоступна! Вы как огонь, как ветер, как что-то дикое».

— Ей претили чопорность Индии и глупая болтовня Милочки, И она знала, что они её тоже терпеть не могут, но не ездить к ним было выше её сил.

У тетушки не больше здравого смысла, чем у блохи, и у него через пять минут пребывания в её обществе делаются нервные колики.

Она должна до конца нести свой крест, ниспосланный ей в лице дядюшки Генри.

Несмотря на её глупые ужимки, сразу видно, что у неё есть крупица здравого смысла в голове.

От колыбели до могилы женщины прилагали все усилия к тому, чтобы мужчины были довольны собой, а довольные собой мужчины щедро вознаграждали за это женщин своим поклонением и галантностью.

Мелани во многих отношениях походила на свою тетку. Она была так же скромна, так же застенчива, так же заливалась краской, однако при всем том вовсе не лишена здравого смысла. Лицо Мелани, как и лицо тетушки Питти, было невинно и безоблачно, словно лицо ребенка, встречавшего в жизни лишь доброту и правдивость, искренность и любовь. Лицо ребенка, ни разу еще не столкнувшегося ни с жестокостью, ни со злом и не сумевшего бы распознать и при встрече. Мелани была счастлива, ей хотелось, чтобы все вокруг тоже были счастливы, или хотя бы довольны своей судьбой. Поэтому она стремилась видеть в человеке только лучшие его стороны и всегда доброжелательно отзывалась о людях. В любом, самом тупом из слуг она обнаруживала черты преданности и доброты, испулавшие в её глазах тупость; в любой самой уродливой из знакомых девиц открывала благородство характера или приятное обхождение и о любом мужчине, сколько бы он ни был незначителен или скучен, старалась судить не по бросающимся в глаза недостаткам, а по скрытым в нем быть может достоинством.

За эти искренние и непосредственные порывы её великодушного сердца все любили Мелани и невольно тянулись к ней, ибо кто может остаться нечувствительным к чарам такого существа, умеющего открыть в других положительные черты характера, о коих сам их обладатель даже и не подозревал? И у Мелани было больше подруг, чем у любой другой женщины в городе, а также больше друзей-мужчин, хотя и меньше, чем у других девушек поклонников, так как она была лишена самоуверенности и эгоизма, играющих немалую роль в деле покорения мужских сердец.

Скарлетт жила в окружении одних только женщин, и это страшно её раздражало, ибо она не испытывала ни любви, ни доверия к особам одно с нею пола – ничего, кроме скуки.

Лицо человека, познавшего лишь болезни и утраты и восторжествовавшего над ними благодаря крепости духа и природному чувству юмора.

Но почему она не такая, как все, как эти любящие, преданные женщины? Почему никого и ничто не способна она так бескорыстно, так самозабвенно любить? Эти мысли породили в ней чувство одиночества, которого она доселе не испытывала.

Обманывать себя – удел натур слабых, а ей это было несвойственно.

Насколько приятнее было бы никогда не выходить замуж, а продолжать носить бледно-зеленые платья, быть неотразимой, всегда окруженной толпой красивых мужчин. Однако если эту игру слишком затянуть, рискуешь остаться старой девой.

— Мухи слетаются на сахар, а не на уксус.

— Большинство людей почему-то никак не могут уразуметь, что на крушении цивилизации можно заработать ничуть не меньше денег, чем на созидании её.

— Англия никогда не выступает на стороне побежденного. Потому-то она и Англия.

Действительно, в светском кругу к людям предъявляется очень много глупых требований. Вот она должна почему-то притворяться, что схоронила свое сердце в могиле

вместе с мужем, хотя это вовсе не так. И как все были шокированы, когда она вздумала потанцевать на благотворительном балу. И до чего же противно они поднимают брови, стоит ей только сказать или сделать что-нибудь чуточку не так, как все! И тем не менее её злило, когда Ретт принимался высмеивать те самые обычаи, которые особенно сильно раздражали её. Она слишком долго жила среди людей, приученных к вежливому притворству, и потому чувствовала себя не в своей тарелке, как только кто-то облекал её мысли в слова.

Никаких ценных подарков, даже от жениха. Ни под каким видом нельзя принимать украшения и предметы дамского туалета – даже перчатки, даже носовые платки. Стоит хоть раз принять такой подарок, и мужчины поймут, что ты не леди, и будут позволять себе вольности.

— Мужчинам нужна война – о да, не меньше, чем женская любовь.

— Никогда не упускайте случая испытать нечто новое, это расширяет кругозор.

— Какой еще смерти может пожелать себе старик, как не плечом к плечу с молодыми париями?

Вы нравитесь мне безмерно – мне нравится эластичность вашей совести и ваших моральных правил, нравится ваш эгоизм, который вы весьма редко даете себе труд скрывать, нравится ваша крепкая жизненная хватка, унаследованная от какого-то очень далекого предка, крестьянина. Вы нравитесь мне потому, что я нахожу в вас так много черт, которые сродни мне, а сродство притягательно.

Желать кому-то смерти – это не приводит к добру, это почти так же опасно, как когонибудь проклясть.

Младенцы... зачем господу богу столько младенцев? Впрочем, это же не бог их творит, их творят глупые люди.

«Знай одно – свое ношу нести – и не ждать ниоткуда подмоги».

Все слабые существа не вызывали в ней симпатии.

О'Хара умеют сами позаботиться о себе. «Её ноша – это её ноша и, значит, должна быть ей по плечу».

Злой рок мог сломать им хребет, но не мог сломить их дух. Они не жаловались, они боролись. И умирали, исчерпав себя до конца, но не смирились. Которым суждено было нести такой крест и которые перекраивали судьбу на свой лад.

Пути обратного нет, и она пойдет вперед.

«Будь тверда, но неизменно вежлива с теми, кто тебе служит – совет матери, и еще: «Люби своих сестер, береги их. Будь всегда добра к недужным и скорбящим, помогай людям в беде».

Быть доброй, мягкой, уступчивой, честной, правдивой, скромной – судьба вознаграждает женщин, которые живут по этим законам.

В этот миг прозрения в душе Скарлетт зарождалось чувство восхищения и сродства, за голубиной кротостью глаз и нежностью голоса Мелани открылась твердая, как сталь, воля и мужество воина.

Совершившаяся в Скарлетт перемена была глубже, чем ей представлялось. Сердце её день ото дня все более ожесточалось, одеваясь в черствость, как в броню.

Очень плохо для женщины – познать самое страшное, потому что тогда она перестает вообще чего-то ни было бояться. А это скверно, когда у женщины нет страха в душе.

Жизнь в городе переливалась через край, и этим он тоже был ей люб. «Я сама как Атланта» – подумала Скарлетт.

Где-то на крутой извилистой дороге, по которой она брела последние четыре года (годы гражданской войны), эта девочка (Скарлетт) с её надушенными платьями и бальными

туфельками незаметно потерялась, оставив вместо себя молодую женщину с жестким взглядом чуть раскосых зеленых глаз, бережливо пересчитывающую каждый пенни, не гнушающуюся любой черной работой, женщину, потерявшую все, кроме неистребимой красной земли, на которой она стояла среди обломков.

Слушая, как эти бывшие денди, для которых модный галстук был едва ли не главным предметом серьезного беспокойства, озабоченно говорят о свиньях, Скарлетт рассмеялась, и в её смехе тоже прозвучала горькая нотка.

И от напускной веселости, проявляемой всем этим семейством, Скарлетт мороз подрал по коже – это было еще страшнее, чем затаенная горечь в глазах обитателей села или дух смерти, витавший над селом.

Люди, которые могут тратить драгоценные деньги на могильные плиты, в то время как еда так дорога, что к ней не подступиться, не заслуживают симпатии.

— Горький отвар из корня ежевики считался чудодейственным лекарством от всех желудочных заболеваний.

— Он остался один как перст на всем белом свете.

Уилл оказался приятным собеседником, потому что сам говорил мало, но умел слушать и понимать.

— Расплатиться до конца я не могу, понятно, никогда, потому как жизнь человеческая слишком дорога – её ничем не оплатить.

Он всегда был немногословен, никогда не суетился без толку, никогда не проявлял излишнего интереса к тому, что происходило вокруг, но знал решительно все про всех обитателей усадьбы. И работал не покладая рук. Работал молча, старательно и со знанием дела.

Человек с таким добрым сердцем, такой внимательный к людям – это врожденный джентльмен.

Это память о той жизни, которая ушла безвозвратно.

Том II

— Это не храбрость (о бое) – обстановка боя действует как шампанское. Ударяет в голову равно трусам и героям. Любой дурак может быть храбрым на поле брани, потому что, если не будешь храбрым, тебя убьют.

Главное в том, что жизнь стала вдруг слишком реальной, что ты соприкоснулся с простейшими её фактами. И дело не в том, что меня огорчает необходимость обтесывать колья, стоя в грязи – меня огорчает то, что эту необходимость породило. И меня огорчает – очень огорчает – утрата красоты, которой полна была прежняя, любимая мною жизнь (до войны). В ней было всё – и прелесть, и совершенство, и идеал, и симметрия, как в греческом искусстве. А теперь её не стало, и мне нет места в новой жизни, и я боюсь.

То, с чем столкнулись мы сейчас, - хуже войны и хуже тюрьмы, а для меня и хуже смерти.

Голодать – не очень приятно – но я не боюсь голода. Я боюсь жизни, лишенной неспешной красоты нашего мира, которого уже нет... мне нет места в новой жизни и я боюсь. Война открыла мне, каковы люди на самом деле, но не научила жить с ними. И боюсь, я никогда этому не научусь. Я понимаю, мне придется для этого прокладывать себе путь в мире людей, с которыми у меня нет ничего общего.

Она посмотрела на Эшли и подумала – какой это цельный человек – ни её страсть ни чья-либо еще не заставит его раздвоиться. Слова «гостеприимство», «порядочность», «честь» значат для него куда больше, чем она сама.

«Если я что и ценю в женщинах, так это прямопу» (Батлер Скарлетту).

Она вдруг поняла, что Ретт Батлер – даже в заключении, даже под надзором – человек опасный и дурачить его нельзя.

— Аман – по Библии первый министр персидского царя Артаксеркса, повешенный на виселице, построенной по его приказанию для Мардохея.

— Любую добродетель можно купить за деньги – вопрос лишь в цене.

— Она с минуту посидела спокойно, стараясь возродить в себе гнев, стараясь призвать его на помощь, чтобы вновь обрести силы. Но она слишком устала, она не могла уже ни ненавидеть, ни чего-либо желать. Сознание понесенного поражения словно налило её свинцом. Она всё поставила на карту и все потеряла. Даже гордости не осталось.

Если вы пытаетесь чего-то добиться от мужчины, не выкладывайте ему всё сразу, постарайтесь быть погибче, пособлазнительнее. Это приносит лучшие результаты.

Когда человеку столько лет, как Френку Кеннеди, пора бы уж научиться не задумываться над тем, что не имеет значения. Но он всегда был какой-то нервный, вечно трепыхался из-за чего-нибудь, точно старая дева. Он нервный, застенчивый и добропорядочный, а уж паршивее качеств для мужчины не придумаешь.

Она не могла повернуться к жизни спиной. Она должна жить, а жизнь оказалась такой жестокой, такой враждебной, что нечего было и пытаться сгладить все улыбкой. Скарлетт не замечала в своих друзьях ни их мягкости, ни мужества, ни несгибаемой гордости, она видела только глупое чванство, которое позволяло им наблюдать явления жизни и с улыбкой отворачиваться, чтобы не смотреть правде в лицо.

— К этому добавилось разочарование, обычно наступающее у мужчины, когда он обнаруживает, что женщина неглупа.

Я всегда считал, что женщины обладают такую твердостью и выносливостью, какие мужчинам и не снились, хотя с детства мне внушали, что женщины – это хрупкие, нежные, чувствительные создания. К тому же, согласно кодексу европейского этикета, муж и жена не должны любить друг друга – это дурной тон и очень плохой вкус.

«Влияние – это все».

Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как наблюдать за внутренней борьбой, которая происходит в вас, когда принципы сталкиваются с таким практическим соображением, как деньги.

В глазах его появилось выражение брошенного хозяином пса.

Ни на что и ни на кого нельзя рассчитывать, кроме как на себя.

Когда уж и слуги недостаточно высокого о тебе мнения – большего оскорбления для человека нельзя и придумать.

— Только один человек понимал её, только на него она могла положиться; странно, что именно он предстал перед ней в таком свете – непостоянный, как ртуть, и порочный, как дьявол из преисподней. Но он сочувствовал ей, а как раз этого ей и не доставало, хотя меньше всего она рассчитывала встретить сочувствие у него.

— Если вы ничего плохого не делаете, то лишь потому, что вам не представилось возможности.

Вы всего-навсего стараетесь быть непохожей на других женщин и весьма преуспели в этом. А я уже говорил вам, что это грех, который не прощает ни одно общество. Одно то, что вы с таким успехом извлекаете прибыль из своей лесопилки – является оскорблением для всех мужчин, не сумевших преуспеть. Запомните – место благовоспитанной женщины - в доме и она ничего не должна знать о грубом мире дельцов.

Вы явно любите свою работу и явно не позволите никакому мужчине занять ваше место, вот почему никто вас не жалеет. И они никогда вам этого не простят. Ведь так приятно жалеть людей.

Нельзя иметь всё. Вы либо будете делать деньги неподобающим для дамы способом и всюду встречать холодный прием, либо будете бедны и благородны, зато приобретете кучу друзей. Вы сделали ваш выбор. Но за это надо платить, как почти за всё на свете. И платить одиночеством.

Хорошенько запомните. Если вы не как все, то всегда будете одиноки, всегда будете стоять в стороне не только от ваших сверстников, но и от поколения ваших родителей и от поколения ваших детей. Они никогда вас не поймут, и что бы вы не делали, это будет их шокировать.

Тяготы либо обтесывают людей, либо ломают.

— Присутствие Ретта придает бодрости, как рюмка коньяку.

Слезам ведь горю не поможешь – они только внесут смятение, ослабят её дух.

Не желала она слышать от чужого человека ничего плохого о своей семье.

Живые светло-карие глаза были как у шустрых зверьков, резвых и опасных.

Он был одним из нас, и у него было всё хорошее, что есть у нас, и все плохое, была у него и наша сила, и наши слабости. И хорошим в нем было то, что уж если он что решил, ничто не остановит. И никакая сторонняя сила не могла его подкосить.

Этот портрет, на котором была изображена женщина с высоко взбитой прической, полуобнаженной грудью и холодным дерзким выражением лица, всегда поднимал дух Скарлетт.

В нашей семье этих взлетов и падений было предостаточно. И наш девиз такой: «Не вопи – жди с улыбкой своего часа» - ждали с улыбкой своего часа и стали теперь большими специалистами по части выживания.

Но когда бы ни случилась беда, проходит несколько дней – и мы снова на коне.

Мелани, несмотря на молодость, обладала всеми качествами, которые так высоко ценили эти потрепанные жизнью осколки прошлого: она умела в бедности сохранять гордость, отличалась безропотным мужеством, веселостью, гостеприимством, добротой и, главное, верностью старым традициям. Мелани не желала меняться, не желала даже признать, что есть необходимость меняться в этом меняющемся мире.

Мелани и подобные ей дамы – это наша душа, все что у нас осталось. Но мы возродимся потому, что среди нас есть люди такой души, как Мелани.

Дело не в том, что они потеряли деньги, дело в том, что они лишились всего мира – мира, в котором выросли. Они точно рыба, вынутая из воды, или кошка, которой обрубил лапы.

В деловом мире крепко наказывают за нечестную игру.

Люди его породы (об Эшли) никому не нужны и не имеют ценности в нашем перевернутом мире. Всякий раз, как привычный уклад летит вверх тормашками, люди его породы гибнут первыми. Они не заслуживают того, чтобы остаться в живых, потому что не борются, - не умеют бороться,

Не имея ничего, надо начинать с нуля. Не имея ничего, кроме острого ума и физической силы.

У таких же, как Эшли Уилкс, нет ни острого ума, ни физической силы, а если есть, то они совестью пустят эти свои качества в ход. И тогда они идут ко дну – это неизбежно. Таков закон природы, и миру лучше без них.

Только ловкие заслуживают того, чтобы жить.

Сильные удерживаются в седле, а слабых жизнь сбрасывает на землю.

Со времен Робин Гуда – и по наши дни потрошить богачей считается высокоморальным.

— Люди могут простить почти всё – не прощают лишь тем, кто не интересуется чужими делами. Ты же не раз говорила, что тебе безразлично, что люди болтают на твой счет.

— Чего же вы хотите – чтобы меня оставили в покое, чтобы меня не донимали люди, которых я не люблю, чтобы меня не заставляли делать то, чего мне не хочется... мне хотелось бы, чтобы вернулись былые дни, меня все время преследуют воспоминания о них и о том, как вокруг меня рухнул мир.

Жизнь стала теперь более пышной – в определенном смысле. В том-то вся беда. В прошлом не было пышности, но дни тогда были украшены очарованием, они имели свою прелесть, медлительную красоту.

Жизнь не обязана давать нам то, чего мы ждем. Надо брать то, что она дает, и быть благодарным уже за то, что это так и не хуже.

Мне жаль вас, что вы обеими руками отталкиваете от себя счастье и тянетесь к чему-то, что никогда не сделает вас счастливой. Счастье возможно лишь там, где схожие люди любят друг друга.

Люди завидуют тебе из-за твоего ума и успеха. Ты сумела преуспеть там, где даже многие мужчины потерпели крах. Просто люди не понимают тебя и к тому же не выносят умных женщин.

«Если любишь меня, люби и моего пса».

Нет, она боялась не боли и не голода, и не утраты любви. Её угнетало ощущение, что в мире что-то не так, - это был страх, затмевавший все остальные чувства.

Ноша создана для плеч, достаточно сильных, чтобы её нести.

— Но я-то люблю его. Я люблю его многие годы. А любовь не может в одну минуту превратиться в безразличие»... Но, оказывается, может превратиться и превратилось.

— Не унижайтесь передо мной. Мне это невыносимо. Проявите немного достоинства, немного сдержанности, чтобы хоть это осталось, когда мы будем вспоминать о нашем браке.

- Даже самая бессмертная любовь может износиться.

- Я любил вас, но не мог дать вам это понять. Вы так жестоки к тем, кто любит вас, Скарлетт. Вы принимаете любовь и держите её как хлыст над головой человека.

Все что угодно, но только не жалость и не доброта. Когда она испытывала к кому-нибудь подобные чувства, это всегда сопровождалось презрением. Неужели он её презирает? Все что угодно, только не это!

— Скарлетт, я никогда не принадлежал к числу тех, кто терпеливо собирает обломки, склеивает их, а потом говорит себе, что починенная вещь ничуть не хуже новой. Что разбито, то разбито. И уж лучше я буду вспоминать о том, как это выглядело, когда было целым, чем склею, а потом до конца жизни буду лицезреть трещины. Мне не так мало лет, чтобы верить сентиментальному суждению, будто жизнь – как аспидная доска: с неё можно все стереть и начать сначала.

И сильная духом своего народа, не приемлющего поражения, даже когда оно очевидно, Скарлетт подняла голову. Она вернет Ретта. Нет такого человека, которого она не могла бы завоевать, если бы хотела. Завтра я найду способ вернуть Ретта. Ведь завтра уже будет другой день!

— Всё говорило о том, что мы предназначены друг для друга. Все, потому что я – единственный из ваших знакомых – способен был любить вас, даже узнав, что вы такое на самом деле: жесткая, алчная, беспринципная, как и я. Но я любил вас и решил рискнуть. Я надеялся, что Эшли исчезнет из ваших мыслей. Однако, – я все перепробовал, и ничто не

помогло. А я ведь так любил вас. Если бы вы только мне позволили, я бы любил вас так нежно, так бережно, как ни один мужчина никогда еще не любил. Но я не мог дать вам это почувствовать, ибо я знал, что вы сочтете меня слабым и тотчас попытаетесь использовать мою любовь против меня же. И всегда, всегда рядом был Эшли. Это доводило меня до безумия. Но сейчас это уже не имеет значения. Это-то и привело меня к Красотке. Есть какое-то свинское удовлетворение в том, чтобы быть с женщиной – пусть даже она безграмотная шлюха, которая безгранично любит тебя и уважает потому, что ты в её глазах – безупречный джентльмен. Это было как бальзам для моего тщеславия. А вы ведь никогда не пытались быть для меня бальзамом.

53. АЛЕКСАНДРА РИПЛЕЙ – СКАРЛЕТТ,

Изд-во «Терра», 1992 г., М.

— Старая Мамушка готова сложить свою ношу и отдохнуть в объятиях Господа.

— Ты сделала то, что должна была сделать. Господь послал тебе тяжелое бремя, и ты его несла. Нет смысла спрашивать, почему это было предназначено именно тебе и чего тебе стоило нести его. Что сделано, то сделано.

— Я кажется начинаю ныть – подумала она с отвращением. Я не позволю этому случиться. Как только спустишься вниз до конца, дорога может вести только вверх. Если я привела в беспорядок жизнь, я и разберу её.

Целый мир ушел, целая эра закончилась – пусть она покоится в мире (о Мамушке).

Она не собиралась сдаваться, поражение было не в её натуре.

Все время в движении, никогда не смотреть назад. Что сделано, то сделано.

Не был новым для неё укол зависти.

— Каждый должен постоянно чему-то учиться. Это не слыхано, чтобы леди путешествовала одна.

— Семья не чернит себя.

— Две старые девы, они готовы преклоняться перед любыми штанами, даже если это короткие штанишки.

— Есть некоторые правила выражения печали. Обществу нужны правила, чтобы не распадаться. Я не связываюсь дважды с теми, кто обманывает меня.

Она собиралась задать вечеринку с рекой шампанского и горой лучшей, самой дорогой еды.

Даже мысль о словах Мелани заставила Скарлетт почувствовать себя лучше.

— Леди никогда не показывает, что устала или расстроена.

— Поспишь с собаками, наберется вшей.

Скарлетт О'Хара не пряталась. Она поворачивалась лицом к худшему, что приготовила ей судьба. И она шагала навстречу опасности.

Она должна быть сильной и красивой, и у неё не было времени попусту его тратить. Ретт не вернулся к ней, её придется поехать к нему. Приняв решение, Скарлетт радикально изменилась. У неё теперь была цель, и вся её энергия была направлена на её достижение.

До свидания, Атланта – ты попыталась меня сразить, но я не далась. Меня не волнует, одобряешь ты меня или нет.

Она почувствовала себя в безопасности, любимой и непобедимой. Она может всё. И она это сделает. Она завоюет любовь Ретта снова. Она будет уважаемая и обожаемая, и обожаемая всеми.

Росс никогда не сравнится с Реттом ни в чем. Ретт протягивает руку и берет то, что хочет. А бедный Росс – неудачник во всем.

На её лице была только безмятежность и любовь. Она уже давно научилась прятать боль.

— Мы просто найдем способ сделать тебя менее заметной, похожей на нас. Тогда ты будешь чувствовать себя лучше.

— Скарлетт обожала постоянную активность, ей нравилось, когда на неё обращали внимание.

Скарлетт достигала своей лучшей формы, когда была постоянно занята. Это было необходимо, после ужасающего одиночества (в Атланте), и она быстро забыла отчаяние, которое чувствовала там.

Она была такой переменчивой, как настоящая француженка. Французы говорят, что женщина не может быть по-настоящему прекрасной, если в ней нет чего-нибудь гадкого. Они очень тонкие люди, очень мудрые. Англо-саксонцам их никогда не понять.

Она могла быть прекрасной, могла быть гадкой. Как захочет. Она была такой, какой хотела быть. Она могла быть такой незаметной среди других. Затем могла посмотреть своими темными глазами (прожигаящими), как будто гипнотизируя. Дети тянулись к ней. Животные её очень любили. Мужчины сходили с ума.

- Когда дела плохи так, что хуже некуда, остается только смеяться. Это спасает от сумасшествия, и зубы не так стучат от страха.

В своей жизни Скарлетт почти всегда была наедине со сложностями. Иногда она отказывалась признать, что нуждается в помощи, чаще ей вообще не к кому было обратиться. Сейчас было по-другому, и её душа поняла это раньше, чем её ресурсы. Были люди, готовые ей помочь. Её семья решительно сняла тяжесть с её плеч. Больше она не была одна.

— Ты сделала то, что должна была сделать, дорогая – я могу понять вашего мужа. Его проблемы глубже и обиднее, чем ваши, он борется с самим собой, а для сильного человека – это трудная битва. Он придет за вами, и вы должны быть благодарны ему, когда он это сделает.

Ну и простофиля ты, Скарлетт О'Хара – говорила она себе и слезы облегчения катились по её щекам – Конечно, кровать чужая и комната тоже, ты упала в обморок, как глупая, слабая, мнительная девица и принесли тебя в отель. Прекрати этот психоз.

В ту ночь, в гостиничной комнате в стране за тысячи миль от её родины, Скарлетт совершила самый смелый поступок, на который когда-либо была способна. Она стойко встретила свое поражение.

Счастье заключается в свободной жизни. Трудная часть выполнена, часть, зависящая от других людей. Теперь всё зависит от меня, от пути, который я избираю.

— Он вернулся к себе, к своим книгам и трубке, а также к старому виски с чувством заслуженной награды.

— Скарлетт О'Хара была самая утомительная личность из всех, кого он когда-либо встречал.

Он был рад, что она дала выход своему горю и оставил её одну. Сильные люди не любят свидетелей своей слабости.

— То, что не заработано своими собственными руками – милостыня.

Скарлетт не просила и не принимала помощь ни от кого. Она несла всю тяжесть одна.

— Вы уже всё сделали. Вас уважают, вам верят, вами восхищаются и гордятся. Это имя не унаследовано, оно присвоено вам. Теперь вы просто должны быть самим собой.

Ты замечательная женщина, Скарлетт, Так думают все, кто тебя знает. Ты выдержала все удары судьбы, которые сломили бы не только более слабую женщину, но даже мужчину. И ты никогда не требовала к себе жалости и сострадания. Ты просто сотворила чудо, заставив всех этих ирландцев так усердно работать. А как ты смело вела себя с этим английским офицером! Говорят, даже выставила одного из них за дверь при сотне свидетелей.

К рождеству ирландцы – над камином, окнами и дверями прикрепляют дубовые веточки, а в одном из окон ставят большую свечу, обычно красную, чтобы она освещала путь младенцу Христу.

— Любые поминки – это прославление прожитой жизни человека. И смех, как и слезы, часть этого прославления.

— Как хорошо ни от кого не зависеть. Прекрасно не обращать внимания на то, что делают, или не делают другие, что они одобряют, а что нет.

— Два года хорошего урожая успокоили людей. А когда люди спокойны и довольны, рисковать становится гораздо опаснее.

— Люди боятся красивых детей, а когда люди чего-нибудь боятся, они пытаются это уничтожить.

Выглядела она точь-в-точь, как её описывала швейцару Шарлотта: «Вы сразу поймете, что это она. Она невероятно красива и ведет себя, как королева».

— Надо свыкнуться с мыслью, что свобода для него превыше всего. Я предоставила полную свободу Кэт, потому что я её очень люблю. Пусть будет так и с Реттом.

Нет, она не должна этого делать, не должна отдавать ему себя, не должна сдаваться. Если она не устоит, он потеряет к ней интерес, как только завоюет её.

— Нельзя остановить невежество. Кэт нашла свой способ и этого достаточно. Камни не поранят её душу. Она в безопасности в своей башенке.

Ты должна делать то, что тебе дано делать. Бог защитит Дару.

— Ты не позволишь судьбе сломить тебя, Барт, ты должен продержаться. Я знаю, я сама оказывалась на самом дне. Ты не должен сдаваться, просто не можешь.

54. ДЖУЛИЯ ХИЛПАТРИК – РЕТТ БАТЛЕР,

Изд-во АСТ, 1994 г., М.

— Их застолья дома больше напоминали восточные базары.

— Иногда чувства можно и не облекать в слова, все и так очевидно.

Ложная аура спокойствия окутала девушку, заставляя её поверить, что бояться совершенно нечего.

— Ей не мешало бы стать осьминогом, а точнее осьмируком, чтобы все успеть.

— Нельзя пустыми словами лишний раз бередить рану.

И сейчас мы должны еще больше заботиться друг о друге – после горя.

Она попыталась никому не показывать свою растерянность - все так и пытаются научить её, как ей жить и что делать.

— Замуж я могу выйти, только если полюблю кого-нибудь так же сильно, как любила Ретта Батлера.

В этом мире существуют какие-то непонятные ей связи.

Скарлетт, конечно, не привыкла отступать, но и здравый смысл был всегда при ней.

Дело, которое не идет, не её дело.

— Женись, не трать время на других девиц, до которых тебе нет дела. Никогда нельзя загадывать, как повернется жизнь, и что может случиться, когда есть шанс получить то, что хочешь, его нужно использовать.

Жизнь дает тебе так много возможностей. Она дала уже всё, о чем ты мечтал. Храни всё тебе данное судьбой, благодари её за эти дары. Не отказывайся от этих даров по таким глупым причинам.

Скарлетт так больше и не вышла замуж, не смогла никого полюбить после Ретта.

— Как могу я ненавидеть жизнь, когда я так вас люблю.

Она не любила задумываться о будущем.

— Дочь была просто сражена этим мужчиной. - Высокий, с умными глазами, от него исходило ощущение силы и надежности.

Он принадлежит Богу и стране (Бо Уилкс.)

— Хотя все в Дэвиде излучало силу и власть, начиная от его роста и заключая манерой, с которой обращался к нему шофер, ловя каждое движение хозяина, тем не менее, он поражал простотой и добрым открытым нравом, у отца и у дочери полностью отсутствовали самодовольство и высокомерие. Дэвид был спокоен, дружелюбен, своеобразно утончен.

— Ей еще больше повезло, что у неё есть вы.

— Скарлетт была необычной, не похожей на других. И не только потому, что была неотразимо прекрасна и элегантна, но еще и потому, что от неё исходила сила, не свойственная женщинам, и в то же время не отнимавшая у неё женственности. Он полностью оказался во власти её обаяния.

— Особое очарование придавало Дэвиду то, что он как будто и не замечал своей привлекательности, вёл себя естественно и был чрезвычайно прост в общении.

— Мне нравится одиночество, тем более, что я его лишена.

— Я уверен, что вы не остались бы в одиночестве, если бы захотели.

Дэвид налил в бокалы шампанское, на что Скарлетт заметила, что это может стать опасной добавкой.

— Джеин замечательная девушка, для Бо это настоящий подарок судьбы.

— Ты наслаждаешься каждой минутой этой суеты, поэтому прекрасно переживешь.

Она сама расценивала свое одиночество, скорее, как достоинство или волю судьбы. В её случае это проявление долга, жертва Ретту.

— Они были чужими людьми, но поделились друг с другом самым сокровенным. Такое часто встречается в дороге.

— Бывает долг чести и долг любви.

— Все случилось так, как было определено судьбой, вы прошли долгий-долгий путь ко мне.

У Джона и Скарлетт были свои собственные жизни, свои пути, свои миры, и не создал Бог для них общей дороги, общей судьбы.

— Вред причинен тебе, твоей душе, это имеет значение в первую очередь только для тебя. Если ты переживешь это зло, ты победила. Ты получила серьезный урок, о котором должна помнить всю жизнь. И главное, чтобы ты смогла с достоинством выбраться из этого. Остальное не имеет значения.

— Ты не умеешь быть слабым и не потерпишь никакого не то что снисхождения, жалости, но даже малейшей зависимости от других. Даже от близких... от любящих тебя.

— Ретт о дочери: усовершенствованный временем и воспитанием вариант Скарлетт.

Ретт никого не пустит в свою душу, как бы они ни хотели покопаться в ней. Никого, даже лучшего друга.

— Жизнь с надеждой не так страшна, как без неё.

— Она поняла, что ей нужен именно он. И все равно она ему не скажет об этом, пусть не успокаивается.

— Правду говорят, что времена меняются, и молодежь становится вольной, неуправляемой.

— Никогда в жизни не могла долго выдерживать глупую пустую болтовню светских дам.

— Жизнь по своей сути жестокая вещь. Каждый в ней ищет свои выгоды, отстаивает свои интересы. И от этого никуда не денешься.

Они уже много раз теряли и находили друг друга. И уже должны были научиться дорожить тем, что имеют.

Ей была нужна эта суета, чтобы не чувствовать себя так одиноко в пустом, всеми покинутом доме.

Она должна была пойти гордо, с высоко поднятой головой. Это требовало и соответствующего наряда. Как будто ничего не изменилось в её жизни, и она по-прежнему блистательная, независимая Скарлетт О'Хара, которую не сломят никакие жизненные невзгоды.

— Все изменится в один прекрасный день, Скарлетт. Однажды вы оглянетесь на всё прошедшее, и оно покажется вам всего-навсего сном. Далеким видением, которое случилось с кем-то посторонним. Всё пройдет, дорогая.

— Я в своей жизни много натерпелась от людей. Их злые языки, мне порой кажется, сопровождают меня с момента рождения. Спасибо вам за всё. Я люблю вас как самого близкого и надежного друга и всю жизнь буду вам благодарна.

— Мы боимся их потому, что они не такие, как мы: наши перышки не окрашены в яркие цвета, красные и зеленые, а всего-навсего в черные и серые (о серости в людях).

— Я думаю, Билл наберет черных и серых перьев и облачит тебя в это оперенье, и ты станешь как мы все. Но тебе не нужно соглашаться на это, Кэтти. Ты необыкновенная,

своеобразная и прекрасная. Ты очень-очень редкая птичка. Сбрось свое серое оперенье, Кэтти. Пусть все видят, как богата твоя индивидуальность, как ты отличаешься от других.

— Как часто так случается, что мы постоянно сталкиваемся с людьми и совсем их не знаем (о Кэтти).

— Нет, дорогая, я не женат. Но я счастлив и без этого. Человек должен умереть холостяком.

— Иногда «нормальность» означает заурядность, серость, скуку, банальность. Но все эти качества не относятся к тебе с момента рождения и до настоящего времени. Ты необыкновенная женщина и всегда будешь такой. Ты притворяешься и ведешь здесь образ жизни заурядной жены заурядного мужа.

— Пришло время, милая, тебе пора собраться, стать самим собою.

— Я знаю, всё это очень сложно. Но это большой шанс. А судьба может отвернуться от человека, который не использует свои шансы. Вас может ждать большой успех.

— Ведь ты нелепо выглядишь, маскируясь в серые и черные перья. Ты не принадлежишь к нашему обществу, Кэт. Ты знаешь об этом, я знаю, все знают...

Не отказывайтесь от своей мечты. Не позволяйте жизни убить их, если в этих мечтах вся ваша душа... храните её... добивайтесь её... не забывайте о ней... разрывайте сети... и если всё-таки они опутали вас, перегрызите их, выпутайтесь, выпрыгните и плывите прочь, пока не утонете... но не отказывайтесь от мечты.

— Тебе надо понять одну вещь, Кэтт (совет Ретта – отца). Я, конечно, не вправе вмешиваться в твою семейную жизнь. Это дело твое и твоего мужа. Но если он поставил тебя перед таким выбором, то скажу тебе одно: он вряд ли тебя достоин. И еще, если твой муж любит тебя, он, может быть и не сразу, но поймет и вернется к тебе.

Кэт была осторожна с новыми знакомствами, не хотела рисковать, чтобы не быть втянутой в новый водоворот судьбы.

— Не встретила ни одна девушка, с которой он был готов остаться на всю жизнь.

— Он очень уважал свою дочь, он привык всегда относиться с уважением к людям одержимым, ярким, чем-то необычным. Его дочь была именно такой.

— Ретта раздражал этот человек. Закопался в своих идиотских правилах: ни шагу в сторону.

— Это была женщина, с которой он хотел бы прожить всю оставшуюся жизнь и без которой свет был ему не мил.

— Я уважаю тебя за то, что ты серьезно относишься к своему делу, но хочу, чтобы ты училась достойно принимать и удачу, и поражения, хотя в данном случае о поражении, как я вижу, еще и слова никто не сказал.

— Не надо было сбегать: если ты работаешь с людьми, то не будь свиньей по отношению к ним, особенно если они обеспечивают успех. Да и не только в этом случае... Сегодня от тебя требовалось немного, пройти после спектакля за кулисы и поблагодарить всех, кто принимал участие в спектакле: и режиссера, и актеров, и рабочих сцены...

— Билл – дурак. Ему была не нужна райская птичка. Он хотел птицу в сером оперении.

— Люди, которые с большой теплотой и дружелюбием относились к их семье (Кэтт и Билла), сейчас отворачивались, встречаясь с ней на улице. На Кэтт лежала печать не только развода, но и успеха. Она была не их круга.

— Жизнь никогда не подарит нам с тобой второго такого человека, каким был Барт для меня.

— При родах можно было присутствовать любому количеству людей, лишь бы не было маленьких детей и больших собак.

Кэт чувствовала себя в окружении людей, заботившихся о ней.

— В твоей жизни все оказалось ненормальным. Но иногда «нормальность» означает заурядность, серость, скуку, банальность. Но все эти качества не относились и не относятся к Скарлетт. Она необыкновенная женщина и всегда будет такой. Именно за эту «ненормальность» Ретт полюбил её.

Он досадовал на судьбу, которая избрала эту женщину своим орудием, чтобы мучить его.

«Жалею, что был молод и наделал столь много глупостей» - Ретт Батлер.

— Старые супруги боялись появляться на обществе, они стеснялись, им было неудобно.

Скарлетт стеснялась своей надвигающейся старости, она стеснялась своих морщин, своей седины, стеснялась того, что уже не такая молодая и красивая, уже не та «гордая южная красавица», какой все знали ее прежде.

Может быть, ей просто не хотелось никуда идти, хотелось быть одной? Ей хотелось того самого одиночества, от которого она все время бежала?

— Величие нашей страны – только в её традициях.

Авраам Линкольн – это был великий человек. В нем воплотилось всё величие Америки.

Как бы худо не было (имеется в виду война), надо найти силы сказать: «Суд Божий является праведным и справедливым».

Пока у человека есть хоть какие-то потребности, хоть какие-то желания, он будет жить.

— Скарлетт, твоя беда в том, что ты слишком много внимания придаешь словам. Слова тебя просто дурачат, а внимание надо придавать поступкам и только поступкам. Надо быть проще.

Ведь иногда и радость надоедает...

— Как я благодарна тебе, только лишь за то, что ты встретился на моем пути. Как я благодарна за всё и за твои упреки, и за твою любовь ко мне.

Скарлетт всегда старалась избегать праздных и суетных вопросов.

— Мы любим животных, или, допустим, живопись, потому что они приносят нам радость.

Как много тогда говорилось о высокой нравственности, как превозносились добродетели и порядочность, как часто воздевали руки к небу в праведном ужасе перед теми, кто нарушал седьмую заповедь, или хотя бы был только заподозрен в подобном нарушении. Однако все, мнившие себя джентльменами, бесконечно нарушали все эти заповеди.

— А сейчас, когда я уже дряхлый старик, и чего там скрывать – одной ногой в могиле, мне тоже хочется что-нибудь для себя выдумать, вот я и выдумал этого горностаю...

Все-таки – как иногда мы бываем несправедливы к людям – потому лишь только, что их убеждения не совпадают с нашими.

— Ты, Скарлетт, просто очень старая, очень злая, очень некультурная женщина... Ты никого не любишь, и тебя никто не любит.

Никто на целом свете никогда не скажет, за что один человек любит другого, за что так быстро привязывается к другому... Никто... наверное, только – Господь Бог.

— Каждый живет той жизнью, которая ему нравится.

Наверное, это действительно её судьба – всю жизнь быть одной.

— Боже, как у него мало времени! Как мало времени, чтобы любить друг друга! (в старости).

Что значит внешность? Она была неповторима душой, характером – всем тем, из чего складывается индивидуальность.

Он был еще внушительен и даже красив, хотя многие и не понимают, как может быть красив старый человек.

Но постепенно жизнь брала свое, Ретт научился жить один, нашел занятия, благодаря которым боль от смерти Скарлетт притупилась.

«Неповторимая, женственная и мужественная, сильная и слабая одновременно, неугомонная, очаровательная Скарлетт. Сколько времени потеряно впустую, как непоправима расплата за давно минувшие ошибки»...

Она постоянно держала Батлера в приятном напряжении.

И как такая Скарлетт с манерами, временами напоминающими манеры гулящей, могла превратиться в крестьянку, а потом чуть не стала графиней, и покорила Дублин, став наконец-то настоящей леди? Она всю жизнь озадачивала Ретта и, может быть, поэтому он любил её больше всего на свете.

— Ясно одно – чем люди богаче, тем они гнуснее.

Складывалось впечатление, что признание собственной неправоты для этой женщины действительно ничего не значит. «Вы правы, мистер, а я не права! Ну и что с того? Вопрос исчерпан этой простой констатацией факта...

— Наверняка стоит быть менее вежливым. Здесь не центр города, в этих кварталах вежливость вызывала подозрение.

— Ты все время выигрывал, потом решил, что непобедим и полез в заоблачные высоты. Ничего нельзя порвать сразу и окончательно.

— Сейчас я хочу, чтобы каждый из нас выпил за то, что хочет, молча.

— Человек должен перебороть беду сам.

— Не принимайте близко к сердцу – когда наступает день, как правило, ночь исчезает без следа.

— Он был слишком молод и не успел понять этот гнусный закон – горе так же недолговечно, как и всё остальное.

— Жизнь чушь, когда растешь, понимаешь, что жизнь чушь слоями и ты выбираешь какой-нибудь из них.

55. ФИНИС ФАРР – МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ И ЕЁ «УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ»,

Изд-во «Алгоритм», 2000 г., М.

Из введения:

— Ответ Митчелл молодежи – «поколению, разочаровавшемуся», пожаловавшемуся ей, что «их обманули», говорят о том, что она вложила в Скарлетт кое-что и от себя ... Меня изумляет в некоторых юных, как это они, насколько я могу понять, не просто тоскуют по обеспеченности, но уверенно требуют её, как свое законное право, и становятся горько раздраженными, если его не преподносят им на серебряном блюде. Есть что-то тревожное для нации, если её молодые люди взывают к обеспеченности. Юность в прошлом была напористой, желающей и умеющей испробовать свои возможности... Я знаю многое о своей семье, а мои друзья здесь, на Юге, очень хорошо осведомлены о делах своих давно покойных родственников и об их отношении к жизни. Я не могу вспомнить ни одного случая, когда кто-либо из этих стародавних ждал обеспеченности или думал, что может её достичь. Напротив, я уверена, что они ответили бы вам изумленным взглядом, если бы вы взяли обсуждать с ними эту тему, а скорее всего, они бы пришли в ярость, как если бы вы обвинили их в самой низкой трусости.

Достоевский писал: «Во всем мире нет такого красивого типа женщин, как англичанки». Его поразила одна. Черты лица её были нежны, тонки, что-то затаенное и грустное было в её прекрасном и немного гордом взгляде... Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастных женщин своим развитием: иначе что же значит лицо человеческое (Достоевский о Вивиен Ли, полн. собр. соч., т. 5, 1973, с. 71-72).

У Вивиен Ли было это лицо, «которое что-нибудь да значит», как бы ни обманывала им её героиня. И зрители её приняли безоговорочно. Это была Скарлетт.

Премьера картины состоялась в Атланте 14 декабря 1939 года. По цифрам успеха картина все еще продолжает идти впереди всех после неё созданных в Америке. Люди следят за своей любимцей и её ответом судьбе: «ду – удочки... не поймаешь» – «O, fiddle – dee - dee».

— Митчелл была настоящей американкой, в жилах которой текла американская история: предки из Ирландии со стороны отца, с другой – французы. Традиции независимости и полагания на собственную силу, готовность рисковать; любимыми стихами матери были:

«И тот судьбы своей страшится
Иль за душой у него мало,
Кто всё поставить не решится,
Когда на то пора настала».

Родилась Митчелл в 1900 году, средне училась, писала для школьного театра пьесы, танцевала, ездила верхом. В 1918 г. на фронте во Франции погиб её жених – лейтенант Генри. В 1925 г. вторично вышла замуж за страхового агента Дж. Марша (о первом браке известно лишь то, что Маргарет не расставалась с пистолетом, пока её супруг не был найден убитым где-то на среднем Западе). Она вместе с мужем поселилась неподалеку от прославленной Перошковой улицы. Она повела жизнь типичной провинциальной леди, как себя и называла. Дом её был полон каких-то бумажек, над которыми потешались и гости, и она сама. Это и был роман, создававшийся с 1926 по 1936 год. На такое посягнула эта маленькая, смелая женщина. Неизвестно, куда бы пошла дальше Митчелл, не оборви её жизнь пьяный таксист (1949 г.).

ГЛАВА VI. ОБ ОДНОМ ПРОСТОМ И ДОСТУПНОМ МЕТОДЕ ЛЕЧЕНИЯ РЯДА
ЗАБОЛЕВАНИЙ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ЛЕЧЕБНЫМ ЭФФЕКТОМ

Ф. ХАУСТОН – АКУПУНКТУРА БЕЗ ИГОЛОК

1974

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В в е д е н и е	
Точки надавливания на теле	13
Обработка точек надавливания	17
Точки надавливания на голове	21
Точки надавливания на шее	43
Точки надавливания на туловище	49
Точки надавливания на спине	65
Точки надавливания на руках и ногах	75
С л о в а р ь	89
У к а з а т е л ь б о л е з н е й	93
У к а з а т е л ь т о ч е к	96

ВВЕДЕНИЕ

В конце 19-го века знаменитый французский ученый М.Фарадей, который первым изобрел электрический мотор, сделал очень мудрое утверждение: "Все школьники знают, что вся материя состоит из атомов, вибрирующих с различной скоростью и потому образующих различные плотности; но мы должны также знать, что вся материя или любое вещество - твердое, жидкое или газообразное - какой бы энергией оно ни обладало, обязано своим происхождением типу электрического заряда (или вибрации), испускаемого этим веществом".

Любая хорошая книга по физике расскажет вам, что энергию нельзя уничтожить, она может только перемещаться. Ее нельзя увидеть, поскольку она невидима, но она может покинуть тело, и когда это происходит, мы становимся все слабее и слабее. Генератором электричества в теле является сердце. Если вы когда-нибудь разговаривали с человеком, который имел сердечный приступ, он скажет вам, что ему казалось, будто его энергия истекала из него.

Тело наше электрическое не только по своей природе, но имеет свои положительные и отрицательные полюса. Сердце представляет собой отрицательный полюс, мозг, его правая сторона, - положительный полюс. Между сердцем и мозгом должно быть равновесие.

Контактное лечение - это метод соприкосновения электрических центров в теле. Равновесие и хорошее физическое состояние должны быть восстановлены прежде, чем восстановится здоровье. ~~Акупунктура~~ Акупунктура, применяемая столетиями в странах Востока, представляет собой испытанную систему, создающую ровный поток вибрирующей энергии по всему телу путем контакта с различными точками, расположенными на путях, которые связаны с различными органами, железами и клетками. Иглоукальватель применяет стальные иглы, которые вставляются в определенные точки, отождествленные с различными участками

тела и их расстройствами. Путем изменения искаженной вибрации восстанавливается равновесие, и тело может само себя привести в хорошее состояние.

Контактное лечение также подвергает действию различные точки тела, связанные с различными участками, железами и органами. Однако вместо применения иглолок этот метод состоит в надавливании на эти точки кончиками пальцев. Если орган, участок тела или железа не в порядке, то связанная с ними точка будет болезненной, что указывает на истечение энергии в этом месте.

Как только вы определили болезненное место; положите на него кончик пальца, сильно нажмите и подержите так. Не двигайте палец или двигайте его только по участку, где чувствуется боль. Это надавливание прекратит утечку энергии. Как только вы прекратили утечку энергии, полярность меняет знак, и энергия течет обратно в ту часть тела, которая теряла её. Постепенно вы почувствуете теплоту в органе, который вы лечите; теплота показывает, что началось восстановление энергии. Когда в точке надавливания больше не будет болезненности, можно быть уверенным, что восстановление закончено.

Акупунктура требует одну или более процедур. Контактная терапия обычно занимает больше времени. В контактной терапии после одной процедуры редко изменяются симптомы. Но чем больше и чем дольше вы будете обрабатывать точки, тем скорее сделанная работа поможет вам быть снова бодрым и здоровым.

Пожалуйста, помните, что этот или любой другой метод лечения ничего не вылечивает! Мы можем помочь или воздействовать на природу, но только сама природа является истинным целителем.

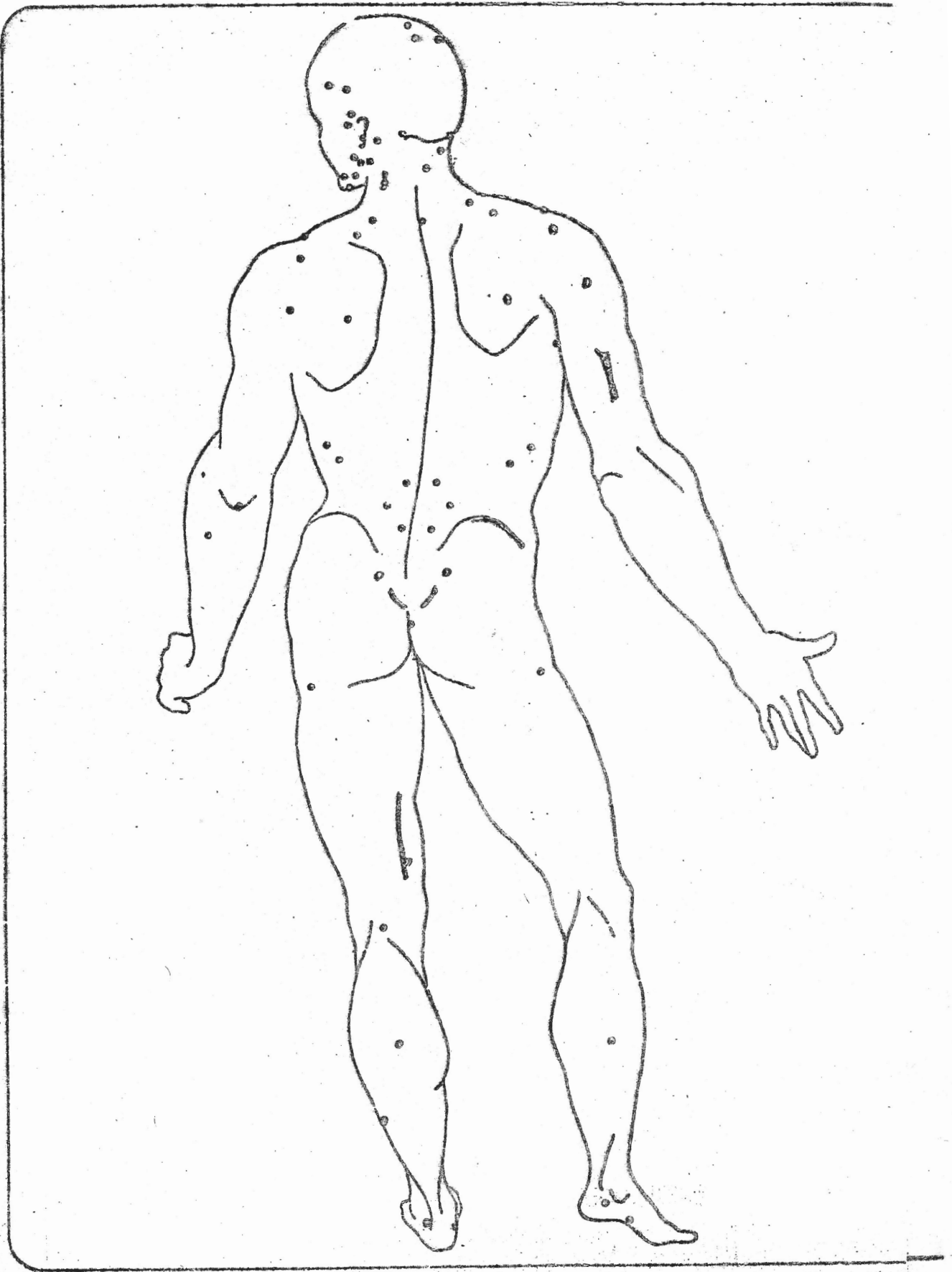
Начиная с 1956 года контактное лечение широко распространено во многих странах, много писем свидетельствуют о том, что это полезная терапия и что почти все могут с пользой применять ее.

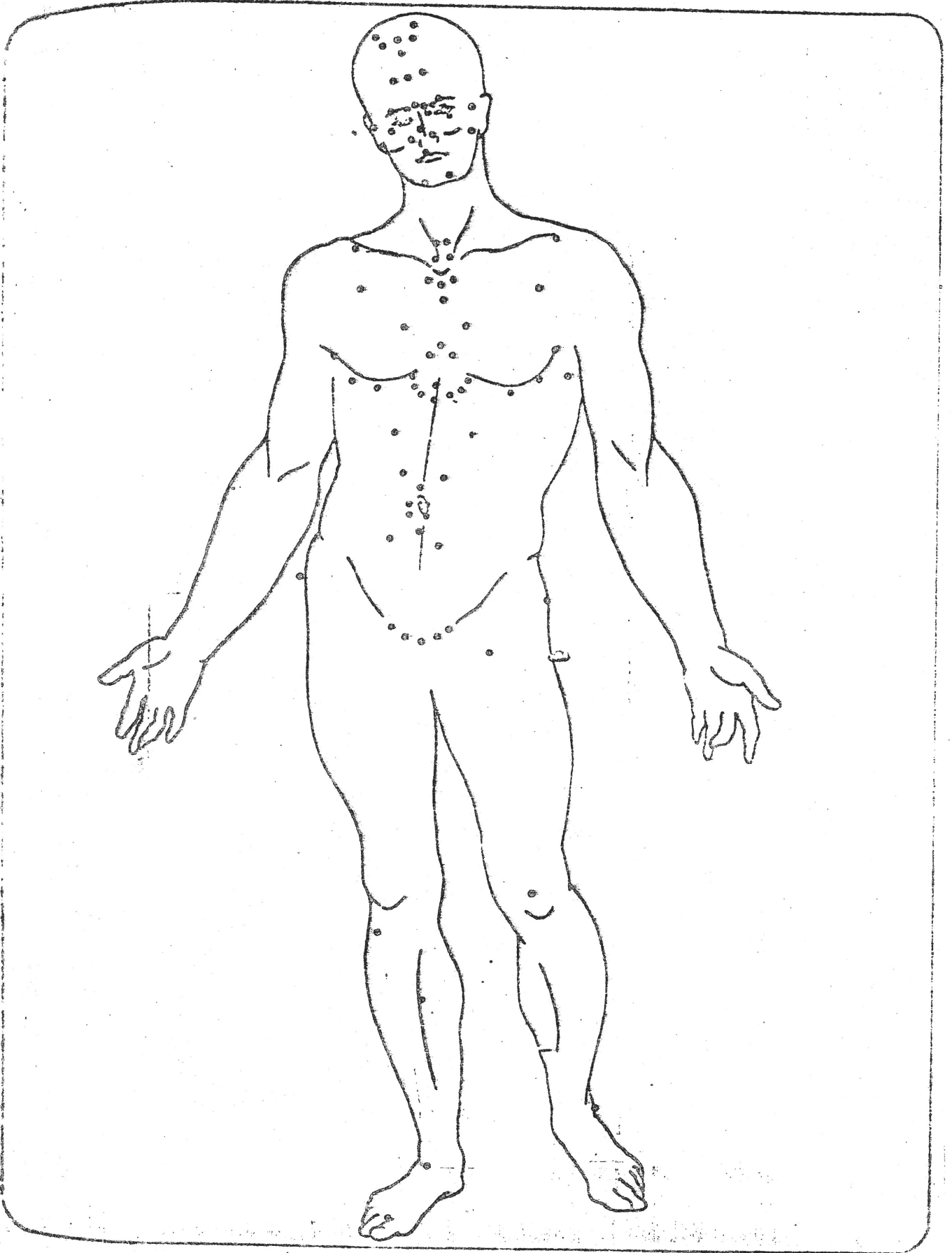
Я просто прошу вас попробовать, как это сделали другие. Я ничего не обещаю, вы сможете сами судить по результатам.

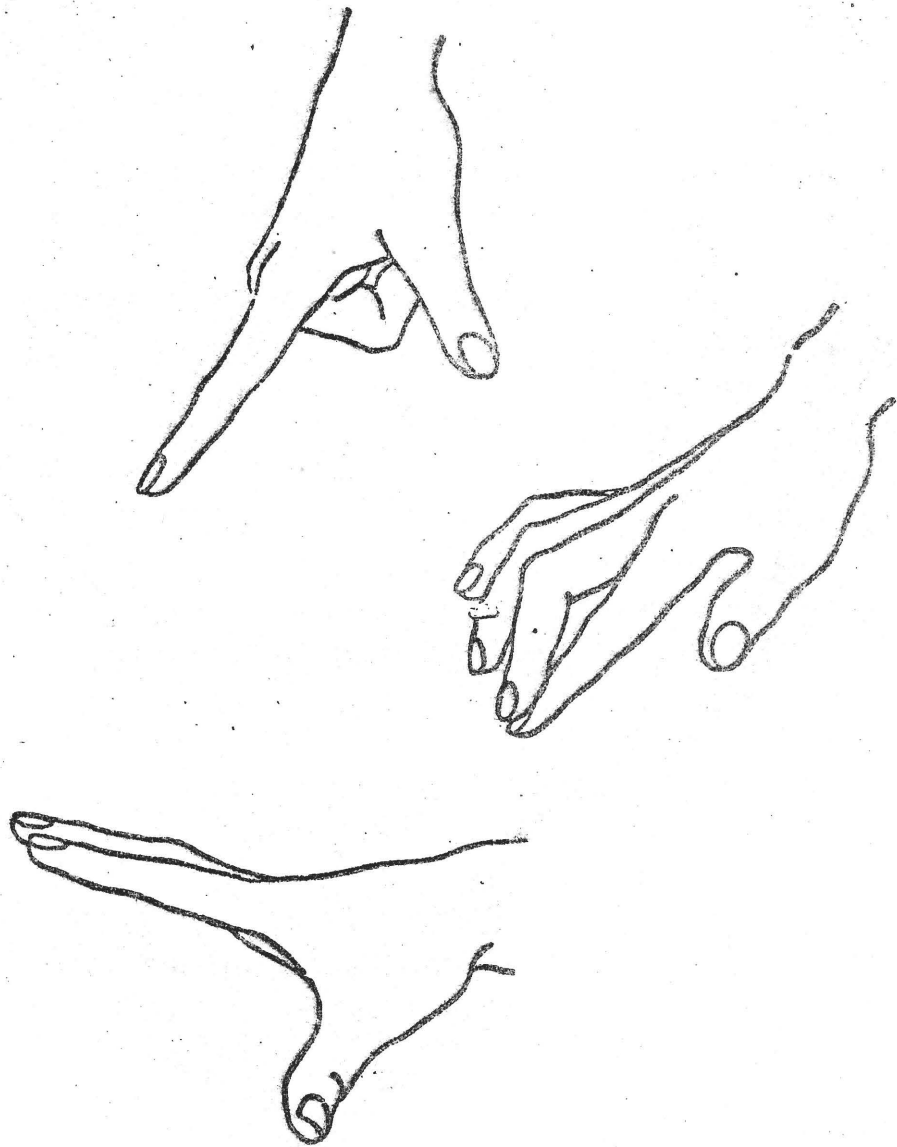
Это докажет вам гораздо больше, чем любые обещания, которые я мог бы дать. Однако я подчеркиваю, что если вы хотите иметь успех, вы должны быть настойчивыми. Если ваша болезнь запущена, то лечение займет больше времени, чем болезнь, которая возникла недавно.

По крайней мере, система безопасна, проста и бесплатна. Вы ничего не потеряете и многое приобретете, если будете стойки и добросовестны, пока не достигнете хорошего самочувствия.

ТОЧКИ НАДАВЛИВАНИЯ
НА ТЕЛЕ

КАК ОБРАБАТЫВАТЬ ТОЧКИ НАДАВЛИВАНИЯ

Надавливая на любой болезненный центр на голове, лице или теле, вы немедленно начинаете помогать этому органу или этой ткани. Например, если у вас болит колено и не было никакого несчастного случая или растяжения, а точка "43" (которая относится к колену) не болезненна, тогда боль в колене может быть только симптомом, скорее всего, болезни почек, в чем вы можете удостовериться, найдя точку "37" и проверив, не болезненна ли она. Если это так, лечите почки.

Если в своих исследованиях вы нашли болезненную точку и не знаете ее название или номер в перечне точек, лечите её так или иначе. Она взывает о помощи. Если точка надавливания расположена там, где её нельзя достать, можно обратиться к помощи друга.

Можно использовать подушечки указательного пальца, среднего пальца или можно усилить указательный палец, поместив на него средний палец, или можно применять подушечки указательного и среднего пальцев, поместив их рядом. Для некоторых точек, таких как "10M" или "17", намного легче использовать подушечку большого пальца.

Изучив энергетические центры тела и обнаружив, что один из них при прикосновении причиняет боль, сделайте прежде всего небольшое быстрое круговое движение указательным или средним пальцем. Это массажное движение.

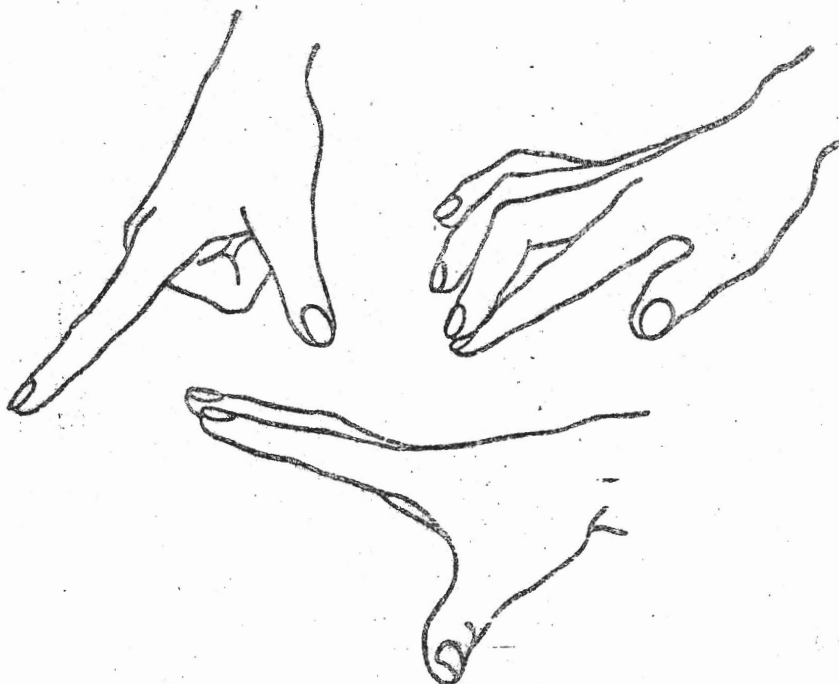
Для непредвиденного случая каждая семья должна иметь какие-то лечебные сведения, чтобы оказать доврачебную помощь.

Не забывайте, что все люди индивидуальны. Приведенные схемы показывают размещение контактных точек, но так как вы можете быть более худым или более толстым, или иметь другое строение, ваша контактная точка может быть слегка смещена. Это не является проблемой. Даже если вы не знаете название точки или с каким органом она связана, лечите эту болезненную точку; болезненность указывает на то, что энергия утекает, а это необходимо исправить.

Болезни или расстройства, которые вы желаете вылечить, перечислены в указателе в алфавитном порядке с номерами соответствующих контактных точек.

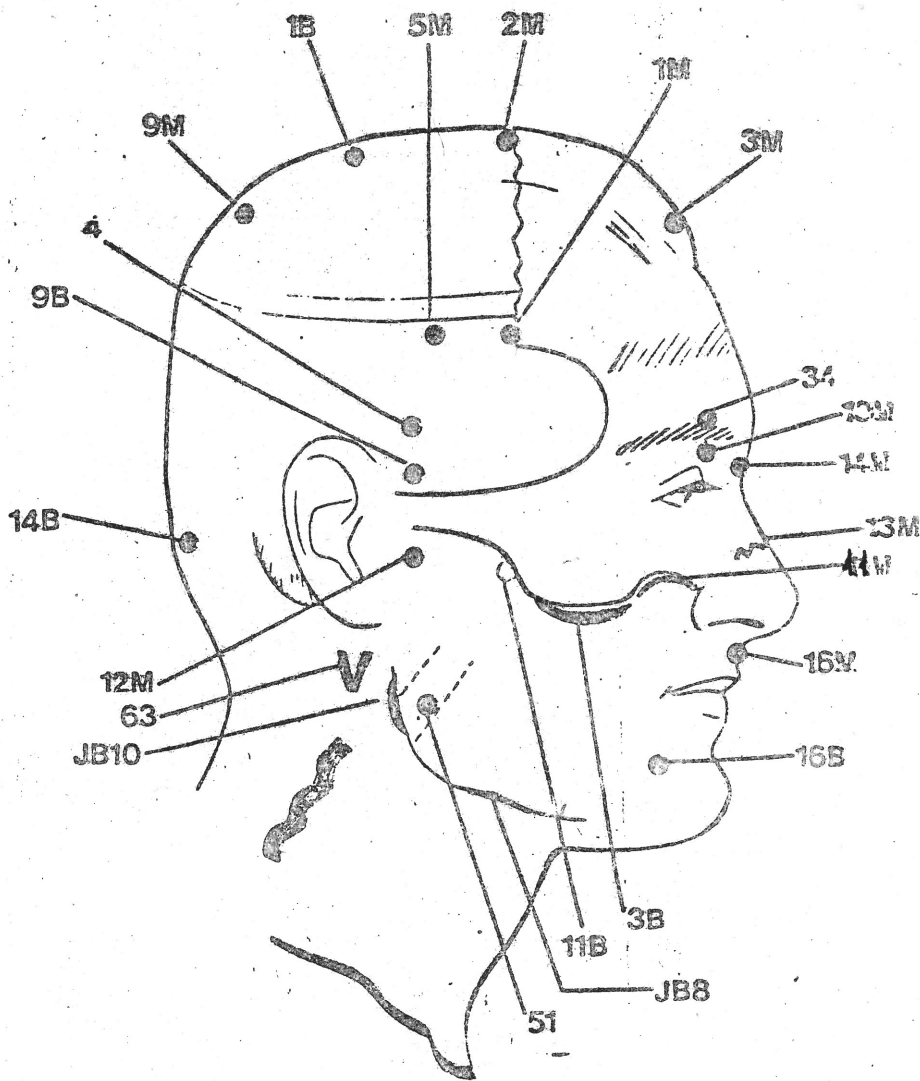
КАК ЧАСТО НАДО ОБРАБАТЫВАТЬ ТОЧКИ НАДАВЛИВАНИЯ

Всегда примечайте только такое надавливание, которое вы можете вытерпеть. Нажим на точки должен быть сильным, но не до такой степени, чтобы вызвать острую боль. Помните, что чрезмерно жать нельзя. Чем дольше и чаще, тем лучше. Во всех серьезных, острых или хронических случаях обработывайте точку в первую неделю ежедневно, затем 2-3 раза в неделю, наконец, один раз в неделю. Это определяется вашими собственными потребностями. Иногда требуется много времени, в другой же раз ваше состояние будет реагировать до невероятности быстро.

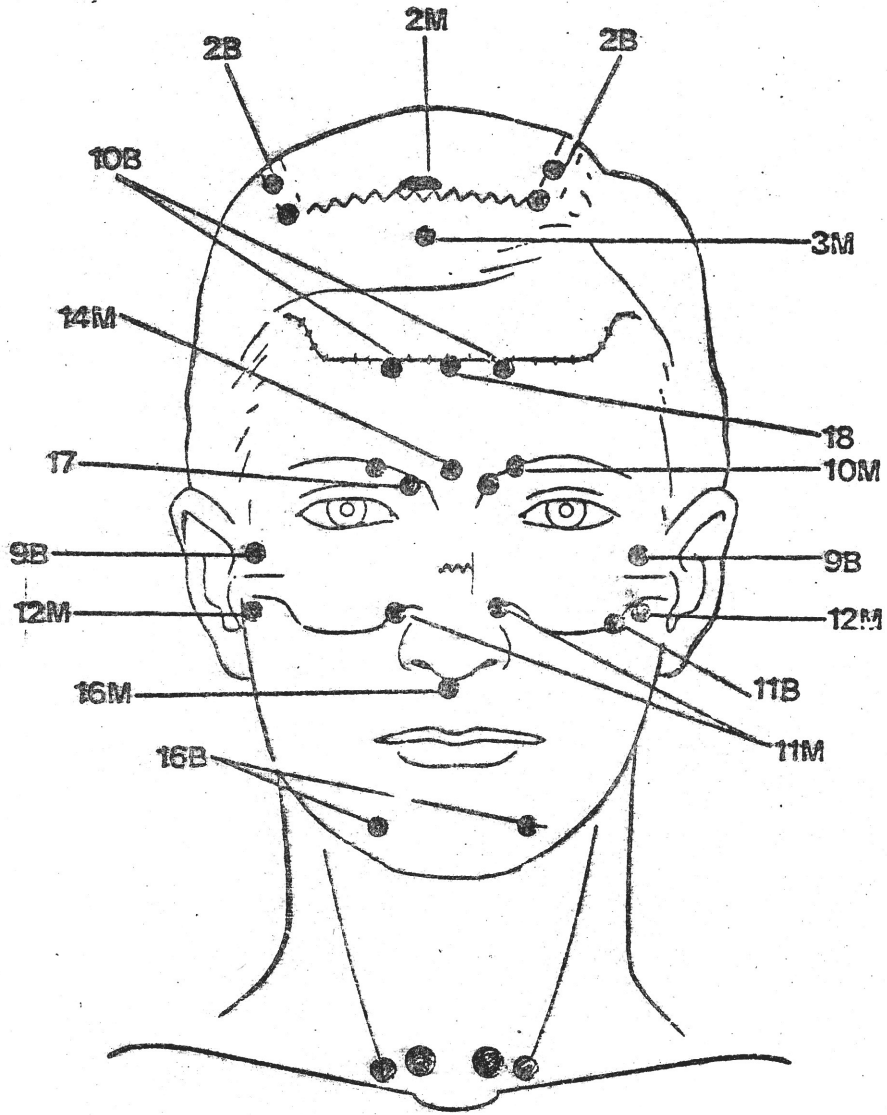

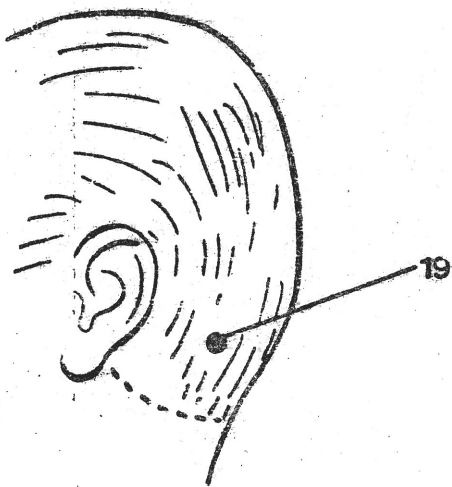
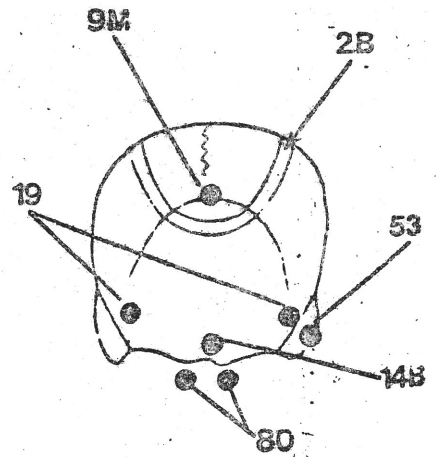
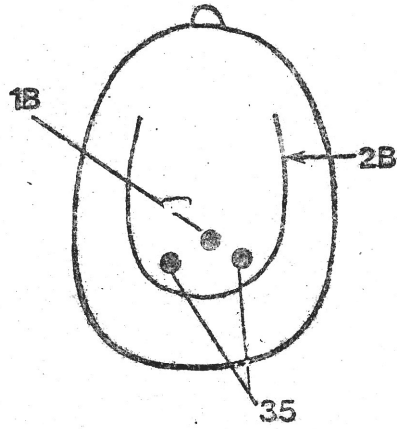
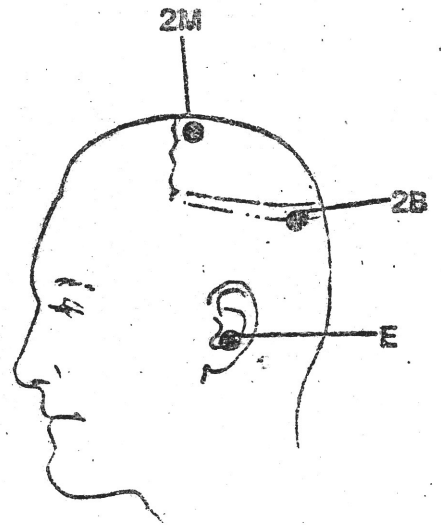
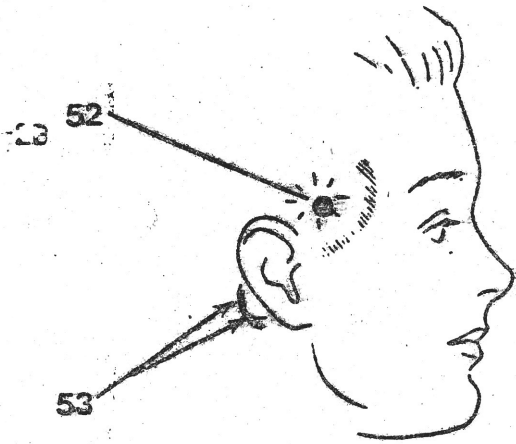
ТОЧКИ НАДАВЛИВАНИЯ
НА ГОЛОВЕ

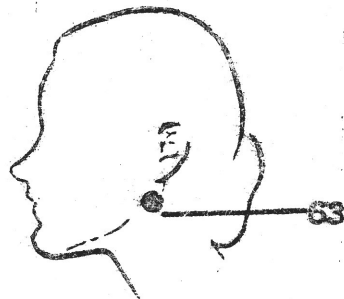
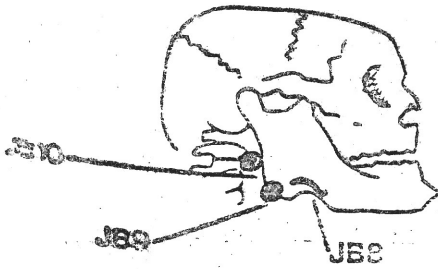
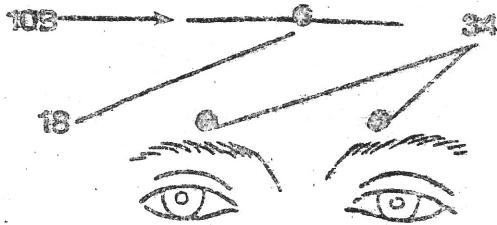
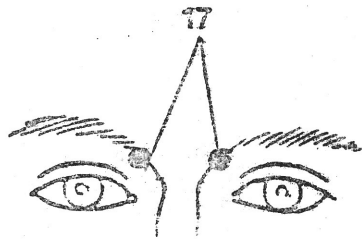
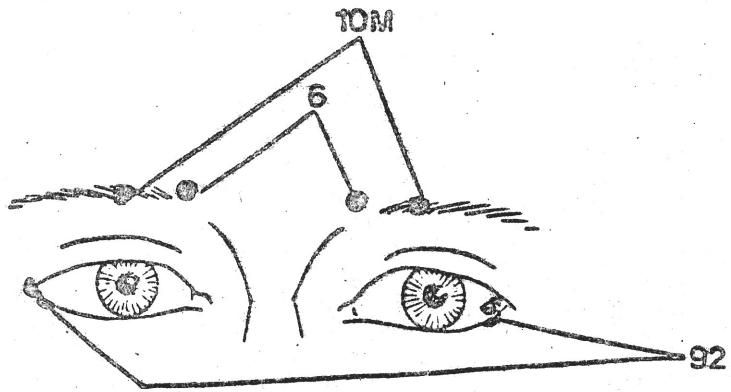
The 36 Pressures

Points of the Head

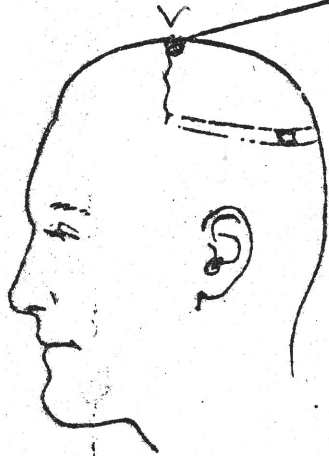

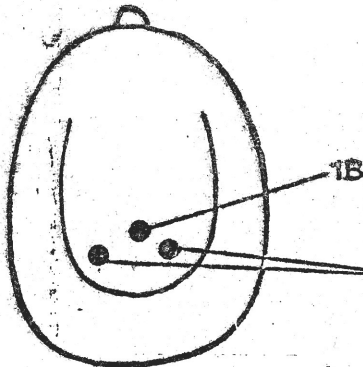
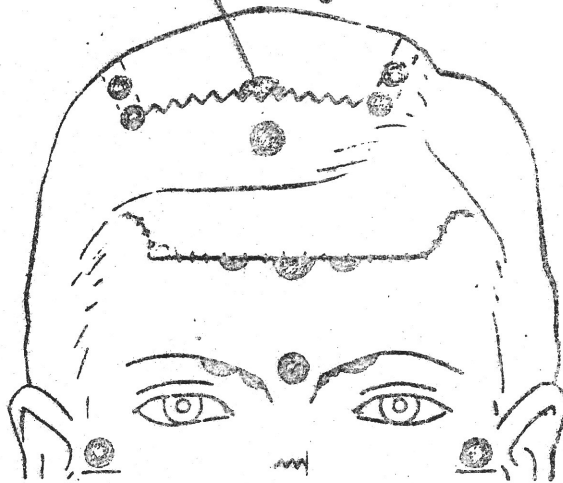

THE HEAD

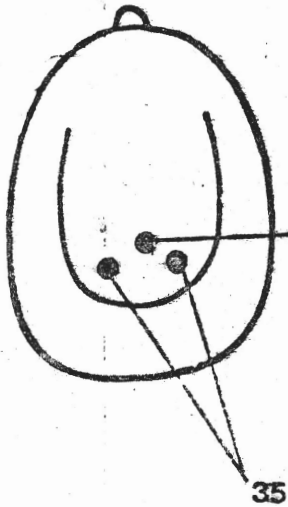
2M ПЕРЕДНИЙ РОДНИЧОК
сжимающая головная боль

Расположена непосредственно на переднем родничке (мягкое место) в передне-верхней части головы. Эта точка должна контролировать черепную жидкость. Если у вас сжимающая головная боль, и вы чувствуете, будто ваша голова разрывается на части, тогда почти всегда помогает точка "2M".

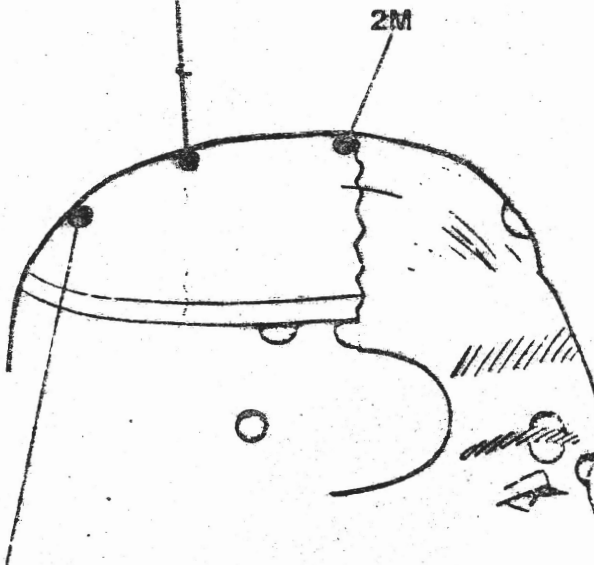
35. СОМАТИЧЕСКАЯ (т.е. относящаяся ко всему организму)
Мозжечок

Эти два центра снимают некоторые типы глазных болей. Они расположены по обеим сторонам от точки "4B" на расстоянии приблизительно 2,5 см и на 2,5 см позади этой точки. Вместе с точкой "4B" они напоминают по форме пирамиду.

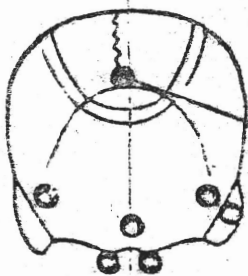

1В. нервное сплетение сердца, привратниковая заслонка желудка

Расположена в центре верхней части теменя на голове впереди заднего родничка (мягкого места) на расстоянии приблизительно 2,5 см. Эта точка ведет в привратнику или к нижней заслонке желудка, а также к центральному нервному сплетению сердца. Она используется при спазмах в брюшной полости, метеоризме и расстройстве желудка. Некоторые люди чувствуют эффект от обработки этой точки во всем теле в виде покалывания от головы до ног.

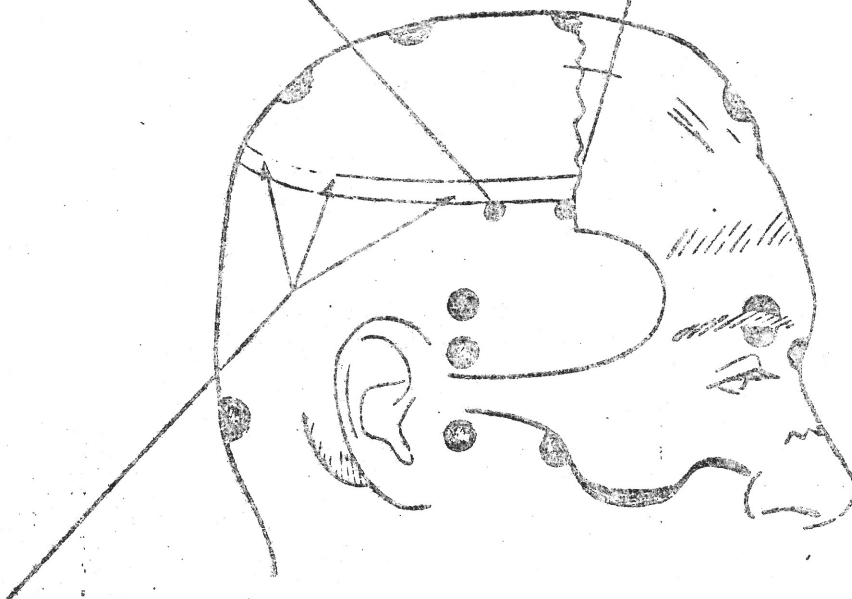

9М. Задний родничок мозга, энергия, одутловатость
Расположена на заднем родничке, уравнивает энергию между гипофизом и шишковидной железой. Отсюда энергия перемещается вниз к спинному мозгу. Лечит мозг, толстую кишку, отекающие ноги, одутловатость, а также выводит из организма избыточную жидкость. Имеет большое значение.

5M. эмоциональный центр мозга
Расположены ниже Сильвиевой
борозды ("2B"), но все же ка-
саются её в том месте, где
теменные кости встречаются
с лобными костями по обеим
сторонам головы. Точки "5M" ле-
чат эмоциональный центр моз-
га. Обработка этих точек обы-
чно помогает ослабить одни
типы головной боли и совер-
шенно устранить другие. Дол-
жна производиться только под
наблюдением врача.

1M. двойное зрение, клещник
Расположены на переднем крае
височных костей, где они со-
единяются с лобной костью. по
обеим сторонам головы. Чувст-
вительность или боль в этих
точках означает расстройство
черепномозговых нервов. Этими
точками мышечным состоянием,
называемое диплопией, или
двойным зрением. Они также
ведут к клещнику.

2B. СИЛЬВИЕВА БОРОЗДА. капил-
лярная система, коронарные
артерии.

Кость в форме подковы называ-
ется Сильвиевой бороздой. Лю-
бая точка на этой кости ле-
чит какую-то часть капилляр-
ной системы. Область выше и в-
за левым ухом лечит коронар-
ные артерии сердца, а также
все капилляры легких. Перед-
няя точка лечит глаза и сое-
диняет связки. Очень важная.

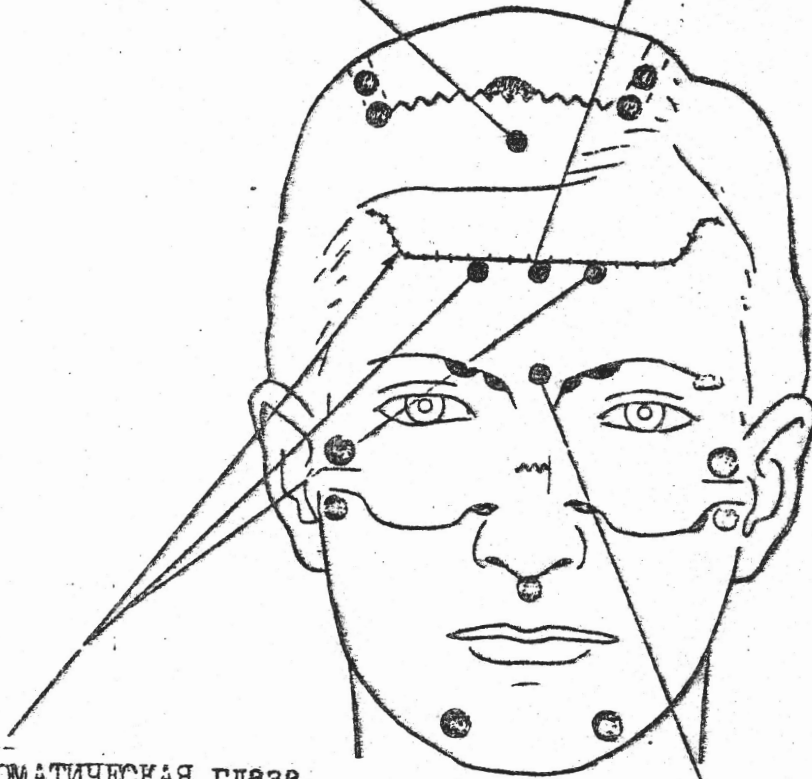

3М. головокружение, желудок,
трахея

Расположена на средне-передней линии головы впереди переднего родничка приблизительно на 5см. Эта точка лечит желудок, трахею и варолиев мост в стволовой части мозга, который связан с поглощением кислорода из крови в мозг. На этой точке сначала проверьте лечение головокружения.

18. гипофиз

Это главная головная точка гипофиза, расположена между точками "10В" в самом центре лба. Гипофиз играет главную роль в химических процессах тела. Когда эта железа переполнена кровью, боль в этой точке наиболее сильная. Нажимайте точки "18" и "21" (см. стр. 5) одновременно.

10В. СОМАТИЧЕСКАЯ глаза,
умственные состояния

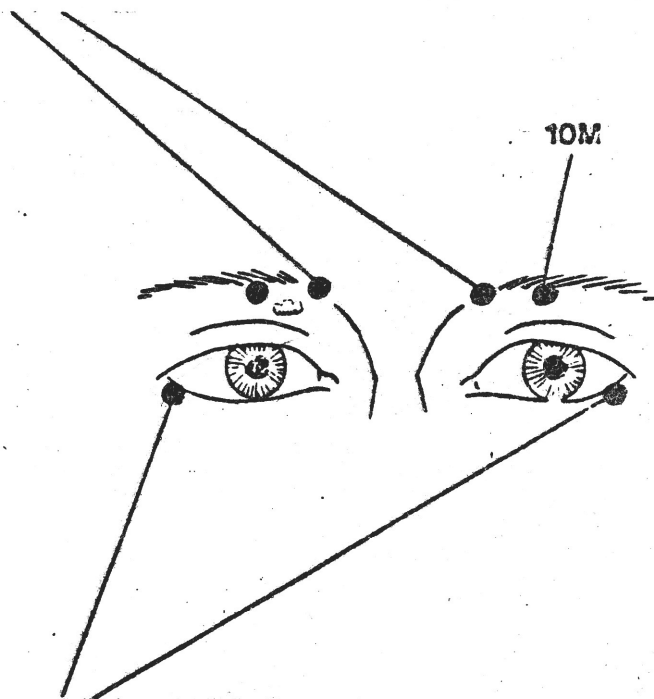
Непарная костная выпуклость, которая тянется от виска к виску через центр лобной кости и затем поднимается вверх приблизительно на 5см над височным соединением с лобной костью. Этот пятисантиметровый участок воздействует на некоторые состояния глаз. Центральная часть поперек лба является соматической и психической, за исключением двух небольших участков, расположенных на кости ("10В") непосредственно над началом каждой брови. Эти два участка лечат затуманенное зрение.

14М. глаза, ноги, желудок

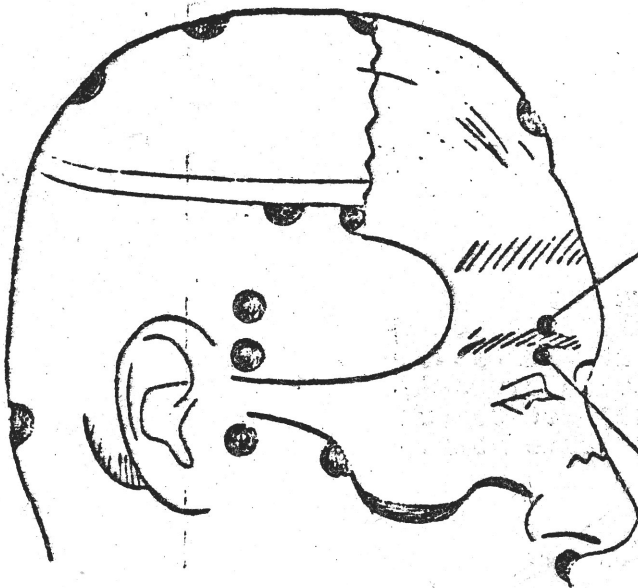
Область между бровями у корня носа. Имеет шишковидную форму и связана с глазами, проблемами и дисфункциями желудка и нижней части ног.

6. МОЗГ, СИЧУСИ
Это парная точка, расположена на переднем крае надглазничной кости по обеим сторонам корня носа, лечит все сичуси (т.е.пазухи), а также мозг.

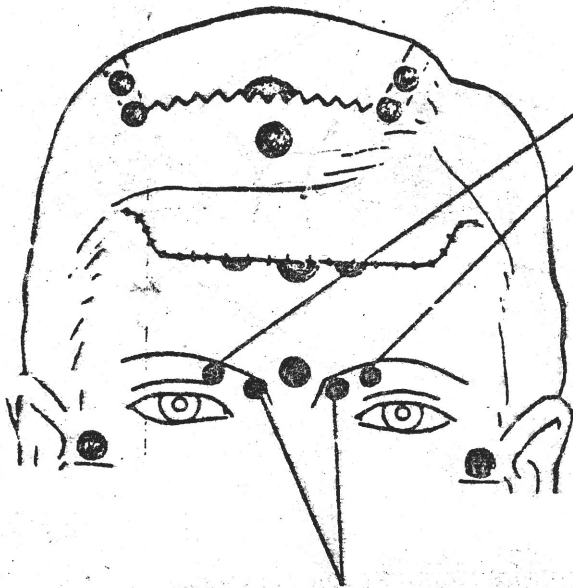

92. МОЗГ, ГЛАЗА
Небольшая выемка на внешнем нижнем крае кости, окружающей глаза. Лечит глаза и умственные состояния.

34. мозг, энергия, пищевое отравление

Лечит глаза, лобные доли мозга и действует на сознание и кишечник. Эти две точки расположены непосредственно над серединой бровей на лобной кости. Используются также при пищевом отравлении. Если вам захочется спать за рулем машины, в течение нескольких секунд нажимайте на точки "34".

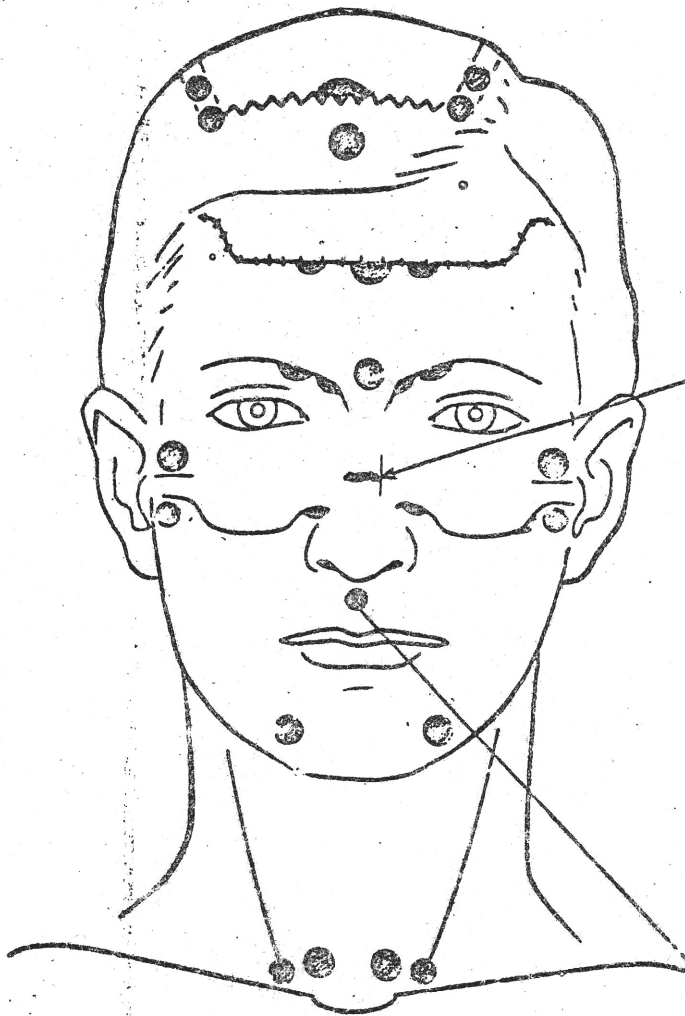

10M. СОМАТИЧЕСКАЯ МОЗГ, ЖЕЛЧНЫЙ ПУЗЫРЬ, ПЕЧЕНЬ, ПЛЕВРИТ, ИШИАС

Это парная точка, расположена в надбровничной впадине под бровями. Надавливая подушечками больших пальцев лечит лобный отдел мозга и оболочки обоих легких (плевру). Она связывает мозг с печенью, желчным пузырем и лечит невралгию седалищного нерва в пояснице и ногах. Имеет большое значение.

17. чрезмерное напряжение глаз, желудок

Точки для лечения чрезмерного напряжения глаз. Расположены по обеим сторонам переносицы. Подушечками больших пальцев скользите под бровями до этой точки и давите вверх. Любой болезненный участок в этой области можно обработать своим большим пальцем. Чрезмерное напряжение глаз - это одна из наиболее распространенных причин головных болей. Точки "17" лечат также желудок.

13M. язва 12-типерстной киш-
ки, воспаление легких
Расположена в середине носа,
где кончается кость и начи-
нается хрящ (непарная точка).
Лечит затылочную долю мозга,
где начинается пневмония
прежде, чем перейти в легкие.
Эта точка также связана с
первыми 12 дюймами небольшой
кишки, называемой 12-типерсте-
рой кишкой. Точка "13M" лечит
воспаление легких или язву
12-типерстной кишки. При яз-
ве давить надо ежедневно, пока
не наступит улучшение.

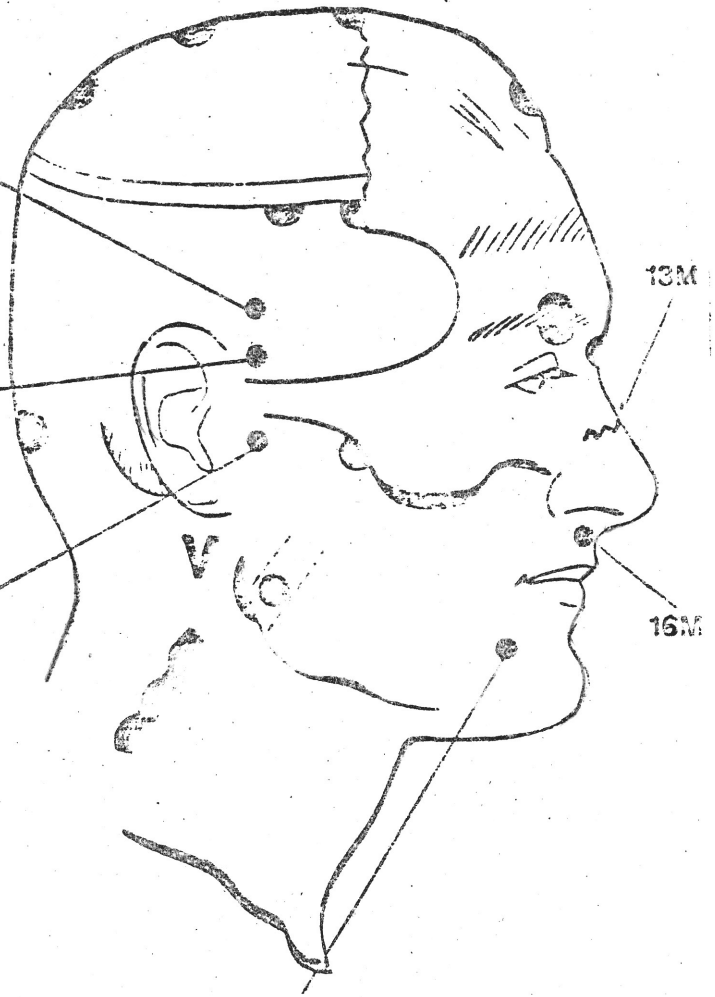
16M. антицихательная, паралич
непарная точка, расположена
под центром носа. Она связана
с передней долей гипоталамуса и
лечит некоторые виды парали-
чей. Это также антицихатель-
ный центр. + рефлекторный
центр.

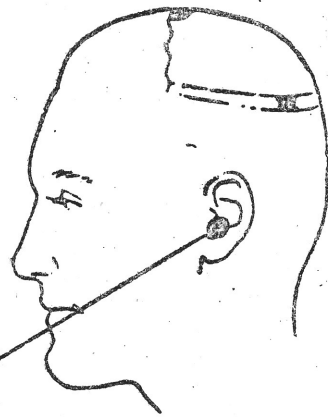
4. МОЗГ, СПИНОМОЗГОВЫЕ НЕРВЫ
Эти две точки расположены выше точек "12М" приблизительно на 5см и связаны с мозгом и спино-мозговыми нервами.

9В. Толстая кишка, почке
Эта точка пагная и расположена у верхнего конца скулы спереди уха. Это головные точки почек и толстой кишки.

12М. Артериосклероз, сердце, МЫШЦЫ, ВЕНЫ
Расположена рядом с петлеобразной фасцией скулы, ниже точки "9В" и касается передней части уха. Лечит артериосклероз, мышцы тела и сердца, евстахиевы трубы, вены легких, глаз и тела, сердечные клапаны и некоторые типы головных болей, уши.
Примечание: При сердечных заболеваниях, если эти точки болезненны, давите их одновременно.

16В. Насморк, задняя доля гипофиза
Расположена ниже внешних углов губ по обеим сторонам подбородка в центре нижней челюстной кости на нижнечелюстном отверстии. Связана с задней долей гипофиза. Специфическая точка для лечения насморка.

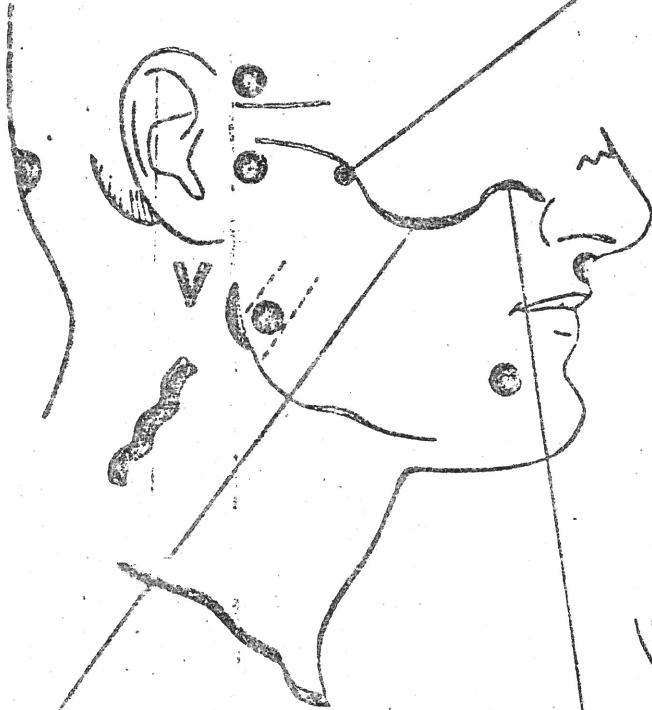
5 Е. Давление крови

Обработка ушных отверстий видна из схемы. Давите прямо в ухо, затем слегка вверх по направлению к носу. К этой процедуре будет чувствительно все тело или одни конечности. Давление крови может быть снижено в результате первой же процедуры.

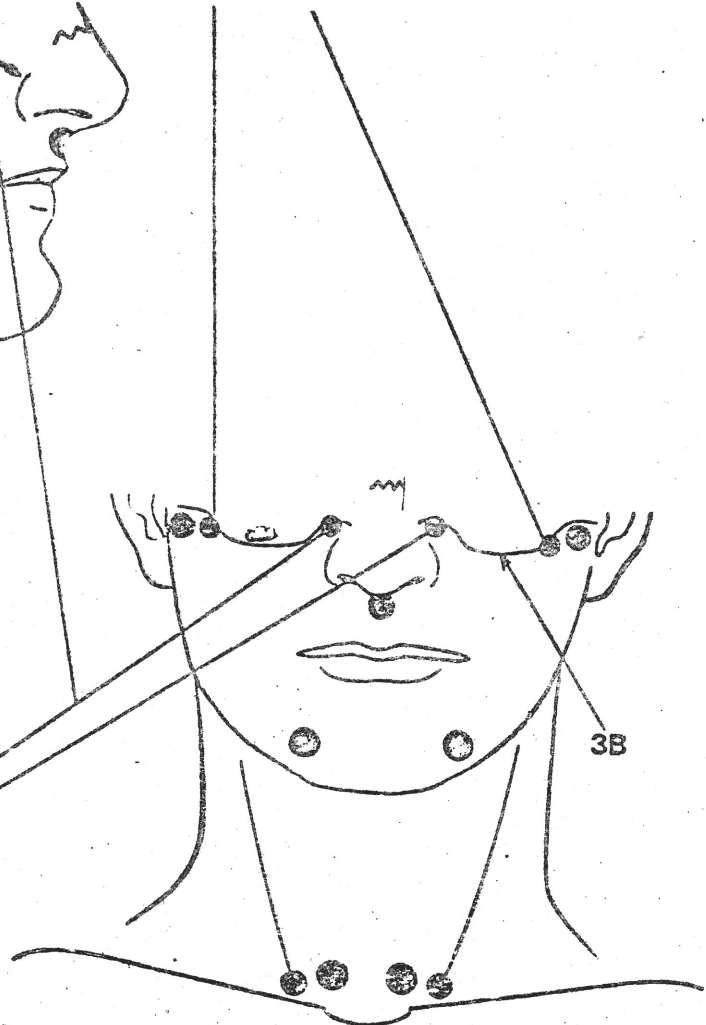
11В. Инфекция

Внимательно проверьте по схеме эти парные точки, расположенные на задней части скул. Болезненность этих точек может указывать на то, что где-то в голове или в теле имеется инфекция.

ЗВ. Синуситы (воспаление синусов, т.е. пазух, особенно лобных)

Расположены у нижнего края обеих скул. Имеют отношение к слизистым оболочкам тканей. Проверьте на них лечение синуситов.

11М. Аллергия; бронхи, легкие
Давите сильно внутрь и вверх на ткань, прилегающую к обеим сторонам носа. Когда вы надавите вверх, вы коснетесь нижней стороны небольшой кости. Это точки "11М". Они лечат верхнечелюстные синусы, аллергию и закупорки носа. Они связывают мозг с мелкими бронхами и легкими.

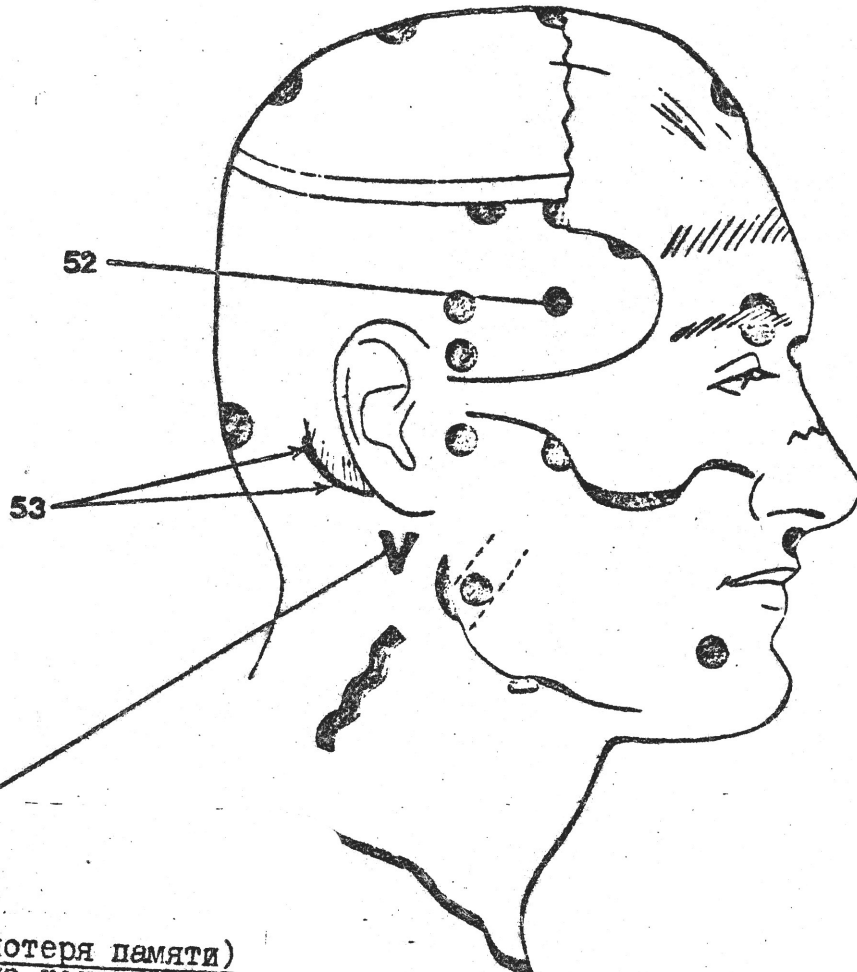
52. Брюшная полость, избыточная жидкость, глаза, сердце, легкие, желудок.

В самом центре виска находится мягкое место, как будто бы здесь отверстие в мозг. Нану-
пайте болезненную точку, даже если она не совсем в центре этого очечь маленького кажущегося отверстия. Надавливание в этом месте лечит кишечник, толстую кишку и брюшину, представляющую собой большую мешкообразную ткань, которая закрывает и защищает содержимое брюшной полости. Перитонит - это медицинский термин, означающий инфекцию в брюшине. Лечит также желудок, легкие, сердце, глаза, вздутие живота, а также выводит из организма избыточную жидкость.

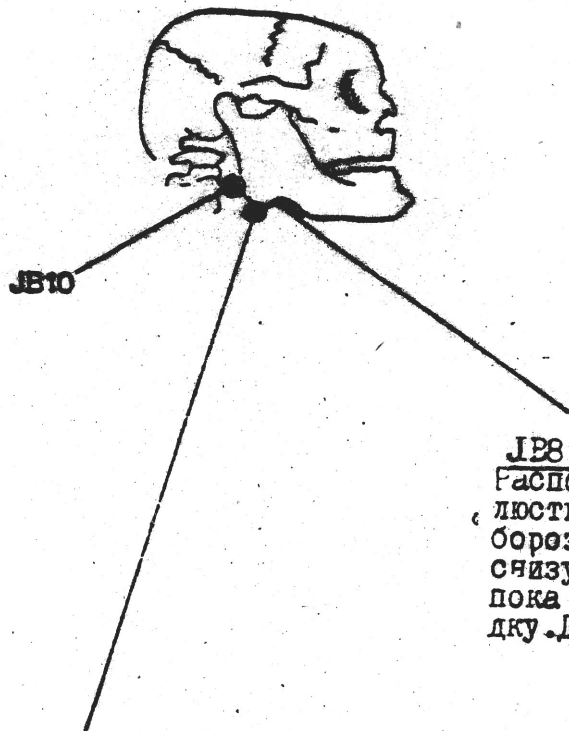

53. Сосцевидный отросток височной кости
Уши, кишечник.

Если приложить пальцы позади уха, можно чашупать маленькую косточку. Она называется мастоидом. Нажмите на неё снизу, нажмите еще раз, а затем немножко сбоку - это окажет воздействие на работу кишечника, толстую кишку и на уши.

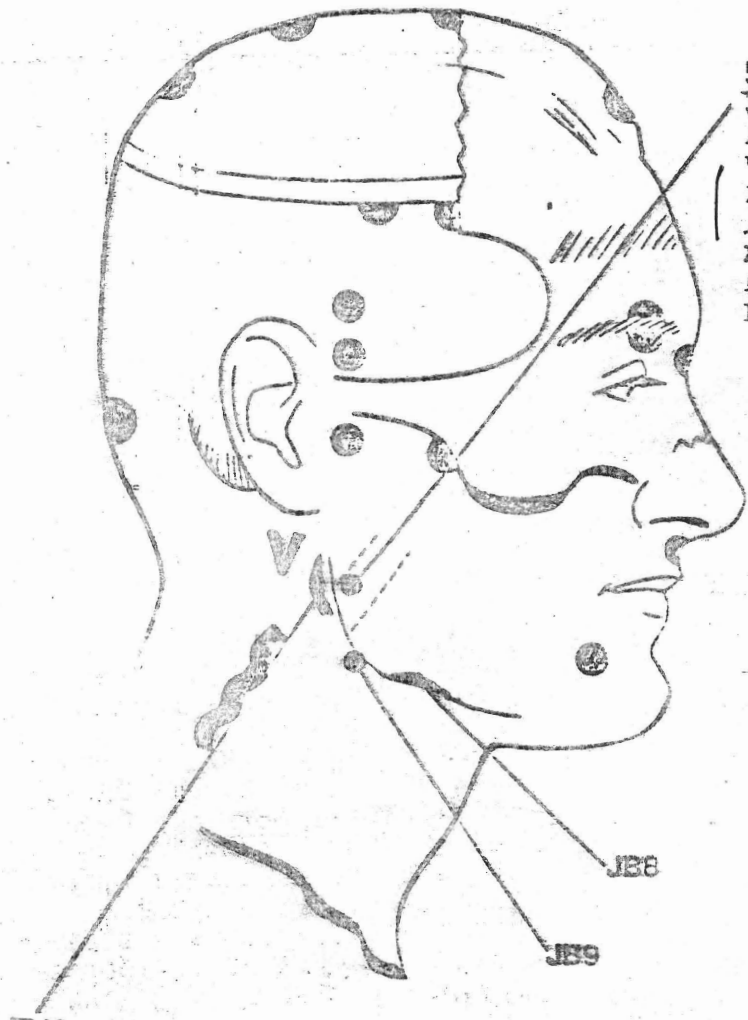

63. Амнезия (потеря памяти)
Расположена на конце шиловидной кости - давите под ухом. Эта точка в некоторых случаях влияет на мозг. Может быть показана в случаях амнезии.

J8. Зубная боль
 Расположена под нижней че-
 люстью и представляет собой
 бороздку в кости. Шупайте
 снизу в направлении к спине,
 пока не нащупаете эту бороз-
 дку. Давите при зубной боли.

J9. Кашечник
 Лечит толстую кишку и кишеч-
 ник. Расположена на изгибе
 челюсти между точками "J8"
 и "J10".

51. Лицевые мышцы, свинка

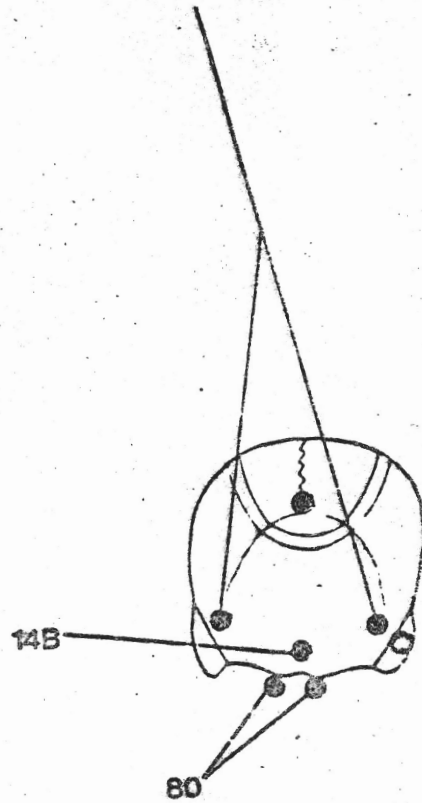
Эти 2 точки находятся на жевательных мышцах на нижней челюсти. Воздействует на все лицевые мышцы, глаза и преждевременные морщины, а также лечит свинку и ослабляет влияние этой болезни на органы размножения.

J10. Глаза, отравление

Положите указательные пальцы на заднюю часть челюсти под ухом и давите вперед. Во всех случаях глаукомы, отравления, а также люди, которые носят или собираются носить очки с двухфокусными стеклами, почувствуют боль в этих точках "J10" очень сильно влияют на все жидкости в глазах. Надавливание здесь приведет к опущению теплоты позади глаз, так уравновешивается кровообращение в этой области. Если временно почувствуете тошноту, прекратите надавливание на некоторое время, потом продолжайте.

19. СОМАТИЧЕСКАЯ. Умственные
СПОСОБНОСТИ. ТОКСИЧНОСТЬ.
ВЕЧЫ

Небольшая впадинка над сосцевидным отростком височной кости. Связана с аппетитом, мозгом, токсичностью и закупоркой вен.

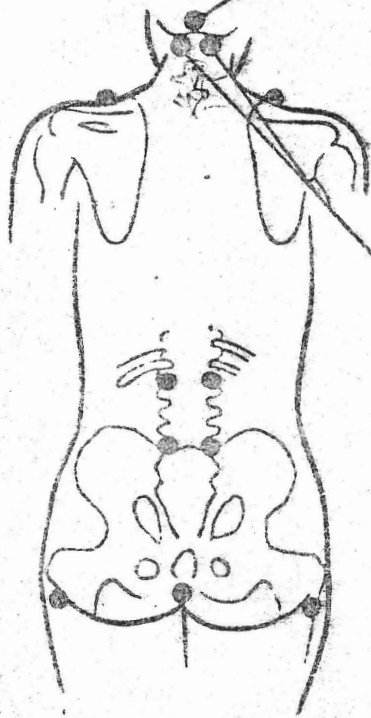

14B. Расстройство желудка, паралич

Задне-нижняя затылочная выпуклость на задней стороне черепа в середине. Связана с продолговатым мозгом и лечит паралич. Связывает также мозг с поджелудочной железой и является точкой, о которой надо подумать в первую очередь при метеоризме и расстройстве желудка.

По Шингау кровоснабжает ушную,

ВИД СО СПИНЫ

80. Головные боли, носовые кровотечения, селезенка

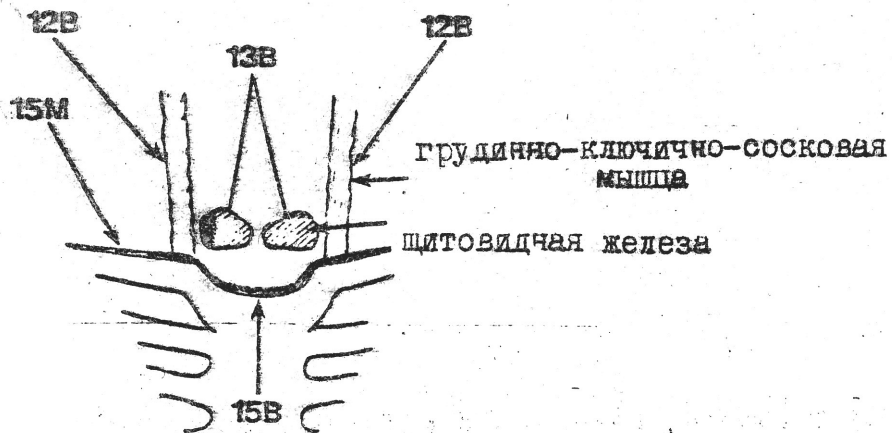
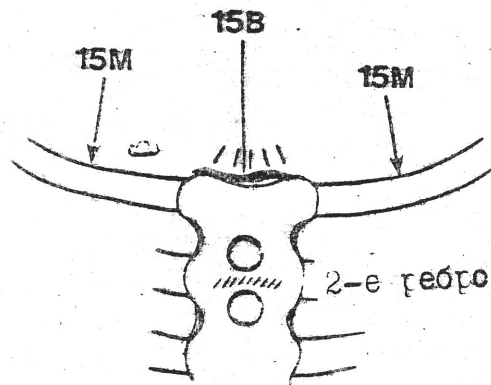
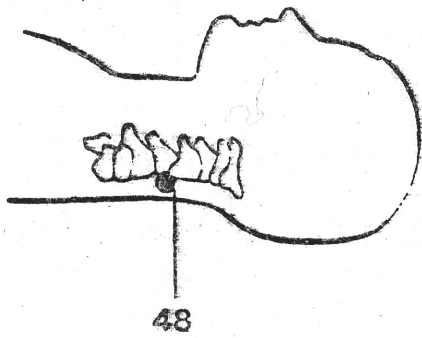
Расположены под основанием черепа по обеим сторонам от середины. Связывает мозг с селезенкой, лечит головные и глазные боли, а также носовые кровотечения.

Примечание: Носовые кровотечения могут указывать на болезнь селезенки.

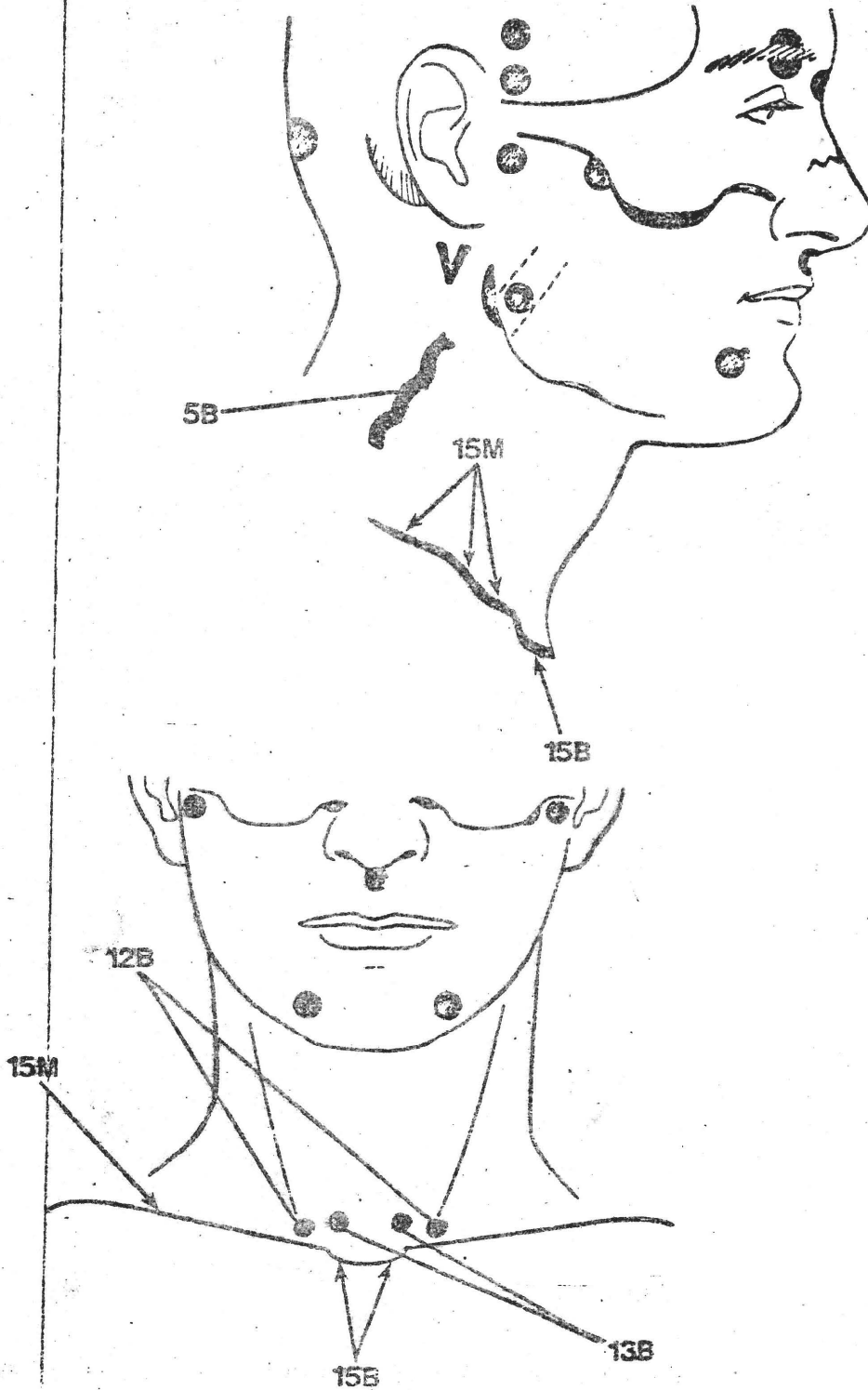
ТОЧКИ НАДАВЛИВАНИЯ

НА ШЕЕ

The 6 Pressure

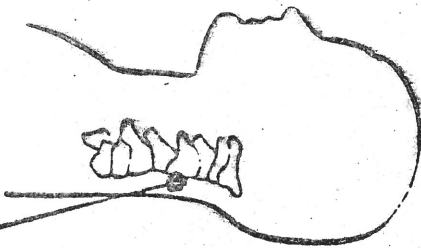

Points of the Neck

THE NECK

48. Лимфа, грудной проток.
 Непарная точка, расположена приблизительно в центре задней части шеи на третьем отростке шейного отдела позвоночника. Эта точка очень важна для уравнивания электрических сил в грудном протоке. Грудной проток - это главная артерия всех лимфатических сосудов тела, за исключением тех, которые находятся на правой стороне головы, шеи и грудной клетки, правого легкого и правой стороны сердца, а также выпуклой поверхности печени. Он передает большую часть лимфы и хилуса (молочного сока) в кровь. Грудной проток тянется вверх от второго поясничного позвонка до основания шеи. Для контроля эту точку надо надавливать первой.

5B. СОМАТИЧЕСКАЯ. Брюшная полость

Этот участок расположен вдоль боковых шейных мышц у поперечных костных отростков позвоночника. Эти точки связаны с кишечником, толстой кишкой, аппендиксом и т.д. При надавливании надо быть очень осторожным. Давите очень мягко.

15M

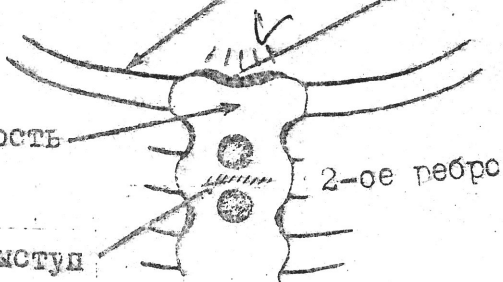
15B. Мозг, пищевод, глотка, горло, опухшие органы

Верхний край грудины. Нажим на верхнюю часть этой кости открывает верхнее отверстие желудка, лечит пищевод и брюшные органы, такие как почки, матка и т.д. Это место также показано при вправлении грыжи, чтобы снять тягость со стенок брюшной полости и позволить самой природе излечить грыжу. Нажим на это место лечит также переднюю и заднюю часть горла. Место "15B" имеет форму чашки. Когда мы надавливаем на какую-либо боковую сторону этой чашки, мы лечим именно эту сторону горла и даже мозг.

Грудная кость

2-ое ребро

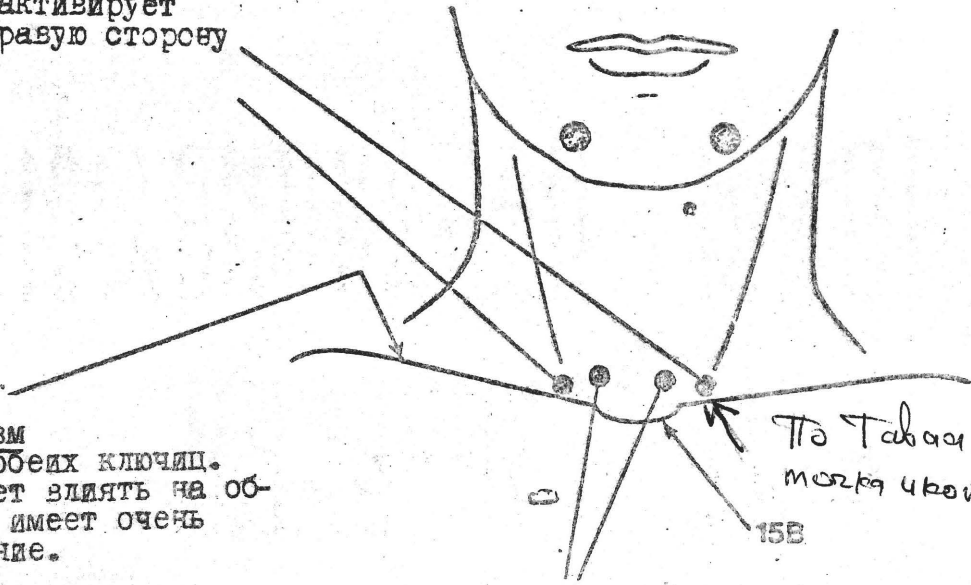
Костный выступ

12B. Грудивно-ключично-сосковая мышца. Соматическая.
Руки, сердце.

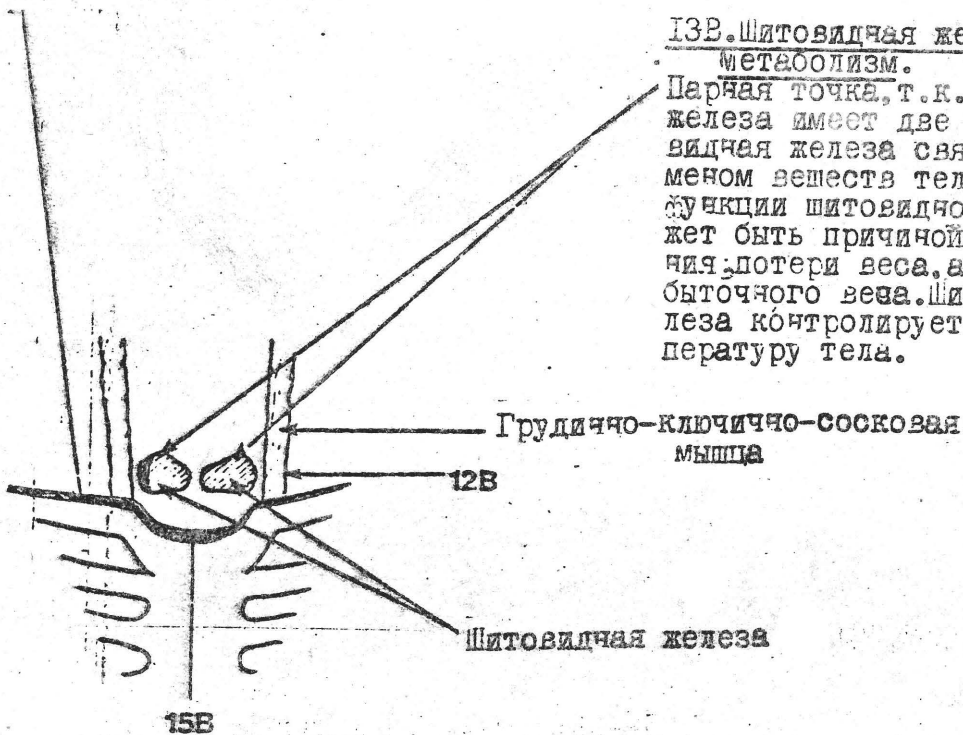
Расположена по обеим сторонам оссочавая шей ча переднебоковой стенке грудивно-ключично-сосковой мышцы, где кончается ключичная ямка. Левая точка "12B" контролирует левую сторону сердца (например, при грудной жабе) и левую руку. Правая сторона активизирует правую руку и правую сторону тела.

15M. Метаболизм
Верхний край обеих ключиц. Это место может влиять на обмен веществ и имеет очень большое значение.

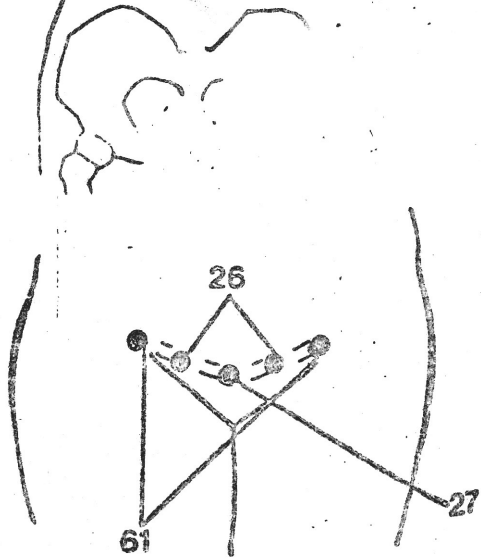
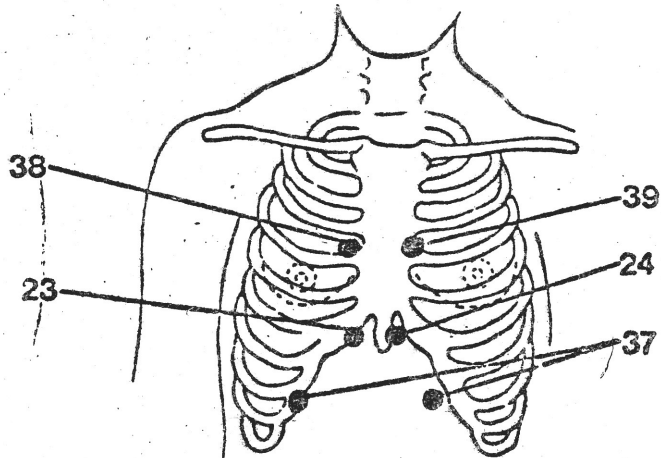
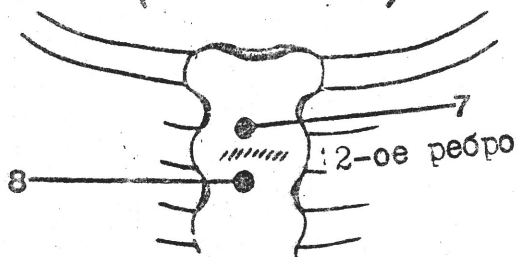
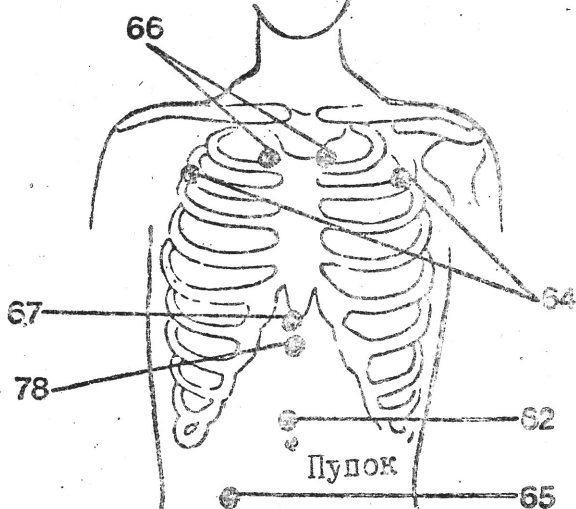
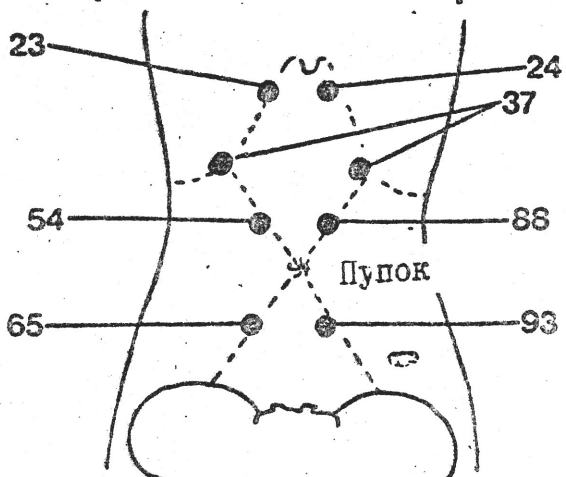
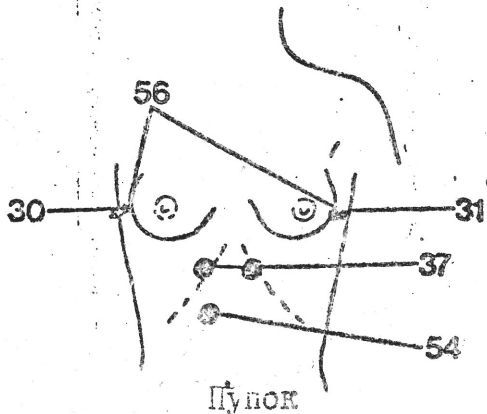
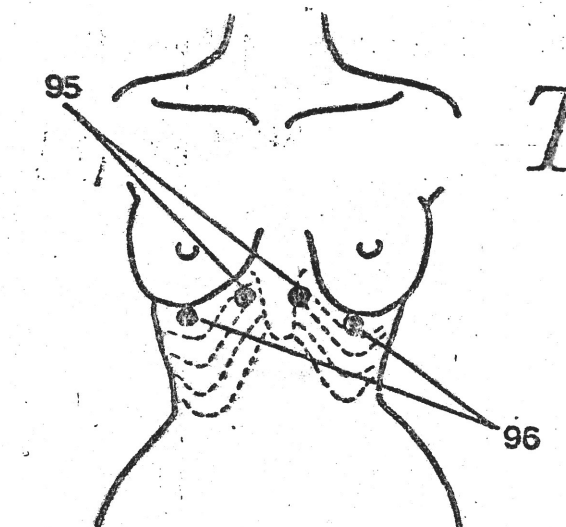
13B. Щитовидная железа.
Метаболизм.

Парная точка, т.к. щитовидная железа имеет две доли. Щитовидная железа связана с обменом веществ тела. Нарушение функции щитовидной железы может быть причиной сердцебиения, потери веса, а также избыточного веса. Щитовидная железа контролирует также температуру тела.

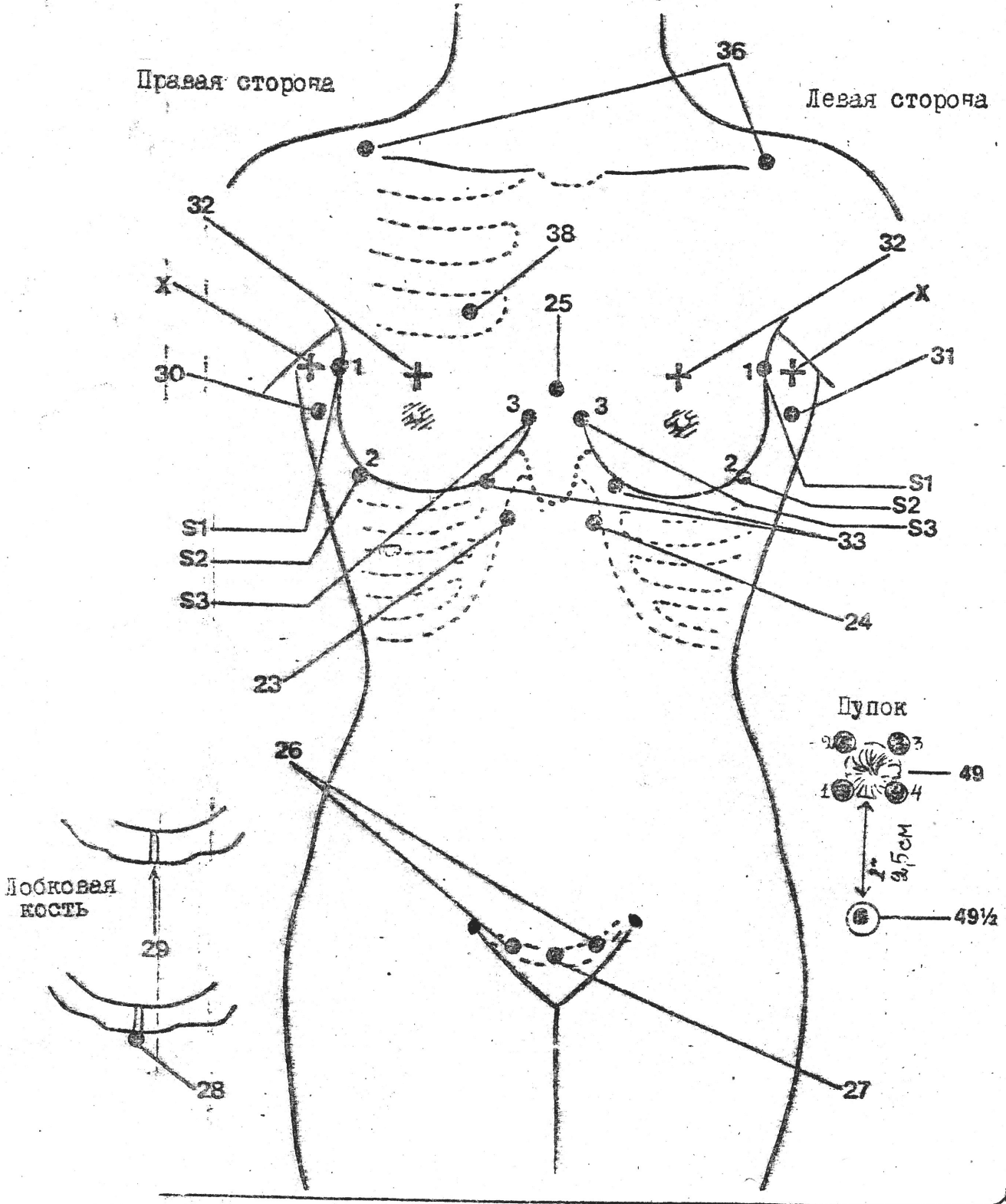

ТОЧКИ НАДАВЛИВАНІЯ
НА ТУЛОВИЩЕ

The 40 Pressure

Points of the Body

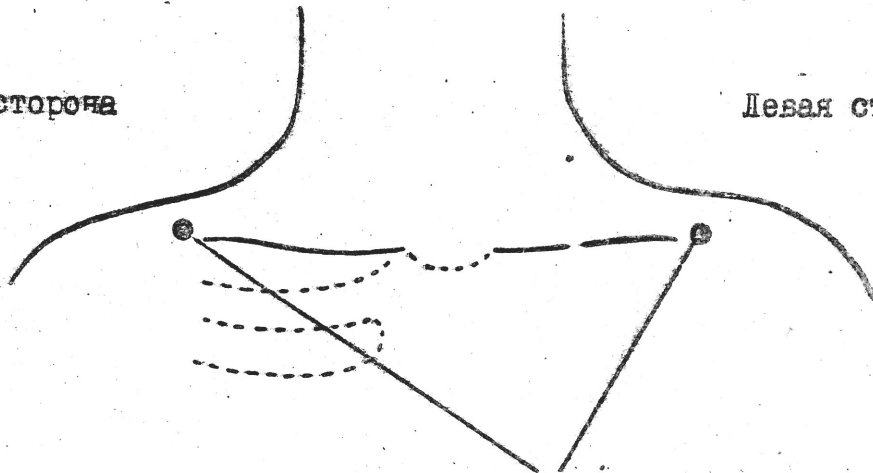

THE BODY

Правая сторона

Левая сторона

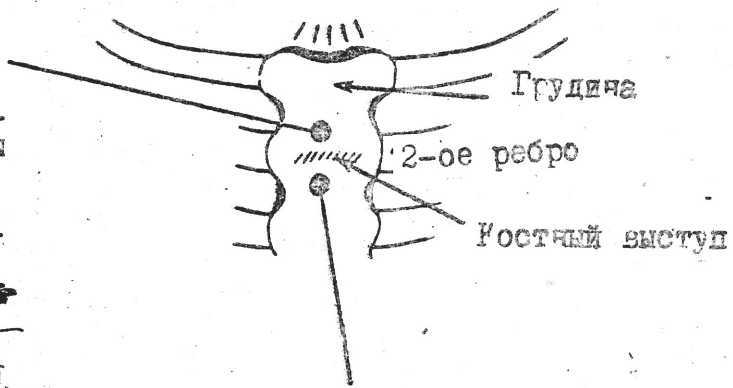
36. Боли в руках, шее и плечах, дыхание, кровообращение.

Парная точка излечивает боли в руках, шее и плечах, облегчает дыхание и кровообращение от печени к сердцу. Расположена ниже наружного конца ключицы, где он встречается с плечевым выступом.

по Таваа Дубсану точка кровотока по шее и шее

7. Мочевой пузырь, водянка, гебра, вилочковая (зобная) железа.

На задневерхней четверти грудной кости, или грудины, при ошупывании можно обнаружить костную бороздку, или выпуклость, которая тянется от одной стороны к другой. Как раз над серединой этой бороздки расположена точка, связанная с той частью тонких кишек, которая влияет на вздутие живота, на задержку воды и водянку, а также на условия, вызывающие чрезмерное опухание лодыжек и ног. Эта точка связана с зобной железой, лечит ребра и мочевой пузырь.

8. Повышенная кислотность, дыхание, давление крови в сердечной мышце, слизистая
Расположена приблизительно на 2,5 см ниже точки "7" или ниже костной бороздки, проходящей через грудь. Лечит повышенную кислотность, изжогу, выбрасывает слизь из желудка, а также излечивает кашель, астму и дифтерию. Точка "8" лечит также ребра и сердечное давление.

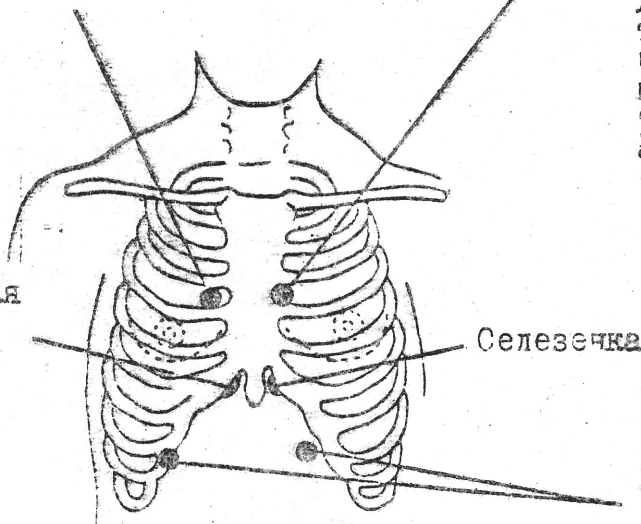
38. Желчный пузырь, сердечные клапаны, поджелудочная железа.

Расположена на правой стороне между третьим и четвертым ребрами у грудины. Эта точка лечит желчный пузырь, некоторые типы запора, сердечные клапаны, поджелудочную железу и правую часть диафрагмы, а также блуждающие нервы.

39. Сердечные клапаны, слизистая.

Непарная точка, расположена между третьим и четвертым ребрами с левой стороны грудины, или грудной кости. Эта точка используется при лечении слизистой в бронхах, кишечнике и толстой кишке, а также левых блуждающих и диафрагмальных нервов и сердечных клапанов.

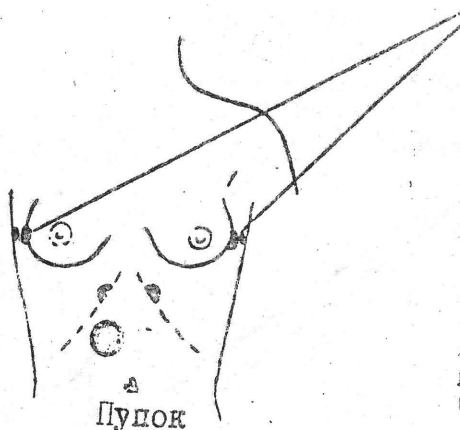
Поджелудочная железа

Селезенка

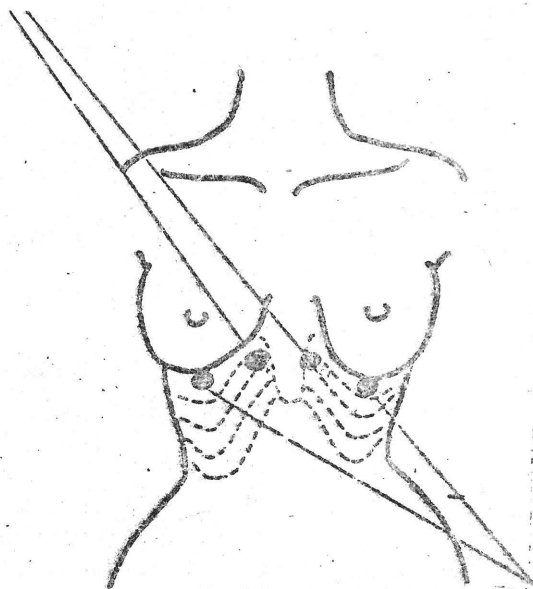
37. Передняя часть реберной клетки. Сильное сердцебиение, задержка мочеиспускания.

Парные точки у основания ребер, которые связаны с почками, мочеточниками и мочевым пузырем. Найти их можно, зацепив пальцем за внутренний край ребер на расстоянии приблизительно 2/3 вниз от нижнего конца грудины. Небольшая выемка в крае ребра покажет, что вы нашли точку правильно. Лечит все типы задержки мочеиспускания. Волячка, брюшная водянка, отёк подкожной клетчатки, метеоризм и даже расстройство пищеварения могут возникнуть от нарушения функций почек. Эти точки помогают также при сильном сердцебиении. Выпадение или опущение брюшных органов может также быть причиной водячки и грыжи. Всегда проверяйте сначала точку "15B" (см. стр. 36), чтобы узнать, нуждаются ли брюшные органы во вправлении, и снять с них напряжение. Боли в почках лечит также точка "33" (см. стр. 36)

56. Система размножения
 Точки "30" и "31" расположены под руками на уровне сосков. Точки 56 расположены впереди этих двух точек по краям грудных желез. Точки "56" - главные точки, влияющие на всю систему размножения в целом и мужчин и женщин: грудные железы, яичники, предстательная железа, семенные канатики, яички, маточные трубы, матка, шейка матки и щитовидная железа. Органы размножения могут влиять на эмоциональную систему.

95. Сердце
 Используйте эту точку для лечения сердца. Она расположена между 5-ым и 6-ым ребрами под грудями и влияет на гормоны, воздействующие на сердце.

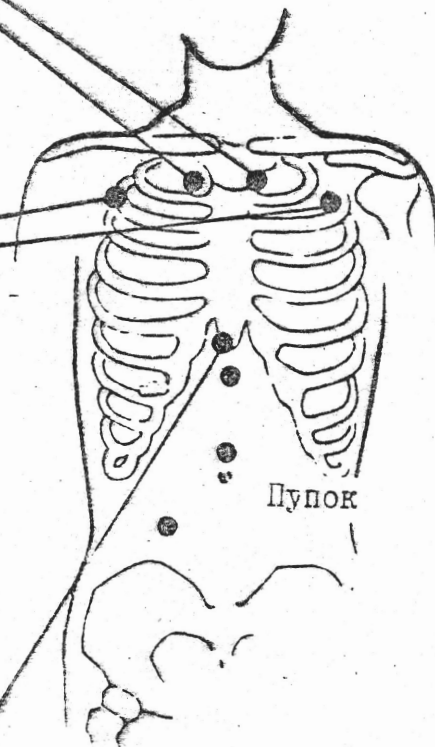

96. Бровки, легкие
 Эти точки лечат большую часть легких и бровки. Они расположены непосредственно под сосками грудных желез.

66. Боль в спине, легкие
Расположены между ключицей и первым ребром, прилегающим к грудице. Лечит легкие и бронхи (верхнюю часть легких), а также боли в спине.

64. Соматическая. Артериальное кровообращение, столбняк, табачное отравление
Расположена по обеим сторонам верхней грудной области на конце вторых ребер, где они проходят под ключицу. Влияет на артериальное кровообращение в легких, кишечнике и толстой кишке. Особенно показана при табачном отравлении и столбняке.

ВИД СПЕРЕДИ

67. Закупорка вен
Расположена на конце грудицы. Используется при закупорке вен.

THE BODY

X правая венозная кровь X левая артериальная кровь

25. Сердце

Расположена в центре грудной клетки между сосками грудных желез. Влияет на правую сторону сердца (непарная точка).

Для венозной и артериальной крови. Левая "X" расположена в подмышечной ямке левой руки в ее высшей точке, которую вы вполне можете нащупать у ребер. Она связана со всей артериальной кровью через аорту, сердце и тело. Правая "X" расположена аналогично с правой стороны, действует на всю венозную кровь через воротную вену и печень. Обе используются также при закупорке лимфатических сосудов.

Правая сторона

Левая сторона

30. Печень

Расположена на уровне правого соска под правой рукой у ребра. Это одна из трех точек, влияющих на печень.

31. Желудок, эмоции

Для желудка. Расположена на уровне левого соска на левой стороне реберной клетки под рукой.

32. Левая. артерии толстой кишки, кишечника, сердца

32. Правая. Вены, ведущие к толстой кишке и кишечнику. На правой стороне точка "32" лечит вены толстой кишки и кишечника. Расположена выше правого соска на расстоянии около 2,5 см. Левая "32" над левым соском лечит артерии толстой кишки, кишечника и сердца.

33. Левая. Левая почка и левая часть толстой кишки.

33. Правая. Правая почка и правая часть толстой кишки. На правой стороне эта точка лечит правую почку и правую сторону толстой кишки. На левой стороне она лечит левую почку и левую сторону толстой кишки. Расположена под нижней стороной грудных желез на ребрах посередине между самой нижней частью грудной железы и точкой, где грудная железа касается грудины. Лечит почечные боли.

Правая сторона

Левая сторона

Точки S
правой стороны

Точки S
левой стороны

S1. Повышенная кислотность, грудная железа, вены.

Для правой грудной железы и всех вен. Это точка, о которой вместе с точкой "I2M" (стр. 29) надо помнить в случае шока. Она также используется в случае повышенной кислотности. Поставьте кончиком пальца непосредственно в центре грудных мышц, т.е. в том месте, где они выходят на переднюю часть руки.

S2. Правая. Грудная железа, печень.

Для груди и печени. Расположена под боковой стороной грудной железы на ребре.

S3. Правая. Грудная железа, уши, глухота, звон в ушах, печень.

Для груди, печени и ушей, особенно при глухоте и звоне в ушах. Расположена в точках, где грудная мышца соединяется с грудиной.

S1. Аорта, грудная железа, упадок энергии, сердечное давление, лимфа.

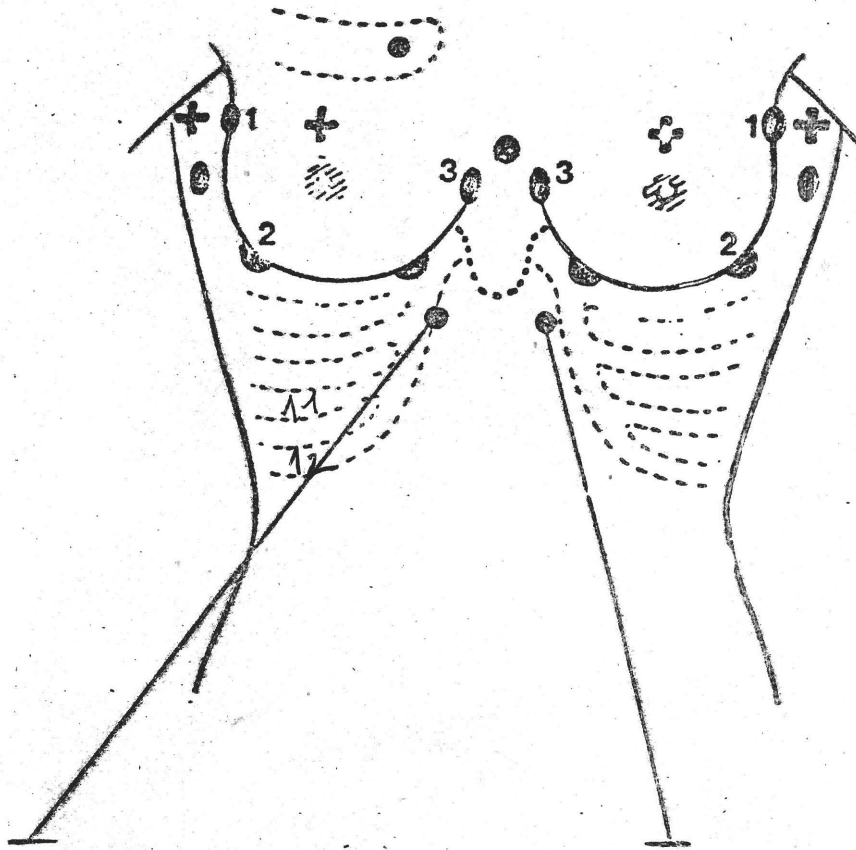
Для левой грудной железы, аорты, лимфы, повышения энергии, а также при приливах артериальной крови к левой стороне сердца. Расположена аналогично точке "S1 правая".

S2 левая. Грудная железа, застой крови в сердце, сердечное давление, лимфа

Уменьшает застой крови в сердце и снижает сердечное давление. Расположена аналогично точке "S2 правая".

S3 левая. Грудная железа, одутловатость, уши, сердечное давление, расстройство желудка, лимфа, желудок, прямая кишка.

Для груди, лимфы; снимает также давление с правой стороны сердца; используется также при ушных расстройствах, таких как глухота и звон в ушах, при вздутии живота, водянке, при задержке в организме избыточной жидкости, при болях в прямой кишке и в анусе, а также при многих пищеварительных нарушениях - расстройстве желудка, изжоге, отрыжке, метеоризме, диспепсии и тошноте. Расположена аналогично точке "S3 правая".

23. Поджелудочная железа
Согнув указательный палец правой руки так далеко вверх, как можете достать на внутреннем крае правой части реберной клетки, вы коснетесь энергетического центра на поджелудочной железе.

24. Селезенка
Следуйте направлению, как для точки "23", но на противоположной, левой стороне реберной клетки. Вы коснетесь энергетического центра селезенки. Селезенка производит красные кровяные клетки, и если она не будет выполнять свою функцию надлежащим образом, может наступить анемия. Проверьте точку "24" также для проблем, связанных с голосом.

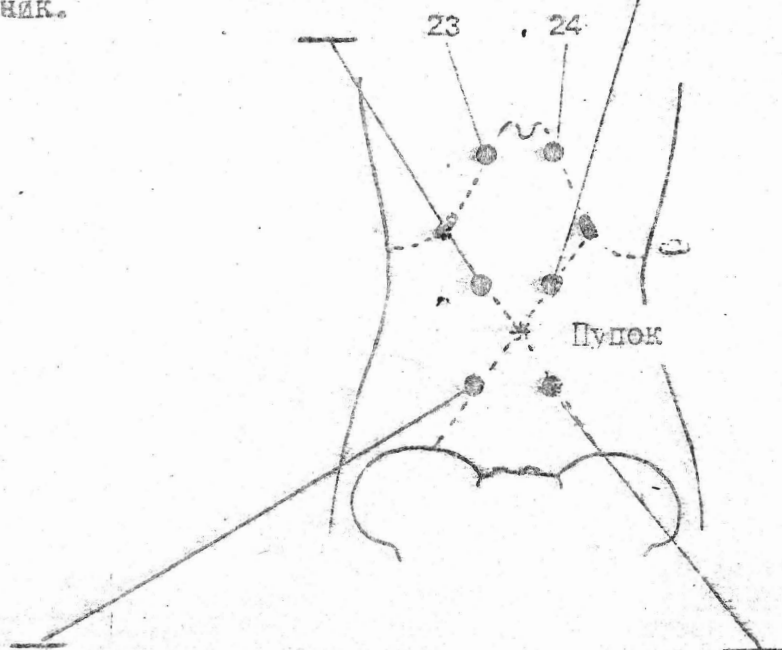

54. Желчь, пищеварение,
желчные камни

На правой стороне на расстоянии приблизительно 5-7,5 см ниже правой точки "37" на стенке брюшной полости давите вниз на ткань. Ощупать вы будете не на внешней ткани, а глубоко внутри. Тем не менее, нажимайте осторожно, т.е. в тех случаях значительная болезненность может указывать на застой в желчном протоке, ведущем из желчного пузыря в кишечник. Поскольку желчь играет огромную роль в переваривании жиров, очень важно, чтобы этот проток был открыт. Небольшой камень может засорить этот проход в кишечник.

88. Запор, сильное сердцебиение

Расположена точно там же, где точка "54", но на противоположной стороне брюшной полости. Это точка, которая выпускает содержимое кишечника. Лечит запоры. Если точка "54" также болезненна, то нажимайте на обе точки одновременно. Точка "88" -- это также специальная точка для лечения сильного сердцебиения.

65. Аппендицит, толстая кишка,
инсулин.

Расположена посередине между тазобедренной правой бедренной кости и пупком. Эта точка всегда называлась точкой "Мак Бейчи" и являлась медицинской диагностической точкой определения аппендицита у пациента. Она также стимулирует метеоризм в толстой кишке, повышает ее подвижность и в значительной степени влияет на распределение инсулина.

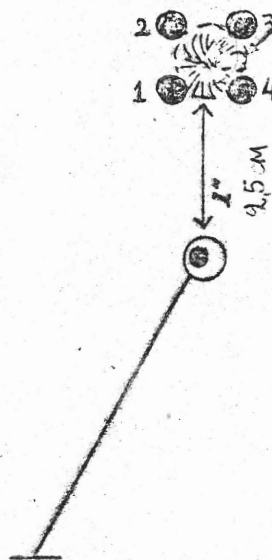
93. Запор

Расположена там же, где точка аппендикса "65", но на противоположной стороне нижней части брюшной полости. Эта точка связана с сигмовидной частью толстой кишки перед переходом ее в прямую кишку, или в анус. Лечит запор, который возникает в результате закупорки в этой области толстой кишки.

THE BODY

Пупок

49, 1/2. Вздутие живота, мозговые бедренные кости, легкие непосредственно ниже пупка на расстоянии приблизительно 2,5 см находится еще один энергетический центр, который является наиболее мощным в поддержании жизненных сил благодаря своему действию на большие мозговые бедренные кости, которые, в свою очередь, излучают энергию вверх через оба легких. Проверьте эту точку также во всех случаях вздутия живота. Многие люди имеют хронические боли в бедрах, которые фактически являются результатом нарушения равновесия жизненных сил в мозговой бедренной кости или результатом легочных проблем на той же стороне тела. Застой крови в левом легком может привести к одной из форм нарушения сердечного равновесия, а также к головокружению.

49. Брюшная аорта, пищеварение, сердце, психические заболевания.

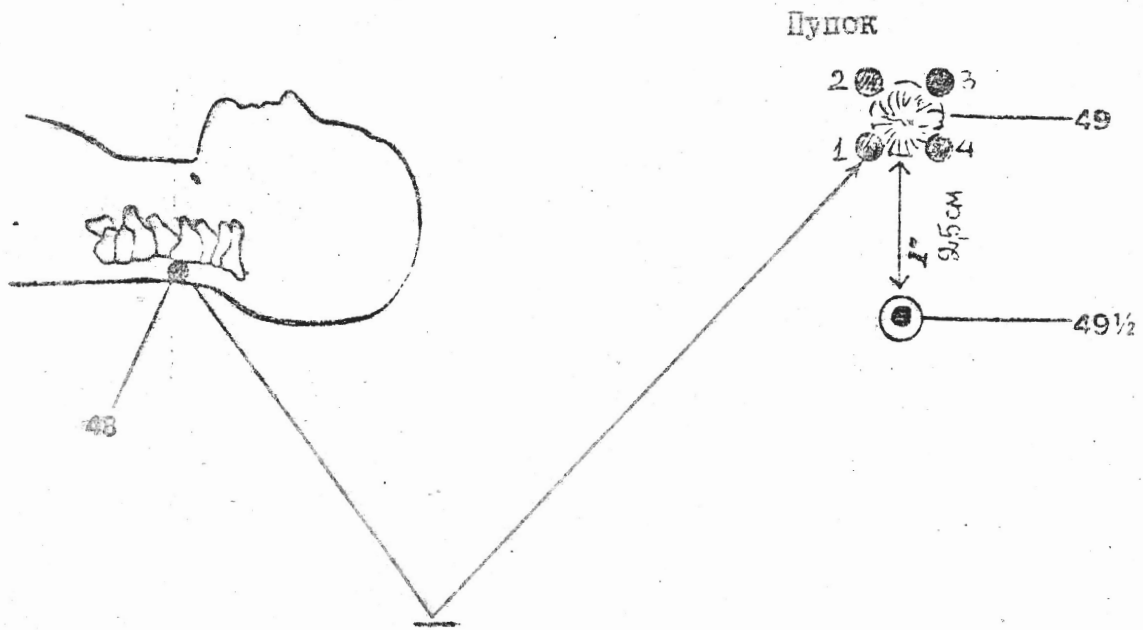
Через пупок жизненные жидкости переносятся к неродившемуся ребенку до его рождения. После родов эта пупочная область сохраняет свою жизненно важную роль для продолжения жизни существа, т.к. непосредственно вокруг пупка и прикасаясь к нему расположены 4 точки, которые поддерживают в рабочем порядке 12-типерстную кишку.

12-типерстная кишка, которая следует за выходной, или пилорической, частью желудка, является центральным местом пищеварительного процесса. Именно здесь артериальная кровь воспринимает электрическую силу пищи и питья и переносит ее к каждой части нашего тела и в мозг. Поэтому, когда вам требуется обработать точки "49", вы одновременно можете почувствовать влияние такой обработки на любой другой орган или органы тела, или на мозг.

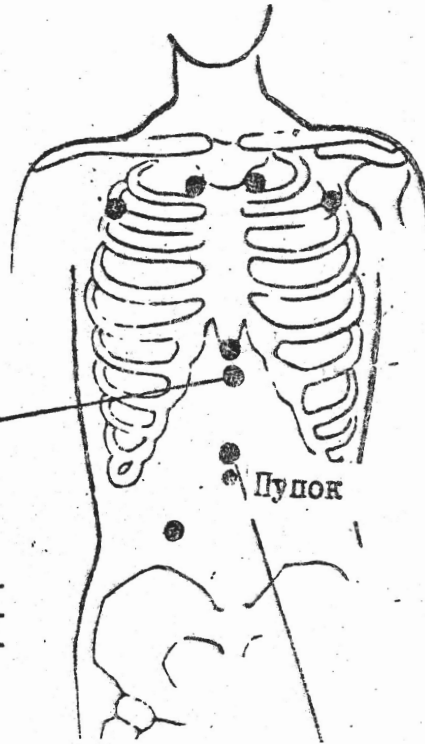
Не забывайте про точки "49" во всех случаях пищеварительных заболеваний: метеоризма, несварения желудка, язвы 12-типерстной кишки, нарушения кальция, евого обмена, жирового, сахарного и углеводного обмена; если у вас болит сердце, если вы испытываете хронические боли в спине, а также при нарушении психики. Даже ребенок может испытывать беспокойство в этих точках из-за неправильного питания матери во время беременности.

Помните - самая лучшая пища в мире может и будет бесполезной, если вы не можете переварить ее... В этом вам помогут точки "49". Каждая точка действует приблизительно на 7,5 см 12-типерстной кишки, они обозначены "1", "2", "3" и "4". Точки "3" и "4" с левой стороны пупка действуют также на брюшную аорту, при надавливании пальцем вы почувствуете её сильную пульсацию.

Проверьте также желчный пузырь и желчные протоки т. "38" (стр. 52) и "54" (стр. 59), а также поджелудочную железу "14B" (стр. 32) и "23" (стр. 44)

60. Запор
Надавливание двух точек ("48" и пупок) одновременно двумя руками.
Указательный палец одной руки накладывают на точку "48", а большой палец другой руки - на пупок, и давят одновременно довольно сильно. В нижней части живота постепенно образуется довольно значительная теплота.

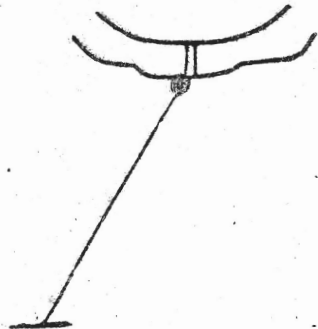
Пупок

ВИД СПЕРЕДИ

78. Солнечное сплетение, психические расстройства
 Расположена на 2,5 см выше конца грудной. Эта точка используется для солнечного сплетения, кишечника, при психических расстройствах, обмороке, затрудненном и болезненном дыхании и некоторых типах несварения желудка.

62. Мочевой пузырь, потеря энергии, беспокойство.
 Расположена на 2,5 см выше пупка. Действует на солнечное сплетение, специфична при лечении недержания мочи, при ночном недержании мочи, при задержке мочеиспускания, а также при шоке. Снимает беспокойство, повышает энергию организма.

Лобковая кость

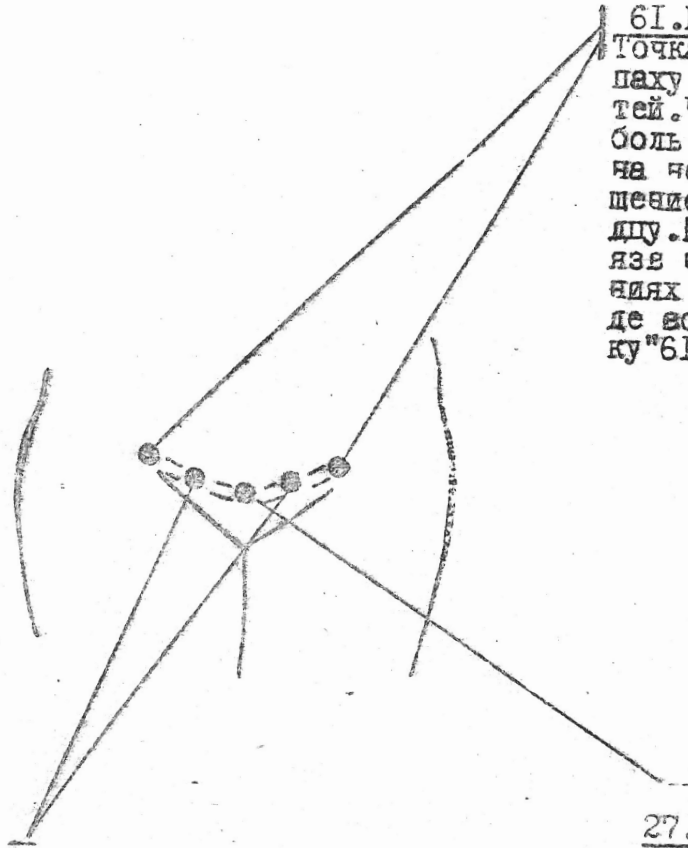

28. Отеки
 Указательным пальцем надавливайте под точкой "27" в направлении прямо и вниз. Лечит мочеточник и мочевой пузырь.

Лобковая кость

29. Пенис или влагалище
 Указательным пальцем надавливайте под точкой "27" в направлении вверх. Действует на влагалище или на пенис.

26. Яичники, маточные трубы,
семенные канатики

Это точка парная, расположена в центре каждой лобковой кости. Лечит яичники и маточные трубы у женщин, семенные канатики у мужчин. Одним из главных симптомов застоя крови в органах размножения является боль в ногах и нижней части спины и даже, в некоторых случаях, неспособность ходить. Если нельзя избавиться от застоя крови в этих органах путем обработки этих точек, то проверьте точку "51" (см. стр. 30), т.к. свинка может оставить свою метку на яичках или яичниках. Органы размножения состоят из чувствительных нервов, откуда эмоциональные симптомы, возникающие в результате нарушений в этих областях, например, нервные расстройства во время менструации.

61. Кровообращение

Точка парная, расположена в паху в начале лобковых костей. Чувствительность или боль в этих точках указывает на недостаточное кровообращение от ног и ступней к сердцу. В случаях варикозных вен, язв на ногах и других нарушениях в ногах и ступнях прежде всего надо проверить точку "61".

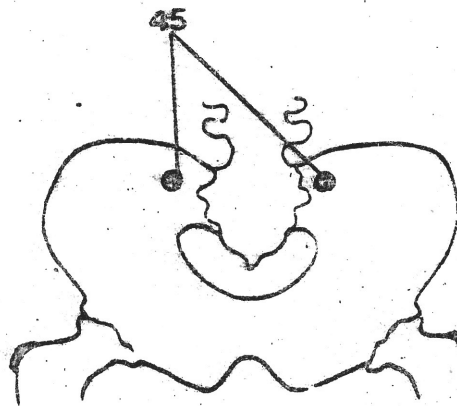
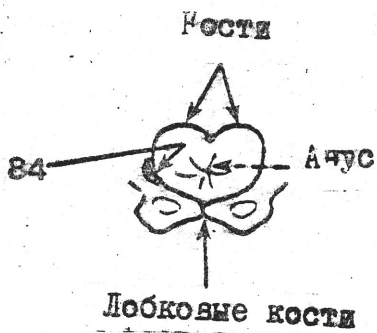
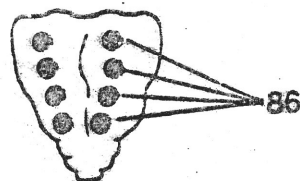
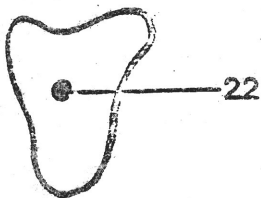
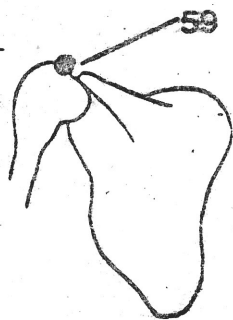
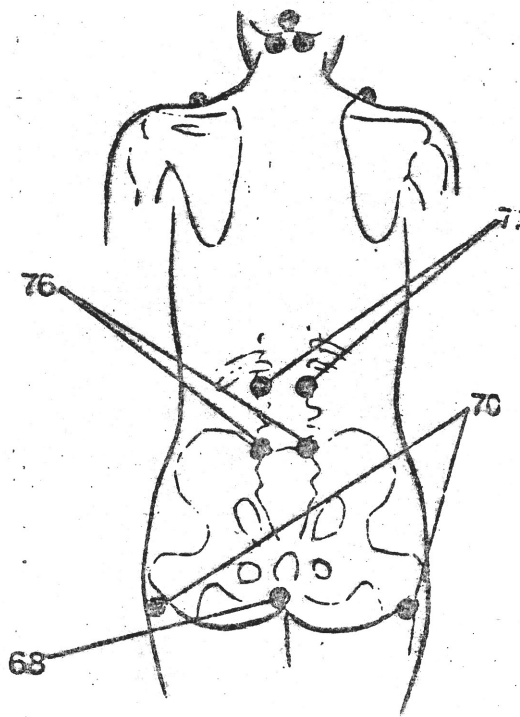
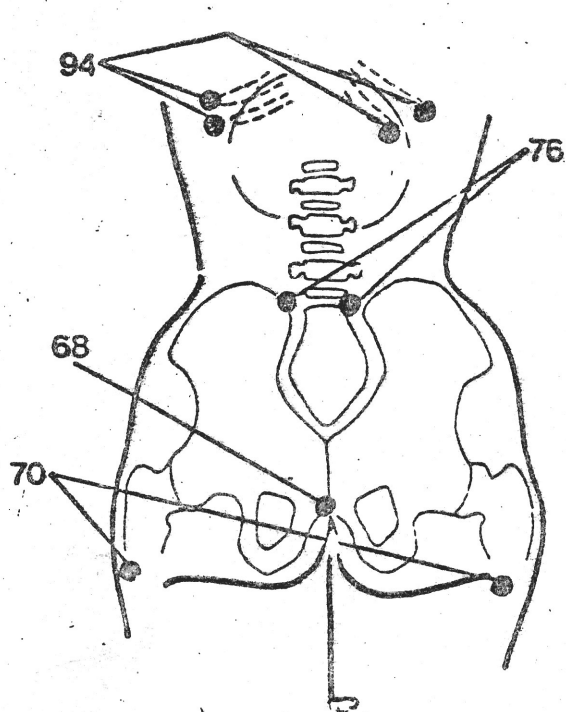
27. Предстательная железа
(простата) или матка.

Непарная точка, расположена точно в середине, где сходятся лобковые кости. Эта точка лечит матку и шейку матки у женщин, простату у мужчин.

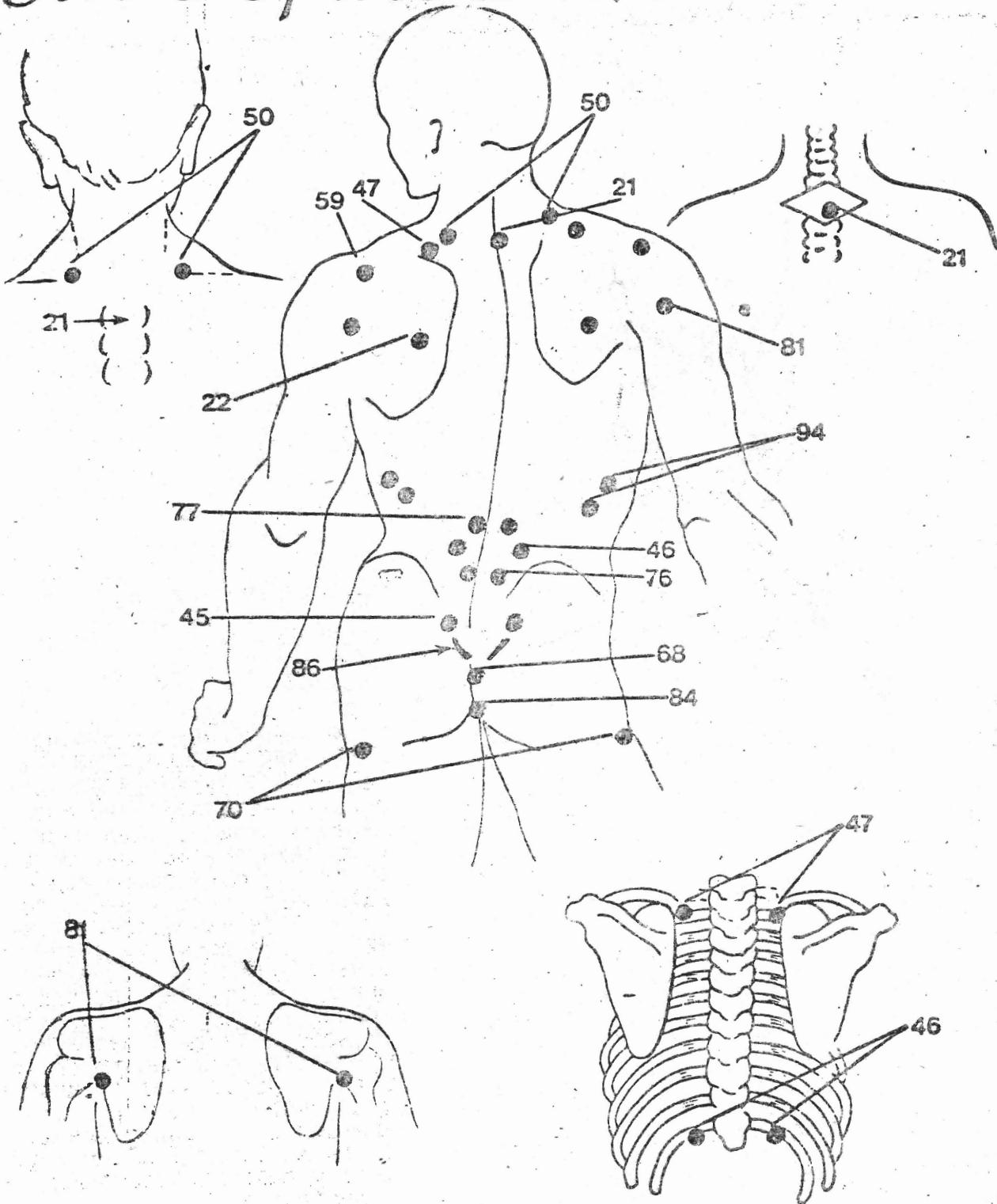
ТОЧКИ НАДАВЛИВАНИЯ

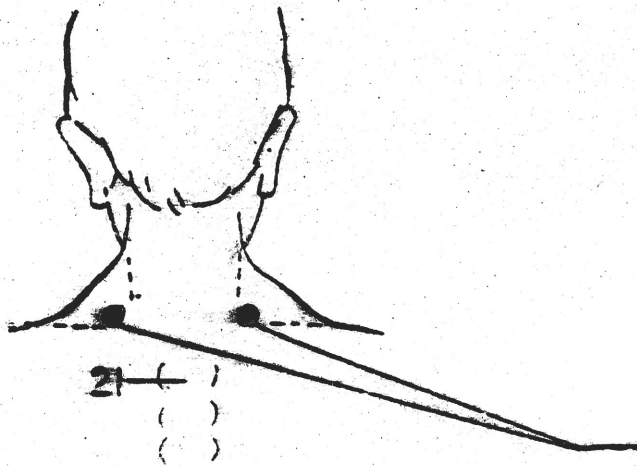
НА СПИНЕ

The 15 Pressures

Points of the Back

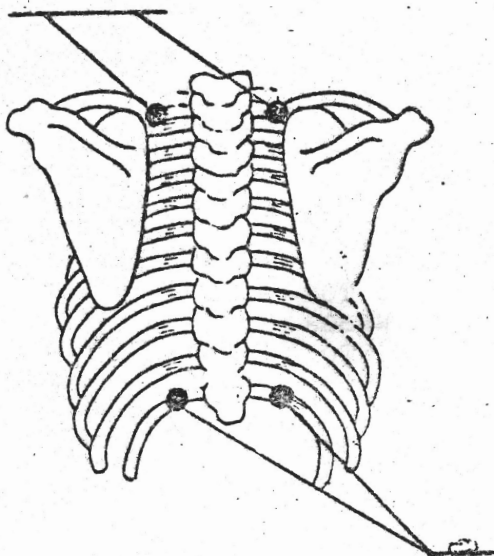

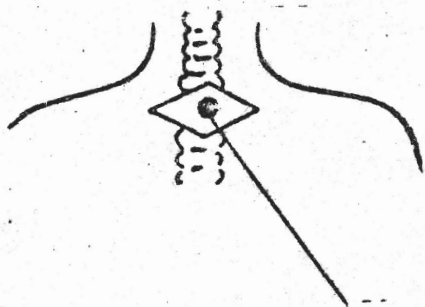
50. Соматическая. Диабет, на-
пряженное состояние.
Попросите друга или члена
семьи стать сзади вас и по-
местить свои большие пальцы
у основания вашей шеи с ос-
трых сторон одновременно. Да-
вить надо вверх и вниз под
углом 45° в направлении точ-
ки "21". Эта точка чувстви-
тельна у каждого, т.к. в наше
время все страдают от напря-
женного состояния. Избавляет
от застоя крови в шее и моз-
ге и лечит умственную не ус-
талость. Используется также
для алкогольного отрезвле-
ния (для этой цели применяю-
т также точки JVIU см. стр.
30) и лечения бессонницы
и диабета.

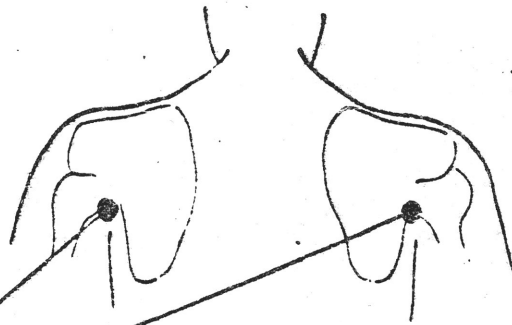
47. Спастические или болез-
ненные руки, ноги, поясница
Эти точки расположены на
верхней стороне лопаток. Да-
вите приблизительно на то
место, где второе ребро прохо-
дит под лопатку. Помогает при
болях в пояснице и ногах, а
также при спастических сос-
тояниях ног и рук.

46. Сердце, дыхание, боли
Расположена в нижней части
реберной клетки (на 12-ом ре-
бре) на расстоянии около 7,5
см от спинного хребта. Я не
могу преувеличить ценность
этих точек, т.к. адреналин име-
ет огромную важность для жи-
зни каждой клетки нашего те-
ла. Лечит сердечные случаи,
затрудненное дыхание и боли
в любой части тела, особенно
в пояснице и ногах.

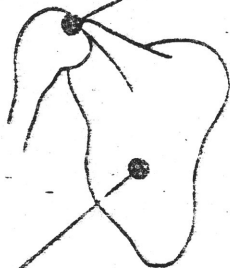

21. 7-й шейный позвонок. Кос-
ти, сердце, спинной хребет.
Расположена на остистом от-
ростке 7-го шейного позво-
нка, где шея соединяется с
плечами. Эта точка влияет на
гипофиз, щитовидную железу и
каждую кость тела. Если у вас
перелом или трещина в кости,
прикосновение к точке "21"
очень болезненно. Точка "21"
облегчает боль. Применяется
также при расстройстве серд-
ца, спинного мозга и спинно-
мозговых нервов.

81. Воспаление слизистой сумки.

Расположена на задней части плечевого соединения. Внимательно изучите схему. Это точка, которую практически невозможно достать самому, но это одна из наиболее важных точек для лечения воспаления слизистой сумки и других болей в плечах и руках. Если необходимо, обработайте также точки левую "15" (см. стр. 37) или "40" (см. стр. 74)

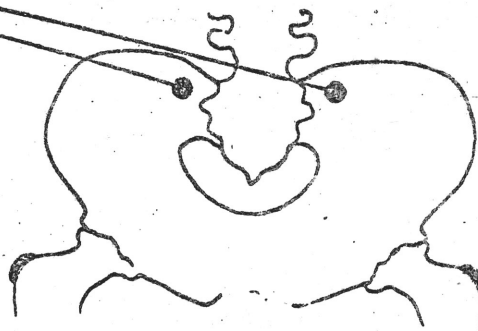
22. Сердце, легкие, грипп
Парная точка, расположена в центре лопатки. Лечит легкие, сердце и некоторые боли в плечах.

59. Паралич, ушибы, усталость, шок.

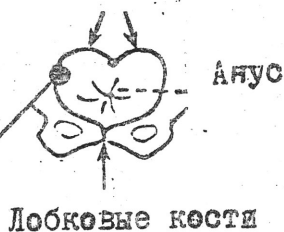
Вначале кажется, что точку "59" трудно найти. Надо, чтобы кто-то стоял сзади вас, а вы сидели. Своими большими пальцами он должен вести по наружному верхнему краю лопатки до самого её конца. Пальцы будут ощущать что-то тупое, не острое. Можно большие пальцы поместить на обе точки "59" и давить вверх в направлении спины. Учтите эти точки во всех случаях паралича, кровоизлияний в любой части тела, ушибов головы, независимо от того, когда это произошло, физической усталости и всех типов шок, особенно электрического шока и его последствий на сердце. (Давить надо обе точки одновременно).

45. Лимфа брюшной полости

Начальная точка, расположена на гребне крестца на подвздошной, или бедренной кости. Эти точки связаны с местом прикрепления ахиллова сухожилия, которое, в свою очередь, влияет на всю лимфу брюшной полости. Лимфа представляет собой прозрачный бесцветный физиологический раствор, который омывает каждую клетку тела. Лимфа не имеет движущей силы, подобной сердцу. Ее движение обуславливается физическим движением тела. Главным двигателем лимфатической жидкости брюшной полости является ахиллово сухожилие, которое тянется от задней части пятки к мышцам, образующим икру ноги, и отсюда к крестцу. Только одна точка еще более эффективна для лечения лимфы брюшной полости: это точка "73" (см. стр. 82).

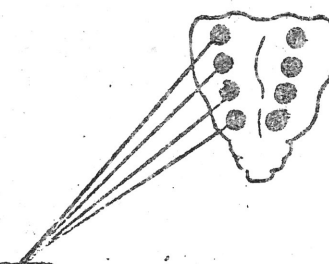

Кости

Лобковые кости

Крестец

84. Боль в прямой кишке

Внутренний край нижней тазовой кости образует круг вокруг прямой кишки и ануса. Проведите пальцем по внутреннему краю этого костного круга и в случае болей в прямой кишке найдите на этой кости соответствующую точку. Эта круговая кость расположена на расстоянии около 5 см от ануса в центре. (Другие точки при болях в прямой кишке: "68" (стр. 64) и "86").

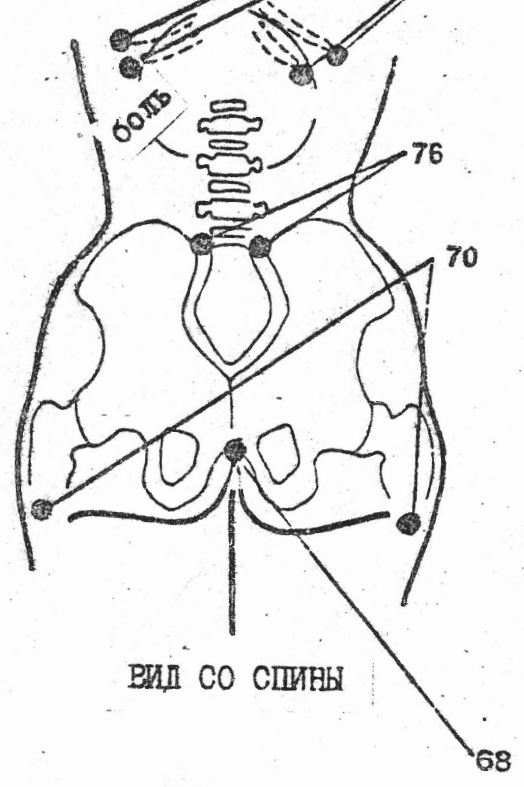
86. Крестец. Симпатическая нервная система спины

На теле крестца имеется 8 отверстий. Через них проходят нервы, которые являются частью симпатической нервной системы, влияющей на все тело от прямой кишки до мозга. Давите на любую из точек, в которых ощущаете боль.

Замечание: Если крестцовые нервы болезненны, проверьте половые органы.

94.
Расположены на концах колеблющихся ребер с обеих сторон тела. При болях используйте области "94" и "76".

ВИД СО СПИНЫ

77. Левая. Брюшная полость,
толстая кишка, желудок,
бедрца

77. Правая. Аппендикс, желч-
ный пузырь.

Расположена на поперечном отростке первого поясничного позвонка. Надавливание на правый поперечный отросток избавляет от застоя крови и от болей в желчном пузыре и в аппендиксе. Надавливание на левый поперечный отросток снимает напряжение в бедрах, брюшной полости, толстой кишке и в желудке.

70. Толстая кишка, боли в
ногах.

Ложитесь лицом вниз. Другой человек ведет рукой по изгибу ягодиц снизу, пока не коснется задне-верхней части бедра. Тогда кончиками больших пальцев надо давить через верхнюю ткань ноги на заднюю поверхность бедренной кости. Проверьте опухли ли обе эти точки при болезнях толстой кишки и болях в ногах.

76. Напряжение в брюшной по-
лости и в пояснице, боли
в ногах.

Расположена на поперечном отростке 5-го поясничного позвонка. Снимает напряжение в брюшной области и в пояснице облегчает боли в ногах (см. также точку "94").

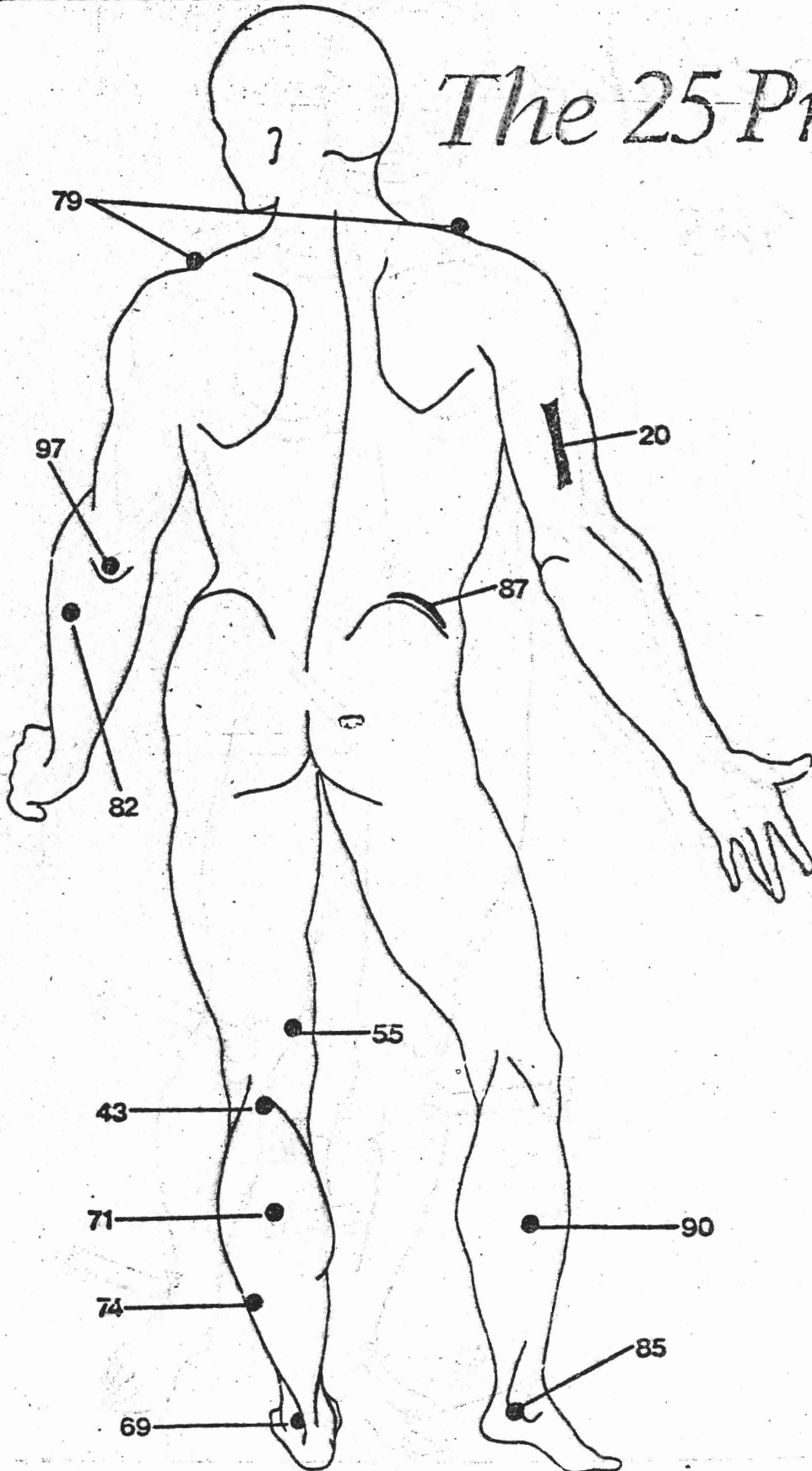
ВИД СО СПИНЫ

68. Копчик. Энергия, желудок.
Расположена на конце копчиковой кости. Копчиковая кость отражает энергию через таз и органы размножения, желудок и мозг. Давите кончик копчика в направлении головы. Лечит также желудочные болезни.

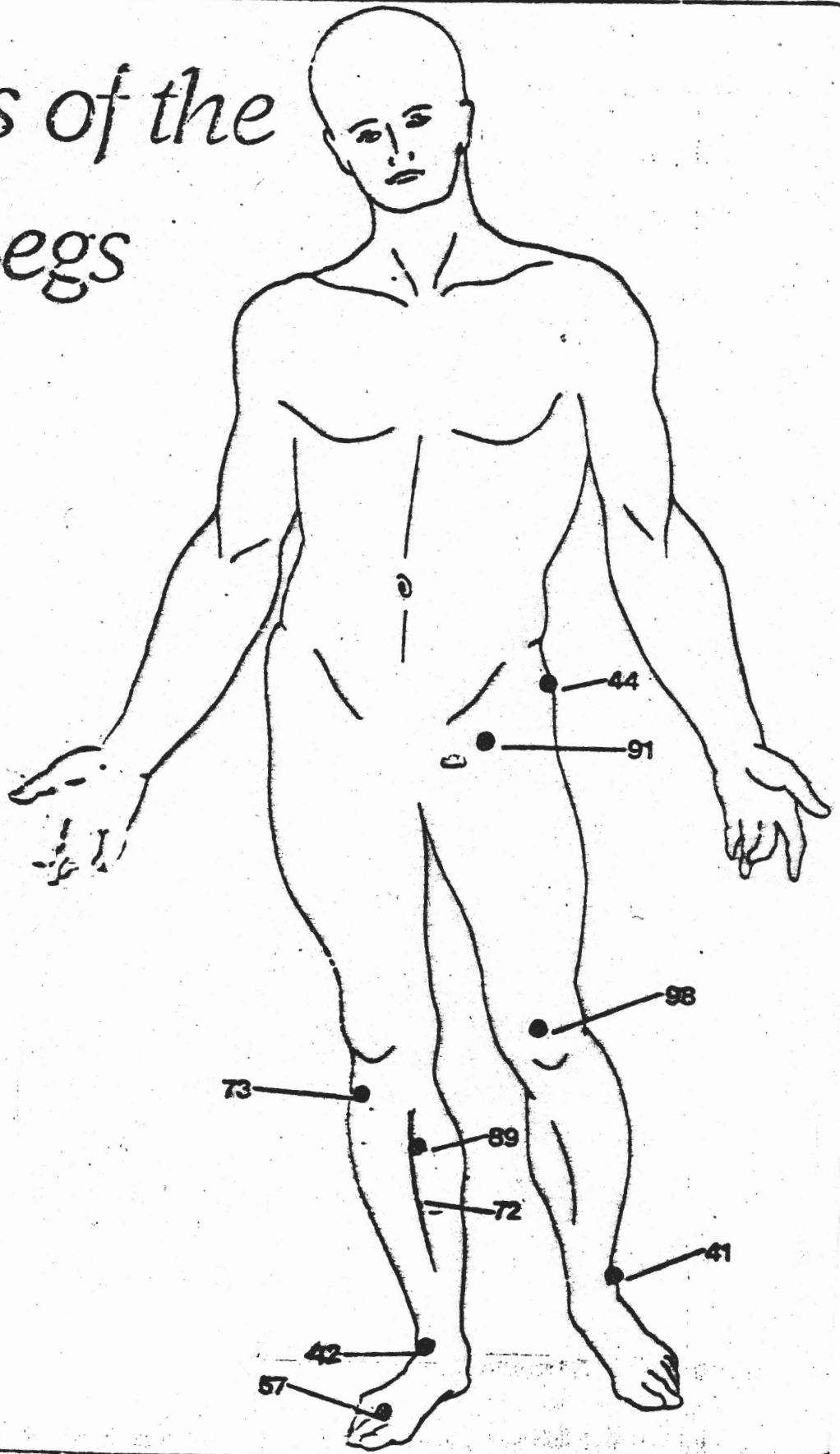
ТОЧКИ НАДАВЛИВАНИЯ
НА РУКАХ И НОГАХ

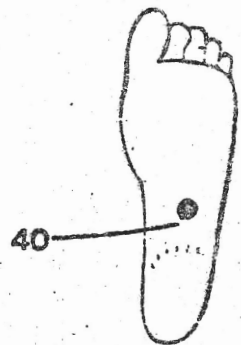
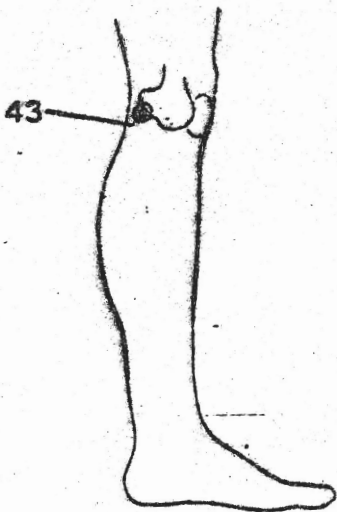
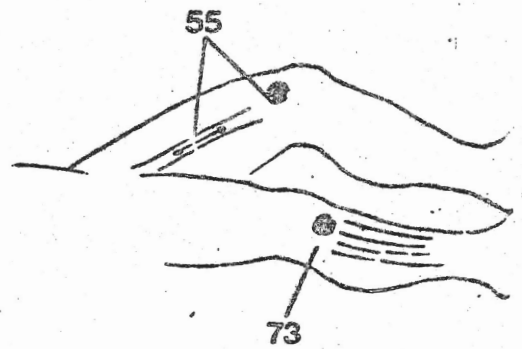
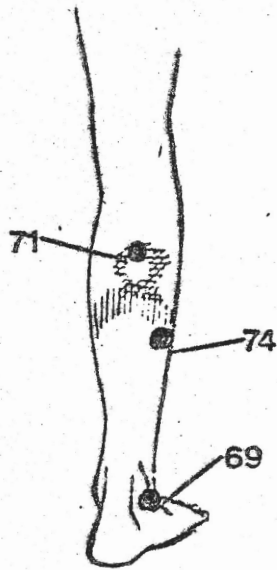
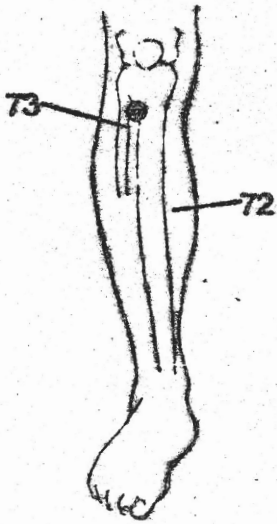
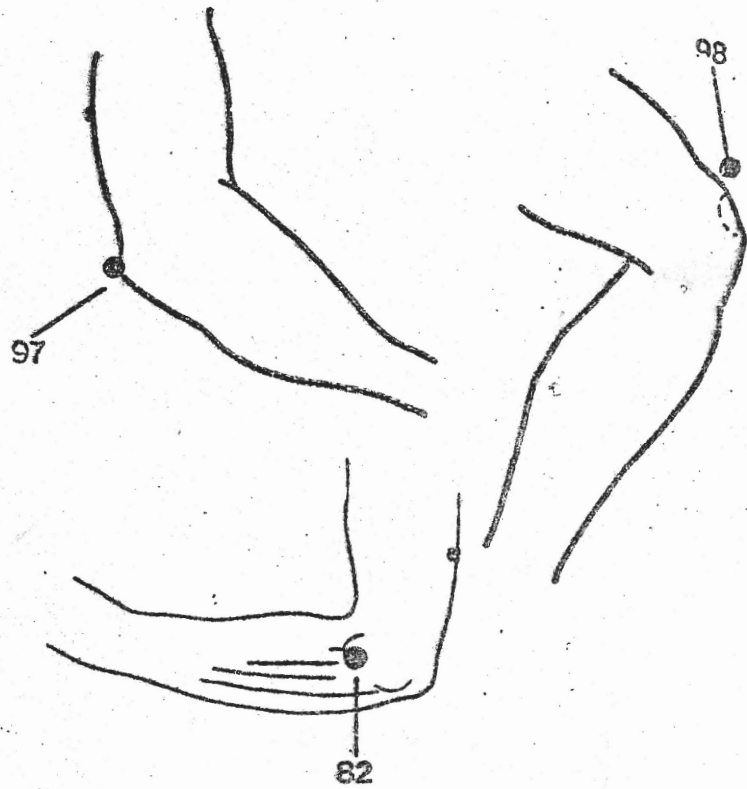
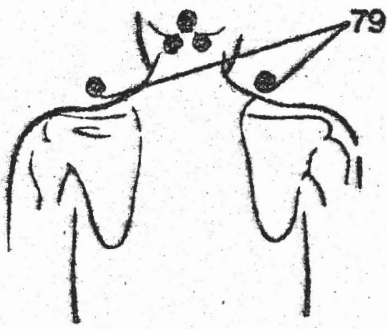
The 25 Pressure Points

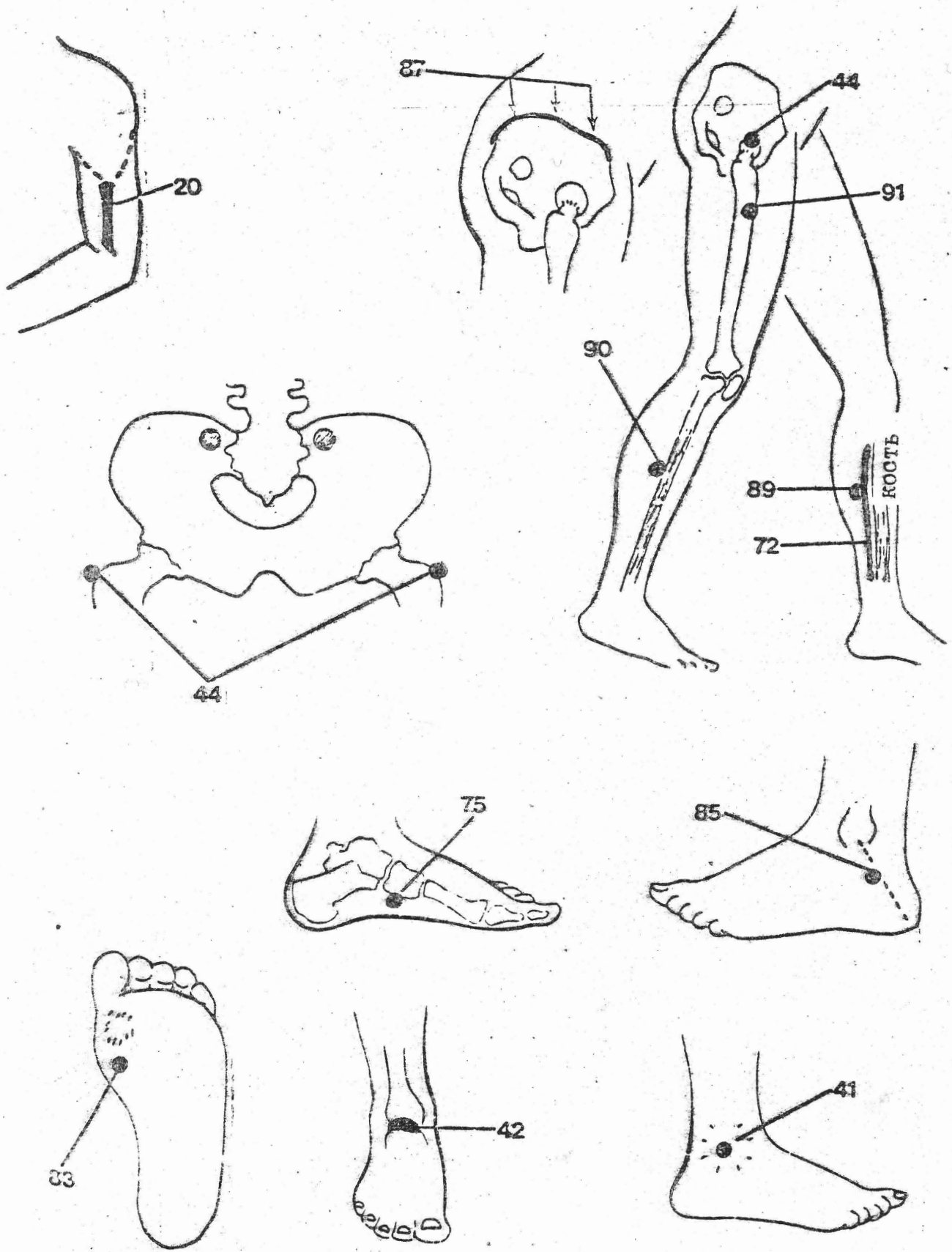
Arms and

Points of the Arms and Legs

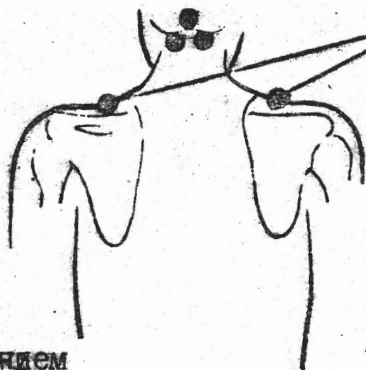

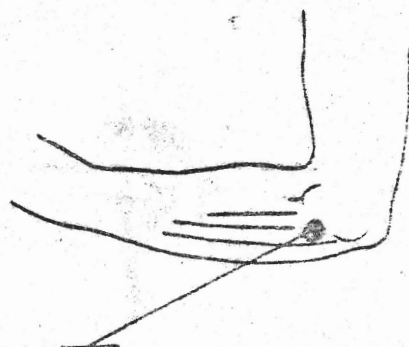

79. Энергия, напряжение
 Расположена посередине между основанием шеи и плечом. Снимает напряжение в плечах и руках, а также повышает температуру и энергию во всем теле.

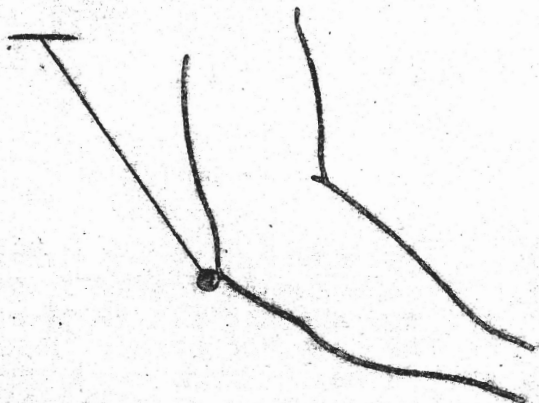
97. Контроль за содержанием сахара.

Расположена под локтевым выступом на конце локтевого сустава. Чтобы легче было найти точку, сначала согните локоть. Эти точки связаны с паразитами, видимыми железами и помогают контролировать содержание сахара, а также вырабатывать инсулин. Лечат диабет и гипогликемию.

82. Кровообращение в предплечьях и в кистях рук.

Как видно на схеме, эта точка расположена на предплечье, в том месте, где начинаются лучевая и локтевая кости. Надавливание в этом месте контролирует состояние рук и даже головы. Некоторые астрологи полагают, что эта точка влияет на выделения слизистой. Если т. "82" болезненна на противоположной стороне руки, давите обе стороны одновременно. Усиливает кровообращение в предплечье и в кисти.

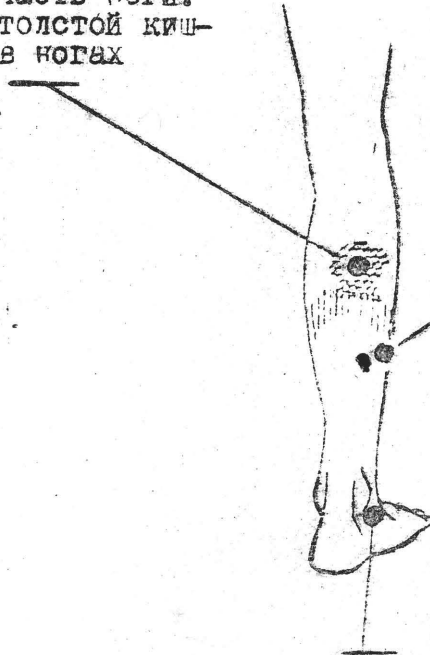
20. Боли в руках, шее, голове, желудке, повышенная кислотность.

Эта область расположена на внешней стороне плечевой кости и тянется от локтя до плеча. Надавливать надо на внешнюю сторону самой кости. Лечит застой в желудке. Левая рука связана с левой стороной желудка, правая рука связана с правой стороной желудка. Замечание: желудочные болезни могут вызвать серьезные нарушения деятельности кистей рук. Т. "20" помогает также при болях в руке, шее и голове.

**71. Толстая кишка, боли в но-
гах.**

Расположена в середине силь-
ных икроножных мышц, которые
образуют заднюю часть ноги.
Лечит болезни в толстой киш-
ке, а также боли в ногах

74. Мышцы

Расположена на заднебоковой
стороне икроножных мышц. Переме-
шайте руку по контуру мышц
вниз. Показана для мышц ног
и всего тела.

69. Боль, растяжение сустава

Расположена точно под таран-
ной костью на внешней сторо-
не ноги. Контактная точка име-
ет размер горошины и лечит
невралгию толстой кишки, рас-
тяжение сустава и снимает бо-
ли, особенно в брюшной поло-
сти.

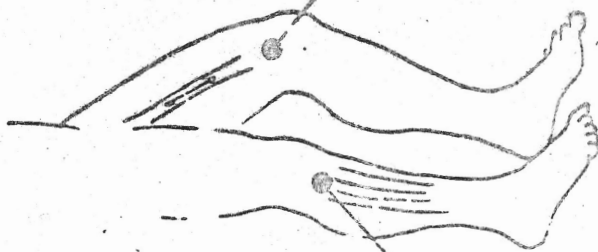
72. Толстая кишка

Это место расположено вдоль
всей внутренней стороны
большеберцовой кости на обе-
их ногах. Надавливание вдоль
этих костей лечит нервы тол-
стой кишки. Массаж только лег-
кий, т.к. даже слабое прикосно-
вение может быть чрезвычайно
болезненным. Очень важное ме-
сто.

55. Кишечник

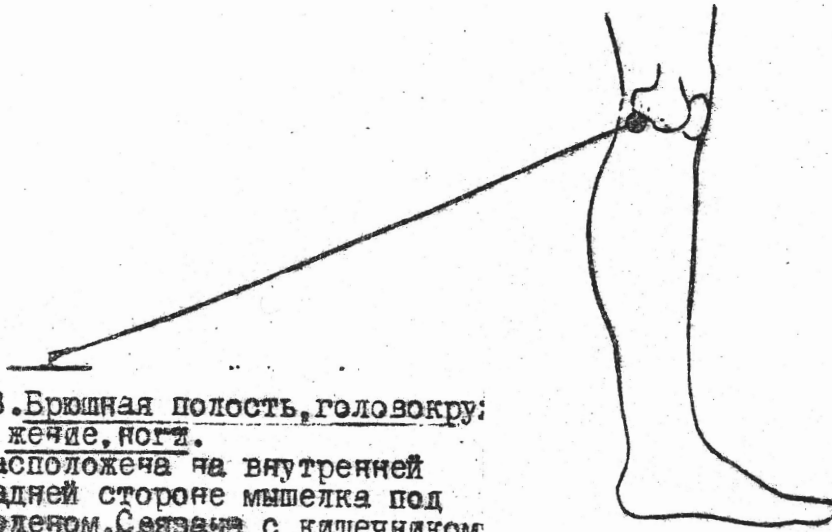
Расположено на внутренней стороне бедренной кости по всей её длине. Это место болезненно почти у всех, т.к. почти все имеют то, или иное нарушение равновесия. Эти центры лечат кишечник.

73. Лимфа брюшной полости, диабет, глаза, стопы ног, Мышцы, щитовидная железа

Расположена на передне-верхней стороне ног в месте раздвоения большеберцовой и малоберцовой костей. Это вторая и самая важная точка, связанная с лимфой брюшной полости. Эта точка оказывает действие на область от места прикрепления ахиллова сухожилия сзади на пятке, вверх по задней части ноги до крестцовой области, где она стимулирует половые железы в паху и всю лимфатическую систему в брюшной полости. Надавливание на эту область оказывает тонизирующее действие на пожилых людей, полезно для мышц ног и всего тела, лечит вздутие живота, показано во всех случаях, когда стопы ног болезненны и испытывают ощущение жжения, показано при диабете и болезни щитовидной железы, полезно для глаз, которые болезненны или выпучены.

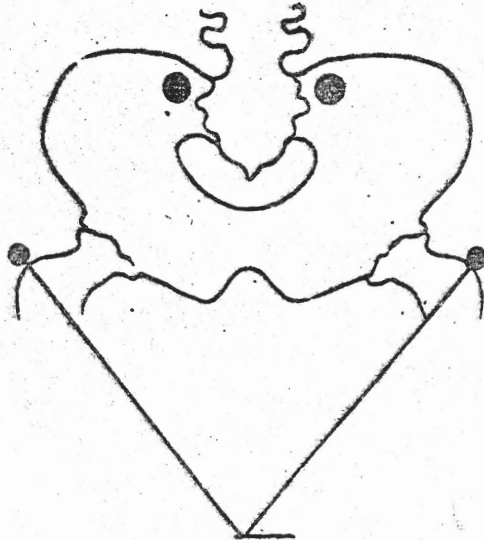

43. Брюшная полость, головкру-
жение, ноги.
Расположена на внутренней
задней стороне мышелка под
коленом. Связана с кишечником
и селезенкой. Используется
также при головкружениях.

98. Сердечная лимфа, наруше-
ние функции колен.

Расположена в мягкой тка-
ни за средне-верхним гребеш-
ком коленной чашки. Боль в
этом месте может указывать
на неправильное функциониро-
вание коленной чашки с после-
дующей потерей лимфы сердцем
или к нарушению функции са-
мого колена.

44. Запор, подвздошные кости, кишечник, растяжение суставов, напряженное состояние.
Прежде мы рассматривали точку на внутренней стороне бедренной кости. Теперь рассмотрим боковую точку на головке или выпуклости каждого большого вертела. Снимает напряженное состояние в любой части тела, лечит также подвздошные кости и кишечник. Вертел - это часть головки тазобедренной кости, её легче найти в сидячем положении. Давите это место во всех случаях запора, при любых растяжениях и напряженных состояниях.

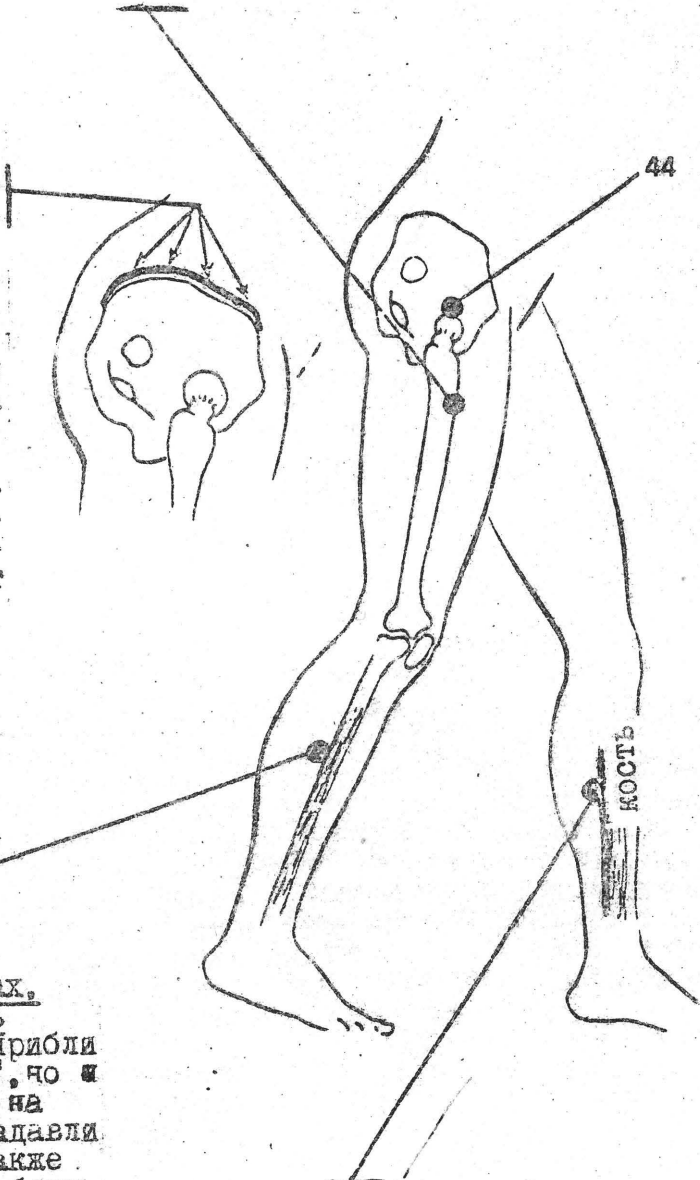

91. Толстая кишка

Чтобы помочь толстой кишке, сядьте и давите вниз на бедро, пока не коснетесь кости (ближе к паху).

87. Кишечник, ожирение

Это место расположено вдоль гребешка бедренных костей. Нажимайте большими пальцами на обе бедренные кости одновременно. Давите на болезненные точки, это поможет вашему кишечнику. Поскольку замедленное действие кишечника связано с ожирением, используйте точки "87" и "44" каждый день, если увеличение веса является для вас проблемой. Эти точки помогают также пищеварению и усваиванию аминокислот

90. Боли в бедрах и ногах, гормоны, напряженность

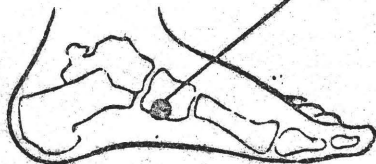
Это место расположено приблизительно там же, где "89", но на внешней стороне ног на большеберцовой кости. Надавливание на это место, а также на точку "56" (стр. 44) с обеих сторон тела помогает снять напряженность, избавляет от болей в бедрах и ногах, а также полезно для выработки гормонов размножения.

89. Нарушение психики, гипотиз.

Это место расположено на внутренней стороне больших мышц нижней части ног. Если оно болезненно, применяйте его для лечения гипотиза и "спутанного мышления". Почти все молодые люди, принимающие наркотики, будут чувствовать боль в этом месте.

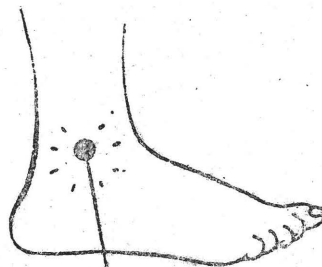
40. Энергия, воспаление
 Расположена в середине подошвы стопы впереди пяточного бугра. Через это место энергия земли поступает к человеку и может быть передана в мозг. Эти точки имеют очень большое значение при воспалительных состояниях (аналогично точке "IIV" при инфекциях), таких как колиты, циститы, перитониты и флебиты.

75. Дыхание; селезенка, поджелудочная железа.

Расположена на боковой стороне стопы. Давите большим пальцем на плюсну. Эти точки на обеих стопах действуют на селезенку и поджелудочную железу, а иногда даже на дыхание.

мышца

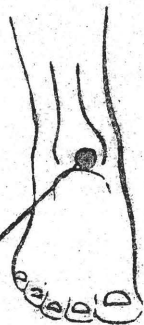
41. СОМАТИЧЕСКАЯ. Застой крови стопа, энергия.

Обрабатывайте место вокруг таранных костей на внутренней и наружной стороне каждой лодыжки. Для лучших результатов всегда нажимайте по внешнему краю таранной кости и на самую кость. Эти точки соматические, т.к. реакция может чувствоваться в любом месте тела от головы до ног. Это место ждет своих исследователей, но нельзя забывать про него при запорах и болезнях стоп. Внутренние точки

связаны с энергией тканей тела, внешние - с застоем крови и сокращением мышц. Как только вы начнете лечить эти центры, они станут источниками болезненности, поэтому надо быть осторожным.

42. Глаза

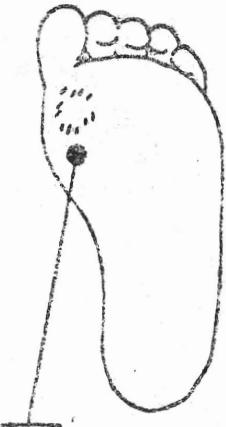
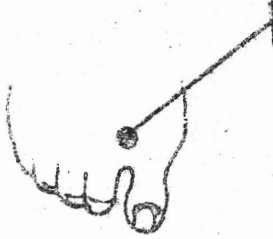
Расположена между таранной костью и передней стороной большеберцовой кости. Это место непосредственно связано с глазными мышцами. Нажимайте здесь при всех глазных болезнях.

57. Сужение канала мочевого пузыря и мочеточника, судороги.

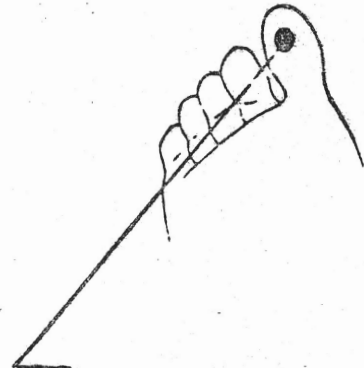
Большим и указательным пальцами сжимайте ткань между большим и вторым пальцами ног. Эта точка лечит мышечные спазмы, сужение выходного отверстия мочевого пузыря, а также мочеточников. (Мочеточники - это трубки, идущие от почек к мочевому пузырю). Если в мочеточнике имеется почечный камень, эта точка очень болезненна. Камень в этой области на правой стороне дает даже симптомы аппендицита, и больной будет испытывать сильную боль. Точка "57" снимает напряженность в обоих мочеточниках и в мочевом пузыре, а также мышечные судороги. (При почечных камнях лечите точку "33", стр. 56)

83. Сумка на наружной стороне большого пальца ноги (от изменения формы пальца и давления тесной обуви), подагра, простата, органы размножения. Эта точка расположена ниже выпуклого сустава у основания большого пальца. Скользяте кончиком большого пальца руки по костному выступу, а потом давите вглубь, чтобы высчитать, не болезненна ли эта точка. Боль может указывать на серьезный застой крови в органах размножения. Лечит также опухоль на большом пальце.

58. Лихачье, легкие, гипотиз
Середина нижней стороны большого пальца - это нервная точка, связанная с гипотизом, а также с легкими в некоторых случаях затрудненного дыхания. Надавливайте на эту точку до тех пор, пока не почувствуете, что палец чем-то онемел. После этого подержите палец еще некоторое время. Никогда нельзя забывать про эту точку в случаях проблем, связанных с дыханием. Обработывайте эту точку в случае гриппа.

85. Запор, подвздошные кости, легкие, слизистая

Посередине между таранной костью и самой удаленной точкой на пятке находится еще одно место, связанное с подвздошными костями и легкими. Оно помогает выделению слизи, начиная с легких и кончая кишечником. Точку "85" всегда надо иметь в виду при запорах, а также в случае легочных проблем и проблем, связанных с подвздошными костями. Как видно из схемы, эти точки расположены на обеих сторонах обеих стоп. Эта точка менее важна, чем точка "39" (см. стр. 59)

С Л О В А Р Ъ

- Ахиллово сухожилие** — сухожилие, соединяющее мышцы голени с костями пятки.
- Надпочечники** — сложный эндокринный орган, который прилегает к верхнему полюсу почки и вырабатывает половые гормоны, гормоны обмена веществ и адреналин.
- Адреналин (эпинефрин)** — бесцветный кристаллический гормон, применяемый в медицине, в частности, для стимулирования работы сердца, сужения кровеносных сосудов и расслабления мускулатуры.
- Анасарка (отёк подкожной клетчатки)** — аномальное скопление сыворотки крови в соединительной ткани.
- Локтевой отросток** — мышца на задней стороне локтевого сустава, разгибатель предплечья.
- Аневризма** — постоянное аномальное расширение кровеносных сосудов в результате болезни их стенок.
- Грудная жаба** — болезненное состояние, характеризующееся короткими приступами сжимающих болей в груди, вызванными недостаточным насыщением кислородом сердечных мышц.
- Аорта** — основной ствол артерий, который выносит кровь из сердца и посредством своих ветвей распределяет её по всему телу.
- Апоплексия** — внезапная потеря сознания, вызванная кровоизлиянием или закупоркой мозговой артерии.
- Асцит** — скапливание серозной жидкости в полости брюшины.
- Бифуркация** — разветвление.
- Бронхи** — две первичные ветви трахей, которые входят соответственно в правое и левое легкое.
- Бурсит** — воспаление небольшой серозной сумки между сухожилием и костью, особенно в области плеча или локтя.
- Капилляры** — мельчайшие сосуды кровеносной системы, состоящие из конечных ветвей артерий с мельчайшими венами и образующие капиллярные сети по всему телу.
- Сонная артерия** — две артерии, которые направляются вверх через шею и снабжают кровью голову.
- Мозжечок** — большая часть головного мозга, связанная с координацией мышц и удержанием равновесия тела.
- Цервикальный** — шейный.
- Хилус** — лимфа, млечный сок из эмульгированных жиров, через млечные сосуды поступает из кишечника в грудной проток.
- Ключица** — кость, соединяющая лопатку с грудной.
- Копчик** — нижний конец позвоночника.
- Колит** — воспаление толстых кишек.
- Толстая кишка** — простирается от конца тонкой кишки до прямой кишки.
- Мышелок** — суставной отросток на кости.
- Цистит** — воспаление мочевого пузыря.
- Диплопия** — двойное зрение из-за неодинакового действия глазных мышц.
- Водянка** — аномальное скопление серозной жидкости в соединительной ткани или в лимфатическом пространстве.

Диспепсия - расстройство пищеварения.

Евстахиева труба - костно-хрящевая труба, соединяющая среднее ухо с носоглоткой и уравновешивающая воздушное давление с обеих сторон барабанной перепонки.

Малоберцовая кость - вешняя или меньшая из двух костей ноги ниже колена.

Родничок - отверстие в верхней части головы, покрытое мембраной, где черепные кости неплотно прилегают друг к другу.

Фронтальная кость - лобная кость.

Глаукома - глазная болезнь, заключающаяся в повышении давления внутри глазного яблока, повреждении соска зрительного нерва и постепенной потере зрения.

Плечевая кость - простирается от плеча до локтя.

Латеральный - боковой.

Ломбарный - часть спины между ребрами и ягодицами.

Мастоид - часть кости за ухом.

Медулла - продолговатый мозг, часть головного мозга в том месте, где кончается спинной мозг.

Плюсна - кости стопы между большим пальцем и лодыжкой.

Затылочная кость - сложной формы кость на задней части головы, которая соединяется с первым шейным позвонком.

Парашитовидная железа - одна из четырех небольших эндокринных желез, расположенных на шитовидной железе.

Теменная кость - образует среднюю часть свода черепа.

Брюшина - гладкая прозрачная серозная оболочка, которая выстилает брюшную полость.

Флебит - воспаление вены.

Грудобронной - относящийся к диафрагме.

Шитковидная железа - небольшой, обычно конусообразный придаток головного мозга, который, как полагают, является рудментарным третьим глазом, эндокринным органом или местонахождением души.

Гипофиз - небольшая овальной формы эндокринная железа, расположенная под головным мозгом, которая вырабатывает различные внутренние секреты, влияющие прямо или косвенно на важнейшие функции организма.

Плеврит - воспаление плевры (оболочки, покрывающей легкие и выстилающей стенки грудной полости), обычно сопровождается лихорадкой, болезненным и затрудненным дыханием, кашлем и выпотом в плевральную полость.

Сплетение - сеть переплетающихся кровеносных сосудов или нервов.

Воротная вена - крупная вена, которая собирает кровь из одной части тела и распределяет ее в другой части посредством сети капилляров.

Птосис - опущение органа.

Пилорис (привратчик желудка) - отверстие из желудка в кишечник.

Крестец - область позвоночника, которая образует часть таза и состоит из пяти соединенных позвонков.

Ишиас - невралгия седалищного нерва.

Сигмовидная кишка - часть толстой кишки выше прямой кишки.

Солнечное сплетение - сеть переплетенных нервов в брюшной полости позади желудка по обе стороны брюшной аорты по уровню первого поясничного позвонка.

Сетчатый отросток - костная часть дуги, окружающей спинной мозг на задней части позвонка.

Грудино-ключично-сосцевидный отросток - принадлежащий к грудиче, ключице и сосцевидному отростку височной кости.

Шиловидный отросток - тонкая остроконечная выступающая часть костей, как например, на височной кости или на локтевой.

Сильвиева борозда - глубокое узкое углубление, разделяющее переднюю и среднюю доли головного мозга.

Соматический - относящийся вообще ко всему организму.

Височная кость - сложной формы кость сбоку черепа.

Таламус - зрительный бугор, большое скопление серого вещества яйцевидной формы, расположенное у основания головного мозга и участвующее в передаче и интеграции всех видов чувствительности.

Грудной проток - главный ствол системы лимфатических сосудов, проходящий вдоль передней стороны позвоночника.

Грудная клетка - часть тела между шеей и брюшной полостью.

Тимус - зубчатая железа, губчатая структура, функция которой до сих пор полностью не раскрыта, наибольшего развития достигает в детском возрасте, расположена в верхнепередней части груди или в основании шеи, с возрастом имеет тенденцию исчезать или становиться rudimentarной.

Щитовидная железа - большая эндокринная железа, расположенная в основании шеи и вырабатывающая йодо-содержащий гормон, который влияет, в частности, на рост, развитие и скорость обмена.

Большеберцовая кость - внутренняя и обычно большая из двух костей ноги между коленом и лодыжкой.

Трахея - главный ствол системы труб, по которым воздух проходит в легкие и обратно.

Вертел - шероховатый выступ на верхней части бедренной кости.

Блуждающий нерв - десятая пара черепно-мозговых нервов, выходящих из продолговатого мозга и снабжающих внутренние органы автономными дифференцированными (чувствительными) и двигательными нервными волокнами.

Варикозные вены - состояние аномально набухших или расширенных вен.

УКАЗАТЕЛЬ

Обозначения

JB - челюстная кость
 S - грудные контактные места
 E - обработка уха
 X - кровь
 MB - парные точки

Соматические контактные точки

25	78	2I	LT-X
79	63	I3B	5M
10M	1B	2B	I5M
62	49	64	RT-X

Половые железы-73
 Спазмы в брюшной полости-1B, 7I
 Лимфатические сосуды брюшной полости-73, 45
 Отёк брюшной полости-49^I/2, 52, 73, 26, 27, 9M.
 Ахиллово сухожилие-73, 45
 Повышенная кислотность-20, 14B, 8, S3 левая, S1 правая.
 Болезнь Аддисона-46, 10MB, IIMB.
 Аденоиды-IIM, 48
 Спайки-49, 32 левая, 2B.
 Надпочечники-46, 10MB, 43
 Накопление шолой-14B.
 Амнезия-63
 Анемия-49, 24, 80
 Аневризма-SI левая, 49(3и4)
 Укус животного-32 левая, 59
 Подыжка-4I, 6I, 73
 Антибиотики-48, 32 левая, 2B
 Анус-84, 68, S3 левая
 Брюшная аорта-49(3и4)
 Потеря голоса-24, 2B, 80
 Апоплексия-26, 49, 9I, 50
 Аппендицит-5B правая или 77 правая, 65
 Аппетит, плохой-1B, 19
 Руки-20, 36, 12B, 82, 8I, 50
 Артериальная кровь-Хлевая, 32 левая
 Артерия-SI левая, 32 левая
 Артериосклероз-12M
 Астма-8, 2B левая (на коронарной точке)
 Атаксия-1M, 89, 56+90, 43, 3M, 79
 Отрыжка-20, 8, 10M, S3 левая, 1B
 Желчный проток-54, 52
 Разлитие желчи-10M, 38, 54
 Мочевой пузырь-28, 37
 Кровотечение-2B, положительные ионы.

Кровь артериальная-Хлевая
 Кровь венозная-Хправая
 Кровяное давление, высокое-E, 30, 37, 2B
 Кровяное давление, низкое-78, SI левая, 24, 14B, 9M, 49
 Кровь в моче-2B, положительные ионы
 Тело, слишком холодное-Хлевая, 1B.
 Тело, слишком горячее-Хправая
 Кости-2I, 7, 8, 90, 98
 Перелом кости-2I
 Костный мозг-4I, S2 правая, 90
 Головной мозг-10MB, 4, 2M, 5M, 19
 Грудь-SI правая, 2, 3, SI левая, 2, 3 и 56
 Дыхание-66, IIM, 96, 75, 22, 58, 49 I/2, 36
 Бронхи-IIM, 66, 96
 Кровоизлияние, сичак-2B
 Ожог-10M
 Бурсит-36, 8I, 47, 50, 12B, 40, 15M левая
 Кальций-49
 Капилляры-2B
 Простуда-Хлевая, 1B
 Кровоснабжение-Хлевая, правая, 2B, 32, 6I
 Носчик-68
 Насморк-16B
 Колит-IIE, 72, 9I, 9B, 40
 Толстая кишка-72, 9I, 9B, 53, 65, 93, JB9
 Запор-88, 54, 60, 38, 30, 55, 9I, 93
 Венечная артерия-2B
 Кашель-IIM, 8, 15B
 Спазм в животе-1B
 Черепномозговая жидкость-2M
 Черепномозговые нервы-1M
 Цистит-37, 49 I/2, 28, IIE
 Глухота-12M, 89, 1M, 53, 73, 63, S3 левая и правая
 Диабет-14B, 73, 65, 68, 50, 97
 Диафрагма-IIM, 8
 Почос-72, 40
 Пищеварение, эмоцион.-3I
 Переваривание жиров-49, 38, 54, 10M, 15M.
 Переваривание белков-20, 30, 7, 24
 Переваривание сахара-73, 14B, 23, 49, 65

Джестерия-8, IIB, отрицательные ионы
Дивертикулы-IIB, 72, 91
Головокружение-3M, 49 I/2, 91, 89, 43, 49
Опушение органа-I5B
Волячка-7, 27, 38, S3 левая
Злоупотребление лекарствами-89
Алкоголизм-50, JBIO
Изва I2-типерстной кишки-49, I3M, I4M
I2-типерстная кишка-49, I3M, I4M
Диспепсия-I4B, 20, IOM, 49, S3 левая
Дистрофия мышечная-I2M, 71, 74, 20, 52
Уши-I2M, 53, IM, 63, 73, 47, S3 левая и правая
Электрический удар-59, I2M
Эмоциональный желудок-3I, 89
Эмоции-5M, 89, 4, 50, I2M
Энергия-79, 24, IB, 78, Хлевая, I5M
Эпилепсия-19, 89, 50, 91, 88
Пищевод-I5B, 20
Глаза:
Артериосклероз-I2M
двухфокусное зрение-JBIO
затуманенное зрение-I0B ✓
Катаракта-35, JBIO, I7, 63, I9, 92
косоглазие-42
дегенерация-80, JBIO, I0B, 73
диплопия-IM
глаукома-JBIO
инфекция-IIB
слезотечение-42, I0B
ближеское состояние-92, I0B
минеральное равновесие-I4B
мышцы-42
нервы-IM, 92
боль-JBIO, 35, I7, I0B
острый конъюнктивит-2B
вылученные глаза-I3B, 73, JBIO
сонливость-34, 92
напряжение-I7
Обморок-3M, 49 I/2, 45
Фаллопиевы трубы-26, 56 ✓
Фасция-52
Стопа-6I, I4B, 4I, 23, 73
Стопа, горячая-73
Джоралка-5I, 3B, IIM, 6, IIM
Пальцы-20, 82
Отравление фтором-3B, 6, IIM
Грипп, грудь-66, 58, 22
Грипп, голова-I6B
Пищевое отравление-34, 49
Черепом-2I

Желчный пузырь-38, I5M, 54, 77 правая
Желчные камни-38, I5M, 77 правая, IIB
Метеоризм-I4B, 20, 38, 54, 91, 49, 23, 30, IB, S3 левая
Глаукома-JBIO
Половые железы-26, 56, 83
Подagra-I4B, 83, 26, 27, I6M
Печальное настроение-5M, 78, I2M, 89
Соляная кислота-20, 3M, I4B
Руки-20, I2B, 82 ✓
Сечная джоралка-IIM
Голова:
боль-5M, 2M, I7, 50, 6, 4, 2I+I8
насморк-I6B
травма-59, 2B, 50, 2I
давление-2M
Изжога-78, S3 левая, 8
Сердце:
ангина-I2B левая
ворта-SI левая, 49 (3 и 4)
кровообращение-2B левая, 32 левая, SI левая, Хлевая, I2M
гиперемия-3I, 32 левая, 25, S2 левая
венечный-2B левая
пищеварительные причины-3I, 78, 49, 30, 88, I4B
эмоциональные-3I, I3B, 73, 5M, 49 I/2
увеличенное-I2M, 32 левая
сердцебиение сильное-88, I3B
стопа-94 левая, 98, 26 правая, 25 правая
мышцы-I2M, 32 левая
нервы-IB, 38, 39
давление-3I, S2 левая
правая сторона-25
клапаны-I2M, 38, 39
вены-I2M
Кровотечение-2B, положительные ионы
Геморрой-84, I5B, 49, 68
Грыжа-I5B, 49, IIB
Икота-8, IIM
Высокое кровяное давление-B, 37, 30, 6I, I2M
Боль в бедре-86, 26, 27, 44, 46, 77, IOM
Хрипота-I5B, 2B
Гормоны-56+90, 95
Гипокликемия-97
Баугиниева заслонка-65
Импотенция-26, 27, I6B, 90+56
Расстройство пищеварения-20, I4B, 38, 3I, IOM, 78, 54, IB, S3 левая
Инфекция-IIB, 26 левая, 94 левая
Воспаление-40
Умопомешательство-5M, 89, 4, 9M, 92

Цацун

Инсулин-73, 65, I4B, 23, 68, 97
 Межпозвоночный хрящ-I1M, 4
 Кишечник-55, 88, 49, I3M, I4M, 78, 87, 44, 52, 7, 9B9
 Под-I3B, 73
 Желтуха-38, I5M, 30, Хлевая, I0M левая
 Почка-9B, 37, 33, 7
 Почечные боли-33Живые-
 Колени-43, 37, 83, 98
 Слезотечение-I1MB, J8IO, 5I, 42
 Горло-I5MB, 2B
 Кровообращение в ногах-6I, 9M
 Боли в ногах-26, 27, 46, 77, 6I, 7I
 Язвы на ногах-6I, 69
 Ноги, увеличенные-7, 6I, 9M, 37
 Печень-I0M, 5I правая, 2, 3, 30
 Легкие-I0M, I3M, 66, I1M, 22, 49 I/2, 2Влевая, 39, 58, 8I, 96
 Длительность-48, 73, 45
 Память-5M, 89, 4, 92/
 Менструация-26, 27, 83, 56
 Менструальные боли-56, 26, 27, 57
 Психика-5M, 89, I1M, 92, 4I
 Мигрень-2I+I8, I7, 2M, 6, 5M, 50
 Минералы-I4B
 Рот-46, 5I
 Слизистая-39, 8, 6, 3B, I1M
 Рассеянный склероз-I2M, 9I, 72, 88, 54, 49
 Свинка-5I
 Свинка, в половых органах-5I
 Мышцы-I2M, 7I, 74, 20, 82, 50, 52
 Тошнота-93 левая, 38
 Шея-50, 49, 20, 26, 27, 56
 Черепно-мозговые нервы-I1M, 4
 Спинально-мозговые нервы-4, I1B
 Нервозность-5M, 4, 89, 26, 92, 88, 9I, 27
 Нос-I1M, 5I, 3M, 20
 Носовое кровотечение-80, 2B
 Ожирение-87, 44
 Операция, пневмония-I3M
 Операция, паралич-I2M
 Зрительные нервы-I1M
 Органы, выпадение-I5B
 Яичники-26, 56, 83
 Кислород-I2M
 Бодь
 живот-69
 спина-77, 46, 37, 76, 33, 49
 кости-2I, 49 I/2, 7, 8
 локоть-9I, I2M
 глаза-I7, J8IO, 35

лицо-5I, I1M, 3B, I1B, J8B
 голова-5M, 6, I1M, I7, 2M, J8IO, 50
 бедра-49 I/2, 87, 44, 26, 46
 челюсть-J8IO
 почки-33
 колени-43, 37
 ноги-6I, 26, 27, 46, 7I, 68
 поджелудочная железа-23, I4B, 75правая, 43правая
 гиподиз-2I+I8
 прямая кишка-84, 68, 53 левая
 ребра-2I
 синус-6, I1M
 селезенка-24, 75 левая, 80
 зубы-J8B, 2B, I2M, I1M
 Поджелудочная железа-I4B, 23, 75 прав.
 Паразитовидные железы-87
 Коленная чашка-98, 43
 Пенис-29
 Пепсин-38, 78
 Брюшина-52, I0M
 Перитонит-I1B, 52, 40
 Флебит-I1B, 52, 6I, 9M, 40
 Диафрагмальный нерв-I1M, 38, 39
 Шашковидная железа-I4M, 9M
 Гиподиз-I8+2I, 89, 58, I6MB, 2I, 9M
 Плевра-I0M
 Плеврит-I0M
 Пневмония-I3M
 Отравление, пищевое-34
 Кровообращение в системе воротной вены-5I правая, 32 правая
 Предстательная железа-27, 56, 83
 Психический центр-78
 Опухание-I5B
 Пульс, сгустить-88, I3B
 Пульс, пояснить-79, 24
 Привратчик желудка-I8, 20
 Бешенство-32 левая, I0MB
 Прямая кишка-84, 86, I2M, 49, 68, 53 лев.
 Половые органы-26, 27, 56, 83, 90+56, 49 I/2, 84, 86
 Ребра-2I, 7, 8
 Переломы-49, I5B
 Соль-68
 Ишиас-26, I0M, 77, 46, 74, 76, 7I, 27
 Мошонка-52, 84, I6B, 68
 Морская болезнь-78, 62
 Секс-26, 27, 56, 83, 90+56
 Удар-I2M, 59
 Плечевые кости-47, 36, 2I, 79, 50, 8I
 Сигмовидная кишка-93
 Синусы, мозговые-I0M, 6
 Синусы, добные-I1M, I0M

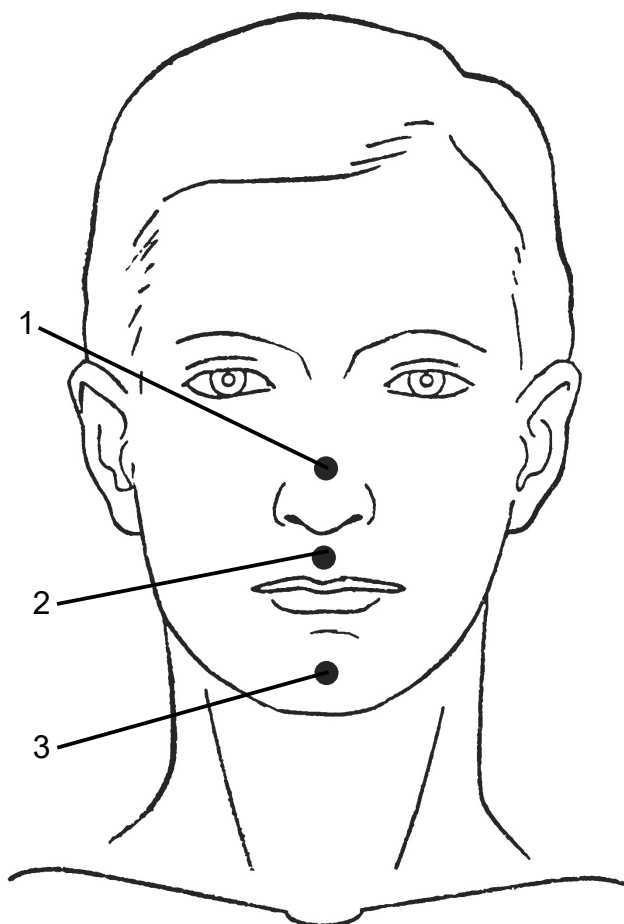
Солнечное сплетение-62,78
Спинальный мозг-9м,68
Спинальные нервы-4
Селезенка-80,24,43 левая, 75 левая
Растяжение сустава-69
Желудок-1В,20,31,68,77 левая, 8,53 левая
Желудок, эмоциональный-31,53
Слизистая желудка-8
Напряженное состояние-69+44
Сахар-14В,23,73,68,65
Яички-26,56
Столбняк-32 левая
Таламус-14В
Грудной проток-48
Зобная железа-7
Щитовидная железа-21,13В,56
Стенки-53 левая,37,28,7
Матка-27,56

Шум в ушах-50,12м,47,53 правая, 53 левая
Зубная боль-1ВВ,2В,12м,11м, — 11 - 9,
Зубная боль, инфекция-11В
Трахея-3м
Язва 12-типерстной кишки-13м,49
Язва привратника желудка-1В
Язва желудка-20
Мочепускающий канал-28
Кровь в моче-28,2В,37
Болезненное мочеиспускание-28,57
Задержка мочеиспускания-57,37,28,7, 62
Влагалище-29
Блуждающий нерв-38,39
Вены-12м,61,51 правая
Голосовые связки-2В
Голос-2В,24,15В,80
Рвота-53 левая
Вызывание рвоты-15В

УКАЗАТЕЛЬ ТОЧЕК

Точки	Стр.	Точки	Стр.	Точки	Стр.	Точки	Стр.
1в	18	20	68	44	72	74	68
1м	20	21	57	45	59	75	74
2м	18	22	59	46	57	76	61
2в	20	23	47	47	57	77	61
3м	20	24	48	48	37	78	52
3в	26	25	46	49	50	79	68
4	24	26	52	50	57	80	32
5м	20	27	52	51	30	81	59
5в	37	28	52	49 ¹ / ₂	50	82	68
6	21	29	52	52	28	83	74
7	42	30	46	53	28	84	59
8	42	31	46	54	48	85	74
9м	18	32	46	55	70	86	59
9в	24	33	46	56	44	87	72
10м	22	34	22	57	74	88	48
10в	20	35	18	58	74	89	72
11м	26	36	42	59	59	90	72
11в	26	37	42	60	50	91	72
12м	24	38	42	61	52	92	22
12в	37	X	46	62	52	93	48
13м	24	S1лев.	46	63	28	94	61
13в	37	S2лев.	46	64	44	95	44
14м	20	S3лев.	46	65	48	96	44
14в	32	S2прав.	46	66	44	97	68
15м	37	S1прав.	46	67	44	98	70
15в	16	S3прав.	46	68	61	JB8	30
16м	24	39	42	69	68	JB9	30
16в	24	40	74	70	61	JB10	30
17	22	41	74	71	68	E	26
18	20	42	74	72	68		
19	32	43	70	73	70		

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ К АКУПУНКТУРЕ ПО СИСТЕМЕ ДО-IN

I. Реанимация (оживление по латински). При сердечной недостаточности, обмороке, в первые минуты клинической смерти.

Точки реанимации расположены:

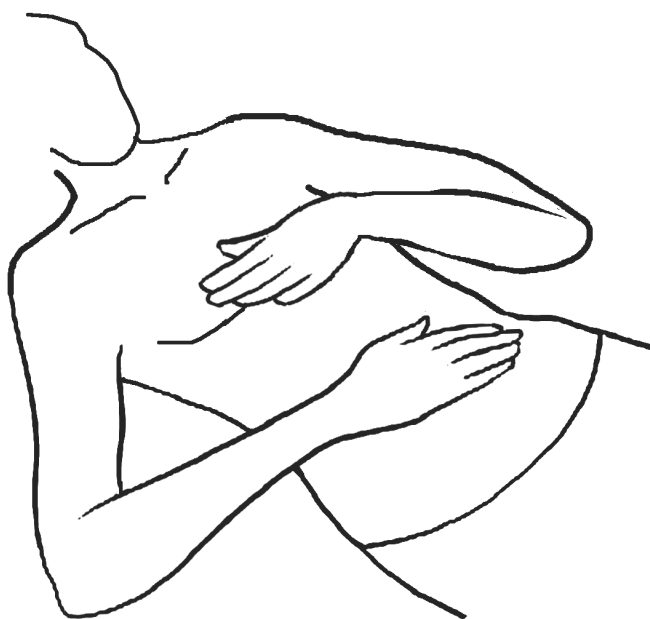
1. В центре носа, в месте, где кость переходит в хрящ;
2. В центре между носом и верхней губой;
3. В центре подбородка.

Тонизирующий массаж (по часовой стрелке) – по 2 минуты, с повторением в течение 20-25 минут. Точки связаны с жизненно важным главным меридианом.

II. Снятие болевого синдрома при инфаркте миокарда. Точка находится на внутренней стороне мизинца левой руки, в месте, где ноготь переходит в мягкую ткань.

Тонизирующий массаж в течение 15-20 минут. Точка связана с меридианом сердца.

III. Способ снятия стресса (англ. напряжения). Размещение ладони правой руки над желудком (позади которого солнечное сплетение), а ладони левой руки – на верхней половине грудной кости – над сердцем и крупными кровеносными сосудами. Упражнение делается в любом положении: сидя, лёжа, стоя, не снимая одежды.

Спокойствие наступает через 10-20 минут.

ГЛАВА VII. АФОРИЗМЫ И ФРАЗЫ

Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг.

Все, что отдал, то — твое, что не отдал - то потеряно.

Все равны мы перед смертью, Всех разит её копьё,
Лучше славная кончина, Чем позорное житьё.

Не оценишь сладость жизни, Не вкусивши горечь бед.

Мудрый борется с судьбою, Неразумный унывает.

Как бурьяну, так и розам солнце светит круглый год,
Будь и ты таким же солнцем для рабов и для господ.

„Изучая книги мудрых, я набрел на указанье:
«Тот, кто подлинно отважен, презирает злодеянье.
Он врага не убивает, обуздав его дерзанье».

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.

Для того и знание людям, чтобы душу укреплять.

Если действовать не будешь, ни к чему ума палата.

Из врагов всего опасней враг, прикинувшийся другом.

Не открыв врачу болезни, разве можно исцелиться?

Промедление преступно, если путь великий ждёт.
Радости вкушать нетрудно, лучше крепким в горе будь!

Зло сразив, добро пребудет в этом мире беспредельно.

Руставели

Льва ловят хитростью.
Хоть и силен, грудь не выпячивай.
Поищешь – найдёшь. Захочешь – добьёшься.

Русские пословицы

Надежда – хороший завтрак, но плохой ужин.

Английская поговорка

Если нет трудностей, - создай их.
Правдивые речи не красивы, красивые речи не правдивы.

Японские поговорки

Всё зависит от всего. И всё связано со всем.

Греческая поговорка

Умный человек говорит своими делами, глупый – болтает языком.
Хороший друг – это настоящий клад.
Приобрести друга нелегко даже за год, но обидеть друга можно за одну минуту.
Одно хорошее слово и в жестокий мороз согреет.

Не делайте другим то, чего не желаете для себя.

Цель образования – изо всего сделать наслаждение.

Кто унижает себя, тот возвысится.

Судьба ведет того, кто понимает ход событий, и тащит того, кто этого не понимает.

Мера – высший дар богов.

Китайские пословицы

Каждое зло содержит зерно добра, и каждое добро содержит зерно зла.

Турецкая поговорка

Если женщина в 30 лет не красавица – значит она дура.

Притти вовремя, значит – притти очень рано (сказано о званом обеде или ужине)

Несвоевременность – вечная драма.

Французские поговорки

Исследовательская работа заключается в том, чтобы прочитать две книги, которые раньше никто не читал, и написать третью, которую никто никогда читать не будет.

Самое плохое в новых книгах то, что из-за них мы не читаем старые.

Самой нужной оказывается цитата, источник которой никак не найти.

Чем больше работаешь над своей идеей, тем больше убеждаешься в том, что она чужая.

Беда профессионального лектора состоит в том, что ему приходится говорить о вещах, в которых он ничего не понимает.

Норвежские афоризмы

Только дурак бросается в бой, который не в силах выиграть.

Сунь-Цзы

От недр черной грезны до высшей точки
стояния Сатурна

Я разрешил все трудности Вселенной.

Я ускользнул от оков всех хитростей и
уловок.

Каждый узел стал развязан, кроме узла
смерти

Абу Али Ибн Сина

И в какой части тела является жар или холод, там и болезнь.

Гиппократ

Надо есть, чтобы жить, но не жить, чтобы есть.

Сократ

Важнейшая ошибка при лечении болезней та, что есть врачи для тела и врачи для души, в то время как то и другое неразделимо.

Платон

Я никогда не занят так, как в часы досуга. Жизнь коротка, но слава может оказаться вечной.

Цицерон

Учись так, как будто тебе предстоит жить вечно, Живи так, как будто тебе предстоит умереть завтра.

Каждый, достойный называться человеком, должен иметь охоту и способность к труду.

Сэмюэл Смайлс

Тех слов, где есть хоть капля яда,
И в шутку говорить не надо.
В беде, что испытать нам предстоит,
Неложный друг – для нас надежный щит.

Ни с кем не надо обходиться зло,
Всегда будь мягок, чтоб тебе везло.

Не тот храбрец, кто гневен, словно лев,
А тот, кто сдерживать умеет гнев.

Лучше скромное войско и разумный вожак,
Чем огромное войско и вожатый – дурак.

Если уж ты сам не сохранил свою тайну,
У меня сберечь не хватит сил твою тайну.

Абу Шукур

Такая в дружбе верность хороша,
Когда вернее языка душа.

Любовь дарует зрение незрячим,
Дарует наслаждение скорбящим
В безумцев превращает мудрецов
И наделяет мудростью глупцов.
Любовь бессильных награждает силой,
Безногий встанет, чтоб бежать за милой.

Алишах Самарканди

Так живи с людьми всегда,
Чтоб не умереть,
Чтоб остаться жить, когда
Кости будут тлеть.

Так устроен белый свет:
Больше денег – больше бед.

Амир Хосров

Ночь сколь ни темна, – День настанет.

Кто из друзей вернее на слове, чем в
делах,
Тех отряхни скорее, словно с сандалий
прах.

За столетье друга одного можно обрести,
Сто врагов за день один всего можно
обрести.

Пусть лучше друг ударит палкой тебя,
Чем поцелует недруг жалкий тебя.

Совершить не трудно зло,
Но на простоту не льстись,
Лучше, как ни тяжело,
Совершать добро стремись.

Добрые дела свершай чаще и уверенней,
А не можешь, хоть питай добрые намеренья.

Ты драгоценный лал вчера держал
В своей руке,
Ты этого не знал и потерял
Его в песке.

Кто в жизни далеко вперед
Свой устремляет взгляд,
Тот после горьких слез не льет,
Когда глядит назад.

Асади Туси

Тот, кто тебе наносит рану,
Свершив насилье,
Тот и себе наносит рану,
Свершив насилье.

Как сможешь в чем-то убедить другого,
Когда ты сам в свое не веришь слово?

Среди людей, что поступают низко,
Всего страшней и хуже те, что близко.

Аттар

Несчастен, если кто-нибудь
Самонадеянно и смело,
Без провожатых выйдет в путь
Или начнет без друга дело.

Не прививай любовь к покою сыну,
Ведь жизнь – не рай, пусть с детства гнет
он спину.
Сумеешь ты к лишениям приучить его,
Судьбе труднее будет сокрушить его.

Быть может, горе и печаль Вино уносит,
Но ведь и жизнь – как нам ни жаль –
Оно уносит.

Сначала точно разузнай,
Кто будет твой сосед,
Лишь после дом приобретаешь,
Иначе смысла нет.

Тому, кто мед искать пришел,
Не следует бояться пчел.

Аухададдин Аухади

Пусть дураки запрут уста,
Для них молчанье – золото.
Ценна фисташка, хоть пуста,
Покуда не расколота.

В единенье – всех побед причины.

Молочник, молоко разбавивший водой,
Шумней других товар нахваливает свой.

Хоть твой завистник мал,
Его ты берегись:
Велик ли тот кинжал,
Что пресекает жизнь?

О ты, в атлас заморский облаченный,
Своей одеждой зря гордишься, брат,
Ведь можно и осла покрыть полоной
Из той же ткани, что и твой халат.

Бедиль

Не говори все, что на ум пришло,
Лишь правдой мы ниспровергаем зло.

Хоть и полезен мед – в избытке он вредит.

Биноу

Тех, кто забывчив в дружбе и в любви,
И ты, забыв, друзьями не зови.

Васифи

Жизнь нежданно завязать может узелок
такой,
Что не просто развязать и умелою рукой.

С любовью в паре несовместно зло,
Зло – это камень, а любовь – стекло.

Любовь нам сердце точит, приносит много
бед,
И счастье редко очень идет за нею вслед.

Гургани

Давая обещанья – не шути,
Дал обещанье – нет назад пути.

Пусть лучше в спор и не вступает тот,
Кому для доказательств нужен год.

Беды, что людских голов касаются,
Большей частью из-за слов случаются.

Чины, богатство – все мгновенно,
Лишь имя доброе нетленно.

Всё щедрый человек друзьям во благо
Пожертвовал, все бросил к их ногам,
А что копил до самой смерти скряга,
В конце концов пошло к его врагам.

Мир предпочти вражде,
Еще до столкновения
Подумай: нет ли где
Пути для примиренья?
Где б ни свирепствовал ее поток,
Людей влюбленных он сбивает с ног,
Трясина страсти, словно топь болот,
Кто попадет туда, тот пропадет.

Джами

Голосист – не оттого ли
Соловья лишили воли?

Коль двое, взявшись за одно,
Идут – к руке рука –
Для них ничтожней, чем зерно,
Все происки врага.

Ибн Йамин

Мудрец не обижается на слово,
Которое правдиво, хоть сурово.

Каани

Бывает трудно в друга превратить врага,
Но просто, друга потеряв, нажать врага.

Коль хочешь, чтобы о тебе
Не говорили злого слова,
Ты сам не позволяй себе
О людях говорить дурного.

Я обретаю пользу не только от друзей, но
и от врагов, ибо если у меня есть порок,
друзья по доброте своей не скажут мне о
нем. Враг, чтоб причинить мне боль,

скажет всю правду и поможет мне узнать о моем недостатке, а значит, побороть его.

«Кабус-Наме»

Не полагайся на людей
Двух видов, двух родов:
На недругов твоих друзей
И на друзей врагов.

Не надо спать, когда вокруг полно врагов,
Сон стражника всегда - светильник для воров.

«Калила и Димна»

Меч страшен, хоть пронзает он лишь плоть.
А слово душу может пропороть.

Мактаби

Страшись не численности врагов, а их единства.

«Марзбан-Наме»

Невежду можно до небес поднять,
Но все же мудрецом ему не стать.

Не тот герой, кто оседлал коня лихого, -
Кто слово оседлал, герой – властитель слова.

Коль что-то учишь – вникни в суть,
Коль делаешь – окончи дело.
Ведь полузрелое ничуть
Того не лучше, что незрело.

Ничтожен ты или велик,
Тому причина – твой язык.

Когда заговорим, Друг друга мы оценим,
Мы все, пока молчим, - Не более чем тени.

Тонка людская дружба – словно нить,
Порвать легко, труднее сохранить.

Не проявляй презренья к врагу, хоть он и мал.

От искры во мгновение бывало мир сгорал.

Не будь к друзьям несправедливо строг,
Беда тому, кто дружбы не сберег.

Презренен, кто стремится прочь
От тех, кому бы мог помочь.

Коль ты в беде кому-нибудь помог,
Считай – твоей руки коснулся бог.

Опасней жала змей бывает зло людей:
И власть его сильнее, и жалит нас больней.

Красивый муж, лишенный доброй воли, -
Картина в пышной раме и не боле.

Дом воздвигай или ищи приют
Лишь там, где люди добрые живут.

В женах обходительность важна,
К детям снисходительность нужна.

Насир Хосров

Если цели мы добиться
Можем миром и должны,
То зачем напрасно литься
Крови на полях войны!

Кто не любил иль отлюбил,
Тот, кто остыл давно,
Хоть в нем еще немало сил,
Покойник – все равно.

Низами

Уж лучше быть одному, чем с кем попало.

Коль человек чужой мне верен – он мой брат,
Неверный брат – мой враг.

Омар Хайям

Без зла смотри на мирозданье,
А взглядом разума, добра, любви.
Жизнь – это море; из благих деяний
Построй корабль и по волнам плыви.

Рудаки

Дружите с умным, ибо друг-дурак
Порой опаснее, чем умный враг.

Пусть будут малыми желанья,
Когда возможности малы.
Соломинка при всем старанье
Не может удержать скалы.

Лишь редкий человек находит клад,
Кто трудится весь век, тот и богат.

Где есть любовь, не нужно толкованье,
Понятней слов двух любящих молчанье.

Руми

Изо всех даров мира остается только
доброе имя,
и несчастен тот, кто не оставит даже этого.

Вчера – ушло от нас, А завтра – не настало.
Есть лишь идущий час, И этого немало!

Тот, кто постиг знания, но не действует,
похож на того, кто пашет поле, но не
бросает семян!

С мудрецом и краткая беседа
Сладостнее сладкого шербета.

Знать меру следует во всем, везде.
Знать меру надо в дружбе и вражде.

Коль скажет враг, твой преступив порог,
Приветливое слово,
Не будь к нему чрезмерно строг,
Не поминай былого.

Ведь скорпионы жалят нас подчас
Не оттого ли, что боятся нас.

Если муравьи объединятся,
Даже лев начнет их опасаться.
Собаке бросишь кость, она простит
И сотню нанесенных ей обид.
А человека ты сто раз приветишь
И раз кольнешь – он злобу затаит.

Следовать совету врага глупо.
Надо выслушать этот совет и поступить
ему вопреки.

Тех, кто тебя слабей,
Не обижай, не бей,
Ведь ты среди людей
Кого-то сам слабей.

Умный враг возносит тебя,
Глупый друг поносит тебя.

Ты правды не внушишь тому,
В чьем сердце зло и ложь.
Твои старанья ни к чему:
Гвоздь в камень не вобьешь.

Тот, кто никого не обидел, не опасается обид.
Скорпион боится всех потому, что сам
совершает зло.

Того, кто стал рабом богатства,
Нельзя освободить от рабства.

Приходит скупость – дружеству конец.
Поэтому и одинок скупец.

Если низок духом был, ты не стал высок
Оттого, что накопил золота в мешок.

Богатства нужны человеку для жизни, а не
жизнь нужна
для собирания богатства.

Что мужеством назвать?
Тот мужествен, кто в силе
Насилья избежать,
А не свершать насилья.

Кто в неге жил, кто с детства был
Воспитан в холе,
Тот храбрости не проявил
На бранном поле.

Скупец, хранящий злато в сундучищах,
Беднее и униженнее нищих.

Пусть даже будешь обладать
Ты силою слона,
И для тебя – могу сказать –
Мир лучше, чем война.

Тому не отдавайте сердце в плен,
Кто сердца своего не даст взамен.

У того – могу сказать –
Нет ни разума, ни зренья,
Кто стремится враждовать
Даже после примиренья.

Не надо слишком горячиться,
Не прибегай к проклятьям ты,
Коль можно многого добиться
При помощи лишь доброты.

Вслед трудностям приходит облегченье,
Чтоб так случилось, надо лишь терпенье.

Не спрашивай друзей о своих недостатках
– друзья о них умолчат.
Лучше разузнай, что говорят о тебе враги.

Растить детей всего умней
В суровости, пожалуй,
Чем больше любишь ты детей,
Тем ты их меньше балуй.

Окажешь низкому почет, -
Он нос до неба задерет.

Саади

Ты с друзьями дружбу береги,
И падут пред вами все враги.

Сайидо

И друга отвергать не стоит
Из-за одной его плохой черты.

Счастье – это правды плод.
Ложь несчастье нам несет.

Любовь, в которой заключен расчет,
Тот кто влюблен, за ненависть сочтет.

Санаи

Трудна порою жизнь, но если ты созрел,
За трудное берись, нет в мире легких дел.

Где насилье обитает, те места
Справедливость покидает неспроста.

Сузани

Тот, в чьем сердце пламень зла сокрыт,
И других сожжет и сам сгорит.

В мире так живи, чтоб не кончалась
Жизнь твоя,
Чтоб и после смерти продолжалась
Жизнь твоя.
Болезней избегаешь друг,
Не ведай зависти мученья,
Поскольку зависть – злой недуг,
Не проходящий от леченья.

Унсури

Но зло вершится без труда,
Добро – творить трудней.

Фаррухи

Если путь твой к познанию мира ведет,
Как бы ни был он долог и труден – вперед.

Хоть человек и знатен и учен,
Все ж совершенства не достигнет он,
Покуда не пройдет сквозь боль и радость,
Покуда не вкусит и соль и сладость.

Насилье все равно к насильнику вернется,
Против него оно бедою обернется.

Кто слово злое сдерживать привык,
Тому не страшен чей-то злой язык.

Не обижай людей – придет расплата.
Нам счастья не сулит обида чья-то.

Пока живешь, творить добро спеши,
Лишь путь добра – спасение души.

Сидящий наверху, вмени себе в закон
Не презирать людей – ты ими вознесен.

От силы – правдивость наша,
От слабости – лживость наша.

Ты в доблестях своих заверить всех готов,
Но делом подтверди правдивость этих слов.

Когда проникла алчность в сердце,
Беспомощны советы мудреца.

И злейший враг к тебе придет, как брат,
Приняв в расчет, что ты теперь богат.

Один бывалый воин всех врагов
Побьет скорей, чем сотня новичков.

Так как жизнь не вечна все равно,
Лучше с честью пасть, копь суждено.

Лучшая жена из всех на свете жен
Та, которой муж и в старости пленен.

Фирдоуси

Ты счастье потерял – остался рядом друг,
Ты друга потерял – и пусто все вокруг.
Седой не будет никогда,
Как юный, веселиться.
В песок утекшая вода
В исток не возвратится.

К чему бы ни было твое стремленье,
Хоть шаг ты сделай в нужном направлении.
И тысячи врагов вокруг
Не страшны, если рядом друг.

Кто жизнь свою не бросил к ногам
любимой,
Того любовь отвергла, промчалась мимо.

Слово, удержанное тобой, – раб твой;
слово, вырвавшееся у тебя, – господин твой.

Чтобы обрести покой в обоих мирах,
соблюдай два правила: с друзьями будь
великодушен, с врагами – сдержанным.

Хафиз Ширази

Ты головы врагов в бою руби скорей.
Или же будь готов расстаться со своей.

Хилоли

Любовь - не блажь и не слова,
Любовь всегда с умом в разладе,
И зверь любви опасней льва,
Не тронь его забавы ради.

Чар Дарвиш

Лучше быть лишенным уважения, чем
устать приносить пользу.

Леонардо да Винчи

Говорить, не думая, то же самое, что
стрелять, не целясь.

Мигель де Сервантес

В науке так же, как в искусстве, все должно шуметь новыми работами и дальнейшим продвижением вперед.

Френсис Бэкон

Само устройство человеческого тела по своей художественности далеко превосходит всё, что только было создано человеческим искусством.

Бenedикт Спиноза

Знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов.

Гельвеций

Цель оправдывает средства.

Макиавелли

Счастлив тот, кто видел хотя бы тень истинного друга.

Тому, кто не постиг науки добра, всякая другая наука приносит лишь вред.

Монтень

Определите значение слов и Вы избавите свет от половины его заблуждений.

Рене Декарт

Взобравшись на плечи своих предшественников, мы увидим оттуда, как со сторожевых башен, дальше и ясней.

Амбруаз Паре

Как бы ни было разнообразно воображение человека, природа еще в тысячу раз богаче.

Анри Пуанкаре

Цифры не управляют миром, но указывают, как им управлять.

Самое большое достижение моей жизни - мой 83-летний возраст.

Гёте

Ничто великое в мире не совершается без страсти.

Георг Гегель

Искусство управления состоит в том, чтобы не позволять людям состариться в своей должности.

Общество без религии — как корабль без компаса. Без религии человек ходит во тьме.

Военных сил недостаточно для защиты страны, между тем как страна, защищаемая народом, непобедима.

В России нет дорог – только направления. Рак – это Ватерлоо, вошедшее мне вовнутрь.

Наполеон Бонапарт

Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы.

Сердце горит от того, что не гореть оно не может.

Пушкин

Как великий художник, природа умеет и с небольшими средствами достигать великих эффектов.

Женщины творят историю, а история запоминает имена мужчин.

Генрих Гейне

Будьте тем, кто Вы есть.

Ницше

Наука открыла за видимым пределом целые миры невидимых подробностей.

А. Герцен

Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

Маркс

Композитор не тот, кто может писать, а тот, кто не может не писать.

Чайковский

Умом Россию не понять,... в Россию
можно только верить.

Ф. Тютчев

Движение пальцев на фортепьяно – это
движение души.

А. Рубинштейн

Плохой учитель преподносит истину, хоро-
ший учит её находить.

Ф. Дистервег

Спорьте, заблуждайтесь, ошибайтесь, но,
ради бога, размышляйте.

Г. Лессинг

Закон идеала – быть счастливым счастьем
других.

Н.И. Пирогов

Быть живым, только быть живым до конца.

Мгновенье длился этот миг,
Но он и вечность бы затмил.

Б. Пастернак

Прежде писали писатели и читали чита-
тели, сейчас пишут читатели и не читает
никто.

Женщины вдохновляют на большие дела,
но всегда мешают их творить.

Ни одно доброе дело не остается безна-
казанным.

Оскар Уайльд

Злу, коварству меры нет.

Всё свершившееся – нужно принять без
страхов и сомнений.

Сотри случайные следы, и ты увидишь –
жизнь прекрасна.

И вечный бой! Покой нам только снится.

Бесчеловечно общество, где может погиб-
нуть красота. Красота, любовь – ценности
непреходящие, и они достойны преклонения.

Раньше смерти не умирают.

Александр Блок

Правда не в правде, а в силе слова.

Чужая глупость никогда не уменьшит твою.

Умение лгать – одна из немногих вещей,
которая отличает человека от животных.

Я не знаю, что такое правота – и я в этом прав.

Умберто Эко

Манеры хороши, когда нет манерности.

Имейте совесть на случай угрызения.

Л. Леонидов

Бог и вождь должны быть тайной за семью
печатами, иначе человечество уничтожит
самое себя.

Свободные люди не ищут правду, а утвер-
ждают себя.

Юлиан Семенов

Здравый смысл – это тот пласт предрас-
судков, который мы накапливаем до
шестнадцати лет.

Альберт Эйнштейн

Всякая слабость, даже призрак слабости
отпугивает людей, они бессознательно
сторонятся неудачников, избегают их,
словно опасаясь заразы.

Теодор Драйзер

Низкие люди стремятся к высокому поло-
жению.

Чарли Чаплин

Чем больше изучаю людей, тем больше их
презираю.

Фрейд

Черт превращается в труп при недоверии.

Вайнер

Глаза, вы видали так много прекрасных
мгновений... Скажите, что краше всего? –
Шаг вперед – без сомненья.

Расул Гамзатов

Самое большое достоинство хорошо
выполненной работы в том, что она откры-

ваает путь другой, еще лучшей работе...
Цель научно-исследовательской работы –
продвижение не ученого, а науки.

А. Лоуэлл

Будущее всегда зависит от прошедшего:
это следствие уже положенных оснований,
жатва того, что было посеяно прежде,
воздаяние за дела прошедшие.

Н. Добролюбов

Чистая математика – это такой предмет,
где мы не знаем, о чем мы говорим, и не
знаем, истинно ли то, что мы говорим.

Бертран Рассел

О, мир невидимый – тебя узрим.
О, мир неведомый – тебя узнаем.
Непостижимое – тебя определим.

Фрэнсис Томпсон

Человек сейчас занимается такими
проблемами, что у него дух захватывает и
кружится голова. Однако пока вы не
почувствуете легкого головокружения, вам
не удастся понять их суть.

Нильс Бор

Что мы знаем о лисе? Ничего! И то не все.

Борис Заходер

Надо видеть мир таким, какой он есть, и
делать его таким, каким он должен быть.

Даниил Гранин

Чтобы переварить знания, надо поглощать
их с аппетитом.

Анатоль Франс

Проблемы заболевания являются боеле
сложными и трудными, чем любые другие,
которые приходится решать тренирован-
ному уму.

В. Ослер

Думайте, думайте: если вы не при-
выкните думать и не сделаете живой

организм и весь ход жизни предметом
настойчивого и страстного думания, от
всей вашей дальнейшей деятельности
останется только ремесло и оно вас
разочарует и приведет к отчаянию.

Я утверждаю абсолютное, непререкае-
мое право естественной научной мысли
проникать всюду и до тех пор, где и покуда
она может проявлять свою помощь. А кто
знает, где кончается эта возможность?

И. Павлов

Мы спорили о смысле красоты
И он спросил с наивностью младенца:
«Я за искусство левое, а ты?»
«И я за левое, но не левее сердца!»

Вас. Федоров

Лишь тот познает жизнь, кто проникает в
ее глубины.

Стефан Цвейг

Познание болезни есть уже половина ле-
чения.

М. Мудров

Парадокс: чем меньше знаешь, тем боль-
ше знаешь, что сказать.

Л. Сухоруков

Мир в наши дни так быстро движется
вперед, что не успевает человек заявить о
невозможности решения какой-либо зада-
чи, как его перебивает другой, уже решив-
ший её.

Элберт Хаббард

Ни одно из ваших желаний не останется
неисполненным, если мы проникнем
достаточно глубоко в фундамент жизни.

А. Сент-Дьерди

Чему-нибудь да научила
Детей своих природа-мать:
Кто ничего создать не может,
Умеет тот критиковать.

Д.Р. Лоуэлл

Я видела, как голубь шел по льду.
Он падал и скользил, и злился от бессилья.
А было все легко, он просто позабыл,
Что у него есть воздух, небо, крылья!

Галина Новицкая

Когда они качались рядом с другими на
дне беспомощной лодки,
Мне вдруг померещилось, будто бы буря,
и ночь, и я стали единым целым
И что мы выживаем, ибо в нашем лице
выживает само Мироздание.

Рауль Сурица

Нет предела развитию человечества и
никогда человечество не скажет себе:
«Стой, довольно, больше идти некуда».

Виссарион Белинский

Объективное отношение врача к самому
себе составляет самое лучшее условие
его дальнейшего развития и его душев-
ного спокойствия в тех, поистине тяжелых
обстоятельствах жизни, в которых нередко
приходится ему действовать.

С.П. Боткин

Твой ум уклончивый ведет тебя в обход,
Ища проторенных тропинок,
Но ты вступи с ним в поединок,
Дать радость может только взлет.

Эмиль Верхарн

Чем меньше мы думаем, тем меньше
понимаем,
Чем больше мы думаем, тем больше не
понимаем.

В. Матцен

Каждый человек должен уметь быть сча-
стливым, чувствовать себя счастливым.

Евг. Евтушенко

Я вновь жива и вновь должник.

Бела Ахмадулина

Проявлять власть – умные люди не любят.

Рихтер

Смех убивает зарождающуюся страсть.

Стендаль

Дарить подарки приятнее, чем получать.

А. Полярный

Каждый человек есть художник своей
собственной жизни, черпающий силу и
вдохновения в себе самом.

М. Булгаков

Ничто так не укорачивает жизнь, как
постоянные жалобы на неё.

А. Тарасов

Теперь начинаю понимать, как надо лю-
бить, прощать, прощаться.

Ольга Берггольц

Я люблю, а значит я живу.

Владимир Высоцкий

Лучше уходить на два года раньше, чем на
5 минут позже.

Юрий Никулин

Репутация людей прошлого зависит куда
больше от благосклонности и одаренности
их биографов, чем от их собственных
достоинств или недостатков.

Жискар Дэстен

Наилучшими чертами характера являются
пламенное сердце и возвышенный дух.

Джибран Халил Джибран

Помнить о тщетности всего на этом свете,
познать зло этого мира – это уже один шаг
к счастью.

Ингмар Бергман

Наблюдения показывают, что люди, проявляющие слабость в жизни, оказываются слабыми и в работе
Люди не ценят вещь, если они за нее не платят.

Человек не знает себя, что он не существует, то есть он не то, чем может и должен быть

Г. Гурджиев

НАРОДНЫЕ МУДРОСТИ

Свобода – только то, что никогда
Ничьей свободе не несет вреда.

Не может быть позорней униженья,
Чем недруга просить об одолженье.

Каково твое деянье – Таково и воздаянье.

Коль есть враги, чтобы осилить их,
Ты дружбу береги друзей своих.

Того из нас, кто делает всегда
Лишь то, что сам он делать хочет,
Быстрее прочих понесут туда,
Куда он сам идти не хочет.

Если на пути сойдутся двое,
И один дурен, хорош другой,
То хороший переймет плохое
Раньше, чем хорошее плохой.

Посудина всегда гремит шумней,
Коль содержимого немного в ней.

Ложь – униженье. Правда – спасенье.

Лучше сотня бранных слов мудреца,
Чем богатых сто даров - от глупца.

Если нету сил с врагом в бою сражаться,
Лучше на глаза ему не попадаться.

Страшна болезнь, что глупостью зовется,
Её лечить и лекарь не берет.

На умного врага издали взирай
И друга-дурака к себе не приближай.

Полезнее несказанное слово,
Чем с разумом не связанное слово.

Враги обычно у людей
Бывают трех родов:
Враги свои, враги друзей,
Друзья врагов.

Чтоб собеседник нашу мысль постиг,
Нужней нам сердце, нежели язык.

Даже если враг меньше комара,
Ты считай, что враг больше, чем гора.

Позорней нет предательства такого,
Как слово дать и взять обратно слово.

Ты не только друга огорчил,
Этим и врага ты наградил.

Коль много шутишь ты – беда тебе,
мудрец:
У шутников почти всегда - плохой конец.

Порой, чем друг дурак,
Уж лучше умный враг.

Не стань соловьем, который бывает
В восторге от песен своих.

Если этот мир необходим,
Заклучи его с врагом своим.

Кто рисковать страшится,
Тем славы не добиться.

Что громко лаешь ты, дворняжка?
Боюсь! - ответила бедняжка.

От трусости отвага – на расстоянье шага.

Избирают путь войны
Только те, что неумны.

Печальна участь человека злого:
Он пленник нрава своего дурного.

Коль в основанье здания – терпенье,
Не угрожает зданию разрушенье.

У каждого явленья есть примета!
Для разума – терпение примета!

Злой человек – что скорпион: Смотри,
укусит вмиг.
Не по нужде кусает он, А так уж он привык.

Самовосхваленье и надменность людей
Подтверждают лишь несовершенство
людей.

Кто самый сильный из людей?
Тот, кто сильней своих страстей!

Невесту вы хотите выбирать,
Так поглядите: хороша ли мать?

Жена достойная, хоть и лицом дурна,
Милей, чем вздорная красавица жена.

Всегда особенно ценна бывает внешность той,
Чья красота озарена душевной красотой.

Поет ворона вороненку: «Мой беленький».
Ежиха говорит ежонку: «Мой мягонький»

Ищем воду всюду и везде,
А прохладный ключ нередко рядом.
Ищем мы любовь бог знает где,
А прелестная соседка – рядом.

Нам вода любого родника,
Если неохота пить, - горька.

Не будь со всеми, женщина, нежна,
Ты завлекай того, кому нужна.

Будь молнией, которая сжигает,
А не свечой, которая сгорает.

Хотя старик согбен, как полукруг,
Не хорони его, в нем много сил.
Такой же гнутой формы крепкий лук,
А сколько стройных стрел он схоронил!

Как ни была б вершина высока,
Тропинка есть и к ней навверняка.

Коль можешь от своих щедрот,
Всех хлебом одари,
Но не у всех, кто хлеб дает,
Ты сам его бери.

В чьем рукаве сидит змея, тому
Быть следует готовым ко всему.

Известно: если человек – дурак,
Совет ему – что дождь на солончак.

Осел из Мекки пришел, А все равно – он осел.

И друга и врага можно испытать в трех
обстоятельствах: в пути, в горе и в бо-
лезни.

Что нельзя вернуть?
Изреченное слово, пущенную стрелу и
прошедшую жизнь.

Приветливость – это золотой ключ, который открывает железные замки людских сердец.

Четыре черты человека приводят к четырем последствиям: упрямство – к позору; вспыльчивость – к раскаянию; злословие – к вражде; лень – к унижению.

Четыре черты говорят о совершенстве мужа: умение советоваться с другом, быть терпимым к врагу, умение гасить в себе пламя страсти и глотать горькие слова.

Трех преимуществ можно добиться тремя способами: от врага можно избавиться, завязав с ним дружбу; достичь цели можно терпением и лишь смирением можно завоевать любовь других людей.

Тот, кто упрекает друзей в пустяках, обретает врагов.

Тот, кто надеется, что друзья предпочтут его интересы своим, будет страдать.

Спросили мудрого Лукмана: Как зовется пламя, которое сжигает самого поджигателя? - Зависть, - ответил мудрец.

Спросили мудрого Лукмана: Что из горького в конце концов становится сладким? - Терпение, - ответил он.

Вечные ценности – истина, добро и красота.

Воздержание от самохотения – это культура.

Компромисс – это искусство.

Излишество всегда плохо – даже в доброте.

Он дал мне самый ценный подарок – урок из своей жизни.

Любовь, милосердие и жертвенность – самые хорошие качества в женщине.

Титулы и богатство преходяще – самое главное – беречь честь.

Для того щука в воде, чтобы карась не дремал.

Палка в руках – злая собака ненавидит, правда в словах – глупый человек ненавидит.

Злая мысль – на свою голову.

Не мни себя святым – не считай товарища глупцом.

Надо заслужить право на удачу.

Только в смерти видно, стоило ли этому человеку родиться.

Единственная сила, которая может всё погубить – это мы сами.

Парусный спорт – дворянство морей.

Лучше уж не иметь совсем ничего, чем не иметь собственного мнения.

Соль жизни в том, чтобы не сыпать её на чужие раны.

Искусство врачевания требует жертв, но почему-то только от больных.

Невозможно? – Никогда не говорите мне этого глупого слова.

Отказываться от излишеств – это признак аристократизма.

Надо уметь управлять собой – это и есть жизнь.

Надо уметь красиво стареть.

Чем крупнее артист, тем больше в нем непосредственности.

Но работа, как женщина, не простит предательства.

Страсть к работе – залог успеха.

Бедность равносильна бесталанности.

Испытание посылается сильным, чтобы проверить мужество и преданность истине.

Единственно, чего надо бояться – страха, который парализует силы.

Словоизвержение – это патологическое состояние духа.

Случай есть проявление закономерности.

Несправедливость обрушивается на тех, кто не заслуживает её.

В жизни надо не только выжить, но и победить.

Жить по принципу – игнорировать мелочи.

Умение вовремя перестраиваться – удел талантов.

Всё не так просто, всё еще проще.

Если ты идешь к цели, а судьба идет к тебе навстречу – это счастье.

Кто в состоянии одолеть высоту – никогда не стареет.

Самое хорошее средство от старости – это преодоление препятствий.

Во всех возрастах старость не – есть глаза потухшие и с искоркой.

Бескомпромиссные люди создавали страну.

Новизна – вся соль жизни, вся действительность.

Доброжелательность – сущность всяких разумных отношений.

Мало людей, которые могут увидеть, и еще меньше – увиденное воссоздать.

Камни, согретые человеческим взором, превращаются в золото.

За здоровье тех, кто является к нам, чтобы сделать нас лучше.

Женственность – женский дар, а в возрасте – дважды.

Одиночество? Я не знаю, что это такое. Во мне живут 20 разных людей, поди, управься с ними.

Хорошие отношения не выясняют, а плохие – не стоит выяснять.

Чем люди богаче, тем они гнуснее.

Для достижения успеха: любить свое дело и работать, работать, работать...

Самое страшное – одиночество среди людей.

Самый большой враг человека это лень, т.е. он сам.

Голубой цвет по Будде – символ покоя, мира и терпимости.

Неучи похожи на барабан, который производит большой шум благодаря своей пустоте.

Когда меня преследует зверь, я убегаю.

За хорошее надо заплатить.

Подави гнев – он опасен, потому что он направлен на других людей.

С возрастом гнев контролируется.

Найти силы внутреннего спокойствия.

Перспективы светлые, пути – извилистые.

Высший пилотаж – не властвовать, а подчиняться.

Никогда ни у кого не проси, особенно у сильных.

Если тебя не поймут тихо, тогда не поймут и громко.

Уныние – самое страшное из всех грехов.

Только дураки ни в чем не сомневаются.

Людей надо добротой лечить.

Идущий за малой добычей – с малой добычей возвращается.

Запомните хорошо одну старую истину: «Никогда и ни к чему не привязывайтесь и не позволяйте делать этого другим».

Встретив Вас, мне 100 раз хочется жить.

Не было счастья – несчастье помогло.

Чем больше людей разделяют мое счастье, тем больше оно становится, чем больше людей разделяют мое горе, тем меньше оно становится.

Слава одного мужчины возвышает всю фамилию, позор – позорит.

Надежда умирает последней.

Я думаю о хорошем, которое было в прошлом, если нет в настоящем.

Преврати твои невзгоды в праздники.

Чтобы уйти с добром, надо с добром прийти.

Да здравствует амплитуда – то падаешь, то летишь.

Низкоморальные люди заняты местью.

Пусть людям будет служить мысль самоуважения.

Позитивное желание помогает жить.

Одиночество – испытание, общение – спасение.

Одиночество страшно для глупых, слабых и больных.

Страсть, интеллект и собранность – это талант.

Трудности и препятствия – хорошие учителя.

Вор больше всех кричит – держи вора.

Если против тебя все – это означает, что ты самый сильный.

Чем сильнее вещи бросаются в глаза, тем они незаметнее.

Я живу настоящим днем – и это мой рецепт счастья. Я могу жить в гармонии.

Уметь обвинить себя, чувствовать счастливым.

Собой очень не доволен и поэтому счастлив.

У счастья нет будущего и нет прошедшего, у него есть настоящее, вернее мгновение.

Чингиз Хан – неграмотный человек, создавший великую империю.

Трудятся, когда трудно, а я работаю – это счастье, это хорошо.

От болтливых языков тонут корабли.

Политика – это поиск компромисса.

Каждый играет настолько хорошо, насколько позволяет соперник.

Нельзя жить слишком хорошо, надо себя лишать чего-либо.

Хороший собеседник тот, кто любит хорошо слушать.

Мудрый человек дорожит временем.

Есть индивиды, которые особо мыслят, часто к ним относятся с улыбкой, с иронией, это ошибка, их надо уважать, они часто гениальные люди.

Эволюционное движение и есть инволюционное движение!

Человек сам кузнец своего счастья, ничего случайного нет.

Скептицизм – вид проявления невежества.

Невежество уродует любую красоту.

Самый большой талант – увидеть достоинства людей.

И НЕМНОЖКО ДЛЯ СМЕХА . . .

ЛОРЕНС РАССЕЛ – РЕНТГЕНОГРАММА»

(шуточный стих)

Она тонка, стройна; её скелет
Из хрупких кальция соединений
Лучей катодных всепроникновенем
Воссоздан здесь. Рентгеновский портрет
Рисует гармоничность позвонков,
Стряхнувших эпидермиса покров.
И в дымке очертаний плоти слабой
Я вижу сердца трепетный овал:
Твою улыбку взор дорисовал,
И я шепчу: «Любимая, я раб твой.
О, жемчуг рта! О, полутеней гамма!
Любовь и страсть моя, рентгенограмма»

Теперь дураком никого не называют –
дураком называют человека с гуманитар-
ным складом ума.

80-летнему присудили 15 лет лишения
свободы, ответ: большое спасибо за
доверие.

Если отношения портятся – их надо
законсервировать.

Когда *Рейгана* спросили, как вы
собираетесь быть президентом, он
ответил – «я в жизни сыграл много ролей,
надеюсь, сыграю и эту».

Трое мальчиков спасли тонувшего
президента Клинтона. Мальчики сказали о
своих мечтах, один из них попросил места
на кладбище, почему – спросил Клинтон,
потому – ответил мальчик, если я скажу
отцу, что я спас президента – он убьет
меня.

У *Бернарда Шоу* спросили: «Как надо
писать, чтобы стать писателем?» –
«Слева направо».

На вопрос: «как сочиняете музыку, и как
исполняете» - *Бах* ответил: «Очень
просто, надо знать только, на какие
клавиши и когда надо нажимать».

К знаменитому терапевту *Сиденгаму*
обратился медик с просьбой посоветовать,
какие книги читать, чтобы стать хорошим
врачом. – Читайте, мой друг, «Дон Кихота»
Сервантеса – это прекрасная книга,
которую я сам часто перечитываю.
Знаете ли вы, откуда происходит слово
замужество? – За мужество.
Наука есть лучший современный способ
удовлетворения любопытства отдельных
лиц за счет государства.

Л.А. Арцимович

Математика – единственный совершенный
метод, позволяющий провести самого
себя за нос.

Альберт Эйнштейн

Алкоголь враг человека, но ведь Библия
учит – возлюби врага своего!

Фрэнк Синатра

Ваша идея, конечно, безумна. Весь вопрос
в том, достаточно ли она безумна, чтобы
оказаться верной.

Нильс Бор

Правда, что вы больше не играете? -
Играю, играю гончара – *Жан Маре*. (Он в
75 лет стал скульптором).

Начинающий исследователь маститому
ученому: «Говорят, что гениальность – это
тоже болезнь?» – «Возможно, но вам не
стоит бояться. Вы абсолютно здоровы».
Во Франции Билу Гейтсу был присвоен
дворянский титул. Теперь его полное имя
– де Бил Гейтс!

Если бы люди говорили только то, что
знают, боже, какая была бы тишина.

Чехов

Владыко дней моих! Дух праздности
унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешения,
Да брат мой от меня не примет осуждения,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Пушкин

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой.
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
Все мерзостно, что вижу я вокруг,
Но жаль тебя оставить, милый друг!

Шекспир

Живые борются! А живы только те,
Чьё сердце предано возвышенной мечте,
Кто, цель прекрасную поставив пред собою,
К вершинам доблести идут крутой тропой
И, точно факел свой, в грядущее несут
Великую любовь или священный труд...

Виктор Гюго

Страна лесов и горных рек,
Мне дорога твоя природа,
Хотя я русский человек,
Я сын грузинского народа.

Сергей Михалков

Когда моя жизнь, дорогая,
Придет к своему рубежу,
Три слова тебе, дорогая,
Я в час мой последний скажу.
То слово... Хватило бы силы
Мне вымолвить тихо его...
«За все, дорогая, спасибо» -

Сказал бы я прежде всего.
Смогу ли я слово второе,
Успею ли произнести?
Глаза я устало прикрою:
«За все, дорогая, прости».
И третье я вымолвлю слово,
Своей покоряясь судьбе:
«О будь, дорогая, здорова,
Здоровья желаю тебе».
А если судьба милосердно
Сказать мне дозволит еще,
Я те же три слова усердно
Опять повторю горячо:
О, только хватило бы силы
Их явственно произнести!
За все, дорогая, спасибо...
Здоровья тебе... и – прости.

Расул Гамзатов

Когда сольются сердце, дух и разум –
В тебе проснется истинное «я»...

Но дух и ум должны встречаться в сердце.
Гордыня, страх, отчаянье, смятенье
Тогда не смогут нас поработить.

Старайся через сердце все услышать
И всё узреть. Тогда прозреешь всё.

Коль ты стучишься, то тебе откроют.

Дерзай увидеть и дерзай услышать,
Забыв о завихрениях своих.

Не осуждай, дабы правдивым стать.

Уйди от слов свободно и легко,
Тогда придет единственное «Слово».

Мысль остановишь – время остановишь.

Нужны усилья, чтобы вспомнить, кто ты,
Чтоб лик свой истинный в тумане различить.

Дух творчества насилия не терпит.
Он воплощенье радости самой,

А радость там, где царствует свобода.
Лишь в радости доступен людям свет.

Жизнь в сочетании с творчеством
Есть радость,
Жизнь без горения творческого – скорбь.

Земная аналогия – Гора,
Туда восходишь и оттуда сходишь.
Путь восхождения труден. Нисхождение
Еще опасней и еще трудней.

Зависит всё, буквально всё в тебе
От устремленья. Если устремлен –
Завесу тайны ты поднять сумеешь.

Над бездной вознесенный, посмотри
в последний раз на бездну под тобою.

Не результаты дел должны тебя
Пугать или радовать, а состояние духа,
Который испытание проходит,
Который должен с честью их пройти.

Но только больше радости, мой сын,
Как можно больше радости душевной.

Быть посвященным – значит полюбить.
И всё откроется. Любовь – познание сердцем.

Преображение и познание – рядом.
Они неотделимы. Познавая,
Преобразует человек себя.

Не в блеске молний, грохотанье неба
Идет преобразование людей,
А в повседневной, будничной работе,
Работе и в общении с людьми.

Ты не о смерти думай, а о Жизни.
Дабы твой дух воистину воскрес.

Твоя духовность, одухотворенность,
Должна основой мироздания стать.

**Стихотворные медитации
Валентина Сидорова – «Путь»**

РАЗНОЕ...

Законы кармы

Не знать о карме – также не освобождает от ответственности.

Смирение – обеспечит хорошую карму.

Ребенок должен родиться с хорошей кармой, это зависит от родителей.

Мысль энергия, а энергия не исчезает.

Люди скатываются на сиюминутность бытия, и не знают, что жизнь вечная.

Если я имею богатства, а не имею любовь, я ничего не имею.

Если вы верите в себя, все у вас получится. Детей надо обучать оптимизму.

Если иметь веру, но не иметь любви, я ничто. Любовь без веры невозможна, вера без
любви не приемлема.

Все возможно для тех, кто верит, но все легче возможно, кто верит и любит.

Умение терпеть и нести в жизни свой крест – это важно в жизни.

8 качеств лидера:

1. Мечта – это делает жизнь, только человек может разрушить, только мы.
2. Общение – при этом важно слушать, излечить чью-либо рану.
3. Честность, никаких подводных течений.
4. Энтузиазм – незапланированный поступок. Только честные люди могут быть энтузиастами. Постоянно держать свой инструмент настроенным. Постоянно мы должны быть энтузиастами.
5. Учитесь отдавать. Коалициями должны быть заменены конфликты.
6. Уединение, когда мы с самим собой, мы думаем, мы чувствуем, мы молимся, приходят новые мысли, это Бог, это дух.
7. Вдохновение полно жизни, полно энергии, вселяет другим оптимизм.
8. Чувство юмора = учитесь смеяться над самим собой.

Чтобы люди восприняли Вас:

1. Не надо чувствовать в обществе лучше или хуже;
2. Не надо спешить и суетиться, надо быть спокойным и уверенным»

Прощение, уровни прощения:

1. Не обращать внимания; не услышать;
2. Без слов уйти от зла;
3. Протянуть руку обидчику;
4. Когда прощаем что-либо, никогда об этом не вспоминать;
5. Подтверждение причиненного зла;
6. Не только подтверждение, а восстановление тех отношений, которые были; это наивысшее прощение; прощение наступает лишь тогда, когда наступает покаяние.

Покаяние обязательно так же, как и прощение.

Не прощает тот, кто не покается.

Сила Духа

Благодарю Бога за то, что он вселил в меня веру. В её присутствии ощущение чистоты и одухотворенности.

Всё благоприятствует тем, кто верит в бога.

Если вы приняли бога, будьте открытыми, любовь придет к вам, если вы бога объявите своим господином.

Я прощаю тебе твои грехи, говорит господь. Он знает нас, и наше будущее и прошлое.

Господь поведет туда, куда надо следовать.

Даруй мне покой, даруй мне смелость, даруй мне способность выдержать эти испытания.

Почему мы поступаем не так, как требуется – не хватает веры.

У христиан не должен быть страх и отчаяние, иначе он не христианин.

Вы всё можете, начинайте с веры, поддержат Вас надежда и любовь.

Люди верующие пойдут на все дела. Надо верить в себя.

Я дарю Вам самый хороший подарок – надежду и любовь – это не я дарю, я дарю от имени Иисуса Христа.

Жизнь коротка, надо его использовать, каждую минуту, это всевышний оценит.

Человек религиозен, потому что он духовен.

Цель человечества: то, что бог в вас заложит, надо отдать.

Прекратите осуждать себя, верьте в себя. Но с помощью бога.

Бог не судит. Возможно стать прекрасным и сильным и бог за это.

Бог не судит мир, а спасает мир.

Бог послал человека, чтобы мир был спасен через него.

Везде ставим крест, чтобы вспомнить, как был казнен Христос.

Не надо творить добро, надо быть добрым человеком.

Трудные времена проходят, и сильные духом остаются.

Сила воли и присутствие духа и разума – нужны для творческой победы.

Возраста нет – есть состояние духа и здоровья.

Никогда не превращайте проблему в препятствие.

Работайте усердно, с любовью – это все преодолееет.

Анатолий Мартынов – физик

МАТЬ ТЕРЕЗА

– Как вы относитесь к поклонению? – ответ – никак. Это говорит женщина, которая встречалась с президентами, другими известными людьми и оставила наибольшее впечатление.

– Я знаю, как часто люди бывают разобщены в счастье и как они бегут друг от друга даже в страдании. Не навсегда ли покидает человека милосердие? – Да, к сожалению.

– Добро рождается в страдании.

– Достаточно лишь взять другого человека за руку, чтобы ему прибавилось сил. Для многих это трудно.

– Это много – взять за руку, посидеть, поговорить с человеком.

– Страшно, когда не к кому обратиться с единственной просьбой: выслушай меня.

– Рука, держащая твою ладонь, не должна ослабевать.

– Милосердие начинается в собственном доме.

– Люди смотрят на одно и то же. Но видят разное.

– Эпидемия синдрома утраты. Это массовая депрессия, самоубийства, отчаянные поступки, вспышка наркомании, алкоголизма.

– Итак, сделай так, чтобы любовью и заботой были окружены все твои близкие.

– Надо иметь чистое сердце.

– Надо молиться, сначала выучи хотя бы «Отче наш».

ВСЕ НА ЗЕМЛЕ,
КРОМЕ ДОБРЫХ ДЕЯНИЙ НА БЛАГО ЛЮДЕЙ,
– НЕ НАВЕЧНО.

ХАФИЗ ШИРАЗИ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от автора и редактора	3
Из Нового Завета отца нашего Иисуса Христа	7

ГЛАВА I. (1-4) КНИГИ ИЗ «ЗОЛОТОГО ФОНДА»

1. С. СМАЙЛС – ХАРАКТЕР. УМ И ЭНЕРГИЯ	10
2. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ГАСТОНА БУАЧИДЗЕ	60
ОБ ОДНОМ ИНТЕРВЬЮ	60
ПУБЛИКАЦИИ Г. С. БУАЧИДЗЕ	66
3. НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА	
СВЕТЛАНЫ САБУЦКОЙ-БУАЧИДЗЕ	68
а) СУПРА ИЛИ СКАТЕРТЬ–ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА	68
б) СТРАНСТВИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ПИРОСМАНИ	115
в) СЛЁЗЫ РУСТАВЕЛИ	177
4. КИТА БУАЧИДЗЕ – ТАКОЕ ДЛИННОЕ, ДЛИННОЕ ПИСЬМО ВИКТОРУ АСТАФЬЕВУ И ДРУГИЕ ПОСЛАНИЯ С КАРТИНКАМИ В ЧЕРНО-БЕЛОМ ЦВЕТЕ	181

ГЛАВА II. (1-16) ЦИКЛ – ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

1. ГЖЕГОЖ ФЕДОРОВСКИЙ – ГИППОКРАТ (460-377 до н. э.)	354
2. ГЖЕГОЖ ФЕДОРОВСКИЙ – АВИЦЕННА (ИБН-СИНА) (980-1037)	355
3. ГАЛИНА КУШНЕРОВСКАЯ – ТИТАН: МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ	356
4. РОМЕН РОЛЛАН – ГЁТЕ	358
5. ЛЕВ ТОЛСТОЙ – ИСПОВЕДЬ	359
6. ВЛАДИМИР НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО – ИЗ ПРОШЛОГО	360
7. А. М. ГОРЬКИЙ – КАК Я УЧИЛСЯ	363
8. ДАНИИЛ ГРАНИН – ЗУБР	363
9. К. ЗЕЛИГ – АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН	366
10. ИРВИНГ СТОУН – МОРЯК В СЕДЛЕ	370
11. ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО – ЯГОДНЫЕ МЕСТА	378
12. ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ – ГРУСТНОЕ ЛИЦО КОМЕДИИ	384
13. БЕССМЕРТНЫЙ УЧЁНЫЙ – ЛЕВАН ИОСИФОВИЧ ЧАРКВИАНИ (1923-2008)	387

14.	В. Ф. ХОДАСЕВИЧ – НЕКРОПОЛЬ. ВОСПОМИНАНИЯ	391
15.	БЕЗПРЕЦЕДЕНТНЫЙ РЕФОРМАТОР – ФРИДОН ТОДУА (1944 – 2017)	399
16.	ДЕЙЛ КАРНЕГИ – ОСНОВАТЕЛЬ АМЕРИКАНСКОЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА	402

ЛИТЕРАТУРА ПОСВЯЩЕННАЯ СТАЛИНУ

17.	ИВАН СТАДНЮК – ВОЙНА	403
18.	АЛЕКСАНДР ЧАКОВСКИЙ – НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ	405
19.	КОНСТАНТИН СИМОНОВ – ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ	411
20.	ВИДНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ О ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА	416

ГЛАВА III. (1-6) КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ И РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1.	ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ – ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ	424
2.	ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ – У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ	426
3.	ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ – ФАВОРИТ	429
4.	ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА – ЗАПИСКИ (1743-1810 ГГ.)	431
5.	ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ – ЖИЗНЬ ДВЕНАДЦАТИ ЦЕЗАРЕЙ	436

ГЛАВА IV. (1-6) ОТ ПСИХОЛОГИИ И ТЕОЛОГИИ ДО ПОТУСТОРОННЕЙ ЖИЗНИ

1.	ПЕТР УСПЕНСКИЙ – В ПОИСКАХ ЧУДЕСНОГО	444
2.	ДЭН БРАУН – КОД ДА ВИНЧИ	465
3.	ДЭН БРАУН – АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ	474
4.	Е. ВАЛОДИС – КОСМОСОФИЯ	478
5.	М. В. ЛОДЫЖЕНСКИЙ – СВЕРХСОЗНАНИЕ И ПУТИ К ЕГО ДОСТИЖЕНИЮ. ИНДУССКАЯ РАДЖА-ЙОГА И ХРИСТИАНСКОЕ ПОДВИЖНИЧЕСТВО	485
6.	АЛЛАН КАРДЕК – ОСНОВЫ СПИРИТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ	492

ГЛАВА V. (1-55) ОСТАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1.	ВЕРГИЛИЙ – КОМАР	497
2.	ГЕТЕ – ФАУСТ	497
3.	М. ЛЕРМОНТОВ – ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	498
4.	БАЛЬЗАК – СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ	498
5.	ЭМИЛЬ ЗОЛЯ – ДАМСКОЕ СЧАСТЬЕ	499
6.	ЖОРЖ САНД – КОНСУЭЛО	500

7.	ДЖОН ГОЛСУОРСИ – САГА О ФОРСАЙТАХ	502
8.	ДЕБЭ А. – БРАК И БЕЗБРАЧИЕ	503
9.	ГЕРТРУДА АТЕРТОН – В НОВОМ СВЕТЕ	504
10.	ГОРЕЙС ВЭЧЕЛ – ДОРОТИ ФЕРФАКС И ЕЁ СЫН	508
11.	БЕРНГАРД КЕЛЛЕРМАН – ТУННЕЛЬ	510
12.	ИЛЬФ И ПЕТРОВ – ОДНОЭТАЖНАЯ АМЕРИКА	511
13.	ТЕОДОР ДРАЙЗЕР – ДЖЕННИ ГЕРХАРДТ	512
14.	ТЕОДОР ДРАЙЗЕР – АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ	513
15.	ТЕОДОР ДРАЙЗЕР – ТИТАН	513
16.	ШАРЛОТТА БРОНТЕ – ДЖЕН ЭЙР	514
17.	ОСКАР УАЙЛЬД – ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ	515
18.	ИОСИФ ФРЕЙЛИХМАН – ЩУПАЛЬЦА СПРУТА	516
19.	МАРТИНА МОНО – ОБЛАКО. РОМ КОРОЛЕВЫ	516
20.	МАРТИ ЛАРНИ – ГОСПОЖА СОВЕТНИЦА	519
21.	АРАГОН – ОРЕЛЬЕН	523
22.	ТАКЭО АРИСИМА – ЖЕНЩИНА	527
23.	ИВАН ЕФРЕМОВ – ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ	529
24.	ФЕРЕНЦ МОРА – ЗОЛОТОЙ САРКОФАГ	538
25.	ЭРВЕ БАЗЕН – СЕМЬЯ РЕЗО	538
26.	О. ШТЕЙГЕР – ПОРТРЕТ УВАЖАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА	541
27.	МИХАИЛ БУЛГАКОВ – МАСТЕР И МАРГАРИТА	543
28.	ИРВИН ШОУ – ВЕЧЕР В ВИЗАНТИИ	543
29.	ДИМФНА КЬЮСАК – ЧЁРНАЯ МОЛНИЯ	544
30.	АЛЕКСАНДР КРОН – БЕССОННИЦА	547
31.	МЕША СЕЛИМОВИЧ – ДЕРВИШ И СМЕРТЬ	554
32.	ДЖОЗЕФ ХЕЛЛЕР – ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ	556
33.	А. МУЛЯРЧИК – РЕЦЕНЗИЯ К РОМАНУ ХЕЛЛЕРА «ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ» ..	558
34.	КОЛИН МАККАЛОУ – ПОЮЩИЕ В ТЕРНОВНИКЕ	559
35.	ПАВЕЛ ВЕЖИНОВ – ИЗМЕРЕНИЯ	561
36.	ПАВЕЛ ВЕЖИНОВ – БЕЛЫЙ ЯЩЕР	562
37.	ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ – ПРОСНИСЬ В ФАМАГУСТЕ	563
38.	ЮЛИАН СЕМЕНОВ – ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ	564
39.	СТИВЕН КИНГ – МЕРТВАЯ ЗОНА	568
40.	ВАЛЕНТИН РАСПУТИН – ПОЖАР	569
41.	ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ – ПЛАХА. Выступление Ч.Айтматова по телевидению ..	570
42.	АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ – ДЕТИ АРБАТА	572

43. ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ – ПРАВО НА ЛЮБОВЬ	580
44. М. ШАТРОВ – ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ	580
45. АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ – ИСПОВЕДЬ СЫНА ВЕКА	582
46. ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ – ОСТРОВ КРЫМ	584
47. ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ – КАМО ГРЯДЕШИ	586
48. НИНА БЕРБЕРОВА – ЖЕЛЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА	588
49. ДЖ. БРЭЙН – ПУТЬ НАВЕРХ. ЖИЗНЬ НАВЕРХУ	592
50. АЙРИС МЕРДОК – ДИКАЯ РОЗА	593
51. ДЖЕЙ ДЕЙС – КРУПНАЯ ИГРА	595
52. МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ – УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ	595
53. АЛЕКСАНДРА РИПЛЕЙ – СКАРЛЕТТ	604
54. ДЖУЛИЯ ХИЛПАТРИК – РЕТТ БАТЛЕР	606
55. ФИНИС ФАРР – МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ И ЕЁ «УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ»	612

**ГЛАВА VI. ОБ ОДНОМ ПРОСТОМ И ДОСТУПНОМ МЕТОДЕ ЛЕЧЕНИЯ
РЯДА ЗАБОЛЕВАНИЙ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ЛЕЧЕБНЫМ ЭФЕКТОМ.**

Ф. ХАУСТОН – АКУПУНКТУРА БЕЗ ИГОЛОК	613
--	------------

ГЛАВА VII. АФОРИЗМЫ И ФРАЗЫ

Мать Тереза	719
-------------------	-----

ТИНАТИН БАРАМИДЗЕ – онколог-радиолог, доктор медицинских наук, профессор, действительный член Академий Экологических Наук и Военно-медицинской Академий Грузии, общественный деятель, член Союза писателей Грузии.

Родилась 4 октября 1929 г. в Тбилиси; школу окончила с золотой медалью (1947 г.), ТГМУ (1953 г.), прошла специализацию по медрадиологии в Московском государственном университете усовершенствования врачей (1956 г.), затем аспирантуру в университете усовершенствования врачей Грузии (1960 г.). Кандидатскую диссертацию защитила в 1963 году, а докторскую в 1973 году.

Работала: руководителем Отдела радиоизотопной диагностики Онкологического научного центра (ОНЦ) им. А. Р. Гвамичава Минздрава Грузии (1960-2000 гг.); в Диагностическом научном центре АН Грузии им. Ф. Тодуа консультантом и ученым секретарем Диссертационного Ученого Совета (1993-2010 гг.).

Автор 130 научных трудов; новшеств – математических разработок с целью оптимизации времени исследования, определения глубины залегания меланомы кожи, новых методик по радиоизотопной диагностике злокачественных новообразований.

Являлась консультантом или руководителем 5 докторских и 14 кандидатских диссертаций. Принимала участие в организации научных форумов, входила в Оргкомитет, председательствовала на заседаниях, в том числе международных форумов. Была членом правления Ассоциации радиологов Грузии, председателем Проблемной комиссии при Ученом Совете ОНЦ и членом внутриведомственной комиссии при Совете Министров по радиационному загрязнению территории и атмосферы Грузии, членом правления Общества Дружбы Грузии с зарубежными странами («Грузия – Румыния»), членом Координационной комиссии ученых экспертов Тбилисского гос. мед. университета. Состояла членом редколлегии журнала «Вестник военно-медицинской Академии Грузии», Сборника научных трудов ОНЦ Грузии.

Тинатин Барамидзе – автор 25 опубликованных публицистических и художественных статей. Автор книг: 1. «Моя не – обыкновенная автобиография», «Некери», 2021 г.; 2. «Наподобие Энциклопедии Мудрости», «Некери», 2022 г.

Составитель и издатель книг популярного писателя-публициста и драматурга Киты Бачидзе: 1. Записи врага народа в течение полувека (1929-1979 гг.), «Сезан», 2003 г.; 2. «Избранные сочинения», «Писатели Грузии», 2009 г.; 3. «Сборник публицистических писем», «Универсал», 2013 г.

Тинатин Барамидзе внесена в «Медицинский календарь Грузии» (2006г.), в книги: 1) «100 грузинских женщин», 2003 г., т. I; 2) «Бессмертие портрета», 2007 г., т. III.

За личный вклад в здравоохранение Грузии награждена «Орденом Чести» (2000 г.). За плодотворную общественную работу Союзом писателей Грузии награждена специальным дипломом им. Царицы Тамары» (2019 г.).

ISBN 978-9941-501-13-5

9 789941 501135